This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav. 176.25

Bd. April, 1892.

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

1 Dec. 1891 – 5 Jan. 1892.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 11-я.

Пол.
НОЯБРЬ, 1891.

ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 11-я. — НОЯБРЬ, 1891.

Стр.

I.—АРТИСТКА.—Романъ въ 4-хъ частяхъ.—Часть четвертая.—XI-XXII. — **Мар. Крестовской** . . . . . [illegible]

II.—ДОЛГОЛѢТІЕ ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ И ЛЮДЕЙ.—IX. — Окончаніе.— **Ив. Р. Тарханова** 60

III.—ПОЛУНОЩНИКИ.—Пейзажъ и жанръ.—I-VI.—**Н. С. Лѣскова** 92

IV.—МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.—XIII-XV.—**Ѳ. И. Буслаева** 138

V.—РАННЯЯ ВЕСНА.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 163

VI.—УЧИТЕЛИ БОККАЧЧІО.—Очеркъ.—**Александра Веселовскаго** 167

VII.—ОПЕКУНЪ.—Романъ Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—I-III.—**А. Э.** 185

VIII.—КАЗНА И ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО.—I-XI.—**В. К. Петерсена** . . . 236

IX.—НОВАЯ КНИГА О БОЛГАРІИ.—Das Fürstenthum Bulgarien, von Dr. C. Jireček.—**А. Н. Пыпина** 287

X.—ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.—Толковый тарифъ, Д. Менделѣева.—I.—**Л. З. Слонимскаго** 330

XI.—НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.—Стих. **Владиміра Соловьева** 351

XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Настоящее положеніе вопроса о помощи голодающимъ.—Новый способъ защиты тѣлесныхъ наказаній.—Нѣчто объ обязательной силѣ закона.—Камера земскаго начальника.—Исправникъ и крестьянскія власти.—Отвѣтъ г. „Старому предводителю“ и г. Н. Александрову 353

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Иностранная печать о Россіи и русскихъ.—Новые хвалители идей князя Бисмарка.—Положеніе дѣлъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ.—Защита австрійскихъ славянъ въ сочиненіи русскаго автора.—Оригинальный „греческій проектъ“.—Интересы грековъ и болгаръ въ Македоніи.—Трудъ г. Бендерева.—Посланіе болгарскихъ эмигрантовъ къ г. Стамбулову.—Смерть Парнелля 379

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—С. Т. Аксаковъ, В. Острогорскаго.—Сибирская Библіографія, т. II, В. И. Межова.—Киргизы Букеевской орды, А. Харузина.—Отчетъ Имп. Спб. Публ. Библіотеки.—Сочиненія В. П. Боткина, т. I: Путешествія; т. II: Статьи по литературѣ.—Очерки жизни населенія В. Сибири, Н. Астырева.—**А. В.**—Новыя книги и брошюры 395

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Die Staatsromane, von Dr. Fr. Kleinwächter.—II. Bulgarische Politik, von ***.—**Л. С.** 411

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей.—Обстоятельства, затрудняющія правильную организацію помощи.—Нѣчто о „лѣности грубаго простонародья“.—Новые слухи о мѣрахъ противъ штунды.—Перемѣна въ настроеніи приверженцевъ церковно-приходской школы.—Откровенность „Гражданина“ и обвинительное усердіе „Московскихъ Вѣдомостей“.—В. Г. Трироговъ † 417

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Г. П. Сазононъ, Вопросы о хлѣбной промышленности и торговлѣ, разработанные земскими учрежденіями (1865-1890 гг.).—В. В. Святловскій, Вопросы общественнаго здоровья.—М. Л. Песковскій, Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его міровая исторія и естественный путь къ разрѣшенію.—Опытъ географіи Кавказскаго края, П. П. Надеждина.—Національная система политической экономіи. Соч. д-ра Фр. Листа. Перев. съ нѣм. п. р. К. В. Трубникова. . . . . .

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ VI.

КЪ LV. — ТОМЪ CCC[illegible] — [illegible]/13 НОЯБРЯ, 1891.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1891

P Slav 176.25

Типографія М. Стасюлевича
В. О., 5 лин., 28

(1887)

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

IX *).

Ольгѣ пришлось вступить въ борьбу очень скоро. Взамѣнъ тѣхъ пьесъ, которыя она предлагала, ей прислали двѣ главныя роли въ двухъ новыхъ, предназначавшихся къ постановкѣ пьесахъ, совершенно ничтожныхъ, но авторы ихъ были излюблены и дирекціей, и актерами. Одна—передѣлка какой-то нѣмецкой мелодрамы, другая — фарсъ съ французскаго. Ольгѣ мелодрама казалась глупо раздирающей, а фарсъ—пошлымъ; обѣ пьесы къ тому же были обезображены нелѣпой передѣлкой на русскіе, совсѣмъ неподходящіе нравы.

Она страшно разсердилась, прочтя эти роли и особенно одну изъ нихъ, гдѣ, къ ея изумленію, ей, драматической, почти трагической актрисѣ, предлагали бѣгать по сценѣ чуть не въ одномъ корсетѣ, выскакивать въ окошко и говорить все время такія пошлости, которыя ей противно было даже читать.

— Да что они съума сошли или издѣваются надо мной!— воскликнула она, гнѣвно бросая тетрадки:—что я къ нимъ на водевили да на балаганные фарсы развѣ поступала!

И она съ рѣзкой запиской отослала назадъ эти роли, прося впередъ не присылать ей такого балаганнаго, пошлаго вздора.

На ея рѣзкую записку снисходительно промолчали; но затѣ, рѣшивъ вѣжливо наказать ее за дерзость и своеволіе или дѣлая

*) См. выше: окт., 508 стр.

видъ, что вовсе о ней забыли, въ продолженіе двухъ недѣль не присылали больше никакихъ ролей.

Репетиціи шли своимъ чередомъ безъ нея и именно тѣхъ самыхъ пьесъ, отъ которыхъ она отказалась и которыми такъ возмутилась. Ей видимо желали показать, что на ея капризы не намѣрены обращать вниманія, и что отлично могутъ обойтись и безъ нея; а если она будетъ капризничать, то тѣмъ хуже для нея же, потому что въ такомъ случаѣ она насидится безъ ролей. Самолюбіе Ольги, избалованное всеобщимъ, постояннымъ поклоненіемъ, мучительно страдало, но, не желая доставить случая торжествовать надъ собой, она притворялась пока, что ни чуть этимъ не огорчается и только смѣется надъ ними. Въ душѣ же она совсѣмъ не смѣялась. Неужели ее дѣйствительно будутъ затирать и не дадутъ сыграть ни одной изъ тѣхъ лучшихъ ролей ея, въ которыхъ петербуржцы еще не видѣли ее, и въ которыхъ ей такъ хотѣлось показаться имъ?

Она понимала, что испортитъ себѣ всѣ отношенія (такъ нужныя въ театрѣ) и не только не добьется поднятія репертуара, но окончательно повредитъ и себѣ, если съ самаго же начала подниметъ рѣзкую борьбу и станетъ рѣшительно отказываться отъ ихъ пьесъ и требовать постановки своихъ. Не уступить ли и ей немного, чтобы потомъ съ большимъ правомъ требовать того же и отъ нихъ? Не взять ли ужъ какую-нибудь изъ навязываемыхъ ей ролей? Но одна эта мысль была ей такъ противна, и гордость артистки, настоящей серьезной артистки, такъ возмущалась въ ней при этомъ, что ей казалось даже прямо недобросовѣстнымъ и постыднымъ идти на подобныя унизительныя уступки не только въ отношеніи лично себя, но и по отношенію самого искусства, которому до сихъ поръ она служила такъ строго и которое такъ любила. Ей ли пугаться всѣхъ этихъ ссоръ, интригъ и препятствій! мало разьѣ она ихъ видѣла и прежде! Волка бояться—въ лѣсъ не ходить, а она до сихъ поръ шла смѣло, пойдетъ такъ же и теперь; разъ она уже побѣдила всѣ интриги, когда она была и моложе, и неопытнѣе, и безправнѣе—побѣдитъ, значитъ, и теперь. Не надо только отступать—все равно, безъ нея не обойдутся! Вѣдь не могутъ же они дѣйствительно затереть ее, не давая ей играть, какъ затерли уже многихъ, не желавшихъ подчиниться ихъ рутинѣ! Она прекрасно понимала, что, несмотря ни на какія интриги, затереть ее все-таки будетъ невозможно—у нея для этого и очень уже упроченное мѣсто, и значеніе въ русскомъ театрѣ, и черезъ-чуръ громкое имя. Какъ бы тамъ ни было, но съ ней нельзя же было обращаться такъ, какъ обра-

щались съ другими, менѣе крупными актрисами, которымъ, несмотря на видимую талантливость, нерѣдко могшую бы развиться въ настоящее дарованіе, почему-то, въ угоду кому-то и по какимъ-то необъяснимымъ соображеніямъ, не давали все-таки ходу. Да и наконецъ, какой же смыслъ будетъ для нихъ самихъ стараться „затирать“ ее? Уже ея „гастроли“ показали, какъ петербургская публика оцѣнила и полюбила ее и какъ рвалась на ея представленія. Къ чему же дирекціи добровольно лишать себя тѣхъ сборовъ, какіе Ольга всегда давала имъ! И къ чему ей уменьшать (а не только уже вполнѣ затирать) значеніе такой артистки, которая могла быть гордостью и украшеніемъ любого театра! Обыкновенно стараются о томъ, чтобы пріобрѣтать такихъ артистокъ и скорѣе раздуваютъ, чѣмъ затираютъ ихъ популярность. Ольга прекрасно знала себѣ цѣну; въ ней не было раздутаго самомнѣнія, такъ часто свойственнаго артистамъ, не было и ложнаго, ненужнаго униженія своихъ силъ и таланта; она не любила ни преувеличивать, ни уменьшать ихъ. Но какъ ни сознавала Ольга свои права и талантъ, какъ ни успокаивала себя всѣми этими разсужденіями, а въ душѣ все-таки не могла не тревожиться и не волноваться, ожидая, чѣмъ все это кончится и какъ пойдетъ здѣсь ея дѣло и успѣхъ, безъ котораго ей ужасно было представить свою жизнь. Такъ какъ ролей ей не давали и репетицій вслѣдствіе этого пока у нея еще не было, то она рѣдко показывалась въ театрѣ и все еще, къ Милочкиному огорченію, проживала на дачѣ, хотя было уже начало сентября. Но зато, когда она являлась какъ-то въ театръ, она невольно чувствовала вокругъ себя какую-то глухую, сдержанную непріязнь, не только въ начальствѣ, съ которымъ ея контры были понятны, но даже въ товарищахъ, что особенно изумляло ее.

Конечно, она понимала, что для „дамъ русскаго Мольеровскаго дома“, какъ она въ насмѣшку прозвала ихъ, переходъ ея было вовсе нежелателенъ, и потому ихъ недоброжелательство было понятно; но мужчины и удивляли, и огорчали ее своей какой-то холодной, иронической сдержанностью тона, явившагося почему-то по отношенію ея у большинства изъ нихъ, взамѣнъ прежнихъ хорошихъ, а со многими даже и дружескихъ отношеній. Сами же они всегда уговаривали ея перейти сюда, сами мечтали, бывало, служить и играть съ ней постоянно—и вдругъ такая внезапная перемѣна! Она даже не могла выяснить себѣ, когда началась эта перемѣна: теперь ли, за послѣднее время, или еще тогда весной, когда открылось, что она перейдетъ сюда. Лѣтомъ она довольно рѣдко видалась съ ними и потому, быть

можетъ, не замѣчала этого. Барсуковъ, который, кажется, одинъ относился къ ней по-прежнему тепло и искренно, первый раскрылъ ей причину.

— Эхъ, Оленька!—сказалъ онъ ей съ укоромъ:—да ты сама, милая, на половину виновата! Припомни-ка, какой у тебя разговоръ былъ, по поводу здѣшняго репертуара и нашихъ артистовъ.

— Ну что же,—сказала она Барсукову, вспоминая этотъ разговоръ и сознавая, что многія ея замѣчанія были дѣйствительно, быть можетъ, рѣзче, чѣмъ того требовала осторожность:—ну, что же! я говорила только то, что̀ не остановлюсь громко повторить и имъ самимъ, если придетъ случай!

— Ну, вотъ, милуша, и напрасно! За это-то на тебя и окрысились! Правды, милая, никто не любитъ! Разговоръ этотъ, конечно, на другой же день всѣ узнали, и ты многихъ возстановила тѣмъ противъ себя, потому что всѣ теперь задѣты и обижены тобою! А дамамъ нашимъ это и на руку; онѣ сейчасъ же постарались все это раздуть и начали кричать, что ты издѣваешься надъ репертуаромъ и надъ артистами; хочешь, чтобы всѣ заплясали по твоей дудкѣ и собираешься всѣ порядки перевернуть по своему, что̀, конечно, большинству не очень-то понравилось! Сама знаешь, артисты—народъ самолюбивый и обидчивый, а ты ихъ самолюбіе неосторожно задѣла—ну, и, конечно, сразу нажила себѣ не мало враговъ!

— Не знаю,—сказала Ольга гнѣвно и гордо, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и передъ ними, и передъ своей совѣстью:—я не говорила ничего такого, чего не рѣшилась бы повторить опять имъ всѣмъ въ глаза! Да, я дѣйствительно нахожу, что всѣ они здѣсь зарываютъ въ землю свои таланты и не хотятъ ни работать, ни идти дальше, довольствуясь дешевымъ успѣхомъ въ райкѣ! И я нахожу, что постыдно и недобросовѣстно относиться такъ къ дѣлу — людямъ умнымъ и талантливымъ; они только унижаютъ этимъ себя и роняютъ искусство, которому служатъ! И, если хочешь, если они воображаютъ, что я только тихонько, изъ-за спины другихъ рѣшаюсь говорить о нихъ подобныя вещи, то я сейчасъ же пойду къ нимъ туда и громко выскажу все это имъ всѣмъ въ глаза!..

— Нѣтъ, Оленька, не дѣлай этого! — сказалъ Барсуковъ, удерживая ее за похолодѣвшія отъ волненія руки: — все равно, кромѣ всеобщей ссоры да твоей истерики, пожалуй, никакого другого толка не выйдетъ! Тутъ нельзя—придти, увидѣть и побѣдить; они всѣ каждый себя выше всякаго Цезаря считаютъ, и сразу ихъ ни въ чемъ не убѣдишь, ужъ хотя бы все изъ-за той

же проклятой актерской гордости и упорства! Лучше всего исподволь, мало-по-малу, начать передѣлывать, постепенно да полегонечку, такъ, чтобы каждый изъ нихъ воображалъ, что это именно ему первому пришла подобная идея и тутъ именно его иниціатива! А это при умѣ и снаровкѣ, особливо вашей, бабьей, мелкой да хитрой, совсѣмъ не трудно будетъ устроить. Ты нашу братію знаешь; актеры, милая, горды какъ черти, и довѣрчивы какъ дѣти; ихъ провести ничего не стоитъ—надо только понять, какъ за это приняться да на какой стрункѣ играть,—и тогда они не только противодѣйствовать и интриговать противъ тебя не будутъ, а сами же всѣ эти твои нововведенія подхватятъ и даже пропагандировать ихъ съ азартомъ станутъ! Только ихъ самолюбія не задѣвай; актеру, милая, льстить надо, и онъ тогда рабомъ твоимъ станетъ и изъ него хоть веревки тогда вей!

— Ну, я этому не обучалась!—сказала запальчиво Ольга:—для этого, милый другъ, въ дипломатическомъ корпусѣ служатъ, а не на сценѣ! Тамъ ихъ спеціально этому обучаютъ, а вѣдь я пока еще не дипломатка, а только актриса.

— А ты, милуша, и дипломатіи не гнушайся!—сказалъ Барсуковъ, цѣлуя ее, и нарочно, чтобы немного успокоить и посмѣшить Ольгу, перешелъ въ свой любимый комическій тонъ:—наука тоже полезная и неглупая, особливо такимъ горячкамъ, какъ наша Оленька Леонтьева! Такъ-то, милая, полегонечку, не горячись...

— Ахъ, Бурсинька, Бурсинька!—воскликнула вдругъ Ольга, припадая къ нему на грудь:—не выдержу я тутъ, погибну, чувствую, что погибну!

— Ну, вотъ, ужъ и погибнешь!—сказалъ Барсуковъ, нѣжно и бережно, точно больного ребенка, гладя ее по волосамъ, своей большой, теплой и мягкой рукой:—погибнуть-то, Богъ дастъ, и не погибнешь, а только... только не слѣдъ тебѣ, милая, было всю эту твою любовную канитель заводить! Ужъ это что за актриса, когда у нея крылья подрѣзаны! Артистъ вольнымъ орломъ долженъ быть: тогда только онъ и силу свою можетъ чувствовать! Вѣдь, вотъ, знай-ка они, что ничто тебя тутъ не держитъ—совсѣмъ иначе бы обращались; ну, а какъ понимаютъ, что какъ скверно ни будетъ, а ты все-таки, пока влюблена, никуда отсюда не уйдешь, то и пользуются, и не церемонятся! Люди, милая, въ общемъ, несомнѣнно самая прекрасная и благородная часть твореній Создателя, ну, а каждому-то въ частности пальца въ ротъ лучше не клади, потому, коли хоть и не совсѣмъ его от-

куситъ, такъ ужъ прикуситъ-то хоть немножечко, да ужъ безпремѣнно!

X.

— Ахъ, слава тебѣ, Господи!—крестясь обѣими руками восклицала Милочка, когда, наконецъ, переѣхала съ дачи въ городъ. — Ей Богу, — говорила она, — я думала, что я никогда ужъ больше не попаду сюда. Еслибы только знали, какъ мнѣ омерзѣли теперь эти противныя дачи—вотъ ужъ, въ буквальномъ смыслѣ, демьянова уха вышла! Лучше прямо буду уѣзжать на Кавказъ или за границу; тамъ, по крайней мѣрѣ, хоть не зависишь отъ г-на Чемезова! Право, мнѣ даже ужъ и не вѣрится какъ-то, что я снова у себя дома и могу больше не справляться: „а что скажетъ на это Чемезовъ? а какъ онъ на это посмотритъ? а позволитъ ли онъ?“ и т. д. Вотъ наказаніе-то было!— Такъ разсуждала истомившаяся на дачѣ Милочка, съ удовольствіемъ обходя всѣ свои хорошенькія комнаты и осматривая ихъ точно новыя съ какимъ-то нѣжнымъ любопытствомъ.

— Право, мнѣ даже теперь и наши всѣ опротивѣли!—сказала она, почти радуясь тому, что не видитъ всѣхъ этихъ надоѣвшихъ ей за послѣднее время родныхъ лицъ и не слышитъ этихъ вѣчныхъ разговоровъ о Чемезовѣ, которые, по пословицѣ, у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, почти не прекращались между Ольгой, Пелагеей Семеновной и Настасьей.

Но къ вечеру Милочка уже успѣла соскучиться-таки и отправилась по привычкѣ къ Леонтьевымъ посмотрѣть, что у нихъ дѣлается.

— Право, я каждому уличному фонарю и каждой табачной лавчонкѣ по дорогѣ радовалась!—объявила она, придя къ нимъ въ какомъ-то особенно пріятно-возбужденномъ оживленіи, которое явилось въ ней отъ одного вида этихъ теплыхъ, зимнихъ, ярко освѣщенныхъ комнатъ, казавшихся тѣмъ болѣе уютными, что въ окна ихъ глядѣла темная непроглядная сентябрьская ночь и по стекламъ стучалъ частый дождь.

— Воображаю, какая прелесть теперь тамъ! Бр! Даже жутко, право, думать! Слава тебѣ, Господи, что я здѣсь, а то я тамъ послѣднія ночи почти и не спала совсѣмъ—все воровъ караулила; такъ и ожидала, что не сегодня, такъ завтра зарѣжутъ!

У Леонтьевыхъ тоже всѣ были очень довольны, что, наконецъ, переѣхали. Настенька даже заявила, что теперь и по Москвѣ, ровно, не такъ скучно будетъ. Но Пелагея Семеновна ходила

немного огорченная. Варю рѣшено было отправить этой же зимой въ Миланъ для окончанія музыкальнаго образованія. Сергѣй, Ольга и Милочка сговорились давать ей каждый отъ себя по 500 рублей въ годъ, что вполнѣ устраивало ее тамъ, и Варя была такъ довольна, что даже оживилась противъ обыкновенія и вслухъ мечтала о своей поѣздкѣ. Пелагея Семеновна и радовалась за дочь, которая такъ давно хотѣла этого, и тревожилась въ то же время, заранѣе безпокоясь о томъ, какъ-то Варюша устроится тамъ, да и не была увѣрена, ловко ли еще молодую дѣвушку отпускать одну въ чужіе края. Но дѣти рѣшили за нее, что все это и ловко, и прекрасно, и Пелагея Семеновна по привычкѣ покорно подчинилась имъ.

— Вотъ еще вздоръ!—сказала Милочка, когда мать высказала-было ей свои опасенія:—что ей замужъ что-ли выходить!

— Вотъ тебѣ и разъ!—воскликнула съ ужасомъ, всплескивая руками, Пелагея Семеновна:—а то что-ли нѣтъ, по твоему? Тоже вѣдь скажешь, Милочка, Богъ съ тобой! и какъ языкъ-то только у васъ поворачивается, Бога вы не боитесь, вотъ что! Отчего же ей и замужъ не выйти,—чѣмъ она хуже другихъ? Дѣвушка честная, хорошая, хозяйка...

— Ну, очень ей это все нужно!—пренебрежительно усмѣхнулась Милочка: — она будетъ артисткой! Вотъ вспомяните мое слово, что она себѣ европейскую карьеру составитъ!

— Да, давай Богъ, а только одно другому не мѣшаетъ. Богъ дастъ, и замужъ выйдетъ, и въ оперу поступитъ. А то легко ли мнѣ родное дѣтище безъ своего глаза ни-вѣсть куда отпускать, когда старшая же сестра ея какому вонъ добру учитъ! Грѣхъ одинъ съ вами, право!

— Вы, мамаша, не безпокойтесь!—сказалъ вдругъ серьезно Павлуша, молча слушавшій ихъ разговоръ: — Варя дѣвушка съ характеромъ,—она себя не уронитъ и въ обиду не дастся. Вамъ за нее тревожиться нечего.

Павлуша очень рѣдко вмѣшивался въ домашнія дѣла и еще рѣже высказывалъ свои мнѣнія, но когда дѣлалъ это, то дѣлалъ уже твердо и основательно, и, быть можетъ, именно поэтому Пелагея Семеновна невольно довѣряла ему больше другихъ, хотя онъ и былъ младше всѣхъ, и никто не умѣлъ такъ успокоить и уговорить ее, какъ это немногими словами удавалось Павлу, когда онъ за то брался.

И теперь, еслибы Павлуша не поручился такъ рѣшительно за сестру, Пелагея Семеновна, пожалуй, не отпустила бы ее такъ легко.

— А Ольга гдѣ? — спросила у нея Милочка, но Пелагея Семеновна только безнадежно махнула рукой куда-то въ пространство.

— Тамъ ужъ! — проговорила она, вздыхая.

— Ну, еще бы!—воскликнула Милочка язвительно:—лишнее въ сущности и спрашивать было! А я сегодня имѣла счастье со старшей сестрицей, генеральшей Обуховой, встрѣтиться. Въ гостиномъ дворѣ что-то покупать изволили!

— А ты ужъ и тамъ успѣла побывать?—спросилъ Павлуша, невольно засмѣявшись.

— Конечно, успѣла! Да я нарочно и поспѣшила: надо же было приказчикамъ показаться; пускай знаютъ и радуются, что пріѣхала! Ты вѣдь подумай только, сколько я времени тамъ не была! Всѣ магазины ужъ по мнѣ соскучились!

— Скоро же, однако, поспѣшила! — замѣтилъ, насмѣшливо покачивая головой, Павлуша. Павлуша, какъ увѣряла Милочка, былъ скептикъ, не признававшій въ женщинахъ ни кокетства, ни нарядовъ, и вообще относившійся къ нимъ съ какимъ-то угрюмо-застѣнчивымъ равнодушіемъ, и потому между имъ и Милочкой, желавшей передѣлать его, всегда выходили маленькія пикировки.

Всѣ усѣлись пить чай, но не въ „знаменитой“ столовой, а въ комнатѣ Пелагеи Семеновны, которую почему-то предпочитали прочимъ комнатамъ, и гдѣ всѣ большею частью сидѣли.

Низенькая, но очень яркая лампа уютно освѣщала весь столъ, за которымъ Варя молча, съ слегка разгорѣвшимся лицомъ разливала чай, и глаза ея необычно блестѣли. Милочка глядѣла на всѣ эти такъ знакомыя и надоѣвшія, какъ она сама признавалась, и все-таки же милыя ей лица и чувствовала, что ей скучно и грустно какъ-то на-душѣ. Рѣшительно чего-то не хватало, такъ сильно, что и самая семья ихъ казалась точно распавшеюся, хотя не хватало только одной Ольги. Но она-то, какъ теперь понимала это Милочка, и наполняла собой все.

— Господи!—сказала вдругъ Милочка, съ тоской отставляя отъ себя чашку: — долго еще у насъ этотъ разладъ будетъ тянуться? Хоть бы этого господина въ командировку что-ли услали!..

И всѣмъ стало еще грустнѣе, потому что она высказала вслухъ то, о чемъ другіе только-что думали.

XI.

Оленины тоже переѣхали въ городъ, и вскорѣ послѣ ихъ переѣзда Архипычъ очень смутилъ и даже поразилъ Елену Николаевну. Какъ-то днемъ ей доложили, что онъ пришелъ и желаетъ лично повидать и переговорить съ ней.

У Елены Николаевны шевельнулось непріятное предчувствіе, что это навѣрное что-нибудь по поводу Юрія и Леонтьевой, т.-е. какъ разъ именно о томъ, о чемъ она менѣе всего была расположена говорить и о чемъ даже нянѣ не позволяла больше заводить съ собой рѣчь. Но тѣмъ не менѣе она рѣшилась выслушать старика, очень рѣдко обращавшагося къ ней съ какими-нибудь просьбами.

— Что тебѣ, Архипычъ?—спросила она, выходя къ нему.

— Да вотъ, — сказалъ Архипычъ неспѣшно, но почтительно приподнимаясь при ея входѣ:—имѣю необходимость переговорить съ вами, сударыня.

Елена Николаевна постояла съ минуту, ожидая, что онъ ей скажетъ, но, видя, что онъ ничего не начинаетъ, поняла, что старикъ желаетъ, вѣроятно, секретной конференціи съ глаза на глазъ съ нею.

— Ну, пойдемъ ко мнѣ,—сказала она, по-неволѣ покоряясь непріятной участи.

— Ну, что же тебѣ, Архипычъ?—спросила она его опять, когда они вошли въ ея будуаръ и Архипычъ, шедшій сзади, плотно притворилъ за собой дверь.

— Да вотъ,—заговорилъ Архипычъ, какъ-то неопредѣленно и угрюмо смотря въ полъ:—пришелъ просить вашей милости, сударыня.

— Что же такое, Архипычъ? говори!.. Ты знаешь,—прибавила она нѣсколько нерѣшительно,—что я всегда рада всѣмъ, чѣмъ могу, помочь тебѣ.

— Очень знаю, сударыня,—сказалъ Архипычъ:—а потому и рѣшился пойти поклониться вамъ, матушка Елена Николаевна,— и онъ вдругъ, дѣйствительно, медленно и совсѣмъ неожиданно для Елены Николаевны низко до земли, касаясь пальцами руки до пола, поклонился ей, съ видимымъ трудомъ сгибая свою больную спину.

— Что ты! что ты, Архипычъ!—съ испугомъ воскликнула Елена Николаевна, невольно подаваясь впередъ, чтобы помочь подняться старику.—Зачѣмъ ты это дѣлаешь?—заговорила она почти

сердито, угадывая окончательно по одному этому необычному поклону, какъ его просьба будетъ, вѣроятно, неудобоисполнима.—Къ чему ты это дѣлаешь! Если тебѣ что-нибудь нужно отъ меня, можешь говорить и безъ поклоновъ. Это совсѣмъ лишнее; если могу, я все равно и такъ, что тебѣ нужно, сдѣлаю!

— Пришелъ, сударыня, просить отъ васъ великой милости,— не спѣша, съ какимъ-то мрачнымъ, какъ бы на все рѣшившимся достоинствомъ, заговорилъ снова Архипычъ. — Дозвольте мнѣ опять къ вашей милости, сударыня, перейти.

— Какъ къ моей милости? Зачѣмъ?—съ изумленіемъ спросила Елена Николаевна, ожидавшая почему-то всего, только не этого, и въ первое мгновеніе даже не понимая вполнѣ, чего собственно хочетъ отъ нея Архипычъ.

Но онъ, нисколько не смущаясь ни ея изумленіемъ, ни запрещеніемъ кланяться ей въ землю, опять все съ тѣмъ же выраженіемъ мрачной рѣшимости на лицѣ низко поклонился ей и опять коснулся до пола рукой.

— Дозвольте опять въ домъ вашъ поступить. Такъ какъ я себя во всѣхъ силахъ моихъ еще чувствую и здоровьемъ не страдаю, — заговорилъ онъ ровнымъ, неторопливымъ голосомъ видимо заранѣе придуманную и заученную имъ рѣчь:—то въ богадельню идти за большой стыдъ для себя почитаю и потому рѣшился, въ своемъ соображеніи, на милость вашу положиться и слезно просить васъ о разрѣшеніи мнѣ вновь на службу при вашемъ домѣ поступить.

— Постой, постой, Архипычъ!—прервала его Елена Николаевна, съ изумленіемъ молча слушавшая его:—да развѣ ты у Юрія Николаевича больше ужъ не служишь?

„Неужели,—подумала она съ горечью,—онъ до такой степени подчинился „той“, что рѣшился даже отказать старому вѣрному слугѣ, всю жизнь прослужившему имъ! Не можетъ быть, чтобы Архипычъ самъ вздумалъ уйти отъ него“.

— Господину моему, Юрію Николаевичу,—началъ снова Архипычъ:—я, можно сказать, до послѣдняго бы моего издыханія вѣрнымъ псомъ былъ, но актеркѣ ихней, г-жѣ Леонтьевой, стыдомъ и обидою на старости лѣтъ своихъ служить для себя почитаю.

— Постой, постой, Архипычъ,—съ неудовольствіемъ нахмуриваясь, прервала его опять Елена Николаевна:—во-первыхъ, не смѣй такъ называть ее: актерка—слово обидное, а она всѣми уважаемая женщина и точно такая же барыня, какъ и мы всѣ!

Архипычъ молча съ сомнѣніемъ покачалъ головой, какъ бы

изъ почтенія только къ Еленѣ Николаевнѣ не рѣшаясь противорѣчить ей, а въ душѣ ни на одну минуту не соглашаясь съ тѣмъ, чтобы актерка, г-жа Леонтьева, и сама ихняя Елена Николаевна могли бы быть одинаковыми барынями.

— А главное, ты ей и не служишь даже! Ты служишь моему брату, а она къ вамъ только въ гости приходитъ.

— Онѣ у насъ, можно сказать, дни и ночи напролетъ проводятъ!—раздраженно вдругъ вырвалось у Архипыча.—Какъ же я имъ не служу послѣ того?

— Ну, хорошо, предположимъ, что такъ,—сказала, краснѣя, Елена Николаевна:—что же, у тебя вышло съ ней что-нибудь? Обидѣла она тебя чѣмъ-нибудь или замѣчаніе какое-нибудь сдѣлала?

— Нѣтъ,—сказалъ Архипычъ, какъ бы внутренно размышляя и стараясь быть справедливымъ:—это грѣхъ будетъ сказать! Обижать онѣ меня ничѣмъ не обижали и замѣчаній тоже никогда никакихъ не дѣлали,—такъ развѣ когда засмѣются только мнѣ во слѣдъ. Нѣтъ, обиды я отъ нихъ никакой не видалъ.

— Такъ что же тогда? въ чемъ же дѣло?

— А дѣло въ томъ, сударыня, матушка Елена Николаевна, что не могу я, грѣшникъ, видѣть ихъ! Не могу, сударыня, той мысли перенести, что чрезъ нихъ господинъ мой въ униженіе, можно сказать, впалъ, потому онѣ теперь во всемъ надъ нимъ власть забрали, а Юрій Николаевичъ имъ просто въ глаза-съ глядитъ и чѣмъ угодить только не знаетъ!

— Что же,—съ трудомъ превозмогая себя и въ первый еще разъ рѣшаясь подробнѣе разспрашивать о томъ, что̀ такъ давно уже мучило ее, но при этомъ невольно слегка отворачиваясь отъ Архипыча, на котораго ей стыдно и тяжело было смотрѣть, спросила Елена Николаевна:—развѣ она дурно обращается съ нимъ?

— Нѣтъ, и этого сказать невозможно,—опять подумавъ немного, отвѣтилъ безпристрастно старикъ:—хотя ссоры промежду ихъ очень даже нерѣдко выходятъ, потому нравъ г-жа Леонтьева имѣетъ бурный и вспыльчивый, но надо правду сказать, что отходятъ онѣ столь же скоро, какъ и въ гнѣвъ входятъ, да и Юрій Николаевичъ всячески имъ угождать стараются. Конечно, бываетъ, что и они разсердятся, и въ волненіе взойдутъ, и очень даже тогда кричатъ, но только не часто; а въ другое прочее время скорѣе очень даже ласковы другъ съ другомъ, шутятъ тамъ и смѣются, и цѣлуются чуть не каждоминутно; но извините, сударыня, глупое разсужденіе мое, а только, по моему, и ласки

ихнія, и поцѣлуи-съ эти—все это суть грѣховное есть, на что мнѣ по преклонности лѣтъ моихъ даже и глядѣть не подобаетъ. А на характеръ ихъ пожаловаться не могу!

Архипычъ замолчалъ; молчала, задумавшись, и Елена Николаевна. Приходъ Архипыча и весь этотъ разговоръ подняли въ ней опять больное, горькое чувство, и она не знала, что̀ сказать старику. Взять его, какъ онъ того просилъ, къ себѣ, казалось ей неловкимъ и предъ братомъ, и предъ своими даже людьми, у которыхъ по этому поводу пойдутъ навѣрное сейчасъ же усиленные толки и разсужденія. А ей такъ противны, такъ непріятны были всѣ эти толки; она рѣшительно терялась, не зная, что̀ ей дѣлать со старикомъ! Архипычъ уныло стоялъ предъ ней въ ожиданіи ея рѣшенія и еще больше только надрывалъ ей сердце своимъ понурымъ, тоскливымъ видомъ.

— И опять же прислугу ихнюю, Настасью эту, взять,—началъ онъ снова, и глаза его при этомъ ненавистномъ ему имени вдругъ ожесточенно блеснули изъ-подъ нависшихъ бровей.—Я, сударыня, такой озорной женщины и не видывалъ еще; если бы она въ молодыхъ годахъ хотя была, ну, тогда по недомыслію юношескому ей и простить бы еще можно было, а она, сударыня, очень даже хорошо всѣ свои поступки понимаетъ и безпремѣнно всячески ихъ превосходительство нашего Юрія Николаевича унизить старается!

— Ну, на это и вниманія не стоитъ обращать!—съ презрѣніемъ замѣтила Елена Николаевна, но у Архипыча при этихъ словахъ только ожесточеннѣе еще вспыхнули глаза и блѣдное прежде лицо его побагровѣло.

— Какъ же мнѣ, сударыня, вниманія на то не обращать!—вскрикнулъ онъ съ накипѣвшимъ давнимъ раздраженіемъ:—я, можно сказать, Юрія-то Николаевича на своихъ рукахъ выростилъ, еще въ колыбели, младенцемъ Божіимъ позналъ ихъ и теперь Господь привелъ до большихъ чиновъ ихъ дожить вмѣстѣ! Сами ихъ превосходительство, покойникъ батюшка ихъ Николай Степановичъ, какъ маленькаго барина тогда, изъ дѣтской, отъ нянюшки къ мусьё Гизо переводили, позвали меня тогда и приказали:—„Вотъ тебѣ, Семенъ, моего барчука сдаю, ставлю тебя его дядькой и на твои попеченія его отдаю; смотри, береги какъ зеницу ока, у насъ сынъ одинъ; а выростетъ—камердинеромъ его будешь!“ И я, сударыня, самъ Господь Богъ нашъ видитъ, свой долгъ честно соблюдалъ! Бывало, самъ не доѣмъ, не досплю, а ужъ барчукъ у меня завсегда въ полномъ порядкѣ находится! Какъ же мнѣ послѣ того, сударыня, какой-то дѣвкѣ озор-

ной его при себѣ порочить дозволять! На то я и вѣрный слуга своего господина, чтобы каждаго врага его стеречь и угадывать!

— Вотъ видишь,—съ мягкимъ укоромъ сказала ему Елена Николаевна:—самъ батюшка тебя къ нему поставилъ, ты подлѣ него почти всю жизнь провелъ и вдругъ теперь хочешь бросать его и, быть можетъ, именно въ самое тяжелое для него время!

— Сударыня, матушка наша Елена Николаевна!—воскликнулъ вдругъ задрожавшимъ голосомъ Архипычъ и, поднявъ торжественно кверху руку, заговорилъ взволнованно, смотря на образъ:—я, можетъ, только грѣха великаго опасаясь, рѣшаюсь на то! Можетъ, я отъ собственнаго душевнаго отчаянія и озлобленія—руки, на все на это глядючи, наложить на себя опасаюсь! можетъ...

Но старикъ не договорилъ и вдругъ, уронивъ голову на приподнятый, дрожащій локоть руки своей, глухо и горько зарыдалъ.

— Богъ съ тобой, Архипычъ!—съ ужасомъ сказала Елена Николаевна и, подойдя къ нему, невольно крѣпко обняла и поцѣловала его сѣдую, вѣрную голову.—Братъ ужъ знаетъ объ этомъ?—спросила она чрезъ нѣсколько минутъ, когда Архипычъ наконецъ немного успокоился.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударыня; я прежде съ вашей милостью переговорить рѣшился.

— Быть можетъ, ты передумаешь, Архипычъ?—нерѣшительно спросила его Елена Николаевна, больше для очистки совѣсти, чѣмъ дѣйствительно надѣясь на то, но Архипычъ твердо покачалъ головой.

— Нѣтъ, сударыня; не передумаю!—сказалъ онъ спокойно, и по лицу его Елена Николаевна еще больше убѣдилась, что онъ дѣйствительно не передумаетъ, разъ что задумалъ, да не обсудивъ и не рѣшившись на то окончательно, онъ и безпокоить бы ее, конечно, не сталъ.

— Ну, Богъ съ тобой!—съ невольнымъ вздохомъ сказала она ему:—нечего дѣлать, Архипычъ, я переговорю съ братомъ, и мы съ нимъ придумаемъ, какъ лучше устроить тебя.

— Сдѣлайте такую милость!—сказалъ печально Архипычъ и, еще разъ низко поклонившись, сумрачно вышелъ отъ нея.

XII.

Чемезова очень поразила и огорчила новость объ Архипычѣ. Елена Николаевна, не говоря всего, въ общихъ чертахъ передала брату происшедшую у нея сцену.

— Говоря правду, — сказала она въ заключеніе: — мнѣ не хотѣлось бы сейчасъ же брать его къ себѣ; на мой взглядъ, это неудобно по многимъ причинамъ. Но я придумала другое: можно будетъ пока отправить его въ Сосновки, пускай поживетъ тамъ немного, отдохнетъ, поправится; это же ему очень не мѣшаетъ, а къ веснѣ и мы туда пріѣдемъ; тогда осенью, уже возвращаясь, я съ удовольствіемъ возьму его къ себѣ.

— Но отчего же тебѣ сейчасъ не взять его къ себѣ, какъ онъ того хочетъ?—спросилъ Чемезовъ, не видѣвшій къ тому никакихъ препятствій.

Елена Николаевна немного помолчала, точно соображая что-то про себя.

— Нѣтъ,—сказала она чрезъ минуту, слегка покачивая головой:—это неудобно.

Чемезовъ пожалъ плечами и нахмурился. Его искренно огорчила выдумка Архипыча, и онъ охотно уговорилъ бы его остаться, еслибы не предчувствовалъ, что изъ этого, все равно, ничего не выйдетъ.

Хотя Елена Николаевна и не объяснила ему прямо и подробно мотивовъ, по которымъ старикъ вздумалъ уходить отъ него, но Чемезовъ и безъ объясненій прекрасно понялъ ихъ. Въ сущности, онъ давно уже ожидалъ отъ Архипыча какой-нибудь выходки, но мысль, что тотъ совсѣмъ уйдетъ отъ него, почему-то никогда не приходила ему въ голову. Это было ему крайне непріятно и въ то же время невольно обижало его за Ольгу, которую упрямый старикъ не желалъ переносить. Посылать его въ деревню ему тоже не хотѣлось. Это казалось чѣмъ-то въ родѣ ссылки или наказанія, подвергать которому человѣка, вѣрой и правдой прослужившаго дому шестьдесятъ лѣтъ, ужъ, конечно, не надлежало.

— Я боюсь, что онъ тамъ сильно заскучаетъ! — замѣтилъ онъ сестрѣ; но Елена Николаевна горячо протестовала противъ того.

— Да помилуй,—возразила она:—у него тамъ полъ-деревни родни всякой, даже и въ самомъ домѣ у насъ есть,—Агаѳья-ключница—родная племянница, Митя—крестникъ. Они всѣ тамъ будутъ такъ ухаживать за нимъ и заботиться о немъ, что ему еще покойнѣе и лучше, чѣмъ здѣсь, будетъ. Ты увидишь, какъ онъ тамъ поправится, а это, по крайней мѣрѣ, дастъ возможность говорить, что онъ уходитъ отъ тебя потому, что нездоровъ и хочетъ немного пожить на свободѣ въ деревнѣ.

— Послушай, Hélène,—нетерпѣливо прервалъ ее Чемезовъ:

— ну, кому важны всѣ эти толки и сплетни, вдобавокъ кухонные къ тому же?

— Мнѣ важны!—съ холоднымъ удареніемъ сказала Елена Николаевна, и они оба замолчали, недовольные другъ другомъ.

— И къ тому же,—прибавила она чрезъ минуту уже мягче: — эти кухни, въ сущности, совсѣмъ не такъ далеки отъ гостиныхъ.

Чемезовъ съ непріязненной усмѣшкой пожалъ плечами на это ея замѣчаніе. Конечно, онъ не могъ принудить сестру насильно брать къ себѣ Архипыча, разъ что она этого не хотѣла; но въ душѣ онъ не понималъ, какъ это Hélène, съ ея умомъ и добротой, можетъ руководствоваться въ подобныхъ вопросахъ какими-то мелочными соображеніями разныхъ сплетенъ, толковъ и т. п. Это отзывалось уже эгоизмомъ, котораго до сихъ поръ онъ никогда не замѣчалъ въ ней. Все это было такъ непріятно, что въ душѣ его невольно поднималось чувство раздраженія и противъ Архипыча, начавшаго всю эту исторію, и противъ Hélène, не желавшей брать его, и даже противъ самой Ольги, невольной, но зато главной причины всѣхъ смутъ и непріятностей, поднявшихся за послѣднее время въ ихъ семьѣ, такой мирной и дружной прежде.

— Ну, дѣлай какъ знаешь!—сухо сказалъ онъ сестрѣ на прощанье.—Только предупреждаю, что если онъ неохотно согласится ѣхать туда, то я рѣшительно возстану противъ того. Можно и другое что-нибудь придумать!

— Конечно, никто не станетъ посылать его туда насильно, — согласилась Hélène: — но я думаю, что онъ и самъ будетъ этимъ очень доволенъ; во всякомъ случаѣ, я переговорю съ нимъ еще...

XIII.

Ольга тоже была очень изумлена и даже сконфужена отчасти, когда узнала, что Архипычъ уходитъ. Она тоже прекрасно поняла причину этого внезапнаго ухода; причина эта и обидѣла, и разсердила ее одновременно. Она ни въ чемъ не могла упрекнуть себя въ отношеніи стариковъ; напротивъ, несмотря на всѣ ихъ рѣзкія и подъ-часъ даже дерзкія выходки противъ нея, она оставалась съ ними не только вѣжлива и любезна, но даже искренно добра. Если бы она хотѣла, она всегда съумѣла бы постепенно такъ вооружить противъ нихъ Чемезова, что онъ самъ, пожалуй, отказалъ бы имъ, но она умѣла пони-

мать человѣческія натуры и отношенія и потому терпѣливо прощала имъ всѣ непріятности и ни разу не пожаловалась, не намекнула даже Чемезову, что они иногда ужъ слишкомъ много позволяютъ себѣ.

И все-таки же упрямый старикъ не пожелалъ больше оставаться съ ней въ одномъ домѣ, а отъ Настасьи она знала даже и то, что онъ считаетъ унизительнымъ для себя служить ей и презираетъ ее и всю ея семью.

Конечно, это было уже слишкомъ даже и для ея добродушнаго терпѣнія. Она по-неволѣ обижалась, а хмурый, недовольный какъ будто ею видъ Чемезова только сильнѣе еще задѣвалъ ее. Она понимала, что ему естественно огорчаться этимъ; но его видимое неудовольствіе на нее—точно она дѣйствительно была въ чемъ-то виновата—сердило и возмущало ее. Ей казалось, что еслибы онъ сильнѣе любилъ ее,—онъ былъ бы только оскорбленъ за нее, а ужъ отнюдь не давалъ бы ей чувствовать теперь свое неудовольствіе.

Сначала она не хотѣла высказывать ему это, но его упорно-хмурый видъ довелъ ее до того, что она не могла болѣе сдерживать себя, и негодованіе закипѣло въ груди ея.

— Ну, я очень рада, что этотъ глупый старикашка уходитъ! Безъ него навѣрное будетъ лучше!—сказала она ему нарочно съ вызывающимъ видомъ, чтобы еще больше разсердить его за то, что онъ и безъ того уже сердился, и сказала неправду, потому что въ душѣ нисколько не радовалась тому.

— А я совсѣмъ не радъ, — сухо отвѣтилъ ей Чемезовъ, удивляясь, какъ она, съ ея чутьемъ, не понимаетъ того, что ему тяжело разставаться съ человѣкомъ, который выросъ и состарился, служа ему.

— Ну, еще бы! еще бы!—воскликнула она раздраженно:— я знаю, что ты лучше бы вовсе предпочелъ не встрѣчаться со мной, чѣмъ лишаться изъ-за меня своего лакея!

— Архипычъ былъ для меня не простой лакей: онъ 63 года прослужилъ намъ!

— Ну, еще бы, еще бы!—вскрикнула она опять съ болѣзненнымъ смѣхомъ и вдругъ порывисто вскочила и судорожнымъ движеніемъ подняла руки. — И за что, за что? — крикнула она съ болью:—за что все это на меня?

— Да о чемъ ты, Ольга? — съ нетерпѣніемъ спросилъ ее Чемезовъ. Его возмущало, что вмѣсто того, чтобы успокоить его въ непріятную минуту, она вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаетъ еще сцену.

— Ахъ, ни о чемъ, ни о чемъ!—горько заговорила она:—ни о чемъ и обо всемъ! Конечно, все идетъ прекрасно, у меня никто не умеръ, не заболѣлъ, нужды нѣтъ и, въ довершеніе всѣхъ благъ, я еще и первая актриса императорскихъ театровъ, и меня любятъ, и я сама люблю, словомъ, все такъ великолѣпно, что мнѣ остается только радоваться и утопать въ своемъ счастьѣ!

И она расхохоталась такимъ злобнымъ смѣхомъ, точно издѣвалась надъ самой собой.

Чемезову стало жаль ее. Онъ смотрѣлъ, какъ она остановилась посреди комнаты съ тоскливо устремленными куда-то въ пространство глазами и по лицу ея пробѣгали скорбныя, болѣзненныя тѣни. Конечно, всѣ эти непріятности, и театральныя и домашнія, должны были разстроивать ея впечатлительную натуру. Ему стало стыдно, что вмѣсто того, чтобы самому успокоить и ободрить ее, онъ отъ нея же, болѣе слабой еще, желалъ этого успокоенія и сердился на нее, что она, измученная сама, не въ силахъ была дать его.

Онъ подошелъ къ ней и, нѣжно обнявъ ее, сталъ тихо гладить ее по волосамъ и молча цѣловать ея милое, похудѣвшее лицо.

Но глаза ея не оживлялись и не повеселѣли подъ ласками его любимой нѣжной руки.

— Все противъ насъ...—сказала она задумчиво и печально:—быть можетъ, и дѣйствительно намъ лучше было бы не встрѣчаться...

Но онъ не далъ ей договорить и какъ ребенка поднялъ и перенесъ ее на рукахъ, крѣпко прижимая ее къ своей груди,—ее, которая, несмотря на все, все-таки же казалась ему лучшимъ сокровищемъ и счастіемъ его жизни.

XIV.

Началась зима, долгая, вялая, больше похожая на безконечную, мокрую, утомляющую осень, чѣмъ на здоровую, морозную зиму. То выпадалъ снѣгъ и устанавливалась на день, на два, санная дорога и морозъ, то снова все стаивало и снова начинались оттепель, дождь и грязь.

Обыкновенно Ольгу зимой, подъ вліяніемъ частыхъ, чуть не каждодневныхъ спектаклей, охватывало особенное нервное возбужденіе и жажда дѣятельности; но теперь, отъ этой ли кислой погоды, или оттого, что ей почти не приходилось играть, она не только не ощущала больше подобнаго возбужденія, но,

напротивъ, находилась скорѣе въ состояніи тупой, вялой апатіи, а по временамъ на нее даже нападала такая болѣзненная, томительная тоска, что она не могла ни спать, ни ѣсть, и по нѣскольку дней подъ-рядъ ходила какъ потерянная, равнодушная ко всему и даже какъ будто охладѣвала на это время къ Чемезову. Въ такіе дни ей все казалось, что она что-то или кого-то потеряла, точно у нея что-то мучительно болитъ, хотя ничто въ сущности у нея не болѣло; у нея не было ни горя, ни болѣзни, а между тѣмъ ей все казалось, что ее постигло или постигнетъ какое-то тяжелое, непоправимое горе.

Играла Ольга рѣдко, такъ рѣдко, что это было даже странно и по-неволѣ удивляло и возмущало публику, не понимавшую, почему ей не даютъ Леонтьеву, разъ что ее перевели сюда. А сама Ольга стыдилась въ душѣ и старалась не думать и не говорить о томъ, потому что одни уже разговоры, соболѣзнованія и удивленія раздражали ее и поднимали жгучую боль стыда отъ сознанія униженія, къ которому она была такъ непривычна. Если же ее выпускали, то дѣлали это или въ неблагопріятные дни, когда большая часть публики была на бенефисахъ и первыхъ представленіяхъ въ другихъ театрахъ, или въ наскоро срепетированной пьесѣ, въ которой участвующіе нетвердо даже знали роли, или же съ такими наконецъ плохими актерами въ главныхъ роляхъ, что они только портили ей всѣ лучшія мѣста.

Въ продолженіе трехъ съ лишнимъ мѣсяцевъ Ольга играла всего девять разъ, и то четыре раза изъ нихъ все въ той же надоѣвшей, и ей, и публикѣ, „Маріи Стюартъ“, въ которой ее уже всѣ почти видѣли. Потомъ ей предложили чередоваться въ одной новой пьесѣ съ главной соперницей ея теперь по театру, Княжевой, до сихъ поръ безраздѣльно царившей на петербургской сценѣ.

Ольга не понимала смысла этого чередованія; она не любила ни пьесу, ни самую роль, которую согласилась играть тогда у себя въ Москвѣ только по усиленнымъ просьбамъ автора, желавшаго ея имени для сборовъ. Эта роль пустой, свѣтской, капризной женщины, почти спеціально написанная для Княжевой, была совсѣмъ не по Ольгѣ. Она прекрасно видѣла, что Княжева въ ней прелестна, и не имѣла никакого желанія ни конкуррировать съ нею въ неподходящей для себя роли, ни посягать на ея лавры. Но тѣмъ не менѣе ее, конечно, мучило и волновало, что эта роль ей не удается, что она въ ней хуже Княжевой и что ту публика принимаетъ лучше, чѣмъ принимала ее. У Княжевой была очень большая партія, которая въ этотъ сезонъ горячѣе обыкновеннаго принимала ее, точно отстаивая свою любимицу и

не желая отдавать пальму первенства другой; а въ эти спектакли партія эта какъ-то странно вдругъ увеличивалась и бушевала особенно сильно. Ольга понимала, что все это дѣлается ей на зло, нарочно, чтобы затереть ее и такъ или иначе восторжествовать надъ нею, между тѣмъ впечатлѣніе въ остальной публикѣ невольно портилось и слава Ольги какъ бы уменьшалась.

Настоящіе знатоки и цѣнители ея таланта неохотно шли смотрѣть ее въ подобныхъ пьесахъ, находя совершенно справедливо, что ее надо смотрѣть совсѣмъ въ другихъ, гораздо болѣе сильныхъ вещахъ; они недоумѣвали, почему подобныхъ вещей не даютъ, а придерживаются все того же прежняго всѣмъ надоѣвшаго репертуара, разъ что для исполненія другого есть такая прекрасная артистка! Объ этомъ и писали, и говорили, и возмущались, но дѣло отъ этого все-таки не мѣнялось и Леонтьеву попрежнему почти не выпускали.

Даже первый спектакль съ нею вмѣсто того, чтобы заранѣе анонсировать о немъ, какъ то было вполнѣ естественно, поставили поспѣшно, точно тайкомъ, на-скоро замѣнивъ все тою же „Маріей Стюартъ“ пьесу, отмѣненную по болѣзни одного изъ исполнителей; большинство, желавшее попасть на первый выходъ Леонтьевой и ожидавшее его, узнало о немъ уже только на другой день.

Но хуже всего было то, что въ самой себѣ Ольга чувствовала упадокъ энергіи и болѣзненную апатію. Въ ней уже не было той молодой, горячей вѣры въ себя, въ свои силы, въ свою счастливую удачу, которая такъ поддержала ее въ Москвѣ, въ первый годъ поступленія туда, которая помогла ей бодро и смѣло побороть всѣ интриги и препятствія и выйти изъ всего счастливой гордой побѣдительницей. Теперь она чувствовала себя нервной, измученной, усталой, а главное, „несвободной“, зависящей уже не отъ одной только себя и собственныхъ желаній. У нея какъ бы подрѣзаны были крылья и она уже не могла свободно и гордо подняться и летѣть куда глаза глядятъ, а должна была уныло сидѣть на своей жердочкѣ и терпѣливо ждать, что изъ всего этого выйдетъ. А это было совсѣмъ не въ ея характерѣ и потому только хуже мучило и раздражало. Часто она даже играла въ этомъ самомъ вяломъ, утомленномъ и равнодушномъ ко всему состояніи, безъ всякой охоты и „настроенія“, холодно, почти не увлекаясь и не „входя“ въ ненравившіяся ей роли, а потому и не зажигая толпы такъ, какъ это бывало съ нею прежде, когда она, однимъ какимъ-нибудь словомъ, жестомъ, восклицаніемъ, рождавшимся прямо изъ вдохновенія разомъ, поднимала вдругъ всю публику. Школа ея была такъ прекрасна и талантъ, несмотря

на временную апатію, все-таки же такъ силенъ еще, что даже будучи не въ ударѣ, она играла настолько хорошо, что публика почти не замѣчала перемѣны; но сама Ольга, болѣе чуткая и строгая къ себѣ, сознавала это и мучилась угнетающимъ чувствомъ неудовлетвореннаго художника. Это особенно замѣтно проявлялось въ ней, когда она пріѣзжала въ театръ, поссорившись съ Чемезовымъ, что̀ стало повторяться все чаще и чаще. Эти ссоры были ея страшнымъ кошмаромъ, отравлявшимъ каждый разъ все ея существованіе на нѣсколько дней, а между тѣмъ, сдѣлавшись подъ вліяніемъ неудачъ раздражительной и требовательной, она почти всегда сама начинала ихъ.

Теперь только поняла она, какую ужасную ошибку сдѣлала, перейдя въ Петербургъ. Тогда, рѣшаясь на это, она, поглощенная вся однимъ только чувствомъ любви, сознательно обманывала себя, нарочно закрывая глаза на тѣ послѣдствія своего опрометчиваго поступка, которыя, конечно, неминуемо должны были послѣ оказаться. И вотъ расплата началась. Въ каждой новой неудачѣ своей Ольга видѣла возмездіе себѣ, хотя жестокое, но справедливое, какъ за эту роковую ошибку, такъ и за свою измѣну тому искусству, которому до встрѣчи съ Чемезовымъ она служила безраздѣльно. Въ ней стала развиваться суевѣрная покорность року, который будто влекъ ее къ погибели и противъ котораго у нея не хватало силъ бороться. Эта „несчастная“, какъ она теперь уже обзывала порой, любовь ея постепенно все больше и больше отклоняла ее съ ея прямого пути куда-то въ сторону, куда ей страшно и дико было идти. Она была настолько умна и чутка, что понимала это, и настолько правдива, чтобы добровольно не обманывать себя опять. Съ самаго начала этой любви въ ней началось какое-то странное, никогда до тѣхъ поръ не замѣчаемое ею въ себѣ, раздвоеніе женщины и артистки.

Женщина рвалась въ одну сторону, артистка въ—другую. Артистка ревновала въ себѣ эту новую, вдругъ съ такою силой проснувшуюся въ ней и мѣшавшую ей женщину, и съ болью и ужасомъ слѣдила, какъ та съ каждымъ днемъ все больше пересѝливаетъ все существо ея, порабощая его своей страсти. Ольга-артистка почти всегда была раздражена противъ Ольги-женщины; порой она доходила до полнаго озлобленія, презрѣнія, почти ненависти къ ней, этой „женщинѣ въ себѣ“, и все-таки же, хотя съ отчаяніемъ, стыдомъ и злобой, но подчинялась ей, этой женщинѣ, ничтожной, жалкой, которую сама же презирала въ себѣ, но женщинѣ любящей, властной и деспотичной...

Былъ еще одинъ человѣкъ, который все это видѣлъ, понималъ и мучился. Это была Настасья.

Она подмѣчала все, что творится съ ея Ольгой Львовной, и какія идутъ интриги противъ „нихъ“ въ театрѣ.

Теперь она еще больше возненавидѣла и Петербургъ, и Чемезова, и даже самый петербургскій театръ, начиная отъ зданія его и кончая послѣднимъ рабочимъ. По ея мнѣнію, тутъ все было хуже московскаго—и начальство, и артисты, и уборныя, и даже декораціи.

— Ну, что это за уборныя!—говорила она пренебрежительно: —или что это за декорація! То-ли дѣло наши!

Ко всему и ко всѣмъ здѣсь она относилась съ презрѣніемъ и порицаніемъ. Она даже похудѣла за это время, и прежняя ея добродушная словоохотливость смѣнилась раздражительнымъ, мрачнымъ настроеніемъ. Она всѣхъ подозрѣвала въ дурныхъ замыслахъ, интригахъ, сплетняхъ, не довѣряя больше никому и ничему, выходившему изъ Петербурга.

При Ольгѣ она все-таки старалась еще сдерживаться нѣсколько, боясь хуже только огорчить и разстроить ее, но зато безъ нея она „отводила душу“ со всякимъ, кто только попадался ей подъ руку.

Въ отношеніи Ольги у Настасьи проявилась какая-то смѣсь болѣзненной жалости и озлобленности въ то же время. Она то по нѣсколько дней ходила сумрачная, надутая, почти не говоря съ нею, не то наказывая, не то вымещая на ней что-то, то горько плакала о ней и бѣгала по всѣмъ церквамъ, ставя за нее свѣчки святымъ угодникамъ и налагая на себя даже разные обѣты. Больше всего ее возмущала Княжева, эта главная соперница Ольги по театру, въ которой Настасья не безъ основанія видѣла „худшую ненавистницу“ своей барыни. Она страстно ревновала къ ней публику, и когда Ольгѣ случалось играть вмѣстѣ съ ней, Настасья волновалась чуть не больше самой Ольги. Она внимательнѣе чѣмъ когда-либо одѣвала ее, тщательно заботясь о каждой мелочи ея туалета и страшно боясь только одного, какъ бы ея Ольга Львовна не была, храни Богъ, хуже этой „мазаной куклы“, какъ она прозвала Княжеву. И когда онѣ обѣ выходили наконецъ на сцену, Настасья бѣжала смотрѣть въ какую-нибудь щелочку между кулисами, со страхомъ слушая, кого лучше „принимаютъ“. Она жадно слѣдила за каждымъ словомъ обѣихъ, радуясь и насмѣхаясь при каждомъ неудачномъ, по ея мнѣнію, движеніи Княжевой.

— И встать по-человѣчески не можетъ,—думала она, злобно

слѣдя за ней глазами:—все съ кривляньемъ да ломаньемъ! Ишь колѣнки-то всѣ какъ платьемъ обтянула, срамъ глядѣть вѣдь! Вотъ этимъ да ломаніемъ своимъ только и беретъ! Ишь глаза-то какъ вывертываетъ; ну, и публика же здѣсь—дура-дурой, какъ я погляжу! Ужъ нѣтъ, нашу московскую этимъ не проведешь; та сейчасъ дѣло раскуситъ, а эта только радуется да хлопаетъ! Ну, и на что вы любуетесь, глупые? А ну васъ! уйти лучше отъ грѣха!..

И Настасья съ негодованіемъ уходила въ уборную и садилась тамъ, тоскливо поджидая свою барыню и прислушиваясь со злобой къ апплодисментамъ, которыми публика провожала Княжеву.

У Настасьи отъ долгаго пребыванія въ театрѣ между лучшими артистами развилось тонкое чутье и пониманіе дѣла, и часто, смотря теперь на игру своей Ольги Львовны, Настасья чувствовала какую-то безсознательную неудовлетворенность ею, и это бывало именно тогда, когда точно такую же неудовлетворенность собой чувствовала и сама Ольга.

Въ такія минуты Ольга молча возвращалась въ уборную переодѣваться во время антрактовъ, и Настасья молча же помогала ей, и обѣ онѣ старались не встрѣчаться другъ съ другомъ глазами, въ которыхъ невольно читался стыдъ и горе.

Настасья такъ привыкла къ постояннымъ успѣхамъ и тріумфамъ Ольги, которыми гордилась такъ, какъ если бы они касались ея самой, что теперь должна была такъ же живо принимать къ сердцу и неудачи ея. Она стыдилась ихъ, потому что каждое униженіе Ольги казалось ей какъ бы униженіемъ ея самой, Настасьи, которой нельзя уже было больше гордиться и хвастаться тѣмъ, какъ ихъ любятъ и принимаютъ.

Чемезовъ, конечно, тоже зналъ о большинствѣ Ольгиныхъ непріятностей, которыя трудно да и нельзя было скрыть отъ него. Но онъ зналъ только „внѣшнюю“, такъ сказать, сторону ихъ и совсѣмъ не зналъ той внутренней драмы, которая развивалась и все росла въ душѣ Ольги. Она вообще избѣгала говорить съ нимъ о томъ, что̀ казалось ей началомъ паденія ея какъ актрисы, которая привыкла только къ успѣху, лаврамъ и поклоненію—ей казалось, что чрезъ это и онъ начнетъ меньше дорожить ею; къ тому же она знала, какъ холодно, въ сущности, относится онъ къ театру, въ которомъ и безъ того склоненъ видѣть больше дурныхъ, чѣмъ хорошихъ сторонъ. Ольгу это всегда обижало. Ей было больно его равнодушіе къ тому, что̀ она такъ страстно любила, точно также какъ ему въ свою очередь было больно ея равнодушіе къ его дѣятельности. Какъ они ни старались войти

въ сферу одинъ другого, сродниться съ ней душой—изъ этого ничего не выходило, кромѣ неудачныхъ, еще болѣе охлаждавшихъ ихъ попытокъ. Чѣмъ больше Чемезовъ привыкалъ къ Ольгѣ, тѣмъ больше желалъ онъ дольше удержать ее подлѣ себя, а между тѣмъ театръ не только на половину отнималъ ее отъ него, но онъ предчувствовалъ, что когда-нибудь онъ и совсѣмъ отниметъ. Отъ этого у него невольно являлось чувство нѣкоторой ревности и вражды къ нему, которое особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ въ головѣ его зародился новый планъ. Планъ этотъ или вѣрнѣе только мысль о немъ сначала смутила и испугала его самого—настолько это показалось ему невозможнымъ и неисполнимымъ по массѣ причинъ. Но по мѣрѣ того какъ онъ чаще сталъ думать о немъ и постепенно все больше привыкалъ къ своей мысли, она переставала казаться ему такой неисполнимой, какъ то было въ минуту, когда впервые эта мысль пришла ему въ голову. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что сталъ видѣть главное препятствіе къ исполненію ея только въ сценѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Ольга согласилась оставить сцену, то что, въ сущности, мѣшало бы ему жениться на ней? Онъ серьезно и тщательно обдумывалъ всѣ за и противъ и не скрывалъ отъ себя что бракъ этотъ могъ легко поднять много непріятностей семейныхъ и служебныхъ даже (послѣднія всего больше смущали и останавливали его). Но если съ нимъ не торопиться, если многое подготовить, то серьезныхъ препятствій, въ сущности, не оказалось бы. Конечно, Ольга была не такая женщина, какую родня его, да и самъ онъ прежде, могли бы пожелать ему въ жены! Но разъ что такъ уже случилось, разъ что они встрѣтились и полюбили другъ друга, то отчего же не жениться? Изъ подобныхъ женщинъ часто выходятъ прекрасныя жены, и съ ней онъ во всякомъ случаѣ будетъ гораздо счастливѣе, чѣмъ съ какой-нибудь другой. Главное—они уже знаютъ другъ друга, приноровились одинъ къ другому; онъ изучилъ всѣ ея недостатки и достоинства, а это очень много значитъ для женитьбы. Со временемъ и Hélène, конечно, примирится съ этимъ, особенно, когда познакомится съ Ольгой и убѣдится, какая это хорошая преданная ему и любящая женщина.. Если же нѣкоторые его знакомые и вздумаютъ коситься на нихъ и шокируются его бракомъ, вѣдь можно и не поддерживать подобныя знакомства, а жить бѣ тихо, мало принимая и выѣзжая, довольствуясь кружкомъ избихъ друзей. Такая женитьба даже и заниматься не будетъ у мѣшать. Ольга знаетъ, что въ этомъ главная суть его жизни, и, нечно, не станетъ противодѣйствовать ему, обижаться и ссориться

съ нимъ изъ-за этого, тогда какъ вѣроятно съ другой, болѣе молодой и менѣе знающей его женой это непремѣнно выходило бы. Но все это было мыслимо, конечно, только подъ тѣмъ условіемъ, что Ольга броситъ сцену. Безъ этого невозможны даже разговоры о томъ, потому что тутъ вѣдь выбора нѣтъ. Придется или ей оставить свою сцену, чтобы сдѣлаться его женой, или ему оставить службу, чтобы жениться на ней. Но ему казалось, что Ольга настолько привязана къ нему, что рѣшится—хотя и не безъ труда. Сначала, конечно, возмутится, даже рѣшительно возстанетъ, но въ концѣ концовъ убѣдится, что это лучше и для нея, и для него. Она уже достаточно послужила и поработала театру, ея имя не скоро еще умретъ, а теперь она имѣетъ полное право пожить для себя. И даже лучше для каждаго артиста во-время, въ разгаръ славы сойти съ подмостковъ, чѣмъ ждать, когда его попросятъ удалиться, особенно для женщины. Мужчина дольше, иногда до послѣднихъ дней можетъ служить сценѣ, мѣняя только emploi, а у женщины эта возможность прекращается почти одновременно съ молодостью. Но Ольгѣ онъ рѣшилъ пока ничего не говорить,—лучше еще много и много подумать, прежде чѣмъ рѣшиться окончательно. Имъ торопиться некуда. Вотъ почему всѣ эти начавшіяся у Ольги непріятности по театру мало тревожили его—онѣ даже помогали ему отчасти. Чѣмъ хуже пойдетъ у нея дѣло, тѣмъ охотнѣе она рѣшится бросить сцену.

Разъ только, когда Ольга пріѣхала совершенно разстроенная вслѣдствіе новой ссоры, онъ, отчасти жалѣя ее, отчасти желая вывѣдать ея собственныя мысли на этотъ счетъ, рѣшился намекнуть ей издалека.

— Ну что же,—сказалъ онъ,—если дѣло такъ пойдетъ, то лучше вовсе его оставить.

— Какъ оставить? Что оставить?—спросила она съ удивленіемъ, даже не понимая, про что онъ говоритъ.

— Сцену оставить!—спокойно пояснилъ онъ, незамѣтно вглядываясь въ нее.

— Сцену! сцену бросить!—воскликнула она съ ужасомъ и вдругъ разсмѣялась недобрымъ смѣхомъ.

— Ты съума сошелъ! развѣ это возможно!

— А почему же бы это и невозможно?

— Да по всему, по всему!—воскликнула она страстно:—я родилась почти на сценѣ, выросла тамъ и умру на ней, и никакія силы не оторвутъ меня отъ нея, пока я жива! Господи! да со всѣми этими интригами и дрязгами она мнѣ во сто кратъ дороже и милѣе всякой другой жизни безъ нея, хотя бы самой

роскошной и спокойной! Да развѣ есть для меня самая жизнь безъ нея!

И нервно сжавъ руки на груди, она заходила по комнатѣ, волнуясь отъ того, что такая мысль могла придти ему въ голову.

Но Чемезовъ и ожидалъ подобной первой вспышки, и она потому ничуть его не смутила.

— Все равно,—замѣтилъ онъ хладнокровно: — рано или поздно, но придется вѣдь уйти съ нея!

— Да почему же, почему?—почти крикнула она съ отчаяніемъ, не понимая, съ чего ему пришла фантазія мучить ее этимъ разговоромъ, когда у нея и безъ того такъ скверно на душѣ.

— Ну, хотя бы просто потому, что когда-нибудь ты устанешь же, состаришься.

— Такъ что же такое? я перейду на другое emploi.

— Ну, Оленька, подъ шестой десятокъ всякое emploi ужъ не подъ силу для женщины... Да наконецъ ты можешь выйти замужъ,—прибавилъ онъ вскользь.

— Замужъ?—протянула она изумленно.—Съ чего это тебѣ вздумалось?—остановившись посреди комнаты и пытливо всматриваясь въ него, спросила она.

Чемезовъ пожалъ плечами.

— Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Съ минуту она молча, размышляя о чемъ-то про себя, постояла противъ него.

— Нѣтъ,—сказала она, встряхнувъ головой, точно отгоняя отъ себя какія-то мысли:—замужъ я никогда не пойду, и ты самъ это знаешь... я тебѣ не разъ говорила... но зачѣмъ ты мнѣ сказалъ объ этомъ?

— Такъ,—неопредѣленно, пожимая плечами, отвѣтилъ онъ и перемѣнилъ разговоръ.

Слова эти, брошенныя какъ бы вскользь, невзначай, невольно запомнились Ольгѣ, и она, зная, что Чемезовъ никогда не говоритъ безцѣльно, не разъ задумывалась потомъ.

„Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? то ли, что связь ихъ не можетъ продолжаться вѣчно—и рано или поздно должна будетъ разорваться, или нѣчто другое? Намекалъ ли онъ о себѣ, или подразумѣвалъ кого-нибудь другого?..“

Эта мысль не только занимала Ольгу, но даже тревожила. Чемезовъ былъ не такой человѣкъ, у котораго можно было выѣдать что-нибудь, чего онъ не желалъ высказывать—и Ольга это знала. До сихъ поръ они никогда не говорили о возможности брака одного изъ нихъ да и вообще ни о чемъ подобномъ. Это

иногда даже удивляло и оскорбляло Ольгу. Она напередъ знала, что никогда и ни за кого не пойдетъ, и знала, что и Чемезовъ знаетъ это. Но ей было немного больно, что лично въ немъ она не замѣчала никогда ни малѣйшаго желанія сдѣлать ее своей женой. Если ужъ она вообще не хотѣла выходить замужъ, то ему, котораго она такъ любила, менѣе чѣмъ всякому другому рѣшилась бы она навязать такую неудобную жену, какой она себя сознавала. Но это нисколько не могло мѣшать ему самому желать жениться на ней. Она могла находить себя плохой и неудобной женой, но не онъ. И сознаніе, что и онъ вѣроятно того же мнѣнія о ней, задѣвало и оскорбляло ее, хотя она никогда и ни однимъ намекомъ не высказала ему этого.

XV.

Когда большая и дружная прежде семья начинаетъ распадаться, то распадается уже быстро. Такъ было и съ Леонтьевыми. Изъ огромной когда-то мирной и счастливой семьи остались вмѣстѣ только Пелагея Семеновна, Ольга и Боря съ маленькимъ Сережей, да и тѣ, за исключеніемъ Сережи, были несчастливы. Остальные же разлетѣлись въ разныя стороны и начали свою самостоятельную новую жизнь, не связанную общими интересами, горестями и радостями съ прочими членами семьи. Варя была за границей въ Миланѣ, куда уѣхала на два года; Павлуша вернулся въ Москву и, поступивъ въ университетъ, жилъ тамъ съ товарищами; Сергѣй вторую зиму былъ въ Иркутскѣ, и Пелагея Семеновна, привыкшая къ прежнему многолюдному обществу, всегда толпившемуся у нихъ, чувствовала себя теперь окончательно одинокой и заброшенной. Ольга цѣлые дни проводила у Чемезова, а въ остальное время ходила мрачная и раздражительная, Борисъ пропадалъ неизвѣстно гдѣ, и даже Милочка гораздо рѣже заглядывала сюда.

— Фу, какая у васъ тоска!—говорила она, придя на минутку и найдя дома только одну мать и Настасью да и тѣхъ заплаканными и печальными.

Московскій образъ жизни никакъ здѣсь не складывался. Старые знакомые (которыхъ къ тому же въ Петербургѣ было гораздо меньше, чѣмъ въ Москвѣ) понемножку отставали, скучая здѣсь теперь такъ же, какъ скучала и Милочка, а новые какъ-то не прививались. Ольга, вся поглощенная своей любовью и заботами, видимо избѣгала всякихъ знакомствъ и тя-

готилась гостями, а Пелагея Семеновна, безсознательно для себя начавшая бояться дочери, не смѣла идти противъ нея. Словомъ, семья, а съ нею и весь прежній складъ жизни, привычки и вкусы измѣнились; это чувствовалось и своими и чужими, которыхъ больше уже не тянуло къ Леонтьевымъ.

Даже Ольгино рожденье и знаменитый капустникъ, такіе многолюдные когда-то въ Москвѣ, прошли тихо, безъ гостей. Ольга стала теперь всѣ наиболѣе значительные и торжественные для нея дни, въ родѣ Новаго года, рожденья и т. д., проводить вдвоемъ съ Чемезовымъ, что ей больше всего нравилось, но что очень огорчало Пелагею Семеновну, находившую, что хоть такіе-то „великіе", какъ она ихъ называла, дни дочь могла бы проводить дома, и это также еще больше вооружало противъ Ольги Елену Николаевну, въ свою очередь привыкшую къ тому, чтобы подобные дни братъ проводилъ въ ея семьѣ.

Даже въ самой квартирѣ, несмотря на парадную, новую обстановку, чувствовалось запустѣніе, что-то нежилое точно. Никто ею не занимался. Пелагея Семеновна сидѣла все больше въ своей маленькой комнаткѣ, почти не заглядывая въ эти пустыя, наводившія еще хуже только на нее тоску, парадныя комнаты; Ольга же, почти не бывавшая дома, даже не замѣчала, метутся онѣ или нѣтъ, а Настасья давно уже махнула на все рукой.

— А ну ихъ!—говорила она съ равнодушіемъ какого-то отчаянія:—пускай ихъ пылятся, на что ихъ теперь!..

Сезонъ подходилъ уже къ концу, а дѣла Ольги въ театрѣ стояли такъ же, какъ и сначала, если даже не хуже, и она должна была сознаться себѣ, что нынѣшній сезонъ успѣха не имѣла. Ее не только затирали, но и затирали-то еще скверно, зло, всячески стараясь показывать, что въ этомъ не чья другая вина, какъ только самой ея, Ольги, „не подошедшей будто бы къ Петербургу!" Даже газеты, сначала было-возмущавшіяся и заступавшіяся за нее, занявшись новыми злобами дня и наскучивши писать все о томъ же, стали равнодушнѣе относиться къ ней. Въ нѣкоторыхъ даже появился какой-то новый преднамѣренно холодный и какъ бы даже уже недовѣрчивый къ ней тонъ—и именно въ тѣхъ, гдѣ всегда особенно расхваливали Княжеву.

Ольга сознавала теперь лучше чѣмъ когда-нибудь, что надо или стряхнуть съ себя наконецъ свою апатію и болѣе умно, ловко и энергично приняться за борьбу, или... или бросить петербургскую сцену, гдѣ ей такъ не повезло. Она сама знала на примѣрѣ многихъ товарищей, какъ иногда какой-нибудь артистъ, на котораго чуть не молятся въ одномъ городѣ, претерпѣваетъ

вдругъ полное фіаско въ другомъ. Она даже и фіаско въ сущности еще не претерпѣла, но тѣ, кому это нужно было, нарочно дѣлали для того все, и многіе уже невольно, поддаваясь обману ловкой закулисной интриги, начинали вѣрить въ это фіаско и сомнѣваться въ талантѣ Ольги, которому готовы были чуть не поклоняться еще годъ тому назадъ.

Разъ къ ней пришелъ Барсуковъ. Онъ былъ почти единственный изъ труппы, поцрежнему тепло и искренно относившійся къ Ольгѣ. Онъ лучше другихъ понималъ ее и больше жалѣлъ, искренно сочувствуя ей; но и съ нимъ за послѣднее время она стала видаться гораздо рѣже. Она чувствовала, что онъ понимаетъ не только ее, но и то, что она спускается подъ гору въ своей артистической славѣ, и ей было тяжело и непріятно видѣть тотъ соболѣзнующій печальный взглядъ его, который она часто теперь ловила на себѣ.

— Вотъ, Оленька, пришелъ къ тебѣ по дѣлу одному переговорить!—сказалъ Барсуковъ, какъ всегда, цѣлуя ее въ лобъ.— Хотя они и понимали прекрасно другъ друга и избѣгали даже—(особенно она)—встрѣчаться, но, встрѣчаясь, тѣмъ не менѣе, принимали всегда обыкновенный, спокойный видъ, притворяясь зачѣмъ-то одинъ предъ другимъ, что ничего особеннаго не замѣчаютъ, да и замѣчать-то даже нечего, потому что все идетъ какъ всегда.

— „О, Боже мой... о чемъ?—подумала Ольга съ мелькнувшей на лицѣ болѣзненной гримасой: —опять что-нибудь о театрѣ вѣрно... новая прелесть какая-нибудь... или, можетъ быть, начнетъ совѣтовать... сочувствовать... О, Боже мой, Боже мой, если бы всѣ они оставили меня въ покоѣ!“

Она почему-то теперь всегда и отъ всѣхъ ждала только непріятностей.

— О чемъ?—спросила она вслухъ съ улыбкой, притворяясь опять совсѣмъ спокойной и ничего будто бы не подозрѣвающей.

— Да что, Оленька, — началъ онъ какъ-то нерѣшительно, смотря на нее своими добрыми, маленькими глазами:—мы вотъ съ Ниловымъ артистическое „турнэ“ задумали.

— Ну, такъ что же?

— Да вотъ хотимъ тебя звать.

Ольга вспыхнула, и глаза ея оживились и радостно блеснули на мгновеніе, но чрезъ минуту лицо ея опять потухло, и она печально усмѣхнулась и покачала головой.

— Ну, куда ужъ мнѣ!—сказала она точно съ какимъ-то презрѣніемъ къ самой себѣ.

— Да отчего же это, Оленька? ты подумай только, какъ это хорошо выйдетъ!..

И онъ началъ горячо убѣждать ее, что это не только будетъ полезно для нея и хорошо для нихъ, но даже прямо необходимо и для нея, и для турнэ, задуманнаго имъ, которое безъ нея совсѣмъ не будетъ имѣть уже такого значенія. Сначала онъ видимо старался выдерживать тотъ тонъ, который они добровольно приняли теперь на себя, и не касаться никакихъ щекотливыхъ вопросовъ, но, видя, что она не убѣждается и только съ безнадежной улыбкой тихо качаетъ головой на всѣ его доводы, онъ не выдержалъ и тонъ добровольно принятаго имъ на себѣ при ней непониманія вдругъ разомъ перервался.

— Оленька!—воскликнулъ онъ:—да развѣ мнѣ легко глядѣть на тебя! Развѣ я не вижу, какъ тебя травятъ тутъ со всѣхъ сторонъ и какъ ты совсѣмъ уже замучилась! Да у меня все сердце за тебя изныло! Плюнь ты, милая, на нихъ всѣхъ, хоть на время-то отсюда вырвись! А то вѣдь такъ Богъ-вѣсть до чего дойти можно. А ты попробуй, поѣзжай съ нами, проѣздимъ всего мѣсяца два-три,—прямо сейчасъ же на другой день окончанія сезона и ѣхать можно; ты погляди, какъ ты опять вся оживешь за это время, вдали отъ всѣхъ этихъ дрязгъ да интригъ разныхъ. По крайней мѣрѣ хоть новыхъ силъ да энергіи наберешься, а ужъ я для тебя все что хочешь, милая, устрою, только поѣдемъ. Репертуаръ прямо на твой выборъ предоставлю, будешь играть что захочешь сама, а не то, что тутъ навяжутъ, да прикажутъ! А ужъ въ провинціи-то какъ рады будутъ,—имъ вѣдь это праздникъ; весь югъ такъ и объѣдемъ,—тамъ на тебя до сихъ поръ молятся.

Онъ долго, взявъ ея руки съ лаской и совсѣмъ войдя въ прежній искренній задушевный тонъ, убѣждалъ и уговаривалъ ее; но она только молча слушала его.

Развѣ она сама всего этого не понимала, не желала! Боже мой, сколько бы она дала, чтобы дѣйствительно рѣшиться уѣхать съ ними, какъ онъ ее уговаривалъ, опять играть „свои“ роли, по которымъ она такъ скучала, опять увѣриться въ своемъ талантѣ, въ своей силѣ. Уѣхать туда, гдѣ ее всегда такъ любили, такъ баловали, гдѣ каждый разъ ее такъ принимали, гдѣ начались ея первые, самые дорогіе ей успѣхи, не подкупленные еще именемъ, ни извѣстностью, ни модой, ни привычкой. Да, да, тогда она дѣйствительно отдохнула бы, ожила, снова вернулась бы энергія... но... но три мѣсяца не видать Чемезова!.. Боже мой, развѣ это возможно для нея? да она измучается вся, исто-

скуется, никакіе роли и успѣхи не обрадуютъ!.. Да и, наконецъ, мало ли что можетъ случиться за этотъ срокъ... Онъ отъ нея совсѣмъ отвыкнетъ; еще женятъ тутъ его безъ нея; пожалуй эта Hélène воспользуется ея отсутствіемъ. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! развѣ она вынесетъ безъ него цѣлыхъ три мѣсяца! Чтобы совсѣмъ не видѣть его, не говорить съ нимъ, не имѣть его ласкъ, не знать, что онъ тутъ дѣлаетъ, не чувствовать, какъ чувствуетъ теперь, что онъ весь въ ея власти, весь ея!..

— Нѣтъ, нѣтъ,—проговорила она рѣшительно и даже подняла руки и зажмурилась, точно защищаясь отъ какого-то искушенія:—нѣтъ, нѣтъ, я не поѣду!

— Да Оленька, да ты хоть подумай по крайней мѣрѣ!—крикнулъ Барсуковъ съ отчаяніемъ:—подумай хоть прежде!

— Да не могу,—сказала она съ болѣзненной мукой на лицѣ:—понимаешь... не могу... и рада бы, да не могу!..

Барсуковъ съ упрекомъ смотрѣлъ на нее, но чувствовалъ, что она дѣйствительно не можетъ, что она безнадежна.

— Эхъ, Оленька, Оленька!—сказалъ онъ, глубоко вздыхая и печально махая рукой:—какая же ты актриса послѣ того! Актриса—птица, а у тебя, милая, крылья подрѣзаны.

— Ахъ, знаю я это! Все знаю сама и все-таки же не могу!—крикнула она съ такой болью и безсильнымъ отчаяніемъ, точно признавала сама, что для сцены она почти совсѣмъ уже погибла.

XVI.

Среди поста случилось происшествіе, очень повліявшее на отношенія Зины къ Еленѣ Николаевнѣ.

Зина пришла разъ вечеромъ къ брату, который самъ назначилъ ей быть у него въ этотъ день и часъ. Онъ съ Аркадіемъ Петровичемъ были теперь ея попечителями, и ему хотѣлось, чтобы Зина, въ которой онъ замѣчалъ уже маленькую наклонность къ неразсчетливости, лучше знала бы, что у нея есть и сколько она можетъ тратить.

Елена Николаевна ни въ чемъ не стѣсняла сестру и съ удовольствіемъ исполняла всѣ ея желанія по отношенію туалетовъ, что не совсѣмъ нравилось Чемезову. Онъ находилъ, что это пріучаетъ ее къ роскоши и тратамъ не по средствамъ; отъ всего этого ей трудно будетъ отвыкать впослѣдствіи, а отвыкать ей легко можетъ придтись, потому что она имѣла очень небольшія средства и не могла позволить себѣ всего, что могла по-

зволять старшая, несравненно болѣе богатая сестра. Чемезову казалось, что Зина, воспитанная въ невѣденіи серьезныхъ вопросовъ, не понимала еще этого, и ему хотѣлось „заставить“ ее это понять и разъяснить ея положеніе, на которое она по неопытности глядѣла очень легкомысленно.

— Я не знаю, что̀ тебя безпокоитъ, — сказала, слегка краснѣя отъ видимаго неудовольствія, Елена Николаевна, когда Чемезовъ разъ высказалъ ей это.—Всѣ туалеты Зины я дѣлаю сама и на свой счетъ, мнѣ это доставляетъ удовольствіе и ужъ конечно ничуть не разоряетъ!

— Да,—сказалъ Чемезовъ:—но не забывай, что ваши средства весьма различны. Зину слѣдуетъ подготовлять скорѣе къ скромной, трудовой жизни, чѣмъ къ роскоши, потому что неизвѣстно, какъ еще сложится для нея жизнь. Можетъ быть, ей придется своимъ трудомъ заработывать кусокъ хлѣба, къ чему, кажется, у нея мало способности; можетъ быть, она выйдетъ замужъ за очень небогатаго человѣка, а съ ея тридцатью тысячами далеко не уйдешь!

— Да, но пока я жива, у Зины есть все тоже, что̀ есть и у меня. Она для меня все равно что дочь, а странно, кажется, было бы отдѣлять средства дѣтей отъ средствъ родителей!

— Я этого не нахожу,—сказалъ Чемезовъ:—потому что средства твоихъ дѣтей останутся почти неизмѣненными и послѣ тебя, а у Зины не только съ твоей смертью, но даже и съ ея замужствомъ это очень измѣнится. Да наконецъ, я не думаю, чтобы для нея было полезно пріучаться жить на чужой счетъ, хотя бы это и было на счетъ родной сестры. Она уже больше не ребенокъ, и я хочу, чтобы она знала ясно, что̀ у нея есть, и понимала бы не менѣе ясно также, что̀ можетъ тратить, соображаясь съ своими средствами, а не съ твоими, какъ это она безсознательно дѣлаетъ теперь. Если у нея въ годъ будетъ меньше нѣсколькими платьями и шляпками, то это еще не велика для нея бѣда. Вообще я желалъ бы переговорить съ ней обо всемъ этомъ и былъ бы тебѣ очень благодаренъ, еслибы ты прислала ее какъ-нибудь ко мнѣ вечеркомъ, гдѣ я на свободѣ могъ бы потолковать съ ней.

— Хорошо,—сказала, соглашаясь поневолѣ, Елена Николаевна; она не считала себя въ правѣ идти въ этомъ противъ ...ата, прямого опекуна Зины:—хорошо, изволь, я пришлю ее къ ...бѣ. Только когда?—спросила она точно съ маленькимъ колѣніемъ и замѣшательствомъ.

Чемезовъ немного нахмурился; онъ понялъ, почему сестра зап-

нулась и покраснѣла, спрашивая это. Сестры вообще бывали у него теперь все рѣже и рѣже, и особенно Зина, которую съ прошлаго года точно избѣгали отпускать къ нему, видимо боясь „опасныхъ встрѣчъ".

— Завтра вечеромъ лучше всего, такъ около половины восьмого,—сказалъ онъ, зная, что Ольга у него не будетъ, потому что завтра у нея спектакль.

— Хорошо... ты будешь совсѣмъ свободенъ?—спросила опять какъ бы вскользь, но не безъ маленькаго удареніе Hélène.

— Ну, конечно, если я самъ это назначаю!—сказалъ Чемезовъ съ неудовольствіемъ, какъ бы обижаясь, что сестра видимо не довѣряетъ и боится поручить ему Зину; но Елена Николаевна поспѣшила согласиться.

— Хорошо, хорошо, я пришлю ее,—сказала она, чувствуя, что братъ понимаетъ ея мысли, и невольно сама смутилась оттого.

XVII.

Когда на другой день Зина пришла къ Чемезову,—случилось какъ разъ именно то, чего такъ боялась Елена Николаевна.

Въ департаментѣ назначили случайно небольшое засѣданіе, и Чемезовъ уже оттуда прислалъ къ себѣ домой записку Зинѣ, что онъ немного запоздаетъ и придетъ къ девяти часамъ, чтобы она подождала его, что она и сдѣлала.

Но у Ольги также неожиданно отмѣнили по болѣзни одного изъ участвующихъ пьесу, въ которой она должна была играть; это случилось уже днемъ часовъ около пяти, и потому Чемезовъ ничего объ этомъ не зналъ.

Утромъ ему пришла-было мысль написать все-таки Ольгѣ, на всякій случай, чтобы она не приходила, потому что у него будетъ сестра, но Ольга была очень обидчива въ этомъ отношеніи, и разъ, когда она пріѣхала въ то время, когда у него были сестры, и няня не пустила ее, у нихъ вышла непріятная исторія, повторенія которой онъ вовсе не желалъ.

— Пожалуйста,—сказала тогда Ольга, видимо очень оскорбленная этимъ случаемъ:—предупреждай меня впередъ всегда, когда къ тебѣ будутъ пріѣзжать твои сестрицы, потому что если мое общество и знакомство считается для нихъ неприличнымъ, и я не смѣю войти при нихъ къ тебѣ, то я, по крайней мѣрѣ, желаю, чтобы ты самъ предупреждалъ меня объ этомъ, а не высылалъ мнѣ говорить это чрезъ твоихъ лакеевъ и швейцаровъ.

И именно поэтому-то онъ и не послалъ ей записку, какъ думалъ-было сначала: онъ хорошо понималъ, что хотя Ольга и просила предупреждать ее, но еслибы онъ дѣйствительно сдѣлалъ это и попросилъ бы ее не приходить, она въ душѣ непремѣнно опять обидѣлась бы, и вышли бы только новыя непріятности, которыя, благодаря ея нервному состоянію, случались теперь очень нерѣдко и иногда по самымъ пустымъ причинамъ.

Чемезовъ старался всячески избѣгать того и потому рѣшилъ никакой записки Ольгѣ не посылать, тѣмъ болѣе, что это было даже въ сущности и излишне, такъ какъ она была занята въ спектаклѣ.

Когда вечеромъ около восьми часовъ Ольга пріѣхала къ Чемезову, швейцаръ, отворяя ей дверь и увидѣвъ ее, принялъ на себя тотъ сконфуженно-таинственный видъ, который принималъ всегда, когда считалъ своей обязанностью предупреждать ее о томъ, что „у ихъ превосходительства гости“!

— У нихъ сестрица-съ...—сказалъ онъ, запинаясь и точно загораживая ей входъ, съ той противной для Ольги улыбкой, которая больше всего возмущала ее въ этихъ случаяхъ.

— Ну такъ что же такое?—спросила она рѣзко, и вся кровь бросилась ей въ лицо отъ стыда и негодованія, и не дожидаясь его отвѣта она гордымъ движеніемъ приподняла голову и прошла мимо него прямо на лѣстницу.

„Ахъ... какъ отвратительно!—сказала она себѣ:—каждый холопъ... нянька, лакей, швейцаръ, да и всѣ, всѣ эти, которые при немъ, какъ они смотрятъ на меня!.. Да и онъ самъ, онъ самъ тоже“...

И какъ всегда это бывало съ ней въ подобныхъ случаяхъ, она сейчасъ же перенесла свой гнѣвъ съ другихъ на него, какъ на главный источникъ всѣхъ этихъ ея униженій и оскорбленій.

Она взволнованно, съ поблѣднѣвшимъ и нервно вздрагивающимъ лицомъ, поднималась наверхъ, предчувствуя, что сейчасъ выйдетъ что-то нехорошее, еще болѣе унизительное для нея.

„Зачѣмъ я иду?—подумала она, останавливаясь на мгновеніе и стараясь опомниться и сообразить то, что она дѣлала.—Конечно, лучше не ходить... что изъ того выйдетъ?.. только новое скорбленіе ей, новая пошлая постыдная для нея исторія!.. и потомъ съ нимъ, онъ тоже разсердится... Боже мой, опять... Да, но вѣдь не можетъ же она такъ на глазахъ всѣхъ этихъ людей, того идіота швейцара, уйти опять назадъ только для того, чтобы показать имъ еще разъ, что она „не смѣетъ“ войти при его „сестрицѣ“! Да что же она наконецъ такое,—почему не смѣетъ?

Что она — оскверняетъ, позоритъ ихъ что-ли своимъ присутствіемъ? О, Боже мой, Боже мой, какая все это гадость!.. Напротивъ, это даже лучше, что онѣ наконецъ встрѣтятся лицомъ къ лицу! Это навѣрное его возлюбленная Hélène дожидается его зачѣмъ-нибудь, быть можетъ даже для того, чтобы опять возстановлять его противъ нея, Ольги, какъ возстанавливала уже не разъ!.. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше; пускай выйдетъ исторія, пускай даже разсердится потомъ и онъ, пускай даже они разойдутся,—зато она выскажетъ прямо въ глаза этой женщинѣ, которая думаетъ только о томъ, чтобы развести ихъ, всю, всю правду—и то, какъ она ее ненавидитъ, и то, какъ она ничуть, конечно, не боится ея!.."

На нее вдругъ налетѣлъ тотъ необузданный порывъ страстнаго почти до наслажденія бѣшенства, который ей былъ свойственъ по временамъ. Она съ болѣзненной, злобною радостью, вся поблѣднѣвъ даже и дрожа отъ волненія, рѣзко дернула звонокъ у его двери; тѣ нѣсколько секундъ, что ей не отворяли, показались ей такъ долги, что она въ нетерпѣніи, точно боясь, что гнѣвъ ея уляжется прежде, чѣмъ она дастъ ему просторъ вырваться наружу, снова во второй и въ третій разъ дернула нетерпѣливо звонокъ. Ей отворила няня съ недовольнымъ и строгимъ видомъ.

— Нельзя-съ... у насъ барышня...—сказала няня таинственнымъ шопотомъ; но Ольгѣ показалось, что въ голосѣ ея при этомъ звучитъ насмѣшка и презрѣніе къ ней, Ольгѣ, которая не посмѣетъ войти при барышнѣ.

— Ну, такъ что же!—сказала она точно такъ же, какъ уже сказала это внизу швейцару, только взглядъ и голосъ ея при этомъ были еще болѣе раздраженные и вызывающіе.—Ну, такъ что же?—повторила она надменно, и съ спокойнымъ, несвойственнымъ ей высокомѣріемъ отстранивъ няню, вошла въ переднюю и скинула съ плечъ шубу.

— Да мнѣ-то ничего... Коли вамъ самой не стыдно, такъ мнѣ-то что же!—сказала няня сердито.

— Да,—сказала Ольга звенящимъ отъ волненія голосомъ:—мнѣ нисколько не стыдно, и это дѣйствительно не ваше дѣло!

И она твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ вошла въ кабинетъ.

Въ ту минуту, когда она входила, приготовляясь къ встрѣчѣ съ Hélène, голова ея была гордо, надменно закинута и глаза гнѣвно и зло сверкали на блѣдномъ лицѣ. Она однимъ быстрымъ, все сразу осмотрѣвшимъ взглядомъ окинула комнату, ища въ ней другую, ненавистную ей въ эту минуту фигуру, но вмѣсто Hélène увидѣла въ углу, подлѣ круглаго стола съ журналами, на

которомъ стояла высокая лампа подъ большимъ абажуромъ, кого-то совсѣмъ другого; чье-то юное, миловидное лицо выглядывало на нее оттуда полу-радостно, полу-испуганно.

„Такъ это не она... кто же это?..—изумленно подумала она, вглядываясь въ это миловидное личико и отъ волненія даже не узнавая его въ первое мгновенье.—„Ахъ, да... это та... другая...“—сказала она себѣ почти съ разочарованіемъ, и ей стало жалко и досадно, зачѣмъ это не Hélène:—ну, все равно, все равно,—говорила она мысленно, нарочно для чего-то стараясь поддерживать въ себѣ свое раздраженіе:—все равно... и эта навѣрное такая же... отчего ей быть лучше! всѣ, всѣ онѣ хороши...“

И холоднымъ, едва замѣтнымъ высокомѣрнымъ кивкомъ головы она кивнула Зинѣ, смущенно приподнявшейся при ея входѣ. Зина такъ не ожидала этой встрѣчи съ своимъ прекраснымъ, запретнымъ для нея теперь божествомъ, что совсѣмъ растерялась при входѣ ея. Когда она изъ передней услыхала ея голосъ, который такъ запомнился ей, и поняла, что это „она“,—то сначала и поразилась, и обрадовалась, и испугалась чего-то и сама не знала, что̀ ей дѣлать: бѣжать ли скорѣе спрятаться къ нянѣ, или съ восторгомъ броситься на встрѣчу къ Ольгѣ и разсказать ей, какъ она любитъ ее и какъ рада, страшно рада, что видитъ ее наконецъ такъ близко и можетъ говорить съ ней, цѣловать ее даже... Но инстинктомъ сдержаннаго воспитанія она не сдѣлала ни того, ни другого, и только молча и робко, съ сильно бьющимся сердцемъ, приподнялась съ мѣста, безсознательно ожидая того перваго толчка и тона, которые ей дастъ Ольга, и послѣ чего она лучше бы знала, какъ держать себя.

Но блѣдное, злое лицо Ольги, ея взглядъ, полный уничтожающей ненависти, и холодный надменный кивокъ такъ поразили и огорчили Зину, что она еще больше растерялась и чуть не заплакала. Она не понимала, за что Ольга взглянула на нее съ такой ужасной ненавистью! Сердце самой Зины, молодое и довѣрчивое, рвалось на встрѣчу къ Ольгѣ; она бросилась бы ей на шею при первомъ ея ласковомъ словѣ. И вдругъ этотъ жестокій—невольно захолодившій весь ея восторгъ — взглядъ и кивокъ! За что? Что̀ она сдѣлала ей, чтобы та могла такъ ненавидѣть ее?

Зина машинально опустилась опять на свое мѣсто и, придвинувъ къ себѣ иллюстраціи, машинально же, ничего въ нихъ почти не видя отъ застилавшихъ ей глаза невольныхъ слезъ, стала опять разсматривать ихъ.

Она сидѣла, прижавшись въ свой уголокъ, почти боясь даже

глядѣть теперь на Ольгу, но тѣмъ не менѣе видѣла, или вѣрнѣе, чувствовала каждое ея движеніе. Она видѣла, какъ та все съ тѣмъ же злымъ, блѣднымъ лицомъ подошла сначала къ камину, надъ которымъ висѣло зеркало, сняла шляпу, поправивъ предъ нимъ свои растрепавшіеся слегка волосы, и подойдя потомъ къ качалкѣ, опустилась въ нее, медленно стягивая съ рукъ длинныя рыжія перчатки.

Зина чувствовала, что она дѣлаетъ все это не потому, что ей такъ нужно, а нарочно, чтобы только показать ей, Зинѣ, какъ мало обращаетъ она на нее вниманія и не только не желаетъ знакомиться и говорить съ ней, но просто какъ бы не удостоиваетъ даже замѣчать ея присутствіе.

И это было ея прекрасное, загадочное и таинственное божество, одно слово котораго заставляло плакать и наслаждаться въ тѣ минуты, когда она видѣла его на сценѣ! То самое божество, о которомъ она столько мечтала, такъ любила тайкомъ отъ всѣхъ и предъ которымъ готова была чуть не преклоняться! И неужели же это дѣйствительно она, эта женщина съ такимъ злымъ, холоднымъ, надменнымъ лицомъ? Или, можетъ быть, она была такой только съ одной—съ ней, Зиной, которую почему-то ненавидѣла и презирала?

„Боже мой, какъ все это глупо!“—сказала себѣ Ольга, беря какую-то первую попавшуюся ей подъ руку книгу и тоже начиная перелистывать ее.

Теперь, когда она немного уже успокоилась, она сознала, какъ все это вышло нелѣпо и некстати! Ей стало ужасно досадно, что, поддавшись своему раздраженію и не разузнавъ хорошенько сначала, кто у Чемезова, вошла прямо съ намѣреніемъ сдѣлать сцену Еленѣ Николаевнѣ и напала на эту ни въ чемъ неповинную Зину, и вмѣстѣ съ этимъ попала сама въ такое глупое положеніе. Теперь Ольга вспомнила и то, что няня сказала: „у насъ барышня“, а не барыня, чего въ ту минуту она не могла различить, а также и то, какъ Чемезовъ не разъ разсказывалъ ей о наивномъ восхищеніи ею своей младшей сестры. Вспомнивъ все это, ей стало жалко и досадно за то, что она, быть можетъ, навсегда испортила расположеніе къ себѣ въ этой дѣвочкѣ и напугала ее еще къ тому же своимъ взбѣшеннымъ видомъ. Еслибы ей пришлось просто встрѣтиться гдѣ-нибудь съ Зиной, такъ, чтобы можно было познакомиться съ ней, она, конечно, съумѣла бы сказать дѣвочкѣ привѣтливое слово и еще больше привлечь ее къ себѣ, разъ что она и такъ уже ей симпатизировала; вѣроятно, онѣ даже очень бы понравились другъ другу. Но теперь, когда

все было испорчено съ первой же минуты, и когда онѣ уже такъ долго сидѣли по своимъ угламъ въ натянутомъ и глупомъ положеніи, трудно было перейти на другой, болѣе естественный и привѣтливый тонъ и сгладить дурное впечатлѣніе.

„Ужасно глупо! — думала она, покачиваясь на качалкѣ и незамѣтно разглядывая Зину, которая ей нравилась все больше и больше: — и какое у нея милое, славное личико! есть что-то его, только въ другомъ родѣ; да вотъ и онъ сейчасъ придетъ“,—и сердце у нея заныло отъ ожиданія его прихода, котораго она невольно боялась теперь, послѣ того, что надѣлала; но сознаніе этого страха сейчасъ же оскорбило, снова раздраживъ ее, и Зина опять перестала казаться ей уже такой привлекательной и милой, какъ казалась за минуту, когда она начала было успокаиваться.

„А впрочемъ, какое мнѣ до всего этого дѣло! Ничего въ ней милаго нѣтъ; такъ просто, смазливая петербургская барышня, и такая же навѣрное фальшивая и напыщенная добродѣтель, какъ и старшая сестрица; и совсѣмъ она мнѣ не симпатизируетъ, конечно,—съ чего ей мнѣ симпатизировать!—скорѣе также ненавидитъ и презираетъ, какъ и старшая“.

И Ольга нарочно стала раздражать себя, представля, какъ Зина будто бы шокирована теперь въ душѣ ея присутствіемъ, и какъ только по неопытности не рѣшается встать и выйти съ видомъ оскорбленной въ своемъ достоинствѣ строгой добродѣтели, что навѣрное сдѣлала бы теперь на ея мѣстѣ старшая сестра.

„Ну, не буду лучше думать, — рѣшила она наконецъ, уставъ отъ раздраженія:—все равно, уйти ужъ невозможно; буду лучше читать, пока онъ не придетъ; а тамъ... а тамъ будь что будетъ“.

XVIII.

Няня нѣсколько разъ тихонько подходила къ двери и въ щелочку портьеръ осторожно засматривала во внутрь комнаты, подслушивая, что „эта“ говоритъ съ ихъ барышней. Но и „эта“, и барышня сидѣли молча, и няня рѣшительно не знала, что ей дѣлать. Конечно, барышнѣ совсѣмъ не годится сидѣть „съ этой“, но и Зину вызвать няня, припоминая взбѣшенный взглядъ Ольги, тоже не рѣшалась, и няня волновалась, недоумѣвая, какъ ей быть.

„Ну, что хорошаго? одинъ срамъ! — съ неудовольствіемъ размышляла она, удивляясь въ то же время, чего это онѣ обѣ

такъ „сидятъ по угламъ насупившись“ и ничего между собой не разговариваютъ:—право, стыда на людяхъ нѣтъ. Другая бы и сама постѣснилась, а этой хоть бы что! вотъ ужъ правду-то говорятъ, что всѣ актрисы отчаянныя! И храни Богъ еще Елена Николаевна узнаютъ,—спасибо и ей не скажутъ; скажутъ, чего смотрѣла, да зачѣмъ допускала, чтобы знакомство завели! А я какъ не допущу?—развѣ онѣ послушаютъ!“ И наглядѣвшись вдоволь въ щелочку, няня уходила къ себѣ въ кухню и садилась тамъ пригорюнившись.

„Вотъ ужъ правду сказать—былъ бы здѣсь Архипычъ, не сидѣли бы теперь вмѣстѣ; тотъ бы живо развелъ и на гнѣвъ ихній не посмотрѣлъ бы!“

Съ тѣхъ поръ какъ Архипычъ уѣхалъ въ деревню, няня часто его вспоминала и не разъ вздыхала о немъ. Старики прожили вмѣстѣ цѣлую жизнь, и хотя, бывало, больше только ссорились да дулись другъ на друга, но разставшись—очень скучали. Няня по вечерамъ даже гадала теперь иногда „на трефоваго короля“, который долженъ былъ изображать собою Архипыча, и печалилась, когда тому выходила „черная масть“.

Новый, взятый на его мѣсто, лакей ничѣмъ ей не угождалъ; ей казалось, что онъ все куда хуже Архипыча справляетъ, хотя молодой расторопный малый зналъ свое дѣло отлично, и Чемезовъ былъ имъ очень доволенъ уже потому, что при немъ значительно уменьшились даже и съ няней неудовольствія по поводу Ольги. Няня повидимому не желала посвящать его „въ семейныя дѣла“ и вообще держала его на почтительномъ разстояніи. Но въ такомъ особенномъ случаѣ, какъ сегодняшній, она даже и съ нимъ рада была бы посовѣтоваться, а онъ ушелъ въ лавку и пропалъ тамъ.

„Вотъ тоже опять, поди, у сосѣдей въ дурачки играетъ, никуда послать нельзя; нѣтъ, ужъ вспомнишь Архипыча не разъ“. И няня посидѣла еще немного, подумала и наконецъ рѣшилась пойти вызвать-таки Зину, разыскать у сосѣдей потомъ Алексѣя и отправить ее съ нимъ домой. Больше ждать она не могла.

— Пожалуйте домой, Зинаида Николаевна!—строгимъ голосомъ сказала она, входя въ кабинетъ и стараясь не глядѣть на Ольгу, которую невольно побаивалась въ эту минуту.—За вами Таня пріѣхала.

— Какая Таня?—спросила Зина, вздрагивая и съ удивленіемъ приподнимая отъ иллюстрацій голову.

И при этомъ она нечаянно взглянула на Ольгу и встрѣти-

лась на одинъ мигъ съ ея насмѣшливыми глазами, съ презрѣніемъ, какъ ей показалось, глядѣвшими на нее.

Зина ярко вспыхнула и поспѣшно встала, но на минуту смущенно остановилась, точно не зная, уходить ей или нѣтъ.

— Пожалуйте, пожалуйте!—сказала няня рѣшительно и сама подала ей перчатки и шляпу, видимо подгоняя ее.

Зина догадывалась, что няня все это нарочно придумала, потому что никакой Тани она не ждала, такъ какъ Елена Николаевна сказала ей, что ее проводитъ домой самъ Юрій. Ей стыдно было, что ее какъ маленькую уводятъ домой чуть не „за ручку“ при Ольгѣ, которая послѣ этого еще больше будетъ, конечно, презирать ее и смѣяться надъ ней. Но тѣмъ не менѣе она все-таки машинально пошла за няней, вся пунцовая отъ замѣшательства, и въ волненіи забыла даже, уходя, поклониться Ольгѣ.

Выйдя въ смежный корридоръ, гдѣ ихъ не было уже видно, она сразу остановилась.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты это сдѣлала?—воскликнула она съ упрекомъ, испуганнымъ шопотомъ.—Вѣдь она поняла, что ты нарочно! зачѣмъ, зачѣмъ ты это выдумала?—съ отчаяніемъ шептала она, вспоминая послѣдній презрительный взглядъ Ольги, которымъ та ее проводила.

— А пускай ее поняла!—съ сердцемъ сказала няня:—что же, коли своего стыда нѣтъ, а я этого допускать не могу! Не такая ты дѣвица, чтобы съ разными актрисами тебѣ компанію водить! Вотъ одѣвай пальто, да и поѣзжай отъ грѣха домой! Алексѣй тебя проводитъ, а то Елена Николаевна узнаетъ—и тебѣ, и мнѣ достанется. Спасибо-то вѣдь за такое дѣло не скажутъ.

Зина въ изумленіи смотрѣла на нее широко раскрытыми глазами, и вдругъ только теперь, послѣ этихъ словъ, поняла окончательно, почему няня увела ее и какъ всѣ они, начиная отъ этой няни и кончая даже самой Еленой, относятся къ ней, этой Ольгѣ; а между тѣмъ, несмотря ни на что, несмотря даже на эту ужасную встрѣчу ихъ сегодня, она въ силу какого-то безотчетнаго инстинкта любила ее все такъ же, какъ полюбила съ той первой минуты, какъ только увидѣла ее.

— Да ты съума сошла!—воскликнула она съ негодованіемъ. Т съума сошла!.. Ахъ, какіе вы всѣ... низкіе, скверные!.. Ни а я не пойду, слышишь, не пойду!—крикнула она съ от щеніемъ и быстро скинула съ себя башлыкъ и шапочку, ко ые няня уже успѣла надѣть на нее.

„А, такъ вотъ отчего она и на нее такъ смотрѣла! Вотъ

отчего не хотѣла даже говорить съ ней! О, конечно, конечно, она думала, что и я также!.. Ахъ, какой стыдъ, какой стыдъ!"

— Да что ты, матушка, ополоумѣла что-ли!—сказала няня, въ изумленіи всплескивая руками:—да ты подумала бы прежде, изъ-за кого ты срамъ-то этотъ поднимаешь! Что она тебѣ родня что-ли? Стоитъ ли она того-то еще, глупая ты! Вотъ погоди, что̀ сестрица-то скажетъ.

— Не смѣй, не смѣй такъ говорить объ ней при мнѣ!—дико крикнула Зина, и все ея личико поблѣднѣло отъ негодованія.— Я ее люблю и уважаю,—слышишь, глубоко уважаю и никому не позволю такъ говорить объ ней! Слышишь ты это, пусти меня!— И прежде чѣмъ няня успѣла опомниться и насильно удержать ее, Зина вырвалась и бросилась обратно въ кабинетъ.

— Ну, срамись, глупая! срамись,—съ сердцемъ, махая ей вслѣдъ рукой, сказала няня, не понимая, когда это ея Зинаида Николаевна успѣла вдругъ такъ полюбить эту „непутёвую":— Вотъ ужъ истинно, что корень какой при себѣ имѣетъ, всѣхъ неизвѣстно чѣмъ привораживаетъ.

И няня сердито хлопнула дверью и ушла къ себѣ въ кухню, не желая даже и въ щелочку больше подглядывать.

XIX.

Вернувшись, Зина нерѣшительно сѣла на старое мѣсто возлѣ стола, съ твердымъ намѣреніемъ не уходить теперь отсюда, хотя бы сама Hélène пришла за ней.

Она чувствовала, что должна сказать что-нибудь Ольгѣ, что̀ доказало бы ей, что она не только никогда не думала объ ней за-одно съ няней и другими, но, напротивъ, отъ всего сердца любитъ и уважаетъ ее; но въ то же время сознавала, что не только не съумѣетъ никогда высказать это, но не рѣшится даже поднять на нее глаза. Такъ ей было стыдно предъ ней за няню и за сестру, и за Архипыча, и за всѣхъ, кто смѣлъ такъ низко думать объ ней. Она молча, нервнымъ движеніемъ стала перелистывать опять иллюстраціи дрожащими еще отъ волненія руками и придумывала, какъ бы ей высказать все это.

— Ну, что же вы не поѣхали съ вашей Таней?—спросила вдругъ сама Ольга, съ насмѣшливымъ недоумѣніемъ посматривая на волнующуюся чѣмъ-то Зину.

Она сама не знала, зачѣмъ сказала эти слова, но, понимая прекрасно, что вся эта исторія съ Таней придумана только для

того, чтобы избавить Зину отъ „неприличнаго“ для нея общества, она не могла удержаться отъ того, чтобы не уколоть чѣмъ-нибудь эту Зину, для которой ея общество считалось неприличнымъ. Но когда она сказала эти слова, Зина робко подняла на нее глаза, въ которыхъ было такое виноватое, пристыженное выраженіе, что Ольга невольно удивилась.

— Пожалуйста, пожалуйста, не думайте...—залепетала Зина съ смущеніемъ и вдругъ стремительно вскочила, перебѣжала чрезъ всю комнату и, бросившись на колѣни предъ качалкой Ольги, крѣпко обняла ее и горько заплакала о чемъ-то.

— О, дѣточка, милая, о чемъ, о чемъ вы?—съ растроганнымъ изумленіемъ воскликнула Ольга, не понимая, что̀ стало вдругъ съ этой дѣвочкой.

— Я никогда, никогда не думала про васъ дурно, я такъ люблю васъ, такъ люблю!—говорила Зина, всхлипывая и все крѣпче прижимаясь къ Ольгѣ.

— За что? За что вы любите меня! я такая злая, такая порочная, а вы такая чистая, невинная,—за что же, за что вы полюбили меня?—спрашивала Ольга, съ радостнымъ умиленіемъ прижимая къ себѣ Зину. И она заплакала сама отъ какого-то новаго, прекраснаго, сладкаго чувства, вдругъ обхватившаго ее растроганнымъ порывомъ.

— Я не знаю,—сказала Зина, съ восторгомъ смотря въ ея лицо:—я давно васъ люблю, съ первой минуты, какъ только увидѣла васъ; вы не сердитесь на меня больше?

— О, дѣточка, милая, я была съ вами такая злая, простите ли вы меня?—сказала Ольга, съ страстнымъ раскаяніемъ вспоминая, какъ она обошлась съ этой дѣвочкой, какъ клеветала на нее въ душѣ, а та между тѣмъ все забыла, все простила ей и такъ довѣрчиво, съ такой любовью бросилась къ ней при первомъ ея словѣ. На ея раздраженной, измученной ссорами и дрязгами душѣ стало такъ хорошо, такъ отрадно отъ сознанія этой чистой, искренней любви, ничѣмъ даже не вызванной съ ея стороны. Эта дѣвочка, еще за минуту предъ тѣмъ чужая и почти непріятная для нея, вдругъ въ одинъ мигъ стала такъ близка и мила ей, что ей казалось, что она всю жизнь знала и любила ее, но только была въ разлукѣ, а теперь снова встрѣтила ее и полюбила еще больше.

И нѣжно обнявшись и лаская одна другую, онѣ сквозь слезы, съ радостнымъ, растроганнымъ изумленіемъ смотрѣли, любуясь другъ другомъ. Зина разсказывала ей, все еще стоя на колѣняхъ, и сіяя уже счастливой улыбкой, хотя слезы еще блестѣли въ

ея глазахъ, какъ она увидѣла ее въ первый разъ въ „Маріи Стюартъ“, какъ съ тѣхъ поръ рвалась въ театръ каждый разъ, что читала на афишахъ ея имя, какъ мечтала увидѣть ее вблизи когда-нибудь и провожала разъ ее на вокзалѣ... Зина разсказывала быстро и сбивчиво, перебивая самоё себя воспоминаніями и ласками, но Ольгѣ было понятно каждое ея слово, и каждое это слово было ей отрадно и трогало ее, еще болѣе привлекая къ Зинѣ.

— И вы мнѣ даже бросили розу,—говорила Зина:—я ее до сихъ поръ храню вмѣстѣ съ вашими портретами... у меня ихъ много, цѣлыхъ семь... я ихъ все потихоньку покупала и прятала, и когда никого не было, я ихъ вынимала и все глядѣла на нихъ. Если бы вы знали, какъ я хотѣла увидѣть васъ, вотъ какъ теперь, и говорить съ вами и цѣловать... я даже во снѣ васъ часто вижу. И когда вы сегодня вошли, я такъ обрадовалась и подумала: „вотъ, вотъ оно настало!“—и вдругъ ваше лицо! Ахъ, какое ужасное было у васъ лицо!—И вспомнивъ опять этотъ ужасный, поразившій ее взглядъ Ольги, она снова заплакала и еще крѣпче обняла ее.

— Я думала, вы ненавидите меня... но зато теперь мнѣ такъ хорошо!—сказала она чрезъ минуту, улыбаясь счастливою, влюбленною улыбкой.

Ольга молча, съ задумчивой, нѣжной лаской гладила ее по волосамъ своей нѣжною, прекрасною рукой, и Зина тоже молча, съ какимъ-то дѣтски-пытливымъ выраженіемъ въ глазахъ, всматривалась въ лицо ея.

— Вѣдь вы... любите Юрія?.. — тихо спросила она вдругъ, застѣнчиво краснѣя сама отъ своего вопроса.

Ольга молча, съ счастливой улыбкой кивнула ей.

— И онъ васъ?—тихо спросила она опять ее.

Ольга опять улыбнулась и кивнула ей.

Тогда Зина чему-то радостно, громко засмѣялась и крѣпко поцѣловала Ольгу.

— И я... и я тоже люблю!—сказала она чрезъ минуту съ смущеннымъ и радостнымъ въ то же время выраженіемъ на своемъ миломъ, дѣтски-чистомъ личикѣ.

— Вы!—воскликнула Ольга съ изумленіемъ. Зина казалась ей еще такимъ ребенкомъ, что ей трудно было повѣрить, чтобы эта дѣвочка могла любить уже какъ женщина. Она хотѣла приподнять ея голову, чтобы взглянуть на нее, но Зина спрятала отъ нея свое заалѣвшее, счастливое лицо у нея на груди и не давала приподнять его.

— Я никому, никому не говорила еще объ этомъ,—тихо, вся

прячась отъ Ольги, продолжала она:—но вамъ я все, все скажу! Только онъ еще студентъ... это Алеша Савельевъ... знаете, племянникъ Ильи Егорыча?.. вы не знаете Ильи Егорыча? онъ пріятель Юрія... Но пока онъ не кончитъ, намъ нельзя жениться, оттого мы и не говоримъ никому... все равно, не позволятъ теперь. Но мы будемъ ждать... что же, это немного, три года; у англичанъ вѣдь даже и по десяти лѣтъ ждутъ.

— О, такъ это серьезно!—сказала Ольга, и любуясь ею, и невольно сомнѣваясь въ прочности этой ранней, почти дѣтской еще любви.

Но Зина почувствовала, что Ольга ей не вѣритъ, и на лицѣ ея вспыхнуло огорченіе.

— О, нѣтъ, вѣрьте!—воскликнула она съ упрекомъ:—другіе пускай не вѣрятъ, но вы вѣрьте!.. Я знаю, что вы думаете, что это еще слишкомъ рано, что я еще слишкомъ молода; но... но ужъ у насъ вся семья такая, мы всѣ любимъ разъ навсегда!

И въ дѣтскомъ личикѣ Зины появилось вдругъ какое-то новое, строгое, вдумчивое выраженіе, точно она мысленно заглядывала вдаль и провѣряла тамъ, гдѣ-то въ далекомъ, далекомъ будущемъ, свою любовь.

— „Да... вотъ и у нея такое же выраженіе теперь, какъ у него бываетъ...“—подумала Ольга, съ нѣжнымъ любопытствомъ всматриваясь въ лицо Зины и еще больше любя ее за это одинаковое съ нимъ выраженіе. Ей было пріятно, что Зина сказала, какъ всѣ въ ихъ семьѣ любятъ „разъ навсегда“; она чувствовала, что это правда, и радовалась, что любовь эта упала именно на нее.

— Такъ разъ навсегда? — переспросила она съ задумчивой улыбкой и невольно уже больше стала вѣрить въ эту дѣтскую любовь Зины.

— Разъ навсегда!—твердо повторила Зина, и вдумчивое выраженіе на ея личикѣ исчезло, она снова оживилась и, вся просіявъ, начала разсказывать Ольгѣ о томъ, какъ они съ Алешей женятся и сейчасъ же уѣдутъ на Волгу, гдѣ у него семья и имѣніе, и какъ станутъ тамъ жить и хозяйничать вмѣстѣ.

И въ мечтахъ этихъ была такая свѣжая, наивная прелесть первой, чистой молодости, что, слушая ее, Ольга невольно улыбалась и на душѣ самой ея дѣлалось все спокойнѣе и отраднѣе.

— А вы выйдите за Юрія!—воскликнула вдругъ Зина, радостно обнимая ее.

Но отъ этихъ словъ, простыхъ и искреннихъ, сердце Ольги тоскливо сжалось.

— Нѣтъ, — сказала она, блѣднѣя и грустно качая головой: —этого никогда не будетъ.

— Отчего, отчего?—крикнула съ отчаяніемъ Зина, крѣпко сжимая ея руки.—Отчего? вѣдь вы же любите другъ друга! Нѣтъ, это будетъ, непремѣнно будетъ! Я знаю, почему вы такъ говорите, но онъ никого, никого не послушаетъ, и вы будете его женой,—я чувствую, чувствую это!

Ольга вспыхнула и отняла отъ Зины свои руки. Ей снова стало противно и стыдно тѣмъ мучительнымъ, озлобленнымъ стыдомъ, который преслѣдовалъ ее все послѣднее время и такъ легко вспыхивалъ въ ней вмѣстѣ съ раздраженіемъ.

Даже и она, эта влюбленная въ нее дѣвочка, безсознательно унижаетъ ее своими наивными увѣреніями, „что онъ никого не послушаетъ“, въ которыхъ невольно прорывается тотъ оскорбительный взглядъ, который почему-то установился на нее въ семьѣ Чемезова.

— Я вовсе не потому не желаю выходить за вашего брата, что его роднымъ это будетъ неугодно и непріятно,—холодно, невольно опять хмурясь, сказала Ольга:—и не потому, конечно, что считала бы себя „недостойной“ для него партіей, а только потому, что сама (она рѣзко подчеркнула это слово) не хочу этого! Не хочу, потому что я прежде всего артистка и никогда не брошу и не промѣняю моей сцены ни на какое замужство.

Зина смущенно глядѣла на нее. Она почувствовала, что Ольга опять точно уходитъ отъ нея, и что она какъ-то обидѣла ее своими словами, хотя въ чемъ собственно заключалась обида этихъ словъ—она не понимала.

— Но... можетъ быть... вамъ можно будетъ... и на сценѣ остаться, и... замужъ за него выйти...—робко, боясь еще хуже разсердить опять чѣмъ-нибудь Ольгу, сказала она. Но Ольгѣ и самой уже стало жалко бѣдную дѣвочку, такъ искренно желавшую ей всякаго счастья и ужъ, конечно, ни въ чемъ невиноватую.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она, ласково привлекая ее снова къ себѣ,—этого нельзя. Да этого и не надо... мнѣ и такъ хорошо; не будемъ лучше говорить объ этомъ, вы не поймете меня еще, милочка...

— Но это такъ ужасно!.. любить и никогда... не жениться... —тихо сказала Зина.

Онѣ обѣ замолчали, и Зина, положивъ головку на колѣни къ Ольгѣ, грустно думала о томъ, что дѣйствительно не понимаетъ ее. Не понимаетъ, какъ это можетъ быть „и такъ хорошо“,

—когда люди, любя другъ друга, не могутъ жениться, и какъ этого можетъ быть даже „и не надо“? Развѣ можно любить сцену больше, чѣмъ любимаго человѣка? Конечно, было бы такъ жаль, если бы Ольга оставила дѣйствительно сцену, и они никогда больше не увидѣли бы ее на ней; но на мѣстѣ Ольги... Зина все-таки же оставила бы сцену и вышла бы за своего Алешу. Она невольно не вѣрила и оставалась при своемъ убѣжденіи, что Ольга только потому отказывается отъ Юрія, что не хочетъ ссорить его съ родными изъ деликатнаго, благороднаго великодушія. Тогда страстная, глубокая жалость къ ней охватила ее, она взяла ея руку, повернула ее ладонью кверху и, не поднимая головы съ колѣнъ, крѣпко прижалась къ ней губами; хотя любовь ея къ Ольгѣ въ эту минуту сильнѣе, чѣмъ когда либо наполняла все ея существо, но сама Ольга, чрезъ эту нѣжную глубокую жалость, которую Зина испытывала теперь къ ней, какъ бы уже перестала быть для нея прежнимъ яркимъ, недоступнымъ божествомъ и превратилась въ простую, обыкновенную женщину, только еще болѣе милую и близкую Зинѣ.

XX.

Вдругъ онѣ обѣ вздрогнули и вскочили съ мѣстъ.

Предъ ними съ пораженнымъ, почти испуганнымъ лицомъ стоялъ Чемезовъ.

Онъ вошелъ, самъ, какъ всегда, отворивъ дверь своимъ ключомъ, и даже няня, караулившая-было его, не слыхала его прихода.

— Юрій!—вскрикнули обѣ женщины, и Ольга остановилась, не зная, что сказать, и сознавая только, что наступаетъ та самая непріятная минута, которой она невольно боялась въ душѣ. Но Зина радостно бросилась на встрѣчу къ брату.

— О, Юрій, милый!—воскликнула она, сіяя вся восторгомъ:— мы познакомились и такъ полюбили другъ друга, и я такъ рада, такъ счастлива теперь,—вѣдь я уже такъ давно, давно мечтала объ этомъ!

Но чувствуя, что братъ какъ бы не раздѣляетъ ея восторга, она немножко смутилась и остановилась въ нерѣшительности.

— Вѣдь ты не сердишься на насъ за это?—тише уже прибавила она, заглядывая ему въ лицо просящими, виноватыми глазами.

— Ну, что же,—съ хмурымъ видомъ, снимая перчатки, какъ-то неопредѣленно сказалъ Чемезовъ.—Познакомились, такъ и отлично.

Онъ былъ такъ пораженъ, что самъ еще не могъ отдать себѣ отчета, доволенъ онъ этимъ (потому что восторгъ Зины былъ ему все-таки скорѣе пріятенъ, чѣмъ непріятенъ), или же только изумленъ и... и... даже испуганъ тѣмъ, что случилось. Ольга молча стояла въ сторонѣ и жадно слѣдила за выраженіемъ его лица. Но когда онъ сказалъ эти слова съ хмурымъ, холоднымъ видомъ, она поблѣднѣла, нахмурилась сама, и снова ей стало стыдно и больно, что она стоитъ такъ предъ нимъ, точно провинившаяся дѣвчонка, которую онъ воленъ наказать, а главное, стыдно того, что за знакомство съ ней надо извиняться... ждать прощенія!..

„Да что же я такое? — опять съ ненавистью спросила она себя: — и что же я наконецъ такое для него самого? Ну, эти сестры его, люди, Богъ ужъ съ ними, но самъ-то, самъ-то онъ какъ же смотритъ на меня? И отчего, вмѣсто того, чтобы порадоваться той дружбѣ, которая завязалась между мной и его сестрой, онъ стоитъ съ этимъ холоднымъ, недовольнымъ лицомъ, какъ будто бы я дѣйствительно сдѣлала какое-то преступленіе! А! если такъ, то хорошо же, я... и я знаю, что мнѣ дѣлать!“

И съ блѣднымъ пасмурнымъ лицомъ, едва превозмогая поднимающееся въ груди рыданіе отъ жалости къ себѣ и обиды на него, она подошла къ камину и взяла свою шляпу, только прежде, чѣмъ уйти совсѣмъ, навсегда уйти отсюда, ей хотѣлось кинуть ему въ лицо что-нибудь такое злое, оскорбительное, что сразу отплатило бы ему за ту боль, которую онъ и всѣ его заставляли ее терпѣть.

— О, Юрій, видишь, видишь!—съ упрекомъ воскликнула Зина, тревожно слѣдившая за ней глазами и понявшая, что Ольга хочетъ уйти.

— Видишь, видишь!—съ отчаяніемъ крикнула она:—неужели же ты можешь сердиться за то, что мы узнали и полюбили другъ друга! вѣдь ты же самъ любишь насъ обѣихъ! дай, дай мнѣ твою руку!—И схвативъ его руку и крѣпко сжимая ее въ своей, она подбѣжала вмѣстѣ съ нимъ къ Ольгѣ и, загородивъ ей собою дорогу, взяла одну его руку и положила на плечо къ Ольгѣ, а другую на плечо къ себѣ и улыбнулась ему прямо въ глаза робкою, молящею улыбкой.

И Чемезовъ невольно поддался этой милой улыбкѣ; что-то дрогнуло и поднялось въ душѣ его, и онъ съ глубокимъ волненіемъ прижалъ къ себѣ этихъ двухъ женщинъ, которыхъ онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. Но измученные нервы Ольги этого уже не выдержали, и все простивъ ему за одну эту минуту, она все же вдругъ страстно разрыдалась, уронивъ голову на его плечо. .

— Теперь насъ трое!—взволнованнымъ, радостнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какимъ-то строгимъ голосомъ сказала Зина, крѣпко сжимая руки Ольги и брата спустя нѣсколько минутъ, когда Ольга уже немного успокоилась и сидѣла съ заплаканнымъ, но уже счастливымъ лицомъ въ креслѣ, въ которое усадилъ ее во время рыданій Чемезовъ.

Няня, услыхавъ въ кабинетѣ голоса, поняла, что Чемезовъ вернулся и опять тихонько подошла къ щелочкѣ посмотрѣть, что они теперь дѣлаютъ, но, увидѣвъ, что Чемезовъ съ взволнованнымъ, растроганнымъ лицомъ цѣлуетъ Ольгу (плачущаго лица которой ей не было видно), а Зина стоитъ подлѣ нихъ и, улыбаясь, держитъ ихъ обоихъ за руки, только ахнула и сердито пошла прочь.

— Господи ты, Боже мой,—сказала она, дивясь: — и куда это въ людяхъ только стыдъ дѣвается! Ужъ, кажется, деликатнѣе его трудно и найти было, а теперь до чего дошелъ: при сестрѣ, дѣвушкѣ, съ полюбовницей своей цѣлуется!.. На, значитъ, бери примѣръ! Послѣдній человѣкъ этого постыдится, а не то что хорошіе господа! А все она, все она, безсовѣстная,—у самой стыда нѣтъ, такъ и его учитъ тому же!..

И няня даже заплакала отъ безсильнаго отчаянія и злобы подлѣ своего самовара, потому что больше уже ничего не оставалось дѣлать.

XXI.

Чемезовъ самъ пошелъ потомъ проводить Зину нарочно, чтобы зайти къ Hélène, хотя было уже одиннадцать часовъ, и разсказать все случившееся. Онъ зналъ, что она будетъ страшно поражена и разсержена этимъ, и хотя самъ искренно радовался теперь, что все такъ вышло, но все-таки ему было бы въ душѣ пріятнѣе, чтобы ничего подобнаго не случалось, и чтобы онъ могъ спокойно, какъ всегда, встрѣтиться съ Hélène.

Та дружба, внезапная, страстная и нѣжная, на которую способны только очень впечатлительныя женщины, и которая такъ, сразу, въ одинъ вечеръ заключилась между Ольгой и Зиной, невольно трогала его, примиряя даже со всѣми непріятными послѣдствіями, которыя неминуемо должны были теперь выйти изъ того. Но поддерживать не только дружбу, а даже и простое знакомство между ними онъ не считалъ себя въ правѣ, разъ что Hélène была противъ этого. Не онъ, а Hélène была главною воспитательницею Зины, а потому онъ рѣшилъ, что какъ это ни

жалко, но впередъ надо будетъ принять мѣры, чтобы подобныя встрѣчи и свиданія между Ольгой и Зиной больше не повторялись... до времени, по крайней мѣрѣ.

Зина шла подъ-руку съ нимъ, вся еще радостно взволнованная, но ему казалось, что по мѣрѣ того, какъ они приближались къ дому, она становилась все тревожнѣе,—что, въ сущности, было очень естественно. Увидѣвъ, однако, что братъ безпокойно оглядываетъ ее, она угадала его мысли.

— Пожалуйста, не думай, Юрій, что я боюсь!—сказала она: —я нисколько не боюсь... Меня всѣ привыкли считать совсѣмъ маленькой, но у меня уже есть... свои мысли и взгляды... и я знаю, что ничего не сдѣлала дурного, хотя Hélène и будетъ очень сердиться на меня.

Чемезовъ невольно улыбнулся на эту дѣтски-важную серьезность, съ какой она говорила, но все-таки онъ считалъ своей обязанностью высказать ей все то, что уже успѣлъ рѣшить.

— Да,—сказалъ онъ полу-строго, полу-нѣжно, потому что ему было жаль на первыхъ же порахъ такъ разочаровывать ее: —но пока ты живешь у Hélène, ты должна все-таки слушать ее и сообразоваться больше съ ея взглядами, чѣмъ со своими. Ольга Львовна — мой лучшій другъ, я глубоко уважаю ее и считаю очень умной и хорошей женщиной, и надѣюсь, что твой мужъ, когда ты выйдешь замужъ, будетъ только гордиться твоей дружбой съ нею... Но у Hélène на этотъ счетъ свои взгляды, и ужъ, конечно, не тебѣ огорчать ее и идти противъ нея.

Личико Зины затуманилось, и она съ недовѣріемъ посмотрѣла на него.

— Значитъ, ты думаешь, — спросила она съ видимымъ сомнѣніемъ и такъ огорченно, что ему еще больше стало жаль ее: —что я больше не должна видѣться съ ней?

— Да, думаю, — сказалъ Чемезовъ твердо, хотя лично ему очень бы хотѣлось этихъ свиданій:—потому что иначе тебѣ пришлось бы видаться только потихоньку отъ Hélène и обманывать ее, значитъ,—а этого, надѣюсь, и ты сама не захочешь.

Зина ничего не отвѣтила и нѣсколько минутъ молчала съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ и думала что-то про себя. Но не доходя немного до подъѣзда, она вдругъ остановилась и повернулась лицомъ къ брату.

— Ну, хорошо, Юрій, — начала она съ рѣшительнымъ, несвойственнымъ ей выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ:—хорошо, я, конечно, не могу идти противъ васъ обоихъ и не буду больше видаться съ Ольгой Львовной... но какъ только я выйду замужъ,

я на другой же день поѣду къ ней, хотя бы ты и Hélène были противъ этого! Потому что я люблю ее и горжусь знакомствомъ съ ней и всегда буду такъ думать и любить ее... что бы мнѣ ни говорили. И ты долженъ передать ей это отъ меня, потому что я не хочу, чтобы она думала про меня, что я на другой же день испугалась... и отреклась отъ нея... Теперь я, конечно, ничего не могу сдѣлать... что же я пока... все равно, что маленькая Маня: что прикажутъ, то и дѣлаю... Но я буду ждать и дождусь когда-нибудь... своей воли... Скажи ей это отъ меня, Юрій, и скажи, что я всегда, всегда буду помнить сегодняшній вечеръ и всегда буду любить ее и гордиться знакомствомъ съ нею!..

Чемезовъ слушалъ ее и изумлялся, откуда это у Зины появились подобныя рѣчи и какъ бы недовольство также своимъ подчиненнымъ положеніемъ, чего онъ раньше никогда не замѣчалъ въ ней. Онъ многое бы могъ возразить, но она, какъ бы зная это и не желая того, быстро, все съ тѣмъ же новымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ, сдѣлала два шага къ подъѣзду и отворила дверь.

Тутъ они узнали отъ швейцара, что Елена Николаевна съ супругомъ уѣхали куда-то на вечеръ, о которомъ Зина въ волненіи совсѣмъ забыла,—и врядъ ли скоро вернутся. Это было Чемезову очень досадно и неудобно: у него на завтра къ десяти часамъ утра было дѣло, и онъ никакъ не могъ бы попасть къ сестрѣ раньше двѣнадцати часовъ, такъ что первое ея неудовольствіе неминуемо должно было упасть на Зину, а это ему было очень непріятно.

Онъ остановился въ раздумьѣ, не зная, что теперь дѣлать; писать записку, въ сущности, не имѣло смысла,—простой запиской въ такомъ дѣлѣ нельзя было отдѣлаться. Но Зина, глядѣвшая на него, опять поняла его мысли и опять недовольно покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она по-французски:—пожалуйста, не безпокойся! я тебѣ говорю, что не боюсь; все равно, ты ли раньше, или я скажемъ объ этомъ Hélène—она одинаково будетъ недовольна... и, я знаю, все равно будетъ сердиться на меня... Я утромъ разскажу ей все... а ты придешь къ завтраку... и объяснишься... а я нисколько не боюсь...

Чемезовъ улыбнулся и пожалъ плечами. Очевидно, дѣвочка безъ основанія говорила, — у нея уже есть свои мысли и мнѣнія, и она даже собиралась ихъ, кажется, не на шутку отстаивать.

— Ну, дѣлать нечего, помогай тебѣ Богъ, Зинокъ!—сказалъ

онъ полушутя, полутревожно, пожимая на прощанье ей руку:— только, пожалуйста, не горячись и не спорь очень съ Hélène; помни, что она тебѣ всю жизнь вмѣсто матери была... А я приду и заступлюсь за тебя и помирю васъ, если что въ случаѣ выйдетъ.

„Да,—подумалъ онъ съ чувствомъ смѣшаннаго удовольствія и удивленія, когда вышелъ уже на улицу: — нашъ цыпленокъ подростаетъ...“ Почему-то, думая о Зинѣ, онъ совсѣмъ упускалъ изъ вида натуру свою, Hélène и ихъ отца,—и тотъ характеръ, который былъ имъ всѣмъ свойственъ и казался вполнѣ естественъ ему въ нихъ самихъ, изумлялъ его въ Зинѣ, какъ неожиданная новость, потому что Зина дѣйствительно казалась ему немногимъ больше Мани, какъ она сама только-что сказала это. Но тѣмъ не менѣе эти первые намеки на начинающій слагаться въ ней характеръ невольно нравились ему, какъ нравится иногда родителямъ подмѣчать въ дѣтяхъ свои черты. Онъ чувствовалъ, что вообще съ сегодняшняго дня его маленькій „Зинокъ“ сталъ ему рѣшительно еще дороже и былъ милѣе, чѣмъ прежде.

XXII.

Проводивъ Зину, Чемезовъ вернулся домой, гдѣ его ждала Ольга. Онъ шелъ домой и обдумывалъ все случившееся сегодня вечеромъ подъ вліяніемъ того особеннаго растроганнаго чувства, которое было въ немъ съ той минуты, какъ Зина подбѣжала вмѣстѣ съ нимъ къ Ольгѣ и заставила его обнять ихъ обѣихъ; въ головѣ его окончательно созрѣло и окрѣпло то рѣшеніе, о которомъ онъ прежде не рѣшался даже и думать.

— Я скажу ей это сегодня... пора все это кончить, наконецъ...—сказалъ онъ себѣ, отворяя свою дверь.

Ольга вышла къ нему на встрѣчу, и въ томъ взглядѣ, который она вдругъ кинула на него, было что-то жалкое, робковиноватое. Онъ понялъ, почему въ лицѣ ея такое выраженіе, и понялъ, что она не знаетъ, простилъ ли онъ ее дѣйствительно, или только при Зинѣ пересилилъ себя; уже не къ борьбѣ съ нимъ готовилась она, а заранѣе покорно сдавалась ему.

И ему стало больно за нее, за то, что она чувствуетъ и даже должна чувствовать себя виноватой въ случаяхъ, подобныхъ сегодняшнему. Что, въ сущности, могло быть естественнѣе того, что женщина, которая для него была дороже всего, познакомилась съ его сестрой, и вотъ онѣ полюбили одна другую? А между тѣмъ

это оказывалось не только неестественнымъ и нежелательнымъ, но какъ бы даже настолько дурнымъ съ ея стороны поступкомъ, что она обязательно должна была сознавать себя виноватой.

Онъ молча съ особеннымъ чувствомъ обнялъ ее, и никогда она не была еще такъ близка, такъ дорога ему и въ то же время такъ мучительно до слезъ жалка ему.

— Ты не сердишься?—тихо, съ недовѣрчивой радостью ловя его нѣжный взглядъ, спросила она.

Онъ покачалъ головой, и еще крѣпче прижавъ ее къ своей груди, молча поцѣловалъ ея лицо, глаза и руки... Она пытливымъ, тревожно-радостнымъ взглядомъ всматривалась въ него, чувствуя, что съ нимъ происходитъ что-то особенное, но еще неясно понимая, что̀ именно...

— Ольга,—сказалъ онъ тихо, но рѣшительно:—мы должны вступить въ бракъ.

Она вся вздрогнула, и изъ груди ея вырвалось только одно тихое, короткое: А!—но въ этомъ восклицаніи былъ и восторгъ, и испугъ, и изумленіе.

— Да, Оленька. Я хочу, чтобы ты стала моей женой!—сказалъ онъ, осыпая нѣжными поцѣлуями ея поблѣднѣвшее лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она чрезъ силу, потому что у нея вдругъ пропала всякая сила и власть надъ собой:—нѣтъ, нѣтъ... тебѣ не такая... жена нужна, нѣтъ...—и она сдѣлала усиліе, чтобы привстать и отойти отъ него, точно для того, чтобы стряхнуть съ себя это сладкое, одуряющее опьяненіе, въ которомъ ей такъ хорошо было лежать на его рукѣ, чувствуя на лицѣ своемъ его поцѣлуи, и слушать эти страшныя и вмѣстѣ прекрасныя для нея слова. Но она только пошатнулась и еще крѣпче прижалась къ нему.

— Вздоръ, вздоръ!—сказалъ Чемезовъ нетерпѣливо, отвѣчая какъ бы не ей, а кому-то другому, на старыя, надоѣвшія ему уже возраженія, которыхъ онъ не хотѣлъ больше слушать.—Вздоръ!—продолжалъ онъ, прижимая ее къ себѣ и говоря тѣмъ тихимъ, почти нѣжнымъ шопотомъ, какимъ говорилъ съ ней только въ минуты особенной ласки.—Именно такая и нужна... ты, сама ты нужна... Все это вздоръ и мы должны вступить въ бракъ... ты оставишь сцену...

Но она дико вскрикнула и вдругъ разомъ вырвалась изъ его рукъ.

— Никогда!—воскликнула она страстно:—никогда!

И она взволнованно отошла отъ него на другую сторону комнаты, и сила разомъ вернулась къ ней... Она боялась оста-

ваться теперь подлѣ него, боялась той страшной силы искушенія, которая была въ немъ для нея. И она нарочно отошла дальше къ окну и прислонилась горячимъ лбомъ къ его холодному стеклу.

Вотъ они—эти слова, страшныя и дорогія слова, которыхъ въ душѣ, почти безсознательно для себя, она все время такъ ждала отъ него, такъ хотѣла, чтобы онъ произнесъ ихъ, и такъ боялась услышать! И вотъ онъ ихъ сказалъ, наконецъ, и они подняли въ душѣ ея такую смуту, что она сама не могла разобраться въ своихъ ощущеніяхъ. Что это—радость ли, безумная, торжествующая радость, или только испугъ и тоска? Да, да, вотъ оно,—теперь это оно настало, этотъ ужасный для нея выборъ, въ которомъ—что бы она ни выбрала—все-таки будетъ наполовину боли и горя... Одно, что было ясно ей — это именно то, что она должна выбрать, хотя все существо той „женщины", которой она такъ боялась и ненавидѣла въ себѣ, рвалось именно къ другому, къ тому новому, тихому, прекрасному счастью, котораго она не знала никогда, и въ которомъ отдохнула бы отъ всѣхъ своихъ мукъ и волненій. Она должна собрать всѣ силы, чтобы бороться... бороться противъ него, противъ себя, противъ этого новаго счастья, къ которому что-то, помимо ея воли, неудержимо влечетъ ее.

Въ первую минуту, когда Ольга рѣзко вырвалась отъ Чемезова съ этимъ страстнымъ, оскорбившимъ его крикомъ „никогда!"—ему стало горько и обидно: самый лучшій, самый искренній и любящій порывъ его, которымъ онъ всего и на всю жизнь отдавалъ ей себя, она такъ грубо и холодно отталкивала!..

Онъ закрылъ рукой глаза и молча сидѣлъ такъ, уныло думая о томъ, насколько ей сцена дороже его. Ему вдругъ стало ясно до боли, что ужъ, конечно, она пожертвуетъ, если понадобится, имъ для сцены, а не сценой для него, и привязанность ея къ нему въ сущности совсѣмъ не такъ велика... Онъ опять почувствовалъ себя одинокимъ, брошеннымъ, и жалость къ себѣ обхватила его такимъ тоскливымъ, щемящимъ чувствомъ, что слезы невольно подступили къ его глазамъ.

„Да! но что же,—вѣдь я это зналъ!" — подумалъ онъ про себя и удивился самъ, отчего это такъ поразило его. Развѣ онъ не ожидалъ, что въ первую минуту она непремѣнно возмутится и откажется и будетъ даже отказывать и потомъ еще много разъ, прежде чѣмъ не привыкнетъ постепенно (какъ привыкъ самъ онъ) къ той мысли, что ей надо бросить сцену!

„Если мнѣ было трудно рѣшиться на этотъ шагъ сразу, и для этого потребовались цѣлые мѣсяцы, то почему же ей должно быть

легче?“—сказалъ онъ самому себѣ, стараясь справедливѣе и безпристрастнѣе отнестись къ этому вопросу съ ея точки зрѣнія. Конечно, какъ бы тамъ ни было, а сцена до этихъ поръ давала ей такъ много заманчиваго, что ей трудно сразу отказаться отъ нея.

И, подавивъ въ себѣ чувство обиды и досады на нее, онъ всталъ, пошелъ къ тому окну, у котораго она стояла, и обнялъ ее.

Ольга взглянула на него просвѣтлѣвшимъ, понимающимъ всю его душу, молящимъ взглядомъ и молча поднесла его руку къ своимъ губамъ и поцѣловала ее.

Тогда онъ сѣлъ тутъ же подлѣ нея въ амбразурѣ окна и, крѣпко сжимая ея руки въ своихъ рукахъ, началъ разсказывать ей нервно и взволнованно, ни въ чемъ не щадя себя и не скрывая отъ нея ни сомнѣній своихъ, ни колебаній, ни одной дурной мысли, въ какомъ-то страстномъ желаніи полной исповѣди предъ ней,—все, что передумалъ и перечувствовалъ, прежде чѣмъ окончательно пришелъ къ этому рѣшенію. Онъ не скрылъ отъ нея ничего: ни того, какъ боялся сначала связать навсегда свою жизнь съ нею, не довѣряя тому, что изъ нея выйдетъ хорошая жена, которая могла бы всегда поддержать его въ тяжелую минуту и жить одними съ нимъ радостями, интересами и взглядами; ни того даже страха предъ непріятностями, которыхъ ожидалъ и по службѣ, и съ родными, въ случаѣ этого брака, и какъ постепенно, несмотря на всѣ свои доводы противъ, онъ такъ привыкъ къ этой мысли, что полюбилъ ее, и она стала его горячимъ желаніемъ, его мечтой, разстаться съ которою ему уже трудно. Онъ хочетъ наконецъ, чтобы они могли ни предъ кѣмъ больше не прятаться, никого не бояться, и чтобы она, главное, не подвергалась больше разнымъ оскорбленіямъ изъ-за него. А если его родные и друзья не пожелаютъ примириться съ ихъ бракомъ, то и не надо! примирятся когда-нибудь... А самъ онъ много ужъ думалъ обо всемъ этомъ и вѣритъ, что они будутъ вполнѣ счастливы, хорошимъ, настоящимъ счастьемъ, которое искупитъ имъ тѣ жертвы, которыя они сдѣлаютъ другъ для друга, вступая въ этотъ бракъ... Онъ чувствуетъ, что они никогда не раскаются въ томъ, и съ каждымъ годомъ все больше будутъ привязываться другъ къ другу...

Она слушала его съ блѣднымъ, страдающимъ лицомъ, по которому катились слезы, и молча цѣловала его руки; но когда онъ кончилъ и, приподнявъ ея голову, посмотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ любви и ожиданія, она заплакала сильнѣе и опять покачала головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала она опять:—не надо этого... не надо...

— Нѣтъ, надо, Ольга, надо,—прервалъ онъ ее серьезнымъ, почти строгимъ голосомъ:—надо, потому что это дастъ, наконецъ, покой и тебѣ, и мнѣ. Неужели же тебѣ самой не противна вся эта фальшь, ложь, притворство на каждомъ шагу, въ которыхъ мы постоянно живемъ теперь? И для кого, для чего мы все это дѣлаемъ?

— Нѣтъ,—сказала она съ отчаяніемъ,—и противна, и надоѣла, и измучила, но лучше, во сто разъ лучше эта ложь и мука, чѣмъ то, чего ты хочешь! Да развѣ ты самъ не чувствуешь, не понимаешь, что въ этомъ несчастье, страшное, непоправимое будетъ несчастье и для тебя, и для меня?.. О, милый, милый мой, не надо этого! Я лучше всю жизнь твоей слугой, рабой буду; все, что прикажешь, что захочешь, все, все отдамъ тебѣ, только оставь мнѣ это... оставь... оставь...

И она со страстнымъ рыданіемъ упала предъ нимъ и ловила его руки, прижимая ихъ къ своимъ губамъ, точно вымаливая у него себѣ жизнь.

— Ольга,—сказалъ онъ, съ глубокой жалостью глядя на нее:—да вѣдь я же не говорю, что это должно быть сейчасъ же, чтобы ты завтра, сразу же бросила свою сцену! Ну, я согласенъ ждать и буду ждать терпѣливо, пока ты, наконецъ, рѣшишься; но я долженъ знать, чего жду; долженъ знать, что въ концѣ концовъ это будетъ, что ты понемногу готовишься къ этому... А такъ это не жизнь, это мука какая-то.

— Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ ты, Юрій, искушаешь меня? —воскликнула она, почти съ ненавистью отталкивая его.—Вѣдь ты знаешь, что я не могу никогда, никогда этого сдѣлать; зачѣмъ же ты мучаешь, зачѣмъ искушаешь меня, когда мнѣ и безъ того такъ трудно бороться съ собой?..

— Да зачѣмъ эта борьба, для чего она, Ольга?—воскликнулъ онъ, сжимая ея руки:—вѣдь ты сама на большую половину создаешь себѣ эту борьбу, увеличиваешь ее нарочно; а на самомъ дѣлѣ ея нѣтъ и быть не можетъ! Или ты любишь меня больше сцены—и тогда нѣтъ борьбы, или ты сцену любишь больше меня—и тогда ея тоже нѣтъ... Выбирай сама, что ты предпочитаешь; но если это будетъ тянуться такъ всю жизнь, то... то намъ лучше разойтись совсѣмъ...

Она вскрикнула и съ ужасомъ взглянула на него.

— Да, Ольга, да,—твердо повторилъ онъ:—что-нибудь одно!

Ну, вотъ я даю тебѣ цѣлый годъ на размышленіе и на подготовку, а чрезъ годъ ты сама мнѣ скажешь, что̀ выбираешь...

— Да вѣдь жили же мы и безъ этого, и были счастливы!— воскликнула она съ упрекомъ за то, что онъ какъ бы не признавалъ больше этого счастья.

— Да, но тогда мы будемъ еще счастливѣе, потому что то будетъ настоящее, спокойное, законное счастье, съ которымъ не надо будетъ ни прятаться, ни лгать... Но—пока мы больше не станемъ объ этомъ говорить... ты слишкомъ взволновалась,—сказалъ онъ, ласково приподнимая и цѣлуя ея заплаканное лицо.

— Не будемъ лучше никогда больше объ этомъ говорить!— сказала она тоскливо.

Онъ покачалъ головой и улыбнулся; въ его улыбкѣ невольно свѣтилось торжество человѣка, сознающаго свою побѣду.

— Нѣтъ, Оленька,—сказалъ онъ, обнимая ее:—мы объ этомъ теперь часто будемъ говорить, только не сейчасъ...

Но она взглянула на него съ глубокой тоской и даже съ какою-то враждебностью во взглядѣ, такъ что увѣренность Чемезова въ скорой побѣдѣ невольно поколебалась въ немъ...

Мар. Крестовская.

ДОЛГОЛѢТІЕ

ЖИВОТНЫХЪ, РАСТЕНІЙ и ЛЮДЕЙ.

Окончаніе.

IX *).

Сравнительная смертность городского и сельскаго населенія въ западной Европѣ, какъ мы уже видѣли, гораздо выше въ городахъ, нежели въ селахъ.

Какъ стоитъ этотъ же вопросъ у насъ, въ Россіи?

У насъ такая разница сказывается гораздо слабѣе, вслѣдствіе того, что большинство русскихъ городовъ, за исключеніемъ лишь немногихъ, сохраняютъ полу-сельскій характеръ. Въ 1859—63 гг., средняя смертность въ городахъ=38,6 на 1.000, въ уѣздахъ же 35,8 на 1.000. Въ 1870 г. смертность была выведена для 70 важнѣйшихъ городовъ. Если изъ нихъ выбрать города съ населеніемъ болѣе 30 тысячъ, т.-е. такіе, которые носятъ дѣйствительно болѣе или менѣе городской характеръ, то смертность городская оцѣнится уже въ 37,4 на 1.000, и слѣдовательно будетъ выше смертности уѣздной (въ 35,8 на 1000), а противъ общей—на 0,26%.

Конечно, эти выводы относятся ко всей совокупности городовъ, но отнюдь не къ каждому городу въ отдѣльности, такъ какъ существуютъ города, въ которыхъ смертность выше средней смертности всей губерніи,—и такіе, въ которыхъ она слабѣе, чт

*) См. выше: окт. 568 стр.

зависитъ, конечно, отъ цѣлой массы разнообразныхъ санитарныхъ, климатическихъ и бытовыхъ условій.

Какъ примѣръ для первыхъ, приведемъ Астрахань, гдѣ смертность, будучи равна 45 на 1.000, перевѣшивала смертность всей губерніи на 95%; въ примѣръ вторыхъ возьмемъ хоть Тверь, гдѣ смертность, будучи равна всего 29 на 1.000, была меньше смертности всей губерніи на 37%. Изъ обзора разнообразныхъ городовъ россійской имперіи мы видимъ, что смертность не находится въ какомъ-либо прямомъ отношеніи къ величинѣ города и даже скорѣе находится въ отношеніи обратномъ, такъ какъ самая сильная смертность встрѣчается въ городахъ, имѣющихъ до 50 тысячъ жителей; болѣе же крупные города имѣютъ смертность болѣе слабую. Средняя смертность въ городахъ въ 30—40 тыс. жителей=37,5 на 1.000; въ 40—60 тыс. населенія=40,7 на 1.000; въ 60—100 тысячъ=31,2 на 1.000; въ городахъ съ болѣе, чѣмъ 100-тысячнымъ населеніемъ=35%. Очевидно, что не скученность населенія вліяетъ непремѣнно на смертность, а цѣлый рядъ разнообразныхъ условій, среди которыхъ удовлетворительныя санитарныя условія жизни должны дѣйствовать понижающимъ образомъ на смертность. Что касается до общаго вывода касательно сравнительной смертности городской и сельской, то едва ли можетъ быть сомнѣніе въ преобладаніи ея въ среднемъ городскомъ населеніи сравнительно съ такимъ же сельскимъ.

И причины тому представляются совершенно ясными.

Жизнь и работа преимущественно на свѣжемъ воздухѣ, меньшее загрязненіе почвы и воды вслѣдствіе меньшей скученности населенія, здоровая работа землепашца сравнительно съ фабричной городской, болѣе правильная жизнь сельскихъ дѣятелей на свободномъ воздухѣ сравнительно съ душной подвальной жизнью городскихъ дѣтей и т. д., все это достаточно объясняетъ намъ мѣньшую смертность сельскаго населенія сравнительно съ городскимъ.

Для большей оцѣнки вліянія городской и сельской жизни на общую смертность слѣдуетъ брать не общій коэффиціентъ смертности, а по возрастамъ и по полу, такъ какъ съ этой стороны составъ городского и сельскаго населенія представляется различнымъ, а извѣстно, что смертность по поламъ и возрастамъ представляется различною.

Въ городскомъ населеніи обыкновенно меньше дѣтей и стариковъ, т.-е. группъ, дающихъ наибольшую смертность, и это

обстоятельство качественно увеличиваетъ и безъ того уже большій процентъ городской смертности.

Матеріалъ для выясненія смертности городской сравнительно съ сельской по возрастамъ и поламъ даютъ пока только шведская и англійская статистики. Изъ обозрѣнія относящихся сюда матеріаловъ видно, что болѣе сильная смертность въ городахъ распространяется на оба пола и на всѣ возрасты. Вотъ что еще замѣчается: на первомъ году жизни смертность городская меньше превышаетъ смертность сельскую, чѣмъ на 2, 4 и 5-мъ годахъ жизни. Для дѣвочекъ это превышеніе сильнѣе, чѣмъ для мальчиковъ. Послѣ пяти лѣтъ это превышеніе ослабѣваетъ, усиливается затѣмъ съ 25 лѣтъ до 50—60-го года жизни, и подъ конецъ жизни совершенно исчезаетъ.

Высокое число незаконнорожденныхъ въ городахъ сравнительно съ селами является одной изъ существеннѣйшихъ причинъ высокой дѣтской смертности, особенно высокой среди незаконнорожденныхъ. Большая же смертность въ производительномъ возрастѣ зависитъ отъ характера городской фабричной работы и неблагопріятныхъ условій существованія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду однако того обстоятельства, что смертность дѣтей до одного года въ крупныхъ городахъ иногда бываетъ несравненно ниже смертности въ сельскихъ округахъ и общей смертности дѣтей въ остальной странѣ.

Такъ, въ Парижѣ смертность дѣтей до 1 года (въ 1865 г.) составляла 157,5 на 1.000 родившихся, въ то время какъ для Франціи она была равна 220,7 на 1.000. Въ Петербургѣ до 1 года изъ 1.000 родившихся умирало 250 младенцевъ, въ губерніи же—354; въ Москвѣ 266,5, въ губерніи—390.

Это странное явленіе объясняется просто обычаемъ посылать незаконнорожденныхъ младенцевъ на воспитаніе въ окрестныя и довольно отдаленныя деревни, куда они отправляются въ сущности для того, чтобы помирать.

Такое выселеніе новорожденныхъ изъ главныхъ столичныхъ центровъ естественно ведетъ къ пониженію средней смертности дѣтей въ главныхъ центрахъ и къ искусственному повышенію ея въ окрестныхъ сельскихъ округахъ, гдѣ собственная дѣтская смертность должна усиливаться смертностью дѣтей, присылаемыхъ изъ города.

Степень благосостоянія, т.-е. экономическаго довольства, оказываетъ большое вліяніе на смертность. Такъ какъ ни переписи, ни смертные регистры не даютъ прямыхъ указаній на степень обезпеченности живущихъ или умершихъ, то приходится прибѣ-

гать къ косвеннымъ способамъ для выясненія этого важнаго вопроса. А именно, рядомъ съ смертностью слѣдятъ за колебаніями цѣнъ на хлѣбъ или колебаніями урожая, или, наконецъ, за тѣснотой жилищъ и помѣщеній, занимаемыхъ той или другой группой населенія. Понятно, что дороговизна хлѣба, а слѣдовательно и всякаго продовольствія должна всего сильнѣе отражаться на смертности бѣднѣйшаго населенія и въ неизмѣримо меньшей степени на смертности классовъ имущихъ; также точно и тѣснота помѣщеній, жилищъ, является удѣломъ бѣдныхъ классовъ, и слѣдовательно по смертности въ таковыхъ помѣщеніяхъ сравнительно со смертностью людей, пользующихся хорошими помѣщеніями, богатыми хоромами, легко судить о смертности бѣднаго класса населенія.

Таблицы Ваппеуса, касающіяся движенія смертности и хлѣбныхъ цѣнъ въ Бельгіи, Пруссіи, Англіи и Франціи, показали безусловную зависимость между высотой смертности и цѣной на хлѣбъ. На выдержку приведемъ слѣдующіе примѣры: въ Бельгіи цѣна на хлѣбъ въ 1844 г. упала на 10% сравнительно съ предъидущимъ годомъ; параллельно съ этимъ упала и смертность на 4%. Въ 1847 г. цѣна на хлѣбъ повысилась на 27%; вмѣстѣ съ этимъ смертность повысилась на 11%. Затѣмъ въ слѣдующемъ году цѣна на хлѣбъ понизилась на 44%, и смертность понизилась на 10% и т. д. То же самое качественно получалось приблизительно и въ другихъ перечисленныхъ государствахъ. Съ тѣхъ поръ эта зависимость смертности отъ хлѣбныхъ цѣнъ стала значительно слабѣе и нерѣдко даже не констатируется, благодаря успѣхамъ народнаго хозяйства, промышленности и развитію международной торговли, быстро пополняющей недостатокъ въ продовольствіи въ той или другой странѣ и устраняющей возможность высокаго повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости.

Въ земледѣльческихъ же странахъ, подобно Россіи и Индіи, въ которыхъ недостатокъ продовольственныхъ запасовъ не покрывается достаточно удобно путемъ привоза извнѣ, или гдѣ высокія цѣны на хлѣбъ могутъ заставить населеніе понижать до минимума потребленіе его или прибѣгать къ суррогатамъ хлѣба, менѣе питательнымъ, неурожаи могутъ усиливать смертность до страшныхъ размѣровъ, отражаясь, конечно, на бѣдномъ населеніи.

Для примѣра укажемъ на Финляндію. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ плохихъ урожаевъ наступилъ въ 1867 г. страшный неурожай. Смертность, бывшая въ 1861—65 г. въ 26 на 1.000,

въ 1867 г. поднялась до 38, а въ 1868 достигала 77. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ она равнялась 110 на 1.000; цифра умершихъ превосходила въ 7 разъ число рожденій и умирали преимущественно мужчины отъ 25 до 50 лѣтъ, т.-е. въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, наиболѣе производительномъ для страны. Смертность женщинъ, какъ обыкновенно, была слабѣе смертности мужчинъ на 5%.

Если при такихъ бѣдствіяхъ жертвами дѣлаются главнымъ образомъ недостаточные классы населенія, то не слѣдуетъ думать, чтобы и достаточные классы были совершенно гарантированы отъ усиленной смертности, такъ какъ при такихъ голодовкахъ роскошно развиваются различныя инфекціонныя болѣзни, въ особенности сыпной—такъ-называемый голодный—тифъ, который, конечно, не разбираетъ между своими жертвами имущихъ отъ неимущихъ.

Особенную важность для разбираемаго вопроса имѣютъ работы, произведенныя г. Кёрёши въ Пештѣ, въ которыхъ за признакъ бо́льшей или мѣньшей матеріальной обезпеченности онъ принималъ степень скученности различныхъ группъ населенія, выражавшуюся отношеніемъ числа жителей къ числу комнатъ въ квартирѣ и тѣмъ, сколько приходится жителей на одну комнату. Оказалось, что средній возрастъ умершихъ былъ (не включая дѣтей до 5 лѣтъ) для богатыхъ равенъ 50 годамъ, для бѣдныхъ —41 году, а для нуждающихся—40 годамъ. Аналогичные результаты даетъ средній возрастъ умершихъ, если показателемъ довольства считать число жителей, приходящихся на 1 комнату. Такъ, средній возрастъ обитателей, умирающихъ въ квартирахъ, гдѣ приходится 1—2 жителя на комнату, равняется 47 годамъ; въ квартирахъ съ 5—10 жителями на комнату средній возрастъ равенъ 37 годамъ, а въ квартирахъ, гдѣ приходится болѣе 10 человѣкъ на комнату, средній возрастъ равенъ 32 годамъ.

Въ Лейпцигѣ на основаніи того же пріема было доказано въ 1871—1872 г., что смертность бѣднѣйшаго населенія была болѣе, чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго; смертность же дѣтей у бѣднаго населенія на 90% выше, чѣмъ у богатаго. Изъ данныхъ, аналогичныхъ только-что приведеннымъ и полученныхъ въ Брауншвейгѣ, слѣдуетъ кромѣ того, что бѣдность особенно усиливаетъ смертность въ дѣтскомъ возрастѣ; она, конечно, больше и во всѣ остальные возрасты жизни: отъ 15 до 30 л. смертность бѣднѣйшаго населенія выше богатаго на 48%; отъ 30 до 50 л. на 78%, и, конечно, главная причина этой смертности устранима усиліями человѣка, такъ какъ большинство бѣдныхъ

умираетъ отъ заразныхъ болѣзней и отъ болѣзней, обусловленныхъ худымъ питаніемъ и вообще дурными санитарными условіями жизни.

Изъ русскихъ городовъ намъ извѣстны только нѣкоторыя данныя д-ра Гюбнера, относящіяся къ смертности въ 1871—72 гг. въ различныхъ участкахъ Петербурга. Къ сожалѣнію, они относятся къ холернымъ годамъ и, слѣдовательно, не могутъ представлять нормальной смертности. Тѣмъ не менѣе, значеніе бѣдности и довольства въ смертности выясняется ими прекраснымъ образомъ. Такъ, въ адмиралтейской части, гдѣ жителей на 1 комнату приходится 1,21, смертность на 1.000 выражается 21,78, тогда какъ на выборгской, гдѣ приходится на комнату 2,71, смертность равна 59,86.

Выводъ очевиденъ: чѣмъ дешевле квартиры и чѣмъ скученнѣе въ нихъ населеніе, т.-е. чѣмъ оно бѣднѣе, тѣмъ выше смертность.

Къ тому же результату приходимъ, если сопоставимъ смертность съ % переполненныхъ квартиръ, находящихся въ той или другой части Петербурга. За переполненную квартиру принимаютъ ту, въ которой находится болѣе 6 человѣкъ на 1 комнату. Такъ, въ адмиралтейской части, гдѣ процентъ скученныхъ квартиръ равенъ всего 2,7%, смертность на 1.000 жителей выражается числомъ 24, тогда какъ въ александро-невской части съ 17,9% скученныхъ квартиръ смертность равна 46 на 1.000; въ московской съ 7,5% скученныхъ квартиръ смертность равна 35 на 1.000, и т. д. И тутъ видимъ, что скученность бѣднаго населенія крайне благопріятствуетъ смертности.

Итакъ, наибольшую жатву собираетъ смерть среди бѣднаго населенія, и это благодаря недостатку питанія, плохимъ гигіеническимъ условіямъ существованія—зараженному спертому воздуху жилищъ, подтачивающему въ конецъ силы организма и предрасполагающему ихъ ко всевозможнаго рода инфекціоннымъ заболѣваніямъ, уносящимъ преждевременно массу жертвъ.

Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что, кромѣ всѣхъ этихъ тяжелыхъ чисто физическихъ условій, общей высокой смертности бѣднякъ благопріятствуетъ и его безпокойное психическое состояніе, страхъ за насущный кусокъ хлѣба какъ для себя, такъ и для своихъ ближнихъ, его удрученное состояніе, вызываемое сознаніемъ безсилія въ борьбѣ съ тяжелыми условіями жизни. А извѣстно, какъ безпокойство, страхъ и удрученное, подавленное состояніе предрасполагаютъ къ болѣзнямъ и подтачиваютъ человѣческую жизнь.

Но кромѣ всѣхъ этихъ условій, въ вопросѣ о продолжительности жизни человѣка не безразличенъ и *родъ занятій*, которымъ

онъ посвящаетъ свою жизнь. Профессіи, опредѣляя образъ жизни человѣка, конечно, должны отражаться и на продолжительности его жизни, и, слѣдовательно, на смертности. Трудъ сельскаго работника совершается, конечно, при другой обстановкѣ, чѣмъ трудъ ремесленника или фабричнаго рабочаго. Жизнь капиталиста, врача, духовнаго лица сопряжена съ весьма различными условіями, вліяющими на жизненность тѣхъ и другихъ. Въ различныхъ профессіяхъ самымъ ходомъ ихъ выполненія создаются постепенно хорошія или дурныя условія работы. Каждый родъ работы съ теченіемъ времени производитъ въ организмѣ работника особыя патологическія измѣненія, рано или поздно приводящія его къ смерти.

Поэтому опредѣленіе вліянія занятій на здоровье и смертность имѣетъ не только глубокій научный біологическій смыслъ, но и высокое практическое значеніе, такъ какъ только такимъ изученіемъ дается возможность бороться со всею совокупностью силъ, сокращающихъ жизнь человѣка и лишающихъ преждевременно общество значительной массы производительнаго труда.

Къ сожалѣнію, статистика даетъ лишь мало прочныхъ данныхъ для опредѣленія вліянія различныхъ профессій на смертность, и это, между прочимъ, потому, что только въ послѣднее время при регистраціи смертей начали отмѣчать занятіе умершаго или его родителей, да и то не во всѣхъ государствахъ. Тамъ же, гдѣ введенъ признакъ занятія, матеріалы еще вовсе не входятъ въ своды ни сами по себѣ, ни въ комбинаціи съ возрастомъ и поломъ.

Отсюда понятны пробѣлы въ точныхъ свѣденіяхъ по этому вопросу. Прежде чѣмъ однако пуститься въ изложеніе относящагося сюда матеріала, скажемъ нѣсколько словъ касательно общаго значенія мышечнаго и умственнаго напряженія, въ той или другой степени утилизируемыхъ въ разнообразнаго рода занятіяхъ и профессіяхъ. Мозгъ и мышцы на то и даны, конечно, чтобы упражнять ихъ въ извѣстной мѣрѣ; безъ достаточнаго физіологическаго упражненія эти органы атрофируются, перерождаются, ослабѣваютъ и вовлекаютъ весь организмъ въ полное разрушеніе. Нервно-мышечная дѣятельность необходима для организма не потому только, что ею поддерживаются *взаимныя отношенія* его съ окружающимъ міромъ, что ею опредѣляется высшая, благороднѣйшая психическая сторона его существованія и разумно-нравственная сторона его бытія, но и для регуляціи тѣхъ внутреннихъ процессовъ питанія и обмѣна, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ жизненныхъ функцій организма. Правильная мышечная

дѣятельность опредѣляетъ собою извѣстную энергію сердечной дѣятельности, дыханія, пищеваренія и т. д. А нервная система управляетъ всѣми отправленіями тѣла, ускоряя или замедляя ихъ, и служитъ великимъ звеномъ, связывающимъ всѣ органы тѣла въ одно единое цѣлое, направленное къ поддержанію цѣлости всего организма.

Отсюда понятно, что разстройства нервно-мышечной системы должны отражаться на состояніи всего организма и опредѣлять его здоровое или болѣзненное состояніе.

Для правильности функцій самого нервно-мышечнаго аппарата требуется, какъ доказано опытнымъ путемъ, поддержаніе его въ извѣстной степени дѣятельности, причемъ уклоненія, какъ въ сторону абсолютно-бездѣятельнаго состоянія, такъ и чрезмѣрной работы, ведутъ къ разстройствамъ, перерожденіямъ нервно-мышечнаго аппарата, а чрезъ это и всего тѣла.

О чрезмѣрномъ покоѣ намъ нечего говорить, такъ какъ въ нашъ вѣкъ онъ уже немыслимъ и несовмѣстимъ ни съ какими занятіями, ни съ какими профессіями.

Обломовы въ своихъ крайнихъ степеняхъ были бы невыгодны для какихъ-либо профессій, и слѣдовательно, если мыслимы какія-либо уклоненія нервно-мышечной дѣятельности, могущія вредно отражаться на здоровьѣ людей и сокращать ихъ жизнь, то это, конечно, лишь въ сторону чрезмѣрнаго напряженія мышечныхъ и мозговыхъ силъ въ примѣненіи ихъ къ тѣмъ или другимъ профессіямъ физическаго или умственнаго труда. Доказано, что изъ звеньевъ, участвующихъ въ нервно-мышечныхъ актахъ, нервный стволъ или нервы менѣе всего утомляются. Устаютъ концевые аппараты нерва, съ одной стороны мышцы, съ другой—нервные центры, резиденціей которыхъ служитъ мозгъ. Изъ этихъ аппаратовъ мозгъ, вѣроятно, всего легче устаетъ.

Доказано также, что истощеніе мышечное или физическое ведетъ къ упадку питанія, къ болѣзнямъ атрофическаго характера.

Истощеніе же умственное ведетъ къ мозговому переутомленію, сопровождающемуся рядомъ нервныхъ припадковъ, астеніей мозга и психозами.

Для сохраненія здоровья требуется такъ эксплуатировать физическія и умственныя силы организма въ разнообразныхъ профессіяхъ, чтобы не доводить организма до безпрерывнаго истощенія.

И это въ особенности важно для организмовъ еще не сформированныхъ, ростущихъ, а также старческихъ организмовъ, особенно чувствительныхъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ истощенія, переутомленія.

Вотъ что̀ касается одной изъ сторонъ вліянія профессій на человѣческій организмъ.

Съ другой стороны, тѣ или другія занятія могутъ вліять на организмъ, требуя отъ него такого ненормальнаго положенія тѣла, которое стѣсняетъ физическія отправленія органовъ дыханія, кровообращенія и т. д., и въ то же время своей односторонностью, монотонностью съуживаютъ все болѣе и болѣе поле игры нервныхъ аппаратовъ и ведутъ человѣка къ отупѣнію, къ ослабленію умственныхъ силъ.

Кромѣ того, профессіи могутъ вредить человѣку, обставляя его вредными внѣшними физическими условіями существованія въ отношеніи температуры, влажности, давленія, загрязненія воздуха различными вредными примѣсями и т. д.

Профессія можетъ со стороны вреда, оказываемаго на человѣческій организмъ, быть сама по себѣ и не при чемъ, а можетъ вліять косвенно низкой заработной платой, получаемой работниками этой профессіи; это влечетъ за собой бѣдность рабочихъ съ естественнымъ послѣдствіемъ—высокой смертностью ихъ.

Наконецъ, для точной оцѣнки вліянія тѣхъ или другихъ профессій слѣдуетъ сравнивать рабочихъ, относящихся къ одной и той же возрастной группѣ, такъ какъ смертность, независимо отъ профессій, бываетъ весьма различной въ различныхъ возрастахъ.

Поэтому одна профессія можетъ оказаться несравненно болѣе пагубной по величинѣ даваемой ею смертности сравнительно съ другой—и только потому, что ею занимаются болѣе пожилые люди, отличающіеся и безъ того большею смертностью, тогда какъ другая занята людьми молодыми съ несравненно меньшей смертностью. Изъ сказаннаго очевидно, какая масса факторовъ входитъ въ оцѣнку вліянія той или другой профессіи на смертность человѣка.

Самый обильный матеріалъ для цѣлаго населенія государства, представляющій смертность по занятіямъ, даетъ англійская статистика, относящаяся къ 1851 и 60 годамъ. Она сравниваетъ по смертности одинаковыя возрастныя группы, относящіяся къ различнымъ профессіямъ, и опредѣляетъ, сколько на 1.000 живущихъ каждаго возраста умерло: школьныхъ учителей, врачей, сельскихъ поденщиковъ, духовныхъ лицъ, трактирщиковъ, фермеровъ, портныхъ, сапожниковъ, участвующихъ въ различныхъ мануфактурахъ, мясниковъ, работниковъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ каменоломняхъ, плотниковъ, столяровъ, рабочихъ горнозаводской промышленности, фабричной обработки металловъ: желѣза, мѣди и т. д.

Изъ соотвѣтствующихъ таблицъ видно, что наиболѣе подвержены смертности школьные учителя (43,8 на 1.000), за ними—врачи (43,7), сельскіе поденщики (37,4) и продавцы крѣпкихъ напитковъ (30,3).

Всего благопріятнѣе обставлена жизнь рабочихъ, участвующихъ въ промышленности, обработывающей металлы (всего 12,2), потомъ въ горнозаводской (15,9), и нѣсколько хуже въ мануфактурной (18,1). Впрочемъ, смертность англиканскаго духовенства, въ особенности въ первое десятилѣтіе службы, поражаетъ своею малостью, а именно она равна всего 5,2 на 1.000.

Въ Пруссіи за 1875 г. получились слѣдующіе итоги смертности въ различныхъ профессіяхъ, хотя и менѣе доказательные въ виду сравненія неодинаковыхъ возрастныхъ группъ.

Изъ такихъ статистическихъ данныхъ видно, что смертность слабѣе всего въ населеніи, занятомъ сельской промышленностью; затѣмъ идетъ смертность въ войскахъ, слабая потому, что въ войска входятъ возрасты, наименѣе подверженные смертности; на третьемъ мѣстѣ стоятъ профессіональные классы. Наибольшей смертностью отличается прислуга, поденщики и наконецъ рантье и пенсіонеры, большинство которыхъ относится къ людямъ пожилого возраста.

Особенно поучительны послѣднія данныя Куммера о смертности по профессіямъ за 1879—1882 года въ Швейцаріи, представляющія смертность на 1.000 людей каждой профессіи и каждой возрастной группы..

Изъ представленныхъ Куммеромъ вполнѣ цѣлесообразныхъ таблицъ съ отчетливостью вытекаютъ слѣдующія заключенія: земледѣльческій классъ въ Швейцаріи, также какъ и наставники и учителя, служащіе на почтѣ и телеграфахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, представляя смертность меньшую средней, пользуются, слѣдовательно, лучшимъ здоровьемъ. Они мало подвержены чахоткѣ, также какъ и прядильщики шолка и хлопчатой бумаги, которые, кстати сказать, вовсе не пользуются въ Англіи этой поразительной привилегіей. Къ числу классовъ, пользующихся здоровьемъ выше средняго, относятся и рабочіе, занимающіеся приготовленіемъ химическихъ продуктовъ.

Къ профессіямъ, смертность которыхъ приближается къ средней, относятся мельники, булочники, у которыхъ чахотка встрѣчается все чаще и чаще по мѣрѣ теченія лѣтъ, сапожники, каретники, стекольщики, плотники, столяры, а также и наборщики.

Наконецъ, къ профессіямъ, смертность которыхъ превышаетъ среднюю, относятся мясники, колбасники, страдающіе часто ча-

хоткой, каменотесы, тесовщики мрамора, у которыхъ чахотка встрѣчается еще чаще, каменьщики, слесаря, часовщики, врачи и въ особенности содержатели гостинницъ и постоялыхъ дворовъ.

Не всегда, конечно, высокая смертность въ профессіяхъ послѣдней категоріи обусловливается непремѣнно самой профессіей, такъ какъ профессіи, связанныя съ сидячимъ образомъ жизни, избираются обыкновенно уже людьми слабыми, нездоровыми, дающими и безъ того высокую смертность. Поэтому слѣдуетъ вообще быть осторожнымъ въ выводахъ касательно вліянія профессій на смертность, а слѣдовательно и на здоровье людей, занимающихся ими, и это даже въ томъ случаѣ, когда подъ руками имѣются статистическія данныя строго точныя и цѣлесообразно-сопоставляемыя, каковы данныя г. Куммера относительно Швейцаріи.

Какъ бы ни были однако разнорѣчивы данныя демографіи касательно вліянія профессій на среднюю продолжительность жизни, тѣмъ не менѣе большинство показаній сходится на томъ, что смертность духовенства неимовѣрно мала, а средняя продолжительность жизни высока сравнительно съ другими профессіями. Фактъ этотъ объясняется, конечно, сравнительно обезпеченнымъ экономическимъ состояніемъ духовенства, жизнью въ большинствѣ случаевъ въ деревняхъ (въ Англіи), правильностью и регулярностью жизни и сравнительно нетяжелой формой труда; быть можетъ, въ этомъ участвуетъ и психическій факторъ, а именно душевное спокойствіе, покоящееся на надеждахъ и упованіи.

Въ противоположность духовенству, врачи представляютъ очень высокую смертность, и оно, конечно, понятно, если вспомнить образъ жизни громаднаго большинства врачей, вращающихся безпрерывно въ кругу заразныхъ больныхъ, обязанныхъ безпрерывно, и днемъ, и ночью, приходить на помощь страждущимъ и вѣчно волнующихся о судьбѣ лицъ, ввѣрившихъ имъ свою жизнь.

Юристы же пользуются хорошей средней продолжительностью жизни.

Со всѣмъ этимъ вполнѣ согласуются слѣдующія данныя Ламбара: на 100 лицъ, пережившихъ 70-лѣтній возрастъ, приходится духовенства—40, адвокатовъ—42, чиновниковъ—36, врачей—33.

По Касперу, средній возрастъ духовенства равенъ 65 годамъ; купцовъ—62; земледѣльцевъ—61; военныхъ—59; адвокатовъ—

58, артистовъ—57, профессоровъ—56 и врачей — 56 (изъ чиселъ этихъ отброшены, ради простоты, дроби).

По Смайльсу, духовныя лица, судьи, пользующіеся обезпеченнымъ доходомъ, и философы даютъ наибольшую среднюю жизнь; за ними слѣдуютъ купцы и садовники, и далѣе—врачи и мясники. Короче всѣхъ средняя жизнь мельниковъ и пекарей. Имъ же указывается, что средняя жизнь 16 духовныхъ лицъ была равна 73 годамъ (въ Англіи).

Поэты глубокаго вдохновенія и съ сильнымъ воображеніемъ обыкновенно быстро погибаютъ, и Байронъ не даромъ называлъ поэзію „выраженіемъ возбужденной страсти", какъ извѣстно, быстро истощающей организмъ. Фруассакъ приводитъ, что средняя жизнь 34 древнихъ философовъ была равна 84 годамъ 5 мѣсяцамъ, тогда какъ 34 новѣйшихъ философовъ=67 год. 2 мѣс. Слѣдовательно, древніе философы переживали философовъ болѣе новаго времени въ среднемъ на 17 лѣтъ 3 мѣсяца.

Д-ръ Гюи указываетъ на среднюю жизнь писателей: въ XVI-мъ вѣкѣ она была равна 64 годамъ; въ XVII-мъ вѣкѣ—63 годамъ; въ XVIII-мъ вѣкѣ—65 годамъ. Фруассакъ же взялъ 73 поэтовъ нашего столѣтія и вывелъ среднюю продолжительность жизни въ 62 года 4 мѣсяца.

Средняя жизнь артистовъ близка къ жизни поэтовъ и достаточныхъ классовъ; 50 музыкантовъ дали въ среднемъ продолжительность жизни, равную 63 годамъ. У насъ въ Россіи нѣтъ никакихъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія значенія профессій въ смертности, въ томъ числѣ и профессіи литераторовъ и писателей, и этотъ крупный пробѣлъ слѣдовало бы, конечно, пополнить.

Всѣмъ извѣстно, конечно, какой рѣшительницей судебъ народовъ является въ наше время боевая готовность той или другой стороны, опирающаяся на профессію военныхъ. Интересно знать, какъ профессія эта отражается на смертности людей, занятыхъ защитой отечества.

Благодаря любезности д-ра Яворскаго, мы имѣемъ въ рукахъ по этому вопросу новѣйшія данныя за два послѣднихъ десятилѣтія для нашей арміи.

Общая смертность во всей русской арміи, т.-е. число воиновъ, умирающихъ въ годъ, на 1.000 человѣкъ въ десятилѣтіе отъ 1867 по 1876 была равна 16, а въ десятилѣтіе отъ 1877 до 1886 она упала до 11 на 1.000. Мы видимъ несомнѣнное улучшеніе, выражающееся паденіемъ смертности и, вѣроятно, обусловленное прогрессомъ санитарныхъ мѣропріятій. Успокоиваться же на

коэффиціентѣ въ 11 смертей на 1.000 все же едва ли возможно въ виду того, что въ германской арміи смертность въ 1874—1880 годахъ была доведена до $5^{7}/_{10}$ на 1.000. Такимъ образомъ, германская армія съ каждой тысячи людей уступаетъ смерти вдвое почти меньше воиновъ, нежели русская армія, и это въ мирное время.

Что касается смертности въ подготовительной обширной профессіи учащихся, то мы имѣемъ объ этомъ свѣденія лишь для военно-учебныхъ заведеній, военныхъ гимназій, прогимназій и училищъ, благодаря основательнымъ трудамъ д-ровъ Кедрова и Демьянкова надъ заболѣваемостью и смертностью воспитанниковъ за два послѣдовательныхъ десятилѣтія—съ 1866 по 1875 и съ 1876 по 1885 годъ. Изъ обзора относящагося сюда матеріала легко видѣть, что общая смертность на 1.000 живущихъ воспитанниковъ представляетъ крайне утѣшительную величину, стоящую въ большинствѣ случаевъ ниже обычной смертности, свойственной людямъ тѣхъ же возрастныхъ группъ, но внѣ заведеній. Такъ, смертность на 1.000 здоровыхъ стоитъ даже ниже 1, напримѣръ, въ пажескомъ корпусѣ; въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ она равна 0,7 и 0,8. Эти числа не оставляютъ, конечно, желать ничего лучшаго. Не въ такомъ положеніи дѣло, конечно, вездѣ, такъ какъ, проходя черезъ градаціи въ смертности въ различныхъ гимназіяхъ въ 3, 4, 5, 7 и т. д. на 1.000, мы доходимъ въ бывшей елисаветградской военной прогимназіи до смертности въ 11,7 на 1.000—уже совсѣмъ, конечно, непозволительной. Во всякомъ случаѣ общая картина смертности, весьма умѣренная, производитъ еще тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что, сопоставляя смертность въ тѣхъ же заведеніяхъ за два послѣдовательныя десятилѣтія, мы видимъ въ послѣднемъ десятилѣтіи рѣзкое улучшеніе состоянія воспитанниковъ, выражающееся значительнымъ уменьшеніемъ смертности. Прогрессъ этотъ объяснимъ болѣе строгимъ научнымъ санитарнымъ надзоромъ за условіями жизни воспитанниковъ, болѣе гигіенической обстановкой ихъ занятій, а вѣроятно, также и улучшеннымъ пищевымъ режимомъ.

Что же касается до гражданскихъ гимназій, то о смертности ихъ воспитанниковъ не имѣется пока, насколько намъ извѣстно, никакихъ статистическихъ данныхъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ. А между тѣмъ они были бы очень важными.

Вообще статистикѣ слѣдовало бы придти на помощь педагогіи для выясненія многихъ задачъ, касающихся не только прямо смертности, но и характера болѣзненности или здоровья тѣхъ

группъ людей, которыя проходятъ черезъ школы и выносятъ на себѣ вліяніе тѣхъ или другихъ системъ воспитанія и образованія и различныхъ школьныхъ физическихъ условій существованія. И при томъ статистикѣ слѣдовало бы слѣдить не только за болѣзненностью и смертностью воспитанниковъ въ школахъ, но и за тѣмъ, что дѣлается съ ними впослѣдствіи въ жизни.

Тѣ или другія благотворныя или пагубныя вліянія школы могутъ выразиться впослѣдствіи въ теченіе практической жизни людей и дать или долгую, дѣятельную, здоровую жизнь, или, наоборотъ, коротвую, мало продуктивную съ опредѣленнымъ характеромъ болѣзненности. Эту связь между опредѣленными системами школьнаго воспитанія и образованія и послѣдствіями ихъ на людяхъ можетъ лучше всего раскрыть статистика численнымъ выраженіемъ опредѣленныхъ признаковъ, характеризующихъ личную и общественную жизнь человѣка.

Возьмемъ въ качествѣ отвлеченнаго примѣра однѣ школы, въ которыхъ заваливаютъ учениковъ самыми головоломными работами съ самаго ранняго возраста жизни—и такъ въ теченіе всей школьной жизни; съ другой стороны, такія школы, въ которыхъ, опасаясь переутомленія учащихся, не налегаютъ очень на занятія и распредѣляютъ болѣе раціонально работу и отдыхъ.

Какъ рѣшить, что дѣйствительно полезно и что вредно? Мы полагаемъ, что статистика оказала бы огромную услугу, еслибы, слѣдя за воспитанниками какъ въ теченіе школьной жизни, такъ и впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы, отмѣчала тѣ признаки, которые характеризуютъ здоровье и продуктивность жизни людей, прошедшихъ черезъ разныя системы воспитанія. Допустимъ, что изъ 100 людей, прошедшихъ черезъ первую систему переутомленія учащихся, половина оказалась бы впослѣдствіи страдающей нервными болѣзнями, астеніей мозга и т. д., дѣлающими ихъ негодными для жизни, тогда какъ прошедшіе черезъ системы болѣе раціональной школьной жизни давали бы несравненно меньшій процентъ такихъ больныхъ; приговоръ системѣ былъ бы положенъ самый убѣдительный, основанный прямо на числовыхъ данныхъ. Намъ кажется, что статистикѣ и въ области педагогики придется играть не менѣе видную роль, чѣмъ въ остальныхъ явленіяхъ общественной жизни. Статистика уже заслужила благодарность медицины и многихъ другихъ наукъ за разъясненіе многихъ вопросовъ, которые и могли быть рѣшены только при помощи ея числовыхъ методовъ. Такъ, вопросы о полезности оспопрививанія, многихъ санитарныхъ мѣропріятій и лекарственныхъ

веществъ въ борьбѣ съ заразными и другими болѣзнями были окончательно выяснены статистическимъ путемъ.

Пора статистикѣ серьезно взяться и за міръ школьной жизни, оцѣнить по достигаемымъ результатамъ тѣ или другія системы образованія и воспитанія и выяснить прежде всего, правъ ли дѣйствительно Кетле, указывающій на опасность для послѣдующей жизни чрезмѣрныхъ и раннихъ умственныхъ занятій,—этой болячки нашего времени. Роль статистики въ вопросахъ этого рода должна быть громадной, но для успѣшности ея работъ въ этомъ направленіи изъ нея должна выдѣлиться подобно медицинской статистикѣ спеціальная область статистики педагогической.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о вліяніи войнъ и эпидемій на смертность. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что смертность отъ нихъ увеличивается. Иллюстрируемъ сказанное нѣсколькими примѣрами.

Въ Россіи съ 1830 по 1833 годъ умерло отъ холеры, по Архангельскому, 240.647 человѣкъ; въ Пруссіи съ 1831 по 1837 годъ—55.603 человѣка; въ Австріи съ 1831 по 1832 годъ—102.986 чел.; въ Венгріи съ 1831 по 1832 годъ—237.066 чел., и т. д. Такъ что во всей Европѣ вымерло за эту эпидемію 916.173 человѣка. На каждую же 1.000 человѣкъ умирало отъ холеры въ Россіи 4,5 человѣка, въ Пруссіи—2,4, въ Австріи—6,5, въ Венгріи—15, во Франціи—3,1.

Холера 50-хъ годовъ нашего столѣтія унесла въ Европѣ еще болѣе жертвъ,—около $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ. Понятно, какъ это должно было повысить обычную общую смертность на 1.000 живого населенія.

Отъ эпидеміи оспы колебанія смертности далеко не такъ велики. Въ прошломъ столѣтіи эпидеміи оспы были несравненно сильнѣе и сопровождались смертностью въ 6—9 на 1.000, тогда какъ подъ вліяніемъ распространенія оспопрививанія и вслѣдствіе болѣе раціональной борьбы съ нею смертность на 1.000 живыхъ доведена въ наши дни до 0,008% и того меньше. Поэтому за оспенными эпидеміями должно быть признано гораздо меньшее вліяніе на движеніе населенія, чѣмъ за холерными эпидеміями, посѣщающими періодически Европу. Эпидеміи могутъ повысить смертность и косвенно, отнимая рабочія руки отъ дѣла, повышая такимъ образомъ дороговизну продуктовъ и черезъ это повышая и смертность бѣднаго населенія, какъ о томъ было говорено раньше.

Интересно вліяніе войнъ на смертность. Каждая страна, вовлеченная въ войну, теряетъ часть своего населенія не столько отъ пуль и ранъ, сколько отъ болѣзней, порождаемыхъ между сражающимися—трудностями и лишеніями войны. Въ населеніи, не принимавшемъ участія въ войнѣ, смертность тоже увеличивается не только вслѣдствіе упадка благосостоянія, но и вслѣдствіе заноса съ театра войны заразныхъ болѣзней—тифа, холеры, кроваваго поноса, оспы. Такъ, Франція въ восточную войну въ оба года войны дала въ среднемъ излишекъ умершихъ въ 16,4%. Впрочемъ, это было послѣдствіемъ войны и холеры; если выключить участіе холеры, то послѣдствіемъ войны является увеличеніе смертности на 1,4%. Въ то же время въ Англіи смертность за 1854, 1855 годъ превысила смертность предшествующаго пятилѣтія на 10%. Въ Россіи же за 1853—1855 года смертность въ среднемъ достигла 2,2 милліоновъ, т.-е. на 16,6% выше, чѣмъ въ предшествующее 3-лѣтіе, когда въ среднемъ умирало 1,8 милліоновъ въ годъ; словомъ, смертность не уступала почти той, которая была въ холерные года.

Франко-прусская война 1870—1871 года повела къ тому, что среднее число умершихъ за эти года въ Пруссіи превысило смертность въ 1867—1869 гг., т.-е. до войны, на 5,4%. Но Франція пострадала ужасно! Смертность въ ней въ года войны превысила смертность до войны и послѣ войны на 36,3%, дойдя по отношенію ко всему населенію до цифры въ 34,8 на тысячу. Въ эти два года убыль отъ перевѣса смертей надъ рожденіями получилась болѣе чѣмъ въ полъ-милліона (не считая, конечно, потери Эльзаса и Лотарингіи). И то же самое повторяется при всѣхъ войнахъ. Результаты, какъ видно, всегда плачевны, несмотря на внѣшній блескъ побѣдъ. Въ корнѣ всякой побѣды лежитъ зіяющая рана народная—устраненіе массы жизней, нравственное горе и физическое разореніе!

Важно еще то, что во время войнъ убываетъ самый цвѣтъ производительныхъ силъ страны—люди самые здоровые, сильные и рослые, что, конечно, должно отражаться на производительности страны, на ея богатствѣ. Чтобы судить объ этихъ потеряхъ, напомнимъ разсчетъ проф. Петтенкофера, основанный на томъ, что болѣзнь отнимаетъ время, а время—капиталъ. Для города Мюнхена, съ 170.000 жителей, ежегодный убытокъ отъ одной болѣзненности помимо смертности оцѣнивается въ $3^1/_2$ милліона гульденовъ. Какъ же долженъ быть великъ убытокъ цѣлой страны, подвергающейся перипетіямъ войны?

Впрочемъ, убытки эти не только матеріальнаго и нравствен-

наго характера, но и біологическаго свойства и откликаются на физическомъ складѣ послѣдующихъ поколѣній.

Вопросъ о вліяніи войнъ на физическое состояніе народа, среди котораго производится рекрутскій наборъ, уже давно существуетъ въ литературѣ. Тидеманнъ, на основаніи медицинскихъ оффиціальныхъ данныхъ, собранныхъ имъ за цѣлый рядъ лѣтъ, полагалъ возможнымъ сдѣлать заключеніе объ упадкѣ развитія и здоровья европейскаго населенія. Главной причиной этого упадка служатъ, по его мнѣнію, разрушительныя и продолжительныя войны временъ революціи и имперіи. Онъ приходитъ къ заключенію, что преждевременная смерть милліоновъ людей самыхъ сильныхъ, самыхъ высокихъ должна оказывать самое губительное дѣйствіе на характеръ потомства, такъ какъ при этомъ распространеніе рода остается въ рукахъ самыхъ слабыхъ индивидуумовъ, не попавшихъ въ ряды армій.

Спенсеръ придерживается того же мнѣнія и указываетъ, что тамъ, гдѣ наборъ увлекаетъ лучшихъ физическихъ представителей расы, тамъ эта послѣдняя должна постепенно падать, утрачивая лучшія черты своего физическаго склада. Забраковываніе врачами все большаго и большаго количества молодыхъ людей, призываемыхъ въ ряды армій какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, фактически подтверждаетъ этотъ физическій упадокъ расъ. Еще въ 1817 году Гаржанвилье писалъ, что слѣдовало бы понизить требованія на ростъ при рекрутскихъ наборахъ, такъ какъ при этомъ оставлялось бы внутри страны для воспроизведенія новыхъ поколѣній большее число людей высокаго роста, и чѣмъ больше увеличиваются требованія на ростъ для военной службы, тѣмъ сильнѣе должна быть дегенерація населенія.

Фруассакъ пытался также объяснить вырожденіе націй вліяніемъ войнъ, вліяніемъ военнаго подбора на основаніи историческихъ данныхъ. Онъ утверждаетъ, что ростъ французовъ постепенно уменьшается, начиная съ вѣка Юлія Цезаря и кончая нашими днями. Римскіе авторы изображаютъ галловъ какъ народность, одаренную высокимъ ростомъ. Въ настоящее время французы представляютъ одну изъ самыхъ малорослыхъ расъ въ Европѣ, и французская армія какъ въ Египтѣ, такъ и въ Германіи вызывала всеобщее удивленіе малорослостью своихъ солдатъ.

Изъ статистическихъ данныхъ во Франціи дѣйствительно оказывается, что процентъ слабосильныхъ, калѣкъ, забракованныхъ при рекрутскихъ наборахъ между 1816 и 1830 г., все время росъ, и съ 25 на 100 въ 1816 году—выросъ до 33 на 100 въ 1834—1835 г.; а такъ какъ еще въ 1860—1864 г.

встрѣчается тотъ же самый процентъ въ 33 на 100, то въ общемъ можно сказать, что количество слабосильныхъ увеличилось на $^1/_3$ противъ того, что̀ было въ 1816 году. Саксонія представляетъ безспорный примѣръ вырожденія населенія въ промежуткѣ между 1832—1836 и 1850—1854 гг.; въ теченіе перваго періода было 33 слабосильныхъ на 100, и этотъ процентъ повысился до 50 на 100 въ теченіе второго періода.

Въ Пруссіи количество слабосильныхъ съ 1831 до 1854 года колебалось между 34 и 38 на 100, но зато съ 1858 по 1862 годъ величина забракованныхъ возросла до 42 на 100, и т. д.

Вліяніе военнаго подбора на вырожденіе націи логически уже само собою понятно, такъ какъ безспорно, что удаленіе наиболѣе сильныхъ и бодрыхъ увеличиваетъ процентъ немощныхъ и слабосильныхъ. Но мало того, военный подборъ можетъ клониться къ физическому вырожденію націи, и статистика призвана фактически указать на возможность подобнаго вырожденія и на степень, до которой оно можетъ дойти.

Фактической разработкой этого вопроса мы обязаны нашему, къ сожалѣнію, безвременно погибшему соотечественнику г. Чурилову, тщательно разобравшему послѣдствія войнъ, которыя велись между 1792—1815 годами. Разбирая рядъ поколѣній въ различные года нашего столѣтія со стороны состоянія ихъ здоровья, онъ замѣтилъ, что процентъ негодныхъ къ военной службѣ вслѣдствіе какъ малорослости, такъ и легочныхъ, сердечныхъ заболѣваній, вслѣдствіе болѣзней костей, золотухи и нервныхъ болѣзней—эпилепсіи и т. д., вслѣдъ за этими войнами рѣзко возросталъ черезъ опредѣленные періоды времени и затѣмъ вновь падалъ, чтобы вновь повториться черезъ опредѣленный рядъ лѣтъ. Легко,—говоритъ Чуриловъ,—опредѣлить время максимума физическаго вырожденія, вызываемаго извѣстной войной. Положимъ, что средній возрастъ убитыхъ на войнѣ былъ 26 лѣтъ, и что наиболѣе сильная плодовитость наступаетъ въ 34 года; мы увидимъ, что главный процентъ вырожденія наступитъ въ поколѣніи, которое родится черезъ 8 лѣтъ, и наибольшій бракъ при наборѣ представится, слѣдовательно, черезъ 28 лѣтъ, такъ какъ при наборѣ допускаются молодые люди, достигшіе 20-лѣтняго возраста.

Разсуждая такимъ образомъ, онъ могъ теоретически опредѣлить времена наступленія наибольшаго брака призывныхъ, какъ въ Пруссіи, такъ и во Франціи, и эти теоретическіе максимумы близко согласовались съ дѣйствительными.

Итакъ, военный подборъ оказываетъ вредное вліяніе на физическій складъ націи и обусловливаетъ ея постепенное вырож-

нія одного легкаго другое приходитъ въ усиленную работу; при возростаніи препятствій къ кровообращенію мышечныя стѣнки сердца увеличиваются въ объемѣ, крѣпнутъ, для того, чтобы справиться съ предстоящей ему усиленной работой обращенія крови по тѣлу. Наконецъ, кровопусканіе—смертельное, еслибы оно производилось сразу—переносится легко, если дѣлать его по частямъ въ нѣсколько пріемовъ съ достаточными промежутками, дающими возможность организму приспособиться къ новымъ внутреннимъ условіямъ существованія.

Что же касается приспособленія организма къ внѣшнимъ условіямъ существованія, то все ученіе о происхожденіи видовъ изобилуетъ примѣрами этого рода, и мы ограничимся здѣсь упоминовеніемъ слѣдующаго краснорѣчиваго факта. Извѣстно, что саламандры въ личиночномъ состояніи живутъ въ водѣ и дышутъ жабрами; по мѣрѣ того какъ они выползаютъ на сушу, жабры ихъ начинаютъ атрофироваться и развивается постепенно легочное дыханіе, которымъ онѣ пользуются исключительно въ послѣдующей своей жизни. Если однако насильственно держать саламандру въ водѣ, то она на всю жизнь остается съ однимъ только жабернымъ дыханіемъ.

Весьма любопытенъ съ точки зрѣнія приспособленія и слѣдующій хотя и простой, но полный глубокаго смысла опытъ Клодъ-Бернара. Если помѣстить подъ герметически замкнутый стеклянный колпакъ воробья, то онъ чрезъ часъ или болѣе, смотря по запасу воздуха въ колоколѣ, начинаетъ тяжело дышать, вслѣдствіе недостатка потребленнаго имъ кислорода и накопленія въ колпакѣ выдохнутой имъ углекислоты; тѣмъ не менѣе воробей продолжаетъ все же жить, хотя и тяжелой жизнью. Если въ это время впустить подъ колоколъ свѣжаго воробья, взятаго съ воли, то онъ мгновенно погибаетъ въ судорогахъ, тогда какъ его товарищъ, попривыкшій къ средѣ, приспособившійся къ спертому воздуху, продолжаетъ влачить свое жалкое существованіе. И какъ организмъ приспособляется исподволь къ спертому воздуху, конечно, до извѣстныхъ предѣловъ, такъ онъ привыкаетъ и къ дѣйствію многихъ ядовитыхъ продуктовъ, къ цѣлому ряду растительныхъ алкалоидовъ и минеральныхъ ядовъ. Такъ морфіоманы, опіофаги, потребители мышьяка, фосфора, курильщики табака доходятъ до безнаказаннаго суточнаго введенія такихъ дозъ этихъ веществъ, которыя были бы безусловно гибельны и даже смертельны для людей, не привыкшихъ къ нимъ.

Хотя такое приспособленіе организма и не выражается съ виду никакими уловимыми измѣненіями формы и величины орга-

новъ, тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ наличности при этомъ такихъ измѣненій состава тканей и органовъ, благодаря которымъ весь организмъ дѣлается менѣе уязвимымъ указанными выше вредными началами. Вѣроятно, этимъ же объясняется и меньшая воспріимчивость организма къ ядамъ нѣкоторыхъ инфекціонныхъ болѣзней, послѣ того какъ онъ уже испыталъ однажды ихъ зловредное дѣйствіе.

Если организмы способны приспособляться къ завѣдомо ядовитымъ продуктамъ, закаляться въ борьбѣ съ ними, то нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что они способны въ извѣстной мѣрѣ приспособляться и ко всякимъ другимъ вреднымъ условіямъ существованія, которыми окружена жизнь бѣднаго, обездоленнаго класса населенія. На такомъ приспособленіи и основывается то, что принято называть закаленностью человѣка, его выносливостью, нерѣдко удивляющими людей, утопающихъ въ роскоши и довольствѣ. Повторяемъ, безъ этой закаленности средняя жизнь бѣднаго класса населенія была бы неизмѣримо ниже существующей.

Какъ бы ни было велико однако значеніе приспособляемости организма въ дѣлѣ удлиненія средней жизни бѣдныхъ классовъ населенія, тѣмъ не менѣе на нее нечего разсчитывать наукѣ и обществу въ дѣлѣ борьбы съ высокой смертностью. Задача общества и науки должна быть сведена, напротивъ того, на приспособленіе окружающихъ условій общественной жизни къ естественнымъ требованіямъ человѣческаго организма, на устраненіе тѣхъ опасностей, которыми онъ окруженъ отовсюду, а также и на тѣ невыгодныя стороны общественнаго строя, которыя сѣютъ бѣдность и нищету, этихъ главныхъ факторовъ высокой смертности. Вотъ истинный идеалъ общества и науки передъ лицомъ страждущаго человѣчества!

Чтобы видѣть однако, насколько цѣли эти достижимы, необходимо ознакомиться прежде всего съ главными причинами смертности и взвѣсить, насколько причины эти устранимы.

Не придерживаясь обычной статистической классификаціи, а болѣе—физіологической, мы отнесемъ въ категорію естественной, нормальной смерти тѣ случаи смерти, которые происходятъ вслѣдствіе старческой дряхлости, старческаго истощенія жизненныхъ силъ организма, а къ категоріи насильственной смерти—всѣ тѣ случаи, которые происходятъ: 1) вслѣдствіе дѣйствія внѣшнихъ причинъ, нарушающихъ цѣлость организма, какого бы мотива они ни были,—убійства, самоубійства, случайныя пораженія; 2) вслѣд-

ствіе недоразвитости новорожденныхъ, атрофіи или уродствъ; 3) вслѣдствіе ненормальныхъ родовъ; и въ 4) вслѣдствіе всевозможныхъ болѣзней и вызываемыхъ ими пораженій внутреннихъ органовъ.

Какъ количественно распредѣляются эти смерти въ общей смертности населенія?

Люди, умершіе отъ старческой дряхлости, не сопровождавшейся никакими видимыми острыми или хроническими болѣзненными процессами, составляютъ въ общей смертности лишь самое незначительное меньшинство. Къ этой группѣ относятся смерти въ возрастѣ выше 65 лѣтъ въ Англіи, и выше 60 лѣтъ въ Пруссіи. Число такихъ смертей въ преклонномъ возрастѣ естественно должно быть больше; по разсчету оказывается, что среди людей старше 70-лѣтняго возраста отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ всѣхъ умирающихъ приходится на долю естественной старческой смерти отъ дряхлости. Въ Англіи изъ 1.000 живущихъ 65—75-лѣтнихъ старцевъ естественной смертью погибаетъ 6—7 человѣкъ; отъ 75 до 85 лѣтъ—уже цѣлыхъ 58; отъ 85 до 95 лѣтъ—195, а съ 95 лѣтъ и выше—577 человѣкъ. Принимая въ разсчетъ громадный коэффиціентъ смертности въ старыхъ возрастахъ, мы видимъ, что процентъ смертности отъ естественнаго старческаго истощенія представляется даже въ преклонномъ возрастѣ незначительнымъ, и слѣдовательно старцы являются также жертвой насильственныхъ болѣзней. Принимая съ другой стороны въ разсчетъ громадное вымираніе населенія до достиженія преклоннаго возраста, мы въ правѣ заключить, что нормальная старческая смерть въ общей смертности есть почти то же, что капля въ морѣ.

Переходя теперь къ насильственнымъ смертямъ, мы должны отличить прежде всего смерть отъ внѣшнихъ причинъ, а затѣмъ и отъ обширной группы всевозможныхъ болѣзней.

Насильственныя смерти отъ внѣшнихъ причинъ составляютъ въ Англіи, Ирландіи, Баваріи и Пруссіи отъ 1,3% до 2,9% всѣхъ смертей, и сюда относятся смерти отъ несчастныхъ случаевъ, самоубійствъ, убійствъ и нѣкоторыхъ подобныхъ причинъ. Мужчины въ $2^1/_2$—$4^1/_2$ разъ сильнѣе подвержены опасности умереть такой насильственной смертью, чѣмъ женщины. Въ 1858—1862 годахъ въ Россіи смерти отъ убійства и самоубійства составляли 0,28% всѣхъ умершихъ. Сравнительно съ Англіей и Пруссіей убійствъ у насъ было въ 3—4 раза больше, но самоубійствъ значительно меньше. Во всякомъ случаѣ въ общемъ итогѣ смертности эта категорія насильственныхъ смертей по крайней мѣрѣ для движенія населенія имѣетъ весьма малое значеніе.

Насильственныя смерти отъ болѣзней должны быть подраздѣлены на двѣ группы: дѣтскія смерти до 5 лѣтъ—и затѣмъ смерти во всѣхъ остальныхъ возрастахъ.

Дѣтскія смерти въ теченіе перваго года жизни зависятъ главнымъ образомъ отъ судорогъ и поносовъ. Затѣмъ формы эти, ослабѣвая, уступаютъ мѣсто скарлатинѣ, крупу, дифтериту, оспѣ, разнымъ мозговымъ страданіямъ, болѣзнямъ органовъ дыханія, коклюшу и кори,—словомъ, цѣлому ряду заразныхъ болѣзней, уносящихъ массу жертвъ. Полную картину смертности населенія отъ различныхъ болѣзней въ возрастахъ, слѣдующихъ за 5-лѣтнимъ, даютъ матеріалы, собранные англійской, ирландской и шотландской статистикой.

Вотъ порядокъ, въ которомъ располагаются болѣзни по своему значенію въ общей смертности населенія, пережившаго 5-лѣтній возрастъ; порядокъ этотъ почти одинъ и тотъ же вездѣ: 1) чахотка, 2) болѣзни органовъ дыханія, 3) инфекціонныя, міазматическія болѣзни, 4) болѣзни нервной системы, 5) органовъ кровообращенія, 6) пищеваренія, 7) діатезическія болѣзни и 8) мочевыхъ органовъ.

Въ общемъ выходитъ, что въ Англіи на долю чахотки, болѣзней органовъ дыханія, инфекціонныхъ, міазматическихъ болѣзней приходится 47% изъ всѣхъ умершихъ; въ Шотландіи—половина, въ Пруссіи 48%, а всѣ упомянутыя болѣзни въ сложности составляли въ Англіи (1875 г.) 80,7%. Остается, слѣдовательно, только около $^1/_5$ умершихъ отъ другихъ причинъ, а именно отъ недоразвитости новорожденныхъ, отъ уродствъ, отъ пороковъ образованія органовъ, атрофіи дѣтской и, наконецъ, отъ естественной старческой смерти.

Уже изъ сказаннаго легко видѣть, какую незначительную роль въ общей смертности можетъ играть старческая смерть отъ нормальнаго истощенія, и какъ мало, слѣдовательно, людей погибаетъ отъ естественной смерти, т.-е. достигаетъ естественнаго предѣльнаго возраста жизни.

Главными бичами человѣчества являются очевидно болѣзни органовъ дыханія, чахотка и всевозможныя заразныя міазматическія болѣзни. Кому удалось бы найти вѣрное средство для борьбы съ чахоткой, уносящей столько жизней, тотъ сразу уменьшилъ бы смертность на очень значительную величину и удлинилъ бы среднюю жизнь людей. Мѣры, предупреждающія развитіе заразныхъ болѣзней, или средства, успѣшно преодолѣвающія ихъ убійственную силу, сразу понизили бы смертность на огромную величину и сильно повысили бы среднюю жизнь

человѣка, и т. д. Гигіена и медицина, конечно, уже давно борются въ этомъ направленіи, и интересно узнать, сдѣланъ ли ими хотя бы шагъ впередъ въ дѣлѣ пониженія людской смертности.

Нерѣдко приходится слышать, что родъ человѣческій въ дѣлѣ здоровья и физическаго склада спускается все по наклонной плоскости и все слабѣетъ и дряхлѣетъ. Однакоже основательное изученіе вопроса приводитъ насъ къ тому, что и прежніе люди и народы не менѣе страдали отъ болѣзней, не менѣе гибли отъ нихъ: стоитъ только вспомнить тѣ страшныя чумныя и оспенныя эпидеміи, которыя опустошали Европу въ средніе вѣка, и то, что въ городахъ число смертей всегда превосходило число рожденій, чтобы заключить, что общая смертность была прежде выше, чѣмъ теперь. Что смертность дѣйствительно рѣзко измѣнилась—слѣдуетъ уже прямо изъ того, что теперь въ цивилизованной части міра удвоеніе населенія получается въ нѣкоторыхъ странахъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Въ Даніи, напримѣръ, для этого требуется 70 лѣтъ, въ другихъ даже и короче, какъ, напримѣръ, въ Россіи. Что этого не было раньше—уже прямо слѣдуетъ изъ того, что при такомъ ростѣ населенія, допустивъ его и для прошлыхъ временъ, земля была бы биткомъ уже переполнена людьми, такъ какъ пара людей, взятая за нѣсколько столѣтій до Р. Х., была бы достаточна для того, чтобы при удвоеніи населенія черезъ каждыя 70 лѣтъ населить землю несравненно бо́льшимъ числомъ жителей, чѣмъ 1.400 милліоновъ, населяющихъ нынѣ земной шаръ. Но вѣдь, конечно, за нѣсколько столѣтій до Р. Х. существовала на землѣ не одна только пара людей!

Обратимся теперь къ числовымъ даннымъ, иллюстрирующимъ движеніе смертности прежде и теперь. Въ Женевѣ въ XVI столѣтіи изъ 100 живорожденныхъ на 1-мъ году жизни умирало 26; въ XVII—умирало 24, въ XVIII—20, а въ XIX—всего 12. Шансы на жизнь младенцевъ, какъ видно, въ нашемъ столѣтіи удвоились. Въ Швеціи смертность между 1751 и 1871 упала съ 27,4 на 1.000 до 19,5. Во Франціи смертность на 1.000 живущихъ въ годъ въ 1801—1810 была равна 28,6; въ 1861—1880 она упала до 23,6. Въ Англіи за то же время смертность упала съ 22,3 на 21,9; въ Россіи же въ 1796—99 г. она была равна 20, а въ 1867—85 она повысилась до 35,6 на 1.000.

Мы видимъ, что смертность въ теченіе этого столѣтія вездѣ почти понижалась, въ Россіи же она росла. Очевидно, что мѣры

борьбы съ высокой смертностью необходимы въ особенности въ Россіи.

Въ Англіи существуетъ законъ, по которому всякій городъ, смертность котораго, выведенная изъ 7-лѣтней сложности, превышаетъ 23 на тысячу, признается неблагонадежнымъ въ санитарномъ отношеніи и обязательно подлежащимъ оздоровленію.

Коммиссія общества русскихъ врачей въ 1885 году, опираясь на докладъ д-ра Экка по этому вопросу, признала цѣлесообразнымъ примѣнить это положеніе и къ Россіи, и требованіе это не представляетъ, конечно, ничего невыполнимаго, такъ какъ у насъ въ имперіи и теперь встрѣчаются отдѣльные, разбросанные повсюду города, гдѣ смертность стоитъ не только на 23 на 1.000, но и того меньше; отчего же и другіе города не могутъ быть сведены со стороны смертности къ указанному только-что сносному уровню смертности? Какими же мѣрами слѣдуетъ бороться съ высокой смертностью?

Мѣры эти должны быть пріурочены прежде всего къ главнымъ причиннымъ моментамъ смертей.

По мнѣнію д-ра Бубнова, если въ Россіи въ теченіе года умираетъ 2.800.000 человѣкъ, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что одинъ милліонъ смертныхъ случаевъ могъ бы быть устраненъ при дѣйствительно санитарномъ благоустройствѣ страны; а такъ какъ причины этого милліона смертныхъ случаевъ вполнѣ устранимы общегосударственными санитарными мѣрами, то мы, по мнѣнію этого автора, зарываемъ каждый годъ въ землю милліонъ людей совершенно напрасно, только по привычкѣ и недоразумѣнію.

Изъ болѣзней населенія первое мѣсто занимаютъ заразно-повальныя формы, эпидемическія, паразитарныя и профессіональныя.

Эпидемическія данныя показываютъ, что заразно-повальныя болѣзни пріобрѣли у насъ полное право гражданства и существуютъ постоянно почти вездѣ въ видѣ такъ-называемыхъ многолѣтнихъ эпидемій.

Врачи ежегодно регистрируютъ у насъ до 1.200.000 случаевъ заболѣванія заразными болѣзнями и до 150.000 смертельныхъ исходовъ тифа, скарлатины, оспы, дифтерита, рожи, сифилиса и т. д. Болѣзни не только сводятъ въ могилу сотни тысячъ людей совсѣмъ понапрасну, но и разстроиваютъ конституцію людей, перенесшихъ эти болѣзни, калѣчатъ населеніе, вырождаютъ его, дѣлаютъ его неспособнымъ къ работѣ, какъ это доказываютъ осмотры въ воинскихъ присутствіяхъ призывнаго возраста, гдѣ

на каждую сотню осмотрѣнныхъ оказывается болѣе 18 человѣкъ неспособныхъ, слабоумныхъ, нѣмыхъ, слѣпыхъ, глухихъ, чахоточныхъ, золотушныхъ и т. д.

Кромѣ того, въ теченіе года регистрируется до 500.000 заболѣваній и до 100.000 смертельныхъ исходовъ отъ болѣзней, поражающихъ по преимуществу дѣтскій возрастъ, оспы, скарлатины, дифтеріи, кори и т. д.

И вся эта громадная заболѣваемость и смертность объясняются неудовлетворительнымъ санитарнымъ состояніемъ большинства населенныхъ мѣстностей въ Россіи.

Многіе села и города расположены или на низменныхъ сырыхъ и болотистыхъ территоріяхъ, или по берегамъ грязныхъ рѣкъ и рѣчекъ, засоряющихся стоками въ нихъ разныхъ нечистотъ. Строго организованнаго постояннаго и полнаго удаленія нечистотъ въ громадномъ большинствѣ городовъ совсѣмъ не существуетъ; нечистоты скопляются и разлагаются на дворахъ и на улицахъ, загрязняютъ воды. Отхожія мѣста или не существуютъ, или дурно устроены, заражаютъ почву и воздухъ. Люди оказываются окруженными такимъ образомъ зараженнымъ воздухомъ, которымъ они дышутъ, зараженной водой, которую пьютъ, и живущими на почвѣ, насыщенной всякаго рода нечистотами, т.-е. всѣми условіями, не только не совмѣстимыми съ здоровьемъ, но и благопріятствующими развитію всевозможныхъ эпидемій.

Большинство торгово-промышленныхъ заведеній и фабрикъ находится въ условіяхъ, вовсе не обезпечивающихъ рабочихъ отъ всевозможныхъ вредныхъ вліяній скученности, загрязненнаго производствомъ воздуха и т. д. Окрестное населеніе очень часто страдаетъ отъ вреднаго вліянія фабрикъ. Санитарное состояніе тюремъ внѣ всякаго описанія! Во многихъ тюрьмахъ 36-ти губерній были эпидеміи тифа всѣхъ трехъ формъ. Преобладающими болѣзнями являются заразно-повальныя, и тюрьмы служатъ постояннымъ источникомъ заразы для населенія не только окрестныхъ, но и очень отдаленныхъ мѣстностей.

Въ такихъ именно краскахъ рисуетъ положеніе дѣла у насъ въ Россіи д-ръ Бубновъ въ запискѣ, читанной имъ въ коммиссіи по вопросу объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшенія смертности въ Россіи. Если прибавить къ этому еще и бѣдность рабочаго населенія, обусловливающую невольную скученность и недостаточность питанія, а равно и полное отсутствіе какихъ-либо знаній объ условіяхъ предохраненія себя отъ болѣзней и т. д., то можно себѣ представить, какъ при всѣхъ этихъ условіяхъ должна быть высока смертность населенія! И странно

сказать, что при такомъ положеніи дѣла на 90-милліонное населеніе имѣется всего лишь 5.000 врачей съ небольшимъ (не считая, конечно, военныхъ врачей), призванныхъ печься о здоровьи населенія. Очевидно, что задача эта имъ не по силамъ.

Медицинской наукой вполнѣ уже доказано, что распространеніе и развитіе эпидемій находится въ тѣсной связи съ загрязненіемъ почвы, воздуха и воды разнообразнаго рода органическими отбросами и газообразными міазматическими продуктами. Существуетъ безчисленное множество примѣровъ, что ассенизація воздуха, воды, почвы, а также и жилищъ, гдѣ проводятъ люди жизнь, быстро и радикально прекращала всякія эпидеміи, въ особенности если къ тому же принимать мѣры и для изолированія заразныхъ больныхъ. Останавливаться на этихъ фактахъ—впрочемъ, общеизвѣстныхъ—считаемъ здѣсь безполезнымъ и укажемъ только на главныя заключенія, къ которымъ пришла коммиссія по оздоровленію Россіи, призванная выяснить мѣры, необходимыя въ дѣлѣ борьбы съ эпидеміями:

I. Доставленіе большимъ центрамъ населенія здоровой, чистой воды.

II. Устраненіе нечистотъ и органическихъ отбросовъ.

III. Дренажъ или канализація почвы въ городахъ и селахъ.

IV. Мощеніе улицъ и очистка ихъ.

V. Устройство уединительныхъ помѣщеній для заразныхъ больныхъ.

VI. Улучшеніе питанія населенія.

Къ этому списку мы позволимъ себѣ прибавить необходимость установки строгаго контроля надъ правильностью функціонированія фановыхъ—сточныхъ трубъ въ домахъ, установки строгихъ правилъ, предупреждающихъ распространеніе чрезъ школы заразныхъ болѣзней, и контроля за торговлею съѣстными припасами и напитками, а также и за всѣми веществами, имѣющими близкое отношеніе къ посудѣ и къ дѣлу приготовленія пищи. Наконецъ, не слѣдовало бы упускать изъ виду полезность распространенія въ населеніи элементарныхъ правилъ гигіены, совмѣстимыхъ съ его матеріальной обстановкой,—и это, конечно, путемъ печати и общедоступныхъ брошюръ и улучшенія школьной гигіены въ обширномъ смыслѣ слова, какъ съ точки зрѣнія количества и качества умственнаго труда, такъ и физической въ ихъ обстановки.

Понятно, что для проведенія этихъ мѣръ, могущихъ спасать жизнь сотенъ тысячъ населенія, требуются большія денежныя затраты со стороны общества и государства. Но едва ли предъ

ними можно останавливаться въ виду не только высокой нравственной цѣли предпріятія, но и экономической, такъ какъ, напр., спасеніе отъ рукъ смерти ежегодно одного милліона населенія можетъ вести только къ увеличенію производительности силъ страны, а слѣдовательно, къ ея обогащенію и преуспѣянію, могущимъ съ лихвой покрыть всѣ сдѣланныя на это затраты.

Не дѣло наше касаться здѣсь до *способовъ приведенія* въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣропріятій, которыми такъ глубоко былъ заинтересованъ почтенный предсѣдатель коммиссіи по оздоровленію Россіи, покойный профессоръ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Надо надѣяться, что найдутся и силы, и средства для приведенія въ исполненіе мѣропріятій, столь близко касающихся жизни населенія и благосостоянія цѣлой страны.

Всѣ эти мѣры въ большей или меньшей степени уже давно примѣняются въ западной Европѣ и, какъ мы уже видѣли, привели къ рѣзкому и постепенному пониженію смертности въ большинствѣ государствъ и, слѣдовательно, къ удлиненію средней жизни. Россія только рѣзко отстала въ этомъ отношеніи отъ другихъ государствъ, такъ какъ въ ней, какъ мы видѣли, смертность почти за столѣтіе не только не упала, но, напротивъ того, повысилась съ 20 на 1.000 въ концѣ прошлаго столѣтія до 35 на 1.000 въ наши дни.

Судя по Статистическому Ежегоднику даже для г. Петербурга еще много остается сдѣлать, чтобы повторить въ статистикѣ смертности конецъ XVIII столѣтія, когда смертность бывала ниже 20 на 1.000.

Къ счастью, общество обнаруживаетъ уже не малый интересъ къ вопросамъ общественнаго здравохраненія, а наука всѣми силами стремится къ раскрытію природы заразныхъ началъ, свойствъ ихъ и способа ихъ распространенія для возможности успѣшной борьбы съ ними и уничтоженія ихъ при первомъ появленіи. Мы переживаемъ теперь въ полномъ разгарѣ паразитарную теорію инфекціонныхъ болѣзней; во многихъ случаяхъ наукѣ удалось уже открыть тѣ патогенные бактеріи и кокки, которые являются бичами человѣчества, и узнавъ въ нихъ тайныхъ доселѣ враговъ нашихъ, мы начали съ ними ожесточенную борьбу за существованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что человѣчество выйдетъ побѣдителемъ въ этой борьбѣ, судя по достигнутымъ уже успѣхамъ въ уменьшеніи смертности въ европейскихъ государствахъ за послѣднее столѣтіе. Нѣтъ уже тѣхъ страшныхъ чумныхъ, оспенныхъ и холерныхъ эпидемій, которыя могучимъ потокомъ уносили въ корот-

кое время милліоны человѣческихъ жертвъ, да и едва ли возможно ихъ повтореніе.

Мы имѣемъ основаніе думать, что и для Петербурга, благодаря санитарнымъ мѣропріятіямъ, исчезла возможность повторенія періода 1845—1866 годовъ со смертностью въ 52—65 на 1.000. Мы стремимся теперь предупреждать развитіе эпидеміи; замѣтивъ ее, стараемся потушить ее въ зародышѣ, въ самомъ первичномъ гнѣздѣ. Мы предупреждаемъ эпидеміи, лишая ихъ почвы для развитія, и убиваемъ заразные зародыши всевозможными убійственными для нихъ дезинфекціонными средствами.

Улучшеніемъ быта населенія мы стараемся понизить бѣдность его—и распространеніемъ здравыхъ взглядовъ на нормальныя условія индивидуальной жизни способствуемъ поднятію здоровья и сохраненію болѣе продолжительной жизни.

Мы видѣли, что въ европейскихъ государствахъ достигнуты уже немаловажные результаты въ дѣлѣ уменьшенія смертности, въ нѣкоторыхъ даже до 16 на 1.000. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что этимъ путемъ мы станемъ постепенно приближать среднюю жизнь къ естественному предѣлу жизни, и что большинство смертей въ недалекомъ будущемъ будетъ относиться къ категоріи естественныхъ смертей, а не насильственныхъ, какъ это бываетъ въ настоящее время почти повсюду и въ особенности у насъ, въ Россіи.

Естественнымъ предѣломъ жизни долженъ считаться *столѣтній* возрастъ, а между тѣмъ средняя жизнь въ лучшемъ ея случаѣ для Франціи, напр., выражается для нашего времени цифрой въ 40 лѣтъ!..

Бертильонъ въ своей демографіи, появившейся недавно, говоритъ, правда, что публика обыкновенно крайне удивляется, когда слышитъ, что средняя жизнь человѣка во Франціи равна 40 годамъ, и справедливо замѣчаетъ, что человѣкъ, умирающій въ этомъ возрастѣ, умираетъ, конечно, преждевременно, почти молодымъ. Возрастъ этотъ не есть на самомъ дѣлѣ типъ средней продолжительности жизни для взрослыхъ людей. Низкая средняя жизнь человѣка происходитъ, конечно, вслѣдствіе невольнаго смѣшенія при вычисленіи смертности всѣхъ возрастныхъ группъ, — смертности, которая въ дѣтскомъ возрастѣ бываетъ громадной, въ среднемъ возрастѣ слабой и въ старческомъ вновь высокой. Вслѣдствіе смѣшенія всѣхъ смертностей всѣхъ возрастныхъ группъ и вытекаетъ ненормальная для однихъ только взрослыхъ людей средняя продолжительность жизни въ 40 лѣтъ. Столь же ненормальнымъ для взрослыхъ представился бы и средній ростъ, вы-

численный путемъ сложенія роста индивидуумовъ всѣхъ возрастныхъ группъ (включая сюда и новорожденныхъ, и дѣтей) и подраздѣленія всей полученной суммы на число всѣхъ индивидуумовъ.

Несомнѣнно, что эта средняя ариѳметическая дала бы въ результатѣ ростъ какого-нибудь карлика, который не могъ бы считаться нормой для средняго роста однихъ только взрослыхъ.

Какъ ни парадоксально звучатъ однако для публики числа средней продолжительности жизни по своей малости для взрослыхъ, тѣмъ не менѣе величины эти имѣютъ свое важное значеніе.

Лексисъ считаетъ естественнымъ предѣломъ для человѣка 70-75-лѣтній возрастъ, а Бертильонъ сводитъ его на 72 года. На какомъ основаніи?

Вся аргументація этихъ авторовъ сводится къ слѣдующему: смерти въ взрослomъ возрастѣ начинаютъ учащаться съ 50 лѣтъ, становятся затѣмъ все чаще и чаще и къ 75 годамъ достигаютъ своего максимума, послѣ чего онѣ падаютъ faute de combattants. 72 года и есть поэтому, по Бертильону, тотъ естественный предѣлъ жизни, куда мѣтитъ жизнь человѣка. Для иллюстраціи сказаннаго Бертильонъ приводитъ слѣдующій примѣръ: допустимъ, что предъ нами стрѣлокъ, стрѣляющій въ неизвѣстную намъ заранѣе точку въ цѣль, и задача именно въ опредѣленіи нами точки, въ которую онъ мѣтилъ, а именно, по расположенію наибольшаго количества пуль возлѣ извѣстнаго центра, легко руководясь закономъ случайныхъ погрѣшностей, приблизительно опредѣлить точку, въ которую мѣтилъ стрѣлокъ. Жизнь есть такой же стрѣлокъ, и центромъ ея цѣли служитъ достиженіе 72 лѣтъ. Смерти дѣтскія уподобляются мертвымъ пулямъ стрѣлка, падающимъ раньше цѣли вслѣдствіе какихъ-либо погрѣшностей. Старикъ, достигшій 72 лѣтъ, есть пуля, достигшая своей цѣли. Онъ достоинъ всякихъ чествованій, но обществу уже нечего особенно печься о продолженіи его жизни; онъ успѣлъ возвратить обществу то, что оно на него потратило. Но зато, говоритъ Бертильонъ, общество должно обращать особенное вниманіе на то, какъ много въ немъ пропадающихъ жизненныхъ выстрѣловъ, не достигающихъ своей цѣли, такъ какъ съ экономической точки зрѣнія взрослый, умирающій преждевременно, не возвращаетъ обществу того, что онъ ему стоилъ.

Задача гигіениста и сводится къ тому, чтобы доводить наи возможно большее число людей до нормальнаго предѣла ихъ жизни въ 72 года, не заботясь особенно о томъ, чтобы такія живыя пули перелетали черезъ цѣль, т.-е., чтобы жизнь длилась дольше срока въ 72 года.

Но едва ли возможно согласиться съ взглядами почтеннаго французскаго демографа. Изъ того, что смерти въ настоящее время особенно учащаются въ 72-лѣтнемъ возрастѣ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ возрастъ былъ центромъ той цѣли, куда естественно мѣтитъ жизнь, и центръ этотъ съ развитіемъ культуры и общаго благосостоянія долженъ будетъ несомнѣнно передвигаться все дальше и дальше и приближаться къ естественному предѣлу въ 100 лѣтъ, который вытекаетъ изъ біологическихъ основаній и опирается на существованіе немалаго количества столѣтнихъ старцевъ и свыше.

Допустимъ, что 72-лѣтній возрастъ есть дѣйствительно для нашего времени нормальный предѣлъ жизни. Но то, что̀ нормально при настоящихъ условіяхъ, можетъ оказаться вовсе неестественнымъ при будущихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ жизни, и предѣлъ этотъ будетъ, конечно, отодвигаться все дальше и дальше. Едва ли, кромѣ того, вѣрно и то, что 72-лѣтніе старцы менѣе достойны заботы со стороны общества о продленіи ихъ жизни, нежели дѣти и люди взрослые въ цвѣтѣ лѣтъ, такъ какъ кому же неизвѣстно существованіе старцевъ старѣе 72 лѣтъ, приносившихъ и приносящихъ пользу своимъ близкимъ и своей родинѣ своимъ свѣтлымъ умомъ, знаніями и высокой опытностью. Уже не говоря о гуманной сторонѣ дѣла, взглядъ Бертильона не выдерживаетъ критики даже съ утилитарной точки зрѣнія.

Нашимъ девизомъ должна служить столѣтняя жизнь, куда заботами общества и науки должно быть со временемъ доводимо большинство жизнеспособныхъ людей. И мы твердо вѣримъ въ то, что наступитъ наконецъ такое время, когда, по словамъ Бюхера, стыдно будетъ умирать человѣку ранѣе 100 лѣтъ.

И. Тархановъ.

ПОЛУНОЩНИКИ

Пейзажъ и жанръ.

„Парки бабье лепетанье,
„Спящей ночи трепетанье,
„Жизни мышья бѣготня".
Пушкинъ.

I.

...Я былъ грустно настроенъ и очень скучалъ. Уѣхать изъ города на лѣто—было еще рано, и мнѣ посовѣтовали сдѣлать непродолжительную прогулку съ цѣлью увидѣть новыя, непримелькавшіяся лица. Я сдался на убѣжденія моихъ друзей, и поѣхалъ. Я не зналъ никакихъ порядковъ города, куда держалъ путь, ни нравовъ людей, съ которыми мнѣ тамъ придется встрѣтиться, но фортуна начала благопріятствовать мнѣ съ перваго шага. На первыхъ же порахъ во время путешествія я нашелъ услужливыхъ и опытныхъ людей, которые дѣлали это путешествіе уже не первый разъ, и они научили меня, гдѣ надо пристать и какъ себя пристойнѣе держать. Я все принялъ къ свѣденію и остановился тамъ, гдѣ останавливаются всѣ, кого влечетъ сюда призванье. Учрежденіе это не отель и не гостинница, а оно совершенно частный домъ, приспособленный сообразно вкусу и надобностямъ здѣшнихъ посѣтителей, и называется онъ—„Ажидація".

Мнѣ досталась маленькая комната. Выбирать помѣщеній здѣсь не принято, а равно не принято и претендовать на ихъ относительныя неудобства. Это все человѣкъ узнаетъ еще во время короткаго переѣзда. Всякій помѣщается здѣсь на томъ мѣстѣ, какое ему отведутъ; а что кому надо отвести—это сразу опре-

дѣляетъ проницательное око очень бойкой женщины, которую называютъ „риндательша“; если же нѣтъ на мѣстѣ самой „риндательши“, тогда сортировкою посѣтителей занимается состоящая при ней подручная ключница. Обѣ онѣ, повидимому, благороднаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, это дамы, которыя достаточно видѣли свѣтъ и имѣютъ о немъ надлежащее понятіе. Нынѣшній солидный возрастъ обѣихъ дамъ, кажется, долженъ бы хранить ихъ отъ всякаго злоязычія, а здравый смыслъ и благочестіе начертаны на ихъ лицахъ, хотя, впрочемъ, довольно различными пошибами. Ликъ „риндательши“ ударяетъ въ сухой, византійскій стиль, а ключница съ дугообразными бровями принадлежитъ итальянской школѣ. Обѣ эти женщины несомнѣнно умны и относятся къ разряду тѣхъ, о которыхъ сказано: „ихъ же не оплетеши“. Другъ другу онѣ улыбались какъ друзья, но въ глазахъ ихъ, казалось, свѣтились какія-то иныя чувства, совсѣмъ несхожія съ искренней дружбой. Наблюдательный человѣкъ могъ подумать, что этихъ женщинъ связываетъ какъ будто какое-то взаимное опасеніе.

Въ ихъ необыкновенномъ домѣ господствуетъ система: какъ къ нимъ „привалитъ“ публика, или, какъ ее называютъ—„толпучка“, дамы встрѣчаютъ гостей и тотчасъ же ихъ сортируютъ; знакомыхъ лицъ онѣ прямо размѣщаютъ по извѣстнымъ комнатамъ, а незнакомыхъ подвергаютъ предусмотрительному разбору, послѣ чего каждый ожидатель получитъ въ „Ажидаціи“ такое помѣщеніе, какого онъ заслуживаетъ [1]).

Для этого прежде всего всѣхъ ожидателей сначала „собьютъ въ уголъ къ Владычицѣ“. Здѣсь „въ ожидаціи“ немножко помолятся передъ большимъ образомъ, а ихъ въ это время расцѣнятъ и разсортируютъ.

Довольно большой домъ въ два этажа составляетъ одно помѣщеніе — „для ожидающихъ“. Дѣло очевидно ведется очень просто, но основательно: въ особѣ ключницы сосредоточена большая экономическая сила и исполнительная полицейская власть.

Сила нравственная и политическая находится въ рукахъ самой „риндательши“. Остальной домашній штатъ „Ажидаціи“ состоитъ изъ услуживающихъ лицъ женскаго пола, которыя находятся почти въ постоянныхъ побѣгушкахъ. Кромѣ того есть „куфарка“. Весь этотъ подборъ принадлежитъ къ служебнымъ типамъ самаго низшаго сорта. Впрочемъ, у „куфарки“ есть драповая тальма, въ которой она, должно быть, служила еще „генералу“,—теперь она

[1]) Слово „Ажидація“ здѣсь употребляется въ двухъ смыслахъ: а) какъ названія учрежденія, гдѣ „ожидаютъ“, и б) какъ самое дѣйствіе ожиданія. Въ одномъ случаѣ оно пишется съ прописной буквы, а въ другомъ—со строчной.

ее соблюдаетъ больше для важности, и показывается въ ней публикѣ, или „толпучкѣ“.

Мужчинъ усматривается двое: одинъ стоитъ при дверяхъ въ нижнемъ этажѣ, а другой сидитъ у окна въ концѣ корридора за шкафикомъ.

Первый производитъ впечатлѣніе придурковатаго простачка; второй—бойкій жохъ изъ отставныхъ военныхъ.

Размѣщеніе въ „Ажидаціи“ отлично приноровлено къ ожидательской цѣли. Въ обоихъ этажахъ вдоль всего зданія идетъ по срединѣ корридоръ, а по сторонамъ—стойлицы.

Это „номера для ожидателей“. Здѣсь не называютъ: „пріѣзжающіе“, или „прибывающіе“, а *„ожидающіе“*. Это солиднѣе и соотвѣтственнѣе.

Корридоры наверху и внизу просторны и свѣтлы. Въ концѣ каждаго изъ нихъ по окну. Корридоръ нижняго этажа содержится въ посредственной чистотѣ. Особенной чистоты нѣтъ,—ее здѣсь и не убережешь, потому что сюда входятъ прямо съ надворья и тутъ же раздѣваются и обтираютъ обувь. Тутъ же и печурка, гдѣ ставятъ самовары, и ходъ въ кухню, откуда пахнетъ грибнымъ и рыбнымъ. На одной изъ стѣнъ большой образъ Владычицы и рядомъ поменьше образъ, передъ нимъ лампада, аналой и на полу вытертый коврикъ, а напротивъ деревянная скамья со спинкой изъ такъ-называемыхъ твердыхъ диванovъ.

Въ разныхъ мѣстахъ фотографическіе и печатные портреты одного и того же духовнаго лица.

Съ прихода всѣ ожидатели идутъ къ Владычицѣ и молятся, или, какъ говорятъ, „припадаютъ“. Затѣмъ всѣхъ разводятъ въ ихъ номера.

Знакомые имѣютъ номера излюбленные, которые какъ бы всегда состоятъ за ними. Изъ нихъ нѣкоторые даже и не „припадаютъ“ въ корридорѣ, а поздоровавшись съ хозяйками, прямо проходятъ въ „свои номера“. Имъ только говорятъ:

— Пожалуйте.

Другихъ, „которые первинькіе, но почище“, водворяютъ по усмотрѣнію въ свободныхъ номерахъ перваго и второго этажа.

Это—аристократія необыкновеннаго дома.

Они получаютъ распредѣленіе скоро. Имъ нѣтъ нужды ждать, пока размѣстятъ всѣхъ остальныхъ. Прочихъ ключница беретъ и ведетъ въ общую.

У одного изъ оконъ нижняго корридора за маленькимъ желтымъ шкафикомъ помѣщается отставной военный съ очень серьезнымъ выраженіемъ. Возлѣ него на табуретикѣ сидитъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ девяти, имѣющій въ чертахъ большое сходство съ военнымъ. Передъ мальчикомъ куча вскрытыхъ конвертовъ, съ которыхъ онъ смачиваетъ слюнами марки и переклеиваетъ ихъ въ тетрадь. Дѣлаетъ онъ это скоро и ловко и съ замѣчательною, не дѣтскою серьезностью, которою повидимому очень заинтересована стоящая возлѣ него кухарка въ драповой тальмѣ. Она долго на него смотритъ, и наконецъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Прелесть какъ ловко,—лапочки будто у мышеночка—такъ и виляютъ!

Отецъ этого прилежнаго отрока очевидно имѣетъ здѣсь довольно серьезное значеніе и сидитъ прочно на дебеломъ стулѣ, подъ которымъ постланъ мягкій коврикъ. Военный просматриваетъ какія-то записки и что-то выкладываетъ на маленькихъ счетахъ, но это его не вполнѣ поглощаетъ: онъ все видитъ и слышитъ; мимо его никто не пройдетъ, чтобы онъ не увидѣлъ и не повелъ на него глазомъ и усами.

Шкафикъ у него покрытъ черною, запачканною клеенкою, на которой стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ и лежатъ нарѣзанные листки бумаги.

Въ серединѣ въ шкафѣ есть чистыя поминальныя книжки, лампадное масло, восковыя свѣчи и ладанъ, а также какія-то брошюрки и фотографическіе портреты мѣньшаго и большаго размѣра.

Воинъ этотъ—человѣкъ солиднаго вѣка и несомнѣнно очень твердаго характера.

Прислуга дала ему прозваніе „балыкъ“.

Номера нижняго этажа „Ажидаціи“ всѣ немножечко съ грязцой и съ кисловатымъ запахомъ, который какъ будто привезенъ сюда изъ разныхъ мѣстъ крѣпко запеченнымъ въ пирогахъ съ горохомъ. Всѣ „комнатки“, кромѣ двухъ, имѣютъ по одному окну, съ худенькими занавѣсками, расщипанными дырками по серединѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ удобно можно сколоть булавками. Меблировка скудная, но однако въ каждомъ стойлицѣ есть кровать, вѣшалка для платья, столикъ и стулья. Въ двухъ большихъ комнатахъ, имѣющихъ по два окна, стоитъ по сквернному клеенчатому дивану. Одна изъ этихъ комнатъ называется „общею“, потому что въ ней пристаютъ такіе изъ ожидателей, которые не

желаютъ или не могутъ брать для себя отдѣльнаго номера. Во всѣхъ комнатахъ есть образа и портретики; въ общей комнатѣ образъ значительно бо́льшаго размѣра, чѣмъ въ отдѣльныхъ номерахъ, и передъ нимъ теплится „неугасимая“. Другая неугасимая горитъ передъ Владычицей въ корридорѣ.

Передъ образами въ номерахъ тоже есть лампады, которыя, впрочемъ, зажигаются при входѣ сюда ожидателей и при томъ, безъ сомнѣнія, на ихъ счетъ, такъ какъ здѣсь же есть кружка „на масло“. Лампады возжигаетъ воинъ, имѣющій свой торговый постъ у шкафика.

Нѣкоторые изъ ожидателей не довольствуются огнемъ лампадъ и еще прилѣпливаютъ передъ номерными образами восковыя свѣчки. Это имъ дозволяется и даже поощряется, но не иначе, какъ тогда, когда сами ожидатели находятся въ комнатѣ и не спятъ. При выходѣ же изъ комнаты или при отходѣ ко сну, они обязаны гасить свѣчи, но лампады у нихъ могутъ горѣть во всю ночь.

Бываютъ случаи, что нѣкоторые, помолившись и легши въ постель, оставляютъ прилѣпленныя свѣчи „догорать“, но „риндательша“ или ея помощница непремѣнно это замѣчаютъ и сейчасъ же постучатъ рукой въ двери и попросятъ погасить.

Наблюдаютъ они за этимъ тщательно и укрыться отъ нихъ никому невозможно.

Въ верхнемъ этажѣ „Ажидаціи“ все чище и лучше. Корридоръ также широкъ какъ и внизу, но несравненно свѣтлѣе. Онъ имѣетъ пріятный и даже веселый видъ и служитъ мѣстомъ бесѣдъ и прогулокъ. Въ окнахъ, которыми заканчивается корридоръ по одну и по другую сторону, стоятъ купеческіе цвѣты: геранъ, бальзамины, волкамерія, красный лопушокъ и мольное дерево, доказывающее здѣсь свое безсиліе противъ огромнаго изобилія моли. На одномъ окнѣ цвѣты стоятъ прямо на подоконникѣ, а у другого окна—на дешевой, черной камышевой жардиньеркѣ. Вверху подъ занавѣсками—клѣтки съ птичками, изъ которыхъ одна канарейка, а другая—чижикъ. Птички порхаютъ, стучатъ о жердочки носиками и перекликаются, а чижикъ даже поетъ. Торговыхъ приспособленій здѣсь никакихъ не видно. Напротивъ, тутъ все имѣетъ претензію казаться чинно и благородно. На стѣнѣ, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и въ нижнемъ корридорѣ, помѣщается другой Владычный образъ, тоже бо́льшаго размѣра и въ бѣленомъ окладѣ съ золоченымъ вѣнцомъ. Онъ въ рамѣ за стекломъ съ отводинами, освѣщенъ лампадою въ три огня и передъ нимъ разостланъ на полу

совершенно свѣжій коврикъ съ розовыми букетами и стоитъ аналой, а на немъ крестъ и книга. Книга и крестъ завернуты въ эпитрахиль на зеленой подкладкѣ.

Полъ корридора крашенный и блеститъ. Онъ очевидно вымытъ съ мыломъ и натирается воскомъ. Вдоль всего корридора довольно широкая джутовая „дорожка“ съ цвѣтною каемкою.

Вдоль стѣнъ противъ образа поставлено одно кресло и нѣсколько легкихъ вѣнскихъ стульевъ съ тростниковыми плетенками. Въ углахъ плевательницы.

Комнаты верхнихъ номеровъ всѣ гораздо лучше омеблированы, чѣмъ внизу. Здѣсь кромѣ кроватей и стульевъ есть комодики и умывальники. Нѣкоторыя комнаты передѣлены ситцевыми драпировками на-двое: одна половина образуетъ спальню, другая— что-то въ родѣ гостиной. Тутъ на комодѣ туалетное зеркальце и въ углу образъ, передъ которымъ тоже можно зажигать лампаду или, по желанію, свѣчку.

Свѣчки, однако, больше зажигаютъ „сѣрые ожидальщики“, которые собственно составляютъ „толпучку“ и имѣютъ остановку въ нижнихъ номерахъ, а „верхняя публика“ почти всегда ограничивается однѣми лампадами.

Кислаго запаха гороховой начинки здѣсь не слышно, и только внутри комодныхъ ящиковъ пахнетъ прогорклою конторскою икрою и семгой, отъ которыхъ и остались въ изобилiи жирныя пятна.

Наверху, также какъ и внизу, есть тоже общая комната, помѣщающаяся рядомъ съ собственнымъ покоемъ „риндательши“. Эта комната имѣетъ, впрочемъ, видъ гостиной. Она уставлена мягкою мебелью и имѣетъ большую образницу, въ которой много образовъ, а передъ ними опять коверъ и аналой съ крестомъ и съ книгою въ эпитрахили. Лампада горитъ „общая“, и огонь ея красиво дробится въ широкомъ стаканѣ изъ мелко ограненнаго алмазной гранью хрусталя. Возлѣ образника укрѣплена и припечатана зеленая кружка для доброхотныхъ вкладовъ.

Въ комнатѣ этой ночуютъ только въ такихъ случаяхъ, если число ожидателей бываетъ больше, чѣмъ сколько есть номеровъ. Тогда здѣсь помѣщаютъ „залишнихъ ожидателей“ одного пола, или какое-нибудь цѣлое семейство; въ остальное же время комната эта считается „бесѣдною“ и открыта для всѣхъ прибывающихъ въ домъ ожидателей.

Послѣ ранней обѣдни здѣсь ежедневно служатъ молебенъ, за которымъ всѣ могутъ молиться и подавать свои поминанья и записки. Тѣ же, которые кромѣ общаго моленія желаютъ такъ устроить, чтобы еще отдѣльно за себя помолиться въ своемъ номерѣ,

должны заявлять о своемъ желаніи особо. Ходатайство объ этомъ надо вести черезъ „риндательшу“. Ключница за это не берется. Непосредственныя же просьбы объ этомъ часто не доходятъ.

Свѣчи, масло и все прочее, что нужно къ служенію, требуется наверхъ снизу, и завѣдывающій этимъ хозяйствомъ воинъ подаетъ все это въ молчаніи и съ торжественной серьезностью.

Главный надзоръ за учрежденіемъ принадлежитъ самой „риндательшѣ“, которая, какъ сказано, живетъ тутъ же на верхнемъ корридорѣ въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ „бесѣднымъ“ покоемъ, а внизу правитъ дѣломъ помогающая ей ключница, которая присматриваетъ тоже за кухонной частью и за свѣчнымъ унтеръ-офицеромъ.

Обязанности у обѣихъ дамъ раздѣлены. „Риндательша“, какъ собственница учрежденія, избрала себѣ часть болѣе умственную: она держитъ кормило корабля. Ей одной извѣстна ея касса и тѣ средства, которыя приходятъ въ нее ей одной открытыми путями. Она даетъ надлежащій тонъ всему своему заведенію и владѣетъ возможностью доставлять особыя душевныя утѣшенія тѣмъ, кто ихъ разумно ищетъ при ея посредствѣ.

Ея часть, такъ сказать, генеральная, а часть ключницы, помѣщающейся внизу, болѣе обозная, узко-хозяйственная, полная мелочныхъ хлопотъ и отчасти даже непріятностей, потому что она имѣетъ дѣло съ прислугою, избранною изъ людей самаго низшаго качества, и съ ожидателями изъ того слоя общества, который называется „сѣростью“. „Сѣрость“, выражаемая не однимъ званіемъ и относительною бѣдностью, имѣетъ также очень грубые навыки и не всегда отличается честностью въ разсчетѣ. „Риндательша“ удаляется отъ всякихъ непріятныхъ столкновеній въ денежномъ родѣ и слываетъ „доброю“, но, по словамъ прислуги, она „большая скрытница“ и ужасно требуетъ отъ ключницы охраненія всѣхъ своихъ выгодъ и интересовъ. Ключница должна прибѣгать къ разнымъ пріемамъ, чтобы все было заплачено.

— „Сила вся въ ихъ рукахъ“,—говоритъ общій голосъ.

II.

Я прибылъ къ нимъ безъ всякой протекціи. Я могъ бы получить рекомендаціи, но это не входило въ мои скромные и безпритязательные планы. Я искалъ облегченія отъ тоски и том-

ленья духа и явился просто въ чинѣ ожидателя. Какъ человѣкъ средній, я былъ помѣщенъ по непосредственному усмотрѣнію дамъ въ маленькой комнатѣ верхняго этажа.

Не зная, какъ здѣсь лучше вести себя, я присматривался во всемъ къ другимъ и старался дѣлать то, что дѣлаютъ опытные люди. Только такимъ образомъ я и могъ попасть въ господствующій тонъ пріютившаго меня учрежденія, что было необходимо. Я не хотѣлъ обнаруживать никакого диссонанса въ чувствахъ и настроеніи группы необыкновенныхъ людей, по лицамъ которыхъ было видно, что всѣ они прибыли сюда съ очень большими и смѣлыми надеждами и хотятъ, во что бы ни стало, получить что кому нужно. Я „припадалъ“ съ ними вездѣ, гдѣ они припадали, и держался сколь можно ближе всѣхъ ихъ обычаевъ и скоро ощутилъ, что это невыразимо тяжело и неописуемо скучно. При томъ мнѣ казалось, что здѣсь всѣ особенно другъ друга остерегаются и боятся, и что я пріѣхалъ очевидно напрасно, потому что пребываніе здѣсь не можетъ мнѣ представить ничего интереснаго.

Я ошибался.

Вечеромъ я погулялъ немножко въ одиночествѣ по городу, и это произвело на меня еще болѣе удручающее впечатлѣніе: изобиліе портерныхъ и кабаковъ, группы солдатъ, испитыя тѣни какой-то бродяжной рвани и множество снующихъ по тротуарамъ женщинъ извѣстной жалкой профессіи.

Я долженъ бы помнить, что благодать преобладаетъ тамъ, гдѣ преизбыточествуетъ грѣхъ, но я это забылъ и возвратился домой подавленный и съ окончательно разстроенными нервами; я на-скоро напился чаю въ „бесѣдной“ и потомъ вышелъ постоять на крыльцо, но, кажется, потревожилъ кухарку въ тальмѣ. Она разговаривала съ какою-то военною особою и все повторяла: „Ну такъ что!.. А мнѣ хоть бы что-шеньки“. Чтобы не сердить ее, я ушелъ въ свой номеръ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уснуть какъ можно крѣпче до утра, а завтра встать пораньше и уѣхать во-свояси утромъ же, ничего не дожидаясь.

Усталость и скука сильно клонили меня къ изголовью довольно сносной постели, которую я, впрочемъ, на всякій случай посыпалъ порядкомъ порошкомъ персидской ромашки.

Намѣреніе хорошо спать, однако, не удалось. Сначала мнѣ все страшно казалось: нѣтъ ли въ кровати клоповъ, съ которыми я въ моей кочевой жизни имѣлъ много непріятныхъ столкновеній

на русскихъ ночлегахъ, а потомъ стало лѣзть въ голову желаніе опредѣлить себѣ: въ какую это я попалъ компанію, что̀ это за люди—больше дурные или больше хорошіе, больше умные или больше глупые, простаки или надувалы? И никакъ я этого не могъ разобрать и не зналъ, какъ ихъ назвать и къ какой отнести категоріи. А межъ тѣмъ сонъ развѣялся, и мнѣ вмѣсто отдыха угрожала раздражающая тоска безсонной ночи. Но, по счастію, едва все стихло въ корридорахъ, какъ по обѣ стороны моей комнаты пошли ночные звуки. У меня оказалось разговорчивое сосѣдство, на которое я сначала сердился, а потомъ увлекся и началъ слушать.

Справа пришлись у меня сосѣди только досадительные и даже, кажется, не совсѣмъ съ чистою совѣстью. По говору слышно было, что тутъ, должно быть, помѣщены какой-то старичокъ со своею старушкою. Они все что-то перекладывали и бурчали, при чемъ старикъ употреблялъ букву *ш* вмѣсто *с* и *ж* вмѣсто *з*, а также онъ употреблялъ что-то и изъ „штакана“ и называлъ это „анкоръ“. У нихъ очевидно было какое-то безпокойное домашнее обстоятельство, которое они пріѣхали уладить и кому-то угрожать, но при этомъ они и сами ощущали какой-то большой страхъ за себя. Впрочемъ, больше безпокоилась одна старуха, которая была очевидно довольно трусливаго десятка, а старикъ былъ отваженъ.

— Ничего, мама,—говорилъ онъ старушкѣ:—ничего, „не робей, воробей“. Это штарая наша кавкажская поговорка. Ты увидишь, что онъ намъ даштъ—непремѣнно даштъ... плохо, плохо, что четвертную даштъ. Меньше ѣхать не штоило.

— Хорошо, если дастъ!

— Даштъ, нельзя чтобы не далъ, я ужъ шамую задобрилъ и клюшницу тоже. Шама-то вше поняла, какъ я могу ей и вредъ и пользу шдѣлать,—могу штаратьша вше ужнавать, и она будетъ жа нашъ штаратьша.

— Очень ты ей нуженъ!

— Нѣтъ, мамка, нуженъ. Ей надо жнать, кто шъ какими мышлями пріѣжжаетъ, а я жнаешь... я вше што ешть въ человѣкѣ—вше это могу ужнать и шкажать. Я буду чашто шуда публику шопровождать и шо вшѣми ражговаривать и отъ каждаго его прошлую жижть ужнавать, а они потомъ будутъ ихъ этимъ удивлять, что вше жнаютъ. Я имъ хорошо придумалъ. Я надобный! Ну, давай же анкоръ!

— А ты теперь какъ ей сказался?

— Какъ? Какъ мы шъ тобой рѣшили, такъ я и шкажался ижъ благородныхъ, кавкажской арміи, брошены—непочтительный шынъ—шкажокъ начиталша... Ну, давай анкоръ!

— Что онъ Богу не молится, ты это сказалъ?

— Да, шкажалъ: шкажалъ, что и Богу не молитша, и что шлужить не жахотѣлъ, а шапоги шьетъ... и у жидовъ швѣчки пошлѣ шабаша убираетъ. Я вше шкажалъ, вше шкажалъ, и дай мнѣ жа это шомушки и анкоръ!

А старушка отвѣчала:

— Сёмушки нà, а анкоръ не надо.

— Отчего же не надо? Я именно хочу анкоръ.

— Такъ, нельзя анкоръ.

— Что жа такъ! что жа нельжа!.. Налей, налей мнѣ, мама, штаканчикъ! Я умно, хорошо вждумалъ,—мы теперь уштроимша.

Она налила, а онъ выпилъ и крякнулъ.

— Тише!—остерегла его старушка.

— Чего ты вше такъ боишьша?

— Всего боюсь.

— Не бойша, вше пуштаки... ничего не бойша.

— Скандалъ можетъ выйти.

— Какой шкандалъ, отчего?

— Еще спрашиваетъ: отчего? будто не знаетъ.

— Да; не жнаю.

— Вѣдь мы съ чужою рекомендаціею пріѣхали.

— Да; ну, такъ што-жъ такое?

— Тѣ сосѣдніе жильцы ее теперь небось вѣдь хватились,—своей рекомендаціи-то.

— Можетъ быть, и хватилишь...

— Ну, они сюда и придерутъ.

— Анъ не придерутъ.

— Почему?

— Дай анкоръ, тогда шкажу—почему.

— Пьяница!

— Шовшѣмъ нѣтъ, а я умный человѣкъ. Дай анкоръ!

— Отчего же жильцы не могутъ пріѣхать?

— Налей анкоръ, такъ шкажу.

Она налила, а онъ выпилъ, и сказалъ, что подалъ вчера подозрѣніе“ на какихъ-то своихъ сосѣднихъ жильцовъ, у которыхъ этими супругами, надо думать, была похищена какая-то листательная рекомендація.

Старушка промолчала; очевидно, средство это показалось ей годнымъ и находчивымъ.

Черезъ минуту она спросила его: совѣтовался ли онъ съ кѣмъ-то насчетъ какого-то придуманнаго сновидѣнія, и что ему сказали?

Старичокъ отвѣчалъ, что совѣтовался, и тотчасъ же понизилъ голосъ и добавилъ:

— Она меня отлично научила, какъ про шонъ говорить.

— А какъ?

— Шмотрѣть на него, какъ онъ шлушаетъ, и ешли онъ вожметъ шебѣ руку въ бокъ—то тогда шейчашъ перештать и больше не шкаживать. Ешли вжалъ руки въ бокъ по офицершки—жначитъ шердитша. А что-жъ ты мнѣ анкоръ? Вѣдь я бежъ того не ушну.

Я закрылъ голову подушкой и пролежалъ такъ минутъ двадцать. Стало душно. Я опять раскрылъ голову и прислушался. Разговоръ не то продолжается, не то конченъ, и старички даже, кажется, спятъ. Такъ и есть: слышны два сонныя дыханія: одно какъ будто задорится вырабатывать „анкоръ", а другое пускаетъ въ отвѣтъ тоненькое: „пли-пли".

— Encore!

— Пли-пли.

Травятъ кого-то, или даже, можетъ быть, казнятъ—разстрѣливаютъ что-ли кого-то во снѣ.

Будь наше мѣсто свято!

Я тихо всталъ съ постели и поскорѣе завѣсилъ своимъ плэдомъ дверь, изъ-за которой до слуха моего доползала эта затѣя.

Жадный тарантулъ и его ехидна, обнявшіеся на супружескомъ ложѣ, для меня исчезли.

III.

Зато чуть стихла эта сцена справа, совсѣмъ другая начала обнаруживаться за стѣною слѣва.

Говорили двѣ дамы; одна, младшая, называла старшую: Марья Мартыновна; а другая, старшая, звала эту: Аичка. (По купечеству въ Москвѣ „Аичка" дѣлаютъ въ ласкательной формѣ изъ имени *Раиса.*) Онѣ говорили тихо и такъ мирно и обстоятельно, что я сразу могъ понять даже, какъ онѣ теперь размѣщены въ своей комнатѣ и какъ другъ къ другу относятся.

Старшая, то-есть Марья Мартыновна, вкрадчивымъ, медовымъ голосомъ говорила младшей Аичкѣ:

— Вотъ, мой ангелъ, я и рада, что вы у меня улеглись

на покой въ постельку. Эта комнатка своей чистотой здѣсь изъ всѣхъ выдающаяся и постелька мякенькая. И какъ вы легли, такъ въ ней и лежите. Вы должны хорошенько отдохнуть, иначе вамъ немыслимо. Вставать вамъ ни зачѣмъ не нужно. Я ваши глазурныя очи при лампадочкѣ прекрасно вижу, и что только вы подумаете—я сейчасъ замѣчу и все вамъ подамъ на постельку.

— Нѣтъ, я сама встану и лампадъ закрою,—отвѣчала Аичка молодымъ голосомъ съ московской оттяжкой.

— Анъ вотъ же и не встанете,—вотъ я лампадъ ужъ книжкой и загородила.

— Да ужъ вы извѣстная—пожилая, да скорая.

— Да, я и не могу иначе: у меня вѣдь игла ходитъ въ тѣлѣ.

— Какая игла въ тѣлѣ?

— Не штопальная, а самая тонкая, одиннадцатый нумеръ.

— Зачѣмъ же она вамъ въ тѣло попала?

— По моей скорости шила и въ ладонь ее воткнула—она и ушла въ тѣло. Лекаря ловили, да не поймали. Сказали: „сама выйдетъ“, а она уже тридцать лѣтъ во мнѣ по всѣмъ мѣстамъ ходитъ, а вонъ не выходитъ... Вотъ теперь вашимъ глазурнымъ очамъ не больно, и я покойна, и сама теперь буду здѣсь же у вашихъ ножекъ сидѣть, а если хотите, буду что-нибудь вамъ разсказывать.

— Нѣтъ; зачѣмъ же у меня въ ногахъ, я это не люблю,—вы лучше садитесь въ кресло и изъ кресла мнѣ что-нибудь разсказывайте,—отвѣчала Аичка.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я непремѣнно здѣсь, это мое самое любимое дѣло—услужить молодой дамѣ, въ чемъ ей хочется, и у ея ножекъ посидѣть, и помечтать съ ней вмѣстѣ! Вспоминается, какъ еще, бывало, сами мы молоденькими дѣвушками, до невѣстинья, все такъ-то по ночамъ другъ съ другомъ шу-шу про всѣ свои тайности по секрету шушукались, да такъ, бывало, и заснемъ вмѣстѣ, обнявшись.

— А по-моему женщинѣ съ женщиной обнявшись сидѣть никакой радости нѣтъ и мечтать не о чемъ.

— Дружба, мой ангелъ хранитель, дружба и мечты даетъ, которыя дружныя, тѣ уединясь о дружбѣ и мечтаютъ. Разумѣется, не со всякой, а если у которой есть настоящій другъ, издающійся, заковычный. У меня въ дѣвушкахъ былъ такой заковычный другъ, Шура. Матушка, бывало, сердится и говоритъ: „не расточайте междоусобныхъ нѣжностей — мужьямъ оставьте“. А что насъ еще ждетъ замужемъ-то: каковы задаются

мужья-то! Я только и свѣту видѣла, что до замужства, а ужъ какъ за двухъ Пентефріевъ попалась, такъ всего между нихъ натерпѣлась.

— Какъ же вы это за двухъ попались? Развѣ это можно?

— Отчего же? Одинъ умеръ, я тогда за другого вышла.

— Ахъ... такъ!.. вы за одного послѣ другого вышли!

— А то какъ же?

— Вы сказали, что „за двумя".

— Такъ ты думала, что я вмѣстѣ была за двумя разомъ!

Марья Мартыновна разсмѣялась дробнымъ горошкомъ и весело проговорила:

— Ахъ, ты, шалуша, шалуша! Ты думала, что у меня одинъ мужъ былъ праздничный, а другой для будни?

— Да вѣдь это-жъ тоже бываетъ.

— Бываетъ, мой другъ, бываетъ. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чего не бываетъ, но со мной не было.

— Иные вѣдь обманываютъ: женатый, да скроетъ про первую жену, и еще разъ женится. Ему за это достанется, а второй женщинѣ ничего.

— Да, если она оправдаетъ себя, что не знала, то тогда ей особенно выдающагося наказанія нѣтъ, но только все-таки въ судѣ ее защитники-то эти процыганятъ и прокуроръ о постыдныхъ вещахъ разспрашивать будетъ.

— А какая бѣда, что спрашиваютъ? черезъ это женщина-то когда о себѣ разскажетъ, такъ послѣ еще всѣмъ интереснѣе дѣлается; да и съ тѣмъ же, съ кѣмъ разведутъ, послѣ опять жить можно.

— Да, но только ужъ придется жить все равно какъ невѣнчанные.

— Извините-съ, настоящій разводъ нынче не дѣлаютъ, въ церкви вѣнцовъ не снимаютъ, а только и всего, что въ судѣ прочитаютъ.

— А все ужъ по отдѣльному виду надо прописываться.

— Это не важность!

— Да; полицейскимъ все равно, но прислуга меньше уважаетъ.

— Платите больше, и отлично уважать будетъ.

— Все—какъ при законѣ — такъ жить нельзя.

— А при капиталѣ какъ хочешь жить можно, такъ это еще и лучше.

— Разумѣется, при твоемъ капиталѣ, какъ выдающемся, и ты молодая вдова, въ двадцать четыре года, такъ тебѣ всѣ пути

не заказаны, дѣлай что хочешь. И я тебѣ совѣтъ дамъ: не губи время и дѣлай.

— Совѣтуете?

— Отъ всей моей души совѣтую. Вѣкъ молодой надо чѣмъ помянуть; тоже вѣдь за старикомъ-то ты пять лѣтъ промучилась—это не шутка.

— Не вспоминайте мнѣ про него!

— Прости, милуша, прости! Я не знала, что ты про покойниковъ вспоминать боишься.

— Я его не боюсь, а... мнѣ противно вспомнить, какъ онъ храпѣлъ ночью.

— Да, ужъ мужчина и который если храпитъ—это немыслимая гадость.

— Я, бывало, цѣлыя ночи не сплю, заверну голову одѣяломъ и сижу въ постели, да и плачу. А теперь, если приснится, какъ онъ храпѣлъ, сразу весь сонъ и пропадетъ.

— Да, кто храпитъ, имъ и не стоитъ жениться, тѣмъ больше, что это при твоей молодости, и при капиталѣ, да еще и при выдающейся красотѣ...

— Ну, вы мнѣ про мою красоту много не льстите,—я вѣдь себя знаю... Разумѣется я такъ себѣ,—конечно, не аляповата, но и не красавица.

— А чѣмъ же вы не хороши?

— Не о томъ, что нехороша, а я не люблю, если ко мнѣ съ лестью подъѣзжаютъ. Это вѣдь не ко мнѣ, а все къ капиталу.

— Ну, мой другъ, я вѣдь у васъ сколько живу, а вы мнѣ про свой капиталъ до сихъ поръ никогда ничего не объясняли.

— И не обязана. Я и никому никогда о капиталѣ ничего не скажу. Капиталъ—дѣло скрытное.

— Я и знать не стараюсь. Я взялась быть при васъ компаніонкою и въ родѣ по хозяйству—въ томъ и состою, и что вы хотите, я то и дѣлаю: въ садъ—такъ провожаю въ садъ, въ театръ—такъ въ театръ, а сюда захотѣли ѣхать—я и здѣсь пригодна, потому что я и здѣшніе порядки знаю; а о чемъ ваше сердечное прошеніе и желаніе совершенія завтрашней, успѣшной молитвы—этого я не знаю.

— И тоже и это вы никогда не узнаете. О чемъ я хочу молиться—это мое одно дѣло.

— Да я и не любопытствую.

— Конечно! И если не будете любопытничать, то вамъ же спокойнѣй у меня жить будетъ. А вы мнѣ мои мечты оставьте, — лучше что-нибудь про себя мнѣ разсказывайте.

— Что же, мой ангелъ?

— Что-нибудь „выдающееся".

— Ишь, шалуша, какъ мое слово охватила!

— Да, я люблю, какъ вы разсказываете.

— Нравится?

— Не то что нравится, а какъ-то... такъ, бывало, у насъ въ домѣ одна монахиня про Гришку Отрепьева разсказывала... сейчасъ смѣшно, и сейчасъ жалостно.

— Да, я говорю грамматически. Это многіе находили. Николай Ивановичъ Степеневъ, деверь вдовы, который всѣми ихъ дѣлами управляетъ, когда, бывало, боленъ послѣ гуляньевъ, всегда, бывало, проситъ меня, чтобы съ нимъ быть и разговаривать.

— А у него не было ли чего другого на умѣ-то?

— Ничего, мой другъ, кромѣ того, что шутитъ надъ собою и надо мною: „Я, говоритъ, мужъ выпѣвающій, а ты жена переносица,—играй мнѣ на чей-нибудь счетъ увертюру".

— Ишь какъ разсказываетъ!

— Хорошо?

— Да что вамъ допрашиваться, говорите грамматически о своей жизни,—вотъ и все.

— А у меня въ жизни, мой другъ, кромѣ горя ничего и нѣтъ выдающагося.

— Ну, вотъ, и разскажите всю эту увертюру: какого вы роду и племени и что вы занапрасно терпѣли. Я люблю слушать, какъ занапрасно страдаютъ.

— А я все такъ страдала. Я вѣдь, не забудь, откупной породы и Бернадакина крестница, потому что папаша у него въ откупахъ служилъ. Большое жалованье онъ получалъ, но говорилъ, что страсть какъ много за то на себя и грѣха принялъ. Впослѣдствіи сталъ страшнаго суда бояться и все пилъ, и умеръ, ничего намъ не оставилъ. А у Бернадакина повсемѣстно много было крестниковъ и не всѣмъ даже давалось на воспитаніе, а только чьи выдающіяся родительскія заслуги. Меня опредѣлили учиться, но у меня объявилась престранная способность: ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученью нѣтъ—долбицу умноженія сколько ни долбила, а какъ бывало зададутъ задачу на четыре правила сложенія—плюсить или минусить, или въ умѣ составить, напримѣръ, пять изъ семьи—сколько въ отставкѣ?—то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать. Тоже и по словесности — выговоръ у меня для всего былъ очень хорошій, окатистый но, постоянно отчего-то

особливыя слова дѣлались, и какъ на публичномъ экзаменѣ архирей задалъ мнѣ вопросъ: кто написалъ Апокалипсъ Іоанна Богослова —я и не знала.

— Еще бы!—протянула Аичка. — Да на что это и нужно.

— Рѣшительно ни на что—только сбиваютъ. А тутъ я на шестнадцатомъ году, милуша моя, вдругъ очень выровнялась и похорошѣла, стала рослая, а личико миліатюрное и маленькая родинка у подбородка. Точно я будто француэинка. И тутъ со мною самый подлый поступокъ и сдѣлали...

— Кто же въ этомъ виноватъ былъ?

— Все черезъ родныхъ.

— Это ужъ какъ разумѣется.

— А потомъ и пошли меня, бѣдную, мыкать: француэинку, да скорѣй меня съ рукъ спихивать, кому попало, за русскихъ. Сейчасъ же вскорѣ мамаша стала просить о помощи и торопиться, чтобы скорѣе пять тысячъ мнѣ въ приданое назначили. Сейчасъ и жениха какого-то нашли мнѣ этакого хвата, въ три обхвата, и животъ этакій имѣлъ,—ахъ, какой выдающійся! Представь себѣ, такъ весь [впередъ] огурцомъ „а-ля-пузе“.

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказала въ возбужденіи Аичка.

— Да, мой другъ, ужъ лучше бы и не вспоминать его,— отвѣчала Марья Мартыновна и продолжала:—а я-то тогда еще всего боялась; но меня вѣдь и не спрашивали. Онъ какъ пріѣхалъ, такъ тотчасъ съ мамашей поладилъ и три тысячи приданаго до вѣнца сорвалъ. Что же,—вѣдь не родительскіе, а конторскіе,—Бернадакины. Двѣ тысячи маменька еще себѣ отшибла: „мы, говоритъ, тебя воспитывали и кормили. Надо теперь и о младшей сестрѣ подумать“. Я ничего и не спорила, своей пользы не понимала. Съ женихомъ обо всемъ маменька разсуждала и съ тѣмъ уговаривалась, чтобы онъ уважалъ мою сердечную невинность и никогда никакого попрека мнѣ отъ него не было, а между тѣмъ, какъ ему двѣ тысячи не додали, то онъ послѣ только и зналъ, что сталъ попрекать, и ужасно все мотивировалъ и посылалъ, чтобы я ходила просить, и дома со мной ни за что не хотѣлъ сидѣть. Даже часто ни обѣдать, ни ночевать не приходилъ, и моя эта французская миліатюрность, и стройность, и родинка, ничего его не только не утѣшали, а даже онъ сталъ меня терпѣть не мочь, и именно за то, чѣмъ могла я понравиться, дѣлалъ мнѣ самыя обидныя колкости.

— Что мнѣ, говоритъ, съ тобой за удовольствіе? въ кости что-ли я буду играть? я обожаю въ дамѣ полноту въ обхожденіи.

— Значитъ, вы его въ воображеніе не умѣли привести,—вставила Аичка.

— И нельзя.

— Это пустяки!

— Нѣтъ, нельзя!

— Отчего же?

— Хладнокровіе такое имѣлъ, какъ настоящій змѣй, и это, его-то испугавшись, я и иглу въ себя впустила. Онъ на меня топнулъ, а я иглу-то вмѣсто подушки въ себя воткнула. А потомъ когда я больная была, и если, бывало, почувствую, гдѣ игла колетъ, и прошу, чтобы скорѣе доктора пригласить, чтобы изъ меня иглу вонъ вытащить, потому что я ее чувствую, такъ онъ и тутъ преспокойно отвѣчаетъ:

— „Для чего такая нетерпѣливость! подожди, можетъ быть, игла изъ тебя теперь и сама гдѣ-нибудь скоро выскочитъ".

Аичка разсмѣялась и спросила:

— И что же, наконецъ,—вышло?

— Наконецъ, то вышло, что у меня игла нигдѣ не вышла, а зато онъ самъ у своей полной дамы закутился и вышелъ ему такой номеръ, что онъ померъ, а я тогда ему на зло взяла да сейчасъ и вышла за подлекаря.

— Этотъ лучше былъ?

— Еще хуже.

— Неужели опять въ три обхвата?

— Нѣтъ!.. Чего тамъ!—этотъ, напротивъ, весь былъ съ пѣтушій гребешокъ, но зато самый выдающійся язвитель. А маменька пристала: „иди, да иди". „Ты, говоритъ, на французинку подобна, и онъ къ этой породѣ близокъ". А его всей близости только и было, что его фамилія была Померанцевъ, а лекаря его называли „Флёръ-д'оранжъ". А его просто лучше бы звать Антихристъ. Мнѣ даже пророчество было за него не идти.

— Ахъ, это люблю—пророчества! Что же было?

— Я только изъ воротъ къ вѣнцу съ нимъ стала выѣзжать и на передней лавочкѣ въ каретѣ завитый отрокъ съ образомъ сидѣлъ,—видно, что свадьба,—а какой-то прохожій въ воротахъ заглянулъ и говоритъ: „Вотъ кого-то везутъ наказывать".

— Вотъ удивительно! Ну, и какъ же онъ васъ наказывалъ?

— Всего, мой другъ, натерпѣлась. Прежде всего онъ былъ большой хитрецъ и притворялся, будто ему нравится моя миліатюрность, а мои деньги ему не нужны. И пришелъ свататься въ распарадѣ, какъ самый свѣтскій питомецъ: на рукѣ перстень съ брилліантомъ, и комплиментъ такой отпустилъ, что какъ онъ

человѣкъ со вкусомъ, то въ женщинѣ обожаетъ гибкую худобу и легкость, а потомъ оказалось, что онъ это вралъ, а кольцо было докторово, и я ему совсѣмъ и не нравилась. Я говорю: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы врали и притворялись влюбленнымъ? А онъ безъ всякаго стыда отвѣчаетъ: „Золото красиво—съ нимъ намъ милой быть не диво“, и объяснилось, что онъ самъ обидѣлся въ томъ, что ожидалъ получить за мною большой капиталъ, а какъ не нашелъ этого, то тоже желаетъ моею худобою пренебрегать, и дѣйствительно, такъ началъ жить, что какъ будто онъ мнѣ и не мужъ.

— А за это вы могли на него его начальству жаловаться.

— Я и жаловалась. Главный докторъ его призвалъ и при мнѣ же ему сталъ говорить: „Флёръ-д'оранжъ! что же это?“ а онъ началъ въ свое оправданіе объяснять: „Помилуйте, ваше превосходительство—это немыслимо: въ ней игла ходитъ“, и опять и этотъ тоже пошелъ мотивировать. Главный докторъ даже удивился: велѣлъ мужу выйти, а мнѣ говоритъ: „что же вы послѣ этого хотите, чтобы я какое распоряженіе сдѣлалъ? Я не могу. Если вы съ иглою, то я только и могу вамъ посовѣтовать: молитесь, чтобы изъ васъ скорѣе игла вышла“.

— Ишь какая вы, Мартыновна, на мужское расположеніе къ себѣ несчастная!

— Да, Аичка, да! За что молоденькую ласкали, за эту миніатюрность и легкость, за то самое потомъ отъ мужей ничего я не видала, кромѣ холодности и оскорбленія. Особенно этотъ подлекарь,—онъ даже не хотѣлъ меня иначе называть, какъ „индюшка горбатая“, и всякую ложь на меня сочинялъ.—„Я, говоритъ, по анатоміи могу доказать, что у тебя желудокъ и потомъ спина, и больше ничего нѣтъ“. Но Господь же Богъ истинно милосерднѣйшій,—Онъ меня скоро отъ обоихъ отъ нихъ освобождалъ: сталъ и этотъ Флёръ-д'оранжъ тоже пить и пропадать, и одинъ разъ допился до того, что поѣхалъ дачу нанимать и въ саду повѣсился, а я ни съ чѣмъ осталась и въ люди жить пошла.

— Въ людяхъ жить трудно.

— Ничего, у меня характеръ хорошій: меня всѣ любятъ.

— Ну, это вы только хвалитесь.

— Нѣтъ! правда.

— А вѣдь вотъ вы долго у Степеневыхъ жили, а они васъ за что-то выгнали.

— Извините, Аичка, меня никто и ни откуда не выгонялъ.

— Ну, отпустили. Вѣдь это только такъ, для вѣжливости говорится, а все равно—выгонъ.

— И не отпускали, а я сама ушла.

— Черезъ что же вы ушли? Вѣдь ихъ домъ хорошій, какъ вы говорите—„выдающійся“.

— Домъ былъ самый очень выдающійся, да черезъ одну причину началъ портиться, и къ тому же вотъ съ этимъ мѣстомъ вышло замѣшательство.

— Съ которымъ мѣстомъ?

— Вотъ, гдѣ мы съ вами теперь находимся въ нашей сегодняшней „ажидаціи“.

— Ну, такъ вотъ вы про это-то теперь и разсказывайте. Да только отсядьте вы отъ меня пожалуйста подальше на кресло, а то и я боюсь, что въ васъ иголка.

— Вотъ какая ты мнительная! Но я, мой другъ, теперь вѣдь ужъ тѣльца на себѣ собрала, и тѣльце у меня—попробуй-ка—крѣпкое, просвирковатое!

— Не буду я къ вамъ касаться: я очень мнительная. Подайте мнѣ тоже сюда и мою сумочку съ деньгами.

— Я ее хорошенько въ комодъ прибрала.

— Нѣтъ, дайте — я люблю деньги подъ подушкой имѣть... А теперь сказывайте: отчего вы ушли изъ степеновскаго дома.

IV.

— Тутъ много сдѣлалъ падёжъ бумагъ.

— Вы развѣ на биржѣ обращались?

— Не я, а деверь у Степеневыхъ, у Маргариты Михайловны. У нихъ въ семьѣ вѣдь немного: всего сама она, эта Маргарита съ дочерью, съ Клавдинькой, да сестра ея, Афросинья Михайловна—обѣ вдовы. Афросинья-то бѣдная, а у Маргариты мужъ былъ, Родіонъ Ивановичъ, отличный фабрикантъ, но къ рабочимъ былъ строгъ до чрезвычайности, „Иродомъ“ его звали,—все на штрафахъ замаривалъ, а другой его братъ, Николай Ивановичъ, къ народу былъ проще, но зато страсть какой предпріятельный: постоянно онъ въ трехъ волненіяхъ, и все спѣшитъ вездѣ постановъ вопросу дѣлать. Сначала онъ болѣе всего мимоноски строилъ, и въ это время страсть какъ распустился кутить съ морскими голованерами. Гдѣ онъ ѣдетъ, тамъ ужъ гроза и шумъ на весь свѣтъ, а домой пріѣдетъ—чтобы сейчасъ ему была такая тишина, какой невозможно. Жена у него была п-

саная красавица и смиренница, такъ онъ ее до того запугалъ, что она, бывало, если и одна сидитъ да ложечкой о блюдцо стукнетъ, то сейчасъ сама на себя цыкнетъ и сама себѣ пальцемъ пригрозитъ и „дуру“ скажетъ. Но онъ съ нею все-таки ужасно обращался и въ гробъ ее сбилъ, а какъ овдовѣлъ, такъ и жениться въ другой разъ не захотѣлъ: сына Петю въ нѣмецкій пансіонъ отдалъ, а самъ сталъ жить съ француженками, и всѣ мимоноски туда сплавилъ. Думали: конченъ нашъ Николай Ивановичъ „выпѣвающій“, но онъ опять выплылъ: присталъ къ какимъ-то въ компанію дѣлать „постановъ вопроса“, и завели они подземельный банкъ, и опять сталъ таскать при себѣ денегъ видимо и невидимо и пошелъ большія количества тратить на польскую даму, Крутильду Сильверстовну. Ея имя было Клотильда, но мы Крутильдой ее называли, потому что она все, бывало, не прямо, а крутитъ, пока какое-то особенное удареніе ко всѣмъ его чувствамъ сдѣлаетъ, и тогда стоитъ ей, бывало, что-нибудь захотѣть и только на ключъ въ спальнѣ запереться, а его къ себѣ не пустить, такъ онъ тогда на что хочешь сдѣлается согласенъ, лишь бы вслѣдъ за нею достигнуть.

— Вотъ это такъ и слѣдуетъ!—замѣтила Аичка.

— Да, да; это правда. Онъ для нея и по-французски сталъ учиться, а когда сынъ свое ученье кончилъ, онъ его изъ дома прогналъ. Придрался къ тому, что Петя познакомился съ Крутильдиной племянницей, и отправилъ его съ морскими голованерами навкругъ свѣта плыть, а Крутильда свою племянницу тоже прогнала, а та была молоденькая и миніатюрная, а оказалась въ тягости, и Богъ одинъ знаетъ, какія бы ее ожидали послѣдствія. А самъ ужъ не зналъ, чѣмъ тогда своей Крутильдѣ заслужить: ходилъ постоянно завитъ, обритъ и причесанъ, раздушенъ и одѣтъ а-ля-морда, и все учился по-французски. Стоитъ, бывало, передъ зеркаломъ и по ляжкамъ хлопаетъ и поетъ: „Пожелія, пополія“. А тутъ вдругъ кто-то въ ихнихъ бумагахъ въ подземельномъ банкѣ портежъ и сдѣлалъ. Страшная кучма народу толпучкой бросилась, чтобы у нихъ свои деньги вынимать, и онъ до того не въ себѣ домой пріѣхалъ, что кричитъ:

„Запри скорѣй ножницы и принеси мнѣ калитку!“

И еще сердится, что этихъ его словъ не понимаютъ!

Мы думали, что онъ съ ума сошелъ, а онъ это испугался падежа бумагъ и привезъ къ намъ какіе-то пупоны стричь, да такъ все и потерялъ, и за эту стрижку подъ судъ попался, но на счастье свое несчастнымъ банкрутомъ сдѣланъ. Ну, тутъ Крутильда его, разумѣется, было-бросила, а сестра, Маргарита Ми-

хайловна взяла его къ себѣ въ службу и всѣ дѣла ему поручила. Онъ же годъ и два простоялъ хорошо, а потомъ опять гдѣ-то съ голованерами встрѣтился и какъ-разъ напосу́дился, такъ и застотерчилъ, что никакъ его нельзя было успокоить. Маленькій удержъ недѣли на двѣ сдѣлаетъ, а потомъ опять ударитъ и возвращается домой съ страшными фантазіями, — называетъ одну сестру Бланжей, а другую Мимишкой... не понимаетъ, гдѣ себя воображаетъ. А станешь просить его, чтобы онъ велъ себя степеннѣе, онъ сейчасъ: „Что̀ такое? Какъ ты смѣешь? Давно ли ты на домашняго адвоката курсъ кончила? А я на этихъ увертюрахъ съ дѣтства воспитанъ!“ И всегда въ это время у него со мной ссора, а потомъ послѣ ужасно поладитъ и шутитъ: „Мармартынъ, мой Мармартынъ, получай съ меня алтынъ“, и опять до новой ссоры.

— А вы зачѣмъ встрѣвали?

— Для золовокъ,—золовки просили.

— Мало ли что! Развѣ можно мужчинѣ препятствовать.

— Ахъ, мой другъ, да какъ же ему не препятствовать, когда онъ въ этихъ своихъ трехъ волненіяхъ невѣдомо чего хочетъ, и ему вдругъ вздумается куда-то ѣхать, и онъ самъ не знаетъ, куда ѣхать.

— Знаетъ, небось.

— Нѣтъ, не знаетъ. „Мнѣ, — говоритъ, — три волненія надоѣли, и я хочу отъ нихъ къ самому чорту въ адъ уѣхать“. Золовки пугаются и просятъ меня: „Разговори его!“ Я и говорю: „Туда дороги никто не знаетъ,—сиди дома“. — „Нѣтъ,—говоритъ,—Мармартынъ, нѣтъ; нужно только на антихристова извозчика попасть, у котораго шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ, —тотъ знаетъ дорогу къ чорту“.

И пристанетъ вдругъ ко мнѣ: „Уйдемъ, Переносица, со мною потихонечку изъ дома и найдемъ шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ и поѣдемъ къ дьяволу! Что̀ намъ еще здѣсь съ людьми оставаться! Повѣрь, всѣ люди подлецы! Надоѣли они!“ И такъ упроситъ, что даже со слезами, и жаль его станетъ.

— И неужели вы съ нимъ ѣздили?—спросила Аичка.

— Да что̀, мой другъ, дѣлать. По просьбѣ золовокъ, случалось,—отвѣчала Марья Мартыновна. — Какъ своя въ домѣ у нихъ привыкла, и когда, бывало, сестры просятъ: „видишь, какой случай выдающійся, прокатись съ нимъ за городъ, досмотри его“,— я и ѣздила, и всѣ его глупыя шутки и надсмѣшки терпѣла. Но только въ послѣдній разъ, когда докончальный скандалъ вышелъ, онъ меня взялъ насильно.

— Какъ же онъ могъ васъ насильно взять?

— Я въ лавкѣ себѣ сапоги покупала и очень занялась, а приказчикъ обмануть хочетъ и шабаршитъ: „Помилуйте... первый сортъ... фасонъ бамбе, а товаръ до того... даже Миллера". А онъ входитъ и вдругъ ему увертюра московскаго воспоминанія въ лобъ вступила:

— „Я,—говоритъ,—мать Переносица, ѣхалъ, и тебя увидалъ, и очень нужное дѣло вспомнилъ: отбери мнѣ сейчасъ шесть паръ самыхъ дорогихъ сапожковъ бамбе и поѣдемъ ихъ одной дамѣ мѣрить". Я говорю: „Ну васъ къ Богу!" а онъ говоритъ: „Я иначе на тебя сейчасъ подозрѣніе заявлю".

— Ишь какой, однако, прилипчивый!

— Ахъ, ужасный! совершенно вотъ какъ піявокъ или банная листва,—такъ и не отстанетъ. И чего ты хочешь: какъ его образумить? Во-первыхъ, кутила, а во-вторыхъ, бабеляръ, и еще какой бабеляръ! Какъ только напосудится, такъ и Крутильду забылъ, и сейчасъ новое удареніе къ дамской компаніи и опять непремѣнно не какія попало дамы, а все чтобы выдающіяся, напримѣръ, ѣздовщицы съ „аренды" изъ цирка или другія прочія выдающіяся „сужекты" своего времени. А угощать благородно не умѣлъ: въ какомъ хочешь помѣщеніи дезгардьяжъ надѣлаетъ, всего, чего попало, натребуетъ и закричитъ: „Лопайте шакецъ-а-гу". Многіе, бывало, обидятся и ничего не хотятъ, или еще его „свиньей" назовутъ, но ему все ничего, шумитъ:

— „Глядите, инпузоріи, въ пространство, что я могу: я не плотецъ Скопицынъ, который съ деньгами запирался, а я со всѣми увертюрами живу!" И сейчасъ и начнетъ свою первую обыкновенную увертюру: всю скатерть съ приборами на полъ, а платить—„убирайся къ чорту".

Того и гляди, что его когда-нибудь отколотятъ.

Я это и говорю его сестрамъ: „какъ хотите, а по моему его надо молитвою избавить отъ его безстыдства", и Афросинья сейчасъ этому и обрадовалась; но онъ самъ ни за что и слышать не хотѣлъ о молитвахъ.

— Постановъ вопроса, говоритъ, такой: что я — порченый что-ли, чтобы меня отмаливать? Я въ духовныхъ дѣлахъ самъ все знаю: я пилъ чай у преосвященнаго Макаріуса и у патріарха въ Константинополѣ рахатъ-лакумъ ѣлъ, и послѣ нихъ мнѣ теперь въ молитвахъ даже самъ Мономахъ не можетъ потрафить.

Разумѣется, надо было сразу не пощадить на самое выдающееся, но вдова Маргарита Михайловна Степенева хоть и бо-

гачка, а замялась въ неопредѣленномъ наклоненіи. Я вашего капитала, разумѣется, вполнѣ не знаю...

— Это вамъ и не надо знать,—оторвала Аичка:—вы ведите свои исторіи, а меня врасплохъ не испытывайте.

— Конечно. Я только такъ къ слову сказала, я и не любопытна, но все равно на то же вышло. У Маргариты Степеневой, какъ я вамъ сказала, есть дочь Клавдія, молодая и прекрасивая этакая дѣвица, собой видная,—красоты видъ въ родѣ англичанскаго фасона, но съ буланцемъ... воспитывалась она въ иностранномъ училищѣ для дѣвицъ женскаго пола, вмѣстѣ съ одною нѣмочкою и сдѣлалась ея заковычнымъ другомъ, а у той былъ двоюродный ея братъ, докторъ Ферштетъ; онъ, этотъ Ферштетъ, ее и испортилъ.

— Спуталъ?—спросила живо Аичка.

— Нѣтъ,—отвѣчала Марья Мартыновна:—спутать онъ ее не могъ, потому что она безчувственная, но разныя пустыя мысли ей вперилъ.

— Про что же?

— Да вотъ, напримѣръ, насчетъ повсемѣстнаго бѣдствія людей. Самъ онъ такой неслыханный оригиналецъ былъ, что ничего ему не нужно; такъ и назывался „безсчетный лекарь". Ко всѣмъ онъ шелъ, а что ему кто заплатитъ, или даже ничего не заплатитъ, это ему все равно, всѣхъ одинаково лечилъ и къ бѣднымъ даже еще охотнѣе ходилъ и никогда не отказывался, а если дадутъ, такъ онъ сунетъ въ карманъ и не считаетъ, чтобы не знать, кто сколько далъ. Вотъ онъ ее этимъ безразличіемъ плѣнилъ и къ такой простотѣ ее свелъ, что она обо всемъ образѣ жизни людей стала иначе думать и все она начала желать чего-то особеннаго, чего невозможно и что всѣхъ огорчаетъ.

— Непочтительная что-ли стала?

— Нельзя даже понять—какъ она, почтительная или непочтительная, но только стало ей нравиться все удивительное. Вотъ этотъ ея подругинъ братъ въ университетѣ учился, и весь свой курсъ вышелъ, а служить нигдѣ не захотѣлъ. Всѣ этимъ огорчились, а ей это хорошо.

— Отчего же онъ служить не пошелъ?

— Такъ разсудилъ, что „на службѣ, говоритъ, можно получать различныя порученія, какихъ я дѣлать не хочу, надо въ пустякахъ для угожденія много время тратить, и уважать кого не стоитъ, и бояться, какъ бы съ дурной стороны не представили, —а я-де ни съ кѣмъ ни въ какую общественную исторію попадать не хочу, а хочу лучше самъ по своимъ понятіямъ людямъ

услуживать". И такъ безъ всякихъ чиновъ и остался и всю зиму и лѣто въ одной прохладной шинелишкѣ ко всѣмъ бѣднымъ ходилъ, пока въ прошломъ году простудился и умеръ, и семью какъ есть ни съ чѣмъ оставилъ. Спасибо, нѣмцы при похоронахъ сговорились между собою и все семейство устроили. По Клавдинькиному это все и превосходно, и Клавдинька какъ только съ нимъ познакомилась, такъ сдѣлалась отъ всѣхъ своихъ семейныхъ большая скрытница и все начала евангеліе читать, и все читала, читала, а потомъ всѣ наряды прочь и начала о бѣдныхъ убиваться. Сидитъ и думаетъ. Спросишь: „что ты все думаешь? чего тебѣ недостаетъ?" А она отвѣчаетъ: „у меня все есть и даже слишкомъ больше, чѣмъ надобно, но отчего у другихъ ничего нѣтъ необходимаго?" Ей скажешь: „Что же тебѣ до этого? это отъ Бога такъ, чтобы было кому богатымъ людямъ служить и чтобы богатые имѣли кому отъ щедротъ своихъ помогать",—а она головою замахаетъ, и опять все думаетъ и доведетъ себя до того, что начнетъ даже плакать.

— О бѣдныхъ?—воскликнула Аичка.

— Да!

— Что же они ей лучше богатыхъ что-ли?

— И я это самое ей говорила: чего? Если тебѣ жаль, поди въ церковь и подай на крыльцѣ. Отъ состраданія нечего плакать. А она отвѣчаетъ: „Я не отъ состраданія плачу, а отъ досады, что глупа и зла, и ничего придумать не могу". Ну и стала все думать, и придумала.

Аичка сказала:

— Это интересно.

V.

Стала она такъ жить, что начала не надѣвать на себя ни золота, ни дорогихъ нарядовъ. „Для чего мнѣ это?—говоритъ:— это совсѣмъ ненужное, и нисколько не пріятно и не весело; да это даже и имѣть стыдно".

— Отчего же ей это стыдно?—спросила Аичка.

— Для чего на ней дорогія вещи будутъ, а на другихъ и самыхъ простыхъ нѣтъ. Сшила себѣ сама черное кашемировое платье и бѣлые рукавчики и воротнички и сама ихъ моетъ и гладитъ, и такъ англичанкою и ходитъ, а лѣтомъ въ свѣтленькомъ ситцѣ, а что ей мать подаритъ деньгами или шелковье, она сейчасъ пойдетъ шелковье все продастъ и всѣ деньги неизвѣстно кому отдастъ. Мать сначала, бывало, шутя спрашиваетъ:

— Что же ты это, Клавдичка, на молитвы что ли все раздаешь?

— Нѣтъ, говоритъ, маменька, зачѣмъ же мнѣ покупныя молитвы? Это долженъ всякъ для себя, а я просто такъ отдаю тѣмъ, которымъ трудно заработать сколько нужно, или нечѣмъ за ученье платить, когда ихъ дѣтей исключаютъ.

Мать ей и не перечила:—Что же, говоритъ, отдавай, если хочешь: пусть за тебя бѣдные Бога молятъ.—Но ей никакъ не потрафишь сказать.

— Я, говоритъ, маменька, это совсѣмъ не для того, а просто мое сердце не терпитъ, когда я вижу, какъ я счастлива, а люди бѣдственно живутъ.

— Вотъ потому-то и нехорошо, что ты все ходишь, эту бѣдственность смотришь,—ты себя этимъ и разстраиваешь.

— Все равно, говоритъ, я хоть и смотрѣть не буду, такъ я знаю, что они есть, и что я должна дѣлать въ жизни.

— Ну, поступи членомъ въ этакое общество, ѣзди съ хорошими дамами; я тебѣ денегъ дамъ столько, что можешь больше графинь и княгинь сыпать.

Не захотѣла.

— Я знаю, говоритъ, что нужно дѣлать.

— Такъ скажи, что такое?

Она молчитъ.

— Отчего же ты такая грустная, такая печальная? На тебя смотрѣть больно! Отчего это?

— Это, мама, оттого, что я еще зла: я себя еще не переломила, я борюсь.

— Съ кѣмъ, мой ангелъ?

— Съ собою, мама. Не обращайте на меня вниманія, мнѣ скоро легче будетъ. Я какъ-нибудь перейду на свою сторону, я теперь не на своей сторонѣ, я себѣ противна.

Дядя Николай Ивановичъ хоть шабарша, но онъ любилъ ее и говоритъ:

— Не приставайте къ ней: въ ней это все отъ рояльнаго воспитанія; надо ей дать развязку на веселыхъ увертюрахъ.

Взвился и привезъ ей театральный билетъ въ ложу на „Африканскаго Мавра“.

Хоть и великій постъ былъ, но для нея поѣхали. Она у нихъ въ театрѣ и разрыдалась.

— Чего ты, чего?

— Я, говоритъ, вамъ говорила, что я не могу; въ чемъ

вамъ представляется занимательность, я въ томъ же самомъ вижу ужасъ и горе.

— Какой же ужасъ? Въ чемъ тутъ горе?

— Какъ же не ужасъ: такой огромный, черный мужчина душитъ слабую женщину и по какой причинѣ?

Николай Ивановичъ говоритъ:

— Ты этого еще не понимаешь: за любовь отъ ревности всякій радъ кровь пролить.

— Не правда это, говоритъ, глупость, звѣрство! Не должно это такъ быть и не будетъ,—я не хочу это видѣть!

И уѣхали изъ театра, и такъ и пошло съ ней съ этихъ поръ во всѣхъ междометіяхъ. Благородныя удовольствія, театръ или концерты, или оперы, все это ей не нравится, а назоветъ къ себѣ безпортошныхъ ребятишекъ, дастъ имъ мармаладу и орѣховъ и на фортепьянахъ имъ заиграетъ и поетъ, какъ лягушки по дорожкѣ скачутъ, вытянувши ножки, и сама съ ними утѣшена и плачетъ, и пляшетъ. Этакая красавица, а лягушкой прыгаетъ!..

Видѣвши это, мать—своего священника приходскаго на духу упросила поговорить съ ней, и онъ на Пасхѣ, когда пріѣхалъ съ крестомъ и какъ сталъ послѣ закусывать, то началъ Клавдинькѣ выговаривать:

— Нехорошо, барышня, нехорошо, вы въ заблужденіи.— А она ему брякъ на-отрѣзъ:

— Да, говоритъ, благодарю васъ, благодарю, вы правы—и мнѣ тоже кажется, что мы живемъ въ большомъ заблужденіи, но теперь я уже немножко счастливѣе.

— Чѣмъ-же-съ?

— Тѣмъ, что я уже собой недовольна; я теперь уже не на своей сторонѣ; я себя осуждаю и вижу, гдѣ свѣтъ.

Онъ говоритъ:—Не много ли вы на себя берете?

Она замялась и отвѣчаетъ:—Я не знаю.

А батюшка говоритъ:—То-то и есть! А мы знаемъ, что на свѣтѣ должны быть и богатые, и бѣдные, и это такъ повсемѣстно.

Она отвѣчаетъ:—Это, къ несчастію, правда.

— Такъ и нечего бредить о томъ, чтобы у насъ всѣ были равны.

А она вся стынетъ и виски себѣ третъ и шопотомъ говоритъ: —Бредятъ невольно.

А батюшка говоритъ:—Да, бредятъ невольно, а за бредъ далеко очутиться можно. Не идите противъ религіи.

— Я не иду, я люблю религію.

— А зачѣмъ противнаго желаете?

— Развѣ желать въ жизни простоты и чтобъ не было терзающей бѣдности противно религіи?

— А вы какъ думаете! Да Христосъ-то признавалъ нищихъ или нѣтъ?

— Признавалъ.

— Такъ что же вы Ему хотите возражать?

— Я вамъ отвѣчаю, а не Христу. Христосъ самъ жилъ какъ нищій, а мы всѣ живемъ не такъ, какъ Онъ жилъ.

Священникъ всталъ и говоритъ:

— Такъ вотъ вы какая!—и оборотился къ матери ея и сказалъ:

— Маргарита Михайловна! Откровенно вамъ скажу, уважая васъ какъ добрую прихожанку, я съ вашей воспитанной дочерью поговорилъ, но, уважая себя, я нахожу, что съ нею, сударыня, не стоитъ разговаривать. Вамъ одно остается: молиться, чтобы она не погибла окончательно.

Маргарита Михайловна вся красная и въ слезахъ извиняется и проситъ у него прощенья, что это вышло какъ на смѣхъ.

Священникъ смягчился и отвѣчаетъ:

— Мнѣ, разумѣется, Богъ съ нею, пусть что хочетъ болтаетъ, теперь этихъ глупыхъ мечтаній въ обществѣ много, и мы къ нимъ наслышавшись,—но попомните мое слово, это новое, но стоитъ стараго зла — ингилизма, и дочь ваша идетъ дурнымъ путемъ! дурнымъ! дурнымъ!

Маргарита Михайловна ему скорѣе красненькую, но онъ не подкупился, деньги зажалъ, а самъ все свое повторяетъ:

— Дурнымъ путемъ, дурнымъ!

Маргарита Михайловна сама разсердилась и, какъ онъ вышелъ, говоритъ ему вслѣдъ:

— Какой злюка сталъ!

А Клавдинька безъ гнѣва замѣчаетъ:

— Вы, другъ мой, мама, сами виноваты, зачѣмъ вы ихъ безпокоите. Онъ такъ и долженъ былъ говорить, какъ говорилъ.

— А кого же мнѣ на тебя, какую власть просить?

— Ну, полноте, мамочка, зачѣмъ на меня власть просить, чѣмъ я вамъ непокорна?

— Въ очень во многомъ, въ самомъ важномъ ты непокорна; грубить ты мнѣ не грубишь, но ты не одѣваешься сообразно нашему капиталу, чтобы всѣ видѣли; не живешь, а все съ бѣдностью возишься, а богатства стыдишься, которое твой дѣдъ на-

живалъ, и за которое отецъ столько грѣха и несправедливости сдѣлалъ.

А Клавдинька тутъ одною рукою мать за руку схватила, а другою закрыла свои вѣщія „звѣницы“ и какъ актриса театральная вдругъ дрожащимъ голосомъ закричала:

— Мамочка! мама!.. Милая! не говорите, не говорите! Ничего не будемъ объ отцѣ,—такъ страшно вспомнить!

— Разумѣется, царство ему небесное,—онъ былъ аспидъ, а я тебя сама избаловала, и за то думала, пусть хоть духовный отецъ тебя наставитъ.

— Мама! да вы сами меня лучше всѣхъ можете наставить.

— Нѣтъ, я не могу и не берусь!

— Почему?

— Мнѣ тебя жаль!

— Ну, вотъ я и наставлена. Вы меня пожалѣли и этимъ меня и наставили! Я вѣдь люблю васъ, мама, и ничего не сдѣлаю такого, что̀ можетъ огорчить мать-христіанку. А вѣдь вы, мама, христіанка?

И глядитъ ей въ глаза, и ластитъ ее, и такъ и поладятъ, и все такъ, потихоньку, что̀ только сама она съ собой вздумаетъ, то̀ съ матерью и сдѣлаетъ. Ужъ не только на представленіе „Мавра“ отклонила смотрѣть, а даже въ оперу „Губинотовъ“ слушать—и то говоритъ: „не надо, мама; пѣсни хороши, когда ихъ поютъ отъ чувства для скорби или для веселости, а этакъ, за деньги—это пустяки, и за такія забавы стыдно деньги платить, лучше отдадимъ ихъ босымъ дѣтямъ“. И мать сейчасъ съ нею въ этомъ согласна и улыбается: „На, отдавай, ты какая-то божія“. А та ей со смѣхомъ шутя запоетъ и запляшетъ: „Вотъ, говоритъ, вамъ даровой театръ отъ моей радости!“ А мать ужъ не знаетъ, какъ и навеселиться. И стало ужъ Клавдинькѣ такое житье, что дѣлай все, что̀ ей угодно, у матери и позволенія не спрашивай.

— Я, говоритъ, вѣрю, что она меня любитъ и ничего такого, что̀ меня огорчитъ, она не сдѣлаетъ.

Стала Клавдинька ходить въ искусственные классы, гдѣ разныя учебныя моды на оба пола допущены, и пристряла къ тому, чтобы изъ земли рожи лѣпить, и научилась. Всѣ, какія есть принадлежности, она вылѣпитъ, а потомъ на фарфорѣ научилась красить, и весь домъ намусорила, а въ собственную въ ея комнату хоть и не входи, да и не позволяетъ, и прислуги даже не допускаетъ. Намѣшаетъ въ тазу зеленой земли, вывалитъ все на доскѣ, какъ тѣсто, и пойдетъ пальцами вылѣпливать.

— Это трудно однако,—замѣтила Аичка.

— Ничего не трудно,—отвѣчала нетерпѣливо Марья Мартыновна.—Обозначитъ сначала носъ и ротъ, а потомъ и всѣ остальныя принадлежности—вотъ и готово. А фарфоръ нарисуетъ, но безъ мужика обойтись не можетъ,—выжигать русскому мужику отдаетъ. А потомъ всѣ эти предметы въ магазины продавать несетъ. Мать и тетка, разумѣется, сокрушаются, ей ли такая крайность, чтобы рукодѣлье свое продавать? При такомъ капиталѣ и такія послѣдствія! А выручитъ деньги и неизвѣстно куда ихъ отнесетъ и неизвѣстнымъ людямъ отдастъ. А тогда, знаешь, какъ разъ такое время было, что разомъ дѣйствовали и поверхностная коммиссія, и политическій „компотъ“. Кому же она носитъ? Если бѣднымъ, то я, бѣдная женщина, сколько лѣтъ у нихъ живу, и отъ матери и отъ тетки подарки видѣла, а отъ нея ни на грошъ. Одинъ разъ сама прямо у нея попросила: „что же, говорю, ты, Клавдичка, мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ ничего не подаришь? хоть бы купила на смѣхъ ситчику по нѣтовой землѣ пустыми травками“. Такъ она и шутки даже не приняла, а твердо отрѣзала: „вамъ ничего не надобно, вы себѣ у всѣхъ выпросите“. Господи помилуй! Господи помилуй! Этакое безчувствіе! Правда, что я не горжусь, если у меня нѣтъ, я выпрошу, но какое же ей до этого дѣло! Такъ же и противъ матери: въ самые въ материны именины, вообрази себѣ, розовый цвѣтокъ ей сорвала и поднесла: „Другъ мой, мама!—говоритъ,—вамъ вѣдь ничего не нужно“. И вообрази себѣ, та соглашается: „у меня, говоритъ, все есть, мнѣ только твое счастье нужно“,—и цѣлуетъ ее за эту розу. А Клавдинька еще разговариваетъ:

— Мамочка! что̀ есть счастіе! Я съ вами живу и счастлива, но въ свѣтѣ есть очень много несчастныхъ.

Опять, значитъ, за свое,—даже въ именинный день! Тутъ я уже не вытерпѣла и говорю:

— Вы, Клавдинька, хоть для дня ангела маменькинаго нынче эту заунывность можно бы оставить вспоминать, потому что въ этомъ вѣдь выдающейся пріятности нѣтъ.

Но мать, представь себѣ, сама за нее заступилась и говоритъ мнѣ:

— Оставь, Марья Мартыновна, и скажи людямъ, чтобы самоваръ отсюда убирали.—А въ это время, какъ я вышла, она даритъ Клавдинькѣ пятьсотъ рублей: „отдай, говоритъ, своей гольтепѣ-то! Кто они тамъ у тебя такіе, Господи!“

— А вы какъ же это видѣли?—спросила Аичка.

— Да просто въ щелочку подсмотрѣла. Но Клавдинька вѣдь опять и изъ этихъ денегъ никому изъ домашнихъ ничего

не дала. Дескать: „здѣсь всѣ сыты“. Будто человѣку только и надо, если онъ сытъ? И потомъ сколько разъ я ни говорила: „ну, прекрасно, ну, если ты только къ чужимъ добра, зачѣмъ же такъ скрытна, что никто не долженъ знать, кому ты помогаешь?“

— Добръ,—отвѣчаетъ,—тотъ, кто не покоится, когда другіе безпокойны, а я не добра. Вы о добротѣ ничего не понимаете.

— Ну, прекрасно, я о добротѣ не понимаю, но я понимаю о скрытности: для чего же ты такъ скрываешься, что никакими слѣдами тебя услѣдить нельзя, куда ты все тащишь и кому отдаешь? Развѣ это мыслимо или честными правилами требуется?

А она, вообрази, съ улыбкою отвѣчаетъ:

— Да, это мыслимо и честными правилами требуется!

— Такъ просвѣти же говорю, матушка: покажи, гдѣ эти правила, въ какой святой книжкѣ написаны?

Она пошла въ свою комнату—выноситъ маленькое евангеліе.

— Все съ евангеліемъ!—перебила Аичка.

— Да, да, да! Это постоянно! У нея все сейчасъ за евангеліе и оттуда про текстъ, какого никогда и не слыхивала; а только понимать какъ должно не можетъ, а выведетъ изъ него что-нибудь совсѣмъ необыкновенное. Такъ и тутъ подаетъ мнѣ евангеліе и говоритъ:

— Вотъ сдѣлайте себѣ пользу, почитайте тутъ,—и показываетъ мнѣ строчки—какъ надо, чтобы правая моя не знала, что дѣлаетъ лѣвая моя, и что угощать надо не своего круга людей, которые могутъ за угощенье отплатить... И прочее.

Я знаю, что съ ней не переспоришь, и отвѣчаю: евангеліе—это книга церковная и премудрость ея всякому нельзя понимать.

Она сейчасъ возражать:—Нѣтъ, евангеліе для всѣхъ понятно.

— Ну, а я все-таки, говорю, я и про евангеліе лучше спрошу у батюшки, и въ какомъ смыслѣ мнѣ священникъ про него скажетъ, такъ я съ нимъ только и согласна.

И точно, дѣйствительно я захотѣла ее оспорить и пошла къ ихъ священнику. Я ему въ прошломъ году пахучую ерань услужила—у его матушки сѣра очень кипитъ, такъ листокъ въ ухо класть,—а теперь зашла на рынокъ и купила синицу; перевязала ее изъ клѣтки въ платочекъ и понесла ему, такъ какъ онъ приходящихъ безъ презента не любитъ и жаловался мнѣ разъ, что у нихъ во всемъ домѣ очень много клоповъ и никакъ вывести не могутъ.

— Вотъ, говорю, вамъ, батюшка, синичка,—она и поетъ, и клопа истребляетъ. Только, пожалуйста, не надо ее ничѣмъ кор-

мить,—она тогда съ голоду у васъ вездѣ по всѣмъ щелямъ клоповъ выберетъ.

— Неужли это правда?—спросила Аичка.

— Что это?

— Насчетъ синицы, что она клоповъ выберетъ?

— Какъ же! всѣхъ выберетъ.

— Удивительно!

— Что ты, что ты! Это самое обыкновенное: бывало, наши откупные и духовные всегда для этого синицъ держатъ. И священникъ меня поблагодарилъ.

— Знаю, говоритъ. Старинный способъ! Перепусти синичку въ клѣточку, а когда она оглядится, я ее по комнатѣ летать выпущу,—пусть ловитъ; а то нынѣче персидскій порошокъ стали продавать такой гадостный, что онъ ничего и не дѣйствуетъ. Во всемъ подмѣси.

Я сейчасъ же къ этому слову и пристала, что теперь, молъ, ужъ ничего не разберешь, что̀ какое есть. И разсказываю ему про Клавдюшины выходки съ евангеліемъ и говорю:

— Неужто же такое правило есть, что всѣ знакомства съ почтенными людьми не надо, а все возись съ одной бѣдностью?

Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— А ты слушай, дубрава, что̀ лѣсъ говоритъ.

— А отчего же вы, спрашиваю, о такихъ сужетахъ никому не доводите? Какъ они смѣютъ отъ себя сочинять и все на евангеліе?

— Я уже говорилъ, матушка, говорилъ. Раньше негодовали, что слабо учатъ писанію, а я говорилъ: „не мечите бисеръ,—попрутъ“; вотъ они его теперь и попираютъ.

Но помощи не подалъ. Даже и побывалъ у нихъ послѣ этого, но, прощаясь съ нею, сказалъ только:

— Пересаливаете, барышня, пересаливаете!

А она вскоряхъ и еще лучше сдѣлала: взяла, да и пропала.

— Такъ совсѣмъ и пропала?—удивилась Аичка.

— Нѣтъ, прислала матери депешъ, что у нея одна бѣдная подруга заболѣла въ черной оспѣ и у нея престарѣлая мать и за ней никто ходить не хочетъ, такъ вотъ докторъ Ферштетъ и взялся лечить, а наша Клавдичка ее навѣстила и осталась при ней сестрой милосердной ухаживать, а домой депешъ прислала, у матери прощенія проситъ, что боится заразу занести.

Аичка вздохнула и сказала:—Повѣрьте, она испорчена.

— Да, все можетъ быть, а поговори съ ней, такъ у нея опять и это тоже будто по евангелію. А сколько мать пере-

мучилась—рябая или безъ глазъ дочь вернется,—это ей ничего. И когда она благополучно вернулась, то опять просили священника съ нею поговорить, и онъ ей опять сказалъ: „Пересаливаете! жестоко пересаливаете". А она ему шутитъ:

— Это лучше, а если соль разсолится—это хуже. Тогда чѣмъ ее сдѣлать соленою?

Но священникъ ей на этомъ хорошо осадилъ:

— Тексты, говоритъ, барышня, мало знать,—надо знать больше. Разсаливается соль не наша, которую всѣ нынѣ употребляютъ, а слабая соль палестинская; а наша соль елтонка крѣпкая,—она не разсаливается. А вотъ у насъ есть о соли своя пословица: что „недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ". Это бы вамъ знать надобно. Недосоленное присолить можно, а за пересолъ наказываютъ.

Но она хоть бы что, весь страхъ потеряла.

Тогда я говорю ея матери:

— Ее простой священникъ ничего и не можетъ пристрастить, это очевидно; на нее теперь надо ужъ что-нибудь выдающееся. И упоминаю про „здѣшняго".

А сестра ея Ефросинья и себя не слышитъ отъ радости, и много стала разсказывать, что въ здѣшнемъ мѣстѣ бываетъ.

— Попробуемъ, говорю, обратимся, пригласимъ, кстати и для Николая Ивановича хорошо, о его воздержаніи.

Но Маргарита Михайловна какъ-то замялась и что-то, вижу, утаиваетъ, неправильно отвѣчаетъ:

— Въ моемъ горѣ, говоритъ, съ нею никто не поможетъ.

— Отчего это не поможетъ?

— Оттого, что она вѣдь и сама все руководитъ себя по евангелію.

— Полноте, пожалуйста, говорю, у васъ это въ душѣ отчаяніе, а отчаяніе—смертный грѣхъ. Другое дѣло, если вамъ жаль денегъ; такъ вѣдь ему нѣтъ положенія, сколько денегъ давать, а сколько дадите, да и то онъ себѣ ничего не беретъ, а для добрыхъ дѣлъ,—вѣдь Клавдія Радіоновна и сама добрыя дѣла обожаетъ.

— Не о деньгахъ, говоритъ, а...

— Хлопоты что-ли?

— И не хлопоты, а какую вѣру онъ у насъ встрѣтитъ?.. вѣдь не только Клавдинька, а и деверь Николай Ивановичъ—онъ въ церковь ктиторомъ только для ордена пошелъ, а о своемъ воздержаніи онъ молить и не захочетъ.

— Да, голубчикъ мой, мы ему и не скажемъ, что это для него! мы дадимъ видъ, будто это для Клавдиньки.

— А Клавдинька еще хуже обидится.

— А мы и отъ нея скроемъ; ей мы скажемъ, что это для дяди.

— Вотъ все, значитъ, такъ и начнется обманомъ, и будетъ ли это угодно?

— Что же такое? да, сначала будетъ будто немножко обманъ, а кончится все въ ихъ пользу.

Маргарита стала соглашаться, а я кую желѣзо пока горячо и предлагаю, что сама готова съѣздить и все въ здѣшнемъ мѣстѣ уладить.

— Я, молъ, найду выдающихся лицъ, которыя все знаютъ, и съѣзжу, и приглашу, и въ каретѣ на встрѣчу ему выѣду. Вамъ только и хлопотъ, что мнѣ на расходъ выдать.

А она отвѣчаетъ:

— Не о томъ рѣчь, а что если онъ всѣ принадлежности-то въ человѣкѣ насквозь видитъ, такъ я боюсь и удивляюсь, какъ это вамъ не страшно. Или вы обѣ безгрѣшныя?

И я, и сестра ея Ефросинья Михайловна стали ее успокоивать, что и мы не безгрѣшныя, но что этого не надо бояться, потому что онъ хоть на что ни прозритъ—все видитъ; но онъ все въ себѣ и задержитъ, а на весь свѣтъ не скажетъ. Да, наконецъ, и какіе же у васъ особенные грѣхи?

А она говоритъ:

— Есть.

— Что же это за грѣхъ?

— А я, говоритъ, и сама не знаю, а только когда что-нибудь противъ Клавди завожу, это и дурно.

— Ну, это искушеніе. А еще что-жъ?

— А еще вонъ деверь Николай Ивановичъ въ безбракѣ съ Крутильдой живетъ и для угожденія ей законнаго сына Петю отъ себя выгналъ. Я его жалѣю конфузить.

— Матушка, говорю, да это же для женскаго угожденія мужчины и всѣ такъ дѣлаютъ,—это такіе невыдающіеся пустяки!

— Нѣтъ, это, говоритъ, не пустяки, чтобъ свое дитя прогнать. Я постоянно того и гляжу, что у Клавдиньки съ дядею за его несправедливость съ Петей можетъ самый горячій скандалъ выйти.

Я поняла, что она умомъ всюду вертится и боится того, чтобы не обнаружилось, что въ ея дорогой Клавдинькѣ заключается, но въ этотъ разъ я на своемъ не настояла: не поспѣлъ еще тогда часъ воли Божіей.

Заботилась она опять, чтобы Клавдію развлекать, пробовала опять брать ложи на „Губинотовъ“ и Бурбо слушать, но изъ силъ съ нею выбилась и говоритъ мнѣ: „Милый другъ нашъ Марья Мартыновна, мы тебя за свою считаемъ и къ тебѣ прибѣгаючи: ты бы пустилась разъ подсмотрѣть, куда она ходитъ и кому свои деньги отдаетъ, и отчего удовольствій никакихъ не желаетъ“.

Я говорю:—извольте, я для васъ готова.

И послѣ этого сразу же, какъ только Клавдинька со двора, и я сейчасъ за нею, какъ полицейскій аргентъ, и все издали. Она пѣшкомъ—и я пѣшкомъ, она на гонку, и я въ слѣдующемъ агонѣ, она на извозчика—и я тоже, но изъ глазъ ее не выпускаю. Разъ, два, три такимъ манеромъ за ней погонялась и наконецъ выслѣдила, что чаще всего она проникаетъ въ бѣдный домикъ, и въ одну квартирку юркнула съ свертками. Я сейчасъ къ дворнику, дала ему на чай и стала разспрашивать: кто въ этой квартирѣ живетъ? Говоритъ: „одна бѣдственная старушка обитаетъ“. Кто же къ ней ходитъ? „Приходятъ, говоритъ, одна барышня, да племянникъ ейный“. Молодой, спрашиваю, племянникъ? „Молодой!“ И вмѣстѣ сходятся? „Бываютъ и порознь, бываютъ и вмѣстѣ“.

Поймала голубку!..

— Ее вы поймали, а меня не жмите; я вамъ сказала, что хоть вы и просвирковатая, а я вашей иголки боюсь,—отозвалась съ усиленной полусонной оттяжкой Аичка.

— Извини, голубчикъ; дай мнѣ только твое мармеладное плечико поцѣловать...

— Ни за что на свѣтѣ! мои плечи не для такихъ поцѣлуевъ созданы. Продолжайте разсказывать.

VI.

Взворотилась я домой къ Степеневымъ и, какъ умѣла, все имъ передала.

— Ну, да ужъ я думаю, вы съумѣете!

— Конечно, съумѣла. Парень съ дѣвкою такой выдающейся у старухи сходятся,—что тутъ еще угадывать, чѣмъ они занимаются?

Я, впрочемъ,—не думай:—я не матери, а только теткѣ Ефросиньѣ Михайловнѣ сказала, а она вспомнила, что у нихъ мать была раскольница и хоть по поведенію своему была препочтенная, но во всѣхъ книгахъ у своего же дворника „дѣвкой“

писалась, то ей и стало Клавдію жалко, и она дала мнѣ тридцать рублей и просила:

— Молчи, другъ мой Мартыновна, никому объ этомъ „грандеву“ не разсказывай: тайно бо содѣянное—тайно и судится. Ежели это уже сдѣлалось, то пусть погуляетъ, ея фигура миніатюрная, ничего незамѣтно будетъ, а мы тѣмъ часомъ ей жениха найдемъ. Тогда ужъ она не станетъ капризничать.

Стала тетка Ефросинья Михайловна ходить по свахамъ, Клавдиньвѣ жениховъ выспрашивать, и успѣхъ былъ очень порядочный, даже можно сказать, выдающійся, но она, вообрази себѣ, кто ни посватаетъ, обо всѣхъ одинъ отвѣтъ:

— Я не знаю его образъ мыслей; нужно, чтобы мы были другъ другу по мыслямъ.

Вотъ вѣдь у нихъ—не то, чтобы какъ слѣдуетъ человѣкъ по наружности личности нравился, а чтобы себѣ по мыслямъ добирать!

А потомъ вдругъ сама объявляетъ, что ей по мыслямъ пришелъ Ферштетовъ родственникъ, докторъ.

Мать-то Маргарита—полная—какъ услышала это, такъ и брякъ съ ногъ, сѣла на полъ.

Клавдинька ее поднимать, а она приказываетъ:

— Оставь!.. Убивай меня здѣсь! Онъ изъ нѣмцевъ?

— Да, мама.

— А какой онъ вѣры?

— Реформаторъ.

— Что такое еще за реформаторъ, съ кѣмъ родниться приходится?

Дядя же Николай Ивановичъ былъ подвыпивши и говоритъ:

— Реформаторы, это я знаю: это тѣ самые, которыхъ вѣшаютъ.

— Господи!

А Клавдинька обернулась на него въ полъ-оборота и говоритъ:

— Перестаньте, дядинька, мою мать тревожить и себя стыдить. Реформатская церковь есть.

Николай Ивановичъ говоритъ:

— А это другое дѣло, но „постановъ вопроса“ такой: я, какъ выдающійся членъ въ домѣ и петріотъ, желаю, чтобы ты выходила за правильнаго человѣка настоящей православной вѣры.

А она отвѣчаетъ:— Ну, полно вамъ, дядя, что вы за богословъ! вы такъ говорите, а сами и никакого православія отличить не можете.

— Нѣтъ, это ты лжешь! я старостой былъ и своему батюшкѣ даже набрюшникъ выхлопоталъ.

Тогда Клавдюшенька ласково его потрепала и говоритъ:

— Вотъ только-то всего вы и знаете, какъ набрюшники выхлопатывать. Встаньте-ка лучше съ этого табурета да подите велите себя обчистить, а то вы всѣ глиною замарались.

Николай Ивановичъ ушелъ и все покончилось, но на другой день опять приходитъ къ ней въ высшемъ градусѣ и видитъ кругомъ рожи съ рожками да съ козлиными ножками, и опять ей началъ говорить:

— Когда это можно было ждать, чтобы дѣвушка, наслѣдница купеческаго рода, и этакое уродство лѣпила! На что они кому-нибудь, эти болвашки?

А она нимало не злобится и говоритъ:

— Вы мнѣ что-нибудь другое закажите, я вамъ по вашему заказу другое сработаю.

Дядя говоритъ:

— Я согласенъ и могу тебѣ „бюстру“ заказать, но только божественное.

— Закажите.

— Сдѣлай моего ангела Николу, какъ онъ Арія въ щеку бьетъ. Я прійму и заплачу.

— Лучше сдѣлайте, какъ онъ о бѣдныхъ хлопоталъ или осужденныхъ юношей отъ казни избавилъ.

— Нѣтъ, этого я не могу. Я самъ бѣднымъ подаю и видѣлъ, какъ казнятъ... Это тоже необходимо надобно... ихъ священникъ провожаетъ... А ты представь мнѣ, какъ святитель посреди собора Арія по щекѣ хлопнулъ.

Сейчасъ и пошелъ у нихъ новый споръ, пошелъ и о казни, и о пощечинѣ, и Клавдинька въ концѣ говоритъ: я этого не могу.

— Почему? Развѣ тебѣ не все равно?

— Во-первыхъ, мнѣ это не равно, потому что хорошо то работать, что нравится, а это мнѣ не нравится; а во-вторыхъ, слава Богу, теперь извѣстно, что этой драки совсѣмъ и не было.

Николай Ивановичъ сначала удивился, а потомъ и сталъ кричать:

— Не смѣй этого говорить!.. Потому что это было, да, было! Онъ его при всѣхъ запалилъ.

А Клавдія говоритъ:—Нѣтъ!

Дядя говоритъ:—Ты это только для того со мной споришь, чтобы мнѣ досадить, потому что я его уважаю.

А Клавдія отвѣчаетъ:

— А мнѣ кажется, что я его уважаю больше, чѣмъ вы, и хочу, чтобы и вы-то знали, за что его уважать должно.

И чтобы споръ порѣшить, Николай Ивановичъ вздумалъ ѣхать ко всенощной, а оттуда къ какому-то профессору спрашивать у него: было ли дѣйствіе съ Аріемъ? И поѣхалъ, а на другой день говоритъ:

— Представьте, я вчера съ профессоромъ на блеярдѣ игралъ, и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріѣ, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ—угодника на этомъ соборѣ дѣйствительно совсѣмъ не было. Мнѣ это большая непріятность, со мной черезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожалъ, и такъ этого забыть не могу. Я вчера профессору блеярдный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ и я долженъ въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему „прощады“ просить. Вотъ какая мнѣ катастрофа отъ Клавдіи сдѣлана!

Сѣлъ и зарыдалъ.

Тутъ Ефросинья Михайловна за него вступилась и говоритъ сестрѣ:

— Какъ ты себѣ хочешь, Маргаритенька, а что же это такое въ самомъ дѣлѣ, что отъ Клавдюши уже всѣ плачутъ; теперь и мнѣ въ твоемъ домѣ жутко, хоть со двора бѣги.

Тогда и Маргарита согласилась и ко мнѣ обращается:

— Съѣзди, говоритъ, пожалуйста, Мартыновна, и пригласи.

Я отвѣчаю:

— И давно бы такъ: благо теперь такой выдающійся случай, что окончательно всѣ принадлежности можно спутать, такъ что изъ нихъ никто и не разберетъ, для кого дѣлается: Николай Ивановичъ будетъ думать, что это для Клавдиньки, а Клавдинька пусть думаетъ, что для Николая Ивановича.

И Маргарита и Ефросинья меня расцѣловали.

— Ты, говорятъ, у насъ умница, прокатись, милая, и все какъ должно обдѣлай, чтобы мнѣ безъ хлопотъ, только деньги выдать.

— Извольте, но только напишите привѣтственное письмо отъ себя и отъ Николая Ивановича, какъ отъ выдающагося члена фамиліи, чтобы мнѣ было съ чѣмъ пріѣхать приглашать. Безъ этого немыслимо.

Онѣ согласились, но только вышло затрудненіе, кто это письмо напишетъ, потому что старухи пишутъ куриляпкою и своего руки подчерка совѣстятся, а у меня *те*, *ша* и *ша*, *те* всегда въ одинъ видъ сливаются, и въ другой разъ смысла не выходитъ. Да и не

знаемъ, какъ ему надо подписывать: просто его высокопреподобію, или высоко-оберъ-преподобію.

Вздумали: позовемъ Клавдиньку,—она больше всѣхъ катехизись учила и должна всѣ формы духовнаго обращенія знать.

Но только попросили Клавдиньку, чтобы пришла изъ своей комнаты письмо написать, съ нею сейчасъ опять сразу же непріятность готова: пришла, сѣла и перо въ руки взяла, а какъ только узнала, къ кому,—опять перо положила и руку вытерла и встала.

Мать спрашиваетъ, что это значитъ, а она извиняется:

— Я, говоритъ, мама, не знаю, какъ къ этимъ господамъ писать принято, а потомъ мнѣ кажется, что если позволите сказать вамъ мое мнѣніе, то мнѣ кажется, зачѣмъ призывать лицо изъ такой отдаленности, а своихъ ближнихъ лицъ этого званія устранять. Вѣдь они всѣ одно и то же могутъ исполнить, зачѣмъ же обижать ближнихъ?

Старуха и задумалась.

Ну, я вижу, что это пойдетъ опять множественный разговоръ въ неопредѣленномъ наклоненіи, и скорѣй перебила.

— Оставьте, говорю, я слетаю въ мѣховой магазинъ на линію, тамъ всегда ожидацію сбиваютъ, и должны знать, какъ къ нему письма писать—и полетѣла.

Тамъ сразу написали, и я къ Николаю Ивановичу понеслась, чтобы онъ подписалъ.

— Вотъ хлопотунья вы!—протянула Аичка.

— Да, внутри себя съ иголкой... я ужъ всегда этакая развязная и живая. Но представь ты себѣ... я не знаю, ты вѣришь или не вѣришь въ искушенія?

— Какъ же, вѣрю, а въ другой разъ не вѣрю.

— Завсегда вѣрь; я всегда вѣрю, и они какъ нарочно бываютъ, когда человѣкъ къ вѣрѣ близится. Такъ и тутъ, вообрази, что случилось?..

Николая Ивановича я въ ихъ магазинѣ не застала. Приказчики говорятъ, что онъ опять въ угарѣ и пошелъ съ галантерейными голландцами въ „Паганистанъ“ завтракать и шары катать. Я въ „Паганистанъ“ и посылаю съ швейцаромъ письмо, чтобы Николай Ивановичъ подписалъ, а онъ уже всѣхъ голландцевъ разогналъ и одинъ сидитъ, черный кофе съ коньякомъ пьетъ и къ себѣ меня въ кабинетъ требуетъ. Я вхожу и вижу, что у него рожа бургонская, потому что онъ не только отъ вчерашняго еще не прохладился, а на старыя дрожжи еще много и новаго усер-

дія подбавилъ. Сталъ читать и ничего уже не разбираетъ. Держитъ листокъ и самъ спрашиваетъ меня:

— Про что это здѣсь настрочено это къ Корифеямъ посланіе, —я ничего не понимаю.

Я говорю:—Это въ вашемъ же желаніи, о выдающемся благочестіи, чтобы Клавдинькѣ дать полезную назидацію.

А онъ отвѣчаетъ:—По мнѣ теперь все равно, если Аріи плюхи не дано, такъ не надо никому и назидаціи.

А я и ухватилась за это.

— Вотъ, говорю, мы въ этомъ же и сдѣлали политическій „компотъ", чтобы ее нашу ученую и упровергнемъ и покажемъ ей плюху во всю щеку румянца. Такъ и такъ: я вотъ кого на нее привезть хочу и только за вами дѣло стало, чтобы вы письмо подписали и встрѣтить поѣхали. Вамъ это не трудно будетъ надѣть на себя на одинъ часъ свои принадлежности.

— Нѣтъ, говоритъ, теперь такой постановъ вопроса, что я въ выдающемся родѣ разстроенъ, у меня въ подземельномъ банкѣ самыя вредныя послѣдственныя дѣла вскрываются, и если еще узнаютъ ко всему этому, что я особенное благочестіе призываю, то непремѣнно подумаютъ, что я совсѣмъ прогорѣлъ, и это мнѣ всего хуже. А вашъ женскій политическій компотъ я и знать не хочу, а поѣду, все остальное промотаю и на сестру векселей напишу.

Я вижу, что онъ въ такомъ безразсудкѣ, и домой его зову, но онъ и слышать не хочетъ.

— Да ты, говоритъ, что это... давно что ли на домашняго адвоката экзаменъ сдала? такъ я тебя сейчасъ же или по домашнему побью, или такой постановъ вопроса сдѣлаю, что позову изъ общей залы политическаго аргента и тебя за компотъ подъ надзоръ отдамъ. А если хочешь всего этого избавиться, то отправимся со мною вмѣстѣ, заѣдемъ въ родительный домъ.

— Зачѣмъ, говорю, батюшка, зачѣмъ въ родительный домъ?

— Мы тамъ захватимъ съ собою одну знакомую дежурную акушерку Марью Амуровну.

— Да что ты, осатанѣлъ, что-ли! мнѣ не нужно дежурную акушерку.

Но онъ вѣдь такой неотстойчивый, что какъ прицѣпится, то точно піявокъ или банная листа. Къ чему онъ затѣялъ эту акушерку, и пошелъ ее выхвалять такъ, что я даже понять не могу, на какомъ она иждивеніи.

— Марья Амуровна, говоритъ, въ акушеркахъ состоитъ только для принадлежности званія, а она живетъ въ свое удовольствіе:

поѣдемъ съ ней въ отель Лангетеръ и будемъ безъ всего дурного „антруи“ клюко пить, и она будетъ одна танцовать.

— Такъ зачѣмъ же, говорю, „антруи“ ѣхать? Я не хочу, вдвоемъ поѣзжайте.

— Нѣтъ, говоритъ, теперь къ женскому полу кто вдвоемъ ѣздитъ гоненіе; Марьѣ Амуровнѣ могутъ быть непріятности, а ты будешь при насъ въ родѣ родственной дамы за ширмой торчать. Я тебѣ за это на караганчатомъ мѣху тальму дамъ.

И какъ пристalъ, какъ уперся: ѣдемъ и ѣдемъ антруи, такъ и не отпалъ какъ піявокъ, и я должна была ѣхать, и все его безобразіе видѣла; до самаго до утра они короводились, а я за ширмой спала, пока акушерка дальше и больше начала съ нимъ спорить, и онъ съ нею поссорился, и она одна уѣхала. Тогда я насилу могла уговорить его выйти и въ карету сѣсть. Но и то дорогой все назадъ рвется, — говоритъ:

— Мнѣ еще рано, вѣдь я полунощникъ.

Я говорю: — Какая же теперь полнощь! Посмотри на часы-то, ужъ утро!

А онъ отвѣчаетъ: — Эти часы невѣрно стрѣлку показываютъ, а я по тому сужу, что фиміазмы слышу; это значитъ ночные фортепьянщики съ ящиками ѣдутъ, — стало быть до утра еще далеко.

И вдругъ ему показалось, будто ему въ „Лангетерѣ“ чужую шляпу надѣли. Никакъ его не могу переспорить, что на немъ его собственная шляпа, которая и была.

— Нѣтъ, говоритъ, я отлично помню, что у меня былъ надѣтъ круглый цилиндръ, а зачѣмъ теперь на мнѣ плоскій цимерманъ? Это можетъ быть какой-нибудь вашъ политическій компотъ дѣйствуетъ, а съ меня такъ монументальную фотографію снимутъ, и я потомъ долженъ буду за тебя или еще за какую-нибудь другую фибзу отвѣчать и послѣдую въ отдаленныя мѣста, даже и самимъ ангеламъ невѣдимыя... Нѣтъ, ты меня въ компотъ не запутаешь. Я тебѣ самъ политическій процессъ сдѣлаю и буду кричать: „Спаси Господи“...

И началъ городового звать.

Чтобы его утихомирить, я уже говорю ему: чортъ съ тобою совсѣмъ, возвращайся въ „Лангетеръ“, я на всѣ ваши виды согласна.

Онъ и успокоился.

— Хорошо, говоритъ, вотъ это я люблю. Мы теперь и не будемъ возвращаться, а поѣдемъ съ тобою на танцовальный вечеръ. Этихъ хозяевъ осуждаютъ, для чего къ нимъ честныя дамы не ѣздятъ, — ну, вотъ я къ нимъ тебя и привезу вмѣсто честной дамы.

Тамъ до поздняго утра безобразить можно... Но только смотри—дома объ этомъ типунъ... ни слова!

— Да ужъ, разумѣется, говорю, типунъ. Что мнѣ за радость про свой срамъ-то разсказывать, куда ты меня, несчастную, возишь.

А онъ ласковый сдѣлался и говоритъ:

— А ты, если хочешь покойно быть,—не думай ничего дурного: это мѣсто общественное, тутъ разная публика, и при ней популярные совѣтники и интригантусы; но мы здѣсь какъ въ своей собственной компаніи всю анкогниту видимъ и называемъ себя „дружки“. „Три мускатера: Тупасъ, Тушасъ и Тулясъ“, а я у нихъ командиръ. Тупасъ—это веселый голанецъ; а Тушасъ химикомъ съ завода считается, но онъ не химикъ, а вотъ именно самый популярный совѣтникъ, онъ присовѣтуетъ; а Тулясъ—интригантусъ, онъ всѣхъ и спутаетъ. Ему стоитъ чью-нибудь карточку показать—и все сдѣлаютъ, познакомится, спутаетъ и въ руки доставитъ.

— Господи! да это насчетъ чего же?

— А онъ отвѣчаетъ: насчетъ чего хочешь и не хочешь.

— Жалованье большое вамъ идетъ?

— Аргенту, говоритъ, и интригантусу идетъ, а я по благородному желанію поступилъ, а теперь назадъ невозможно.

Публика же въ этомъ въ ихъ обществѣ все оказались будто только одни кукоты да кукотки, и кукоты всѣ неглиже какъ попало, а кукотки однѣ разодѣты въ шелковье, а нѣкоторыя скромно, будто въ траурѣ, и всѣ подходятъ къ Николаю Ивановичу какъ знакомыя, и кричатъ: „Командиръ“, „Командиръ“, и меня нисколько не конфузятся, а руки подаютъ и зовутъ вѣжливо: „метеву-плясъ“, то-есть значитъ: садитесь на мѣсто. А ему,—вообрази какъ только онъ увидалъ аргента и интригантуса,—опять постановъ вопроса о компотѣ въ голову лѣзетъ и онъ мнѣ шепчетъ на ухо:

— Ты, пожалуйста, пей и не отказывайся, а то у меня этотъ интригантусъ теперь передъ глазами вертится и если я на тебя разсержусь, то я ему могу про компотъ разсказать, а онъ послѣ, пожалуй, и меня самого запутаетъ.

Я ни жива, ни мертва. Думаю: пьяный все сказать можетъ,—но пью по-неволѣ и не знаю, чѣмъ дѣло кончится. А компанія у нихъ ужаснѣйшая: голанецъ этотъ, какъ арбузъ комышенскій, а аргентъ и интригантусъ сами небольшіе, но съ страшными усами, а Николаю Ивановичу и этихъ всѣхъ еще мало и онъ набираетъ еще въ компанію кого попадя и мнѣ рекомендуетъ: „этотъ актеръ—я его, говоритъ, люблю: онъ при столахъ всѣхъ смѣ-

шить можетъ". И цѣлуетъ его: „Пей, мамочка!" — „Этотъ сочинитель: онъ мнѣ къ именинамъ нѣжную эпитафію напишетъ". „Этотъ—художникъ: онъ мнѣ планъ садовой керамиды Крутильдѣ на дачу сдѣлаетъ, а этотъ въ оперѣ генералъ-басъ, лучше Петрова пѣть можетъ"... А потомъ на минуту мужчинъ броситъ и къ траурнымъ кукоткамъ по-французски... да все плохо у него выходитъ,—все вставляетъ: „команъ-диръ", да „команъ-диръ", а тѣ ему—„тре шепете", да „тре журавле",—и вѣерами его хлопаютъ, а онъ тыръ-тыръ-тыръ, и пермете муа сортиръ, и заикнется, и спятится. И опять скорѣй по-русски чего-нибудь требуетъ: все ему подавайте, что̀ нужно и что̀ никому не нужно, а француженки только „пасе" да „перепасе", не столько ѣдятъ сколько ковыряютъ, а фиціанты все еще тащутъ и расковыренное назадъ уносятъ, а за буфетомъ втройнѣ счетъ приписываютъ, а онъ знай командуетъ: „клюко, корнишонъ, брадолѣсъ, цыгаръ такихъ, да цыгаръ этакихъ!" И все „пасе" да „перепасе", и отъ ѣды отпали, а только пьютъ, чокаются и заспорили про театральныхъ.

Актеръ сталъ генералъ-баса упровергать и говоритъ, что противъ Петрова ему никогда не спѣть, и такую Ругнѣду развели, что всѣ кукотки ушли, а маскатеры ужъ одинъ другого крошатъ какъ попало и все ни во что не считаютъ. Кто-то кричитъ уже, что про Петрова совсѣмъ и вспоминать не стоитъ. А другой перекрикиваетъ: „я Тумберлика всѣмъ предпочитаю". А третій: „я Кальцонари и Бозю слушалъ"... „А я помню еще какъ Бурбо выходила въ „Трубедурѣ", а Лавровская въ „Волшебномъ Стрѣльцѣ". Тутъ кто-то про Лавровскую сказалъ: „А зачѣмъ она когда поетъ, то глазами моргаетъ?" А Николай Ивановичъ за нее заступился и закричалъ, что онъ всѣхъ выше одну Лавровскую обожаетъ, и сталъ ее представлять: заморгалъ вѣками и запѣлъ женскимъ голосомъ:

„Мѣдный конь въ полѣ палъ
Я пѣшкомъ прибѣжалъ".

А одному военному это не понравилось и онъ говоритъ:
— Лучше нашу кавказскую полковую,—и завелъ:

„Въ долинѣ Драгестанна
Съ винцомъ въ груди
Заснулъ отрадно я".

А другіе раздѣлились и хватили подтягивать кто кому попало, и завели такую кутиню, что стало невозможности, и вдобавокъ вдругъ у Николая Ивановича съ оффиціантами возъярился споръ изъ-за цыгаръ и дѣло до страшнаго рубкопашнаго боя угрожается.

Онъ спрашивалъ какое-то „Буэно-Густо“, и палили, а когда ящикъ потребовалъ, то оказалась надпись „Гуэно-Бусто“, или будь оно пусто, а Николай Ивановичъ взялъ всѣ цыгары разломалъ и расшвырялъ и ногами притопалъ. Это ужъ такой обыкновенный конецъ его поведенія, чтобы сдѣлать рубкопашную.

Тогда сейчасъ, чтобы этого не допустить, явился нѣмецъ или еврей изъ-за буфета и начинаетъ его стыдить по-французски, а онъ, когда до денегъ дошло, уже не хочетъ затруднять себя по-французски, а высунулъ впередъ кукишъ и по-нѣмецки спрашиваетъ:

— Это хабензи гевидѣлъ?

— То-есть, значитъ, вы не хотите платить?

— Нѣтъ,—говоритъ:—подавай мнѣ счетъ!

А когда подали счетъ, такъ онъ не принимаетъ: тутъ, говоритъ, все присчитано.

Провѣряетъ:—Что это писано: „салатъ съ агмарами“—я это не требовалъ... „Огурцы капишоны“—не было ихъ.

Еврей ему ужъ по-русски говоритъ:

— Помилуйте, какъ же не было! Вѣдь этакъ можно сказать, что и ничего не было подано.

— Нѣтъ, говоритъ, этакъ со мной не разговаривать! Я что видѣлъ на столѣ, за то плачу. Вотъ я вижу, что на столѣ лежитъ рыба-фишъ и изволь бери за нее шишъ, я за нее плачу, а супъ братаньеръ здѣсь не былъ и ты его приписалъ, и я не плачу.

— Да какой супъ братаньеръ?.. про него и не писано.

— Ну, все равно, ты другое приписалъ.—И такъ заспорилъ, что хочешь съ нимъ дѣлай, онъ ни гроша не платитъ.

Я говорю этому хозяину:

— Сдѣлайте милость, теперь его оставьте... вѣдь это онъ только теперь этакъ... а завтра пришлите ему счетъ... онъ вообще господинъ очень хорошій.

А еврей отвѣчаетъ:

— Мы знаемъ, что онъ вообще господинъ очень хорошій, но только зачѣмъ онъ такой дурной платитъ!

Однако выпустили. Думаю, наконецъ, съ миромъ изыдемъ, анъ нѣтъ: въ швейцарской захотѣлъ было что-то дать швейцару изъ мелочи и заспорилъ:

— Не мои калоши, говоритъ, мнѣ подалъ: мои были на пятакахъ съ набалдашниками!

Шумѣлъ, шумѣлъ и всю мелочь опять назадъ въ карманъ сунулъ и ничего не далъ, и уѣхалъ.

На воздухѣ дремать сталъ и въ просоньяхъ все крестится и твердитъ: „сан-петь, сан-петь“.

Я его все потрогиваю—какъ бы онъ не умеръ—и онъ и очнулся.

— Я, говорю, испугалась, чтобы ты не умеръ.

— И я, говоритъ, испугался: мнѣ показалось, что у меня тузъ и дама самъ-пикъ и король самъ-бубенъ...

„Эге! думаю, батюшка: вонъ ты ужъ какъ залепеталъ!“

— Высуньтесь, говорю, вы, Николай Ивановичъ, въ окошко—вамъ свѣжесть воздуха пойдетъ.

Онъ высунулся и подышалъ, и говоритъ:

— Да, теперь хорошо... теперь, уже нѣтъ фиміазмы. Значитъ, всѣ фортепьянщики проѣхали... и вонъ мелочныя лавочки ужъ открываютъ. Утро, благослови Господи! Теперь постановъ вопроса такой, что ты вылѣзай вонъ и ступай домой, а я одинъ за заставу въ простой трактиръ чай пить поѣду.

Я говорю:—отчего же не дома пить чай?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчаетъ: что ты за домашній адвокатъ, я за заставу хочу и буду тамъ ждать профессора: я съ нимъ теперь объ Аріи совсѣмъ другой постановъ вопроса сдѣлаю.

— А какъ же, говорю, письмо подписать?

А онъ меня къ чорту.

Я даже заплакала, потому что какъ же быть? Все, что я претерпѣла, значитъ, хинью пошло. Начинаю его упрашивать, даже руку поцѣловала, а онъ хоть бы что!

— Не задерживай, говоритъ, вотъ тебѣ рубль, иди въ мелочную лавку, пускай за меня лавочникъ подпишетъ: они это дѣйствуютъ.—А самъ меня вонъ изъ кареты пихаетъ.

Я и высѣла и вошла въ лавочку, лавочникъ крестится, говоритъ: „первая покупальщица“, а подписать за Николая Ивановича не согласился. Говоритъ: „Это дѣло самое пустое, но мы нынче такъ полиціи опасаемся, что и чернилъ даже въ лавкѣ не держимъ“. На мое счастье тутъ читальщикъ взбѣжалъ, послѣ квасу захотѣлъ напиться, и онъ мнѣ совѣтъ далъ въ церковь вскочить къ вынимальщику, который просвиры подписываетъ. Тотъ, говоритъ, подпишетъ. Онъ и подписалъ, да на что-то глупецъ, ненужныя слова прибавилъ: „Николай Степеновъ *и всѣхъ сродниковъ ихъ*“.

Я этого тогда, спасибо, и не досмотрѣла.

Довольно съ меня, намучилась, сунула письмо за лифъ и домой пришла и все поведенье его степенства сестрамъ разсказала, начиная съ Марьи Амуровны, но подъ клятвою, и говорю:

— Теперь сами думайте, что̀ съ нимъ дѣлать.

Маргарита Михайловна, однако, еще и тутъ не рѣшалась,— все держалась наклоненія неопредѣленнаго, думала, что для нея довольно того будетъ, если она у него довѣренность назадъ отберетъ. „Но впрочемъ, прибавила, если Клавдинька не откажется отъ своей жизни и простоты и чтобы за реформатора замужъ идти, то я согласна: поѣзжайте и просите“.

Позвали Клавдиньку.

— Клавдія! можетъ быть, ты ночью обдумалась и не будешь стоять на томъ, что тебѣ Ферштетовъ братъ по мыслямъ, тогда скажи, мы Марью Мартыновну и не пошлемъ.

А та со всегдашнею своею ласковостью отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, мамочка, я не могу это отдумать: онъ честный и добрый человѣкъ, и я его потому люблю, что могу съ нимъ согласно къ одной цѣли жизни идти.

— Какая же это цѣль жизни вашей: чтобы не столько о себѣ, какъ о другихъ заботиться?

— Да, мама, чтобы заботиться не только о самихъ себѣ, но и о другихъ.

— Это значитъ чужія крыши крыть.

Тогда Маргарита Михайловна обратилась ко мнѣ и говоритъ:

— Въ такомъ разѣ, Марья Мартыновна, поѣзжайте.

Тутъ я въ первый разъ видѣла, какъ Клавдинька себѣ измѣнила.

Скрытница, скрытница, а однако покраснѣла и твердо заговорила:

— Мама! Если вы эту непонятную посылку дѣлаете для меня, то увѣряю васъ... это ни къ чему не поведетъ.

— Ничего, ничего! Пусть это будетъ.

— Да вѣдь, родная, изъ этого ровно ничего не выйдетъ!

— Ну, это мы еще увидимъ. У людей польза была, и намъ поможетъ. Поѣзжайте, Марья Мартыновна.

Клавдинька еще просить стала, чтобы оставить, но мать отвѣтила:

— Наконецъ, что тебѣ за дѣло: я просто для себя желаю въ выдающемся родѣ молиться! Надѣюсь, я имѣю на это право?

— Ну, какъ вамъ угодно, мама! — отвѣтила Клавдинька и ушла къ себѣ своихъ лѣсныхъ чертей лѣпить, а я отправилась творить волю пославшаго и думала все здѣсь просто обхлопотать, вотъ какъ и ты теперь смѣло надѣешься.

— Да вы про меня не безпокойтесь,—отозвалась Аичка.— Я смѣла и знаю, почему я могу быть смѣла: я капиталу не

пожалѣю, такъ кого захочу, того къ себѣ въ первомъ классѣ въ купэ и выпишу.

— Ну, я не знаю, сколько ты намѣрена не пожалѣть, но однако и съ капиталомъ иногда шишъ съѣшь.

— Полноте, съ капиталомъ-то... всякому можно сказать: „хабензи гевидѣлъ".

— Нѣтъ, какъ ототрутъ, такъ и не „гевидишь".

— Какъ же это меня отъ собственнаго моего капитала ототрутъ?

— Да, да, да! такъ и я тогда поѣхала, такъ и мнѣ тогда все казалось очень легко.

— А отчего же тяжело-то сдѣлалось?

— Оттого, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ себѣ всего представить, что̀ можетъ быть при большой ожидаціи.

— Да вы это не закидывайте, чтобы услугу свою выставлять, а разсказывайте: что̀ же такое было съ вами самое выдающееся?

— „Хабензи" увидишь.

— Ну... послушайте... вы этакъ со мною не смѣйте... я это не люблю.

— А отчего же?

— А оттого же, что вы моихъ шутокъ не повторяйте, а разсказывайте мнѣ: какъ вы сюда пріѣхали и что̀ за этимъ начинается.

— Ну, начинаются басомпьеры.

— Вотъ и постойте: начинаются „басомпьеры" — что же это такое за басомпьеры?.. Вы, кажется, на меня дуетесь? такъ вы не дуйтесь и тоже и не говорите сердитымъ голосомъ: я вѣдь при своемъ капиталѣ ничего не боюсь, и я васъ не обидѣла, а баловать, кто у меня служитъ, я не люблю. Говорите же, что же это такое басомпьеры?

— Люди такъ называемые.

— Вотъ и разсказывайте.

Бѣдная Марья Мартыновна вздохнула и, затаивъ въ себѣ вздохъ на половину, продолжала повѣствованіе.

Н. Лѣсковъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

XIII *).

Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, получивъ мѣсто директора педагогическаго института, оставилъ въ концѣ 1846 года каѳедру московскаго университета и переселился въ Петербургъ. На его мѣсто былъ принятъ я въ качествѣ сторонняго преподавателя, потому что, не защитивъ магистерской диссертаціи, я не имѣлъ права быть адъюнктомъ. Такимъ образомъ—говорю это съ особенной гордостью—я былъ въ московскомъ университетѣ первымъ по времени приватъ-доцентомъ. Мнѣ дано было четыре лекціи въ недѣлю: двѣ на первомъ курсѣ математическаго факультета по теоріи словесности и двѣ на второмъ курсѣ филологическаго факультета по сравнительной грамматикѣ и исторіи церковно-славянскаго и русскаго языка.

При самомъ вступленіи моемъ на каѳедру, профессора были въ необычайномъ волненіи по случаю одной семейной ссоры, въ сущности самой пустой, и я, конечно, не упомянулъ бы вамъ о ней въ своихъ воспоминаніяхъ, еслибы она не грозила нашему университету вредомъ, отнимая у него двухъ самыхъ даровитыхъ и самыхъ полезныхъ профессоровъ, Крылова и Грановскаго. Рѣдкинъ, Кавелинъ, Грановскій и не помню еще кто-то—подали просьбу объ отставкѣ, потому что не хотѣли служить вмѣстѣ съ Крыловымъ; если же онъ самъ выйдетъ изъ университета, то они останутся. Все это произошло, когда графъ Строгановъ обозрѣвалъ свои пермскія владѣнія. Возвратившись въ Москву, он порѣшилъ во что бы то ни стало для блага студентовъ удержат

*) См. выше: октябрь, 612 стр.

въ университетѣ и Крылова, и Грановскаго, которыхъ одинаково очень любилъ и одинаково цѣнилъ, для пользы и процвѣтанія наукъ въ московскомъ университетѣ. Пусть другіе выходятъ въ отставку, а Грановскаго онъ не выпуститъ изъ рукъ, и далъ ему отпускъ на неопредѣленный срокъ, хоть на цѣлые года, пока не образумится. Рѣдкинъ и Кавелинъ переселились въ Петербургъ, а Грановскій съ небольшимъ черезъ годъ опять сталъ восхищать своими лекціями московскихъ студентовъ и публику.

Когда оглянусь далеко назадъ, это событіе, очень важное тогда въ интересахъ профессорской корпораціи, сокращается теперь въ моихъ глазахъ до мелкой семейной интриги передъ тою великою бѣдою, которая вслѣдъ затѣмъ постигла московскій университетъ. Самъ попечитель его, графъ Строгановъ, принужденъ былъ выйти въ отставку. Вотъ какъ это случилось.

Издавна былъ онъ въ непримиримой враждѣ съ графомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Уваровымъ, и если могъ дѣйствовать въ управленіи университетомъ и учебнымъ округомъ вполнѣ самостоятельно и независимо отъ его министерскихъ предписаній, то лишь благодаря милостивому расположенію, которымъ всегда пользовался со стороны императора Николая Павловича, и всякій разъ сносился съ нимъ лично, когда не соглашался съ распоряженіями министра народнаго просвѣщенія. Изъ приведеннаго выше письма его ко мнѣ вы могли уже замѣтить, какъ онъ относился къ нему и къ его льстецамъ.

Въ 1847 году графъ Уваровъ предпринялъ дать нашимъ университетамъ новый уставъ и проектъ этого устава разослалъ ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ въ конфиденціальныхъ циркулярахъ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ не согласился ни съ однимъ изъ главныхъ положеній новаго устава и свое мнѣніе обстоятельно изложилъ въ письмѣ къ государю. По обычаю давать мнѣ на просмотръ все болѣе значительное, что писалъ онъ на русскомъ языкѣ, съ тѣмъ, чтобы я исправилъ вкравшіеся галлицизмы, онъ сообщилъ мнѣ и это письмо къ государю, а для ясности дѣла приложилъ въ краткой запискѣ главное положеніе устава. По счастію, она сохранилась въ моихъ бумагахъ. Привожу ее вамъ слово въ слово:

„Министръ народнаго просвѣщенія предложилъ мнѣ передать на разсужденіе совѣта проектъ, составленный въ слѣдующемъ смыслѣ:

„1) Уничтожить переводные въ университетахъ экзамены и репетиціи.

„2) Принимать окончившихъ ученіе во всѣхъ гимназіяхъ безъ экзамена.

„3) Разбить курсы по семестрамъ.

„4) Предоставить выборъ курсовъ на произволъ желающимъ.

„5) Принимать въ университетъ два раза въ годъ.

„Находя, по моему разумѣнію, эти положенія разрушительными для настоящаго состоянія вещей, я рѣшаюсь писать государю. Прилагаю вамъ при семъ черновую сейчасъ оконченную бумагу, прося прочесть и сказать мнѣ мнѣніе ваше и указать на шероховатость слога. По окончаніи прошу васъ покорно зайти ко мнѣ.

Гр. Строгановъ."

Такимъ образомъ, новый уставъ провалился. Нестерпимая обида, нанесенная его составителю, вызывала на отмщеніе. Оно не замедлило.

При московскомъ университетѣ, какъ извѣстно, состоитъ Общество исторіи и древностей россійскихъ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ былъ его предсѣдателемъ, а профессоръ Осипъ Максимовичъ Бодянскій — секретаремъ и издателемъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій членовъ Общества и постороннихъ спеціалистовъ. Въ одной изъ книгъ этого періодическаго изданія, называвшагося, какъ и теперь, „Чтеніями Общества исторіи и древностей россійскихъ", было напечатано въ переводѣ извѣстное сочиненіе Флетчера о Россіи въ царствованіе Іоанна Грознаго. Иностранный путешественникъ въ рѣзкихъ очеркахъ и въ яркомъ колоритѣ представляетъ мрачную картину государственной, сословной и семейной жизни нашего отечества тѣхъ далекихъ временъ. Министръ народнаго просвѣщенія воспользовался благопріятнымъ случаемъ и въ донесеніи государю императору изложилъ свое мнѣніе о зловредности распространять въ публикѣ сочиненія такого содержанія, какъ повѣствованіе Флетчера о Россіи, и при томъ изданное не частнымъ лицомъ, а отъ оффиціальнаго общества, состоящаго при императорскомъ университетѣ. Донесеніе воспріемлѣло полный успѣхъ. По высочайшему повелѣнію данъ былъ графу выговоръ, а Бодянскій наказанъ перемѣщеніемъ изъ московскаго университета въ казанскій.

Получивъ выговоръ, графъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и, возбудивъ этимъ поступкомъ неудовольствіе государя Николая Павловича, съ тѣхъ поръ и до конца его царствованія оставался у него въ опалѣ, продолжалъ жить въ Москвѣ и рѣдко посѣщалъ Петербургъ, и то лишь по своимъ частнымъ дѣламъ.

Придворныя особы и высокопоставленные государственные люди, дорожившіе его знакомствомъ, когда онъ былъ у государя императора въ силѣ, теперь отшатнулись отъ него, опасаясь сближеніемъ съ нимъ бросить на себя тѣнь подозрѣнія. Такое же опасеніе распространилось и въ Москвѣ между бывшими его подчиненными, а также и между административными лицами, которыя послѣ него управляли московскимъ учебнымъ округомъ. Утренніе пріемы прекратились и кабинетъ его опустѣлъ; рѣдко, рѣдко кто являлся къ нему изъ тѣхъ немногихъ, которые дѣйствительно почитали и любили его, а не униженно преклонялись, заискивая его милостей.

Бодянскій, по предписанію министра народнаго просвѣщенія, долженъ былъ помѣняться своею каѳедрою славянскихъ нарѣчій съ Викторомъ Ивановичемъ Григоровичемъ, который читалъ тотъ же предметъ въ казанскомъ университетѣ, но ѣхать въ Казань на-отрѣзъ отказался и, прекративъ лекціи, преспокойно продолжалъ жить въ Москвѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Между тѣмъ Григоровичъ, безпрекословно повинуясь волѣ высшаго начальства, явился въ Москву, но, чувствуя себя въ самомъ ложномъ положеніи неповиннаго орудія, которымъ каратъ его товарища по каѳедрѣ, не осмѣливался начинать свои лекціи. Такъ тянулась эта безсмысленная процедура около двухъ лѣтъ. Бодянскій какими-то судьбами взялъ свое и воротился на покинутую имъ каѳедру московскаго университета, а Григоровичъ уѣхалъ въ Казань. Тѣмъ дѣло и покончилось. Высочайшее повелѣніе было приведено въ дѣйствіе только на половину.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ Викторъ Ивановичъ находился въ самомъ удрученномъ расположеніи духа. И безъ того онъ былъ застѣнчивъ и робокъ, благодушенъ и деликатенъ, а теперь, будучи замѣшанъ въ неблаговидной интригѣ у всѣхъ на виду, онъ совѣстился показаться въ люди и упорно избѣгалъ всякихъ знакомствъ. Единственный человѣкъ, съ которымъ онъ тогда сблизился и даже подружился, былъ я. Въ моемъ кабинетѣ онъ находилъ себѣ самый радушный пріемъ и въ откровенной бесѣдѣ со мною отводилъ душу отъ угнетавшей его тоски.

Теперь обращаюсь къ моему доцентству. Въ лекціяхъ сравнительной грамматики по Боппу и Вильгельму Гумбольдту я ограничился только общими положеніями и главнѣйшими результатами въ той мѣрѣ, сколько было мнѣ нужно, чтобы опредѣлить отличительныя черты группы славянскихъ нарѣчій и указать имъ надлежащее мѣсто въ средѣ другихъ индо-европейскихъ языковъ.

Исторію русскаго языка я велъ въ связи съ церковно-сла-

вянскимъ и на первый разъ остановился на Остромировомъ евангеліи. Меня особенно интересовалъ тогда вопросъ о первобытныхъ и свѣжихъ формахъ языка, еще не тронутыхъ и не переработанныхъ на новый ладъ искусственными ухищреніями переводчиковъ священнаго писанія. Для этой цѣли мнѣ были нужны не сухія, безсодержательныя окончанія склоненій и спряженій, а самыя слова, какъ выраженія впечатлѣній, понятій и всего міросозерцанія народа въ неразрывной связи съ его религіею и съ условіями быта семейнаго и гражданскаго. Такимъ образомъ я раздѣлилъ свой курсъ исторіи языка на два періода: на языческій съ миѳологіею и на христіанскій. Извлеченія изъ этихъ лекцій я напечаталъ въ 1848 году въ видѣ магистерской диссертаціи подъ заглавіемъ: „О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. По Остромирову евангелію".

Вотъ нѣсколько главныхъ положеній изъ этой диссертаціи.

Исторія языка стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ преданіями и вѣрованіями народа. Древнѣйшія эпическія формы ведутъ свое происхожденіе отъ образованія самаго языка. Родство языковъ индо-европейской отрасли сопровождается согласіемъ преданій и повѣрій, сохранившихся въ этихъ языкахъ.

Славянскій языкъ задолго до Кирилла и Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей. Славянскій переводъ евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшею вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній до-христіанскій бытъ. Готскій переводъ библіи, сдѣланный Ульфилою въ IV вѣкѣ, напротивъ того, являетъ едва замѣтный переходъ отъ выраженій миѳологическихъ къ христіанскимъ и составляетъ любопытный фактъ въ исторіи языка, сохраняя въ себѣ преданія языческія для выраженія христіанскихъ идей. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ св. писанія извлекли славянъ изъ тѣсныхъ, домашнихъ отношеній, отразившись въ языкѣ сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ св. писанія, какъ слѣдствіе яснаго разумѣнія христіанскихъ идей, очищенныхъ отъ преданій до-христіанскихъ усилилась грецизмами, которыхъ, сравнительно съ славянскимъ текстомъ, находимъ гораздо менѣе въ готскомъ. По языку перевода св. писанія можно себѣ составить нѣкоторое понятіе о характерѣ переводчиковъ и того народа, въ которомъ произошелъ переводъ св. писанія.

Чтобы познакомить васъ съ нѣкоторыми подробностями моего диспута, сообщаю вамъ слѣдующее мое письмо къ Александру Николаевичу Попову въ Петербургъ, доставленное мнѣ издателемъ „Русскаго Архива“ Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ:

„Любезнѣйшій Александръ Николаевичъ. Наконецъ диссертація моя прошла сквозь огонь и воду, т.-е. напечатана и защищена. Диспутъ былъ 3-го іюня, въ четвергъ; спорили долго, отъ 12 почти до 4 часовъ. Возражали Шевыревъ, Бодянскій, Катковъ, Леонтьевъ и Хомяковъ [1]). Шевыревъ хотѣлъ, чтобы я раздѣлилъ миѳологическій періодъ языка на четыре, а потомъ и на пять отдѣловъ; въ словѣ *колыма-га*, *колыма*—опредѣлилъ двойственнымъ числомъ (отъ формы *коло*)—колесо; въ выраженіи русскихъ пѣсенъ: „*спѣла* тетивка“, по академическому словарю, видѣлъ *готовую*, *быструю* тетиву, тогда какъ по моему она *поетъ*: выраженіе, не чуждое Гомеру и вообще языку эпическому; нападалъ на меня за то, будто я вижу въ нашей поэзіи вліяніе скандинавское, но я ему доказалъ, что это ему померещилось, потому что сближать то, что̀ само собою сближается, еще не значитъ выводить одно изъ другого. Бодянскій прицѣплялся къ каждому словопроизводству, но только дополнялъ меня, а не опровергалъ. Въ заключеніе своихъ возраженій Бодянскій сдѣлалъ мнѣ комплиментъ, котораго я столько же не ожидалъ, какъ вѣроятно и вы: мои-де изслѣдованія особенно его радуютъ тѣмъ, что я безпристрастно отдаю каждому языку свое, и славянскому, и нѣмецкому, и проч.; потомъ коснулся-было моего 5-го тезиса объ изученіи славянскихъ преданій въ связи съ нѣмецкими, но я его успокоилъ, объяснивъ, какъ это я разумѣю, и онъ опять согласился. Катковъ нападалъ на меня за соединеніе интересовъ лингвистическихъ съ историческими, такъ что не видно, кто въ моей диссертаціи—какъ онъ выразился—„хозяинъ“, лингвистъ или историкъ: хозяиномъ диссертаціи назвалъ я самого себя. Нападалъ на недостатокъ системы; я оправдался тѣмъ, что̀ выразилъ уже въ своемъ предисловіи. Леонтьевъ коснулся моего понятія о чистотѣ славянскаго перевода св. писанія, а потомъ отстаивалъ мнѣнія Копитара о паннонизмахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Хомяковъ началъ свои возраженія общимъ замѣчаніемъ: что теперь на нѣкоторое время наука въ Европѣ остановилась въ своемъ развитіи, и намъ русскимъ, только однимъ, предстоитъ обработывать ее, а потому моя дис-

[1]) Алексѣй Степановичъ, извѣстный славянофилъ, о которомъ я уже говорилъ вамъ

сертація для него пріятное явленіе. Затѣмъ нападалъ на меня за излишнюю осторожность въ сличеніи языка славянскаго съ санскритскимъ и приводилъ примѣры: изъ его словъ я вывелъ, что онъ считаетъ санскритъ мѣстнымъ нарѣчіемъ языка русскаго. Наконецъ, Шевыревъ сдѣлалъ общее заключеніе обо всемъ диспутѣ и заявилъ, что были нападенія частныя, болѣе обращенныя на періодъ миѳологическій, но собственно мой предметъ о вліяніи христіанства на славянскій языкъ остался за мною, и я сидѣлъ въ своей крѣпости, какъ онъ выразился, непобѣдимъ.

„Не боялся я вамъ наскучить описаніемъ своего диспута по увѣренности, что васъ интересуетъ все, совершающееся въ нашемъ университетѣ.

„2-й курсъ словеснаго отдѣленія отвѣчалъ у меня на экзаменѣ изъ языковѣденія прекрасно, что доставляло мнѣ истинное удовольствіе. Хотя я до сихъ поръ въ университетѣ въ самомъ, что называется, *ложномъ* [1]) положеніи, но совѣсть покойна: постановилъ въ отдѣленіи новую науку и зарекомендовалъ ее передъ начальствомъ и передъ студентами. Шевыревъ послѣ экзамена сказалъ, что видно, что студенты мой предметъ полюбили и занимались имъ съ увлеченіемъ. И я совершенно мирюсь, что полтора года служу въ университетѣ безъ жалованья и безъ чиновъ".

Я былъ кругомъ виноватъ передъ своимъ наставникомъ Иваномъ Ивановичемъ Давыдовымъ въ дерзкихъ выходкахъ, которыя себѣ позволилъ въ критикѣ на его статью о мѣстоименіяхъ. Теперь, чтобы очистить совѣсть, я послалъ ему въ Петербургъ свою диссертацію при письмѣ, въ которомъ искренно прошу извинить меня за нанесенное ему мною оскорбленіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаю вамъ его отвѣтъ въ письмѣ отъ 9-го іюня 1848 года.

„Приношу вамъ душевную благодарность за присылку мнѣ прекраснаго вашего разсужденія: о вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Я думаю, на книгу вашу такъ много сдѣлано возраженій во время диспута, что вамъ скучно бы было возобновлять подобныя пренія въ письмѣ. Возраженія же вызываются и по новости, и по важности предмета. Сближеніе индо-европейскихъ языковъ съ санскритскимъ нынѣ стало общимъ мѣстомъ университетскихъ, даже гимназическихъ преподавателей филологіи, но вамъ принадлежитъ честь совершенно новаго дѣла—сличенія

[1]) Такъ выразился я о своей доцентурѣ.

славянскаго перевода библіи съ готскимъ. Эта часть разсужденія весьма любопытна.

„Еще благодарю васъ за добрыя ваши чувствованія ко мнѣ, возбуждаемыя въ васъ, вѣроятно, воспоминаніями о студенческой вашей жизни въ университетѣ. Дѣйствительно, я съ радостью вижу въ ученыхъ трудахъ вашихъ то направленіе, какое я старался дать занятіямъ вашимъ въ продолженіе курса. Тогда о Боппѣ, В. Гумбольдтѣ, Гриммѣ, только въ московскомъ университетѣ говорили на лекціяхъ, и именно на лекціяхъ русской словесности. Тутъ познакомились студенты и съ Добровскимъ, котораго славянская грамматика переведена по моему экземпляру. Правда, было время, когда вы не сознавали этого, но теперь, въ періодъ нравственнаго сознанія, вы не можете скрыть отъ самихъ себя того, что̀ извѣстно всѣмъ и каждому изъ вашихъ товарищей. Такова сила нравственнаго закона!

„Желаю вамъ новыхъ успѣховъ литературныхъ; съ истиннымъ уваженіемъ къ вашимъ достоинствамъ имѣю честь быть вашимъ почитателемъ.—Иванъ Давыдовъ“.

Итакъ, успѣшно защитивъ свою диссертацію, я пріобрѣлъ степень магистра и немедленно вслѣдъ затѣмъ получилъ штатное мѣсто адъюнкта по каѳедрѣ русской словесности.

XIV.

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ настало для западной Европы смутное время, грозившее сокрушить уже заранѣе поколебленныя основы всего государственнаго и общественнаго строя. Чтобы упредить и предотвратить вторженіе того же въ предѣлы нашего отечества и очистить умы отъ всякаго налетнаго повѣтрія, были приняты у насъ строжайшія мѣры. Я не буду говорить вамъ о нихъ ни вообще, въ цѣломъ ихъ объемѣ, ни о разныхъ подробностяхъ, а разскажу лишь то, что̀ видѣлъ своими глазами и что̀ самъ въ себѣ перечувствовалъ и перестрадалъ.

Въ первый разъ во всемъ могуществѣ предстала передо мною эта очистительная гроза въ живомъ олицетвореніи карающей власти, и, какъ нарочно, въ стѣнахъ нашего милаго университета. Однажды во время смѣны явился къ намъ въ профессорскую комнату генералъ-губернаторъ Закревскій съ своимъ адъютантомъ. Мы изумились такой небывальщинѣ и поразились ею. Что за притча? Времена были тяжкія; отовсюду жди бѣды. Закревскій что-то сказалъ инспектору. Инспекторъ направился къ стоявшему между

насъ профессору греческой литературы Гофману и пригласилъ его слѣдовать за генералъ-губернаторомъ, который желаетъ прослушать его лекцію. Когда они вышли за дверь, мы уже совсѣмъ потеряли голову: не то смѣяться, не то горевать. Гофманъ по-русски говорить не умѣлъ, а студентамъ читалъ по-латыни и переводилъ съ греческаго языка на латинскій. Что же будетъ слушать Закревскій на его лекціи, не понимая ни слова на этихъ языкахъ?

Вечеромъ я узналъ, что Гофманъ арестованъ, а черезъ день былъ высланъ подъ стражею за границу. Полицейскіе сыщики перехватили его письмо къ брату, который состоялъ тогда членомъ германскаго конгресса агитаторовъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Такимъ образомъ нашъ товарищъ былъ обвиненъ, какъ соумышленникъ западныхъ мятежниковъ.

Вслѣдъ за тѣмъ наши университеты подверглись великой опалѣ. Число студентовъ филологическаго, математическаго и юридическаго факультетовъ предписано было сократить до трехъ сотъ, а медицинскій—оставить на прежнемъ положеніи. Въ аудиторіяхъ появились двѣ новыя каѳедры какихъ-то военныхъ наукъ съ двумя полковниками; въ актовой залѣ принялись маршировать студенты по командѣ взятаго на прокатъ капитана. Я нарочно заходилъ туда посмотрѣть, какъ ихъ тамъ муштруютъ, растянувъ въ шеренгу по толстому канату, за который они должны держаться обѣими руками, когда маршируютъ. Такъ какъ университетъ получалъ нѣкоторымъ образомъ характеръ воинскій, то для поддержанія иллюзіи нашли вполнѣ пригоднымъ и самому зданію придать аттрибуты вооруженной крѣпости. Въ этихъ видахъ на выступахъ по обѣимъ сторонамъ широкой лѣстницы было поставлено по большущей пушкѣ. Я принадлежалъ, какъ вы сами видите, къ тогдашней образованной молодежи, къ ученымъ и литераторамъ изъ поколѣнія ровесниковъ царя-освободителя, государя императора Александра Николаевича. Всего четырьмя днями былъ я старше его. Мы всѣ возростали, формировались и преуспѣвали подъ давленіемъ внушительнаго страха, какъ начала всякой премудрости, подъ бдительною ферулой и съ вразумительной указкой въ рукахъ. Намъ говорили: меньше думай и больше слушайся того, кто тебя старше и потому умнѣе; не вѣрь всякой правдѣ, чтобы не нажить бѣды, потому что и сама правда бываетъ двоякая: злая—отъ наущенія дьявольскаго, и добрая, которой поучайся отъ тѣхъ, кому подобаетъ ее вѣдать; иной разъ и ложь не перечитъ правдѣ, даже ее замѣняетъ, когда, какъ говорится, бываетъ она во спасеніе. Однимъ словомъ, мы воспи-

тывались въ благонравіи по рецепту тогдашней австрійской дипломатіи канцлера Метерниха.

Когда же мы только-что перешли за половину пути человѣческой жизни, опредѣляемую тридцатью четырьмя годами, и полагали себя настолько зрѣлыми, что можемъ руководить поколѣніе младшее, какъ вдругъ нежданно, негаданно выпорхнуло оно изъ нашихъ рукъ и очутилось у насъ на плечахъ. Мы еще не успѣли хорошенько передохнуть отъ гнета стародавняго, какъ тотчасъ же подпали подъ деспотизмъ новорожденный, и какъ горько было намъ чувствовать, что изъ недорослковъ мы стали для новаго поколѣнія не старшими, а устарѣлыми. Я бы сравнилъ наше положеніе въ этотъ обоюдномъ натискѣ со спѣлыми зернами между двухъ жернововъ: какая вышла изъ всего этого мука—судить не мое дѣло.

Въ безотрадную для нашего университета годину грозной опалы подверглись на первыхъ же порахъ бдительному подозрѣнію молодые профессора. Они учились за-границею и ужъ, конечно, понабрались тамъ всякихъ идей. А надобно вамъ знать, что года за два до вспыхнувшаго на западѣ мятежа составился у насъ небольшой профессорскій кружокъ около Тимоѳея Николаевича Грановскаго. Тутъ были еще юные тогда, преисполненные энергической бодрости и смѣлыхъ надеждъ для успѣха въ ученыхъ трудахъ, а теперь давно уже отошедшіе въ вѣчность, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Леонтьевъ, Шестаковъ (братъ бывшаго попечителя казанскаго учебнаго округа) и нѣкоторые другіе. Собирались мы поочередно то у того, то у другого каждую недѣлю по субботамъ вечеромъ въ шесть часовъ, пили чай, въ десять часовъ ужинали, а въ одиннадцать расходились по домамъ. Эти вечерніе досуги, беззаботные и веселые, въ моихъ воспоминаніяхъ слились нераздѣльно съ золотымъ временемъ незабвеннаго товарищества въ казенно-коштныхъ нумерахъ московскаго университета. Теперь въ дружескихъ бесѣдахъ нашего интимнаго кружка я вновь переживалъ свое студенчество, потому что и впрямь мы всѣ изъ серьезныхъ профессоровъ превращались тогда въ юныхъ студентовъ.

И что за люди были мои милые собесѣдники! Никого на свѣтѣ не зналъ я—лучше Грановскаго, совершеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Его благодушію и снисходительности не было предѣловъ. Онъ не зналъ себѣ цѣны и безкорыстно отдавалъ предпочтеніе другимъ; напримѣръ, историческія сочиненія своего ученика Кудрявцева онъ ставилъ всегда гораздо выше своихъ собственныхъ, и какъ онъ сердечно радовался его успѣхамъ въ литературѣ! По своей безукоризненно свѣтской любезности и по игривому,

незлобивому остроумію онъ былъ душою всякой бесѣды. Безмятежная натура его, чистая и свѣтлая, была всегда охраняема отъ болѣзненныхъ уколовъ самолюбія сознаніемъ своего собственнаго достоинства. Не преднамѣренно и обдуманно, а вполнѣ наивно, безсознательно стоялъ онъ выше всякихъ наносимыхъ ему оскорбленій. Добродушно и благодарно выслушивалъ онъ, когда говорили ему о его промахахъ и ошибкахъ.

Чтобы не затянуть разсказа, изъ прочихъ моихъ товарищей упомяну только о Павлѣ Михайловичѣ Леонтьевѣ, оригинальныя достоинства котораго заслуживаютъ особеннаго вниманія. Обыкновенно говорятъ, что только въ романахъ живетъ настоящая, истая дружба, идеально беззавѣтная. Леонтьевъ родился на свѣтъ, чтобы доказать людямъ возможность такой дружбы и въ дѣйствительности. И сердце для того было у него особенное, сердце страстно любящей матери такою безграничною любовью, которая, по сказанному, сильнѣе смерти. И дѣйствительно онъ за друга своего готовъ былъ пожертвовать жизнью и дрался на дуэли; больше того: онъ не разъ жертвовалъ за него своею честью, своимъ добрымъ именемъ, что для благородныхъ натуръ дороже жизни. Вотъ какъ это бывало. Когда другъ его смастеритъ что-нибудь нехорошее или злое, онъ въ огласкѣ беретъ его поступокъ на себя; если же самъ онъ что-нибудь сдѣлаетъ очень и очень хорошее и похвалятъ его люди, то онъ всегда скажетъ, что онъ тутъ ни-при-чемъ. Въ такой неслыханной его преданности страстная любовь неразрывно переплелась съ яростною злобою безпощадно поражать враговъ, которые осмѣлятся поднять руку на драгоцѣнный предметъ этой дружеской преданности. Лично своихъ враговъ у Леонтьева не было, но онъ немилосердно казнилъ враговъ своего друга. Съ такимъ нѣжнымъ и мягкимъ сердцемъ соединялъ онъ крѣпкій умъ, вполнѣ математическій, который питается цифрами и вычисленіями, но не въ однѣхъ отвлеченныхъ комбинаціяхъ, а въ приложеніи къ дѣлу на практикѣ. Онъ и говорилъ ясно и четко, съ выдержкою и разстановочно, будто нанизываетъ бисеринки одну за другою, такъ чтобы слушающій усвоялъ каждую по одиночкѣ и слагалъ себѣ цѣлую нить. Въ цвѣтущее время нашего филологическаго факультета, время Грановскаго и Кудрявцева, онъ увлекалъ и воодушевлялъ студентовъ своими лекціями классическихъ древностей, и его аудиторія была биткомъ набита слушателями. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ домовитый хозяинъ и отличный экономъ, умѣлъ и любилъ приращать капиталы, свои и чужіе, большіе или маленькіе—все равно: его интересовалъ не барышъ, а самый счетъ и учетъ. Когда мнѣ случалось покупать

акціи или облигаціи, я обращался къ нему за совѣтомъ и никогда не оставался въ убыткѣ. Онъ могъ бы быть образцовымъ министромъ финансовъ, обогатилъ бы казну новыми доходами и никого бы не обездолилъ, такъ чтобы и „волки были сыты, и овцы цѣлы“.

Извините, что я заговорился о своихъ милыхъ товарищахъ. Прошу припомнить, что рѣчь идетъ о нашихъ вечернихъ бесѣдахъ. Разумѣется, я перезабылъ теперь, о чемъ и какъ мы толковали и что могло насъ въ особенности занимать. Живо сберегись въ моей памяти кое-какіе клочки изъ разсказовъ и анекдотовъ о разныхъ знаменитостяхъ, которыя сильно меня заинтересовали тогда, потому что до тѣхъ поръ были мнѣ неизвѣстны. Вотъ, напримѣръ, профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ Неандеръ, великій чудакъ, разсѣянный какъ нельзя больше, престарѣлый холостякъ, о которомъ заботится и печется его сестра, такая же старая, кормитъ его, обуваетъ и одѣваетъ, а иногда и напутствуетъ по улицамъ, чтобы не заблудился. Читая студентамъ лекціи, всегда стоитъ онъ на каѳедрѣ и ни разу не присядетъ; въ рукахъ непремѣнно держитъ, перевертываетъ, ломаетъ и обрываетъ гусиное перо, которое предварительно положатъ ему на каѳедру студенты. Читаетъ онъ свой предметъ всегда экспромптомъ, глубоко обдуманно, ясно, плавно и краснорѣчиво, будто по печатной книгѣ; въ себѣ сосредоточенъ, ничего кругомъ не видитъ и не слышитъ, только безъ устали ломаетъ свое гусиное перо. Квартиру онъ нанималъ довольно далеко въ одной изъ улицъ, идущихъ по одну сторону извѣстной „Unter-den-Linden“, на которой стоитъ университетъ. Чтобы ближе ходить ему на лекціи, сестра перевезла его на новую квартиру невдалекѣ отъ университета, но по другую сторону отъ той улицы, и сначала нѣсколько разъ провожала его до университета, чтобы онъ попривыкнулъ къ неизвѣстной для него мѣстности. Дѣло пошло на ладъ. Туда сталъ онъ ходить одинъ, но оттуда возвращался домой по прежней дорогѣ, дѣлая большой крюкъ: сначала направится къ старой квартирѣ, а потомъ уже пойдетъ на новую. Былъ одинъ смѣхотворный эпизодъ въ исторіи костюма этого оригинальнаго богослова. Онъ не любилъ мѣнять свое платье и, при невнимательности ко всему окружающему, былъ бы готовъ износить его до лохмотьевъ, если бы не сестра: безъ его вѣдома она закажетъ ему новое одѣяніе и рано утромъ положитъ на мѣсто стараго. Однажды утромъ портной долженъ былъ принести ему панталоны взамѣнъ изношенныхъ, а сестра тѣмъ временемъ отправилась за провизіею. Возвратившись домой, она брата уже не застала; онъ ушелъ на лекцію. Увидѣвъ, къ своему ужасу,

что старыя панталоны лежатъ нетронуты, она въ переполохѣ схватила ихъ подъ мышку и бросилась въ университетъ, воображая, что онъ забылъ ихъ надѣть. Подбѣгаетъ къ затвореннымъ дверямъ его аудиторіи и не вѣритъ своимъ ушамъ: братъ ея преспокойно разглагольствуетъ, будто ни въ чемъ не бывало. Лишь только онъ кончилъ лекцію, она ринулась къ брату, проталкиваясь между студентами, а онъ, нисколько не удивившись ея внезапному появленію, въ отвѣтъ на ея попыхи преспокойно отвѣчалъ: „да они же на мнѣ; вотъ посмотри", и въ доказательство приподнялъ обѣ полы своего длиннаго сюртука. На немъ были новенькія панталоны, которыя въ отсутствіе сестры принесъ портной.

Вотъ вамъ на выдержку образчикъ нашихъ поучительныхъ и увеселительныхъ бесѣдъ. Могу дать присягу, что не слыхалъ я въ нихъ ни слова о политикѣ съ ея дрязгами, потому что мои свѣтлыя воспоминанія не омрачаются ни однимъ темнымъ или смутнымъ пятномъ, подернутымъ скукою, а для меня нѣтъ ничего скучнѣе, какъ тарабарская грамота политическихъ дебатовъ.

Вслѣдъ за тѣмъ какъ прогнали Гофмана изъ московскаго университета, прекратились и наши товарищескія сходки. Въ мѣропріятіяхъ бдительной прозорливости предполагалось, что посѣянныя имъ у насъ зловредныя сѣмена западнаго мятежа могли дать ядовитые ростки. И вотъ теперь именно изъ того самаго факультета, къ которому принадлежалъ Гофманъ, нѣсколько молодыхъ профессоровъ собираются еженедѣльно въ одинъ и тотъ же день и часъ и въ разныхъ мѣстахъ, о чемъ-то толкуютъ, а постороннихъ гостей въ свое общество не допускаютъ. Это не даромъ; тутъ что-то не ладно. Но, слава Богу, насъ предупредили вѣ-время и дѣло обошлось безъ передряги.

Но московскимъ славянофиламъ пришлось плохо. Улики были на-лицо. Ничѣмъ не стѣсняясь, они привыкли откровенно высказывать свои задушевныя убѣжденія и смѣлые планы и только въ интимномъ кружкѣ друзей, но и въ многолюдныхъ собраніяхъ. Стоило только изложить въ подробномъ протоколѣ ихъ своеобразныя мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ принятымъ порядкомъ вещей, и самое тяжкое обвиненіе въ ихъ крайней неблагонамѣренности будетъ готово. Такъ и сдѣлали, присовокупивъ къ такому протоколу поименный реестръ обвиненныхъ. Впрочемъ, до поры до времени ихъ оставили на свободѣ и наказали только тѣмъ, что взяли съ нихъ подписку рѣшительно ничего не печатать изъ своихъ сочиненій.

Осадное положеніе нашего университета подъ грозною опалой

тянулось до годовщины его столѣтняго юбилея 12-го января 1855 года. Въ этотъ незабвенный день императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ насъ великою милостью. Онъ повелѣлъ немедленно устранить всѣ неудобныя стѣсненія, недавно вызванныя временною необходимостью, и привести университетскіе порядки и льготы въ прежнее ихъ положеніе.

Ко дню юбилея профессорами нашего университета было изготовлено нѣсколько изданій. Главнымъ дѣятелемъ и руководителемъ въ этихъ работахъ былъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ; онъ же написалъ и исторію московскаго университета. Что касается до меня, то по его же указанію и плану я составилъ цѣлую монографію о нѣсколькихъ избранныхъ рукописяхъ синодальной библіотеки съ приложеніемъ раскрашенныхъ снимковъ, чтобы дать точное понятіе объ орнаментаціи заставокъ и заглавныхъ буквъ русскихъ писцовъ отъ XI-го столѣтія и до XVI-го. Монографія эта вошла въ составъ палеографическаго сборника, который былъ изданъ тоже ко дню юбилея. Лично для меня имѣетъ она большое значеніе. Въ ней, по указанію Степана Петровича, я въ первый разъ коснулся русской орнаментики, которая впослѣдствіи стала однимъ изъ любимыхъ предметовъ моихъ изслѣдованій.

Я работалъ для этой монографіи въ патріаршей палатѣ, которую занималъ тогда ризничій, архимандритъ Савва, нынѣ архіепископъ тверской. Онъ завѣдывалъ и патріаршею ризницею, и синодальною библіотекою, изъ которой нужныя мнѣ рукописи приносились въ ту палату. Именно въ этомъ-то обиталищѣ всероссійскихъ патріарховъ впервые увидѣлъ я человѣка, который потомъ въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ былъ моимъ искреннимъ другомъ, усердно помогалъ мнѣ въ моихъ ученыхъ работахъ, и мы дѣлились съ нимъ нашими семейными радостями, заботами и печалями.

Это былъ Алексѣй Егоровичъ Викторовъ. Учился онъ въ московской духовной академіи вмѣстѣ со своимъ товарищемъ іеромонахомъ Саввою, который по окончаніи курса былъ возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ ризничимъ патріаршей ризницы, а Викторовъ по окончаніи курса получилъ мѣсто въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и, подружившись тамъ съ знаменитымъ библіоманомъ Ундольскимъ, усвоилъ себѣ его спеціальность и пристрастился къ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ. Все свободное отъ службы время онъ проводилъ у своего товарища архимандрита Саввы, помогалъ ему въ его археологическихъ трудахъ, а самъ неутомимо изучалъ и изслѣдовалъ со-

кровища синодальной библіотеки, которую онъ зналъ, какъ никто лучше его. Когда я готовилъ свою юбилейную монографію, именно онъ-то отыскивалъ и приносилъ въ патріаршую палату нужныя мнѣ рукописи, а вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ мнѣ наставительныя указанія въ библіографическомъ отношеніи, какъ ими пользоваться. Это было для меня дѣло новое, и онъ ввелъ меня въ самую его суть. Радушными его услугами и моею признательностью началась тогда наша неизмѣнная дружба, которая годъ отъ году усиливалась и скрѣплялась, благодаря его ревностной заботливости о моихъ успѣхахъ въ наукѣ и на каѳедрѣ. Читая студентамъ исторію древне-русской литературы, я постоянно нуждался въ его помощи для указанія и пріисканья надлежащихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ. Ему же я обязанъ внесеніемъ множества наиболѣе значительныхъ и любопытныхъ статей въ мою большую хрестоматію изъ лучшихъ и рѣдкихъ памятниковъ нашей старины.

Я въ свою очередь помогалъ ему чѣмъ умѣлъ. По моей рекомендаціи онъ получилъ мѣсто помощника библіотекаря въ университетской библіотекѣ, а потомъ—хранителя рукописей и старопечатныхъ книгъ въ московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ, какъ только было основано у насъ это учрежденіе. Около этого времени онъ женился. Для исторіи нашей дружбы я непремѣнно долженъ вамъ разсказать, какъ это случилось.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и въ началѣ шестидесятыхъ я былъ между прочимъ заинтересованъ женскимъ образованіемъ и безъ всякихъ служебныхъ обязательствъ и вознагражденія взялся инспекторствовать въ одномъ изъ женскихъ училищъ, состоявшихъ подъ попечительствомъ княгини Софьи Степановны Щербатовой, именно въ Маріинско-Ермоловскомъ. Въ качествѣ профессора я могъ дать этому заведенію самыхъ лучшихъ учителей изъ моихъ университетскихъ слушателей. Чтобы вы судили сами, достаточно будетъ назвать Кананова, нынѣ директора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, и Поливанова, который впослѣдствіи основалъ лучшую изъ частныхъ гимназій. Въ свое Маріинско-Ермоловское училище я помѣстилъ преподавателемъ русской литературы и Викторова. Онъ увлекалъ своихъ ученицъ занимательнымъ изложеніемъ подробностей изъ болѣе значительныхъ памятниковъ нашей старины, и онѣ любили его, а лучшая изъ нихъ, первая въ классѣ, такъ плѣнила Алексѣя Егоровича своими дарованіями и прилежаніемъ, что онъ объяснился ей въ любви, лишь только она окончила курсъ и еще оставалась въ

заведеніи, гдѣ жила съ десятилѣтняго возраста. Она съ великою радостью, можно сказать, съ благоговѣніемъ приняла его предложеніе. Ей было тогда всего шестнадцать лѣтъ, а ему за тридцать. Это была княжна Марья Александровна Макулова. Я рѣшительно ничего не зналъ и не догадывался объ интересномъ романѣ, который зачинался въ стѣнахъ женскаго училища, пока самъ Алексѣй Егоровичъ не покаялся и не открылся мнѣ во всемъ. Я только развелъ руками и, не медля ни минуты, взялъ Марью Александровну къ себѣ и помѣстилъ въ своемъ семействѣ. Это было въ январѣ 1360 г. Въ теченіе зимы по вечерамъ женихъ навѣщалъ у насъ свою невѣсту и не переставалъ услаждать ее своими бесѣдами, которыя содержали въ себѣ не праздное щебетанье влюбленныхъ, а назидательное обсужденіе и рѣшеніе разныхъ мудреныхъ вопросовъ науки и жизни, и особенно такъ-называемый, женскій вопросъ, которымъ оба они сильно интересовались. Впрочемъ, больше говорилъ и ораторствовалъ Алексѣй Егоровичъ, а Марья Александровна только слушала внимательно и подобострастно и лишь изрѣдка ввернетъ свое мѣткое словечко. Она была молчалива и сдержанна, но замѣчательно умна и разсудительна. Иногда онъ читалъ ей разныя литературныя произведенія и объяснялъ ихъ, будто въ классѣ на урокѣ, такъ что, глядя на нихъ, всякій бы сказалъ, что это не женихъ съ невѣстой, а учитель съ ученицею, и каждый день все больше и больше завязывался и скрѣплялся этотъ оригинальный союзъ, такъ сказать, педагогическаго бракосочетанія, которое наконецъ и воспослѣдовало на Ѳоминой недѣлѣ въ церкви Пятницы-Божедомки близъ Пречистенки, въ переулкѣ, гдѣ квартировалъ тогда Викторовъ. Вскорѣ затѣмъ онъ переселился со своею молодою женой на казенную квартиру, въ одномъ изъ корпусовъ Румянцевскаго музея. Не долго наслаждался онъ семейнымъ счастьемъ. Года черезъ два Марья Александровна скончалась скоропостижно.

XV.

Когда графъ Сергѣй Григорьевичъ вышелъ въ отставку, я сблизился съ нимъ такъ, какъ никогда прежде. Заботы о московскомъ университетѣ, которымъ онъ ревностно предавался, теперь обратились на меня и еще на тѣхъ немногихъ изъ молодыхъ профессоровъ, которые умѣли цѣнить его и остались ему вѣрны и преданны. Видя его въ незаслуженной опалѣ, я сострадалъ ему, но не сожалѣлъ, потому что жалость казалась чувствомъ

одинаково унизительнымъ и для него, и лично для меня самого. Я только любовался на него и поучался, какъ переносить житейскія невзгоды. Онъ представлялся мнѣ непреклоннымъ вассаломъ, которому нанесли обиду въ его правахъ и обязанностяхъ. На мои глаза это былъ послѣдній изъ придворныхъ могиканъ, которые во времена Екатерины Великой, императора Павла и Александра Благословеннаго поспѣшали изъ Петербурга въ Москву, чтобы коротать дни и годы въ уединеніи своихъ вельможныхъ палатъ.

Мое присутствіе — я это чувствовалъ и видѣлъ—было для него необходимо, развлекало его и радовало. Я посѣщалъ его такъ часто, какъ только могъ, и непремѣнно долженъ былъ обѣдать у него, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю и особенно въ дни семейныхъ праздниковъ, на которые никого изъ посторонних ъ не приглашалось. Въ 1849 и 1850 годахъ изъ экономіи я нанималъ дачу въ Давыдовкѣ, маленькой деревушкѣ, верстахъ въ двухъ отъ Кунцева, гдѣ каждое лѣто, какъ я уже вамъ говорилъ, жилъ графъ. Мое отдаленіе тяготило его; ему недоставало меня. До сихъ поръ сохранилъ я одну его записку, какъ памятникъ дружескаго расположенія его ко мнѣ.

„Ѳедоръ Ивановичъ! Мнѣ кажется, что вѣрнѣе всего для васъ будетъ нанять квартиру у священника; но какъ она дороже крестьянской избы, я приду вамъ на помощь и надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ удовольствіи способствовать къ пріятнѣйшему вашему устройству на лѣто. Зайдите ко мнѣ сегодня и не теряйте время, чтобы предупредить кунцевскаго священника.

„Вамъ преданный—гр. С. Строгановъ. 27-го апрѣля 1851 г.“

Такимъ образомъ, на дачное время 1851 года я помѣстился со своимъ семействомъ въ кунцевскомъ церковномъ домѣ, въ квартирѣ священника, которую каждое лѣто онъ сдавалъ внаймы дачникамъ; потому она вполнѣ была обезпечена исправнымъ отопленіемъ. При ней была большая терраса, выходившая въ густо заросшій садикъ съ бесѣдкою подъ тѣнью переплетенныхъ вѣтвей акаціи. Съ тѣхъ поръ и до 1867 г. проводилъ я лѣто на этой дачѣ, за исключеніемъ двухъ годовъ, когда я уѣзжалъ изъ Москвы сначала въ Петербургъ, а потомъ за границу. Лѣтнее время было для моихъ ученыхъ работъ самое бойкое и благотворное. Уютный уголокъ той террасы съ письменнымъ столомъ, узенькія дорожки между высокими деревьями того садика и та уединенная бесѣдка подъ зыбкимъ пологомъ листвы навсегда слились въ моей памяти съ самыми счастливыми часами, днями и съ цѣлыми недѣлями моей жизни, потому что именно здѣсь я обду-

мывалъ, соображалъ и написалъ большую часть моихъ монографій, вошедшихъ потомъ въ оба тома „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства“, а также и большую грамматику въ двухъ частяхъ.

Теперь, когда я стараюсь передать вамъ о моихъ близкихъ, позволяю себѣ сказать—интимныхъ отношеніяхъ къ графу, въ моихъ воспоминаніяхъ выступаютъ они передо мною на первомъ планѣ не въ московской обстановкѣ, не въ московскомъ его кабинетѣ, въ биліардной или въ столовой, а въ кунцевскомъ саду и въ липовой рощѣ, куда каждое утро отправлялся я гулять вмѣстѣ съ графомъ, а къ девяти часамъ возвращались мы оба на широкую террасу его дачи, обставленную лавровыми и померанцевыми деревьями, кипарисами, миртами и другими растеніями, и вдвоемъ за большимъ обѣденнымъ столомъ пили кофе, причемъ графъ угощалъ меня своими рѣдкими сигарами. Не умѣю теперь разсказать вамъ, о чемъ и какъ велись наши нескончаемыя бесѣды: онѣ были до безконечности разнообразны и всегда увлекали меня живѣйшимъ интересомъ; графъ обладалъ всестороннимъ образованіемъ, много зналъ и много видѣлъ на своемъ вѣку, и очень часто нашъ разговоръ принималъ характеръ назидательнаго діалога между смышленымъ ученикомъ и его опытнымъ и разумнымъ наставникомъ. Я повѣрялъ ему свои ученые планы и задачи, вводилъ его въ подробности предпринятыхъ мною работъ, и онъ внимательно выслушивалъ все это, иногда дѣлалъ свои замѣчанія и ободрялъ меня къ новымъ и новымъ успѣхамъ въ тотъ рѣшительный для меня трудовой періодъ жизни, когда я открывалъ себѣ путь къ самостоятельной дѣятельности. Въ дополненіе къ моимъ научнымъ интересамъ и чтобы расширить уже слишкомъ тѣсный кругъ моихъ воззрѣній на современность, онъ посвящалъ меня въ тайны международной дипломатіи и въ болѣе существенные и настоятельные вопросы правительственныхъ и государственныхъ мѣропріятій. Не любя терять время на газетную полемику передовыхъ статей и корреспонденцій, я вполнѣ довольствовался немногими свѣденіями, которыя сообщалъ мнѣ графъ, и тѣмъ болѣе потому, что онъ, конечно, стоялъ ближе издателей русскихъ газетъ къ текущимъ событіямъ и намѣреніямъ или предначертаніямъ нашего правительства. Особенно назидательны были для меня его глубокіе и проницательные взгляды на освободительныя преобразованія, воспослѣдовавшія съ воцареніемъ императора Александра Николаевича. Опытный и прозорливый политикъ можетъ иногда безошибочно заглянуть въ будущее не въ силу гадательнаго предвидѣнія, а просто по разсчету, какъ математикъ легко рѣшаетъ мудреную задачу. Многія изъ при-

скорбныхъ событій послѣдующаго времени не были для меня нечаянной новостью. Я ихъ боязливо поджидалъ и, когда они наступали, не мало дивился осторожной и предусмотрительной политикѣ этого глубокомысленнаго государственнаго человѣка. Подъ его благотворнымъ вліяніемъ слагались, созрѣвали и наконецъ окрѣпли въ душѣ моей умственныя и нравственныя убѣжденія и основныя понятія о людяхъ и жизни: именно съ тѣхъ поръ я сталъ такимъ, какъ чувствую и сознаю себя и теперь, въ глубокой старости.

Мои обязанности домашняго секретаря при графѣ не прекращались и по выходѣ его въ отставку, только приняли онѣ другой характеръ. Онъ дѣлился со мною своими учеными и литературными занятіями, и я долженъ былъ просматривать написанное имъ для печати и исправлять, какъ онъ выражался, „шероховатость слога“, то-есть, кое-какіе галлицизмы, неизбѣжные у человѣка, который въ теченіе всей жизни привыкъ говорить больше по-французски, нежели по-русски.

Въ 1849 г. онъ издалъ свою археологическую монографію о димитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, конца XII-го столѣтія, съ многочисленными снимками внутреннихъ и наружныхъ частей этого зданія, барельефовъ и орнаментовъ, а также и стѣнной иконописи. До сихъ поръ сочиненіе это высоко цѣнится любителями русской старины и спеціалистами. Обнаруживъ обширныя свѣденія въ исторіи византійскаго и романскаго стиля архитектуры, графъ не ограничился только техническою стороною предмета, но вошелъ въ историческія изслѣдованія о сооруженіи храма, пользуясь свидѣтельствами нашихъ лѣтописей.

Эту монографію, прочитанную мною дважды, сначала въ писаномъ оригиналѣ, а потомъ въ корректурныхъ листахъ, я проштудировалъ основательно еще до выхода ея въ свѣтъ. Она оказала на меня рѣшающее дѣйствіе, открывъ моимъ глазамъ новую область для изслѣдованій неизвѣстныхъ мнѣ до того времени богатыхъ матеріаловъ русской монументальной и художественной старины въ сравнительномъ изученіи ихъ съ средневѣковыми стилями византійскаго и западнаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ руководству и указаніямъ графа я обязанъ знакомствомъ съ самымъ главнымъ пособіемъ для научной разработки древне-русской иконописи, именно съ такъ-называемымъ „Иконописнымъ подлинникомъ“, то-есть руководствомъ для мастеровъ, въ какомъ видѣ, на основаніи православнаго преданія, живописать священныя лица и событія, въ ихъ однажды навсегда принятыхъ и установившихся типахъ, или, какъ въ старину говаривали: „по образу и подобію“.

У графа было два такихъ подлинника: одинъ „толковый“, содержащій въ себѣ подробныя описанія иконописныхъ сюжетовъ, а другой „лицевой“, состоящій изъ миніатюръ, соотвѣтствующихъ толкованіямъ текста. Послѣдній, XVI-го столѣтія, въ руководство мастерамъ изданъ Бутовскимъ, директоромъ Строгановскаго училища техническаго рисованія. Я такъ сильно былъ заинтересованъ этими рукописями графа, что составилъ обширную монографію о русскомъ иконописномъ подлинникѣ, дополнивъ свои изслѣдованія многими подробностями и изъ другихъ рукописныхъ источниковъ. Въ то же время я пристрастился и вообще къ лицевымъ рукописямъ, то-есть, къ такимъ, въ которыхъ какой-либо текстъ объясняется наглядно въ миніатюрахъ. Лѣтъ сорокъ или тридцать назадъ любители древне-русской письменности вовсе не обращали вниманія на миніатюры, и лицевыя рукописи были ни-по-чемъ. Я покупалъ ихъ за безцѣнокъ на Толкучемъ рынкѣ у Пискарева и на Варваркѣ въ Кожевенномъ ряду у старика Большакова, который въ своей лавкѣ, при опойковомъ и подошвенномъ товарѣ, торговалъ и древними рукописями, а также и старопечатными книгами. Имъ обоимъ я много обязанъ своими свѣденіями въ русской палеографіи, особенно въ техническомъ отношеніи. По ихъ же указанію я знакомился съ разными лицевыми рукописями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покупалъ ихъ, какъ напримѣръ: житія Андрея Юродиваго и Василія Новаго съ любопытнымъ эпизодомъ о мытарствахъ, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ католическому пургаторію; сказаніе Палладія Мниха о страшномъ судѣ, повѣствованіе о томъ, какъ черти издѣваются надъ грѣшниками, въ родѣ западной „Пляски Смерти“; исторія о пустынникѣ Варлаамѣ и о царевичѣ Іосафатѣ, составленная подъ вліяніемъ буддійскихъ преданій, и многое другое. Мнѣ казалось, что не обращать вниманія на миніатюры при текстѣ и не понимать ихъ научно—значило бы не исчерпывать вполнѣ всего, что давалъ писецъ своимъ читателямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обидно чувствовать себя отсталымъ въ эстетическомъ воспитаніи XIX-го столѣтія передъ смышленымъ грамотѣемъ до-Петровской Руси. Вотъ почему въ обоихъ томахъ историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства свои изслѣдованія по рукописямъ я снабдилъ множествомъ снимковъ съ миніатюръ, украшающихъ тѣ рукописи.

Черезъ два года по выходѣ въ свѣтъ монографіи о Димитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ, графъ Сергѣй Григорьевичъ занялся однимъ вопросомъ изъ исторіи итальянской живописи и вступилъ въ оживленную полемику съ С. П. Шевы-

ревымъ. Дѣло касалось тѣхъ картоновъ, которые по повелѣнію папы Льва X изготовилъ Рафаэль съ своими учениками: Джуліо Романо, Джіовани да Удине и Франческо Пенни, для ковровъ, вытканныхъ золотомъ и разноцвѣтными шелками во Фландріи, въ городѣ Аррасѣ, съ изображеніями дѣяній апостольскихъ,— всего семь картоновъ.

По зимѣ 1851 г. Шевыревъ читалъ въ московскомъ университетѣ публичныя лекціи въ общемъ очеркѣ исторіи итальянской живописи, сосредоточенной въ произведеніяхъ Рафаэля. По стѣнамъ аудиторіи было развѣшено семь громадныхъ картинъ, писанныхъ на холстѣ соковыми красками, съ тѣми же самыми изображеніями, какъ и на ватиканскихъ коврахъ. Картины эти принадлежали тогда Лухманову. Для своего антикварнаго магазина онъ пріобрѣлъ ихъ отъ престарѣлой наслѣдницы графа Ягужинскаго, который въ началѣ XVIII-го вѣка вывезъ ихъ откуда-то, не то изъ Рима, не то изъ Швеціи, гдѣ онъ былъ русскимъ посланникомъ.

Честь открытія этихъ художественныхъ произведеній для науки принадлежитъ Шевыреву. Никому изъ писавшихъ о Рафаэлѣ ни у насъ, ни за границею они не были извѣстны. Знали только тѣ бумажные картоны, которые въ числѣ семи находятся въ замкѣ Гэмптонкуртскомъ, около Лондона. Это были тѣ самые образцы, по которымъ аррасскіе мастера ткали ковры, потому что всѣ разрѣзаны на узкія полосы, по контурамъ протянуты булавкою и явнымъ образомъ служили на фабрикѣ для тканья частей, которыя послѣ сшивались въ одно цѣлое.

Главный выводъ изъ наблюденій и изслѣдованій Шевырева о Рафаэлевыхъ картонахъ состоитъ въ слѣдующемъ: „Изготовлены были двоякаго рода картоны: одни на холстинѣ, соковою краскою, съимпровизированы были рукою самого великаго мастера, для того, чтобы дать ткачамъ идею общаго впечатлѣнія, какъ должны быть вытканы ковры и какъ соблюденъ имѣетъ быть общій тонъ колорита; другіе же на бумажномъ картонѣ исполнены были отчасти Рафаэлемъ, но болѣе учениками его, подъ его наблюденіемъ по образцу холстинныхъ картоновъ“.

Графъ Сергѣй Григорьевичъ видѣлъ настоящую работу Рафаэля и его учениковъ только въ гэмптонкуртскихъ бумажныхъ картонахъ, а за Лухмановскими холстами вовсе не признавалъ того высокаго значенія, какое приписывалъ имъ Шевыревъ. До сихъ поръ правда—на сторонѣ графа. Развѣшенныя нѣкогда въ аудиторіи картины, на которыя любовалась московская публика слушая лекціи краснорѣчиваго профессора, и теперь остаются не

проданы, несмотря на то, что были посылаемы за границу и выставляемы на выставкахъ въ Москвѣ. Будь эти картины произведеніемъ Рафаэля, онѣ, какъ великая драгоцѣнность, уже давно бы красовались на первомъ мѣстѣ въ петербургскомъ Эрмитажѣ или въ одной изъ лучшихъ галерей на Западѣ. Кто желаетъ познакомиться съ газетною полемикой между профессоромъ университета и бывшимъ попечителемъ московскаго учебнаго округа, можетъ найти ее въ февральскихъ нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ 1851 г.

Въ своихъ воспоминаніяхъ, коснувшись моей пространной грамматики, этого тяжеловѣснаго труда, переполненнаго необъятною массою мелкихъ и крупныхъ примѣровъ изъ древнихъ рукописей, изъ народныхъ пѣсенъ, причитаній, заговоровъ, пословицъ, поговорокъ, изъ старинныхъ книгъ XVII-го и XVIII-го столѣтій и изъ новѣйшихъ писателей до Пушкина—на первомъ планѣ моего разсказа я долженъ назвать вамъ того же моего руководителя и наставника, графа Сергѣя Григорьевича. Вотъ какъ было дѣло.

Въ ту печальную годину, когда наши университеты были въ загонѣ, начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ принялъ благое намѣреніе приподнять въ этихъ заведеніяхъ науку до надлежащаго уровня современныхъ требованій знанія людей образованныхъ и для этой цѣли озаботился о составленіи не только лучшихъ учебниковъ и руководствъ для учениковъ, но и болѣе объемистыхъ пособій для преподавателей. Чтобы вести дѣло какъ слѣдуетъ, онъ обратился съ своими предложеніями и заказами къ лучшимъ, опытнымъ учителямъ, а также къ ученымъ спеціалистамъ и къ профессорамъ университетовъ.

По своему высокому положенію онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, не опасаясь навлечь на себя непріятность, продолжали оставаться въ прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ такимъ человѣкомъ, хотя и отмѣченнымъ опалою, какъ графъ Строгановъ, и именно къ нему-то и прибѣгнулъ онъ за совѣтомъ и наставленіемъ въ своемъ предпріятіи обширныхъ размѣровъ. Въ то время онъ часто посѣщалъ Москву и въ одинъ изъ пріѣздовъ, по рекомендаціи графа, познакомился со мною и предложилъ мнѣ участвовать, по своей спеціальности, въ исполненіи задуманнаго имъ плана улучшить обученіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Въ Петербургѣ онъ заказалъ Введенскому составить исторію

общей литературы, а русской—Алексѣю Дмитріевичу Галахову, который жилъ тогда въ Москвѣ. На мою долю пришлось изготовить два руководства, предназначенныя только для учителей, именно: обширную грамматику, о которой я сейчасъ говорилъ, и большую хрестоматію, въ два столбца, въ которой многочисленныя выдержки изъ рукописей и старопечатныхъ книгъ до XVII-го столѣтія включительно напечатаны буква-въ-букву согласно съ текстами этихъ памятниковъ нашей до-Петровской литературы, даже съ соблюденіемъ попадающихся въ нихъ описокъ и опечатокъ, чтобы такимъ образомъ дать полное понятіе о философскомъ характерѣ и правописаніи тѣхъ произведеній, откуда взяты выдержки. Изъ сказаннаго объ этомъ вовсе не учебномъ сборникѣ, а предназначенномъ для спеціалистовъ, вы ясно видите, что начальникъ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній въ своемъ предпріятіи не ограничивался дидактическими интересами ввѣренныхъ его вѣдомству корпусовъ и училищъ, а имѣлъ въ виду и вообще успѣхи науки въ ея университетскомъ объемѣ.

Кромѣ того Галахову же поручилъ Ростовцевъ составить подробную программу обученія русскому и церковно-славянскому языкамъ, теоріи словесности и исторіи литературы, какъ отечественной, такъ и иностранной. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе и я, сколько могъ, по своей спеціальности, именно: по грамматикѣ, стилистикѣ и по древне-русской и народной словесности. Въ то же время мы съ Галаховымъ были усердными сотрудниками Краевскому въ отдѣлѣ критики его „Отечественныхъ Записокъ“, иногда одну и ту же статью писали вдвоемъ, искусно прилаживая одну къ другой отдѣльныя части, которыя каждый изъ насъ измышлялъ самъ по себѣ, такъ что я самъ съ трудомъ могу отличить теперь, что̀ принадлежитъ мнѣ и что̀—Галахову. Гонораръ такихъ статей, разумѣется, мы дѣлили пополамъ, какъ, напримѣръ, въ критическомъ разборѣ публичныхъ лекцій Шевырева по исторіи русской литературы. Съ того далекаго времени установились и до сихъ поръ неизмѣнно продолжаются мои дружественныя отношенія къ милому товарищу въ нашихъ совокупныхъ работахъ.

Всякій разъ какъ Ростовцевъ пріѣзжалъ въ Москву—непремѣнно вызывалъ насъ обоихъ къ себѣ, то рано утромъ до девяти часовъ, передъ началомъ оффиціальныхъ пріемовъ, то вечеромъ, и тогда мы должны были сообщать ему, что̀ каждый изъ насъ успѣвалъ сдѣлать въ предпринятыхъ нами по его заказу работахъ. Такимъ образомъ, Я. И. Ростовцевъ вмѣстѣ съ Галаховымъ

прежде всѣхъ другихъ довольно основательно и подробно ознакомились съ моею пространной грамматикою.

Когда она была наконецъ вполнѣ готова, переписана на-бѣло и отправлена въ главный штабъ военно-учебныхъ заведеній въ двухъ увѣсистыхъ фоліантахъ, Якову Ивановичу вздумалось подвергнуть ее публичному диспуту въ видѣ диссертаціи на ученую степень. Въ исполненіе этой счастливой мысли онъ вызвалъ меня въ Петербургъ, и я долженъ былъ защищать свою грамматику передъ судомъ многочисленнаго собранія, состоявшаго изъ преподавателей, инспекторовъ и директоровъ военнаго вѣдомства, а также и посторонннихъ спеціалистовъ, между которыми первое мѣсто занимали оба знаменитые автора общепринятыхъ руководствъ русской грамматики—издатель Остромирова Евангелія, Востоковъ и редакторъ „Сѣверной Пчелы", Гречъ. Диспутъ происходилъ въ залѣ главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній за длиннымъ столомъ подъ предсѣдательствомъ Ростовцева; по правую его руку сидѣлъ я, а по лѣвую—Востоковъ; отъ насъ направо, на концѣ стола, находился Гречъ со своими единомышленниками и приверженцами. Засѣданіе открылъ самъ Яковъ Ивановичъ вступительною рѣчью, въ которой съ основательнымъ знаніемъ дѣла ясно и подробно изложилъ главнѣйшіе пункты моихъ нововведеній, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и особенно въ учебномъ. Хотя онъ былъ косноязыченъ и заикался, но, обладая желѣзною волею, могъ побѣждать этотъ недостатокъ, когда хотѣлъ, и на этотъ разъ говорилъ четко и плавно, съ разстановками, которыя, сдерживая заиканье, вмѣстѣ съ тѣмъ способствовали обдуманности и выбору надлежащихъ выраженій, такъ что изъ этого врожденнаго недостатка онъ умѣлъ извлекать себѣ пользу.

Сколько могу припомнить, въ этомъ диспутѣ всѣ возраженія были направлены на мою грамматику съ точки зрѣнія учебной въ практическомъ примѣненіи къ преподаванію; а такъ какъ я самъ цѣлыхъ шесть лѣтъ упражнялъ свои учительскія способности не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ гимназіи, пользуясь всегда практическимъ методомъ, то мнѣ очень легко было отражать непріязненныя нападенія или же разрѣшать и объяснять вѣжливо высказываемыя мнѣ недоразумѣнія. Какъ учитель элементарной грамматики, я былъ не хуже другихъ въ этомъ собраніи, но какъ авторъ научнаго руководства для преподавателей, я могъ имѣть соперникомъ только такого спеціалиста, какимъ былъ Востоковъ. Н. И. Гречъ долгое время не принималъ ни малѣйшаго участія въ диспутѣ и только изрѣдка повертывался на-

право и налѣво къ своимъ сосѣдямъ и что-то сообщалъ имъ, размахивая руками: видимо, онъ кипятился; а когда я вѣжливо и сдержанно сталъ отклонять отъ себя озлобленныя придирки его кліентовъ и почитателей, онъ вспылилъ, вышелъ изъ себя и наговорилъ мнѣ разныхъ дерзостей. Послѣ него никто уже не возражалъ. Тогда наступила очередь Востокова: онъ вполнѣ одобрилъ мою грамматику, а встрѣченныя имъ немногія ошибки и недосмотры отмѣтилъ на полулистѣ и передалъ его мнѣ для исправленія замѣченныхъ имъ погрѣшностей.

Ѳ. Буслаевъ.

РАННЯЯ ВЕСНА

I.

Три послѣдніе года подъ-рядъ я встрѣчалъ зиму въ деревнѣ. Казалось бы, что я, какъ любитель природы, долженъ радоваться, что могъ слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ ея оживленіемъ; а между тѣмъ, именно въ пору ранней весны, я тоскую по городу. Вторая половина марта возбуждаетъ во мнѣ особое духовное настроеніе, которое сильнѣе и глубже любви къ природѣ. Въ это время я живо вспоминаю тѣ давно минувшіе годы, когда, мистически-религіозный юноша, я жилъ въ Петербургѣ и любилъ посѣщать великопостную службу.

II.

Бывало, на первой или на страстной недѣлѣ, выйдешь на улицу—обычной сутолоки не замѣчаешь; движеніе народонаселенія—спокойное; пьяныхъ, которыхъ будетъ такъ отвратительно много послѣ, въ праздникъ,—вовсе не видно; вездѣ слышится монотонный, пріятно раздражающій звукъ желѣзныхъ лопатъ, соскабливающихъ мокрый снѣгъ съ тротуаровъ; на солнечной сторонѣ каплетъ съ крышъ; легко дышется мягкимъ воздухомъ, и говоришь себѣ: постомъ великимъ пахнетъ—

И благовѣстъ надъ городомъ звучитъ;
Не радостный, обыкновенно въ праздникъ
Сзывающій во всѣ колокола;
Но медленнымъ и тихимъ перезвономъ,

Задумчиво и грустно съ высоты
Онъ падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ.
„Во храмъ иди!“—такъ плачетъ этотъ звонъ;—
„Сегодня тамъ въ молитвахъ поминаютъ
„Жестокія мученія и казнь
„Учителя любви и милосердья“.
И я иду, глубокихъ полонъ думъ,
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

III.

Я понималъ, что значитъ для людей
Смерть на крестѣ Учителя благого.
То—міровой судьбы переворотъ;
Явленье въ жизнь и чувствъ, и мыслей новыхъ;
Между людьми паденіе преградъ;
Вознесено, что было въ долѣ низкой;
Низвергнуто, что было высоко;
Исканье благъ нетлѣнныхъ; жажда правды,
И торжество духовной красоты,
И сладость слезъ, невѣдомая прежде...

IV.

О, сладкія, молитвенныя слезы!
Я ихъ зналъ. Мнѣ памятны онѣ.
Ужъ никогда я послѣ такъ не плакалъ,
Какъ въ юности восторженной моей.
На утренней зарѣ духовной жизни
Я возлюбилъ ученіе Христа
И мыслію, и сердцемъ умиленнымъ.
Въ тѣ грубыя безправья времена
Одинъ Христосъ смягчалъ людское сердце.
Онъ юнаго меня училъ любить
Трудящихся и всѣхъ обремененныхъ...
Чѣмъ былъ бы я на старости—какъ знать!—
Когда-бъ въ тѣ дни евангельскаго слова
Не снизошла мнѣ въ сердце благодать?

V.

Отъ юности сперва борола много
Меня страстей безумная тревога.
Потомъ ко мнѣ, мечтательности врагъ,
Пришло чредой законной размышленье;
И, засоренъ отбросами сомнѣнья,
Источникъ слезъ молитвенныхъ изсякъ.
Но, увлеченъ забвеньемъ ли преступнымъ,
Въ холодное ль раздумье погруженъ,—
Лишь раннею весной заслышу звонъ,
Что падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ,
Задумчиво и грустно съ высоты,—
О, молодость! въ душѣ всплываешь ты;
И хочется тогда мнѣ возвратиться
Къ утраченнымъ раскаянья слезамъ;
И я иду въ забытый мною храмъ
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

VI.

Опять подъ сводами церковными стою;
И сердце смягчено; и духа прибываетъ;
И совѣсть я блюду свободную мою
Предъ Тѣмъ, Кто лишь хулы на духа не прощаетъ.
Стою среди толпы, склоняющейся въ прахъ;
И чувствую: душа участьемъ къ ней согрѣта.
Источникъ истины, любви, добра и свѣта,
Одинъ лишь Богъ Христа—помощникъ ей въ скорбяхъ.
Въ надеждѣ, что придутъ ей свыше утѣшенья,
Она лишь проситъ силъ въ страданьяхъ и въ борьбѣ;
И, съ нею за-одно, я полонъ умиленья
При пѣньѣ: „Господи! воззвахъ къ Тебѣ“...

VII.

Выносится въ толпу святая плащаница.
Всѣ разступаются, склоняясь передъ ней.

Я слышу тихій плачъ. Заплаканныя лица
Мнѣ видны сквозь огни безчисленныхъ свѣчей.
Свершилось! Кончены предсмертныя страданья.
Умершій на крестѣ положенъ въ гробъ Христосъ.
И въ пѣньѣ клироса мнѣ слышится рыданье,
И я роняю самъ скупыя капли слезъ...

VIII.

Благодарю мое задумчивое дѣтство,
И юность пылкую мою благодарю;
Я не растратилъ ихъ духовнаго наслѣдства,
И прежнимъ пламенемъ порой еще горю.
Но я—отжившаго обломокъ поколѣнья...
О, прежде чѣмъ придутъ послѣднія мгновенья,—
Тотъ духъ евангельскій пусть овладѣетъ мной,
Что вѣялъ благостно мнѣ раннею весной!
И мой къ могилѣ путь, среди житейскихъ терній,
Тогда бы озарилъ свѣтъ тихій, свѣтъ вечерній...

Алексѣй Жемчужниковъ.

УЧИТЕЛИ БОККАЧЧІО

ОЧЕРКЪ.

„Декамеронъ“ явился въ результатѣ продолжительнаго жизненнаго и литературнаго опыта, въ теченіе котораго у Боккаччіо копились наблюденія, вырабатывались формы, громоздились чтенія и отбрасывались ненужные шлаки эрудиціи. Цицероновская фраза „Декамерона“ не даетъ понятія о той массѣ классическаго хлама, которымъ переполненъ „Филоколо“, о тѣхъ классикахъ, которыхъ надо было перечесть, текстахъ, которые приходилось одолѣвать при помощи комментарія, выпрошеннаго у пріятеля, безъ правильнаго руководства и въ разбродъ, среди безсознательныхъ восторговъ у гробницы Виргилія и неразборчивыхъ увлеченій фабулой мифа, звукомъ героическаго имени, одной репутаціей древности.

Такова была школа, которую продѣлалъ въ Неаполѣ юный Боккаччіо, заброшенный туда волею отца, сначала ученикомъ въ торговый домъ деи-Барди, затѣмъ студентомъ канонической права. Но торговля ему претила; отъ своихъ канонистовъ онъ бѣгалъ, какъ отъ язвы, спасаясь въ поэзію. Чѣмъ менѣе знанія и школьной подготовки могъ принесть съ собою изъ Флоренціи семнадцатилѣтній юноша, тѣмъ интереснѣе вопросъ: кто вліялъ въ Неаполѣ на его ранніе классическіе вкусы, кто оставилъ теоретическій слѣдъ въ его міросозерцаніи? То были люди изъ кружка короля Роберта,—школа была случайная, страстность замѣняла методъ.

Боккаччіо такъ разсказываетъ въ одномъ эпизодѣ своего перваго романа (Филоколо), отъ имени пастуха Идалага, содержаніе своей неаполитанской жизни. Мы только раскроемъ покровъ аллегоріи. Ребенкомъ, онъ слѣдовалъ путями отца-пастуха (былъ

въ наукѣ у купца); но когда окрѣпло въ немъ врожденное ему благородство духа, онъ, оставивъ низменные холмы, потщился воззойти трудными тропами къ болѣе высокимъ предметамъ, когда по неосторожности впалъ въ сѣти Амура, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться (V, 238). Какіе это предметы—это объясняется изъ слѣдующихъ подробностей того же эпизода. Покинувъ отцовскія поля (Флоренцію), Идалагъ явился въ эти прелестныя сѣни (Неаполь), чтобы продолжать дѣло, которому научился (торговое); здѣсь, пребывая съ почтеннымъ пастухомъ Кальметой, которому вѣдома была сущность почти всѣхъ вещей, онъ слушалъ, когда, подъ звуки свирѣли, тотъ поучалъ его измѣненіямъ и движенію луны, почему она то теряетъ, то обновляетъ свой свѣтъ, порой замедляется въ своемъ эпициклѣ, течетъ то быстрѣе, то ровнѣе. Его еще грубый умъ увлекается этими наставленіями, и онъ усвоиваетъ ихъ, не какъ арабъ въ пустынѣ, а пристальнымъ изученіемъ. Ставъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, онъ, покинувъ пастушескую жизнь, весь отдался Палладѣ; одиночество лѣса облегчило ему слѣдованіе по ея труднымъ стезямъ; онъ сторонится стрѣлъ Амура и все же становится жертвой „коварнаго стрѣлка“ (V, 243, 246 и слѣд.). Итакъ, обученіе у Кальметы, увлеченіе Палладой и затѣмъ сѣти Амура: все это—наука и любовь.

Кальмета — Андалоне ди Негро — родомъ изъ Генуи, извѣстный математикъ и астрономъ, много путешествовавшій и видѣвшій на своемъ вѣку (род. ок. 1260 г.), человѣкъ образованный и, можетъ быть, поэтъ. Онъ-то и увлекъ молодого Боккаччіо на стези Паллады, и ученикъ всегда хранилъ о немъ благодарную память, красовался своими астрономическими знаніями, и когда ему случалось коснуться какого-нибудь хронологическаго момента личныхъ воспоминаній, разсѣянныхъ въ его романахъ, любилъ выражать ихъ описательно, терминами ходячей астрономіи. Въ своей генеалогіи боговъ онъ постоянно цитуетъ Андалоне по вопросамъ хронологіи, астрономіи и астрологіи, потому что Андалоне вѣрилъ въ астрологическія бредни, читалъ арабскаго астролога Алѝ и самъ оставилъ „Introductio ad judicia astrologica“. Увлеченіе не новое: какъ въ XIII столѣтіи Фридрихъ II и Эццелино да Романо держали астрологовъ Ѳеодора и Гвидо Бонатти, такъ король Робертъ приблизилъ къ себѣ Андалоне и Діонисія da Borgo San Sepolcro, профессора богословія и философіи въ парижскомъ университетѣ, впослѣдствіи (съ 1339 г.) епископа монопольскаго, а извѣстный Сессо d'Ascoli былъ астрологомъ при Карлѣ Калабрійскомъ, сынѣ Роберта. Боккаччіо могъ познакомиться съ Діонисіемъ въ послѣдній годъ своего неаполи-

танскаго пребыванія; Петрарка тѣсно сблизился съ нимъ, вѣроятно, въ Парижѣ въ 1333 году, и у него искалъ утѣшенія и совѣта въ борьбѣ съ своей страстью. По естественной слабости къ другу, онъ поощрялъ его и короля Роберта къ занятіямъ астрологіей, хотя при другихъ случаяхъ, между прочимъ, въ письмѣ къ Боккаччіо (Sen. III, 1), рѣзко выступалъ противъ вѣры въ вліяніе звѣздъ и въ возможность изъ ихъ сочетаній предвидѣть судьбу. Боккаччіо остался вѣренъ астрологіи, какъ и его Фьямметта (Fiammetta, 62), развивалъ ея ученіе и въ генеалогіи боговъ, и въ послѣднемъ своемъ трудѣ: „Чтеніяхъ о Божественной Комедіи". Если Петрарка въ этомъ вопросѣ представляется большимъ раціоналистомъ,—Боккаччіо отвѣчаетъ общему типу людей Возрожденія, среди которыхъ увлеченіе астрологіей унаслѣдовано отъ древнихъ и арабовъ и было естественнымъ выраженіемъ переходной эпохи сознанія. Личность развилась, и чѣмъ сильнѣе ощущалась ея цѣнность, тѣмъ страстнѣе было желаніе увѣренности, опредѣленія; если пути Промысла неисповѣдимы, то многое вѣщаютъ звѣзды. Соединялось несоединимое: въ королѣ Робертѣ богословъ уживался съ астрологомъ; личность, отважно вышедшая искать своей доли, встрѣтилась съ желѣзной стѣной фатализма; вопросъ о судьбѣ, о Фортунѣ, совершенно въ языческомъ смыслѣ этого понятія, сталъ очереднымъ: его поднимаютъ Петрарка и Боккаччіо; иные дни „Декамерона" сами собой распредѣляются по категоріямъ счастливой или несчастной судьбы; въ трактатѣ Боккаччіо о „Роковой судьбѣ великихъ людей" чудовищный образъ Фортуны врывается къ поэту и запрещаетъ злословить ее.

Всѣ эти вопросы могли предстать еще юношѣ Боккаччіо въ его бесѣдахъ съ Андалоне; живымъ отзвукомъ такихъ бесѣдъ, очевидно, интересовавшихъ и ученика, и учителя, является апологъ о Фортунѣ полу-школьнаго, полународнаго содержанія, разсказанный Андалоне. Встрѣтились однажды Фортуна, понятая здѣсь, какъ счастье, богатство,—и Нищета; встрѣтились и вступили въ перебранку и бой, въ которомъ первая побѣждена и покоряется условіямъ побѣдительницы. Далѣе значеніе Фортуны мѣняется: это уже Судьба, въ услуженіи которой стоятъ образы, знакомые народной сказкѣ: Счастливой и Несчастной Доли (Fortunium и Infortunium). И вотъ Нищета требуетъ: пусть Счастливая Доля ходитъ свободно по свѣту, куда пошлетъ ее Судьба, а Несчастную прикуютъ цѣпями къ столбу, чтобы ей нельзя было тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ,—развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ ея путы. Это сказочный мотивъ:

лихая доля привязывается къ тому, кто освободитъ ее—закованную, запертую; вмѣстѣ съ тѣмъ это и практическій, и логическій выходъ изъ идей фатализма: несчастная доля — въ рукахъ самого человѣка.

Такъ могъ рѣшать въ благодушномъ противорѣчіи съ собой старикъ Андалоне; прислушался ли къ нему Боккаччіо? Его письмо къ Аччьяйоли 1341 года, подписано: „враждебный Судьбѣ“ (см. Любовное Видѣніе, XXXI, 17); „враждебной Судьбѣ“ зоветъ себя и не признанная мужемъ Джилетта изъ Нарбоны (Дек., III, 9). Раннія письма Боккаччіо наполнены жалобами на фортуну, Рамнузію, и позже онъ не выходитъ изъ противорѣчія фатума и свободы: если Фьямметта влюбилась, то это была ея доля (Fiammetta, стр. 103); доля дается небесами (l. c., стр. 152) и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣку вольно отдаться или нѣтъ всесильному Амуру (l. c., стр. 149).

Въ генеалогіи боговъ Боккаччіо упоминаетъ и другого человѣка, которому онъ многимъ былъ обязанъ въ первые годы своей неаполитанской жизни. Съ 1332 года мы встрѣчаемъ при дворѣ, въ званіи клерика, нотаріуса канцеляріи и королевскаго библіотекаря Паоло изъ Перуджіи, игравшаго не послѣднюю роль въ ученомъ кружкѣ Роберта. Ранняя классическая начитанность Боккаччіо, особливо по отдѣлу миѳологіи, идетъ изъ этого источника. „Если былъ когда-либо человѣкъ, съ такимъ увлеченіемъ разыскивавшій повсюду, по приказанію своего повелителя, рѣдкія книги, историческія и поэтическія—то это былъ онъ; человѣкъ степенный, уже немолодой, полный разнообразнаго знанія, онъ написалъ громадный трудъ, названный имъ Liber Collectaneum, гдѣ кромѣ многихъ другихъ свѣденій, относящихся къ разнымъ предметамъ, собрано было все, что можно было найти о языческихъ богахъ, не только у латинянъ, но и у грековъ, какъ я полагаю, при помощи Варлаама“. Изъ этой энциклопедіи многое извлекъ юный Боккаччіо; онъ самъ — такой же собиратель: его записная тетрадь представляетъ репертуаръ самыхъ разнообразныхъ свѣденій и помѣтокъ, и въ содержаніи классической древности его всегда привлекаетъ фабула, новелла миѳа. Это — свойство таланта и, можетъ быть, печать учителя. Когда впослѣдствіи, приступивъ къ своей генеалогіи боговъ, Боккаччіо вспомнилъ о коллектанеяхъ своего учителя, ихъ не оказалось на-лицо: Паоло покинулъ дворъ еще до смерти Роберта (1343 г.), жилъ въ нуждѣ, обремененный семействомъ, пока королева Джіованна не утвердила за нимъ мѣста нотаріуса въ Terra di Lavoro, доходами котораго онъ жилъ, держа тамъ замѣстителя. Онъ умеръ

въ пору чумы 1348 года, а его жена Біэлла, находясь въ стѣсненномъ положеніи, растеряла всѣ его сочиненія. Отъ него остался лишь комментарій къ сатирамъ Персія и небольшой генеалогическій перечень древнихъ боговъ и героевъ, очевидно, предназначенный для школьнаго обихода. Онъ можетъ дать понятіе о соотвѣтствующей части Collectanea Паоло, которыми Боккаччіо пользовался, но съ выборомъ, порой предпочитая его толкованіе мнѣа другимъ, нерѣдко расходясь съ нимъ, постоянно его цитуя, кое-когда ссылаясь и на источникъ его греческой мудрости —монаха Варлаама.

Зналъ ли онъ лично этого страннаго человѣка, предшественника захожихъ въ Италіи византійскихъ ученыхъ XV вѣка, подвижного и заносчиваго, тщеславнаго и задорнаго греко-итальянца, показывавшаго среди грековъ презрѣніе къ византійской культурѣ и учености, а на Западѣ предъявлявшаго свидѣтельства императоровъ, именитыхъ и ученыхъ людей, что уже давно не являлось мужа столь замѣчательнаго и великаго знанія, какъ онъ?

Бернардо, въ монашествѣ Варлаамъ, родился въ концѣ XIII-го в. въ греческой Калабріи, въ Семинарѣ, гдѣ въ сосѣднемъ монастырѣ св. Филарета воспитывался и принялъ постриженіе. Насколько онъ обязанъ своимъ образованіемъ монастырской или вообще итальянской школѣ, или школамъ Солуня, гдѣ онъ былъ раньше, чѣмъ въ 1327-8 году объявился въ Константинополѣ— сказать трудно; упрекъ въ крайнемъ пристрастіи итальянцевъ къ силлогизму, который имъ такъ же необходимъ, какъ лопата копачу и весло—плывущему, предъявляется и Варлааму его византійскими противниками; если это не полемическая выходка, то— свидѣтельство вліянія западной схоластической науки.

Пробывъ нѣкоторое время въ Солуни и на Аѳонѣ, гдѣ познакомился съ господствовавшими тамъ мистическими теченіями, онъ переѣхалъ въ Константинополь, гдѣ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе императора Андроника Младшаго и его родственника Іоанна Кантакузина. Онъ былъ ученъ и краснорѣчивъ, быстро усвоивалъ и отлично излагалъ, превозносясь своимъ знаніемъ и, какъ говорили его противники, строя свою общественную репутацію на приниженіи и порицаніи другихъ. Кантакузинъ, впослѣдствіи ему враждебный, былъ совершенно увлеченъ его „латинской ученостью“; ему, пришельцу, поручено было преподаваніе богословія и толкованіе ученій св. Діонисія Ареопагита, а въ 1331 году онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ монастыря Пандократора, одного изъ важныхъ въ Константинополѣ. Полный самомнѣнія, онъ вызвалъ на ученый споръ Никифора

Григору, но былъ пораженъ и осмѣянъ, какъ увѣряетъ его совопросникъ, добавляя, что именно эта неудача и побудила его искать славы на другомъ поприщѣ: удалившись въ Солунь, онъ поднялъ догматическій споръ, взволновавшій византійскую церковь: о еретическихъ мудрованіяхъ аѳонскихъ иноковъ гезихастовъ касательно таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, въ защиту которыхъ выступилъ св. Григорій Палама.

Между тѣмъ Варлаамъ, въ чести у императора, ведетъ бесѣду съ послами папы Іоанна XXII, явившимися въ Константинополь въ 1333-4 году по вопросу о соединеніи церквей, а въ 1338-9 году отправленъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Дандало къ королю Роберту, Филиппу IV и Бенедикту XII говорить о томъ же соединеніи и общихъ военныхъ мѣрахъ противъ турокъ, занявшихъ Малую Азію. Переговоры ни къ чему не привели; взамѣнъ того они открыли Петраркѣ и Боккаччіо новые горизонты знанія. Когда въ Авиньонъ явился Варлаамъ, этотъ „современный представитель греческой мудрости“ (Petrarca, „De sui ipsius et aliorum ignor.“), Петрарка вздумалъ учиться у него греческому языку: ему хотѣлось въ подлинникѣ познакомиться съ греками, которыхъ онъ зналъ лишь въ отраженіяхъ римлянъ; у него уже былъ экземпляръ Платона; позднѣе грекъ Николай Сигеръ доставилъ ему Гомера, и Петрарка просилъ его о присылкѣ Гезіода и Эврипида; но они для него нѣмы; онъ все еще надѣялся научиться ихъ языку, какъ то удалось въ старости Катону, и лишь быстрый отъѣздъ Варлаама, а затѣмъ назначеніе его епископомъ Джераче и ранняя смерть помѣшали этому намѣренію. Зато рвенія было много: „каждый день приходилъ ко мнѣ Варлаамъ,—писалъ Петрарка Сигеру (Fam. XVIII, 2),—и, какъ онъ самъ заявлялъ, получалъ отъ бесѣды со мною не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ я отъ него. Говорилъ ли онъ такъ искренно, или изъ любезности—не знаю; вѣрно одно, что если въ греческомъ языкѣ онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ, его латинская рѣчь лишена была всякаго изящества и его прекрасный умъ, изобиловавшій идеями, былъ бѣденъ словами для ихъ выраженія. Потому, поочередно подавая другъ другу руку, я невѣрнымъ шагомъ робко вступалъ въ его царство; онъ, подъ моимъ руководствомъ и часто съ большимъ успѣхомъ слѣдовалъ за мною въ мое. Ибо между нами было еще и то отличіе, что онъ гораздо болѣе зналъ по-латыни, чѣмъ я по-гречески; въ послѣднемъ я былъ совсѣмъ новичкомъ, въ первомъ онъ пошелъ нѣсколько далѣе, потому что, родившись въ итальянской Греціи и будучи старше меня, онъ имѣлъ случай обращаться съ латинами,

они были его учителями, и ему было легко вернуться къ старой привычкѣ".

Въ Неаполѣ, гдѣ Варлаамъ былъ весною 1339 года, отправляясь въ Авиньонъ и на обратномъ пути въ сентябрѣ, онъ познакомился съ ученымъ кружкомъ короля Роберта и вошелъ въ особую дружбу съ Паоло изъ Перуджіи, которому доставилъ свѣденія и толкованія по греческимъ миѳамъ изъ какихъ-то „древнѣйшихъ греческихъ анналъ". И Паоло, и Боккаччіо, позволяютъ себѣ кое-когда противорѣчить его показаніямъ, но полны уваженія къ этому „человѣчку, маленькому ростомъ, но великому наукой", предъявлявшему на то царскія ручательства. „Ему ли не повѣрю я, особливо въ томъ, что̀ касается Греціи?—продолжаетъ Боккаччіо.—Я не видѣлъ ни одного его труда, хотя слышалъ, что онъ написалъ ихъ нѣсколько; были у меня нѣкоторыя его писанія, не сведенныя въ книгу и безъ заглавія, свидѣтельствовавшія, что если въ латинской литературѣ онъ не былъ достаточно свѣдущъ,—многое видѣлъ и проницательно уразумѣлъ".

По возвращеніи съ Запада, гдѣ онъ не достигъ цѣли своего посольства, Варлаамъ является въ Солуни и на Аѳонѣ; здѣсь и разыгралась его распря съ гезихастами и Паламой, которыхъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ разошедшійся съ Варлаамомъ Кантакузинъ. Обличенія Варлаама побудили созвать въ св. Софіи соборъ на 11-ое іюня 1341 года; соборъ рѣшилъ не въ его пользу, и онъ покинулъ Грецію; въ 1341 г. онъ снова въ Неаполѣ, въ 1342—въ Авиньонѣ. Вліяніе Петрарки доставило ему епископство въ Джераче, епархіи православнаго исповѣданія, недалеко отъ Семинары; здѣсь онъ и умеръ въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ.

Общественная и церковная дѣятельность Варлаама представляется чѣмъ-то двойственнымъ, перемѣнчивымъ, что̀ легко вмѣнить его психологическому типу, если забыть условія времени и обстоятельствъ и колеблющійся обликъ личностей и народныхъ группъ, случайно поставленныхъ на политическихъ или культурныхъ границахъ. Они—прирожденные посредники; ихъ симпатіи по-неволѣ двоятся, и переходъ на ту или другую сторону совершается при меньшемъ давленіи разсчета или увлеченія, не вызывая обычныхъ идей вмѣняемости, но и роковымъ образомъ не возбуждая ничьихъ симпатій. Калабріецъ Леонтій Пилатъ, у котораго позднѣе Боккаччіо учился по-гречески, такой же двуличный типъ: итальянецъ съ греками, грекъ съ итальянцами, онъ выдаетъ себя за уроженца Солуни, бранитъ Италію, разставаясь съ Петраркой, и снова напрашивается въ эту благосло-

венную страну, осыпая хулами все византійское. Ему недостаетъ лишь общественной, отвѣтственной дѣятельности, которая бросаетъ тѣнь на Варлаама. Уроженецъ Италіи, грекъ по исповѣданію, Варлаамъ явился естественнымъ дѣятелемъ въ вопросѣ объ единеніи церквей; онъ пишетъ и говоритъ противъ латинянъ, посвящаетъ какому-то Франциску свой трактатъ противъ папскаго главенства, затѣмъ становится на сторону католичества, очевидно, озлобленный гоненіями, которыя навлекъ на себя въ Византіи. Было ли это дѣломъ убѣжденій, явился ли Варлаамъ сознательнымъ орудіемъ церковной интриги,—эти вопросы здѣсь не важны; существеннѣе вопросъ о двойственности его образовательнаго ценза. Если Кантакузинъ называетъ его „единомышленникомъ латинянъ", то этимъ не только выражается подозрѣніе въ религіозномъ единомыслiи, но и въ качествѣ, и характерѣ его знаній. Петрарка и Боккаччіо ставили ихъ очень высоко, но на вѣру: они не знали многотомныхъ писаній Варлаама по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ, ни его этики по ученію стоиковъ, ни его трактатовъ по астрономіи, ни толкованій ко второй книгѣ Птолемеева сочиненія „о музыкѣ"; если присоединить къ этому его занятія Эвклидомъ, Аристотелемъ и Платономъ, о чемъ говоритъ его противникъ Кантакузинъ, то получится очень почтенный кругъ знаній, которымъ въ то время могли обладать немногіе. Григора, очевидно, искажаетъ факты, когда въ своей исторіи говоритъ о латинской лишь учености Варлаама, а эллинской онъ будто бы коснулся лишь концами пальцевъ, и окончательно переходитъ въ преувеличеніе, изображая намъ (въ своемъ Діалогѣ Флорентій) фигуру хвастливаго воина отъ науки, Ксенофана-Варлаама, Ѳразимахова сына. Онъ явился изъ Калабріи, гдѣ не осталось и слѣда не только эллинскихъ музъ, но и того языка, которымъ говорятъ греческіе крестьяне и копаги; по рожденію латинянинъ-итальянецъ, онъ говоритъ на діалектѣ, по-гречески лишь съ затрудненіемъ. Свои знанія онъ, какъ слышно, пріобрѣлъ не въ Калабріи, а въ глубинѣ Италіи, и не обширныя, а лишь по Аристотелевой физикѣ и логикѣ, которыми особенно занимаются латиняне и итальянцы, и не въ подлинникѣ, а въ старомъ переводѣ на ихъ языкъ. Какъ человѣкъ, любящій все отъ природы прекрасное, онъ возъимѣлъ желаніе лучше научиться эллинскому языку; почему, переправившись въ Калидонъ, городъ этолійцевъ, здѣсь совсѣмъ преобразилъ и языкъ, и бороду, и платье, и манеру, и обычай, рѣшивъ, что не слѣдуетъ ни брить бороды, ни одѣваться въ латинское платье, чуждое грекамъ, съ которыми ему пришлось бы общаться,

а дабы ему болѣе вѣрили и его не подозрѣвали, облекся въ темную мантію. Оттуда онъ перешелъ въ нѣкій ѳессалійскій городъ, славившійся своею ученостью далеко за предѣлами сосѣдей; не уступая въ этомъ отношеніи ни одному изъ главныхъ городовъ отъ Этоліи до Локръ Озольскихъ, онъ отстоялъ отъ Аѳинъ и Аттики не менѣе какъ на 2.000 стадій. Пробывъ здѣсь нѣкоторое время и пріобыкнувъ къ греческому языку, онъ возмечталъ о себѣ,—и какъ у людей, непривычныхъ къ вину, оно бьетъ въ голову и они видятъ невидимое и не то, что̀ есть, такъ и онъ, исполнясь гордыни, почелъ себя великимъ человѣкомъ, чреватымъ всякой мудростью, а на другихъ смотрѣлъ свысока. Узнавъ, что въ Константинополѣ, „этой столицѣ всякой мудрости", не было въ то время Митродора (Метохита, великаго логоѳета), а Никогора (Григора) наложилъ на себя невольное молчаніе, онъ явился туда, надѣясь легко заработать себѣ славу, ибо считалъ тамошнихъ софистовъ и риторовъ обрѣзками философовъ, торгующихъ мудростью по мелочамъ. Онъ сталъ ходить по площадямъ и на собранія, обѣщая научить всякаго въ короткое время и за малую цѣну, далеко мѣньшую стоимости,—ему не торговаться стать, какъ мелочнымъ продавцамъ,—а иныхъ онъ поучалъ и даромъ.

Когда онъ услышалъ о пріѣздѣ Никогора и Митродора, то возревновалъ къ ихъ славѣ и принялся ихъ злословить:—Гдѣ эти скитальцы, столь ложно восхваленные? Пусть явятся и покажутъ, что̀ такое они взяли у Аристотеля, что̀ знаютъ объ искусствѣ различенія и анализа, объ аподиктическихъ и діалектическихъ силлогизмахъ? А я хочу показать константинопольцамъ нѣчто новое и совсѣмъ неожиданное.—Былъ онъ человѣкъ большой памяти, и что̀ прочелъ, то передавалъ устно, подробно, точно по книгѣ, особливо толкованія всѣхъ твореній Аристотеля. Наморщивъ лобъ, онъ принимался различать ученіе о наукахъ вообще и науку о добродѣтеляхъ, украшающихъ душу, и въ послѣдней установлялъ еще дѣленіе, опредѣленное понятіями борьбы: тѣло противъ тѣла и слово противъ слова, понятія, и далѣе—восходя уже до недѣлимыхъ. Что до науки или искусства добродѣтели вообще и безразлично, то усвоить его легко всякому, къ нему обращающемуся, за нѣсколько драхмъ; кто бы желалъ послушать о справедливости и мужествѣ, какая изъ этихъ двухъ добродѣтелей души выше, тому станетъ ясно, что мужество касается войнъ и разбоя, справедливость же противоположнаго. Когда ему замѣчали на это съ удивленіемъ, что въ своемъ анализѣ онъ отнесъ мужество къ видамъ добродѣтелей души, а теперь относитъ его къ тѣлесной

мерзости, онъ ничего другого не отвѣчалъ, какъ то, что тутъ все дѣло въ словахъ, которыми пусть занимаются грамматики,—не тѣ, что желаютъ философствовать въ направленіи Аристотеля. У него явились послѣдователи, которые повѣрили ему и уже стали-было негодовать, не видя исполненія обѣщаній; они-то и побудили его вызвать на преніе Никогора: ему либо власти не позволятъ выступать, либо самъ онъ, опечаленный своими невзгодами и тяжкой болѣзнью друга Митродора (Метохита † 1332), не приметъ вызова, что̀ будетъ принято за боязнь, и слава Ксенофана поднимется; какъ отъ блестящихъ и свѣтлыхъ предметовъ свѣтъ отражается на близкіе къ нимъ, такъ слава врага—на нападающемъ. Такъ говорили Ксенофану его пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали предварительно поучиться у ихъ грамматиковъ правильному словоупотребленію—какъ бы противникъ, не обращая вниманія на содержаніе рѣчей, не сразилъ его съ перваго слова за ихъ плохой эллинизмъ.—Неужто мнѣ, такому философу, словно раку, попятиться назадъ въ ребячью школу?—говорилъ, негодуя, Ксенофанъ; вѣдь это значило бы желать убѣлить эѳіопа. Лучше я изложу вамъ вкратцѣ, что̀ я имѣю сказать, а вы пройдитесь по моимъ рѣчамъ вашимъ грамматическимъ канономъ, будто губкой,—что̀ и было сдѣлано.

Никогоръ принялъ вызовъ нехотя и по принужденію; собралось много народа: одни—послушать Ксенофана; другіе, мудрецы, поглядѣть, какъ Никогоръ сниметъ съ Константинополя позоръ: въ былое время говорили, что не слѣдъ носить въ Аѳины совъ, теперь ни по чемъ стали галки и майскіе жуки. Ксенофанъ храбро заявляетъ превосходство своихъ знаній надъ присутствующими мудрецами; пусть спрашиваютъ его о чемъ угодно,—и онъ цитуетъ стихъ Гомера. Никогоръ даетъ ему вопросъ изъ астрономіи, не трудный, а такой, который доступенъ школьникамъ, дабы тѣмъ болѣе посрамить Ксенофана. И онъ дѣйствительно не отвѣчаетъ ни слова, смущенъ, колеблется и говоритъ:—Зачѣмъ спрашиваешь ты меня о томъ, что̀ недоступно смертнымъ? Кто изъ земнородныхъ когда-либо восходилъ на небо, чтобы повѣдать людямъ о звѣздныхъ путяхъ? Онъ отрицаетъ эту возможность, пересыпая свой отвѣтъ обрывками стиховъ. Въ толпѣ поднялся смѣхъ и свистъ, Ксенофана срамятъ, а Никогоръ велитъ всѣмъ умолкнуть: не всѣмъ дано все знать; немудрено, что Ксенофанъ, родившійся среди латинянъ, не знаетъ астрономіи: этой наукой, процвѣтающей у эллиновъ, тамъ не занимаются. Ксенофанъ можетъ проявить свои знанія на чемъ-либо иномъ.—На всемъ, кромѣ астрономіи и связанныхъ съ ней наукахъ,—говоритъ Ксенофанъ.

и возмущается, когда Никогоръ ласково и спокойно задаетъ ему вопросъ по грамматикѣ: въ этомъ рабскомъ, служебномъ искусствѣ, какъ и въ реторикѣ, философъ не нуждается; напрасно Никогоръ указываетъ ему, что только благодаря посредству языка дошли до насъ творенія Аристотеля и Платона; что безъ реторики не обошлись ни Горгій, ни Демосоенъ, ни Ѳукидидъ, ни Платонъ, величайшій изъ эллинскихъ „гласовъ“.—Занятіе такими пустяками не позволяетъ украшать душу, а въ этомъ была моя высочайшая цѣль,—отвѣчаетъ Ксенофанъ. Снова зашумѣла толпа; послѣдователи Ксенофана присѣли, краснѣя; онъ самъ попался, какъ рыба въ сѣти, и, бѣшено обратившись на себя, какъ вакханки на Пенѳея, сбросилъ куколь и платье и бросился бѣжать. Когда его удержали, укоряя малодушіемъ, онъ сталъ бранить Никогора, что тотъ коварно поступаетъ съ нимъ, сознательно задавая ему вопросы, на которые онъ не можетъ отвѣтить, обходя знакомые ему. Никогоръ, улыбаясь, успокоиваетъ его и настолько ободряетъ, что Ксенофанъ предлагаетъ испытать его въ философіи Аристотеля и во всѣхъ познаніяхъ, которыя съ нею связаны и къ ней ведутъ: онъ утверждаетъ, что Аристотель отрицалъ, какъ служебныя и ложныя, занятія грамматикой и реторикой, и сознается Никогору, что никогда не видѣлъ и не слышалъ объ относящихся сюда сочиненіяхъ Аристотеля; относительно же всего, что̀ касается до физики, онъ готовъ разсуждать научно путемъ діалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ.—Но силлогизмы—принадлежность низшаго пониманія,—отвѣчаетъ Никогоръ;—это ложныя украшенія, органы, устроенные для другой цѣли; только итальянцы и тѣ, кто, учившись у нихъ, коснулись лишь концами пальцевъ предверія науки, не поняли, чего ради слѣдуетъ учиться этому искусству, и на силлогизмахъ остановились, полагая, что въ нихъ все, какъ кормчій судна счелъ бы себя искуснымъ, купивъ дома руль, или музыкантъ, пріобрѣтя плектръ. Древніе изобрѣтатели философіи и логики, слѣдуя водительству разума, исходили изъ высшаго умозрѣнія и, почерпая въ немъ привычку невещественной вѣры, уже затѣмъ обращались къ вещественному, познаваемому чувствами, возводя его къ единому началу, какъ бы по лѣствицѣ, которую уготовилъ имъ свыше разумъ въ силу присущаго ему знанія. Тотъ заслуживаетъ похвалы, кто, не будучи въ состояніи взойти изъ этого начала, взберется по этой лѣствицѣ къ юдоли истиннаго познанія, но еще болѣе тотъ, кто, овладѣвъ имъ и отправившись отъ единаго по существу, обратится къ подлежащему чувствамъ, раскиданному въ разнообразіи явленій и вмѣстѣ вышедшему изъ одного корня, и въ пестрой связи многаго усмотритъ

единое. Все это зналъ Аристотель, и какъ поэты въ образахъ миѳа показываютъ отраженія истины, такъ и онъ изобрѣлъ для нихъ же и для той же цѣли нѣсколько извѣстныхъ, но обманчивыхъ методовъ.

Въ дальнѣйшемъ спорѣ Ксенофанъ удаляется на задній планъ и выступаетъ вмѣсто него одинъ изъ его товарищей, Ксенократъ, такой же, какъ онъ, аристотеликъ, но болѣе знающій и готовый убѣдиться, тогда какъ Никогоръ раскрываетъ, съ постоянными ссылками на то или другое сочиненія Аристотеля, его противорѣчія и колебанія между его собственными положеніями и мнѣніями древнихъ мыслителей—Пиѳагора, Демокрита, Анаксимандра, Галена и Иппократа, лучшаго изъ ѳеологовъ Гермеса Трисмегиста и „великаго гласа Эллады" Платона. Противъ него Аристотель тѣмъ болѣе провинился, порицая его, что является неблагодарнымъ его ученикомъ. Противорѣчія объясняются не изъ промаховъ памяти,—ихъ слишкомъ много,—а изъ неясности мысли, когда съ одной стороны говорится о безсиліи человѣческаго пониманія, съ другой—чувственный міръ ставится впереди чувственнаго воспріятія, какъ его условіе, а человѣческое знаніе сводится къ неясному представленію истины, добытой изъ внѣшнихъ воспріятій и запечатлѣнной живописцемъ природы на скрижаляхъ души. Если захотѣть глубже проникнуть въ сущность вещей, я обратился бы скорѣе къ дельфійскимъ богословамъ: недоумѣваютъ и они, но близкое общеніе съ божествомъ просвѣщаетъ ихъ свыше. Но что говорить о богословахъ Дельфъ, когда я могу указать на лучшихъ, чѣмъ они, и также полныхъ недоумѣнія передъ тайной сущаго? На этомъ я кончу.

Конченъ и споръ. Никогоръ увѣнчанъ, какъ побѣдитель; Ксенофанъ подвергается порицанію за то, что захотѣлъ вмѣшаться въ число философовъ, выдавъ за золотой или серебряный—сосудъ изъ неблагороднаго металла. Ксенофанъ сгорѣлъ отъ стыда, готовъ провалиться или утопиться, умеръ бы съ горя, еслибы кое-кто не успокоилъ его ласковыми словами. Онъ затѣваетъ отмстить за пораженіе: ходитъ къ ученикамъ Никогора, подъ видомъ обученія, но усвоивъ себѣ кое-что по астрономіи и математикѣ, начинаетъ обстрѣливать Никогора тупыми стрѣлами; тотъ отмалчивается. Видя свое невѣжество обнаруженнымъ, онъ отплылъ изъ Константинополя на сѣверъ въ нѣкій ѳессалійскій городъ (Солунь), извѣстный своей ученостью; тамъ онъ собираетъ деньги, ратуетъ, и препирается въ союзѣ съ другими, либо по найму, противъ Никогора.

Діалогъ Григоры, очевидно, памфлетъ, въ которомъ захожему

ученому, осмѣлившемуся принести совъ въ Аѳины, предназначено сложить оружіе передъ бездной византійской учености. Она была значительна: Григора, прозванный у своихъ современниковъ „философомъ", былъ человѣкъ широкаго образованія, учившійся астрономіи у великаго логоѳета Ѳеодора Метохита, такого же, какъ и онъ, полигистора, и въ свою очередь обучавшій его дѣтей, объясняя имъ древнихъ писателей; Палама—знатокъ философіи и естественныхъ наукъ. Въ сравненіи съ ними Варлаамъ—почти неучъ, и это—выходка полемиста, ритора, утверждавшаго, что по правиламъ его искусства въ похвальныхъ словахъ можно говорить что̀ угодно. Важнѣе то, несомнѣнно историческое, освѣщеніе, въ которомъ представляется намъ ученый типъ Варлаама: онъ главнымъ образомъ діалектикъ, преданный силлогизму и ничего не знающій выше того Аристотеля, котораго изучали въ западныхъ школахъ. Эту діалектическую ловкость, увлеченіе свѣтской наукой вообще онъ вносилъ въ богословскіе споры. Его послѣдователи, Акиндинъ, Димитрій Солунскій, монахъ Прохоръ—также силлогисты, какъ и онъ. — Меня обвиняютъ,—говоритъ послѣдній,—что я пользуюсь въ своихъ разсужденіяхъ силлогизмами, считая ихъ оракуломъ богословія. Но что же дѣлать? Наши очи затмились, духовные стражи слѣпотствуютъ, проповѣдники нѣмы, поучаемые расположены недоброжелательно къ учителямъ своимъ и не считаютъ себя обязанными ихъ слушаться. Неужели теперь бросить силлогизмъ, это единственно оставшееся средство къ отысканію истины?—Противники требовали этого: Григора пишетъ цѣлый трактатъ въ цѣляхъ ограничить роль силлогизма въ вопросахъ догмата; Палама оспариваетъ Варлаама словами святыхъ мужей и богослововъ, и не силлогизмами и геометрическими выкладками, уличаетъ его въ томъ, что „богодѣйственную премудрость Духа онъ ставитъ наравнѣ съ уроками философіи", потому будто бы, что Господь сообщилъ намъ и „наставленія посредствомъ боговоздѣйствія, и уроки философическіе". Въ направленномъ противъ Варлаама трактатѣ „о двухъ началахъ" онъ упрекаетъ его въ пристрастіи къ діалектикѣ и греческимъ философамъ. „Посмотримъ на плоды просвѣщенія Сократовскаго и Платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужъ не дозволеніемъ ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не почитаніемъ ли демоновъ и героевъ? Не ссылкою ли нашихъ душъ съ неба въ тѣла разныхъ животныхъ? А Аристотелево маловникающее провидѣніе, что это такое?" Въ другомъ посланіи („объ эллинскомъ мудрованіи") Палама выступилъ противъ положенія Варлаама, будто нѣтъ никакихъ доказательствъ ни объ одномъ изъ божественныхъ

дѣлъ, приводя доводы и называя доказательства Аристотеля неопредѣленными и неумѣстными. Еще болѣе рѣзко высказывается о Варлаамѣ патріархъ константинопольскій Нилъ въ похвалѣ Паламѣ:—для Варлаама нѣтъ ничего выше эллинской мудрости, непререкаемости силлогизмовъ и добытой такимъ путемъ истины; если кто не продѣлалъ этого пути, нельзя приблизиться и къ познанію Бога, говоритъ онъ; не побывавъ въ школѣ Пиѳагора, Аристотеля и Платона, не научившись у нихъ законамъ природы, происхожденія и разрушенія сущаго, нельзя познать истины. А если Богъ—истина, то тотъ, кто не научился у эллинскихъ мудрецовъ движенію небесныхъ тѣлъ и природы, т.-е. истинѣ, не въ состояніи познать и Бога.—Такимъ неразумѣемъ зараженъ не одинъ Варлаамъ, а издавна всѣ латины; ихъ философы, иноки, видятъ въ этомъ цѣль совершенства; даже мальчики въ школахъ отдаютъ предпочтеніе тѣмъ изъ старшихъ, кто овладѣлъ мірской мудростью, пренебрегая друзьями Божьими, пекущимися о просвѣщеніи души. Такъ мелочно судитъ онъ о великомъ, утверждая, что надо знать все открытое древними мудрецами и слѣдовать имъ во всемъ хорошемъ, будь они эллины, скиѳы или варвары, ибо лишь такимъ образомъ просвѣтится умъ и ему доступно станетъ знаніе какъ божественныхъ, такъ и человѣческихъ дѣлъ.

Мы признали въ грубоватой характеристикѣ Варлаама у Григоры долю страстныхъ выходокъ; но эти выходки—типическія. Читая нареканія Анны Комнены на Іоанна Итала, мы невольно припоминаемъ Ксенофана: Италъ—столь же сильный въ философіи Аристотеля и Платона, оффиціальный преподаватель философіи, но и его также обвиняютъ въ ереси и эллинскихъ мудрованіяхъ; онъ также несвѣдущъ въ грамматикѣ и не отвѣдалъ нектара реторики; греческій языкъ обличаетъ въ немъ иностранца изъ латинскихъ областей, рѣчь отличается деревенскимъ пошибомъ. Какъ Ксенофанъ, онъ страшенъ, невоздержанъ въ аффектѣ, напыщенъ и у него вся сила въ страшной діалектикѣ, которою онъ опутаетъ всякаго; въ спорахъ онъ непобѣдимъ. Онъ знакомъ съ византійской школой и слушалъ Пселла, но родомъ онъ итальянскій грекъ, долго жилъ въ Сициліи, затѣмъ въ Ломбардіи; Пселлъ называетъ его лонгобардомъ. Чѣмъ онъ обязанъ западному воспитанію, мы не знаемъ,—и остается открытымъ вопросъ, что опредѣляло оригинальность его философскихъ воззрѣній, оказавшихъ извѣстное вліяніе и на западную схоластику.

Въ вопросѣ о Варлаамѣ раздѣлъ западныхъ и византійскихъ теченій провести легче. Онъ прошелъ латинскую школу,—это опредѣляетъ его роль въ спорѣ съ византійцами. За видимой проти-

воположностью богословія и эллинской мудрости чувствуется нѣчто другое, а именно—противорѣчія аристотелевской философіи и того неоплатонизма, которымъ освѣщаются, въ концѣ діалога „Флорентій", рѣчи Никогора, и которымъ безсознательно питается, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, мистицизмъ аѳонскихъ гезихастовъ. Варлаамъ отнесся къ нему какъ узкій раціоналистъ и діалектикъ, схватывая показные концы, подходя съ силлогизмомъ къ анализу нерукотворнаго ѳаворскаго свѣта и поднимая на смѣхъ монаховъ-простецовъ, выработавшихъ, какъ пріемъ созерцательнаго самоуглубленія—„смотрѣніе въ пупъ". Изученіе платоновской философіи, никогда не прекращавшееся въ Византіи, поднятое авторитетомъ Пселла, вызвало здѣсь броженіе мысли, оживленный споръ аристотеликовъ съ платониками, напоминающій аналогическое движеніе въ позднѣйшемъ „возрожденіи". Въ концѣ XIII-го и въ началѣ XIV-го вѣка Николай Хумнъ пишетъ противъ платоновской философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нападавшихъ на нее неумѣлыхъ аристотеликовъ; Григора—платоникъ, сознательно платонизируетъ въ стилѣ, и его философскимъ противникомъ является Агаѳангелъ; Кантакузинъ комментируетъ Аристотеля; аристотеликъ Варлаамъ втягивается въ общее теченіе, взявшись объяснять проникнутыя неоплатонизмомъ писанія Діонисія Ареопагита; Платонъ и Аристотель стоятъ на очереди въ его перепискѣ съ Георгіемъ Лапиѳомъ.

Имя Георгія Лапиѳа переноситъ насъ въ одинъ изъ тѣхъ центровъ культурнаго и литературнаго общенія между Западомъ и Византіей, какимъ въ то время могъ являться еще Неаполь:—въ Кипръ ко двору короля Гуго IV. Та же помѣсь народностей, греческой и романской, что и въ Неаполѣ, но въ обратномъ отношеніи; царитъ французская династія Лузиньяновъ и развивается потребность учиться не только греческому и французскому, но и сирійскому языку для сношенія съ восточными патріархатами. Король Гуго извѣстенъ какъ мудрый и счастливый администраторъ, освободившій греческое населеніе отъ рабства, въ которомъ держали его первые завоеватели Кипра; и Боккаччіо, и пріятель Лапиѳа, Григора, написавшій риторическій панегирикъ Гуго, прославляютъ подвиги его государственнаго устроенія и любовь къ наукамъ. Онъ занимается богословіемъ и интересуется астрологіей: въ бытность свою въ Римѣ ищетъ знакомства съ Андалоне ди Негро и ведетъ дружбу съ другимъ извѣстнымъ математикомъ XIV-го вѣка, котораго нерѣдко цитуетъ и Боккаччіо, Павломъ Геометромъ; любитъ бесѣдовать съ учеными, являвшимися къ нему въ его замокъ въ горахъ Св. Иларіона; въ числѣ ихъ

былъ и Георгій Лапиѳъ, имѣвшій невдалекѣ прекрасное помѣстье. По словамъ Григоры, король особенно чтилъ его, какъ за его достоинства, такъ и за обширныя познанія. Самъ Гуго былъ не мало посвященъ въ латинскую мудрость, продолжаетъ Григора, и по этой причинѣ постоянно держалъ при себѣ ученыхъ латинянъ, но болѣе дорожилъ музой и обществомъ Георгія, ибо, говорилъ онъ, „правители становятся мудрыми отъ общенія съ мудрецами". Вслѣдствіе этого онъ одинаково овладѣлъ и той, и другой наукой, какъ греческой, такъ и латинской, въ которыхъ Георгій былъ одинаково силенъ, и любилъ присутствовать при его спорахъ съ учеными латинянами, которыхъ онъ поражалъ силлогизмами, точно стрѣлами, особенно когда дѣло заходило о благочестіи отцовъ; случалось, что, обрушиваясь на нихъ свидѣтельствами св. Писанія, онъ заставлялъ ихъ нѣмотствовать, какъ рыбъ, и когда это сердило короля, успокоивалъ его прелестью своей рѣчи и доводами истины. Всѣ, хотя бы немного причастные къ греческой или латинской наукѣ, отдавали ему пальму первенства въ такого рода спорахъ, въ которыхъ ставились, вѣроятно, и вопросы по астрологіи. Самъ Лапиѳъ занимается ею, изучаетъ Птолемея и астрономическія сочиненія древняго и новаго времени, устраняетъ вопросы, выходящіе за предѣлы, положенные священными законами, допуская тѣ, которые позволяютъ съ надлежащей осторожностью искать причины вещей, и это потому, главнымъ образомъ, чтобы не смутиться хитросплетеніями латинянъ, много занимающихся этой наукой, и самого короля, къ которому нерѣдко являлись для ученыхъ споровъ арабы изъ Египта, полагающіе въ астрологіи главную суть человѣческаго знанія.

Богословскіе вкусы короля объясняются, какъ его религіозностью, такъ и церковными спорами, поднимавшимися на Кипрѣ между представителями той и другой церкви, выразившимися между прочимъ распрей о древѣ креста, принесеннаго на островъ царицей Еленой. Тѣмъ же богословскимъ, но болѣе теоретическимъ интересамъ отвѣтилъ и трактатъ Боккаччіо о генеалогіи боговъ. Гуго побудилъ его къ этому труду черезъ посредство одного изъ своихъ служилыхъ людей, Доннино изъ Пармы; позже, когда въ 1346-7 году Боккаччіо находился въ Равеннѣ, къ нему явился съ тѣмъ же напоминаніемъ одинъ изъ ближнихъ короля, флорентинецъ Беккино Беллинчьони. Тогда-то Боккаччіо вспомнилъ о „коллектанеяхъ" Паоло и замѣткахъ Варлаама. Послѣднія онъ приводитъ не разъ въ объясненіе того или другого мѳа. Такъ, разсказъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ и камняхъ, которые они бросали позади себя

и которые превращались въ людей, толковался Варлаамомъ такъ, что супруги убѣдили людей, спасшихся отъ потопа въ каменныя пещеры, выйти оттуда, когда миновала опасность, и снова населить землю. Сходное толкованіе дается миѳу о Діанѣ и Аполлонѣ, родившихся на окутанномъ туманомъ островѣ Ортигіи: послѣ потопа, бывшаго при царѣ Огигесѣ, отъ влажной и вмѣстѣ горячей земли пошли такія облака, что на Эгейскомъ морѣ и въ Ахайѣ не видать было ни луны, ни солнца; когда облака разрѣдились, особенно на островахъ, гдѣ испареній земли, вслѣдствіе сосѣдства моря, было меньше, случилось однажды ночью, за часъ до разсвѣта, что, впервыхъ, усмотрѣны были лучи мѣсяца, а затѣмъ и солнечные. Это возбудило общую радость, и о свѣтилахъ, которыя считали погибшими, стали говорить, что Аполлонъ и Діана родились на островѣ Ортигіи, прозванномъ Делосомъ, ибо тамъ они какъ бы объявились впервые. Варлаамъ, очевидно, не шелъ дальше внѣшняго эвгемеризма и натурализма въ стезяхъ усвоеннаго имъ философскаго міровоззрѣнія, а Боккаччіо вносилъ его показанія въ угловатую, но грандіозную по замыслу генеалогію боговъ, пытавшуюся объединить поэзію и религію.

Когда въ 1339 году Варлаамъ явился въ Неаполь, Боккаччіо былъ еще тамъ; онъ могъ видѣть заѣзжаго грека и заинтересоваться имъ, но изъ всего видно, что личнаго знакомства не было, и посредникомъ между ними являлся Паоло. Такъ объясняются нѣкоторыя противорѣчивыя съ виду показанія Боккаччіо. Онъ говоритъ, что Варлаамъ былъ малъ ростомъ, какъ будто видѣлъ его; нѣкоторыя писанія Варлаама были у него въ рукахъ, но онъ могъ получить ихъ отъ Паоло. На него онъ ссылается, приводя показанія Варлаама. Одно изъ нихъ чрезвычайно характерно. Паоло разсказывалъ въ присутствіи Боккаччіо, будто слышалъ отъ Варлаама, что въ его время не было во всей Греціи, на островахъ и побережьѣ, ни одного именитаго человѣка, которому онъ не разъяснилъ бы его происхожденія отъ какого-нибудь языческаго бога. Передъ нами цѣлая картинка нравовъ: ученый хвастунъ, можетъ быть, увлекшійся въ своей похвальбѣ до вѣры въ нея, и наивная аудиторія, довѣрчиво ловящая каждое его слово.

Роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной. Воспитанный въ преданіяхъ западной университетской школы, гдѣ царили схоластика и арабскій Аристотель, онъ и въ Греціи не освободился отъ ея метода: въ Византіи его укоряютъ пристрастіемъ къ діалектикѣ, и Аристотелю противополагаютъ Платона и христіанскій неопла-

тонизмъ. На западѣ, въ кружкахъ начинавшагося „возрожденія", онъ засталъ сходное движеніе: Петрарка жаждетъ прочесть Платона въ подлинникѣ и жалуется, что скорый отъѣздъ Варлаама помѣшалъ ему въ этомъ дѣлѣ. Онъ также ратуетъ противъ схоластики, діалектики и Аристотеля, и увлекается Платономъ, котораго знаетъ изъ римскихъ писателей и немногихъ доступныхъ ему переводовъ, но понимаетъ болѣе чутьемъ: именно его имя и ученіе отвѣтило его внутреннему спросу, спросу „возрожденія". Платонъ для него—потокъ божественнаго краснорѣчія, первый изъ числа философовъ, всего ближе подошедшихъ къ поставленной небомъ цѣли, къ ученію христіанства; Боккаччіо называетъ его въ своей генеалогіи—богословомъ. Это почти тѣ же воззрѣнія, что и у Пселла, и у Григоры. Варлаамъ проходитъ мимо того и другого движенія безучастно; будучи средневѣковымъ схоластикомъ, онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьями лишь знаніемъ греческаго языка, а его возвеличили—въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма, и на которыя онъ не могъ отвѣтить.

Александръ Веселовскій.

ОПЕКУНЪ

Романъ Бретъ Гарта.

Съ англійскаго.

ПРОЛОГЪ.

Въ Санъ-Франциско, къ великому удивленію переселенцевъ съ востока, „дождливый сезонъ“ оказался самой несомнѣнной дѣйствительностью. Днемъ еще мелькало по временамъ солнце изъза густыхъ тучъ, но за краткими днями слѣдовали долгія ночи съ непрерывнымъ дождемъ. Капли дождя стучали какъ барабанная дробь по цинковымъ крышамъ „піонеровъ“ или катились непрерывнымъ потокомъ. Юго-восточные вѣтры доносили соленое дыханіе Тихаго океана даже въ оживленные центры Коммерческой и Кернейской улицъ. Расположенный въ низинѣ проспектъ Миссій превратился въ болото, а вдоль Сити-Родъ, несмотря на столбы, насыпь и дамбу, волны Тихаго Океана заявляли о себѣ грязью и пѣной вплоть до Сэпсомской улицы. Деревянные тротуары въ улицахъ Клей и Монгомери превратились въ деревянные мосты или понтоны; въ улицѣ Монгомери и на площади образовались опасныя и глубокія рытвины, и въ нихъ безнадежно завязали колеса проѣзжающихъ экипажей; ихъ приходилось вытаскивать руками добровольцевъ-прохожихъ.

И вотъ какъ разъ одна изъ такихъ выручennыхъ изъ бѣды каретъ подъѣхала къ общественному зданію, извѣстному подъ именемъ Городской-Ратуши. Изъ кареты вышла женщина подъ густымъ вуалемъ и поспѣшно вошла въ зданіе. Немногіе прохожіе обернулись, чтобы поглядѣть на нее, частью потому, что жен-

скія фигуры были вообще рѣдкостью въ ту отдаленную эпоху, о которой идетъ рѣчь, а тѣмъ болѣе такія стройныя и „дамскія", какъ эта женская фигура въ частности.

Когда она проходила по корридору и поднималась по чугунной лѣстницѣ, мимо нея пробѣжало нѣсколько человѣкъ, но ихъ вниманіе было поглощено различными дѣлами, привлекшими ихъ въ ратушу. Только одинъ изъ нихъ уставился на нее такъ, какъ будто ея наружность ему была знакома, затѣмъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ за нею. Когда она остановилась у двери съ надписью: „Кабинетъ мэра", онъ также остановился и со взглядомъ юмористическаго удивленія оглядѣлся, какъ бы ища, съ кѣмъ бы подѣлиться впечатлѣніемъ,—и пошелъ прочь.

Женщина же вошла въ большую переднюю, и у нея вырвался вздохъ облегченія, когда она увидѣла, что передняя пуста; она подозвала сторожа и спросила его о чемъ-то чуть слышно. Сторожъ въ отвѣтъ прошелъ въ другую комнату, съ надписью: „секретарь мэра", и вернулся, повидимому, съ молокососомъ, лѣтъ семнадцати или восемнадцати,—но удивительно блестящіе и живые глаза были единственнымъ признакомъ молодости въ его сдержанномъ лицѣ. Оглядѣвъ женщину съ полу-мальчишескимъ, полу-оффиціальнымъ видомъ, онъ пригласилъ ее сѣсть съ усиленной серьезностью, точно онъ игралъ заученную роль взрослаго мужчины и переигрывалъ; послѣ того онъ взялъ ея визитную карточку и вернулся съ нею въ свою контору. Но тутъ онъ не сталъ на голову и не прошелся колесомъ, какъ можно было бы отъ него ожидать. Налѣво была большая, обитая зеленой клеенкой, дверь съ мѣдными гвоздиками и на ней надпись: „Приватно". Эту дверь онъ толкнулъ и вошелъ въ приватное помѣщеніе мэра.

Муниципальный сановникъ Санъ-Франциско, статный, военнаго вида господинъ пожилыхъ уже лѣтъ, сидѣлъ, приставивъ спинку своего оффиціальнаго стула къ стѣнѣ, а ноги положивъ на спинку другого стула, который служилъ для той же цѣли и другому господину, сидѣвшему напротивъ него въ креслѣ. Оба лѣниво курили.

Мэръ взялъ карточку изъ рукъ секретаря, взглянулъ на нее, издалъ звукъ: гмъ!—и передалъ собесѣднику, а тотъ вслухъ прочиталъ: „Кэтъ Говардъ"—и протяжно свиснулъ.

— Гдѣ она?—спросилъ мэръ.

— Въ передней, сэръ.

— Кто-нибудь есть еще?

— Нѣтъ, сэръ.

— Говорили вы ей, что я занятъ?

— Да, сэръ, но, кажется, она спросила сама, кто у васъ, и когда я ей сказалъ, она объявила:—тѣмъ лучше, я хочу также видѣть и полковника Пендльтона.

Присутствующіе вопросительно поглядѣли другъ на друга, а полковникъ Пендльтонъ вдругъ присвоилъ себѣ право мэра и рѣшилъ:—Зовите ее сюда!—при этомъ онъ выпрямился въ креслѣ.

Минуту спустя дверь отворилась, и вошла незнакомка. Когда она, затворивъ за собой дверь, приподняла вуаль, то оказалась очень красивой женщиной лѣтъ за тридцать. Необходимо прибавить только, что это лицо было знакомо обоимъ господамъ и всему Санъ-Франциско.

— Ну, Кэтъ,—сказалъ мэръ, указывая ей на стулъ, но не двигаясь самъ и не перемѣняя позы:—вотъ я самъ, а вотъ полковникъ Пендльтонъ—и теперь мой пріемный часъ. Чѣмъ можемъ служить вамъ?

Еслибы онъ принялъ ее съ оффиціальной формальностью или нѣсколько вѣжливѣе, она, быть можетъ, смутилась бы, несмотря на смѣлость, выражавшуюся въ ея глазахъ и привычное сознаніе силы. Возможно, что собственная развязность мэра и развязность его товарища были лишь инстинктивнымъ проявленіемъ ихъ добродушія и тонкости чувствъ. Она такъ и поняла это, взяла фамильярно стулъ и сѣла на него бокомъ, закинувъ одну руку на его спинку, въ свободной и не лишенной граціи позѣ.

— Благодарю васъ, Джэкъ... я хочу сказать, г-нъ мэръ, и васъ также, Гарри. Я пришла по дѣлу. Я хочу, чтобы вы оба согласились быть опекунами моей маленькой дочери.

— Вашей... чего?—въ одинъ голосъ спросили господа.

— Моей дочери,—повторила она съ короткимъ смѣхомъ, въ которомъ, однако, звучала вызывающая нотка.—Конечно, вы не знаете, что у меня есть дочь. Ну вотъ, чтобы не терять лишнихъ словъ, говорю вамъ, что у меня есть дочка, и она находится на воспитаніи въ монастырѣ Санта-Клары. Я берегла ее, господа, берегла отъ всякаго зла. А теперь хочу обезпечить ея будущее. Слушайте. Я хочу укрѣпить за ней все мое состояніе, около семидесяти-пяти тысячъ долларовъ... вѣдь, вы знаете, Босъ Снеллингъ уговорилъ меня купить водяныя акціи годъ тому назадъ... ну, и вотъ, я хочу назначить законныхъ опекуновъ, душеприказчиковъ, или какъ они тамъ называются, чтобы они распоряжались за нее ея имуществомъ.

— Кто ея отецъ?—спросилъ мэръ.

— Какое вамъ до этого дѣло?—сказала она вспыльчиво.

— Всякое... потому что отецъ ея естественный опекунъ.

— Предположимъ, что онъ неизвѣстенъ... положимъ, онъ умеръ.

— Если умеръ, то и прекрасно,—отвѣчалъ мэръ важно.

— Да, если умеръ, то и прекрасно,—повторилъ полковникъ Пендльтонъ.

Послѣ паузы, въ продолженіе которой оба какъ бы хоронили этого загадочнаго родителя, мэръ зорко взглянулъ на женщину.

— Кэтъ, вы поссорились съ Бобомъ Ридлей?

— Бобъ Ридлей слишкомъ хорошо меня знаетъ, чтобы ссориться,—коротко отвѣтила она.

— Значитъ, вы дѣлаете это только ради дочери, какъ сказали?

— Разумѣется. Кажется, этого довольно?

— Да.

Мэръ снялъ ноги со спинки стула и выпрямился. Полковникъ Пендльтонъ сдѣлалъ то же самое и вынулъ сигару изо рта.

— Я полагаю, что вы еще хорошенько подумаете, прежде чѣмъ рѣшиться,—прибавилъ онъ.

— Нѣтъ... я хочу кончить это *теперь*... здѣсь на мѣстѣ, не выходя изъ бюро.

— Но вы знаете, что это будетъ уже неизмѣнно.

— Этого-то я и хочу... что бы потомъ ни случилось.

— Но вы ничего не оставляете себѣ, и если вы все отдадите дочери и перемѣните образъ жизни, то...

— Кто сказалъ, что я его перемѣню?

Оба замолкли и уставились на нее.

— Слушайте, господа, вы меня не понимаете. Съ того дня, какъ бумага эта будетъ подписана, я навѣки разстанусь съ ребенкомъ. Онъ поступитъ подъ ваше вѣденіе и вы взростите, воспитаете ее богатой дѣвушкой... и она не должна знать, *кто* я или гдѣ я. Она и теперь не знаетъ. Я не заявляла ни ей, ни монахинямъ, что я ей мать. Онѣ думаютъ, что я—знакомая матери. Она видѣла меня разъ или два въ жизни и не узнаетъ, еслибы снова увидѣла. Да вотъ, на-дняхъ, она прошла мимо меня съ сестрами и другими воспитанницами во время прогулки и не узнала меня... но одна изъ сестеръ узнала. Впрочемъ, онѣ и не болтливы... Да вотъ что еще: вѣдь вы, Джекъ, въ качествѣ мэра, бываете въ школѣ на экзаменахъ... и должны знать ее. Маленькая дѣвчурка, лѣтъ девяти, густые волосы, какъ у меня, и такого же цвѣта, а глаза темные. Въ бѣломъ платьицѣ съ желтымъ поясомъ. На шеѣ ожерелье изъ настоящаго жемчуга. Я *купила* его сама у Тукера, заплатила двѣсти пятьдесятъ долларовъ и послала.

ей передъ послѣднимъ экзаменомъ, вмѣстѣ съ большимъ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и сирени.

— Помню, что видѣлъ ее на эстрадѣ,—отвѣчалъ мэръ важно. —Такъ это ваша дочка?

— Да, да... и не дура, скажу вамъ. Но это къ дѣлу не идетъ. То, что мнѣ нужно теперь, это—чтобы вы и Гарри смотрѣли за ней и за ея имуществомъ такъ, какъ еслибы меня не было въ живыхъ. Больше того,—такъ, какъ еслибы *я никогда не жила на свѣтѣ*. Я обращаюсь къ вамъ, господа, потому что считаю васъ честными людьми и знаю, что вы меня не выдадите. Но я хочу это сдѣлать крѣпко-на-крѣпко; я хочу, чтобы вы взяли на себя опекунство не въ качествѣ Джека Гаммерсли, но въ качествѣ *мэра Санъ-Франциско*. И когда вы уступите мѣсто другому мэру, онъ приметъ опекунство отъ васъ, и такъ далѣе. Я хочу, чтобы опекунъ былъ всегда уроженецъ Санъ-Франциско и мэръ города... по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока дитя достигнетъ совершеннолѣтія. Конечно, новый человѣкъ не долженъ знать, кѣмъ и почему такъ завелось. Пусть исполняетъ свои обязанности безъ разспросовъ. Онъ долженъ помѣщать деньги какъ слѣдуетъ и платить изъ доходовъ все, что слѣдуетъ, и совѣтоваться съ Гарри когда нужно.

Оба они поглядѣли другъ на друга одобрительно.

— Но подумали ли вы о преемникѣ и для меня, въ случаѣ если кто-нибудь застрѣлитъ меня до истеченіи десяти лѣтъ?—спросилъ Пендльтонъ такимъ же важнымъ тономъ, какъ и мэръ.

— Я думаю, что такъ какъ вы президентъ банка Эльдорадо, то передадите свою опекунскую обязанность каждому новому президенту. Вы должны уговорить директоровъ согласиться на это, также какъ Джекъ уговоритъ муниципальный совѣтъ возложить эту обязанность на мэра.

Они встали съ мѣстъ и, обмѣнявшись взглядомъ, молча поглядѣли на нее.

Наконецъ мэръ сказалъ:

— Это можно сдѣлать, Кэтъ, и мы это для васъ сдѣлаемъ,—не правда ли, Гарри?

— Разсчитывайте на меня,—кивнулъ головой Пендльтонъ.

— Но вѣдь вамъ нуженъ третій человѣкъ.

— Къ чему?

— Рѣшающій голосъ, въ случаѣ возникнетъ какое затрудненіе.

Женщина измѣнилась въ лицѣ.

— Я хотѣла сохранить эту тайну между вами двумя,—горько замѣтила она.

— Не бѣда. Мы найдемъ кого-нибудь, или вы подумаете и пріищете.

— Но я хотѣла кончить это дѣло теперь же,—проговорила она нетерпѣливо.

Съ минуту она помолчала, нахмуривъ густыя черныя брови. Потомъ вдругъ сказала:

— Кто этотъ милый мальчикъ, что ввелъ меня сюда? У него лицо внушающее довѣріе.

— Это Поль Гетвей, мой секретарь. Онъ умный малый, но слишкомъ молодъ. Однако, постойте! это не помѣшаетъ. Законъ ничего не говоритъ о возрастѣ опекуна, а голова у него очень, очень солидная,—замѣтилъ мэръ задумчиво.

— А я скажу: тѣмъ лучше, что онъ молодъ,—поспѣшно промолвилъ полковникъ Пендльтонъ.—Онъ выросъ въ Санъ-Франциско и не зараженъ проклятыми восточными понятіями, которыя у другихъ надо еще выбивать изъ головы, и согласится на все, не задавая нескромныхъ вопросовъ. Я бы взялъ его.

— Позовите его!—сказала женщина.

Онъ пришелъ. Блестящіе его глаза, крѣпко сжатыя губы и умный лобъ обращали на себя вниманіе.

Мэръ коротко, но дѣловито объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Ваша обязанность, м-ръ Гетвей,—заключилъ онъ,—въ настоящее время будетъ чисто номинальная, а главное, конфиденціальная. Полковникъ Пендльтонъ и я справимся пока одни съ дѣломъ.

Юноша поклонился въ знакъ согласія и хотѣлъ выйти, но женщина жестомъ остановила его.

— Покончимъ все теперь же,—сказала она мэру.—Напишите бумагу, которую мы всѣ трое и подпишемъ.

Она пристально поглядѣла на юношу отчасти изъ любопытства и желанія убѣдиться, точно ли онъ заслуживаетъ ея предпочтенія, отчасти, чтобы видѣть, не проявитъ ли онъ какой-нибудь мальчишеской выходки. Но юноша отвѣтилъ спокойнымъ и серьезнымъ взглядомъ на ея взглядъ, какъ будто вся ея прошлая жизнь была для него ясна.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышно было только, какъ скрипѣло перо по бумагѣ въ рукахъ мэра. Вдругъ онъ пересталъ писать и спросилъ:

— Какъ ее зовутъ?

— Она не должна носить моего имени,—сказала женщина торопливо.—Это входитъ въ мой планъ. Она должна носить такое имя, которое ничѣмъ бы не напоминало обо мнѣ. Придумайте-ка

вдвоемъ, господа. Что-нибудь такое, чтобы показать, что она дочь города, знаете.

— Вы не захотите назвать ее Санъ-Франциска?—съ сомнѣніемъ спросилъ полковникъ Пендльтонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала женщина съ серьезностью, устранявшей всякія дальнѣйшія поползновенія на какія-нибудь инсинуаціи.

— Или, напримѣръ, Хризополинія?—спросилъ мэръ.

— Но вѣдь это только имя, а надо же ей фамилію,—нетерпѣливо замѣтила женщина.

— Не придумаете ли чего, Поль?—спросилъ мэръ, обращаясь къ Гетвею.—Вы такъ много читаете и позднѣе разстались съ классиками, нежели я.

Мэръ, хотя практическій человѣкъ и западникъ, любилъ по временамъ забывать про свою alma mater, коллегію Гарварда.

— Какъ вамъ нравится Эрба Буэна, сэръ?—отвѣчалъ юноша серьезно.—Это старинное испанское названіе одного здѣшняго поселка. Оно происходитъ отъ названія, какое далъ патеръ Юниперо Серра дикой виноградной лозѣ, что рдстетъ на песчанистыхъ холмахъ и означаетъ: „добрая трава“. Онъ назвалъ ее „бальзамъ для раненыхъ и огорченныхъ“.

— „Для раненыхъ и огорченныхъ“?—повторила медленно женщина.

— Такъ говорятъ,—отвѣчалъ Гетвей.

— Вы шутите?—спросила она съ улыбкой, которая, впрочемъ, чуть только скользнула по ея губамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ мэръ поспѣшно.—Онъ говоритъ правду. Я часто это слышалъ. И прекраснѣйшее это будетъ имя Эрба имя, а Буэна—фамилія. Ее будутъ звать миссъ Буэна, когда она выростетъ.

— Пусть будетъ Эрба Буэна!—рѣшила женщина.

И среди воцарившагося безмолвія снова заскрипѣло перо мэра по бумагѣ. Полковникъ Пендльтонъ застегнулъ сюртукъ, оправилъ воротникъ, закрутилъ длинные усы и направился къ окну, не глядя на женщину. Затѣмъ мэръ всталъ съ мѣста и съ нѣкоторой формальной любезностью, до сихъ поръ не проявлявшейся въ его манерахъ, передалъ ей перо и пригласилъ сѣсть въ кресло за его столомъ. Она взяла перо и быстро подписала бумагу. Другіе послѣдовали ея примѣру и по знаку мэра тоже подписались. Сторожа позвали изъ прихожей засвидѣтельствовать подписи. Когда это было сдѣлано, мэръ обратился къ секретарю:

— Готово, Поль.

Новоиспеченный юный опекунъ серьезно поклонился и вышелъ. Когда зеленая клеенчатая дверь за нимъ затворилась, мэръ внезапно повернулся къ женщинѣ, держа въ рукахъ бумагу.

— Послушайте, Кэтъ, еще время одуматься и, если вы пожелаете, разорвать эту бумагу. Если вы рѣшитесь на это, обѣщаюсь вамъ, никто никогда не узнаетъ о томъ, что здѣсь произошло. Никому отъ этого не будетъ худо, а мы зачтемъ вамъ усиліе, оказавшееся вамъ не подъ силу.

Она было уже встала съ кресла, но опустилась въ него вновь и нетерпѣливо глядѣла на мэра, пока онъ говорилъ, а тотъ тоже пытливо глядѣлъ на нее.

— О чемъ вы говорите?—рѣзко спросила она.

— О *васъ*, Кэтъ. Вы все отдали ребенку—съ чѣмъ же вы сами-то останетесь?

— Развѣ я уже никуда не гожусь?—спросила она, взглядывая то на того, то на другого.

Конечно, никто бы этого не сказалъ про сильную, красивую, энергичную женщину; но они промолчали.

— Это не все, Кэтъ,—продолжалъ мэръ, складывая руки и глядя на нее.—Подумали ли вы о значеніи того, что дѣлаете? вы отрекаетесь отъ всѣхъ правъ на ребенка. Вотъ что вы подписали сейчасъ и что мы теперь обязаны будемъ заставить васъ выполнить. Съ этого момента мы станемъ между вами и нею, какъ станемъ между нею и свѣтомъ. Готовы ли вы примириться съ тѣмъ, что вы будете вполнѣ исключены изъ ея жизни, что, проходя по улицѣ мимо васъ, она не будетъ васъ знать и, можетъ быть, отвернется отъ васъ, отъ особы, которой—ей скажутъ—слѣдуетъ избѣгать? Готовы ли вы закрыть глаза и уши на все, что, быть можетъ, вы о ней услышите въ ея новой жизни, когда она будетъ счастлива, богата, уважаема, богатая невѣста и, можетъ быть, жена какого-нибудь великаго человѣка? Готовы ли вы къ тому, что никто никогда не узнаетъ и *не долженъ* узнать, какую роль вы играли въ ея жизни, и что если кто-нибудь когда-нибудь обмолвится о томъ, что вы ей мать, то мы должны будемъ преслѣдовать его судомъ за клевету и диффамацію?

— Я для того сюда и пришла,—отвѣчала она.

— Если такъ, то я пришлю вамъ копію съ этого документа завтра и приму отъ васъ капиталъ.

— Чекъ здѣсь со мной,—сказала она, вынимая его изъ кармана и кладя на столъ.—Теперь, надѣюсь, все кончено. Прощайте!

Мэръ снялъ шляпу, полковникъ Пендльтонъ также; оба они

проводили ее до дверей и растворили ихъ передъ нею съ солидной вѣжливостью.

— Что вы, господа, хотите?—спросила она, поглядывая то на того, то на другого.

— Проводить васъ до кареты, м-съ Говардъ,—сказалъ мэръ голосомъ еще болѣе важнымъ, чѣмъ обыкновенно.

— По всему корридору? мимо всѣхъ, кто встрѣтится въ сѣняхъ и на лѣстницѣ? Я уже столкнулась съ Даномъ Стюартомъ, какъ шла сюда.

— Итакъ, если позволите,—сказалъ мэръ, взглядывая на полковника Пендльтона, который, не говоря ни слова, низко поклонился въ знакъ согласія.

Легкій румянецъ показался у нея на щекахъ. Это былъ единственный признакъ волненія, выказанный ею за все время свиданія.

— Я не желаю васъ безпокоить, господа, если вамъ все равно,—проговорила она съ рѣзкимъ смѣхомъ.—Быть можетъ, *вамъ* все равно, если васъ видятъ со мной, но *мнѣ* не все равно. Прощайте.

Она пожала руку имъ обоимъ. Затѣмъ вышла за дверь, опустила густой вуаль на лицо и исчезла.

— Поль, — сказалъ мэръ, вернувшись въ бюро и обращаясь къ секретарю:—вы знаете, кто эта женщина?

— Да, сэръ.

— Она одна изъ милліона! а теперь забудьте, что вы когда-либо видѣли ее.

I.

Главный салонъ гостинницы „Новыя-Золотыя-Врата“ въ Санъ-Франциско по справедливости прославлялся мѣстной прессой за великолѣпіе отдѣлки и меблировки, „достойной настоящаго дворца“, по выраженію туземныхъ репортеровъ. Но 5-го августа 1860 г. онъ былъ еще такъ новъ, точно съ иголочки, и это очевидно стѣсняло его посѣтителей; по крайней мѣрѣ, такъ можно было судить по замѣшательству, проявлявшемуся въ манерахъ четверыхъ господъ, которыхъ только-что провели въ салонъ. Поколебавшись съ минуту между двумя роскошными кушетками, обитыми свѣтловатымъ шолкомъ, одинъ изъ нихъ съ рѣшимостью отчаянія усѣлся на козеткѣ, называемой tête-à-tête, уединивъ себя такимъ образомъ отъ остальной компаніи, неизвѣстно зачѣмъ и очевидно вопреки своему желанію. Другой опустился на диванъ

и выпрямился, точно аршинъ проглотилъ. Остальные двое оставались на ногахъ, неопредѣленно глядя въ потолокъ и обмѣниваясь похвалами отдѣлкѣ и убранству комнаты съ ненужнымъ паѳосомъ и непонятно зачѣмъ—шопотомъ.

Между тѣмъ то были люди не послѣдніе въ своемъ родѣ и съ вѣсомъ, судя по ихъ рѣчамъ.

Къ нимъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти съ замѣчательно блестящими и симпатичными глазами. Окинувъ улыбающимся взглядомъ группу, онъ направился къ одиноко сидѣвшему на tête-à-tête. Тотъ немедленно всталъ съ благодарностью во взглядѣ.

— Ну, Поль, я не ожидалъ, что вы узнаете меня. Вѣдь уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ Мэрисвилѣ. А теперь вы стали великимъ человѣкомъ...

— Не знаю, какъ бы я забылъ Тони Шера или мэрисвильскихъ друзей,—прибавилъ Поль, обращаясь къ остальнымъ посѣтителямъ, которые, какъ это свойственно людямъ, уже выказывали знаки сердитаго нетерпѣнія за то, что не они были предметомъ вниманія вновь вошедшаго.

— Впрочемъ, я всегда утверждалъ, что первый шагъ къ фортунѣ сдѣланъ вами въ Мэрисвилѣ. Но я привелъ съ собой нѣсколько друзей изъ нашей компаніи и желаю вамъ ихъ представить: капитанъ Стиджеръ, предсѣдатель нашего комитета; м-ръ Генри Госкинсъ изъ фирмы Госкинсъ и Блумеръ, и Джо Слетъ изъ „Союзной Прессы“, одинъ изъ нашихъ самыхъ выдающихся журналистовъ. Джентльмены!—продолжалъ онъ, внезапно возвышая голосъ и придавая ему ораторскую напыщенность, представлявшую рѣзкій контрастъ съ его прежнимъ непринужденнымъ тономъ:—мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что это достопочтенный Поль Гетвей, младшій изъ сенаторовъ штата въ законодательномъ собраніи. Вы знаете его докладъ!

И снова переходя въ обычный разговорный тонъ, прибавилъ: —Мы прочитали о вашемъ отъѣздѣ прошлой ночью изъ Сакраменто, и я рѣшилъ, что мы придемъ пораньше, пока еще не будетъ толпы.

— Горжусь знакомствомъ съ вами, сэръ,—сказалъ капитанъ Стиджеръ, вдругъ переводя бесѣду снова на ораторскую платформу.—Я слѣдилъ за вашей карьерой, сэръ. Я читалъ вашъ спичъ, м-ръ Гетвей, и, какъ говорилъ нашему общему другу, м-ру Шеру, когда мы шли сюда, не знаю другого человѣка, который бы съумѣлъ такъ ясно изложить прямыя цѣли партіи. Ваше бичующее изложеніе такъ-называемыхъ Джефферсоновскихъ

принциповъ и ваша неумолимая укоризна резолюціи 98 г. были... были,—капитанъ прокашлялся и перешелъ въ разговорный тонъ: —были замѣчательнѣйшей вещью. Вамъ стоитъ только назначить день, сэръ, когда вы обратитесь къ намъ съ рѣчью, и я обѣщаю вамъ самую многочисленную аудиторію въ Санъ-Франциско.

— Я уполномоченъ издателемъ „Союзной Прессы“,—сказалъ м-ръ Слетъ, нащупывая записную книжку и карандашъ:— предложить вамъ столбцы его газеты для всякихъ объясненій, какія бы вы пожелали сдѣлать въ формѣ личнаго письма или отъ издателя въ отвѣтъ на критику вашего спича въ „Advertiser“, и вообще для всякихъ сообщеній, какія вы бы почли полезными для нашихъ читателей и для партіи.

— Если вы когда-нибудь завернете въ наши мѣста, м-ръ Гетвей, и заглянете ко мнѣ по-пріятельски, то я могу показать вамъ самое крупное заведеніе по части консервированныхъ припасовъ и бакалейнаго товара въ штатѣ и вообще показать вамъ Батери-стритъ. Или же, если вы назначите день, то у меня есть пара добрыхъ лошадокъ, которая мигомъ домчитъ васъ къ обѣду въ Клифъ-Гаузъ и обратно. У меня обѣдалъ губернаторъ Фискъ, и сенаторъ Дуланъ, и тотъ большой англійскій капиталистъ, который былъ здѣсь въ прошломъ году и... что-жъ, сэръ, они *остались довольны*. Или же, если вамъ угодно осмотрѣть городъ, если вы въ немъ впервые, то я берусь показать вамъ его.

Нельзя было привѣтливѣе и радушнѣе отвѣчать на всѣ эти любезности, чѣмъ это сдѣлалъ Поль Гетвей. Онъ любилъ людей даже съ ихъ слабостями и недостатками, а потому они находили его неотразимымъ.

— Я жилъ здѣсь семь лѣтъ тому назадъ,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ Госкинсу.

— Когда вода доходила до Монгомери-стритъ,—вмѣшался м-ръ Шеръ почтительнымъ, но внятнымъ шопотомъ.

— Когда м-ръ Гамерсли былъ мэромъ,—продолжалъ Гетвей.

— Вы же занимали оффиціальное положеніе — частнаго секретаря, еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста,—пояснялъ Шеръ все тѣмъ же восхищеннымъ и конфиденціальнымъ тономъ.

— Съ тѣмъ поръ городъ очень разросся, сэръ, выросъ какъ грибъ въ одну ночь, — вступился капитанъ Стиджеръ, торопливо вползая на платформу этой двусмысленной метафорой, предназначенной, какъ кажется, для вящшаго очарованія партіи нарядно одѣтыхъ молодыхъ лэди, только-что вошедшихъ въ салонъ.—Когда

тихо-океанская дорога будетъ окончена, мы будемъ естественнымъ конечнымъ пунктомъ на „Пути Націй“!

Лицо м-ра Гетвея не выразило того, что онъ уже много разъ слышалъ такія пышныя фразы, и онъ ограничился симпатическимъ согласіемъ. Точно такъ вниманіе его не было привлечено тѣмъ обстоятельствомъ, что группа молодыхъ лэди на другомъ концѣ комнаты представляла странное сходство съ той группой мужчинъ, которой онъ былъ центромъ. Молодыя барышни точно такъ же окружили одну изъ своихъ подругъ, осыпая ее комплиментами и ласками, а та принимала ихъ съ такою же юной и скрыто-иронической благосклонностью, которая тоже, удивительнымъ дѣломъ, смахивала и на его собственную. Очевидно было также, что родъ соперничества возникъ между обѣими партіями, и что по мѣрѣ того, какъ поклонники Гетвея становились шумнѣе въ выраженіяхъ своей симпатіи, поклонницы молодой особы громче и восторженнѣе привѣтствовали подругу.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, истинная борьба шла между самими партизанами; каждая выходка одной изъ нихъ вызывала соотвѣтствующую выходку другой, и въ то время, какъ обѣ повидимому поклонялись своимъ идоламъ, на дѣлѣ онѣ слѣдили другъ за другомъ и прислушивались другъ къ другу. Наконецъ, партія Гетвея получила подкрѣпленіе въ новыхъ посѣтителяхъ, и одна высокая брюнетка оппозиціи замѣтила притворно конфиденціальнымъ, но въ сущности вполнѣ явственнымъ тономъ:

— Ну, что-жъ, милая моя, я думаю, намъ не зачѣмъ слушать эту политическую дребедень, а потому не вернуться ли намъ въ дамскій будуаръ, пока не соберется комитетъ?

— Я знаю, какъ дорого ваше время, такъ какъ всѣ вы дѣловые люди,—сказалъ Гетвей, обращаясь къ своей партіи такимъ же внятнымъ голосомъ;—но прежде нежели вы разойдетесь, джентльмены, позвольте мнѣ предложить вамъ закусить въ отдѣльной комнатѣ.

И онъ непринужденно пошелъ къ двери, а красивая соперница, уже вставшая-было по приглашенію подруги, остановилась въ замѣшательствѣ, смущенная затруднительной побѣдой. Оставаться имъ здѣсь или уходить? Лэди, бывшая предметомъ дѣвическаго обожанія, обернулась въ сторону Гетвея и глаза ихъ встрѣтились. Молодая дѣвушка безпечно обратилась къ подругамъ и сказала:

— Нѣтъ, останемся здѣсь, это общественная гостиная.

— Цвѣтникъ молодыхъ дѣвицъ изъ монастыря Санта-Клара,

м-ръ Гетвей,—пояснилъ капитанъ Стиджеръ, наивно игнорируя невѣжливость юныхъ особъ, и слѣдуя за Гетвеемъ, взялъ его подъ руку. — Не послѣднее изъ нашихъ сокровищъ, сэръ. Большею частью дочери піонеровъ и всѣ—калифорнійскія уроженки и питомицы. Знатоки говорятъ, что пальма граціи, ума и высшей женской прелести принадлежитъ имъ, и что женщины востока не могутъ съ ними соперничать.

Выпустивъ этотъ парѳянскій комплиментъ, капитанъ перешелъ къ обычному разговорному тону:

— Я полагаю, что вы сами въ этомъ убѣдитесь, если пробудете здѣсь подольше. Санъ-Франциско можетъ доставить достойную невѣсту младшему изъ калифорнійскихъ сенаторовъ.

— Я боюсь, что пробуду здѣсь недѣлю и ограничусь одними дѣлами,—отвѣчалъ Гетвей, замѣтившій только, что та дѣвица, за которой ухаживали подруги, была очень хороша собой и оригинальна на видъ.—Въ сущности я пріѣхалъ отчасти повидаться съ стариннымъ знакомымъ, полковникомъ Пендльтономъ.

Трое мужчинъ переглянулись.

— О! Гарри Пендльтономъ,—сказалъ недовѣрчиво м-ръ Госкинсъ.—Неужели вы *съ нимъ* знакомы?

— Вѣдь это старинный піонеръ,—вмѣшался Шеръ успокоительно и убѣдительно:—во времена Поля полковникъ былъ здѣсь великимъ человѣкомъ.

— Я слышалъ, что полковнику не повезло,—произнесъ Гетвей внушительно, но въ *мое* время онъ былъ президентомъ банка Эльдорадо.

— А банкъ все еще не расплатился съ своими кредиторами,—сказалъ Госкинсъ.—Надѣюсь, что *вы* не разсчитываете получить деньги?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гетвей, улыбаясь:—я былъ мальчикомъ въ тѣ времена и жилъ на свое жалованье. Я ничего не знаю про затрудненія банка, но всегда считалъ полковника Пендльтона честнымъ человѣкомъ.

— Не въ томъ дѣло,—энергически заявилъ капитанъ Стиджеръ:—Гарри Пендльтона уирекаютъ въ томъ, что онъ не развивался вмѣстѣ съ штатомъ и никогда не хотѣлъ къ нему приспособиться. И не захочетъ! Онъ считаетъ, что здѣсь былъ рай между 49 и 50 гг., а затѣмъ началось паденіе. Онъ принадлежитъ къ старымъ временамъ, когда *простого слова* было достаточно, чтобы вести дѣла, и говорятъ, что въ прежнемъ банкѣ не было ни клочка бумаги на добрую половину выданныхъ имъ де-

негъ. Все это было прекрасно, сэръ, въ 49 и 50 гг.; но не годится въ 59 и 60 гг. А старикъ этого не понимаетъ.

— Но готовъ воевать за прежніе порядки,—произнесъ м-ръ Слетъ,—и терпѣнія нѣтъ съ его хронологіей. Онъ больше чѣмъ кто-либо въ штатѣ содѣйствовалъ укорененію дуэли и не хочетъ знать, что весь духъ прогресса и цивилизаціи противъ нея.

Невозможно было по лицу Поля Гетвея судить, симпатизируетъ ли онъ слабостямъ полковника Пендльтона, или согласенъ съ критикой своихъ собесѣдниковъ. Но компанія подъ вліяніемъ изрядной выпивки была имъ вполнѣ довольна, и когда, наконецъ, разошлась, то на всю гостинницу „Золотыя-Врата“ прогремѣло, что достопочтенный м-ръ Поль Гетвей прибылъ изъ Сакраменто и удостоился „неподдѣльной овація“.

Тѣмъ временемъ предметъ этой овація растянулся на кушеткѣ у окна своей комнаты и старался оживить въ памяти событія прошлыхъ лѣтъ. Молодые люди въ періодъ отъ девятнадцати и до двадцати-шести лѣтъ позабывчивы, и Поль Гетвей не только исполнилъ совѣтъ мэра выкинуть изъ головы сдѣлку, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ бюро мэра, но, отправляясь искать счастія на пріискахъ, формально передалъ всѣ свои права по администраціи имущества м-съ Говардъ, и все участіе его въ этомъ дѣлѣ ограничивалось тѣмъ, что онъ ежегодно подписывался подъ бумагами. Онъ былъ, слѣдовательно, немного удивленъ, когда нѣсколько дней тому назадъ получилъ письмо отъ полковника Пендльтона, который просилъ его пріѣхать повидаться съ нимъ.

Поль смутно помнилъ событія, происходившія восемь лѣтъ тому назадъ. А съ тѣхъ поръ много воды утекло и наступили значительныя перемѣны. Мэръ умеръ и передалъ опекунство своему преемнику, котораго Поль никогда не видалъ. Банкъ Эльдорадо обанкрутился, и хотя полковникъ Пендльтонъ все еще былъ живъ, но ясно было, что преемника у него по опекунству не будетъ, и званіе это умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Мать питомицы, м-съ Говардъ, исчезла черезъ годъ послѣ того какъ учредила опекунство надъ дочерью, и съ тѣхъ поръ о ней ничего не было слышно. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ Поль Гетвей дивился, зачѣмъ онъ понадобился полковнику Пендльтону, тѣмъ болѣе, что дѣвушка, довѣренная ихъ заботамъ, должна была скоро достигнуть совершеннолѣтія и выйти изъ-подъ опеки.

Тѣмъ не менѣе онъ повидаетъ полковника, не теряя времени, и рѣшитъ этотъ вопросъ. Онъ взглянулъ на адресъ: „гостинница Сенъ-Чарльза“. Онъ припомнилъ старый постоялый дворъ этого имени на площади. Неужели онъ пережилъ перемѣны

и улучшенія въ городѣ? Онъ разыскалъ гостинницу, казавшуюся очень жалкой сравнительно съ новыми, окружавшими ее великолѣпными зданіями. Возможно ли, что эта узкая, скрипучая лѣсенка казалась ему когда-то широкими ступенями, ведущими къ славѣ и богатству? На первой площадкѣ озабоченный слуга ирландецъ съ шваброй въ рукахъ подвелъ его къ двери въ концѣ корридора и постучался въ нее. Дверь отворилъ сѣдой негръ-слуга, державшій въ рукахъ замшу, между тѣмъ какъ пистолеты, вынутые изъ футляра и лежавшіе на столѣ, показывали, чѣмъ онъ занимался.

Впустивъ Гетвея съ большой вѣжливостью, онъ сказалъ своимъ ломанымъ англійскимъ языкомъ:

— У м-ра Гарри опять исторія, сэръ, и я долженъ вычистить его пистолеты, а если вы потрудитесь присѣсть на софу, я доложу ему о вашемъ приходѣ.

Когда негръ вышелъ въ сосѣднюю комнату, Поль поспѣшно оглядѣлся. Мебель, бывшая когда-то роскошной и изящной, теперь обветшала. Обивка полиняла и вытерлась. Полка съ книгами, среди которыхъ находилось нѣсколько юридическихъ сочиненій,— Поль припомнилъ, что существовало смутное преданіе о томъ, что полковникъ Пендльтонъ когда-то занимался юриспруденціей,— въ углу винтовка, сабля, нѣсколько классическихъ гравюръ на стѣнахъ и одинъ или два несгараемыхъ шкафа съ надписью: „Банкъ Эльдорадо“, дополняли убранство комнаты. Запахъ тлѣнія и метиловаго эѳира носился въ воздухѣ. Но все было чисто и прибрано, и нѣсколько вычищенныхъ паръ платья, аккуратно сложенныхъ на стулѣ, свидѣтельствовали о рачительности слуги. Но когда Поль заглянулъ за диванъ, то увидѣлъ сюртукъ, который былъ очевидно второпяхъ заброшенъ туда съ торчавшей въ немъ иголкой съ ниткой, и понялъ, что негръ былъ занятъ его починкой, а чистка пистолетовъ была только вѣжливымъ предлогомъ.

— Вы извините м-ра Гарри за то, что онъ приметъ васъ въ постели, но нога у него такъ разболѣлась сегодня, что онъ не можетъ стоять,—сказалъ слуга, вернувшись въ комнату.—Извините меня, сэръ,—прибавилъ онъ конфиденціальнымъ шопотомъ, но съ большимъ достоинствомъ:—если вы будете избѣгать всякихъ волнующихъ умъ предметовъ или споровъ, то тѣмъ будетъ для него лучше.

Поль съ улыбкой кивнулъ головой, и черный слуга, съ преувеличенной даже для его расы торжественной церемонностью, ввелъ его въ спальную. Она была меблирована съ такой же блекшей роскошью, какъ и гостиная, и въ ней стояла сверхъ

того низкая желѣзная походная кровать, на которой протянулась высокая, воинственнаго вида фигура полковника Пендльтона, облеченная въ шолковый проношенный до дырьевъ халатъ.

Онъ перемѣнился въ эти восемь лѣтъ. Волоса его посѣдѣли и порѣдѣли на вискахъ, но сѣдые усы все еще были густы и тщательно закручены. Лицо носило слѣды болѣзни и заботъ; по угламъ ноздрей шли глубокія морщины, говорившія о взрывахъ гнѣва и усиліяхъ сдержать его, и придавали его улыбкѣ сардоническую неподвижность. Темные глаза, горѣвшіе лихорадкой, устремились на вошедшаго Поля и съ свойственной больнымъ настойчивостью уже не отрывались отъ него.

— Ну, что, Гетвей?

Вмѣстѣ съ звуками этого голоса Поль почувствовалъ, что прошедшіе годы какъ бы ступевались, и онъ снова сталъ мальчикомъ, восхищавшимся сильнымъ мужчиной, который теперь безпомощно лежалъ передъ нимъ. Онъ вошелъ въ комнату съ смутнымъ сознаніемъ своего снисходительнаго превосходства и состраданія; но это разсѣялось при звукахъ властнаго голоса полковника Пендльтона. Несмотря на болѣзненныя ноты въ немъ, онъ все же звучалъ непобѣдимой повелительностью, и Поль вновь восхитился этимъ качествомъ въ своемъ старинномъ знакомомъ, котораго онъ не находилъ въ новыхъ.

— Я не видѣлъ васъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, Гетвей. Подойдите ближе и дайте на себя поглядѣть.

Поль подошелъ къ кровати съ дѣтской покорностью. Пендльтонъ взялъ его за руку и критически разглядывалъ.

— Я бы узналъ васъ, сэръ, несмотря на усы и эспаньолку. Въ послѣдній разъ какъ я васъ видѣлъ, это было въ бюро Джека Гамерсли. Ну, вотъ—Джекъ умеръ, да и я чуть живъ. Вы помните домъ Гамерсли?

— Да,—отвѣчалъ Поль, удивляясь вопросу.

— Знаете, нѣчто въ родѣ швейцарскаго châlet. Я помню, какъ Джекъ выстроилъ его. На-дняхъ я тамъ былъ. И что бы вы думали они сдѣлали изъ него?

Поль не могъ придумать.

— Да, сэръ, они превратили его въ церковно-миссіонерскую лавку и въ читальню для молодыхъ людей христіанскаго направленія! Но это „прогрессъ“ и „усовершенствованія“.

Онъ умолкъ и медленно, вынимая руку изъ руки Поля, прибавилъ съ угрюмымъ извиненіемъ:

— Вы молоды и принадлежите, можетъ быть, къ новой школѣ. Чтожъ, сэръ, я прочиталъ вашъ спичъ; я не принадлежу къ ней

шей партіи... моя умерла десять лѣтъ тому назадъ... но я поздравляю васъ... Джоржъ! чортъ побери! куда это малый провалился?

Негръ, величаемый такимъ юношескимъ титуломъ, несмотря на то, что былъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше своего хозяина, послѣ торопливой возни въ гостиной, появился въ дверяхъ.

— Джоржъ, шампанскаго и все, что̀ нужно для пунша этому господину! *Лучшаго*! — понимаете? Не какой-нибудь новѣйшей дряни отъ этого новаго содержателя.

Поль, которому показалось, что глаза Джоржа смущенно замигали,—что̀ онъ приписалъ опасенію вреднаго возбужденія у паціента,—попросилъ хозяина не безпокоиться, такъ какъ онъ рѣдко что пьетъ утромъ.

— Возможно, сэръ, возможно, сэръ,—поспѣшно отвѣтилъ полковникъ.—Я знаю, что по новымъ идеямъ вино вредно и все подобное; но вѣдь вы здѣсь не передъ избирателями, и я не стану принуждать васъ насильно пить, сэръ. Но такова *моя* привычка, Гетвей, старинная привычка, отжившая, можетъ быть, какъ и все остальное, но тѣмъ не менѣе привычка, и я удивляюсь только тому, что этотъ Джоржъ, который все это знаетъ, забылъ объ этомъ.

— Простите, мистеръ Гарри,—отвѣчалъ Джоржъ:—я засуетился съ разными дѣлишками и совсѣмъ изъ головы вонъ,—но я сейчасъ доставлю.

И исчезъ.

— Славный малый, сэръ, но начинаетъ портиться. Привезъ я его сюда изъ Нашвиля слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ тому назадъ *они* доказали ему, что онъ больше не рабъ, и разогорчили его въ конецъ, пока я не пообѣщалъ ему, что все останется по старому. Я, конечно, послалъ за его женой и дѣтьми—это значило выбросить за окно тысячу-восемьсотъ долларовъ—но, чортъ меня побери, если онъ не такъ же несчастливъ съ ними, какъ и безъ нихъ, потому что долженъ отрывать отъ дѣла два часа по утру, да три послѣ полудни, чтобы видѣться съ ними. Я уговаривалъ его забрать семью съ собой и идти на пріиски, чтобы разбогатѣть, какъ это дѣлаютъ всѣ эти банкиры, спекуляторы и маклеры, какъ ихъ тамъ зовутъ; или же отправиться въ Орегонъ, гдѣ его выберутъ въ мэры или въ шерифы... такъ не хочетъ. Онъ собираетъ ренту съ небольшого имущества, какое у меня осталось, и платитъ по моимъ счетамъ, сэръ, и еслибы эта глупая цивилизація оставила его въ покоѣ, онъ былъ бы добрымъ малымъ.

Поль невольно подумалъ, что рента, собираемая Джоржемъ,

вѣроятно, ничтожна, если ему приходится самому штопать платье хозяина, но въ эту минуту звонъ стакановъ послышался въ гостиной, и старый негръ появился въ дверяхъ. Выпрямившись съ церемонной вѣжливостью, онъ обратился къ Полю:

— Не угодно ли вамъ, сэръ, пожаловать и взглянуть на вино, какое вамъ угодно будетъ выбрать?

Поль всталъ и вышелъ вслѣдъ за нимъ въ пріемную, куда Джоржъ тщательно притворилъ дверь. Къ своему удивленію, Гетвей увидѣлъ подносъ съ двумя рюмками виски и полынной водки, вмѣсто шампанскаго.

— Извините меня, сэръ,—сказалъ старикъ съ достоинствомъ:—но для джентльменовъ, какъ вы, сэръ, полковникъ требуетъ лучшаго шампанскаго, а я не смѣлъ ему сказать, что здѣсь въ предмѣстьи хорошаго шампанскаго не достанешь. Не угодно ли вамъ будетъ, сэръ, чтобы не волновать полковника пустыми кулинарными дѣлами, сказать, что вы предпочитаете водку?

— Разумѣется,—отвѣчалъ Поль, улыбаясь.

И вернувшись въ спальную, прибавилъ:

— Извините меня, полковникъ, но я взялъ на себя смѣлость отослать шампанское назадъ и удовольствоваться рюмкой виски. Даже лучшая марка—вдовы Клико,—тутъ онъ поймалъ благодарный взглядъ Джоржа:—вредна мнѣ поутру.

— Какъ вамъ будетъ угодно, Гетвей,—отвѣчалъ полковникъ немного сухо.—Полагаю, что теперь новая мода и на напитки, и желудокъ джентльмена сталъ дѣломъ прошлаго. Значитъ, мы можемъ обойтись безъ слуги, тѣмъ болѣе, что ему пора идти домой. Поставьте этотъ ящикъ съ документами на кровать, Джоржъ, и ступайте. М-ръ Гетвей обойдется безъ вашихъ услугъ.

Въ то время какъ старый слуга низко, низко поклонился обоимъ и заперъ за собою дверь, Поль замѣтилъ:

— Но вотъ Джоржъ съумѣлъ однако сохранить прежній стиль, полковникъ, несмотря на прогрессъ, который вы оплакиваете.

— Онъ всегда былъ негромъ-„дэнди“,—отвѣтилъ Пендльтонъ, и его хмурое лицо слегка прояснилось, когда онъ поглядѣлъ вслѣдъ своему сѣдому слугѣ:—но его преувеличенная вѣжливость отрадная вещь, болѣе естественная и мужественная, чѣмъ преувеличенная невѣжливость, которую вашъ высшій цивилизованный „гарсонъ“ принимаетъ за самоуваженіе. Извиненіемъ всякаго рода службы служитъ ея непроизвольность и привязанность. Когда вы знаете, что человѣкъ ненавидитъ васъ и служитъ вамъ только изъ выгоды, вы знаете, что онъ подлецъ, а вы тиранъ. Это вашъ пустой прогрессъ сдѣлалъ услуженіе низостью, научивъ

людей стыдиться его. Да что, сэръ! когда я впервые сюда прибылъ, то Джекъ Гамерсли и я самъ служили поварами для всей партіи. Я не считалъ себя отъ этого меньше джентльменомъ, чѣмъ другіе. Но довольно объ этомъ.

Онъ остановился, приподнялся на локтѣ и нѣсколько секундъ не то осмотрительно, не то съ сомнѣніемъ глядѣлъ на своего собесѣдника.

— Мнѣ надо вамъ нѣчто сказать, Гетвей, — медленно произнесъ онъ. — Вамъ мало было хлопотъ съ опекунствомъ; ваше участіе не тяготило васъ, не мѣшало спать по ночамъ и дѣлать карьеру. Я отлично понимаю, — продолжалъ онъ въ отвѣтъ на жестъ какъ бы извиненія со стороны Гетвея: — я согласился дѣйствовать *за васъ* и дѣйствовалъ. Я не жалуюсь. Но пора вамъ узнать, что я дѣлалъ и что вамъ придется дѣлать. Вотъ отчетъ. На другой день послѣ свиданія въ конторѣ мэра банка Эльдорадо, котораго я состоялъ и все еще состою президентомъ, я получилъ на храненіе отъ м-съ Говардъ семьдесятъ пять тысячъ долларовъ. Два года спустя банкъ, благодаря счастливымъ спекуляціямъ, пріумножилъ эту сумму до полутораста тысячъ долларовъ, то-есть удвоилъ капиталъ. Въ послѣдующій затѣмъ годъ банкъ прекратилъ платежи.

II.

Въ одинъ мигъ положеніе дѣла и связь его съ нимъ освѣтились передъ Полемъ съ страшной и зловѣщей ясностью. Вотъ онъ въ самомъ началѣ своей карьеры оказывается отвѣтственнымъ за растраченное состояніе дочери падшей женщины и вынужденъ принять ее на свое иждивеніе! Теперь онъ зналъ, зачѣмъ полковникъ Пендльтонъ пожелалъ его видѣть; на одну позорную минуту онъ даже подумалъ, что знаетъ, отчего тотъ такъ охотно принялъ на себя всѣ хлопоты по опекунству! Сомнительный характеръ всей сдѣлки, его собственная безпечность, проистекавшая отъ избытка довѣрчивости — чѣмъ все это покажется другимъ, чѣмъ будетъ объяснено? Ему уже слышалось, какъ его порочатъ враги и — что было еще, пожалуй, ужаснѣе — какъ робко защищаютъ друзья! Все это выразилось на его блѣдномъ лицѣ и въ сверкающихъ глазахъ, которые онъ обратилъ къ безпомощному инвалиду.

Полковникъ Пендльтонъ встрѣтилъ его взглядъ съ той же критической и любопытной зоркостью, съ какою говорилъ передъ тѣмъ. Но вотъ его лицо слегка перемѣнилось; легкое разочарова-

ніе выразилось въ глазахъ и сардоническая улыбка выдавилась на губахъ.

— Полноте, сэръ, — поспѣшно сказалъ онъ, какъ бы торопясь покончить съ непріятнымъ открытіемъ:—не тревожьтесь! выпейте вашъ виски. Вы поблѣднѣли. Прекрасно; взгляните теперь на эти стѣны. Не похоже вѣдь, что я потратился на отдѣлку этихъ стѣнъ. Взгляните теперь на меня. Неужели я похожъ на человѣка, обогатившагося на чужой счетъ; вѣдь нѣтъ? Прекрасно. Будьте этимъ довольны. Каждый долларъ этого капитала со всѣми наросшими на него процентами *цѣлъ*. Каждый центъ его помѣщенъ въ государственныя бумаги и хранится у агента Ротшильдовъ. Вотъ росписки, помѣченныя недѣлей раньше того какъ банкъ рухнулъ. Но довольно, довольно *объ этомъ*... я совсѣмъ не *за этимъ* просилъ васъ пріѣхать повидаться со мной.

Кровь бросилась въ лицо Полю. Онъ съ такой же живостью, какъ заподозрѣвалъ передъ этимъ своего соопекуна, сообразилъ, что этотъ человѣкъ, вѣроятно, разорилъ себя для того, чтобы спасти состояніе опекаемой имъ дѣвушки. Онъ пролепеталъ, что не вмѣшивался въ распоряженія и не заявлялъ намѣренія взять назадъ свою довѣренность.

— Все равно, сэръ,—сказалъ полковникъ нетерпѣливо:—вы въ правѣ были бы это сдѣлать, и мнѣ кажется,—прибавилъ онъ съ плохо скрытымъ презрѣніемъ:—вы обязаны это сдѣлать. Но оставимъ это. Деньги, какъ я уже сказалъ, цѣлы; но, м-ръ Гетвей, и за этимъ-то я васъ и вызвалъ:—кажется, что *секретъ* уже больше не безопасенъ!

Онъ не безъ труда и съ нѣкоторой болью придвинулся ближе къ Полю и снова зорко уставился на него. Но Поль глядѣлъ такъ неопредѣленно, что онъ поспѣшно прибавилъ:

— Понимаете, сэръ: я думаю, что есть собаки—я зову ихъ собаками,—которые способны каждую минуту выпалить, что эта дѣвушка—дочь Кэтъ Говардъ.

Во всякое другое время Поль могъ бы высказать, что не видитъ, въ чемъ же тутъ такая бѣда; но страшная серьезность собесѣдника, его властительный тонъ и извѣстное уваженіе, проснувшееся къ нему въ его груди, удержали его отъ такого заявленія, и онъ ограничился вопросомъ, которому придалъ столько озабоченности, сколько могъ:

— Что заставляетъ васъ такъ думать?

— Вотъ это-то я и хочу сказать вамъ, Гетвей,—и какъ я, и одинъ я, виновенъ въ этомъ. Когда банкъ попалъ въ затруднительное положеніе, а я порѣшилъ сохранить довѣренный [illegible]

питалъ цѣною своего личнаго и частнаго имущества, я зналъ, что мои дѣйствія могутъ быть перетолкованы. Щекотливой вещью было выказывать кому-нибудь предпочтеніе или исключеніе, и я взялъ въ повѣренные двухъ или трехъ изъ товарищей директоровъ, на которыхъ я думалъ, что могу положиться. Я разсказалъ имъ всю исторію и почему довѣренный такимъ образомъ капиталъ—вещь священная. Я ошибся, сэръ,—продолжалъ Пендльтонъ сардонически:—я грубо ошибся. Я не принялъ въ соображеніе, что въ три года цивилизація распространилась здѣсь. Между ними оказался лицемѣръ и предатель. Онъ заговорилъ о нравственности и толковалъ, что плата за порокъ позорна и заслуживаетъ конфискаціи; толковалъ, что грѣхи отцовъ взыскиваются на дѣтяхъ и по справедливости. Я велѣлъ ему замолчать. Прекрасно! Вы знаете, отчего у меня болитъ нога? Поглядите!

Онъ замолкъ и, съ усиліемъ отбросивъ полу халата, стащилъ носокъ и показалъ Полю рубецъ зажившей раны отъ пули.

— Чертовски мучила она меня цѣлый годъ. Но куда я угодилъ *ему* пулей... ну, она его съ тѣхъ поръ не безпокоила!

— Я думаю,—продолжалъ полковникъ, откидываясь на подушки,—что онъ разсказалъ и другимъ... своимъ родственникамъ, сэръ, хотя тайна была ему довѣрена какъ джентльмену. Но они предпочитаютъ молчать по доброй волѣ... чтобы ихъ не заставили замолчать по-неволѣ. Они знаютъ, что я на-сторожѣ. Но я не могу долго выдержать этого; они могутъ наконецъ попасть и въ меня. Мнѣ-то все равно,—прибавилъ онъ, оглядывая свою обнищавшую обстановку...

Онъ умолкъ и затѣмъ, возвысивъ голосъ, но перемѣнивъ повелительный тонъ на просящій, сказалъ:

— Гетвей, вы молоды, и Гамерсли любилъ васъ... что тутъ дѣлать? Я думалъ передать вамъ свои пистолеты. Вы умѣете стрѣлять, и я слышалъ, что вы стрѣляете. Но чортова загвоздка въ томъ, что если вы пристрѣлите одного или двухъ молодцовъ, люди будутъ спрашивать: *за что*?—и непремѣнно доберутся до истины; между тѣмъ какъ относительно меня они считаютъ, что *такая у меня манера*. Я не думаю, чтобы вамъ повредила въ мнѣніи толпы такая исторія, но вѣдь эти люди принадлежатъ къ *вашей партіи*, и это повредитъ, чего добраго, вашей карьерѣ.

— Но,—сказалъ Поль, игнорируя сарказмъ:—не преувеличиваете ли вы опасность открытія этой тайны? Дѣвушка—богатая невѣста, прекрасно воспитанная. Кто станетъ безпокоиться объ антецедентахъ матери, которая исчезла безъ вѣсти, которой она никогда не знала, и которая легально умерла для нея?

— Въ мое время никто, сэръ, кто бы зналъ объ обстоятельствахъ дѣла, — отвѣчалъ живо полковникъ.—Но мы живемъ въ величественную эпоху цивилизаціи, и пропасть мужчинъ и женщинъ не имѣютъ другого способа доказать свою добродѣтель, какъ обличая чужіе пороки. Мы переживаемъ реакцію реформы. Старые пьяницы всегда громче требуютъ полнаго воздержанія отъ вина, чѣмъ люди умѣренной трезвости. Говорю вамъ, Гетвей, болѣе неблагопріятнаго момента для обнаруженія тайны не можетъ быть.

— Но она скоро будетъ совершеннолѣтняя.

— Черезъ два мѣсяца.

— И навѣрное выйдетъ замужъ.

— Замужъ?—повторилъ Пендльтонъ съ угрюмой ироніей.—*Вы* бы женились на ней?

— Это другой вопросъ,—поспѣшно отвѣтилъ молодой человѣкъ:—это дѣло личнаго вкуса и нисколько не колеблетъ моего убѣжденія, что она легко найдетъ себѣ другого и лучшаго мужа.

— Представьте, что она найдетъ его *прежде*, нежели тайна обнаружится. Долженъ онъ узнать ее?

— Разумѣется.

— Но вѣдь и она тогда узнаетъ?

— Да,—отвѣчалъ Поль не такъ увѣренно.

— И вы *это* считаете выполненіемъ обѣщанія, даннаго той женщинѣ? — спросилъ Пендльтонъ съ сверкающими глазами и прежнимъ повелительнымъ тономъ.

— Дорогой полковникъ,—сказалъ Поль все еще не совсѣмъ увѣренно, но съ улыбкой:—вы заключили романическій, почти невозможный договоръ съ м-съ Говардъ и сами должны теперь сознаться, что обстоятельства могутъ помѣшать вамъ выполнить его буквально. Вы забываете также, что уже, какъ мнѣ только-что сказали, сами нарушили его,—при такихъ обстоятельствахъ, конечно, которыя дѣлаютъ вамъ честь,—и что ваши отчаянныя усилія возстановить его ни къ чему не привели. Право же, я не вижу ничего худого въ томъ, что вы скажете претенденту на руку этой дѣвушки то, что вы сказали ея врагу.

Наступило мертвое молчаніе. Человѣкъ, распростертый на постели, издалъ слабый стонъ какъ бы отъ боли и перемѣнилъ положеніе. Помолчавъ немного, онъ проговорилъ:

— Я не согласенъ съ вами, м-ръ Гетвей, но довольно объ этомъ. Я долженъ еще нѣчто вамъ сказать. Необходимо, чтобы одинъ изъ насъ немедленно отправился въ Санта-Клару и повидался съ миссъ Эрбой Буэна.

— Боже! неужели ее *такъ* зовутъ?

— Разумѣется, сэръ. *Вы* сами дали ей это имя. Развѣ вы забыли?

— Я только предложилъ,—отвѣтилъ Поль безнадежно:—но... все равно... продолжайте.

— *Я* не могу туда ѣхать, какъ видите,—продолжалъ Пендльтонъ, указывая утомленнымъ жестомъ на свою ногу:—и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы повидались съ ней прежде, нежели мы уладимъ ея дѣло съ мэромъ черезъ два мѣсяца. У меня есть документы, которые вы можете ей показать, и я уже написалъ рекомендательныя письма для васъ къ настоятельницѣ монастыря и къ ней самой. Вы ее никогда не видѣли?

— Нѣтъ. Но вы, конечно, ее видѣли?

— Въ эти три года ни разу.

Глаза Поля выразили нѣкоторое удивленіе, и минуту спустя полковникъ прибавилъ:

— Я думаю, Гетвей, что на меня смотрятъ какъ на странный обломокъ нѣсколько безпутнаго и несовсѣмъ приличнаго прошлаго. По крайней мѣрѣ, я счелъ за лучшее не компрометировать ее своимъ присутствіемъ. Мэръ ѣздитъ туда на экзамены и публичные акты; тамъ у нихъ бываетъ угощеніе... лимонадъ и спичи.

— Я хотѣлъ-было завтра вечеромъ уѣхать въ Сакраменто, но, конечно, съѣзжу въ монастырь, если вамъ угодно.

— Благодарю васъ. Такъ будетъ лучше.

Еще нѣсколько объяснительныхъ словъ насчетъ документовъ—и Пендльтонъ передалъ ихъ въ руки посѣтителю. Поль всталъ. Ему теперь почему-то комната показалась еще печальнѣе и бѣднѣе, а человѣкъ, лежавшій на постели—еще безпомощнѣе и заброшеннѣе. Съ однимъ изъ своихъ симпатическихъ порывовъ онъ сказалъ:

— Мнѣ не хочется оставлять васъ въ одиночествѣ. Увѣрены ли вы, что можете обойтись безъ Джорджа? Не могу ли я быть вамъ полезенъ?

— Я привыкъ къ одиночеству,—спокойно отвѣтилъ Пендльтонъ.—Я рѣдко выхожу изъ дому... и когда выхожу, то чувствую себя болѣе одинокимъ на улицѣ, чѣмъ здѣсь.

Онъ машинально взялъ протянутую руку съ тѣмъ же критическимъ, недовѣрчивымъ взглядомъ, какимъ его встрѣтилъ, когда онъ вошелъ, и въ голосѣ его зазвучала прежняя повелительная нота, когда онъ нѣсколько покровительственно прибавилъ:

— Вамъ придется одному искать дорогу. Дайте мнѣ знать,

какъ вы проведете время въ Санта-Кларѣ,—пожалуйста. Прощайте.

Лѣстница и корридоръ показались теперь Полю еще бѣднѣе и неопрятнѣе. Сойдя съ лѣстницы, онъ остановился въ нерѣшительности; ему хотѣлось опять вернуться назадъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, чтобы только разсѣять какое-то томительное чувство вины передъ стариннымъ знакомымъ. Онъ уже рѣшилъ разузнать про личныя и финансовыя дѣла полковника; онъ не смѣлъ прямо обратиться за этимъ къ полковнику и составилъ планъ испытать свою власть и популярность, придумавъ способъ придти на помощь полковнику такъ, чтобы удовлетворить разомъ и свою симпатію, и свое честолюбіе. Тѣмъ не менѣе, выйдя на улицу, онъ все еще колебался, уходить ли ему,—когда пришла мысль повременить съ своими намѣреніями.

На другомъ концѣ гостинницы находилась небольшая цирюльня. Онъ вошелъ въ бѣдное, но чистое помѣщеніе и сѣлъ на ближайшій стулъ, не обративъ вниманія, что никого другихъ посѣтителей не было, и что одинъ только брадобрѣй, точившій бритву за стеклянной дверью, находился въ лавочкѣ.

Но вотъ послышалась знакомая нота преувеличенной вѣжливости въ голосѣ этого человѣка, когда онъ отворилъ дверь со словами:

— Добраго утра, сэръ! Прикажете имѣть честь побрить васъ или подстричь?

Поль поспѣшно взглянулъ въ зеркало передъ собой, и оно отразило черное лицо и сѣдые волосы Джоржа.

Обрадовавшись, что старый слуга такъ близко отъ своего хозяина, но не давая себѣ труда понять причину, Гетвей сказалъ шутливо:

— Такъ вотъ какъ, Джоржъ, вы видаетесь съ своимъ семействомъ?

Старикъ вздрогнулъ и его толстыя красныя губы поблѣднѣли, а глаза выпучились, встрѣтившись въ зеркалѣ съ улыбающимися глазами Поля. Но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и съ вѣжливымъ поклономъ сказалъ:

— Ради Бога, сэръ, не подумайте чего худого. Я согласенъ, что обстоятельства говорятъ противъ меня, но фактъ тотъ, что я нахожусь тутъ по просьбѣ пріятеля, котораго дѣла отозвали на минутку.

— А я очень радъ этому факту, Джоржъ; онъ дастъ мнѣ случай подстричь волосы рукою довѣреннаго человѣка полковника Пендльтона. Живѣе принимайтесь за дѣло!

Благодарная улыбка разлилась по морщинистому лицу негра и дрожащими пальцами онъ вытащилъ пару ножницъ изъ разорваннаго кармана.

Любопытство Поля повидимому было удовлетворено; но, глядя въ зеркало на негра и уловивъ слѣды волненія на немъ, онъ съ убѣжденнымъ видомъ сказалъ:

— Послушайте, Джоржъ, почему бы вамъ не заняться въ свободныя минуты этимъ ремесломъ? Вы бы разбогатѣли: у васъ столько вкуса и такія ловкія руки!

Старикъ залился молчаливымъ дѣтскимъ смѣхомъ, отъ котораго содрогалось все его тѣло.

— М-ръ Гетвей, вы старинный пріятель моего хозяина и сами джентльменъ, сэръ, и сенаторъ, и я не скрою отъ васъ... что я какъ разъ такъ и поступаю! Я заработываю такимъ образомъ кое-какія деньжонки для старухи и ребятишекъ. Но полковникъ этого не знаетъ. Ахъ, сэръ, полковникъ убилъ бы меня или себя, если бы выслѣдилъ все это. Полковникъ—возвышеннаго образа мыслей человѣкъ, сэръ! Вы сами джентльменъ и понимаете это. Онъ и слышать бы не захотѣлъ, чтобы его негръ работалъ на двоихъ господъ. Онъ бы предпочелъ изъ своего кармана помогать мнѣ. Но, сэръ, онъ не въ состояніи этого сдѣлать! Полковнику безъ меня не справиться!

— Вы собираете его ренты, не правда ли?

— Да, сэръ.

— Много?

— По правдѣ сказать, нѣтъ, сэръ, не такъ много, какъ прежде, сэръ. Видите ли, дома полковника находятся въ старыхъ кварталахъ города, гдѣ живутъ бѣдные бѣлые люди, а они неаккуратно платятъ. Полковникъ же такъ добръ, что не понуждаетъ ихъ; нѣкоторые изъ нихъ поселились здѣсь, также какъ и онъ, въ сорокъ-девятомъ году, а другіе—испанцы, сэръ; они все равно что дѣти, сэръ, и думаютъ, что старыя времена все еще не прошли и можно жить безъ денегъ. Но мы какъ-нибудь, а все же справляемся, сэръ... не въ стилѣ prima facie, сэръ, и, можетъ быть, не въ новомъ вкусѣ, котораго полковникъ не жалуетъ, но сводимъ концы съ концами, сэръ, и для друзей у насъ всегда найдется бутылка вина. Въ слѣдующій разъ, какъ вы пожалуете, сэръ, вы найдете шампанское въ буфетѣ.

— Что у полковника много здѣсь знакомыхъ?

— Старые почти всѣ перемерли, сэръ, а съ новыми онъ неохотно знакомится. Послѣ того какъ банкъ прекратилъ платежи, полковникъ рѣшилъ не бывать въ обществѣ, пока дѣла не ула-

дятся. Извините, сэръ, но, можетъ быть, вамъ извѣстно, когда это будетъ? У полковника бы тяжелое бремя свалилось съ плечъ. Вы такой важный и вліятельный человѣкъ, сэръ, въ комитетѣ и въ Сакраменто, сэръ; вамъ, конечно, извѣстно, когда это можетъ быть.

— Хорошо, я постараюсь узнать,—отвѣчалъ Поль съ странной разсѣянной улыбкой.

— Прикажете напомадить волосы, сэръ?

— Нѣтъ, не нужно,—сказалъ Поль:—но вотъ о чемъ я васъ попрошу. Вы прекрасный цирюльникъ, Джоржъ, и я не беру назадъ своего пророчества о вашемъ будущемъ, но *какъ разъ теперь*, мнѣ кажется, полковникъ нуждается въ вашихъ услугахъ. Онъ не совсѣмъ здоровъ. Возьмите это,—сказалъ онъ, вкладывая двадцатидолларовую золотую монету въ руку слугѣ:—и на три или на четыре дня заприте лавочку подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Эти деньги покроютъ то, что вы здѣсь потеряете, а когда полковникъ поправится, вы опять приметесь за работу. Но скажите: вы не боитесь, что васъ кто-нибудь узнаетъ?

— Нѣтъ, сэръ, этого не можетъ быть. Сюда приходятъ только иностранцы, которые не знаютъ города.

— Но представьте, что вашъ хозяинъ заглянетъ сюда? Это такъ отъ него близко.

— Мистеръ Гарри въ цирюльной? — вскричалъ старикъ съ тихимъ смѣхомъ. — Извините меня, сэръ, — прибавилъ онъ съ странной смѣсью почтительности и чувства собственнаго достоинства:—но вотъ уже двадцать лѣтъ какъ никто кромѣ меня не притрогивался къ подбородку полковника.

Когда Джоржъ вернулся въ квартиру полковника, тотъ, заслышавъ шаги его въ пріемной, позвалъ его къ себѣ.

— Въ другой разъ, Джоржъ, не позволяйте гостю отсылать назадъ вино. Если онъ не хочетъ пить, поставьте его въ буфетъ.

— Точно такъ, сэръ; но такъ какъ вы сами его не кушаете, мистеръ Гарри, а шампанское дорого...

— Чортъ побери дороговизну!

Полковникъ умолкъ и зорко поглядѣлъ на слугу.

— Джоржъ,—проговорилъ онъ повелительно, но мягко:—не лгите, или...—еще мягче:—я сдеру съ васъ кожу! Слышите. У васъ еще есть деньги?

— Есть, сэръ, будьте спокойны, я сейчасъ принесу вамъ счеты.

— Постойте! Я вспомнилъ, лежа тутъ, что вдова Молло не можетъ заплатить, потому что передала аренду, а табачный тор-

говецъ разорился; а намъ предстоитъ заплатить за обѣды въ ресторанѣ за цѣлый мѣсяцъ, да еще дрогисту за лекарства. Мнѣ сдается, что мы въ очень тугихъ обстоятельствахъ. У меня тутъ все есть, что̀ нужно, но, клянусь Богомъ, сэръ, что если я узнаю, что вы меня водите за носъ и занимаете деньги...

— Будьте спокойны, мистеръ Гарри, вдова Малло ушла, но деньги заплатила сегодня утромъ. Я принесу книги и деньги, чтобы доказать вамъ.

И онъ поспѣшно вернулся въ гостиную.

Дрожащими руками онъ высыпалъ изъ кармана деньги на столъ, включая и даръ Поля, и плату, полученную имъ въ цирюльнѣ, выдвинулъ ящикъ въ комодѣ и вынулъ изъ него полосатый бумажный платокъ, какимъ негритянки повязываютъ голову и въ которомъ завязано было немного серебра узелкомъ, и дѣтскій кошелекъ.

Все это онъ выложилъ на столъ вмѣстѣ съ своими деньгами.

То были единственные доходы полковника Гарри Пендльтона! Ихъ доставляли ему „Джоржъ Вашингтонъ Томсонъ“, его жена, извѣстная подъ именемъ „тетушки Дины“, прачка и „Сципіонъ Томсонъ“, ихъ сынъ, четырнадцати-лѣтній мальчикъ, разсыльный. Доходы были невелики, но въ глазахъ Бога—значительны.

III.

Хотя лучи безоблачнаго солнца жгли пѣшеходовъ на дорогѣ въ Санта-Клару и заставляли ихъ искать убѣжища въ тѣни боковыхъ деревьевъ, но сѣверо-западный рѣзкій вѣтеръ пробиралъ насквозь, и это объясняло аномалію лѣтнихъ соломенныхъ шляпъ вмѣстѣ съ осенними пальто, красовавшимися на головахъ и на плечахъ проѣзжихъ.

И даже въ огражденномъ отъ вѣтра саду „El Rosario“ двѣ молодыхъ дѣвушки въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ нашли нужнымъ набросить на плечи шали, проходя по широкой аллеѣ изъ розовыхъ кустовъ съ прямыми углами и глубокой, длинной верандѣ сада.

Но несмотря на холодъ, старинный испанскій домъ и садъ представляли роскошную, почти тропическую картину съ дороги. Дерновыя скамьи, клумбы съ цвѣтами и бесѣдки, увитыя розами; древовидныя фуксіи, фиговыя, оливковыя и персиковыя деревья и веранда, увитая цвѣтущимъ жасминомъ.

— Миссъ Эрба!—закричалъ сухой, мужской голосъ съ веранды.

Высокая молодая дѣвушка встрепенулась, спряталась за большой кустъ и потащила за собой подругу, приложивъ палецъ къ хорошенькому, но своенравному ротику. Другая дѣвушка сдержала смѣхъ, готовый сорваться съ губъ, и съ веселымъ удивленіемъ глядѣла на личико подруги съ капризно-сдвинутыми бровями.

Съ веранды раздался вторично тотъ же окликъ и послѣ минутнаго ожиданія послышался шумъ удаляющихся мужскихъ шаговъ—и снова все затихло.

— Скажи, ради Бога, отчего ты не отвѣчала, Эрба?—спросила дѣвушка пониже ростомъ.

— О! я его ненавижу! — отвѣчала Эрба. — Онъ собирался надоѣдать мнѣ своими глупыми, формальными притворно-отеческими наставленіями. Онъ—мой оффиціальный опекунъ, а потому считаетъ необходимымъ принимать со мной этотъ тонъ и обращаться такъ, какъ еслибы я была не то его падчерица, не то пріютская дѣвочка. Это совсѣмъ нелѣпо: онъ вѣдь знаетъ, что опекуномъ моимъ считается только пока находится въ своей должности, и я знаю, и мнѣ надоѣли эти комедіи. Помилуй, душа моя, опекуны мѣняются послѣ каждыхъ выборовъ; у меня ихъ было уже семеро, всѣ въ этомъ болѣе или менѣе родѣ, сколько могу припомнить.

— Но я думала, что были еще два другихъ и тѣ уже не оффиціальные,—сказала подруга успокоительнымъ тономъ.

Эрба вздохнула.

— Нѣтъ, былъ другой; онъ былъ президентомъ банка, но и его роль была бы оффиціальная, еслибы онъ умеръ. Мнѣ онъ нравился; онъ былъ единственный джентльменъ между ними, но говорятъ, что онъ очень неприличенъ: стрѣляетъ въ людей ни за что и разорилъ свой банкъ... и, конечно, онъ невозможенъ; а такъ какъ банка больше не существуетъ, то когда онъ умретъ, тогда и опекуна больше не будетъ.

— Но вѣдь есть еще третій... какой-то неизвѣстный, который никогда не показывается?

— А кто бы онъ былъ, какъ думаешь?! Помнишь того самонадѣяннаго маленькаго негодяя—того „сенатора-бебе“, какъ его, кажется, прозвали? онъ былъ въ салонѣ „Золотыхъ-Воротъ“ вчера утромъ, окруженный идіотами-поклонниками, льстецами и дураками-избирателями. Ну, такъ вотъ это онъ самый и есть... м-ръ Поль Гетвей, достопочтенный Поль Гетвей, который съ самаго начала забросилъ меня!

— Но право же, Эрба, я нашла, что онъ говоритъ и поступаетъ...

— Ты ничего ровно не находила, Милли,—перебила Эрба съ авторитетомъ.—Говорю тебѣ, что онъ напыщенный фатъ. Да и чего другого ждать отъ мужчины, когда за нимъ такъ ухаживаютъ и такъ нянчатся! Помилуй, мнѣ было тошно глядѣть на это. Я бы всѣхъ ихъ прогнала! Однако пойдемъ отсюда, а то этотъ ужасный человѣкъ опять придетъ на веранду.

— Но если ты такъ не любишь его, то зачѣмъ приняла приглашеніе встрѣтиться съ нимъ здѣсь за завтракомъ сегодня?—спросила любопытная Милли.

— Я не принимала; мать игуменья приняла за меня, потому что онъ мэръ Санъ-Франциско и пріѣхалъ въ гости къ твоему дядѣ; она всегда готова угождать всякимъ властямъ. А я подумала, что могу что-нибудь отъ него вывѣдать. Да и все же веселѣе, чѣмъ весь день просидѣть въ монастырѣ.

— Ну, и что же, узнала что-нибудь отъ него?

— Конечно, нѣтъ! Идіотъ знаетъ только старую конторскую легенду, что я таинственная питомица, отданная на попеченіе мэра Гамерсли. Онъ сообщилъ мнѣ, что „Буэна“ значитъ „Гудъ“ и что по всей вѣроятности это имя какого-нибудь капитана китобойнаго судна, а я его дочь, и если мнѣ угодно, то я могу зваться „миссъ Гудъ“, и онъ это дозволитъ и проведетъ билль объ этомъ въ законодательномъ собраніи. Подумай только, душа моя! „Миссъ Гудъ“!—точно героиня дѣтской повѣсти или высоконравственная гувернантка изъ книжки для первоначальнаго чтенія.

— „Миссъ Гудъ“,—повторила невинно Милли:—ты могла бы прибавить *е* на концѣ. Гуды съ *е* есть въ Филадельфіи. И ты могла бы не жертвовать своимъ хорошенькимъ и музыкальнымъ именемъ Эрба, и осталась бы Эрба Гудъ. Но,—прибавила она, такъ какъ у Эрбы вырвался жестъ нетерпѣнія:—почему ты такъ терзаешься всѣмъ этимъ? Ты недолго будешь носить свое имя, то или другое. Такая богатая невѣста, какъ ты, мой другъ, такая хорошенькая и благовоспитанная, скоро будетъ имѣть выборъ между лучшими именами Америки.

— Пожалуйста, не повторяй этихъ глупыхъ словъ! Онъ тоже это говоритъ, всѣ *они* это говорятъ. Можно подумать, что я непремѣнно должна выйти замужъ, чтобы выйти изъ ничтожества. И не воображай пожалуйста, что меня назвали въ честь какой-то травы! „Эрба Буэна“—названіе острова въ заливѣ около Санъ-Франциско. Я зовусь по немъ.

— Но не все ли равно, душа моя? Островъ такъ названъ потому, что на немъ ростетъ эта лоза.

— *Ты* не видишь разницы?—таинственно спросила Эрба:—ну, а я вижу. Но куда ты смотришь?

Подруга ея ухватила ее за руку и пристально уставилась по направленію къ дому.

— Эрба,—торопливо проговорила она:—вонъ мэръ съ дядей и незнакомый господинъ; они ищутъ насъ. И честное слово, Эрба, незнакомый господинъ—это юный сенаторъ, м-ръ Гетвей.

— М-ръ Гетвей? Не можетъ быть!

— Погляди сама.

Три джентльмена приподняли шляпы при видѣ обѣихъ дѣвушекъ и пріостановились. Мэръ пошелъ имъ на встрѣчу съ большой вѣжливостью.

— Я боюсь, что вы не разслышали, какъ я васъ звалъ, миссъ Эрба, а потому мы пошли на поиски.

И въ то время какъ дѣвушки обмѣнялись взглядомъ дѣтскаго удивленія, прибавилъ:

— М-ръ Поль Гетвей сдѣлалъ намъ честь явиться сюда разъискивать васъ, такъ какъ не нашелъ васъ въ монастырѣ. Вы, можетъ быть, позабыли, что м-ръ Гетвей—третій изъ вашихъ опекуновъ.

— Такой недѣятельный и нестоющій вниманія опекунъ, боюсь, и въ счетъ не идетъ,—сказалъ Поль, но, взглянувъ въ глаза Эрбы, прибавилъ:

— Мнѣ кажется, я уже имѣлъ удовольствіе васъ видѣть и неудовольствіе стать помѣхой вамъ и вашимъ пріятельницамъ въ салонѣ „Золотыхъ-Воротъ“ вчера.

Эрба отвѣтила, обращаясь къ Милли:

— Конечно, ты помнишь, Милли, какъ мы были заинтересованы бесѣдой цѣлой компаніи джентльменовъ, которые тамъ находились, когда мы пришли. Я боюсь, что наша пустая болтовня помѣшала *вамъ*; я же знаю, что насъ поразило краснорѣчивое поклоненіе вашихъ друзей.

— О! безъ сомнѣнія!—подтвердила вѣрная, но мало догадливая Милли:—и со стороны м-ра Гетвея было такъ любезно и мило увести ихъ.

— Я чувствую себя особенно неловко,—продолжалъ Гетвей, улыбаясь, но зорко разсматривая Эрбу, какъ бы желая разгадать ея настоящій характеръ сквозь маску условности:—потомъ что являюсь съ рекомендаціей джентльмена, почти такъ же *мало* извѣстнаго, какъ и я самъ... полковника Пендльтона.

Опять это имя произвело дѣйствіе ушата холодной воды.

Мэръ прокашлялся. Дядя Милли безцѣльно уставился въ кустъ кактуса.

— Полковника Пендльтона! О, разскажите мнѣ про него!— неожиданно вскричала Эрба, по-дѣтски всплескивая руками и вся оживившись.

Поль бросилъ быстрый, благодарный взглядъ на дѣвушку: притворный или нѣтъ, но ея энтузіазмъ произвелъ свое дѣйствіе. Мэръ смущенно поглядѣлъ на дядю Милли, м-ръ Вудса, и повернулся къ Полю.

— Ахъ, да! вы съ нимъ были первоначальными опекунами. Пендльтонъ, кажется, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, все еще не можетъ развязаться съ банковскимъ крахомъ?

— Это дѣло будетъ разобрано и улажено законодательнымъ порядкомъ,—сказалъ Поль какъ бы вскользь, но съ намѣренной оффиціальной таинственностью манеры.

И поворачиваясь поспѣшно къ Эрбѣ, продолжалъ, напирая на каждое слово:

— Съ грустью долженъ сказать,—здоровье полковника такъ плохо, что заставляетъ его почти безвыходно сидѣть дома. У меня есть письмо и порученіе отъ него.

Его живые глаза яспо прибавили: „я передамъ, какъ только мы освободимся отъ этихъ скучныхъ людей“.

— Итакъ, вы думаете, что этотъ билль...— началъ-было мэръ.

— Я думаю, мой дорогой сэръ,—жалобно произнесъ Поль:— что я съ своими друзьями достаточно испытывалъ терпѣніе этихъ молодыхъ лэди политикой и законодательствомъ вчера утромъ. Я долженъ попасть на шестичасовой поѣздъ въ Санъ-Франциско и уже потерялъ то время, какое надѣялся провести съ миссъ Эрбой, не заставъ ее въ монастырѣ. Позвольте мнѣ теперь монополизировать ея общество на нѣсколько минутъ, а вы, дорогой мэръ, навѣрное за это на меня не разсердитесь, такъ какъ у васъ болѣе случаевъ, чѣмъ у меня, видѣться съ нею.

Онъ сталъ около Эрбы и принялся передавать нѣсколько преувеличенный разсказъ о томъ, какъ его приняла мать игуменья и объ ея очевидныхъ сочиненіяхъ насчетъ подлинности его личности.

— Признаюсь, она напугала меня, когда замѣтила, что изъ моихъ словъ можно заключить, что мнѣ было не болѣе восемнадцати лѣтъ, когда я сталъ вашимъ опекуномъ, и что, слѣдовательно, я самъ нуждался въ опекунѣ почти столько же, сколько и вы. Я думаю,—только увѣренность, что м-ръ Вудсъ и мэръ

изобличатъ во мнѣ самозванца, побудили ее наконецъ сказать мнѣ, гдѣ вы находитесь.

— Но зачѣмъ, ради Бога, они сдѣлали васъ опекуномъ?— спросила Милли наивно.—Неужели въ то время не было никого другого, болѣе взрослаго?

— То были *юные* дни Калифорніи,—отвѣчалъ Поль съ большой серьезностью, хотя сознавалъ, что Эрба пристально слѣдитъ за нимъ:—и, вѣроятно, я казался старше и умнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Откровенно говоря, плохо помню все какъ было.

— Впрочемъ, во всемъ этомъ много милаго и романичнаго,— продолжала Милли:—двѣ такихъ крошки, какъ вы съ ней, должны были заботиться другъ о другѣ, потому что въ тѣ дни, конечно, здѣсь не было взрослыхъ женщинъ.

— Конечно, *онѣ* были,—перебила Эрба поспѣшно, бросивъ полу-вопросительный, полу-вызывающій взглядъ Полю, отъ котораго ему стало нелозко.—Вы, позднѣйшіе пришельцы,—обратилась она къ Милли:—всегда воображаете, что до васъ здѣсь ничего не было.

Она умолкла и затѣмъ прибавила съ кокетливымъ упрекомъ:—Что касается заботы, то м-ръ Гетвей очень скоро пересталъ обо мнѣ заботиться.

— Но предоставилъ эту заботу въ лучшія руки, миссъ Эрба, и позвольте мнѣ теперь поблагодарить васъ,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—за то, что вы сказали нѣсколько минутъ тому назадъ. Я радъ, что вы инстинктивно полюбили полковника Пендльтона. Еслибы вы его покороче узнали, то увидѣли бы, что инстинктъ не обманулъ васъ. Его главная вина въ глазахъ нашихъ достойныхъ друзей—та, что онъ напоминаетъ имъ о томъ, чего они не могутъ продолжать и о чемъ хотѣли бы позабыть.

Но тутъ онъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь.

— Вотъ письмо,—началъ онъ, вынимая изъ кармана посланіе полковника Пендльтона:—быть можетъ, вы пожелаете прочесть его теперь и отвѣтить черезъ меня, въ случаѣ если отвѣтъ потребуется. Миссъ Вудсъ извинитъ васъ.

— Я пойду утѣшать другого опекуна, — сказала рѣзвая Милли, обмѣнявшись взглядомъ съ Эрбой:—пока вы не покончите съ этими скучными дѣлами.

Поль улыбнулся ей вслѣдъ, а Эрба, войдя въ бесѣдку, сѣла и распечатала письмо. Молодой человѣкъ остановился въ дверяхъ и глядѣлъ то на нее, то на движущіяся фигуры въ саду.

Онъ чувствовалъ, что взволнованъ, хотя не могъ подобрать

причины этому волненію. Правда,—ему было досадно, что онъ не засталъ Эрбу въ монастырѣ и долженъ былъ, такъ сказать, оправдываться передъ игуменьей за поступокъ, который считалъ безкорыстно добрымъ. Онъ сознавалъ также, что настойчивость въ преслѣдованіи Эрбы обусловливалась въ немъ скорѣе желаніемъ досадить врагамъ Пендльтона, нежели участіемъ къ судьбѣ дѣвушки. Она, конечно, была хороша собой, но онъ смутно помнилъ ея мать, и хотя не могъ бы сказать, насколько она на нее похожа, но вообще не любилъ этого рода красоты. Она проявила-было чувство и оригинальность. Но это оказалось только вспышкой, и она больше не разспрашивала о полковникѣ.

Она торопливо пробѣжала письмо, содержавшее, какъ казалось, главнымъ образомъ цифры.

— Все въ порядкѣ,—сказала она,—такъ ему и скажите; это только объясненіе, почему онъ перемѣстилъ мои деньги изъ банка къ агенту Ротшильда годъ тому назадъ. Не понимаю, почему это можетъ интересовать меня теперь.

— Я полагаю,—это просто, миссъ Эрба. Я не знаю, что полковникъ объяснялъ вамъ, но, безъ сомнѣнія, онъ не сказалъ всей правды, потому что не такой онъ человѣкъ, чтобы хвастаться; фактъ тотъ, что банкъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ эпоху этого трансферта, и чтобы совершить его, онъ пожертвовалъ личнымъ имуществомъ и возбудилъ противъ себя, какъ вы могли замѣтить, нѣкоторое недоброжелательство.

Онъ снова умолкъ, но уже поздно; онъ опять потерялъ самообладаніе и наговорилъ лишняго. Его удивляло самого, что понятное невѣденіе молодой дѣвушки такъ раздражаетъ его. Очевидно, она или не замѣтила, или не поняла его словъ, потому что отвѣтила съ твердостью, которая казалась почти дѣланной:

— Да, я думаю, что для него было бы ужасно, еслибы его заподозрили въ томъ, что онъ присвоилъ капиталъ людей, которые доказали ему высшее уваженіе, довѣривъ его заботамъ чужую тайну и чужое состояніе.

Поль поспѣшно и съ удивленіемъ взглянулъ на нее: что это —невѣденіе, или она подозрѣвала, въ чемъ тайна? Но тутъ манеры ея вдругъ перемѣнились и съ кокетливымъ сознаніемъ молодости и красоты она прибавила, лукаво взглядывая на него:

— Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ также и о васъ.

— Это мнѣ объясняетъ, почему оно вамъ показалось неинтереснымъ,—весело отвѣтилъ Поль, радуясь, что разговоръ принимаетъ менѣе опасный оборотъ.

— Онъ очень лестно о васъ отзывается, онъ тоже изъ вашихъ поклонниковъ. Но я очень разочарована, потому что полковникъ Пендльтонъ ничего не говоритъ мнѣ про мою фамилію или про ея тайну.

Поль на этотъ разъ приготовился и спокойно выдержалъ зоркій взглядъ дѣвушки.

— А почему вы думаете, что *онъ* знаетъ?—спросилъ онъ непринужденно.

— Конечно, знаетъ. Неужели же вы думаете, онъ принялъ бы на себя всѣ эти хлопоты, еслибы не зналъ или боялся послѣдствій?—прибавила она, напирая на каждое слово.

Опять Поль былъ сбитъ съ толку и раздраженъ, хотя самъ не зналъ, чѣмъ именно. Но онъ только прибавилъ шутливо:

— Я расхожусь съ вами во мнѣніи. Я увѣренъ, что какіе бы то ни было разсчеты и соображенія никогда не входили въ голову полковнику. Онъ сдѣлалъ бы то же самое какъ для богатыхъ и могущественныхъ, такъ и для бѣднѣйшихъ и простѣйшихъ людей. Но у васъ есть о чемъ подумать, миссъ Эрба, кромѣ этого,—прибавилъ онъ.—Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы будете совершеннолѣтняя и избавитесь отъ своихъ несносныхъ опекуновъ; съ вашей...

Она выбросила въ окно цвѣты, которые держала въ рукахъ, и съ полу-притворной, полу-искренней мольбой сложила руки.

— О, умоляю, м-ръ Гетвей, ради самого неба, не заводите вы этой пѣсни! Вы собираетесь сказать, что съ моимъ состояніемъ, моимъ воспитаніемъ, моей красотой и моими друзьями, чего же я могу еще желать? Почему я интересуюсь тайной, которая ничего не прибавитъ, не убавитъ? Да! вы это хотѣли сказать! Всѣ это говорятъ! Право же я думала, что „юнѣйшій изъ сенаторовъ“ будетъ оригинальнѣе.

— Прошу прощенья за общечеловѣческія слабости,—шутливо сказалъ Поль.

— Хорошо, я прощаю васъ за то, что вы забыли сказать, что если мнѣ не нравится мое имя Эрба Буэна, то я *такъ легко* могу промѣнять его на другое.

— Но оно вамъ нравится,—сказалъ Поль, которому это имя показалось очень музыкальнымъ въ ея устахъ, причемъ онъ не безъ авторскаго самодовольства вспомнилъ, что самъ наградилъ ее этимъ именемъ.

— Но вѣдь не думаете же вы, что это мое *настоящее* имя?—поспѣшно спросила она.

— Простите, я васъ не понимаю,—сказалъ Поль неувѣренно.

— Не можете же вы думать, что нашелся такой идіотъ, который могъ назвать меня травой?..—продолжала она пылко.

— Гмъ!—неопредѣленно промычалъ Поль.

— Надо съ ума сойти, чтобы выдумать такое дурацкое имя; подумайте только, вѣдь его не трудно перевести—и выйдетъ: добрая трава! Помилуйте, это слишкомъ нелѣпо.

Поль обычно не лазилъ за словомъ въ карманъ, когда приходилось обороняться, но онъ былъ такъ убѣжденъ въ правильности обвиненія молодой дѣвушки, да кстати припомнилъ, какъ былъ самъ пораженъ, когда услышалъ впервые отъ Пендльтона объ этомъ подвигѣ своей ранней юности, что совсѣмъ сконфузился.

— Но почему вы думаете, что это было сдѣлано нарочно?—спросилъ онъ, наконецъ, вяло.—Въ довѣренности стояло „Эрба Буэна“; по крайней мѣрѣ я такъ думаю,—поспѣшно поправился онъ.

— Это только предположеніе,—спокойно сказала она:—вы вѣдь знаете, что его нельзя доказать. Довѣренность не была занесена въ нотаріальныя книги, а подлинника не нашли въ бумагахъ м-ра Гамерсли; это только часть имени, первая половина котораго утрачена.

— Часть имени?—повторилъ Поль смущенно.

— Да. Это искаженіе de la Herba Buena и относится къ острову, лежащему въ заливѣ, а не къ растенію. Этотъ островъ былъ частью владѣній моей фамиліи, Аргвелло, и вы это найдете въ испанскихъ записяхъ. Меня зовутъ Аргвелло de la Эрба Буэна.

Невозможно передать робкое и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыто-торжествующее убѣжденіе, съ какимъ дѣвушка все это высказала. За минуту передъ тѣмъ, Поль не повѣрилъ бы, что онъ сохранитъ серьезное лицо и не расхохочется отъ такой потѣшной иллюзіи. Однако, онъ остался серьезенъ и не улыбнулся, потому что имъ вдругъ овладѣла увѣренность, что она подозрѣваетъ истину и составила этотъ смѣлый и оригинальный планъ, чтобы замаскировать ее. Онъ вспомнилъ, что Аргвелло была старинная испанская фамилія, нынѣ угасшая, которой принадлежалъ островъ Эрба Буэна.

— Вы сами открыли это?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Да, одна изъ моихъ монастырскихъ подругъ Жозита Кастро отлично знаетъ исторію Аргвелло, и она говоритъ, что такъ должно быть.

— Но почему же вы никому объ этомъ до сихъ поръ не сообщали?.. полковнику Пендльтону, напримѣръ?

— Онъ не хотѣлъ сказать *мнѣ*, и я рѣшила не говорить, пока не достигну совершеннолѣтія.

Однако, она довѣрилась ему, Полю!—мелькнуло, какъ молнія, въ умѣ Гетвея, но онъ, озадаченный ея смѣлостью, не зналъ, чувствовать ли ему себя польщеннымъ, или наоборотъ.

— Что вы думаете объ этомъ?—спросила она, взглядывая на него изъ-за полу-опущенныхъ рѣсницъ.

— Что это такъ просто и ясно, и удивительно, какъ раньше никому не пришло въ голову.

— Вотъ видите!

И улыбка появилась на ея устахъ.

— Я думаю, что вы говорили правду, утверждая, что ничего не знаете.

Минута эта была очень затруднительная для Поля, но его симпатическіе инстинкты, а можетъ быть и счастливая звѣзда восторжествовали.

— Я такъ смутно все это помню,—сказалъ онъ довольно правдиво.—Я видѣлъ высокую даму подъ густымъ вуалемъ, съ которой полковникъ и м-ръ Гамерсли обращались съ большой, чуть не суевѣрной почтительностью. Я помню отчетливо, что меня поразило почтеніе, съ какимъ оба проводили ее до дверей, по окончаніи бесѣды.

Онъ искоса взглянулъ на собесѣдницу; красныя губы молодой дѣвушки были полуоткрыты, лицо все просіяло. Онъ понялъ, что она повѣрила ему, но никакого угрызенія совѣсти не почувствовалъ. Онъ самъ почти вѣрилъ себѣ; во всякомъ случаѣ онъ помнилъ благородство материнскаго самоотреченія и тотъ эффектъ, какой оно произвело на обоихъ мужчинъ.

— Вы говорите о тайнѣ,—продолжалъ онъ.—Я помню очень немногое кромѣ того, что мэръ просилъ меня забыть обо всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Я не зналъ въ то время, до какой степени оправдаю его требованіе. Вы должны припомнить, миссъ Эрба, что, какъ говоритъ ваша игуменья, я былъ въ то время нелѣпо молодъ. Я не увѣренъ, что по неопытности не считалъ вполнѣ обыкновеннымъ такой случай. Къ тому же мнѣ надо было думать о собственной карьерѣ... а молодость груба, эгоистична. Я былъ совсѣмъ безродный и неизвѣстный человѣкъ, оставляя Санъ-Франциско и отправляясь на пріиски въ то время, какъ вы поступили въ монастырь подъ именемъ Эрба Буэна.

Она улыбнулась.

— А теперь вы такъ скоро уѣзжаете... и это вашъ первый и послѣдній визитъ въ роли моего опекуна?

— Никто не жалѣетъ объ этомъ болѣе меня,—неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

— Да,—замѣтила она кокетливо,—я думаю, что вы много потеряли. Можетъ быть и я также. Мы могли бы быть добрыми друзьями въ эти протекшіе годы. А теперь все кончено.

— Почему? надѣюсь, что мои вины передъ миссъ Эрбой Буэной не будутъ поставлены мнѣ на счетъ миссъ Аргвелло?—сказалъ Поль серьезно.

— Ахъ! Она можетъ оказаться совсѣмъ другой особой.

— Надѣюсь, нѣтъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ горячо.—Но въ какомъ родѣ другой?

— А вотъ хотя бы въ томъ, что не станетъ слушать такихъ безцеремонныхъ комплиментовъ.

— Даже отъ своего опекуна?

— У нея не будетъ больше опекуновъ.

Она сказала это серьезно, но почти въ ту же минуту повернулась, снова сѣла и, сложивъ руки на колѣняхъ, лукаво взглянула на него.

— Вы видите, сколько вы потеряли, сэръ.

— Вижу.

— Нѣтъ, вы не видите. У меня нѣтъ брата... нѣтъ друга. Вы могли бы быть тѣмъ и другимъ. Вы могли бы воспитать меня такъ, какъ вамъ нравилось. Я такъ нуждалась въ добрыхъ совѣтахъ человѣка, которому бы могла довѣрять. Полковникъ Пендльтонъ бывалъ всегда очень добръ со мной, когда пріѣзжалъ; онъ всегда обращался со мной какъ съ принцессой, даже и тогда, когда я еще ходила въ коротких платьяхъ. Изъ его обращенія я и вывела заключеніе, что онъ зналъ мою фамилію, но я никогда не рѣшилась бы посовѣтоваться съ нимъ, и несмотря на все его рыцарское уваженіе, мнѣ казалось, что онъ меня не понимаетъ. Что до другихъ... мэровъ... ну, о нихъ вы можете судить по м-ру Гендерсону. Удивительно право, какъ я не убѣжала или не сдѣлала чего-нибудь отчаяннаго! Ну, чтожъ, надѣюсь, что вамъ теперь жаль немножко?

Ея голосъ, поочередно капризный, прихотливый и серьезный, вновь сталъ шутливымъ.

Но подобно всѣмъ женщинамъ вообще она не теряла изъ виду окружающихъ предметовъ ни при какихъ обстоятельствахъ и раньше своего собесѣдника замѣтила, что ихъ ищутъ, потому что, прежде чѣмъ Поль успѣлъ отвѣтить, сказала, не озираясь однако:

— Вотъ депутація идетъ къ вамъ, м-ръ Гетвей. Вы видите,

положеніе безнадежно. Вы никогда не дадите одному того, что требуется столь многими.

Поль взглянулъ на конецъ аллеи и увидѣлъ, что депутація состояла изъ мэра, м-ра Вудса и худенькой, тщедушной женщины, очевидно, м-съ Вудсъ и Милли. Послѣдняя ухитрилась добѣжать до бесѣдки прежде другихъ и запыхавшись проговорила:

— Прежде чѣмъ вы успѣете до смерти надоѣсть другъ другу, предупреждаю васъ, что есть шансы на то, чтобы вамъ еще увидѣться. Тетя обѣщала послать записку съ извиненіемъ за тебя матери-игуменьѣ, если ей удастся уговорить м-ра Гетвея провести у насъ вечеръ. Но вотъ они сами... Тетя очень волнуется и не хочетъ слышать объ его отъѣздѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, м-съ Вудсъ, казалось, очень стояла на томъ, чтобы такой знатный гость, какъ м-ръ Гетвей, не воспользовался ея домомъ только какъ пунктомъ для свиданія съ своей питомицей, не удостоивая принять ея гостепріимство. Ее поддерживалъ м-ръ Вудсъ, выражавшій ту же мысль, но съ мужской энергіей, и мэръ, высказавшій убѣжденіе, что обида такого рода будетъ прочувствована всей долиной Санта-Клара.

— Послѣ обѣда, мой дорогой Гетвей,—заключилъ м-ръ Вудсъ,—къ намъ могутъ заглянуть кое-кто изъ сосѣдей, которымъ будетъ пріятно пожать вашу руку... это не формальный митингъ, мой милый... но, чортъ побери, *они* ждутъ этого.

Поль оглянулся на Эрбу. Не было причины, почему бы ему и не принять это приглашеніе, хотя часъ тому назадъ мысль о немъ и въ голову ему не приходила. Однако, если онъ приметъ его, то желаетъ, чтобы дѣвушка знала, что онъ дѣлаетъ это *ради нея.*

Къ несчастью, она не только не выказывала ни малѣйшаго участія къ этому вопросу, но казалась занятой какими-то переговорами съ Милли и виденъ былъ только ея хорошенькій затылокъ изъ-за спины м-съ Вудсъ. Онъ тѣмъ не менѣе принялъ приглашеніе не съ совсѣмъ любезнымъ колебаніемъ, показывая, что придаетъ странное значеніе пустому обстоятельству.

Необходимость заняться хозяйкой и прогулка по саду отвлекли его на время отъ непріятныхъ думъ о предъидущемъ свиданіи. М-съ Вудсъ познакомилась съ Эрбой, благодаря школьной дружбѣ послѣдней съ Милли, и насколько дозволяли религіозныя правила монастыря, всегда была готова оказать ей гостепріимство. Она—кроткая дѣвушка; конечно, вѣдь и м-ръ Гетвей это находитъ, и дѣвушка съ большимъ характеромъ. Какая жалость, что она была лишена материнскихъ заботъ, и что школьная рутина

замѣнила для нея болѣе нѣжныя вліянія семейнаго очага! Ей кажется также, что, благодаря вѣчной смѣнѣ опекуновъ, дѣвушка практически оставалась безъ совѣтовъ и руководства друга, на котораго она могла бы положиться, за исключеніемъ, быть можетъ, полковника Пендльтона; но хотя она, м-съ Вудсъ, ни минуты не сомнѣвается, что полковникъ можетъ быть добрымъ другомъ и пріятнымъ товарищемъ *для мужчинъ*, но право же м-ръ Гетвей долженъ согласиться, что его общество врядъ ли желательно для молодой дѣвушки. Право, м-ръ Вудсъ никогда бы не позволилъ Милли пригласить Эрбу, еслибы ее долженъ былъ сопровождать полковникъ Пендльтонъ. Конечно, бѣдная дѣвушка не сама выбирала своихъ опекуновъ, но м-ръ Вудсъ говоритъ, что *онъ* въ правѣ ограждать свою племянницу отъ общества, которое могло бы ей повредить. Быть можетъ, м-ръ Вудсъ предубѣжденъ—всѣ мужчины предубѣждены—однако, м-ръ Гетвей долженъ согласиться, хотя онъ и вѣрный другъ полковнику Пендльтону, что со стороны послѣдняго было прямо скандально драться на дуэли за дурную женщину и защищать ее съ бранью въ обществѣ джентльменовъ, и пора, какъ говоритъ м-ръ Вудсъ, предоставить его исключительно ихъ обществу. Нѣтъ, м-съ Вудсъ не допускаетъ, чтобы это происходило отъ несправедливости самихъ женщинъ. Мужчины сами носятся со всѣмъ этимъ, да вѣдь они же и пишутъ законы! Нѣтъ, очень жаль, что изъ всѣхъ опекуновъ м-ръ Гетвей не могъ быть постояннымъ руководителемъ и, такъ сказать, старшимъ братомъ бѣдной Эрбы.

Поль не могъ не сконфузиться, припомнивъ при этихъ словахъ кое-какіе пассажи своей молодости.

— Я думаю также,—продолжала м-съ Вудсъ,—что бѣдняжка слишкомъ терзается этой нелѣпой тайной насчетъ ея родства... Для дѣвушки съ полумилліоннымъ приданымъ это что-нибудь да значитъ.

— Разумѣется.

— И, конечно, все это раскроется, когда она достигнетъ совершеннолѣтія? Вы, вѣроятно, знаете, живъ ли кто изъ ея родственниковъ?

— Рѣшительно не знаю.

— Прошу прощенія,—сказала м-съ Вудсъ съ улыбкой,—я забыла, что это тайна. Но вотъ мы уже и у дома. Можетъ быть, вамъ пріятно будетъ немного отдохнуть прежде, чѣмъ начнете одѣваться къ обѣду, а за вашимъ чемоданомъ послали въ гостиницу. Вы, должно быть, устали отъ постояннаго общества.

Поль радъ былъ всякому предлогу, чтобы побыть наединѣ

съ собой, и, поблагодаривъ хозяйку, послѣдовалъ за слугой въ отведенную для него комнату—роскошно убранный, хотя и съ низкимъ потолкомъ покой перваго этажа. Здѣсь онъ сѣлъ на кушетку, стоявшую въ глубокой амбразурѣ окна, и предался размышленіямъ.

Что онъ тутъ дѣлаетъ? И какой смыслъ всего этого? Онъ вѣдь пріѣхалъ лишь затѣмъ, чтобы выполнить старинное обязательство и угодить безпомощному и несправедливо обиженному знакомому. Онъ это сдѣлалъ и случайно узналъ нѣкоторый фактъ, который можетъ быть важнымъ для его друга, и ясно, что его обязанность теперь лишь въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе отправиться къ нему и сообщить объ этомъ. Онъ ничего не выиграетъ отъ дальнѣйшаго пребыванія здѣсь. Полковникъ Пендльтонъ безразсудно тревожится о возможномъ открытіи родства дѣвушки и о томъ дѣйствіи, какое это произведетъ на ея знакомыхъ и на нее. Но она все это уладила уже одна и придумала планъ весьма благоразумный для устраненія всѣхъ затрудненій въ будущемъ. Онъ сообщитъ этотъ планъ полковнику, предоставитъ ему рѣшить вопросъ объ его удобоисполнимости и этическомъ значеніи,—равно какъ и о томъ, знаетъ ли она уже истину, или сама заблуждается.

Послѣ того онъ вернется къ собственнымъ дѣламъ въ Сакраменто. Въ этомъ нѣтъ ничего труднаго или такого, что бы могло его смутить, но только ему слѣдовало сдѣлать это часъ тому назадъ.

Онъ выглянулъ въ окно и увидѣлъ вдали мелькнувшія фигуры молодыхъ дѣвушекъ, направлявшихся къ дому. Ну, онъ не станетъ мѣшать правильному теченію своихъ мыслей праздным наблюденіемъ за ними; онъ по всей вѣроятности еще наглядится на эту Эрбу въ продолженіе вечера и придетъ къ какому-нибудь рѣшенію насчетъ ея личности.

Но до сихъ поръ онъ еще не обращалъ вниманія на ея голосъ, музыкальный, съ его южной интонаціей, и теперь когда онъ долеталъ до него изъ саду—онъ поразилъ его впервые своей прелестью. Да, несомнѣнно, она была очень счастлива или очень легкомысленна. Она бѣгала взапуски съ Милли и скоро послышался топотъ легкихъ ножекъ и шелестъ платьевъ на верандѣ и *ея* усталый, запыхавшійся, прерывистый, но счастливый смѣхъ

Конечно, она была ребенокъ, а если такъ, то какъ же онъ былъ къ ней несправедливъ! Что если все то, что онъ принялъ за сознательную хитрость, было лишь невинными мечтаніями романической дѣвушки! Вмѣсто того, чтобы разсуждать съ нею

вразумить ее, онъ укрѣпилъ въ ней ея иллюзіи! Онъ отнесся къ ней какъ къ дочери авантюристки, уже въ крови своей таившей заразу материнской развращенности, а не какъ къ своей питомицѣ, трогательной въ своемъ невѣденіи и даже, быть можетъ, въ своемъ дѣтскомъ тщеславіи. Онъ вспыхнулъ отъ стыда и отошелъ отъ окошка,—точно воздухъ, доносившійся изъ сада, вдругъ пахнулъ на него укоризненно.

Но что же, однако, было ему дѣлать? Не могъ же онъ ей сказать правду? И какъ сказать, въ какихъ выраженіяхъ? Да и по какому праву: какъ опекунъ, который никогда не заботился о ней и не опекалъ ее? или какъ знакомый, всего лишь часъ тому назадъ впервые въ жизни увидѣвшій ее? Кто въ правѣ былъ бы это сдѣлать? Влюбленный... въ устахъ котораго такое извѣщеніе показалось бы лишь нѣмымъ воззваніемъ къ ея благодарности или страху, и котораго всякая порядочная дѣвушка послѣ того отвергла бы? Нѣтъ. Мужъ? Да! Онъ вспомнилъ вдругъ и весь встрепенулся, о томъ что̀ ему говорилъ Пендльтонъ. Великій Боже! неужели у Пендльтона была эта мысль на умѣ? И однако... вѣдь это единственный выходъ изъ затрудненія.

Стукъ въ дверь—и къ нему вошелъ м-ръ Вудсъ. Онъ объявилъ, что чемоданъ м-ра Гетвея пріѣхалъ, и что м-съ Вудсъ поручаетъ ему сказать, что въ виду того, что время, которое м-ру Гетвею придется провести въ обществѣ его питомицы, такъ коротко, то м-съ Вудсъ уступаетъ свое право посадить его около себя за обѣдомъ—Эрбѣ. Поль поблагодарилъ, улыбаясь про себя. Что, еслибы онъ сдѣлалъ ей свое драматическое сообщеніе между супомъ и рыбой? Да, при усиливавшемся въ немъ постоянно убѣжденіи въ независимомъ нравѣ дѣвушки, онъ былъ увѣренъ, что она отнесется къ его грубости съ непобѣдимой гордостью и самообладаніемъ.

Онъ сталъ медленно одѣваться, порою какъ бы забываясь въ состояніи какой-то новой и пріятной апатіи, какую онъ приписывалъ сильному и опьяняющему запаху жасмина и розъ.

Теперь онъ не столько думалъ объ Эрбѣ, сколько мысленно видѣлъ ее. Когда онъ перешелъ въ уборнук, то въ зеркалѣ ему представилось не его лицо, а ея. Вздрогнувъ, точно онъ услышалъ ея голосъ, онъ нашелъ на уборномъ столѣ небольшую вазу съ цвѣткомъ, предназначеннымъ ему въ петлицу фрака, съ надписью на пришпиленномъ билетикѣ, сдѣланной карандашомъ и несформировавшимся дѣвическимъ почеркомъ: „Отъ Эрбы въ благодарность за то, что остались“. Должно быть, это поставилъ здѣсь слуга въ то время, какъ онъ предавался размышленіямъ у окошка.

Съ десятокъ людей уже собралось въ гостиной, когда вошелъ Поль. М-ръ Вудсъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей, въ томъ числѣ судью Бекера съ женой и дона Цезаря Бріонесъ съ сосѣдняго мѣстечка Лосъ Пахаросъ и его сестру донну Анну. Милли и Эрба еще не появлялись. Донъ Цезарь, молодой человѣкъ, сложенный какъ тореадоръ, съ круглымъ, матово-блѣднымъ лицомъ и черными глазами, повидимому, замѣчалъ ихъ отсутствіе и не спускалъ глазъ съ двери, въ то время какъ Поль вступилъ въ бесѣду съ донной Анной, если только слово „бесѣда“ можно примѣнить къ отчаянному кокетничанью, на какое ухитрилась свернуть эта добродушная молодая особа съ первыхъ же двухъ словъ и съ первымъ взмахомъ опахала. Но вотъ впорхнула Милли—въ видѣ нѣжнаго облака бѣлаго тюля, а минуту спустя, при всеобщемъ молчаливомъ ожиданіи, вошла высокая, граціозная особа, которую Поль въ первую минуту совсѣмъ было не узналъ.

По общераспространенному между мужчинами самомнѣнію, они воображаютъ, что стоятъ выше женскихъ нарядовъ, и что хорошенькая дѣвушка одинаково хороша въ простомъ, какъ и въ нарядномъ платьѣ. Между тѣмъ каждый изъ находившихся здѣсь мужчинъ долженъ былъ сознаться, что Эрба въ ея нынѣшнемъ туалетѣ была не только красивѣе, но и проявила новую и болѣе изящную сторону своей красоты. Въ черномъ гренадиновомъ платьѣ, отдѣланномъ jais, ея нѣжная, атласная кожа не только казалась бѣлѣе, но и вся фигура выше, стройнѣе, съ отпечаткомъ хорошаго воспитанія и культуры. На ней не было никакихъ драгоцѣнныхъ уборовъ, за исключеніемъ ожерелья изъ жемчуга, такого узкаго, что годилось бы для ребенка, и такъ плотно охватывавшаго ея горло, что его почти нельзя было отличить отъ шеи. Поль не зналъ, что это ожерелье подарено было матерью дочери за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ она съ ней простилась на-вѣки. Нѣсколько бѣлыхъ цвѣтковъ, такихъ же точно, какъ тотъ, что былъ воткнутъ въ петлицу его фрака, украшали лифъ.

Глаза ихъ встрѣтились на минуту, и восхищеніе, выразившееся во взглядѣ Поля, отразилось въ ея взглядѣ наивнымъ сознаніемъ своего женскаго торжества. Но она тотчасъ же занялась другими гостями и въ особенности дономъ Цезаремъ, явно ухаживавшимъ за нею.

— Вашему брату, кажется, очень нравится миссъ Эрба?—спросилъ Поль.

— Ахъ, да-а,—протянула донна Анна.—А вамъ?

— О!—весело отвѣтилъ Поль.—Мнѣ? Я, знаете, ея опекунъ и съ моей стороны это чистѣйшій эгоизмъ.

— Ахъ!—лукаво замѣтила донна Анна:—вы такъ уже въ ней увѣрены? Хорошо! я предостерегу его!

Предосторожность очевидно не лишняя, потому что когда позднѣе, по знаку хозяйки дома, Поль предложилъ руку Эрбѣ, молодой испанецъ поглядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Благодарю васъ за то, что вы позволили мнѣ носить ваши цвѣты,—сказалъ Поль, взглянувъ на цвѣты у ея корсажа, когда они сѣли за столъ:—и я думаю, что заслужилъ это, такъ какъ еслибы не вы, то уже ѣхалъ бы обратно въ Санъ-Франциско въ эту минуту. Можно ли разсчитывать, что мнѣ удастся поговорить съ вами сегодня вечеромъ?—прибавилъ онъ, понижая голосъ.

— Почему же не теперь?—отвѣтила Эрба лукаво.—Насъ затѣмъ нарочно посадили рядомъ.

— Ужъ вѣрно не затѣмъ, чтобы говорить о нашемъ дѣлѣ... я могу сказать: о нашихъ *семейныхъ* дѣлахъ,—отвѣтилъ Поль съ такой же игривостью:—хотя я думаю, что вашъ знакомый донъ Цезарь былъ бы доволенъ, еслибы этимъ все дѣло между нами ограничилось.

— А вы думаете, его сестра не раздѣлила бы этого удовольствія? Предупреждаю васъ, м-ръ Гетвей, что вы вполнѣ оправдываете сомнѣнія достопочтенной игуменьи въ вашихъ претензіяхъ на солидность. Всѣ смотрятъ на васъ въ эту минуту.

Поль машинально взглянулъ. Дѣйствительно всѣ глаза были устремлены на нихъ обоихъ. Ловкій собесѣдникъ, онъ быстро перевелъ разговоръ на другія общія темы и убѣдился, къ удовольствію своему, что Эрба была не только образована, но и болѣе развита, чѣмъ можно было ожидать отъ монастырки. По молчаливому соглашенію, указывавшему на ихъ взаимное довѣріе, оба они старались занимать и нравиться не столько другъ другу, сколько другимъ гостямъ, и Поль, весело препираясь съ донной Анной, съ удовольствіемъ прислушивался къ разговору Эрбы съ дономъ Цезаремъ по-испански. Но скоро онъ замѣтилъ съ смущеніемъ, что они говорятъ о старинной испанской оккупаціи и о старинныхъ испанскихъ фамиліяхъ. Онъ побоялся, какъ бы она не проявила свое невѣденіе, которое впослѣдствіи могло быть обращено противъ нея, или же не вызвала такихъ фактовъ, которые бы разрушили ея испанскіе замки? Но, можетъ быть, она просто собираетъ справки? Онъ восхищался ловкостью, съ какой она выспрашивала дона Цезаря, сама нисколько не выдавая себя. И

со всѣмъ тѣмъ, онъ все-таки былъ какъ на иголкахъ: минутами ему казалось, что онъ участвуетъ въ обманѣ Эрбы. Онъ замѣтилъ, что отъ смышленой донны Анны не укрылась его разсѣянность, но тутъ къ нему вернулось самообладаніе, благодаря счастливой, какъ ему показалось, диверсіи. Послышался голосъ судейши, м-съ Бекеръ, обратившейся черезъ весь столъ къ Эрбѣ съ замѣчаніемъ, которое, какъ это часто бываетъ, несмотря на свою пустоту, привлекло всеобщее вниманіе.

— Мы восхищаемся вашимъ ожерельемъ, миссъ Эрба.

Всѣ глаза устремились на тоненькое горло красивой дѣвушки. Предлогъ былъ такой натуральный. Эрба съ улыбкой поднесла руку къ шеѣ.

— Вы смѣетесь, м-съ Бекеръ. Я знаю, что оно до нелѣпости мало, но это дѣтское ожерелье, и я ношу его, потому что это подарокъ моей матери.

Поль пришелъ въ ужасъ. Впервые услышалъ онъ, какъ дѣвушка заговорила о своей матери, и на мигъ это его такъ ошеломило, какъ еслибы сама эта потерянная женщина вдругъ появилась и сѣла за столъ.

— Я говорила тебѣ, что это не можетъ быть!—сказала м-съ Бекеръ, обращаясь къ мужу.

Всѣ натурально уставились вопросительно на обоихъ супруговъ и м-съ Бекеръ объяснила съ улыбкой:

— Бобъ думаетъ, что раньше видѣлъ это ожерелье; мужчины такъ упрямы.

— Извините меня, миссъ Эрба,—проговорилъ судья Бекеръ:—позвольте мнѣ взглянуть на ожерелье, если это васъ не затруднитъ?

— Нисколько,—отвѣчала Эрба, растегивая ожерелье и снимая его съ шеи.—Я боюсь только, что вы найдете его старомоднымъ.

— Ну, вотъ, то самое какъ разъ, что я и думалъ,—сказалъ, бросая торжествующій взглядъ на жену, судья Бекеръ.—Восемь лѣтъ тому назадъ я видѣлъ его въ ювелирной лавкѣ Тукера и хотѣлъ купить его для своей малолѣтки Минни; но цѣна была такъ высока, что я сразу не рѣшился, а тѣмъ временемъ подвернулся другой покупщикъ и перебилъ у меня ожерелье. Да,—прибавилъ онъ, разсматривая ожерелье Эрбы,—я увѣренъ, что это то самое; оно было единственное въ своемъ родѣ. Не правда ли, какъ странно?

Всѣ согласились, что это странно, и выказали то безсмысленное удовольствіе, съ какимъ дюжинные люди относятся ко всякимъ пустымъ и ничего не значащимъ совпаденіямъ обстоятельствъ.

— И вы такъ и не узнали, кто вашъ счастливый соперникъ?—

спросила донна Анна, бросивъ мимолетный взглядъ на блѣдное лицо Поля.

— Нѣтъ, но...—и Бекеръ умолкъ съ смущеннымъ смѣхомъ.— Нѣтъ, я перепуталъ, это было такъ давно, я позабылъ; но ожерелье хорошо помню.

И онъ передалъ его Эрбѣ съ поклономъ, и на этомъ покончился инцидентъ.

Поль не глядѣлъ на Эрбу во время этой бесѣды, подъ вліяніемъ безразсуднаго страха, что онъ можетъ сконфузить ее или увидѣть ее сконфуженной другими. А когда взглянулъ на ея спокойное, безмятежное лицо, то нисколько не успокоился. Онъ убѣдился въ одномъ только—что теперешнія отношенія его съ дѣвушкой не могутъ долѣе продолжаться. Или онъ ей все скажетъ, или больше не увидится съ ней. Средины нѣтъ. Она каждую минуту могла быть изобличена, благодаря своему невѣденію или своимъ несчастнымъ притязаніямъ. Въ своемъ нестерпимомъ положеніи онъ одинаково не могъ ни перенести ея гибели, ни защитить ее.

Когда дамы встали изъ-за стола, онъ на минуту успокоился, но только на минуту. Судья Бекеръ придвинулъ свой стулъ къ Полю и, закуривая сигару, сказалъ со смѣхомъ:

— Знаете, Гетвей, я вд-время спохватился, что чуть было не сказалъ ужасной вещи вашей питомицѣ.

Поль поглядѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ.

— Да, увѣряю васъ! Знаете ли, *кто* былъ моимъ соперникомъ въ дѣлѣ ожерелья?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Поль съ ледяной безпечностью.

— Кэтъ Говардъ! Фактъ, сэръ. Она купила его у меня подъ носомъ... и перехватила его у меня.

Поль не потерялъ самообладанія. Благодаря тому обстоятельству, что Эрбы здѣсь не было, а донъ Цезарь, слышавшій этотъ разговоръ, подошелъ съ непріятной и значительной усмѣшкой, волненіе Поля превратилось въ холодную злость.

— А я думаю,—отвѣчалъ онъ невозмутимо хладнокровно,— что, какъ это водится у такого сорта женщинъ, ожерелье вскорѣ вернулось черезъ закладчика обратно къ ювелиру. Это обыкновенная исторія.

— Да, конечно,—добродушно сказалъ Бекеръ.—Вы вполнѣ правы, это все дѣло рѣшаетъ, но,—прибавилъ онъ со смѣхомъ, —я чуть-было несказалъ глупости.

— И чуть-было не нанесли незаслуженнаго оскорбленія,— проговорилъ Поль внушительно, но устремивъ свои болѣе чѣмъ

когда-либо блестѣвшіе глаза не на собесѣдника, а на дона Цезаря, стоявшаго около него:—Вы говорили...

— Э... о!.. Эта Кэтъ Говардъ? Такъ... Я слышалъ про нее... да-а! А миссъ Эрба... она моя соотечественница, кажется. Да... мы предъявимъ на нее права какъ на свою соотечественницу, да-а...

— У вашихъ соотечественниковъ въ обычаѣ предъявлять требованія, которыя чаще опираются на выгодѣ, чѣмъ на правѣ, —сказалъ Поль не улыбаясь и съ явнымъ намѣреніемъ оскорбить. Онъ отлично зналъ, что говоритъ и какой изъ того выйдетъ результатъ. Всего какихъ-нибудь сутки назадъ онъ смѣялся надъ идеей Пендльтона дуэлью отклонить скандалъ и открытіе тайны, и вотъ теперь самъ искалъ ссоры съ человѣкомъ только по одному подозрѣнію и съ тою же цѣлью—и не видѣлъ въ этомъ ничего страннаго.

Но донъ Цезарь хотя и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ, однако не выказалъ желанія поднять перчатку, а м-ръ Вудсъ поспѣшно вмѣшался:

— Донъ Цезарь хочетъ только сказать, что ваша питомица сама думаетъ, что она испанскаго происхожденія; по крайней мѣрѣ, такъ говоритъ Милли. Но, конечно, вамъ, какъ одному изъ первоначальныхъ опекуновъ, хорошо извѣстны факты.

Еще немного—и Поль выдалъ бы себя.

— Я думаю, что мы оставимъ миссъ Эрбу въ сторонѣ,— холодно сказалъ онъ.—Мое замѣчаніе было сказано вообще, хотя, конечно, я принимаю отвѣтственность за каждое личное примѣненіе.

— Вы говорите какъ настоящій политикъ,—сказалъ судья Бекеръ съ усиленнымъ восторгомъ, которымъ надѣялся смягчить зловѣщіе результаты своей несчастной болтовни.—Совершенно вѣрно, джентльменъ, вы не можете вырвать у него факты, прежде чѣмъ онъ согласится ихъ выдать. Храните свою тайну, м-ръ Гетвей, судъ на вашей сторонѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда они переходили въ гостиную къ дамамъ, мэръ отсталъ вмѣстѣ съ Вудсомъ.

— Легко видѣть вліяніе этого Пендльтона на нашего юнаго друга,—сказалъ онъ многозначительно.—Кто-нибудь долженъ бы сказать ему, что Пендльтонъ совсѣмъ пропащій человѣкъ и что, водясь съ нимъ, онъ можетъ испортить свою карьеру.

Поль былъ слишкомъ наблюдателенъ, чтобы не замѣтить этого, но нисколько не раскаялся. Юная увѣренность въ себѣ и въ своихъ силахъ поддерживала его. Онъ чувствовалъ, что какъ будто что-то совершилъ, хотя бы только то, что показалъ дону Цезарю, что нельзя безнаказанно играть слабостью или невѣде-

ніемъ дѣвушки. Но онъ все еще былъ неувѣренъ, какъ ему дѣйствовать. Но это выяснится въ теченіе вечера. Въ настоящую минуту, казалось, не было ни малѣйшаго шанса переговорить съ ней наединѣ; она безпечно разговаривала съ Милли и м-съ Вудсъ и гостями, которые уже начали собираться на это въ честь его импровизированное levée. Чтобы загладить свой недавній промахъ, онъ нервно призвалъ на помощь всю силу своего краснорѣчія—и черезъ нѣсколько минутъ былъ окруженъ группой восхищенныхъ поклонниковъ. Потѣшное сходство со сценой въ гостинницѣ Золотыя-Врата представилось ему, и онъ невольно оглянулся на Эрбу, ожидая встрѣтить ея насмѣшливый взглядъ. Глаза ихъ встрѣтились, но къ удивленію онъ прочиталъ въ нихъ не насмѣшку, а одобреніе. Что за дѣло ему теперь до размолвки съ домомъ Цезаремъ и недовольства его пріятелей! *Она* гордилась имъ.

Но послѣ этого обмѣненнаго между ними взгляда она стала застѣнчива и сосредоточила все свое вниманіе на Милли или терпѣливо выслушивала практическія, но совсѣмъ не романическія воспоминанія судьи Бекера о лишеніяхъ и трудностяхъ жизни въ Калифорніи въ былые дни. Она была проста и ненатянута въ обращеніи съ домомъ Цезаремъ, хотя ловко втянула въ разговоръ и донну Анну; она была любезна со всѣми, кромѣ Поля, или такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось. Разъ или два, когда онъ ловкимъ маневромъ привлекъ ее на одинъ изъ балконовъ, которые вели въ освѣщенный луною садъ, она всякій разъ всовывала руку подъ локоть Милли и онъ былъ увѣренъ, что приглашеніе прогуляться при свѣтѣ луны по саду побудитъ ее пригласить Милли сопутствовать имъ.

Но какъ онъ ни былъ разочарованъ и раздосадованъ, однако въ ея манерахъ было нѣчто такое, что питало въ немъ надежду, что она поддастся его убѣжденіямъ. Но въ чемъ будутъ состоять эти убѣжденія—этого онъ не зналъ.

Послѣдній гость ушелъ; Поль остался на верандѣ съ сигарой, упросивъ хозяина и хозяйку не заниматься больше имъ. Милли и Эрба ушли въ будуаръ послѣдней; но такъ какъ онѣ еще не распрощались съ нимъ форменно, то можно было еще надѣяться на ихъ возвращеніе. Онъ прождалъ на верандѣ съ полъ-часа и затѣмъ, принявъ продолжительное отсутствіе Эрбы за молчаливый отказъ въ его просьбѣ, собирался уйти. Но оглядѣвъ садъ, прежде чѣмъ вернуться въ домъ, онъ былъ пораженъ страннымъ обстоятельствомъ: что-то бѣлое, въ родѣ шали, замѣченное имъ на дальней живой изгороди и сразу наполнившее его ожиданіемъ, *несомнѣнно перемѣнило мѣсто*. Прежде оно было ближе къ бе-

сѣдкѣ, а теперь несомнѣнно отдалялось: можетъ быть, это она, ускользнувъ изъ дома, ждетъ его тамъ? Выбранивъ себя за свою тупость, онъ поспѣшно сбѣжалъ съ веранды и бросился въ садъ. Но не успѣлъ онъ пройти и десяти шаговъ, какъ оно исчезло. Онъ бросился въ бесѣдку—та была пуста; онъ обошелъ вдоль изгороди—и тамъ никого не было. Значитъ, то была не она; иначе она бы подождала его... если только не хотѣла подшутить надъ нимъ. Онъ съ досадой вернулся въ домъ, вошелъ въ гостиную черезъ балконъ и, проходя по полу-освѣщенной комнатѣ, услышалъ шелестъ около окна. Онъ поспѣшно оглянулся и увидѣлъ Эрбу въ бѣломъ пеньюарѣ; она смирно сидѣла на диванѣ, заложивъ руки за свою красивую головку.

— Я жду Милли,—сказала она съ слабой улыбкой.

Ему показалось, при свѣтѣ луны, что она очень блѣдна.

— Милли пошла во флигель навѣстить служанку, которая заболѣла. Мы думали, что вы курите на верандѣ и я побуду съ вами, но я вдругъ увидѣла, какъ вы выбѣжали изъ веранды и бросились бѣжать вдоль изгороди.

Поль чувствовалъ, что теряетъ самообладаніе въ ея присутствіи и становится нервенъ.

— Я думалъ, что это *вы*,—пролепеталъ онъ.

— Я? одна въ саду, въ такой часъ, въ лунную ночь? Какъ это могло вамъ придти въ голову, м-ръ Гетвей? Извѣстны ли вамъ правила монастырской жизни? и какое понятіе вы имѣете послѣ того о своей питомицѣ!

Ему показалось, что хотя она слабо улыбается, но голосъ ея слегка дрожитъ.

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—сказалъ онъ безъ обиняковъ.—Я даже хотѣлъ васъ попросить пройтись со мной по саду.

— Почему не поговорить здѣсь?—отвѣчала она, перемѣняя позу и указывая на другой конецъ дивана.—Еще не очень поздно и Милли сейчасъ вернется.

Онъ сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ; блестящій и честолюбивый политикъ уступилъ въ немъ мѣсто мечтательному, неопытному мальчику.

— Эрба!

— Мнѣ нравится, какъ вы произносите это имя. Можно подумать, что вы выдумали его. Вы почти заставляете меня сожалѣть о томъ, что я съ нимъ разстанусь.

Онъ умолкъ. Онъ чувствовалъ, что послѣднія слова спасли его.

— Объ этомъ-то я и хочу поговорить съ вами,—началъ онъ почти рѣзко.—Довольны ли вы, что оно не имѣетъ никакого смысла въ вашихъ глазахъ? не вызываетъ ли оно въ вашей памяти чего-нибудь такого, что̀ бы вы желали узнать? Подумайте!.. прошу васъ, умоляю васъ быть со мною откровенной!

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— Я уже говорила вамъ, что мое теперешнее имя кажется мнѣ какой-то нелѣпостью или намѣренной маской. Но почему вамъ это понадобилось узнать именно *теперь*?

— Чтобы помочь вамъ! только для этого! Сдѣлать все, что могу, чтобы выручить васъ изъ затрудненія, просить васъ довѣриться мнѣ и разсказать все, что вы знаете или *хотите* знать о своемъ родствѣ съ Аргвелло... или съ кѣмъ-нибудь другимъ. А затѣмъ посвятить себя выполненію того, что̀ вы признаете своимъ желаніемъ. Вы видите, что я откровененъ съ вами, Эрба! я только прошу и васъ быть со мною откровенной: сообщить мнѣ ваши сомнѣнія, тревоги и опасенія, чтобы я могъ давать вамъ совѣтъ и вдохнуть въ васъ мужество.

— Это все, что̀ вы пришли мнѣ сказать?—спокойно спросила она.

— Нѣтъ, Эрба,—съ жаромъ отвѣтилъ онъ, беря ея не сопротивляющуюся, но инертную руку,—не все; но это все, что я могу, что̀ я имѣю право сказать вамъ, и все, что̀ вы, Эрба, разрѣшите мнѣ сказать вамъ *теперь*. Но позвольте мнѣ надѣяться, что недалекъ день, когда мнѣ можно будетъ сказать вамъ *все*, и когда вы поймете, что мое теперешнее молчаніе—величайшая изъ жертвъ, принесенныхъ человѣкомъ, который говоритъ съ вами теперь.

— Но жертва вполнѣ достойная политика, дѣлающаго карьеру,—прибавила она, поспѣшно отнимая свою руку.—Я согласна,—прибавила она, глядя на дверь, но, повидимому, вовсе не затѣмъ, чтобы избѣжать его пылкаго взгляда,—и когда я выберу себѣ какое-нибудь „мѣстное жилище и имя“, мы возобновимъ этотъ интересный разговоръ. А до тѣхъ поръ, какъ говорилъ мой четвертый оффиціальный опекунъ—онъ былъ юристъ, какъ и вы сами, м-ръ Гетвей, когда онъ развивалъ свои предположенія объ этомъ сюжетѣ,—пусть все остается „безъ послѣдствій“.

— Но, Эрба...—началъ-было Поль съ горечью.

Она подняла руку, какъ бы затѣмъ, чтобы не дать ему говорить.

Ея тонкое ухо разслышало шаги Милли въ корридорѣ, и черезъ секунду эта веселая и скромная молодая особа появилась

на порогѣ комнаты съ выраженіемъ боязни на лицѣ, не помѣшала ли она.

— Мы кончили нашу бесѣду, и м-ръ Гетвей такъ огорченъ тѣмъ, что у меня нѣтъ настоящаго имени, что предложилъ все рѣшительно, кромѣ своего собственнаго имени, чтобы найти мнѣ другое, болѣе подходящее. Не правда ли, м-ръ Гетвей?

Она встала и, подойдя къ Милли, охватила ее за талію.

— Прощайте. Моя чопорная пріятельница очень шокирована этой полуночной бесѣдой и уводитъ меня прочь... Подумай только, Милли,—онъ предлагалъ мнѣ идти гулять съ нимъ въ садъ! Покойной ночи, или, какъ мои предки,—помните, *мои предки*,—говорили: „Buena noche—hasta manana!"

Послѣднія слова она произнесла, передразнивъ произношеніе донны Анны и съ улыбкой исчезла вмѣстѣ съ своей подругой.

Въ восемь часовъ утра слѣдующаго дня Поль стоялъ около своего чемодана на верандѣ.

— Но что же вы такъ торопитесь, м-ръ Гетвей?—говорилъ м-ръ Вудсъ.—Развѣ вы не могли бы подождать до другого поѣзда? Дѣвицы тогда уже сойдутъ внизъ, и вы съ комфортомъ позавтракали бы.

— Мнѣ предстоитъ много дѣла... больше нежели я ожидалъ... въ Санъ-Франциско,—отвѣчалъ Поль.—Прошу васъ передать мои извиненія вашей женѣ и дѣвицамъ.

— Я надѣюсь,—началъ Вудсъ съ смущеннымъ смѣхомъ,—что вы больше не пререкались съ домомъ Цезаремъ, ни онъ съ вами?

— Нѣтъ, будьте спокойны,—улыбнулся Поль.

— Вы чертовски вспыльчивы, Гетвей,—продолжалъ Вудсъ,—такъ же вспыльчивы, какъ и вашъ пріятель Пендльтонъ. Кстати, Беверъ ужасно сконфуженъ своими глупыми рѣчами, знаете. Онъ приходилъ ко мнѣ вчера вечеромъ и спрашивалъ, неужели кто-нибудь могъ подумать, что онъ сказалъ это намѣренно. Я отвѣчалъ ему, что все это чистѣйшій вздоръ. Должно быть, жена распекла его, ха, ха! Видите ли, онъ помнитъ старыя времена, когда всѣ объ этомъ болтали, а эта женщина, Говардъ, была настоящая героиня. Мнѣ говорили, что она давно уже переселилась въ Штаты.

— Можетъ быть,—равнодушно отвѣчалъ Поль.

И помолчавъ прибавилъ, въ то время, какъ экипажъ подъѣхалъ къ крыльцу, а онъ повернулся къ хозяину:—Кстати, Вудсъ, водятся у васъ здѣсь привидѣнія?

— Домъ достаточно для того́ старъ. А что?

— Готовъ поклясться, что видѣлъ прошлымъ вечеромъ какую-то фигуру вонъ тамъ, около изгороди; но когда я направился къ ней, она самымъ непостижимымъ образомъ исчезла.

— Какая-нибудь служанка дона Цезаря. Мнѣ говорили, что одна изъ нихъ, индіанка, шляется здѣсь во всѣ часы дня и ночи. Я положу этому конецъ... Итакъ, вы уѣзжаете? Очень жаль. Прощайте.

А. Э.

КАЗНА

и

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОЕ ДѢЛО

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, мнѣ—молодому, только-что искусившемуся на различныхъ поприщахъ казенной и частной технической дѣятельности инженеру — пришлось въ этомъ же журналѣ [1]) высказаться противъ передачи дѣла желѣзныхъ дорогъ въ казенныя руки. Въ то время, эта мысль, казавшаяся мнѣ неопровержимо справедливой, стояла особнякомъ въ журналѣ, гдѣ и въ то уже время вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ ставился не только на техническую точку зрѣнія, какъ это дѣлалъ я, но разсматривался и съ гораздо болѣе широкой точки зрѣнія интересовъ общегосударственныхъ. Пятнадцать лѣтъ—времени много; особенно же значительнымъ, по результатамъ, слѣдуетъ признать этотъ же періодъ въ вопросѣ желѣзнодорожномъ, такъ какъ ничто до сихъ поръ не развивалось такъ быстро, подъ напутствіемъ безраздѣльнаго сочувствія стараго и малаго, великихъ умовъ и совершеннѣйшихъ невѣждъ, какъ именно желѣзнодорожное дѣло. Быстрота, являясь девизомъ второй половины нашего умирающаго уже вѣка,—конечно, лучшаго, совершеннѣйшаго своего выразителя нашла въ желѣзной дорогѣ, за которой шла также передача электричествомъ письма нашего, а затѣмъ и слова при помощи телеграфовъ и телефоновъ, изобрѣтеніе которыхъ граничитъ почти съ областью чудеснаго. Странно было бы, еслибы въ концѣ такого

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, мартъ, 1877 г.

громаднаго опыта во всѣхъ странахъ и у всѣхъ культурныхъ народовъ не пришлось дѣлать поправокъ во мнѣніяхъ чисто практическаго характера, высказанныхъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И вотъ, чтобы сдѣлать эти поправки, мнѣ приходится возобновить мои бесѣды о казнѣ-хозяйкѣ въ дѣлѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, но уже съ болѣе широкой точки зрѣнія, а не съ одной технической.

I.

Въ теченіе всего, нынѣ уже истекающаго, года, въ газетахъ и журналахъ велась оживленная полемика по вопросамъ о способахъ выгоднѣйшей постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Въ этихъ спорахъ выяснились два существенно различающихся между собою мотива. Первый—предлагалъ вернуться къ системѣ старыхъ концессій—съ тою только разницею, чтобы послѣднія выдавать не первымъ встрѣчнымъ, но наиболѣе богатымъ и наиболѣе исправнымъ старымъ обществамъ, за право отдалить время обязательной продажи этихъ линій въ казну и за удлиненіе сроковъ гарантій на извѣстное число лѣтъ, съ присоединеніемъ къ старымъ гарантированнымъ капиталамъ дороги суммъ, потребныхъ для постройки новыхъ линій. На этихъ основаніяхъ уже состоялась передача рязанско-московской дорогѣ постройки линіи на Казань. На подобныхъ же условіяхъ проектирована передача постройки дороги отъ Владикавказа на Петровскъ обществу владикавказской желѣзной дороги. Въ то же время существуетъ и еще предположеніе, особенно сильно оспариваемое министерствомъ путей сообщенія, какъ для казны невыгодное—отдать въ аренду казенную и казеннымъ управленіемъ приведенную въ порядокъ дорогу тамбово-саратовскую—обществу козлово-рязанской желѣзной дороги. Второй мотивъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ первымъ и продолжаетъ отстаивать выгоды и преимущества казенной постройки и казенной эксплуатаціи всей сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, и потому стоитъ за немедленный выкупъ дорогъ, подлежащихъ уже такому выкупу по условіямъ выданныхъ на нихъ концессій, и за устройство на всей уже очень значительной сѣти казенныхъ дорогъ правильной и единообразной эксплуатаціи. Изъ газетъ болѣе значительныхъ однѣ стояли за послѣднее мнѣніе,—напротивъ, другія—за первое. Въ основаніе аргументовъ, говорящихъ за выгодность передачи постройки и эксплуатаціи малодоходныхъ на первое время но-

выхъ линій старымъ богатымъ обществамъ приводилось соображеніе о томъ, что казна—плохой хозяинъ и еще болѣе плохой купецъ, и что передача постройки новыхъ линій, не обѣщающихъ скорыхъ и вѣрныхъ барышей въ рукахъ казны, прочно стоящимъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, избавитъ казначейство отъ необходимости изыскивать средства для немедленной постройки этихъ во всякомъ случаѣ необходимыхъ въ общей экономіи государства добавочныхъ линій и тѣмъ дастъ возможность отпускать большія суммы на постройку громадной сибирской дороги, которую желательно было бы, однажды начавъ строить, закончить въ срокъ наименѣе отдаленный. При этомъ вычислялось обыкновенно, что на самомъ дѣлѣ новыя линіи понизятъ акціонерный доходъ по старымъ акціямъ дороги, гарантіи навѣрное не потребуютъ и въ частныхъ рукахъ дадутъ скорѣе хотя и небольшіе, но все же какіе-нибудь прямые дивиденды. Затѣмъ сроки такой передачи новыхъ вѣтвей и новыхъ концессій проектируются короткіе, и потому въ окончательныхъ разсчетахъ этихъ линій съ казною, при ихъ переходѣ въ казенное управленіе со временемъ, казна не потерпитъ существенныхъ убытковъ. Между тѣмъ такой системой будетъ выгадано время, и въ общемъ результатѣ государство только выиграетъ отъ привлеченія къ дальнѣйшему желѣзнодорожному строительству частныхъ рукъ, частной энергіи и частныхъ капиталовъ.

Противники такого мнѣнія возражали приблизительно слѣдующее.

Приведеніе частныхъ разстроенныхъ и бездоходныхъ дорогъ въ надлежащій видъ,—какъ это случилось, напримѣръ, на той же козловско-саратовской дорогѣ,—а также эксплуатація уже значительной сѣти казенныхъ дорогъ—доказали, что казна вовсе не такой плохой хозяинъ, какъ о томъ принято думать на основаніи старыхъ примѣровъ.

Въ подкрѣпленіе этой мысли въ настоящее время можно, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, привести слѣдующій рядъ сравнительныхъ цифръ по эксплуатаціи дорогъ, перешедшихъ уже въ казну—за время нахожденія ихъ въ рукахъ частныхъ обществъ, а затѣмъ и казеннаго управленія. Вотъ эти данныя: дорога харьково-николаевская въ 1880 году не давала никакого дивиденда; въ 1882-мъ, передъ самымъ переходомъ въ казенное управленіе, дала только 0,06%; но черезъ четыре года, находясь въ казенномъ вѣденіи, она стала давать 2,32%; послѣ же увеличенія ея длины новой вѣтвью, длиною въ 200 верстъ, она, въ 1890 году, стала приносить на весь строительный капиталъ 3,74%. Екате-

рининская дорога, построенная казною, начала въ 1884 году свою дѣятельность слабымъ дивидендомъ въ 0,08%, но уже въ 1890 году приносила 5,92%. Наконецъ, закавказская дорога, приносившая въ послѣдній годъ частной эксплуатаціи 3,10%, въ первый же годъ казеннаго управленія дала 4,17%, а въ 1890 годъ, несмотря на громадныя затраты по приведенію этой дороги въ порядокъ, дала 5,72% на весь строительный капиталъ. Цифры эти краснорѣчиво говорятъ, что въ рукахъ казеннаго управленія желѣзныя дороги могутъ быть сдѣланы предпріятіями вполнѣ доходными.

Далѣе, еслибы на казенныхъ агентовъ, стоящихъ у этого дѣла, было принято смотрѣть такъ же довѣрчиво и толерантно, какъ смотрятъ на своихъ агентовъ-исполнителей частныя коллегіальныя учрежденія въ видѣ акціонерныхъ компаній, то и казна могла бы быть совершенно такимъ же хорошимъ желѣзно-дорожнымъ хозяиномъ и даже прямымъ купцомъ, какъ это мы видимъ въ частномъ коллективно-торговомъ дѣлѣ. Новый же видъ концессій хотя и является къ намъ подъ видомъ какъ бы улучшеннымъ, на самомъ же дѣлѣ представитъ рѣшительно тѣ же особенности и тѣ же недостатки, какъ и концессіи старыя. Произойдетъ это потому, что акціи могутъ свободно переходить изъ однѣхъ рукъ въ другія. Тѣ люди и дѣятели, которымъ сегодня, какъ доказавшимъ свою способность и знаніе дѣла, будетъ продолжена старая гарантія и выдана новая, могутъ на первой же биржѣ продать ее въ совершенно иныя руки. Далѣе, мысль, что казна сохранитъ свои капиталы на постройку сибирскихъ линій, также невѣрна, разъ частные капиталы будутъ реализованы за счетъ и рискъ той же казны. Понятно, что на условіяхъ гарантированныхъ процентовъ каждый капиталистъ отдастъ свои деньги казнѣ русской столь же охотно, какъ и подъ предпріятія частныя, но доходность которыхъ гарантирована достояніемъ той же казны. Въ этомъ случаѣ такъ-называемая частная постройка является только постройкою на векселя казны. Затѣмъ малая доходность предлагаемыхъ къ постройкѣ линій есть предположеніе неосновательное. Если эти линіи дѣйствительно въ первыя десять лѣтъ своего существованія окажутся малодоходными, то казна при ихъ выкупѣ во всякомъ случаѣ ничего не выигрываетъ и заплатитъ десятью годами позже тѣ же капиталы, которые бы сама могла употребить на ихъ постройку десятью годами ранѣе. Въ случаѣ же если дороги окажутся, напротивъ, очень доходными и особенно не сами по себѣ, а тѣмъ, что онѣ привлекутъ на старые пути новые грузы, причемъ пробѣгъ этихъ новыхъ грузовъ по

старымъ рельсамъ можетъ оказаться гораздо бо́льшій, нежели по новымъ,—то такимъ косвеннымъ путемъ, даже если новая линія и окажется сама по себѣ малодоходной, старая дорога увеличитъ свою доходность во много разъ, а это и отзовется прямо на ея выкупной цѣнѣ, перенесенной на десять лѣтъ далѣе. Именно въ подобномъ положеніи находится петровская линія относительно владикавказской. Тамъ новый, малодоходный по предположенію самъ по себѣ, путь будетъ имѣть всего 259 верстъ, тогда какъ старый имѣетъ болѣе семисотъ верстъ, почему, конечно, поверстная плата пробѣгающихъ товаровъ распредѣлится невыгодно для новой дороги и очень выгодно для старой, увеличивая валовую доходность послѣдней настолько значительно, что при выкупѣ этой дороги, вмѣсто 1893 года—въ 1907 г., казнѣ придется, за вычетомъ всѣхъ дорожныхъ долговъ, приплатить, пожалуй, до тридцати милліоновъ рублей. Какова эта цифра будетъ въ дѣйствительности—сказать нельзя навѣрное, но самый рискъ, которому подвергается казна, сохраняя въ своемъ распоряженіи на сегодня всего десять милліоновъ строительнаго капитала, является чрезвычайно важнымъ и значительнымъ.

II.

Такимъ образомъ, главнымъ поводомъ для разногласія двухъ вышеприведенныхъ мнѣній о дальнѣйшей судьбѣ нашихъ желѣзныхъ дорогъ является вопросъ о хозяйственныхъ и коммерческихъ способностяхъ казны. Еще въ недавно прошедшее время вопросъ этотъ всѣми знающими особенности и характеръ казеннаго, безличнаго хозяйства—рѣшался вполнѣ отрицательно, и относительно формулы: „*казна плохой хозяинъ*“, никто и не спорилъ. Въ настоящую же минуту послѣднее мнѣніе, столь повидимому прочно установившееся, является сильно поколебленнымъ, благодаря явившейся идеѣ, что между безличной казной и столь же безличнымъ акціонернымъ обществомъ нѣтъ никакой разницы. Кромѣ того, послѣдняя соціаль-демократическая идея, выразившаяся въ увлекательной по внѣшности доктринѣ „катедеръ-соціалистовъ“, проповѣдующихъ спасительность могущественнаго и постояннаго вмѣшательства государства во всѣ людскія дѣла и отношенія, еще болѣе запутала этотъ въ недавнее прошлое столь ясно поставленный и столь безапелляціонно рѣшенный вопросъ.

Скажу теперь же, что относительно широкихъ идей и обобщеній государственнаго соціализма я признаю себя вполнѣ не-

компетентнымъ. Идея эта нова, имѣетъ увлекательныя стороны въ теоріи, обѣщаетъ рай земной людямъ, ее принявшимъ, но со всѣмъ этимъ я не могу согласиться, какъ человѣкъ иного вѣка, хотя и не дерзаю спорить, опять же какъ человѣкъ, органически не понимающій идей совершенно иного порядка, нежели тѣ, среди которыхъ онъ выросъ.

Въ догматахъ, въ основу которыхъ, повидимому, положена общая сытость и еще болѣе общая бездарность, я могу видѣть только погибель стараго строя творческой и свободной жизни человѣка, стремившагося стать богомъ, и замѣну ея жизнью всегда въ мѣру сытаго и вседовольнаго стада. Въ этомъ направленіи я ничего не могу сдѣлать лучшаго, какъ цитировать великолѣпные стихи А. Н. Майкова, вложенные имъ въ уста римлянина Деція:

Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!
. . . . . .
И гдѣ-жъ узда для дикой воли?
Что ихъ удержитъ?.. Все падетъ...
И Пантеонъ, и Капитолій
Травою сорной заростетъ...

Могу также по примѣру старыхъ вѣковъ согласиться съ тѣмъ, что все это пустые страхи, что новые люди настроятъ себѣ и новыхъ Капитоліевъ, и Пантеоновъ, что ихъ Римъ будетъ гораздо прекраснѣе и богаче нашего; все это, можетъ быть, такъ и будетъ, но не для насъ, людей прежней эпохи, кому странна самая идея о томъ, что въ будущемъ гражданскомъ Римѣ нельзя будетъ сдѣлать движенія безъ того, чтобы оно не было измѣрено общественнымъ динамометромъ, нельзя будетъ положить въ ротъ крошки хлѣба, чтобы общественный счетчикъ не показалъ этого на контрольномъ аппаратѣ употребленія общественныхъ продуктовъ въ частную пользу. Въ условіяхъ такой идеальной отчетности, соглядатайства, обмѣриванія и обвѣшиванія всѣхъ всѣми и каждаго каждымъ — мы бы буквально жить не могли. А слѣдовательно, о чемъ же и разговаривать. У иначе организованныхъ людей могутъ быть превосходные порядки, но намъ, людямъ съ менѣе совершенной организаціей, они недоступны, и потому эту сторону вопроса мы совершенно оставимъ. Наконецъ, тутъ существуетъ и еще одно соображеніе. Въ то время казна будетъ представлять нѣчто совершенно отличное отъ того, что нынче мы понимаемъ подъ этимъ словомъ. Тогда всѣ будутъ казенными и все будетъ казна;

между тѣмъ у насъ еще существуетъ разница между моимъ и вашимъ, между частнымъ и общимъ, а потому, оставаясь въ сферѣ сегодняшнихъ нравовъ и понятій, не слѣдовало бы при обсужденіи вопроса о хозяйственныхъ способностяхъ казны прибѣгать къ помощи идей государственнаго соціализма.

Откидывая поэтому идеи далекаго будущаго, намъ остается только болѣе детально остановиться на сравненіи казны съ акціонерными компаніями въ отношеніи ихъ общей безличности.

„Казна потому плохая хозяйка, что безлична; нѣтъ лица, которое бы воплощало въ себѣ казну и отвѣтствовало бы лично и имущественно за всѣ причиненные государству убытки“,—говорятъ одни.—Но,—возражаютъ другіе,—и правители, и директора большихъ акціонерныхъ компаній въ сущности находятся въ условіяхъ, одинаковыхъ съ чиновниками и финансовыми агентами казны. Рискуютъ директора, а платятся акціонеры; въ казнѣ также могутъ рисковать финансовые агенты ея, а платить убытки плательщикъ налоговъ, такъ какъ онъ же пользуется и выгодами, вытекающими изъ удачно рискованныхъ казенныхъ предпріятій. Въ этомъ, конечно, есть большое сходство, но есть и различіе. Функціи акціонерныхъ обществъ строго опредѣлены уставомъ извѣстнаго предпріятія и ограничены извѣстнымъ, также опредѣленнымъ капиталомъ. Рискъ этихъ директоровъ поэтому непремѣнно имѣетъ опредѣленный характеръ и строго опредѣленные размѣромъ акціонернаго капитала предѣлы. Выгоды предпріятія и выгоды риска достаются тѣмъ же лицамъ, которыя платятъ и за убытки риска невыгоднаго, такъ что въ годовомъ балансѣ, напримѣръ, частнаго банковаго дѣла плюсы и минусы могутъ компенсировать другъ друга, и если вообще получается въ результатѣ прибыль, то акціонеры не могутъ быть недовольны своими директорами и управляющими. Далѣе, тамъ эти директора выбираются, назначаются и смѣняются общимъ собраніемъ тѣхъ же акціонеровъ, и если послѣднее на самомъ дѣлѣ часто и здѣсь оказывается фикціей, то это и въ акціонерныхъ дѣлахъ не является ихъ преимуществомъ передъ дѣломъ личнымъ, а напротивъ, составляетъ самую дурную сторону хозяйства даже и акціонерно-коллегіальнаго. Но здѣсь есть хоть отдаленная возможность парализировать этотъ недостатокъ путемъ уменьшенія числа акціонеровъ и обращеніемъ мало-по-малу, путемъ скупки, паевъ и акцій дѣла акціонернаго въ дѣло личное или въ дѣло не многоакціонерное.

Мы и видимъ на самомъ дѣлѣ, что стремленіе къ послѣднему замѣчается во всѣхъ прочныхъ коммерческихъ дѣлахъ, изъ

которыхъ выгоднѣйшія всегда рано или поздно оказываются въ рукахъ способнаго къ этому дѣлу человѣка, управляющаго имъ на строго единоличныхъ началахъ. Все же остальное есть только декорація, всего болѣе выгодная дѣламъ рискованнымъ. Тутъ барышами завладѣваютъ учредители и директора, а платятъ за убытки равнодушные и стадообразно воспитанные акціонеры.

Если казна есть также акціонерная компанія, то тѣ, кто ставитъ вопросъ подобнымъ образомъ, должны неминуемо признать, что въ этой компаніи всѣ дурныя стороны настоящихъ компаній являются въ степени чрезвычайно усиленной. Казна владѣетъ неограниченнымъ капиталомъ, потому что и кредитъ ея также неограниченъ. У нея самыя разнообразныя цѣли и задачи, и потому казенный рискъ можетъ двигаться безпрепятственно во всѣ стороны. Агенты казенныхъ предпріятій безотвѣтственны, потому что дѣйствуютъ на основаніи безчисленныхъ разрѣшеній по примѣру прочихъ, или не въ примѣръ прочимъ,—и потому судебное ихъ преслѣдованіе крайне трудно. Чиновники ея постоянно смѣняются не по выбору, а по случайному порядку движенія по службѣ. Между тѣмъ каждое хозяйственное, а тѣмъ болѣе коммерческое предпріятіе требуетъ постоянной идеи и должно быть подвигаемо въ одномъ направленіи и въ томъ же смыслѣ, покуда не явятся обстоятельства, кореннымъ образомъ мѣняющія нормальный ходъ такого-то дѣла. Смѣна чиновниковъ и агентовъ казны прямо обусловливаетъ—или вѣчную рутину чисто канцелярскаго порядка—въ случаяхъ лицъ бездарныхъ и лишенныхъ личнаго взгляда на дѣло,—или, еще того хуже, вѣчнымъ колебаніемъ въ діаметрально-противоположныя стороны, въ случаяхъ замѣны одного самостоятельно мыслящаго человѣка другимъ, также думающимъ по своему. Скажемъ еще, что личное имущество даже богатыхъ чиновниковъ ничтожно передъ тѣми суммами, которыя ввѣряются ихъ дарованіямъ и ихъ риску въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній является дозволеннымъ. Имущественной, слѣдовательно, отвѣтственности, какъ въ дѣлѣ директорства въ акціонерной компаніи, здѣсь быть не можетъ.

Это различіе казеннаго хозяйства отъ хозяйства ограниченнаго, акціонернаго, до того очевидно и такъ бьетъ въ глаза, что съ нимъ нельзя не считаться лицамъ, держащимся противоположнаго мнѣнія, думающимъ, что путемъ выбора честныхъ, хорошо оплаченныхъ чиновниковъ и развитіемъ особенно бдительнаго контроля можно совершенно парализовать послѣднее неудобство и доставить казенному хозяйству въ одно и то же время необходимую для него свободу иниціативы исполнительныхъ аген-

туръ и защитить казенное достояніе отъ хищеній путемъ особыхъ агентуръ бдительнаго контроля. Это мнѣніе по внѣшности совершенно логично, и потому на немъ позволительно остановиться нѣсколько дольше.

III.

Позвольте, приступая къ вопросу о характерѣ и значеніи контроля въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, начать съ афоризма, который многимъ покажется съ перваго раза чистымъ парадоксомъ. Только съ момента появленія контроля возникнетъ и *право* на воровство общественныхъ суммъ и казеннаго достоянія.

Парадоксально, не правда ли? А между тѣмъ вѣрно. Замѣтьте, что я не говорю: *возникнетъ воровство*, существующее испоконъ вѣковъ само по себѣ въ видѣ преступленія противъ общественной и частной собственности, но говорю:—возникнетъ *право* на воровство. Въ самомъ дѣлѣ, покуда каждый является самъ вершителемъ и отвѣтчикомъ за совершонное, до тѣхъ поръ у него нѣтъ никакого убѣжища и нѣтъ никакого права, которое бы снимало съ него отвѣтственность за содѣянное. Но является контроль, и отвѣтственность сейчасъ же раздѣляется, такъ какъ въ случаяхъ ущерба казеннаго или частнаго состоянія отвѣтчиками являются уже двое de facto и никого de jure. Если вы припустили меня къ вашему достоянію безъ полнаго ко мнѣ довѣрія, вы этимъ самымъ уже оскорбили во мнѣ обязательную честность гражданина, и вопросъ о вашемъ достояніи поставили на боевую почву. Мнѣ вы не вѣрите, но вѣрите контролеру, а потому я получаю право изощрять свой умъ для того, чтобы надуть моего сторожа, и если, будучи опытнѣе или умнѣе послѣдняго, надую его, то прямо по юридической справедливости, уже не являюсь отвѣтственнымъ за ваши убытки. Проще говоря, если вы пустили козла въ огородъ, зная, что этотъ козелъ охотникъ до капусты, то и спрашивайте за убытки съ пастуха, бдительнымъ талантамъ котораго вы еще довѣряете. Очевидное однако дѣло, что еслибы вопросъ о контролѣ, какой бы онъ ни былъ, понимали именно такъ, то всякій контроль являлся бы дѣломъ совершенно невозможнымъ и немыслимымъ. Тѣмъ не менѣе примѣръ козлиный я привелъ для того, чтобы читатель ярко и образно представлялъ себѣ, что въ основѣ всякаго контроля лежитъ довѣріе къ одному и недовѣріе къ другому. Въ такой чистой

и ясной формѣ однако немедленно является вопросъ: почему же, если я довѣряю Ивану и не довѣряю Петру, то не замѣню Ивана Петромъ на самомъ дѣлѣ? Изъ этого уже видно, что вопросъ о гражданскомъ контролѣ надъ расходчиками общественныхъ суммъ такъ не ставится, и къ этимъ случаямъ притча о козлѣ и пастухѣ не подходитъ. *„Раздѣляй и властвуй“*, — говорили еще въ древности, и вотъ эта-то формула на самомъ дѣлѣ ближе всего подходитъ къ практикѣ дѣленія контрольнаго. Въ сущности въ дѣлахъ хозяйственныхъ нѣтъ ни козла, ни пастуха, а есть два чиновника, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ внушаетъ мало довѣрія на основаніи бывшихъ примѣровъ, но, дѣйствуя рядомъ, они, враждуя одинъ съ другимъ, выводятъ другъ друга на чистую воду и тѣмъ какъ бы сохраняютъ казенное достояніе отъ взаимныхъ хищеній. Достигается ли однако такимъ дѣленіемъ намѣченная цѣль? Древняя формула вѣрна, но только до тѣхъ поръ, покуда чиновникъ дѣлающій и чиновникъ контролирующій не стакнулись между собою. Бѣда здѣсь только въ томъ, что при такомъ порядкѣ, даже въ лучшемъ случаѣ, громадная энергія и еще болѣе громадное время тратятся на войну двухъ враждующихъ властей между собою, а самое дѣло стоитъ и въ теченіе длиннаго ряда годовъ не развивается, нанося тѣмъ гораздо болѣе существенные убытки казенному достоянію путемъ недополученія возможныхъ доходовъ, нежели бы принесло прямое любостяжаніе одного безконтрольнаго, но *отвѣтственнаго* за свои дѣйствія чиновника. Понятно также, что и отвѣтственность каждаго чиновника во второмъ случаѣ только половинная, сравнительно съ первымъ, ибо можетъ быть виноватъ дѣятель за то, что не сдѣлалъ, или контролеръ за то, что помѣшалъ сдѣлать. Особенности этихъ двухъ видовъ хозяйства можно наблюдать даже съ достаточною точностью не только на малыхъ общественныхъ дѣлахъ, но и на хозяйствѣ семейномъ. Выгоднѣйшее хозяйство въ послѣднемъ случаѣ будетъ то, въ которомъ сама хозяйка лично производитъ всѣ расходы и всѣ закупки вещей, необходимыхъ для существованія семьи. Уже менѣе выгодно будетъ хозяйство, гдѣ она беретъ на себя только роль контроля надъ покупками своей довѣренной прислуги. Но и это еще форма удобная и не грозящая достоянію семьи, потому что тутъ еще нѣтъ мѣста контролю, какъ мы понимаемъ послѣдній въ общественныхъ хозяйственныхъ и расходныхъ дѣлахъ. Здѣсь самъ заказчикъ самъ же и контролеръ и притомъ контролеръ всегда бдительный, всегда находящійся на-лицо въ тотъ моментъ, когда онъ бываетъ нуженъ. При этомъ плохое мясо, принесенное изъ лавки можетъ

быть немедленно же и возвращено назадъ, плохая матерія на платье перемѣнена на другую, дорогая цѣна предметовъ покупки провѣрена немедленнымъ же опросомъ въ лавкѣ и т. п. Несчастіе же семейное начинается съ того момента, когда между кухаркой и хозяйкой становится экономка, между поваромъ и хозяевами буфетчикъ, а затѣмъ и мэтръ-д'отель. Это несомнѣнно контрольныя инстанціи, появленіемъ своимъ прямо заявляющія, что красть можно, но въ предѣлахъ бдительности этихъ высшихъ инстанцій штата прислуги. Всякій знаетъ, что происходитъ въ подобнаго рода хозяйствахъ. Если до появленія экономки кухарка наживалась на господскомъ столѣ, то съ появленіемъ контрольной инстанціи доходы ея сначала нѣсколько уменьшаются. Но это только сначала. Затѣмъ идетъ періодъ глухой борьбы, экономка сама закупаетъ провизію, а кухарка старается изъ этой провизіи создавать невозможно плохіе обѣды: „провизія, молъ, нехороша", а почему?—„спросите у вашей шпіонки!" Большею частью такую кухарку изгоняютъ и берутъ другую по рекомендаціи все той же излюбленной экономки. Спросимъ однако, куда же дѣвается изгоняемая кухарка? Куда?—идетъ въ экономки къ сосѣдямъ, и тамъ, выживая по тому же способу старую кухарку, рекомендуетъ и здѣсь свою честную женщину. Послѣ такихъ эволюцій порядокъ устанавливается, причемъ господамъ приходится за кухарку, рекомендованную и притомъ честную женщину, платить гораздо дороже прежняго. Экономка также получаетъ содержаніе уже не какъ просто рабочая, а какъ дама или дѣвица во всѣхъ отношеніяхъ благородная. Пойдемъ далѣе. Даже въ семьяхъ достаточныхъ прежде большія закупки—на вечера, балы, званые обѣды—дѣлали сами хозяева. Кухарка имѣла дѣло только съ мелочной, зеленной, мясной да курятной. Бакалея, фрукты, закуски, вина и прочіе цѣнные предметы покупались самими господами, и всѣ находили это совершенно въ порядкѣ вещей. Даже кухарки—и тѣ, будучи особами благоразумными отъ природы, не претендовали на столь обширные подряды и не позволяли себѣ ворчать, гдѣ дѣло наживы изъ сферы копѣекъ и гривенниковъ перебиралось въ область рублей. Но имѣя экономку, особу благородную во всѣхъ отношеніяхъ, положительно странно и обидно не поручать ей всѣхъ закупокъ по дому; и чай, и сахаръ, и вино, и фрукты, все это попадаетъ въ ея вѣденіе и на все это наростаетъ къ концу года экономочный процентъ, который во столько же разъ болѣе кухарочнаго, во сколько экономка благороднѣе послѣдней. Обставя такимъ образомъ свое хозяйство, попробуйте сами купить хотя бы фрукты! Ихъ подадутъ гостямъ поколочен-

ными, въ пятнахъ и еще нажалуются на васъ: „не понимаетъ, молъ, ничего въ этомъ дѣлѣ, ну, лавочникъ мошенникъ и надулъ, видя передъ собою простака-покупателя“. Послѣдніе случаи и въ самомъ дѣлѣ иногда бываютъ, почему подобное объясненіе незамѣченныхъ пятенъ на фруктахъ всегда кажется не только всѣмъ, но и самому обвиняемому—правдоподобнымъ. Сводя же счеты къ концу года и сравнивъ итоги безконтрольнаго хозяйничанья кухарки съ эпохой контроля экономки, вы навѣрное увидите, что за каждые отнятые десять рублей отъ нечестной кухарки честная экономка взяла себѣ всю сотню. Такъ было всегда, такъ есть и такъ останется вѣчно, или по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покуда развитіе катедеръ-соціальныхъ идей не положитъ этому предѣлы, обрекая смертной казни безъ суда и слѣдствія каждаго присвоившаго себѣ золотникъ изъ общественнаго казнохранилища. Но я дерзаю сказать, что и этотъ второй порядокъ съ экономкой прямо хорошъ для тѣхъ семей, средства которыхъ позволяютъ окупать экономку не только съ ея содержаніемъ, но и съ ея лихвенными аппетитами. Послѣдніе, какъ и кухарочные, бываютъ разными, и потому можно варьировать въ выборѣ болѣе или менѣе честной экономки въ довольно значительныхъ предѣлахъ. Бѣдствіе же семейное начинается какъ разъ съ того момента, когда вы имѣли несчастіе натолкнуться на особу въ самомъ дѣлѣ честную, но рѣшительно не понимающую характера, размѣра и значенія того дѣла, за которое она взялась. Такими несчастными особами могутъ быть даже и жены, если у нихъ нѣтъ опыта и нѣтъ масштаба для регулированія расходовъ и приходовъ семьи. Всего же хуже, когда вы нанимаете посторонняго *честнаго* человѣка и, ввѣряя ему хозяйство, о которомъ онъ только то и знаетъ, что кухарки, повара и кучера воруютъ, и что честный человѣкъ рожденъ на свѣтъ Божій единственно съ цѣлью мѣшать лихоимству и любостяжанію человѣческому во всѣхъ его видахъ. Если намъ народная мудрость говоритъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ, то съ подобнымъ печальнымъ афоризмомъ можно согласиться только въ томъ смыслѣ, что умный человѣкъ не можетъ не понимать, что по воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ, отъ дождя въ воду не прыгаютъ, и не поражаютъ муху на челѣ спящаго друга выстрѣломъ изъ револьвера. Въ этихъ предѣлахъ въ самомъ дѣлѣ умному человѣку не только дозволительно, но и обязательно быть плутомъ. По мѣрѣ развитія настоящей культуры, по мѣрѣ укрѣпленія у всѣхъ гражданъ уваженія къ чужой собственности, прямо потому, что я самъ нуждаюсь въ уваженіи моей собствен-

ности,—словомъ, по мѣрѣ воспитанія длиннаго ряда поколѣній въ понятіяхъ условной игры въ *мое* и *твое*, которой мы должны заниматься на землѣ къ общему нашему благу и ради самой возможности спокойнаго общежитія между собой,—конечно, предѣлы извинительнаго плутовства должны съуживаться и взгляды на лихоимство у всѣхъ дѣлаться строже. Наша малая культурность прямо можетъ измѣряться тою повладистостью всѣхъ насъ, отъ кухарокъ и лавочниковъ до людей высокой культуры, равнодушно и толерантно относящихся ко всякому казнокрадству и особенно даже благоговѣющихъ передъ молодцами, успѣвшими или съумѣвшими наворовать суммы крупныя. Въ западной Европѣ, гдѣ собственность ограждена прочнѣе и гдѣ люди уже прекрасно понимаютъ значеніе института собственности, какъ главной основы общежитія, конечно, существуютъ и лихоимцы, и лихоимство, но предѣлы и того и другого гораздо у́же нашихъ. Мы буквально иной разъ обворовываемъ свой правый карманъ въ интересахъ лѣваго и рѣжемъ курицу, несущую золотыя яйца. Тамъ же послѣдняго уже не дѣлаютъ, хотя и употребляютъ способы, чтобы курица торопилась нестись, причемъ иной разъ бѣдная птица преждевременно умираетъ и тамъ. Себя же самого тамъ уже навѣрное никто не обкрадываетъ, и никто тамъ, глядя на осужденіе общественнаго вора, не говоритъ съ грустью въ голосѣ и съ глубокимъ вздохомъ: „Ахъ, бѣдный!“ Мы же еще это говоримъ, и потому у насъ умному человѣку приходится иной разъ не только быть плутомъ, но и быть плутомъ большимъ.

Что же происходитъ, если на мѣсто, требующее знаній спеціальныхъ и опыта значительнаго, попадаетъ невинная душа, имѣющая твердое желаніе не быть плутомъ во что бы то ни стало самому и помѣшать плутовству тѣхъ, уже давно заклейменныхъ подозрѣніемъ лицъ, въ родѣ поваровъ, кучеровъ и кухарокъ съ мелочными лавочниками, надъ которыми оно беретъ начальствовать? Появленіе среди семьи, живущей въ условіяхъ и понятіяхъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ, такого неудобнаго ригориста и неопытнаго лица въ должности контрольной, конечно, грозитъ полнымъ растройствомъ всего установленнаго порядка. Прислуга, испуганная появленіемъ такого феномена, торопится разбѣжаться и разносить самыя мрачныя вѣсти между своими, отбивая охоту у товарокъ идти на такое анаѳемское мѣсто. Семья сидитъ безъ обѣда, лошади стоятъ некормленными а честный контролеръ мечется изъ стороны въ сторону, не умѣя понять, почему это онъ своимъ, къ тому же кроткимъ вообщ характеромъ, произвелъ такое необычайное дѣйствіе? Затѣмъ дѣ

кое-какъ устроивается, то-есть подъ эгидой непонимающаго, но честнаго контроля въ домъ пробираются лицемѣры, то-есть мазурики самаго скверная и опаснаго вида и характера. Проходитъ мѣсяцъ, другой, и—о, ужасъ! выбранная честнымъ человѣкомъ честная прислуга доноситъ хозяевамъ на экономку. Она обворовываетъ хозяевъ и отдаетъ провизію изъ дома! Вчера еще ее поймали, какъ она своему братишкѣ, изъ народнаго училища мальчику, передала два яблока и фунтъ конфектъ! Спрошенная обвиненная должна сознаться, что отдала, но это были тѣ яблоки, которыя она сама не съѣла, и конфекты были просто леденцы, купленные на ея собственныя деньги брату, который былъ именинникъ. Оправданіе получилось блестящее, но уже червь подозрѣнія заползъ въ душу недовольныхъ вообще вѣчными боевыми инцидентами хозяевъ. Мало-по-малу женская прислуга находитъ доступъ къ барынѣ, лакеи и буфетчики—къ барину. И вотъ начинаетъ откуда-то возникать общее убѣжденіе, что экономка-то наша —того! Всю кутерьму затѣяла главнымъ образомъ въ цѣляхъ вымогательства съ лавочниковъ и поставщиковъ наибольшихъ личныхъ барышей! Даже объ этомъ и во фруктовомъ магазинѣ говорили, куда экономка зашла на-дняхъ для разсчета, и обидѣлась, когда ей предложили фунтъ кофе и пять фунтовъ сахару въ видѣ благодарности. „Денегъ, сударь, мы этимъ госпожамъ не можемъ давать, а ваша экономочка видимо хочетъ денегъ!.. ласково докладываетъ фруктовщикъ. Рубликъ, другой ужъ куда бы ни шло, да вѣдь онѣ благородныя. Имъ рубликомъ не понравишься, а десятку дать убыточно,—не столько нынче и брать-то стали какъ прежде-съ!“

Но положимъ, что усталая въ этой безплодной борьбѣ *халда*, какъ ее зоветъ прислуга, рѣшается взять кофейно-чайную благодарность—и тутъ-то она погибаетъ немедленно.

— Эге!—кричитъ лицемѣрная честность. —Халда-то наша скромница да за хозяйскимъ добромъ радѣтельница, чаи да сахары насбирала! Проздравляемъ съ родителями! Можетъ, теперь и намъ не такъ уже строго будетъ, и мы не каторжники будемъ, коли гдѣ и какой крошкой попользуемся!

Въ этотъ періодъ господа уже саркастически смотрятъ на свою экономку. Что, молъ, получила благодарность-то, значитъ и ты крадешь. Изъ-за чего было шумѣть? Зачѣмъ было Матрешу выгонять, когда та такъ славно холодное изъ поросенка умѣла дѣлать! И вотъ въ этотъ уже загрязненный сосудъ падаетъ еще капля. Новенькій тулупчикъ на братишкѣ, пожалуй, какой-нибудь инцидентъ болѣе подозрительнаго свойства съ человѣкомъ почему

либо милымъ—и честной экономкѣ отказываютъ за ненадобностью, и уходитъ она съ опытомъ горькимъ, пріобрѣтеннымъ путемъ ничѣмъ незаслуженнаго личнаго позора! Бываетъ, конечно, и иначе, то-есть бываетъ, что человѣкъ не совсѣмъ наивный, попадая въ подобное положеніе и правильно оцѣнивая его силу, самъ же вскорѣ и уходитъ, къ собственному спасенію, къ удовольствію своихъ же господъ и къ восторгу, конечно, прислуги, чтобы уступить мѣсто болѣе естественному контролю, который—и контроль, и плутъ въ мѣрѣ достаточной и натуральной. Замѣтимъ по этому поводу сейчасъ же, что возможна и еще одна комбинація. Возможно, что въ семействѣ честный человѣкъ попадаетъ не въ образѣ контролера, а въ роли дѣятеля. То-есть, честной оказывается въ самомъ дѣлѣ сама кухарка. Это случай крайне рѣдкій, но возможный. Безъ контроля или при личномъ контролѣ самихъ разумныхъ хозяевъ такая кухарка можетъ принести истинное счастіе семьѣ. Но она абсолютно невозможна при существованіи какой бы то ни было экономки. Если экономка будетъ умная и плутоватая въ достаточной мѣрѣ, она такую идеальную кухарку немедленно же сбудетъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Честна, такъ грязна, не грязна—то неповоротлива и неискусна; словомъ, какъ говорятъ поляки, кто хочетъ пса ударить, тотъ палку найдетъ. При экономкѣ также идеально честной получится комбинація еще горшая. Обѣ женщины немедленно начнутъ подозрѣвать другъ друга, и такъ какъ люди вообще, а честные въ частности—не любятъ заранѣе ошибаться и отказываться отъ мнѣній, признаваемыхъ за безспорныя, то и здѣсь взаимнымъ шпіонствомъ и подозрительностью обѣ госпожи такъ надоѣдятъ хозяевамъ, что ихъ навѣрное обѣихъ же немедленно и уволятъ, и эта комбинація, которая въ теоріи кажется безподобной, на самомъ дѣлѣ самая безнадежная, и она-то всего лучше и ярче иллюстрируетъ правильность парадокса о томъ, что *право* на воровство начинается вмѣстѣ съ контролемъ. До контроля при довѣріи человѣка къ человѣку нѣтъ правъ на воровство; но какъ только вопросъ ставится подъ охрану болѣе или менѣе бдительнаго надзора, является борьба, въ которой выигрываетъ болѣе ловкій, болѣе умный, болѣе беззастѣнчивый и выигрываетъ *по праву*. Таковъ нормальный порядокъ дѣла,—почему, если учреждаютъ наблюденіе за человѣкомъ, за которымъ нечего наблюдать, онъ или нарочно начинаетъ дразнить наблюдателя, или самъ заподозриваетъ наблюдателя въ желаніи поживиться за счетъ неосторожныхъ хозяевъ. Отсюда и идетъ вѣчная и жалкая борьба именно между

честными людьми на потѣху и къ великой выгодѣ людей нечестныхъ.

IV.

Такъ стоитъ вопросъ о контролѣ въ частныхъ хозяйствахъ; еще хуже стоитъ онъ въ хозяйствахъ казенныхъ и общественныхъ, причемъ всѣ характерныя особенности этого занятія, указанныя нами выше, сохраняются и здѣсь. Точно также и здѣсь дѣло можетъ идти при умныхъ людяхъ хотя бы и плутахъ, и очень медленно двигаться при людяхъ идеально-честныхъ.

Для выясненія этой-то послѣдней мысли попробуемъ поставить вопросъ о томъ: что такое честный чиновникъ?—болѣе детально. Строго говоря, въ коронной службѣ вовсе не существуетъ чиновниковъ честныхъ или нечестныхъ, такъ какъ весь строй этой службы чисто формальный. Нигдѣ не требуется отъ чиновниковъ честности личной, но вездѣ требуется соблюденіе формы, подчиненность старшимъ и исполнительность въ предѣлахъ обязательной для каждаго работы. Только въ послѣднее время у насъ появились особые чиновники, которыхъ, можетъ быть, слѣдовало бы назвать чиновниками-концессіонерами, потому что у нихъ существуютъ особыя личныя кондиціи съ казной насчетъ гонорара за службу, а также особыя права, получаемыя такимъ чиновникомъ и пріуроченныя не къ его мѣсту и дѣлу, но прямо къ его лицу. Въ этомъ разрядѣ чиновниковъ, конечно, уже вліяніе его личныхъ нравственныхъ качествъ, также какъ и его личныхъ талантовъ и опыта, отражается на общемъ строѣ его дѣятельности. Во всякомъ же случаѣ подобные представители своеобразной казенной службы представляютъ исключеніе и подходятъ подъ разрядъ откупщиковъ казенныхъ доходовъ и регалій, какихъ мы видимъ еще и теперь на востокѣ и видѣли еще въ недавнее историческое время, въ Турціи, въ Швейцаріи, а до революціи—и во Франціи. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ подобнаго рода откупахъ и концессіяхъ личная даровитость и личная честность чиновника суть качества прямо ему самому полезныя, такъ какъ въ сущности концессія и дается благодаря этимъ качествамъ и возбуждаемому ими къ обладателю ихъ довѣрію. Короче сказать, здѣсь честность уже есть какъ бы ремесло, за бо́льшую или ме́ньшую степень котораго и платятъ бо́льшіе или ме́ньшіе гонорары. Яснѣе эта сторона дѣла видна на обязательномъ довѣріи къ нотаріусамъ и банкирамъ, безъ котораго самое нотаріальное или банкирское дѣло являются невозможными и немыслимыми. Во всякомъ же

случаѣ честность и талантливость нужны самому банкиру, клеркамъ же его нужна прежде и ранѣе всего исполнительность и прочная привычка соблюдать постоянно одну и ту же принятую форму. Тоже и среди чиновничества въ массѣ. Такъ ли это, однако, на самомъ дѣлѣ? Конечно, не такъ; ибо, какъ бы вы ни старались образовать изъ человѣка автомата или машину, его индивидуальность всегда скажется и всегда принесетъ свои плоды. Прежде и ранѣе всего такая индивидуальность скажется въ самомъ выборѣ профессіи. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ не пойдетъ въ учителя народной школы или въ архиваріусы. Сквозникъ-Дмухановскій не перемѣнитъ выгоднаго городничества даже на генеральскій санъ, но бездоходный. То же и въ обратномъ смыслѣ. Жадовы будутъ избѣгать мѣстъ, опасныхъ для ихъ щекотливой совѣсти, а Чацкій и вовсе не пойдетъ служить, потому что не умѣетъ прислуживаться. Такимъ путемъ возникаетъ въ чиновничьей средѣ извѣстнаго рода подборъ даже совсѣмъ безъ сознательнаго участія высшаго начальства, но просто силою самихъ вещей заставляющій рыбу тянуться къ водѣ, кошекъ къ хлѣбному амбару, гдѣ мышей много, а самихъ мышей къ лакомому зерну. Возникаютъ отсюда мѣста поголовно-доходныя, гдѣ можно имѣть безгрѣшные доходы и гдѣ на послѣдніе привыкаютъ смотрѣть какъ на зло неизбѣжное и даже естественное, а рядомъ съ ними существуютъ мѣста святыя, куда идутъ люди мирные, добрые, лишенные боевого закала, и гдѣ каждый, дорожа девизомъ: *не тронь меня*, согласенъ на самый нищенскій, ни для кого незавидный гонораръ, чтобы вести дѣло бумажное и кабинетное, лишь бы какъ-нибудь прожить и прокормиться. Привычка видѣть подобное явленіе до того прочно въѣдается въ плоть и кровь всѣхъ и каждаго, что никто даже и вѣрить не хочетъ, чтобы могли быть честные интенданты, экономы-безсребренники или честные инженеры. Покойный профессоръ химіи А. А. Воскресенскій, начиная читать объ извести и гипсѣ передъ аудиторіею будущихъ инженеровъ, всегда говорилъ:

— Обратите, господа, ваше благосклонное вниманіе на соединенія кальція и его солей. Это вашъ будущій хлѣбъ, а для особенно счастливыхъ и источникъ будущаго благосостоянія!..

И такая обида цѣлому сонмищу будущихъ инженерныхъ дѣятелей всѣми принималась съ улыбкою, какъ хорошая острота, имѣющая за себя всякую вѣроятность. Таможня, говоримъ мы всѣ, происходитъ отъ слова: „*тамъ можно*“; всѣ мы искренно вѣримъ, что быть интендантомъ и не воровать—глупо, и что кавалерія была рядомъ войска, назначеннымъ поправлять состояніе проигравшагося и

прокутившагося знатнаго господина. Наоборотъ, къ профессіи учителя мы обязательно относимся съ благоговѣніемъ и разѣваемъ ротъ отъ изумленія, если интендантскія привычки прививаются къ педагогіи. Слово *контроль* точно также наполняетъ наше сердце маниловскимъ умиленіемъ, и мы готовы лобызать всякаго называющаго себя контролеромъ, хотя бы онъ поступилъ въ контроль съ каторги. И вотъ здѣсь-то слова ослѣпляютъ насъ до полнаго одурѣнія, и мы рѣшительно теряемъ способность понимать, что честность есть, была и будетъ всегда и нынѣ, и присно, только личнымъ качествомъ, и притомъ качествомъ въ чиновничьей средѣ весьма мало активнымъ, такъ какъ строй дѣла чиновниковъ не требуетъ вовсе личнаго безкорыстія, разъ существуетъ строгая дисциплина подчиненности и исполнительности формальной. Мудрено ли въ подобномъ ослѣпленіи и ошибаться, дѣлаясь невольной жертвой волковъ, во-время успѣвшихъ нарядиться въ овечьи шкуры и начинающихъ взывать о честности какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она почему-либо оказывается серьезно нужной? Слѣдуя по выбранному нами пути далѣе, мы должны сказать, что честность, разсматриваемая по отношенію къ вопросамъ о взяточничествѣ, есть понятіе чрезвычайно шаткое и до-нельзя условное. Пусть моралисты громятъ человѣчество сколько имъ угодно, но никогда, нигдѣ никакое правосудіе человѣческое не поставитъ на одну доску воришку, укравшаго платокъ изъ чужого кармана, съ ловкимъ дѣльцомъ, умѣвшимъ украсть милліонъ, благодаря разнаго рода сомнительнымъ спекуляціямъ и грандіознымъ мошенничествамъ. Перваго мы всегда будемъ презирать, какъ презираемъ мелкаго звѣря, обладающаго или позволяющаго себѣ имѣть хищный аппетитъ; второго же будемъ пожалуй также презирать, но про себя, а на дѣлѣ отнесемся къ нему съ почтеніемъ, какъ къ животному, имѣющему право по своей организаціи на аппетиты хищниковъ, съ которыми невыгодно спорить. Но вотъ изъ этого-то обстоятельства и возникаетъ первый подводный камень всякой честности. Слишкомъ яркая честность кажется намъ глупостью. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, получающій честнымъ трудомъ тысячи, можетъ съ гордостью швырять сотенныя взятки какъ ничтожную пачкотню, приносящую болѣе срама, нежели выгодъ. Но вотъ ему приносятъ десять тысячъ—онъ уже задумывается. Приносятъ сотню тысячъ, —и онъ навѣрное падаетъ, а если не падаетъ, то возбуждаетъ и въ родныхъ, и въ друзьяхъ рѣшительное презрѣніе, потому что вѣдь мы смертны, а сто тысячъ есть вѣчная рента, способная надолго обезпечить длинный рядъ потомковъ отъ необходимости выколачивать себѣ хлѣбъ трудомъ тяжкимъ, униженіями или тою

же необходимостью брать взятки. Иной разъ устоять передъ взяткой или промессомъ трудно даже очень богатому сравнительно человѣку, потому что у него при видѣ громадной суммы, которую ему предлагаютъ, всегда являются соображенія, такъ сказать, историческія, а рядомъ съ ними полная возможность успокоить совѣсть соображеніями о возможности, взявъ кушъ, добрыми дѣлами загладить или уравновѣсить тотъ малый вредъ, который надо бываетъ принести за полученныя деньги. Способностью самого себя и своихъ близкихъ подвергнуть танталовской мукѣ обладаютъ только исключительные люди, и эта способность никогда не можетъ вызвать восторга у людей обычнаго образа мыслей, не чувствующихъ себя призванными совершить даже и приблизительно нѣчто подобное. Теперь далѣе. Въ вопросахъ частнаго даже хозяйства трудно рѣшить, что въ данную минуту выгодно, а что нѣтъ? Петербургскія хозяйки по деревенской рутинѣ варятъ дома варенья, покупая ягоды въ фруктовыхъ магазинахъ, гдѣ готовое варенье продается всегда за цѣну очень близкую къ цѣнѣ сахара. Это невыгодно, но нельзя подобную операцію назвать нечестной. Еще сложнѣе эти вопросы въ области государственнаго хозяйства, и здѣсь повадка оцѣнивать государственное благополучіе и государственныя нужды только на основаніи цифръ фискальнаго прихода и расхода часто прямо бѣдственна. И вотъ здѣсь-то мы нерѣдко можемъ наблюдать страпное явленіе, что взяточники и люди плохой личной нравственности приносятъ своею дѣятельностью государству пользу, тогда какъ люди честные, тормазя всякое начинаніе, всякія благія дѣла изъ нелѣпаго страха пошевелить казенные милліоны, приносятъ тому же государству неисчислимые убытки! И конечно, широкіе взгляды государственныхъ умовъ, оцѣнивающихъ всякое дѣло по его результатамъ, общимъ для народнаго благосостоянія, являются благодѣтельными, хотя бы этими взглядами руководили идеи прямо корыстныя, а ихъ антагонисты, люди, тормазящіе всякое дѣло ради личной честности чиновниковъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ, являются только бѣдными жертвами узкости взглядовъ умственной ограниченности и слѣпоты. Но если это такъ, то что же остается для поддержки честности чиновника? А между тѣмъ, сколько бы ни было справедливо наше первое и наше второе замѣчанія, нельзя построить государственнаго хозяйства на безконтрольномъ расходованіи казенныхъ денегъ каждымъ чиновникомъ по своему произволенію и въ размѣрахъ своихъ талантовъ и связанныхъ съ ними аппетитовъ.

Вотъ, слѣдовательно, тотъ „порочный“, кругъ изъ котораго нѣтъ выхода. Логика говоритъ намъ, что подобный результатъ неиз-

бѣжно является въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ поставленъ въ условія для себя ненормальныя. Въ данномъ случаѣ это такъ и есть, ибо—еще разъ скажемъ—вопросъ о личной честности чиновника совершенно не существенъ для правильнаго и выгоднаго отправленія государственной службы, а всего болѣе въ ея хозяйственной половинѣ. Спасителями казеннаго сундука и казеннаго достоянія въ этой области могутъ явиться два фактора: строгая и простая форма, какъ элементъ косный, и личная отвѣтственность по существу дѣла, какъ элементъ активный. Первый факторъ у насъ развитъ превосходно и до послѣдняго времени дѣйствовалъ съ достаточнымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, покуда не возникла бѣдственная мысль искать непремѣнно какого-то патентованно-честнаго чиновника. Напротивъ, второй факторъ, обязательный при современномъ ходѣ дѣлъ, рѣшительно враждебенъ нашимъ исконнымъ порядкамъ.

V.

За послѣдніе годы, когда быстро и сильно развивающаяся жизнь, притомъ жизнь чрезвычайно сложная и искусственная, перестала мириться съ косными и постоянными формами старыхъ чиновничьихъ порядковъ, повсюду поняли необходимость предоставленія каждому чиновнику извѣстной личной иниціативы при вершеніи порученнаго ему живого дѣла. Если солдатамъ современныхъ войскъ много толкуютъ о выгодахъ иниціативы, то, конечно, въ такой же иниціативѣ нельзя было отказать инженеру, строящему казенный мостъ, или интенданту, входящему въ обширныя и сложныя отношенія со всею промышленностью и торговлей. И вотъ наступило время, когда въ теоріи никто выгоды иниціативы не оспаривалъ и всѣ рѣшительно съ жаромъ и краснорѣчіемъ стали доказывать необходимость предоставить каждому чиновнику, въ сферѣ его личной компетенціи, извѣстную свободу дѣйствій. Приступили къ соотвѣтственнымъ реформамъ въ этомъ направленіи и путемъ многихъ перемѣнъ пришли къ порядку, въ которомъ старая логика незыблемыхъ формъ погибла, но и столь же хваленая въ теоріи иниціатива все же осталась за флагомъ. И произошло такое недоразумѣніе вовсе не случайно. По духу нашего бюрократическаго воспитанія и господствующихъ идей такъ и должно было произойти. Иниціатива, хотя бы самая крошечная, немыслима безъ соотвѣтственной же личной отвѣтственности за иниціативу неудачную и невыгодную самому дѣлу;

между тѣмъ нашъ чиновникъ съ удовольствіемъ приметъ всякую форму, хотя бы она была сложнѣе шахматной игры, но никакой личной отвѣтственности за свои личныя распоряженія принять не согласится. Писать доклады обо всемъ онъ можетъ, съ восторгомъ проявляя невообразимую подготовку и эрудицію по всякому вопросу, но никогда онъ не согласится дать на прямой вопросъ и отвѣтъ прямой. Въ этихъ случаяхъ сейчасъ же возникаетъ желаніе перевести рѣшеніе въ высшую инстанцію, а если нѣтъ таковой, то утопить его въ журналахъ и засѣданіяхъ многоглавыхъ коммиссій. Въ концѣ концовъ на прямой вопросъ получается отвѣтъ, который, пожалуй, можетъ быть обращенъ въ дѣло, но только отвѣтственности за послѣдствія, отъ такого отвѣта получающіяся, нигдѣ не создается. Спрошенный—въ свое время донесъ кому слѣдуетъ; получившій донесеніе собралъ коммиссію подъ своимъ или чужимъ предсѣдательствомъ; коммиссія сидѣла, смотрѣла, думала, полагала и рѣшала; предсѣдатель согласился съ мнѣніемъ большинства, оговоривъ во всякомъ случаѣ, что соглашается условно, ибо и въ мнѣніи меньшинства онъ прозрѣвалъ своего рода основательные резоны и серьезныя предостереженія. И вотъ въ результатѣ убытокъ, проволочка времени, а виноватаго ни въ томъ, ни въ другомъ—на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Каждый понимаетъ, какъ этотъ сложный порядокъ удобенъ для всякаго чиновничества, которое въ массѣ вовсе не честолюбиво и не властолюбиво. Удобенъ такой порядокъ и для дѣятелей по множеству причинъ, помимо главной причины—отсутствія при немъ всякой серьезной отвѣтственности чиновника за свои дѣйствія и казенные поступки. Властолюбивому же человѣку съ иниціативой онъ рѣшительно не мѣшаетъ, потому что если по внѣшности коммиссія многоглава, то по существу, составленная изъ единицы предсѣдателя и нулей членовъ, она чисто фиктивна и идетъ туда, куда ее ведетъ эта единица. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ коммиссія, въ лицѣ своихъ безгласныхъ членовъ, представляетъ просто толпу, массою своею придающую вѣсъ мнѣнію одного дѣятельнаго и властнаго своего члена. Далѣе, засѣданіе въ коммиссіяхъ—занятіе легчайшее въ свѣтѣ, и если приноситъ гонораръ, то и пріятнѣйшее послѣ винта, за которымъ проводятъ наши чиновники свое вечернее время. И почетно, и ни къ чему не обязываетъ, и хлѣбно. Затѣмъ, коммиссія есть удобнѣйшая инстанція для придаванія однажды направленнымъ дѣламъ—другого направленія. При этомъ выгадывается время за пустыми дебатами, въ теченіе котораго мѣняются воззрѣнія на предметъ, и вопросъ, уже однажды рѣшенный въ по-

жительномъ смыслѣ, можетъ быть снова перерѣшенъ въ смыслѣ, какъ разъ противоположномъ. Все это крайне выгодно каждому дѣятелю и честолюбцу, который ведетъ не свое дѣло и не за свой собственный счетъ. Наконецъ, все удачное — *мое*, все неудачное—*коммиссіи*, и дѣло въ шляпѣ. Какъ же послѣ этого не расти у насъ коммиссіямъ и какъ же не удивляться людямъ, которые такому обильному урожаю всякихъ коммиссій младенчески удивляются? Между тѣмъ тѣ же коммиссіи, какъ дѣйствующія всегда въ обходъ прямого законоположенія, подъ управленіемъ особыхъ инструкцій и личныхъ мнѣній, являются страшною аномаліею въ формальномъ порядкѣ обычнаго хозяйничанья и лишаютъ весь строй казенныхъ экономическихъ предпріятій всякой постоянной логики. Будь только одна вѣчная форма—съ ней обязательно было бы считаться хотя бы чисто внѣшнимъ путемъ. Но разъ существуетъ законная форма, а рядомъ въ обходъ этой формѣ особая коммиссія, то здѣсь исчезаетъ возможность даже и контроля формальнаго. Форма дана, но коммиссія признала ее для даннаго случая неудобной, и контролеру остается только ретироваться, посыпавъ свою ариѳметическую голову пепломъ. Однако, и безъ контроля все-таки нельзя же оставаться, и вотъ въ видѣ какого-то компромисса между невозможностью имѣть формальный контроль, навсегда или надолго закономъ установленный, является такъ-называемый у насъ фактическій контроль. Появленіе этого новаго контролера-чиновника въ средѣ безконечнаго ряда старыхъ было встрѣчено публикой и прессой съ восторгомъ и упованіемъ. Въ первое мгновеніе, старые, нефактическіе контролеры чуточку было-струсили, главнымъ образомъ потому, что этотъ контроль былъ иного вѣдомства и шелъ оттуда, откуда вообще поступали не столько разорительные, сколько досадные начеты, требовавшіе отписокъ. Но когда дѣло выяснилось вполнѣ, то эти господа встрѣтили новаго контролера, фактическаго, съ распростертыми объятіями. Все это произошло потому, что самое слово „контроль“—хорошее слово, а публика и пресса привыкли умиляться передъ хорошими словами; во-вторыхъ же потому, что въ концессіонное время, когда сдѣлано было много, но и украдено было достаточно, общее мнѣніе свободныхъ мыслителей установилось на точкѣ, что хищенія у насъ возможны не потому, что мы вообще по природѣ вороваты и объ общественныхъ интересахъ радѣть не пріучены, а потому будто бы, что у насъ вовсе нѣтъ контроля. Послѣднее, однако, было положительнымъ и грубымъ заблужденіемъ, потому что вся форма нашихъ старыхъ хозяйственно-заготовительныхъ и строи-

тельныхъ порядковъ была чисто контрольная. Строили, заготовляли и вообще производили и работали на казну люди частные: подрядчики и поставщики, дѣянія которыхъ были ограничены практикою свободныхъ конкуррентныхъ торговъ, залогами и всякаго рода строжайшими обязательствами и контрактами съ казной. Контроль же казенный начинался тамъ, гдѣ являлся первый казенный агентъ-чиновникъ: пріемщикъ или инженеръ. Все это были контролеры, и какъ я имѣлъ честь уже докладывать, тамъ, гдѣ являлся контроль, являлось и лихоимство. Частныя лица и контрагенты казны давали надзирателямъ, а эти брали за то, чтобы не видѣть ничего невыгоднаго подрядчику. Нечего и говорить, что контроль этотъ былъ весьма многоэтаженъ, такъ какъ пріемщику наслѣдовалъ сортировщикъ, затѣмъ чиновникъ по бухгалтерской части, тамъ чиновникъ по технической части, затѣмъ слѣдовало окружное вѣдомство контроля второй инстанціи—уже высшей, наконецъ шелъ главный контроль центральнаго департамента, и кромѣ этихъ къ дѣлу большому примазывались также мѣстныя, постороннія власти: губернаторы, коменданты, а также случайно и внезапно посылаемые ревизоры, инспектора. Все это ѣздило, писало и смотрѣло за казеннымъ достояніемъ, смотрѣло и фактически, и бухгалтерски, и въ результатѣ такого бдительнаго и разносторонняго смотрѣнія наживало себѣ домики, помѣстья или другія угодья, предусмотрительно переводя благопріобрѣтенное благосостояніе на имя женъ, а въ особо важныхъ случаяхъ и на имя довѣренныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ недостатокъ старой системы былъ какъ разъ противоположный тому, какой въ ней предполагали. Контроля было неимовѣрно много, и такъ какъ онъ былъ лично неотвѣтственъ, то и пользы отъ него было немного. На самомъ дѣлѣ, проектируя фактическій контроль за-ново, подразумѣвали *контроль отвѣтственный*, такъ какъ онъ являлся въ результатѣ идеи о необходимости дать исполнителю-чиновнику болѣе и личной власти, и личной иниціативы. Но чиновникъ всякій, а контрольный особенно, болѣе всего ненавидитъ отвѣтственность. Появленіе фактическаго контроля на аренѣ нашей хозяйственной дѣятельности нисколько не измѣнило этой вѣчной ненависти. Но попутно произошли еще измѣненія, которыя, конечно, никогда не были бы вотированы высшими законодательными учрежденіями, если бы слово: *контроль*—само по себѣ не было такимъ хорошимъ, успокоительнымъ словомъ. Явленія эти суть: громадное увеличеніе гонораровъ, платимыхъ казною чиновникамъ—это разъ, и апатію къ хозяйственному способу работъ — это два. О первомъ

женіи говорить въ сущности не стоитъ. Все дорожаетъ на свѣтѣ; дорожаетъ и честность, за которую надо платить на вѣсъ золота. Но это и не особенно важно, что тамъ, гдѣ прежде казна платила сотни, нынѣ она платитъ тысячи и притомъ вдвое. Тысячу честному инженеру, тысячу и поставленному надъ нимъ еще честнѣйшему контролеру, дабы одному вѣдомству было не обиднѣе, нежели другому, и чтобы и тотъ, и другой, могли равно выдерживать всѣ расходы представительства. Но во всякомъ случаѣ эти усиленные гонорары опредѣлены положительными штатами, а это громаднѣйшая выгода всякаго хозяйства вообще знать--сколько извѣстная вещь будетъ стоить. Напротивъ, хозяйственный способъ работъ представляетъ такую пропасть и такую прорву въ казенномъ мѣшкѣ, черезъ которую можетъ высыпаться все государственное достояніе, какъ бы послѣднее само по себѣ ни возростало и ни увеличивалось. Прежде, даже самые беззастѣнчивые казнокрады стыдливо опускали очи долу, произнося это страшное слово, и то подобное произнесеніе допускалось въ годины великихъ бѣдствій, когда государство находилось въ войнѣ, и притомъ въ войнѣ несчастной. Нынѣ все это волшебнымъ образомъ измѣнилось.

Посмотримъ же нѣсколько ближе, что это за форма: хозяйственный способъ работъ?

VI.

Какъ шли прежде инженерныя дѣла?

Правительственные агенты и инженеры составляли проектъ и писали смѣты на основаніи Урочнаго Положенія и цѣнъ, доставляемыхъ губернаторами и городскими управами; затѣмъ проекты разсматривались въ двухъ инстанціяхъ и часто радикально передѣлывались, причемъ смѣты сокращались путемъ уменьшенія или упрощенія работъ. Для исполненія этихъ проектовъ имѣлись частные подрядчики, на обязанности которыхъ лежали всѣ хозяйственныя распоряженія, какъ-то: наемъ рабочихъ, покупка и доставка матеріаловъ и самое производство работъ на мѣстѣ, по мѣрѣ хода которой эти частныя лица получали причитающіеся имъ платежи. Торги происходили въ высшихъ учрежденіяхъ и утверждались на извѣстный срокъ высшею властью министровъ и обезпечивались залогами. При такомъ порядкѣ, въ дѣлѣ были двѣ стороны, изъ которыхъ одна сторона, казенная, представляла интересъ заказа, а другая, совершенно не подчиненная прямо первой—

интересъ исполненія для выручки въ свою пользу большихъ или мѣньшихъ барышей. При этомъ порядкѣ были возможны злоупотребленія, вслѣдствіе стачки казеннаго инженера съ подрядчикомъ, отъ которой могли происходить извѣстные убытки и расходы казны. Противъ этого спорить нельзя, но можно и должно спорить о томъ, что при этомъ порядкѣ убытки и умаленія интересовъ заказчицы-казны были *наименьшіе*, также какъ гарантія, что въ извѣстной мѣрѣ ея интересы будутъ сохранены—*наибольшія*, и все это при наименьшихъ затратахъ казенныхъ денегъ на вознагражденіе агентовъ. Доказательствомъ этого могутъ служить всѣ старыя постройки, старыя крѣпости, николаевскія шоссе, николаевская желѣзная дорога, во всѣхъ отношеніяхъ какъ по роскоши и совершенству построеннаго, такъ и относительной дешевизны, превосходящія сдѣланное въ наше время. Недостатки и злоупотребленія, которые были возможны при этомъ способѣ, заключались въ многоглавомъ устройствѣ каждаго такого дѣла, которое вело къ безотвѣтственности инженеровъ и подрядчиковъ. Нельзя было найти виноватаго, когда вина оказывалась на-лицо, и были даже курьезные случаи, нынѣ опубликованные въ нашихъ историческихъ журналахъ, когда виноватымъ оказывался чуть не самъ императоръ, горячо и близко принимавшій участіе въ каждой постройкѣ. Выходило всегда такъ, что каждый поступалъ на основаніи свыше полученныхъ инструкцій и являлся только слѣпымъ исполнителемъ чужой воли и высшаго повелѣнія. Такъ ли это теперь? О, нѣтъ! Теперь частные подрядчики ушли совершенно изъ работъ, такъ какъ ихъ рискъ сталъ слишкомъ большимъ отъ неизвѣстности, кто же собственно на работахъ начальникъ: инженерная ли власть, или контрольная? Тотъ ли, кто приказываетъ сдѣлать такъ, а не иначе,—или тотъ, кто за это можетъ отказать въ уплатѣ? Сначала начали приглашать поэтому на работы зарекомендовавшихъ себя подрядчиковъ, т.-е. въ сущности лицъ, успѣвшихъ, при старыхъ порядкахъ, нажить состояніе, и эти прямо начали говорить на торгахъ дерзости, не только не давая сбавки, но требуя еще прибавки къ смѣтной цѣнѣ построекъ. Вотъ тутъ-то и зародилась мысль строить хозяйственными комитетами, привлекая къ участію въ нихъ разныхъ постороннихъ лицъ, а инженеру предоставить только распоряженіе по технической части. Но легко писать умныя правила, исполнять же ихъ—дѣло иное. Хозяйственные комитеты, гдѣ предсѣдателемъ начальникъ, имѣющій въ своихъ рукахъ всю судьбу членовъ, есть излюбленная форма нашихъ *безотвѣтственныхъ* учрежденій. Съ одной стороны, при распоряженіяхъ подчиненные члены рѣшительно ни-

чему не мѣшаютъ, а при отвѣтѣ и начетахъ они же являются жертвами, которыхъ, конечно, пожалѣютъ, ибо всякій же знаетъ, что такое на самомъ дѣлѣ такой комитетъ? Въ этомъ-то комитетѣ лицами свободными являются: предсѣдатель, въ деталяхъ дѣла непонимающій, инженеръ, понимающій, что онъ дѣлаетъ и что стоитъ его дѣло, и контролеръ, вѣчно и вездѣ обязанный подозрѣвать подвохъ и надувательство. Привезли, положимъ, на постройку доски для половъ; инженеръ говоритъ: „сыры и тонки“, контролеръ же доволенъ, потому что они *дешевы*. Какъ рѣшить споръ,—кто виноватъ, и кто возьметъ на себя отвѣтственность, если на будущій годъ, какъ говоритъ инженеръ, всѣ полы придется перестилать за-ново? Это коллизія еще самая простая, но ихъ въ каждой постройкѣ тысяча тысячъ, и о каждомъ гвоздѣ можно быть разнаго мнѣнія. Кому же въ данныхъ случаяхъ отдавать предпочтеніе? Если инженеръ есть единственный компетентный членъ комитета по оцѣнкѣ матеріала, то, само собой понятно, цѣнность постройки вся въ его *только* рукахъ. Если же контроль, увлекаясь дешевизной, явится распорядителемъ по покупкѣ матеріала, то инженеръ опротестуетъ всякую со своей стороны техническую отвѣтственность, а для послѣдней, какъ требующей спеціальныхъ знаній, контролеръ является неуполномоченнымъ. Предсѣдатель же въ этихъ случаяхъ попадаетъ между Сциллой и Харибдой и находится въ самомъ невозможномъ положеніи, покуда эти два независимые и вліятельные члена его коммиссіи, между собою не ладятъ. Вотъ почему въ концѣ концовъ худой миръ начинаетъ казаться лучше доброй ссоры и все становится по старому шито и крыто. При этомъ порядкѣ нѣтъ частнаго лица, который могъ бы являться свидѣтелемъ того, что дѣлается, и всѣ барыши и убытки само собой падаютъ на казну. Какъ на образчикъ громадныхъ трудностей и фальшивыхъ положеній, въ которыя, при этомъ превосходномъ способѣ тратить казенныя деньги, становится казна, можно указать на операцію найма рабочихъ. Операція эта, при особенностяхъ нашихъ quasi-сантиментальныхъ порядковъ и отсутствіи личной собственности и личной свободы крестьянина, производится способами весьма любопытными. Во-первыхъ, надо за нанимаемаго уплатить массу казенныхъ и земскихъ недоимокъ и податей, иной разъ даже за два и за три года; потомъ, ему надо выхлопотать паспортъ и увольненіе отъ общества; далѣе, надо создать какія-нибудь гарантіи, что рабочій пріѣдетъ на мѣсто работы, и что онъ не сбѣжитъ съ задаточными деньгами съ дороги. Чѣмъ же все это достигается? Увы! взятками, получаемыми иногда чинами волостной,

земской и всяческой полиціи, а также и низшими агентами желѣзныхъ дорогъ, по которымъ эти нанятые рабочіе поѣдутъ къ мѣсту работы. Иного способа нѣтъ и быть не можетъ, потому что, поступая по закону, можно добиться наказанія неисправнаго рабочаго, нанятаго къ началу сибирской дороги, но только—ко времени ея окончанія. Поэтому тотъ же способъ найма рабочихъ обязателенъ и хозяйственнымъ комитетамъ. И вотъ, для большихъ работъ эти комитеты должны выдавать до пятидесяти и даже до семидесяти тысячъ въ безотчетное распоряженіе человѣка, командируемаго для найма рабочихъ, противъ чего ежегодно протестуетъ контроль; но когда ему самому предлагаютъ заняться операціей найма и привода рабочихъ, то ежегодно же онъ отъ этого съ ужасомъ отказывается. Затѣмъ, платя взятки писарямъ и волостнымъ старшинамъ, настоящій рядчикъ идетъ къ знакомымъ, съ которыми уже имѣлъ дѣла, торгуется съ ними почемъ съ головы, за чайкомъ съ ромкомъ, онъ знаетъ многихъ рабочихъ и въ результатѣ своихъ негласныхъ расходовъ по найму дѣйствительно получаетъ хорошихъ рабочихъ за настоящую цѣну. Совершенно въ иномъ положеніи оказывается казенный наемщикъ.

— Чего скупишься-то?! Нѣшто свое отдаешь?—говоритъ ему каждый, кому онъ предлагаетъ приличное вознагражденіе за услуги.—Казна богата, и потому чего тебѣ особенно голову-то ломать! бери вотъ по очереди какіе придутся и поѣзжай далѣе.

И вотъ, послѣ расхода въ десятки тысячъ, приходятъ на работу плохіе рабочіе и за дорогую цѣну, а взятки всѣмъ посредникамъ подай тѣ же. Иначе рабочіе—то ушли невѣдомо куда, то съ дороги пропали, то болѣзнь на нихъ напала, и въ концѣ концовъ нанялъ сто человѣкъ, а пришло восемьдесятъ, или и того меньше. Вотъ почему теперь, когда уже многіе искусились, что значитъ эта операція найма рабочихъ, когда нельзя его благородію или высокоблагородію пойти въ кабакъ, то уже объявились дѣятели, которые являются къ такимъ благороднымъ нанимателямъ, какъ прежде факторы къ ремонтерамъ. И эти благодѣтели за приличный кушъ въ свою пользу иной разъ дѣйствительно дѣлаютъ дѣло по настоящему и приводятъ прекрасныхъ и сравнительно недорогихъ рабочихъ. Но не правда ли, какой поворотъ съ помощію Божіей! Прежде инженеръ собственною властью и могъ разрѣшить вколотить лишній десятокъ свай безъ согласія на то высшаго начальства, а нынѣче тому же его высокоблагородію пожалуйте семьдесятъ-пять тысячъ казенныхъ денегъ въ безотчетное распоряженіе въ руки для подкупа кого слѣдуетъ на пользу государства!

Точно такъ же, какъ въ дѣлѣ найма рабочихъ, стоитъ дѣятельность хозяйственныхъ комитетовъ—и по заготовленію матеріаловъ. Вездѣ и всѣ затвердили, что казна богата, и потому давай сколько влѣзетъ,—не свои вѣдь даешь. Стачка заводчиковъ въ этихъ случаяхъ иной разъ принимаетъ угрожающіе размѣры, почему, напримѣръ, съ первыхъ же шаговъ по постройкѣ крѣпостей безъ подрядчиковъ пришлось казнѣ строить собственные кирпичные заводы. Вотъ этотъ-то принципъ, что казна безмѣрно богата и богата какъ бы вражьими деньгами,—принципъ, присущій у насъ какъ необразованному, такъ и образованному классамъ,—дѣлаетъ всякіе контроли совершенно излишними. Благодаря такому воззрѣнію, если не тутъ, то тамъ, но казна-хозяйка всегда поплатится своими же боками. Такъ и теперь. И за сугубую честность избраннаго инженера заплати сторицею, и контролеру, къ нему для наблюденія приставленному, дай столько же, чтобы ему не было обидно, и подумай о взяткахъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ находятся русскіе *свободные* рабочіе, и за матеріалы отдай столько, сколько захочетъ заводчикъ, и затѣмъ радуйся на громадный итогъ стоимости *хозяйственной* постройки, и радуйся, конечно, если вѣришь, что хотя все вышло дорого, зато неимовѣрно мило! Представьте же себѣ въ тѣхъ же условіяхъ въ самомъ дѣлѣ честныхъ людей и хорошихъ гражданъ, которые могутъ водиться столько же въ инженерномъ, какъ и въ контрольномъ мундирѣ,—но что же они могутъ подѣлать въ интересахъ казны? Единственно—отказаться отъ найма на такихъ условіяхъ рабочихъ и отъ покупки по такому произвольному прейсъ-куранту матеріала и... затѣмъ закрыть работу. Въ высшихъ нашихъ учрежденіяхъ, конечно, уже чувствуютъ, какимъ запахомъ тянетъ отъ этого превосходнаго способа казеннаго хозяйства безъ посредства частныхъ лицъ. Но тотъ же самый запахъ,—столь вверху неправящійся,—внизу, напротивъ, возбуждаетъ адскіе аппетиты. Да и какъ не возбуждать! Хозяйственный способъ заготовленій и работъ съ громадными безотчетными суммами и съ неопредѣленной смѣтой—такой омутъ, гдѣ водятся жирные и неповоротливые казенные караси. Одного такого карасика скушать маленькой казенной щукѣ—на всю жизнь сыта будетъ! Немудрено поэтому, что именно теперь всякій рискующій взять даже и выгодный подрядъ подвергаетъ себя почти неминуемому разоренію. Честные и дорогіе инженеры и контролеры такъ насядутъ на неосторожнаго, что ему навѣрное придется бѣжать, чтобы уступить мѣсто хозяйственному комитету по постройкѣ. Въ сущности, какъ я уже указывалъ выше, тутъ все дѣло въ недоразумѣніи. Люди, говоря-

щіе о *фактическомъ* контролѣ, подразумѣваютъ контроль *отвѣтственный*; на самомъ же дѣлѣ этотъ контроль, не знающій по существу тѣ работы и дѣла, которыя онъ какъ бы контролируетъ, есть самый безотвѣтственный контроль на свѣтѣ. Онъ не только самъ не можетъ отвѣчать ни за что, кромѣ правильнаго веденія своихъ бухгалтерскихъ книгъ и отчетовъ, но снимаетъ и тотъ послѣдній остатокъ отвѣтственности, который еще лежалъ на исполнителяхъ-спеціалистахъ при прежнихъ порядкахъ. Онъ создаетъ новый мѣшокъ, куда укладываетъ каждый техникъ-исполнитель свою спеціальную иниціативу.—Почему не сдѣлано? спрашиваютъ техника.—Контроль не захотѣлъ.—Спрашиваютъ контролера:—Почему ты не захотѣлъ?—и слышатъ въ отвѣтъ:—Боялся хищеній!—А дѣло погибло и съ нимъ погибли и деньги казенныя, и время историческое, и нѣтъ при этомъ виноватыхъ. Всѣ думали благородно, всѣ поступали правильно и честно.

Вообще, не пора ли перестать уповать на хорошія слова? Не пора ли понять, что хорошее слово не поконфузится, съ особеннымъ жаромъ, произносить и человѣкъ никуда въ нравственномъ отношеніи негодный? Вѣдь безвѣріе утвердили, конечно, ханжи и святоши на манеръ Тартюфа. Точно также и тутъ названіе „контролемъ“ мѣста по существу доходнаго—не сдѣлаетъ его недоступнымъ для потомства Чичикова, положимъ, не сразу, но исподволь, во всякомъ случаѣ достаточно скоро, чтобы можно было вводить опасныя формы для казеннаго хозяйства, уповая на старую репутацію формальнаго, ариѳметическаго контроля. Государственный умъ не долженъ разсчитывать на высокую нравственность членовъ своей правительственной агентуры, кто бы они ни были и какъ бы мило ни назывались. Онъ долженъ считать аксіомой, до сихъ поръ исторіею только все болѣе и болѣе подтверждаемой, что беретъ тотъ, кому даютъ, даютъ тому, отъ кого зависятъ выгоды и бенефисы, а зависятъ они главнымъ образомъ отъ того послѣдняго агента, чья подпись на бланкѣ обращаетъ его въ безспорный вексель на казну. Въ моральномъ отношеніи все это очень грустно,—въ дѣйствительной же практикѣ жизни съ этимъ прямо бороться—безплодно.

VII.

Резюмируя все сказанное въ предъидущихъ главкахъ, мы должны будемъ придти къ слѣдующимъ выводамъ о казенной дѣятельности. Каждое большое дѣло, связанное съ расходомъ

крупныхъ денегъ, будетъ сдѣлано тѣмъ скорѣе и тѣмъ лучше, чѣмъ организація его ближе подходитъ къ принципу единоличному. Тамъ, гдѣ всѣ приказанія и окончательныя распоряженія исходятъ отъ одного лица, полнаго хозяина дѣла, тамъ все идетъ стройно къ данной цѣли кратчайшими дорогами и совершается съ наименьшими потерями въ деньгахъ, въ людяхъ и во времени. Личный надзоръ за ходомъ дѣла того лица, для котораго оно дѣлается, есть единственный, серьезный контроль, такъ какъ если лицо ослабѣваетъ въ своей бдительности, то и отвѣчаетъ за такое послабленіе своимъ же собственнымъ карманомъ. Такова лучшая и совершеннѣйшая организація дѣла, и если мы видимъ теперь огромныя фабрики и громадныя промышленныя учрежденія въ родѣ эссенскихъ заводовъ, то организація и успѣхъ ихъ всегда являлись результатомъ личной иниціативы и личныхъ дарованій ихъ перваго хозяина. Всѣ остальныя формы организаціи труда тѣмъ хуже, чѣмъ онѣ безличнѣе, и изъ всѣхъ такихъ самою плохою является казна-хозяйка. Вполнѣ безличная, съ составомъ служащихъ, вѣчно мѣняющихся, обремененная задачами самыми разнохарактерными, она всегда была и всегда пребудетъ хозяйкой формальной. Объ активности и быстротѣ ея производительныхъ дѣйствій ей нечего и думать, или, затѣвая подобную активность противъ воли, роковымъ образомъ, какъ это бываетъ во время войны, казна должна тратить такія огромныя, ни съ чѣмъ несообразныя суммы, которыя исключаютъ всякую возможность выгодной эксплуатаціи дѣла съ цѣлью полученія барышей. И этотъ характеръ казна имѣетъ вездѣ, а не только у насъ однихъ, хотя въ зависимости отъ устройства общественнаго ея роль бываетъ и болѣе или менѣе казенной. Въ Америкѣ, напримѣръ, мы въ лицѣ правительства вашингтонскаго имѣемъ прямое управленіе общественными предпріятіями директоровъ, выбранныхъ на трехъ-лѣтній срокъ. При полной свободѣ существующей тамъ печати, всѣ дѣйствія этихъ срочно управляющихъ страной директоровъ подлежатъ общественному контролю, и потому здѣсь общественныя сооруженія и поставки имѣютъ всегда частный характеръ и особенности. Точно также въ странахъ представительныхъ самая возможность вмѣшательства общества въ казенныя дѣла путемъ парламентскихъ запросовъ и печати ослабляютъ значительно замкнутый и канцелярскій характеръ дѣлъ чисто казенныхъ, какими они являются у насъ.

Вотъ почему вездѣ, а ужъ у насъ особенно, казенныя операціи должны быть прежде всего какъ можно проще и непремѣнно обставлены формами, которыхъ никто бы не имѣлъ права

переступать, хотя бы и имѣлись для того благовидные предлоги. Единственная гарантія казны лежитъ въ порядкѣ производства такихъ расходныхъ операцій на общихъ основаніяхъ и со строго опредѣленной бумажной отчетностью. И послѣднее весьма достижимо тамъ, гдѣ дѣло поставлено просто, ясно и обладаетъ правильной отчетностью.

Скажемъ еще, что отвѣтственность за несоблюденіе формы всегда возможна и въ казнѣ, такъ какъ формальность и есть спеціальность казеннаго дѣла, безъ которой самое дѣло какъ бы упраздняется. Чиновникъ пуще огня, мора и гладу боится уничтоженія и сокращенія штатовъ, его кормящихъ, и потому изъ чувства самосохраненія всегда стоитъ за соблюденіе формальностей. Въ финляндскомъ дѣлѣ военныхъ инженеровъ судъ, выкапывавшій фундаменты и искавшій строительныхъ злоупотребленій, въ концѣ концовъ могъ только безспорно доказать отступленія отъ установленныхъ формъ отчетности и допекалъ инженеровъ доказательствами, что у нихъ чуть ли не всѣ акты по мѣсту и способу ихъ написанія и подписанія суть поддѣлки въ формальномъ смыслѣ. И въ обвиненіе болѣе всего легли именно эти формально, а не по существу поддѣланные акты. Слѣдовательно, въ формальной отчетности и въ простотѣ самаго казеннаго дѣла, конечно, гораздо болѣе гарантій цѣлости казеннаго сундука, нежели въ совершенно безотвѣтственномъ контролѣ. Отсюда мы уже приходимъ къ положительному выводу, что всѣ дѣла, организація которыхъ можетъ быть сдѣлана простою и, такъ сказать, шаблонною, и отчетность по которымъ не требуетъ бухгалтерскихъ великихъ талантовъ, а доступна каждому грамотному человѣку для написанія и скорой провѣрки,—могутъ быть исполнены безъ значительныхъ убытковъ и сравнительно хорошо съ помощью казеннаго способа веденія ихъ хозяйства. Понятно также, что чѣмъ общество имѣетъ болѣе правъ и способовъ для законнаго контроля надъ расходами государства, путемъ печати, тѣмъ область вѣденія хозяйственныхъ дѣлъ казною можетъ быть обширнѣе и, пожалуй, сложнѣе. По адресу же нашихъ „катедеръ-соціалистовъ", мечтающихъ о полномъ и всестороннемъ хозяйствѣ чиновниковъ мы скажемъ еще слѣдующее. Еслибы даже казна и могла выработать такія строгія формы контроля надъ своими приходо-расходчиками и кромѣ того еще пользоваться при своихъ постройкахъ и поставкахъ услугами самыхъ талантливыхъ и добросовѣстныхъ лицъ въ государствѣ,—то и тогда передача въ руки казны дѣлъ торговыхъ и промышленныхъ грозила бы извѣстными бѣдами и неудобствами для всѣхъ гражданъ. Въ этомъ напра-

леніи, право, не худо обратить вниманіе и на то, что природа, давшая человѣку разумъ и волю, совершенно выключила изъ сферы вліянія какъ того, такъ и другого—важнѣйшія функціи нашего организма. Мы мало можемъ вліять на скорость и силу нашего дыханія, совсѣмъ не можемъ вліять на кровообращеніе, да и самое питаніе послѣ того, какъ пища поступила въ желудокъ, уже перестаетъ подчиняться личной волѣ человѣка. То же самое существуетъ и въ обществѣ. Строго говоря, распредѣленіе между людьми разныхъ функцій и работъ мало понятно съ точки зрѣнія логики и цѣли. Еще менѣе понятны пути торговли и промышленности, которые автоматически какъ-то служатъ къ питанію и вообще къ возможности самаго существованія человѣка въ различныя времена года и подъ всѣми широтами. Тутъ должны быть—и навѣрное есть—какіе-то инстинкты, и прямое вліяніе на ихъ навѣрное также гибельно, какъ была бы гибельна для людей возможность прямого вліянія на кровообращеніе и дыханіе. Господа „катедеръ-соціалисты“ поступаютъ слишкомъ храбро, считая себя способными все предвидѣть и все заранѣе предугадать однимъ только логическимъ построеніемъ. На самомъ же дѣлѣ этого не случится, и если мы на улицахъ города замѣчаемъ наибольшую толчею и наибольшія неудобства для проѣзда тамъ, гдѣ этимъ проѣздомъ пробуетъ распоряжаться полицейскій,—такъ же точно и тутъ никогда торговля и промышленность въ ихъ безконечной пестротѣ и разнообразіи не могутъ существовать при управленіи однихъ—хотя бы самыхъ честныхъ и самыхъ предусмотрительныхъ—чиновниковъ. Вотъ почему всегда надо оставлять для частныхъ работъ и частной предпріимчивости и частнаго помѣщенія капитала—многія дѣла и всего болѣе дѣла, требующія сложныхъ соображеній, дѣла рискованныя и большія. Безъ этого самая жизнь страны можетъ заглохнуть, и всякая иниціатива частныхъ лицъ—пропасть на вѣки.

Установивъ такимъ образомъ нашу основную точку зрѣнія, мы для порядка скажемъ, что основной дѣятельностью государства должна быть дѣятельность законодательная въ прямыхъ цѣляхъ устраненія отжившихъ законовъ и обветшалыхъ формъ и въ созданіи новыхъ законовъ, покровительствующихъ новымъ, живымъ формамъ и помогающихъ общественному труду и благосостоянію гражданъ. Эта дѣятельность, чисто-теоретическая и формальная, вполнѣ въ средствахъ безличнаго государства. Затѣмъ, работа защиты страны—по необходимости также работа государственная. Эта дѣятельность бездоходна и императивна, и потому ее некому кромѣ государства дѣлать. Общественное образованіе юно-

шества также можетъ быть прекраснымъ дѣломъ въ рукахъ государственныхъ и казенныхъ педагоговъ. Дѣло это—дѣло дисциплины, порядка и единообразія формъ,—прекрасное дѣло для примѣненія казенныхъ дарованій и средствъ. Почтовое дѣло также идетъ хорошо въ казенномъ управленіи, благодаря счастливо сложившимся традиціямъ и накопленному опыту, а всего болѣе потому, что это дѣло международное. Наконецъ, если возможенъ и нуженъ кредитъ для всѣхъ равно доступный, прямой, просто обусловленный для взысканія неустоекъ,—что легко сдѣлать въ странѣ съ бумажными деньгами и принудительнымъ ихъ курсомъ,—то и эта функція, какъ основанная на формѣ и единообразіи, можетъ сдѣлаться съ выгодою для всѣхъ, кромѣ ростовщиковъ, конечно, государственною функціею. Тѣмъ не менѣе это еще дѣло далекаго будущаго, такъ какъ формы кредита, простыя, ясныя и удобныя къ учету и взысканію, еще далеко не выработаны. И затѣмъ есть еще одно дѣло, которое надо взять въ казенныя руки,—это... желѣзныя дороги.

VIII.

Послѣ всего сказаннаго выше, вѣроятно, читатель, хотя и подготовленный уже, крайне удивился такому неожиданному выводу. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли быть что-либо болѣе сложно, какъ постройка и особенно эксплуатація желѣзной дороги? Какіе здѣсь запутанные интересы, какое сплетеніе географическихъ, торговыхъ, военныхъ и еще массы случайныхъ и личныхъ интересовъ, и вотъ эту-то сложнѣйшую сѣть всякихъ хозяйственныхъ и не-хозяйственныхъ отношеній, я, желающій и допускающій въ казенныхъ рукахъ процвѣтаніе дѣлъ простыхъ и несложныхъ, при томъ—дѣлъ чисто формальныхъ, предлагаю взять въ казну. Противорѣчіе очевидное—и потому необходимо объясниться.

Сравнительно недавняя исторія возникновенія желѣзныхъ дорогъ и ихъ неожиданно громадное развитіе по всей землѣ еще далеко не даютъ достаточно систематизированнаго и анализированнаго матеріала, чтобы судить вполнѣ о той роли, которую призваны играть эти рельсовые пути въ развитіи государствъ и въ распредѣленіи между ними неодинаковыхъ богатствъ земного шара. Еще очень недавно никто не ждалъ, чтобы рельсовый путь могъ конкуррировать съ водяною перевозкою громоздкихъ и дешевыхъ грузовъ; между тѣмъ нынѣ уже не только вдоль

рѣкъ и каналовъ тянутся доходнѣйшія линіи желѣзныхъ дорогъ, но въ умѣ человѣческомъ бродятъ колоссальные проекты о желѣзныхъ дорогахъ черезъ проливы съ единственной цѣлью уменьшить сколь возможно время и протяженіе неизбѣжнаго морского переѣзда. Въ числѣ проектовъ, покуда еще вполнѣ фантастическихъ, уже имѣются проекты дорогъ по отмелямъ и по скаламъ океана изъ Европы въ Америку. Все это, какъ фантастическое еще, такъ и осуществленное, показываетъ, какую силу вызвали къ новой жизни наши усовершенствованные пути сообщенія, и въ то же время заставляетъ опасаться, что эта самая, вызванная нами, колоссальная сила передвиженія, вѣроятно, имѣетъ и оборотную сторону, которой мы еще и не знаемъ. Такъ не ясно стоитъ этотъ вопросъ вообще,—но и въ деталяхъ самая странность нѣкоторыхъ воззрѣній на желѣзную дорогу многихъ экономистовъ и государственныхъ людей въ мелочахъ и деталяхъ ихъ эксплуатаціи показываетъ, что и здѣсь вопросъ желѣзнодорожный еще далеко не изслѣдованъ ни въ отношеніи нѣкоторыхъ причинностей, ни въ отношеніи слѣдствій. Во всякомъ случаѣ, однако, строго и неизбѣжно монопольный характеръ желѣзныхъ дорогъ, какъ путей сообщеній, съ появленіемъ которыхъ исчезли и исчезаютъ мало-по-малу всѣ иные способы передвиженія пути,—не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Развиваясь, желѣзнодорожная сѣть на территоріи государствъ поглощаетъ значеніе каналовъ, судоходныхъ рѣкъ, заставляетъ запускать шоссе и вовсе не заботиться о грунтовыхъ дорогахъ длиннаго, а не мѣстнаго протяженія. Мало-по-малу—выѣхать изъ данной мѣстности или въ нее пріѣхать становится возможнымъ только съ соизволенія господъ желѣзнодорожниковъ, которые, будучи оставлены на свободѣ, конечно, не замедлятъ образовать сильное и могущественное „государство въ государствѣ“, которому неминуемо придется подчиниться всѣмъ и всему. Въ свободной Америкѣ—и тамъ уже поняли опасность такой желѣзнодорожной тенденціи, и тамъ есть голоса, громкіе и убѣдительно говорящіе въ пользу бдительнаго контроля за желѣзнодорожной политикой и требующіе даже вмѣшательства власти въ желѣзнодорожныя частныя дѣла. Не худо также помнить, что борьба съ желѣзными дорогами вооруженной силой—борьба невыгодная, такъ какъ желѣзная дорога, какъ сооруженіе чрезвычайно сложное и искусственное, легко портится—и во время борьбы перестаетъ служить дорогой для кого бы и для чего бы то ни было, чѣмъ и объясняются огромные убытки частныхъ лицъ, понесенные во время сильныхъ стачекъ желѣзнодорожныхъ служащихъ въ Аме-

рикѣ, причемъ во время прекращенія движенія по дорогамъ американскихъ богачей, противъ которыхъ вели борьбу стачечники, обрекались не они, а попутные города чуть ли не голодной смерти, по невозможности достать и подвезти необходимые для нихъ съѣстные припасы. Итакъ, окончательный характеръ желѣзныхъ дорогъ и та сила, которою онѣ фактически будутъ владѣть въ тотъ моментъ, когда сдѣлаются единственными проѣзжими дорогами на землѣ,—еще не выяснены и неизвѣстны, но уже агрессивно-монопольный ихъ характеръ и тенденція не могутъ ни въ комъ возбуждать никакого сомнѣнія, и потому-то желѣзныя дороги должны находиться въ рукахъ не кого-либо одного, но непремѣнно въ рукахъ всѣхъ, то-есть въ рукахъ и въ эксплуатаціи правительства, какъ выразительницѣ принципа общности.

Въ прежнихъ моихъ статьяхъ, касавшихся желѣзнодорожной практики, я мало цѣнилъ именно вотъ это соображеніе, и болѣе всего потому, что въ то время побѣда желѣзныхъ дорогъ надъ всѣми остальными путями сообщенія не казалась и не была столь окончательной и полной,—и я, зная по личному опыту характеръ казенныхъ работъ и тѣ неудобства, которыя онѣ влекутъ за собою для цѣлости государственнаго казначейства, стоялъ всецѣло на сторонѣ тѣхъ, которые отрицали выгоду и пользу передачи желѣзныхъ дорогъ въ казенныя руки. Но и прежде я признавалъ условную и временную выгоду передачи и выкупа гарантированныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну. Послѣднее соображеніе, конечно, сохранило всю свою силу и нынѣ, такъ какъ экономисты „прогрессивнаго“ лагеря, неспособные уповать на благодѣянія всякихъ ограниченій и покровительства, должны же сознаться, что при гарантіи смыслъ ихъ экономическаго ученія совершенно искажается и создаетъ такую уродливую и неестественную форму, съ которой всего выгоднѣе покончить по возможности скорѣе и рѣшительнѣе. Императоръ Николай Павловичъ, оцѣнившій ранѣе многихъ выгоду и значеніе желѣзной дороги, послѣ опыта постройки коротенькой линіи на Царское Село предложилъ составить инженеру Францу Герстнеру соображеніе для скорѣйшей постройки московской дороги. Герстнеръ потребовалъ, во-первыхъ, права устроивать вдоль линіи кабаки для продажи безакцизной водки, противъ чего государь написалъ: „*Никогда!*“ — и во-вторыхъ, гарантіи изъ пяти процентовъ на акціонерный, собранный за границею, строительный капиталъ. Противъ этого второго предложенія государь написалъ знаменательныя слова: „*Пусть Герстнеръ покажетъ мнѣ свои милліоны, и я дамъ на нихъ*

гарантію". Николаевскую дорогу строили казенными средствами, и если эта постройка и обошлась страшно дорого, зато, конечно, николаевская дорога по роскоши своихъ работъ, по богатству инвентаря и до сихъ поръ едва ли не первая въ мірѣ, и ужъ, конечно, будь она построена по профили позднѣйшихъ дорогъ, ей бы не удалось работать съ такою невѣроятною производительностью, съ какой она успѣваетъ работать теперь. Къ несчастію для казеннаго кармана, дальнѣйшая практика строительства желѣзныхъ дорогъ пошла слишкомъ медленно, а крымская война напугала насъ бездорожьемъ—и напугала не даромъ. Надо было строить много и скоро, и конечно, въ этихъ случаяхъ частная иниціатива представляла всѣ выгоды. И вотъ тутъ-то, сначала въ видѣ французскаго общества Перейры, къ намъ явились работать за баснословное вознагражденіе господа Калиньоны и Филѣли, которые дѣла, на себя взятаго, не сдѣлали, но Россію пощипали не менѣе настоящихъ завоевателей, и они же оставили послѣ себя массу доморощенныхъ хищниковъ, которые, благодаря тогдашнему незнанію дѣла, успѣли взять съ желѣзнодорожнаго строительства несмѣтныя богатства, цѣнившіяся тогда десятками милліоновъ, прямо, ни за что, ни про что, положенныхъ счастливыми людьми въ широкіе карманы. Гарантія пошла тогда въ ходъ, какъ простѣйшее средство для созданія всякихъ —и нужныхъ, и ненужныхъ линій, и сѣть наша росла вмѣстѣ съ колоссальнымъ желѣзнодорожнымъ долгомъ частныхъ лицъ, гарантированнымъ казною. Капиталы, которыхъ не существовало вовсе, гарантировались всѣмъ достояніемъ Россіи и затѣмъ выходило какъ-то такъ, что дорога, у которой не было даже забора, ей принадлежащаго, почему-то считала себя частною собственностью и обижалась, когда казна, которой принадлежало рѣшительно все на дорогѣ, да къ тому еще гарантія доходности выданныхъ дорогой облигацій, требовала себѣ въ совѣтахъ такихъ дорогъ право голоса и контроля. Очевидно, что такого рода предпріятія, выстроенныя на фиктивный капиталъ подъ гарантіей государства, являются полнѣйшей аномаліей въ промышленно-экономическомъ смыслѣ, какъ предпріятія, лишенныя всякаго риска для своего собственника и, напротивъ, взваливающія всѣ свои протори и убытки на совершенно безправную казну. Но никакая аномалія промышленная и экономическая не можетъ существовать долго, такъ какъ ея нелѣпости неминуемо выплываютъ наружу. Такъ было и съ вопросомъ о гарантіяхъ, и въ теченіе немногихъ лѣтъ уже явились голоса и люди, хорошо видѣвшіе, что гораздо лучше строить дорогія дороги казною, нежели дешевыя тою же казною,

но такъ, что барыши съ нихъ берутъ посторонніе люди, а убытки выплачиваетъ неосторожно ввязавшаяся въ такое дѣло казна. Съ этой-то точки зрѣнія, именно въ виду скорѣйшей необходимости погасить послѣдствія грубой финансовой ошибки, выразившейся въ неосторожной выдачѣ гарантій, я всегда признавалъ выгоду и необходимость передачи желѣзныхъ дорогъ въ казну. Нынѣ же, выяснивъ себѣ неизбѣжно монопольный характеръ, какой имѣетъ и всегда будетъ имѣть желѣзно-дорожное дѣло, я смотрю на вопросъ шире и признаю выгоду перехода рѣшительно всей государственной сѣти желѣзныхъ дорогъ въ руки казны. Вотъ, слѣдовательно, главныя причины, которыя ложатся въ основу моего мнѣнія о необходимости передать все желѣзнодорожное дѣло въ руки казны: первая и общая—несомнѣнно монопольный характеръ, присущій каждой линіи желѣзной дороги въ отношеніяхъ ея къ мѣстности, по которой она проходитъ, и всей сѣти дорогъ—по отношенію ко всему государству, заставляющій ожидать отъ лицъ, владѣющихъ частными желѣзными дорогами, дѣйствій въ ущербъ общей пользѣ тамъ, гдѣ этотъ общій ущербъ обѣщаетъ наибольшіе частные барыши. Вторая, уже частная причина—это неестественность гарантированія казною доходности предпріятія коммерческаго и рискованнаго, въ управленіи дѣлами котораго она или вовсе не участвуетъ, или участвуетъ только фиктивно. Но обѣ эти причины еще вовсе неспособны повліять на характерную особенность казны, какъ дурной хозяйки, и потому необходимость взять въ казну эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ не можетъ измѣнить мнѣнія о невыгодности каждаго хозяйственнаго предпріятія казны,—а особливо такого, какъ желѣзная дорога,—въ лучшую сторону. Вотъ здѣсь-то мнѣ уже и приходится обратиться въ область предположеній и идей, которыя могутъ и не могутъ осуществиться въ будущемъ, состоя прямо въ зависимости отъ числа лицъ, убѣжденныхъ въ ихъ практичности, логикѣ, или ни въ томъ, ни въ другомъ неубѣжденныхъ.

IX.

Я началъ выше съ того, что желѣзнодорожная практика, хотя чрезвычайно развитая, обладаетъ въ настоящее время множествомъ предвзятыхъ идей и такихъ особенностей, которыя могутъ ладить съ очень многими добрыми чувствами, но тѣмъ не менѣе идутъ въ разрѣзъ со всякимъ порядкомъ, который можно было бы оправдать съ точки зрѣнія экономической.

Неясность въ пониманіи значенія и характера желѣзныхъ дорогъ всего лучше видна на вопросѣ о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ. Несомнѣнно казалось бы, что желѣзная дорога есть видъ чисто коммерческаго предпріятія, но если взглянуть на ту же дорогу съ точки зрѣнія такъ-называемой тарифной политики, то желѣзная дорога есть какой-то уравнитель частныхъ коммерческихъ интересовъ разныхъ производствъ и разныхъ мѣстностей. Чѣмъ-то черезъ-чуръ сантиментальнымъ и филантропическимъ вѣетъ отъ этихъ по существу совершенно неразрѣшимыхъ задачъ, которыми задаются люди, увѣренные, что желѣзная дорога что-то *должна* постоянно дѣлать, для того чтобы въ данномъ пунктѣ товары, пріѣхавшіе изъ разныхъ странъ или частей государства, стоили бы одно и то же и несли ту же ставку при проѣздѣ какъ бо́льшаго, такъ и ме́ньшаго количества верстъ. Почему-то перевозка пуда перчатокъ должна стоить дороже, нежели перевозка пуда соли или угля, хотя какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, расходы по передвиженію этихъ пудовъ для желѣзной дороги совершенно одинаковы. Но нѣтъ,—уголь желѣзная дорога должна возить себѣ въ убытокъ, и эти убытки—возмѣщать изъ доходовъ перчаточныхъ фабрикантовъ. Нечего и говорить, что такая постановка тарифной политики совершенно невѣрна, да и вліяетъ на окончательную рыночную цѣну предметовъ потребленія крайне мало. Строго разсуждая, если уже держаться сантиментально-коммерческаго взгляда на торговлю, то почему же, заставляя желѣзнодорожниковъ возить предметы первой необходимости по невыгодному для нихъ тарифу, церемониться съ самими продавцами этихъ предметовъ на рынкѣ? А то—хлѣбъ вези даромъ купцу, имъ торгующему, который не доплатилъ земледѣльцу и норовитъ ободрать покупателя,—но съ самого купца взятки гладки! Онъ, и въ томъ, и въ этомъ случаѣ, имѣетъ право, самъ пользуясь льготнымъ тарифомъ, другимъ продавать свой товаръ, строго повинуясь закону спроса и предложенія. Справедливо ли это и есть ли въ этомъ какая-нибудь логика?

Сравнивая операцію желѣзнодорожной дѣятельности съ почтовыми, мнѣ кажется весьма позволительнымъ спросить читателя: что́ бы сталось съ почтой, еслибы за письма брали не только въ зависимости отъ разстоянія, на которое ихъ посылаютъ, но еще болѣе въ зависимости отъ ихъ содержанія? Письмо съ брачными предложеніями отъ молодого человѣка къ молодой дѣвушкѣ везли бы даромъ, такъ какъ въ результатѣ подобныхъ обращеній прибываетъ здоровое и крѣпкое населеніе въ государствѣ; напротивъ, такое же предложеніе отъ старика оплачивалось бы утроеннымъ нор-

мальнымъ тарифомъ, какъ служащее дѣлу развращенія нравовъ и грозящее уменьшеніемъ здороваго народонаселенія; письма съ приглашеніемъ на винтъ оплачивались бы также еще особой пеней за праздное препровожденіе времени; наконецъ, за письма, приглашающія принять участіе въ грабежѣ казны, должны были бы оплачиваться пропорціонально ожидаемымъ отъ грабежа бенефисамъ. Каждый бы назвалъ такой порядокъ веденія дѣлъ безсмысленнымъ и невозможнымъ; между тѣмъ тарифныя измышленія на желѣзныхъ дорогахъ идутъ еще далѣе этого. Тамъ, напримѣръ, за трупъ фонъ-Зона, уложенный въ кожаный чемоданъ, взяли какъ за багажъ, а за кружевное платье, но уложенное въ ящикѣ—какъ за товаръ, и многое тому подобное. Словомъ, здѣсь агенты по желѣзнодорожному извозу обязаны проявлять множество заботъ и любопытства совершенно частнаго характера, на которыя часто хочется сказать:—изъ-за чего вы, господа, хлопочете и о чемъ спрашиваете? Вотъ вамъ шесть пудовъ чего-то въ чемоданѣ, а здѣсь пудъ шолковаго платья въ ящикѣ, вѣшайте и то и другое, прикиньте число верстъ, на которыя надо эти грузы передвинуть съ надлежащею скоростью, и получайте ставку для себя выгодную, *но елико возможно малую*. Понятное дѣло, что всѣ эти рефакціонные и дифференціальные по-товарные тарифы рѣшительно не ведутъ къ тому, чтобы товаръ, пріѣхавшій къ порту изъ разныхъ мѣстъ, стоилъ бы одно и то же. У насъ какъ-то всегда такъ выходитъ, что иностранный товаръ, пріѣхавшій изъ-за тридевяти земель, стоитъ въ половину меньше нашего на нашихъ же рынкахъ, а виноваты желѣзныя дороги, которыя, по мнѣнію купцовъ, должны возить ихъ товары совсѣмъ даромъ изъ однихъ высокихъ патріотическихъ соображеній! Частныя компаніи, конечно, смѣются, слушая такіе мнѣнія и получая подобныя нареканія, но съ переходомъ всего дѣла въ казну весьма возможно себѣ представить, что явится масса счастливцевъ и привилегированныхъ лицъ, которыя будутъ возить и себя, и свой товаръ по желѣзной дорогѣ—даромъ.

Кстати замѣтить здѣсь же, что существованіе на желѣзныхъ дорогахъ даровыхъ билетовъ для лицъ состоятельныхъ представляетъ также превосходный образчикъ страннаго отношенія очень многихъ и неглупыхъ людей къ желѣзно-дорожному передвиженію. Кто ѣздитъ даромъ? Все люди вполнѣ состоятельные, которымъ не придетъ же въ голову мысль не заплатить извозчику, потому что они репортерствуютъ или издаютъ газеты, или не платить жалованье кучеру, потому что они занимаютъ весьма высокія мѣста по конюшенному вѣдомству, и такъ далѣе? Между тѣмъ поѣзжайте

хотя бы въ Царское Село въ первомъ классѣ—вы очутитесь въ средѣ тѣхъ „бѣдныхъ“ людей, которые не могутъ заплатить за себя и ѣздятъ даромъ: одинъ потому, что журналистъ; другой потому, что можетъ быть журналистомъ; третій потому, что служитъ по желѣзнымъ дорогамъ; пятый потому, что имѣетъ хорошую протекцію на кухнѣ господина В., и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ; и вотъ въ то время, когда эти „первоклассные“ пассажиры важно разваливаются на подушкахъ своихъ купé, мимо нихъ плетется баба съ молокомъ или старецъ полудряхлый,—но эти, увы! заплатятъ за себя такія деньги, которыя не по карману только развѣ господамъ первоклассникамъ! Такъ дѣло стоитъ уже теперь съ даровыми билетами, которыхъ выдаютъ очень много, но со временемъ можно ожидать того же и для товаровъ. Елисѣевскія вина повезутъ даромъ, ради того, что они могутъ быть назначены для вельможнаго банкета, гдѣ будутъ произносить патріотическія рѣчи, а вотъ квасъ купца Иванова, назначенный утолять жажду какихъ-то тамъ косцовъ, пусть-ка оплачивается и за вино Елисѣева, и за себя самого. Удивляться такому результату нечего, ибо „филантропическіе“ результаты всѣ такіе, и „филантропъ“ есть именно тотъ человѣколюбецъ, который норовитъ взять послѣднее изъ кармана бѣдняка для доставленія удовольствія чувствовать себя великодушнымъ и добрымъ. И желѣзнодорожная филантропія не хуже другихъ. Здѣсь нищій платитъ въ третьемъ классѣ три копѣйки съ версты, чтобы первоклассный пассажиръ имѣлъ возможность, не разоряя дороги, кататься по ней даромъ.

Съ переходомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ руки правительства, такая филантропія и такая тарифная политика могутъ получить прямо бѣдственное для страны развитіе. Всѣ расходы по эксплуатаціи такой сѣти тяжелымъ бременемъ лягутъ на казначейство, то-есть на податные и рабочіе классы, а пользоваться ими будутъ лица, имѣющія власть и протекцію. Если дѣло пойдетъ въ этомъ направленіи дальше, то, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, не трудно понять, что оно немедленно же станетъ трупомъ и будетъ приносить только неисчислимые бенефисы своимъ заправителямъ—директорамъ, хозяевамъ и контролерамъ. Къ этому времени можно ожидать, что всѣ чины, вѣдающіе это дѣло, будутъ расписаны по табели о рангахъ. Младшій стрѣлочникъ и кочегаръ товарнаго поѣзда будутъ числиться коллежскими регистраторами, старшіе стрѣлочники—губернскими секретарями; машинистъ будетъ пользоваться чиномъ по крайней мѣрѣ титулярнаго совѣтника на товарныхъ поѣздахъ, и коллежскаго ассесора на пассажирскомъ, съ правомъ въ производствѣ въ надворные,

съ переводомъ на курьерскій поѣздъ. Самый плохой начальникъ станціи будетъ не ниже штатскаго полковника, а выше ихъ уже начнется обширное поле самыхъ высокихъ чиновъ. Поѣзда въ это счастливое время будутъ ходить рѣдко, въ дождь стоять на станціяхъ подъ крышей, въ вѣтеръ ходить заднимъ ходомъ, чтобы не тревожить глазъ господина машиниста. Курьерскіе и молніеносные поѣзда пойдутъ со скоростью 13,926 верстъ въ часъ (казна вѣдь вездѣ любитъ точныя цифры и длинныя дроби), причемъ если кто-либо изъ начальства окажется именинникомъ, то эти поѣзда могутъ стоять на полустанкахъ, покуда приглашенные друзья или начальство скушаютъ именинный пирогъ, а прочая публика для здоровья и чистаго воздуха успѣетъ нагуляться по окрестнымъ полямъ и деревнямъ, а зимою помогетъ казеннымъ рабочимъ посчищать снѣгъ съ боковъ выемокъ дорожныхъ, или вычистить гайки на локомотивѣ. При этомъ все будетъ дѣлаться на основаніи письменныхъ распоряженій и предписаній; машинистъ, подходя къ стрѣлкѣ, долженъ посылать бумагу за нумеромъ, требующую открытія или закрытія стрѣлокъ. Въ случаѣ неясности въ указаніяхъ, стрѣлочникъ обязанъ войти на локомотивъ съ рапортомъ и просить болѣе точныхъ указаній; точно также по прибытіи поѣзда на станцію, гдѣ находится начальственное лицо, всѣ младшіе чины поѣзда обязательно представляются ему въ полной парадной формѣ и при шпагѣ. При выдачѣ завѣдующимъ дровами господину машинисту дровъ, угля или смазочныхъ припасовъ, непремѣнно присутствуетъ господинъ контролеръ и на каждомъ полѣнѣ ставитъ свои клейма, а затѣмъ немедленно пишетъ протестъ къ своему начальству о томъ, что по его мнѣнію полѣнья слѣдовало бы выдавать по вѣсу, причемъ онъ осмѣливается предложить, въ виду сохраненія казенныхъ интересовъ, опредѣлить дачу вѣсомъ сухихъ дровъ, а выдавать машинисту дрова, пролежавшія нѣсколько недѣль въ водѣ или—за неимѣніемъ надлежащаго бассейна—въ очень сыромъ мѣстѣ, и непремѣнно на дождѣ, зимою же воспретить счищать съ такихъ дровъ снѣгъ и ледъ, причемъ получится значительная выгода отъ недовѣса сухихъ дровъ, которую контроль можетъ представить въ доказательство своей неукоснительной бдительности на пользу государства. Что касается до жалованья, то оно должно быть строго согласовано не съ полезностью даннаго чина на работѣ, но со степенью требуемой отъ него честности. Такимъ образомъ, рабочимъ стрѣлочникамъ, дорожнымъ мастерамъ, кочегарамъ и младшимъ телеграфистамъ, равно какъ кассирамъ и бухгалтерамъ, жалованья прямого не назначать, но

выдавать по $2^{11}/_{127}$ фунта хлѣба на день; въ праздники и табельные дни выдавать также зимой по головкѣ луку, а лѣтомъ по пучку лука зеленаго, и ко всему этому еще 8 золотниковъ пшенной крупы на годъ. Сапоги отпускать на шесть человѣкъ рабочихъ одну пару и держать эту пару въ цейхгаузѣ, для освидѣтельствованія проѣзжающей инспекціи, что оные сапоги цѣлы, затѣмъ по рубашкѣ ситцевой и по парѣ нижняго бѣлья на $17^{1}/_{2}$ (для затрудненія отчетности) мѣсяцевъ каждому. Что же касается до содержанія чиновъ честныхъ, но не рабочихъ, то имъ положить приличное и весьма приличное содержаніе, въ зависимости отъ степени ихъ безполезности на дорогѣ. Начальнику большой станціи, у котораго все дѣлаютъ помощники—десять тысячъ; главному бухгалтеру, подписывающему всѣ книги, ихъ не читая—двадцать тысячъ; сто тысячъ—начальнику дороги, и если не найдетъ для себя недостаточнымъ, полтора милліона рублей—главному контролеру. Особенно выдающимся своими предложеніями о сырыхъ дровахъ и тому подобнаго можно выдавать еще гратификацію въ томъ размѣрѣ, какой они сами пожелаютъ. Въ дополненіе къ такому штату, конечно, слѣдуетъ прибавить еще параграфъ:

„Въ случаѣ, если, по недоразумѣнію съ публикой и отправителями, по такимъ дорогамъ прекратится движеніе, то, по мѣрѣ прекращенія такового, локомотивы сдавать въ центральное депо, не отвертывая отъ нихъ мѣдныхъ частей, рельсы снимать и складывать въ штабели, дрова и уголь безвозбранно употреблять *высокимъ* служащими на топку своихъ печей, низшихъ служащихъ отпускать на свободу, съ отобраніемъ недоношенныхъ рубашекъ и кальсоновъ, а содержаніе высшихъ чиновъ обращать имъ въ пенсію или признавать родамъ ихъ присвоенной синекурой. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и превратныхъ толковъ, изъять все дѣло по желѣзнодорожному вѣдомству изъ вѣденія безцензурной печати, не позволяя говорить о нихъ также и въ печати подцензурной“.

Вотъ одинъ порядокъ и одна форма управленія будущими дорогами казенными средствами, которой, конечно, ни одинъ порядочный человѣкъ не одобритъ и не пожелаетъ. Я нарочно взялъ эту форму въ преувеличеніи, такъ какъ она уже старая, мертвая форма; но, разумѣется, если отбросить шаржировку, то сущность ея останется правильной. Но такая сущность вовсе не обязательна, такъ какъ у казны-владѣтельницы сѣти государственныхъ дорогъ всегда останутся двѣ формы, изъ которыхъ одна ближе и лучше всегда возможна, а другая зато обладаетъ достоинствами идеальными, такъ какъ приближаетъ все дѣло именно

къ той простотѣ и ясности, пребывая въ которыхъ, дѣла становятся превосходно идущими въ рукахъ казенныхъ агентовъ. Первая форма эта есть срочная аренда дорогъ частными лицами, съ точно оговоренными обязанностями и правами арендаторовъ по отношенію какъ къ публикѣ, такъ и къ казнѣ. Уже въ настоящую минуту мы чувствуемъ, что мысль объ этой формѣ управленія казенными дорогами руками частныхъ арендаторовъ имѣетъ въ правительствѣ своихъ сторонниковъ.

И дѣйствительно, арендная форма управленія желѣзныхъ дорогъ представляетъ большія выгоды для государства по своей простотѣ, и всего болѣе потому, что арендаторы казенныхъ дорогъ, не будучи чиновниками, могутъ находиться подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Въ то же время эта форма можетъ давать казнѣ простѣйшими путями хорошій доходъ въ видѣ валовой стоимости ежегодной аренды, причемъ не трудно понять, что вопросъ о гарантіи желѣзнодорожныхъ доходовъ приметъ направленіе діаметрально-противоположное старому. Прежде казна гарантировала частному лицу доходъ съ желѣзной дороги, а при новомъ порядкѣ, частное лицо—арендаторъ гарантируетъ казнѣ бо́льшія или мѣньшія арендныя суммы за дорогу. Понятно, что при этомъ возможно ограничить произвольныя распоряженія арендатора по дорогѣ и поставить ему предѣльные тарифы для грузового и пассажирскаго движенія, но и не вмѣшиваться въ способы и средства арендаторовъ для привлеченія на свои дороги грузовъ и вообще не стѣсняя свободы ихъ распоряженій, служащихъ къ увеличенію такого движенія по дорогѣ. При такомъ порядкѣ, конечно, операція перевозки должна быть строго обособлена отъ всякихъ иныхъ операцій, къ которымъ имѣютъ склонность всѣ желѣзнодорожники. Ни правъ на плаваніе по рѣкамъ, конкуррирующимъ съ дорогой, ни концессій на морскія перевозки не слѣдуетъ давать одному и тому же арендатору, а также всякія кредитныя операціи могутъ быть производимы только въ полнѣйшемъ раздѣленіи съ дѣлами аренды и вестись только на страхъ и рискъ капиталовъ самого арендатора, не затрогивая экономической состоятельности дороги, какъ предпріятія исключительно перевозочнаго, и не вліяя на ея барыши, и не покрывая ея убытковъ. Все это нужно для парализованія монополій сложныхъ, такъ какъ аренда дороги есть уже сама по себѣ значительная монополія. Тѣмъ еще менѣе можно разрѣшать дорогамъ производить въ районахъ своего расположенія и вліянія торговлю чѣмъ бы то ни было, такъ какъ въ этомъ случаѣ монополія арендатора неминуемо обратится въ безпросвѣтную кабалу мѣстныхъ

производительныхъ силъ арендатору дороги. Онъ будетъ альфой и омегой въ своемъ районѣ, отъ щедротъ и благоволенія котораго будутъ зависѣть хорошая погода и ненастье. Вообще же аренда казенныхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ дѣйствовать тѣмъ чище и проще, чѣмъ болѣе будетъ затруднено ея арендаторамъ всякое пользованіе арендуемаго ими пути въ своихъ личныхъ своекорыстныхъ интересахъ и въ ущербъ инымъ отправителямъ. Практика вандербильдовскихъ монопольныхъ дорогъ въ Америкѣ даетъ въ этомъ направленіи массу полезнѣйшихъ указаній и предостерегаетъ Европу отъ неудобныхъ боевыхъ порядковъ слишкомъ свободнаго желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ, указывая на вытекающія отсюда опасности и неудобства.

X.

Арендное управленіе эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ будетъ всего лучше и успѣшнѣе, когда вся сѣть дорогъ будетъ сѣтью казенною. Тогда государство можетъ опредѣлить естественную производительность каждой вѣтви и назначить доходъ, дѣйствительно, при опредѣленныхъ тарифахъ, возможный для каждой дороги. По всему вѣроятію аренда явится четвертой фазой развитія желѣзнодорожнаго дѣла. Но это фаза не послѣдняя и не окончательная, такъ какъ идеалъ всего дѣла эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ представляется въ концѣ концовъ совершенно инымъ. Незачѣмъ уподобляться страусу и прятать голову отъ возникающихъ сомнѣній въ честности арендаторовъ, которые бы безропотно подчинились закону объ ихъ личныхъ ограниченіяхъ по вопросу о перевозкѣ ихъ собственныхъ товаровъ по арендуемой ими дорогѣ. Такіе законы, такъ сказать, парфорсные, рѣдко принимаются практикой безропотно и безъ протеста. Будутъ, слѣдовательно, и здѣсь протесты и обманы, съ которыми борьба мѣстныхъ силъ, принесенныхъ въ жертву личнымъ аппетитамъ желѣзной дороги, будетъ трудна даже путемъ печати, ибо, увы! и печать богата честностью только до тѣхъ поръ, покуда бѣдна вліяніемъ. Какъ только является серьезное вліяніе, сейчасъ же находятся и средства для покупки этого вліянія въ чью-либо пользу. И ужъ конечно, торжествующій арендаторъ, богатый и властный, найдетъ себѣ болѣе убѣжденныхъ перьевъ, нежели его обиженныя и бѣдныя жертвы. Пищать, можетъ быть, кто-либо и будетъ,—но что такое робкій пискъ при общемъ хорѣ купленныхъ восторговъ, закормленныхъ и задаренныхъ краснобаевъ и

витій?—маленькій музыкальный нюансъ, придающій только пикантность общему исполненію! Наконецъ, вѣдь у торжествующихъ всегда готова отговорка: „пищитъ и ропщетъ, значитъ еще не получилъ и получить надѣется"; и вотъ всѣ получившіе уже набрасываются съ благороднымъ негодованіемъ на пискуна, и онъ умираетъ подавленный хоровымъ презрѣніемъ продажныхъ негодяевъ. Да, печать—великая и спасительная сила въ рукахъ общества, сознающаго свои общіе интересы, но такого общества еще нигдѣ нѣтъ на самомъ дѣлѣ, у насъ же нѣтъ даже и эмбріоновъ такого сознанія, такъ какъ каждый идетъ въ-раздробь и, воруя для себя лично, ужасно удивляется, что вчера имъ украденное—сегодня у него крадется еще болѣе ловкимъ и беззастѣнчивымъ сосѣдомъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ сознанія общности интересовъ, тамъ печать—гнойная зараза, клоака, куда съ восторгомъ и наслажденіемъ сбѣгается всякая интеллигентная и талантливая грязь, безсовѣстность и безсердечность. Конечно, есть такіе умы, которые съ наслажденіемъ видятъ это загаживаніе храма. Развращайте печать,—говорятъ они:—развращенная и презираемая, она перестаетъ быть силой! Да, конечно, перестаетъ, но развращенная печать отравляетъ весь общественный организмъ и въ концѣ концовъ убиваетъ націю, а вслѣдъ затѣмъ и человѣка. Всякій развратъ и всякая нечестность представляютъ сами для себя самые безпощадные бичи, и тамъ, гдѣ началось торжествующее гніеніе, тамъ уже стучится смерть, для которой ненавистна всякая жизнь, и въ томъ числѣ даже и гнилая. Вотъ почему, хотя аренда желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ казнѣ и эксплуатируемыхъ частными лицами—дѣло для казны возможное и выгодное, но оно можетъ идти хорошо и вѣрно только тамъ, гдѣ публицисты будутъ сыты, но и честны, не потому только, что сыты. Послѣдняго не будетъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, и потому надо ожидать, что въ концѣ концовъ арендаторы желѣзныхъ дорогъ и у насъ обратятся во всепожирающихъ откупщиковъ и пойдутъ по стезямъ Вандербильдовъ съ девизомъ: après nous le déluge! Вотъ почему окончательная форма устройства желѣзнодорожной эксплуатаціи должна быть другая. При этой послѣдней формѣ, которую можно придумать и предвидѣть, сѣть желѣзныхъ дорогъ останется въ эксплуатаціи казны, причемъ тарифовъ должно существовать только четыре: за пудо-версту, за вагоно-версту, за поѣздо-версту и за пассажиро-версту—всѣ для минимальной скорости переѣзда. Затѣмъ, по мѣрѣ увеличенія скоростей, эти нормы должны только умножаться на полтора въ случаяхъ полуторной скорости, на два—въ случаѣ

двойной, на три—если нормальная скорость утроивается, и на четыре — если она возростаетъ въ четыре раза. Все же дальнѣйшее должно принадлежать отправителю. При такомъ устройствѣ дѣла необходимо, чтобы въ казенной эксплуатаціи оставалась сама линія и подвижная сила, то-есть локомотивы; вагоны же всѣ должны быть частными. Въ концѣ концовъ такъ неминуемо и будетъ, ибо уже и теперь вагонный паркъ всѣхъ дорогъ перепутанъ до чрезвычайности, и если на московской дорогѣ мы видимъ вагоны ростово-владикавказскіе, — зато и московскіе вагоны ходятъ между Георгіевскомъ и Владикавказомъ.

Такимъ образомъ, на самомъ дѣлѣ подвижной составъ дорогъ и теперь для товарныхъ вагоновъ общій. Далѣе, въ вагонномъ дѣлѣ есть уже ясно выраженная тенденція спеціализаціи вагоновъ для извѣстныхъ цѣлей, причемъ спеціализированные вагоны составляютъ собственность постороннихъ компаній. Таковы, напримѣръ, спальные вагоны французской компаніи на нашихъ дорогахъ, и пульмановскіе вагонъ-салоны на поѣздахъ-молнія. Вагоны императорскіе составляютъ собственность министерства двора и ремонтируются на счетъ и по распоряженіямъ послѣдняго; вагоны почтовые состоятъ въ вѣденіи и въ ремонтѣ на счетъ почтово-телеграфныхъ суммъ. Вагоны для перевозки нефти и керосина наливомъ составляютъ собственность компаніи Нобеля, а также еще одной частной компаніи на грязе-царицынской линіи. Вагоны-ледники для мяса принадлежатъ товариществу Чагина; вагоны-акваріумы для перевозки живой рыбы—также частные. На рижской дорогѣ существуютъ частные ледники для перевозки молочныхъ продуктовъ, также составляющихъ собственность фермеровъ окрестныхъ мѣстностей; наконецъ, компаніи элеваторовъ будутъ и должны имѣть свои вагоны для перевозки зерна въ ссыпную, и также эти зернохранилища и силосы на колесахъ будутъ принадлежать не дорогамъ, по которымъ хотя бы и постоянно будутъ ѣздить. Вотъ какъ далеко ушелъ этотъ вопросъ впередъ силою самихъ вещей—и слѣдовательно, въ казенной эксплуатаціи эту тенденцію придется довести до конца и позволить каждому ѣздить по казеннымъ рельсамъ въ собственныхъ экипажахъ. Тогда желѣзная дорога потеряетъ значительно въ своемъ монопольномъ характерѣ, особенно если сѣть будетъ частой и достаточно развитой, допускающей недалекіе объѣзды, нисколько неспособные отразиться на времени прибытія въ мѣсту при незначительномъ увеличеніи скорости и цѣны за переѣздъ. Точно также, выдѣливъ эксплуатацію вагоновъ въ особую операцію, тарифы казенные за самое передвиженіе по рельсамъ могутъ

быть общими и самыми дешевыми, что, разумѣется, есть выгоднѣйшее рѣшеніе вопроса, такъ при этомъ возможно себѣ представить, что къ желѣзнодорожному перемѣщенію будетъ примѣнена система почтовыхъ марокъ. Купилъ такихъ марокъ на десять тысячъ пассажиро-верстъ—и путешествуй себѣ съ Богомъ, гдѣ хочешь и когда хочешь и въ какомъ тебѣ угодно вагонѣ! Ни чинамъ дороги, ни чинамъ контроля до всего этого и дѣла нѣтъ. Конечно, при этомъ перчаточникѣ, не имѣющій возможности нагрузить перчатками цѣлый поѣздъ, будетъ свой грузъ оплачивать по-пудно, а перевозчики хлѣба, напротивъ, имѣя возможность посылать цѣлые поѣзда, получатъ самую большую скидку, какая только возможна для дороги, не какъ филантропки хлѣбныхъ торговцевъ за счетъ перчаточника, а какъ коммерческаго, промышленнаго предпріятія, обязаннаго имѣть свои барыши и давать свои доходы. Конечно, желѣзнодорожныя марки на всѣ дороги однѣ и тѣ же, ихъ можно продавать гдѣ угодно, хоть въ табачныхъ лавочкахъ, кому будетъ лѣнь или некогда сходить на станцію или въ казначейство. Ремонтъ пути простъ; ремонтъ и содержаніе локомотивовъ и машинъ также давно, до мельчайшихъ долей копѣйки, высчитаны и имѣютъ за себя незыблемую норму. Напротивъ, пестрый и неодинаковый ремонтъ вагоновъ не будетъ принадлежать казнѣ. Казна же только не дозволитъ принимать въ составъ поѣздовъ плохіе и сомнительной прочности вагоны, почему частныя компаніи вагоновъ будутъ крайне заинтересованы имѣть подвижной составъ не только самый удобный для публики, но и самый крѣпкій. Нечего и говорить, что, при такомъ идеально простомъ порядкѣ, частныя компаніи вагоновъ будутъ продавать билеты самаго разнообразнаго характера, въ цѣну которыхъ войдетъ плата казнѣ за рельсы и паровую силу. Послѣдняя же будетъ выплачиваться казнѣ за массу пасажировъ и товаровъ единовременно въ большихъ суммахъ, и въ такихъ мѣстахъ, которыя для того удобны казенному вѣдомству. Такъ какъ при этомъ уничтожается масса посредниковъ и деньги будутъ, поступая въ казначейство, проходить мало рукъ, то контроль и счетъ этихъ денегъ станетъ простымъ до степени, выше которой и желать нечего. И вотъ это-то послѣднее обстоятельство и есть главное препятствіе для скораго введенія подобной системы казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства, ибо чиновники, отъ которыхъ зависятъ всѣ реформы, страстно сочувствуя всякому усложненію дѣла, требующему увеличенія штатовъ какъ въ смыслѣ числа, такъ и въ смыслѣ содержанія чиновниковъ, съ недовѣріемъ и осторожностью, именуемыми благоразуміемъ, смотрятъ на всякое предло-

женіе, клонящееся къ уменьшенію ихъ числа и къ сокращенію ихъ содержанія. И потому идеальная форма казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства съ четырьмя тарифными единицами и четырьмя множителями возбудитъ опасеніе въ своей непрактичности и будетъ держаться въ „экспедиціи долгаго ящика", находящейся во всѣхъ инстанціяхъ, черезъ которыя такой проектъ пройдетъ для его всесторонняго разсмотрѣнія.

XI.

Заканчивая на этомъ мою статью, я долженъ еще разъ оговориться. Я не вѣрю, чтобы казна была и когда-либо даже могла сдѣлаться хорошей хозяйкой въ дѣлѣ коммерческомъ, и на казенное управленіе при старыхъ порядкахъ, съ контролерами или безъ оныхъ, все равно, смотрю съ опасеніемъ за казенное достояніе, которое въ худыхъ случаяхъ разворовывается, а въ лучшихъ—гибнетъ, благодаря невѣроятной потерѣ времени и безполезнѣйшей волокитѣ, къ которой склонны всѣ казенные люди вообще, а честные, трепещущіе даже признаковъ иниціативы и отвѣтственности—всего болѣе. Затѣмъ, я остаюсь лично убѣжденнымъ противникомъ всякаго усложненія желѣзнодорожнаго дѣла путемъ смѣшенія его съ разными иными торговопромышленными и кредитными дѣлами и ничего не вижу въ немъ болѣе, какъ усовершенствованнаго извозчика, обязаннаго въ кратчайшій срокъ, за дешевѣйшую цѣну, доставить къ рынкамъ наибольшую массу готовыхъ товаровъ, не разбирая, чьи они, ни какова ихъ относительная стоимость, и вообще не позволяя себѣ ни наблюденія, ни опеки надъ совершенно частными интересами каждаго отправителя въ частности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Такъ думаю я о желѣзныхъ дорогахъ. Но читатель можетъ поставить мнѣ въ вину то отрицательное направленіе къ людской честности и къ общей добросовѣстности, которое положено въ основу этой статьи, и по этому поводу я считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ въ личное мое оправданіе. Я вовсе не отрицаю людской честности и не только вѣрю въ существованіе безукоризненно честныхъ людей, какъ никто, но я убѣжденъ, что такихъ у насъ навѣрное болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому что у насъ же болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, существуетъ идеально-сантиментальный взглядъ на жизнь и на вещи. Я только утверждаю, что въ порядкѣ казенной службы въ томъ порядкѣ, который самъ по себѣ лучше всего гарантируетъ казну отъ воровъ

и мошенниковъ, личная честность чиновника—качество мало цѣнное и еще менѣе активное. Такой честный чиновникъ — счастливое исключеніе, и разсчитывать на него казна не должна. Это понятно тому, кто способенъ понять, что честность и талантъ, какъ качества личныя, вовсе не нуждаются въ законахъ, такъ какъ честный человѣкъ самъ себѣ самый строгій и безпощадный судья, какимъ коронные судьи никогда не бываютъ. Но земля держится на общемъ правилѣ и на общихъ законахъ, и потому на такую *настоящую* честность никто не только не можетъ, но и не долженъ разсчитывать. Разъ же дѣло поставлено формально, вопросъ о честности чиновника вполнѣ отпадаетъ. Остается, слѣдовательно, только *знаніе* и въ размѣрѣ такого знанія только *отвѣтственность* за свои дѣла по существу ихъ,—отвѣтственность, которая тѣмъ совершеннѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ дѣло, за которое приходится отвѣчать, проще и яснѣе для всѣхъ имѣющихъ судить о немъ не-спеціалистовъ. Вотъ почему казенное дѣло, при честныхъ или нечестныхъ чиновникахъ, обязательно должно быть просто и немногосложно по своему характеру. Далѣе, вопросъ о честности чиновника всегда съ великимъ для себя успѣхомъ выдвигаютъ на арену общественнаго вниманія люди хищные, родственники Павла Ивановича Чичикова, и онъ служитъ превосходной ширмой для всякихъ хищниковъ, уповающихъ на куриную слѣпоту тѣхъ наивныхъ душъ, которыя за названіемъ не видятъ сущности вещи. Эти-то послѣднія невинныя души представляютъ самое роковое бѣдствіе рода человѣческаго. Онѣ не умѣютъ понять, что дѣло не въ словѣ! Скажите такому человѣку: „инженеръ“—и онъ морщится, ибо инженеръ и воръ – синонимы въ его лексиконѣ; но того же самаго инженера назовите „контролеромъ“—онъ съ улыбкою блаженства на лицѣ откроетъ ему всѣ казенные сундуки въ полное его распоряженіе. На это-то обстоятельство я постоянно указывалъ въ теченіе моей публицистической дѣятельности. Я говорилъ, что если вы, узнавъ, что поваръ вашъ воруетъ, прикажете перевести на кухню кучера, то послѣдній, какъ умный человѣкъ, возьметъ себѣ непремѣнно повара же въ помощники, такъ какъ поварское искусство—не миѳъ и не предразсудокъ, а дѣйствительный сборникъ нѣсколькихъ фактическихъ и методическихъ знаній, безъ которыхъ немыслимо приготовить обѣдъ. Если кучеръ честный человѣкъ—онъ не пойдетъ на мѣсто повара по той же самой причинѣ. Если же онъ умный человѣкъ, то, взявъ себѣ въ помощники повара же, онъ будетъ только грабить хозяина не въ двѣ руки, а въ четыре. Вотъ и вся выгода. Точно также поваръ, отправленный на козлы, потребуетъ себѣ конюха, послѣ чего овес

и сѣно будетъ, кромѣ лошадей, идти еще не на одного кучера, но еще и на его фактотума-конюха. Слѣдовательно, въ подобномъ хозяйствѣ нѣтъ никакой пользы, а вреда и разврата всякаго рода—по уши. Вотъ противъ такого-то хозяйства, гдѣ повара ѣздятъ, а кучера стряпаютъ, я и вооружаюсь, говоря, что мѣнять профессіи только благодаря ходячимъ мнѣніямъ, будто въ поварахъ служатъ воры сугубые, а въ кучерахъ воры терпимые—глубокое заблужденіе. Надо искать и тамъ и тутъ *знающаго* честнаго человѣка; нѣтъ такого,—берите хоть вора, но непремѣнно знающаго; иначе рискуете вылетѣть изъ экипажа, управляемаго поваромъ, или отравиться обѣдомъ, приготовленнымъ кучеромъ. Если же вы меня спросите:—хорошо ли это?—то я, не обинуясь, скажу: печально и очень печально, что люди еще такъ мало культурны и не понимаютъ унизительнаго значенія всякаго лихоимства и воровства, дѣлающихъ ихъ рабами любого дерзкаго шантажиста и приводящихъ все общество къ трепету и лихорадкѣ отъ того, что даже для исключительныхъ случаевъ, когда такъ нуженъ честный человѣкъ, въ котораго можно было бы повѣрить,—такого не оказывается въ наличности. Но къ чему безплодныя сѣтованія? Что есть, то есть, и всякій человѣкъ, основывающій свои порядки на высокой вѣрѣ въ людскую честность вообще, ставитъ все свое дѣло въ опасное положеніе, удаляясь въ міръ фантастическихъ представленій, обусловленныхъ только красивою этикеткою на томъ же кисломъ винѣ. И вотъ, я возстаю противъ такихъ опасныхъ фантазій и такого благороднаго самообмана и говорю: честные люди есть, но они всегда люди мало бойкіе и лишенные иниціативы. Даже пословица и та говоритъ у насъ, что умный человѣкъ не можетъ быть не плутъ, и потому, разъ изъ этихъ крайностей нѣтъ выхода, то надо устроивать казенные порядки просто, безъ сложныхъ бухгалтерскихъ книгъ, гдѣ считаютъ десятимилліонныя доли копѣйки и не умѣютъ усчитать напрасно растрачиваемые милліоны. Затѣмъ, надо, хотя бы съ извѣстнымъ насиліемъ и хотя бы съ малою удачею вначалѣ, пріучать чиновника брать на себя единоличную отвѣтственность за обязательныя ему, по роду службы его и его спеціальной компетентности, распоряженія, такъ какъ не контроль, какъ бы его ни называли, а отвѣтственность контролера кладетъ предѣлы воровству безбрежному, неограниченному и перестаетъ создавать ему броню безнаказанности.

Въ тотъ же великій часъ, когда всѣ расходы государства пріобрѣтутъ очевидную для всѣхъ простоту и ясность по самой

организаціи своей, простой и ясной,—наступитъ и конецъ позору гражданскому и человѣческому, называемому казнокрадствомъ! До тѣхъ же поръ надо приносить пользу тѣми средствами и при помощи тѣхъ людей, какіе находятся на-лицо, такъ какъ эта польза все-таки выше и жизненнѣе величаваго ничего-недѣланія, въ ожиданіи новыхъ людей и новыхъ порядковъ, ниспаденія которыхъ можно ожидать только съ облаковъ...

В. Петерсенъ.

НОВАЯ КНИГА

о

БОЛГАРІИ

— Das Fürstenthum Bulgarien. Seine Bodengestaltung, Natur, Bevölkerung, wirthschaftliche Zustände, geistige Cultur, Staatsverfassung, Staatsverwaltung und neueste Geschichte. Von Dr. Constantin Jireček. Mit 42 Abbildungen und einer Karte. Prag, Wien, Leipzig, 1891.

— Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщение. Книга V. София, 1891.

Имя Константина Иречка, очень извѣстное у болгаръ и въ западномъ славянствѣ, нѣсколько извѣстно и въ нашей литературѣ. Въ 1876 году, когда начиналось усиленное броженіе на Балканскомъ полуостровѣ, окончившееся извѣстными событіями, онъ издалъ „Исторію Болгаръ“. Книга являлась очень кстати: страна, о которой шла рѣчь, тогда обратила на себя вниманіе Европы и славянскаго міра глухимъ политическимъ волненіемъ; надо было ожидать какого-нибудь разрѣшенія натянутыхъ отношеній или взрыва политической борьбы, а между тѣмъ эта страна была извѣстна очень мало не только по своему прошедшему, но и по настоящему. Въ самомъ дѣлѣ, свѣденія о Болгаріи были крайне скудны и притомъ не только въ большой публикѣ, то-есть обыкновенномъ образованномъ кругу, европейскомъ и русскомъ, но и въ кругу самихъ спеціалистовъ славяновѣденія. Въ эпоху славянскаго возрожденія (въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія), когда начали заявлять о себѣ даже самыя мелкія славянскія народности, у болгаръ это движеніе обна-

руживалось весьма отрывочно, неровно, не выставивъ ни одного такого имени, каково было, напримѣръ, имя Караджича у сербовъ или Коллара у чеховъ, не говоря о тѣхъ крупныхъ научныхъ силахъ, какія въ то время въ разныхъ концахъ славянства работали надъ исторической реставраціей своихъ племенъ и цѣлаго стараго славянства. Лишь позднѣе, къ 1850-мъ и 60-мъ годамъ движеніе становится замѣтнѣе: кромѣ публицистическихъ заявленій (въ литературѣ внѣ-болгарской) о правахъ болгарской народности, появляются этнографическіе сборники въ параллель съ тѣми, какими переполнена была литература другихъ славянскихъ племенъ, и гдѣ сказывалась оригинальная и живучая народность. Какъ извѣстно, на первыхъ шагахъ славянскаго возрожденія большое значеніе получали именно этнографія, которая должна была свидѣтельствовать о современной народности, и археологія или старая исторія, которыя говорили о нѣкогда бывшей независимости и славныхъ историческихъ дѣяніяхъ того или другого племени. Болгарская этнографія, какъ мы сказали, долго была очень мало извѣстна; зато исторія, и именно древняя, заняла очень важное мѣсто въ разысканіяхъ о древнѣйшихъ судьбахъ славянской православной церкви, перваго просвѣщенія и письменности у болгаръ, сербовъ и русскихъ,—но въ этихъ разысканіяхъ всего меньше или совсѣмъ не участвовали болгарскія силы.

Первый „расцвѣтъ“ славянской литературы совершался именно въ Болгаріи; здѣсь, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Византіей, явились первые славянскіе писатели, образовалась та литература, которая стала потомъ общей церковной литературой всего православнаго славянства. Здѣсь, если не былъ сдѣланъ самый переводъ священнаго писанія, то былъ тотъ очагъ, откуда славянская библія и богослужебныя книги переходили въ древнюю Русь, сопровождаемыя обильнымъ запасомъ твореній святыхъ отцовъ, житій святыхъ и иныхъ памятниковъ церковной литературы въ старославянскомъ переводѣ, а наконецъ и собственныхъ твореній болгарскихъ писателей: все это становилось достояніемъ письменности православнаго славянства и послужило началомъ самой русской литературы. Присоединялись и иныя историческія отношенія, которыя сближали Болгарію съ древнею русскою жизнью,—отношенія, вполнѣ еще и донынѣ не выясненныя. До самаго паденія болгарскаго царства не прекращалась эта церковная и образовательная связь, которая, впрочемъ, продолжалась и впослѣдствіи въ обратномъ направленіи: покоренная турками Болгарія поддерживала свое церковное преданіе, заимствуя изъ Россіи тѣ церковныя книги, какими нѣкогда надѣлила ее въ первые вѣка рус-

скаго православія. Эти древнія отношенія болгарской исторіи и письменности играли такую важную роль въ первые вѣка славянскаго просвѣщенія и въ частности русской древней письменности, наконецъ въ исторіи старо-славянскаго языка, что онѣ привлекли въ особенности вниманіе ученыхъ, которые въ западномъ славянствѣ предпринимали упомянутую историческую реставрацію (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ, Миклошичъ) и ученыхъ русскихъ, которые старались выяснить первые вѣка русской исторіи и письменности (Карамзинъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Срезневскій, Григоровичъ и т. д.). Но если, какъ мы замѣтили, самимъ нынѣшнимъ болгарамъ оставались тогда почти совершенно неизвѣстны изслѣдованія объ ихъ собственной старинѣ, о временахъ ихъ славы и свободы, то и у насъ на этомъ древнѣйшемъ періодѣ большею частью и оканчивались ученыя разысканія о судьбахъ Болгаріи. Вопросъ оставался на археологической почвѣ: съ одной стороны, этотъ древній періодъ представлялъ величайшій интересъ, какъ начало широкаго историческаго явленія; его подробности и соотношенія давались только послѣ усиленныхъ разысканій, которыя бывали рядомъ интересныхъ открытій, гдѣ соревновали и русскіе и западно-славянскіе ученые,—а съ другой стороны, дальнѣйшія эпохи болгарской исторіи были вѣками рабства, безплоднаго въ историческомъ отношеніи, и притомъ вѣками, очень трудными для изученія, для котораго недоставало даже источниковъ. Времена, наступившія послѣ паденія болгарскаго царства и особливо послѣ паденія Константинополя, представлялись мрачной, глухой, безплодной и исторически мало интересной эпохой: не только въ началѣ столѣтія, но даже еще въ сороковыхъ годахъ такъ мало ожидалось болгарское возрожденіе, что почти не задавали себѣ вопроса о судьбѣ народа въ эти темные средніе вѣка его исторіи, когда онъ влачилъ свое существованіе, не подавая признаковъ народной жизни. Самъ знаменитый Шафарикъ, составляя первую „Славянскую этнографію“, могъ привести о болгарахъ только крайне смутныя и невѣрныя свѣденія. Самая Болгарія была почти недоступна: путешественники не рисковали отправляться въ страну, гдѣ турецкіе порядки не обѣщали даже личной безопасности. Наши первые ученые путешественники въ славянскія земли не заглядывали въ Болгарію, и въ сороковыхъ годахъ путешествіе Григоровича въ европейской Турціи было сочтено и въ самомъ дѣлѣ было настоящимъ подвигомъ. И самый примѣръ Григоровича долго не находилъ продолжателей; только Гильфердингъ, уже знакомый съ турецкими нравами по Босніи и Герцеговинѣ, проникнулъ потомъ и въ Бол-

гарію. Чрезвычайно любопытно и характерно, что въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ первый интересъ къ *современному* болгарству поднялъ археологическій романтизмъ человѣка, совсѣмъ чуждаго Болгаріи — Венелина, который въ ту пору явился для болгаръ точно первымъ болгарскимъ патріотомъ.

Интересъ къ современному болгарскому народу былъ поднятъ наконецъ самою жизнью, въ особенности съ двухъ сторонъ. Послѣ первыхъ возбужденій Венелина въ тридцатыхъ годахъ, и особливо съ 50-хъ и 60-хъ годовъ, когда возникъ греко-болгарскій церковный споръ, въ средѣ самаго болгарскаго народа подъ вліяніемъ распространявшагося, хотя болѣе или менѣе случайнаго образованія, стала возникать надежда на возрожденіе и свободу: довольно много представителей молодого поколѣнія направилось въ европейскія и русскія высшія школы, и здѣсь атмосфера другой жизни укрѣпила въ нихъ стремленіе къ нравственному пробужденію своего народа, которое должно было повести его къ свободѣ. Не мало болгаръ училось въ русскихъ университетахъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, и въ русской жизни на нихъ возбуждающимъ образомъ дѣйствовали, съ одной стороны, сочувствія къ славянству въ извѣстной долѣ общества, съ другой — то общественное оживленіе, какимъ исполнено было тогда само русское общество, ожидавшее подъ вліяніемъ тогдашнихъ реформъ новой эры для всей русской національной жизни: едва ли сомнительно, что это вліяніе испытали тогда и жившіе въ Россіи болгары. Въ такомъ кругу университетской молодежи жилъ, напримѣръ, извѣстный Любенъ Каравеловъ, братья Миладиновы и пр. Готовясь работать для своей родины, эта молодая Болгарія принимала участіе и въ русской литературѣ — этнографическими трудами, разсказами о болгарской народной жизни, въ которыхъ рядомъ съ обычнымъ изображеніемъ простыхъ добродѣтелей народа указывалось и варварское угнетеніе: нравоученіе было ясное. Дома, въ Болгаріи тѣмъ временемъ все больше разгорался первый жизненный, хотя не явно политическій, вопросъ — церковный споръ съ греками: турецкое правительство стояло какъ бы въ сторонѣ, не мѣшаясь въ вѣроисповѣдную борьбу двухъ подданныхъ народовъ, но, безъ сомнѣнія, церковный греко-болгарскій споръ былъ для болгаръ первымъ опытомъ политическаго самосознанія и первой открытой борьбы за свое народное право.

Во-вторыхъ, интересъ къ современному болгарскому народу былъ дѣломъ новѣйшихъ иностранныхъ путешественниковъ. Обыкновенно, эти путешественники бывали смѣлѣе русскихъ: они всегда гораздо больше русскихъ были увѣрены въ защитѣ отъ своего по

славника или консула, такъ что, напримѣръ, одно извѣстное путешествіе въ Болгарію было предпринято даже двумя англійскими дамами.

Въ концѣ концовъ Болгарія была извѣстна однако мало и отрывочно: ученые спеціалисты интересовались особливо древнѣйшимъ періодомъ, по его значенію для объясненія начатковъ русско-славянскаго православнаго просвѣщенія и письменности; средній періодъ представлялся мрачнымъ и безжизненнымъ періодомъ рабства, и какой-нибудь болгарскій памятникъ этой эпохи представлялся величайшей рѣдкостью; о современной Болгаріи знали только случайные разсказы иностранныхъ путешественниковъ и немногія заявленія молодого поколѣнія болгарскихъ патріотовъ. Эти патріоты, если хотѣли дѣйствовать для блага родины, которое могло представляться въ освобожденіи отъ турецкаго ига прежде всего,—по-неволѣ становились эмигрантами: появляясь дома, они прямо рисковали гибелью, какъ показала судьба Миладиновыхъ, или на мѣстѣ національный патріотизмъ получалъ форму гайдучества, то-есть разбойничества, или прорывался рѣдкими и, конечно, неудачными вспышками возстанія. Но что дѣлалось въ глубинѣ самой Болгаріи—было извѣстно мало; патріотизмъ эмигрантовъ казался экзальтаціей или исключеніемъ.

Когда въ половинѣ 70-хъ годовъ все больше развивалось то политическое броженіе, послѣднимъ результатомъ котораго была русско-турецкая война, и когда такъ смутны были понятія объ историческихъ судьбахъ Болгаріи, вышла въ свѣтъ первая книга Константина Иречка, отвѣчавшая именно на этотъ вопросъ, неясный не только въ популярныхъ понятіяхъ, но и въ самой наукѣ —первая исторія болгарскаго народа [1]). Сочиненіе, которое было первымъ трудомъ молодого чешскаго ученаго, естественно обратило на себя вниманіе, и у насъ явились одновременно два перевода книги, доставлявшей свѣденія по вопросу, который становился все болѣе и болѣе жгучимъ. Изъ двухъ переводовъ лучшимъ былъ тотъ, который сдѣланъ былъ въ Одессѣ профессоромъ новороссійскаго университета, тогда уже престарѣлымъ и заслуженнымъ ученымъ, Ф. К. Бруномъ и магистрантомъ того же университета В. Н. Палаузовымъ [2]). Въ предисловіи къ этому рус-

[1]) Geschichte der Bulgaren, Prag, 1876. Въ то же время книга вышла и на чешскомъ языкѣ.

[2]) Исторія болгаръ. Сочиненіе профессора пражскаго университета д-ра Конст. Іос. Иречка. Переводъ и пр. Изданіе душеприказчиковъ болгарина В. Е. Априлова, исправленное и дополненное прибавленіями самого автора и снабженное историческою картою. Одесса, 1878. 8°. X и 785 стр.

скому переводу было указано, что русская литература, представлявшая нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по болгарской исторіи и именно только по нѣкоторымъ частнымъ ея вопросамъ, не имѣла однако ни одного сочиненія, которое доставляло бы цѣльную исторію болгарскаго народа; между тѣмъ жившій нѣкогда въ Одессѣ болгарскій патріотъ Априловъ завѣщалъ нѣкоторую сумму денегъ на изданіе подобнаго цѣльнаго историческаго сочиненія и душеприказчики обратили теперь эту сумму на изданіе перевода сочиненія Иречка. Это было, конечно, весьма разумно: въ собственной нашей литературѣ и до сихъ поръ нѣтъ книги, которая могла бы быть поставлена въ уровень съ сочиненіями Иречка, и такимъ образомъ пришлось бы долго ждать возможности исполненія завѣщанія Априлова; между тѣмъ въ ту минуту книга Иречка „болгарами встрѣчена съ энтузіазмомъ, какъ первый опытъ цѣльнаго изложенія всей исторіи болгаръ, какъ во время, когда они составляли самостоятельное царство, такъ и подъ ихъ тяжкимъ пятивѣковымъ игомъ, къ счастью, теперь сверженнымъ Россіею“ [1]).

Переводъ Бруна и Палаузова не остался впрочемъ простымъ повтореніемъ перваго нѣмецкаго или чешскаго изданія: пока исполнялся переводъ, явилась возможность дополнить и исправить прежнее изложеніе при содѣйствіи самого автора. „Неутомимый ученый авторъ Исторіи въ этотъ промежутокъ успѣлъ сдѣлать много изслѣдованій, значительно измѣнившихъ не только мелкія подробности, но даже и цѣлыя главы его труда. Лѣтомъ 1877 г. онъ издалъ новое географическо-историческое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe“ (Дорога изъ Бѣлграда въ Константинополь и балканскіе проходы). Въ это же время вышелъ въ свѣтъ второй томъ Каницевой „Donau-Bulgarien und der Balkan“. Наконецъ, около того же времени были изданы и монографіи другого извѣстнаго болгарскаго историка, М. Дринова. Всѣ эти труды, какъ автора „Исторіи Болгаръ“, такъ и другихъ ученыхъ, сдѣлали необходимымъ измѣнить многія главы книги, не говоря уже о деталяхъ. Г. Иречекъ былъ такъ снисходителенъ, что сдѣлалъ соотвѣтствующія дополненія и перемѣны въ настоя-

[1]) Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ мы читаемъ: „Одесскіе болгары, въ благодарность автору за его исторію болгаръ, послали ему, чрезъ ректора пражскаго университета, гдѣ г. Иречекъ состоитъ профессоромъ, адресъ. На этотъ адресъ, написанный на болгарскомъ языкѣ, г. Иречекъ отвѣчалъ по-болгарски же письмомъ къ одесскимъ болгарамъ. Русскій переводъ адреса и отвѣта г. Иречка см. въ „Од. Вѣсти.“ 24-го ноября, 1877, и № 1, 1878 г.“

щемъ русскомъ переводѣ, въ особенности въ главахъ, касающихся Исторіи Болгаръ въ X, XII, XIII и XVII столѣтіяхъ. Наконецъ и переводчики своими замѣтками, сообщенными автору, содѣйствовали тому, что настоящій русскій переводъ имѣетъ характеръ новаго изданія сочиненія. Кромѣ того, г. Иречекъ, по желанію душеприказчиковъ приложить къ книгѣ историческую карту, любезно предложилъ для этого имъ самимъ составленную, гравированіе которой въ Вѣнѣ производилось подъ его наблюденіемъ".

Эта книга молодого профессора пражскаго университета была замѣчательнымъ явленіемъ при томъ положеніи вопроса, о которомъ мы говорили. Впослѣдствіи Иречекъ продолжалъ и расширялъ свои изысканія, и обстоятельства складывались такъ, что могли только благопріятствовать этому. Уже вскорѣ послѣ того, какъ освобожденная Болгарія образовалась въ свободное княжество, онъ былъ приглашенъ въ Болгарію на службу въ первомъ болгарскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія,—одно время онъ стоялъ во главѣ этого министерства,—и пребываніе въ Болгаріи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дало ему возможность расширить какъ свои историческія изученія, такъ и знакомство съ болгарскимъ народомъ, съ характеромъ его интеллигенціи, учрежденіями, экономическимъ бытомъ и т. д.

Чешскій ученый въ первый разъ вступилъ на болгарскую почву въ 1874 году; теперь, живши въ Болгаріи и непосредственно знакомясь съ ея жизнью, онъ сдѣлалъ также нѣсколько путешествій по странѣ и результатомъ всего этого былъ новый замѣчательный трудъ: „Поѣздки по Болгаріи" [1]), къ сожалѣнію не переведенный на русскій языкъ. Это—большая книга, расположенная въ порядкѣ поѣздокъ, гдѣ описаніе пути обогащено множествомъ замѣтокъ и разысканій по археологіи, исторіи и современному быту болгарскаго народа. Книга распадается на четыре отдѣла. Первый: „По обѣимъ сторонамъ Балканъ", заключаетъ родъ введенія съ описаніемъ главныхъ городовъ Болгаріи—Софіи, Пловдива (Филиппополя) и Тѣрнова и соединяющихъ ихъ дорогъ. Второй и третій отдѣлъ даютъ описаніе двухмѣсячнаго путешествія лѣтомъ 1883 г., по горнымъ краямъ южной и западной Болгаріи, по Средней горѣ, въ Родопѣ, въ горахъ Тернскихъ, Осоговскихъ и Рыльскихъ. Четвертый отдѣлъ описываетъ также двухмѣсячную поѣздку 1884 года по черноморскому краю, отъ румелійско-турецкой границы противъ Адріанополя, до Добруджи. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что онъ предпочелъ дать разсказъ о путешествіи,

[1]) Cesty po Bulharsku. Прага, 1888. 8°. XVI и 710 стр. плотной печати.

я не полное описаніе Болгаріи, потому что послѣднее заставило бы его пользоваться не только лично собранными, но и чужими готовыми свѣденіями разной цѣнности и не равной полноты, обобщать то, что съ точностью извѣстно только относительно извѣстныхъ пунктовъ; онъ предполагалъ также, что подобное изложеніе рисковало бы быть сухимъ, давало бы быстро старѣющую статистику и оставляло бы неизбѣжные пробѣлы. Дѣйствительно форма путешествія даетъ писателю гораздо больше возможности нарисовать живую картину въ результатахъ непосредственныхъ впечатлѣній и наблюденій: книга получаетъ разнообразіе самой дѣйствительности.

Въ основѣ сочиненія лежали подробные дневники, писанные на мѣстѣ, часто во время самой дороги; но эти замѣтки послужили рамкой для множества свѣденій историческихъ и топографическихъ, наконецъ данныхъ бытовыхъ и вообще описательныхъ, которыя собраны были авторомъ изъ его обширнаго чтенія или, относительно современной жизни, отъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей. Въ цѣломъ читатель, желающій познакомиться съ Болгаріей, найдетъ здѣсь множество разнообразныхъ свѣденій и указаній. Любознательность путешественника простирается на всякія особенности природы, пейзажа, мѣстныхъ историческихъ воспоминаній, современнаго народнаго быта, сельскаго хозяйства, промысловъ и т. д. Рядомъ съ живыми впечатлѣніями авторъ припоминаетъ обширную литературу, начиная съ писателей классическихъ и византійцевъ до новѣйшихъ путешественниковъ, историковъ, филологовъ и т. д. „Вслѣдствіе многолѣтнихъ сношеній съ народами Балканскаго полуострова (будетъ тому ровно 14 лѣтъ, какъ я въ первый разъ вступилъ на его почву),—говоритъ авторъ,—многія вещи, которыя бросаются въ глаза тому, кто въ первый разъ туда приходитъ, давно стали для меня привычными; зато долгимъ пребываніемъ въ странѣ усиливается вниманіе къ подробностямъ, которыхъ новый посѣтитель на первый взглядъ не замѣтитъ". Таковы дѣйствительно многія подробности путешествія Иречка. „Теперь,—говоритъ онъ дальше,—въ переходное время, самая пора къ изученію болгарскаго народа. Его изолированность въ долгое турецкое владычество удерживала его въ особенной старобытности, что теперь подъ свободнымъ вліяніемъ новѣйшей міровой жизни будетъ быстро измѣняться... Теперь уже видно, какъ та огромная перемѣна, которая постигла болгарскій народъ съ его освобожденіемъ, начинаетъ стирать устныя, многовѣковыя преданія и старинные обычаи. Нарѣчія начинаютъ исчезать, старыя прекрасныя народныя пѣсни смѣняются новыми безцвѣт-

ными. Народные обычаи измѣняются, старыя воспоминанія забываются подъ вліяніемъ многочисленныхъ новыхъ впечатлѣній, и съ облегченіемъ сообщеній исчезаютъ особенности, которыя отличали прежде разныя уединенныя горскія мѣстности. Еще одно поколѣніе, и изъ прежней традиціонной болгарщины во многихъ мѣстахъ окажутся только слабые остатки. Поэтому пора собирать то, что еще сохранилось, пока слѣды его не исчезли".

Самъ авторъ много поработалъ надъ сохраненіемъ воспоминаній объ этой старинѣ, въ различныхъ ея формахъ. Путешествуя по Болгаріи, онъ старается отмѣтить всякія особенности быта, внутренняго и внѣшняго, и собираетъ обширный матеріалъ и для описанія природы, для изученія исторіи, а также и для этнографіи. Для будущихъ изслѣдователей книга его, безъ сомнѣнія, останется важнымъ источникомъ свѣденій о Болгаріи конца XIX-го столѣтія.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности знакомить читателя съ подробностями обширной книги Иречка и остановимся лишь на нѣсколькихъ эпизодахъ. Укажемъ, напримѣръ, нѣкоторыя черты изъ его характеристики болгарскаго „общества", о которомъ говоритъ онъ при описаніи Софіи.

„Прежде всего слѣдуетъ приномнить,—говоритъ Иречекъ,—что Болгарія есть государство земледѣльческое, сельское, безъ дворянства, что въ ней нѣтъ ни богачей, ни бѣдняковъ—по понятіямъ, привычнымъ въ другихъ мѣстахъ. Едва замѣтны слабые зачатки купеческой плутократіи. Люди болѣе или менѣе равны между собою. И въ образованныхъ кругахъ всего чаще говорятъ на „ты". Можно однако видѣть и остатки старыхъ нравовъ, напоминающихъ обороты средневѣковыхъ славянскихъ грамотъ, напримѣръ простыя, но вѣжливыя формулы въ дубровницкой перепискѣ XIV и XV столѣтій. Къ этимъ остаткамъ принадлежитъ напримѣръ „ваша милость". Слово „господинъ" (греч. despotes) до недавняго времени говорилось только въ обращеніи къ епископу; поэтому оно бываетъ именемъ почетнымъ, и въ женской формѣ „господина", какъ греческая Despina. Городскіе и сельскіе приматы за поколѣніе назадъ назывались „киръ" (kyrios), госпожа—„кира" (kyra), дѣвушка—„кираца" (kyratsa), и я слышалъ отъ старыхъ софійцевъ это слово точно какую-нибудь живую древность. Теперь въ городахъ все: „господинъ", „госпожа", госпожица".

„Болгарское общество столицы составляютъ прежде всего многочисленные чиновники правительства (въ 1881 г. статистика насчитала въ Софіи 251 чиновника и 80 писцовъ болгарской народности), потомъ офицеры, учителя, купцы и различные пред-

приниматели. Нѣтъ угла, населеннаго болгарами, который бы не имѣлъ между ними своихъ представителей, отъ болгарскихъ поселеній въ Бессарабіи до горныхъ захолустьевъ Родопы и западной Македоніи. Южные края, оракійскіе и македонскіе, представлены между ними также—какъ край подунайскій. Старые софійцы между множествомъ новыхъ пришельцевъ совершенно теряются на заднемъ планѣ. Между самыми пришельцами есть большая разница по мѣсту, гдѣ они жили до освобожденія Болгаріи, и по образованію. Тутъ есть питомцы школъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, австрійскихъ (главнымъ образомъ хорватскихъ и чешскихъ), американской гимназіи Robert Colledge въ Константинополѣ и французскаго Lycée de Galata, и подлѣ нихъ люди только изъ школъ болгарскихъ до войны, различные самоучки и т. д. Старшіе изъ нихъ передъ освобожденіемъ отечества большею частью были учителями или купцами; есть между ними также патріоты, которые бывали сильно преслѣдованы турками и ссылаемы въ Діарбекиръ, въ Акру или въ Триполисъ, или которые проводили жизнь въ изгнаніи за границей. Многіе переселились изъ Константинополя; послѣ русско-турецкой войны тамошняя многочисленная болгарская колонія вообще почти совершенно разсѣялась. Между младшими постоянно размножается число молодыхъ людей, которые теперь окончили свои спеціальныя занятія въ различнѣйшихъ странахъ за границей. Вообще преобладаетъ элементъ молодой; изъ чиновничества 1881 года болѣе половины было менѣе 30 лѣтъ. Между ними группы образуются по политическимъ партіямъ и фракціямъ, но также по происхожденію изъ однихъ городовъ или краевъ; терновцы, пловдивцы, бессарабцы сходятся чаще между собою, чѣмъ другіе.

„Внѣшній видъ болгаръ весьма разнообразенъ. Единаго болгарскаго типа нѣтъ. Ростомъ они бываютъ больше малы, чѣмъ велики; балканскіе горцы вообще люди мелкаго роста, поджарые, быстроногіе, между тѣмъ какъ люди высокаго, стройнаго тѣлосложенія преобладаютъ у Дуная и Софійскаго края. Волосы всего больше темные. Подлѣ черныхъ волосъ всего чаще видятся темнорусые съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; изрѣдка найдется блондинъ съ свѣтлыми волосами, какъ на сѣверѣ. Лица — самаго разнообразнаго характера. Подлѣ типа славянскаго увидишь совершенно романскія головы или греческій орлиный носъ, иногда и большіе носы кавказскіе или армянскіе; иногда увидишь широкія лица съ не большимъ носомъ и выдавшимися личными костями, очевидно происхожденія старо-турецкаго, печенѣжскаго или куманскаго, и иной мой пріятель изъ тѣрновскаго Под-балканья—съ розовым

лицомъ, густыми бровями надъ черными глазами и съ длинными падающими внизъ усами — бываетъ совсѣмъ похожъ на татарина или калмыка. Встрѣчаются здѣсь и лица цыганскаго характера. Въ турецкія времена носили только усы, теперь начинаютъ носить длинныя бороды. Между женщинами увидишь много лицъ интеллигентныхъ, но мало красивыхъ, несравненно меньше, чѣмъ между остальными народами Балканскаго полуострова. Что касается до тѣлосложенія, болгаринъ отличается здоровымъ мускулистымъ тѣломъ и способенъ къ невѣроятному напряженію силъ. Но только сельскій или полу-сельскій человѣкъ бываетъ крѣпкій; городскіе, интеллигентные слои вообще изнѣжены вслѣдствіе неправильнаго воспитанія; поэтому въ Софіи не принимаются гимнастическія общества и тамъ, по крайней мѣрѣ теперь, едва ли бы могъ процвѣтать какой-нибудь альпійскій клубъ для посѣщенія окольныхъ прекрасныхъ горъ.

„Что касается душевнаго характера болгаръ, въ городѣ или въ деревнѣ, повидимому, онъ бываетъ спокойный и совершенно флегматическій, но вблизи увидишь, что за этимъ спокойствіемъ часто кроется раздражительный холерическій темпераментъ. Бросается въ глаза великая трезвость духа, очень далекая отъ поэтическаго настроенія другихъ балканскихъ народовъ. Трудовая сила и выдержка болгаръ замѣчательны. Въ особенно возбужденныя эпохи, при выборахъ, въ революціяхъ, въ битвахъ, имъ овладѣваетъ энтузіазмъ, даже фанатизмъ, который вооружаетъ его великой энергіей. При этомъ онъ упрямъ и завистливъ; отвратительная зависть бываетъ важнымъ дѣятелемъ во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ. Въ своемъ быту онъ остерегается всякихъ лишнихъ тратъ и живетъ весьма скромно. Большая зеленая паприка, черный мягкій хлѣбъ и вода въ жбанѣ составляютъ обѣдъ болгарскаго крестьянина въ полѣ или чумака на большой дорогѣ, и этотъ обѣдъ прикрашивается еще развѣ сыромъ или солониной. Человѣкъ городской живетъ немногимъ лучше [1]). Эта умѣренность вмѣстѣ съ трудолюбіемъ, иногда однако холерически прорывающаяся, сближаетъ болгарина съ итальянцемъ и грекомъ. Русскій человѣкъ съ легкимъ сердцемъ растратитъ все, что добудетъ; болгаринъ всегда по-купечески разсчитываетъ и всегда соображаетъ, сколько бы могъ сберечь. Въ Софіи многіе чиновники за немногіе годы умѣли накопить денегъ для покупки или постройки скромнаго собственнаго домика. Роскоши у нихъ нѣтъ; въ интеллигентныхъ кругахъ носятъ

[1]) Авторъ замѣчаетъ, что бо́льшая часть названій кушаньевъ—турецкія.

платье изъ грубой болгарской шерсти, изъ желтаго или темнаго, а лѣтомъ изъ бѣлоснѣжнаго „шаяка“ и покрываютъ голову чернымъ косматымъ „колпакомъ“. Въ городахъ роскошь стала распространяться отъ покупки европейской мебели, которая нашла много любителей, какъ вещь новая и красивая, а потомъ въ женскихъ костюмахъ, подъ вліяніемъ многочисленныхъ баловъ и общественныхъ увеселеній; но это касалось только болѣе зажиточной части этого общества и возбудило оппозицію противоположнаго характера. Вошла въ моду народная одежда, грубыя издѣлія домашняго промысла, даже старый кремень съ огнивомъ.

„Сначала Софія была самымъ дорогимъ городомъ во всей Европѣ. Впослѣдствіи цѣны упали и жилось сравнительно дешево, кромѣ расходовъ на квартиры, прислугу и дрова.

„Въ общественной жизни Софіи въ первые годы по основаніи княжества первое мѣсто занимали придворные балы, на которые приглашалось до 400 человѣкъ. Тамъ собиралась дипломатія, русскіе изъ военнаго управленія и всѣ видные болгары съ семействами. Множество блестящихъ мундировъ, народной одежды, простыхъ фраковъ и дамскихъ костюмовъ по новѣйшей модѣ равнялось блеску самыхъ красивыхъ торжествъ въ болѣе передовомъ свѣтѣ. Князь Александръ I при такихъ народныхъ случаяхъ выказывалъ всю свою симпатичную привѣтливость. Политики разныхъ партій мирно бесѣдовали между собою особливо у буфета, который для всѣхъ имѣлъ одинаковую привлекательность. Представители дипломатіи давали много баловъ, оживленныя вечернія собранія, блестящіе обѣды и устроивали увеселенія на каткѣ, лѣтніе пикники въ окрестностяхъ и осеннія охоты. Не было недостатка въ парадахъ и маневрахъ, въ празднованіи памятныхъ дней освобожденія Болгаріи или въ освященіи новыхъ строеній, съ банкетами. Постояннаго театра въ Софіи нѣтъ, но иногда даются пьесы любителями съ благотворительною цѣлью. Всего больше выдавались удачныя представленія русскихъ комедій, исполнявшихся въ военномъ клубѣ русскими офицерами съ ихъ дамами. Первое болгарское представленіе въ Софіи исполнено было въ началѣ 1880 года въ одной гостинницѣ, и это были именно „Разбойники“ Шиллера. Потомъ зимою 1881-1882 въ зданіи народнаго собранія передъ многолюдной публикой игралось нѣсколько драмъ болгарскихъ,—по исполненію, а иногда и по содержанію довольно первобытныхъ. Но эти представленія принесли зданію сейма только погибель: однажды, когда публика разошлась, зданіе вдругъ вспыхнуло и черезъ часъ обратилось въ пепелъ.

„Болгаринъ очень способенъ къ общественной жизни, потому что отъ природы говорливъ и имѣетъ даръ разсказа, однако его первобытная суровость обнаруживается иногда нѣкоторымъ упрямствомъ и угловатостью. Между собой они охотно сходятся по вечерамъ для увеселеній, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ живые пріятельскіе разговоры. При этомъ выкуривается множество сигаретъ; какъ напитокъ, господствуетъ чай съ русскимъ самоваромъ. Дамы не устраняются отъ этихъ разговоровъ, потому что турецкое запираніе женщинъ отъ мужского общества нисколько не пристало къ болгарамъ. Только въ городахъ, гдѣ болгары были въ незначительномъ меньшинствѣ, женщины старшаго поколѣнія въ присутствіи мужчинъ едва показываются и не вступаютъ въ разговоръ. Болгары часто посѣщаютъ другъ друга, особливо по семейнымъ праздникамъ и въ теченіе святочной и пасхальной недѣль, когда нѣсколько дней весь городъ съ утра до вечера ходитъ изъ дома въ домъ. Нѣтъ надобности говорить, что вся Софія знаетъ всѣхъ лично. За извѣстное мнѣ время между этой интеллигенціей господствовала большая колегіальность; вообще люди здѣсь гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ въ нашихъ большихъ многолюдныхъ городахъ, полныхъ условности и этикета.

„Основаніе обществъ и кружковъ удается здѣсь плохо вслѣдствіе политическихъ разногласій и соединенной съ ними личной непріязни. Общества, основанныя до сихъ поръ, едва влачатъ свое существованіе. Трактирной жизни какъ въ земляхъ, гдѣ пьется пиво, въ Болгаріи нѣтъ. Зато кофейни бываютъ довольно оживлены. Главныя сходки дѣлаются по домамъ. Въ квартирахъ предводителей политическихъ партій васъ поражаетъ большая комната, гдѣ единственную мебель составляетъ множество стульевъ; здѣсь каждый вечеръ собираются ихъ приверженцы и до глубокой ночи разсуждаютъ за чаемъ и сигаретками. Ожесточенные раздоры партій, страстная личная травля, неустановленность всѣхъ отношеній и быстро слѣдовавшія одна за другой перемѣны власти ведутъ къ крайнему интриганству и безчисленнымъ политическимъ и домашнимъ сплетнямъ, часто весьма циническимъ, о вещахъ иногда до смѣшного пустыхъ, которыя быстро возникаютъ и быстро исчезаютъ, но держатъ все общество въ напряженіи. Недостатокъ нравственнаго дѣла, закоренѣлыя дурныя привычки цареградскія и подунайскія и сборище множества молодыхъ неженатыхъ людей приносятъ съ собой и всякое зло. Одни проводятъ свои свободные вечера за картами, причемъ, по румынскому и русскому образцу, цѣлыя ночи съ азартомъ играютъ

на деньги, другихъ привлекаютъ къ себѣ шумно оживленные пріюты грацій, которые наполняютъ одинъ отдаленный кварталъ.

„Вообще Софія не есть городъ пріятный. Кто хочетъ сохранить нравственную бодрость въ этихъ полудикихъ превратныхъ отношеніяхъ, тотъ долженъ быть занятъ постоянной работой и чаще удаляться изъ города въ страну; иначе и онъ почувствуетъ на себѣ губительное вліяніе ядовитой атмосферы этого вѣчно безпокойнаго гнѣзда.

„Болгарская столица должна бы быть очагомъ просвѣщенія и литературныхъ стремленій для цѣлой Болгаріи. Но къ этому едва положено начало. Здѣсь находятся четыре типографіи,—изъ нихъ одна государственная, которая можетъ равняться съ любымъ иностраннымъ заведеніемъ. И однако, кромѣ оффиціальныхъ изданій и школьныхъ учебниковъ, въ Софіи печатается мало книгъ и сама книжная торговля находится также въ зачаткѣ; центръ болгарскаго издательства остался въ Пловдивѣ. Недостатокъ хорошихъ популярныхъ книгъ довольно чувствителенъ, хотя такія сочиненія имѣютъ большой сбытъ и простой народъ охотно читаетъ или даетъ читать себѣ дѣтямъ. Политическихъ газетъ выходитъ иногда очень много, но всѣ онѣ весьма эфемернаго свойства. Кромѣ „Державнаго Вѣстника“, заключающаго только оффиціальные документы, телеграммы и объявленія безъ иного текста, ни одно софійское изданіе не восходитъ до 1879 года; болгарскія газеты въ Пловдивѣ, а въ прежнее время въ Константинополѣ удерживались сравнительно дольше [1]).

„Школъ въ Софіи много: военная школа, классическая гимназія (до 600 учениковъ), государственная высшая женская школа, ремесленное училище въ близкомъ Княжевѣ и т. д. Молодой болгаринъ очень понятливъ и учится охотно.

„Наука считается здѣсь у многихъ еще за роскошь. Правда, литературный трудъ цѣнится и пользуется извѣстнымъ уваженіемъ, но въ жизнь проникаетъ мало. Многіе образованные люди по выходѣ изъ школы читаютъ очень мало; кромѣ практическихъ руководствъ они едва берутъ въ руки книгу и потому быстро теряютъ свѣденія объ успѣхахъ науки. Поэтому въ ни-

[1]) Авторъ прибавляетъ, что въ іюнѣ 1885 года выходило въ Софіи 10 періодическихъ изданій (и съ неполитическими; между ними 1 турецкое), въ Пловдивѣ 18 (между ними 1 турецкое, 1 греческое, 1 французское), въ Рущукѣ 4, въ Слистрѣ 2, въ Старомъ Загорьѣ 2, въ Бургасѣ 1, въ Варнѣ 1; кромѣ того выходитъ 1 болгарское изданіе въ Константинополѣ („Зорница“ американскихъ миссіонеровъ). Съ того времени вещи опять перемѣнились; позднѣе основаны были типографіи и періодическія изданія также въ Силистріи и Виддинѣ.

теллигенціи легко узнавать ея разные слои, начиная съ питомцевъ французскихъ школъ временъ короля Людовика-Филиппа и русскихъ школъ временъ царя Николая Павловича, которые всѣ остановились на тѣхъ взглядахъ, съ какими вышли изъ школы. Можно встрѣтить и людей, съ которыхъ вліяніе школы мало-по-малу сошло точно поверхностный лакъ; тѣмъ больше достойны похвалы усилія тѣхъ, которые, несмотря на всѣ препятствія, сознательно заботятся о воздѣлываніи науки на болгарскомъ языкѣ.

„Еще въ 1879 основана народная библіотека, которая дополнялась значительными покупками, главнымъ образомъ сочиненій важныхъ практически или касающихся самой страны и цѣлаго Балканскаго полуострова. Она считаетъ теперь до 16.000 томовъ, но терпитъ отъ неудобства помѣщенія и отъ недостатка участія [1]). Въ ней есть и скромные начатки археологическаго музея; для естественно-научныхъ коллекцій прекрасное основаніе доставляютъ богатыя геологическія коллекціи министерства финансовъ.

„Первое болгарское литературное общество, „Болгарское княжевное дружество“, основано было въ 1869 году за Дунаемъ въ Браиловѣ, въ Румыніи, такъ какъ старанія объ основаніи его въ Константинополѣ оказались безуспѣшны вслѣдствіе недовѣрія турецкаго правительства. Послѣ войны капиталы и библіотека общества были перенесены въ Софію и дѣятельность его обновилась тамъ въ 1882. Городской совѣтъ подарилъ обществу мѣсто на одной изъ главныхъ улицъ. Хотя число сотрудниковъ не велико, „дружество“ издало до сихъ поръ (1888), кромѣ мелкихъ публикацій, до 20 выпусковъ своего журнала („Періодическое Списаніе“). Въ нихъ помѣщено множество драгоцѣннаго матеріала для изученія болгаръ и Болгаріи; на первомъ планѣ стоитъ географія, исторія, геологія, статистика, изученіе языка и литературная критика“.

Не мало подобныхъ замѣтокъ, важныхъ для характеристики современнаго болгарства, разсѣяно въ путешествіи Иречка по поводу различныхъ сторонъ народнаго быта. Замѣтимъ также, что при случаѣ авторъ вспоминаетъ различные эпизоды войны и между прочимъ, упоминая о картинахъ Верещагина, указываетъ,

[1]) Авторъ указываетъ, что „основаніемъ библіотеки послужило собраніе историка Спиридона Палаузова, прилежнаго собирателя литературы о полуостровѣ“. Спир. Никол. Палаузовъ, родомъ изъ давнихъ болгарскихъ выселенцевъ въ Одессѣ, не мало работалъ въ русской литературѣ въ особенности по старой болгарской исторіи, а также по новому церковному болгарско-греческому вопросу.

что у него замѣчательно схваченъ особенный колоритъ болгарскаго пейзажа.

Приводимъ еще изъ этого любопытнаго путешествія одинъ небольшой эпизодъ о предметѣ, который занималъ и нашихъ ученыхъ. Еще въ 1870-хъ годахъ издана была извѣстнымъ Верковичемъ „Веда славянъ“ (первый томъ, за которымъ потомъ послѣдовалъ и второй), заключавшая цѣлую массу неслыханныхъ прежде эпическихъ болгарскихъ пѣсенъ, сюжеты которыхъ восходили до глубочайшей древности: въ нихъ говорилось о такихъ далекихъ временахъ, о какихъ не сохранило преданій никакое другое изъ славянскихъ племенъ; говорилось, напримѣръ, о древнихъ божествахъ, имена которыхъ какъ-то странно намекали на божества индѣйскія, говорилось объ Орфеѣ, какъ болгарскомъ пѣвцѣ, объ Александрѣ Македонскомъ, какъ болгарскомъ царѣ, о началѣ человѣческихъ искусствъ, о первомъ приходѣ болгаръ на Балканскій полуостровъ, что происходило въ какую-то незапамятную эпоху, и т. д. Верковичъ утверждалъ, что изданные имъ томы составляютъ только небольшую часть цѣлаго собранія, которое онъ показывалъ нѣкоторымъ западнославянскимъ ученымъ, а также и ученымъ русскимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Необычайность содержанія этого древняго эпоса Верковичъ объяснялъ тѣмъ, что онъ записанъ былъ его сотрудниками между болгарами-магометанами (помаками) въ захолустьѣ Родопскихъ горъ, гдѣ именно и сберегліись старыя преданія, забытыя подъ иными вліяніями у болгаръ христіанскихъ. Подлинность пѣсенъ, хотя записанныхъ не самимъ Верковичемъ, но его корреспондентами въ тѣхъ мѣстахъ, для него не подлежала, разумѣется, сомнѣнію и онъ придавалъ сборнику величайшую важность по древности его преданій, между прочимъ доказывавшихъ, что болгары были исконными жителями и обладателями Балканскаго полуострова. Оригинальность упомянутыхъ сюжетовъ была такова, что уже на первыхъ порахъ этотъ эпосъ многіе сочли явнымъ подлогомъ, хотя съ другой стороны нѣсколько ученыхъ, между прочимъ и серьезныхъ (напр., покойный чешскій филологъ Гейтлеръ, профессоръ въ Загребѣ) вѣрили въ подлинность сборника Верковича цѣликомъ или съ нѣкоторыми исключеніями. Настоящей провѣркѣ сборникъ однако не былъ подвергнутъ: для иныхъ это казалось просто излишнимъ трудомъ, такъ какъ дѣло было ясно по существу; съ другой стороны эту провѣрку слѣдовало сдѣлать на мѣстахъ, а экспедиція въ такія захолустья была бы внѣшнимъ образомъ не весьма удобна. Замѣтимъ однако, что нѣкоторые (но очень немногіе) мотивы

этихъ пѣсенъ повторились у собирателей болѣе достовѣрныхъ; надо было думать, что изобрѣтатели первобытнаго болгарскаго эпоса воспользовались и нѣкоторыми подлинными подробностями болгарской народной поэзіи.

Иречекъ въ своихъ поѣздкахъ по Болгаріи былъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находилось предполагаемое гнѣздо этого первобытнаго эпоса. Путешественникъ дѣлаетъ любопытныя замѣчанія о бытѣ живущихъ здѣсь болгаръ-мусульманъ, объ ихъ народныхъ пѣсняхъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, при всѣхъ разспросахъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ древняго эпоса. Онъ пишетъ:

„О до-историческихъ и до-христіанскихъ пѣсняхъ, которыя боснякъ Верковичъ, торговецъ антиками въ городѣ Сересѣ, издалъ подъ звучнымъ титуломъ „Веда славянъ", простые родопцы ничего не знаютъ. Это тѣмъ удивительнѣе, что издатель именно упоминаетъ не только помаковъ, но и болгаръ христіанъ, пастуховъ, влаховъ и наконецъ цыганъ, какъ тѣхъ лицъ, изъ устъ которыхъ будто бы записаны были для него эти пѣсни нѣсколькими помощниками; изъ разнообразія этихъ лицъ можно было бы предполагать большое пространство территоріи, на которомъ этотъ родъ поэзіи былъ извѣстенъ людямъ различныхъ классовъ и народностей. Я имѣлъ много личныхъ сношеній съ помаками изъ Доспада, Чепина и Неврокопа, имѣлъ цѣлыми годами слугъ, христіанскихъ болгаръ изъ тѣхъ же мѣстъ, говорилъ съ христіанами изъ цѣлой Родопы, но никому изъ нихъ не было извѣстно о приходѣ болгаръ въ эту землю, объ изобрѣтеніи хлѣба, вина, письма, о богахъ съ индѣйскими именами, объ Орфеѣ и т. д. Только Мустафа изъ Доспада сказалъ мнѣ однажды, что хотя дома онъ ничего о томъ не слыхалъ, но что цѣлая книга такихъ пѣсенъ продается въ Пловдивѣ въ книжной лавкѣ... Хорошіе знатоки Болгаріи между самими болгарами давно уже называли мнѣ эти мнимыя находки шарлатанствомъ, почему я уже въ „Исторіи Болгаръ" высказался объ ихъ поддѣльности. Достопочтенный старецъ П. Р. Славейковъ, лучшій знатокъ болгарской народной жизни, хорошо знакомый и съ краемъ Родопскимъ, не однажды мнѣ положительно утверждалъ, что эта Веда есть фальсификатъ какой-то цѣлой компаніи учителей въ Сересѣ и Мельникѣ; однажды (это было въ январѣ 1882 года) онъ разсказывалъ мнѣ, какъ учитель Харизановъ изъ Мельницкаго края, который, кажется, и понынѣ служитъ въ княжествѣ судьей, признавался ему, что и онъ былъ сотрудникомъ въ изготовленіи Верковичевыхъ пѣсенъ. Славейковъ спрашивалъ его, зачѣмъ вообще они это дѣлали, и получилъ въ отвѣтъ, что они тогда думали, что это способствуетъ

народной славѣ: Верковичъ именно надѣялся доказать этими пѣснями первобытность болгаръ и изобрѣтеніе цивилизаціи славянами. Впрочемъ, эти стихотворенія писались всего больше посредствомъ передѣлки и дополненія настоящихъ народныхъ пѣсенъ, въ предположеніи, что „огромный“ масштабъ пѣсенъ есть признакъ глубокой древности. Въ средѣ молодой болгарской интеллигенціи за эти пѣсни заступаются только нѣкоторые logiotatoi, которые учились за границей и знаютъ родину всего больше изъ книгъ, или же сотрудники Верковича, которые теперь всѣ находятся въ княжествѣ. Самъ Верковичъ, сколько я знаю, послѣ войны живетъ въ Петербургѣ“ [1]).

Дѣйствительно, онъ жилъ тогда въ Петербургѣ, гдѣ нашелъ вспомоществованіе для изданія второго тома своей „Веды“, но не нашелъ столько вѣрующихъ въ его открытія, сколько бы вѣроятно желалъ, и направилъ противъ невѣрующихъ обличительную или ругательную брошюрку, изданную въ Болгаріи подъ названіемъ: „Семь лѣтъ страданій въ Россіи“, или что-то въ этомъ родѣ.

Есть въ книгѣ Иречка и ужасныя подробности. Таковъ разсказъ о посѣщеніи Батака, гдѣ произошли въ 1876 году тѣ страшныя убійства, которыя, по донесенію англійскаго коммиссара Беринга, „были, быть можетъ, самымъ гнуснымъ преступленіемъ, какія запятнали исторію нынѣшняго вѣка“; извѣстія американскаго генеральнаго консула Скайлера (Schuyler) и статьи извѣстнаго корреспондента Daily News, Макъ-Гахана, произвели тогда потрясающее впечатлѣніе и, безъ сомнѣнія, послужили одною изъ тѣхъ нравственныхъ причинъ, которыя повели къ русско-турецкой войнѣ. Въ свое путешествіе 1883 или 1884 года Иречекъ видѣлъ еще страшные слѣды опустошенія и слышалъ разсказы нѣкоторыхъ изъ немногихъ свидѣтелей, уцѣлѣвшихъ тогда отъ рѣзни.

Переходимъ къ новѣйшему труду Иречка и замѣтимъ мимоходомъ, что въ промежуткахъ между своими большими сочиненіями онъ написалъ еще цѣлый рядъ менѣе крупныхъ работъ по исторіи и описанію Болгаріи. Новѣйшій трудъ его представляетъ уже цѣльное и обширное изображеніе страны въ широкой программѣ новѣйшихъ географическихъ описаній, обнимающихъ всѣ стороны „страны и народа“. Книга распадается на двѣ *части*, изъ которыхъ первая заключаетъ шесть *книгъ*, а вторая—три

[1]) Стр. 344—345.

книги. Въ этихъ отдѣлахъ расположено описаніе Болгаріи въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ.

Въ началѣ—географическое обозрѣніе: границы, пространство, почва; горы, равнины, воды, климатъ; геологическій очеркъ (составленный спеціалистомъ); растительность (опять при содѣйствіи спеціалиста); животныя.

Вторая книга посвящена населенію: статистикѣ населенія, движенію его вслѣдствіе переселеній (начиная съ среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени, когда новыя обширныя переселенія произошли въ теченіе войны и послѣ нея), наконецъ описанію отдѣльныхъ племенъ. Въ земляхъ болгарскаго княжества обитаютъ народы индо-европейскіе—кромѣ болгаръ, греки, румыны (влахи), албанцы, армяне, цыгане, и „обломки“ другихъ народовъ: изъ семитовъ—евреи (по происхожденію испанскіе); изъ народовъ тюркскихъ—турки (османы), татары, гагаузы (христіане, говорящіе по-турецки, какъ полагаютъ, потомки кумановъ); наконецъ, изъ народовъ кавказскихъ—черкесы. Наиболѣе подробно характеризованъ, конечно, народъ болгарскій съ его этнографическими особенностями и затѣмъ указаны междуплеменныя отношенія этихъ различныхъ народовъ.

Третья книга представляетъ изученіе сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній: деревня, города, сельское хозяйство, скотоводство, поземельныя отношенія, ремесла и промышленность, туземныя рабочія ассоціаціи, охота и рыбная ловля, лѣсное хозяйство, горное дѣло, торговля, мѣры и вѣсы, монета, пути сообщенія (причемъ и „совѣты“ для научныхъ путешественниковъ), почта и телеграфъ, денежныя учрежденія.

Въ четвертой книгѣ говорится о духовной культурѣ: отношенія религіозныя; общественное образованіе, литература и наука; искусство и его старые памятники.

Пятая книга говоритъ о государственномъ устройствѣ и управленіи: государственная форма и высшія правительственныя вѣдомства, финансы, политическое управленіе, юстиція, войско, политическая жизнь.

Шестая книга заключаетъ обзоръ новѣйшей исторіи: заговоры и попытки возстаній до 1876 года; война и русская оккупація въ 1877—1879; первые годы правленія князя Александра I; Восточная Румелія; соединеніе Болгаріи съ Восточной Румеліей 1885 и его послѣдствія.

Вторая часть въ трехъ книгахъ заключаетъ „болгарскія мѣстности“: описаніе главныхъ городовъ, горные края на югѣ и западѣ и восточная часть Болгаріи. Здѣсь вкратцѣ изложено то,

что подробнѣе разсказывалось въ прежнихъ „Поѣздкахъ по Болгаріи“. Отдѣльныя подробности о внутреннемъ бытѣ Болгаріи также повторяются здѣсь, но въ болѣе обстоятельномъ изложеніи.

Изъ вышеприведеннаго обзора читатель можетъ видѣть богатое содержаніе книги Иречка. Это—первое цѣльное описаніе Болгаріи, какого еще не бывало ни въ славянской, ни въ европейской литературѣ, исполненное знатокомъ дѣла, который долго работалъ надъ изученіемъ предмета, лично посѣтилъ главнѣйшіе пункты болгарской земли, давно уже изучалъ ея археологію и исторію, по собственному опыту знакомъ съ ея политическимъ устройствомъ и административными порядками, внимательно присматривался къ народному характеру и обычаю, наконецъ, имѣлъ въ рукахъ весь печатный матеріалъ оффиціальныхъ изданій новѣйшаго времени, съ статистическими данными и т. д. Въ предисловіи онъ счелъ нелишнимъ оговориться, что его книга „вовсе не заключаетъ какой-нибудь оффиціозной публикаціи, внушенной болгарскимъ правительствомъ: это—частное предпріятіе, точка зрѣнія котораго есть лишь точка зрѣнія любознательнаго путешественника и наблюдателя“. Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ самаго изложенія: какъ въ прежнихъ „Поѣздкахъ“, такъ въ этой книгѣ авторъ остается независимымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ, который одинаково отмѣчаетъ и лучшія, и худшія свойства болгарскаго народа и той интеллигенціи, которая стоитъ въ его главѣ. Онъ не высказываетъ своего мнѣнія о данной минутѣ и по свойству книги могъ этого не дѣлать; но онъ доставляетъ богатый матеріалъ для тѣхъ, кто хотѣлъ бы добросовѣстно понять настоящее положеніе вещей въ Болгаріи. Какъ мы видѣли изъ обзора содержанія, среди чисто-географическихъ описаній, изложенія внѣшнихъ отношеній быта и т. д., нѣсколько отдѣловъ посвящено изображенію этнографическаго характера болгарскаго народа и различныхъ сторонъ его внутренняго быта, жизни религіозной, общественной, политической, образовательной и т. д. Изъ прежней его книги мы приводили нѣсколько подробностей такого рода, и прибавимъ здѣсь еще два-три эпизода.

Въ отдѣлѣ о „политической жизни“ мы читаемъ:

„Въ этнографическомъ обзорѣ,—говоритъ авторъ,—мы изображали болгарскій народъ, имѣя въ особенности въ виду первобытный крестьянскій и пастушескій народъ. Здѣсь мы хотимъ посвятить нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ образованнымъ политическимъ классамъ, господствующимъ въ новомъ государствѣ, и всей общественной жизни. При этомъ мы должны въ особенности

замѣтить, что это общество находится теперь въ постоянномъ процессѣ измѣненія, вслѣдствіе постояннаго притока молодыхъ образованныхъ элементовъ, и что поэтому оно еще не можетъ представить никакой законченной картины.

„Поразительно то явленіе, какъ легко былъ стертъ турецкій ancien régime послѣ почти 500-лѣтняго существованія, съ его воспоминаніями, съ его организаціей и его политической терминологіей. Но это совершенно естественно: господствующій османскій народъ и масса управляемыхъ были двумя разными обществами, раздѣленными языкомъ и религіей, безъ связи родства, не сливавшимися даже въ вопросахъ хозяйственныхъ. Во многихъ обширныхъ, густо населенныхъ, горныхъ мѣстностяхъ появленіе османа бывало рѣдкостью. Турецкое правленіе оставило однако довольно слѣдовъ. Такимъ послѣдствіемъ остается политическій индифферентизмъ крестьянъ въ равнинахъ, особливо на западѣ, хотя здѣсь не было вовсе крѣпостного права и даже наслѣдственной аренды по боснійскому образцу. Даже образованные люди съ турецкихъ временъ по большей части пассивны; подвижны, энергичны и безстрашны только всегда болѣе свободные жители горъ, участники въ заговорахъ и возстаніяхъ послѣдняго турецкаго времени, прежніе эмигранты и новое поколѣніе, выросшее съ 1876 года.

„Болгарія есть страна безъ сословій, безъ богатыхъ и бѣдныхъ по нашимъ понятіямъ. Тамъ есть только крестьяне, пастухи, городскіе лавочники и ремесленники, національное духовенство и новые интеллигентные классы, которые отчасти стоятъ по своему происхожденію очень близко къ сельскому народу. У каждаго есть свое умѣренное имущество и немногіе живутъ внѣ семейнаго круга. При первобытномъ состояніи промышленности еще нѣтъ передвижного рабочаго населенія. По отсутствію крупнаго землевладѣнія и дворянства Болгарія сходна съ Сербіей и Грецій. Какъ тамъ, такъ и здѣсь общественная жизнь проникнута демократическимъ духомъ и явнымъ нерасположеніемъ къ привилегированнымъ классамъ, титуламъ, орденамъ и мундирамъ. Ордена, кромѣ знаковъ военнаго отличія, положительно запрещены болгарской конституціей и къ нимъ относятся не очень дружелюбно, потому что въ турецкое время предполагалось, что между болгарами носятъ такіе „нишаны“ только предатели и шпіоны. Орденскія установленія князей не въ состояніи были уничтожить этотъ предразсудокъ. Изъ чиновниковъ носятъ мундиры только чиновники почтовые и полицейскіе.

„Въ турецкое время родъ высшаго класса составляли такъ

называемые „чорбаджи", имя которыхъ заимствовано у офицеровъ бывшаго янычарскаго корпуса. Это—„коджабаши", „проэстоты" или „архонты" греческихъ земель, болѣе богатые горожане, землевладѣльцы, откупщики податей, купцы, капиталисты, которые бывали посредниками между турецкимъ правительствомъ и христіанскимъ народомъ. Въ Восточной Румеліи было нѣсколько фамилій изъ райи, которыя стояли еще выше, именно „бегликджи", которые въ качествѣ откупщиковъ собирали для Порты десятину изъ стадъ въ горахъ всей европейской Турціи. Большинство ихъ было родомъ изъ Копривщицы и Котла и жили въ Филиппополѣ; отъ нихъ происходятъ выдающіяся политическія фамиліи, Вогороди, Вулковичей, Каравеловыхъ и т. д.

„Чорбаджіевъ и народъ раздѣляетъ глубокая ненависть, которая составляетъ основу нынѣшнихъ мѣстныхъ партій; въ каждомъ маленькомъ городѣ есть „аристократы" и „демократы". Чорбаджи были часто благочестивые и патріотическіе люди, много дѣлали для церквей и школъ, но занимались ростовщичествомъ съ обычными въ странѣ высокими процентами, и въ послѣднемъ періодѣ передъ освобожденіемъ считались за туркофиловъ, часто несправедливо... Въ богатыхъ мѣстностяхъ Румеліи этотъ раздоръ менѣе замѣтенъ, вѣроятно потому, что люди здѣсь имѣютъ гораздо больше житейскаго лоска...

„Между крестьянами и горожанами больше замѣтна противоположность только на западѣ, и чѣмъ меньше образованъ деревенскій людъ, тѣмъ сильнѣе, потому что недостатокъ образованія благопріятствовалъ эксплуатаціи земледѣльцевъ городскими лавочниками и ростовщиками. Долгое господство турокъ произвело сильно развитую крестьянскую хитрость; деревенскіе жители держатся крѣпко вмѣстѣ, безъ партій, и при оффиціальныхъ дѣлахъ представляются такъ, какъ будто они были люди самые бѣдные, простодушные и мирные. Но отъ вліянія школы, военной службы и участія въ окружномъ представительствѣ и сеймахъ это начинаетъ измѣняться.

„...При множествѣ городскихъ организацій какая-нибудь рѣзкая централизація невозможна. Но новая столица, вслѣдствіе сосредоточенія интеллигентныхъ силъ, уже получаетъ преобладаніе.

„Господствующій классъ есть такъ-называемая „интеллигенція", люди, прошедшіе школу и образованные. Число ихъ опредѣлить трудно, такъ какъ оно быстро возростаетъ и безъ рѣзкихъ разграниченій теряется въ народныхъ слояхъ. Теперь это многія тысячи людей: государственные и общинные чиновники, юристы, врачи, офицеры, инженеры, духовные, учителя всѣхъ

классовъ, купцы, строительные предприниматели и т. д. Въ настоящее время эта интеллигенція состоитъ большею частью на государственной службѣ или только на время изъ нея вытѣснена. Юридически образованные адвокаты, самостоятельные врачи и инженеры, подготовленные окружные или общинные чиновники, также какъ фабриканты съ высшимъ школьнымъ образованіемъ рѣдки; духовенство безсильно. Чиновничествомъ Болгарія страдаетъ со дня своего освобожденія [1]). Каждая перемѣна правительства влечетъ съ собой и перемѣну чиновниковъ, всего больше въ администраціи, всего меньше въ вѣдомствѣ школьномъ... Послѣдствіемъ этого чиновничества былъ упадокъ торговли и промышленности послѣ освобожденія...

„Число прежнихъ турецкихъ чиновниковъ крайне невелико... Рядомъ съ людьми значительнаго опыта и почтеннаго характера есть между ними другіе, которые, какъ настоящая bandiera d'ogni vento, быстро умѣютъ направляться по вѣтру и, кажется, унаслѣдовали наилучшія тонкости старой хитрости византійскихъ евнуховъ".

Авторъ говоритъ дальше, что довольно значительно число людей, которые прежде были на службѣ въ Россіи или Бессарабіи, и замѣчаетъ, что „въ Россіи передъ 1877 годомъ, повидимому, намѣренно привлекали болгарскихъ эмигрантовъ къ самымъ различнымъ отраслямъ государственной службы". Повидимому, авторъ въ этомъ пунктѣ абсолютно заблуждается.

„Очень сильный элементъ представляютъ прежніе учителя. Отсюда и извѣстный мелочной педантизмъ многихъ импровизированныхъ политиковъ. Большую роль играютъ здѣсь, какъ у всѣхъ восточныхъ народовъ, врачи... Извѣстные министры иностранныхъ дѣлъ, Вулковичъ и Странскій, принадлежатъ къ этому сословію и въ промежуткахъ ихъ политической дѣятельности имѣютъ попеченіе о здоровьѣ своихъ соотечественниковъ. Многіе получили теологическое образованіе у грековъ или у русскихъ, не поступивши въ духовное званіе, какъ напр., министры Бурмовъ, Балабановъ и Икономовъ. Юристовъ во время освобожденія было очень мало, потому что въ Турціи нельзя было сдѣлать съ этимъ никакой карьеры. Почти не было также болгаръ инженеровъ.

„Образованіе болѣе или менѣе неполно и поверхностно. Люди съ академическими степенями, кромѣ врачей, въ старшемъ

[1]) Выше мы приводили изъ „Поѣздокъ" цифру чиновничества въ Софіи за 1881 г. (251, и 80 писцовъ болгарской національности); теперь, за 1888 годъ, Иречекъ указываетъ въ Софіи для „гражданской службы, администраціи, полиціи и суда" цифру 1183, со включеніемъ низшихъ чиновниковъ и полицейскихъ.

поколѣніи вообще рѣдки. Не было надобности много знать, чтобы блистать у себя дома; кромѣ того и школы, въ Россіи или во Франціи, были довольно снисходительны къ христіанамъ изъ Турціи. Поэтому здѣсь, вообще говоря, мало доктринерства. Это практическія головы; ученые теоретики скоро потеряли бы голову въ хаосѣ вновь возникающей государственной жизни".

Авторъ отчасти повторяетъ здѣсь то, что было говорено имъ въ его прежней книгѣ о характерѣ болгарскаго образованія; здѣсь онъ замѣчаетъ еще, что это измѣняется теперь отъ возростающаго вліянія молодой литературы, дѣлающей несомнѣнные успѣхи, и отъ возростающаго числа болѣе образованныхъ молодыхъ людей.

„Удивительно у этихъ людей знаніе языковъ. Восточный человѣкъ многоязыченъ; иной знаетъ, быть можетъ, только нѣсколько сотъ словъ и фразъ изъ другихъ языковъ, но онъ употребляетъ ихъ хорошо и вѣрно. Въ школахъ, напр., въ Константинополѣ, изученіе языковъ для практическаго употребленія занимаетъ важное мѣсто. Турецкимъ языкомъ многіе владѣютъ вполнѣ, но знаніе арабскаго письма, какъ у самихъ турокъ, распространено мало. Въ разговорѣ вставляется еще много турецкихъ поговорокъ, оборотовъ и терминовъ. Знаніе новогреческаго языка, который нѣкогда въ торговыхъ кругахъ былъ почти всѣмъ извѣстенъ, теперь совершенно въ упадкѣ... Всѣмъ извѣстенъ (allgemein bekannt) языкъ русскій: всѣ образованные люди, даже отъявленные противники русской политики, читаютъ русскіе книги и журналы... Изъ западныхъ языковъ господствуетъ французскій; своимъ распространеніемъ онъ обязанъ съ одной стороны константинопольскому „европейскому" обществу съ его дипломатами, туземными французами изъ Перы и Галаты („левантинцами"), и французскимъ школамъ и мѣстнымъ газетамъ, съ другой стороны — его господству въ высшемъ обществѣ сосѣднихъ Румыніи и Россіи .. Англійскій языкъ въ особенности сталъ извѣстенъ изъ американскихъ школъ. Знаніе нѣмецкаго языка распространяется сильнѣе только въ новѣйшее время черезъ торговыя связи съ Вѣной и вслѣдствіе посѣщенія болгарами школъ въ Австріи, Германіи и Швейцаріи. Питомцы русскихъ школъ, вѣроятно вслѣдствіе учебнаго плана этихъ школъ, всего меньше знакомы съ иностранными языками, что кажется нѣсколько страннымъ при извѣстномъ знаніи языковъ въ высшихъ кругахъ русскаго общества; напр., министры Климентъ, Каравеловъ, Икономовъ, Теохаровъ и др. говорятъ только по-болгарски и по-русски...

„Достоинъ уваженія патріотизмъ болгаръ. Въ теченіе вѣковъ болгаринъ былъ мало цѣнимъ всѣми сосѣдями, но это не помѣ-

шало росту его политическаго самосознанія. Проникновеніе этого самосознанія въ массы есть величайшій тріумфъ болгарскаго движенія въ послѣднія двадцать лѣтъ передъ освобожденіемъ. Эта любовь къ отечеству сопровождается неистребимымъ оптимизмомъ, который сопровождалъ народъ и въ критическіе годы, какъ 1876—1878 и 1885-й. Молодой народъ, какъ молодой человѣкъ, твердо вѣритъ въ свое счастіе и въ свое будущее. Какъ у всѣхъ небольшихъ народовъ съ новою политическою жизнью, существуетъ и здѣсь большая чувствительность къ иностраннымъ сужденіямъ; каждое неодобреніе вдвое огорчаетъ и каждая похвала вдвойнѣ цѣнится.

„Сборы денегъ для какой бы то ни было цѣли приносятъ обыкновенно немного. Болгаринъ неохотно развязываетъ кошелекъ съ тяжело добытыми деньгами, но онъ умѣетъ дѣлать и грандіозныя пожертвованія. Это доказываютъ многія блестящія заведенія, устроенныя по завѣщаніямъ патріотовъ, разбогатѣвшихъ большею частью въ Румыніи и въ Россіи. Реальное училище въ Габровѣ содержится отчасти на капиталы Априлова; врачъ Петръ Беронъ (ум. 1871) оставилъ капиталъ въ 400.000 франковъ для болгарскихъ школъ; купецъ Петръ Керемекчіевъ изъ Тѣрнова— 300.000 франковъ на стипендіи въ высшихъ иностранныхъ школахъ; митрополитъ Панаретъ Рашовъ — все свое состояніе для гимназіи и теологической школы въ Тѣрновѣ.

„Темпераментъ болгарскихъ политиковъ и чиновниковъ очень подвижной, хотя между ними, какъ вездѣ, есть отдѣльные порядочные лѣнтяи. Болгары легко, безъ спеціальной подготовки, осваиваются съ различными родами службы, въ послѣднее время даже съ новымъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ; большей частью они умѣютъ хорошо понимать людей и въ минуты возбужденія сохраняютъ твердое чувство долга. Импровизированная сербская война удалась потому, что каждый, отъ министра и начальника штаба до послѣдняго погонщика, пунктуально исполнялъ свою обязанность. Между болгарскими горцами и бывшими эмигрантами есть много храбрыхъ людей. Это вообще народъ, выросшій въ революціяхъ, войнахъ, бѣдствіяхъ и притѣсненіяхъ, привычный къ катастрофамъ, лишеніямъ и кровопролитію. Бурныя времена и пренебреженное тѣлесное воспитаніе имѣли, конечно, на болѣе слабыя натуры и противоположное вліяніе; въ лучшихъ городскихъ классахъ есть многіе нерѣшительные и падающіе духомъ трусы.

„Обстоятельства не благопріятствовали и образованію характеровъ. Очень распространенное свойство есть зависть, продуктъ первобытныхъ матеріальныхъ условій и большое препятствіе для

общественной жизни; многое хорошее не удается потому, что одинъ не помогаетъ другому или мѣшаетъ его дѣлу изъ недоброжелательства. Не хорошо даже похвалить болгарина въ печати; это создаетъ ему враговъ. Къ этому присоединяются у многихъ, какъ во всемъ Левантѣ, нерѣшительность, недостатокъ правдивости, наклонность переврать и преувеличить.

„Быстро бьющійся пульсъ восточной жизни не терпитъ упорнаго сохраненія одного политическаго направленія. Впечатлѣнія не такъ глубоки, какъ у насъ. Мѣстный политикъ легко перемѣняетъ свои мнѣнія и многіе немаловажные люди въ короткое время безъ труда продѣлали цѣлый рядъ перемѣнъ фронта. Въ концѣ правленія Александра I его прежніе главные враги оказывались самыми преданными его приверженцами, и многіе изъ прежнихъ друзей и защитниковъ оказались между врагами или по крайней мѣрѣ равнодушными. Главные враги генераловъ Соболева и Каульбарса въ 1382—1883 въ палатѣ теперь находятся въ русской партіи, а съ другой стороны многіе изъ тѣхъ, которые теперь непримиримо враждебны Россіи, на нашихъ глазахъ устроивали торжества русскимъ генераламъ и дипломатамъ. Съ поверхностными впечатлѣніями связана и незначительная сила политической памяти. Политикъ поглощенъ здѣсь настоящимъ и недалеко и неохотно думаетъ о томъ, что впереди и позади. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто только очень немногіе вполнѣ сознаютъ колоссальныя послѣдствія перемѣнъ, происшедшихъ за 15 лѣтъ, отъ Митхада-паши до принца Кобургскаго. Но въ другихъ отношеніяхъ личная память болгаръ почти сильнѣе нашей, какъ вообще первобытный человѣкъ превосходитъ въ этомъ человѣка культурнаго, слишкомъ занятаго книгой.

„Въ государственной жизни идеалъ небольшихъ государствъ востока есть централизованная Франція или плутократическая Бельгія. Лавелé (la Peninsule des Balkans) считаетъ это ошибкой и думаетъ, что для этого общества, представляющаго сельскую демократію съ хорошими задатками для мѣстнаго самоуправленія, скорѣе должна была бы служить образцомъ Швейцарія или Норвегія [1]). Но централистическій правительственный аппаратъ бы-

[1]) Иречекъ имѣетъ въ виду слѣдующія слова Лавелé:

„Въ начертаніи своего переустройства юныя дунайскія государства расположен брать за образецъ Бельгію или Францію. Но въ этомъ ихъ ошибка. У нихъ общество представляетъ черты сельской демократіи, какъ въ Швейцаріи и Норвегіи, потому и подражать они должны скорѣе учрежденіямъ этихъ именно странъ. І пусть государи не страшатся этого! Крестьянскія демократіи крайне консервативны при томъ, конечно, условіи, что правительство щадитъ карманъ крестьянина и не увеличиваетъ налоговъ".

ваетъ легко копировать, и онъ доставляетъ партіямъ дѣйствительное господство и многочисленныя чиновническія должности для награды и для вознагражденія приверженцевъ. Но самоуправленія списать нельзя и оно должно медленно вырабатываться изъ туземной основы, къ чему впрочемъ автономическое церковное и общинное управленіе въ турецкія времена доставляло готовыя основанія.

„Теперь всѣ болгары—приверженцы конституціонной монархіи. Тѣрновская конституція послѣ долгой борьбы была признана всѣми. Впрочемъ никогда не было противниковъ конституціонализма; консерваторы хотѣли только ограниченія правъ палаты и учрежденія верхней палаты или государственнаго совѣта. Элементъ не-конституціонный есть слишкомъ большое вліяніе войска со времени пронунціаменто 1886 года.

„Княжеская власть, несмотря на всѣ усилія Александра I, не пріобрѣла никакихъ прочныхъ корней. До сихъ поръ князья были иностранцы, мало знавшіе языкъ народа, принадлежавшіе другому вѣроисповѣданію, и кромѣ того не женатые. Болгары относятся враждебно ко всякой особенной силѣ и личному вліянію главы государства.

„Въ первыя пять лѣтъ было десять министерствъ; въ десять лѣтъ ихъ было пятнадцать; съ 1884 года онѣ становятся прочнѣе, а Стамбуловъ держится даже четвертый годъ.

„Въ управленіи источникъ теоретической мудрости есть всего чаще „Dictionnaire de l'administration française“ Блока. Должностной стиль кратокъ; это—продуктъ русскихъ канцелярій, періода оккупаціи, и практики болгарскихъ торговыхъ конторъ. Формы русскія; тутъ есть „указъ“ князя, „докладъ“, „приказъ“, „вѣдомости“ и пр. и, наконецъ, исполненные руссизмами обороты и фразы документовъ. Вначалѣ болгары совсѣмъ ушли въ канцелярское писаніе и думали, что нашли камень мудрости въ числѣ отправленныхъ нумеровъ; писаніе дѣйствительно легче, чѣмъ трудныя путешествія, изученіе и установленіе живыхъ отношеній. Поэтому много прекрасныхъ вещей долго существовали только

И въ другомъ мѣстѣ:

„Если бы я имѣлъ какое-либо право обратиться къ болгарамъ, я бы сказалъ имъ слѣдующее:

„Не берите себѣ за образецъ наши сосредоточенныя западныя государства, но возьмите скорѣе государство союзное, какъ Швейцарія, такъ какъ общественныя условія Болгаріи весьма схожи съ условіями этой страны. Усильте мѣстныя самоуправленія, въ особенности самоуправленіе общинъ“ (по русскому переводу книги Лавеле: „Балканскій полуостровъ“, Москва, 1889, II, стр. 67, 130). Замѣчанія на этотъ взглядъ—въ дальнѣйшихъ словахъ Иречка.

на бумагѣ или совсѣмъ не подходили къ здѣшнимъ отношеніямъ... Публика держитъ себя прилично и излагаетъ свое дѣло серьезно, коротко и ясно; рѣдко встрѣчались мнѣ чрезмѣрный сервилизмъ или наглое преувеличеніе, наслѣдіе турецкаго времени.

„Важный вопросъ есть чувство права. Христіанскому востоку чужда непрерывность правовой жизни; въ турецкія времена дѣла рѣшалъ турокъ, безъ участія райи, и во многихъ случаяхъ рѣшалъ не по книгѣ или обычаю, а продавалъ рѣшеніе за деньги. Законы, дѣйствующіе нынѣ въ странѣ, — не продуктъ вѣкового развитія права, а привозный товаръ. Неразвитость правового чувства можно тотчасъ замѣтить по отношенію къ туземнымъ законамъ. Они не изданы ни въ какомъ общедоступномъ сборникѣ, но разсѣяны въ нумерахъ огромной государственной газеты или рѣдко въ отдѣльныхъ оттискахъ. Цитировать при каждомъ актѣ статьи соотвѣтствующихъ законовъ есть нововведеніе только послѣднихъ годовъ; лишь очень немногіе хорошо въ нихъ начитаны. Удивительно ли, что и столь восхваляемая тѣрновская конституція такъ часто оставляется въ сторонѣ и что такъ мало съ нею церемонятся при неуваженіи къ законамъ.

„Во внутренней политикѣ господствуетъ ожесточенная вражда партій и интриги всѣхъ сортовъ, процвѣтающія на востокѣ. София есть настоящій котелъ вѣдьмъ; кому пришлось прожить нѣсколько лѣтъ среди туземнаго политическаго общества, тотъ всю жизнь чувствуетъ кошмаръ воспоминаній объ этой ядовитой кухнѣ. Часто каждый день происходятъ невѣроятныя политическія и полу-политическія сплетни. Иностранецъ слышитъ тысячу дурныхъ вещей объ отдѣльныхъ болгарахъ отъ самихъ болгаръ и только долго послѣ открываетъ, что эти люди въ дѣйствительности не такъ дурны, какъ они взаимно себя изображаютъ, ослѣпленные завистью и страстями партій. Безпристрастная оцѣнка туземныхъ талантовъ, особливо политическихъ противниковъ, есть исключеніе. Предводители партій нерѣдко питаютъ другъ къ другу личную ненависть. Отсюда быстрое изнашиваніе политическихъ величинъ и замѣчательное явленіе, что лица, которыя одно время пользовались величайшимъ почтеніемъ, потомъ быстро свергаются опять съ ихъ пьедесталовъ. Въ связи съ этимъ находится также глубокая недовѣрчивость. Многіе постоянно заняты тайными планами и намѣреніями, и я знаю лицъ, которыя лк бятъ читать между строками, а не въ строкахъ.

„Политическія страсти очень глубоки и сильны. Въ первы годы состояніе общества производило иногда на хладнокровнаг наблюдателя впечатлѣніе всеобщаго болѣзненнаго нервнаго ра

дженія. Во времена особеннаго возбужденія, какъ напр. въ дебатахъ народнаго собранія, многіе до того погружаются въ эту борьбу партій, что не могутъ думать и говорить ни о чемъ другомъ, и у иныхъ даже вся рѣчь звучитъ для непосвященнаго точно бредъ возбужденнаго мономана. Эти страсти затемняютъ разсудокъ и чувство справедливости. Политическихъ противниковъ стремятся не только вытѣснить, но даже разрушить то хорошее, что они сдѣлали или начали, а наконецъ и ихъ самихъ лишить куска хлѣба.

„Партіи имѣютъ уже свою исторію. Ихъ начало относится ко времени до освобожденія. Отчасти онѣ состоятъ больше изъ послѣдователей политическихъ предводителей, чѣмъ политическихъ программъ. Цѣльными остались только немногочисленные консерваторы; большая либеральная партія мало-по-малу распалась на четыре группы — управляющую теперь большую партію Стамбулова и три фракціи прежнихъ министровъ-президентовъ, Цанкова, Каравелова и Радославова. Восточно-румелійскія партіи доставили только матеріалъ для усиленія сѣверно-болгарскихъ группъ... Иностранцы часто попадаютъ въ заколдованный кругъ той или другой партіи; такъ случалось съ князьями, русскими, дипломатами и путешествующими писателями“.

Авторъ говоритъ дальше о болгарской журналистикѣ, то-есть газетной, которая становится также нелишеннымъ значенія факторомъ политической жизни. Первый газетный листокъ на болгарскомъ языкѣ явился въ 1846 году въ Лейпцигѣ, второй—въ 1849 г. въ Константинополѣ. Церковная борьба (1858—1876) повела къ основанію многочисленныхъ листковъ въ Константинополѣ; въ то же время основались революціонныя изданія въ Румыніи, которыя тайкомъ много читались въ Болгаріи. Чрезвычайное развитіе періодической печати, особливо газетной, началось съ эпохи освобожденія; огромное большинство изданій были эфемерны и между ними еще нѣтъ ни одной ежедневной газеты.

„Печать,—продолжаетъ авторъ,—долго была совершенно свободна и только теперь находится подъ болѣе строгимъ судебнымъ контролемъ, но безъ всякой предварительной цензуры. Свободна и разносная торговля. Въ большихъ газетахъ руководящія статьи по мыслямъ и стилю иногда не уступаютъ лучшимъ заграничнымъ газетамъ и большинство политическихъ вожаковъ—хорошіе журналисты. Въ мелкихъ статьяхъ грубости не составляютъ исключенія. Для грубаго нрава болгаръ журнальное приличіе скучно и чопорно; его вкусъ требуетъ рѣзкихъ пряностей. Небольшія мѣстныя газеты часто свидѣтельствуютъ о невѣроятной духовной

нищетѣ, и чрезвычайно эфемерные юмористическіе листки обыкновенно отличаются грандіозной безцеремонностью... Много выходитъ брошюръ и летучихъ листковъ, особливо открытыхъ писемъ политическаго содержанія.

„Общества и кружки не развиваются, несмотря на величайшую свободу ассоціаціи, вслѣдствіе давленія партій. Даже литературныя и гуманитарныя общества почти только влачатъ свое существованіе... Митинги для обсужденія общественныхъ дѣлъ скоро вошли въ обычай и большею частью бываютъ спокойны и серьезны. Очень многочисленны также адресы съ протестами, просьбами, обвиненіями, но во многихъ случаяхъ не имѣютъ цѣли. Еще съ турецкаго времени идетъ то злоупотребленіе, что подписи и общинныя печати собираются между неграмотными крестьянами часто подъ предлогомъ совершенно другого содержанія.

„Выборы въ національное собраніе происходятъ тайно, письменными бюллетенями, хотя письмо мало извѣстно взрослымъ деревенскимъ избирателямъ. Устная подача голосовъ или употребительный въ Греціи и Сербіи способъ выставленія особенной избирательной урны для каждаго кандидата были бы для массы понятнѣе. Право голоса—всеобщее, безъ ценза или представительства интересовъ... не было никакого публичнаго заявленія кандидатуръ въ газетахъ или на углахъ улицъ, никакихъ рѣчей кандидатовъ, никакихъ собраній избирателей съ свободными дебатами; дѣло въ томъ, что законъ запрещалъ всякую „агитацію", потому что подъ ней разумѣли только раздачу денегъ! Только позднѣе стало замѣтно больше жизни. Съ 1881 года при выборахъ начались безпорядки. Съ тѣхъ поръ день выборовъ есть часто родъ публичныхъ оргій, гдѣ дается воля всѣмъ страстямъ, и особливо личному мщенію, и гдѣ происходятъ самыя печальныя неожиданности, не исключая и убійствъ...

„Относительно участія въ выборахъ есть статистическія данныя только отъ первыхъ годовъ. Въ 1879 году выбирали 30.0, въ 1880—33,3, въ 1884—28,9 процентовъ всѣхъ избирателей страны; при дополнительныхъ выборахъ часто только 15,2 процентовъ. Изъ депутатовъ около половины крестьяне, но не простые земледѣльцы, такъ какъ по избирательному закону депутатъ долженъ умѣть читать и писать, а состоятельные землевладѣльцы, трактирщики, торговцы скотомъ и деревенскіе лавочники. Съ своими суточными деньгами (15 франковъ) они обращаются весьма бережливо. Довольно многочисленные турки держатся всегда даннаго правительства и сидятъ только молчаливыми, очевидно скучающими статуями, хотя въ общественныхъ дѣлахъ часто имѣютъ

совершенно правильные взгляды. Ораторы говорятъ безъ приготовленія, гладко и ясно. Они часто требуютъ слова, но говорятъ коротко; утомительныя, тянущіяся цѣлыми часами парламентскія рѣчи нашихъ странъ здѣсь скоро были бы прерваны шумнымъ восклицаніемъ: „вопросъ исчерпанъ“... Печатные протоколы представляютъ много растянутаго и наивнаго, но чтеніе ихъ вовсе не приводитъ къ неблагопріятному сужденію. Парламентскіе бури и безпорядки случаются также, какъ въ народныхъ представительствахъ другихъ странъ. Но галерея не можетъ ничего себѣ позволить—иначе народные представители тотчасъ поднимаются наверхъ и собственноручно водворяютъ порядокъ своими крѣпкими кулаками. Въ первые годы правительствамъ трудно было ладить съ національнымъ собраніемъ. Съ тѣхъ поръ положеніе совершенно перемѣнилось; теперь палата находится болѣе или менѣе въ рукахъ министерства.

„Болгарское движеніе теперь національно, безъ церковныхъ элементовъ; столь жгучіе нѣкогда вѣроисповѣдные вопросы вообще потеряли на полуостровѣ свою прежнюю притягательную силу. Къ другимъ исповѣданіямъ болгаринъ показываетъ большую терпимость. Можно встрѣтить вражду къ туркамъ, какъ къ прежнимъ угнетателямъ, но нѣтъ никакого принципіальнаго фанатизма противъ магометовой вѣры. Крики муэдзина и праздничное освѣщеніе минаретовъ не стѣсняютъ никого.

„То же самое относительно національностей. Большой городъ съ смѣшеніемъ языковъ есть типъ всѣхъ большихъ поселеній на цѣломъ востокѣ, отъ нижняго Дуная до береговъ Китая. Напримѣръ, въ Силистріи стоятъ мирно рядомъ шесть школъ съ преподаваніемъ болгарскимъ, турецкимъ, греческимъ, армянскимъ, румынскимъ и испанско-еврейскимъ. Только изученіе болгарскаго языка стало обязательнымъ. Къ однимъ грекамъ болгаринъ питаетъ старую вражду, какъ историческое наслѣдіе. Есть также, хотя и рѣже, вражда къ сербамъ, какъ реакція противъ шовинизма нѣкоторыхъ бѣлградскихъ писателей, которые половину болгарскаго княжества причисляютъ къ „Старой Сербіи“, и какъ слѣдствіе взаимныхъ сербскихъ и болгарскихъ притязаній на Македонію. Относительно западныхъ народовъ въ первые годы было замѣтное раздраженіе по причинѣ рѣзкаго туркофильства англичанъ и по причинѣ берлинскаго трактата. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что вошедшая въ поговорку мудрость запада на востокѣ часто крайне дискредитируется авантюристами. Зато относительно всего, что иностранцы, особливо писатели самыхъ раз-

личныхъ націй, сдѣлали для его страны и народа, болгаринъ вовсе не забывчивъ.

„Въ Болгаріи не было иностранцевъ, которые изъ энтузіазма жертвовали бы своимъ имуществомъ и жизнью для новоосвобожденной страны, какъ „филеллины“ для Греціи во время революціи. Но зато новое управленіе было сначала полно иностранными чиновниками, какъ въ Болгаріи, такъ и въ Румеліи. Русскіе управляли войскомъ, но въ гражданской службѣ были представлены только немногими чиновниками по юстиціи, инженерами или врачами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, особенно въ Румеліи, было много французовъ, бельгійцевъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ, чеховъ, хорватовъ, въ качествѣ инженеровъ, юристовъ, преподавателей, почтовыхъ и телеграфныхъ чиновниковъ, лѣсничихъ и т. д. Теперь изъ нихъ остались только немногіе... Со всѣми этими иностранцами, русскими и западными людьми, болгары соревновали, какъ нѣкогда греки съ „баварезами“. Небольшіе тайные листки систематически работали, проповѣдуя фанатическую ненависть къ иноземцамъ. Но безъ спеціалистовъ болгары не могли обойтись, предоставили имъ неблагодарную задачу обогащать архивы рукописными проектами и между прочимъ были довольно неловки, чтобы излечить отъ всякаго болгарофильства этихъ людей, которые приходили въ страну съ искренними сочувствіями къ молодому государству.

„Въ своихъ планахъ будущаго Болгарія испытываетъ вліяніе ближайшихъ образцовъ; если Грецію, Румынія и Сербія существуютъ какъ независимыя королевства, почему бы не могла выпасть такая же судьба и для Болгаріи? Къ обладанію Константинополемъ въ Болгаріи не стремится никто; политическій центръ тяжести народа лежитъ въ родныхъ горахъ. Поле, гдѣ соприкасаются планы народовъ полуострова, находится не на Босфорѣ, а въ Македоніи. Исключительные интересы, притязанія и соперничество этихъ небольшихъ народовъ такъ еще сильны, что дѣлаютъ невозможнымъ компромиссъ или какое-нибудь союзное государство. „Балканская конфедерація“ съ лозунгомъ: „Балканскій полуостровъ для балканскихъ народовъ“, которая всплываетъ въ послѣднее время какъ туманный проектъ, по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ положеніи мелкихъ христіанскихъ государствъ этихъ земель, есть одна фантазія“ [1]).

Приведемъ еще нѣсколько замѣчаній Иречка о болгарско-

[1]) Стр. 286—301.

народномъ характерѣ, современной постановкѣ болгарской школы и о складѣ новѣйшей болгарской литературы.

Въ этнографическомъ очеркѣ Болгаріи авторъ, какъ мы указывали, сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣденія о племенныхъ отношеніяхъ молодого государства. Изложеніе сопровождается вообще топографическими и статистическими подробностями и историческими объясненіями. Собственный взглядъ автора, какъ мы также отмѣчали, отличается большимъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ.

„Народная жизнь болгаръ,—говоритъ Иречекъ,—оригинальна, но въ настоящее время находится въ полномъ переходномъ состояніи. Долгая изолированность въ теченіе многихъ вѣковъ турецкаго господства удерживала болгаръ на старобытной ступени. Слабыя сношенія между отдѣльными мѣстностями и недостатокъ національнаго центра благопріятствовали развитію мѣстныхъ особенностей. Почти каждый округъ и каждая долина имѣютъ свое нарѣчіе, свои типы лица, свой костюмъ, свой особенный темпераментъ и между прочимъ также особенные мѣры и вѣсы. Поэтому путешественникъ нерѣдко бываетъ пораженъ внезапными переходами, напр., изъ плодороднаго тѣрновскаго округа въ пустыни Тузлука, изъ богатой культурной равнины Филиппополя въ полудикія горныя мѣстности Родопы. Освобожденіе и новая политическая и экономическая жизнь производятъ въ этихъ отношеніяхъ перемѣну, которая способствуетъ всеобщему обновленію и нивеллировкѣ проложеніемъ путей и желѣзныхъ дорогъ, школами и военной службой. Новое считается лучше стараго; изолированность горныхъ захолустьевъ приходитъ къ концу; мѣстныя нарѣчія, народныя пѣсни, костюмы, нравы и обычаи исчезаютъ и старыя преданія вытѣсняются изъ памяти наплывомъ множества впечатлѣній.

„Раздѣленіе народа на племена въ Болгаріи не сохранилось. На Балканскомъ полуостровѣ можно найти это дѣленіе больше только въ горныхъ странахъ запада, въ Черногоріи и Албаніи... Немногія названія отдѣльныхъ частей болгаръ большей частью состоятъ или въ обыкновенныхъ именахъ мѣстностей, или въ обозначеніяхъ, взятыхъ отъ діалектическихъ особенностей“.

Авторъ указываетъ основныя черты болгарскаго языка, раздѣленіе его на нарѣчія, насколько онѣ до сихъ поръ опредѣлены, и продолжаетъ замѣчаніями о физическомъ и нравственномъ характерѣ народа.

„Относительно физическаго характера болгаръ до сихъ поръ еще нѣтъ систематически собраннаго матеріала, хотя въ странѣ

существуетъ правильное санитарное вѣдомство, и правильные военные наборы представляютъ довольно случаевъ къ научнымъ наблюденіямъ... Поэтому мы должны ограничиться немногими краткими замѣчаніями.

„Единаго болгарскаго типа нѣтъ, и мимо національнаго костюма болгарина на первый взглядъ узнать не такъ легко, какъ, напримѣръ, армянина или еврея. Это—слѣдствіе смѣшенія народовъ, изъ котораго образовалось нынѣшнее населеніе въ теченіе болѣе чѣмъ въ тысячу лѣтъ. Ростомъ болгаринъ скорѣе малъ, чѣмъ великъ. Горный житель Балканъ отъ Искера до Понта, также какъ родственный ему селянинъ сосѣднихъ равнинъ Дуная и Марицы, въ большинствѣ имѣетъ небольшое, крѣпкое, костлявое и эластическое тѣло; высокія, стройныя фигуры преобладаютъ въ низменностяхъ на Дунаѣ отъ Тимока до Плевны и въ горной странѣ у Софіи, Радомира и Тёрна. Толстые люди рѣдки, гораздо рѣже, чѣмъ между турками. Волосы большею частью темные и жесткіе; кудрявые люди встрѣчаются рѣдко.

„Въ средніе вѣка мужчины носили длинные волосы и длинныя бороды. Турецкіе обычаи измѣнили это. Длинные волосы можно встрѣтить у крестьянъ, но не часто; большею частью ихъ стригутъ коротко, а въ западной Болгаріи или у Хаскіоя, даже совсѣмъ сбриваютъ кромѣ пучка или косы на маковкѣ (перчинъ). Совсѣмъ отпускали бороду только попы и старые люди; всѣ остальные брились, оставляя только тщательно прибранные усы. Теперь длинныя бороды пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все больше приверженцевъ. Эти внѣшнія подробности вмѣстѣ съ костюмомъ очень спутываютъ при обсужденіи физическаго характера восточныхъ народовъ. Новичку на востокѣ эти одинаково одѣтые, завитые и обритые горожане различныхъ націй кажутся однимъ народомъ; болгары, румыны и кавказскіе народы съ ихъ барашковыми шапками производятъ на него впечатлѣніе родственныхъ племенъ. Съ другой стороны, на первый разъ кажется сомнительнымъ, чтобы была какая-нибудь связь между образованнымъ болгариномъ въ цилиндрѣ и фракѣ, болгарскимъ крестьяниномъ въ народной одеждѣ и колпакѣ и магометанскимъ болгариномъ въ тюрбанѣ и кафтанѣ, хотя всѣ трое происходятъ изъ одной и той же волости и ихъ костюмы легко можно было бы перемѣшать между ними“.

Дальше авторъ повторяетъ съ новыми замѣчаніями ту характеристику болгарина, какую выше приводили мы изъ его предъидущей книги: болгарской замкнутости, умѣренности, бережливости

и т. д., которыя входятъ, какъ своеобразныя черты, въ цѣлый народный типъ, придавая ему особенную устойчивость.

Любопытны, далѣе, замѣчанія Иречка о болгарской народной школѣ. Какъ и другія проявленія національнаго освободительнаго сознанія болгаръ въ турецкія времена, народная школа основалась у нихъ очень поздно. Извѣстно, что ея возникновенію очень способствовало то вліяніе, какое возъимѣли въ средѣ болѣе образованныхъ болгаръ восторженныя идеи Венелина; именно болгары, жившіе въ Одессѣ и Букарестѣ, первые положили основаніе народной школѣ, учредивъ въ 1835 училище въ Габровѣ. Совсѣмъ безъ школъ Болгарія не оставалась и прежде, съ эпохи среднихъ вѣковъ, но старѣйшая форма школы, такъ-называемая „келлія", исчезнувшая только въ настоящее время, существовала только при немногихъ церквахъ и монастыряхъ и элементарнымъ образомъ готовила только церковниковъ: преподаваніе состояло въ письмѣ и заучиваніи церковныхъ книгъ. Съ начала XIX-го столѣтія болѣе правильныя школы стали основываться подъ вліяніемъ купечества и греческихъ епископовъ; но языкъ преподаванія былъ греческій, методъ — было заучиванье наизусть, и при слабомъ знаніи языка для болгаръ результатъ могъ быть только скудный.

Примѣръ габровской школы, гдѣ примѣненъ былъ ланкастерскій методъ обученія и вскорѣ появились учебныя книги на болгарскомъ языкѣ, оказалъ вліяніе на прежнія греческія и церковныя школы; послѣ крымской войны движеніе распространилось изъ городовъ даже въ деревни, гдѣ школы основывались въ особенности близъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ. Понятно, что эти школы не пользовались расположеніемъ турецкаго правительства и не получали отъ него никакой поддержки; онѣ существовали только средствами церковныхъ общинъ. Во главѣ продолжала стоять старая габровская школа, выросшая въ реальное училище съ 6 классами, и подобная школа въ Филиппополѣ; по городамъ основалось еще нѣсколько школъ, въ которыхъ многіе могли даже подготовиться къ продолженію образованія за границей. Для болгаръ имѣли также большую привлекательность французскія и англійскія школы въ Константинополѣ.

„Освобожденіе, — говоритъ авторъ, — устранило препятствія, которыя мѣшали прежде естественному развитію, и многое, что прежде предоставлено было добровольной патріотической дѣятельности, стало гражданскимъ долгомъ. Въ русскомъ управленіи, во время оккупаціи, былъ особенный департаментъ для народнаго просвѣщенія. Глава его, профессоръ харьковскаго университета Дриновъ, болгаринъ родомъ и замѣчательный писатель, старался

въ особенности вновь открыть народныя школы, закрытыя во время военныхъ событій, основалъ на казенный счетъ нѣсколько среднихъ школъ, ввелъ однообразныя программы преподаванія, государственную инспекцію и стипендіи".

Но дѣло народной школы долго еще не могло получить правильной постановки. На первое время Болгарія и Румелія оставались еще раздѣленными; въ Болгаріи министерства безпрестанно смѣнялись,—въ первые два года смѣнилось даже *семь* министровъ народнаго просвѣщенія (одинъ управлялъ министерствомъ только 17 дней!),—по крайней мѣрѣ рѣдко мѣнялись чиновники министерства и учителя школъ. „Въ началѣ былъ съ одной стороны самый сильный наплывъ въ школы въ странѣ и къ обученію за границей, но съ другой стороны былъ недостатокъ во всемъ, въ образованныхъ учителяхъ, въ правильно подготовленныхъ ученикахъ, въ школьныхъ книгахъ, пособіяхъ, законахъ — особливо въ школьныхъ зданіяхъ. Новоучрежденная гимназія въ Софіи три года помѣщалась въ ветхомъ турецкомъ конакѣ, стѣны котораго поддерживались подпорками. Трудности дѣла приходили не снизу, не отъ населенія, учителей и учениковъ и отъ національныхъ собраній, всегда готовыхъ на пожертвованія, но сверху, отъ занятаго интригами правящаго общества, въ которомъ были даже явные враги возростающаго народнаго образованія".

„Первоначальное обученіе было съ самаго начала объявлено обязательнымъ, въ Румеліи по органическому статуту для всѣхъ дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ, въ княжествѣ принципіально по конституціи, и особливо по закону 1885 г., для всѣхъ дѣтей отъ 6 до 12 лѣтъ, подъ денежнымъ штрафомъ для родителей, опекуновъ или общинныхъ начальниковъ.

„Школьные дома сначала были часто простыя мазанки или деревянные дома, какъ сельскіе и городскіе дома. Послѣ освобожденія выстроено было нѣсколько сотъ новыхъ школьныхъ зданій, стоившихъ нѣсколько милліоновъ, при чемъ не мало участвовало само государство. Новая, издалека видная, выбѣленная школа принадлежитъ теперь къ пейзажу большей части деревень.

„Предписанный 10-мѣсячный школьный годъ выдерживается только въ городахъ; въ сельскихъ общинахъ бываетъ собственно только зимняя школа съ 7—8-мѣсячнымъ обученіемъ, которое прерывается весной при началѣ полевыхъ работъ. Публичный экзаменъ („испитъ") въ концѣ школьнаго года всегда бываетъ мѣстнымъ праздникомъ. Книги обыкновенно практичны, какъ вообще въ педагогическомъ отношеніи уже въ турецкое время

сдѣлано было много хорошаго. Книги издавались книгопродавцами, а не государствомъ.

„Трудно было приготовленіе учительскаго персонала для быстро возростающаго числа школъ. До освобожденія было нѣсколько сотъ опытныхъ и хорошо подготовленныхъ учителей, но лучшую часть этого стараго персонала поглотило новое государственное управленіе. Нужно было взяться за самое юное поколѣніе, за молодежь, едва вышедшую изъ отрочества, и которая въ тогдашнихъ школахъ усвоила себѣ нѣкоторыя болѣе или менѣе поверхностныя свѣденія. Они были быстро подготовлены во временныхъ педагогическихъ каникулярныхъ курсахъ въ теченіе 6—7 недѣль и кромѣ того при каждомъ случаѣ собираемы были для новыхъ упражненій. Въ небольшихъ мѣстечкахъ часто недоставало для этого удобныхъ помѣщеній. Въ 1879 году инспекторъ бесковицкаго округа обучалъ въ большой деревнѣ Кутловицѣ, составляющей нынѣ центръ околья, собравшихся народныхъ учителей, одѣтыхъ по-крестьянски, съ турецкой чернильницей за краснымъ поясомъ, въ одномъ лѣсочкѣ на берегахъ Огоста, какъ нѣкогда Платонъ въ рощахъ академіи! Въ 1882 въ цѣломъ княжествѣ едва 12 процентовъ учителей были старше 30 лѣтъ. Теперь есть четыре учительскихъ семинаріи съ трехлѣтнимъ курсомъ и кромѣ того при многихъ среднихъ школахъ есть годовой педагогическій курсъ“.

Учителя и учительницы должны имѣть соотвѣтственную подготовку и по степени этой подготовки, но безъ различія пола, получаютъ жалованье въ 400, 800 или 1.200 франковъ. Въ деревняхъ часть этого содержанія выплачивается натурой, квартирой и съѣстными припасами.

Средніе школы (гимназіи) содержатся государствомъ. Три первые класса отвѣчаютъ первоначальной школѣ, четыре высшіе класса представляютъ собственно гимназію—классическую или реальную; преподаваніе древнихъ языковъ происходитъ только въ этихъ старшихъ классахъ. Любопытно замѣчаніе, что при обсужденіи программъ „противъ введенія классическихъ языковъ (прежде латинскій языкъ начинали съ перваго класса) возставали многіе, въ особенности питомцы русскихъ школъ. Греческій языкъ остается очень нелюбимымъ вслѣдствіе національный вражды. Изъ новѣйшихъ языковъ русскій и французскій обязательны; только въ дунайскихъ городахъ французскій замѣняется нѣмецкимъ“.

Важнѣйшіе изъ этихъ среднихъ школъ помѣщаются въ новыхъ, по здѣшнему великолѣпныхъ, зданіяхъ. Учительскій персоналъ, теперь въ 286 человѣкъ, сначала могъ быть собранъ только

съ трудомъ; въ софійской гимназіи (въ обоихъ отдѣленіяхъ 529 учениковъ) одно время помогали также и чиновники министерства просвѣщенія, чтобы поставить новое учрежденіе на правильную колею. Впослѣдствіи число преподавателей быстро умножилось молодыми болгарами, возвращавшимися изъ университетовъ. Теперь иностранцевъ, австрійскихъ славянъ (чеховъ, хорватовъ, словинцевъ) остается только немного; сначала они были совершенно необходимы какъ филологи, учителя рисованія и математики, и были очень полезны своимъ рвеніемъ и знаніемъ правильнаго школьнаго метода. Диктованіе уроковъ смѣнилось наконецъ школьными книгами, которыя, однако, отчасти представляютъ только на-скоро исполненные и особливо въ терминологіи недостаточные переводы.

„Ученики весьма неравномѣрны. Въ первые годы высшіе классы наполнены были молодыми людьми очень зрѣлыми, до 26 лѣтъ, часто съ медалями изъ отряда добровольцевъ во время войны; они были серьезны, дисциплинированы, съ быстрымъ пониманіемъ и упорной выдержкой, но имъ недоставало прочныхъ основаній. Только мало-по-малу ступени возраста пришли въ большее равновѣсіе... Это оживленная молодежь; новость всей высшей школы усиливаетъ ихъ любознательность. Недостатокъ этихъ заведеній состоитъ въ томъ, что онѣ слишкомъ много учатъ и мало воспитываютъ. Послѣдняго болгары еще не переняли изъ-за границы.

„Политическія смуты имѣли наконецъ самое дурное вліяніе на школу. Партіи пользовались учениками, какъ агитаторами при выборахъ, а затѣмъ, какъ партіи правительственныя, должны были терпѣть всѣ ихъ дурныя выходки, что вело къ бурнымъ ученическимъ митингамъ, изданію прокламацій и брошюръ противъ учителей и, между прочимъ, даже къ открытому возстанію. Очагъ этого былъ въ Филиппополѣ, гдѣ въ 1884 г., еще во время отдѣльности Восточной Румеліи, произошли первыя волненія этого рода; въ княжествѣ школьные безпорядки считались тогда немыслимыми. Послѣ соединенія (Болгаріи и Восточной Румеліи) зло стало всеобщимъ, ученики одичали, учителя потеряли всякій авторитетъ и кое-гдѣ подвергались даже фактическимъ насиліямъ. Правительство долго терпѣло это положеніе вещей, но наконецъ должно было очень строго вмѣшаться.

„Для высшаго образованія болгары должны посѣщать иностранные университеты. Выборъ университетовъ рѣшаютъ различныя обстоятельства: часто мода, когда многіе идутъ по дорогѣ разъ принятой какою-нибудь группой, степень дороговизны, на которую бережливый болгаринъ обращаетъ заботливое вниманіе.

климатическія условія, вслѣдствіе которыхъ столь многіе предпочитаютъ Загребъ, родственный по образу жизни и языку, или теплую южную Францію, чѣмъ холодный сѣверъ, и наконецъ, въ случаѣ стипендіи, воля правительства или меценатовъ и благотворительныхъ обществъ. Большая часть отправляется въ Россію (Одесса, Кіевъ, Москва), въ Австрію (Загребъ, Прага), въ Германію (Мюнхенъ, Гейдельбергъ, Лейпцигъ), въ Швейцарію (Цюрихъ, Женева) и во Францію (Парижъ, Монпелье и Э). Число этихъ студентовъ колеблется между 250 и 400. Большинство— юристы, техники (инженеры) и медики. Правительственныя стипендіи, отъ 1.200 до 2.400 франковъ, въ 1889 году составлявшія сумму въ 213.000 франковъ, назначаются по опредѣленію совѣта министровъ; стипендіаты должны быть настоящими слушателями и сдать всѣ предписанные экзамены. Программа занятій на самыхъ различныхъ языкахъ и въ различныхъ странахъ приводитъ иногда дома къ рѣзкимъ противорѣчіямъ, напримѣръ, между врачами или юристами разныхъ школъ.

„Основаніе болгарскаго университета часто обсуждалось со времени учрежденія туземнаго правительства. Что удалось въ Букарестѣ, Яссахъ, Бѣлградѣ, Загребѣ, Аѳинахъ и Корфу, должно быть исполнимо и въ странѣ при подножіи Балканъ и Родопы. Въ слушателяхъ недостатка нѣтъ, затраты страна могла бы легко вынести и научно-подготовленныхъ преподавателей также не трудно будетъ найти. Первый шагъ къ постепенному основанію университета сдѣланъ былъ въ 1887 году министромъ просвѣщенія Иванчовымъ, который устроилъ открытіе „высшаго педагогическаго курса“ при софійской гимназіи; этотъ курсъ долженъ былъ служить приготовленіемъ къ преподавательскому поприщу. Въ 1888-1889 г. открыто было историко-филологическое отдѣленіе, въ 1889-1890 г.—математико-физическое. Въ этой импровизированной „высшей школѣ“ дѣйствуютъ теперь 12 преподавательскихъ силъ—прежніе болгарскіе министры, которыхъ набралось такъ много, ново-произведенные туземные доктора философіи и химіи, нѣсколько гимназическихъ профессоровъ и пр., съ ежегодно избираемымъ ректоромъ во главѣ [1]). Слушателей только около 70. Курсъ долженъ занять три года, съ экзаменами по семестрамъ и съ государственнымъ экзаменомъ въ концѣ, причемъ получается дипломъ, который есть вмѣстѣ свидѣтельство на право

[1]) Въ примѣчаніи авторъ сообщаетъ, что первый ректоръ есть г. Агура, бессарабскій болгаринъ, бывшій министръ. Иностранцевъ въ составѣ преподавателей четверо: 1 русскій (эмигрантъ Драгомановъ, для исторіи), 1 сербъ, 2 чеха.

преподаванія. Предполагается ли также открытіе юридическаго курса—намъ неизвѣстно".

Было бы долго останавливаться на указаніи тѣхъ любопытныхъ разнообразныхъ данныхъ, какія сообщаетъ книга Иречка для знакомства съ страной, народомъ и его современнымъ политическимъ и общественнымъ состояніемъ. Изъ тѣхъ образчиковъ, какіе мы приводили, читатель могъ видѣть, какъ обстоятельна эта работа и съ какимъ безпристрастіемъ авторъ судитъ о предметахъ, въ настоящее время вызывающихъ нерѣдко столь крайнія сужденія и особливо осужденія. Проживши нѣсколько лѣтъ въ Болгаріи, авторъ имѣлъ возможность видѣть болгарскую жизнь такъ близко, какъ это лишь рѣдко можетъ случиться иностранцу; очевидно, что въ теченіе этого времени, особливо при своей близости къ правящей сферѣ, авторъ долженъ былъ имѣть не мало самаго непосредственнаго опыта, встрѣчаться и съ лучшими и съ худшими сторонами народной жизни и характера, и однимъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ его труда, кромѣ внимательнаго фактическаго изученія, является эта объективность, которая въ подобныхъ случаяхъ бываетъ качествомъ очень рѣдкимъ. Въ Болгаріи книга Иречка, повидимому, встрѣтила большое признаніе. Въ началѣ статьи мы указали „Сборникъ", издаваемый болгарскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія: въ послѣднемъ вышедшемъ томѣ его помѣщенъ довольно подробный разборъ книги Иречка, составленный д-ромъ Шишмановымъ: критикъ дѣлаетъ нѣсколько детальныхъ поправокъ, но въ цѣломъ не находитъ достаточно похвалъ какъ обширнымъ знаніямъ автора, такъ достоинствамъ изложенія и безпристрастію.

Какъ необходимы подобныя фактическія и объективныя изученія, довольно понятно; быть можетъ, у насъ онѣ были бы особенно нужны. Освобожденіе Болгаріи было дѣломъ русскаго правительства и жертвъ русскаго народа: интересъ къ судьбамъ освобожденнаго народа, и политическій, и нравственный, является слишкомъ естественнымъ и законнымъ; онъ продолжается, такъ сказать, и въ научномъ преданіи, потому что именно въ русской наукѣ совершены были замѣчательные труды, раскрывавшіе болгарскую старину и ея значеніе въ судьбахъ православнаго славянства; въ русской литературѣ были высказаны первыя восторженныя ожиданія будущаго освобожденія и возрожденія Болгаріи; въ канунъ войны въ русскомъ обществѣ высказалось много прекрасныхъ движеній участія къ народу, которому предстояло выйти наконецъ изъ многовѣкового плѣненія. Къ сожалѣнію, къ тому времени въ массѣ нашего общества было слишкомъ мало знанія

исторіи и характера этого народа, и русское славяновѣденіе, положившее нѣкогда столько труда на изслѣдованіе болгарской древности, съ семидесятыхъ годовъ и донынѣ не произвело ничего подобнаго трудамъ Иречка: болгары для нашей науки какъ будто интересны только въ XII-мъ столѣтіи! Между тѣмъ болѣе близкое изученіе современныхъ отношеній народа могло бы выяснить для насъ то смутное положеніе вещей, вслѣдствіе котораго Болгарія, освобожденная Россіей, на первыхъ шагахъ своей самостоятельности оказывается ея врагомъ. Въ прежнее время это показалось бы невѣроятнымъ; но это произошло.

Извѣстная доля „общественнаго мнѣнія“ осыпала болгарскій народъ или его правителей укорами и бранью; но самая продолжительность враждебныхъ или натянутыхъ отношеній должна бы вызвать желаніе раскрыть всѣ причины столь ненормальнаго явленія, и онѣ, вѣроятно, нашлись бы еще въ какихъ-либо обстоятельствахъ, кромѣ политической интриги и честолюбія извѣстныхъ отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ партій. Въ этомъ случаѣ было бы чрезвычайно важно, еслибы общественное мнѣніе питалось не однѣми яростными газетными статьями, а могло бы опереться и на безпристрастныя фактическія изученія. Правда, для этихъ послѣднихъ могли бы потребоваться условія критики, какихъ не имѣетъ достаточно наша литература, а также, быть можетъ, потребовалось бы и болѣе широкое содержаніе научныхъ интересовъ нашего славяновѣденія, кромѣ археологическаго „гелертерства“ или ученыхъ фантазій, въ какія оно всего чаще поперемѣнно впадаетъ. Наша славистика за все время своего существованія не произвела ни одного цѣльнаго труда въ программѣ книги Иречка, —единственный примѣръ подобнаго рода представляетъ сочиненіе П. А. Ровинскаго о маленькой Черногоріи (вышелъ первый томъ; второй томъ ожидается).

Не вдаваясь въ трудный вопросъ о настоящемъ положеніи русско-болгарскихъ отношеній, въ ненормальности которыхъ, безъ сомнѣнія, виноваты разныя ошибки и съ болгарской стороны, и гдѣ едва ли сомнительны также нѣкоторыя ошибки съ нашей стороны,—очевидно, что въ дѣйствіяхъ и настроеніи болгаръ не могла не отражаться цѣлая народная психологія, воспитанная долговременной исторіей. Масса болгарскаго народа внезапно, почти безъ всякаго приготовленія, очутилась вдругъ въ необычайномъ положеніи, потребовавшемъ всего напряженія всѣхъ его силъ физическихъ и нравственныхъ. Народъ, еще наканунѣ составлявшій безправную райю, на другой день оказался въ обладаніи свободными европейскими учрежденіями; въ то же время онъ оказался

сразу замѣшаннымъ въ европейскую политическую вражду, гдѣ между прочимъ дипломатія, враждебная Россіи, завлекала его перспективами его политическаго благополучія и пугала опасностями, грозящими со стороны Россіи для самой болгарской свободы. Если при этомъ болгарскіе патріоты впадали въ заблужденіе, то едва ли съ другой стороны сдѣлано было все, чтобы разсѣять это заблужденіе и выставить такую программу, которая могла бы привести къ полному согласію.

Болгары несомнѣнно находятся въ полной неясности и неурядицѣ переходнаго положенія, которое не разъ указываетъ Иречекъ: оно отражается и на внутреннихъ дѣлахъ самого болгарскаго народа, а также и на его дѣлахъ внѣшнихъ. Народу нужно основывать сначала все, что требуется для цивилизованнаго существованія, какого не было у него еще вчера: нужно было основать и управленіе, и войско, и школу, и литературу, и т. д.; во многомъ съ самаго начала Россія подала важную помощь, но затѣмъ народъ остался на своихъ рукахъ, и приносилъ дѣйствительно большія жертвы, и прилагалъ великія усилія для установленія своего политическаго и гражданскаго быта. Иречекъ указываетъ, какими разнообразными, достойными всякаго уваженія, но также и антипатичными явленіями сопровождался этотъ трудъ общественнаго созиданія; немудрено, что при этомъ бывали и серьезныя ошибки, особливо когда цѣлое политическое положеніе представляло дѣйствительныя неясности.

При этомъ должны были сказаться и историческія свойства народа. При паденіи болгарскаго царства и водвореніи турецкаго ига народъ испыталъ нѣчто ужасающее: онъ потерялъ вдругъ все, въ чемъ выражалась его политическая народная жизнь, и обращенъ былъ въ настоящее рабство: высшая образованная часть народа была или истреблена, или обратилась въ турокъ; средства просвѣщенія прекратились; масса могла существовать, только отказавшись отъ всякаго заявленія своей народной особности и превратившись въ одну рабочую силу. Мы видѣли, что только черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ, подъ вліяніемъ слабыхъ отголосковъ новой европейской жизни, достигавшихъ къ болгарскому народу, въ немъ снова возникаетъ извѣстная первоначальная ступень самосознанія: такъ глубоко подавлена была народная жизнь въ эти долгіе вѣка турецкаго ига. Но въ народѣ была однако сильная, хотя скрытная и элементарная жизненность: народъ повидимому удовольствовался своимъ положеніемъ безотвѣтнаго рабства; но въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыхъ былъ заключенъ его бытъ, онъ сберегалъ свою національность и примѣнялъ свои силы къ упор-

ному сельскому и иному труду, развивая тѣ качества, какія мы видимъ въ немъ теперь послѣ вѣковъ тяжелаго искуса. Писатели, близко видѣвшіе болгарскій народъ, согласно описываютъ его свойства: онъ очень трудолюбивъ; привыкши довольствоваться малымъ, онъ очень бережливъ и, какъ видимъ теперь, способенъ отдавать свои сбереженія на общественное дѣло; долгое иго, необезпеченность личная и имущественная, сдѣлали его недовѣрчивымъ и скрытнымъ, и по всей его исторіи неудивительно, если эта недовѣрчивость, соединенная, конечно, съ ревнивымъ охраненіемъ своего интереса, отзывается и въ его новѣйшей политической жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ недовѣрчивъ и къ себѣ: Иречекъ указываетъ, и это кажется совершенно справедливо, что болгары несклонны къ политическому фантазерству; ихъ интересы сосредоточены на ихъ непосредственной почвѣ; присоединеніе Восточной Румеліи указывалось здравымъ смысломъ, и внѣ нынѣшней Болгаріи ихъ политическія притязанія простираются только на Македонію, гдѣ въ дѣйствительности сошлось нѣсколько спорныхъ элементовъ, которымъ предстоитъ разобраться между собою въ ближайшемъ будущемъ.

Въ самой Болгаріи идетъ процессъ внутренняго преобразованія: европейская политическая форма дала возможность внутренняго развитія, хотя не безъ нѣкоторыхъ крайностей; за прежнимъ полнымъ отсутствіемъ своей школы и продолжающимся отсутствіемъ средствъ высшаго образованія молодыя болгарскія поколѣнія проходятъ иностранную школу почти во всѣхъ концахъ Европы, и притокъ новаго образованія, почерпнутаго въ различныхъ источникахъ, вноситъ во всякомъ случаѣ массу новыхъ понятій, которымъ предстоитъ еще дополняться и переработываться на домашней почвѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старая непосредственная патріархальность уже теперь видимо падаетъ. Очевидно, происходитъ приспособленіе національныхъ данныхъ быта и характера къ новымъ условіямъ политической свободы и просвѣщенія. Любопытно, что, несмотря на политическую вражду, въ Болгаріи продолжается нравственная связь съ русскимъ обществомъ, которая выражается значительнымъ распространеніемъ русскаго языка и литературы.

А. Пыпинъ.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Д. Менделѣевъ. Толковый тарифъ или изслѣдованіе о развитіи промышленности Россіи въ связи съ ея общимъ таможеннымъ тарифомъ 1891 года. Выпускъ I. Спб., 1891.

I.

Въ то время какъ земледѣльческое населеніе значительной части Россіи очутилось въ положеніи полнаго нищенства и страшный призракъ голода принимаетъ все болѣе реальныя черты, приходится по-неволѣ задать себѣ вопросъ: не ошибочна ли та экономическая политика, которая господствовала у насъ въ теченіе многихъ лѣтъ и которая выражалась въ одностороннемъ покровительствѣ интересамъ крупной промышленности и торговли, съ полнымъ забвеніемъ жалкой судьбы народнаго земледѣлія?

Принимались различныя и иногда весьма сильныя мѣры для обезпеченія и охраны выгодъ капиталистовъ въ такихъ отрасляхъ предпріимчивости, которыя сами по себѣ не имѣютъ большого значенія для страны; чувствительныя тягости налагались на все населеніе для того, чтобы немногіе промышленники могли увеличивать свои доходы, не стѣсняясь иностранной конкурренціей и не заботясь объ усовершенствованіи производства и объ улучшеніи своихъ издѣлій; но что сдѣлано для поднятія самой основы народнаго благосостоянія, для обезпеченія и возвышенія

производительности того земледѣльческаго труда, которымъ держится вся хозяйственная жизнь громаднаго большинства населенія Россіи?

Очевидно, нельзя признавать нормальнымъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ достаточно одного неурожая, чтобы вызвать голодъ въ народѣ и поколебать финансы великой имперіи. Когда хлѣбъ уродится въ достаточномъ количествѣ, то поднимается спросъ и на фабричные продукты, и промышленность процвѣтаетъ; а при неурожаѣ страдаютъ и промышленность и торговля, слабѣютъ источники государственныхъ доходовъ, падаетъ курсъ рубля, чувствуется общій застой въ дѣлахъ, а главное — милліоны земледѣльцевъ остаются безъ хлѣба, ждутъ немедленной помощи или голодаютъ въ буквальномъ смыслѣ слова, чего не бываетъ съ промышленниками и фабрикантами даже при сильнѣйшемъ промышленномъ кризисѣ. У насъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было оправдывается нѣмецкая пословица: hat der Bauer Geld, hat es die ganze Welt, —когда крестьяне имѣютъ деньги, то всѣ ихъ имѣютъ. При повальной бѣдности народа нѣтъ широкаго сбыта для произведеній мануфактурныхъ и фабричныхъ, а при слабости сбыта не могутъ развиваться и умножаться фабрики и заводы. Не значило ли это начинать съ конца и дѣйствовать навыворотъ—создавать искусственныя подпорки и поощренія для крупной промышленности, прежде чѣмъ сдѣлано что-нибудь для поднятія низкаго уровня экономическаго быта главной массы населенія? Можно ли воздвигать зданіе сверху, не заботясь о фундаментѣ?

Къ несчастью, народныя массы, живущія впроголодь и въ урожайные годы, не имѣютъ возможности заявлять свои нужды такъ громко и смѣло, какъ фабриканты и промышленники. Представители торговли и промышленности всегда находятъ дѣятельную защиту и покровительство въ министерствѣ финансовъ; они имѣютъ также особыя и весьма вліятельныя учрежденія для своевременнаго заявленія и поддержанія своихъ требованій — совѣтъ торговли и мануфактуръ съ его мѣстными отдѣленіями, столичные и провинціальные биржевые комитеты, представляющіе собою организованную силу денежнаго капитала. А народное земледѣліе, на которомъ все у насъ держится, прозябаетъ и гибнетъ безпомощно, въ пассивномъ молчаніи, вдали отъ центровъ власти и вліянія, не имѣя за себя никакихъ оффиціальныхъ заступниковъ. Отдаленный голосъ народной нужды доходитъ до насъ только тогда, когда уже поздно,—когда нельзя уже предотвратить послѣднюю ликвидацію крестьянскихъ хозяйствъ и когда дѣло идетъ только о спасеніи людей отъ голодной смерти. Сколько шуму поднимается

всякій разъ, когда промышленнымъ интересамъ грозитъ малѣйшее подобіе кризиса! Вся печать занималась вопросомъ о „джутовыхъ мѣшкахъ“,—вопросомъ въ сущности мелкимъ и ничтожнымъ, но затрогивающимъ выгоды нѣкоторой группы промышленниковъ; всѣ газеты были полны разсужденій о кризисѣ сахарной промышленности, по поводу извѣстныхъ домогательствъ сахарозаводчиковъ, и для удовлетворенія послѣднихъ были немедленно приняты энергическія мѣры. Наше сельское хозяйство, особенно крестьянское, давно уже переживаетъ тяжелый и всеобщій кризисъ, доходящій по временамъ до полнаго разоренія; но некому хлопотать о поддержаніи падающаго земледѣлія, и только періодическія голодовки заставляютъ вспоминать о забытыхъ интересахъ многомилліоннаго сельскаго населенія. У насъ нѣтъ особаго министерства сельскаго хозяйства, какъ въ Пруссіи; устарѣлая податная система все еще ложится всею своею тяжестью на крестьянъ; нѣтъ организованнаго мелкаго кредита для земледѣльцевъ, нѣтъ законовъ противъ ростовщичества, какіе существуютъ почти во всѣхъ другихъ государствахъ, и хищному кулачеству предоставленъ неограниченный просторъ при вынужденномъ содѣйствіи судебныхъ исполнителей. Среди шумныхъ заботъ о промышленности и торговлѣ упущено было изъ виду, что и земледѣльческій классъ имѣетъ нѣкоторое право на существованіе, что онъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ пощады, если не покровительства. Самые рѣшительные и убѣжденные протекціонисты должны видѣть теперь, что въ ихъ системѣ есть какой-то важный пробѣлъ, котораго нельзя болѣе оставлять безъ вниманія. Они не могутъ не сознавать, что рискованно идти дальше по прежнему пути; они должны провѣрить свои взгляды и стремленія съ точки зрѣнія настоятельныхъ нуждъ народнаго и преимущественно земледѣльческаго хозяйства.

Недавній пересмотръ нашего таможеннаго тарифа является, какъ намъ кажется, послѣднимъ торжествомъ идей промышленнаго протекціонизма; это какъ бы поворотный пунктъ нашей экономической политики. Симптомы поворота замѣтны были отчасти уже при окончательномъ обсужденіи и принятіи новаго тарифа: многія черезъ-чуръ преувеличенныя требованія промышленниковъ были сокращены или устранены, и вмѣсто строгой прямолинейности мы видимъ рядъ компромиссовъ и уступокъ, вызванныхъ необходимостью. Повидимому, неурожаи послѣднихъ лѣтъ и сомнительные виды на будущее въ нашихъ наиболѣе хлѣбородныхъ губерніяхъ оказывали уже нѣкоторое давленіе на умы нашихъ протекціонистовъ, и строгость тарифа въ общемъ не увеличилась въ той мѣрѣ, какъ можно было ожидать. А между

тѣмъ въ составленіи этого тарифа принимали участіе почти одни представители крупной промышленности, если не считать оффиціальныхъ лицъ и уполномоченныхъ разныхъ вѣдомствъ: въ тарифной коммиссіи 1890 года, какъ видно изъ свѣденій, сообщенныхъ въ книгѣ проф. Менделѣева (стр. 109, 114), участвовали 62 представителя торгово-промышленныхъ учрежденій, семь профессоровъ технологическаго института и всего одинъ представитель сельско-хозяйственныхъ интересовъ, баронъ П. Л. Корфъ, да одинъ представитель дворянскаго землевладѣнія. Предварительная же коммиссія для пересмотра тарифа составлена была изъ однихъ профессоровъ технологическаго института, спеціалистовъ по разнымъ техническимъ производствамъ, безъ всякаго участія лицъ, знакомыхъ съ нуждами земледѣлія и съ общимъ экономическимъ положеніемъ Россіи. И если при такомъ составѣ дѣятелей, проникнутыхъ идеями протекціонизма, новый тарифъ оказался все-таки сравнительно умѣреннымъ, то это показываетъ лишь силу фактическихъ условій, противъ которыхъ не устоитъ никакая предвзятая теорія.

Промышленный протекціонизмъ пока еще господствуетъ, но сами сторонники его начинаютъ какъ будто чувствовать его безсиліе предъ усложняющимися задачами народно-хозяйственной жизни. Признаки такого настроенія замѣчаются и въ книгѣ профессора Менделѣева, посвященной новому тарифу. Самъ авторъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу настойчивыхъ и послѣдовательныхъ приверженцевъ искусственнаго поощренія промышленности; онъ желалъ бы, чтобы всѣ занимались фабричнымъ или заводскимъ дѣломъ, въ прямую противоположность графу Л. Н. Толстому, который предлагаетъ всѣмъ заняться земледѣліемъ. Профессоръ Менделѣевъ—такой же оригинальный экономистъ, какъ и Левъ Толстой; онъ больше приводитъ цифръ и фактовъ, но сущность его воззрѣній столь же рѣзко расходится съ дѣйствительностью, какъ и выводы нашего знаменитаго романиста. Тѣ своеобразные аргументы, которыми авторъ подкрѣпляетъ свои взгляды, лучше всего раскрываютъ внутреннюю несостоятельность всей нашей новѣйшей покровительственной системы. Нѣкоторыя разсужденія г. Менделѣева могутъ быть объяснены только желаніемъ во что бы то ни стало поддержать падающую доктрину, въ которую вѣра уже утрачена. Книга его сама по себѣ поучительна не только какъ опытъ подробнаго комментарія къ отдѣльнымъ статьямъ новаго тарифа, но и какъ ясное доказательство того, что нашъ протекціонизмъ не можетъ быть оправданъ теоретически, безъ помощи натяжекъ и софиз-

мовъ. Авторъ, пользовавшійся славою замѣчательнаго ученаго изслѣдователя, прибѣгаетъ на этотъ разъ къ логическимъ пріемамъ, не допускаемымъ ни въ какой наукѣ. Онъ заранѣе предполагаетъ доказаннымъ именно то, что слѣдуетъ доказать, а именно, что протекціонизмъ создаетъ и развиваетъ промышленность и благосостояніе страны, — затѣмъ всѣхъ, несогласныхъ съ этимъ положеніемъ, онъ объявляетъ противниками промышленнаго развитія. Спорный вопросъ о пользѣ протекціонизма подмѣнивается такимъ образомъ совершенно другимъ вопросомъ—о пользѣ самой промышленности, заводской и фабричной, въ разныхъ ея видахъ. Г. Менделѣевъ убѣдительно разъясняетъ важное значеніе производительнаго труда и краснорѣчиво споритъ противъ воображаемыхъ „фритредеровъ", враговъ полезной предпріимчивости, тогда какъ дѣйствительные „фритредеры" возстаютъ противъ протекціонизма именно вслѣдствіе его вреднаго вліянія на свободный ростъ промышленности и на общее экономическое состояніе народа. Авторъ постоянно предполагаетъ причинную связь между фактами, которые слѣдуютъ одни за другими во времени, по принципу: post hoc, ergo propter hoc; онъ не анализируетъ матеріала, а сопоставляетъ и сравниваетъ разнородныя явленія, видитъ тождество или сходство тамъ, гдѣ есть коренныя различія, дѣлаетъ заключенія относительно Россіи на основаніи данныхъ, касающихся спеціально промышленнаго быта Англіи, и такимъ путемъ приходитъ къ желанному выводу о превосходствѣ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и о пагубности „фритредерства".

Нужно замѣтить, что неопредѣленность самыхъ терминовъ—протекціонизма и фритредерства—даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Приверженцы покровительственной системы требуютъ поощренія промышленности на счетъ всего населенія, но они вовсе не желаютъ покровительства земледѣлію или вмѣшательства государства въ пользу рабочаго класса; они большею частью ярые „фритредеры" въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ трудящихся массъ, о нуждахъ крестьянства и сельскаго хозяйства. Наоборотъ, враги промышленнаго протекціонизма могутъ быть вовсе не фритредерами и стоять за энергическое вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, въ устройство и эксплуатацію промышленныхъ предпріятій. Между тѣмъ протекціонисты представляютъ дѣло такъ, какъ будто имъ приходится возражать противъ принципа невмѣшательства вообще, противъ устарѣлой и непопулярной доктрины: „laissez faire, laissez passer", и на этой почвѣ они стараются заставить читателя забыть, что они отстаиваютъ лишь

интересы капитала. Въ качествѣ несомнѣнныхъ практиковъ, охранителей осязательныхъ выгодъ крупной промышленности, они любятъ изображать противниковъ въ видѣ пустыхъ доктринеровъ (или „резонеровъ", по выраженію проф. Менделѣева), такъ какъ послѣдніе дѣйствительно защищаютъ нѣчто отвлеченное—интересы неопредѣленнаго большинства населенія.

Проповѣдники покровительственной системы выступаютъ иногда борцами національной идеи и научнаго прогресса, сторонниками новаго реформаторскаго направленія въ политической экономіи; они жестоко громятъ отсталыхъ фритредеровъ, приписывая имъ всякія заблужденія и ошибки, но не даютъ себѣ труда опредѣлить въ точности, гдѣ и въ комъ видятъ они этихъ мнимыхъ враговъ, съ которыми нужно будто бы бороться. У насъ, напримѣръ, указывали на покойнаго В. П. Безобразова, какъ на типичнаго фритредера, и на него особенно обрушивались нападки нашихъ протекціонистовъ; онъ будто бы „принадлежалъ къ той плеядѣ доктринеровъ и спеціально къ тому фритредерскому кружку, который въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ принесъ Россіи столько вреднаго"; онъ исключительно держался „западныхъ, модныхъ тогда доктринъ, не обращая вниманія ни на нашъ собственный историческій опытъ, ни на то, что модныя доктрины далеко не были святою истиною и въ самой Европѣ, гдѣ ихъ черезъ десять лѣтъ сдали уже въ архивъ за негодностью"; наконецъ, по тарифнымъ вопросамъ онъ будто бы всегда былъ „на сторонѣ враговъ нашей промышленности" [1]). Но въ дѣйствительности содержаніе трудовъ Безобразова имѣетъ очень мало общаго съ подобною характеристикою: онъ прямо отвергалъ отвлеченное доктринерство въ вопросахъ экономической жизни, отрицалъ безусловное фритредерство, возставалъ противъ биржевыхъ и прочихъ привилегій, податныхъ неравенствъ и легальныхъ хищеній. Онъ былъ внимательнымъ и осторожнымъ изслѣдователемъ нашей промышленности въ важнѣйшихъ ея центрахъ, лично собирая возможно полныя и точныя свѣденія и наблюденія на мѣстѣ—въ московскомъ районѣ, на Уралѣ и по „главной улицѣ Россіи"—Волгѣ; между прочимъ, онъ пренебрежительно отзывался о спорахъ фритредеровъ и протекціонистовъ, о „крайностяхъ и несообразностяхъ, высказываемыхъ до-нынѣ съ обѣихъ сторонъ". Говоря, напримѣръ, о покровительствѣ нашей кяхтинской чайной торговлѣ, онъ признаетъ, что нельзя пренебрегать затраченными капиталами и интересами торговли; но, по его мнѣнію, нельзя

[1]) „Наши государственные и общественные дѣятели". Спб., 1889, стр. 97—106.

также забывать интересы потребителей, т.-е. „всего народонаселенія Россіи, массѣ котораго до сихъ поръ доступна только одна роскошь—водка“ [1]).

Если такіе взгляды высказывалъ наиболѣе типичный у насъ представитель идей свободы торговли, то гдѣ же скрывается опасное фритредерство, съ которымъ столь усердно воюютъ наши протекціонисты? Неужели вредъ заключается уже въ самомъ напоминаніи о забытыхъ интересахъ „всего народонаселенія Россіи“? Отдѣльные противники высокихъ таможенныхъ пошлинъ могли выражать свои мнѣнія болѣе или менѣе категорично, въ видѣ протеста противъ увлеченій и излишествъ протекціонизма; бывали при этомъ неудачныя ссылки на экономическую науку, но вообще вопросъ о свободѣ торговли и покровительствѣ остается предметомъ практической политики и не имѣетъ прямой связи съ теоретическими основами политической экономіи. Теперь уже только весьма немногіе экономисты поддерживаютъ старую теорію о непреложныхъ естественныхъ законахъ, которые не слѣдуетъ нарушать искусственными мѣрами вмѣшательства и контроля; у насъ эта теорія едва ли имѣетъ серьезныхъ послѣдователей и она много разъ опровергалась въ нашей литературѣ и публицистикѣ. Тѣмъ не менѣе профессоръ Менделѣевъ находитъ, что у насъ слишкомъ часто появляются еще произведенія такъ-называемаго фритредерскаго направленія; поэтому онъ считаетъ долгомъ „открыто и громко сказать“, что стоитъ за „раціональный протекціонизмъ“ и что фритредерство, какъ ученіе, очень шатко. Къ сожалѣнію, этотъ „раціональный протекціонизмъ“ оказывается чѣмъ-то крайне сомнительнымъ и рискованнымъ.

Нашъ ученый химикъ открылъ, посредствомъ простого вычисленія, что производство хлѣба приноситъ гораздо меньше денежнаго дохода, чѣмъ любое промышленное дѣло, напр. добываніе каменнаго угля, а потому,—заключаетъ онъ,—Россія разбогатѣетъ только въ томъ случаѣ, если русскій народъ, подобно англійскому, займется другими отраслями производительности, кромѣ земледѣлія. „Земледѣльческій періодъ Россіи завершился“, возвѣщаетъ уже г. Менделѣевъ; „пора понять, что на хлѣбѣ заработки малы, и если его цѣна поднимется даже въ три раза, все же работа съ нимъ однимъ будетъ менѣе выгодною, чѣмъ со многими видами промышленности, потому что онъ дѣтскій трудъ, а онъ повсюду дешевъ, въ немъ только первые признаки разумности“ (стр. II—III). Сравнительная невыгодность земледѣлія подтверждается

[1]) Народное хозяйство Россіи, ч. I. Спб., 1882, стр. 181—3 и др.

такимъ разсчетомъ: если стоимость всего хлѣбнаго сбора въ хозяйствѣ раздѣлить на число употребленныхъ рабочихъ дней, то на каждый рабочій день приходится около 70 коп.; а цѣнность годовой добычи каменнаго угля и антрацита въ области Войска Донского, раздѣленная на число рабочихъ дней, даетъ около 1 р. 40 к. на рабочій день, т.-е. въ два раза больше, чѣмъ при производствѣ ржи. Такъ же точно въ Англіи день углекопа оплаченъ въ три раза лучше, чѣмъ земледѣла, въ среднемъ отвлеченномъ выводѣ. „А если перейдемъ къ другимъ промысламъ, гдѣ почище и полегче, тамъ еще и выше средній дневной заработокъ. Томъ данныхъ могу привести,—заявляетъ авторъ,—потому что много считалъ и нашелъ, что хуже земледѣльца нынѣ никто не оплачивается". Вся Россія производитъ хлѣбныхъ продуктовъ на сумму около $2^1/_2$ милліардовъ рублей; занято этимъ дѣломъ по меньшей мѣрѣ 50 мил. рабочихъ, которые такимъ образомъ заработываютъ въ годъ по 50 рублей, работая на поляхъ около ста дней въ годъ, и слѣдовательно, на человѣка выходитъ всего по 50 коп. валового заработка въ сутки. А каменноугольная промышленность въ Великобританіи даетъ болѣе $5^1/_2$ р. въ день на человѣка, если общую стоимость продукта раздѣлить на число рабочихъ, трудящихся подъ землею и на поверхности. Такой же результатъ получается при разсмотрѣніи доходности другихъ отраслей производительности; вездѣ барыши гораздо выше, чѣмъ въ трудѣ земледѣльческомъ (стр. 142—8). Не выгоднѣе ли поэтому бросить производство зерновыхъ хлѣбовъ, замѣнивъ его фабрично-заводскимъ трудомъ?

„Не должно упустить изъ виду,—поясняетъ профессоръ Менделѣевъ,—что засуха, губящая хлѣба, полезна для подземной работы, ее удешевляетъ, что черви не кушаютъ угля и желѣзныхъ рудъ, что жучокъ и овражки не пользуются содою, что при отсутствіи заработковъ на хлѣбной жатвѣ, въ годы неурожаевъ, перепроизводство и дешевизна горныхъ заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ усилятся; словомъ, дополненное этими промышленностями цѣлое хозяйство Россіи уравняется, бѣдствія уменьшатся, и богатство, съ трудолюбіемъ связанное, возростетъ. Почти все это можетъ лишь исподволь, понемногу, ломки тутъ никакой не надо,—надо только немного и въ должной постепенности тарифомъ и всякими иными способами вызывать и помогать должному. Лѣтъ въ двадцать настойчивыхъ усилій Россія можетъ достичь того, что не отправитъ ни зерна своего хлѣба—оставитъ этотъ заработокъ неграмъ Африки; вывозить хлѣбный товаръ будетъ развѣ въ видѣ муки лучшихъ сортовъ, крахмала,

макаронъ и тому подобныхъ товаровъ, имѣющихъ много большую цѣнность, чѣмъ зерно, а главную отправку будетъ получать отъ своихъ заводовъ и фабрикъ. Вывозъ будетъ не меньше, а пожалуй, и больше современнаго, да и ввозъ также, потому что разживутся люди, спросятъ всякой новинки и себѣ, и женѣ, и дѣтямъ. Будущее столѣтіе, съ помощью новаго тарифа и мѣръ, ему долженствующихъ отвѣчать, увидитъ Россію въ новомъ видѣ—страной нормальной комбинаціи сельскаго труда съ заводско-фабричнымъ" (стр. 129).

Въ предположеніяхъ и разсчетахъ автора есть одна основная ошибка: онъ смотритъ на народное хозяйство съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя-капиталиста, котораго интересуетъ лишь количество получаемаго имъ денежнаго дохода. Каменноугольныя копи несомнѣнно выгоднѣе для хозяевъ, чѣмъ земледѣліе; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что положеніе людей, работающихъ въ шахтахъ подъ землею, выгоднѣе положенія крестьянъ, добывающихъ свой хлѣбъ земледѣльческимъ трудомъ. Вмѣсто вычисленія воображаемой доли дохода, приходящейся на каждаго рабочаго, было бы правильнѣе взять реальныя цифры и свѣденія, касающіяся каменноугольныхъ и иныхъ работъ. Какъ ни плохо живется русскому крестьянину, воздѣлывающему свою землю, но экономическое и нравственное состояніе его неизмѣримо лучше того положенія, въ какомъ находятся рабочіе на фабрикахъ и заводахъ. Для широкаго развитія крупной промышленности нужны многочисленныя и дешевыя рабочія руки, нуженъ безземельный пролетаріатъ, ищущій наемнаго труда, и если въ Англіи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ существуетъ такой неимущій рабочій классъ, то это всѣми считается великимъ зломъ, источникомъ грозныхъ опасностей для будущаго. Печально положеніе фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ на западѣ, гдѣ всякій промышленный кризисъ выбрасываетъ на улицу десятки тысячъ семействъ, гдѣ періодическія стачки, забастовки и волненія суть обычные способы борьбы противъ хозяевъ-капиталистовъ, гдѣ только въ новѣйшее время ограничена эксплуатація дешеваго труда женщинъ и дѣтей. Западно-европейскіе рабочіе имѣютъ все-таки возможность организоваться, охранять свои человѣческія права и улучшать свой бытъ, благодаря высокому общему уровню культуры и умственнаго развитія; съ своей стороны и хозяева крупныхъ предпріятій отчасти сознаютъ свои обязанности и отвѣтственность, заботятся о положеніи своихъ рабочихъ и нерѣдко дѣйствуютъ въ духѣ истиннаго человѣколюбія. Несравненно болѣе грустно и даже вполнѣ безотрадно положеніе трудящихся на

нашихъ фабрикахъ и заводахъ, несмотря на то, что многіе рабочіе имѣютъ еще нѣкоторыя связи съ землею и не находятся еще въ полной власти хозяевъ по своимъ средствамъ къ существованію. Процвѣтающая у насъ свеклосахарная промышленность вполнѣ осуществляетъ, кажется, идеалъ проф. Менделѣева: и доходы ея громадны, и нѣтъ заграничной конкурренціи, и искусственно поддерживаются высокія цѣны на сахаръ, и развивается значительный вывозъ за границу по цѣнамъ болѣе низкимъ, для завоеванія иностранныхъ рынковъ на счетъ русскихъ потребителей. Каковы же заработки рабочаго люда, создающаго эти сахарныя богатства?

Поучительныя данныя объ этомъ предметѣ, какъ и вообще о положеніи нашихъ фабричныхъ рабочихъ, можно найти, напр., въ изслѣдованіи д-ра В. В. Святловскаго, фабричнаго инспектора харьковскаго округа, а затѣмъ привислянскаго края. Повсюду хозяинъ можетъ когда угодно прогнать рабочаго, безъ всякаго о томъ предупрежденія, а самъ ограждаетъ себя отъ самовольнаго удаленія рабочаго посредствомъ удержанія значительной части его заработной платы. Такъ, въ большей части заводовъ сумскаго уѣзда харьковской губерніи „принято за правило, что рабочій, ушедшій ранѣе срока, теряетъ право на полученіе всей заработной платы, и тѣмъ не менѣе ежегодно бѣжитъ съ этихъ заводовъ не мало рабочихъ, которые не могутъ вынести необычайной трудности нѣкоторыхъ работъ; въ 1881—82 годахъ, напр., ушло безъ разсчета до 450 рабочихъ, т.-е. около 12% общаго числа. Въ виду значительнаго количества бѣглецовъ почти всѣ сахарные заводы черниговской и харьковской губерній законтрактовываютъ рабочихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько нужно. Если бѣглецовъ окажется меньше, чѣмъ предполагалось заранѣе, то съ излишкомъ рѣдко церемонятся, хотя большинство рабочихъ на сахарныхъ заводахъ—народъ пришлый, дальній". Среднюю норму заработной платы можно принять для мужчинъ въ 6 р. 50 коп. за 24 дня работы въ мѣсяцъ, кромѣ квартиры и хозяйскихъ харчей, которыя оцѣниваются въ 3 р.; женщина имѣетъ при квартирѣ и харчахъ 4 р. 50 к., а малолѣтки—3 рубля; на сахарныхъ заводахъ царства польскаго плата почти такая же: для мужчинъ 32—37 коп. въ день, для женщинъ въ 20—22 коп., для подростковъ 15 к. и для малолѣтнихъ 12 коп.; даже мастера, ремесленники и старшіе рабочіе получаютъ среднимъ числомъ по 32 коп. въ день. Вообще,—говоритъ д-ръ В. В. Святловскій,—заработная плата на сахарныхъ заводахъ принадлежитъ къ числу наименѣе выгодныхъ. Ни одна почти профессія не вознагражд-

дается такъ плохо, въ зависимости вѣроятно отъ крайне малаго количества искусства, требуемаго отъ простого работника на сахарномъ заводѣ. Рабочій здѣсь представляетъ собою истинный типъ чернорабочаго. Отъ него требуются лошадиная выносливость, мышечное напряженіе и больше ничего. Во Франціи заработная плата на сахарныхъ заводахъ почти вчетверо выше нашей (на 400%) для мужчинъ, больше чѣмъ въ три раза выше для женщинъ, и даже подростки получаютъ больше нашихъ взрослыхъ мужчинъ на 50%. Д-ръ Святловскій приводитъ интересную выписку изъ рабочей книжки одного рабочаго на сахарномъ заводѣ подольской губерніи: оказывается, что этотъ рабочій въ теченіе пяти мѣсяцевъ отработалъ большее число дней, чѣмъ дѣйствовалъ самый заводъ, т.-е. въ нѣкоторые дни онъ работалъ не по 12 часовъ, а цѣлыя сутки, отдыха за все это время не имѣлъ, кромѣ трехъ дней Рождества и дня Крещенія; за всю эту тяжкую пятимѣсячную работу ему оставалось получить при уходѣ 16 р. 68 коп., изъ которыхъ удержано конторою 5 руб. 56 коп. на погашеніе долга за неявившихся односельчанъ, нанявшихся подъ круговой порукою. Рабочій понесъ домой всего 11 р. 12 коп., а для возвращенія на родину въ смоленскую губернію по желѣзной дорогѣ нужно почти вдвое больше денегъ, такъ что половину пути онъ долженъ пройти пѣшкомъ. Такимъ образомъ, „одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и неутомимыхъ работниковъ, унося съ завода 11 р. 12 коп., вернется домой, послѣ пятимѣсячнаго отсутствія, рѣшительно безъ копѣйки и, какъ бы ни былъ онъ крѣпокъ, въ полнѣйшей усталости. Тотчасъ по приходѣ домой его ждетъ нужда безотлагательная въ деньгахъ, которыхъ взять неоткуда; слѣдомъ же за нимъ пріѣзжаетъ уже знакомый ему подрядчикъ, и работнику остается только возобновить контрактъ; такъ онъ и дѣлаетъ“. Помѣщенія для рабочихъ на сахарныхъ заводахъ крайне тѣсны и неудобны въ санитарномъ отношеніи; въ казармахъ рабочій не имѣетъ своего угла, и на человѣка приходится среднимъ числомъ менѣе одной кубической сажени воздуха. Лучше устроены квартиры для семейныхъ рабочихъ на заводахъ царства польскаго, но и тамъ воздухъ бываетъ такъ спертъ по утрамъ, что при всемъ желаніи нельзя было при осмотрахъ проникнуть дальше порога. Рабочіе не имѣютъ права пользоваться сахаромъ и подвергаются денежнымъ взысканіямъ за нарушеніе этого правила; нерѣдко часть штрафныхъ денегъ выдается доносчику на товарища для пресѣченія воровства. „Не проще ли было бы,—замѣчаетъ д-ръ Святловскій,—выдавать каждому рабочему хотя бы по фунту въ мѣ-

сяцъ того продукта, который онъ добываетъ буквально въ потѣ лица своего? Рабочій убиваетъ жизнь и здоровье на сахарномъ заводѣ, весь покрытый сахарною пылью, и не смѣетъ унести нѣсколько кусковъ вещества, которое онъ попираетъ своими ногами".

Такъ живутъ люди, работающіе въ одной изъ наиболѣе доходныхъ и богатыхъ отраслей промышленности; въ большинствѣ другихъ производствъ условія жизни рабочихъ просто бѣдственны, а иногда ужасны. На многихъ спичечныхъ фабрикахъ рабочіе „всѣ спятъ въ повалку, мужчины, женщины и дѣти, всѣ вмѣстѣ на голыхъ доскахъ чердаковъ". Эти фабрики не имѣютъ „ничего, что хотя отчасти характеризовало бы сколько-нибудь сносное человѣческое жилье"; нѣтъ ни бани, ни умывальника, ни комнаты, гдѣ бы можно оставить верхнее платье. Работа продолжается отъ пяти часовъ утра до 11—12 ч. ночи. Дѣти въ большинствѣ случаевъ получаютъ самый нищенскій заработокъ, а бѣдность окрестнаго населенія такова, что многія матери со слезами на глазахъ умоляли фабричнаго инспектора допустить принятіе ихъ ребенка снова на фабрику, съ которой онъ приноситъ пятакъ (буквально) въ день и зародышъ неизлечимой болѣзни. „Еще недалеко то время, когда на этихъ фабрикахъ можно было встрѣтить 5—6-лѣтнихъ ребятишекъ, причемъ и до сихъ поръ самымъ обычнымъ явленіемъ при посѣщеніи инспекціи должно считать необычайную суматоху и разбѣганіе дѣтей, которыя скрываются отъ посѣтителей". Вообще „все спичечное дѣло въ новозыбковскомъ уѣздѣ основано на самой безпощадной хищнической эксплуатаціи труда, здоровья и жизни—прежде малолѣтнихъ рабочихъ, а нынѣ подростковъ и женщинъ". На одной фабрикѣ „роль жилого помѣщенія играетъ двухъ-этажная деревянная сушильня, и къ этому четыреугольному деревянному ящику, въ который напихана безъ разбора цѣлая масса людей обоего пола и разныхъ возрастовъ, —семейныхъ, съ грудными дѣтьми, юношей, дѣвушекъ и стариковъ, — нѣтъ даже порядочной лѣстницы, а лишь приставной помостъ безъ перилъ съ обледенѣлою зимой поверхностью, какъ бы нарочно предназначенной для того, чтобы люди ломали себѣ руки и ноги на этой крайне наклонной плоскости". Въ другомъ мѣстѣ „казарма представляетъ темный корридоръ (чердакъ) съ голыми стѣнами безъ оконъ; рабочіе всѣхъ возрастовъ и обоего пола спятъ въ-повалку на голомъ полу, прижавшись другъ къ другу (осмотръ былъ зимою)"; ни у одного нѣтъ ни подстилки, ни одѣяла, ни подушки. Умываются люди изъ гнилой лужи, вырытой передъ фабрикой, куда сваливаются всѣ фабричные отбросы и всякій соръ. Отдѣльныхъ спаленъ для малолѣтнихъ не оказалось

нигдѣ въ харьковскомъ округѣ; а „не нужно быть пуристомъ, чтобы понять, какъ страдаетъ нравственность дѣтей отъ совмѣстнаго спанья въ одной комнатѣ съ взрослыми рабочими, какъ преждевременно развиваются извѣстные инстинкты, пріобрѣтается цинизмъ и усвоиваются всѣ подробности разврата". На писчебумажныхъ фабрикахъ и на фабрикахъ искусственной шерсти „женщины, а прежде и малолѣтніе, преимущественно заняты сортировкой тряпья, т.-е. одною изъ самыхъ вредныхъ работъ, особенно въ виду отсутствія у насъ какого-либо контроля надъ сборщиками тряпья, свободно скупающими по лазаретамъ, больницамъ, по городамъ (послѣ покойниковъ) и въ деревнѣ всякіе тряпичные отбросы". Льнотрепальныя заведенія разстроиваютъ здоровье рабочихъ, особенно женщинъ, вслѣдствіе необычайнаго развитія пыли, непомѣрной длины рабочаго дня и крайняго напряженія силъ рабочихъ, не говоря уже о недостаткѣ освѣщенія, отопленія и вентиляціи. На стеклянныхъ заводахъ дѣти имѣютъ чрезвычайно истощенный видъ, что, конечно, объясняется вредностью всѣхъ работъ на этихъ заводахъ; почти всѣ работы около раскаленной массы такъ тяжелы, что и взрослые едва переносятъ ихъ. На махорочныхъ заводахъ „всего ужаснѣе устроены сушильни, а между тѣмъ рабочимъ приходится иногда сидѣть тамъ минутъ 15 и даже полчаса, вслѣдствіе чего ихъ оттуда вытаскиваютъ нерѣдко въ глубокомъ обморокѣ. При входѣ въ сушильню духъ захватываетъ почти въ той же мѣрѣ, какъ и при входѣ въ то помѣщеніе химическихъ заводовъ, гдѣ добывается соляная кислота". Въ пекарняхъ и булочныхъ, даже славящихся вкусомъ своего хлѣба, помѣщенія темны, низки и грязны; нерѣдко люди спятъ тамъ же, гдѣ и работаютъ, на мѣшкахъ съ мукой. Въ нѣкоторыхъ большихъ прянично-конфектныхъ заведеніяхъ господствуетъ повсюду грязь, нечистота и мусоръ; „рабочіе спали на тѣхъ же столахъ, гдѣ готовятся пряники и конфекты". Въ мастерскихъ кожевенныхъ заводовъ люди спятъ и ѣдятъ среди сырости и зловонія; для стока жидкостей съ пола не имѣется никакихъ приспособленій. На большой перчаточной фабрикѣ пахнетъ не лучше, чѣмъ въ общественныхъ мѣстахъ извѣстнаго рода, потому что кожи, для пріобрѣтенія нужной мягкости, вымачиваются въ открытыхъ чанахъ, наполненныхъ полусгнившею жидкостью; эту жидкость доставляютъ сами рабочіе, для чего въ помѣщеніи, въ нѣсколькихъ углахъ, находятся особые чаны, ничѣмъ неприкрытые. На многихъ суконныхъ фабрикахъ помѣщенія рабочихъ крайне плохи; рабочій не имѣетъ своего опредѣленнаго мѣста для спанья, а каждый ложится гдѣ попало; щели наръ кишатъ паразитами;

для подстилки служитъ обыкновенно собственная одежда, рѣже рабочимъ выдаются мѣшки, набитые соломой, или рогожи; одѣялъ и подушекъ ни у кого не имѣется. Часто рабочіе спятъ, не снимая даже сапогъ, изъ боязни кражи; число мѣстъ на нарахъ обыкновенно хватаетъ только для одной смѣны, и рабочая смѣна, возвращаясь въ казармы, ложится на мѣста еще влажныя отъ чужого пота. Вознагражденіе повсюду крайне скудное; притомъ замѣчено вообще, что „производства, отличающіяся наибольшею продолжительностью рабочаго дня или даже вредностью своею въ санитарномъ отношеніи, оплачиваются отнюдь не лучше, а даже хуже производствъ, сравнительно безвредныхъ и съ меньшею продолжительностью рабочаго дня".

Произвольные вычеты и штрафы, составляющіе особую статью дохода въ бюджетѣ фабрикъ и заводовъ, равно какъ и возможность отказать рабочему во всякое время, дѣлаютъ весьма шаткими и неопредѣленными даже тѣ скудные заработки, которые добываются этимъ каторжнымъ трудомъ при безобразной и часто невыносимой обстановкѣ. Въ небольшихъ и небогатыхъ заведеніяхъ къ этому присоединяется еще неопредѣленность сроковъ расплаты; рабочій выпрашиваетъ часть своихъ денегъ къ большимъ годовымъ праздникамъ, и часто ему удается получить ихъ только при окончательномъ разсчетѣ съ хозяиномъ. „Кому приходилось видѣть, какъ въ нашихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, гдѣ вполнѣ царитъ этотъ видъ расплаты, оборванный подмастерье съ картузомъ въ рукахъ, какъ нищій, вымаливаетъ хотя частицу своихъ трудовыхъ денегъ, тотъ знаетъ, какъ солоно приходится это безобразное занятіе, благодаря которому спутываются всѣ разсчеты, и самая разсудительная и осмотрительная семья при всей энергіи къ труду садится на пищу древнихъ столпниковъ и юродивыхъ". Рабочій по-неволѣ попадаетъ въ сѣти ростовщика, выручающаго его въ трудную минуту [1]). Въ привислянскомъ краѣ общій уровень положенія рабочихъ все-таки гораздо выше, чѣмъ въ остальной Россіи; но и тамъ и здѣсь это жалкіе паріи, не могущіе добиться сноснаго человѣческаго существованія даже при самой усиленной двѣнадцати-часовой ежедневной работѣ.

Фабричная „цивилизація", при существующихъ у насъ условіяхъ, производитъ настоящее опустошеніе въ трудящемся народѣ, губитъ его и физически, и нравственно, вноситъ непоправимую

[1]) *Фабричный рабочій.* Изслѣдованіе здоровья русскаго фабричнаго рабочаго. Санитарное положеніе фабричнаго рабочаго въ привислянскомъ краѣ и въ Малороссіи. Изъ наблюденій фабричнаго инспектора, *В. В. Святловскаго.* Варшава, 1889, стр. 14—16, 27—8, 31—7, 52—3, 69—73, 115—6 и др.

порчу въ жизнь молодыхъ поколѣній и едва оставляетъ въ рукахъ рабочихъ ничтожныя крохи тѣхъ барышей, которые получаются фабрикантами и промышленниками. Не только для нашего бездомнаго рабочаго люда, но и для западно-европейскаго фабричнаго работника, вознаграждаемаго вдвое лучше, представляется идеаломъ благополучія—имѣть свой участокъ земли, свое хозяйство, и жить хотя бы съ нуждою въ своей хатѣ, на вольномъ воздухѣ, безъ тягостной зависимости отъ капиталиста-предпринимателя и отъ условій промышленнаго рынка. А профессоръ Менделѣевъ предлагаетъ превратить милліоны сельскихъ обывателей въ фабричныхъ и заводскихъ пролетаріевъ, такъ какъ онъ „много считалъ и нашелъ, что хуже земледѣльца нынѣ никто не оплачивается". Онъ считалъ общую денежную доходность предпріятій, но не принялъ въ разсчетъ реальнаго положенія людей, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ; дѣйствительное же благосостояніе страны и народа опредѣляется матеріальнымъ и нравственнымъ бытомъ народныхъ массъ, а вовсе не количествомъ денежныхъ оборотовъ крупной промышленности. Пока крестьянство обладаетъ землею и имѣетъ возможность кормиться столь невыгодною, по мнѣнію автора, сельско-хозяйственною работою, оно не уйдетъ въ другія отрасли производства и не обогатитъ ихъ обиліемъ дешевыхъ и надежныхъ рабочихъ рукъ. Для нуждающихся крестьянъ-земледѣльцевъ фабричный или заводскій трудъ будетъ всегда лишь временнымъ, вспомогательнымъ промысломъ на зимніе мѣсяцы, а такой непостоянный рабочій матеріалъ совершенно непригоденъ и недостаточенъ для фабрикъ и заводовъ, дѣйствующихъ въ теченіе цѣлаго года.

Предположимъ, однако, что вслѣдствіе систематическаго разоренія народнаго земледѣлія и землевладѣнія значительная часть нашего крестьянства выработаетъ изъ себя безземельный рабочій классъ, вполнѣ готовый къ услугамъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Откуда возьмутся тогда занятія для этихъ многихъ милліоновъ свободныхъ рабочихъ рукъ? Для кого будутъ производиться издѣлія и продукты всѣхъ этихъ многочисленныхъ промышленныхъ заведеній и предпріятій, въ которыхъ наши „земледѣлы" найдутъ себѣ болѣе выгодную плату, какъ предполагаетъ г. Менделѣевъ? Фабрично-заводская промышленность доставляетъ доходы только тогда, когда на ея произведенія существуетъ достаточный спросъ и когда обезпеченъ для нихъ выгодный сбытъ. Гдѣ же будутъ покупатели товаровъ, производимыхъ въ чрезмѣрномъ избыткѣ тѣми

милліонами людей, которые прежде занимались менѣе прибыльнымъ производствомъ хлѣба? Г-нъ Менделѣевъ считаетъ большимъ преимуществомъ другихъ продуктовъ, кромѣ хлѣбныхъ, то обстоятельство, что они не страдаютъ отъ засухъ и всякой непогоды, что, напримѣръ, „черви не кушаютъ угля и желѣзныхъ рудъ, что жучокъ и овражки не пользуются содою"; но вѣдь и люди не будутъ сыты углемъ или содою, и при всѣхъ недостаткахъ хлѣба, сравнительно съ желѣзомъ или углемъ, безъ него все-таки обойтись невозможно. Что же будетъ, если запасы этихъ полезныхъ товаровъ останутся безъ вѣрнаго и своевременнаго сбыта? Внутри страны не будетъ спроса въ надлежащей мѣрѣ, ибо по системѣ г. Менделѣева промышленность должна развиваться искусственно, независимо отъ потребностей внутренняго рынка и не дожидаясь даже возникновенія спроса; а сбытъ за границу возможенъ только для такихъ продуктовъ, относительно которыхъ мы обладаемъ безспорной естественной монополіей, какъ, напримѣръ, для керосина, отчасти ржи. Даже еслибы наши заводскія и фабричныя издѣлія стали дешевле и лучше заграничныхъ, они не могли бы быть предметомъ значительнаго вывоза, ибо мы не имѣли бы, конечно, никакого основанія разсчитывать на свободное допущеніе нашихъ товаровъ въ предѣлы другихъ европейскихъ государствъ послѣ того, какъ мы сами закрыли свои границы для иностранныхъ произведеній. Г-нъ Менделѣевъ не останавливается вовсе на этихъ неизбѣжныхъ вопросахъ и недоумѣніяхъ; онъ, подобно другимъ протекціонистамъ, предлагаетъ всякія тарифныя строгости только съ тѣмъ условіемъ, чтобы иностранныя державы не отвѣчали намъ тою же монетою; онъ надѣется почему-то на глупость и снисходительность иностранныхъ правительствъ, на ихъ великодушіе или недальновидность; онъ не доказываетъ и не обсуждаетъ, а просто пророчитъ успѣхи нашего будущаго вывоза, за который иностранцы будутъ намъ платить наличными деньгами. Продавать иностранцамъ возможно больше фабричныхъ и заводскихъ издѣлій, а покупать у нихъ какъ можно меньше, затруднять доступъ ихъ товарамъ въ наши предѣлы, а вывозить къ нимъ свободно наши собственные продукты—таковы несложные принципы экономической программы г. Менделѣева. Въ основѣ этой программы лежитъ отрицаніе взаимности и солидарности въ промышленныхъ интересахъ и сношеніяхъ культурныхъ народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь выражается ошибочный взглядъ на пріобрѣтеніе денегъ, какъ на задачу народнаго хозяйства,—тотъ же взглядъ, который побудилъ

автора отрицать выгодность земледѣлія и который однако оспаривается имъ въ другихъ мѣстахъ книги (стр. 125—126, 130).

Г-нъ Менделѣевъ рисуетъ весьма заманчивую, но совершенно фантастическую картину общаго довольства и благоденствія въ случаѣ принятія его теоріи усиленнаго промышленнаго производства. По его мнѣнію, разъ начавшись подъ тарифной защитою, „внутреннее производство должно скоро превзойти еще не развившееся въ широкихъ размѣрахъ внутреннее потребленіе, если есть условія для нормальнаго существованія данной отрасли промышленности. Тогда начнется вывозъ полу-фабрикатовъ и издѣлій. Вмѣсто заграничныхъ уплатъ начнутся полученія. Вмѣсто дороговизны начнется дешевизна. Вмѣсто недостатка работы и ея постояннаго исканія въ отхожихъ промыслахъ, вмѣсто этой потери силъ и средствъ на исканіе какой-нибудь „работишки", начнется ея спросъ, заработки поднимутся, довольство, а съ нимъ и внутренній спросъ будутъ распространяться, и съ ними накопятся капиталы, поощряющіе предпріимчивость. Тогда и внутреннее потребленіе хлѣба возростетъ, потому что весь нашъ вывозъ пшеницы и ржи—не болѣе 250 мил. пудовъ, что составляетъ на жителя около двухъ пудовъ въ годъ, т.-е. въ день менѣе 1/4 фунта. Вывозимый хлѣбъ этотъ стоитъ около 200 мил. рублей, а Россія въ годъ ввозитъ иностранныхъ товаровъ болѣе чѣмъ на 400 мил. рублей, судя по сложности 1884—1888 годовъ. Развивая сегодня каменноугольное и желѣзное дѣло, завтра содовое, хлопковое и т. д., можно сокращать этотъ ввозъ и увеличить внутренній спросъ на хлѣбъ" (стр. 158). Иностранцы „купятъ, какъ покупаютъ керосинъ, нашъ уголь, потому что онъ дешевле англійскаго (съ перевозкою по желѣзнымъ дорогамъ?); купятъ наше желѣзо, потому что покупаютъ уже и наши желѣзныя руды; купятъ и соду, такъ какъ есть условія дешевѣйшаго ея производства у насъ, какъ нигдѣ въ мірѣ; купятъ и все другое, что произведутъ и перепроизведутъ въ избыткѣ. А если многое разовьется, рабочіе на тѣхъ дѣлахъ спросятъ много хлѣба и много разныхъ товаровъ (заводскіе и фабричные рабочіе!). Свое внутреннее потребленіе возродится, возростетъ и отпускъ, потому что трудъ увеличится" (стр. 129). „Протекціонизмъ дастъ развиться въ каждой странѣ всему для нея возможному и выгодному по ея матеріальнымъ условіямъ; фабрикъ и заводовъ, рудниковъ и разсадниковъ просвѣщенія разовьется много повсюду, все будутъ еще спорить фритредеры съ протекціонистами, но вездѣ мало-помалу дойдетъ до англійской потребности сбыта надѣланныхъ избытковъ всякихъ фабрикатовъ, и они отъ перепроизводства пе-

дешевѣютъ относительно хлѣба. Тогда примутся, даже кинутся на хлѣбъ, со всѣмъ пособіемъ всякихъ знаній и разныхъ фабрикатовъ, перепроизведутъ и его опять, но уже не съ тѣмъ, какъ нынѣ, азартомъ производятъ фабрикаты, потому что скоро догадаются, гдѣ и какъ рѣшается задача гармоническаго сліянія земледѣльческаго промысла со всѣми остальными. И пока этого не случится — много вздору еще совершится". Въ результатѣ произойдетъ то, что „цѣна хлѣба поднимется въ два или въ три раза"; это „дѣло началось, или вотъ-вотъ начнется и пойдетъ расти, какъ слѣдуетъ, скоро, мирно, къ общему благополучію, къ прогрессу человѣческихъ отношеній и къ торжеству нарушенной правды" (стр. 149).

Мы охотно вѣримъ автору, что „много вздору совершится" —при дѣйствіи протекціонизма; но зачѣмъ станутъ люди сознательно стремиться къ такому явному абсурду, какъ бросаніе земледѣлія для перепроизводства фабричныхъ издѣлій, при отсутствіи на нихъ спроса, и затѣмъ опять возвращеніе къ воздѣлыванію земли для перепроизводства хлѣба? Создавать при помощи высокихъ покровительственныхъ пошлинъ такое положеніе вещей, при которомъ будутъ производиться массы товаровъ, не имѣющихъ обезпеченнаго сбыта, —значитъ, искусственно подготовлять опаснѣйшіе хозяйственные кризисы, безъ малѣйшей къ тому надобности. Вслѣдствіе перепроизводства закроются многіе фабрики и заводы; капиталы обратятся вновь къ земледѣлію, цѣны уравняются; но что станется съ рабочимъ населеніемъ закрытыхъ фабрикъ и заводовъ? Промѣнявши маловыгодное будто бы сельское хозяйство на промышленный трудъ, эти арміи рабочихъ, оторванныя отъ земли, должны будутъ остаться не только безъ хлѣба, но и безъ занятій и безъ всякихъ видовъ на будущее. Недостаточно еще дойти до „англійской потребности сбыта надѣланныхъ избытковъ всякихъ фабрикатовъ"; нужно еще, чтобы качества издѣлій были англійскія,—иначе и дешевые продукты не найдутъ сбыта, а о вывозѣ ихъ за границу нечего и думать во всякомъ случаѣ, ибо повсюду будутъ свои избытки всякихъ фабрикатовъ, притомъ, вѣроятно, лучшаго достоинства.

Г-нъ Менделѣевъ не дѣлаетъ никакого различія между продуктами нашихъ естественныхъ богатствъ, имѣющими вѣрный успѣхъ на всемірномъ рынкѣ, и искусственными произведеніями фабрикъ и заводовъ, предполагающими высокое развитіе техники и знанія; онъ постоянно ссылается на блестящіе результаты нашего нефтянаго дѣла для оправданія мѣръ, клонящихся къ усиленной охранѣ нашего фабричнаго производства отъ иностран-

ной конкурренціи,—какъ будто наше нефтяное дѣло обязано своимъ существованіемъ и успѣхомъ покровительственному тарифу, а не богатѣйшимъ источникамъ нефти, какихъ нѣтъ почти нигдѣ въ мірѣ. Авторъ говоритъ о томъ „пышномъ промышленномъ цвѣтѣ", который былъ созданъ столь быстро „дождемъ мѣропріятій въ отношеніи къ росту разработки русской нефти" (стр. 5), забывая или умалчивая о дождѣ нефтяныхъ фонтановъ, съ которыми никакое иностранное соперничество было немыслимо, помимо всякихъ таможенныхъ пошлинъ. А между тѣмъ авторъ прямо выводитъ отсюда общее заключеніе, что мѣропріятія, въ родѣ охранительнаго или запретительнаго тарифа, могутъ сами по себѣ создать процвѣтаніе во всѣхъ отрасляхъ фабричной и заводской промышленности. Перепроизводство такихъ продуктовъ, которые въ обиліи вырабатываются и за границей, не удешевитъ ихъ на всемірномъ рынкѣ, куда они вовсе не получатъ доступа уже по причинѣ большихъ разстояній и дороговизны перевозки по желѣзнымъ дорогамъ; издѣлія высшаго достоинства не потеряютъ въ цѣнѣ отъ избытка плохихъ, ограждаемыхъ покровительственнымъ тарифомъ отъ необходимости совершенствованія и улучшенія. Перепроизводство будетъ поэтому лишь безцѣльною и безплодною тратою силъ, пагубнымъ отвлеченіемъ народнаго труда на ложный путь, ведущій къ созданію многомилліоннаго пролетаріата, къ общему разоренію и банкротству.

Что касается благотворнаго будто бы повышенія цѣнъ на хлѣбъ въ два или въ три раза, то напомнимъ прежде всего, что хлѣбъ, по автору, будетъ покупаться рабочимъ населеніемъ, а не производиться непосредственно, и потому дороговизна хлѣба будетъ разорительна для трудящагося народа; но о хлѣбномъ производствѣ, какъ и о многихъ другихъ предметахъ, г. Менделѣевъ высказываетъ нѣсколько различныхъ и отчасти противоположныхъ мнѣній. Съ одной стороны, нужно желать, чтобы пудъ хлѣба былъ всегда дороже пуда желѣза, „какъ это и быть должно" (стр. 183), и со временемъ цѣны поднимутся повсюду, къ общему благополучію и прогрессу, къ торжеству нарушенной правды (стр. 149—50); а съ другой стороны, будетъ лучше для всего міра, лучше будетъ для насъ, если дешевый хлѣбъ будетъ производиться и доставляться Африкою, и мы будемъ имѣть поводъ „окончательно предоставить неграмъ снабжать Европу хлѣбомъ, а самимъ свой кушать дома, на здоровье, *при трудѣ иного рода*" (стр. 154); хлѣбъ тогда будетъ дешевый, ибо негры спрашиваютъ за работу по 10 коп. въ день (стр. 147). Что же будетъ въ самомъ дѣлѣ лучше, по мнѣнію г. Менде-

лѣева:—возвышеніе цѣны хлѣба въ два или въ три раза, или же окончательный упадокъ цѣнъ вслѣдствіе соперничества тропическихъ земель, дающихъ обильныя жатвы, и которымъ „приличнѣе умѣренныхъ странъ быть житницею міра?“ Если вѣрно послѣднее предположеніе, то падаетъ сама собою мысль о бросаніи капиталовъ въ земледѣліе въ Европѣ и у насъ послѣ періода фабрично-заводскаго перепроизводства, вызваннаго протекціонизмомъ, и слѣдовательно должны быть признаны вполнѣ неосновательными всѣ разсужденія автора о будущемъ ходѣ экономической жизни, приведенныя нами выше. Г-нъ Менделѣевъ весьма резонно замѣчаетъ относительно сельскаго хозяйства, что „представленіе о томъ, что можно завести интензивную культуру, не имѣя подъ руками потребителя, относится къ числу мечтаній, невыполнимыхъ въ дѣйствительности“ (стр. 160); а почему интензивная промышленная культура, при отсутствіи потребителей, не есть мечтаніе и притомъ несравненно болѣе вредное,—это остается безъ разъясненія. Интензивная земледѣльческая работа по крайней мѣрѣ даетъ хлѣбъ, которымъ кормится народъ, а усиленное фабрично-заводское производство даетъ продукты, которые при отсутствіи сбыта пропадаютъ безъ пользы для страны и ни для кого не замѣнятъ пищи.

Какъ мы видѣли выше, авторъ допускаетъ такую комбинацію, что русское земледѣльческое населеніе отчасти броситъ производство дешевыхъ зерновыхъ хлѣбовъ и будетъ довольствоваться покупнымъ хлѣбомъ, „при трудѣ иного рода“, благодаря развитію фабрично-заводскаго дѣла и связанныхъ съ нимъ формъ интензивнаго сельскаго хозяйства (стр. 150 и др.). Неизвѣстно только, будутъ ли воздѣлываться и кѣмъ именно тѣ громадныя земельныя пространства, которыя даже при плохой и поверхностной обработкѣ требуютъ труда многихъ и многихъ милліоновъ земледѣльцевъ. Или эти громадные запасы земель, отчасти еще пустыхъ и крайне слабо населенныхъ, должны быть окончательно обречены на превращеніе въ пустыню? Вѣдь никто не скажетъ, что высокій таможенный тарифъ уничтожитъ значеніе разстояній, сократитъ расходы по перевозкѣ и позволитъ устроивать фабрики и заводы въ мѣстахъ, удаленныхъ на тысячи верстъ отъ моря и отъ удобныхъ путей внѣшняго и внутренняго сбыта. И какъ это ни странно, г. Менделѣевъ совершенно забылъ объ этомъ важномъ элементѣ нашего народно-хозяйственнаго быта—о нашихъ безконечныхъ земельныхъ пространствахъ, дѣлающихъ обязательнымъ для народа и единственно возможнымъ и выгоднымъ для большинства населенія непосредственный земледѣльческій трудъ.

Нашъ химикъ, очевидно, жестоко ошибается, полагая, что Россія — страна земледѣльческая не по своимъ неустранимымъ естественнымъ условіямъ, а потому, что насъ „Тенгоборскіе увѣрили“, что русскіе „назначены быть исключительно земледѣльцами, хлѣбными поставщиками“ (стр. 139). Увлекшись своимъ фабрично-заводскимъ идеаломъ, онъ забылъ объ условіяхъ реальной дѣйствительности, и это забвеніе лежитъ въ основѣ всей его теоріи промышленнаго протекціонизма, какъ это ясно изъ его частныхъ ссылокъ на Англію, и какъ въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ разборъ отдѣльныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ его книгѣ.

Нѣтъ теперь задачи болѣе существенной, чѣмъ провѣрка тѣхъ началъ, на которыхъ держится наша современная экономическая политика, и сочиненіе одного изъ выдающихся истолкователей и проповѣдниковъ нашего протекціонизма даетъ весьма удобный матеріалъ для такой провѣрки.

Л. Слонимскій.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Я рабъ грѣха... Во гнѣвѣ яромъ
Я египтянина убилъ,
Но, устрашенъ своимъ ударомъ,
За братьевъ я не отомстилъ.

И трепеща неравной брани,
Бѣжалъ—не вѣдая куда,
И вотъ въ пустынномъ Мидіанѣ
Коснѣю долгіе года.

Въ трудахъ безславныхъ, въ сонной лѣни
Какъ сынъ пустыни я живу
И къ мидіанкѣ на колѣни
Склоняю праздную главу.

И рѣже все и все туманнѣй
Встаютъ еще передъ умомъ
Картины молодости ранней
Въ моемъ отечествѣ чужомъ.

И смутно видятся чертоги,
Гдѣ Солнца жрецъ меня училъ,
И размалеванные боги,
И голубой, златистый Нилъ.

И слышу глухо стоны братій,
Насмѣшки злобныхъ палачей,
И шопотъ сдавленныхъ проклятій,
И крики брошенныхъ дѣтей...

Я рабъ грѣха... Но силой новой
Вчера весь духъ во мнѣ взыгралъ,
А предо мною кустъ терновый
Въ огнѣ горѣлъ и не сгоралъ.

И слышалъ я: „народъ Мой нынѣ
Какъ тернъ для вражескихъ очей,
Но не сгорѣть его святынѣ:
Я клялся вѣчностью Моей".

Блѣднѣютъ боги Мицраима,
Какъ туча слава ихъ пройдетъ,
А купиной неопалимой
Израиль въ мірѣ расцвѣтетъ.

Владиміръ Соловьевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1891 г.

Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Настоящее положеніе вопроса о помощи голодающимъ.—Новый способъ защиты тѣлесныхъ наказаній.—Нѣчто объ обязательной силѣ закона.—Камера земскаго начальника.—Исправникъ и крестьянскія власти.—Отвѣтъ г. „Старому предводителю“ и г. И. Александрову.

28-го октября текущаго года исполнилось двадцатипятилѣтіе со дня бракосочетанія Государя Императора и Государыни Императрицы. Петербургская городская Дума постановила ознаменовать этотъ торжественный день постройкой новаго постояннаго моста черезъ Неву (на мѣсто нынѣшняго Троицкаго), стоимостью до 6 милліоновъ, съ наименованіемъ его Александро-Маріинскимъ. Въ Москвѣ городской голова предложилъ Думѣ „ознаменовать рядомъ благотворительныхъ дѣлъ радостное событіе исполняющагося 28-го октября двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. По предложенію Н. А. Алексѣева, прежде всего единогласно было рѣшено просить Его Императорское Высочество Августѣйшаго московскаго генералъ-губернатора повергнуть къ стопамъ Ихъ Императорскихъ Величествъ вѣрноподданническія чувства всей московской городской Думы. Вслѣдъ за этимъ рѣшено съ 1-го января 1892 года открыть еще два новые городскіе родильные пріюта, не менѣе чѣмъ на тысячу роженицъ каждый (т.-е. на 25 кроватей); отчислить, съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества, изъ суммъ городского управленія 50.000 руб. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, каковую сумму препроводить въ организованный въ предсѣдательствѣ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны комитетъ для пріема пожертвованій“. Въ ознаменованіе того же дня двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Величествъ, кіевская городская Дума единогласно постановила принести поздравленіе Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ отъ имени города Кіева и

устроить родильный пріютъ на 25 кроватей при Александровской городской больницѣ, назвавъ его Александро-Маріинскимъ. Однородное съ этимъ постановленіе сдѣлала и одесская городская Дума. Свѣденія о добрыхъ дѣлахъ, пріуроченныхъ къ этому же дню, продолжаютъ приходить съ разныхъ концовъ Россіи.

Помощь нуждающимся въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, постоянно ростетъ, но все еще далеко не соотвѣтствуетъ громадности бѣдствія. Къ половинѣ октября, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, на обсѣмененіе и продовольствіе въ восемнадцати губерніяхъ было ассигновано почти 32 милліона рублей; сверхъ того на общественныя работы, не считая лѣсоустроительныхъ и желѣзнодорожныхъ, отпущено 1.125.000 рублей. Въ сравненіи съ этими цифрами весьма незначительны, до сихъ поръ, суммы частныхъ пожертвованій. Подвести имъ точный итогъ еще невозможно, но едва ли онѣ превышаютъ 2-3, много — четыре милліона. Такое учрежденіе, какъ Общество Краснаго Креста, вездѣ имѣющее своихъ представителей и опытное въ дѣлѣ организаціи благотворительности, собрало, по 10 октября, только 131 тысячу рублей (67½ тысячъ по центральному управленію и 63½ тысячи по *семидесяти четырем* мѣстнымъ агентствамъ), къ которымъ прибавило 370 тысячъ изъ собственныхъ своихъ капиталовъ. Болѣе успѣшна, быть можетъ (судя по примѣру Петербурга), дѣятельность епархіальныхъ комитетовъ; но и она не достигаетъ, повидимому, особенно широкихъ размѣровъ. Не мало, *сравнительно*, получаютъ нѣкоторыя изъ мѣстныхъ, частныхъ попечительствъ, если во главѣ ихъ стоитъ лицо энергичное и пользующееся довѣріемъ; но въ общей сложности и они снабжены средствами весьма скудно. Объясняется это отчасти тѣмъ, что обществу все еще недостаточно извѣстно дѣйствительное положеніе дѣлъ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ голодомъ. Правительственныя сообщенія рисуютъ его только въ общихъ чертахъ; газетныя корреспонденціи не всегда заслуживаютъ довѣрія, да и не затрогиваютъ всѣхъ уѣздовъ, откуда идутъ печальныя вѣсти. Не вполнѣ рѣшеннымъ, кое-гдѣ, представляется даже вопросъ о томъ, съ чѣмъ приходится бороться—съ настоящимъ голодомъ или только съ недородомъ. Въ печати, и не въ одной лишь печати, дѣлаются попытки уменьшить серьезность бѣдствія—попытки слабыя, робкія, но все же затрудняющія раскрытіе истины. Сравнительно съ довольно отдаленнымъ прошлымъ—напр. съ 1867 г. — гласность правительственныхъ намѣреній и распоряженій можетъ показаться достаточною; разсматриваемая сама по себѣ, она все еще оставляетъ желать весьма мно-

гаго. Мы говорили два мѣсяца тому назадъ о невозможности ограничить помощь на обсѣмененіе однѣми надѣльными землями, а помощь на продовольствіе—однимъ нерабочимъ населеніемъ. Сохранены ли эти ограниченія, проведены ли они повсемѣстно—этого изъ оффиціальныхъ сообщеній не видно. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1-го октября появилась статья г. Д. Самарина, настойчиво ставившая вопросы о размѣрахъ пособія на каждаго ѣдока (30 фунтовъ въ мѣсяцъ—эту цифру, появлявшуюся иногда въ требованіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—г. Самаринъ совершенно правильно признаетъ количествомъ недостаточнымъ), о помощи населенію рабочаго возраста, о своевременной заготовкѣ хлѣба не только на зиму и первые весенніе мѣсяцы, но и на позднюю весну и начало лѣта. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько недѣль—а вопросы г. Самарина все еще остаются безъ отвѣта.

Въ той же статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей" указывается и способъ достигнуть лучшей постановки дѣла. „Чрезвычайныя бѣдствія,—говоритъ г. Самаринъ,—требуютъ и мѣръ чрезвычайныхъ, и особо созданныхъ для этой цѣли органовъ. Вспомнимъ, что въ 1868 году, когда голодъ охватилъ весь сѣверъ Россіи и часть среднихъ губерній, былъ учрежденъ центральный для всей Россіи комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича. Министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и безъ того обремененныя массой дѣлъ текущихъ и экстренныхъ, едва ли въ силахъ принимать *своевременно* необходимыя мѣры для борьбы съ такимъ бѣдствіемъ, какое разразилось надъ среднею и восточною полосой Россіи. Высшій центральный органъ, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ ослабилъ бы къ сожалѣнію неизбѣжныя пререканія между отдѣльными вѣдомствами и учрежденіями и придалъ бы болѣе единства правительственной и общественной дѣятельности для борьбы съ голодомъ". Нѣкоторую пользу центральный комитетъ, безъ сомнѣнія, принесъ бы, но она едва ли заключалась бы въ томъ, въ чемъ видитъ ее г. Самаринъ. Составъ комитета по необходимости былъ бы смѣшанный; рядомъ съ должностными лицами засѣдали бы представители общества, безъ которыхъ комитетъ былъ бы только административнымъ учрежденіемъ въ ряду многихъ другихъ, напраснымъ усложненіемъ и безъ того уже сложнаго механизма. Между тѣмъ, смѣшанному комитету едва ли было бы предоставлено посредничество между министерствами, устраненіе возникающихъ между ними „пререканій", распоряженіе средствами государственнаго казначейства. Неотразимая сила вещей свела бы дѣятельность центральнаго комитета къ сбору пожертвованій и распредѣленію ихъ между голодающими. Первое изъ этихъ дѣлъ пошло бы, по всей вѣроятности, болѣе успѣшно; что касается до послѣдняго, то здѣсь могутъ помочь только мѣстные органы, воз-

можно болѣе многочисленные и возможно болѣе близкіе къ населенію. Отъ центральнаго комитета зависѣло бы лишь установленіе нѣкоторой пропорціональности между суммами, направляемыми въ *губерніи*; дальнѣйшее ихъ раздѣленіе между уѣздами, волостями, сельскими обществами, отдѣльными лицами—очевидно не могло бы исходить изъ Петербурга или Москвы. Болѣе важнымъ, чѣмъ учрежденіе центральнаго комитета, представляется, поэтому, покрытіе всѣхъ голодающихъ мѣстностей частою сѣтью попечительствъ задачей которыхъ было бы распредѣленіе не только частныхъ пожертвованій, ими самими собранныхъ или доставленныхъ имъ изъ уѣздныхъ, губернскихъ и другихъ комитетовъ, но и земскихъ пособій на продовольствіе и обсѣмененіе. Въ пользу такихъ попечительствъ говоритъ опытъ 1880-81 г., когда они были устроены въ нѣкоторыхъ голодавшихъ мѣстностяхъ нижняго Приволжья. И теперь они уже кое-гдѣ существуютъ (напр. въ саратовскомъ уѣздѣ, въ ефремовскомъ уѣздѣ тульской губерніи); нужно только позаботиться о широкомъ ихъ распространеніи и о предоставленіи имъ такой свободы дѣйствій (конечно, не безконтрольной), которая поддерживала бы ихъ энергію, устраняла бы опасность апатіи и рутины. Не вполнѣ желательнымъ кажется намъ, съ этой точки зрѣнія, тотъ типъ попечительства, который принятъ Обществомъ Краснаго Креста. Въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ есть органы Краснаго Креста—читаемъ мы въ оффиціальномъ сообщеніи—„учреждаются попечительства, *подчиненныя губернскому*. Однородныя попечительства организуются и въ *крупныхъ* селахъ и прочихъ *центрахъ*, имѣя во главѣ *или предводителя дворянства, или земскаго начальника,* или сочувствующихъ дѣлу мѣстныхъ землевладѣльцевъ". Противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ ничего, конечно, сказать нельзя, хотя мы не видимъ причины установлять за ними монополію предсѣдательства, съ устраненіемъ отъ него священниковъ, врачей, учителей и т. п.; но предсѣдательство предводителя и земскаго начальника неминуемо сообщитъ попечительству оффиціальный характеръ, котораго оно, для пользы дѣла, имѣть не должно. На предводителяхъ и земскихъ начальникахъ безъ того уже лежитъ важная задача — наблюденіе за правильнымъ образомъ дѣйствій сельскихъ и волостныхъ властей, близко прикосновенныхъ къ продовольственному вопросу; смѣшивать эту задачу съ другою, совершенно иного свойства, едва ли цѣлесообразно. Мы узнаемъ изъ корреспонденціи „Новаго Времени" (№ 5612), что въ ефремовскомъ уѣздѣ произошли уже столкновенія между попечителями и земскими начальниками, вызванныя, между прочимъ, такимъ обстоятельствомъ: попечитель разрѣшилъ выдать одному сельскому старостѣ сѣмена—а земскій начальникъ, зная достатокъ старосты, посадилъ его подъ арестъ. Не ясно

ли, что при столь различныхъ отношеніяхъ къ дѣлу—начальственномъ съ одной стороны, чисто „партикулярномъ“ съ другой—совмѣстная дѣятельность земскихъ начальниковъ и частныхъ лицъ въ средѣ одного и того же попечительства представлялась бы далеко не всегда удобною? Не лучше ли сохранить за мѣстными попечительствами характеръ неоффиціальный, отнюдь не исключающій отвѣтственность и отчетность?

Мы имѣли уже случай указать на преувеличенность похвалъ и ожиданій, пріурочиваемыхъ къ дѣятельности земскихъ начальниковъ въ области продовольственнаго дѣла. Съ чрезмѣрными похвалами мы все еще продолжаемъ встрѣчаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ попадаются и факты, подтверждающіе наше мнѣніе о несоразмѣрности силъ, которыми располагаютъ новыя учрежденія, съ обширностью и трудностью задачи, созданной нынѣшнимъ народнымъ бѣдствіемъ. Къ числу такихъ фактовъ принадлежитъ не только все больше и больше распространяющееся стремленіе придвинуть помощь и заботу къ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается, но и оффиціально констатированная невозможность сосредоточить въ рукахъ земскихъ начальниковъ хотя бы одну провѣрку списковъ нуждающихся и приговоровъ съ ходатайствами о ссудахъ. „Выполнить такую провѣрку по всѣмъ обществамъ участка“,—читаемъ мы, напримѣръ, въ циркулярѣ земскимъ начальникамъ симбирской губерніи (см. „Новое Время“ № 5605),—„представляется для одного человѣка непосильнымъ трудомъ; вы должны будете совершать ее параллельно съ членами управы или гласными земства по распредѣленію, составленному уѣзднымъ совѣщаніемъ“. Не въ правѣ ли мы были сказать, что земскій начальникъ, дѣйствуя въ союзѣ и единеніи съ земствомъ, можетъ оказать ему существенно-важныя услуги (какъ оказалъ бы ихъ и всякій другой, иначе поставленный мѣстный административный дѣятель), но онъ не можетъ знать одинаково хорошо всѣ мѣстности, входящія въ составъ его участка, не можетъ слѣдить съ одинаковымъ вниманіемъ за деревнями, расположенными вокругъ его имѣнія, и деревнями, отстоящими отъ него верстъ на 50 или болѣе? Повторяемъ еще разъ: все совершающееся теперь на нашихъ глазахъ составляетъ неопровержимый аргументъ въ пользу всесословной волости.

Извѣстія о дѣятельности земскихъ начальниковъ продолжаютъ появляться почти исключительно въ газетахъ, съ самаго начала стоявшихъ на сторонѣ мѣстной судебно-административной реформы. Нельзя сказать, однако, чтобы всѣ эти извѣстія были окрашены въ одинъ и тотъ же цвѣтъ, безусловно благопріятный для новыхъ учрежденій. Рядомъ съ похвалами и восторгами попадаются факты, идущіе въ

разрѣзъ съ общимъ колоритомъ картины. Въ „Письмахъ изъ Приволжья", печатавшихся недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", мы находимъ, напримѣръ, слѣдующія свѣденія о разногласіи, возникшемъ въ „тамбовскомъ губернскомъ собраніи" (подъ этимъ названіемъ разумѣется здѣсь, очевидно, съѣздъ земскихъ начальниковъ тамбовской губерніи, созванный для установленія порядка дѣйствій новыхъ должностныхъ лицъ). „Князь Челокаевъ,—говоритъ корреспондентъ московской газеты, — совершенно справедливо замѣтилъ, что быстрое и правильное исполненіе рѣшеній волостныхъ судовъ слѣдуетъ примѣнить лишь къ *новымъ* рѣшеніямъ, такъ какъ немедленное исполненіе всѣхъ старыхъ, послѣдовавшихъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ водки, можетъ привести къ тому, что мѣстами пришлось бы пересѣчь сотни людей по проступкамъ сомнительнымъ, да притомъ совершеннымъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Вся разумная часть собранія безусловно присоединилась къ словамъ князя Челокаева,— но нашлось нѣсколько *дикарей*, которые съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, восклицали: *спчь, спчь!*"... Итакъ, несмотря на циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ, требующій особой осторожности въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, несмотря на опытъ другихъ губерній (напр. нижегородской), прямо свидѣтельствующій о невозможности и нецѣлесообразности огульнаго исполненія старыхъ приговоровъ,—вопросъ, до крайности простой или, лучше сказать, безспорный, все еще продолжаетъ служить предметомъ преній (если только можно назвать преніями борьбу аргументовъ съ немотивированными, „дикими" восклицаніями). И эти пренія происходятъ въ губерніи тамбовской—одной изъ наиболѣе „дворянскихъ" и „помѣстныхъ", въ губерніи, гдѣ „утвержденные" земскіе начальники весьма значительно преобладаютъ надъ „назначенными"!.. Не трудно себѣ представить, какихъ руководителей получитъ волостной судъ въ лицѣ начальниковъ, столь ревностно стоящихъ за тѣлесное наказаніе an und für sich, кѣмъ бы и когда бы оно ни было назначено. Если приговоръ, постановленный безъ ихъ участія, прежде вступленія ихъ въ должность, долженъ быть, съ ихъ точки зрѣнія, исполненъ во что бы то ни стало, то можетъ ли существовать какая-либо надежда на замѣну тѣлеснаго наказанія, опредѣленнаго *ихъ* волостнымъ судомъ, съ ихъ вѣдома и подъ ихъ вліяніемъ? Не ясно ли, что въ участкахъ, ввѣренныхъ такимъ земскимъ начальникамъ, послѣдняя часть ст. 29 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ (обусловливающая исполненіе тѣлеснаго наказанія разрѣшеніемъ земскаго начальника) обратится въ мертвую букву? Правда, на рѣшеніе о тѣлесномъ наказаніи, постановленное вновь организованнымъ волостнымъ судомъ, можетъ быть принесена жалоба въ уѣздный съѣздъ; но гдѣ же ручательство

въ томъ, что большинство членовъ даннаго съѣзда не принадлежитъ къ систематическимъ приверженцамъ розги?.. Что касается до старыхъ приговоровъ, не приведенныхъ въ дѣйствіе, то здѣсь произволъ земскаго начальника ничѣмъ не ограниченъ; ничто не мѣшаетъ ему признать, что приговоръ, состоявшійся много лѣтъ тому назадъ и уже въ силу этого одного потерявшій всякое внутреннее значеніе, постановленъ правильно и долженъ быть исполненъ.

„Мы слышали, — пишетъ другой корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (г. „Старый предводитель“, о которомъ мы уже упоминали въ сентябрьскомъ обозрѣніи и къ которому намъ ниже придется возвратиться), — что есть такіе земскіе начальники (къ сожалѣнію, изъ потомственныхъ дворянъ), которые кричатъ передъ крестьянами: *запорю!*—но насъ эта угроза не пугаетъ, потому что, къ счастію, такой земскій начальникъ не имѣетъ возможности привести свою угрозу въ исполненіе, въ силу новаго закона, который разсмотрѣніе обжалованныхъ приговоровъ къ тѣлесному наказанію предоставляетъ не единоличному суду земскаго начальника, а коллегіальному, уѣзднаго съѣзда“. Спокойное отношеніе г. „Стараго предводителя“ къ крикамъ: *запорю!*—кажется намъ весьма страннымъ. До крайности грустно и тяжело уже и то, что боевой кличъ, выработанный крѣпостнымъ правомъ и полицейскими негласными дознаніями, опять, по прошествіи тридцати лѣтъ, раздается въ отвыкшей отъ него русской деревнѣ. Быть можетъ, онъ вырывался иногда, въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, изъ устъ станового пристава, разсвирѣпѣвшаго вслѣдствіе неудачнаго взысканія недоимокъ, или волостного старшины, съумѣвшаго забрать въ свои руки волостной судъ; но его не слыхали крестьяне отъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, отъ мировыхъ судей и судебныхъ слѣдователей, отъ непремѣнныхъ членовъ крестьянскихъ присутствій. Никому изъ бывшихъ помѣщиковъ, никому изъ представителей правильно организованной судебной или административной власти не могло придти въ голову прибѣгнуть къ подобной угрозѣ, потому что тѣлесное наказаніе не входило въ систему общихъ уголовныхъ каръ и было заброшено въ уголокъ, мало доступный постороннимъ вліяніямъ [1]). Какъ только это положеніе дѣлъ измѣнилось, какъ только тѣлесныя наказанія были включены въ кругъ дѣйствій новыхъ судебно-административныхъ учрежденій, на сцену опять появилась старая формула, напоминающая худшую эпоху русской жизни. Возмутительная сама по себѣ, вся насквозь проникнутая произволомъ, подрывающая

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, вольныхъ и невольныхъ, повторяемъ еще разъ, что мы возражаемъ не противъ учрежденія апелляціонной инстанціи надъ волостными судами—оно было безусловно необходимо,—а только противъ нѣкоторыхъ изъ числа условій, при которыхъ оно осуществилось.

довѣріе къ власти,—эта формула и съ практической точки зрѣнія вовсе не такъ безразлична и безобидна, какъ полагаетъ г. „Старый предводитель". Новый волостной судъ самостоятеленъ лишь настолько, насколько этого захочетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, земскій начальникъ. „Ближайшее *начальство* надъ волостнымъ судомъ—читаемъ мы въ „Руководствѣ для волостныхъ судовъ", составленномъ прокуроромъ московской судебной палаты и „рекомендованномъ" министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,—составляютъ въ уѣздѣ земскій начальникъ, уѣздный съѣздъ и уѣздный предводитель дворянства". И дѣйствительно, нельзя не считать *начальникомъ* должностное лицо, облеченное правомъ штрафовать и арестовать своихъ подчиненныхъ, безапелляціонно и безъ формальнаго производства; но столь же несомнѣнно и то, что такіе „подчиненные"—судьи только по имени, а на самомъ дѣлѣ исполнители инструкцій и приказаній. Припомнимъ случаи, въ которыхъ земскій начальникъ прямо предписывалъ волостному суду подвергнуть обвиняемаго тѣлесному наказанію (въ окрестностяхъ Курска—за столкновеніе съ кучеромъ земскаго начальника, въ одномъ изъ уѣздовъ черниговской губерніи—по подозрѣнію въ кражѣ индюшки). Правда, *по закону* всякій приговоръ волостного суда, присуждающій къ тѣлесному наказанію, можетъ быть обжалованъ въ уѣздный съѣздъ, до рѣшенія котораго останавливается исполненіе приговора; но вѣдь это не помѣшало немедленному исполненію приговора, постановленнаго (съ явнымъ, притомъ, нарушеніемъ подсудности) по требованію курскаго земскаго начальника, которому губернское присутствіе сдѣлало за то только *замѣчаніе*. Опасеніе *такого* взысканія едва ли составляетъ достаточную гарантію точнаго соблюденія закона. Всегда ли, съ другой стороны, осужденный крестьянинъ рѣшится и съумѣетъ принести жалобу уѣздному съѣзду, въ особенности въ такихъ участкахъ, гдѣ обжалованіе приговора разсматривается какъ признакъ строптивости, заслуживающей дальнѣйшаго взысканія?.. Допустимъ, однако, что приговоръ не исполненъ и своевременно обжалованъ; остается еще узнать, какъ посмотритъ на него большинство уѣзднаго съѣзда — исключительно ли съ точки зрѣнія закона и справедливости, или съ точки зрѣнія начальническаго авторитета и товарищеской солидарности, требующихъ, будто бы, поддержки однажды состоявшихся рѣшеній. Мы знаемъ, что эта послѣдняя точка зрѣнія не разъ находила защитниковъ какъ въ печати, такъ и между земскими начальниками. Конечно, она примѣнима преимущественно къ приговорамъ, постановленнымъ самими земскими начальниками; но съ этими приговорами соприкасаются весьма близко рѣшенія волостныхъ судовъ, состоявшіяся по указанію и желанію земскаго начальника. Не слѣдуетъ забывать, что въ разсмотрѣніи

съѣздомъ жалобы на рѣшеніе волостного суда можетъ участвовать и земскій начальникъ, въ вѣденіи котораго находится постановившій рѣшеніе волостной судъ... Возьмемъ, наконецъ, мало вѣроятный, но все-таки мыслимый случай: представимъ себѣ, что волостной судъ, вопреки волѣ земскаго начальника, не приговорилъ обвиняемаго къ тѣлесному наказанію. При томъ толкованіи закона, которое выразилось въ рѣшеніи московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной, тѣлесное наказаніе и здѣсь представляется возможнымъ; земскій начальникъ можетъ опротестовать, по ст. 20 временныхъ правилъ, рѣшеніе волостного суда, а уѣздный съѣздъ можетъ отмѣнить рѣшеніе и присудить обвиняемаго къ тѣлесному наказанію. Мы вполнѣ убѣждены въ неправильности такого толкованія, но не видимъ причины думать, что оно устранено изъ практики новыхъ учрежденій. Гораздо вѣроятнѣе, наоборотъ, что оно является господствующимъ, и не въ одной только московской губерніи. Объ отмѣнѣ упомянутаго нами рѣшенія московскаго уѣзднаго съѣзда что-то не слышно; не слышно также, чтобы возбужденный имъ вопросъ былъ перенесенъ—въ порядкѣ, установленномъ дополнительнымъ узаконеніемъ 29-го декабря 1889 г.—на разсмотрѣніе прав. сената[1])... Итакъ, оптимизмъ и квіетизмъ г. „Стараго предводителя“ не имѣетъ достаточной raison d'être. Возмутительный фактъ, имъ указанный, заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что онъ едва ли встрѣчается въ одной только мѣстности. Одинаковыя причины не могутъ не приводить къ одинаковымъ результатамъ. Традиціи, накоплявшіяся въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, держатся крѣпко. Исчезая подъ вліяніемъ одной обстановки, онѣ легко оживаютъ подъ вліяніемъ другой, противоположной. Въ крикѣ: „запорю!“—выражается цѣлая совокупность привычекъ и взглядовъ, долго лежавшихъ подъ спудомъ, но все еще не утратившихъ своей живучести. Чтобы предупредить его повтореніе и распространеніе, недостаточно однихъ газетныхъ увѣщаній, недостаточно даже властныхъ внушеній или предписаній; нужны условія, при которыхъ онъ потерялъ бы всякій смыслъ и сдѣлался бы смѣшнымъ, вмѣсто того чтобы быть грознымъ. За доказательствами этому тезису незачѣмъ ходить далеко; мы найдемъ ихъ въ тѣхъ самыхъ корреспонденціяхъ, о которыхъ мы уже говорили.

Порицая „дикарей“, кричащихъ: *сѣчь, сѣчь!*—авторъ „Писемъ изъ Приволжья“ спѣшитъ „увѣрить“ своихъ читателей, что вполнѣ раздѣляетъ, по вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“. „Плохой либерализмъ,—восклицаетъ онъ,—заставлялъ

[1]) Примѣненіе этого порядка возможно только по отношенію къ постановленіямъ губернскихъ присутствій, а не уѣздныхъ съѣздовъ.

въ истекшее тридцатилѣтіе стрѣлять въ народъ, губить сотни невинныхъ жертвъ, тамъ, гдѣ достаточно было высѣчь десять виновныхъ. Мы раздѣляемъ взгляды митрополита Филарета и Ю. Ѳ. Самарина, которые сводятся къ тому, что родъ наказаній долженъ быть соображенъ съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ нарушителя закона и съ экономическимъ положеніемъ страны. Не даромъ мудрый митрополитъ предостерегалъ отъ постройки города мошенниковъ (ряда тюремъ) на счетъ полуголодной толпы; недаромъ Ю. Ѳ. Самаринъ, въ блестящей рѣчи своей въ московскомъ земскомъ собраніи, доказывалъ, что отрицающіе правильность тѣлесныхъ наказаній оставляютъ безнаказаннымъ всякаго главу семьи, отказывающаго въ содержаніи своимъ дѣтямъ. Вѣдь всѣ остальныя наказанія ложатся столько же на семью, какъ на самого виновнаго. Наконецъ, при громадныхъ пространствахъ, бѣдности страны и неминуемой при этомъ слабости полиціи, безопасность личности и имущества можетъ поддерживаться лишь въ томъ случаѣ, если для каждаго разряда людей есть наказаніе чувствительное; очевидно, однако, что человѣкъ, лишенный крова и правильныхъ занятій, не имѣетъ никакого основанія бояться штрафа и тюремнаго заключенія, а напротивъ, въ послѣднемъ находитъ даже иногда ту теплую пищу, то даровое помѣщеніе, въ которыхъ нуждается"... „Лично мы,—говоритъ, съ своей стороны, г. „Старый предводитель", — не сторонники тѣлеснаго наказанія. Мы воспитали нашихъ дѣтей безъ розги. Мы съ восторгомъ присоединили бы свое мнѣніе къ мнѣнію тѣхъ, которые желаютъ изъять тѣлесное наказаніе изъ мѣръ наказанія, примѣняемыхъ волостнымъ судомъ, но... къ сожалѣнію, не можемъ этого сдѣлать. Мы, зная свой народъ, зная жизнь деревни, мы, которые, желая вліять на народъ, всегда черпали у него же матеріалы для этого вліянія, мы, придерживающіеся принципа—при соприкосновеніи съ народомъ „не столько учить, сколько учиться", мы, повторяемъ, не можемъ сказать, что настала пора отказаться въ деревнѣ отъ тѣлеснаго наказанія. Конечно, желательно, чтобы тѣлесное наказаніе примѣнялось возможно рѣже и постепенно совсѣмъ исчезло бы на матушкѣ-Руси; но мы убѣждены, что это постепенное его исчезновеніе зависитъ не отъ законодателя, не отъ министра, не отъ земскаго начальника, а отъ *экономическаго блага состоянія страны*... Какъ вы запретите, уничтожите тѣлесное наказаніе, когда жизнь народная создала и пока еще не забыла пословицы:—кому тюрьма, а мнѣ горница!.. Всякому жившему въ деревнѣ и знающему деревню извѣстно, какъ нерѣдки случаи, что, съ наступленіемъ осени и зимы, люди умышленно совершаютъ проступки и преступленія, чтобы найти тепло и хлѣбъ въ тюрьмѣ. Вотъ этого несчастные люди и создали поговорку:—кому тюрьма, а мнѣ горница".

Такъ разсуждаютъ эти спокойные, сдержанные, мягкіе защитники тѣлеснаго наказанія. Они смотрятъ свысока на „необузданныхъ послѣдователей“ кн. Мещерскаго, проповѣдующихъ „культъ розги“—но въ сущности они гораздо вреднѣе и опаснѣе послѣднихъ. „Необузданность“, въ подобныхъ вопросахъ, возбуждаетъ только отвращеніе. Раскрывая всѣ карты, называя вещи настоящими именами, оставляя въ сторонѣ всякое попеченіе о гуманности, справедливости, самой элементарной благопристойности, она раздражаетъ даже людей равнодушныхъ, отталкиваетъ даже людей сходнаго образа мыслей. Черезъ-чуръ натягивать струну—значитъ, рисковать ея разрывомъ. Другое дѣло—„умѣренность и аккуратность“. Эти „прекраснѣйшіе таланты“ прельщаютъ многочисленныхъ поклонниковъ рутины, импонируютъ людямъ „средняго настроенія“, сглаживаютъ слишкомъ рѣзкія шероховатости, заслоняютъ слишкомъ выдающіяся пятна. Сказать: „я не сторонникъ тѣлеснаго наказанія“, и вслѣдъ затѣмъ перейти къ его поддержкѣ—это, конечно, вопіющее противорѣчіе; но между читателями не мало людей наивныхъ, способныхъ повѣрить въ возможность и логичность одновременнаго отрицанія розогъ—въ теоріи, и поощренія ихъ—на практикѣ. Противъ „культа розги“ эти наивные люди, по всей вѣроятности, возмутились бы; цѣлесообразность розги въ качествѣ печальной, но неизбѣжной временной мѣры можетъ показаться имъ достаточно доказанною. Необходимо, поэтому, присмотрѣться поближе къ аргументамъ, на которыхъ построена новѣйшая, „пересмотрѣнная и улучшенная“ защита тѣлесныхъ наказаній.

Тѣлесное наказаніе—таковъ основной доводъ обоихъ его защитниковъ—обусловливается слабымъ развитіемъ экономическаго благосостоянія. Почему же, спросимъ мы, примѣненіе этой кары пріурочено у насъ къ однимъ крестьянамъ, и притомъ до тѣхъ лишь поръ, пока они живутъ внѣ городской черты? Развѣ экономическое благосостояніе мѣщанъ, въ среднемъ выводѣ, выше экономическаго благосостоянія крестьянъ? Развѣ есть какая-нибудь существенная разница между крестьяниномъ и мѣщаниномъ, живущими бокъ-о-бокъ въ одной и той же деревнѣ и занимающимися однимъ и тѣмъ же дѣломъ? Развѣ крестьянинъ, переселяющійся въ городъ, становится, въ силу этого одного, болѣе обезпеченнымъ или болѣе зажиточнымъ? Развѣ пословица: „кому тюрьма, а мнѣ горница“—имѣетъ сословное происхожденіе и сословный характеръ, развѣ ее не можетъ примѣнить къ себѣ всякій бѣднякъ, неспособный или непривычный къ труду и стоящій на невысокой степени умственнаго и нравственнаго развитія? Развѣ крестьянинъ, желающій во что бы то ни стало попасть въ тюрьму, не можетъ достигнуть этого и въ настоящее время, совершивъ проступокъ болѣе важный, неподсудный волостному суду (напр. кражу

на сумму болѣе 50 рублей) или отправившись для совершенія проступка въ сосѣдній городъ? Скоро ли, притомъ, можно ожидать замѣтнаго подъема въ экономическомъ благосостояніи народной массы? Связывать съ нимъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній—значитъ, откладывать послѣднюю на неопредѣленное время, значитъ, забывать, что умственное развитіе народа, какъ и отдѣльныхъ лицъ, опережаетъ, сплошь и рядомъ, улучшеніе матеріальнаго быта. Успѣхи, сдѣланные у насъ въ послѣднюю четверть вѣка начальнымъ обученіемъ, не улучшили экономическихъ условій, среди которыхъ живетъ народъ, но, безъ сомнѣнія, подняли его духовный уровень и измѣнили этимъ самымъ его отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ... Столь же несостоятеленъ другой аргументъ нашихъ противниковъ, хотя онъ и заимствованъ изъ рѣчи Ю. Ѳ. Самарина. Допустимъ, на минуту, что тѣлесное наказаніе—единственная изъ всѣхъ уголовныхъ каръ, затрогивающая только самого виновнаго, а не его семейство. Логическимъ выводомъ отсюда было бы упраздненіе, по крайней мѣрѣ для отцовъ небогатыхъ семействъ, всѣхъ другихъ наказаній, кромѣ тѣлеснаго—а такого абсурда никто, конечно, защищать не станетъ. Точка зрѣнія Ю. Ѳ. Самарина чужда современному законодательству—иначе оно не установило бы *одновременнаго* присужденія къ розгамъ и аресту (врем. правила о волостн. судѣ, ст. 38). Самая главная фальшь этой точки зрѣнія заключается въ томъ, что она считаетъ тѣлесное наказаніе безразличнымъ или нечувствительнымъ для семьи наказаннаго. Можно было, пожалуй,—хотя и съ большой натяжкой,—утверждать нѣчто подобное при существованіи крѣпостного права или вслѣдъ за его уничтоженіемъ, когда тѣлесное наказаніе стояло à l'ordre du jour, представлялось чѣмъ-то заурядъ-нымъ, обыденнымъ, въ данной обстановкѣ почти неизбѣжнымъ; но въ настоящее время повтореніе старой пѣсни—анахронизмъ черезъ-чуръ явный. Роняя въ глазахъ семьи авторитетъ отца, тѣлесное наказаніе сплошь и рядомъ озлобляетъ, ожесточаетъ самого наказаннаго, затрудняетъ для него возвращеніе къ нормальному образу жизни, порождаетъ или усиливаетъ въ немъ наклонность къ пьянству—и въ концѣ концовъ наноситъ семьѣ гораздо большій матеріальный ущербъ, чѣмъ причинилъ бы ей кратковременный арестъ ея кормильца.

Читая „Письма изъ Приволжья", можно думать, что тѣлесное наказаніе примѣнимо, въ силу дѣйствующаго закона, только къ одному „разряду людей лишенныхъ крова и правильныхъ занятій", —и притомъ только при совершеніи ими проступковъ, направленныхъ противъ безопасности личности и имущества. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, это совсѣмъ не такъ. Тѣлесному наказанію, по приговору волостного суда или уѣзднаго съѣзда, можетъ быть подвергнутъ чело-

вѣкъ осѣдлый, домохозяинъ, землепашецъ (припомнимъ опять-таки рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу девяти крестьянъ дер. Матушкиной),—подвергнутъ за проступокъ, нисколько не угрожающій безопасности личности или имущества (напр. за оскорбленіе, *на словахъ*, волостного писаря или ночного сторожа, за ссору, за нарушеніе общественной тишины, за квалифицированную обиду дѣйствіемъ) или даже за нѣчто вовсе не составляющее проступка (пьянство, мотовство). Въ тѣхъ же „Письмахъ о Приволжьѣ“ къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи, налагаемомъ по судебному приговору, крайне неудачно примѣшивается вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, какъ о чрезвычайной мѣрѣ, употребляемой при прекращеніи безпорядковъ. Если-бы и можно было признать, что въ послѣднемъ случаѣ тѣлесное наказаніе является неизбѣжнымъ и даже гуманнымъ (какъ суррогатъ „стрѣльбы въ народъ“), то отсюда еще ровно ничего не слѣдовало бы въ пользу тѣлеснаго наказанія, какъ обыкновенной уголовной кары, назначаемой, среди глубочайшаго спокойствія и полнѣйшаго порядка, за самыя заурядныя нарушенія закона. Ошибка „Писемъ о Приволжьѣ“ заключается, однако, не въ этомъ одномъ. Случаи „стрѣльбы въ народъ“, относящіеся къ „истекшему тридцатилѣтію“, не имѣютъ ничего общаго съ „либерализмомъ“, „плохимъ“ или не плохимъ. Параллельно съ стрѣльбой постоянно, и въ шестидесятыхъ, и въ семидесятыхъ, и въ восьмидесятыхъ годахъ, шли экзекуціи другого рода, не только въ деревняхъ, но даже въ городахъ (припомнимъ одесскія событія въ пасхальные дни 1871 года). Другими словами, стрѣляли вовсе не потому, чтобы считали невозможнымъ „высѣчь десять виновныхъ“ (или даже десять невиновныхъ, такъ какъ при упрощенной процедурѣ не очень-то заботятся о точномъ установленіи вины). Стрѣльба и сѣченіе относятся, притомъ, къ совершенно различнымъ фазисамъ безпорядка; первая происходитъ тогда, когда безпорядокъ въ самомъ разгарѣ—второе слѣдуетъ за его подавленіемъ. Итакъ, ссылка на гуманность массовыхъ экзекуцій не только не имѣетъ никакого отношенія къ общему вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но и неправильна сама по себѣ, основываясь на явномъ смѣшеніи понятій.

Тѣлесное наказаніе—если вѣрить мнимымъ знатокамъ и еще болѣе мнимымъ друзьямъ народа—создано самимъ народомъ и до сихъ поръ пользуется его сочувствіемъ; оно должно быть сохранено въ силу ихъ правила: „не столько учить народъ, сколько у него учиться“. Куда, подумаешь, забралось „народничество“, кто оказался—конечно, только по имени—въ рядахъ „народниковъ“! Когда необходимость „учиться у народа“ проповѣдуется людьми, идеализирующими его хорошія стороны, возносящими его надъ такъ-называемымъ обществомъ, мы мо-

жемъ болѣе или менѣе расходиться съ этимъ мнѣніемъ, можемъ находить въ немъ смѣсь истины и заблужденій, но не можемъ не уважать его, потому что оно вытекаетъ изъ чистаго источника и свободно отъ внутренняго противорѣчія. Совершенно иное впечатлѣніе производитъ формула „народничества“ въ устахъ защитниковъ сословныхъ привилегій и желѣзной рукавицы. Послѣдовательность требовала бы здѣсь прямо противоположнаго девиза: *учить народъ*, и притомъ *учить* его преимущественно въ томъ смыслѣ этого слова, какой оно имѣло въ старинной школьной дисциплинѣ... Тѣлесное наказаніе въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ играло большую роль въ народной жизни; но это еще не значитъ, чтобы оно было свободнымъ и сознательнымъ ея продуктомъ, высоко цѣнимымъ ею и въ настоящее время. Въ распространеніи тѣлесныхъ наказаній играло большую роль сначала монгольское иго, потомъ крѣпостное право. Измѣнились условія, но результатъ ихъ продолжалъ держаться, отчасти въ силу инерціи, отчасти вслѣдствіе ошибокъ въ первоначальной организаціи волостного суда, отчасти потому, что всякій существующій обычай кому-нибудь да выгоденъ или симпатиченъ. Безспорно, между крестьянами были и есть до сихъ поръ защитники тѣлеснаго наказанія, въ голосѣ которыхъ нетрудно, при желаніи, усмотрѣть голосъ народа; но весь вопросъ въ томъ, сколько такихъ защитниковъ, чѣмъ они руководствуются въ своихъ сужденіяхъ и почему дорожатъ тѣлесными наказаніями. Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ дать ни одинъ изъ тѣхъ новоявленныхъ „народниковъ“, которые совмѣщаютъ претензію *учить* народъ съ громкими фразами о необходимости у него *учиться*. Несомнѣнно только одно: въ деревнѣ, рядомъ съ сторонниками розги, не мало и противниковъ ея, и число послѣднихъ постоянно увеличивается. Народное міросозерцаніе, раздвоенное и потерявшее свою цѣльность, должно быть исключено изъ числа точекъ опоры тѣлеснаго наказанія.

Какъ ни слаба, какъ ни фальшива аргументація г. „Стараго предводителя“ и автора „Писемъ изъ Приволжья“,—она далеко не безопасна. Выставляя тѣлесное наказаніе чѣмъ-то неизбѣжнымъ, цѣлесообразнымъ, народнымъ и даже гуманнымъ, она даетъ готовое оправданіе для широкаго примѣненія этой мѣры. Восклицанія: „сѣчь, сѣчь!“ или „запорю!“—осуждаемыя въ корреспонденціяхъ московской газеты, могутъ быть мотивированы доводами, заимствованными именно изъ этихъ корреспонденцій. „Мы настаиваемъ на исполненіи прежнихъ приговоровъ о тѣлесномъ наказаніи,—могутъ сказать „дикари“,—потому что въ нихъ отразилась народная мудрость, а намъ слѣдуетъ учиться у народа, не пытаясь учить его“. „Мы кричимъ: *запорю!*“—могутъ возразить „Старому предводителю“ осуждаемые имъ

приверженцы „культа розги“,—потому что необходимо напомнить крестьянамъ о висящихъ надъ ними *мечахъ правосудія* и о зависимости этихъ мечей отъ властной руки земскаго начальника, раздѣляющаго народный взглядъ на спасительное дѣйствіе тѣлеснаго наказанія“. Крики, непріятные для „умѣренныхъ“ защитниковъ розги, перестанутъ раздаваться только тогда, когда исчезнетъ самая розга—или, по меньшей мѣрѣ, когда за „правящимъ сословіемъ“ останется только право отмѣнять тѣлесное наказаніе, а не право назначать его, косвенно или прямо... Прибавимъ къ этому, что нѣкоторые изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ дорожатъ сохраненіемъ тѣлеснаго наказанія, потому что считаютъ его полезнымъ для землевладѣльческихъ интересовъ. Вотъ что̀ пишетъ, напримѣръ, нѣкій „Сельскій хозяинъ“ („Московскія Вѣдомости“, № 227): „Пользованіе договорными листами вызываетъ теперь (со времени введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ) много неудобствъ. Нарушенія условій найма по договорнымъ листамъ подсудны лишь земскимъ начальникамъ; всѣ же другіе договоры подсудны, сверхъ земскихъ начальниковъ, и волостнымъ судамъ. Волостные судьи ближе; отъ меня, напримѣръ, земскій начальникъ 45 верстъ. Волостные судьи за уходъ рабочаго, не отработавшаго денегъ, приговариваютъ къ розгамъ, земскіе начальники—къ штрафамъ или аресту. Не трудно понять, что первое наказаніе строже и цѣлесообразнѣе; и дѣйствительно, рабочіе боятся заслужить его“. Несомнѣнное достоинство этого разсужденія—полная откровенность. Тѣлесное наказаніе (за неотработку задатка, т.-е. за правонарушеніе гражданскаго свойства) цѣлесообразнѣе, съ точки зрѣнія хозяйственныхъ помѣщичьихъ интересовъ; ergo—порядокъ, при которомъ не всегда возможно достигнуть этого наказанія, неудобенъ и требуетъ измѣненія. Другими словами, нарушеніе условій найма по договорному листу должно быть перенесено изъ вѣдомства земскаго начальника въ вѣдомство волостного суда, для того чтобы нарушитель могъ быть приговоренъ не къ штрафу или аресту, а къ розгамъ... Не ясно ли, что̀ скрывается иногда за громкими фразами о народной мудрости и народномъ благѣ?

Само собою разумѣется, что вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ—не единственный, возбуждаемый примѣненіемъ новыхъ порядковъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ пишутъ въ „Недѣлю“ (№ 34) изъ кириловскаго уѣзда (новгородской губерніи): „освобожденное, по закону 12-го іюля 1889 г., отъ многихъ существенныхъ формъ и гарантій, правосудіе замѣтно понизилось. Особенно злоупотребляютъ нѣкоторые наши начальники 61-ю статьею положенія, предоставляющею имъ право подвергать крестьянъ аресту на три дня или штрафу въ *шесть*

рублей за неисполненіе законныхъ требованій земскаго начальника. Они придаютъ этой статьѣ столь широкое толкованіе, что осуждаютъ на основаніи ея и за буйство, и за дурную починку дорогъ, и за неисполненіе правилъ вѣжливости. Отдѣльные начальники неодинаково смотрятъ на значеніе этой статьи и не съ одинаковымъ усердіемъ ее примѣняютъ. Такъ, по даннымъ за первые четыре мѣсяца службы земскихъ начальниковъ оказалось, что одинъ примѣнилъ эту статью 5 разъ, а другой—128. Тяжесть подобныхъ арестовъ и взысканій много усиливается отсутствіемъ права обжалованія. Между тѣмъ надзоръ за земскими начальниками, такъ хорошо и подробно обставленный въ законѣ, фактически является весьма слабымъ. По крайней мѣрѣ предводитель дворянства у насъ постоянно въ разъѣздахъ по своему фабричному дѣлу (онъ имѣетъ фабрику древесной массы), прокуратура считаетъ себя освобожденною отъ надзора за „административными“ судьями, а губернская власть находится очень далеко. Поэтому у нѣкоторыхъ земскихъ начальниковъ бѣдный обыватель находится въ полномъ пренебреженіи. Есть у насъ начальникъ г. Т., имѣющій слабость всякое обращенное къ нему слово крестьянина принимать за личную ему обиду, и потому арестами сыплетъ направо и налѣво. Проникшись похвальнымъ усердіемъ къ исправленію дорогъ, онъ цѣлыя недѣли въ іюлѣ мѣсяцѣ выдерживалъ крестьянъ на дорогахъ, и когда, ссылаясь на тяжелое и крайне нужное для хозяйства время, крестьяне просили отсрочить поправку дороги до осени, онъ подвергалъ цѣлыя селенія трехдневному аресту. Онъ вмѣшался во взысканіе недоимокъ и долговъ и вмѣсто того, чтобы отложить это до осени, когда у народа бываютъ хотя какія-либо средства, принималъ строгія мѣры взысканія въ іюнѣ и іюлѣ. Въ арестахъ этотъ земскій начальникъ дошелъ до того, что недавно отправилъ подъ арестъ „гуртомъ“ 56 сельскихъ старостъ зауломской волости. Другой начальникъ Л. въ маѣ мѣсяцѣ подвергъ аресту на три дня крестьянина Степана Новожилова, почтеннаго старика, бывшаго сельскаго учителя и волостного старшину, осмѣлившагося попросить его разъяснить законъ. При этомъ земскій начальникъ отправилъ Новожилова за 200 верстъ по этапу подъ конвоемъ десятскихъ, и тѣмъ удлинилъ ему арестъ болѣе чѣмъ вдвое, а между тѣмъ арестная комната была при самомъ правленіи, въ $^1/_4$ версты отъ дома обвиненнаго“. Все это—совершенно естественные, неизбѣжные результаты дискреціонной административно-карательной власти, свободной отъ всякаго контроля.

Нѣтъ ли, однако, такихъ обстоятельствъ, при которыхъ произволъ, хотя бы и безграничный, полезнѣе законности? Въ утвердительныхъ отвѣтахъ на этотъ вопросъ въ настоящее время, конечно, нѣтъ и

достатка. Вотъ, напримѣръ, что̀ передаетъ корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 5606), будто бы со словъ одного изъ земскихъ дѣятелей самарской губерніи: „Кулакъ на совершенно законномъ основаніи подсидѣлъ и довелъ до разоренія порядочный (крестьянскій) дворъ. Волы—ему, скотъ—ему, землю въ долгосрочную аренду—ему; а, замѣтьте, долгъ почти уплаченъ. У мирового судьи или въ окружномъ судѣ никакихъ бы и разговоровъ. А земскій начальникъ Г. безъ всякихъ церемоній уничтожаетъ договоръ, дѣлаетъ разсчетъ по совѣсти, и кулакъ вдобавокъ долженъ еще возвратить часть денегъ. И такъ (поступаетъ) большинство (самарскихъ земскихъ начальниковъ), потому что иначе уже нельзя. Народъ доведенъ до отчаянія. Его нужно прокормить и хоть какъ-нибудь успокоить“. Это—весьма характеристичный разсказъ; прибавимъ къ нему не менѣе характеристичное разсужденіе. Приведя изъ „Судебной Газеты“ указаніе мирового судьи на излишній формализмъ правилъ о доказательствахъ, созданныхъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, „Московскія Вѣдомости“ (№ 279) замѣчаютъ, что это указаніе не лишено значенія и для тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуютъ земскіе начальники, такъ какъ узаконенія о письменныхъ доказательствахъ, которыми руководствуются мировые судьи, почти цѣликомъ вошли въ законъ 29-го декабря 1889 г. „Будемъ, однако, надѣяться,—продолжаетъ московская газета,—что призванные дѣйствовать на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ упраздняемые мировые судьи, не обязанные притомъ безпрекословно подчиняться сенатской практикѣ, земскіе начальники и городскіе судьи съумѣютъ избѣжать того узкаго формализма, который способенъ извратить самое понятіе о правосудіи“. На чемъ, однако, основано убѣжденіе, что земскіе начальники и даже городскіе судьи *призваны дѣйствовать*, въ области суда, *на совершенно иныхъ началахъ*, чѣмъ мировые судьи? *Призваніе* должностныхъ лицъ опредѣляется закономъ, установляющимъ ихъ права, обязанности и способъ дѣйствій; между тѣмъ, по удостовѣренію самой московской газеты, правила объ оцѣнкѣ доказательствъ *почти* одинаковы въ уставѣ гражданскаго судопроизводства и въ законѣ 29-го декабря 1889 г. Точнѣе было бы сказать, что они во всемъ существенномъ *совершенно* одинаковы; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сличить ст. 409, 410 и 129 устава съ ст. 69, 70 и 88 новаго закона. Условія, ограничивающія значеніе свидѣтельскихъ показаній и охраняющія значеніе письменныхъ актовъ, и тамъ, и здѣсь одни и тѣ же; и тамъ, и здѣсь требуется съ одинаковою настойчивостью, чтобы постановляемое рѣшеніе *не противорѣчило закону*. И такое совпаденіе не случайно: во время обсужденія судебно-административной реформы прямо ставился во-

просъ о существенныхъ отступленіяхъ отъ принятаго до тѣхъ поръ способа производства и рѣшенія гражданскихъ дѣлъ—но они были отвергнуты и не вошли въ окончательную редакцію новыхъ узаконеній. Итакъ, соблюденіе закона—все равно, касается ли онъ процессуальныхъ формъ или матеріальнаго права—столь же обязательно для земскихъ начальниковъ, какъ и для окружныхъ судовъ или мировыхъ судей. Утверждать противное, признавать за земскими начальниками свободу не стѣсняться закономъ—значитъ присвоивать имъ такое право, какого въ благоустроенномъ государствѣ не долженъ имѣть и не имѣетъ никто. Произволъ благодѣтельный ничуть не болѣе вреденъ, чѣмъ произволъ притѣснительный и зловредный. Сегодня законъ можетъ быть нарушенъ подъ вліяніемъ самыхъ лучшихъ побужденій, завтра—въ видахъ личнаго, сословнаго или класснаго интереса. Даже и при хорошемъ намѣреніи результатъ можетъ получиться далеко не хорошій. Одно дѣло—*желать* справедливаго рѣшенія, другое—его *достигнуть*. Для послѣдняго необходима прочная точка опоры, необходимъ надежный компасъ—и такимъ компасомъ можетъ служить только законъ, толкуемый, конечно, въ возможно болѣе широкомъ, разумномъ и гуманномъ смыслѣ. Въ области суда, какъ и во всякой другой, чрезвычайно опасенъ девизъ: „цѣль оправдываетъ средства"—въ особенности, если „средствомъ" является игнорированіе или прямое нарушеніе закона.

— Вы утверждаете, слѣдовательно,—могутъ спросить насъ наши противники, — что самая возмутительная эксплуатація должна быть терпима и охраняема судомъ, разъ что она производится „на совершенно законномъ основаніи"? Мы отвѣтили бы на это, что законность сдѣлки можетъ быть видимая, кажущаяся, падающая при болѣе внимательномъ, вдумчивомъ и всестороннемъ разсмотрѣніи дѣла. Такую сдѣлку можетъ признать—и часто признаетъ—недѣйствительною и мировой судья, и окружной судъ; это видно, между прочимъ, и изъ той статьи „Судебной Газеты", на которую ссылаются „Московскія Вѣдомости". Возможны, однако, случаи, когда неосновательность и безправность иска только чувствуется, подозрѣвается, предполагается, но рѣшительно не поддается установленію въ законномъ порядкѣ. Тогда судьѣ, какъ бы онъ ни назывался, остается только удовлетворить исковое требованіе. Явное нарушеніе закона внесло бы полнѣйшую разноголосицу въ практику новыхъ учрежденій. Въ то самое время, когда земскій начальникъ N. отказывалъ бы въ взысканіи, производимомъ на „совершенно законномъ основаніи", его сосѣдъ Z. признавалъ бы однородные иски правильными — и масса народа утратила бы всякое представленіе о томъ, что̀ законно или незаконно, что̀ запрещено или позволено. Скажемъ болѣе: внутреннее про-

тиворѣчіе неминуемо закралось бы въ дѣятельность самого земскаго начальника, не стѣсняющагося закономъ. Поступать произвольно—значитъ руководствоваться настроеніемъ, а настроеніе измѣнчиво и капризно... Отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эксплуатація, прикрытая законными формами, была чѣмъ-то фатальнымъ, неотвратимымъ и неискоренимымъ. Бороться съ нею можно и должно—только не путемъ поощренія произвола, а путемъ пересмотра и усовершенствованія закона. Нужно расширить свободу дѣйствій судьи—*всякаго* судьи, какое бы онъ ни носилъ имя и къ какому бы вѣдомству ни принадлежалъ — въ допущеніи и оцѣнкѣ доказательствъ; нужно положить предѣлъ накопленію неустоекъ, предупредить явную несоразмѣрность между полученной услугой и ея эквивалентомъ, принять мѣры противъ ростовщичества, во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, уменьшить, однимъ словомъ, вѣроятность столкновенія между справедливостью и буквой закона. Тогда исчезнетъ всякій предлогъ къ идеализаціи произвола, къ установленію какого-то искусственнаго различія между прежними и новыми органами судебной власти. Но вѣдь передѣлка законовъ — работа сложная, медленная; что́ дѣлать теперь, въ виду народной нужды, въ виду необходимости „хоть какъ-нибудь успокоить народъ, доведенный до отчаянія"? И этотъ вопросъ разрѣшается очень просто. Если во время войны даются временныя процессуальныя льготы военно-служащимъ, то почему же не оказать такое же снисхожденіе населенію, страдающему отъ неурожая? Почему не облечь судебную власть самымъ широкимъ правомъ отсрочки взысканій, предъявляемыхъ къ крестьянамъ голодающихъ деревень, или даже правомъ повѣрки актовъ, на основаніи которыхъ предъявляются такія взысканія, не стѣсняясь общими узаконеніями о доказательствахъ? Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ мѣръ, но иниціатива въ принятіи послѣднихъ не должна принадлежать случайному усмотрѣнію второстепенныхъ органовъ власти... Въ сферѣ дѣйствій волостного суда есть еще одинъ законный способъ облегчить положеніе должниковъ: это — широкое пользованіе народнымъ обычаемъ, допускающимъ, вообще говоря, снисходительность къ жертвамъ общественнаго бѣдствія. Мы знаемъ, напримѣръ, что во время неурожая 1880-81 г. одинъ изъ волостныхъ судовъ саратовской губерніи—тогда еще никѣмъ не руководимыхъ—систематически отказывалъ въ просьбахъ о немедленномъ взысканіи по долговымъ обязательствамъ.

До какой степени несостоятельны всѣ попытки установить новую судебно-административную власть на основахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ нормальными судебными порядками, это доказы-

вается какъ нельзя лучше слѣдующими фактами. Весной нынѣшняго года черниговскій губернаторъ разъяснилъ циркулярно земскимъ начальникамъ своей губерніи, что имъ не нужно обзаводиться особыми камерами.—Камера земскаго начальника,—говорилось въ циркулярѣ,—это весь его участокъ; это—та дорога, по которой онъ ѣдетъ, то волостное правленіе, гдѣ онъ остановился, та крестьянская изба, куда онъ вошелъ, тотъ помѣщичій домъ, гдѣ онъ долженъ бывать какъ желанный гость... Камера, устроенная въ квартирѣ земскаго начальника—это *удобство, роскошь, а не необходимость*". „Московскія Вѣдомости" поспѣшили высказать полное сочувствіе этому взгляду —но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ на страницахъ той же газеты (№ 239) появилось слѣдующее описаніе камеры одного изъ земскихъ начальниковъ павлоградскаго уѣзда (екатеринославской губерніи). „Камера земскаго начальника состоитъ изъ четырехъ комнатъ: одна предназначена для публичнаго разбирательства дѣлъ, вполнѣ прилично обставлена всѣми аттрибутами присутственнаго мѣста; рядомъ—другая, свидѣтельская, и, наконецъ, еще двѣ просторныя комнаты заняты канцеляріей, гдѣ работаютъ два писца. Всѣ столы, шкафы, полки завалены кипами бумагъ и дѣлъ, глядя на которыя нельзя подумать, что вы находитесь въ учрежденіи новомъ, функціонирующемъ менѣе года. *Выносишь при этомъ впечатлѣніе, что при той массѣ дѣлъ, какую пришлось мнѣ видѣть, едва ли возможно обойтись меньшимъ помѣщеніемъ и меньшимъ количествомъ писцовъ.* Приходится кромѣ того подумать и объ архивѣ". Въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ у этого земскаго начальника было 2.566 входящихъ и 2.845 исходящихъ бумагъ; дѣлъ разобрано было 491. Желательно было бы знать, какимъ образомъ при подобныхъ условіяхъ земскій начальникъ могъ бы обойтись безъ особой камеры? Правда, мѣстность, о которой идетъ рѣчь, принадлежитъ къ числу сравнительно бойкихъ и густо населенныхъ; но вѣдь и камера, зато, состоитъ изъ четырехъ комнатъ, отличающихся большою помѣстительностью. Мы были, лѣтомъ нынѣшняго года, свидѣтелями введенія новыхъ учрежденій въ отдаленной части чисто земледѣльческаго уѣзда, и вездѣ земскіе начальники начинали свою дѣятельность съ устройства камеры. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, хранить дѣла въ помѣщичьихъ домахъ или крестьянскихъ избахъ; нужно же имѣть помѣщеніе для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, для свидѣтелей и для публики, желающей присутствовать въ судебномъ засѣданіи. Отсутствіе камеры было бы, въ большинствѣ случаевъ, равносильно негласному разбору дѣлъ, т.-е. прямому нарушенію закона (ст. 2 правилъ 29-го декабря 1889 г.).

Положенія 12-го іюля 1889 г., подчиняя должностныхъ лицъ

волостного и сельскаго управленія административно-карательной власти земскаго начальника, сохранили такую же власть, въ прежнихъ предѣлахъ, и за уѣздными исправниками. Несомнѣнныя неудобства подобнаго двоевластія привели кое-гдѣ (напримѣръ—въ нижегородской губерніи) къ попыткамъ согласовать дисциплинарныя распоряженія исправниковъ и земскихъ начальниковъ черезъ посредство общаго ихъ начальника—губернатора. Въ другихъ мѣстахъ мы видимъ противоположное явленіе. Харьковскимъ губернаторомъ замѣчено, что нѣкоторые исправники не пользуются предоставленною имъ закономъ властью въ отношеніи наложенія дисциплинарныхъ взысканій, обращаясь, въ случаѣ необходимости, всякій разъ къ земскимъ начальникамъ по дѣламъ, подвѣдомственнымъ полиціи. Губернаторъ увѣдомилъ исправниковъ, что „съ введеніемъ положенія о земскихъ начальникахъ власть исправниковъ, регламентированная прежними узаконеніями, ничѣмъ не ограничивается, почему отказъ ихъ отъ своихъ правъ есть дѣйствіе совершенно произвольное и долженъ прекратиться". Намъ кажется, что административно-карательную власть надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, разъ что оно существуетъ, непремѣнно слѣдовало бы сосредоточить въ однѣхъ рукахъ, хотя бы въ силу извѣстной русской поговорки: „съ одного вола двухъ шкуръ не деруть".

Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей", пишущій подъ именемъ „Стараго предводителя", недоволенъ тѣмъ, что мы назвали его (въ сентябрьскомъ обозрѣніи) свидѣтелемъ „достовѣрнымъ" только съ *извѣстной* точки зрѣнія и сотрудникомъ „реакціонной" газеты, для котораго *естественно* ошибочное мнѣніе о второстепенномъ значеніи образовательнаго ценза. Свою безусловную достовѣрность г. „Старый предводитель" доказываетъ, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ „набрался знаній и опыта" въ черноземныхъ поляхъ, а не въ редакторскихъ кабинетахъ, и „продумалъ, прочувствовалъ народную жизнь на крестьянскихъ сходахъ, въ волостномъ правленіи, въ избѣ и на проселочной дорогѣ"; во-вторыхъ, своей бывшей службой въ званіи предводителя дворянства. „Предводитель, интересующійся своимъ дѣломъ, находящійся въ постоянномъ соприкосновеніи съ деревней и народомъ, долженъ—такъ думаетъ нашъ противникъ — лучше и шире знать жизнь народную, чѣмъ самый добросовѣстный корреспондентъ, живущій въ провинціальномъ городѣ (а развѣ нѣтъ корреспондентовъ, живущихъ въ деревнѣ?) и пишущій, въ большинствѣ случаевъ, о томъ, что̀ слышали и дѣлали другіе". По истинѣ удивительная аргументація! Въ деревнѣ живутъ или жили не одни только

предводители, дѣйствующіе или бывшіе, не одни только записные сельскіе хозяева, не одни только должностныя лица, начальствующія или начальствовавшія надъ крестьянами. Можно быть постояннымъ сотрудникомъ столичнаго журнала, можно быть кѣмъ и чѣмъ угодно—и знать деревню по личному опыту, по долговременному пребыванію въ ней, по земской и судебной дѣятельности, по постояннымъ сношеніямъ съ сосѣдями-крестьянами. Журнальной полемикѣ не принято, да и незачѣмъ предпосылать curriculum vitae спорящихъ сторонъ. Дѣло не въ томъ, гдѣ и какъ каждая изъ нихъ изучала предметъ спора; важенъ только результатъ изученія, выражающійся въ проводимыхъ мнѣніяхъ и предлагаемыхъ мѣрахъ. Никакой монополіи знанія и опыта, никакой grâce d'état, просвѣтляющей умъ и очищающей сердце, мы за предводителями дворянства, какъ таковыми, признать не можемъ. Нашъ противникъ самъ дѣлаетъ оговорку: *предводитель, интересующійся дѣломъ*—оговорку, подъ которую едва ли подойдетъ большинство его коллегъ, прошедшихъ и настоящихъ. Не мало найдется между ними такихъ, которые всецѣло поглощены своими личными дѣлами (припомнимъ „фабрику древесной массы", упоминаемую въ корреспонденціи „Недѣли"); другіе живутъ внѣ предѣловъ своего уѣзда и появляются тамъ, и то неаккуратно, только для предсѣдательствованія въ очередныхъ собраніяхъ разныхъ учрежденій. Для „безусловной достовѣрности" недостаточно, впрочемъ, одного „интереса къ дѣлу", недостаточно одного знанія и опыта; нужно еще правильное *пониманіе*, нужно безпристрастіе, отсутствіе предвзятаго взгляда, нужна свобода отъ личныхъ и сословныхъ предразсудковъ. Можно прожить весь свой вѣкъ въ деревнѣ—и все-таки глубоко заблуждаться насчетъ того, что̀ для нея необходимо или полезно. Доказательство этому, съ нашей точки зрѣнія, мы видимъ именно въ письмахъ г. „Стараго предводителя"... Что касается до второго упрека, то опроверженіе его взялъ на себя самъ нашъ противникъ: онъ говоритъ, въ концѣ письма, что „никакихъ степеней (образованія) онъ (въ дѣлѣ назначенія земскихъ начальниковъ) не признаетъ", такъ какъ „ставитъ душу и сердце, которое дѣятель вкладываетъ въ свое дѣло, выше научной эрудиціи, разъ она не соединена съ душой и сердцемъ". Не въ правѣ ли мы были „утверждать", что г. „Старый предводитель" придаетъ второстепенное значеніе образовательному цензу? Мы ошиблись развѣ въ томъ, что не выразились рѣшительнѣе; намъ слѣдовало бы сказать, что—по примѣру газеты, въ которой онъ пишетъ [1]),—онъ не придаетъ этому цензу *ровно никакого* значенія.

---

[1]) Припомнимъ, что̀ говорили „Московскія Вѣдомости" о законѣ 29-го декабря

„Кто шире, свободнѣе смотритъ на новое крестьянское самоуправленіе,—вопрошаетъ г. „Старый предводитель“,—мы ли, сотрудники *реакціонной* газеты, предлагающіе новымъ начальникамъ *думать съ народомъ*, или г. хроникеръ „Вѣстника Европы“, съуживающій дѣятельность земскаго начальника въ стереотипную, сухую, канцелярскую фразу: *администраторъ, дѣйствующій въ предѣлахъ и на основаніи закона*?“ Нашъ противникъ впадаетъ здѣсь въ явное недоразумѣніе. Формулой, только-что приведенной (съ прибавкой словъ: *судья, примѣняющій законъ*), мы опредѣляли *оффиціальное* призваніе, *обязательную* дѣятельность земскаго начальника. Мы настаивали на томъ, что въ основаніи этой дѣятельности долженъ лежать *законъ*, какъ норма для судьи, какъ ограничивающій и сдерживающій элементъ для администратора; мы напоминали, что земскій начальникъ—не „отецъ-командиръ“, „усмотрѣнію“ котораго нѣтъ ни мѣры, ни предѣла. Г-нъ „Старый предводитель“ переноситъ вопросъ на совершенно иную почву—на почву свободныхъ, добровольныхъ, *не-оффиціальныхъ* отношеній между крестьянами и земскимъ начальникомъ. Нельзя *предписать* послѣднему „думать“ съ народомъ, нельзя предписать народу обращаться съ своими „думами“ къ земскому начальнику. Все сводится здѣсь къ *довѣрію*, которое не устанавливается par ordre, не регламентируется закономъ. Посовѣтоваться, потолковать „по душѣ“ крестьянинъ пойдетъ только къ тому, отъ кого онъ ожидаетъ ласковаго пріема и добраго совѣта. Такимъ лицомъ можетъ быть, иногда, земскій начальникъ, но можетъ быть и всякій другой сосѣдъ—священникъ, землевладѣлецъ, докторъ, учитель. Мы не возстаемъ противъ „думы съ народомъ“; мы только не можемъ пріурочить ее къ извѣстной должности или званію, не можемъ видѣть въ ней *функцію* земскаго начальника. Что бы ни говорили сантиментальные поклонники мнимо-патріархальнаго быта, земскій начальникъ остается, прежде всего и больше всего, судьею и администраторомъ—и этого не можетъ не знать г. „Старый предводитель“, часто и много говорящій въ своихъ письмахъ о способѣ пользованія *властью* земскаго начальника. Земскаго начальника, къ которому народъ не обращается съ своими „думами“, представить себѣ не трудно [1])—но совершенно немыслимъ земскій начальникъ,

---

1889 г., предоставившемъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ видѣ временной мѣры и при извѣстныхъ условіяхъ, не стѣсняться образовательнымъ цензомъ назначаемаго лица (см. Внутр. Обозр. въ № 2 „В. Е.“ за 1890 г.).

[1]) Желательно было бы знать, напримѣръ, какъ сталъ бы „думать“ народъ вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ Т., принимающимъ каждое сказанное ему крестьяниномъ слово за личную для себя обиду, или съ земскимъ начальникомъ Л., арестующимъ крестьянина за просьбу разъяснить законъ (см. выше, корреспонденцію „Недѣли“).

не управляющій подвластнымъ населеніемъ и не постановляющій судебныхъ рѣшеній.

Въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго года между московскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и московскимъ губернаторомъ возникло разногласіе по вопросу о правѣ губернскаго земства облагать земскимъ сборомъ имущества города Москвы [1]). Въ настоящее время, какъ и слѣдовало ожидать, этотъ вопросъ разрѣшенъ сенатомъ въ пользу земства. Сенатъ нашелъ, что по закону „въ городахъ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ завѣдываніе земскими дѣлами, до этихъ городовъ относящимися, возложено на городскія управленія, причемъ пользуются правами и несутъ обязанности: городская дума — уѣзднаго земскаго собранія, а городская управа—земской управы. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы городскія управленія названныхъ городовъ находились внѣ всякой зависимости отъ земства всей губерніи. Напротивъ, органы городского управленія въ этихъ городахъ, пользуясь правами и исполняя обязанности соотвѣтственныхъ органовъ земскаго управленія въ уѣздахъ, должны состоять въ тѣхъ же отношеніяхъ къ губернскимъ земскимъ учрежденіямъ, въ какихъ къ нимъ находятся и уѣздныя земскія учрежденія, и выдѣленіе упомянутыхъ городовъ въ самостоятельныя земскія управленія не можетъ изъять эти города, въ качествѣ территоріальныхъ единицъ, изъ предѣловъ той губерніи, въ которой они состоятъ. Кругъ дѣйствій губернскихъ земскихъ учрежденій распространяется на всю губернію; посему въ кругъ дѣйствій московскаго губернскаго земства входятъ не только всѣ уѣзды московской губерніи, но и самый городъ Москва, какъ отдѣльная земская единица, выдѣленная изъ уѣзда. Признавая, поэтому, что московское губернское земское собраніе въ правѣ вообще привлекать къ обложенію земскимъ сборомъ на губернскія повинности недвижимыя имущества, состоящія въ г. Москвѣ, и находя, что при обложеніи означенныхъ имуществъ, по постановленію 16-го января настоящаго года, собраніе не выдѣлило изъ общаго ихъ числа какую-либо отдѣльную категорію имуществъ, а опредѣлило привлечь къ обложенію всѣ городскія имущества въ городѣ Москвѣ, сенатъ призналъ протестъ московскаго губернатора противъ постановленія 16-го января лишеннымъ законнаго основанія и опредѣлилъ оставить его безъ послѣдствій“. Нужно надѣяться, что это разъясненіе сохранитъ навсегда свою руководящую силу. Оно не только согласно съ зако-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 1 „В. Европы“ за текущій годъ.

помъ, но и соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру и свойству отношеній между земствомъ и большими городами [1]).

Сомнѣнія, высказанныя нами, вслѣдъ за „Юридическимъ Вѣстникомъ", по поводу одного приговора военнаго суда—сомнѣнія, раздѣляемыя и „Журналомъ гражданскаго и уголовнаго права",—нашли отпоръ въ статьѣ г. И. Александрова, напечатанной въ № 275 „Новостей". Оставляя безъ отвѣта вопросъ о томъ, на какомъ основаніи разстрѣляніе, опредѣленное приговоромъ военнаго суда, замѣнено, въ силу резолюціи генералъ-губернатора, повѣшеніемъ, г. Александровъ останавливается только на другомъ недоумѣніи, особенно важномъ: какимъ образомъ за *покушеніе* на убійство могла быть назначена смертная казнь. Изъ сообщенія „Восточнаго Обозрѣнія" (того самаго, которое подало поводъ къ замѣткамъ „Юридическаго Вѣстника" и нашей) г. Александровъ заключаетъ, что дѣло произошло, очевидно, такъ: „арестанты Дмитріевъ и Степановъ, умысливъ убить надзирателя Копаныгина, засѣли *въ засаду*, вѣроятно, гдѣ-либо въ темномъ мѣстѣ и тамъ ожидали его, съ цѣлью привести свое намѣреніе въ исполненіе, но въ это время, вмѣсто ожидаемаго надзирателя, случайно проходилъ мимо засады арестантъ Шарко, котораго они, находясь въ предположеніи, что видятъ передъ собою намѣченную жертву, и убили. Отсюда понятна указанная въ сообщеніи квалификація даннаго случая въ резолюціи суда: покушеніе на убійство надзирателя и *случайное* убійство арестанта Шарко. Выраженіе: *случайное* убійство, очевидно, не имѣетъ здѣсь того смысла, что преступники совершили убійство Шарко при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ содѣянное не вмѣняется въ вину; наоборотъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ такимъ случаемъ, гдѣ оба дѣянія—покушеніе на надзирателя и убійство арестанта—представляютъ собою осуществленіе *одного преступнаго намѣренія*, и самая раздѣльность ихъ зависитъ отъ того, что убійство было выполнено не надъ предполагаемымъ лицомъ, а надъ другимъ, постороннимъ, благодаря случайной ошибкѣ (error in objecto). По теоріи науки уголовнаго права, ошибочное убійство другого лица должно быть признаваемо *умышленнымъ*, такъ какъ хотя дѣйствующій и принималъ одно лицо за другое, тѣмъ не менѣе имѣлъ намѣреніе причинить вредъ именно тому, кто передъ нимъ находился". Не знаемъ,—можетъ быть, дѣло и происходило такъ, какъ говоритъ г. Александровъ; но изъ газетнаго сообщенія, служащаго источникомъ одинаково и для него, и для насъ, этого нельзя вывести ни

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 3 „В. Европы" за 1882 г.

съ *очевидностью,* ни даже съ вѣроятностью. Еслибы обвиняемые, предполагая, что передъ ними находится намѣченная ими жертва—Копаныгинъ, убили, по ошибкѣ, Шарко, то это убійство нельзя было бы назвать, въ судебномъ приговорѣ, *случайнымъ*; оно было бы, какъ признаетъ и самъ г. Александровъ, *умышленнымъ*, потому что подсудимые *имѣли намѣреніе убить человѣка*, а намѣренное убійство не измѣняетъ своего характера вслѣдствіе того, что вмѣсто одного лица убито, по ошибкѣ, другое. Не могло бы, затѣмъ, быть и рѣчи о *покушеніи* убить Копаныгина, потому что одно и то же дѣяніе не можетъ быть въ одно и то же время и совершившимся преступленіемъ, и покушеніемъ. При обстоятельствахъ, *предполагаемыхъ* г. Александровымъ, суду незачѣмъ было бы говорить о *случайномъ* убійствѣ Шарко и о покушеніи на убійство Копаныгина; онъ могъ бы только признать подсудимыхъ виновными въ *умышленномъ* убійствѣ Шарко, оговоривъ, съ ссылкою на приводимую г. Александровымъ ст. 1456 уложенія о наказаніяхъ, что ошибка въ лицѣ убитаго не должна и не можетъ имѣть вліянія на наказуемость преступленія. По словамъ газетнаго сообщенія, Дмитріевъ и Степановъ *обвинялись въ покушеніи на убійство своего надзирателя Копанынина и въ убійствѣ заключеннаго Шарко.* И эти слова прямо указываютъ на существованіе двухъ отдѣльныхъ обвиненій, опровергая, такимъ образомъ, *предположеніе* г. Александрова, что Дмитріевъ и Степановъ судились за *одно* только преступное дѣяніе. Подтвердить это предположеніе можно было бы только сообщеніемъ оффиціальныхъ свѣденій, а не произвольнымъ толкованіемъ газетнаго извѣстія. Сомнѣнія, высказанныя двумя юридическими журналами и „Вѣстникомъ Европы", остаются, такимъ образомъ, въ полной силѣ.

Замѣтка г. Александрова заканчивается слѣдующими словами: „что касается самаго примѣненія къ убійцамъ законовъ военнаго времени, то это объясняется именно исключительными обстоятельствами: совершеніемъ преступленія *арестантами*, отбывающими наказаніе, противъ своей стражи. Въ судебной практикѣ случаи примѣненія военныхъ законовъ въ такого рода дѣлахъ нерѣдки и часто вызываются необходимостью". Что подобные случаи нерѣдки—это очень возможно; что они „часто вызываются необходимостью"—съ этимъ не согласится ни одинъ изъ убѣжденныхъ противниковъ смертной казни. Невключеніе смертной казни въ число наказаній за общія преступленія имѣетъ цѣнность и смыслъ только подъ условіемъ непримѣненія ея, въ мирное время и среди глубокаго спокойствія, судомъ военнымъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1891.

Иностранная печать о Россіи и русскихъ.—Новые хвалители идей князя Бисмарка.—Положеніе дѣлъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ.—Защита австрійскихъ славянъ въ сочиненіи русскаго автора. — Оригинальный „греческій проектъ". — Интересы грековъ и болгаръ въ Македоніи.—Трудъ г. Бендерева.—Посланіе болгарскихъ эмигрантовъ къ г. Стамбулову.—Смерть Парнелля.

Въ послѣднее время западно-европейская печать удѣляла много [illegible]ста различнымъ толкамъ о Россіи, объ ея внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ. Поводовъ къ тому было достаточно. Неурожай и вызванныя имъ мѣры, новый внѣшній заемъ и успѣхъ его въ Парижѣ, [illegible]ланіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ итальянскимъ министромъ-президентомъ, маркизомъ ди-Рудини, и съ королемъ Гумбертомъ, дѣйствія русской экспедиціи въ Памирѣ и предполагаемый споръ съ Англіею изъ-за притязаній на эту область, наконецъ, роль нашей дипломатіи въ политикѣ великихъ державъ относительно Китая, — все это подробно обсуждалось въ заграничныхъ газетахъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Нѣмецкіе и англійскіе публицисты отзываются вообще враждебно о Россіи, причемъ въ одно и то же время приписываютъ ей опасные воинственные замыслы и указываютъ на ея печальное экономическое состояніе, выдвигающее на первый планъ насущныя внутреннія задачи государства. Берлинская „National-Zeitung" серьезно проводитъ параллель между Россіею и Китаемъ, замѣчая сходство обѣихъ странъ въ таинственной замкнутости и неизвѣстности ихъ политическаго положенія, въ недовѣріи къ европейской культурѣ, въ неясности національныхъ цѣлей и стремленій; но та же газета довольно внимательно слѣдитъ за нашей журналистикой и литературой, упоминаетъ нерѣдко имена Тургенева и Достоевскаго, даетъ отчетъ о каждомъ новомъ произведеніи Льва Толстого, помѣщаетъ подробныя статьи о покойномъ И. А. Гончаровѣ, и этимъ отчасти опровергаетъ свою собственную теорію, такъ какъ о китайскихъ писателяхъ не приходится говорить нѣмецкимъ критикамъ. Прежде въ Германіи относились къ намъ съ нѣкоторымъ подобіемъ уваженія, пока могли разсчитывать на наше содѣйствіе или дружественный нейтралитетъ въ международныхъ вопросахъ; теперь тамъ объявляютъ насъ варварами, мечтающими о завоеваніяхъ и о ниспроверженіи цивилизаціи въ Европѣ. Прежде нѣмецкіе са-

тирическіе журналы изображали Россію въ видѣ благообразной и внушительной казацкой фигуры, охраняющей неприкосновенность общаго мира, рядомъ съ Пруссіею, противъ французскаго шовинизма; русскій казакъ былъ всегда украшеніемъ этихъ политическихъ аллегорій, а теперь онъ представляется не иначе, какъ въ видѣ дикаря съ скотообразнымъ хищнымъ лицомъ, въ медвѣжьемъ облаченіи, и этотъ дикарь всегда готовится захватить что-нибудь—или мѣшки съ деньгами, подъ предлогомъ внѣшняго займа, или какую-нибудь новую сосѣднюю область. Все это, вѣроятно, вполнѣ подходитъ къ настроенію нѣмецкой публики, которая видитъ въ Россіи послѣдній оплотъ реакціи и источникъ великихъ опасностей для будущаго, и потому ничего не имѣла бы противъ того, чтобы Германія предприняла противъ насъ войну и отодвинула наши границы на востокъ. Соціаль-демократы предлагаютъ даже примириться съ Франціею для совмѣстнаго обузданія нашего „варварства". Только немногіе консервативные органы, оставшіеся вѣрными идеямъ князя Бисмарка, возстаютъ противъ этихъ постоянныхъ газетныхъ нападеній на Россію, раздражающихъ будто бы русское общество и правительство безъ всякой къ тому надобности.

Сторонники бывшаго канцлера утверждаютъ, что не утрачены еще всѣ надежды на возстановленіе оффиціальной русской дружбы, и что необходимо поэтому избѣгать рѣзкой и вызывающей полемики, могущей окончательно оттолкнуть насъ отъ старыхъ политическихъ связей съ Берлиномъ. Въ недавно вышедшей брошюрѣ, подписанной „Боруссомъ" и принадлежащей перу одного изъ близкихъ сотрудниковъ князя Бисмарка, проводится та идея, что разстройство отношеній съ Россіею есть исключительно дѣло преемниковъ знаменитаго канцлера, что они достигли этого результата своимъ черезъ-чуръ усердным и безтактнымъ ухаживаніемъ за Англіею и неудачными попытками сближенія съ Франціею, что можно поправить эти важныя ошибки, и что сдѣлать это способенъ одинъ только князь Бисмаркъ. Бывшій канцлеръ выдается теперь за нашего „друга", за противника нынѣшняго направленія созданной имъ средне-европейской лиги и за приверженца русскаго союза. Правда, въ той же брошюрѣ „борусскаго" патріота высказывается желаніе потребовать русской дружбы подъ угрозою войны и поскорѣе расправиться съ нами въ случаѣ отказа; этотъ способъ дѣйствій обнаружитъ будто бы серьезное миролюбіе Германіи и неисправимую воинственность и недоброжелательность Россіи. Многіе еще, повидимому, убѣждены, что грозный ультиматумъ есть лучшій аргументъ въ сношеніяхъ между равноправными великими державами, и что напр. Франція и Россія могутъ подчиняться такимъ требованіямъ Германіи, которыхъ на-

званныя государства никогда не позволили бы себѣ предъявлять къ самому германскому правительству. Странно встрѣчать теперь въ нѣмецкой печати подобныя разсужденія о возможныхъ „миролюбивыхъ" и дружественныхъ усиліяхъ государственнаго человѣка, наиболѣе способствовавшаго разстройству русско-германскихъ отношеній и раздѣленію всей Европы на два враждебныхъ политическихъ лагеря. Его оффиціозы систематически раздражали друзей и противниковъ Германіи своимъ вызывающимъ тономъ, своими постоянными угрозами и выходками по адресу Франціи, своими нападками на Россію и на русскіе финансы; а теперь оказывается вдругъ, что эти бывшіе выразители взглядовъ и пріемовъ князя Бисмарка играли роль миротворцевъ и дѣйствовали успокоительно на Европу вообще и на русскую политику въ особенности. Всѣ думали и продолжаютъ думать, напротивъ, что удаленіе Бисмарка было важнымъ залогомъ мира, что оно значительно смягчило обострившіяся отношенія и положило конецъ той международной травлѣ, которою спеціально занималась берлинская оффиціозная печать. И средне-европейская лига утратила свой рѣзкій воинственный характеръ съ паденіемъ итальянскаго подражателя князя Бисмарка, честолюбиваго Криспи. Дружеское свиданіе нашего министра иностранныхъ дѣлъ съ министромъ-президентомъ Италіи и съ самимъ королемъ Гумбертомъ было бы совершенно немыслимо, пока дипломатія тройственнаго союза находилась въ рукахъ „желѣзнаго канцлера" и его усерднаго итальянскаго друга и поклонника. Уже тотъ фактъ, что теперь можетъ быть рѣчь о какомъ-то сближеніи между Россіею и Италіею, доказываетъ какъ нельзя яснѣе, что средне-европейская лига перестала служить угрозою для другихъ державъ и рѣшительно пріобрѣла болѣе мирный оттѣнокъ. Вообще всякій видитъ и чувствуетъ въ Европѣ, что исчезли прежніе поводы къ постоянному безпокойству и волненію и что шансы мира значительно возросли со времени отставки князя Бисмарка; а это сравнительное успокоеніе есть несомнѣнно заслуга Вильгельма II и его новыхъ совѣтниковъ. Возвращеніе бывшаго канцлера къ власти, о которомъ мечтаютъ многіе прусскіе патріоты, было бы понято всѣми въ Европѣ какъ поворотъ въ другую сторону, какъ симптомъ международныхъ замѣшательствъ, могущихъ привести къ войнѣ, и ни одинъ сторонникъ мира не желаетъ и не можетъ желать такого поворота. Нѣтъ серьезныхъ признаковъ того, чтобы нѣмецкое общество жаждало подобной перемѣны или чтобы на нее рѣшилось германское правительство при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Личные поклонники князя Бисмарка могутъ свободно критиковать политическія ошибки Вильгельма II и генерала Каприви, но приписывать новымъ дѣятелямъ разстройство отношеній

съ Россіею или созданіе какихъ-либо внѣшнихъ опасностей для Германіи—значитъ просто насмѣхаться надъ здравымъ смысломъ европейской публики. Франко-русское сближеніе, которое особенно тревожитъ нѣкоторые робкіе умы, подготовлялось многими годами бисмарковской политики и могло считаться неизбѣжнымъ уже съ 1875 года, со времени извѣстнаго заступничества Россіи за Францію по поводу рѣшенія прусскаго главнаго штаба не допустить реорганизаціи французской арміи и прибѣгнуть для этого къ ультиматуму и къ войнѣ. Кронштадтскія манифестаціи были лишь логическимъ послѣдствіемъ односторонней системы союзовъ, усвоенной княземъ Бисмаркомъ и перешедшей по наслѣдству къ его преемникамъ; франко-русское сближеніе было вполнѣ и безусловно дѣломъ прежней берлинской дипломатіи, надменной и вызывающей, и новая политика, болѣе сдержанная и скромная, ничего не могла измѣнить въ этомъ отношеніи.

Въ англійской печати не замѣчается той систематической вражды ко всему русскому, которою проникнута значительная часть общественнаго мнѣнія въ Германіи. Англійскіе прогрессисты и либералы болѣе расположены къ намъ, чѣмъ консерваторы, тогда какъ у нѣмцевъ, наоборотъ, непріязнь къ Россіи сильнѣе среди передовыхъ либеральныхъ элементовъ общества и доходитъ до непримиримости у радикаловъ и соціалистовъ. Англичане всѣхъ партій привыкли отличать политическіе и правительственные порядки отъ особенностей и стремленій лучшей части народа: свое несочувствіе къ русской политикѣ они не переносятъ, подобно нѣмцамъ, на все русское общество и на всю русскую жизнь. Англичане усвоили себѣ разъ навсегда невысокое мнѣніе о нашей системѣ управленія, и они высказываютъ это мнѣніе независимо отъ партіи, къ которой принадлежатъ, и независимо отъ текущихъ международныхъ отношеній и споровъ. Престарѣлый Гладстонъ, въ большой рѣчи, произнесенной въ Ньюкэстлѣ 2-го октября (нов. ст.), упомянулъ между прочимъ о томъ, что репутація страны опредѣляется взглядами сосѣдей на ея дѣйствія, и въ видѣ примѣра указалъ на Россію, положеніе которой оцѣнивается общимъ мнѣніемъ цивилизованнаго міра совсѣмъ иначе, чѣмъ самими русскими. По дипломатическому выраженію Гладстона, онъ „опасается“, что репутація Россіи среди сосѣднихъ культурныхъ націй не столь высока, какъ въ массѣ русскаго населенія, а между тѣмъ важно именно мнѣніе другихъ, когда дѣло идетъ о репутаціи. Гладстонъ относится вообще сочувственно къ русскому народу и даже ко всему славянству, но онъ не скрываетъ и никогда не скрывалъ своего отрицательнаго взгляда на нѣкоторыя существенныя стороны внутренняго состоянія Россіи. Точно также консервативный „Times“,

при всей своей нелюбви къ Россіи, не пытается вовсе оспаривать или умалять способность русскаго общества къ высшему культурному развитію, а только выставляетъ на видъ фактическую слабость нашей культуры или неправильную односторонность нашей политической дѣятельности при данныхъ обстоятельствахъ. Конечно, и нѣмецкіе патріоты не думаютъ въ самомъ дѣлѣ, что Россія похожа на безсильный и неподвижный, хотя и многолюдный Китай, ибо ихъ не безпокоили бы предполагаемые замыслы державы, обреченной на судьбу китайской имперіи. Нѣмецкіе публицисты не столь послѣдовательны и правдивы, какъ англійскіе; въ своихъ отзывахъ они слишкомъ часто сообразуются съ условіями текущей политики и съ своими личными симпатіями и антипатіями. Даже лондонскій „Times“ выразилъ удивленіе по поводу образа дѣйствій нѣмецкой журналистики въ вопросѣ о подпискѣ на внѣшній русскій заемъ. Что французы склонны примѣшивать къ финансовымъ операціямъ какіе-то сантиментальные политическіе мотивы—это кажется еще понятнымъ англійской газетѣ; но трудно объяснить, почему нѣмецкіе банкиры и капиталисты, отличающіеся вообще трезвымъ пониманіемъ денежныхъ дѣлъ, превращаютъ финансовые вопросы въ политическіе и руководствуются соображеніями политики въ области своихъ спеціальныхъ интересовъ. Одно изъ двухъ,—говоритъ „Times“,—или русскія процентныя бумаги невыгодны, и тогда не надо покупать ихъ, помимо всякихъ политическихъ причинъ, или же эти бумаги представляютъ сравнительно выгодное помѣщеніе капитала, и тогда неразумно и неразсчетливо отказываться заранѣе отъ ихъ пріобрѣтенія. Нѣмецкіе финансисты, сбывая съ рукъ русскіе фонды и торжественно отрекаясь отъ участія въ русскомъ займѣ, открыли для этихъ цѣнностей иностранные рынки, особенно французскій, и сдѣлали для французовъ долгомъ чести обезпеченіе блестящаго успѣха новой финансовой операціи русскаго правительства. Не вдаваясь въ оцѣнку условій этого займа, „Times“ замѣчаетъ лишь, что наше министерство финансовъ слишкомъ часто выступаетъ предъ иностраннымъ денежнымъ міромъ въ роли заемщика, несмотря на громадную цифру прежнихъ долговъ, и что не видно серьезныхъ причинъ, которыя объясняли бы и оправдывали бы такое непрерывное наростаніе задолженности. Это, по мнѣнію „Times“'а, свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о неправильномъ ходѣ государственнаго хозяйства Россіи, каковы бы ни были ея естественныя богатства. Оффиціальные мотивы, которые выставляются при каждомъ новомъ займѣ, не совсѣмъ понятны для иностранцевъ и не могутъ быть провѣрены ими; дѣло идетъ обыкновенно о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ или объ удовлетвореніи какихъ-либо другихъ потребностей государства, указываемыхъ лишь въ весьма

неопредѣленной формѣ, и въ западно-европейской публикѣ легко является подозрѣніе, что въ дѣйствительности деньги занимаются у иностранцевъ не для производительныхъ цѣлей, для которыхъ можно было бы обойтись одними внутренними средствами, а для скорѣйшаго окончанія начатыхъ вооруженій и для увеличенія запасовъ золота на случай войны. Нельзя отрицать, что есть доля правды въ упрекѣ лондонской газеты: наши частые внѣшніе займы, не вызываемые никакими исключительными обстоятельствами, производятъ неблагопріятное впечатлѣніе за границей, даже во Франціи. Многимъ кажется, что мы просто пользуемся французскими симпатіями для займа денегъ у нашихъ друзей, что мы какъ будто обмѣниваемъ эти симпатіи на деньги; французскій министръ финансовъ Рувье въ послѣдней своей рѣчи прямо упомянулъ о денежной помощи, которую были въ состояніи оказать Россіи французскіе капиталисты,— какъ будто дѣло идетъ именно о проявленіи политической дружбы въ финансовой формѣ. Отъ такихъ толкованій и предположеній страдаетъ нравственная и политическая репутація государства, и вѣрнѣйшимъ способомъ избѣгнуть такихъ неловкихъ комментаріевъ было бы измѣненіе финансовой политики, дающей къ нимъ невольный поводъ.

Преобладаніе миролюбивыхъ тенденцій среди державъ тройственнаго союза отразилось замѣтно на политическихъ дѣлахъ Австріи. Вѣнскій кабинетъ лишился могущественной опоры въ лицѣ князя Бисмарка; разсчеты на энергическое и своевременное содѣйствіе берлинской дипломатіи потеряли почву; обширные и смѣлые планы въ области восточнаго вопроса отложены на неопредѣленное время, и вся австрійская политика получила болѣе умѣренное, выжидательное направленіе. Нѣтъ той сосредоточенной и напряженной руководящей силы, которая еще недавно вдохновляла политическихъ дѣятелей Австро-Венгріи, вызывала заманчивыя ожиданія въ Италіи и періодически волновала Европу. Разладъ между различными народностями австрійской имперіи выступаетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Не только чехи не вошли въ соглашеніе съ нѣмцами, но еще сами раздѣлились на двѣ враждующія партіи и надолго повергли страну въ состояніе хроническаго кризиса. Старочехи не хотятъ знать младочеховъ, младочехи не признаютъ старочеховъ, и правительство графа Таафе можетъ свободно игнорировать и тѣхъ и другихъ, предоставивъ имъ поѣдать другъ друга. Внутренняя рознь составляетъ вообще давнишнюю характерную черту славянскихъ народностей въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Хорваты дѣлятся на умѣренныхъ и крайнихъ, на сторонниковъ осторожной тактики епископа Штроссмейера

и приверженцевъ „партіи права", олицетворяемой рѣзкимъ и предпріимчивымъ Антономъ Старчевичемъ. Хорваты принижаютъ своихъ соплеменниковъ-сербовъ и мечтаютъ о великомъ хорватскомъ королевствѣ, которому по праву должна будто бы принадлежать Боснія съ Герцеговиною. Сербы ненавидятъ болгаръ, которые отплачиваютъ имъ тою же монетою; и тѣ и другіе ненавидятъ грековъ, съ которыми ведутъ ожесточенный споръ изъ-за Македоніи. Болгары, какъ народъ настойчивый и энергичный, съумѣли фактически поддержать свои македонскія притязанія и усилить свое вліяніе и положеніе въ спорной области, къ явному ущербу и раздраженію своихъ соперниковъ.

Эти раздоры между племенами, населяющими австро-славянскія и балканскія земли, отражаются и въ русской печати. У насъ есть публицисты, защищающіе хорватовъ противъ сербовъ, сербовъ противъ болгаръ, грековъ противъ сербовъ, или наоборотъ. Не такъ давно появилась книга г. М. Филиппова, подъ заглавіемъ: „Хорваты и борьба ихъ съ Австріей. Съ введеніемъ и эпилогомъ М. Д. Билайградскаго" (Спб., 1890). На обложкѣ книги городъ С.-Петербургъ переряженъ въ „Петроградъ", для болѣе нагляднаго выраженія тенденціи автора. Г. Филипповъ является горячимъ защитникомъ самостоятельной хорватской народности, отдѣльной отъ сербскаго племени; онъ рѣзко полемизируетъ противъ писателей и ученыхъ, отнесшихъ хорватовъ къ сербамъ и позволившихъ себѣ усомниться въ справедливости и основательности программы Антона Старчевича, предводителя „партіи права". Авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ историческихъ судебъ хорватскаго народа, приводитъ свѣденія о дѣятельности главнѣйшихъ хорватскихъ патріотовъ, разбираетъ нѣкоторыя сочиненія и рѣчи Старчевича, уличаетъ Австрію въ жестокомъ коварствѣ и въ разныхъ вопіющихъ неправдахъ, и убѣдительно доказываетъ право Хорватіи на образованіе особаго королевства. Разумѣется, всѣ историческія и нравственныя права хорватовъ, защищаемыя авторомъ съ такимъ жаромъ, имѣютъ сами по себѣ не больше вѣса, чѣмъ права нашихъ малороссовъ, и во всякомъ случаѣ гораздо менѣе обставлены доказательствами, чѣмъ мечты поляковъ, которыхъ, конечно, не одобряетъ г. Филипповъ. Если хорваты могутъ стремиться къ самостоятельному національному существованію и имѣютъ основаніе разсчитывать на достиженіе своей цѣли въ будущемъ, то это зависитъ не отъ ихъ историческихъ правъ, которыя безсильны сами по себѣ, а единственно отъ отсутствія могущественной господствующей народности въ Австріи и отъ того естественнаго процесса перерожденія, который вслѣдствіе этого издавна происходитъ въ имперіи Габсбурговъ. Преобразованіе этой

имперіи въ союзное государство, состоящее изъ равноправныхъ автономныхъ областей, вполнѣ возможно и даже, быть можетъ, неизбѣжно, съ точки зрѣнія интересовъ самихъ австрійцевъ и ихъ правителей. Къ этому вѣроятно придетъ Австрія, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, подобно тому, какъ она пришла уже къ системѣ австро-венгерскаго дуализма; но другія державы, и въ томъ числѣ Россія, не имѣютъ, очевидно, ни малѣйшаго основанія хлопотать о такомъ преобразованіи австрійской монархіи. Но г. Филипповъ думаетъ, повидимому, возложить эту задачу на русскую дипломатію; „мы считаемъ,—говоритъ онъ,—для настоящаго времени наиболѣе настоятельнымъ (!) вопросъ объ огражденіи нашихъ австрійскихъ единоплеменниковъ отъ нѣмецко-мадьярскаго господства и связанную съ нимъ задачу (о связанной съ нимъ задачѣ?) организаціи славянскихъ народностей Австріи по естественнымъ, исторически-національнымъ группамъ". Пока авторъ предлагаетъ лишь предварительную программу, по которой наиболѣе выгодъ достается будущему хорватскому королевству: оно должно обладать не только „всѣми землями, на которыя хорваты имѣютъ государственное историческое право" (?), но еще Крайною, Горицей, Тріестомъ, Штиріею и Хорутаніею" (стр. 12—14).

Почему однако мы должны принимать какія-то мѣры для устройства славянскихъ народностей Австріи въ духѣ федераціи? Что сказали бы мы, еслибъ на этомъ же основаніи германскіе нѣмцы стали провозглашать настоятельность вопроса объ „огражденіи" и организаціи своихъ остзейскихъ соплеменниковъ? Австрія еще существуетъ, какъ великая держава; она опирается еще на Германію, съ которою находится въ оборонительномъ союзѣ, и всякое посягательство на цѣлость австрійской имперіи было бы началомъ великой европейской войны,—а у насъ выступаютъ публицисты съ проектами какого-то огражденія чужихъ народностей, подвластныхъ австрійцамъ, и заранѣе распредѣляютъ различныя части сосѣдней державы, съ которою мы пока еще живемъ въ мирѣ. А потомъ мы удивляемся, что заграничныя газеты приписываютъ намъ опасные замыслы и пугаютъ публику призракомъ русскаго панславизма. Наши „Славянскія Извѣстія" постоянно говорятъ о чужихъ государствахъ въ такомъ тонѣ, какъ будто мы собираемся завоевать всю Европу; наши славянофилы много разъ дѣлили и уничтожали Австрію на бумагѣ, и теперь этотъ опытъ раздѣла австрійской имперіи повторяется г. Филипповымъ. Неужели не понимаютъ эти близорукіе патріоты, что ихъ программы и проекты поддерживаютъ вражду и недовѣріе къ Россіи и создаютъ намъ повсюду репутацію безпокойнаго и опаснаго народа, честолюбіе котораго нуждается въ обузданіи и ограниченіи? Люди, находящіеся въ здравомъ умѣ, не могутъ серьезно

толковать о заступничествѣ за австрійскихъ славянъ. Наше собственное русское населеніе страдаетъ отъ многихъ печальныхъ условій, едва ли знакомыхъ австрійцамъ. Г-нъ Филипповъ дѣлаетъ интересныя выписки изъ нѣкоторыхъ рѣчей и сочиненій Антона Старчевича, направленныхъ противъ Австріи и австрійскаго правительства; эти сочиненія печатались однако въ Австріи, а рѣчи произносились въ засѣданіяхъ хорватскаго сейма. И намъ предлагаютъ взять подъ свою защиту хорватовъ, имѣющихъ возможность печатать такія разсужденія и произносить публично такія рѣчи! Не злая ли это насмѣшка со стороны нашихъ мнимыхъ славянофиловъ? Послѣдніе не могутъ не знать, что хорватскіе способы законнаго огражденія своихъ правъ были бы немыслимы во многихъ другихъ странахъ.

Надежды на Россію вполнѣ понятны со стороны славянскихъ племенъ, ведущихъ борьбу за свое свободное существованіе и развитіе; мысль о внѣшней помощи всегда внушаетъ бодрость и энергію, тѣмъ болѣе, что по достиженіи успѣха и торжества можно легко отречься отъ покровителей и заступниковъ, — по примѣру болгаръ. Поэтому мы понимаемъ доводы хорватскаго публициста г. Билайградскаго, замѣчанія котораго напечатаны въ началѣ и въ концѣ книжки г. Филиппова. Хорватскій патріотъ не признаетъ славянскаго единства, потому что соперничество другихъ родственныхъ народностей помѣшаетъ образованію великой Хорватіи; онъ ждетъ всего отъ Россіи, потому что Россія велика и обильна, и въ ней можетъ найтись много людей, которые, подобно г. Филиппову, увѣруютъ въ настоятельную необходимость созданія большого и сильнаго хорватскаго королевства. Хорватскій публицистъ вообще не придаетъ значенія племенному родству, но онъ дѣлаетъ исключеніе для могущественной Россіи, съ которою очень полезно быть въ родствѣ—до поры до времени. „Несостоятельность такъ-называемаго славянскаго единства—по словамъ г. Билайградскаго—очевидна изъ слѣдующаго. Ни одна народность не откажется отъ своихъ особыхъ культурныхъ задачъ ради всеславянскаго призрака. Когда рѣчь идетъ о народныхъ интересахъ, каждый народъ желаетъ быть для себя самымъ первымъ. Съ другой стороны, нѣтъ узъ сильнѣе тѣхъ, которыя создаются общностью интересовъ и высшихъ духовныхъ стремленій. Общіе интересы и идеалы связываютъ различныя народности, даже помимо ихъ племеннаго единства, помимо общности языка и крови. Такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей мы видимъ, что братья разлучаются, а соединяются люди чужіе по крови, но родные по духу... Мы не вѣримъ въ будущность славянства, но вѣримъ въ великое будущее русскаго народа. Съ русскими, *а не съ славянами*, мы можемъ и должны идти однимъ путемъ, такъ какъ этотъ путь поведетъ и насъ къ лучшему

будущему" (стр. VI—VII). Трудно съ большею наивностью выразить истинные помыслы нѣкоторыхъ изъ нашихъ славянскихъ друзей. Племенное родство не имѣетъ значенія, идея славянскаго единства не существуетъ; тогда во имя чего же будетъ Россія хлопотать объ австрійскихъ славянахъ, съ которыми она не имѣетъ рѣшительно никакихъ историческихъ и культурныхъ связей? Наши братья-славяне готовы идти съ нами „однимъ путемъ" только потому, что видятъ въ насъ крупную политическую силу, которая можетъ помочь имъ достигнуть желанныхъ ими же результатовъ; но они вовсе не чувствуютъ себя связанными съ русскимъ народомъ общностью происхожденія или сходствомъ языка или величіемъ славянской идеи, какъ воображаютъ наши маленькіе славянофилы. Союзъ съ Россіею держался бы и въ нее вѣрили бы твердо только до тѣхъ поръ, пока отъ нея получалась бы самоотверженная матеріальная помощь и поддержка. Это односторонній союзъ по разсчету: одна сторона будетъ только давать, а другая—только получать. Непостижимо, какъ могъ г. Филипповъ соблазниться такою нелѣпою политическою программою. А между тѣмъ его книжка можетъ представить австрійцамъ новый поводъ для фантастическихъ толкованій о русскомъ панславизмѣ, о планахъ и интригахъ русской „національной" партіи и о необходимости энергическаго противодѣйствія мнимымъ закулиснымъ цѣлямъ русской политики.

Разсужденія о правахъ австрійскихъ славянъ имѣютъ для насъ лишь отвлеченный, теоретическій характеръ, такъ какъ даже г. Филипповъ не предлагаетъ намъ вступить въ войну съ Австріею и ея союзниками для охраны интересовъ будущей великой Хорватіи. Другое дѣло — споры балканскихъ народностей, имѣющихъ уже свое самостоятельное политическое устройство, свои сознательныя національныя цѣли и свою особую политику. Тутъ приходится считаться съ реальными величинами, высказываться въ томъ или иномъ смыслѣ, поощрять однихъ и ограничивать другихъ; тутъ уже возможна непосредственная практическая программа, болѣе или менѣе цѣлесообразная и разумная. Нѣкій г. Н. Д. издалъ цѣлую книжку для доказательства того, что Россія должна стоять за грековъ противъ болгаръ, что болгары недостойны нашего вниманія, что они лживы и злокозненны, и что слѣдуетъ во всемъ помогать добродѣтельнымъ и правдивымъ грекамъ, а отчасти также сербамъ. Книжка носитъ громкое и претенціозное заглавіе: „Государства и народы Балканскаго полуострова, ихъ прошедшее, настоящее и будущее, и болгарская кризисъ. Историческія, этнографическія и полемическія статьи, посвященныя восточному вопросу" (Москва, 1890). Авторъ, скрывшій свое имя подъ буквами Н. Д., убѣждаетъ насъ отдать Константинополь грекамъ

послѣ завоеванія его *русскими* войсками. Для подтвержденія этой оригинальной мысли пускаются въ ходъ не только разные политическіе и этнографическіе доводы, но и скрытыя угрозы, довольно комичныя со стороны заступниковъ маленькой Греціи. Если русскіе займутъ Константинополь для себя, то греки, по мнѣнію автора, не останутся индифферентными къ этому занятію. „У грековъ тогда найдется въ Средиземномъ морѣ много друзей и союзниковъ, ибо собственно грековъ никто не боится, а какъ врагамъ Россіи, каждая изъ европейскихъ державъ будетъ сочувствовать и оказывать имъ помощь“ (стр. 142). Чтобы удовлетворить грековъ, которыхъ „никто не боится“, но которые могутъ сдѣлаться „врагами Россіи“, мы должны будто бы предоставить имъ Царьградъ. „Что же можетъ ожидать Россію—спрашиваетъ г. Н. Д.—отъ возстановленія въ Константинополѣ греческаго трона? Ничего болѣе, какъ торжество русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, увеличеніе до величайшихъ размѣровъ греческаго флота и тѣсный союзъ обѣихъ дружественныхъ и родственныхъ державъ. А съ греческимъ флотомъ, съ славнѣйшими въ мірѣ моряками, не страшна намъ будетъ на морѣ Англія, которой придется трепетать за свое владычество въ Индіи“. Но зачѣмъ Англія устроитъ или допуститъ такую комбинацію, которая ей столь невыгодна? Вмѣсто того, чтобы хлопотать о грекахъ, англичане и австрійцы по всей вѣроятности позаботятся о своихъ собственныхъ интересахъ, и никто вообще не обратитъ вниманія на чувства и стремленія маленькой Греціи, когда будетъ рѣшаться великій вопросъ о Дарданеллахъ и Босфорѣ. Г-нъ Н. Д. думаетъ, что въ политикѣ всегда добродѣтель награждается, а порокъ наказывается. „Будущее на Балканскомъ полуостровѣ, по его мнѣнію, принадлежитъ не ничтожнымъ болгарамъ, изъ-за которыхъ впервые разошлись христіанскій востокъ съ западомъ, а тѣмъ народамъ, которые, какъ греки и сербы, напоили свою родную землю неисчислимыми потоками своей крови, сражаясь съ врагами Христа, за вѣру и свободу своего отечества, и никогда не изъявляли готовности своимъ порабо тителямъ-туркамъ—оказать дѣятельную помощь въ покореніи православныхъ народовъ, что̀ неоднократно предлагали болгары. Какъ солнце разсѣеваетъ мракъ ночной, такъ и правда затмѣваетъ (?) ложь, сколько бы времени ее ни поддерживали“ (стр. 144).

Если болгары „ничтожны“, какъ утверждаетъ авторъ, то сербы и греки могутъ сами справиться съ ними и устранить ихъ первенство на Балканскомъ полуостровѣ, безъ посторонней поддержки. Одни мечтаютъ о созданіи греческой имперіи, другіе — о великомъ сербскомъ царствѣ; но эти мечтанія не выходятъ изъ области фантазіи, и сами заинтересованныя народности не дѣлаютъ ни единаго шага

для осуществленія своихъ идеаловъ. Греки и сербы мечтаютъ о многомъ, а дѣлаютъ очень мало, — тогда какъ болгары дѣйствуютъ и работаютъ, не теряя времени, полагаясь на свои собственныя силы, на свою энергію, упорное трудолюбіе и мужество. Защитники великихъ плановъ Греціи и Сербіи негодуютъ на успѣхи болгаръ, жалуются на несправедливость великихъ державъ и взываютъ къ содѣйствію Россіи; но болгары только пользуются обстоятельствами и куютъ желѣзо, пока горячо. Авторъ разбираемой книжки не жалѣетъ красокъ для изображенія „болгарской кривды"; онъ подробно объясняетъ, что болгары незаконно усиливаютъ свое вліяніе въ Македоніи посредствомъ многочисленныхъ школъ, на которыя расходуются большія суммы. Приводятся разныя историческія и этнографическія данныя въ подтвержденіе того, что Македонія должна по праву принадлежать сербамъ и грекамъ, а никакъ не болгарамъ. Послѣдніе, между прочимъ, „оболгарили сотни тысячъ грековъ и сербовъ", которыхъ будто бы нельзя оставить въ такомъ постыдномъ положеніи. „Въ настоящее время,—жалуется авторъ,—вся Македонія покрыта болгарскими школами, на содержаніе которыхъ, какъ и вообще на болгарскую пропаганду въ Македоніи, болгарское правительство отпускаетъ ежегодно въ распоряженіе экзархіи болѣе милліона франковъ. Въ Салоникахъ болгары имѣютъ превосходныя гимназіи, мужскую и женскую, съ пансіонами. Болгарская мужская гимназія въ Салоникахъ—самая большая и величественная изъ всѣхъ, находящихся въ Македоніи и даже въ Болгаріи. Въ ней собраны лучшіе учителя, число которыхъ доходитъ до двадцати. Въ гимназіи воспитывается болѣе 400 учениковъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ Македоніи для пущаго эффекта (?). Самый блескъ гимназіи поддерживается на средства, отпускаемыя болгарскимъ правительствомъ въ распоряженіе экзарха. Въ Салоникахъ же существуетъ и болгарскій учительскій институтъ для приготовленія болгарскихъ учителей въ Македонію". Теперь въ Македоніи „болѣе 320 основныхъ болгарскихъ школъ съ 365 учителями и болѣе 15.500 учениковъ; среднихъ училищъ—17 съ 1.085 учениками; женскихъ училищъ низшихъ и среднихъ—32 съ 1.750 ученицами. Въ адріанопольскомъ округѣ всѣхъ болгарскихъ школъ, содержимыхъ экзархіею,—106 мужскихъ и 9 женскихъ съ 5.450 учащихся. Если вѣрить болгарскимъ газетамъ, то въ одной Македоніи насчитывается около тысячи болгарскихъ школъ съ 30.000 учащихся (стр. 71—3).

Изъ этого видно, что болгары дѣйствуютъ очень умно, и что сѣтованія автора совершенно напрасны. Если сербы и греки не умѣютъ соперничать съ болгарами на почвѣ этой культурной работы, то они не имѣютъ права претендовать на преобладаніе въ спорной области.

Политическія выгоды не пріобрѣтаются одними „жалкими“ словами. Болгары не только устроиваютъ „превосходныя“ школы въ Македоніи и создаютъ прочныя основы для своего нравственнаго и политическаго вліянія на туземное населеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно изучаютъ страну, ея естественныя условія и экономическія потребности, ея народный бытъ и нравы. Между прочимъ, въ прошломъ году вышелъ обширный спеціальный трудъ извѣстнаго болгарскаго дѣятеля, капитана болгарскаго генеральнаго штаба, г. Бендерева: „Военная географія и статистика Македоніи и сосѣднихъ съ нею областей Балканскаго полуострова“ (Спб., 1890), въ 835 страницъ, съ двумя превосходно сдѣланными картами—стратегическою и этнографическою. Даже находясь внѣ своего отечества, по политическимъ причинамъ, болгары не перестаютъ трудиться для пользы своей страны; эта черта, достойная уваженія и подражанія, лучше и вѣрнѣе объясняетъ всякіе успѣхи болгаръ, чѣмъ обычныя ссылки на ихъ хитрость и коварство. По свѣденіямъ г. Бендерева, въ Македоніи проживаетъ болѣе полутора милліона (1.552.325) болгаръ, т.-е. 65% всего населенія, а грековъ только 217.190, т.-е. 9% общаго числа жителей; сербовъ же вовсе не оказывается. Между тѣмъ г. Н. Д. въ разобранномъ выше сочиненіи утверждаетъ, что во всей европейской Турціи, оставшейся подъ непосредственною властью султана, считается всего 325.000 болгаръ, 950.000 грековъ, а „сербовъ и македонскихъ *славянъ*“ (т.-е. не сербовъ, не грековъ и не болгаръ?) —1.250.000 (стр. 180). Вѣроятно, это крупное число „македонскихъ славянъ“, не отнесенныхъ ни къ какой отдѣльной народности, должно обозначать ту часть населенія, которая подверглась успѣшной болгарской пропагандѣ и „оболгарилась“; въ такомъ случаѣ цифры сходятся у обоихъ авторовъ. По мнѣнію г. Бендерева, Австро-Венгрія наиболѣе заинтересована въ захватѣ Македоніи, и она является самою серьезною претенденткою на эту важную для нея территорію. Что касается Болгаріи, то ея притязанія освящены санъ-стефанскимъ прелиминарнымъ договоромъ и предшествовавшими войнѣ рѣшеніями конференцій европейскихъ представителей, всегда включавшихъ Македонію въ предѣлы болгарскихъ земель. „Этнографическій составъ Македоніи, населенной 1½ мил. болгаръ, при нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ разныхъ другихъ народностей, служитъ главною основою болгарскихъ вожделѣній въ Македоніи. Исторически, несмотря на завоеванія этой страны въ разныя времена сосѣдями, она тоже принадлежитъ болгарамъ, нѣсколько разъ создававшимъ мѣстныя болгарскія государства или входившимъ въ составъ великой Болгаріи. Все остальное время, населеніе, никогда не переставшее называться болгарами, находилось подъ властью византійцевъ, латынянъ (часть

Македоніи), сербовъ (нѣсколько десятковъ лѣтъ), и болѣе всего подъ властью турокъ" (стр. 735). Г. Бендеревъ не безъ гордости указываетъ на постепенный ростъ болгарскаго элемента въ Македоніи. „Несмотря на отсталость въ образовательномъ отношеніи огромнаго большинства болгарскаго населенія Македоніи, въ сравненіи съ прочими обитателями этой турецкой области,—говоритъ авторъ,—будущность все-таки за болгарами, сдѣлавшими, гигантскими шагами впередъ, огромные успѣхи. До 1881 г. во всей Македоніи число болгарскихъ школъ едва ли превосходило нѣсколько десятковъ. Въ учебномъ 1881-2 году, когда турки перестали преслѣдовать болгаръ, сразу было открыто 50 новыхъ школъ съ 80 преподавателями. Въ томъ же году была открыта въ Солунѣ болгарская гимназія съ пансіономъ. Въ слѣдующемъ году мы находимъ въ Македоніи 129 прогимназій, 511 начальныхъ школъ при 323 преподавателяхъ и 14.815 учащихся, а въ 1883-4 году число учащихся достигаетъ цифры 16.874 человѣкъ. Въ 1886-7 г. число учащихся было 18.529 душъ, а въ настоящее время свыше 20.000. Болгары постепенно завоевываютъ у грековъ свои города и села, почти огреченные въ южной Македоніи, подвигаясь медленно, но вѣрно къ этнографическимъ границамъ болгарскаго племени. Еще десятокъ лѣтъ такого успѣха, и національное самосознаніе у македонскихъ болгаръ, на половину потерянныхъ-было для славянства, окончательно окрѣпнетъ, и Македонія въ образовательномъ отношеніи приравняется къ освобожденнымъ болгарскимъ областямъ" (стр. 835). Народность болѣе сильная и энергическая одержитъ верхъ надъ слабыми и пассивными соперниками, независимо отъ какихъ-либо искусственныхъ политическихъ комбинацій, въ силу естественнаго хода вещей.

Успѣшная культурная дѣятельность болгаръ въ Македоніи и въ самомъ болгарскомъ княжествѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что политическое положеніе Болгаріи за послѣдніе годы считается вообще ненормальнымъ и крайне затруднительнымъ. Какъ выражается г. Н. Д. въ своемъ грекофильскомъ трактатѣ, „*нѣкто* Стамбуловъ взялъ въ свои желѣзныя руки управленіе всею Болгаріею и руководство надъ поставленнымъ и избраннымъ имъ же въ князья Болгаріи Фердинандомъ Кобургскимъ" (стр. 69). Этотъ „нѣкто" имѣетъ однако „желѣзныя руки", которыхъ не бываетъ у перваго встрѣчнаго; онъ слишкомъ крѣпко держитъ власть въ своихъ рукахъ, распоряжается ею круто и не стѣсняется держать въ заточеніи своихъ личныхъ противниковъ, даже такихъ заслуженныхъ, какъ Караловъ. Недавно болгарскіе эмигранты, съ г. Драганомъ Цанковымъ во главѣ, обратились къ г. Стамбулову съ длиннымъ посланіемъ, сущность котораго была не совсѣмъ точно передана въ нашихъ газетахъ.

Намъ доставлены печатные экземпляры этого посланія — одинъ на французскомъ, а другой на болгарскомъ языкѣ. Эмигранты-патріоты начинаютъ съ указанія на то, что „правительственный терроръ, свирѣпствующій въ странѣ, грозитъ принять ужасный характеръ кровопролитія"; что политика правительства нарушила всѣ законы, довела страну до отчаянія, истощила финансовыя средства государства и возвела на степень принципа „безпощадное и циническое расхищеніе общественныхъ суммъ и государственнаго бюджета". Болгарскій народъ доведенъ будто бы до того, что разсматриваетъ правителей какъ „шайку разбойниковъ, противъ которой дозволены всѣ средства борьбы". Обвиняя г. Стамбулова въ такихъ ужасающихъ преступленіяхъ, болгарскіе эмигранты, чтобы остаться послѣдовательными до конца, должны были бы предложить ему назначить надъ собою судъ или самому произнести надъ собою смертный приговоръ; но, сверхъ ожиданія, они предлагаютъ ему образовать новое коалиціонное министерство (т.-е. со включеніемъ г. Цанкова, подписавшагося подъ адресомъ) и даже сохранить постъ министра-президента, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ низложилъ Кобурга, возстановилъ дѣйствіе конституціи и созвалъ народное собраніе для избранія новаго князя по соглашенію съ Россіею. Эта вторая, положительная часть адреса служитъ явнымъ опроверженіемъ первой, ибо люди, считающіе г. Стамбулова дѣйствительно виновнымъ въ упомянутыхъ злодѣяніяхъ и хищеніяхъ, не могли бы ни въ какомъ случаѣ предлагать ему сохранить власть и на будущее время, подъ какими бы то ни было условіями. Съ другой стороны, необычайно рѣзкій и оскорбительный тонъ адреса заранѣе осуждалъ на безплодность эту „послѣднюю" попытку болгарскихъ эмигрантовъ. Все это обращеніе къ г. Стамбулову, адресованное изъ Константинополя и напечатанное въ Парижѣ, не производитъ впечатлѣнія серьезнаго политическаго документа. Подъ адресомъ подписались, кромѣ г. Цанкова, гг. Груевъ, Вендеревъ, Ризовъ, Станчевъ и Людскановъ. По всей вѣроятности, нѣкоторая доля того, что говорится о нынѣшнемъ режимѣ въ Болгаріи, соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но непонятно все-таки, что западно-европейскія державы, имѣющія своихъ дипломатическихъ представителей въ Софіи, какъ будто ничего не знаютъ о совершающихся беззаконіяхъ, а наши газетныя извѣстія получаются изъ источниковъ сомнительныхъ, не допускающихъ провѣрки, такъ какъ у насъ нѣтъ оффиціальныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Болгаріею.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся и интересныхъ политическихъ дѣятелей Англіи, бывшій еще недавно признаннымъ вождемъ ирланд-

скаго народа, Чарльсъ Стюартъ Парнелль, скончался неожиданно отъ простуды и чрезмѣрнаго напряженія силъ, на 45 году жизни. До послѣднихъ дней онъ выступалъ на шумныхъ митингахъ въ разныхъ мѣстахъ Ирландіи, произносилъ энергическія рѣчи, громилъ противниковъ, упрекалъ въ измѣнѣ отдѣлившихся отъ него патріотовъ и старался всѣми мѣрами поддержать свой поколебленный авторитетъ въ народѣ. Со времени скандальнаго процесса съ капитаномъ О'Ши, онъ какъ бы утратилъ самообладаніе, сталъ дѣйствовать лихорадочно и нервно, не хотѣлъ разстаться съ своимъ исключительнымъ положеніемъ въ парламентѣ и въ странѣ, боролся до конца и не безъ успѣха, давая волю мотивамъ чисто личнымъ, въ ущербъ своей прежней репутаціи. Парнелля погубила любовь къ женщинѣ: онъ не съумѣлъ довести свой романъ съ г-жею О'Ши до благополучной развязки, безъ судебнаго разбирательства и скандала. Послѣдовавшее затѣмъ вступленіе въ бракъ съ разведенною женою капитана О'Ши не могло уже поправить дѣла; трудно было забыть, что Парнелль сказалъ публично неправду, категорически отвергнувъ взведенное на него обвиненіе, справедливость котораго подробно выяснилась на судѣ.

Парнелль началъ свое блестящее политическое поприще въ 1875 году, когда онъ впервые выбранъ былъ въ члены палаты общинъ отъ одного изъ ирландскихъ округовъ. Пять лѣтъ спустя, онъ былъ уже главою ирландской парламентской группы и съ тѣхъ поръ олицетворялъ собою идею политическаго и аграрнаго освобожденія Ирландіи отъ владычества англичанъ. Роль, которую онъ игралъ въ теченіе болѣе десяти лѣтъ, характеризуется тѣмъ, что и друзья и противники называли его „некоронованнымъ королемъ Ирландіи". Самъ Парнелль былъ по отцу англичанинъ; его родъ принадлежалъ къ мѣстной землевладѣльческой аристократіи. Одинъ изъ предковъ его, сэръ Джонъ Парнелль, былъ видным дѣятелемъ въ ирландскомъ парламентѣ и занималъ постъ канцлера казначейства, незадолго до акта соединенія съ Англіею; другой, сэръ Генри, былъ министромъ въ тридцатыхъ годахъ и получилъ титулъ лорда Конгльтона. Мать Парнелля была американка, дочь адмирала Чарльса Стюарта. Этимъ смѣшаннымъ англо-американскимъ происхожденіемъ объясняются существенныя черты характера Парнелля—его желѣзная сила воли, здравый практическій смыслъ, тонкій и гибкій умъ, способность управлять обстоятельствами и людьми. Такіе характеры выростаютъ только на свободной политической почвѣ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го ноября 1891.

— *Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ*, 1791—1891. Критико-біографическій очеркъ Виктора *Острогорскаго*. Съ портретомъ, гравированнымъ на стали. Спб. 1891.

Двадцатаго сентября нынѣшняго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія С. Т. Аксакова: явилось въ свѣтъ юбилейное изданіе (Н. Г. Мартынова) главнѣйшихъ произведеній знаменитаго писателя—„Семейной хроники и Воспоминаній“ и „Дѣтскихъ годовъ Багрова внука“; явилось также нѣсколько историческихъ оцѣнокъ въ журналахъ, и настоящая книжка. Г. Острогорскій давно уже пріобрѣлъ заслуженную извѣстность своими трудами по педагогическому изученію русской литературы, теоріи словесности и ея исторіи; ему принадлежитъ также нѣсколько очень хорошо составленныхъ книгъ о главныхъ новѣйшихъ писателяхъ нашей литературы, и къ нимъ присоединяется вышедшая теперь біографія С. Т. Аксакова. Какъ вообще эти труды г. Острогорскаго, такъ и настоящая біографія не есть спеціальное изслѣдованіе по исторіи литературы или біографія по новымъ источникамъ; это — популярная книга, которая вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и прекраснымъ чтеніемъ для юношества. Для біографіи авторъ воспользовался больше всего самыми сочиненіями Аксакова и тѣми воспоминаніями о немъ, какія являлись въ литературѣ: эти данныя болѣе или менѣе извѣстны, но авторъ съумѣлъ связать ихъ въ оживленный разсказъ, гдѣ выдается и личный характеръ писателя, и его значеніе въ нашей литературѣ. Авторъ начинаетъ очеркомъ того страннаго, патріархальнаго и полудикаго быта, въ средѣ котораго проходила жизнь дѣда и отца Аксакова и до котораго достигали воспоминанія, давшія матеріалъ для „Семейной хроники“; и затѣмъ, главнымъ образомъ на основаніи автобіографическихъ показаній самого Аксакова, авторъ разсказываетъ его жизнь отъ первыхъ лѣтъ и до послѣднихъ, когда онъ, нѣкогда упрямый и устарѣлый клас-

сикъ, почти внезапно сталъ въ ряду первостепенныхъ русскихъ писателей, подъ самый конецъ своей жизни. Его прежней литературной дѣятельности никто почти и не зналъ въ то время, когда въ пятидесятыхъ годахъ онъ выступилъ со своими послѣдними произведеніями; извѣстность имени какъ бы подготовлена была дѣятельностью его старшаго сына Константина.

Авторъ біографіи старается объяснить то странное явленіе, какимъ дѣйствительно можетъ представиться это позднее развитіе необыкновеннаго таланта, котораго до тѣхъ поръ почти невозможно было предполагать. Авторъ очень справедливо объясняетъ это явленіе прежде всего давними врожденными основами высокаго дарованія, которыя не были развиты скуднымъ воспитаніемъ, а потомъ заглушены были ложнымъ направленіемъ, привитымъ его первыми руководителями. Въ самомъ дѣлѣ странно сказать, что въ пору юности, которая бываетъ особенно впечатлительна и воспріимчива къ новымъ движеніямъ, Аксаковъ былъ врагомъ Карамзина и партизаномъ Шишкова, и остался чуждъ тому возбужденію литературной жизни, которое произведено было эпохой Пушкина. Дарованіе С. Т. Аксакова проснулось уже съ новыми вліяніями, какія, по объясненію біографа, принесло съ одной стороны славянофильство его сына, а затѣмъ произведенія Гоголя. Г. Острогорскій правильно объясняетъ, что самъ по себѣ С. Т. Аксаковъ не былъ славянофиломъ,—для этого у него просто не было тѣхъ теоретическихъ данныхъ, на которыхъ оно основывалось; но въ преданіяхъ семьи были условія, которыя очень помогли развиться славянофильству молодого поколѣнія. С. Т. Аксаковъ по своимъ идеямъ былъ вполнѣ человѣкъ стараго вѣка; простодушный консерваторъ съ юныхъ лѣтъ, онъ былъ „русскимъ патріотомъ", какіе издавна воспитывались въ нашемъ обществѣ въ полу-сознательной враждѣ къ иноземному, которые возставали нѣкогда противъ „галломаніи", позднѣе бросались въ „квасной" патріотизмъ и т. п. Мы не хотимъ сказать, что въ этомъ „русскомъ" направленіи не было зеренъ правды, потому что въ увлеченіяхъ „иноземнымъ" съ XVIII-го вѣка было много слишкомъ поверхностнаго, фальшиваго, пустого и наконецъ противнаго, но было крайне поверхностно и это „русское" противодѣйствіе иноземному: думали, что можно помочь общественной жизни одною войной противъ французскаго языка и французскихъ модъ, внѣшними „русскими" пріемами быта—въ томъ числѣ поэзіей Хераскова и Державина, когда въ жизни оставались цѣлы и невредимы „патріархальныя" явленія въ родѣ крѣпостного права и т. п., извращавшія въ корнѣ жизнь народа и самаго „общества", и о которыхъ „русское" направленіе въ ту пору совсѣмъ не помышляло. Дѣйствительно, даже въ гораздо болѣе позднее время, какъ и-

мѣчаетъ біографъ, „современная внутренняя политика Россіи была совершенно чужда не только отцу Аксакову, но (на первыхъ порахъ) и энтузіасту сыну Константину".

„Патріотизмъ С. Т. Аксакова,—говоритъ г. Острогорскій,—никогда не имѣлъ характера настоящаго славянофильства, въ смыслѣ школы или партіи, противоположной западничеству: семья Аксаковыхъ подготовила только почву для славянофильскаго увлеченія теоретика и мечтателя Константина, и отчасти и Ивана Сергѣевича. Да и славянофильство Константина было больше какое-то мѣстное, „московское", ограничивавшее Россію едва ли не одной Москвой съ ея святынями и мѣстнымъ излюбленнымъ характеромъ. Народъ же русскій, не въ смыслѣ отвлеченномъ, платоническомъ, но въ дѣйствительномъ, реальномъ его положеніи, а тѣмъ болѣе современная внутренняя политика Россіи были совершенно чужды не только отцу, но и энтузіасту сыну Константину, воспитавшемуся въ тѣсномъ кругу семьи, на книгахъ, а не на знаніи дѣйствительной русской жизни. Но, оставивъ мало прочнаго слѣда въ литературѣ, несмотря на всѣ свои способности, энтузіазмъ, высокую чистоту души, столь рано умершій Константинъ Сергѣевичъ, особенно любимый отцомъ, а позднѣе, и братъ его Иванъ Сергѣевичъ, имѣли вмѣстѣ съ Гоголемъ громадное вліяніе на отца" (стр. 95). Когда на глазахъ отца совершалось развитіе Константина и молодого университетскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ, то, „слѣдя за сыномъ, по мѣрѣ его умственнаго роста, Сергѣй Тимоѳеевичъ и самъ росъ умственно и невольно, болѣе или менѣе, выходилъ изъ замкнутаго круга театральныхъ, мелко литературныхъ и карточныхъ интересовъ, проводя время среди даровитой и горячей студенческой молодежи и въ новомъ кругу дѣйствительно образованныхъ и даже ученыхъ людей, какъ Погодинъ и Шевыревъ, а тѣмъ болѣе профессоръ Павловъ, Фроловъ и многіе другіе".

Авторъ вѣрно указываетъ также отношеніе С. Т. Аксакова къ Гоголю, который возъимѣлъ на него вліяніе мимо всей предъидущей литературы, какъ съ другой стороны изъ всего дружескаго круга Гоголя въ Петербургѣ и Москвѣ одинъ С. Т. Аксаковъ умѣлъ сохранить, хотя не до конца, критическое отношеніе къ Гоголю въ періодъ изданія „Выбранныхъ мѣстъ".

Семья была чужда новой русской литературы. Погодинъ въ своемъ дневникѣ дѣлаетъ любопытную отмѣтку, что когда получено было извѣстіе о смерти Пушкина и всѣ объ этомъ говорили, „въ этомъ семействѣ (Аксаковыхъ) истинно горько сожалѣетъ о Пушкинѣ только одна Ольга Семеновна" (жена С. Т. Аксакова). Тѣмъ меньше долженъ былъ интересовать здѣсь русскій байронистъ Лермонтовъ. „И

вотъ, въ эту исключительно русскую семью попадаетъ писатель самородокъ, непосредственный изобразитель народной жизни, съ безобиднымъ заразительнымъ юморомъ, и „Вечера“ сразу привлекаютъ къ себѣ общія симпатіи и трактуются молодежью съ точки зрѣнія „искусства для искусства“. Личное знакомство съ авторомъ, не тронутымъ „европеизмомъ“, съ ироническимъ отношеніемъ къ нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ, а главное, къ Петербургу, скрѣпляетъ симпатіи, а „Старосвѣтскіе помѣщики“ съ „Тарасомъ Бульбой“ приводятъ всѣхъ въ восторгъ. Пьесы Гоголя опять-таки совсѣмъ русскія, да еще удивительно прочтенныя авторомъ и разыгранныя любимыми московскими актерами, особенно любезны хозяину, завзятому театралу и декламатору; „Мертвыя же души“, съ ихъ патріотическими обращеніями къ Руси, должны были показаться особенно любезными сердцу С. Т. Аксакова“ (стр. 105). Бесѣды съ Гоголемъ указывали ему иногда глубокое значеніе художественнаго творчества, когда это значеніе не бывало достаточно понятно самому Аксакову. Эти могущественныя впечатлѣнія возбудили въ Аксаковѣ какъ будто заглохшій и давно бездѣйствовавшій художественный инстинктъ.

Нѣкогда, въ 1834 году, С. Т. Аксаковъ далъ для альманаха Максимовича „Денница“ небольшой разсказъ подъ названіемъ „Буранъ“. Эта пьеса, написанная безъ всякихъ затѣй, чтобы удовлетворить желанію издателя, имѣла сюжетомъ простое воспоминаніе изъ старой оренбургской жизни о пострадавшемъ въ мятель обозѣ. Въ разсказѣ, написанномъ безъ всякихъ литературныхъ притязаній, именно и сказалось художественное дарованіе, скрывавшееся прежде подъ вліяніемъ ложнаго литературнаго вкуса. Разсказъ явился безъ подписи и любопытно, что первый оцѣнилъ его Полевой, котораго Аксаковъ не любилъ, какъ литературнаго вольнодумца, и, бывши цензоромъ, даже „прижималъ“.

„Успѣхъ разсказика, понравившагося и Гоголю, увлеченіе сочиненіями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшіе съ поступленіемъ Константина въ университетъ въ аксаковскую семью, наконецъ побужденія писать, шедшія отъ самого Гоголя, все это вмѣстѣ, конечно, имѣло вліяніе на выступленіе Сергѣя Тимоѳеевича на свою настоящую литературную дорогу; но, какъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, объясняетъ А. С. Хомяковъ, первое крупное произведеніе, „Записки объ уженьѣ рыбы“, вызвано не какими-нибудь особыми художественными цѣлями, а прихотью страстнаго рыболова, „лишеннаго случайностями жизни привычнаго наслажденія“. „Сергѣй Тимоѳеевичъ просто захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія тихія радости, а вслѣдствіе въ высшей степени общительнаго нрава пожелалъ передать ихъ, объяснить и ь

другимъ,—и написалась книга, о которой авторъ никогда не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность" (стр. 122).

Наконецъ авторъ объясняетъ особенности дарованія, отличающія автора „Семейной хроники". „С. Т. Аксаковъ,—говоритъ онъ,—нашъ вполнѣ національный русскій поэтъ безъ рефлекса и пытливаго анализа, непосредственно созерцающій жизнь и дающій намъ вѣрныя ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой любви. Изображенія эти не многочисленны, не разнообразны, но зато все, что онъ далъ, исчерпано до глубины и тонкости поразительной, и притомъ такъ, что и этой природы, и этого наивнаго изображеннаго имъ человѣка не полюбить нельзя".

Книжка написана вообще очень легко и интересна и, какъ мы сказали, можетъ прекрасно служить для популярнаго и юношескаго чтенія.

— *Сибирская Библіографія.* Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ II. Исторія.—Біографіи.—Географія.—Путешествія.—Статистика.—Этнографія.—Картографія. Составилъ В. И. *Межовъ.* Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891.

Еще недавно мы имѣли случай указать первый томъ „Сибирской Библіографіи", предпринятой извѣстнымъ спеціалистомъ библіографическаго дѣла, г. Межовымъ. Работа быстро подвигается впередъ и передъ нами второй томъ этой книги, опять громадный (№ 6440—17316): въ заглавіи указано, на какіе предметы простирается здѣсь библіографическое изслѣдованіе г. Межова. Если въ первомъ томѣ г. Межовъ, какъ намъ кажется, слишкомъ преувеличилъ задачу библіографа, пересчитавъ полностью всѣ старые акты и законодательныя распоряженія, относящіяся къ Сибири съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ, то во второмъ томѣ онъ входитъ въ настоящіе предѣлы своего изслѣдованія и, какъ видно изъ указаннаго числа нумеровъ, даетъ огромный библіографическій матеріалъ, который безъ сомнѣнія послужитъ съ великой пользой изслѣдователю Сибири, будетъ ли это историкъ, географъ, натуралистъ, статистикъ, этнографъ, и т. д. Такой книги давно недоставало для изученія Сибири, какъ вообще наша литература не богата библіографическими или иными обзорами и цѣльными изложеніями; тѣмъ болѣе для Сибири подобная книга была необходима, что не было до сихъ поръ цѣльной книги ни по одному изъ тѣхъ предметовъ, на которыхъ останавливается г. Межовъ, и въ то же время существуетъ громадная масса небольшихъ изслѣдованій, очерковъ и замѣтокъ, разсѣянныхъ издавна и донынѣ въ

журналахъ и газетахъ, здѣшнихъ и сибирскихъ, и все это должно было когда-нибудь быть выведено на божій свѣтъ, чтобы изслѣдователь по крайней мѣрѣ зналъ, гдѣ могутъ быть разысканы его матеріалы. Само собою разумѣется, что подобное предпріятіе въ высшей степени сложно и только опытный библіографъ, уже многіе десятки лѣтъ вращающійся въ книжной области, можетъ справиться съ этимъ дѣломъ болѣе или менѣе удовлетворительно. Въ предисловіи къ первому тому г. Межовъ сообщалъ, что полный составъ изданія закончится третьимъ томомъ (правовѣденіе, политическія и соціальныя науки, педагогика, технологія, сельское хозяйство, естественныя и медицинскія науки, языкознаніе, словесность, беллетристика и, наконецъ, искусства), и въ концѣ его будетъ приложенъ подробный азбучный указатель именъ и предметовъ. Это послѣднее обстоятельство между прочимъ сгладитъ тѣ многія неровности, какія читатель можетъ встрѣтить въ настоящей формѣ труда г. Межова. Распредѣленіе множества библіографическихъ фактовъ не можетъ, конечно, обойтись безъ этихъ неровностей, но намъ казалось бы, что многія изъ нихъ могли бы быть избѣгнуты при самой постройкѣ плана настоящей библіографіи не безъ удобства для тѣхъ, кому придется ею пользоваться.

Напримѣръ. Въ первомъ томѣ, посвященномъ исторіи, сообщена доля фактовъ, съ которыми, въ другихъ библіографическихъ данныхъ, мы встрѣчаемся опять и во второмъ томѣ—напримѣръ, свѣденія о пребываніи декабристовъ въ Сибири, записки о пребываніи въ Сибири польскихъ ссыльныхъ. Въ отдѣльныхъ рубрикахъ смѣшаны безъ всякой системы показанія изъ старой и новѣйшей литературы такимъ образомъ, что читатель встрѣтитъ, напримѣръ, сначала новѣйшую газетную статью, а за нею извѣстіе XVII-го вѣка, потомъ опять новѣйшая журнальная статья и за нею показаніе изъ XVIII-го вѣка, и т. д.: намъ казалось бы, что для самаго библіографическаго труда не составило бы слишкомъ большого осложненія привести эти данныя въ какую-нибудь систему, напр. просто въ *хронологическую*, и въ этомъ случаѣ библіографическія показанія получили бы новый и немаловажный интересъ; а именно, передъ читателемъ проходили бы не только литературные факты по тому или другому предмету, но въ то же время наглядно представлялась бы и самая исторія вопроса. При отдѣльныхъ показаніяхъ у г. Межова поставлены звѣздочки: „для большаго удобства справляющихся, — говоритъ г. Межовъ, — я отмѣтилъ звѣздочкою большія и серьезныя сочиненія и статьи, съ цѣлью отличить ихъ отъ мелкихъ замѣтокъ и статеекъ. Разумѣется, въ этомъ дѣлѣ я болѣе руководствовался внѣшними признаками и поэтому безусловно вѣрной оцѣнки въ моемъ раздѣленіи статей, на

важныя и неважныя, нѣтъ". Дѣйствительно, отъ библіографа и невозможно требовать бо̀льшаго: нѣтъ физической возможности перечитывать массу книгъ, брошюръ и статей, съ какими ему приходится имѣть дѣло, но нѣкоторыхъ неточностей было бы, кажется, возможно и желательно избѣжать, по крайней мѣрѣ относительно вещей, отмѣченныхъ звѣздочкой.

Подъ нумеромъ 6460 отмѣчено „Повѣствованіе о Сибири", переведенное Спасскимъ изъ латинской рукописи XVII-го вѣка; затѣмъ подъ нумеромъ 6604 и 6605 находимъ „Relatio de Sibiria" и „Historia de Sibiria" — названія двухъ латинскихъ редакцій того самаго „Повѣствованія", какое было издано Спасскимъ; но при этихъ заглавіяхъ латинскихъ рукописей нѣтъ никакого указанія ни о томъ, гдѣ эти рукописи находятся, ни о томъ, что именно онѣ были переведены Спасскимъ; точно также мы не встрѣтили указанія, что тотъ же латинскій текстъ съ новымъ латинскимъ переводомъ былъ изданъ въ книгѣ Титова и Юдина: „Сибирь въ XVII вѣкѣ". Въ отдѣлѣ общихъ сочиненій о Сибири мы опять встрѣчаемся съ очень неудобнымъ распредѣленіемъ матеріала, гдѣ библіографическіе факты поставлены безъ всякой системы.

Во многихъ случаяхъ „Библіографія" страдаетъ совершенно излишнимъ обиліемъ. Напримѣръ, въ отдѣлѣ біографій и некрологовъ помѣщены длинные списки статей о лицахъ, имѣвшихъ только очень косвенное отношеніе къ Сибири, и большинство этихъ статей ничего не говоритъ собственно о Сибири. Такъ напримѣръ, нумера 9115—9374, т.-е. больше 250 статей, посвящены перечисленію некрологовъ, изданій сочиненій и переводовъ Достоевскаго, когда для этого достаточно было бы лишь общаго указанія „Записокъ изъ Мертваго дома" или только спеціальныхъ свѣденій о пребываніи Достоевскаго въ Сибири: все остальное относится вовсе не къ Сибири, а къ русской исторіи вообще или къ исторіи русской литературы. Зачѣмъ, напримѣръ, находится въ „Сибирской Библіографіи" № 9213: „Рѣчь, сказанная законоучителемъ тифлисской женской великой княгини Ольги Ѳедоровны гимназіи свящ. І. Стась, на панихидѣ, совершенной въ память Ѳ. М. Достоевскаго и А. Ѳ. Писемскаго, въ зданіи гимназіи, 20-го февраля 1881 г. Циркуляръ по кавказск. учебн. округу. 1881, № 3; стр. 142—145"; или № 9239: „Письма дяди Саши. По поводу смерти Ѳ. М. Достоевскаго. Воспитаніе и Обученіе. 1881. Отд. для дѣтск. чтенія. № 2; стр. 81—92"? Наконецъ, если бы составитель „Сибирской Библіографіи" считалъ необходимымъ дать въ ней всѣ подробности о Достоевскомъ, то и эти 250 нумеровъ остаются далеко неполными, не заключая весьма существенныхъ статей, какія были бы нужны для его характеристики. Въ томъ же отдѣлѣ біографій и некрологовъ

встрѣчаемъ обильную литературу о Парашѣ Сибирячкѣ, гдѣ между прочимъ приведены подробно безконечныя изданія романа г-жи Коттенъ: „Elisabeth ou les exilés de Sibérie“, и затѣмъ столь же безконечныя изданія книги Ксавье де-Местра: „La jeune Sibérienne“, которая притомъ сначала вычисляется подъ именемъ Ксавье де-Местра, а потомъ тутъ же подъ именемъ Жозефа де-Местра (№ 10111—10232). Въ отдѣлѣ общихъ сочиненій объ инородцахъ мы находимъ „инструкцію“, данную Кастрену для его путешествія, находимъ также небольшую статью его объ этнографической части путешествія Шренка, но не находимъ главнаго—самаго изданія сочиненій Кастрена (упомянутъ только краткій обзоръ ихъ на русскомъ языкѣ); не указаны также обширные библіографическіе обзоры литературы объ инородцахъ, въ томъ числѣ сибирскихъ, въ „Описаніи коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея“ В. Ѳ. Миллера, и т. п.

Несмотря, однако, на пробѣлы и излишества, примѣры которыхъ мы указывали, трудъ г. Межова останется въ высокой степени полезнымъ для всѣхъ изслѣдователей Сибири: за недостаткомъ цѣльныхъ изслѣдованій будетъ по крайней мѣрѣ на-лицо существующая литература о Сибири. Указатель при послѣднемъ обѣщаемомъ томѣ до нѣкоторой степени сгладитъ тотъ недостатокъ системы, какой мы замѣчали въ предѣлахъ отдѣльныхъ рубрикъ. Издатель книги, очень извѣстный тѣмъ содѣйствіемъ, какое онъ уже неоднократно оказывалъ научнымъ предпріятіямъ, въ настоящемъ случаѣ сдѣлалъ возможнымъ появленіе труда, какіе рѣдко предпринимаются обыкновенными издателями, и исполненіе котораго, по нашему мнѣнію, должно отразиться гораздо болѣе широкимъ, чѣмъ прежде, развитіемъ сибирскихъ изученій.

— *Киргизы Букеевской орды*: Антрополого-этнологическій очеркъ. Алексѣя *Харузина*, секретаря Антропологическаго отдѣла. Выпускъ второй. Часть первая. М. 1891 (въ изданіи моск. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи; „Извѣстія“, т. LXXII; „Труды Антропол. отдѣла“, т. XIV).

Года два тому назадъ въ Литературномъ Обозрѣніи („В. Е.“ 1890, январь) сказано было о первомъ выпускѣ сочиненія г. Харузина, которое теперь продолжается первой частью второго выпуска, представляющей громадный томъ 4°, до 900 столбцовъ. Настоящій выпускъ, или его первая часть, посвященъ исключительно антропологическому изслѣдованію: весь онъ занятъ таблицами цифръ и чертежами кривыхъ, выведенныхъ изъ этихъ цифръ, для опредѣленія различныхъ антропометрическихъ данныхъ: вычисляется ростъ, опредѣляется величина головы въ разныхъ отношеніяхъ, діаметры черепа, дуги черепа, ушныя хорды и ихъ различныя отношенія, затѣмъ

лицо въ его различныхъ измѣреніяхъ. Для сравнительнаго опредѣленія физическаго типа киргизовъ съ помощью этихъ измѣреній авторъ пользовался также многими другими трудами подобнаго рода, иностранными и русскими, и въ числѣ послѣднихъ въ распоряженіи Харузина кромѣ матеріаловъ печатныхъ были также неизданныя работы другихъ изслѣдователей нашихъ средне-азіатскихъ инородцевъ. Такъ изъ числа иностранныхъ изслѣдователей этими вопросами занимался Уйфальви, извѣстный венгерскій этнографъ, французскій ученый Шантръ, генералъ Эркертъ, въ 60-хъ годахъ извѣстный своими изслѣдованіями по западному краю, а въ концѣ 80-хъ издавшій (на нѣмецкомъ языкѣ) книгу о Кавказѣ, гдѣ онъ нѣкогда служилъ. Изъ русскихъ изслѣдователей такими измѣреніями занимались А. А. Ивановскій, измѣрявшій киргизовъ Средней орды, Мацѣевскій и Поярковъ, работавшіе въ Кульджѣ, Федченко, измѣрявшій узбековъ въ Заравшанѣ, Маліевъ, изслѣдовавшій башкиръ, Назаровъ и др. Матеріалъ, привлеченный для сравненія, обнималъ не только племена тюркскаго корня, но также племена группы монгольской, финской, иранской и нѣсколько другихъ отрывочныхъ племенъ, напримѣръ даже индѣйское племя сіу, представителей котораго г. Харузинъ изучалъ въ Москвѣ, гдѣ они давали извѣстныя представленія. Въ цѣломъ, въ антропологическое изслѣдованіе введено было до 120 различныхъ народностей, въ числѣ до 2.900 отдѣльныхъ субъектовъ.

Значеніе этихъ антропометрическихъ изслѣдованій авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Антропологическое сопоставленіе отдѣльныхъ племенъ, предпринимаемое нами здѣсь, имѣетъ троякое значеніе. Во-первыхъ, мы не можемъ себѣ уяснить типъ той или другой народности (въ данномъ случаѣ киргизовъ), не подвергая ее сравненію съ иными типами и при этомъ не только съ типами ближайшей группы (въ данномъ случаѣ тюркской), но и съ типами другихъ группъ; во-вторыхъ, массовое сопоставленіе типовъ, раздѣленныхъ на вышеупомянутыя четыре группы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ племенъ, стоящихъ внѣ ихъ), имѣетъ и тотъ интересъ, что огромное большинство многочисленныхъ инородцевъ нашего отечества сводится именно либо къ тюркамъ, либо финнамъ, либо монголамъ, либо иранцамъ, слѣдовательно такое сопоставленіе уясняетъ намъ антропологію вообще нашихъ инородцевъ; кромѣ того какъ финскій, такъ и тюркскій (косвенно и монгольскій), быть можетъ, и иранскій типы оказали значительное вліяніе на типъ русскихъ, такъ что изученіе четырехъ первенствующихъ типовъ ведетъ одновременно къ изученію и русскаго типа, т.-е. насъ самихъ“. Въ-третьихъ, въ нашей антропологической литературѣ собралась уже значительная масса матеріала по изученію русскихъ и инородческихъ

племенъ и является наконецъ потребность въ сводкѣ и обобщеніи, которыя необходимы для дальнѣйшаго развитія изысканій. „Несмотря на значительное количество матеріала и несмотря на далеко не малое количество изслѣдованія, еще до сихъ поръ не рѣшенъ, во-первыхъ, вопросъ о характерныхъ признакахъ финской, тюркской, иранской и монгольской расъ, а во-вторыхъ, о мѣстѣ, которое должно занимать въ системѣ инородцевъ то или другое изъ племенъ, въ столь обильномъ количествѣ населяющихъ Россію. Правда, рѣшеніе этихъ вопросовъ требуетъ еще большого труда, еще огромнаго матеріала, но чтобы двинуть этотъ вопросъ на шагъ впередъ, достаточно и того матеріала, который имѣется у насъ теперь“ (ст. 21—22).

Вторая часть этого выпуска, какъ сообщаетъ авторъ въ предисловіи, уже печатается и заключаетъ объяснительный текстъ къ собраннымъ здѣсь цифрамъ: это будетъ рядъ обобщеній относительно каждой народности, вошедшей въ эту работу, но преимущественно о киргизской и каракиргизской.

Къ книгѣ приложены двѣ карты Киргизской степи и типы киргизовъ Букеевской орды. Въ концѣ книги помѣщенъ библіографическій указатель книгъ и статей, относящихся къ киргизамъ, въ дополненіе къ указателю, помѣщенному при первомъ выпускѣ этого сочиненія. Замѣтимъ также, что другой подобный указатель, относящійся къ киргизамъ и къ каракиргизамъ, съ 1734 по 1891 годъ, помѣщенъ г. Харузинымъ въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (кн. IX).

— *Отчетъ* Императорской Публичной Библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1891.

За послѣдніе годы мы указывали, что „Отчеты“ Публичной Библіотеки начали выходить обыкновенно обширными томами, такъ какъ кромѣ обычныхъ отчетныхъ цифръ о составѣ библіотеки, о пользованіи ею, въ отчетахъ стали помѣщаться, во-первыхъ, подробныя свѣденія о ея новыхъ пріобрѣтеніяхъ и, во-вторыхъ, въ приложеніяхъ печатались самые тексты наиболѣе любопытныхъ пріобрѣтеній, или обстоятельныя описанія, или какія-либо библіографическія разысканія. Нѣтъ надобности говорить о пользѣ такого пріема: люди, занимающіеся исторіею Россіи, изученіемъ русской народной жизни, литературы (такъ какъ сюда относится большинство вновь пріобрѣтаемыхъ и описываемыхъ въ „Отчетѣ“ матеріаловъ) получаютъ здѣсь указанія о новыхъ данныхъ, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что онѣ состоятъ обыкновенно въ рукописяхъ, т.-е. матеріалѣ, всего чаще единственномъ въ своемъ родѣ.

Мы замѣчали также, что въ послѣднее время въ составѣ пріоб-

рѣтеній Библіотеки все уменьшался процентъ старыхъ рукописей, которыя все истощаются въ частныхъ рукахъ и на книжномъ рынкѣ Въ настоящемъ случаѣ однако въ пріобрѣтеніяхъ Библіотеки мы находимъ цѣлую массу старыхъ рукописей: во-первыхъ, принесено было въ даръ *крестьяниномъ* новгородской губерніи П. Д. Богдановымъ собраніе изъ 125 славяно-русскихъ рукописей XIV—XVIII вѣковъ; во-вторыхъ, также подарено преосв. Амфилохіемъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ славяно-русской церковной письменности собраніе церковно-славянскихъ апостоловъ XV—XVII вѣка, въ числѣ 42 рукописей. Собраніе Богданова впослѣдствіи (въ 1890) было еще пополнено Библіотекою: она пріобрѣла, кромѣ подаренныхъ 125, еще 150 его рукописей, преимущественно по исторіи раскола. Многія изъ рукописей замѣчательны по своей древности (восходящей въ нѣкоторыхъ отрывкахъ даже до XIII вѣка); рукопись Козьмы Индикоплова XVI вѣка любопытна какъ вкладъ въ Соловецкій монастырь извѣстнаго попа Сильвестра (въ монашествѣ Спиридона) и сына его Аѳонима. Въ приложеніи помѣщено подробное описаніе (до 200 стр.) собранія Богданова, именно его первой серіи, и въ предисловіи сообщены біографическія свѣденія о самомъ собирателѣ и о томъ, какъ онъ составилъ свою коллекцію: это еще молодой человѣкъ (род. 1858), выросшій въ безпоповщинской сектѣ, служившій въ крестовщикахъ, потомъ въ пѣвчихъ на Преображенскомъ кладбищѣ. Съ молодости развился у него интересъ къ книгамъ и рукописямъ, которыя онъ сталъ пріобрѣтать на свои сбереженія, съ большими трудностями и пожертвованіями, причемъ иногда, въ крайнихъ случаяхъ, долженъ былъ опять продавать свои пріобрѣтенія. Главнымъ образомъ книги его собраны на сѣверѣ. Въ 1888, онъ познакомился съ преосв. Амфилохіемъ, тогда архимандритомъ Данилова монастыря въ Москвѣ, и преосв. Амфилохій подалъ ему мысль пожертвовать въ Публ. Библіотеку его рукописи, которыхъ ему не хотѣлось передавать въ частныя руки и которыми онъ могъ бы пользоваться и въ Библіотекѣ.

Затѣмъ, рукописныя пріобрѣтенія Библіотеки состоятъ изъ рукописей новыхъ, между прочими цѣлыми коллекціями. Такъ, находимъ здѣсь: собраніе переписки гр. Румянцевыхъ, именно П. А. Румянцева-Задунайскаго, его сыновей: Николая (канцлера) и Сергѣя; собраніе матеріаловъ по исторіи раскола, частью въ XVIII вѣкѣ, а главнымъ образомъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, до конца пятидесятыхъ годовъ—важное тѣмъ болѣе, что здѣсь находится множество бумагъ конфиденціальныхъ, какъ вообще въ прежнее время дѣлопроизводство по расколу велось „конфиденціально“ и „секретно“ (между прочимъ, здѣсь находится, въ автографѣ, записка Надеждина о за-

граничныхъ раскольникахъ, составленная въ началѣ 1846, послѣ его извѣстнаго путешествія, и снабженная географической картой раскольничьихъ поселеній въ Буковинѣ, Молдавіи, Валахіи и Турціи); далѣе: собраніе бумагъ по крестьянскому дѣлу, оставшееся послѣ сенатора Б. Н. Хвостова, завѣдывавшаго дѣлами при предсѣдателѣ редакціонныхъ коммиссій, гр. Панинѣ (продолженіе коллекціи, начало которой пріобрѣтено Библіотекою въ 1885 году), и здѣсь же томъ бумагъ по особому Высочайше образованному въ 1861 году совѣщанію о мѣрахъ для надзора за университетскими студентами по случаю происходившихъ тогда безпорядковъ въ университетахъ; небольшое собраніе собственноручныхъ писемъ митр. Филарета; собраніе бумагъ Е. П. Ковалевскаго; собраніе бумагъ барона Г. В. Розена, главноуправляющаго Кавказомъ въ 1831—37 годахъ; собраніе писемъ къ И. П. Корнилову, представляющее, по словамъ „Отчета", интересъ „въ особенности для исторіи хода учебнаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ и русско-польскихъ отношеній какъ въ этомъ краѣ, такъ и въ губерніяхъ привислинскихъ". Отмѣтимъ еще въ числѣ новыхъ пріобрѣтеній Библіотеки статью протопопа Аввакума (стр. 148) и автографы импер. Екатерины II, съ ея небольшими, до сихъ поръ неизвѣстными сочиненіями (стр. 141).

Въ приложеніяхъ помѣщено собраніе писемъ митрополита московскаго Филарета; упомянутое описаніе рукописей изъ собраній крестьянина Богданова (125 нумеровъ); далѣе „Матеріалы для исторіи Арзамасскаго общества", и наконецъ продолженіе начатаго прежде описанія обширной книжно-художественной коллекціи Бецкаго, подаренной имъ Публ. Библіотекѣ и названной имъ „Флорентинская елка".

— *Сочиненія* Василія Петровича *Боткина*. Томъ I. Путешествія. Томъ II. Статьи по литературѣ. Изданіе журнала „Пантеонъ литературы". Спб. 1890—1891.

В. П. Боткинъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „людей сороковыхъ годовъ": другъ Бѣлинскаго, близкій пріятель его литературнаго круга, онъ въ свое время пользовался немалымъ авторитетомъ въ этомъ кругу по своему образованію — отчасти имъ самимъ пріобрѣтенному внѣ какой-либо школы,—по художественному вкусу, онъ былъ по тому времени и рѣдкимъ примѣромъ образованнаго человѣка изъ сословія, такъ долго чуждаго интересамъ нашего просвѣщенія и литературы. Съ Бѣлинскимъ онъ особенно сдружился еще въ Москвѣ; въ перепискѣ Бѣлинскаго, которая осталась столь характернымъ источникомъ для его біографіи и исторіи его внут-

ренняго развитія, наибольшая доля писемъ обращена къ Боткину, довѣренному самыхъ интимныхъ его мыслей. Боткинъ не однажды былъ его совѣтникомъ и въ разрѣшеніи литературныхъ и эстетическихъ вопросовъ.

Изданіе сочиненій Боткина становится поэтому существенно важнымъ для объясненія какъ его собственнаго значенія, такъ и литературной эпохи сороковыхъ годовъ. Это изданіе и дѣлается теперь журналомъ „Пантеонъ литературы", — но пока дѣлается довольно странно и является какимъ-то непомнящимъ родства. При вышедшихъ уже двухъ томахъ читатель остается въ совершенномъ недоумѣніи о составѣ изданія: никакого предисловія; никакого указанія о томъ, гдѣ и когда напечатаны были издаваемыя теперь сочиненія; даже никакого оглавленія. Читатель не знаетъ также, послѣдуетъ ли и еще что-нибудь за этими двумя томами, будетъ ли сообщена біографія писателя, что-либо изъ его переписки, будетъ ли сообщенъ списокъ его сочиненій, съ указаніемъ ихъ перваго появленія и т. д. Все это остается пока вопросомъ неисповѣдимаго будущаго.

—Н. *Астыревъ*. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. На таежныхъ прогалинахъ. Москва, 1891.

Имя автора этой книги извѣстно читателямъ „Вѣстника Европы": нѣсколько лѣтъ тому назадъ здѣсь напечатанъ былъ его любопытный разсказъ: „Въ волостныхъ писаряхъ", если не ошибаемся, первый литературный трудъ г. Астырева. Читатель припомнитъ тему этого разсказа: человѣкъ изъ образованнаго круга, изъ такъ-называемой интеллигенціи, именно самъ авторъ, рѣшилъ идти въ деревню и стать волостнымъ писаремъ, такъ какъ это положеніе дало бы ему возможность видѣть крестьянскую жизнь во-очію, познакомиться непосредственно съ экономическимъ, общественнымъ и нравственнымъ состояніемъ деревенскаго міра, о которомъ ходитъ столько разнорѣчивыхъ сужденій. Предпріятіе было совершенно въ духѣ новѣйшаго стремленія къ ближайшему изученію народной жизни; подобные примѣры бывали, но немногіе изъ такихъ изслѣдователей народнаго быта внесли въ литературу такой интересный запасъ наблюденій, какъ г. Астыревъ. Пришелъ, конечно, предѣлъ, когда наблюдатель счелъ это мѣстное изученіе исчерпаннымъ; оно безъ сомнѣнія обогатило наблюдателя опытомъ, умѣньемъ ориентироваться въ народной средѣ и, быть можетъ, укрѣпило въ немъ любовь къ этому изслѣдованію. Вскорѣ затѣмъ г. Астыревъ переселился въ Восточную Сибирь, гдѣ онъ приглашенъ былъ къ участію въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, пред-

принятыхъ въ иркутской губерніи по иниціативѣ тогдашняго генералъ-губернатора Восточной Сибири гр. Игнатьева, поддержанной министерствомъ государственныхъ имуществъ. Результаты этой работы, въ которой кромѣ г. Астырева приняли участіе другія лица, спеціалисты статистическаго дѣла, вызванные изъ Россіи, и мѣстные сотрудники, явились въ многотомномъ изданіи: „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія иркутской и енисейской губерній“ (1890). Но кромѣ цифръ, относящихся къ экономическому быту, г. Астыревъ собиралъ и другія данныя — черты нравовъ и обычаевъ: плодомъ этихъ наблюденій былъ рядъ журнальныхъ статей, которыя и собраны въ настоящей книгѣ. Старый опытъ изученія народной жизни, безъ сомнѣнія, помогъ автору въ новомъ краю: книга очень оригинальна и выдается среди изобильной литературы, посвящаемой изображенію сибирской жизни. Авторъ, какъ человѣкъ свѣжій, увидѣлъ въ Сибири многое, чего не отмѣчали прежніе наблюдатели, или видѣвшіе край поверхностно, или по привычкѣ не обращавшіе вниманія на тѣ или другія стороны мѣстной жизни. Если не ошибаемся, статьи г. Астырева, собранныя теперь въ его книгѣ, производили въ Сибири весьма неблагопріятное впечатлѣніе,—какъ были очень неблагопріятны отзывы г. Астырева о сибирской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, мы не припомнимъ въ литературѣ о Сибири,—кромѣ немногихъ отдѣльныхъ эпизодовъ,—столь суровыхъ отзывовъ о *цѣломъ* характерѣ сибирскаго населенія, отзывовъ, подкрѣпленныхъ несомнѣннымъ личнымъ опытомъ. Кто правъ: новый изслѣдователь сибирской жизни или мѣстные патріоты? — вопросъ интересенъ, и мы постараемся къ нему возвратиться.—А. В.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бертенсонъ, Л. Б.—Наблюденія надъ дѣйствіемъ Коховской лимфы на больныхъ бугорчаткою внутреннихъ органовъ въ Спб. Николаевскомъ Военномъ Госпиталѣ. Спб. 91. Стр. 132.

Бородинъ, Н.—Уральское казачье войско. Статистическое описаніе въ 2-хъ томахъ, съ 10 картами. Уральскъ, 91. Стр. 944. Ц. за оба тома 4 руб.

Боцяновскій, Вл.—Публичная Библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-лѣтія. Кіевъ, 91. Стр. 30.

Бураковскій, С.—Горе отъ ума, А. С. Грибоѣдова. Разборъ комедіи для учащихся. Новгор. 91. Стр. 38. Ц. 40 к.

Велецкій, С. Н.—Земская Статистика, ея положеніе, значеніе, задачи, методы, организація и постановка. Полтава, 91. Стр. 68.

Гусевъ, А.—Практическое руководство къ употребленію знаковъ препинанія. М. 91. Стр. 34. Ц. 20 к.

—— Орѳографическій Словарь буквы Ѣ и Ѳ. Состав. по Я. К. Гроту. М. 91. Стр. 64. Ц. 10 к.

Дайси, А. В., проф. оксфордскаго университета.—Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Перев. съ 3-го англ. изданія О. В. Полторацкой, подъ ред. П. Г. Виноградова, проф. москов. унив. Спб. 91. Стр. 369. Ц. 2 р. 50 к.

Емельевъ, А. В.—Въ тайгѣ. Изъ воспоминаній о далекомъ Востокѣ. Спб. 91. Стр. 111. Ц. 50 к.

Иванова-Классика, А. Ф., Стихотворенія. Спб. 91. Стр. 186.

Игумновъ, І. И.—Судебные Уставы имп. Александра II, съ законодательными мотивами и объясненіями. Изданіе юбилейное (1864—91 г.). Т. II. Уставы гражданскаго судопроизводства. Вып. III. Спб. 91. Стр. 985—1878.

Ильинскій, А. И.—Что же можетъ сдѣлать искусство для продленія жизни и отдаленія смерти? По поводу новѣйшихъ методъ леченія неизлечимыхъ болѣзней, по Броунъ-Секкару, Коху и другимъ, и по поводу Крейцеровой сонаты. М. 91. Стр. 106. Ц. 1 р.

Ирусъ, д-ръ, П.—Гигіена современнаго общества. Перев. съ нѣм. д-ръ мед. Н. П. Лейненбергъ. Од. 91. Стр. 100. Ц. 60 к.

Киржнеръ, Оскаръ, д-ръ.—Болѣзни поврежденія нашихъ сельскохозяйственныхъ культурныхъ растеній. Руководство къ распознаванію ихъ и къ борьбѣ съ ними для сельскихъ хозяевъ, садоводовъ и пр. Перев. съ нѣм., подъ ред. и съ дополн. примѣнительно къ Россіи д-ра Ар. Гоби, проф. Спб. унив. Спб. 91. Стр. 630. Ц. 3 р.

Каронинъ (Петропавловскій).—Разсказы. Т. II и III. Стр. 422 и 363. Ц. по 1 р. 50 к.

Карцовъ, В. С. и *Мазаевъ*, М. Н.—Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 91. Стр. 153. Ц. 1 р.

Круловъ, А.—Губернскія сказки. М. 90. Стр. 274. Ц. 1 р. 80 к.

Лермонтовъ, М. Ю., Сочиненія, п. р. П. В. Быкова, съ біографическимъ очеркомъ, автографами, портретомъ М. Ю. Лермонтова, съ иллюстраціями и снимками. Т. III. Спб. 91. Приложеніе къ журн. „Живописное Обозрѣніе".

Листъ, д-ръ Фр.—Національная система политической экономіи. Перев. съ нѣм., п. р. К. В. Трубникова. Спб. 91. Стр. 452. Ц. 3 р.

Лончевскій, А. И.—Грамотность и грамота. Гомель, 91. Стр. 82. Ц. 50 к.

Льдовъ, К. Н.—Памяти Лермонтова, стих. Спб. 91. Стр. 16. Ц. 20 к.

Межовъ, В. И.—Сибирская Библіографія. Т. II. Спб. 91. Стр. 470. Ц. 3 р.

Месковскій, Ал.—Образцовый Самоучитель французскаго языка. Съ указаніемъ способовъ усвоенія чистаго французскаго произношенія. Составл. по новѣйшей американской системѣ д-ра Р. Розенталя. Выпусковъ 10, съ Ключомъ. Спб. 91. Стр. 288. Ц. по 30 коп.

—— Гамлетъ, принцъ Датскій, траг. Шекспира. Перев. 2-е изд. Спб. 91. Стр. 128. Ц. 20 к.

Мижо, Н. В. Театръ В. Гюго: Анжело; Лукреція Боржіа. Од. 91. Стр. 202.

Мюллеръ, Максъ.—Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. Спб. 92. Стр. 474. Ц. 2 р. 50 к.

Острогорскій, Викторъ.—С. Т. Аксаковъ. 1791—1891. Крит.-біограф. очеркъ. Съ портретомъ. Спб. 91. Стр. 131. Ц. 75 к.

Покровскій, Н.—Блѣдновъ. Повѣсть злобы дня въ двухъ частяхъ. Спб. 91. Стр. 316. Ц. 1 р. 20 к.

Португаловъ, В., д-ръ. — Пьянство — пагуба человѣка. Спб. 91. Стр. 22. Ц. 5 к.

Родзевичъ, А. И. — Очеркъ постройки Закаспійской военной жел. дороги и ея значеніе для русской среднеазіатской промышленности и торговли. Съ картою Закаспійской области и Закасп. военной желѣзной дороги. Спб. 91. Стр. 75. Ц. 1 р.

Саккетти, Л.—Очеркъ всеобщей исторіи музыки. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 308. Ц. 3 р.

Салтыковъ, М. Е.—Полное собраніе сочиненій. Томъ IV: Благонамѣренныя рѣчи. Культурные люди. Изд. наслѣдн. автора. Спб. 91. Стр. 594. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Святловскій, В. В.—Вопросы общественнаго здоровья. Варш. 91. Стр. 375.

Созоновичъ, И.—Византійская романтическая поэзія. Варш. 91. Стр. 14.

Таировъ, В. — Библіографическій Указатель книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей по виноградарству и винодѣлію, напечатанныхъ съ 1755 по 1890 г. Спб. 91. Стр. 196. Ц. 1 р. 50 к.

Харузинъ, А.—По поводу брошюры: „О студенческой жизни въ Дерптѣ“. М. 91. Стр. 43.

Хлапонина, А. Д.—На жизненномъ перекресткѣ. Спб. 91. Стр. 93. Ц. 80 к.

Чумиковъ, А.—Осада Ревеля, 1570—71 гг., герцогомъ Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. М. 91. Стр. 59 (брошюра).

Щепкинъ, М. П.—Общественное хозяйство города Москвы въ 1863—87 гг. Историко-статистическое описаніе. Ч. I, вып. 2. М. 90. Съ Приложеніемъ къ 1-й ч.: Общій сводъ городскихъ доходовъ и расходовъ за 1866—87 гг., съ объясненіями.

Ю., Б. — Нѣсколько словъ по поводу письма гр. Л. Н. Толстого о способахъ борьбы съ голодомъ. Кіевъ, 91. Стр. 91.

Якжулъ, Ек.—Сравнительный очеркъ начальнаго образованія въ Англіи, ея колоніяхъ и Соед.-Шт. Сѣв. Америки. М. 91. Стр. 40.

Afanassiew, G.—Tableau des mesures pour les grains qui étaient en usage en France au XVIII siècle. Odessa. 91. Стр. 16.

Calouste S. Gulbenkian. — La Transcaucasie et la péninsule d'Apchéron. Souvenirs de voyage. Par. 91. Стр. 336.

Crusius, Gustav.—Concept einer aristokratischen Philosophie, Religion und Ethik. Leipzig, 91. Стр. 62.

Schrader, F.—L'année cartographique. Supplément annuel à toutes les publications de Geographie et de Cartographie. Premier supplément. Par. 91. Pr. 3 frc.

— Краткій историческій очеркъ 25-ти-лѣтней дѣятельности Волчанскаго уѣзднаго земства, Харьковской губерніи. Волч. 91. Стр. 139.

— Народное образованіе въ Козелецкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи. Отчетъ уѣздной земской управы за 1890 г. Черниг. 91. Стр. 194.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. А. Гарбель и К°. Вып. 28 и 29. М. 91. Стр. 1295—1388. Ц. по 40 к.

— Общество попеченія о начальномъ образованіи въ г. Барнаулѣ, за 1890 г. Барн. 90. Стр. 62.

— Отчетъ Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1890 г. Спб. 91. Стр. 72.

— Отчетъ о дѣятельности Общества доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нужд. жителямъ Спб. за 1890 г. Спб. 91. Стр. 64.

— Отчетъ Спб. Дамскаго Лазаретнаго Комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста за 1890 г. Спб. 91.

— Русская классная Библіотека, изд. подъ ред. А. Чудинова. — Вып. 2: Домострой, Сильвестровскаго извода. Спб. 91. Стр. 132. Ц. 45 к.

— Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области. Изд. Сыръ-Дарьинскаго Областн. Статист. Комитета. П. р. И. Гейера. Ташкентъ, 91.

— Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о благотворительности Москвы за 1891 г. М. 91.

— Сердечное Слово, изд. М. Ледерле. № 1. Христосъ воскресе. № 2. Никто какъ Богъ. Спб. 91. Ц. 15 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Die Staatsromane. Ein Beitrag zur Lehre von Communismus und Socialismus. Von Dr. *Friedrich Kleinwächter*, Prof. der Staatswissenschaften an der Universität in Czernowitz. Wien, 1891. Стр. 152. Ц. 3 марки.

Фантастическія изображенія идеальнаго общественнаго быта всегда привлекали къ себѣ читателей, представляя имъ болѣе или менѣе яркія картины того человѣческаго благополучія, котораго нѣтъ въ окружающей дѣйствительности. Въ такъ-называемыхъ „государственныхъ романахъ“ выражаются мечты о будущемъ политическомъ строѣ, въ формѣ художественныхъ образовъ и разсказовъ, соприкасающихся иногда съ областью чудеснаго. Нѣкоторые изъ этихъ „романовъ“ —настоящіе соціально-политическіе трактаты, облеченные въ беллетристическую форму, и содержаніе ихъ входитъ отчасти въ сферу спеціальной научной литературы. „Утопія“ Томаса Моруса или „Путешествіе въ Икарію“ Кабэ занимаютъ видное мѣсто въ исторіи соціальныхъ идей и движеній; эти продукты творчества разсматриваются и обсуждаются въ каждомъ историческомъ обзорѣ общественно-политическихъ наукъ.

Извѣстный нѣмецкій ученый Робертъ фонъ-Моль посвятилъ изложенію и оцѣнкѣ „государственныхъ романовъ“ цѣлую обширную

главу въ своей „Исторіи и литературѣ государственныхъ наукъ". Фридрихъ Клейнвехтеръ, профессоръ новаго университета въ Черновицѣ, недоволенъ классификаціей Моля и предлагаетъ свою собственную; онъ критикуетъ и дополняетъ многія замѣчанія названнаго ученаго, разсматриваетъ новѣйшія сочиненія, которыхъ послѣдній не могъ имѣть въ виду, и старается придать своему обзору характеръ полноты и научнаго безпристрастія. Моль дѣлитъ государственные романы на двѣ группы: къ первой онъ относитъ изображенія такихъ общественныхъ порядковъ, которые могутъ быть созданы людьми въ будущемъ, а ко второй — попытки идеализировать существующія учрежденія. Клейнвехтеръ предпочитаетъ установить двѣ другія рубрики въ зависимости отъ общаго содержанія и направленія разбираемыхъ произведеній: во-первыхъ, политическіе государственные романы, и во-вторыхъ, народно-хозяйственные; послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на коммунистическіе, полу-коммунистическіе и соціалистическіе въ тѣсномъ смыслѣ. Наименьше мѣста удѣлено первой группѣ, къ которой отнесено одиннадцать „политическихъ романовъ", въ томъ числѣ „Киропедія" Ксенофонта и „Телемакъ" Фенелона; два сочиненія, наиболѣе любопытныя—„Подземное путешествіе" датскаго поэта Гольберга и „Годъ 2440" Мерсье,—причислены Молемъ къ государственнымъ романамъ неправильно, по мнѣнію автора. Однако о содержаніи этихъ двухъ сочиненій говорится почти столько же, сколько о всѣхъ остальныхъ „политическихъ романахъ" вмѣстѣ.

Въ книгѣ Гольберга, напечатанной въ 1741 году, описываются приключенія Николая Климма, которыя поразительно напоминаютъ извѣстныя сочиненія Жюля Верна—„Путешествіе къ центру земли" и „Вокругъ луны". Николай Климмъ попалъ сначала къ народу „человѣческихъ деревьевъ", двигающихся на короткихъ ногахъ и строго придерживающихся консервативнаго направленія, въ силу природнаго тяготѣнія къ почвѣ; эти самобытные почвенники прогоняютъ отъ себя героя за его наклонность къ реформамъ и нововведеніямъ. Оттуда герой попадаетъ къ людямъ-обезьянамъ, перенимающимъ всѣ чужіе обычаи; тамъ онъ также не имѣетъ успѣха и подвергается ссылкѣ на галеры, причемъ встрѣчается съ разными удивительными народами. Благодаря кораблекрушенію, онъ попадаетъ въ страну, населенную добродушнымъ и грубымъ народомъ, который вскорѣ дѣлаетъ его своимъ королемъ; но подданные не долго переносятъ его управленіе, и онъ вынужденъ спастись бѣгствомъ, которое случайно выводитъ его изъ подземнаго царства къ тому самому мѣсту, гдѣ онъ находился первоначально. Разсказавъ вкратцѣ эту фантастическую исторію, профессоръ Клейнвехтеръ рѣшительно заявляетъ,

что она ни въ какомъ случаѣ не подходитъ къ категоріи „государственныхъ романовъ“, такъ какъ въ приключеніяхъ и наблюденіяхъ Климма можно видѣть лишь сатиру на политическую жизнь, нравы и понятія цивилизованныхъ европейцевъ того времени, — а сатира сама по себѣ недостаточна для политическаго романа. Иначе пришлось бы и „Путешествіе Гулливера“ отнести къ государственнымъ романамъ, чего не дѣлаетъ однако и Робертъ фонъ-Моль.

Еще интереснѣе другое отвергаемое авторомъ сочиненіе, вышедшее въ 1771 году подъ заглавіемъ „L'an 2440“ и принадлежащее перу французскаго писателя Мерсьé. По замыслу и исполненію оно замѣчательно похоже на извѣстный романъ Беллами; только многое изъ того, что авторъ переноситъ въ XXV вѣкъ, осуществилось несравненно раньше. Герой заснулъ въ 1770 году послѣ вечера, проведеннаго въ обществѣ одного англичанина; проснувшись, онъ узналъ, что сонъ его продолжался 670 лѣтъ. Очутившись среди новыхъ людей и условій XXV вѣка, онъ съ любопытствомъ изучаетъ ихъ и находитъ много перемѣнъ и улучшеній. Неудобныя модныя одежды временъ Людовика XV замѣнены простымъ и цѣлесообразнымъ одѣяніемъ; никто не носитъ при себѣ оружія. Парижъ роскошно перестроенъ; улицы значительно расширены, и хотя на нихъ господствуетъ чрезвычайно оживленное движеніе, но повсюду сохраняются порядокъ и чистота. Бастилія исчезла; нѣтъ болѣе „lettres de cachet“. Въ Сорбоннѣ не происходятъ уже схоластическіе диспуты, а изучается медицина на основѣ анатоміи; хирургія сдѣлалась самостоятельной наукой. Прежняя метафизика потеряла значеніе и мѣсто ея заняли естественныя науки. Герой узналъ также, что многія перемѣны совершились въ другихъ государствахъ: въ Россіи отмѣнено крѣпостное право; Японія открыта для иностранцевъ; турки изгнаны однимъ сѣвернымъ народомъ изъ Европы; папа пересталъ быть свѣтскимъ монархомъ и сохранилъ лишь положеніе римскаго епископа, оставаясь въ этомъ качествѣ верховнымъ главою католической церкви. Въ Римѣ находится резиденція государя, царствующаго надъ объединенною Италіею. Австрія имѣетъ опять „семь принцессъ“, для которыхъ ищетъ подходящихъ женіховъ. Парижъ сдѣлался морскимъ портомъ, благодаря углубленію русла Сены. Сена украшена многими мостами; зданіе Лувра окончено и соединено съ Тюльерійскимъ дворцомъ. Многія предсказанія Мерсьѣ удивляютъ своею точностью и дальновидностью; они отчасти сбылись въ нашемъ столѣтіи, а нѣкоторыя исполнились черезъ двадцать лѣтъ послѣ изданія книги. Мерсьé ожидалъ предполагаемыхъ улучшеній отъ медленной работы вѣковъ; ему не мечталось, что Бастилія будетъ разрушена еще на глазахъ его современниковъ, что весь старый режимъ можетъ пасть отъ силь-

наго толчка, что Лувръ и Тюльери получатъ другое назначеніе и что Парижъ будетъ дѣйствительно украшенъ при имперіи и республикѣ. Человѣческія дѣла идутъ быстрѣе, чѣмъ думалъ Мерсьé, и это ускореніе событій, насколько они касались Франціи, было результатомъ сознательныхъ усилій самого французскаго общества въ ту эпоху, когда жилъ и дѣйствовалъ названный писатель.

Клейнвехтеръ не соглашается признать государственными романами сочиненія, представляющія лишь воображаемыя картины будущаго; таковы, кромѣ книги Мерсьé, нѣкоторыя новѣйшія произведенія подобнаго же рода: очерки Лассвитца, „Bilder aus dem Zukunft“, изъ временъ XXIV и XXXIX столѣтій (два тома, въ 1878 году); Вильяма Гея, „Черезъ триста лѣтъ“ (Three hundred years hence, or a voice from posterity, London, 1881), и Морица Іокая, „Романъ будущаго вѣка“ (Der Roman des künftigen Jahrhunderts“, въ четырехъ частяхъ, 1879). Подъ рубрикою соціалистическихъ романовъ приводятся только діалогъ Платона „о законахъ“, „Oceana“ Джемса Гаррингтона, сочиненіе неизвѣстнаго автора о „счастливой націи Фелиціевъ“ и „Телемакъ“ Фенелона. Остановившись вкратцѣ на этихъ четырехъ книгахъ, авторъ переходитъ къ болѣе значительному отдѣлу „вполнѣ коммунистическихъ“ романовъ; тутъ онъ насчитываетъ одиннадцать произведеній, изъ которыхъ разбираетъ болѣе внимательно діалогъ Платона о государствѣ, „Утопію“ Томаса Моруса, „Городъ солнца“ Кампанеллы, „Histoire des Sevarambes“ Верасса, „Code de la nature“ Морелли, и „Voyage en Icarie“ Этьенна Кабé. Авторъ крайне строго отзывается почему-то о „такъ называемомъ греческомъ мудрецѣ“ Платонѣ; его діалогъ отличается будто бы „скучною растянутостью, убійственною для современнаго читателя, хотя спеціалисты по философіи называютъ это блестящею діалектикою“. Лучшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ сочиненій этой категоріи авторъ признаетъ „Histoire des Sevarambes“ Верасса, напечатанную впервые въ 1677 году. Книга написана такъ занимательно и талантливо, что ее легко принять за описаніе дѣйствительнаго путешествія героя, капитана Сидена, до прибытія его въ Австралію, гдѣ начинается уже элементъ явно фантастическій. Въ Австраліи оказался счастливый народъ севарамбовъ, обязанный своимъ благополучіемъ и процвѣтаніемъ мудрымъ законамъ и порядкамъ, которые установлены были однимъ переселившимся изъ Персіи реформаторомъ, выбраннымъ впослѣдствіи въ короли. Севарамбы не знаютъ ни частной собственности, ни сословныхъ различій; все принадлежитъ государству, которое распоряжается необходимыми производительными работами и доставляетъ продукты въ общественные магазины, откуда каждый мо-

жеть получать ихъ въ изобиліи, соотвѣтственно своимъ потребностямъ и желаніямъ.

Весьма обстоятельно разобраны авторомъ два новѣйшіе „государственные романа", отнесенные имъ къ числу „полу-коммунистическихъ": „Взглядъ назадъ съ 2000 года на 1887 годъ", Беллами, и „Свободная страна", нѣмецкаго писателя Теодора Гертцка (Freiland. Ein sociales Zukunftbild, von Theodor Hertzka. Первое изданіе въ концѣ 1889 года, второе—въ началѣ 1890 г., третье — лѣтомъ того же года). Авторъ упоминаетъ еще о книгѣ Фердинанда Амерсина, вышедшей въ 1874 году (Das Land der Freiheit, von Ferd. Amersin) и о сочиненіи Ганзеля Трута, появившемся въ настоящемъ году въ Базелѣ (Am Ende des Jahrtausends. Ein Roman von Hansel Truth, Basel, 1891). Ганзель Трутъ—вѣроятно, псевдонимъ—описываетъ, въ видѣ сновидѣнія, условія жизни въ 2000 году, причемъ обращаетъ главное вниманіе на разныя техническія усовершенствованія, не касаясь основъ политическаго и хозяйственнаго быта; только мимоходомъ сдѣлано замѣчаніе о сосредоточеніи всего производства въ рукахъ государства и о всеобщей трехлѣтней обязательной работѣ гражданъ. По мнѣнію Клейнвехтера, оба эти сочиненія — Амерсина и Трута—ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться „государственными романами" въ собственномъ смыслѣ. Что касается романа Беллами, то онъ появился въ Германіи въ четырехъ переводахъ и между прочимъ изданъ для народа извѣстною фирмою „Universal. Bibliothek" Филиппа Реклама. Одинъ изъ нѣмецкихъ переводчиковъ, Георгъ Малковскій, отчасти даже передѣлалъ конецъ романа: герой будто бы просыпается среди своей прежней обстановки и все видѣнное имъ въ двадцатомъ вѣкѣ оказывается лишь сномъ. Въ романѣ Герцки разсказывается, какъ устроилось въ центральной Африкѣ новое свободное государство при участіи европейскихъ поселенцевъ и какіе тамъ водворились справедливые хозяйственные порядки безъ принудительныхъ мѣръ, одною силою свободнаго учрежденія ассоціацій, снабжаемыхъ правительствомъ первоначальными капиталами въ кредитъ. Только земля признается тамъ собственностью государства и обработывается всѣми желающими со взносомъ третьей доли дохода, въ казну. Теодоръ Герцка вдается въ тонъ серьезнаго экономическаго анализа, съ претензіею на научность; въ содержаніи его книги нѣтъ того романическаго, художественнаго элемента, который придаетъ такую прелесть фантазіямъ Беллами. Тѣмъ не менѣе Клейнвехтеръ говоритъ о взглядахъ Герцки даже болѣе подробно, чѣмъ объ идеяхъ американскаго писателя. Вообще трудъ черновицкаго профессора довольно поучителенъ, и автора можно упрекнуть только въ одномъ—въ несоразмѣрности частей, въ краткости указаній и отзы-

вовъ объ однихъ сочиненіяхъ и въ растянутости разбора другихъ, менѣе важныхъ.

II.

Bulgarische Politik. Von ***. Zweite Auflage. Dresden, 1891. Стр. 64.

Авторъ этой брошюрки повидимому хорошо, но быть можетъ односторонне знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ Болгаріи, и на основаніи этого знакомства высказываетъ взгляды, значительно уклоняющіеся отъ отзывовъ нѣмецкихъ корреспондентовъ относительно балканскихъ дѣлъ. Положеніе принца Фердинанда, по свѣденіямъ автора, далеко не столь прочно, какъ можетъ казаться постороннимъ наблюдателямъ; самъ принцъ не обладаетъ серьезными политическими качествами, необходимыми для болгарскаго князя: — ему чуждъ военный духъ, отличавшій его предшественника, Баттенберга; онъ расположенъ къ праздной жизни, придаетъ много значенія придворнымъ церемоніямъ и этикету, занимается весьма поверхностно государственными дѣлами и держится на своемъ мѣстѣ только благодаря авторитету и вліянію Стамбулова и своимъ крупнымъ финансовымъ средствамъ. Если по какой-либо причинѣ сойдетъ со сцены нынѣшній министръ-президентъ, то и принцъ потеряетъ почву и долженъ будетъ уѣхать обратно на родину; это тѣмъ болѣе возможно, что ни одна великая держава не станетъ спорить съ Россіею, если она, при поддержкѣ Франціи, потребуетъ возстановленія въ Болгаріи законнаго порядка, установленнаго берлинскимъ трактатомъ, и т. д. Не знаемъ, насколько вѣрны свѣденія и соображенія автора; но очень можетъ быть, что именно тѣ качества принца Фердинанда, которыя ставятся ему въ упрекъ, помогли ему сохранить до сихъ поръ ту трудную позицію, которую вынужденъ былъ покинуть гораздо болѣе способный и популярный дѣятель, принцъ Баттенбергъ.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1891.

Извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей.—Обстоятельства, затрудняющія правильную организацію помощи. — Нѣчто о „лѣности грубаго простонародья". — Новые слухи о мѣрахъ противъ штунды. — Перемѣна въ настроеніи приверженцевъ церковной школы. — Откровенность „Гражданина" и обвинительное усердіе „Московскихъ Вѣдомостей". — В. Г. Трироговъ †.

Вопросъ о помощи голодающимъ все больше и больше выдвигается на первый планъ, заслоняя всѣ остальные. Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что значительной полосѣ Россіи угрожаетъ *голодъ* въ полномъ смыслѣ слова—голодъ во многихъ мѣстахъ усложненный безкормицей рабочаго скота. Вотъ, напримѣръ, каково положеніе дѣлъ въ пронскомъ уѣздѣ, рязанской губерніи („Московскія Вѣдомости", № 278, корреспонденція г. Долгова): „у бо́льшей части крестьянъ хлѣба хватитъ еще развѣ мѣсяца *на два*, и то съ подмѣсью къ мукѣ лебеды, а у нѣкоторыхъ уже и теперь *ничего нѣтъ*, и бабы направились за кусками; вообще нищіе ходятъ толпами... Продажи овса ни у кого быть не можетъ, его и не вездѣ хватитъ на собственные расходы; но здѣсь главный вопросъ въ томъ, *хватитъ ли его на обсѣмененіе яровыхъ полей?* Въ этомъ мы сильно сомнѣваемся, по крайней мѣрѣ что касается до крестьянъ. Дѣйствительно, за неимѣніемъ продажнаго хлѣба, мужикъ на всякій мелочной расходъ (соль, керосинъ и пр.) понесетъ продавать частичку своего и безъ того тощаго овсянаго урожая, а такового хватитъ не надолго... Итакъ, насущное продовольствіе крестьянина далеко не обезпечено на предстоящій годъ; ему лишь хватитъ картофеля, а капусты хватитъ не всѣмъ, такъ какъ и она родилась плохо. Но еще ужаснѣе положеніе крестьянской скотины. Чѣмъ кормить ее? Уже теперь, по случаю отсутствія подножнаго корма въ теченіе всего лѣта, скотина повсемѣстно въ самомъ плачевномъ видѣ: на лошадяхъ кожа да кости, а коровы почти не даютъ никакого удоя. Съ наступленіемъ же зимы, ранней, какъ ожидаютъ, скотина лишится и бѣднаго подножнаго корма. Ее уже теперь прикармливаютъ сухою листвою съ солью, которую она ѣстъ съ жадностью; но и листвы у насъ мало, за неимѣніемъ лѣсовъ. Начнется либо чуть не даровая, по цѣнѣ лишь шкуры, продажа скотины, которая и теперь покупается нипочемъ—напримѣръ, 8. р. корова, отъ 6 р. лошадь и т. п., — либо повсемѣстный падежъ. А на

чемъ выѣдетъ крестьянинъ пахать весной, одному Богу извѣстно! Удержать его отъ продажи послѣдней лошаденки трудно, такъ какъ, по дороговизнѣ корма, ему дѣйствительно дешевле будетъ купить лошадь весной, чѣмъ содержать ее до весны. Чѣмъ будетъ топить нашъ крестьянинъ свою избенку? Лѣса нѣтъ, дрова дороги, купить не на что, соломы также нѣтъ, даже на крыши не хватаетъ. Правда, вышло уже разрѣшеніе крестьянамъ собирать валежникъ на извѣстныхъ участкахъ въ казенныхъ лѣсахъ. Но у насъ въ губерніи послѣднихъ очень мало, а въ пронскомъ уѣздѣ совсѣмъ нѣтъ; ближайшій верстъ за сорокъ и болѣе, привезти его оттуда не на чемъ будетъ [1]). Вотъ правдивая, неприкрашенная картина нашей деревенской жизни. Если она ужасна теперь, когда еще и хлѣбецъ есть, и солнце подогрѣваетъ, и силы не истощились, то представьте вы себѣ, каковою она будетъ позже—зимой, къ веснѣ"!.. „Нужда здѣсь страшная";—пишетъ г. Шишовъ объ алатырскомъ уѣздѣ симбирской губерніи („Моск. Вѣд.", № 285);—„люди ѣдятъ то, что̀ отказываются ѣсть животныя. Хлѣбъ приготовляется изъ лебеды съ примѣсью макины и небольшого количества ржи. Отвратительный на вкусъ, горькій и при томъ сыроватый, такъ какъ не пропекается вполнѣ, онъ составляетъ единственную пищу и стараго, и малаго въ семьѣ; получить другого не откуда, посылать за милостыней—безполезно, ибо въ виду грядущей нужды отказываютъ въ подаяніи и тѣ, кто теперь пока еще имѣетъ кой-какіе запасы; невыносимо тяжело смотрѣть на дѣтей, питающихся подобнымъ хлѣбомъ". По сообщенію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скопинскаго уѣзда (рязанской губерніи) нужда достигла ужасающей степени; населеніе питается хлѣбомъ, похожимъ на землю, и жестоко страдаетъ отъ обычнаго спутника народнаго голода — повальнаго брюшного тифа. А вотъ что̀ говоритъ одинъ изъ самарскихъ землевладѣльцевъ, г. Д. Протопоповъ („Русская Жизнь"): „положеніе населенія въ нашемъ (николаевскомъ) уѣздѣ почти безвыходное. Лошади, рогатый скотъ, крестьянскій скарбъ распроданы въ той надеждѣ, чтобы вырученными деньгами прокормиться до полученія ссуды на продовольствіе. Теперь земство объявило крестьянамъ, чтобы они ѣхали на волжскія пристани, гдѣ имъ на октябрь будетъ выдано по 20 фунтовъ на нерабочаго человѣка (на сентябрь было выдано по 10 фунтовъ). Само собою разумѣется, что при отсутствіи въ краѣ какихъ бы то ни было заработковъ, на каждую душу, считая и рабочее населен

[1]) Въ южныхъ уѣздахъ самарской губерніи, да, вѣроятно, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, крестьянамъ также грозитъ не только голодъ, но и холодъ. Обычнымъ топливомъ былъ тамъ сушеный навозъ — а скотина почти вся распродана или пр дается.

придется лишь по 10—12 фунтовъ. Ну, а съѣдая въ день 32 золотника, долго не протянешь, тѣмъ болѣе, что ни пшена, ни картофеля въ этомъ году не уродилось. Отчаяніе овладѣло крестьянами: чѣмъ же, какъ не отчаяніемъ, можно объяснить слѣдующее происшествіе, имѣвшее мѣсто 4-го октября. Управляющій имѣніемъ отправилъ двухъ рабочихъ на мельницу въ с. Смородинку за смолотыми 52 пудами ржи и пшеницы; не успѣли еще работники начать грузить муку, какъ они были окружены толпою голодныхъ крестьянъ изъ села Смородинки, кричавшихъ, что они увозить хлѣба не дадутъ, а подѣлятъ его между собою. Мельникъ, видя настроеніе толпы, заперъ мельницу и по-добру по-здорову поспѣшилъ убраться домой; крестьяне же сломали замокъ и раздѣлили хлѣбъ между 38 семьями. Становымъ приставомъ составленъ актъ. Сообщаемый фактъ есть одинъ изъ многихъ, совершающихся кругомъ..." [1]) Тяжелое впечатлѣніе, по словамъ корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", производитъ деревня и въ саратовской губерніи (уѣзды саратовскій и петровскій): „хлѣбъ и теперь уже съ примѣсью разныхъ суррогатовъ, отощалый скотъ, уцѣлѣвшій въ незначительномъ количествѣ, пустыя гумна, подавленный нуждою народъ. Мѣстное земство удовлетворено лишь въ 1/4 части продовольственной ссуды, исчисленной въ минимальномъ размѣрѣ. Почему и вынуждено давать ссуды лишь тѣмъ, кто въ буквальномъ смыслѣ голодаетъ... Нужда и теперь вопіющая, но что будетъ къ веснѣ? Не только добрая половина, а 2/3 всего скота будетъ распродано". Заключимъ эти газетныя сообщенія, къ которымъ можно было бы прибавить множество другихъ, выпискою изъ частнаго письма, полученнаго нами изъ тамбовской губерніи: „нынѣшній неурожай сравнялъ положеніе бѣдныхъ и богатыхъ (рѣчь идетъ, конечно, только о крестьянахъ). Всѣ бѣдны, всѣ нуждаются, за рѣдкими исключеніями. Различіе теперь только въ томъ, что у богатаго хватитъ хлѣба на недѣлю, на мѣсяцъ болѣе, чѣмъ у бѣднаго. У богатаго есть лошадь—но лошадь не хлѣбъ, и цѣны на скотъ все падаютъ. До ноября, до декабря населеніе еще кое-какъ перебьется, но что затѣмъ наступитъ—страшно подумать... Слухи о комитетѣ (учрежденномъ на мѣстѣ съ цѣлью сбора пожертвованій и раздачи собранныхъ денегъ) быстро распространились среди крестьянъ и вызвали преувеличенныя надежды на помощь. Уже теперь поднялось неудовольствіе на нѣкоторыхъ членовъ комитета, какъ имѣющихъ власть помочь и будто бы бездѣйствующихъ. Многіе священники и купцы на-

[1]) Въ камышинскомъ уѣздѣ (саратовской губерніи), по свѣденіямъ „Р. Жизни", земскіе начальники и суд. слѣдователи завалены дѣлами о кражахъ хлѣба изъ амбаровъ, кладовыхъ и магазиновъ, причемъ обвиняемыми являются иногда цѣлыя семьи, пользовавшіяся до тѣхъ поръ безупречною репутаціей.

чинаютъ считать свое положеніе въ качествѣ членовъ комитета опаснымъ и не рѣшаются принимать на себя обязанности по раздачѣ хлѣба. Главное затрудненіе—въ организаціи помощи возможно болѣе гласной и справедливой. Въ подобныя минуты особенно чувствуется недостатокъ людей, близко стоящихъ къ деревнѣ, которые, благодаря знанію положенія отдѣльныхъ семей, могли бы помочь въ распредѣленіи помощи. Очень также усложняетъ дѣло паника, охватившая крестьянъ. Говорятъ, что многіе изъ нихъ закапываютъ свой хлѣбъ въ землю, чтобы другіе не подозрѣвали его существованія, и передъ печеніемъ вынимаютъ его ночью по частямъ. Возникла мысль представлять списки нуждающихся, составленные членами комитета, на разсмотрѣніе и обсужденіе крестьянскихъ сходовъ съ воззваніемъ къ ихъ чувству чести и справедливости; но на успѣхъ разсчитывать трудно... Къ составленію списковъ и закупкѣ ржи уже приступлено, но не радостное чувство вызываютъ всѣ эти приготовленія. Неотступно преслѣдуетъ сознаніе недостаточности помощи. Даннаго земствомъ и комитетомъ не хватитъ на спасеніе всѣхъ голодающихъ, и минутами является сомнѣніе, не личное ли только утѣшеніе благотворителей — помощь, безсильная радикально измѣнить положеніе крестьянъ".

Такова безотрадная картина, свидѣтельствующая не только о громадности бѣдствія, не только о затрудненіяхъ, съ которыми сопряжена дѣятельность мѣстныхъ попечительствъ, но и о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ въ организаціи помощи нуждающимся. Мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ о невозможности ограничивать выдачу продовольственныхъ пособій однимъ нерабочимъ населеніемъ—и притомъ въ столь недостаточномъ размѣрѣ, какъ тридцать фунтовъ на ѣдока. Письмо г. Протопопова показываетъ наглядно, къ чему ведетъ такое ограниченіе, выражающееся, de facto, *въ 32 золотникахъ* (!) хлѣба на каждаго голодающаго. Въ саратовской губерніи земство вынуждено выдавать ссуды „только тѣмъ, кто въ буквальномъ смыслѣ голодаетъ". Почему? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ слѣдующихъ данныхъ. Саратовское губернское земство просило еще лѣтомъ о ссудѣ въ $9^1/_2$ милл. рублей ($1^1/_2$ милл. на обсѣмененіе и 8 милліоновъ на продовольствіе). Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Саратовъ директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ и объявилъ, на совѣщаніи съ представителями администраціи и земства, что вмѣсто приблизительнаго разсчета, на которомъ основано земское ходатайство, необходимо представить точные списки нуждающихся, провѣренные и засвидѣтельствованные земскими начальниками. И губернаторъ, и предсѣдатель губернской земской управы доказывали, что провѣрка будетъ сдѣлана при распредѣленіи пособій

но она ни въ какомъ случаѣ не должна задерживать ссуду, такъ какъ рожь повышается въ цѣнѣ, достать ее чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе, и земство можетъ очутиться въ очень затруднительномъ положеніи. Къ тому заключенію пришло и сентябрьское чрезвычайное губернское собраніе, указавъ на недавнее назначеніе земскихъ начальниковъ, какъ на препятствіе къ точному исполненію министерскаго требованія, и констатировавъ еще разъ громадные размѣры нужды и необходимость крупной ассигновки. Несмотря на это, на продовольствіе саратовской губерніи былъ ассигнованъ до половины октября только одинъ милліонъ рублей — и земская помощь оказывается вдвинутою, по-неволѣ, въ самыя тѣсныя рамки. По новой провѣркѣ число пудовъ ржи, необходимыхъ для продовольствія саратовской губерніи, опредѣляется въ семь слишкомъ милліоновъ, а въ распоряженіи земства имѣется только съ небольшимъ $1^1/_2$ милліона пудовъ. Не ясно ли, что „Московскія Вѣдомости", вѣрныя своей всегдашней враждѣ къ земскимъ учрежденіямъ, слишкомъ поспѣшили осудить саратовское земство, защиту котораго взялъ на себя вояжирующій корреспондентъ „Новаго Времени", ужъ, конечно, неповинный въ излишней симпатіи къ земской дѣятельности и земскимъ дѣятелямъ [1]). Еще убѣдительнѣе и громче говоритъ въ пользу земства слѣдующее сообщеніе саратовскаго корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 288): „Земство ждетъ съ нетерпѣніемъ добавочной ссуды, такъ какъ его агенты по закупкѣ хлѣба (въ Армавирѣ, въ кіевской и полтавской губерніяхъ) телеграфируютъ, что цѣны все крѣпнутъ и поднимаются; къ тому же прекращается навигація по Волгѣ и портится гужевой подвозъ хлѣба". И въ другихъ мѣстностяхъ размѣры нужды все больше и больше оказываются соотвѣтствующими тому опредѣленію, которое съ самаго начала было дано имъ земскими собраніями. Сюда относятся, напримѣръ, борисоглѣбскій уѣздъ тамбовской губерніи (см. „Русскія Вѣдомости", № 287) да и вся вообще тамбовская губернія. На совѣщаніи, происходившемъ въ Тамбовѣ подъ предсѣдательствомъ губернатора, постановлено ходатайствовать объ отпускѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 830 тысячъ рублей, вмѣстѣ съ которыми правительственная помощь составитъ 2.830.000 рублей, т.-е. именно ту сумму, объ отпускѣ которой ходатайствовало іюльское экстренное губернское земское собраніе. При удовлетвореніи этой просьбы населеніе тамбовской губерніи можетъ быть, по мнѣнію совѣщанія, обезпечено продовольствіемъ *до января* 1892 г.

---

[1]) См. № 275 „Москов. Вѣдомостей" (передовая статья) и № 5616 „Новаго Времени".

Въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, съ пробуждающимся сознаніемъ нравственнаго долга, лежащаго на всѣхъ и каждомъ по отношенію къ голодающимъ, идетъ своеобразный взглядъ, поддерживаемый не только давнишними недоброжелателями русскаго крестьянина (въ родѣ А. А. Фета), но и нѣкоторыми оффиціальными дѣятелями. Въ недавнемъ разговорѣ съ корреспондентомъ „Новостей" нижегородскій губернаторъ генералъ Барановъ высказалъ, между прочимъ, такія мысли: „вамъ навѣрное покажется страннымъ, если я скажу, что крестьянинъ нынѣче, въ годину бѣдствія, чувствуетъ себя въ сущности гораздо *лютѣе*, чѣмъ въ обыкновенную, благополучную пору, а между тѣмъ—это такъ. Чувствуетъ себя такъ въ особенности плохой крестьянинъ, лѣнтяй и пустельга, которому голодовка не въ диковину и терять нечего. Во-первыхъ, ему, по случаю неурожая, оказываются всякія послабленія и снисхожденія по платежу разныхъ повинностей и недоимокъ. Во-вторыхъ, великая льгота такому мужику и отчасти поблажка къ дармоѣдству въ самой хлѣбной ссудѣ, а главное—въ томъ, какъ она раздается. Принято выдавать эту ссуду не иначе, какъ подъ круговую поруку всего сельскаго общества. Лѣнтяю и бездѣльнику это какъ нельзя болѣе на руку. Онъ смѣло и жадно бросается на ссуду, думая, что это ему подарокъ; а если ему ея и не простятъ, то ему какая печаль?—расплатится за нее не онъ, а міръ, за него поручившійся... За плохого, припорченнаго мужика страшно, что онъ въ концѣ излѣнится, пропьется и деморализуется. Онъ привыкнетъ къ даровому хлѣбу и совсѣмъ потеряетъ охоту работать. Да вотъ вамъ живой примѣръ! Министерство государственныхъ имуществъ, желая помочь голодающимъ доставленіемъ имъ заработка, ассигновало 50 тысячъ руб. на производство разныхъ работъ въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ нашей губерніи. Было назначено 40 коп. пѣшему рабочему и около 1 руб. конному въ день. Плата по нашимъ мѣстамъ отличная! И что же? Никто изъ окрестныхъ крестьянъ, для которыхъ собственно эти работы были открыты, на нихъ не вышелъ... Для какой, молъ, радости станутъ они работать, если ихъ кормятъ даромъ?! Пришли издалека сторонніе, работящіе крестьяне, сдѣлали это дѣло и забрали деньги... Вотъ въ чемъ главная опасность на мой взглядъ!.." Для предотвращенія этой опасности генералъ Барановъ предлагаетъ оказывать помощь нуждающимся въ видѣ задѣльной платы за общественныя работы, съ тѣмъ, чтобы 90% платы выдавалось хлѣбомъ и только 10%—деньгами. Неосуществимость этого предложенія совершенно очевидна; объ организаціи общественныхъ работъ вездѣ, гдѣ есть голодъ, на все время, пока онъ продолжается, и для всѣхъ отъ него страждущихъ, т. е. въ восемнадцати губерніяхъ на девять или де-

сять мѣсяцевъ (въ томъ числѣ четыре или пять зимнихъ), для населенія въ нѣсколько милліоновъ—не можетъ, конечно, быть и рѣчи. Но достовѣренъ ли самый фактъ, указываемый ген. Барановымъ? Не опровергается ли онъ отовсюду идущими свѣденіями, что народъ пріунылъ, подавленъ, близокъ къ отчаянію? Можно ли чувствовать себя въ „льготномъ" положеніи, когда продаешь за безцѣнокъ послѣднюю лошадь, послѣднюю корову, когда не знаешь, хватитъ ли хлѣба на завтрашній день, когда видишь вокругъ себя больныхъ голоднымъ тифомъ?.. И въ нижегородской губерніи, впрочемъ, далеко не всѣ раздѣляютъ мнѣніе генерала Баранова. „Многіе наблюдатели,—читаемъ мы въ слѣдующемъ же письмѣ того же корреспондента,—не находятъ, чтобы между бѣдствующими крестьянами усилились лѣность, деморализація и пьянство. Лѣнь часто смѣшиваютъ съ обезсиленіемъ отъ плохой пищи или вмѣняютъ ее не по адресу и ошибочно". Дальше оказывается, что „лѣсные уѣзды нижегородской губерніи, гдѣ расположены казенныя дачи, не только не пострадали нынѣче отъ неурожая, но, напротивъ, и урожай, и промыслы оказались тамъ въ наилучшемъ состояніи, выше обыкновеннаго уровня. Крестьяне этихъ-то уѣздовъ менѣе всего и нуждались въ томъ заработкѣ, который предоставило имъ вѣдомство государственныхъ имуществъ. Не пошли они въ лѣсъ не изъ лѣни, а потому, что имѣли свой болѣе прибыльный заработокъ. На лѣсныя работы явились точно сторонніе крестьяне издалека, но это и были именно наиболѣе нуждавшіеся изъ безлѣсныхъ земледѣльческихъ уѣздовъ.

Пьянство, по отзыву нѣкоторыхъ наблюдателей, не только не увеличилось въ деревняхъ, но уменьшилось до того, что кабатчики стали жаловаться, а иные такъ даже лавочки прикрыли. Въ богатомъ пригородѣ Починки, лукояновскаго уѣзда, одинъ трактирщикъ жаловался, что прежде у него въ базарный день выходило двадцать, тридцать ведеръ водки, а теперь выходитъ два-три. Говорятъ, что и по свѣденіямъ мѣстнаго акцизнаго управленія общее количество вина, потребляемаго въ губерніи, сильно упало. Народъ нынѣче *потускнѣлъ*!—говорятъ сами крестьяне о нынѣшнемъ своемъ моральномъ состояніи. Не видно веселыхъ лицъ, не слышно пѣсенъ и игръ... Намъ казалось сначала, что мысль о „льготномъ положеніи" голодающихъ, составляя явную contradictio in adjecto, не можетъ удержаться въ обращеніи, не можетъ ни остановить, ни уменьшить порыва, все болѣе и болѣе овладѣвающаго обществомъ. Но вотъ что заставляетъ насъ задуматься: издатель одной весьма распространенной и бойкой газеты, сдѣлавшій нѣсколько дѣльныхъ возраженій противъ мнѣнія нижегородскаго губернатора, два дня спустя счелъ

нужнымъ оправдываться, объясняться, доказывать свое право думать такъ, а не иначе. На него напали, по его словамъ, разные добрые знакомые и пріѣзжіе провинціалы; ему говорили, что онъ отстаиваетъ лѣнивыхъ, что онъ недостаточно знакомъ съ положеніемъ вещей. Нападеніе было ведено, должно быть, достаточно энергично, если со стороны обвиняемаго потребовались увѣренія, что „онъ самъ лѣнивцемъ никогда не былъ и терпѣть не можетъ лѣнивцевъ". Что это значитъ? Неужели у насъ въ самомъ дѣлѣ не мало лицъ, считающихъ себя „знатоками положенія" и вмѣстѣ съ тѣмъ готовыхъ видѣть корень зла въ „лѣности грубаго простонародья"? Вѣдь если вредна для крестьянина даже земская или правительственная *ссуда*, которую онъ признается обязаннымъ возвратить [1]), то что же сказать о пособіи, съ самаго начала имѣющемъ характеръ безвозвратный? Возможно ли поощрять такую форму помощи, которая, отвлекая отъ труда, подрываетъ привычку къ нему и на будущее время? Отсюда одинъ лишь шагъ до охлажденія къ только-что начатому дѣлу, а затѣмъ недалеко уже и до признанія его положительно вреднымъ... Въ концѣ концовъ, мы въ этомъ убѣждены, здравый смыслъ и доброе чувство общества возьмутъ свое, но чрезвычайно прискорбно, тѣмъ не менѣе, бросаніе палокъ подъ колеса, такъ какъ отъ ихъ безостановочнаго движенія зависитъ благосостояніе или даже существованіе многомилліонной массы.

Чѣмъ разнообразнѣе формы помощи и содѣйствія голодающимъ, чѣмъ глубже и шире движеніе, направленное къ этой цѣли, тѣмъ больше на-лицо шансовъ успѣха. Отрадное впечатлѣніе производятъ поэтому идущія со всѣхъ сторонъ вѣсти о предпріятіяхъ, организуемыхъ въ пользу голодающихъ. Въ Петербургѣ (при университетѣ и при Александровскомъ лицеѣ), въ Москвѣ, въ Кіевѣ, задуманъ рядъ публичныхъ чтеній; въ Москвѣ (при редакціи „Русскихъ Вѣдомостей") проектировано изданіе литературнаго сборника, который напомнилъ бы собою „Складчину" 1874 г. Въ газетахъ встрѣчаются указанія на добровольцевъ, готовыхъ принять личное участіе, на мѣстахъ, въ распредѣленіи и раздачѣ пособій. Въ бѣдствіи, подобномъ настоящему, этотъ видъ дѣятельности, быть можетъ, не столь важенъ, какъ, напримѣръ, во время эпидеміи. Ухаживать за больными можетъ всякій умѣлый и усердный человѣкъ, хотя бы онъ раньше никогда не видалъ ни одного изъ нихъ и никогда не былъ въ зараженной деревнѣ; для разумной помощи голодающимъ весьма важно знаніе

[1]) Продовольственныя ссуды возвращаются туго, но во всякомъ случаѣ *взыскиваются*; а съ какими неудобствами сопряжено для крестьянина взысканіе недоимокъ—это всѣмъ извѣстно. Отъ этихъ неудобствъ не освобождаетъ круговая порука.

мѣстныхъ условій и даже, по возможности, отдѣльныхъ лицъ. И здѣсь однако усиленіе мѣстныхъ дѣятелей пришлыми было бы далеко не безполезно. Первыхъ сплошь и рядомъ оказывается слишкомъ мало; цѣлыя деревни и села остаются безъ ближайшаго, постояннаго попеченія. Изученіе одной небольшой мѣстности — задача при томъ не столь трудная, чтобы съ нею, при желаніи и доброй волѣ, нельзя было справиться въ весьма короткое время. Недѣли въ двѣ пріѣзжій, не совсѣмъ чуждый деревенскому быту, можетъ составить себѣ ясное представленіе о размѣрахъ бѣды и о лучшихъ способахъ помощи. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы къ регулярнымъ отрядамъ, ведущимъ борьбу съ голодомъ, примкнули, гдѣ нужно, партизаны и внесли бы въ дѣло свѣжесть и самоотверженіе молодой энергіи. Мы видѣли, что за голодомъ уже теперь идетъ слѣдомъ увеличеніе заболѣваемости; черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ можно опасаться еще худшаго, — и съ этой точки зрѣнія новый притокъ силъ также представляется чрезвычайно желательнымъ. Между мѣстными попечительствами и пришлыми элементами соглашеніе установилось бы само собою; первыя сообщили бы послѣднимъ свой запасъ данныхъ — и черезъ нѣсколько времени получили бы цѣнныя къ нему дополненія и поправки. Не слѣдуетъ забывать, что многіе изъ добровольцевъ явились бы на мѣсто не съ пустыми руками. Пожертвованія дѣлаются гораздо охотнѣе и щедрѣе, когда жертвователямъ хорошо извѣстно лицо, отъ котораго будетъ зависѣть раздача хлѣба или денегъ [1]). Въ связи съ цѣлою сѣтью частныхъ попечительствъ, учрежденныхъ не только въ голодающихъ губерніяхъ, но повсемѣстно, поѣздки на мѣсто (для болѣе или менѣе продолжительнаго тамъ пребыванія) могли бы оказаться чрезвычайно плодотворными. Недостатка въ людяхъ, готовыхъ жертвовать временемъ и личнымъ трудомъ, безъ сомнѣнія, не встрѣтилось бы; порукою въ томъ могутъ служить событія 1876 г.

Какое бы развитіе однако ни получила общественная и частная помощь, съ помощью, идущею отъ правительственныхъ учрежденій (къ числу которыхъ мы относимъ и земство), она, безъ сомнѣнія, не сравнится. Чрезвычайно важно, поэтому, все способствующее расширенію правительственной помощи, увеличенію средствъ, которыми она располагаетъ. Съ этой точки зрѣнія можно было бы сочувствовать немедленному установленію прогрессивнаго подоходнаго налога, лишь

[1]) Мы помнимъ, что во время голода въ нижнемъ Приволжьѣ (1880—81 г.), совпавшаго съ сенаторской ревизіей въ губерніяхъ саратовской и самарской, одному изъ молодыхъ чиновниковъ ревизіи была прислана богатымъ родственникомъ, для раздачи нуждающимся, значительная сумма денегъ, облегчившая положеніе многихъ крестьянскихъ семействъ.

бы только онъ не былъ пріуроченъ къ одному классу плательщиковъ. Если вѣрить газетамъ, въ министерствѣ финансовъ былъ составленъ проектъ объ отчисленіи извѣстнаго процента изъ содержанія какъ чиновниковъ, такъ и служащихъ въ общественныхъ и сословныхъ учрежденіяхъ и въ акціонерныхъ обществахъ, съ тѣмъ, чтобы отчисленіе производилось только изъ окладовъ свыше 2.000 рублей и чтобы процентъ отчисленія прогрессивно возросталъ по мѣрѣ увеличенія оклада. Вся печать, безъ различія оттѣнковъ, возстала противъ этого проекта, именно вслѣдствіе его односторонности и узкости, и, судя по послѣднимъ свѣденіямъ, онъ не будетъ имѣть дальнѣйшаго хода. Хорошо было бы однако, еслибы не сошла со сцены самая мысль о подоходномъ налогѣ. Одно время, при Н. Х. Бунге, она казалась близкою къ осуществленію,—но послѣ перемѣны въ управленіи министерствомъ финансовъ о ней ничего не было слышно. „Недѣля“ (№ 41) напомнила весьма кстати о томъ единодушіи и той рѣшительности, съ которыми высказались въ пользу „всесословнаго“ (т.-е. именно подоходнаго) налога земскія собранія 1871 г. Полнѣйшаго сочувствія заслуживаетъ и другая мысль той же газеты, близкая къ тому, что̀ было высказано у насъ недавно В. С. Соловьевымъ. „Голодъ нынѣшняго года,—говоритъ „Недѣля“ (№ 40),—требуетъ такого напряженія общественныхъ силъ, къ какому общество, при теперешней своей отчужденности, едва ли способно. Необходимо нѣкоторое поднятіе общественнаго духа, нѣкоторое обновленіе и расширеніе общественной роли, вызовъ къ дѣйствію свѣтлыхъ и самоотверженныхъ силъ. Россіи предстоятъ тяжелыя и трудныя времена. Нынѣшній голодъ завершаетъ долголѣтній упадокъ народнаго хозяйства, и чтобы вывести страну изъ этого коренного кризиса, потребуются долгіе годы неусыпной и лихорадочной работы. Подъемъ общества необходимъ не для сегодняшняго дня, не для временной благотворительной дѣятельности, а для великаго предстоящаго государству подвига—подъема народной жизни съ того низкаго уровня, до котораго она дошла“. Прямою противоположностью подобнымъ взглядамъ является мнѣніе тѣхъ, которые возлагаютъ всѣ свои надежды... на созданіе новаго правительственнаго учрежденія, спеціально посвященнаго продовольственному вопросу (см. „Московскія Вѣдомости“, № 289).

Намъ случалось уже нѣсколько разъ говорить въ текущемъ году о мѣрахъ, проектируемыхъ будто бы противъ штунды и штундистовъ. Недавно мы встрѣтили въ печати новое, довольно опредѣленное сообщеніе по этому предмету. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 239), разработы-

вается законопроектъ, касающійся штундизма. „Основное начало законопроекта — категорическое признаніе штундизма противогосударственною и антирелигіозною сектой; въ виду этого за умышленное совращеніе православныхъ въ штундизмъ, а равно за кощунственныя выходки противъ господствующей въ имперіи православной церкви предположено установить, по соглашенію съ министерствомъ юстиціи, строгія карательныя мѣры до ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири и каторжныя работы включительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается, что лица, уличенныя въ принадлежности къ штундизму, не могутъ занимать должностей волостныхъ старшинъ, волостныхъ судей и писарей, сельскихъ старостъ и другія общественныя должности крестьянскаго самоуправленія. Предварительно введенія въ дѣйствіе означеннаго законопроекта, предположено точно установить число штундистовъ и опредѣлить всѣ пункты, гдѣ имѣютъ мѣстопребываніе послѣдователи этой секты. Мѣста наибольшаго скопленія штундистовъ будутъ подвергнуты постоянному и строгому надзору мѣстной администраціи и полицейскихъ властей". Разбирать это сообщеніе—значило бы повторять сказанное нами прежде; мы ограничимся поэтому сопоставленіемъ его съ слѣдующимъ извѣстіемъ, перепечатаннымъ тою же московскою газетой (№ 285) изъ „Кіевскаго Слова". Въ Керданы—село таращанскаго уѣзда (кіевской губерніи), въ которомъ особенно много штундистовъ,—„назначенъ временно, съ іюня нынѣшняго года, іеромонахъ Леонидъ. Безкорыстные труды и энергическая дѣятельность отца Леонида произвели весьма благопріятное впечатлѣніе какъ на штундистовъ, такъ и на православныхъ въ этомъ, смущенномъ штундистскою пропагандой, приходѣ. Для бесѣды со штундистами отецъ Леонидъ началъ ходить къ нимъ на домъ и бесѣдовать въ одиночку то съ однимъ, то съ другимъ семействомъ, отличающимися упорствомъ штундоваго разума и знаніемъ Св. Писанія. Хотя онъ въ этихъ бесѣдахъ весьма часто подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ ярыхъ лжеучителей, однако въ короткое время его миссіонерской дѣятельности 8 душъ штундистовъ уже возвратились въ лоно православной церкви. Въ дѣятельности отца Леонида особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что онъ учредилъ въ с. Керданахъ общество трезвости, въ члены котораго записалось очень много православныхъ—и стариковъ, и молодежи. Проектъ устава этого общества представленъ уже на утвержденіе епархіальнаго начальства. Затѣмъ отецъ Леонидъ убѣдилъ керданскихъ прихожанъ на будущее время закрыть всѣ питейныя заведенія въ этомъ селѣ. Этими дѣйствіями отца Леонида штундисты остались весьма довольны и теперь отзываются о немъ съ уваженіемъ и похвалой. Къ сожалѣнію, разнесся слухъ, что въ Керданы назначенъ новый

священникъ, а отецъ Леонидъ отзывается въ свою обитель. Большинство прихожанъ искренно жалѣетъ о томъ, что такъ успѣшно начатая дѣятельность этого миссіонера прекращается". Не ясно ли, въ чемъ заключается единственный надежный и успѣшный способъ борьбы со штундой?

Среди немногихъ утѣшительныхъ фактовъ, встрѣчающихся въ печальной современной дѣйствительности, выдающееся мѣсто занимаютъ проявленія симпатіи къ земской начальной школѣ, въ особенности когда они идутъ со стороны крестьянъ. Послѣднему серпуховскому очередному земскому собранію—читаемъ мы корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей"—предъявленъ „цѣлый рядъ ходатайствъ объ открытіи новыхъ училищъ въ глухихъ мѣстностяхъ уѣзда. Несмотря на тяжелыя обстоятельства, недостатокъ корма для скота, дороговизну, почти небывалую, хлѣба, крестьяне изъявляли готовность принести значительныя жертвы на сооруженіе школьныхъ зданій по планамъ, утвержденнымъ земскимъ собраніемъ, такъ какъ послѣднее обстоятельство составляетъ непремѣнное условіе открытія новыхъ школьныхъ помѣщеній. Почти всѣ ходатайства уважены собраніемъ и необходимыя ссуды разрѣшены единогласно". Это единогласіе тѣмъ болѣе знаменательно, что въ московской губерніи уже введено въ дѣйствіе новое земское положеніе. Въ уѣздныхъ собраніяхъ, вятскомъ и крестецкомъ, также обновленныхъ на основаніи закона 1890 г., отвергнуто (въ первомъ—почти единогласно) предложеніе передать земскія школы въ вѣденіе духовенства. Въ связи съ подобными фактами состоитъ, быть можетъ, нѣкоторая перемѣна, происшедшая въ аргументаціи приверженцевъ церковной школы. Г. Горбовъ, напримѣръ, пріурочиваетъ церковность школы не къ вѣдомству, къ которомъ она числится, а къ ея духу и устройству („Московскія Вѣдомости", № 286). Было время, когда г. Горбовъ требовалъ, чтобы во главѣ школы непремѣнно стоялъ священникъ—другими словами, чтобы всѣ школы были обращены въ церковно-приходскія; теперь онъ держится другой точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе широкой и менѣе формалистичной. Отъ старой закваски онъ освободился однако не вполнѣ. На сдѣланный ему вопросъ, куда слѣдуетъ отнести прежнія школы грамотности, стоявшія внѣ всякаго надзора и находившіяся въ рукахъ прохожихъ и отставныхъ солдатъ—къ школамъ церковнымъ или свѣтскимъ,—г. Горбовъ отвѣчаетъ такъ: „эти школы въ большинствѣ случаевъ были церковными, потому что въ нихъ главное мѣсто занимало религіозное воспитаніе и церковное поученіе". Какъ! школа грамотности стараго типа *воспитывала*? Неучъ, большею частью грубый и пьяный, умѣвшій лишь вколачивать

въ дѣтей *азы* и *буки*, долженъ быть сопричисленъ къ разряду *воспитателей*, только потому что онъ училъ по часослову, а не по книгамъ гражданской печати?.. Заслуга школы грамотности въ прошедшемъ не идетъ—кромѣ исключительныхъ случаевъ—дальше *обученія*, крайне недостаточнаго, но все же лучшаго, чѣмъ полное невѣжество. Воспитательное значеніе она и теперь имѣетъ рѣдко и пріобрѣтетъ его только въ будущемъ, благодаря болѣе тѣсной связи съ правильно-организованной школой (все равно—земской, министерской или церковно-приходской).

Желательно было бы знать, измѣнилъ ли г. Горбовъ свое мнѣніе по другому вопросу, близко соприкасающемуся съ первымъ. Семь лѣтъ тому назадъ г. Горбовъ не могъ говорить равнодушно объ учительскихъ семинаріяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. „Учительскія семинаріи, — восклицалъ онъ, — выпустили множество неучей, въ огромномъ большинствѣ никуда негодныхъ, снабдивъ ихъ всякими недостатками, не вооруживъ никакими знаніями, запрудили ими школы и готовы были совершенно погубить народное образованіе, совершенно отбить у крестьянъ охоту учить дѣтей. Къ счастію, замѣчается реакція противъ окончившихъ курсъ въ этихъ семинаріяхъ". Если въ 1884 г. реакція, о которой говоритъ г. Горбовъ, дѣйствительно существовала, то теперь произошла реакція противъ реакціи. Оберъ-прокуроръ св. синода, признавая желательнымъ предоставить учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, просилъ, недавно, о разрѣшеніи казеннокоштнымъ воспитанникамъ названныхъ семинарій, когда для нихъ не окажется свободныхъ учительскихъ мѣстъ по вѣдомству министерства, выслуживать установленный для нихъ обязательный срокъ службы въ училищахъ церковно-приходскихъ. Итакъ, бывшіе ученики учительскихъ семинарій оффиціально признаны удовлетворяющими условіямъ и требованіямъ церковно-приходской школы. А между тѣмъ въ устройствѣ, программахъ и личномъ составѣ учительскихъ семинарій не произошло, за послѣднее десятилѣтіе, никакихъ существенныхъ измѣненій, и онѣ еще не болѣе, какъ годъ тому назадъ, служили предметомъ нападеній со стороны „Церковныхъ Вѣдомостей".

„Откровенность" нѣкоторыхъ газетъ по истинѣ удивительна и безпредѣльна. Утверждая, въ отвѣтъ на одно изъ нашихъ обозрѣній, что земскій начальникъ долженъ быть для крестьянъ именно „отцомъ-командиромъ", „Гражданинъ" иллюстрируетъ это положеніе слѣдующими изумительными сценами изъ дѣйствительной жизни:

„— А, ты опять съ прошеніемъ?—говоритъ крестьянину земскій начальникъ.

— Такъ точно, ваша милость.

— Я тебѣ запретилъ (?!) ко мнѣ являться съ прошеніемъ. Кто писалъ: опять Сидоровъ?

— Такъ точно, ваша милость, потому сказываетъ...

— Да я-то тебѣ что сказалъ? Забылъ? На тебѣ твое прошеніе, бери и разорви его.

Крестьянинъ замялся.

— Разорви, я тебѣ приказываю. Ну, разъ, такъ... и еще разъ... ну... смѣлѣе... и еще разъ... а теперь брось, вотъ такъ, и ногами потопчи... ну, ладно... а теперь говори, что тебѣ нужно...

Другой случай. Сынъ приходитъ на отца жаловаться.

— Ты опять на старика-отца съ кляузою пришелъ? Ты просилъ у него прощенія, когда я тебя намедни наказывалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, такъ слушай. Я и слушать тебя не хочу. Пока не попросишь у отца прощенія и отецъ не проститъ тебя, и не являйся ко мнѣ!

Третій случай. Земскій начальникъ въ селѣ.

— Сидорова позвать!

Пришелъ Сидоровъ.

— А ты опять пишешь прошенія?—Я тебѣ запретилъ (?!) писать. Старшина, отдай подъ волостной судъ Сидорова за то, что онъ ослушался моего приказанія“.

Если только эти сцены не вымышлены, то нельзя себѣ и представить лучшаго аргумента въ пользу нашего тэзиса. Не ясно ли, что земскій начальникъ, одному приказывающій разорвать заготовленное прошеніе (хотя нигдѣ не запрещено подавать земскому начальнику письменныя просьбы), другого штрафующій за написаніе прошенія (хотя правила 29-го декабря ограничиваютъ только право ходатайства по дѣлу, въ качествѣ повѣреннаго, но отнюдь не право составлять письменныя просьбы для тяжущихся, между которыми столько безграмотныхъ), отказывающійся выслушать третьяго до испрошенія имъ прощенія у того, на кого онъ жалуется,— прямо нарушаетъ законъ и стоитъ на почвѣ самаго вопіющаго и самаго опаснаго произвола? Еслибы образъ дѣйствій, рекомендуемый кн. Мещерскимъ, вошелъ въ обычай, во многихъ мѣстахъ некому было бы написать жалобу на земскаго начальника, некому было бы вступиться за косноязычнаго, робкаго, ограниченнаго крестьянина, неспособнаго словесно объяснить свое дѣло земскому начальнику. „Всуе законы писать, коли ихъ не исполнять“ — вотъ золотое пра-

вило, которое не мѣшало бы вспомнить необузданнымъ защитникамъ необузданнаго „усмотрѣнія“... Что произволъ не безвреденъ даже тогда, когда у него есть юридическая основа—объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ, разсказываемый „Саратовскимъ Листкомъ“. Въ покровской слободѣ (самарской губерніи, новоузенскаго уѣзда, прямо напротивъ Саратова) происходитъ раздача хлѣба нуждающимся. За нѣсколько времени передъ тѣмъ покровское сельское общество, замѣтивъ неблаговидныя дѣйствія нѣкоего писаря М., обязало сельское начальство не принимать его вновь на общественную службу. Сельскій староста однако вновь опредѣляетъ М. въ писаря и даетъ ему занятія по продовольственному дѣлу, хотя здѣсь то именно особенно возможны всякія „неправильности“. Богатый и вліятельный крестьянинъ Татаренко, замѣтивъ М. при такомъ важномъ дѣлѣ, требуетъ отъ старосты объясненія. Староста кричитъ въ отвѣтъ: „это не твое дѣло, убирайся отсюда!“ Татаренко возражаетъ старостѣ,—правда, довольно грубо. Староста жалуется земскому начальнику, только врядъ ли говоритъ ему всю правду, такъ какъ земскій начальникъ арестуетъ Татаренко на двое сутокъ. Отвѣтственность Татаренко — если обстоятельства, послужившія къ ней поводомъ, изложены правильно—едва ли была бы мыслима при разборѣ дѣла въ судебномъ, а не административно-карательномъ порядкѣ.

Авторъ „Маленькихъ Замѣтокъ“, помѣщаемыхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, старается доказать, что мы извратили (въ предъидущей хроникѣ) смыслъ рѣчи, произнесенной въ Москвѣ г. министромъ народнаго просвѣщенія. По мнѣнію г. Vox, графъ И. Д. Деляновъ, говоря о необходимости неустаннаго труда, не прерываемаго „мечтаніями о переустройствѣ государствъ и пустозвонными разглагольствованіями объ измѣненіи историческихъ судебъ“, и ссылаясь, въ подтвержденіе своей мысли, на Вирхова и другихъ знаменитыхъ ученыхъ, имѣлъ въ виду только годы пребыванія въ университетѣ. Мы думали и продолжаемъ думать, что слова г. министра имѣли болѣе широкое значеніе. Свѣденія объ учебныхъ годахъ названныхъ имъ ученыхъ едва ли настолько общеизвѣстны и точны, чтобы можно было утверждать отсутствіе у нихъ въ это время „мечтаній о переустройствѣ государства“. Графъ Деляновъ не пріурочивалъ своихъ замѣчаній къ одному опредѣленному періоду жизни и дѣятельности, —и именно потому мы и сочли себя въ правѣ сдѣлать оговорку, осуждаемую нашимъ противникомъ. Отвѣчать на дальнѣйшіе вопросные пункты г. Vox, стремящагося раскрыть сокровенный смыслъ нашихъ заключительныхъ словъ („чѣмъ меньше простора для трезвой

мысли, тѣмъ болѣе широкое поле открывается для мечтаній; чѣмъ меньше возможность непосредственнаго вліянія на текущую жизнь, тѣмъ больше поводовъ къ разглагольствованіямъ о радикальномъ измѣненіи ея теченія")—мы признаемъ совершенно излишнимъ.

Нельзя не помянуть добрымъ словомъ скончавшагося недавно В. Г. Трирогова, изслѣдованія котораго (собранныя, въ 1882 г., подъ заглавіемъ „Община и подать") послужили цѣннымъ вкладомъ въ изученіе народной жизни. Мы посвятили имъ въ свое время довольно подробную и сочувственную замѣтку [1]). Въ послѣдніе годы своей жизни покойный занималъ должность директора департамента общихъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ [2]).

Наша хроника была уже закончена, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появился Высочайшій указъ 16-го октября, воспретившій вывозъ за границу зерновыхъ хлѣбовъ (кромѣ пшеницы), картофеля и всего изъ нихъ приготовляемаго. Эта чрезвычайная мѣра находитъ себѣ, конечно, оправданіе въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ Россіею.

ПОПРАВКА.

Въ октябрьской книгѣ, на стр. 860, строчки 29 и 30 сверху—слѣдуетъ читать такъ: ...(1858 г.), которому предшествовало изданіе „Фрегата Паллада" (1857 г.), и т. д.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

---

[1]) См. Литер. Обозр. въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1882 г.

[2]) Въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1878 г. напечатана статья В... „Податная десятина".

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. В. Дайси, проф. оксфордскаго университета. Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Переводъ съ 3-го англійскаго изданія О. В. Полторацкой, подъ редакціею П. Г. Виноградова, проф. моск. унив. Спб. 91. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Стр. VIII и 369.

Книга профессора Альберта-Венна Дайси пользуется большою и вполнѣ заслуженною популярностью въ Англіи, какъ одно изъ лучшихъ популярныхъ руководствъ по англійскому конституціонному праву. Появленіе этой книги въ русскомъ переводѣ подъ редакціею такого ученаго, какъ профессоръ Виноградовъ, обогащаетъ нашу литературу цѣннымъ трудомъ, поучительнымъ для всякаго образованнаго читателя. Въ исторіи англійской конституціи рѣшающая роль принадлежитъ принципамъ права и законности, лежащимъ въ основѣ всей политической жизни въ Англіи; на эту часть объясненій автора проф. Виноградовъ справедливо обращаетъ особенное вниманіе. „Вольности англійскаго народа,—говоритъ почтенный редакторъ перевода,—получаютъ новое освѣщеніе въ своей тѣсной связи съ общимъ правовымъ порядкомъ. Онѣ являются не отдѣльными привилегіями, не случайными видѣніями, не разрозненными выгодами, а естественными результатами жизни, которая до мелочей и до неудобствъ поставлена въ зависимость отъ господства правового принципа. Въ иныхъ случаяхъ произволъ могъ бы оказаться даже полезенъ, и все-таки ему нѣтъ мѣста, потому что лучше пожертвовать нѣкоторыми второстепенными цѣлями, нежели поступиться главной идеей гражданскаго общежитія—идеей права".

Очеркъ исторіи музыки, Л. Сакетти. Спб. 91. Стр. 308. Ц. 3 р.

Настоящій очеркъ принадлежитъ къ числу первыхъ попытокъ въ нашей литературѣ къ составленію такого популярнаго руководства, которое при всей его краткости собрало бы вмѣстѣ и систематически расположило главнѣйшіе результаты современныхъ научныхъ изслѣдованій въ области исторіи музыки. Первое изданіе этого учебника относится къ началу 80-хъ годовъ; въ новомъ изданіи авторъ ограничился однѣми необходимыми поправками и не успѣлъ дополнить учебника очеркомъ послѣдняго десятилѣтія. Музыка славянскихъ народовъ выдѣлена въ особую послѣднюю главу. Для облегченія справокъ въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель именъ.

Уральское казачье войско. Статистическое описаніе, въ 2-хъ томахъ, съ 10 картами. Состав. Н. Бородинъ. Т. I. Уральскъ. 91. Стр. 947. Ц. за оба тома 4 р.

Авторъ, послѣ основательнаго подготовленія себя къ предпринятой имъ работѣ путемъ изученія литературныхъ матеріаловъ, относящихся къ предмету его настоящаго изслѣдованія, провелъ нѣсколько лѣтъ на мѣстѣ, гдѣ, собравъ и повѣривъ всѣ статистическія данныя, составилъ самую полную картину современнаго экономическаго состоянія уральскихъ казаковъ вообще и отдѣльныхъ экономическихъ группъ войскового населенія въ частности. Въ своихъ результатахъ авторъ разошелся съ тѣми изслѣдователями, которые представляли этотъ край какимъ-то земнымъ раемъ, и обратилъ особое вниманіе на самое подробное изученіе лежащихъ на населеніи повинностей какъ общегосударственныхъ, такъ и мѣстныхъ, вредно вліяющихъ на развитіе экономическаго быта описываемой области.

Удобреніе въ теоріи и на практикѣ. Пособіе для сельскихъ хозяевъ. Состав. П. Вильдерлингъ. Спб. 91. Стр. 307. Ц. 2 р.

Авторъ настоящаго руководства приглашаетъ нашихъ хозяевъ-земледѣльцевъ смотрѣть на свой промыселъ какъ на техническое производство, и „недовольствоваться царапаньемъ поверхностнаго слоя передъ посѣвомъ сѣмянъ". Исходя изъ общаго убѣжденія о чрезвычайной важности химическихъ удобреній не только для увеличенія, но и для поддержанія плодородія почвы, авторъ собралъ въ своемъ руководствѣ изъ лучшихъ источниковъ все необходимое для облегченія сельскимъ хозяевамъ производства несложныхъ и недорогихъ опытовъ химическаго удобренія и анализа почвы земли безъ помощи химическихъ изслѣдованій и оставался въ области чисто культурныхъ пріемовъ. Въ концѣ книги приложенъ объяснительный словарь встрѣчающихся научныхъ терминовъ.

Болѣзни и поврежденія нашихъ сельско-хозяйственныхъ культурныхъ растеній, соч. д-ра О. Кирхнера. Перев. съ нѣмецк. п. р. Яр. Гоби. Спб. 91. Стр. 630. Ц. 3 р.

Цѣль автора настоящей книги состояла въ томъ, чтобы дать сельскому хозяину и садоводу легкую возможность настолько познакомиться съ поврежденіями и болѣзнями нашихъ сельскохозяйственныхъ культурныхъ растеній, чтобы немедленно узнать причину такихъ поврежденій, а также и средства для успѣшной борьбы съ ними. Проф. Яр. Гоби, подъ редакціею котораго сдѣланъ былъ переводъ книги Кирхнера, дополнилъ ее включеніемъ тѣхъ культурныхъ растеній, которыя занимаютъ видное мѣсто въ русскомъ хозяйствѣ, а также присоединилъ особую статью о нѣкоторыхъ вредныхъ насѣкомыхъ и о средствахъ къ успѣшной борьбѣ съ ними.

А. Д. Хлапонинной. На жизненномъ перекресткѣ. Изд. Ледерле и К°. Спб., 1891. Стр. 93. Ц. 80 к.

Фабула разсказа не представляетъ ничего новаго. „Она" его любила, но „онъ" не понялъ ея и не оцѣнилъ; встрѣтивъ же ее черезъ нѣсколько лѣтъ при болѣе блестящей обстановкѣ, влюбился,—но „я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна". Написанъ разсказъ не скучно, хотя нѣсколько въ приподнятомъ тонѣ.

Энциклопедическій словарь, подъ редакціей проф. И. Е. Андреевскаго. Томъ IV, А (Босх—Бунчукъ). Издатели: Брокгаузъ и Ефронъ. Спб. 91. Стр. 473—949.

Съ нынѣшнимъ выпускомъ словарь приближается къ окончанію первыхъ двухъ буквъ алфавита, статьи которыхъ была приготовлены къ печати еще покойнымъ проф. И. Е. Андреевскимъ. Съ буквы *В* изданіе будетъ продолжаться подъ новою общею редакціею при участіи нѣсколькихъ редакторовъ особыхъ отдѣловъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1892 г.
(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Января	Іюля	Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 85 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписки по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго декабря открыта подписка на первую четверть 1892 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Феву и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.— *Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются

УЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ мѣсту почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переѣзжая въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* за полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ГОДЪ.—КНИГА 12-я.

ДЕКАБРЬ, 1891.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1891.

I.—ОСЕНЬЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 493

II.—АРТИСТКА.—Романъ въ четырехъ частяхъ.—Часть четвертая.—XXIII-XXX. Окончаніе.—**Мар. Крестовской** 494

III.—ВЪ КАИРѢ.—Изъ путешествія 1889 г.—**Е. Э. Картавцева** 495

IV.—ПОЛУНОЩНИКИ.—Пейзажъ и жанръ.—VII-XVI.—Окончаніе.—**П. С. Лебедева** 507

V.—ВЪ ЗАЛѢ СУДА И ВЪ СОВѢЩАТЕЛЬНОЙ КОМНАТѢ.—Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя.—**И. Ивановича.** 577

VI.—ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ КНИГѢ Н. КОТЛЯРЕВСКАГО.—**В. Д. Спасовича** . . 604

VII.—ОПЕКУНЪ.—Романъ, соч. Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—IV-IX.—Окончаніе.—**А. Э.** 633

VIII.—АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.—Очеркъ.—**П. Иванюкова.** 669

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Роза инфанты, изъ В. Гюго.—II. Если ты можешь друзей...—**О. Михайловой.** 702

X.—ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — II-IV. — Окончаніе.—**Л. З. Слонимскаго.** 720

XI.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—И въ жизни будничной и сѣрой,..—**К. Медвѣдскаго.** . . 767

XII.—ХРОНИКА.—Упрощенный порядокъ судопроизводства.—Законъ 3-го іюня 1891 года.—**П. И.** 769

XIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Наблюденія въ засѣданіи уѣзднаго съѣзда.—Причины, затрудняющія обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ.—Необходимость пересмотра „временныхъ“ для нихъ правилъ.—Способы возстановленія совмѣстнаго жительства супруговъ.—Еще нѣчто о законѣ и безаконіи.—Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній. 791

XIV.—ИСПОЛНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ ЗА 1890 г.—**О.** 818

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическія послѣдствія нашего неурожая. —Отношенія къ намъ заграничной печати.—Причины недовѣрія и опасеній.—„Славянскія Извѣстія“, босняки и угророссы.—Симптомы прочнаго мира.—Сочувствіе иностранцевъ по поводу голода и наши газетныя бестактности.—Событія въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ 828

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проэкція Ѳ. Салтыкова.—В. Карповъ, Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей.—М. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.—Смоленскій этнографическій сборникъ, В. Добровольскаго.—Потемкинъ, соч. А. Брикнера.—А. В.—М. Гюйо, искусство съ точки зрѣнія соціологіи.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры 845

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Les sciences naturelles et l'éducation, par Th. Huxley.—II. Deutschland im Jahre 2000, von G. Ermau. —**Л. С.** 881

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Настоящее положеніе вопроса о средствахъ къ борьбѣ съ голодомъ.—Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать.—Подозрительность ея, доведенная до крайнихъ предѣловъ.—Проэктъ возвращенія къ временамъ Дракона. — Предложенія г. Д. Самарина.—Вопросъ объ экспропріаціи хлѣба—**К. Н. Леонтьевъ** †. 897

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ. — I. Отъ уѣзднаго благотворительнаго комитета г. Шадринска, пермской губерніи.—II. Отъ попечительства вольскаго уѣзда, саратовской губерніи.—III. Отъ саратовскаго попечительства общества Краснаго Креста.— IV. Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за апрѣль—сентябрь 1891 г. 924

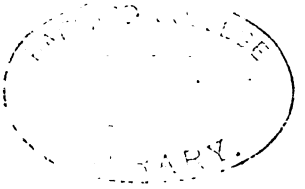
XX.—МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ. — „Вѣстникъ Европы“ за 1891 г. 930

XXI.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1891 г. 937

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — А. Дайси, Основы государственнаго права Англіи.—Л. Сакетти, Очеркъ исторіи музыки.—Н. Бородинъ, Уральское казачье войско, т. I.—П. Бильдерлингъ, Удобреніе въ теоріи и на практикѣ.—О. Кирхнеръ, Болѣзни нашихъ с.-хоз. культурныхъ растеній.— А. Хлапониной, На жизненномъ перекресткѣ.—Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза, т. IV, А.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1892 г.** ☜

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)



ОСЕНЬЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

О, тотъ во истину блаженъ,
Кто этой осенью прелестной
Не замкнутъ улицею тѣсной,
Не заслоненъ громадой стѣнъ!

Блаженъ, кто въ эти дни не слышитъ
Докучныхъ шумовъ городскихъ;—
Здѣсь Божій міръ теперь такъ тихъ;
Здѣсь воздухъ листья чуть колышетъ.

Замолкли рѣчи о трудѣ;
Поля—свободны; всходъ озимый,
Кустяся, льнетъ къ землѣ родимой;
Движенье замерло вездѣ.

Лишь паутинъ клубки летаютъ
Блестящи, бѣлы и легки;
То въ даль куда-то паучки
Воздухоплаванье свершаютъ.

Чуть шелестя въ вершинахъ, лѣсъ,
Весь въ облаченьѣ серебристомъ,
Какъ бы стремится къ высямъ чистымъ
Надъ нимъ синѣющихъ небесъ.

О, какъ средь свѣтлаго раздолья
Душа блаженствуетъ моя!..
Теперь не то гуляю я,
Не то хожу на богомолье.

Алексѣй Жемчужниковъ.

брь, 1891 г.

АРТИСТКА

Романъ въ 4-хъ частяхъ.

Окончаніе.

XXII *).

Когда на другой день, послѣ встрѣчи съ Ольгой у брата, Зина проснулась, — она уже не чувствовала больше спокойной увѣренности въ себѣ, и перспектива объясненія съ сестрой не представлялась ей такою легкой и простой, какъ наканунѣ. Съ вечера она долго не могла заснуть, придумывая все, что скажетъ сестрѣ въ свое оправданіе, и притомъ не столько въ свое личное оправданіе, сколько въ защиту Ольги, своего милаго божества, съ которымъ ей такъ хотѣлось примирить Hélène. Она мечтала, вся разгорѣвшись отъ волненія, какъ онѣ примирятся, благодаря ей; какъ полюбятъ даже другъ друга (ей казалось, что просто нельзя, узнавъ Ольгу, не полюбить ее); какъ будетъ радъ и благодаренъ ей, Зинѣ, Юрій—и какъ онъ потомъ женится все-таки на Ольгѣ, а она выйдетъ за своего Алешу, и они заживутъ всѣ вмѣстѣ, тремя семьями, такъ мирно и хорошо, что всѣмъ будетъ радостно смотрѣть на нихъ. Ей даже хотѣлось теперь же, ночью, дождавшись возвращенія Hélène, пойти и разсказать ей все это,—она чувствовала, что теперь оно вышло бы гораздо лучше, чѣмъ, быть можетъ, выйдетъ завтра утромъ, —по теперь, къ сожалѣнію, мѣшалъ бы Аркадій Петровичъ,

---

*) См. выше: апр., 615: май, 38; іюнь, 631; іюль, 5; авг., 445; сент., 5; окт., 508; нояб., 5.

при которомъ она не могла же говорить такъ, какъ стала бы говорить съ глазу на глазъ съ сестрой. Наконецъ, она заснула, но и во снѣ тревожно и смутно какъ-то продолжала видѣть все ту же Ольгу и все то же объясненіе съ сестрой, которое все сильнѣе и сильнѣе начинало смущать ее. Первое, встревожившее ее при пробужденіи, впечатлѣніе было сознаніе какой-то вины, за которую ей предстоялъ отвѣтъ; она все вспомнила и невольно смутилась. Ей представилось лицо Hélène, изумленное и гнѣвное, когда она начнетъ разсказывать ей объ этомъ, а главное—это ея глаза, такіе милые и ласковые въ обыкновенное время и такіе страшные для Зины всегда, когда она чувствовала что-нибудь на совѣсти.

Зина медленно одѣвалась, нарочно оттягивая отъ себя страшную минуту, и хотя любовь къ Ольгѣ нисколько не уменьшилась въ ней, и даже намѣреніе открыто сойтись съ ней, какъ только выйдетъ замужъ, было по прежнему твердо и ясно для нея, но она уже не мечтала, какъ ночью, ни примирить ее съ Hélène, ни получить благодарность Юрія, и въ глубинѣ души предпочла бы даже, чтобы все случившееся наканунѣ оказалось только сномъ, и чтобы никакого объясненія съ сестрой ей теперь не предстояло.

Когда она вошла въ столовую, дѣти уже отпили чай, и тамъ были только Елена Николаевна и Аркадій Петровичъ, оба съ какими-то растерянными, взволнованными лицами, и въ ту минуту, когда Зина вошла, Аркадій Петровичъ, ходившій по комнатѣ съ заложенными за спину руками, рѣзко говорилъ женѣ:

— Я говорилъ, что не слѣдуетъ посылать его туда.

— Ты ничего не говорилъ!—не менѣе рѣзко сказала Елена Николаевна. Она была очень блѣдна и нервно вертѣла въ рукахъ, стуча по столу, какой-то конвертъ съ письмомъ, на которомъ Зина узнала безграмотныя каракули Антипа Петровича, ихъ сосновскаго управляющаго.

При входѣ Зины они оба сразу замолчали, и сердце Зины замерло отъ страха при видѣ ихъ блѣдныхъ, взволнованныхъ лицъ. Ей пришло въ голову, что няня или Юрій уже опередили ее, и Hélène знаетъ все. Она смущенно, боясь встрѣтиться съ глазами сестры и чувствуя во всѣхъ своихъ движеніяхъ какую-то непривычную робость и стѣсненность, поздоровалась съ ними и взяла свою чашку.

Супруги видимо не желали продолжать при ней разговоръ и молчали оба тѣмъ неестественнымъ, напряженнымъ молчаніемъ, которое воцаряется всегда при подобныхъ случаяхъ. Аркадій Петровичъ вскорѣ простился и ушелъ на службу.

Зина видѣла, что у Hélène такой разстроенный видъ, какой могъ явиться только отъ чего-нибудь очень серьезнаго, но, судя по разнымъ мелкимъ признакамъ, Зина начала убѣждаться, что это „серьезное" относится, кажется, вовсе не къ ней.

— Что-нибудь случилось, Hélène?—робко, не зная, съ чего начать свое несчастное объясненіе, приходившееся къ тому же совсѣмъ еще и не вò-время, спросила Зина.

Елена Николаевна молча, не переставая нервно играть письмомъ, кивнула ей головой.

— Что-нибудь непріятное, Hélène?—еще тише, боясь услышать именно то, что̀ теперь ей было всего страшнѣе, спросила опять Зина.

— Очень...—слегка дрогнувшимъ голосомъ сказала Елена Николаевна, и Зина замѣтила, что она отвѣтила не сразу, а какъ будто подумала сначала, отвѣтить ли ей.

— Что̀ же, Hélène?

— Архипычъ умеръ.

Зина невольно вздрогнула и ахнула: она ожидала всего, только почему-то не этого...

— Боже мой!.. Архипычъ... да отчего же?

Елена Николаевна опять отвѣтила не сразу.

— Такъ...—сказала она наконецъ уклончиво:—онъ старъ уже былъ, давно хворалъ...

— Это ужасно!—воскликнула Зина, стараясь съ чувствомъ какого-то паническаго ужаса представить себѣ Архипыча мертвымъ въ гробу, съ закрытыми глазами и холодными, сложенными на груди, руками.

— Ужасно...—повторила она, вся содрогаясь отъ сознанія смерти того самаго человѣка, котораго она такъ привыкла видѣть живымъ до сихъ поръ; какъ-то до сихъ поръ случалось, что даже болѣе хорошіе знакомые Зины почти не умирали, и смерть всегда казалась ей чѣмъ-то такъ безконечно отдаленнымъ, что точно не могла коснуться ни ея, ни ея близкихъ,—и Архипычъ былъ первый близкій ей человѣкъ, поразившій ее своей смертью.

Она молчала, забывъ даже о предстоящемъ объясненіи съ Hélène, и все думала о томъ, что Архипычъ лежитъ теперь уже гдѣ-то въ землѣ, зарытый со всѣхъ сторонъ, и что никогда и никто уже больше не увидитъ его... А его коричневый фракъ и старыя ржавыя очки, перевязанныя на переносьѣ ниточкой, остались и лежатъ, вѣрно, по прежнему на своихъ мѣстахъ въ его комнатѣ... И ей было дико и странно, и въ то же время даже смѣшно — думать, что эти старыя безобразныя очки лежатъ по

прежнему на комодѣ, а его самого уже зарыли куда-то въ землю...

Елена Николаевна тоже сидѣла молча и думала о чемъ-то про себя съ понурымъ, печальнымъ выраженіемъ на поблѣднѣвшемъ и сразу осунувшемся лицѣ. Но вдругъ она встала и пошла въ свою комнату; тогда только Зина вспомнила, что самое непріятное еще впереди, и что откладывать этого дольше нельзя. И она тоже поспѣшно встала и пошла за ней.

— Hélène,—смущенно сказала она, догоняя сестру:—мнѣ надо тебѣ... что-то сказать...

— Послѣ, Зина, послѣ!—какъ-то утомленно, отстраняя ее, сказала Елена Николаевна.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебила ее Зина почти съ мольбой:—мнѣ надо сейчасъ же, Леночка, сейчасъ!..

Елена Николаевна мелькомъ взглянула на нее и пожала плечами. Она, очевидно, не вѣрила, чтобы у Зины могло быть что-нибудь дѣйствительно серьезное, и чувствовала себя слишкомъ разстроенною, чтобы говорить о какихъ-нибудь пустякахъ. Одна Зина понимала, какъ все это серьезно, и рѣшила лучше теперь же открыться сестрѣ, чѣмъ тянуть дольше это ужасное положеніе какой-то лжи, тайны и страха.

— Нѣтъ, Леночка, ради Бога, позволь сейчасъ... можно мнѣ съ тобой къ тебѣ?..

— Ну, пойдемъ...—согласилась неохотно Елена Николаевна.

Онѣ обѣ вошли въ комнату Елены Николаевны. Зина чувствовала, какъ сильно бьется ея сердце. Она не знала, хотя придумывала цѣлую ночь и утро, съ чего ей все-таки начать, и сознавая, что все равно ничего не придумаетъ, рѣшилась начать прямо съ того самаго главнаго, что было, въ сущности, и самое страшное.

— Леночка,—сказала она тихо, но довольно твердо:—я встрѣтилась вчера у Юрія съ Ольгой Львовной Леонтьевой и... я познакомилась съ ней.

Елена Николаевна молча, какъ ошеломленная, стояла передъ ней.

— А!—проговорила она наконецъ глухо:—такъ... это, значитъ, онъ нарочно все подстроилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Леночка!—воскликнула пылко Зина, не желавшая, чтобы изъ-за нея обвиняли другихъ.—Онъ ни въ чемъ не виноватъ! Все это вышло случайно...

И она, путаясь и сбивая самоё себя отъ волненія и поспѣшности, начала разсказывать, какъ она сидѣла въ гостиной, дожи-

даясь Юрія, котораго задержали въ какой-то коммиссіи, какъ раздался звонокъ и вмѣсто брата вошла вдругъ Ольга...

— Отчего же ты не уѣхала тотчасъ, какъ только она вошла?—спросила Елена Николаевна, вглядываясь въ нее тѣми страшными теперь для Зины глазами, которыхъ она заранѣе такъ боялась.

— Я не знаю отчего... такъ...—тихо сказала Зина, боясь смотрѣть въ эти глаза и думая, разсказать ли сестрѣ все, все, какъ было, или удовольствоваться лучше тѣмъ, что просто признаться ей только въ самомъ фактѣ знакомства. Но природная правдивость ея возмутилась противъ этого, и ей казалось, что если она утаитъ что-нибудь изъ своихъ вчерашнихъ словъ и чувствъ, то это будетъ измѣной Ольгѣ и жалкой трусостью.

— „Нѣтъ,—сказала она себѣ, опять невольно возмущаясь противъ своей подчиненности:—я могу не видѣться больше съ Ольгой, если мнѣ не позволятъ этого, но зачѣмъ же я должна скрывать, что люблю ее! Развѣ я не могу любить кого хочу!“

— Да я и не хотѣла уѣхать, Hélène!—твердо, стараясь быть спокойной, сказала она:—я, напротивъ, давно даже хотѣла... познакомиться съ ней... Я всегда любила ее...

Но когда она сказала эти слова и взглянула въ лицо Hélène, она поняла, какой страшный ударъ она нанесла ей, и невольно остановилась, боясь продолжать.

— Ну, что же дальше?—холодно, съ какой-то недоброй насмѣшкой въ глазахъ, сказала Елена Николаевна на видъ довольно спокойно.

Она встала съ кресла, и пока Зина откровенно и подробно, стараясь быть вполнѣ добросовѣстной, разсказывала,— она ходила по комнатѣ, не прерывая ее больше ни однимъ словомъ и только зябко и нервно кутаясь въ свой большой теплый платокъ, точно ей все было холодно. Только когда Зина дошла до того мѣста, какъ, уведенная няней, она снова вернулась въ кабинетъ и бросилась къ Ольгѣ, Елена Николаевна молча на одно мгновеніе остановилась предъ ней, и въ глазахъ ея было столько страданія, что сердце Зины невольно сжалось: она сама вдругъ протянула къ ней руки, какъ бы моля простить ей.

— О, Леночка! — сказала она, плача и чувствуя себя теперь безконечно виноватой предъ сестрой.—Я лучше не буду больше разсказывать.

— Нѣтъ, разсказывай! — твердо проговорила Елена Николаевна: — если ты могла все это дѣлать, то почему же не можешь теперь говорить объ этомъ? — спросила она съ горечью

въ голосѣ и снова начала ходить по комнатѣ, кутаясь въ свой платокъ.

Тогда Зина уже какъ бы въ наказаніе себѣ стала разсказывать дальше, мучаясь сама каждымъ своимъ словомъ, заставлявшимъ страдать Hélène.

Она не разсказала только своихъ разговоровъ съ Ольгой объ Алешѣ и о женитьбѣ на ней Юрія, но не скрыла ни того, что онѣ цѣлый часъ сидѣли обнявшись, ни даже того, какъ она просила Юрія обнять ихъ обѣихъ вмѣстѣ съ Ольгой... ни того, что хотѣла бы всегда продолжать съ ней не только знакомство, но даже дружбу, потому что со вчерашняго вечера еще больше полюбила ее.

Когда Зина кончила и замолчала, Елена Николаевна ничего ей не сказала и по прежнему молча ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

Зина уныло просидѣла нѣсколько минутъ, покорно ожидая ея приговоръ, и это молчаніе было ей ужаснѣе всего. Она предпочла бы лучше, чтобы Hélène какъ-нибудь ужасно разбранила ее, наказала бы ее даже какъ маленькую, но только не молчала бы такъ теперь.

— Леночка...—рѣшилась она наконецъ сама позвать ее:—что же...

— Что?—отрывисто спросила Елена Николаевна.—Что?—и она остановилась прямо предъ Зиной съ сложенными на груди руками.

— Да что же ты ничего не говоришь!.. Господи! все лучше, чѣмъ это...

— А что мнѣ говорить тебѣ, Зина, что? — крикнула Елена Николаевна съ какой-то несвойственной ей страстностью.—Что? развѣ я не вижу, не понимаю, что ты уже вся, всей душой предалась этой отвратительной женщинѣ!

— О, Hélène!

— Да, да, отвратительная, ужасная женщина! Столько зла всѣмъ намъ надѣлать! Въ годъ, въ одинъ всего какой-нибудь годъ, всѣхъ умѣла разсорить между собой, все испортить, все разрушить. Вредная, скверная женщина, которая только раздоръ и несчастіе приноситъ тому дому, въ который втирается! И я имѣю полное право ненавидѣть ее и не желаю даже скрывать этого, хотя бы всѣ вы влюбились въ нее и предались бы ей и тѣломъ, и душой!

Елена Николаевна говорила все это почти кричащимъ голосомъ, съ какимъ-то точно наслажденіемъ, высказывая наконецъ

то, что̀ такъ долго таила про себя. На минуту она замолчала, какъ бы задохнувшись отъ волненія, и нѣсколько мгновеній ходила молча, тяжело дыша, съ гнѣвно горящими глазами на возбужденномъ лицѣ. Зина тихо плакала и, не смѣя уже больше ничего ей возражать, только изумленно взглядывала на нее; никогда еще въ жизни не видала она свою спокойную сестру разсерженной и взволнованной до такой степени, и это невольно пугало ее.

— Ну, что же,—начала снова съ неестественнымъ спокойствіемъ Елена Николаевна: — что же, она отняла у меня уже брата,—теперь, вѣроятно, отниметъ также и тебя.

— О, Hélène!—жалобно воскликнула Зина, но Елена Николаевна нетерпѣливо перебила ее, съ какимъ-то презрѣніемъ и горечью отмахиваясь рукой.

— Развѣ я не понимаю, что и ты успѣла уже влюбиться въ нее, что и ты, какъ Юрій, почти готова бросить для нея и домъ, и семью, и бѣжать за ней, какъ побѣжалъ онъ, если только она пожелаетъ поманить тебя! Развѣ я не вижу, не понимаю, какъ ты въ душѣ обвиняешь и упрекаешь меня теперь изъ-за нея и во всемъ оправдываешь ее! Ну, что же, обвиняй, бѣги за ней, сторонись отъ меня, какъ уже сторонится Юрій,— все это я давно уже ожидала, и меня это нисколько не поразитъ. Вчера Юрія, сегодня тебя, завтра мужа, а тамъ, быть можетъ, даже и самыхъ дѣтей моихъ, потому что когда одна такая вредная женщина вотрется въ семью, то все и всѣ окончательно погибаютъ одинъ за другимъ!

— Но кого же она погубила?—робко, желая все-таки быть оправданной и хотя немного заступиться за свое бѣдное божество, спросила Зина.

— Кого? брата твоего—перваго!

— Чѣмъ же она погубила его... это такъ только кажется тебѣ, Hélène,—сказала Зина, не видѣвшая никакой погибели въ томъ, что Ольга съ Юріемъ любили другъ друга.

Елена Николаевна разсмѣялась недобрымъ сухимъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось страданіе.

— О, глупая, глупая!—воскликнула она съ горечью.—Конечно, ты пока этого еще не понимаешь, да и всѣ вы этого не хотите понимать и говорите, что мнѣ это только „такъ кажется"! Ну, что же—погодите, чтобы онъ въ одинъ прекрасный день покончилъ съ собой такъ, какъ покончилъ уже Архипычъ, и тогда вы, быть можетъ, поймете и повѣрите этому наконецъ!

— Архипычъ?—съ ужасомъ, угадывая по лицу сестры что о

страшное, новое, прошептала Зина, начиная вдругъ понимать, почему такъ разстроила Hélène эта смерть стараго Архипыча.

— Да, Архипычъ!—съ какимъ-то наслажденіемъ воскликнула Елена Николаевна и, схвативъ со стола конвертъ съ каракулями Антипа Петровича, бросила его на колѣни къ Зинѣ.

— Да, Архипычъ! я не хотѣла говорить тебѣ этого... Я, какъ ребенка еще, щадила тебя отъ этого ужаса; но теперь я не буду скрывать—нарочно, чтобы ты узнала, какова эта женщина и до чего она доводитъ людей. Да, Архипычъ умеръ не своей смертью, а повѣсился! Повѣсился потому, вѣроятно, что не желалъ видѣть дольше весь этотъ срамъ, раздоръ и несчастіе нашей семьи, которой онъ столько лѣтъ былъ вѣрнымъ слугой! И всѣ вы, конечно, станете утверждать опять, что она тутъ ни-при-чемъ, что это даже опять-таки же одна я скорѣе во всемъ виновата, потому что отправила его въ деревню „въ ссылку", какъ изволилъ выразиться тогда мой братецъ; а я говорю и буду говорить, что и тутъ виновата она одна, и что Архипычъ—не послѣдній; что въ концѣ концовъ она всѣхъ насъ постепенно погубитъ! И тогда только вы наконецъ повѣрите мнѣ и согласитесь со мной, а раньше, конечно, пока громъ не грянетъ, мы вѣдь не перекрестимся!

Зина, уже не пытаясь ни заступаться больше, ни оправдываться, ни защищать,—только молча плакала, и какой-то безотчетный страхъ и къ Ольгѣ, и къ сестрѣ, все сильнѣе охватывалъ ее подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ страшныхъ словъ. Но Елена Николаевна только на мгновеніе пожалѣла ее. Она смутно сознавала, какой страшный вредъ приноситъ она теперь сестрѣ. Вся ненависть ея къ этой женщинѣ, что она такъ давно затаивала въ себѣ, какъ бы прорвалась наконецъ какимъ-то бурнымъ потокомъ; она чувствовала сама, что уже не можетъ сдержаться и опомниться, хотя, быть можетъ, это и слѣдуетъ.

— Ну, погляди же, погляди же сама!—страстно воскликнула она, какъ бы все еще не удовлетворившись тѣмъ, что уже высказала:—что дала эта женщина нашей семьѣ? Посмотри, убѣдись сама: Архипычъ удавился; у Юрія вся жизнь исковеркана, и Богъ вѣсть еще, чѣмъ онъ кончитъ; у меня за весь этотъ годъ не было дня полнаго покоя; мнѣ все отравляла одна мысль объ этой женщинѣ; я вѣчно, каждый день, каждый часъ ждала какого-нибудь несчастія изъ-за нея. У няни дня безъ слезъ не проходитъ, и, безъ сомнѣнія, кончится тѣмъ, что и она на старости лѣтъ принуждена будетъ уйти отъ Юрія! Наконецъ, твоя же подруга Мэри, добрая, прекрасная дѣвушка, съ которой Юрій могъ бы быть такъ счастливъ, и та несчастна опять-таки изъ за этой

же самой женщины! Ну, кому изъ насъ принесла она счастье, радость или просто хоть одинъ покой только? Да и ты сама, ты, которую я такъ бережно оберегала отъ всего вреднаго, дурного, наталкиваешься вдругъ изъ-за нея же опять на эту сегодняшнюю тяжелую сцену, которая, быть можетъ, въ одинъ день испортитъ въ тебѣ довѣріе къ жизни больше, чѣмъ цѣлый годъ страданія! И хорошо еще, если только этимъ кончится; а если твоя ослѣпленная влюбленность въ нее пойдетъ все дальше и дальше, если она начнетъ все больше пріобрѣтать надъ тобой вредное вліяніе, вооружитъ тебя противъ меня, заставитъ тебя обманывать меня, испортитъ постепенно и тебя, и весь тотъ мой долголѣтній трудъ, который я вложила въ твое воспитаніе, и за которое до сихъ поръ я всегда могла съ чистою совѣстью дать отвѣтъ и нашимъ матери и отцу—тамъ, и твоему будущему мужу—здѣсь! И все это сдѣлала она, эта отвратительная женщина! Богъ вѣсть, что еще она надѣлаетъ впереди... И они еще хотятъ, чтобы я любила ее, чуть ли не уважала даже! О, глупые, глупые, еслибы только вы поняли, куда вы всѣ идете изъ-за нея!

Елена Николаевна наконецъ замолчала, и походивъ еще немного, утомленно опустилась въ кресло и уныло глядѣла куда-то предъ собой въ пространство.

Зина тоже ничего не говорила, потому что все въ ней разомъ какъ-то спуталось, и она сама не знала теперь, кому и чему ей вѣрить: Hélène ли, которой она съ дѣтства такъ безусловно привыкла вѣрить и подчиняться, или Ольгѣ, которую она почти не знала, но къ которой безотчетно, наперекоръ всему, стремилось все ея существо. Только къ тому чувству обожанія Ольги, которое она питала прежде, примѣшалась теперь доля невольнаго ужаса и какого-то страха; она не знала, что ей дѣлать, что говорить, и только молча тихо плакала, какъ испуганный ребенокъ, и боялась поднять глаза на измѣнившееся, сдѣлавшееся какимъ-то чужимъ ей и страннымъ, лицо старшей сестры.

Неожиданно послышались чьи-то шаги—и вошелъ Чемезовъ.

Онъ быстро и внимательно оглянулъ обѣихъ сестеръ и тотчасъ понялъ, что объясненіе между ними уже произошло — и произошло повидимому очень бурно.

— Ну,—сказалъ онъ, нахмуриваясь и въ то же время съ невольной тревогой вглядываясь въ Hélène:—я пришелъ, кажется, слишкомъ поздно: вы уже успѣли переговорить...

— Да, мы уже успѣли переговорить, и ты можешь идти теперь, Зина!—холодно и рѣшительно овладѣвши собой проговорила Елена Николаевна.

Зина покорно встала и вышла, по дорогѣ мелькомъ поднявъ на брата свои заплаканные и упрекающіе, какъ ему показалось, глаза.

Чемезовъ далъ ей выйти и внутренно приготовился къ тяжелому объясненію.

— Итакъ, Hélène,—началъ онъ слегка и неувѣренно: — ты уже все знаешь.

Но Елена Николаевна прервала его.

— Да, я уже все знаю,—сказала она устало, но твердо и въ глазахъ ея снова блеснулъ огонекъ:—и нахожу себя слишкомъ утомленной для того, чтобы продолжать опять этотъ разговоръ. Къ тому же онъ и совершенно безполезенъ...

Чемезовъ задумчиво, съ хмурымъ выраженіемъ въ лицѣ, помолчалъ минуту, какъ бы рѣшаясь на что-то про себя.

— Да,—сказалъ онъ полустрогимъ, полутревожнымъ голосомъ, видимо стараясь быть въ то же время спокойнѣе.—Да, но ты не знаешь самаго главнаго, то, чего я теперь не хочу скрывать отъ тебя больше. Я, вѣроятно, въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени женюсь на Ольгѣ, а потому—ты поймешь теперь и сама—встрѣча и знакомство ихъ съ Зиной принимаютъ совсѣмъ иной характеръ!

Блѣдное лицо Hélène чуть-чуть вспыхнуло и въ уголкахъ рта что-то болѣзненно дрогнуло.

— Ну, что же,—сказала она также какъ будто вполнѣ спокойно:—я уже давно это предвидѣла. Для меня лично это ничего не измѣняетъ, потому что... потому что я люблю и уважаю людей не по родству, а по ихъ личнымъ достоинствамъ, и измѣнить сразу и себя, и свое мнѣніе о нихъ по заказу не могу!.. Мои отношенія къ будущей... женѣ твоей (она съ видимымъ усиліемъ и болью выговорила то, о чемъ когда-то такъ мечтала для него, и что теперь принесло ей столько горькаго разочарованія) и мой взглядъ на нее останутся все тѣ же, и сама она останется для меня такъ же чужда и... и непріятна, какъ и теперь! Я тебѣ это нарочно говорю заранѣе, чтобы потомъ не могло быть никакихъ недоразумѣній между нами по этому поводу. Но... но если жалкіе остатки *личныхъ* нашихъ отношеній могутъ остаться хоть сколько-нибудь сносными, то я буду очень рада. Твоей жены это ни въ какомъ случаѣ касаться не можетъ... Я надѣюсь, что мы съ тобой понимаемъ другъ друга; но если ты не можешь принять такихъ условій... то... то намъ останется только совсѣмъ разойтись... хотя, конечно... мнѣ это будетъ... болѣе чѣмъ больно и тяжело...—Голосъ ея задрожалъ, и въ суровыхъ глазахъ мелькъ-

нуло прежнее нѣжное и страдающее въ то же время выраженіе; однако она тотчасъ же пересилила себя, и видя, что онъ хочетъ прервать ее и сказать что-то,—быстро заговорила опять:

— Но объ этомъ, впрочемъ, мы говорить не будемъ, потому что ты долженъ это понимать и безъ всякихъ словъ и увѣреній съ моей стороны. А теперь... теперь вотъ прочти это письмо!— И она съ какимъ-то зловѣще блеснувшимъ огонькомъ во взглядѣ передала Чемезову письмо деревенскаго управляющаго о смерти Архипыча.

Елена Николаевна страстно любила всю свою семью, но въ лицѣ ея, когда она увидѣла, какъ испуганно поблѣднѣлъ братъ, читая ужасныя строки, мелькнуло почти торжествующее выраженіе; хотя исполненіе ея мрачныхъ предсказаній было страшно тяжело ей самой, но все-таки же она радовалась: ея предсказанія начинаютъ исполняться мало-по-малу, а слѣдовательно она вполнѣ права.

XXIV.

Въ жизни Ольги началось теперь также самое тяжелое время. Она думала-было отдохнуть за время поста, но все сложилось такъ, что отдыха и спокойствія оказалось еще меньше, чѣмъ за время сезона. Прежде всего, и ее страшно поразила смерть Архипыча, за которую въ душѣ ея поднимался невольно тяжелый укоръ и сознаніе своей косвенной вины. При томъ ужасная смерть эта отразилась даже и на ея отношеніяхъ съ Чемезовымъ, внесла въ нихъ тоже что-то тяжелое и какъ бы ихъ обоихъ укоряющее.

— Боже мой!—съ ужасомъ проговорила она, когда Чемезовъ только-что разсказалъ ей объ этомъ:—это онъ нарочно сдѣлалъ... на зло мнѣ... чтобы отмстить и мучить меня потомъ всю жизнь!

— Какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи!—какъ бы съ упрекомъ сказалъ онъ, но въ душѣ сознавалъ, хотя и не хотѣлъ признаваться, что въ этомъ была доля правды.

На него самого эта смерть подѣйствовала гораздо сильнѣе, чѣмъ на Ольгу; на нее вообще всѣ впечатлѣнія дѣйствовали съ страшною силой, но зато гораздо скорѣе и проходили. Чемезовъ долгое время не могъ освободиться отъ гнетущаго, все отравлявшаго ему состоянія, которое усилилось тѣмъ болѣе, что на другой день послѣ этого извѣстія Зина заболѣла довольно серьезно больше двухъ недѣль была въ опасности. Елена Николаевна в

димо крѣпилась, пересиливала себя и все время нѣжно ухаживала за сестрой, но видъ у нея былъ такой угнетенный, что Чемезовъ боялся за нее еще больше, чѣмъ за больную Зину. Они уже не имѣли больше никакихъ непріятныхъ объясненій и разговоровъ, какъ бы молча сговорившись пощадить другъ друга на это тяжелое время. Чемезовъ, у котораго подъ вліяніемъ всего случившагося вернулась къ сестрѣ вся прежняя глубокая нѣжность, старался избѣгать каждаго неосторожнаго слова, которое еще больше могло бы разстроить ее. Онъ чувствовалъ самъ, хотя старался не замѣчать этого и не думать о томъ, что послѣ смерти Архипыча между нимъ и Ольгой дѣйствительно какъ бы что-то оборвалось, а Hélène зато опять стала гораздо ближе и дороже ему. Невольно порой въ головѣ его мелькала мысль, которой онъ не хотѣлъ вѣрить и всегда отгонялъ прочь, что, быть можетъ, Hélène и няня—правы, говоря, что Ольга принесла въ ихъ семью, такую мирную и любящую, только одно несчастіе.

Конечно, Ольга не была виновата въ томъ, что угрюмый и упорный старикъ, всегда склонный къ мрачной меланхоліи, такъ ужасно покончилъ съ собой, и, конечно, она не была также виновата и въ томъ, что на юную, впечатлительную Зину такъ сильно подѣйствовали исторіи послѣдняго времени. Не была она виновата также и въ томъ, что Елена, въ сущности совсѣмъ не зная ее и построивъ свое мнѣніе о ней почти теоретически, съ чисто женскимъ упорствомъ не хотѣла отрѣшиться отъ него и тѣмъ только усложняла положеніе, мучая и себя, и другихъ. Но... но тѣмъ не менѣе, не будь Ольги,—не было бы и всѣхъ этихъ непріятныхъ послѣдствій.

Чемезовъ видѣлъ, что всѣ его родные, съ няней во главѣ, смотрятъ теперь на Ольгу какъ на причину смерти Архипыча и еще больше вооружились противъ нея. Няня даже прямо называла ее „убійцей“ и относилась къ ней съ такой злобой и ненавистью, что Чемезовъ каждую минуту опасался какой-нибудь новой исторіи. Ничего нѣтъ хуже, какъ положеніе мужчины, очутившагося среди ненавидящихъ другъ друга, но любящихъ его женщинъ, которыя вдобавокъ еще всѣ имѣютъ большія или мѣньшія права на него. А именно въ такомъ положеніи очутился Чемезовъ, и какъ это ни странно, но именно это-то непріятное положеніе и спасало его. Какъ на человѣка сосредоточеннаго и нервнаго, на котораго впечатлѣнія дѣйствовали съ усиливающейся, а не уменьшающейся по мѣрѣ времени силой, смерть Архипыча —не будь этого непріятнаго положенія „между двухъ огней“, какъ говорила Ольга—эта смерть подѣйствовала бы на него еще

сильнѣе, но теперь всѣ главныя его заботы и старанія сосредоточивались на томъ, чтобы какъ-нибудь примирить и смягчить этихъ ненавидящихъ другъ друга, но любящихъ его женщинъ. Онъ долженъ былъ быть постоянно на-сторожѣ и съ Ольгой, которая стала страшно раздражительна и обидчива, и съ Hélène: одинъ ея убитый видъ глубоко огорчалъ его; а тутъ еще старая няня каждую минуту порывалась наговорить Ольгѣ непріятностей. Все это утомляло и раздражало его, мѣшая работать, и онъ былъ почти доволенъ въ тѣ дни, когда не видалъ ни Ольги, ни Hélène, но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки же были ему дороги и всѣ къ тому же искренно страдали теперь каждая по своему; любя и жалѣя ихъ, онъ по-неволѣ прощалъ имъ все то, чѣмъ онѣ мучили его, и старался не только самъ терпѣливо пережить такое тяжелое время, но и имъ еще помочь переживать его.

Впрочемъ, труднѣе всего было ему съ няней. Въ ней не было ни спокойной сдержанности Hélène, ни врожденной деликатности Ольги. Она просто стонала, жалуясь по цѣлымъ днямъ на свою судьбу, и жалѣла, кажется, не столько Архипыча, сколько самоё себя, ожидая и себѣ теперь бѣдъ и несчастій. Ей доставляло какое-то удовольствіе мучить Чемезова своими жалобами и слезами.

Она всегда говорила съ какимъ-то подозрительнымъ и многозначительнымъ видомъ, какъ бы желая намекнуть на то, что и съ ней можетъ случиться теперь что-нибудь подобное Архипычу, хотя и знала навѣрное, что сама она никогда ничего подобнаго не сдѣлаетъ, почитая самоубійство такимъ страшнымъ грѣхомъ, о которомъ и подумать даже страшно, а не то что дѣйствительно рѣшиться: — Что же,—повторяла она,—человѣка до всего довести можно; и не радъ, да сдѣлаешь!..

Одна Настасья ничуть, кажется, не смутилась и не огорчилась смертью своего врага.

— Туда ему и дорога!—злобно сказала она разъ, когда няня начала ей жаловаться и разсказывать о ихъ „несчастьѣ“.—Недобрый человѣкъ былъ—недоброю смертью и померъ!

Няня страшно разобидѣлась и разсердилась на нее за это.

— Ну,—сказала она также озлобленно:—чрезъ вашу-то барыню и всѣмъ туда дорога, пожалуй, будетъ! Кто ужъ съ ней до добра дойдетъ!

Съ этихъ поръ пріязненныя отношенія между ними покончились; Настасья поклялась, что ноги ея здѣсь больше не будетъ.

— Воля ваша, матушка Ольга Львовна, а я туда больше

не пойду!—заявила она, придя домой.—Кого хотите теперь туда посылайте, а ужъ меня увольте!

— Что тамъ еще такое?—хмурясь, спросила Ольга, и хотя Настасья ничего ей больше не разсказала и сама она не стала разспрашивать ее, но тѣмъ не менѣе она и безъ разсказовъ прекрасно поняла, „что именно тамъ еще случилось“, и перестала съ тѣхъ поръ посылать туда Настасью съ разными порученіями.

Разъ какъ-то, когда Ольга сама услышала одно изъ подобныхъ нянинныхъ замѣчаній, которыя та проговорила почти за спиной ея, она не выдержала и при свиданьѣ съ Чемезовымъ воскликнула:

— И ты еще хочешь, чтобы мы вступили въ бракъ! Да развѣ ты не чувствуешь, какъ всѣ твои глядятъ на меня! Какъ ненавидятъ! Вѣдь они вѣчно будутъ стоять стѣной между нами, вѣчно будутъ вооружать тебя противъ меня! О, нѣтъ, нѣтъ! если бы я даже и рѣшилась бросить сцену, то все равно намъ было бы невозможно обвѣнчаться!

— Ахъ, вздоръ все это!—нетерпѣливо прервалъ ее Чемезовъ. Въ душѣ онъ сознавалъ то же самое, но онъ не хотѣлъ придавать этому значенія и, разъ рѣшившись жениться на Ольгѣ, хотѣлъ во что бы то ни стало поставить на своемъ. Чѣмъ больше было препятствій къ исполненію какого-нибудь его желанія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему всегда добиться своего.

— Вздоръ!—сказалъ онъ:—напротивъ, тогда-то именно и покончится все это само собой. Они увидятъ, что дѣло все равно уже сдѣлано, и по-неволѣ успокоятся;—а такъ, чѣмъ дольше это продолжится, тѣмъ только хуже будетъ.

Ольга недовѣрчиво слушала и съ сомнѣніемъ покачивала головой. Но ей было пріятно, что ничто, ни родные, ни Hélène, всегда имѣвшая на него такое вліяніе, ни даже самая страшная смерть Архипыча, не могутъ поколебать его въ желаніи жениться на ней. И въ то же время ей было какъ-то жутко отъ сознанія такой сильной, упорной воли, которой рано или поздно она должна уступить. Ей было и обидно, и страшно думать, что день такой дѣйствительно когда-нибудь наступитъ,—день, въ который она всему измѣнитъ, отъ всего отступится, все промѣняетъ —на одного человѣка! все, что такъ она любила, чему раньше служила съ такой гордостью, такъ преданно, чему служилъ ея отецъ и почти всѣ братья и сестры, и чему сама она думала всегда прослужить всю свою жизнь! Что сказалъ бы теперь на это ея отецъ? Что онъ посовѣтовалъ бы выбрать ей? Она прекрасно знала—„что“,

и заранѣе краснѣла и презирала себя за то, что можетъ выбрать не то, что̀ посовѣтовалъ бы ея отецъ! О братѣ Сергѣѣ она не рѣшалась и думать. Между ними прервалась даже переписка; онъ видимо не могъ ей простить того, что она бросила Москву, и продолжалъ сердиться на нее; какъ же онъ будетъ сердиться и презирать ее, когда она броситъ даже самую сцену! Всѣ лучшіе друзья ея возмутятся противъ этого и никогда не простятъ ей такого поступка!

Если бы Чемезовъ не высказалъ этихъ страшныхъ для нея словъ, что чрезъ годъ они—или разойдутся, или обвѣнчаются, то она, конечно, ни одной минуты не остановилась бы на мысли объ оставленіи сцены. Но эти слова пугали и мучили ее; она знала его характеръ и знала, что онъ дѣйствительно способенъ будетъ разойтись съ ней. Разойтись! то-есть, навсегда потерять его, всѣ права на него, никогда больше не видаться съ нимъ, сдѣлаться ему чужой, совсѣмъ чужой! И это теперь, когда все ея существо какъ бы слилось съ нимъ, когда для нея нѣтъ почти самой жизни безъ него, когда въ ней развилась непреодолимая какая-то потребность видѣть его каждый день, знать каждый часъ его жизни, — и вдругъ разойтись! Разомъ оторваться отъ всего! И конечно, его сейчасъ же женятъ тогда; всѣ родные воспользуются такимъ случаемъ и нарочно, чтобы только не дать имъ снова сойтись, постараются употребить всѣ усилія, чтобы какъ можно скорѣе женить его! Да и онъ самъ тогда, тоже нарочно, чтобы отмстить ей и скорѣе только забыть ее, не станетъ противиться этому. И какъ бы дразня и мучая себя еще больше, она представляла себѣ эту несуществующую пока, но уже страшную и ненавистную ей женщину, которая замѣнитъ ее, получитъ всѣ права на него, которая, быть можетъ, такъ привяжетъ его къ себѣ, что вытѣснитъ даже самое воспоминаніе о ней, Ольгѣ! И онъ будетъ любить и ласкать ее такъ-же, какъ любитъ и ласкаетъ теперь ее! У нихъ будутъ дѣти,—эти дѣти, которыхъ онъ такъ желаетъ! Боже мой, Боже мой, и это будетъ уже на всю жизнь, не то что какъ съ ней—на какой-нибудь жалкій годъ, много два! А она! что̀ будетъ тогда для него она! Такъ себѣ, просто одна изъ интригъ молодости!..

Когда всѣ эти мысли находили на нее,—что̀ особенно часто случалось въ безсонныя ночи, когда все кругомъ ея успокоивалось и засыпало, и она одна, терзаемая своими же мыслями, не могла заснуть,—то на нее нападали жестокая тоска и отчаяніе; она металась на своей постели вся въ холодномъ поту, не зная, чѣмъ заглушить муку страшной ревности и какой-то почти фи-

зической боли, находившей на нее въ такія минуты... И опять, опять она останется одна! И это уже не смолоду, когда вся жизнь еще впереди, когда не страшно быть одной, а теперь, когда ей уже за тридцать лѣтъ и жизнь пошла на поворотъ къ спуску! когда все лучшее уже прожито и ждать новаго почти нечего... Ну, что же! начнется угаръ „прожиганія“ жизни; вѣдь надо же наполнять чѣмъ-нибудь ее, эту жизнь, эту страшную пустоту, а главное, заглушить какъ-нибудь всѣ эти страшныя мысли... На новую любовь, на страсть, на простое увлеченіе даже, только настоящее, искреннее, живое, какія бывали прежде, у нея уже не хватитъ ни силъ, ни желанія. Да и какъ пошлы кажутся ей всѣ эти увлеченія теперь, когда она узнала настоящую любовь! Какъ могла она идти на нихъ прежде и даже находить въ нихъ какую-то прелесть! Она краснѣла, стыдясь самой себя, при одномъ воспоминаніи о нихъ. А между тѣмъ, едва узнаютъ, что она „свободна“—Боже мой, какое это отвратительное слово: „свободна“! точно домъ какой-то, который „свободенъ отъ постоя“ и долженъ обязательно отдаваться въ наймы!—и вотъ, какъ только узнаютъ, что она снова „свободна“, сейчасъ же начнутся опять всѣ эти пошлыя, отвратительныя ей теперь ухаживанія...

Снова всѣ эти господа, которые теперь, зная о ея любви и потому ничего пока не ожидая, ни на что пока не надѣясь, смотрятъ на нее равнодушными, почти презрительными глазами,—тогда сейчасъ же начнутъ опять эту обидную, унизительную для нея, какъ для женщины, какую-то словно охоту на нее, „скачку съ препятствіями въ ожиданіи перваго приза“, какъ говоритъ Милочка. И все вѣдь это дѣлается подъ видомъ восхищенія, поклоненія и чуть ли даже не служенія „святому искусству“! Ахъ! знаетъ она это поклоненіе искусству! И развѣ имъ *она* нужна? Нужно ея имя, нуженъ эффектъ и успѣхъ, который пріятно щекочетъ самолюбіе!—чтобы другіе знали, удивлялись и говорили: „А N. N., представьте, вѣдь съ Леонтьевой!“—„Неужели съ Леонтьевой! Каковъ!..“ Будь же она точно такая, какъ и теперь, но только не извѣстной актрисой, а такъ себѣ, просто госпожей Сидоровой или Петровой, развѣ предпринимались бы тогда всѣ эти облавы на нее! Кому она понадобилась бы; не стало бы никакого шику въ томъ, чтобы добиться ея вниманія... И все это вмѣсто того, чтобы стать теперь женою человѣка, который дѣйствительно любитъ ее, котораго боготворитъ сама она—вмѣсто того, чтобы съ чистой, спокойной душой, радостно и гордо идти съ нимъ рука объ руку, чтобы сознавать себя всегда достойной его любви, его

уваженія, его довѣрія... А главное, главное—знать, что онъ совсѣмъ и на всю жизнь уже ея, что никто и ничто не можетъ уже отнять его отъ нея... чтобы даже онъ самъ не могъ уйти и бросить ее, какъ можетъ это сдѣлать теперь, какъ олько кончится любовь!

— Боже мой! но о чемъ же я!.. Вѣдь это это такъ просто, такъ легко сдѣлать и онъ самъ даже хочетъ этого! Ну, конечно, конечно, мы обвѣнчаемся, и кончится вся эта мука, всѣ сомнѣнія и начнется полное, настоящее счастье!..

И на минуту, въ порывѣ какого-то просвѣтлѣнія, она изумлялась сама, зачѣмъ создаетъ себѣ всю эту муку, придумываетъ разныя препятствія, когда все это въ сущности такъ просто, такъ легко! Но чрезъ мигъ уже она вспоминала опять, что для этого прежде всего надо бросить сцену, и снова ужасъ и тоска охватывали ее, и она безсильно опускала голову на подушки и лежала такъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, глядя широко раскрытыми глазами въ темноту комнаты, въ которой неясно обрисовывались контуры предметовъ.

— Ну, хорошо,—говорила она опять себѣ:—хорошо! предположимъ, что я оставлю сцену и выйду за него—развѣ будетъ это полное счастье, которое я себѣ воображаю теперь? Развѣ я могу забыть сцену, развѣ не буду всегда рваться къ ней назадъ, всегда сожалѣть и раскаяваться, что бросила ее? Конечно, буду, буду и буду, и только отравлю этимъ жизнь и ему, и себѣ! Или наоборотъ: я разойдусь съ нимъ и останусь на сценѣ. Но развѣ я могу забыть его, развѣ не буду также всегда, каждую минуту рваться назадъ къ нему, къ его любви? Да я возненавижу и самую сцену за то, что бросила ее для него, точно также какъ очень можетъ быть, что возненавижу его, если для него брошу сцену! Ну, да предположимъ даже самое лучшее, что все останется такъ же, какъ и теперь, т.-е., что мнѣ останется и сцена, и онъ; развѣ могу я быть спокойна по прежнему, какъ была спокойна до него, развѣ этотъ разладъ съ самой собой прекратится? Конечно, нѣтъ! потому что для сцены нужно, чтобы я всегда была свободна, чтобы я всегда, безпрепятственно и независимо располагала собой; а ему нужно, чтобы я именно не была свободна, чтобы я зависѣла прежде всего отъ него и принадлежала бы болѣе ему, чѣмъ сценѣ! Значитъ, сцена все-таки же будетъ въ забросѣ, и артистка во мнѣ все-таки будетъ всегда не удовлетворена! Да не только онъ, но даже и я сама, развѣ я не рвусь въ сущности къ тому же самому, то-есть, чтобы совсѣмъ принадлежать ему, и чтобы онъ совсѣмъ, безъ всякихъ

помѣхъ, принадлежалъ мнѣ! Неужели же актриса не только не должна выходить замужъ, но не должна даже и любить такъ, какъ люблю теперь я и какъ могутъ и должны даже любить всѣ другія женщины! Любить, желая отдать дорогому человѣку всю душу, посвятить ему всю жизнь!.. Когда были мои увлеченія, эти пошлыя, жалкія увлеченія, они мнѣ ни въ чемъ не мѣшали, потому я знала твердо и ясно, что прежде всего сцена, а потомъ уже „онъ“, и что никакого даже вопроса, ни одной минуты колебанія быть не могло въ этомъ выборѣ. А теперь моя любовь, моя прекрасная, очищающая меня самое въ собственныхъ глазахъ—любовь моя мѣшаетъ мнѣ и связываетъ меня на каждомъ шагу, потому что я прежде всего стремлюсь связать себя съ нимъ, стремлюсь только какъ можно чаще быть съ нимъ, видѣть его, и почти каждая моя мысль, каждое желаніе прежде всего принадлежатъ ему, а потомъ уже всему остальному... Бракъ! бракъ! да развѣ этотъ бракъ заключается для меня только въ томъ, что меня обведутъ съ нимъ вокругъ аналоя, и что люди, „общество“ признаетъ насъ супругами! Бракъ этотъ во мнѣ, въ моей душѣ, въ моей любви къ нему. Брака церковнаго, признаннаго, еще не существуетъ между нами, а развѣ я не такая же уже жена ему? развѣ не пошла бы я теперь за нимъ въ Сибирь, на каторгу? развѣ вся моя жизнь не принадлежитъ уже ему и развѣ я тогда больше буду любить его? Значитъ, бракъ въ существѣ, бракъ духовный уже существуетъ между нами и мѣшаетъ моей дѣятельности такъ же, какъ мѣшалъ бы и бракъ дѣйствительный. И вотъ я верчусь какъ бѣлка въ колесѣ и не могу найти выхода или хоть спокойствія по крайней мѣрѣ, да и никогда не найду ихъ, потому что, конечно, можно было бы соединить благополучно и то, и другое вмѣстѣ, и его и сцену, но для этого требуется совсѣмъ иное отношеніе или къ сценѣ, или къ любви, или вѣрнѣе и къ тому и другому вмѣстѣ; а я этого не могу; значитъ, для меня и выхода, а вмѣстѣ съ выходомъ и выбора быть не можетъ. А я все-таки должна найти этотъ выходъ и сдѣлать этотъ выборъ,—и въ этомъ-то и заключается весь ужасъ и мука моего положенія!

Она чувствовала сама, какъ не хватаетъ ей характера. Въ ней какъ бы поселились два борющихся, враждебныхъ другъ другу существа и не давали ей покоя, мучая ее, какъ только можетъ мучить человѣка какая-нибудь забившаяся въ голову болѣзненная, гнетущая все существо мысль, которая даже во снѣ давитъ тяжелымъ кошмаромъ.

Если бы сцена продолжала давать ей, какъ давала прежде,

однѣ только радости успѣха, то положеніе было бы гораздо проще, потому что въ такомъ случаѣ оставить ее казалось бы ей окончательно невозможнымъ. Но сцена нынѣшняго года давала ей гораздо больше огорченія и разочарованія, утомляя и раздражая ее интригами и непріятностями, и потому Чемезовъ, въ любви котораго было для нея пока больше радости, чѣмъ огорченія, невольно еще больше привлекалъ себя къ ней, и она невольно же сравнивала вѣчныя волненія сцены съ той спокойной жизнью, которая могла бы открыться ей съ нимъ. Къ тому же и Барсуковъ не мало смущалъ ее своими настойчивыми убѣжденіями ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ артистическое путешествіе. Онъ почти и придумалъ-то его исключительно для нея и потому рѣшилъ ждать ее до послѣдняго дня и, набирая всю труппу, оставлялъ свободнымъ только ея мѣсто въ надеждѣ, что она все-таки еще надумается и поѣдетъ съ ними.

— Ахъ, сдѣлай милость, кончай съ кѣмъ-нибудь скорѣй!— нетерпѣливо сказала Ольга, когда онъ опять уже на святой чуть не въ двадцатый разъ заговорилъ съ ней объ этомъ. — Я тебѣ сказала, что не поѣду и не поѣду—чего же ты продолжаешь мучить меня своими приставаніями!

Она, конечно, еще лучше его знала, какъ это путешествіе было бы ей полезно, какъ освѣжило бы и подняло бы снова ея упавшую энергію, которая ей именно теперь была такъ нужна; но точно также она прекрасно знала и то, что все равно никогда не рѣшится уѣхать отъ Чемезова на три мѣсяца, и потому просьбы и убѣжденія Барсукова только раздражали ее.

— Ну, что-же,—сказалъ Барсуковъ упрямо:—все равно, мнѣ еще чуть не съ половиной труппы въ Москвѣ кончать придется—за-одно ужъ и съ Раевской тамъ же покончу, если ты окончательно не поѣдешь! А можетъ, на мое счастье ты еще и надумаешься!

Онъ собирался выѣхать на другой же день по окончаніи сезона; у него все было готово, и задержка была только въ Ольгѣ. Онъ нарочно для Ольги, чтобы еще больше заманить ее, пригласилъ нѣсколькихъ артистовъ изъ московскаго театра, которые должны были дожидаться ихъ въ Москвѣ, чтобы оттуда уже ѣхать всѣмъ вмѣстѣ дальше на югъ Россіи.

Сезонъ въ этомъ году былъ очень короткій и кончился почти тотчасъ же вслѣдъ за Пасхой, что̀ съ одной стороны Барсукову было очень удобно, а съ другой безпокоило его только, что онъ не успѣетъ за это время уговорить Ольгу.

XXV.

Дня за три до конца сезона въ одной изъ петербургскихъ газетъ вышла большая статья, въ видѣ какъ бы итога истекшаго сезона, подъ заглавіемъ: „Леонтьева и Княжева".

Сравнивали обѣихъ артистокъ съ кажущимся безпристрастіемъ и пониманіемъ, будто бы, дѣла, и вся статья была написана даже довольно любезно по отношенію Ольги, но пока она читала ее, у нея похолодѣли руки и заныло сердце.

Между прочимъ говорилось:

„Прежде мы видѣли г-жу Леонтьеву только въ рѣдкія гастроли, когда она являлась предъ нами въ своихъ лучшихъ роляхъ, и роли эти, повторяясь ею чрезъ большіе промежутки, не успѣвали приглядѣться публикѣ. Къ тому же эти три, четыре роли дѣйствительно были выработаны г-жей Леонтьевой до мельчайшихъ подробностей, а потому видѣвшіе ее въ нихъ петербуржцы воображали по нимъ, что талантъ этой артистки могучъ и обширенъ. Но вотъ г-жа Леонтьева пріѣхала къ намъ уже на цѣлый сезонъ, и невольно задаешь себѣ вопросъ: что же новаго дала она намъ за этотъ сезонъ? Съ какой новой стороны показала она свой талантъ? Все тѣ же двѣ, три, окончательно всѣмъ приглядѣвшіяся, старыя роли, да двѣ или три новыя еще для петербуржцевъ, въ которыхъ г-жа Леонтьева чередовалась съ г-жей Княжевой, и отъ чего, увы, приходится сознаться, талантъ г-жи Княжевой обрисовался только еще ярче и прекраснѣе. Къ тому же исполненіе г-жи Леонтьевой было теперь часто очень неровно, даже небрежно. Говорятъ, что въ этой небрежности виноваты какія-то постороннія, „семейныя"—если можно такъ выразиться—обстоятельства, сильно вліявшія на артистку; но вѣдь публикѣ нѣтъ дѣла до этихъ всякихъ побочныхъ обстоятельствъ, она идетъ смотрѣть актера, а не человѣка, и актеръ всегда долженъ это помнить. На сценѣ нельзя носиться съ своимъ личнымъ „я" вѣчно; его нужно забыть, чтобы оно никогда не сквозило въ исполняемыхъ образахъ. Зрителю нужны и важны не чувства, одолѣвающія актера какъ человѣка, а только чувства того лица, которое онъ изображаетъ какъ актеръ. Вотъ въ этомъ-то и есть огромная заслуга г-жи Княжевой, которая умѣетъ отрѣшиться на сценѣ вполнѣ отъ своего собственнаго „я". Посмотрите, какая вѣчно живая, вѣчно новая прелесть въ ея исполненіи; это сама жизнь, которую никогда не устаешь смотрѣть. Княжева играетъ

пять разъ въ недѣлю и всегда одинаково въ ударѣ, одинаково прелестна и т. д.“

Подсмѣивались потомъ, между прочимъ, надъ тѣмъ преждевременнымъ и, какъ оказалось теперь, совсѣмъ неосновательнымъ восторгомъ, охватившимъ всю петербургскую публику, когда только-что сдѣлалось извѣстно, что Леонтьева переходитъ сюда изъ Москвы, и надъ тѣмъ, какъ эта петербургская публика съ непостоянствомъ, вѣчно жаждущимъ только новинокъ, и присущимъ только ей одной легкомысліемъ вдругъ чуть не вся разомъ отвернулась отъ прежней своей любимицы г-жи Княжевой, которой восхищалась раньше цѣлыхъ семь лѣтъ, и всѣ надежды возложила только „на новинку“, и какъ теперь, разочаровавшись понемногу въ этой новинкѣ, снова вернулась одинъ за другимъ все къ той же г-жѣ Княжевой, которая вышла побѣдительницей въ этомъ „турнирѣ“ своего рода.

Статья была очень большая, и Ольга, съ трудомъ пересиливая себя, дочла ее до конца, хотя буквы прыгали и сливались у нея предъ глазами, къ щекамъ приливалъ горячій румянецъ мучительнаго стыда и оскорбленія.

Она почти не понимала тѣхъ фразъ, что читала, схватывая только смыслъ того, что ее болѣе или менѣе деликатно развѣнчивали изъ крупныхъ талантовъ и, подтасовывая факты, унижали ее ради ея соперницы. И кромѣ того еще безцеремонной, грубой рукой вторгались въ ея личную жизнь, дѣлали какіе-то двусмысленные намеки и задѣвали ее уже не только какъ артистку, но даже какъ женщину, на что не имѣли никакого права и что болѣе всего возмущало ее. Она ничего не могла сдѣлать; она не могла также публично заявить, что это все—подтасовка и извращеніе фактовъ, что она играла все въ тѣхъ же надоѣвшихъ всѣмъ роляхъ только оттого, что ей не давали играть другихъ, что ее заставляли чередоваться съ Княжевой не въ ея роляхъ, а въ роляхъ, написанныхъ большею частью для этой же торжествующей теперь надъ ней Княжевой, а ея ролей, въ которыхъ знали, что она была хороша, въ которыхъ она могла бы явиться въ новомъ свѣтѣ предъ публикой, ей не давали нарочно, чтобы затереть ее, чего и добились наконецъ.

— Ахъ, какая гадость, какая безсовѣстная гадость!—говорила она съ негодованіемъ:—и всѣ, всѣ, кто только захочетъ, могутъ врываться въ мою душу, въ мою частную жизнь! копаться въ ней нечистыми руками, публично раскрывать ее для всеобщаго свѣденія и удовольствія! И все это съ полнымъ сознаніемъ какого-то права! Сегодня выпустятъ подобную статью, завтра—какую

нибудь пошлую карикатуру въ родѣ той, какъ на прошлой недѣлѣ! И я ничего не могу, никому не смѣю запретить, потому что я—какое-то общественное достояніе, съ которымъ каждый можетъ распоряжаться какъ захочетъ!

— Оленька,—сказалъ ей въ утѣшеніе Барсуковъ, который тоже прочелъ эту статью, надѣлавшую злорадный шумъ въ закулисномъ мірѣ:—такъ ли еще, милая, нашего брата отдѣлываютъ! На меня вотъ разъ написали, что я въ своей деревнѣ два кабака содержу, а у меня отъ роду даже и деревни никогда никакой не было! Да что съ ними подѣлаешь! знаешь пословицу: любишь кататься, люби и саночки возить!

Чемезовъ приблизительно сказалъ ей то же самое.

— Я не понимаю,—сказалъ онъ,—отчего ты такъ волнуешься; мало ли кто что̀ напишетъ—нельзя же изъ-за всего такъ мучиться! Съ этимъ надо ужъ мириться и идти на это, разъ что выступила на какую-нибудь общественную дѣятельность, потому что это общая участь всѣхъ людей, стоящихъ на виду. Каждаго изъ насъ, не только актера, но кого угодно могутъ задѣть каждую минуту и печатно критиковать насъ и наши дѣйствія. Можно обращать на это вниманіе или не обращать, но въ отчаяніе приходить и такъ волноваться, понятно, не стоитъ!

— Да вѣдь если бы они разбирали и критиковали меня только какъ актрису и хотя бы даже пристрастно, несправедливо, какъ и теперь, просто изъ угоды кому-нибудь одному или какой-нибудь тамъ партіи, я бы ни слова не сказала; но какое они имѣютъ право задѣвать меня какъ женщину, вторгаться въ мою личную жизнь, дѣлать разные пошлые намеки!..

— Да, ну ужъ это,—сказалъ Чемезовъ, пожимая плечами:—отраженіе нашихъ нравовъ. Права на это у нихъ, конечно, нѣтъ, но такъ какъ и запретить имъ это трудно, то они и пользуются этимъ.

— И хуже всего то, что это страшно вліяетъ на толпу; вѣдь чуть не у половины изъ этой толпы нѣтъ своихъ собственныхъ мнѣній, своего собственнаго пониманія, а есть только мнѣнія той газеты, которую они читаютъ, и слова которой потомъ повторяютъ! Ахъ!—воскликнула она вдругъ страстно:—если бы ты зналъ, какъ порой мнѣ хочется быть совсѣмъ частнымъ, никому неизвѣстнымъ, никому неинтереснымъ человѣкомъ, который живетъ тихо и спокойно у себя дома, и никто не смѣетъ трогать его, никто не смѣетъ врываться къ нему ни въ душу, ни въ жизнь къ нему! Другой разъ самой простой женщинѣ завидуешь, потому что такъ устаешь отъ этого вѣчнаго стоянія предъ толпой!

— Да, но вѣдь сдѣлаться подобной женщиной зависитъ теперь отъ тебя самой!—сказалъ Чемезовъ, усмѣхаясь. Она опомнилась, что выдала себя нечаянно, вся вспыхнула и нахмурилась.

— Ахъ, я не про то говорю!—сказала она:—я говорю о тѣхъ, которыя и не выступали никогда на эту „общественную дѣятельность", какъ говоришь ты! Такія были всегда сами только въ числѣ этой толпы и терялись въ ней за другими. А разъ попробовавъ эту общественную дѣятельность и особенно нашу сценическую... оторваться уже трудно... Это что-то въ родѣ азартной игры въ карты! Играешь счастливо—жаль бросить, потому что хочется выигрывать все больше и больше; если же играешь несчастливо, то не хочешь бросить, потому что хочешь отыграться. А хуже всего,—прибавила она, сдвигая брови:—когда игралъ сначала слишкомъ счастливо, а потомъ началъ вдругъ проигрываться. Эти игроки опаснѣе всѣхъ.

Чемезовъ мелькомъ взглянулъ на нее, но ничего не отвѣтилъ. Она полулежала на оттоманкѣ, подложивъ руки подъ голову и хмурясь смотрѣла на огонь камина; но вдругъ лицо ея оживилось и точно повеселѣло.

— Да,—сказала она, вставая съ какимъ-то затаенно-торжествующимъ выраженіемъ въ лицѣ:—да, конечно, интриги всегда и вездѣ есть, и вездѣ онѣ, конечно, одинаково гадки!.. А у насъ, быть можетъ, онѣ даже хуже и сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Я это по себѣ знаю... я сама, особенно когда меня раздразнятъ такъ, какъ теперь... способна приняться за нихъ,—проговорила она глухо и не глядя на Чемезова, какъ бы стыдясь своего признанія.—Но все-таки же у насъ есть нѣчто очень важное, чего нѣтъ почти ни на какой другой общественной дѣятельности!

— Что же это такое?—спросилъ Чемезовъ съ маленькимъ сомнѣніемъ. Онъ думалъ, что она опять будетъ говорить о томъ пресловутомъ „товариществѣ", которое будто бы существуетъ между артистами, о чемъ она такъ часто и горячо говорила прежде и чему теперь онъ, по ея же примѣру, уже плохо вѣрилъ. Но она сказала совсѣмъ другое.

— Это? это судъ публики! Напримѣръ, у васъ вѣдь также интригъ достаточно, пожалуй, даже не меньше, если не больше еще, чѣмъ и у насъ,—но у васъ все происходитъ келейно, посторонніе зрители никогда не допускаются, а публикѣ приподносятся почти всегда уже готовыя, иногда даже спеціально для нея заранѣе приготовленныя сужденія, и ей волей-неволей приходится мириться и соглашаться съ ними. А мы дѣйствуемъ все-

таки какъ бы тамъ ни было предъ открытой занавѣсью, и толпа сама можетъ судить насъ, порицать или одобрять, и съ мнѣніемъ этой толпы приходится по-неволѣ очень считаться. Вѣдь не всѣ же дѣйствительно, какъ я сказала, только повторяютъ мнѣнія своихъ газетъ! Если хоть одна треть останется самостоятельной и безпристрастной, то и ея уже очень достаточно для того, чтобы она могла вліять—и очень сильно—на справедливый ходъ дѣла! Насъ могутъ всячески затирать, унижать, не давать ни хода, ни ролей, чтобы только насильно отъучить отъ насъ и охладить къ намъ публику и заставить ее понемногу забыть насъ; но если разъ она дѣйствительно полюбила насъ, то она, несмотря ни на что, все-таки не охладѣетъ и не забудетъ своихъ любимцевъ и при случаѣ съумѣетъ такъ принять, такъ выразить свое сочувствіе и эту любовь свою, что одной этой минутой все искупить и за все наградитъ! А у васъ и у всѣхъ вообще, у которыхъ занавѣсъ никогда не поднимается, а толпа ни въ чемъ не участвуетъ—подобной минуты быть никогда не можетъ!

— Да,—сказалъ Чемезовъ, охотно соглашаясь съ ней на этотъ разъ:—у насъ этого преимущества, конечно, нѣтъ, но къ намъ оно даже и непримѣнимо почти! Оцѣнить талантъ актера и судить объ его игрѣ можетъ болѣе или менѣе всякій; но чтобы являться судьями и совѣтчиками хотя бы, напримѣръ, въ нашихъ дѣлахъ, требуется такая подготовка и спеціальность знаній, которой у большинства изъ толпы, конечно, и быть не можетъ!

Она на минуту остановилась подлѣ него. Въ лицѣ ея было все то же оживившееся выраженіе, и она, видимо занятая какими-то своими мыслями, даже не слушала его.

Въ воскресенье она должна была играть въ послѣдній разъ. Для нея наконецъ поставили „Медею“, но къ постановкѣ пьесы она отнеслась сначала очень вяло и безучастно, потому что прекрасно понимала, что „Медея“ не могла привлечь много публики въ подобное время, когда уже начались спектакли и музыка за городомъ, куда и тянуло большинство. Эта постановка, которой она добивалась безуспѣшно цѣлую зиму, была насмѣшкой надъ ней; ей какъ бы нарочно кинули напослѣдокъ лакомый кусокъ, которымъ было уже слишкомъ поздно утолять голодъ, чтобы только отвязаться и говорить потомъ: „помилуйте, мы для васъ даже „Медею“ ставили“.— Но теперь, сейчасъ, пока она говорила Чемезову о томъ, какъ толпа можетъ наградить артиста, ей вдругъ пришла въ голову новая мысль, почему-то не приходившая раньше.

— Хорошо, такъ я докажу это на самой себѣ! погодите,

погодите! — говорила она, мысленно обращаясь съ угрозой къ кому-то:—такъ вы вздумали развѣнчивать меня, вздумали доказывать, что я какое-то жалкое, бездарное ничтожество, хотя прежде вы сами чуть-чуть не молились на это ничтожество; ну, такъ посмотримъ же теперь; хорошо же, я буду играть такъ, какъ не играла еще никогда! Вы рѣшили совсѣмъ похоронить меня, сдать въ архивъ, какъ надоѣвшую, ненужную больше игрушку, но вы не разсчитали, что я еще могу воскреснуть на зло всѣмъ вамъ, такъ страстно желающимъ этого! Будемъ же бороться, будемъ! вы сами довели меня до того, что во мнѣ лопнуло наконецъ терпѣніе и снова проснулась энергія,—и теперь посмотримъ, кто еще побѣдитъ!—И она засмѣялась сама себѣ злымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующимъ и угрожающимъ смѣхомъ и начала взволнованно ходить по комнатѣ, думая о томъ, какъ побѣдитъ она всѣхъ ихъ и всѣ ихъ интриги этимъ послѣднимъ спектаклемъ!

XXVI.

Но вотъ день этого спектакля насталъ, а Ольга еще съ утра почувствовала, что у нея сегодня ничего не выйдетъ. Она была совсѣмъ не въ такомъ настроеніи,—а почему это такъ было, она и сама не могла бы объяснить. Вѣрнѣе, что на нее оказало вліяніе нѣсколько малозначительныхъ мелочей. Во-первыхъ, наканунѣ она поссорилась съ Чемезовымъ. То-есть, ссоры въ сущности даже и не было, но было нѣчто другое, такое же непріятное и что̀, къ тому же, все чаще начало повторяться между ними—какое-то тяжелое, недовольное другъ другомъ состояніе, происходившее иногда изъ-за какого-нибудь на видъ даже незамѣтнаго пустяка, которое тѣмъ не менѣе разросталось во что-то точно серьезное и угнетающее ихъ обоихъ. Потомъ другіе актеры, роптавшіе на постановку „Медеи“ въ такое время, такъ вяло и неохотно относились къ своимъ ролямъ, что у Ольги, глядя на нихъ, по-неволѣ опускались руки: кто уже забылъ свою роль, кто никогда даже и не игралъ ее и бранился теперь, наскоро, кое-какъ подучивая ее, и всѣ вмѣстѣ, нехотя, зѣвая и ропща, не репетировали какъ должно пьесу, а цѣдили сквозь зубы небрежно, заложивъ руки въ карманы, каждый слова своихъ ролей.

Ольга предчувствовала, что и на спектаклѣ будетъ немногимъ лучше.

Вечеромъ театръ былъ почти пустъ. Этотъ вечеръ былъ такъ хорошъ, что большинство публики устремилось за городъ, гдѣ въ этотъ день было сразу нѣсколько „открытій“.

Когда Ольга вышла и увидѣла пустую залу, отъ которой вѣяло холодомъ и скукой, и вялыя фигуры своихъ товарищей, сонно двигавшихся по сценѣ и не игравшихъ, а только притворявшихся играющими,—то и послѣдняя искра, такъ нужная артисту, потухла въ ней, и она стала играть почти такъ же, больше только притворяясь, что играетъ, какъ дѣлали это и ея товарищи.

Пустой видъ театра всегда дѣйствовалъ на нее самымъ подавляющимъ образомъ, по-неволѣ расхолаживая то живое вдохновеніе, которое создаетъ артистовъ и такъ дѣйствуетъ на толпу. На этотъ разъ совсѣмъ не чувствовалось между артистами и зрителями того духовнаго сродства, которое, переходя и отражаясь какимъ-то точно электрическимъ токомъ съ актеровъ на толпу и съ толпы на актеровъ, еще сильнѣе воодушевляетъ и тѣхъ, и другихъ и приводитъ весь театръ въ то нервное, полное воспріимчивой впечатлительности состояніе, въ которомъ и зрители и исполнители какъ бы сливаются въ нѣчто цѣлое, близкое и понятное другъ другу.

Теперь же это соединеніе совсѣмъ не чувствовалось; актеры играли вяло, неохотно, почти не заботясь о томъ, чтобы производить какое-нибудь впечатлѣніе и желая только одного—дотянуть скорѣе до конца какъ-нибудь этотъ спектакль, и публика оставалась тоже вполнѣ равнодушной, слѣдя за ними не только безъ интереса, но даже съ нѣкоторой скукой и тоже, кажется, желала только, чтобы спектакль скорѣе кончился и можно было бы наконецъ разъѣхаться по домамъ.

И съ каждымъ актомъ это чувствовалось сильнѣе. Въ антрактѣ кое-кому хлопали и вызывали Ольгу, но какъ бы только изъ одной вѣжливости да по привычкѣ, и вызовы эти затихали скорѣе, чѣмъ актеры успѣвали выходить на нихъ.

Только наверху въ одной изъ ложъ собралась группа какихъ-то гимназистовъ, которые кричали и апплодировали, перевѣшиваясь чрезъ барьеръ. Но и они не могли приподнять вялое настроеніе театра; актеры почти не хотѣли выходить на ихъ жалкіе одинокіе вызовы, а остальная публика, не присоединяясь къ нимъ, посматривала на нихъ съ легкимъ недоумѣніемъ и насмѣшливой снисходительностью.

— Боже мой, да что же со мной! что я дѣлаю! вѣдь это же не такъ, совсѣмъ не такъ!—говорила себѣ Ольга, съ какимъ-

то изумленіемъ прислушиваясь къ самой себѣ и почти не узнавая себя. Она чувствовала сама, какъ фальшиво звучитъ ея голосъ, какъ вялы и неестественны выходятъ всѣ ея движенія; она съ самаго начала почувствовала, что будетъ играть безъ всякаго увлеченія, какъ это случалось съ ней иногда: съ самаго же начала взяла невѣрный тонъ и теперь уже не могла найти его. Она машинально говорила слова своей роли, по привычкѣ повышая голосъ на заученныхъ мѣстахъ или по памяти продѣлывая разные эффектные жесты и позы, которые прежде вырывались у нея какъ бы сами собой, но въ которыхъ сегодня была одна красота, но не было ни жизни, ни правды.

Когда этотъ утомившій только всѣхъ спектакль кончился и публика, почти не апплодируя и не вызывая даже никого, поспѣшно, точно обрадовавшись, что ее наконецъ выпустили на свободу, начала разъѣзжаться, Ольга вернулась къ себѣ въ уборную и безсильно опустилась въ кресло. Она видѣла, какими насмѣшливыми, внутренно торжествующими надъ ней физіономіями проводили ее всѣ, и прекрасно понимала, какія насмѣшки поднялись надъ ней теперь по всѣмъ уборнымъ. Но въ душѣ ея было такое тупое отчаяніе, что ей было все равно, что о ней говорили и думали.

— Ну, что же,—говорила она самой себѣ съ какимъ-то мрачнымъ спокойствіемъ, начиная переодѣваться:—ну, что же, значитъ они правы, значитъ, я дѣйствительно умерла какъ артистка... ну, что же, этого и надо было ожидать; странно только, какъ я раньше этого не замѣчала и не хотѣла вѣрить этому.—Ей вдругъ припомнился послѣдній спектакль ея въ Москвѣ, когда ей шикали и свистали. Но какъ это шиканье, такъ поразившее и возмутившее ее тогда, было лучше тѣхъ жиденькихъ, лѣнивыхъ апплодисментовъ, которыми ее проводили сегодня! Тогда это была месть, ревность, наказаніе ей отъ оскорбленной ея измѣной толпы, а сегодня это было просто обидное, полупрезрительное равнодушіе къ ней.

И ей стало такъ стыдно, такъ мучительно стыдно самой себя, что она вспыхнула до слезъ и быстро закрыла лицо руками и отвернулась отъ зеркала, предъ которымъ стояла, чтобы только не видѣть своего лица, которое стало ей въ эту минуту противно.

И все это изъ-за него, это онъ постепенно убилъ въ ней артистку!—Господи, неужели же это правда?.. неужели же мой талантъ, этотъ прекрасный талантъ, который я обожала въ самой себѣ, который былъ до сихъ поръ моимъ счастіемъ, моей гордостью, погибъ совсѣмъ, погибъ безъ возврата! Такъ нѣтъ же!—

воскликнула она вдругъ страстно и рѣшительно.—Нѣтъ, я брошу его—и снова вернется ко мнѣ мой талантъ! Нѣтъ, брошу! брошу! —крикнула она почти съ ненавистью, сжимая руками сердце, потому что почувствовала, какъ мучительная тоскливая боль снова заныла въ немъ, едва она сказала эти слова.

— А!—говорила она себѣ съ какимъ-то злорадствомъ, и не столько себѣ, какъ тому другому существу, той „женщинѣ", которую такъ презирала и ненавидѣла въ себѣ и которую до сихъ поръ все-таки не могла осилить въ себѣ.—А! такъ ты думала, что я всегда буду подчиняться тебѣ, что у меня совсѣмъ ужъ нѣтъ больше воли бороться съ тобой! Такъ лжешь же, лжешь! Я на зло тебѣ брошу его и не дамъ тебѣ больше властвовать надъ собою. А! тебѣ больно! А мнѣ, мнѣ не больно?—И она встала съ гнѣвно горящими глазами и неколеблющимися шагами вышла изъ своей уборной и пошла прямо къ Барсукову.

Барсуковъ былъ одинъ и, стоя уже переодѣвшись передъ зеркаломъ, повязывалъ себѣ галстухъ. Онъ удивился, увидѣвъ ее въ дверяхъ, и удивился не столько ея приходу, сколько тому жестокому, странному выраженію, которое было въ ея лицѣ.

— Послушай,—сказала она глухо:—я ѣду!

Онъ молча посмотрѣлъ на нее удивленными, даже растерянными глазами, и сразу понялъ, что съ ней и что повліяло на ея рѣшеніе. Но ему сейчасъ же пришло въ голову, что это говоритъ въ ней простой порывъ перваго непріятнаго впечатлѣнія, а завтра она опять опомнится и откажется.

— Нѣтъ, Оленька,—сказалъ онъ, съ сожалѣніемъ и недовѣріемъ покачивая головой:—не поѣдешь ты, милая.

— Нѣтъ, поѣду! — крикнула она, гнѣвно ударяя рукой по столу.—Поѣду,—повторила она тише, но еще тверже:—ты видѣлъ, что было сегодня... Какъ же мнѣ не ѣхать? Нѣтъ, бѣжать, бѣжать, пока еще не все пропало!

Но она не договорила и вдругъ страстно зарыдала, уронивъ голову на руки.

Барсуковъ съ глубокой жалостью смотрѣлъ на нее. Онъ растерянно то кидался за водой, то принимался, какъ ребенокъ ласкаясь, успокоивать ее... Она и сама скоро успокоилась, выпивъ воды, встала и хотѣла выйти. Но Барсуковъ съ замѣшательствомъ остановилъ ее.

— Только, Оленька, какъ же,—началъ онъ смущенно:—вѣдь я завтра ѣду, у меня ужъ все готово...

Она остановилась на мгновеніе въ дверяхъ, и по лицу ея раз-

лилось опять выраженіе боли и страданія, но она пересилила себя и слабо махнула рукой.

— И я завтра,—проговорила она дрогнувшимъ голосомъ и, шатаясь, какъ бы послѣ болѣзни, вышла отъ него.

XXVII.

— Что! что такое?—съ ужасомъ спросила себя Ольга, внезапно просыпаясь на другой день съ безотчетнымъ сознаніемъ какого-то несчастія и щемящей болью на сердцѣ.

Но она сейчасъ же все вспомнила и со стономъ упала опять на подушки.

— Неужели же все кончено? Неужели же я дѣйствительно уѣду?—спросила она себя, вся холодѣя отъ мучительной тоски при одной этой мысли.

— Нѣтъ, зачѣмъ я проснулась... еще рано; можетъ быть, это только сонъ?.. я еще проснусь... ахъ, нѣтъ, заснуть бы лучше опять, чтобы не помнить, не думать. Боже мой, Боже, дай мнѣ силу! но развѣ нельзя оставить все какъ есть, какъ было?.. зачѣмъ же я вдругъ это рѣшила? вѣдь онъ еще ничего не знаетъ. Нѣтъ, что же я! опять за эту муку! О, подлая!—съ ненавистью къ себѣ и къ своему безсилію воскликнула она, нарочно вскочила и начала одѣваться нервно, поспѣшно, точно торопясь уѣхать сейчасъ же.

— Нѣтъ ужъ, довольно, одинъ конецъ по крайней мѣрѣ, одинъ конецъ,—говорила она, почти радуясь, что нашла наконецъ этотъ конецъ, на который такъ долго не могла рѣшиться.

— Да, но вѣдь чему конецъ?—спросила она себя вдругъ съ ужасомъ: — съ нимъ конецъ! съ нимъ... нѣтъ, нѣтъ, о немъ не надо думать. Боже мой, помоги мнѣ не думать! Если начну думать о немъ, опять все рушится. Настя, Настя!—закричала она, точно нарочно отрѣзая себѣ всѣ пути отступленія.—Ну, что, укладываешься? скорѣй укладывайся... дай мнѣ вотъ это... нѣтъ, тотъ, какъ его... пеньюаръ мой сѣрый! Да кофе! нѣтъ, не надо кофе... я сама сейчасъ приду помогать тебѣ. Иди же, иди скорѣй! Да вотъ это еще на, захвати.

Она нервно, наскоро собирала разныя вещи и совала ихъ Настасьѣ, а черезъ секунду брала ихъ назадъ и давала другія.

— Да ужъ вы, матушка, не безпокойте себя, все уложу!— робко и радостно, видимо боясь вѣрить такому счастью и бо-

также какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ еще больше разстроить свою барыню, сказала Настасья, забирая съ собой вещи.

— Ну, такъ иди, иди тогда скорѣе!—нетерпѣливо прервала ее Ольга. Она уже забыла, что сама же позвала ее и хотѣла опять только скорѣе остаться одна.

Но когда Настасья вышла, она машинально остановилась посреди комнаты и стояла такъ нѣсколько минутъ, ни о чемъ не думая, съ тупымъ, безжизненнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Да, такъ что же я!.. надо же укладываться, — подумала она, вдругъ точно очнувшись, и снова мучительная боль сжала ея сердце.—Боже мой, да неужели же я никогда больше не увижу его! Опять! но не надо же, не надо! Пойду лучше помогать Настѣ. Только не думай, не думай, ничего не думай!—повторяла она, точно обращаясь къ кому-то другому. И она вышла въ залу, гдѣ уже стояли раскинутые сундуки и чемоданы, подлѣ которыхъ возились Настасья и Марѳа, и начала молча, все съ тѣмъ же безжизненнымъ выраженіемъ въ лицѣ, слѣдить за ними глазами.

— Оленька, да ты бы чайку выпила,—робко сказала Пелагея Семеновна, входя въ залу и боязливо взглядывая на дочь.

Но Ольга вздрогнула и поспѣшно отвернулась отъ нея.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, уйдите пожалуйста!—проговорила она, морщась какъ отъ боли. Почему-то самый видъ матери былъ непріятенъ ей теперь, и она избѣгала глядѣть на нее.

Настасья тоже на минуту оглянулась и молча съ укоромъ замахала Пелагеѣ Семеновнѣ, показывая, чтобы та лучше ушла.

— Ну, ну, я не буду, я уйду!—покорно сказала Пелагея Семеновна. Она за послѣдній годъ постояннаго нервнаго волненія дочери стала бояться ея и еще больше подчинялась ей во всемъ. Теперь же, радуясь, что Оленька рѣшилась наконецъ покончить „съ нимъ“, она все готова была простить ей и перенести отъ нея.

Но какъ только Пелагея Семеновна вышла, Ольга тоже повернулась и ушла опять къ себѣ. Она чувствовала, что всѣ и все ей противно и непріятно, и она никого не можетъ видѣть.

— Ужъ вы ихъ теперь, матушка, не трогайте, пусть ихъ успокоятся... сами видите, какъ онѣ тревожатся,—какъ бы оправдывая свою барыню, сказала Настасья, когда Пелагея Семеновна, увидѣвъ, что дочь ушла, вернулась обратно въ залу и, присѣвъ на кончикъ стула, вытерла платкомъ слезинки на глазахъ.

— Богъ ужъ съ ней!—сказала она, печально вздыхая, хотя лицо ея въ сущности было скорѣе довольное, чѣмъ грустное:—

что мнѣ ее трогать... только, конечно, обидно мнѣ... вѣдь я мать ей, а она отъ меня какъ отъ чужой сторонится...

— А ужъ это, сударыня, такое дѣло! — весело вмѣшалась толстая Марѳа:—ужъ какъ милъ-сердешный другъ заведется, такъ ужъ тутъ ни батюшки, ни матушки, ни родимаго брата не пожалѣешь!

Раздался звонокъ. Это запыхавшійся Барсуковъ забѣжалъ узнать, не передумала ли Ольга.

— Ну что? — тревожно еще въ дверяхъ спросилъ онъ у Настасьи: —какъ она?

— Да ничего, батюшка!—шопотомъ отвѣтила та:—пока-то все еще благополучно, вотъ сбираемся!

— А! ну, значитъ, ѣдетъ!—воскликнулъ онъ, просіявъ:—ну, слава Богу, а я, признаться, побаивался, какъ бы не того...

— Ну, да вѣдь это какъ сказать,—съ сомнѣніемъ проговорила Настасья:—пока-то ѣдетъ, а уѣдетъ ли—это-то, батюшка, одинъ Богъ знаетъ; потому поди-ка и сама Ольга Львовна о томъ неизвѣстна! Ну, да никто какъ Богъ; Богъ дастъ и не отдумаетъ.

— Да ужъ давай Богъ!—со вздохомъ, видимо и самъ не очень-то на это полагаясь, сказалъ Барсуковъ.

— Ну что, мамаша, какъ дѣла?—спросилъ онъ, входя въ залу и шутливо цѣлуя ручку Пелагеи Семеновны.

— Да что, Вася, ужъ и сама не знаю право, радоваться мнѣ или плакать! Теперь опять въ какомъ мы положеніи остаемся! и что, и какъ будетъ, ничего вѣдь не знаю! Сюда ли опять же вернется, или въ Москву назадъ поѣдетъ, или въ провинцію куда! Ничего какъ есть неизвѣстно! Къ ней и не подступись; только и весь сказъ, что „напишу“; а подумала бы, каково мнѣ-то теперь тоже!—сказала Пелагея Семеновна, начиная всхлипывать:—вѣдь со всѣми дѣтьми для нея разсталась, весь домъ, на старости лѣтъ, тогда бросила, отъ могилы покойничка моего уѣхала—все вѣдь ради нея, а какая мнѣ отъ нея за это благодарность или уваженіе? Только и слышу, что уйдите, да отстаньте, а вѣдь я мать!..—И Пелагея Семеновна окончательно расплакалась, обрадовавшись, что нашла себѣ слушателя, съ которымъ могла отвести себѣ сердце, потому что никто другой не хотѣлъ обращать на нее вниманія и всѣ занимались только Ольгой да думали о томъ, какъ бы ее хуже не разстроить.

— Ну, что дѣлать, мамахенъ!—ласково сказалъ Барсуковъ:—она теперь вѣдь въ горѣ, надо и ее пожалѣть, ей ужъ ни до кого... А вотъ, погоди, тамъ она въ путешествіи-то у насъ поотой-

деть да поуспокоится понемножку, такъ и снова прежней нашей Оленькой станетъ...

— Да нѣтъ, Васенька, ну, ты хоть о томъ посуди, что̀ я теперь съ квартирищей-то этой дѣлать буду? Продавать ли все и бросать ее, благо срокъ контракту вышелъ, или опять же за собой оставлять? Господи Боже ты мой, что это за любви нынче непокойныя какія-то все пошли; мечутся, мечутся, ровно угорѣлые, прости Господи, да и чувства-то у нихъ все какія-то совсѣмъ особенныя, не такія, какъ въ старину-то, въ наше время бывали! И мы любили, и съ нами грѣхи случались, да только ужъ не фокусничали такъ, какъ эти нынѣшніе-то стали.

— Да, — сказалъ Барсуковъ, смѣясь: — чувства, мамаша, мудреныя пошли! это вы вѣрно говорить изволите! Да! такъ — что̀ за коммиссія, значитъ, Создатель, быть взрослой дочери отцомъ! И онъ разсмѣялся, а чтобы поразвеселить и приласкать немножко пріунывшую старушку, крѣпко обнялъ ее и нѣжно расцѣловалъ ея пухленькія ручки.

Но тутъ раздался новый звонокъ. Теперь пріѣхала Милочка, которой Настасья обо всемъ уже успѣла дать знать.

— Что у васъ такое?.. Здравствуйте, мамаша! здравствуй, противный! — сказала она, второпяхъ здороваясь съ ними и съ испуганнымъ изумленіемъ оглядывая на половину уже уложенные сундуки.

— Господи! да съ чего же это все? и когда же это рѣшилось? Вѣдь я третьяго дня еще была, и ровно ничего такого не предполагалось!

Ее усадили и тихонько, боясь каждую минуту, какъ бы не вышла Ольга, разсказали, какъ вышло дѣло.

— Господи ты Боже мой! — растерянно повторяла Милочка, слушая ихъ и почти даже не вѣря этому внезапному отъѣзду.

— Да гдѣ же она сама-то? — спросила она шопотомъ.

Ей тихонько, больше глазами, показали въ сторону гостиной, изъ которой виднѣлась дверь въ Ольгину комнату.

Всѣ сидѣли на чемъ попало; Милочка забыла даже раздѣться; говорили осторожнымъ шопотомъ, какъ говорятъ въ домѣ, гдѣ есть опасно больной.

— Да что же она тамъ дѣлаетъ? — тихонько, почти со страхомъ косясь на дверь сестры, спросила опять Милочка; но на это не отвѣтилъ ей никто, потому что въ комнатѣ Ольги было совсѣмъ тихо и даже не слышалось шаговъ ея.

— Ему вѣрно пишетъ! — предположила Настасья: — вѣдь онъ-то еще ничего не знаетъ!

— Не ожидаетъ сюрпризца-то?—засмѣялся, лукаво подмигивая ей, Барсуковъ.

— Вотъ ужъ именно что сюрпризецъ!—сказала, засмѣявшись, Настасья, и въ лицѣ ея мелькнуло злорадное, торжествующее выраженіе.

Милочка тоже разсмѣялась при этихъ словахъ, мысленно представивъ себѣ физіономію Чемезова, когда онъ узнаетъ объ этомъ „сюрпризцѣ", и даже заплаканная Пелагея Семеновна слегка улыбнулась.

— Не пойти ли мнѣ къ ней?—предложила Милочка; но на нее только всѣ испуганно замахали руками.

— Нѣтъ, ужъ не троньте...—Оставь, не безпокой...

— Да что же, совсѣмъ она съ нимъ по крайней мѣрѣ расходится, или только на это время?—спросила она у Барсукова.

— Ну, ужъ это Аллахъ вѣдаетъ!—сказалъ тотъ, пожимая плечами.—Я вчера-то, какъ провожать ее пошелъ, такъ тоже, правду сказать, не выдержалъ, о томъ же спросилъ. Нахмурилась вся, даже побѣднѣла; „нѣтъ,—говоритъ,—ужъ коли ѣду, такъ совсѣмъ!"—А впрочемъ, вѣдь, кто же ее знаетъ!

— Ну, нѣтъ ужъ это будьте покойны!—сказала Настасья, приподнимая отъ сундука голову:—я Ольгу Львовну доподлинно знаю! Это ей только рѣшиться трудно, а ужъ коли рѣшилась, такъ хоть бы что, а ужъ она со своего не сойдетъ!

— Да, это правда,—задумчиво согласилась Милочка:—это правда...

— Ахъ, дай-то Богъ!—съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ заговорила Пелагея Семеновна:—ужъ по крайней мѣрѣ одинъ конецъ какой-нибудь, а то съ этой любовью ихней и я-то совсѣмъ замучилась!

— „Съ неспокойною любовью!"—подсказалъ ей, посмѣиваясь, Барсуковъ.

— Да ужъ какой же въ ней покой...

Но въ эту минуту отворилась дверь Ольгиной комнаты, и она вышла оттуда уже совсѣмъ одѣтая въ шляпѣ и пальто.

— А! Милочка, ты здѣсь? а я и не знала. Здравствуй, Бурся!—сказала она, спокойно улыбаясь и притворяясь, что не замѣчаетъ того испуганнаго замѣшательства, которое выразилось при входѣ ея на всѣхъ лицахъ.—Такъ ѣдемъ?—продолжала она съ видимо напускнымъ оживленіемъ и съ улыбкой кивнула головой на раскрытые сундуки. Во всей ея фигурѣ, въ голосѣ, въ движеніяхъ, во взглядѣ чувствовалось что-то неспокойное, нервное; но лицо, напротивъ, было спокойно и даже весело.

Она остановилась подлѣ ихъ стульевъ и, наклонивъ голову

и слегка хмурясь отъ маленькаго усилія, застегивала свои новыя перчатки.

— Да, Милочка, не ожидала?—быстро, все съ той же обманчивой улыбкой, но не глядя ни на кого, заговорила она:—вотъ рѣшили вчера съ Васей... ты пожалуйста побереги мамашу... Вамъ, мама, лучше всего бы къ ней переѣхать...

— Конечно, конечно,—живо подхватила Милочка:—поѣдемте, мама, ко мнѣ! вамъ гораздо удобнѣе такъ будетъ... что же тутъ одной сидѣть!—и, говоря это, Милочка также волновалась въ душѣ и также боялась глядѣть на сестру.

— А какъ же квартира-то, Оленька?—робко начала-было Пелагея Семеновна; но Ольга болѣзненно наморщилась и быстро перебила ее.

— Послѣ, послѣ, мама... я вамъ напишу. Да, впрочемъ, нѣтъ!—прибавила она вдругъ рѣшительно:—сдавайте, а мебель продайте...

И она отвернулась отъ всей этой мебели, видъ которой былъ ей, вѣроятно, мучителенъ своими воспоминаніями, и съ какой-то странной усмѣшкой махнула на все рукой.

— Такъ значитъ...—обрадованно заговорила опять Пелагея Семеновна, но Ольга опять не дала ей досказать и съ нервной гримаской перебила ее.

— И тебѣ, Милочка... я тоже напишу... съ дороги... а то теперь... столько еще разныхъ дѣлъ, все равно... толкомъ ничего не разскажешь... Ну, такъ до свиданія, значитъ! —заторопилась она, чувствуя, что ничего больше не можетъ сказать безъ того, чтобы не задѣть такъ мучительно болѣвшаго въ душѣ ея мѣста.

— Да ты куда же, Оленька... отчего же даже не кушавши?..

— Ахъ нѣтъ, мама, нѣтъ, я не хочу... у меня еще столько дѣла!—сказала она, придумывая внезапно для себя самую естественную, подходящую ложь.

— Ты... значитъ... скоро вернешься, Оленька?—не безъ тревоги, но боясь выдать ей эту тревогу, спросилъ Барсуковъ.

— Да, да, конечно, скоро, очень скоро... черезъ часъ или полтора,—сказала она, уже забывъ свою фразу о томъ, сколько у нея будто бы дѣла.

— Ну, до свиданія... вы тутъ укладывайтесь,—прибавила она, точно успокаивая ихъ всѣхъ, и улыбнулась опять, прощаясь съ ними улыбкой, болѣзненная дѣланность которой теперь была еще болѣе замѣтна.

Когда она вышла, всѣ вздохнули точно съ облегченіемъ и заговорили разомъ, перебивая другъ друга.

— Право, она мнѣ что-то не нравится,—со страхомъ сказала Милочка:—что-то есть въ ней... ненормальное... подозрительное.

— Еще не сдѣлала бы чего, храни Господи, надъ собой!—съ отчаяніемъ воскликнула Пелагея Семеновна, и всѣмъ на минуту стало какъ-то жутко, они испуганно переглянулись другъ съ другомъ, а Настасья, вся поблѣднѣвъ, вдругъ вскочила съ колѣнъ и отбросила отъ себя то самое прелестное бальное платье Ольги, надъ которымъ она только-что трудилась, стараясь получше уложить его.

— Охъ, побѣгу я лучше за ними!—сказала она, съ испугомъ смотря на всѣхъ.

— Ну, вотъ, да куда же ты побѣжишь? вѣдь она уже уѣхала давно навѣрно!—сказала практичная Милочка, хотя въ душѣ ея былъ такой же страхъ, какъ и у Настасьи.

Барсуковъ опомнился первый и началъ всѣхъ успокаивать, говоря, что очень естественно, если женщина волнуется при подобныхъ обстоятельствахъ, но что изъ этого совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что она сейчасъ же Богъ знаетъ чего натворитъ съ собой.

— Все, Богъ дастъ, пройдетъ и обойдется вполнѣ благополучно! — сказалъ онъ, ласково пожимая руку встревоженной Пелагеи Семеновны; но она только печально качала головой и, казалось, не очень-то довѣряла этимъ утѣшеніямъ.—А я,—сказалъ Барсуковъ,—труппу-то только завтра отправляю; Рыкалова безъ меня всѣхъ ихъ устроитъ и привезетъ, а то пожалуй еще на народѣ-то только хуже будетъ. Стѣснять будутъ; со мной-то она не стѣсняется теперь, такъ я и подумалъ, что первый день пускай-ка лучше кромѣ меня да Настасьи никого подлѣ нея не будетъ.

— Ахъ, Боже ты мой, Боже!—сказала, заплакавъ опять, Пелагея Семеновна:—вотъ и посудите сами, легко ли мнѣ на все это глядѣть!

XXVIII.

— Да, но куда же я пойду?—съ недоумѣніемъ спросила себя Ольга, выйдя на улицу.—Вѣдь мнѣ некуда идти...—и она съ отвращеніемъ посмотрѣла на всѣ эти дома и улицы, по которымъ столько разъ ходила и которые вдругъ стали ей противны теперь.—Вѣдь для меня есть только одно мѣсто, куда меня всегда тянетъ и куда и теперь бы только пошла я охотно—

это къ нему! А все остальное мнѣ противно и ненужно. Но къ нему мнѣ больше нельзя, значитъ мнѣ некуда идти... Ну, пойду вотъ туда, только не по этимъ всѣмъ улицамъ, гдѣ столько народу, а куда-нибудь, гдѣ я еще не была. Да,—сказала она, почти съ ненавистью и злостью вглядываясь въ проходившихъ мимо нея, — да, вотъ для васъ, для всѣхъ васъ, которыхъ я даже не знаю и которымъ все равно до меня, я бросаю его, отрекаюсь отъ своей любви, ломаю, коверкаю и свою и его жизнь, и все это для васъ, чтобы только сохранить себѣ ваше поклоненіе, вашу непрочную, жалкую любовь, которая есть сегодня и проходитъ завтра! А что вы мнѣ дадите за это? А что если опять только обманете, какъ обманывали уже стольких и даже меня же самое? Если я опять кромѣ этого тупого равнодушія, какъ вчера, ничего больше уже не найду въ васъ? О, какъ я всѣхъ васъ тогда возненавижу! Да я и теперь уже ненавижу васъ... ненавижу за то, что ради васъ добровольно отказываюсь отъ него, въ которомъ весь смыслъ, все счастье моей жизни,—не той жизни, которую я всю посвятила и отдала вамъ, а той маленькой части ея, которая уже моя собственность, которая принадлежитъ мнѣ самой да ему... А теперь я даже и этотъ послѣдній, жалкій кусокъ кидаю вамъ! О, конечно, вы скажете: намъ-то какое дѣло! развѣ мы просили этого! развѣ у насъ нѣтъ другихъ кромѣ ея, которые забавляютъ и тѣшатъ насъ! О, конечно, не просили; конечно, есть! Развѣ я васъ не знаю! Сегодня вы всѣ будете восхищаться мной, а завтра закидаете грязью и побѣжите за другими, новыми, чтобы восхищаться этими другими, а потомъ забросаете грязью и насмѣшками точно также и ихъ и побѣжите за третьими! Что мы въ сущности для васъ такое? Развѣ мы имѣемъ какое-нибудь серьезное значеніе въ вашей жизни, въ вашихъ удовольствіяхъ даже! Мы для васъ—простые гаеры, фигляры, которые важны и интересны вамъ пока только забавляютъ васъ! А между тѣмъ мы, эти жалкіе фигляры, разъ отвѣдавъ вашей лести, вашего поклоненія, уже не можемъ жить больше безъ васъ и вашихъ рукоплесканій, которымъ сами знаемъ цѣну... Да, знаемъ цѣну и все-таки же, какъ глупыя, тщеславныя дѣти, бѣжимъ за вами, все для васъ бросаемъ, отрекаемся отъ всего дорогого, чтобы только служить вамъ и добиваться вашихъ милостей! Боже мой, да развѣ вы стоите того, чѣмъ я жертвую теперь для васъ! Ну, что я имъ и что всѣ они мнѣ... а для него я вся радость жизни... Сегодня я сойду со сцены и чрезъ полгода они даже не вспомнятъ меня, придумавъ себѣ новыя игрушки и

выбравъ новыя забавы, а у него разбивается вся жизнь, та жизнь, въ которой счастье моей собственной!..

И она остановилась, какъ бы рѣшаясь вернуться назадъ, но не вернулась, а постоявъ секунду, мрачно задумавшись, пошла опять дальше съ какимъ-то точно презрѣніемъ на лицѣ и къ себѣ самой, и ко всѣмъ этимъ людямъ, что сновали вокругъ нея.

— Нѣтъ, ужъ все кончено!—подумала она съ горечью: — теперь уже поздно!—Хотя почему поздно, когда она не успѣла еще уѣхать, и онъ даже не зналъ ни о чемъ—она не могла бы объяснить и только инстинктомъ чувствовала, что это такъ и что этому надо покориться.—Ну, вотъ я и покорила въ себѣ эту женщину, которая осмѣлилась полюбить человѣка больше всякихъ призваній и талантовъ своихъ, и которую я такъ ненавидѣла и презирала за это. Ну, что же, посмотримъ, будетъ ли отъ этого лучше!—Теперь она уже не ненавидѣла въ себѣ эту женщину, но, сознавая, что уничтожила ее, чувствовала такую тоску и жалость къ ней, какъ если бы похоронила только-что самую любимую дорогую сестру свою.

Она машинально, не заботясь и не интересуясь знать, куда идетъ, шла все дальше и дальше, по какимъ-то незнакомымъ ей улицамъ, ощущая потребность идти, чтобы только оставаться одной и думать на свободѣ о всемъ томъ, что такъ болѣло въ душѣ ея. Вдругъ она вспомнила, что обѣщала скоро вернуться назадъ, чтобы помогать укладываться. Но мысль эта была ей противна. Всѣ домашніе были ей тягостнѣе и непріятнѣе, чѣмъ всякіе посторонніе.

— Неужели надо вернуться? нѣтъ, нѣтъ, притворяться съ ними... — подумала она съ отвращеніемъ. Но притворялась она не для нихъ, а для себя, для того только, чтобы они не могли жалѣть ее, давать совѣты и утѣшать.

На поворотѣ какой-то улицы ей мелькнула въ глаза красная шапка посыльнаго.

— Я напишу имъ лучше!—придумала она, обрадовавшись, что нашла средство избавиться отъ возвращенія. И остановивъ посыльнаго, она взяла клочокъ бумаги изъ его книжки и написала своимъ быстрымъ нервнымъ неразборчивымъ почеркомъ:

„Не дожидайтесь меня, укладывайте все сами и отправляйте. Я пріѣду прямо на вокзалъ къ поѣзду. — Ольга“.

Сдѣлавъ это, она почувствовала себя снова свободной и съ облегченіемъ вздохнула.

— Ну, теперь куда? а, да такъ, куда глаза глядятъ,—не все ли мнѣ равно!..

Она безсознательно старалась держаться только немноголюдныхъ и незнакомыхъ ей улицъ, гдѣ ей не могли встрѣтиться на каждомъ шагу знакомые, одна мысль о которыхъ приводила ее чуть не въ содроганіе. Проходя мимо какого-то маленькаго часового магазина, она увидѣла, что была уже половина четвертаго, и это удивило ее. Неужели же она проходила уже три часа! Но, несмотря на это, она не чувствовала ни усталости, ни голода, хотя со вчерашняго дня еще ничего не ѣла.

— А онъ... онъ ничего не знаетъ... онъ теперь въ департаментѣ. Но отчего мнѣ не увидѣть его еще разъ, хоть на одну минуту только? О, милый, милый мой, поймешь ли ты когда-нибудь, чего мнѣ это стоило! Простишь ли?

— Нѣтъ, — сказала она твердо, не желая обманывать себя больше:—нѣтъ, и не поймешь, и не простишь, и не узнаешь даже никогда. Не простишь уже потому, что я дѣлаю это тайкомъ, обманомъ, какъ убійца, изъ-за угла наношу ему ударъ! А между тѣмъ развѣ могу я сказать ему прямо, открыто! Да если бы я пошла теперь къ нему и призналась, что задумала, да развѣ онъ пустилъ бы меня! да и я сама развѣ въ силахъ была бы тогда уѣхать отъ него!.. Еще съ собой, со своими страданіями, я могу кое-какъ справиться; но съ нимъ, предъ его страданіемъ, я опять потеряю и послѣднюю силу воли... и тогда уже все рушится потому, что очень можетъ быть, что онъ тогда заставитъ меня окончательно бросить сцену, и я брошу, потому что послѣ этого порыва, послѣ этого напряженія воли у меня и послѣднія силы для борьбы исчезнутъ. Онъ говоритъ: чрезъ годъ! Да развѣ для меня это возможно; чрезъ годъ я еще сильнѣе привяжусь къ нему; нѣтъ, нѣтъ; если ужъ бросать его, если ужъ спасать себя какъ артистку, то именно сейчасъ, теперь же, пока еще не все пропало. Да, но зато я навсегда останусь въ его памяти низкой, подлой женщиной, которая такъ ужасно обманула его... И конечно, онъ станетъ презирать и ненавидѣть меня... и употребитъ всѣ усилія, чтобы скорѣй забыть меня,—и забудетъ; конечно, забудетъ... и полюбитъ послѣ другую, съ которой всегда будетъ счастливъ, которая уже не станетъ его обманывать; и онъ всегда, всегда будетъ любить ее, а меня ненавидѣть и презирать... ненавидѣть и презирать и презирать... О, Боже мой, Боже мой! да что же мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?

И она опять съ отчаяніемъ остановилась, не зная, идти ей дальше или вернуться, скорѣй, скорѣй, пока еще не поздно, къ нему.

Она была на какой-то большой незнакомой ей площади, повидимому на одной изъ окраинъ города; передъ ней высился прекрасный бѣлый соборъ, ярко вырисовывавшійся на голубомъ, прозрачномъ небѣ своими легкими, граціозными очертаніями.

— Церковь... —сказала она, машинально прислушиваясь къ гулко разливавшемуся благовѣсту. — Церковь... Отчего я не молюсь... вѣдь я же всегда такъ любила молиться... отчего же я теперь не молюсь? Боже мой, Боже мой, помоги мнѣ, научи меня, что мнѣ дѣлать!.. Пойду!—рѣшила вдругъ она:—можетъ, потомъ мнѣ легче будетъ.

Въ соборѣ шла вечерня, но въ немъ было почти пусто; только нѣсколько старушекъ да стариковъ чинно стояли на своихъ, видимо привычныхъ, постоянныхъ мѣстахъ.

Ольга вошла и въ первую минуту послѣ яркаго уличнаго свѣта ничего не могла разобрать въ тонувшихъ и сливавшихся въ полумракѣ очертаніяхъ храма. Свѣтъ падалъ только сверху, косыми лучами, игравшими на солнцѣ милліонами безчисленныхъ, крутящихся въ свѣтлой полосѣ воздуха, пылинокъ, да кое-гдѣ предъ образами теплились огненными язычками тоненькія восковыя свѣчки, пламя которыхъ почти не распространяло свѣта.

Ольга стала въ темномъ одинокомъ углу за колонной, гдѣ никого почти не было, предъ большой, съ потемнѣвшимъ отъ времени ликомъ, иконой Спасителя, закованной въ тяжелую серебряную ризу.

Она стояла и прислушивалась къ глухо разливавшемуся въ пустомъ пространствѣ голосу дьячка, одиноко читавшаго на клиросѣ и словъ котораго почти нельзя было разобрать. Изрѣдка слышался, откуда-то далеко дребезжащій, старческій голосъ священника, нараспѣвъ произносившаго какія-то слова церковной службы. Она стояла и слушала, но молитвеннаго настроенія, того прекраснаго, какъ бы приподнимающаго отъ земли и всего земного растроганнаго настроенія, которое она такъ любила въ себѣ, не было въ душѣ ея. Обрывки отрывочныхъ, болѣзненныхъ мыслей попрежнему проносились въ мозгу ея, и сердце ея ныло тяжелой, тупой тоской.

Неподалеку отъ нея стояла маленькая, чистенькая, благообразная старушка въ платкѣ и капорѣ и, приподнявъ на образъ свое кругленькое доброе лицо съ чуть слезящимися глазками, усердно молилась, что-то беззвучно шепча губами, и, низко кланяясь въ землю, осѣняла себя неторопливымъ крестомъ.

— Вотъ эта молится... эта умѣетъ молиться...—съ завистью смотря на нее, думала Ольга:—для нея все просто и ясно. И

въ душѣ ея миръ и покой; а я нигдѣ не могу найти себѣ этого мира и покоя. „Аще кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, не войдетъ въ него“... вспомнился вдругъ ей стихъ писанія.

— Да,—сказала она:—какъ дитя; и она, эта благообразная, чистенькая старушка—тоже дитя... Можетъ быть, только старость и даетъ этотъ миръ и покой душевный, когда затихаютъ всѣ страсти, исчезаютъ всякія желанія и стремленія, и жизнь уже дѣлается не сложной, страстной борьбой, а чѣмъ-то тихимъ, покойнымъ; но я не хочу ни старости, ни смерти... Отчего у меня всегда была эта ненасытная жажда, жадность къ этой жалкой, ничтожной жизни? отчего даже и теперь, когда во всемъ моемъ существѣ одна только мука и страданіе, я все-таки, не смотря ни на что, не могу отказаться отъ нея?! Смерть!—прошептала она и вся содрогнулась отъ ужаса и какого-то непріятнаго, вдругъ пробѣжавшаго по всему ея тѣлу, леденящаго холода: —какое страшное, загадочное слово! Нѣтъ, нѣтъ, все, только не смерть... Но о чемъ она такъ молится? о чемъ ей молиться?—снова подумала она, взглянувъ на старушку: —что ей въ жизни можетъ быть еще важно, интересно?.. О дѣтяхъ вѣрно, о внукахъ... конечно, о другихъ... а я все о себѣ только... или о мужѣ-покойникѣ... И для меня онъ умеръ тоже... только съ тою разницей, что для нея, если онъ у нея дѣйствительно умеръ, все же есть глубокая вѣра и надежда на новое свиданіе съ нимъ, на какую-то новую, недоступную ей здѣсь, но ожидающую ее зато тамъ жизнь съ нимъ опять; а для меня, хотя онъ и не умеръ въ дѣйствительности, уже не будетъ никакихъ надеждъ...

— „Просите и дастся вамъ“,—долетѣли до нея слова священника.

— Просите,—повторила она, прислушиваясь къ нимъ:—но развѣ я знаю, что мнѣ просить; я сама не знаю, чего хочу, чего молить мнѣ. Вотъ она знаетъ, чего просить, о чемъ ей молиться, да и не она одна, а всѣ эти, и старые и молодые, что стоятъ тутъ, тоже вѣрно знаютъ, чего просятъ, о чемъ молятся, — а я не знаю. И какое спокойное, понимающее себя выраженіе на этомъ сморщенномъ, жалкомъ личикѣ!

— Боже мой, Боже мой!—сказала она, поднимая глаза къ темному лику Спасителя:—дай и мнѣ понять себя, дай мнѣ забыть его, не думать о немъ!.. Боже мой, Боже мой, Ты видишь, я сама не знаю, что мнѣ дѣлать, что я должна дѣлать: уйти отъ него или остаться съ нимъ!.. Научи меня, пощади меня... Да, да, я грѣшница, грѣшница,—сказала она съ покор-

ностью, какъ бы отвѣчая кому-то, кто точно обвинялъ ее въ грѣхѣ и говорилъ ей, что она недостойна милости Божіей.

— Грѣшница, грѣшница,—повторила она съ ужасомъ,—и молитва моя грѣшная, и о грѣшномъ. О, Господи, Господи, прости, прости меня!..—И сознаніе своей безконечной грѣховности такъ страстно охватило ее вдругъ, что она въ какомъ-то страхѣ упала на колѣни и закрыла лицо руками, какъ бы не смѣя глядѣть на ликъ Того, Кто вдругъ точно явился предъ ней строгимъ, все видящимъ и все знающимъ Судьей ея.

— Боже мой, Боже мой, прости меня! —повторяла она, рыдая.

И все то, что прежде ни на одну минуту не смущало ее, что казалось ей только радостями и удовольствіями жизни, предстало ей теперь такимъ страшнымъ, незамолимымъ грѣхомъ, что она самой себѣ внушала ужасъ и отвращеніе.

— Вся, вся въ грѣхѣ... вся въ мерзости... о, окаянная... о, мерзкая... Боже, Боже, наказуй меня... наказуй!—молила она въ страстномъ порывѣ самобичеванія, и бичеваніе это было ей сладко, и если бы можно было, она въ минуты эти съ восторгомъ пошла бы на всякое страданіе, съ восторгомъ отдала бы тѣло свое, которое теперь ей было мерзко и ненавистно, на всякую муку и терзаніе. Вся страстная вѣра простой женщины разомъ проснулась въ ней, и она рыдала, лежа ничкомъ на каменныхъ плитахъ пола.

Вдругъ чья-то рука тихонько дотронулась до нея.

Ольга вздрогнула и подняла свое заплаканное лицо, не понимая, кто это и зачѣмъ наклонился надъ ней.

— О чемъ, сердешная, такъ убиваешься? не померъ ли у тебя кто?—ласково спросилъ ее чей-то голосъ, и Ольга узнала сморщенное лицо той старушки, что такъ усердно молилась неподалеку отъ нея.

— Ахъ, бабушка, бабушка, грѣшница я, грѣшница!—простонала Ольга и, сама не сознавая хорошенько, что дѣлаетъ, обняла старушку и, крѣпко прижавшись къ ней, заплакала еще сильнѣе.

— Что ты, ласточка?—сказала старушка, тревожно крестя ее и начиная угадывать, какое горе терзало эту молодую, красивую, такъ убивающуюся женщину.—Христосъ съ тобой, милая!—говорила она тихонько, гладя ее по головѣ: —Христосъ съ тобой! всѣ мы предъ Господомъ грѣшны, да Онъ-то многомилостивъ къ намъ... Скажи, открой мнѣ грѣхъ свой,—я человѣкъ старый, мнѣ все сказать можно... а тебѣ легче станетъ.

— Ахъ, бабушка, милая, люблю я... и бросить должна...

не могу, не могу... нѣтъ у меня силъ на то...—съ тоской сказала Ольга и ближе еще прижалась къ этой незнакомой ей маленькой старушкѣ, подлѣ которой ей точно какъ-то легче стало. Старушка тихо шептала надъ ней и какъ ребенка гладила ее своими маленькими, теплыми, сморщенными ручками, и Ольгѣ пріятно было слышать надъ собой этотъ тихій участливый шопотъ и чувствовать теплыя, ласковыя руки на своей воспаленной головѣ.

— Ахъ, дитятко, дитятко!—тихо вздыхая, сказала старушка: — и все-то у нашей сестры одно горе! Знаю, что тяжко бросить, да что дѣлать, милая, коли надо такъ... Приневоль себя... разстанься, да молись, дитятко, молись... Царицѣ Небесной, Ей молись; Она тебѣ поможетъ изъ сердца его выкинуть; а горя и страданія принять на себя не бойся... такъ, значитъ, Господу Богу угодно будетъ, чтобы ты скорбью и страданіемъ тѣмъ свой грѣхъ искупила...

Тутъ новая, свѣтлая мысль поразила Ольгу.

— Да, такъ вотъ оно! вотъ оно, мое наказаніе!—сказала она себѣ, поднимая къ образу свое измученное лицо, и радостное, просвѣтленное выраженіе промелькнуло въ немъ.—Вотъ оно, вотъ оно! — говорила она, и ей стало отрадно, что она нашла себѣ это наказаніе, о которомъ молила, въ томъ страданіи, которое ожидало ее теперь.

Ольга не замѣтила, какъ кончилась служба, какъ разошелся народъ, и старушка, постоявъ еще немного, отошла отъ нея; она все молилась и молилась теперь съ какимъ-то жаднымъ наслажденіемъ.

XXIX.

Когда Ольга вышла изъ собора, спускались уже свѣтлыя весеннія сумерки. Въ душѣ ея было покойно, почти радостно, тѣмъ растроганнымъ, точно просвѣтленнымъ какимъ-то чувствомъ, которое обхватило ее послѣ ея страстнаго, религіознаго настроенія. Она сознавала сама, какъ все въ ней успокоилось и какъ она поняла и нашла именно то, чего все не понимала и не могла найти раньше.

— Да,—повторила она съ этимъ же чувствомъ растроганной нѣжности, вспоминая слова старушки и всю ея маленькую, сгорбленную фигурку въ платкѣ и капорѣ:—въ этомъ будетъ мое покаяніе, и то, что онъ не пойметъ этого и будетъ ненавидѣть и презирать меня, пусть будетъ тоже моимъ наказаніемъ. Но от-

чего же я цѣлые мѣсяцы терзала и мучила себя и все-таки не могла ничего придумать, ни на что рѣшиться, и когда даже наконецъ рѣшилась вчера, то думала, что съума сойду отъ тоски и отчаянія, а она, эта сморщенная старушка, точно разомъ мнѣ все выяснила и облегчила и во мнѣ уже нѣтъ больше ни ужаса, ни отчаянія!.. Теперь я пойду и прощусь съ нимъ...

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила она самой себѣ на тотъ невольный страхъ сомнѣнія, который поднялся въ ней при этой мысли. Нѣтъ, ничего, теперь можно,—и она слегка даже улыбнулась на слово: „теперь“, потому что чувствовала, что теперь въ ней дѣйствительно явилась та сила, которая поможетъ ей уйти отъ него, даже увидѣвъ его. Утромъ она не рѣшилась бы на это, но теперь она даже хотѣла увидѣть его въ послѣдній разъ, его лицо, его глаза, услышать еще разъ его голосъ. Она поспѣшно пошла назадъ по этимъ улицамъ, по которымъ шла днемъ, но вспомнивъ, что не знаетъ хорошенько, какъ выйти изъ нихъ, чтобы скорѣе придти къ нему, потому что былъ уже восьмой часъ, она взяла перваго попавшагося извозчика, и тутъ только почувствовала, какъ устала за этотъ день, который весь почти проходила.

Когда она уже подъѣхала къ его дому, въ головѣ ея вдругъ мелькнуло, что его, быть можетъ, нѣтъ еще дома, и ей стало страшно думать, что она такъ и не увидитъ его больше.

— Дома баринъ?—робко, боясь услышать страшное ей „нѣтъ“, спросила она у швейцара. Но Чемезовъ былъ дома, и, вздохнувъ съ радостнымъ облегченіемъ, она поспѣшно пошла наверхъ.

„Въ послѣдній разъ!“—подумала она, оглядывая милую, такъ знакомую ей лѣстницу, и сердце ея невольно сжалось опять тоской. „Ужаснѣе всего, что я обману его... его, который такъ презираетъ всякій обманъ, всякую ложь!“

Няня молча отворила ей дверь и пропустила ее мимо себя съ тѣмъ сумрачнымъ недовольнымъ видомъ, съ которымъ всегда отворяла ей послѣ смерти Архипыча.

„Если бы она знала... Ну, вотъ, радуйтесь теперь, торжествуйте!“ съ горечью сказала Ольга мысленно не только нянѣ, но и всѣмъ его роднымъ, мелькнувшимъ вдругъ въ эту минуту въ ея памяти, и она живо представила себѣ, какъ они всѣ сначала поразятся, а потомъ обрадуются и начнутъ доказывать ему, что отъ такой злой, фальшивой, порочной женщины и ждать ничего другого нельзя было, и что это счастье даже, что она наконецъ оставила его.

Она вошла въ кабинетъ и увидѣла всю эту такъ знакомую, милую ей большую комнату, въ которой знала и любила каждую вещь, и его самого, сидящаго у письменнаго стола, освѣщеннаго лампой; вся боль и тоска разомъ поднялись въ ея успокоенной было душѣ, и она тихо вскрикнула, понявъ только тутъ со всей ужасной ясностью и силой, какую страшную пытку придумала самой себѣ.

„Да развѣ я могу уйти отсюда! бросить все это, его, его бросить!.. О, хорошо, хорошо, что я вернулась! Что, если бы я дѣйствительно уже уѣхала теперь... о, нѣтъ, нѣтъ!..“

И она съ измученнымъ восторгомъ, какъ бы рѣшаясь никогда болѣе не уходить уже отсюда, протянула къ нему руки.

„А искупленіе твое?“ вдругъ грозно спросилъ внутри ея какой-то голосъ...

— О, Боже мой, Боже! — прошептала она съ тоской и опустила руки.

— Что ты?—съ удивленіемъ спросилъ Чемезовъ, услышавъ, что она слегка вскрикнула. Онъ всталъ къ ней на встрѣчу и, потянувшись, какъ заработавшійся человѣкъ, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Нѣтъ, ничего, — сказала она растерянно: — я немного оступилась.

Онъ видѣлъ по ея лицу, что она чѣмъ-то разстроена; но за послѣднее время это такъ часто случалось съ ней, что онъ не придалъ этому никакого особеннаго значенія, подумавъ, что это опять вѣрно одна изъ ея театральныхъ непріятностей.

У него было очень много спѣшной работы, и боясь, что она опять помѣшаетъ ему заняться какъ слѣдуетъ, онъ не былъ вполнѣ доволенъ ея приходомъ.

— А ты занимался?—спросила она для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Да, у меня очень много работы къ завтрашнему дню,— отвѣтилъ онъ, глазами показывая на кипу дѣлъ въ казенныхъ синихъ оберткахъ, лежавшихъ на его столѣ.

— Я на одну минуту,—сказала она, точно оправдываясь и только сейчасъ вспоминая, что завтра у него докладной день, наканунѣ котораго они уже давно условились не видѣться.

„Это и лучше, что онъ занятъ; мнѣ труднѣе было бы уйти“,—подумала она.

— У тебя случилось что-нибудь?—спросилъ Чемезовъ, вглядываясь въ ея странное лицо. — Нѣтъ, ужъ я вижу!—недовѣрчиво прибавилъ онъ, когда она на его вопросъ отрицательно покачала головой.

— Ну, да теперь это, слава Богу, надолго кончится!—сказалъ онъ, подразумѣвая, что съ окончаніемъ сезона уменьшатся значительно и ея непріятности.

„Еслибы ты зналъ, какъ это кончится!—подумала она, съ горечью усмѣхнувшись:—о, милый мой, бѣдный, что я съ тобой дѣлаю!“

И обнявъ его, она долго вглядывалась въ его лицо, въ которомъ изучила уже каждую черту.

„Сказать?—пронеслось въ ея мысляхъ:—что, если я скажу?“ и роковыя слова такъ вертѣлись на ея языкѣ, что она едва удерживалась, чтобы не выговорить ихъ. Но онъ сдѣлалъ легкое движеніе и, поцѣловавъ ее, подошелъ опять къ своему столу, какъ бы молча прося ее дать ему заняться.

Она вспыхнула и молча нахмурилась.

„Да,—сказала она про себя,—да, еслибы ты только зналъ, ты забылъ бы о томъ, что тебѣ надо „заниматься“. Но ты не знаешь и лучше и не знай, о, милый мой, дорогой, какъ я тебя обману, какъ ты будешь ненавидѣть меня! Счастливыя!—подумала она, съ завистью взглядывая на портреты его сестеръ:—вы всегда останетесь съ нимъ, васъ онъ всегда будетъ любить и вы всѣ счастливы уже тѣмъ, что у васъ нѣтъ никакихъ талантовъ, что вы можете всегда мирно и спокойно жить въ своей семьѣ, жить для себя и для дорогихъ вамъ только людей. О, этотъ талантъ!—почти съ насмѣшкой и горечью сказала она себѣ:—какъ я счастливѣе и покойнѣе жила бы безъ него, вѣроятно!“

Въ столовой часы пробили восемь.

„Восемь!—подумала Ольга съ ужасомъ:—уже восемь, надо уходить... О, Боже мой, Боже мой, дай мнѣ силу!“

Но вмѣсто силы она почувствовала только судорожно подступающее къ ней рыданіе, и, всѣми силами сдерживая его, она поднялась и проговорила на видъ покойно, почти съ улыбкой:

— Ну, мнѣ пора.

Чемезовъ, углубившійся снова въ свои бумаги, приподнялъ отъ нихъ на минуту голову и взглянулъ на нее.

— Зачѣмъ же?—сказалъ онъ, протестуя:—можетъ быть, ты останешься, почитаешь что-нибудь, пока я займусь.

Но она разсмѣялась нервнымъ, неожиданнымъ для нея самой смѣхомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, меня ждутъ.

— Ну, какъ знаешь,—сказалъ онъ почти съ удовольствіемъ, потому что присутствіе ея невольно развлекало его, мѣшая сосредоточиться на работѣ.

— Ну, такъ до свиданія въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ, вставая, чтобы проститься съ ней; но видъ ея какъ-то нервно, загадочно улыбающагося лица удивилъ его опять.

„Что съ ней? — подумалъ онъ: — опять какая-нибудь непріятность вѣрно тамъ въ театрѣ; охъ, ужъ когда это кончится!“

— Ну, я вижу, — сказалъ онъ вслухъ, — что что-то есть; ты мнѣ завтра разскажешь, въ чемъ было дѣло.

— Да, да, завтра,—сказала она и засмѣялась рѣзкимъ, непріятно покоробившимъ Чемезова смѣхомъ.

„Нѣтъ, не буду ни цѣловать его, ни смотрѣть на него!— сказала она себѣ, отводя отъ него взглядъ:—если я начну прощаться съ нимъ, я не выдержу“.

— Нѣтъ, не провожай меня, не надо,—сказала она ему точно для того, чтобы не отрывать его отъ работы, и быстро пошла къ выходу, но, дойдя до порога, вдругъ опять остановилась.

— Ахъ, да,—сказала она, какъ бы припоминая что-то:—у тебя моя роль, кажется, есть, мнѣ она нужна... Тамъ темно?— спросила она, кивая головой на столовую и спальню.

— Да, тебѣ посвѣтить?

— Пожалуйста,—сказала она и подумала: „нѣтъ, я не могу такъ уйти; я хоть обойду всю квартиру, взгляну въ послѣдній разъ на всѣ эти комнаты, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, гдѣ я все такъ любила“.

Онъ зажегъ свѣчу и сказавъ:—Ну, пойдемъ, посмотримъ!— пошелъ впереди ея, освѣщая ей дорогу неровнымъ, колеблющимся отъ шаговъ пламенемъ свѣчи.

Она молча шла за нимъ и глазами, полными слезъ, оглядывала все кругомъ.

— Ну, гдѣ же твоя роль?—спросилъ онъ, останавливаясь въ послѣдней комнатѣ и убѣждаясь, что ея нигдѣ нѣтъ.—Ты вѣрно дома ее забыла?

— Да, вѣрно,—сказала она со вздохомъ, но сейчасъ же, испугавшись, что выдастъ себя какъ-нибудь однимъ неосторожнымъ словомъ или слезами, нарочно заговорила торопливымъ, незначительнымъ голосомъ.

— Да, значитъ—дома. Ну, не буду тебя больше задерживать, иди, иди, занимайся.

И кивнувъ ему, она быстро, уже не оглядываясь и не останавливаясь больше, пошла въ переднюю.

Онъ шелъ слѣдомъ за ней и, не зовя няни, самъ отворилъ ей дверь.

— Прощай!—проговорила она, боясь смотрѣть на него и въ то же время страстно желая обернуться и взглянуть на него въ послѣдній разъ.

— До свиданія,—сказалъ онъ, ловя и цѣлуя ея руку.

Она вышла и начала медленно спускаться съ лѣстницы.

— Никогда, — подумала она съ ужасомъ: — никогда уже больше не вернется она по этой лѣстницѣ, никогда, можетъ быть, не увидитъ больше его; никогда!—повторила она, вся холодѣя отъ какого-то болѣзненно мучительнаго чувства:—о, какое страшное слово, точно смерть. О, нѣтъ, нѣтъ, я вернусь!—И въ головѣ ея мелькнуло—скорѣй, скорѣй взбѣжать наверхъ, пока онъ не затворилъ еще дверь и стоитъ, смотря ей вслѣдъ, и все, все разсказать ему. Но въ эту минуту онъ съ улыбкой кивнулъ ей еще разъ и заперъ дверь.

XXX.

— А, ты уже здѣсь! ужъ караулишь, подстерегаешь меня!—съ ненавистью прошептала Ольга, когда, спустившись какъ во снѣ на вторую площадку, она вдругъ увидѣла предъ собой Настасью.

Настасья сидѣла на скамеечкѣ съ растревоженнымъ лицомъ и видимо поджидала Ольгу; увидѣвъ, что она спускается, она вдругъ перекрестилась и вся просіяла.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!—съ злобнымъ отчаяніемъ крикнула Ольга:—радуйтесь теперь всѣ, радуйтесь, торжествуйте, что добились своего, что подкараулили-таки меня, увели!.. О, проклятые!

И она вдругъ стремительно кинулась бѣжать внизъ по лѣстницѣ.

Настасья молча, не смѣя выговорить ни одного слова, бросилась за нею. Онѣ выбѣжали на улицу, миновавъ удивленно оглядывавшаго ихъ швейцара, и бѣжали все шибче и шибче, точно спасаясь отъ преслѣдованія.

— Взять бы лучше извозчика; хоть и недалеко, а все, храни Богъ, какъ бы не опоздать,—думала со страхомъ Настасья, едва поспѣвая за Ольгой; но сказать ей этого не рѣшалась и покорно, вся запыхавшись отъ непривычной бѣготни, бѣжала за Ольгой.

— Ну, слава Богу!—увидѣвъ ихъ и съ облегченіемъ вздохнувъ, сказалъ Барсуковъ, тревожно дожидавшій ихъ у подъѣзда вокзала. Онъ до послѣдней минуты не былъ увѣренъ, что Ольга

пойдетъ, тѣмъ болѣе; что весь день никто не зналъ, гдѣ она. Настасья бѣгала уже по всѣмъ знакомымъ и нигдѣ не могла найти ее. Тогда она рѣшила, что пойдетъ къ Чемезовскому дому и станетъ караулить ее тамъ. Она предчувствовала, что Ольга не утерпитъ, чтобы не придти къ нему.

— Ну, слава Богу!—съ удовольствіемъ повторилъ Барсуковъ, спѣша къ нимъ на встрѣчу. До звонка оставалось всего какихъ-нибудь семь—восемь минутъ, и онъ потерялъ-было послѣднюю надежду. Но, увидѣвъ измученное, страшное лицо Ольги, онъ невольно замолчалъ и, уже не рѣшаясь больше ни о чемъ заговаривать съ ней, робко и поспѣшно взялъ ее подъ руку.

— Въ вагонъ, въ вагонъ!—сказала она, задыхаясь. И точно боясь, что она и здѣсь еще можетъ не выдержать и вернуться, она все такъ же стремительно, хотя почти падая уже отъ безсилія, бросилась впередъ.

Пелагея Семеновна съ Милочкой дожидались ихъ въ залѣ. Увидѣвъ ее, онѣ тоже съ испуганными, взволнованными, какъ и у Настасьи и Барсукова, лицами поднялись ей на встрѣчу, но она мрачно и злобно взглянула на нихъ, точно не желая ни видѣть ихъ, ни говорить съ ними.

— Что же это такое?—смущенно спросила пораженная и обиженная Пелагея Семеновна:—что же она на насъ-то сердится! развѣ мы въ чемъ виноваты?

— Оставьте, оставьте, мама!—взволнованно, вся блѣдная, проговорила Милочка, боясь, чтобы мать не вздумала теперь еще приставать къ Ольгѣ съ своими упреками и совѣтами.

Барсуковъ съ Настасьей почти внесли Ольгу въ отдѣльное, нарочно заранѣе приготовленное для нея, купэ.

Едва дойдя до него, она со стономъ, въ полномъ изнеможеніи, почти уже ничего не сознавая, упала на бархатный жесткій диванъ и лежала молча съ закрытыми глазами, вся блѣдная, холодная и тяжело дыша.

— Не дать ли ей чего, воды не принести ли?—шопотомъ, со страхомъ смотря на блѣдное, вытянувшееся лицо Ольги, спросилъ Барсуковъ.

Но Настасья молча махнула ему рукой, указывая глазами, чтобы онъ вышелъ.

— Не надо,—такимъ же отрывистымъ шопотомъ проговорила она:—хуже только растревожишь пожалуй; идите, батюшка, я одна теперь справлюсь.

— Ну, ну, хорошо, а я здѣсь буду, на платформѣ, подлѣ окошка; ты въ случаѣ чего только стукни мнѣ.

И Барсуковъ вышелъ, тихонько задвинувъ за собой маленькую дверцу купэ, а Настасья, опустившись предъ диваномъ на колѣни, начала проворными, дрожащими отъ волненія пальцами осторожно разстегивать лифъ лежавшей уже безъ сознанія Ольги.

— Ну что, какъ?—тревожно спросила Милочка, увидя выходящаго Барсукова.

— Да что,—сказалъ онъ, вытирая клѣтчатымъ фуляромъ градомъ катившійся съ него потъ:—плохо, кажется, что-то въ родѣ обморока; лежитъ вся холодная, съ закрытыми глазами.

— Ахъ, Господи!—сказала съ глазами, полными слезъ, Милочка:—не заболѣла бы еще; ты ужъ, ради Бога, не оставь ее ни на минуту первые дни, да телеграфируй въ случаѣ чего.

— Богъ дастъ, обойдется все благополучно; конечно, первое время очень тяжело ей будетъ; ну, а тамъ все-таки путешествіе, игра, разныя новыя впечатлѣнія—ну, немножко и успокоится, а ужъ мы ее всячески развлекать будемъ.

— Ахъ, дай-то Богъ,—съ невольнымъ сомнѣніемъ проговорила Милочка:—да, никогда я еще ее такой не видала,—задумчиво прибавила она чрезъ минуту:—ужъ очень она его любила. Противные мужчины, сколько мы изъ-за васъ страдаемъ!

— Это ты-то страдаешь?—сказалъ Барсуковъ насмѣшливо:—воображаю! Ну, и вы тоже, матушка, хороши, правду-то сказать. Еще неизвѣстно, кому отъ кого больше достается! Что ж, ты думаешь этому г-ну Чемезову легко теперь что-ли; нѣтъ, милая, я бы на его мѣсто теперь не попросился!

— Такъ-то такъ,—сказала Милочка задумчиво:—конечно, и ему не весело... Вотъ тутъ и люби послѣ этого!

— Да что же это, неужели же она такъ и не выйдетъ больше?—спросила, подходя къ нимъ, Пелагея Семеновна, которая, думая, что Ольга пошла въ вагонъ только устроиться, все поджидала ее, сидя напротивъ на скамеечкѣ.

— Ахъ, мама, да ужъ до того ли ей!—сказала Милочка съ негодованіемъ, удивляясь, какъ это мать не можетъ понять состоянія Ольги и желаетъ чтобы та, какъ ни въ чемъ не бывало, болтала и цѣловалась съ ними тутъ.

Но Пелагея Семеновна въ свою очередь не понимала, какъ это Оленька, уѣзжая на три мѣсяца, даже и попрощаться какъ слѣдуетъ не хочетъ.

— Да какъ же такъ? — искренно удивилась она:—неужели она и не попрощается даже?

— Нѣтъ, ужъ вы на нее, голубушка, не сердитесь теперь,—

нарочно какъ можно ласковѣе заговорилъ Барсуковъ:—сами видите, въ какомъ она состояніи; дайте ей успокоиться немножко.

— Богъ съ ней! — съ упрекомъ, вздыхая, сказала Пелагея Семеновна:—вотъ какъ нынче съ матерями-то обращаются...

— Ахъ, мама, мама!—воскликнула, пожимая только на нее плечами, Милочка.

— Да какъ же, Милочка, вѣдь я мать!—обижаясь и на нее, сказала Пелагея Семеновна, которая все еще не могла ни забыть, ни понять того озлобленнаго, точно полнаго ненависти взгляда, который кинула на нихъ Ольга, вбѣжавъ въ вокзалъ. Но въ эту минуту раздался третій звонокъ. Барсуковъ поспѣшно распрощался съ дамами и вскочилъ на платформу двинувшагося вагона.

— Не бойтесь, не безпокойтесь ни о чемъ, какъ за родной сестрой ходить буду,—успокаивалъ онъ ихъ оттуда, въ послѣдній разъ ужъ на ходу поѣзда, пожимая и цѣлуя ихъ руки.

Пелагея Семеновна заплакала и, все простивъ дочери въ эту минуту, начала издали крестить удаляющійся отъ нея дорогой ей теперь вагонъ.

Милочка тоже плакала и крѣпко обнимала ее, уговаривая ее какъ ребенка ласковыми, нѣжными словами.

— Да хоть напиши-то, голубчикъ, обо всемъ скорѣй!—крикнула, рыдая, Пелагея Семеновна.

— Телеграфируй завтра же...

Барсуковъ, стоя на платформѣ вагона, издали махалъ имъ шляпой и успокоивалъ ихъ какими-то словами, которыя за шумомъ колесъ и говоромъ народа нельзя было разобрать. И онъ тоже чувствовалъ на своихъ глазахъ какое-то непривычное для него ощущеніе слезъ...

— Что это? пошли! пошли!—вскрикнула вдругъ Ольга, открывая глаза и вскакивая съ дивана, на которомъ лежала. Она бросилась къ дверямъ, но отъ волненія не умѣла ихъ отворить и въ безсильномъ отчаяніи рвалась и билась въ нихъ руками.

— Матушка, матушка, успокойтесь, Христосъ съ вами... успокойтесь, родная моя!..—умоляла Настасья, стараясь оторвать ее отъ дверей, въ которыя она рвалась.

— Пусти, пусти меня!..—не слушая ее, закричала Ольга.—Пусти... О, Боже мой, Боже мой! что я сдѣлала... что я сдѣлала!.. — и она въ безумномъ ужасѣ и отчаяніи, рыдая, упала опять на диванъ.

— Матушка моя, родная моя,—со слезами цѣлуя ея руки

говорила Настасья, стоя предъ ней на колѣняхъ:—не тревожьте такъ себя... молитесь, матушка, молитесь, васъ облегчитъ...

— Молиться! молиться!—съ горечью отталкивая ее отъ себя, крикнула Ольга:—да развѣ я могу молиться! вѣдь я душу у себя вырвала!.. Ахъ, Настя, Настя, что я сдѣлала, что я сдѣлала!..

И она, рыдая, упала головой на плечо къ Настасьѣ и повторяла, тупо смотря предъ собой:

— Что я сдѣлала!.. что я сдѣлала!..

. . . . . .

А поѣздъ мчался все дальше и дальше...

Мар. Крестовская.

ВЪ КАИРѢ

(1889 г.)

I *).

Мы выѣхали изъ Александріи 13-го марта, часовъ въ девять утра.

Вагоны въ родѣ нашихъ—сбоку корридоръ и въ немъ рядъ отдѣльныхъ купэ. Но есть и отличія. Верхняя часть двери въ купэ стеклянная, такъ что можно видѣть все и по правую, и по лѣвую сторону дороги; зато нельзя укрыться въ своемъ купэ. Обивка вся кожаная; оказывается, это совершенно необходимо, такъ какъ при движеніи поѣзда поднимаются цѣлыя облака пыли такой тонкой, что она проходитъ внутрь вагона;—при шерстяной или плюшевой обивкѣ ее никогда нельзя было бы вычистить. Крыша вагоновъ двойная, т.-е. крыша—не непосредственно надъ потолкомъ, а между ними пространство около $^3/_4$ аршина; сдѣлано это, чтобы оградить пассажировъ отъ дѣйствія жгучихъ лучей египетскаго солнца.

Брать съ собой въ вагонъ позволяютъ только самыя мелкія вещи; все остальное надо сдать въ багажъ, за который платится сполна, безъ всякаго вычета, и деруть притомъ неимовѣрно. Дорогъ и самый проѣздъ. За билетъ отъ Александріи до Каира—190 верстъ—что-то около сорока франковъ съ лица. Зато везутъ хорошо, не по нашему—$3^1/_2$ часа, т.-е. почти 60 верстъ въ часъ.

Дорога между Александріей и Каиромъ—первая изъ выстроен-

*) См. выше: „Поѣздка въ стоврatныя Оивы", май, 112; іюнь, 596.

ныхъ въ Египтѣ желѣзныхъ дорогъ; она открыта въ 1855 году и обошлась баснословно дешево, благодаря плоской какъ ладонь мѣстности. Крохотными мостиками въ одинъ пролетъ пересѣкаетъ она безчисленное число разъ сѣть оросительныхъ каналовъ, разносящихъ по долинѣ, послѣ спада водъ, благотворную нильскую влагу. Большихъ сооруженій только два—мосты черезъ Розеттскій и Даміеттскій рукава Нила.

Сначала дорога идетъ по берегу Мереотійскаго озера. Прежде оно было прѣсноводное; затѣмъ значительная часть его была осушена и представляла чуть ли не самую плодородную часть Египта, потому что имѣла наилучшее орошеніе; съ одной стороны, море нерѣдко посылало дожди, а съ другой—поливка изъ Нила не требовала никакихъ усилій, такъ какъ его уровень выше дна озера; но когда французы въ концѣ прошлаго столѣтія высадились въ Египтѣ и двинулись на юго-западъ отъ Александріи, англичане вообразили, что, раскопавъ гряду, отдѣлявшую бывшее озеро отъ моря, они или утопятъ въ морскихъ волнахъ многіе французскіе отряды или же очень затруднятъ движеніе ихъ. Сказано—сдѣлано. Французовъ они, конечно, не утопили, а всю котловину прежняго озера наполнили соленой морской водой. Впослѣдствіи сдѣланный англичанами прокопъ былъ засыпанъ, но вмѣсто чудныхъ обработанныхъ полей теперь на мѣстѣ озера отвратительныя болота, иногда совершенно заражающія воздухъ Александріи. Было предположеніе опять обратить въ нивы Мереотійское озеро, но для этого надо бы было сначала удалить массу щелочей и солей, принесенныхъ моремъ; сдѣлать это можно, напуская большія массы прѣсной воды и потомъ выкачивая ихъ; но оказалось, что стоило бы это такихъ затратъ, которыя не по средствамъ Египту.

Первыя впечатлѣнія пути по египетскимъ желѣзнымъ дорогамъ совсѣмъ особенныя. Безпрестанно видишь, что на одномъ уровнѣ съ окнами вагона, а иногда и выше ихъ проходятъ большіе треугольные паруса; между тѣмъ ни судовъ, ни воды не видно. Каналы узки; при разливахъ Нила въ нихъ осѣдаетъ много ила, который потомъ вычищаютъ и сваливаютъ на берегахъ; такимъ образомъ вдоль каждаго канала образуются стѣны ила, заслоняющія отъ глазъ проѣзжаго и самые каналы, и все, что на нихъ дѣлается.

Но вотъ выѣхали мы къ Нилу на мостъ черезъ Розеттскій рукавъ. Хорошая рѣка. Величіемъ своимъ она не поражаетъ насъ, русскихъ; мы знаемъ рѣки пошире; но на западно-европейцевъ, особенно не видавшихъ нижняго теченія Дуная, Нилъ производитъ сильное впечатлѣніе. Розеттскій его рукавъ у желѣзнодорожнаго

моста очень напоминаетъ Оку въ г. Коломнѣ, примѣрно въ началѣ іюня мѣсяца.

Путь отъ Александріи до Каира довольно однообразенъ. Но кромѣ насыпей вдоль каналовъ нѣтъ, кажется, клочка необработанной земли. Населеніе густое, и чѣмъ ближе къ Каиру, тѣмъ гуще.

Деревни и города на каждомъ шагу. Но что за постройки?! Какія-то не то глиняныя, не то навозныя кучи. Домишки крохотные, слѣпленные изъ нильскаго ила, перемѣшаннаго съ соломой; тѣснота невѣроятная. Изъ кучъ домовъ выдѣляются только мечети своею бѣлой окраской и стройными минаретами. Право, наши деревни, не только сѣверныя, малороссійскія и степныя, но даже центральной черноземной полосы и тѣ смотрятъ и просторнѣе, и лучше египетскихъ.

Въ поляхъ не мало работающаго народа; еще болѣе скота:ословъ, лошадей, коровъ, верблюдовъ; овецъ, однако, видно немного.

Солнце поднялось уже къ зениту, въ вагонахъ становится жарко; воображаю, что должно быть лѣтомъ около двухъ, трехъ часовъ дня!

Но вотъ стали попадаться нарядныя дачи, окруженныя густою и свѣжею листвою, очевидно обильно поливаемою. До насъ доносится нѣжный запахъ цвѣтовъ. Поѣздъ проходитъ мимо загородныхъ жилищъ богатыхъ обывателей Каира. Скоро и самый городъ. Потянулись постройки—ни дать, ни взять у насъ передъ желѣзнодорожными вокзалами; однѣ только пальмы—лишнія.

Раздался свистокъ. Мы пріѣхали.

Десятокъ головъ и рукъ потянулся въ окошко за нашими вещами. Но наученные опытомъ въ Александріи, мы не дались въ обиду. Одинъ изъ насъ у окна, другой у входной двери, а К. Н. отправился на поиски; скоро разыскалъ онъ коммиссіонера Shepheard's Hotel'я; ему съ рукъ на руки сдали мы вещи; онъ же получилъ и багажъ, усадилъ насъ въ омнибусъ гостинницы, и мы двинулись. Вотъ переѣхали мы мостъ и вступили въ Каиръ.

Послѣ пяти минутъ ѣзды мы были въ гостинницѣ.

На улицу выходитъ садъ и широчайшая терраса подъ легкой кровлей; на ней разставлено десятка три креселъ, всякаго рода, мягкихъ, соломенныхъ, деревянныхъ, низкихъ и высокихъ, узкихъ и широкихъ, раскидныхъ; почти всѣ мѣста заняты; тутъ и мужчины, и женщины, и дѣти; кто читаетъ, кто кофе пьетъ, а большинство болтаетъ; на ступенькахъ, т.-е. ближе къ улицѣ, толкутся

драгоманы и коммиссіонеры. Это очевидно родъ гостиной на свѣжемъ воздухѣ и притомъ такой, которая даетъ возможность наблюдать уличную жизнь, видѣть и встрѣтить всякаго приходящаго или пріѣзжающаго въ гостинницу или уходящаго изъ нея. И удобно, и практично.

Намъ дали двѣ комнаты. Въ той, что побольше, помѣстились А. И. и я, а въ меньшей—К. Н. Плата 20 франковъ съ человѣка въ день—тутъ и комната, и ѣда.

Позавтракавъ и переодѣвшись, мы отправились осматривать городъ. Драгоманъ попался намъ неумный и малосвѣдущій, но система та же, что въ Константинополѣ и въ Александріи: онъ за все платитъ, и, конечно, потомъ путешественниковъ слегка обсчитываетъ, а все же оно лучше; иначе необходимость торговаться съ извозчиками, съ прислугой и духовенствомъ въ мечетяхъ, съ надсмотрщиками различныхъ зданій, отравляла бы всякое удовольствіе; кромѣ того не путаешься въ египетской монетной системѣ, которая, правду сказать, невыносима: считаютъ на піастры, но піастры эти въ одномъ случаѣ равняются нашимъ 8-ми, въ другомъ—нашимъ 4-мъ копѣйкамъ; какіе спрашиваютъ съ васъ піастры, восьми- или четырехъ-копѣечные—догадывайтесь сами; а если ошибетесь и дадите восьми-копѣечные вмѣсто четырехъ-копѣечныхъ, сдѣлаютъ видъ, что ими-то и нужно платить; въ хорошихъ европейскихъ магазинахъ считаютъ только на серебряные, т.-е. 8-микопѣечные піастры, а на базарѣ живностей, фруктовъ и тому подобнаго—на курсовые, т.-е. 4-хъ-копѣечные; но въ массѣ случаевъ, напр., въ мѣстныхъ лавкахъ, мечетяхъ и т. д.—и на тѣ, и на другіе, догадывайся тутъ.

Мы прежде всего хотѣли видѣть мечеть Гассана, лучшее зданіе Каира. Мы проѣхали по двумъ улицамъ: одна, называемая Муски—прямая, не особенно широкая, вся переполненная лавками и магазинами и чрезвычайно оживленная; другая, подъ прямымъ угломъ къ первой, шире и длиннѣе, но нѣсколько менѣе торговая.

Подъѣхали къ мечети, представили разрѣшеніе на право осмотра, поднялись ступеней на двадцать и вошли въ притворъ. Притворъ этотъ имѣетъ видъ корридора огромной высоты и кончается закругленіемъ; въ этомъ закругленіи султанъ Гассанъ, строитель мечети, чинилъ публично судъ по дѣламъ, доходившимъ до его разбирательства. Отсюда мы прошли довольно темнымъ корридоромъ, поднялись на нѣсколько ступеней и очутились на переднемъ дворѣ мечети.

Всѣ мечети, выстроенныя самими мусульманами, а не тѣ, въ которыя обращены христіанскіе храмы, имѣютъ двѣ главныя

части. Первая—въ родѣ двора, обнесеннаго высокими стѣнами; въ двухъ, трехъ саженяхъ отъ нихъ внутрь двора идетъ рядъ колоннъ; въ этой части покрыто кровлей только пространство между наружными стѣнами и колоннами; въ серединѣ двора—большой фонтанъ для омовеній; полъ обыкновенно каменный, иногда мраморный. Вторая часть мечети подъ куполомъ и сводами—собственно святилище, мѣсто не только молитвы, но и богослуженія.

Дворъ мечети Гассана носитъ явные слѣды запущенія; внутренняя часть мечети хотя и содержится въ нѣсколько большемъ порядкѣ, но все же видимо приходитъ въ упадокъ. А зданіе между тѣмъ великолѣпное какъ по размѣрамъ и красотѣ формъ, такъ и по первоначальной отдѣлкѣ. Длинна его болѣе 65 саженъ, толщина стѣнъ отъ трехъ до четырехъ саженъ, высота большого минарета сорокъ саженъ. Стоитъ она, правда, уже давненько, съ половины XIV-го столѣтія, да и виды видывала: напр., грозный для египетскихъ арабовъ день 21-го октября 1799 года; въ этотъ день подавлено было Клеберомъ, ставшимъ, послѣ отъѣзда Наполеона, во главѣ французскихъ войскъ въ Египтѣ, весьма опасное возстаніе; арабскіе фанатики, побѣжденные въ улицахъ города, заперлись въ мечети Гассана; французы не могли оставить ихъ тамъ, проникли въ мечеть и штыками очистили ее. Ни одинъ изъ запершихся тамъ арабовъ не пережилъ этого дня.

Изъ мечети Гассана поѣхали мы въ цитадель. Выстроенная на выступѣ горъ Макотамскихъ, она вполнѣ господствуетъ надъ Каиромъ. Лучшее ея украшеніе—мечеть Мехмеда-Али, отстроенная всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по наружному виду напоминающая св. Софію. Внутренность ея имѣетъ не только нарядный, но прямо щегольской видъ. Мраморы пола, фонтана и колоннадъ свѣтятся и блестятъ, словно вчера только поставленные. Въ закрытой части зданія полъ сплошь устланъ огромныхъ размѣровъ коврами лучшей смирнской работы; ноги совершенно тонутъ въ нихъ. Свѣтъ проходитъ сверху черезъ небольшія окна, стекла которыхъ изъ цвѣтной мозаики, такъ что въ мечети господствуетъ таинственный полумракъ; безчисленное число люстръ, такой же какъ и въ св. Софіи формы, спускается отъ купола и сводовъ и виситъ такъ низко, что люстры кажутся не выше полуаршина надъ головой.

Мечеть Мехмеда-Али, конечно, не строгаго стиля и совсѣмъ не имѣетъ архитектурныхъ достоинствъ, но впечатлѣніе, ею производимое, сильное.

Въ цитадели осмотрѣли мы колодезь Іосифа, не библейскаго Іосифа, а Іосифа, или, что тоже, Юсуфа или Саладина, одного

изъ халифовъ. Замѣчателенъ онъ своей глубиной и имѣлъ огромное значеніе, когда цитадель была самостоятельною крѣпостью; теперь же стоитъ безъ воды и ничего интереснаго не представляетъ.

Вышли мы затѣмъ на внутреннюю площадку цитадели. Отсюда весь Каиръ какъ на ладони. Мало того, виденъ Нилъ верстъ на двадцать вверхъ и внизъ по теченію; видны пирамиды; три ближайшія къ городу—весьма ясно, другія, болѣе отдаленныя, какъ бы окутаны дымкой.

Видъ, надо отдать ему справедливость, великолѣпный. Мы долго не могли отъ него оторваться, пока не взглянули въ обрывъ, которымъ кончается площадка, отдѣляемый отъ насъ тонкою желѣзною рѣшеткою, внизъ саженъ пятнадцать или двадцать. Невольно вспомнился намъ отчаянный скачокъ Эмина-бея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страшная страница новѣйшей исторіи Египта—кровавая расправа Мехмеда-Али съ мамелюками.

Мехмедъ-Али, родомъ албанецъ, былъ въ юности своей цирюльникомъ, затѣмъ поступилъ въ армію. Смѣтливость и исполнительность быстро выдвинули его изъ рядовъ сотоварищей. Безчисленныя возмущенія въ Анатоліи и Сиріи дали случай отличиться. Въ Египетъ попалъ онъ уже въ положеніи, соотвѣтствующемъ нашему начальнику дивизіи, вскорѣ затѣмъ былъ поставленъ во главѣ тамошнихъ турецкихъ войскъ и сталъ управлять страной. Въ это время господствовали въ Египтѣ мамелюки; они составляли организованную военную силу, пополнявшуюся преимущественно покупкою мальчиковъ на Кавказѣ; начальники ихъ, беи, представляли родъ феодальныхъ владѣльцевъ, между которыми распредѣлено было почти все пространство населенныхъ земель; каждый мамелюкскій бей въ своемъ округѣ чинилъ судъ и расправу и взималъ подати. Зависимость отъ центральной власти была почти номинальная. Населеніе, привычное къ рабству, безпрекословно повиновалось мамелюкамъ и одинаково шло за ними, сражались ли они съ французами или съ войсками повелителя правовѣрныхъ и владыки страны—султана турецкаго. Такой порядокъ былъ не по-сердцу властолюбивому и умному Мехмеду-Али. Онъ сначала попробовалъ-было смирить мамелюковъ силой—ничего не вышло; укротитъ однихъ — поднимаются другіе. И вотъ рѣшился Мехмедъ-Али прибѣгнуть къ хитрости. Долго таилъ онъ замыселъ свой и потихоньку приближался къ намѣченной цѣли. Началъ съ того, что прекратилъ вооруженную борьбу; потомъ вступилъ въ переговоры съ болѣе вліятельными; одному обѣщалъ льготы; другого прямо подкупалъ;

третьему услуживалъ; четвертому умѣлъ доказать, что существующій порядокъ ведетъ къ анархіи, въ корнѣ подрываетъ силы страны. Мамелюки видѣли, что Мехмедъ-Али признаетъ себя какъ бы побѣжденнымъ; между тѣмъ продолжать борьбу было бы во всякомъ случаѣ рискованно — за Мехмедомъ стояла вся сила турецкой имперіи; поэтому окончательно раздражать его неуступчивостью они не хотѣли. Переговоры велись по восточному—не спѣша; но дѣло видимо устроивалось. Многихъ мамелюковъ принималъ у себя Мехмедъ-Али; его умъ и находчивость очаровали всѣхъ. Наконецъ соглашеніе было выработано; для подписи его и утвержденія клятвой на коранѣ назначено было собраться въ Каирѣ. Около пятисотъ владѣтельныхъ мамелюковъ-беевъ съ сильными отрядами вооруженныхъ слугъ собрались въ столицу; договоръ былъ снова обсужденъ. Подписаніе и клятва на коранѣ назначены были на 2-е марта 1811 года, а наканунѣ 1-го марта пригласилъ ихъ всѣхъ Мехмедъ-Али къ себѣ на торжественный пріемъ и пиръ. Въ лучшихъ одеждахъ, на великолѣпныхъ коняхъ, съ оружіемъ, окруженные толпою довѣренныхъ слугъ, явились они къ нему — однихъ мамелюковъ-беевъ было на пирѣ 480 человѣкъ. Угощеніе было царское, пріемъ обворожительный. Довольные и торжествующіе распростились они съ радушнымъ хозяиномъ и, предшествуемые музыкой и отрядомъ Мехметова войска, двинулись назадъ въ городъ, чтобы на завтра въ старой мечети Гассана покончить клятвою дѣло, ради котораго собрались всѣ.

Тогдашній выходъ изъ цитадели, продѣланный въ горѣ, шелъ излучиной отъ средней площадки, все углубляясь къ самому низу. Двое тяжелыхъ воротъ замыкали его: одни внизу, другія у верхней площадки. Музыканты и провожавшій мамелюковъ отрядъ уже выходили изъ дефилэ, когда только втянулся въ него хвостъ процессіи—послѣдніе бывшіе съ мамелюками слуги ихъ.

Но едва вышелъ изъ нижнихъ воротъ цитадели послѣдній рядъ отряда Мехмеда-Али, какъ ворота эти захлопнулись. Произошло смятеніе. Въ чемъ дѣло?! Толпа напирала къ воротамъ. Но тутъ захлопнулись и заднія верхнія ворота, а надъ головой стѣснившихся въ дефилэ мамелюковъ и слугъ ихъ появились солдаты Мехмеда-Али. Не много прошло времени, и все стало ясно. Загремѣли десятки орудій, подкаченныхъ къ стѣнамъ, и картечь, сверху внизъ, по всѣмъ извивамъ дефилэ, стала крошить и мамелюковъ-беевъ, и слугъ, и лошадей ихъ. Въ безсильномъ бѣшенствѣ метались они сплошной толпой то внизъ, то вверхъ по дефилэ; но картечь и ружейные залпы дѣлали свое дѣло—людскіе

и конскіе трупы заполняли узкое пространство, громоздились другъ надъ другомъ. Уйти было некуда. Только одинъ отчаянный наѣздникъ Эминъ-бей, находившійся въ задней части процессіи, гдѣ стѣны дефилэ были пониже, успѣлъ какъ-то выскочить съ конемъ своимъ на площадку, откуда только-что съ такимъ торжествомъ выступали всѣ мамелюки. На него навинулись солдаты Мехмеда-Али. Выходъ былъ одинъ—отвѣсная скала, подъ которой разстилался Каиръ. Эминъ-бей думалъ не долго и, вонзивъ въ бока коня тяжелыя обточенныя стремена, замѣняющія у арабовъ шпоры, кинулся внизъ съ высоты 15—20 саженъ. Ему повезло счастье. Передъ тѣмъ какъ удариться объ землю, онъ оттолкнулся отъ лошади вверхъ. Конь въ дребезги разбился о камни, а лихой сѣдокъ ударился о мягкій трупъ лошади и ушибся такъ легко, что немедленно вскочилъ и успѣлъ скрыться въ лабиринтѣ каирскихъ улицъ. Спасся онъ одинъ. Когда картечь сдѣлала свое дѣло, верхнія и нижнія ворота были отворены и войска Мехмеда-Али покончили со всѣми тѣми, въ комъ еще оставалась искра жизни.

Такъ раздѣлался Мехмедъ-Али съ мамелюками. Онъ могъ бы сказать съ большимъ основаніемъ, чѣмъ Конрадъ Валенродъ у Мицкевича: „я гидру повстрѣчалъ и головы всѣ снесъ однимъ размахомъ...“ Сила мамелюковъ была сломлена; земли ихъ взяты Мехмедомъ. Народъ, лишившись своихъ вождей, конечно, безъ сопротивленія подчинился Мехмеду, а Мехмедъ черезъ немного лѣтъ уже былъ въ силахъ провозгласить себя независимымъ отъ Турціи и ея султана.

Въ цитадели теперь многое передѣлано. Большая мечеть Мехмеда стоитъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда начиналось погубившее мамелюковъ дефилэ. Въѣздъ въ цитадель—широкій и удобный. Но не сила египетскихъ хедивовъ владѣетъ цитаделью —она занята англичанами. На бастіонахъ ея стоятъ повернутыя на городъ англійскія пушки, и пушки эти, и подходы къ нимъ—охраняются красными мундирами.

Изъ цитадели отправились мы въ мечеть „Эль-Азхаръ“, что значитъ: великолѣпная. Это—главная святыня Каира, нѣкогда центръ всего мусульманскаго просвѣщенія. Зданіе гораздо больше въ длину и въ ширину, чѣмъ въ высоту; сверхъ того къ нему примыкаетъ множество построекъ, сливающихся съ городскими, такъ что какого-нибудь опредѣленнаго впечатлѣнія она сразу не производитъ. Внутренность представляетъ огромное пространство, заполненное цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ по формѣ и рисунку, но отличныхъ по матеріалу, изъ кото-

раго сдѣланы: мраморъ, гранитъ, порфиръ. Святилище убрано 1.200 лампъ.

Мечеть Эль-Азхаръ основана въ 970 году нашего лѣтосчисленія. Уже черезъ 10 лѣтъ послѣ этого устроено при ней ученое и учебное заведеніе. Теперь въ немъ 300 преподавателей и болѣе 9.000 студентовъ. И тѣ, и другіе сходятся со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра и живутъ въ зданіяхъ мечети отдѣльными группами, по народностямъ, къ которымъ принадлежатъ: турки, арабы, бухарцы, персы, наши татары и т. д. Бѣдные студенты получаютъ каждые два дня запасъ хлѣба, масла, зелени, а разъ въ мѣсяцъ небольшую сумму на мелочные расходы. Преподаваніе идетъ на арабскомъ языкѣ, что и объединяетъ эту разношерстную толпу.

При мечети есть также нѣчто въ родѣ ночлежнаго дома, въ которомъ не отказываютъ въ пріютѣ и кускѣ хлѣба бѣднымъ странникамъ или богомольцамъ.

Всѣ расходы эти по силамъ мечети, такъ какъ кромѣ обыденныхъ большихъ доходовъ она имѣетъ значительные капиталы и земли.

Очень скоро послѣ своего основанія университетъ мечети Эль-Азхаръ пріобрѣлъ огромное значеніе въ жизни мусульманскаго міра. Онъ былъ до середины текущаго столѣтія центромъ духовнаго просвѣщенія всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ исламъ. Только въ послѣднее время сталъ онъ терять это значеніе. Завоеваніе Египта Наполеономъ нанесло ему первый ударъ. Гяуры появились въ Каирѣ. Естественно, что взгляды и привычки ихъ не только могли, но и должны были повредить чистотѣ воззрѣній кое-кого изъ преподавателей и студентовъ. Потомъ началась реформаторская дѣятельность Мехмеда-Али и его преемниковъ. Духъ нетерпимости, мысль о безспорномъ и безусловномъ преимуществѣ всего мусульманскаго надъ христіанскимъ не могли уже господствовать среди питомцевъ Эль-Азхара въ прежней степени и силѣ. Измаилъ-паша, страстный поклонникъ всего европейскаго, добилъ въ сущности обаяніе Эль-Азхара. Строгіе мусульмане стали искать новое пристанище для мусульманской мысли и науки, пристанище, гдѣ и мысль, и наука эта могли бы найти убѣжище, вполнѣ обособленное отъ вліянія и сосѣдства христіанъ. Такое убѣжище нашлось въ Меккѣ. Туда перебираются ученые и ученики, и Мекка, прежде бывшая исключительно религіознымъ центромъ, становится теперь также и сосредоточіемъ науки. Такое соединеніе вліяній религіи и науки оказываетъ дѣйствіе на усиленіе духа нетерпимости и можетъ,

конечно, со временемъ очень вредно отозваться на интересахъ тѣхъ державъ, въ числѣ подданныхъ которыхъ не мало мусульманъ.

Своеобразную картину представляла собой мечеть, когда мы вошли въ нее. Среди колоннъ, на всемъ пространствѣ ея, кромѣ святилища, сидѣли, лежали и стояли, но преимущественно сидѣли, поджавъ подъ себя, по-турецки, ноги, нѣсколько тысячъ молодежи, всѣ съ книгами въ рукахъ или на колѣняхъ. Они расположены были группами отъ пяти и до двадцати человѣкъ въ каждой. Студенты въ менѣе многочисленныхъ группахъ видимо подъучивали заданные имъ уроки; каждый громко выкрикивалъ или распѣвалъ свое; большинство усердно раскачивалось взадъ и впередъ, словно помогая ученью. Группы болѣе многочисленныя имѣли другой видъ; составлявшіе ихъ студенты сидѣли полукругомъ, въ центрѣ котораго, лицомъ къ нимъ, помѣщался преподаватель; онъ затягивалъ что-нибудь и пѣлъ гнусливымъ голосомъ, подымая голову вверхъ и закатывая глаза. При послѣдней его нотѣ слушатели всѣ сразу, въ унисонъ, подхватывали его слова и потомъ нѣсколько разъ повторяли одно и то же. Мы долго съ любопытствомъ присматривались и прислушивались къ такому ученію. Потомъ насъ повели дальше въ ночлежное помѣщеніе одной изъ группъ учащихся. Ни просторомъ, ни чистотой оно не блистало; тюфяки свернуты и свалены въ кучу; на ночь они видимо разстилаются на полу; входить въ подробности было неудобно—посѣщеніе иностранцевъ принимается здѣсь очень враждебно. Драгоманъ совѣтовалъ уходить поскорѣе, такъ какъ приближалось время вечерней молитвы. Дѣлать было нечего.

Вернулись домой мы еще до захода солнца. Приняли теплыя ванны и до обѣда успѣли вполнѣ отдохнуть.

Время путешествующаго на Востокѣ размѣрено довольно строго. Встаютъ рано, часовъ въ шесть, пьютъ кофе или чай; при этомъ легкая закуска — яйца въ смятку, ветчина или что-нибудь подобное. Затѣмъ отправляются на экскурсіи. Утромъ всего болѣе осмотришь. Устать еще не успѣлъ, а жизнь всюду кипитъ. Часамъ къ 12-ти обыкновенно возвращаются въ гостинницу. Въ половинѣ перваго завтракъ—кушаній пять, но все довольно легкія; даютъ и мясо, но не иначе какъ птичье—бѣлое, такъ какъ всякое другое ѣсть среди дня, при тамошней жарѣ, вредно. Къ завтраку публика въ табльдотѣ собирается Богъ вѣсть въ какихъ костюмахъ; мы видѣли какого-то лорда въ желтыхъ ботинкахъ, зеленыхъ брюкахъ, красномъ жилетѣ, синей куртѣ (куртка и жилетъ съ золотыми пуговицами) и въ бѣлой пробковой шляпѣ, фасона, называемаго „тропическій шлемъ“—ихъ носятъ

всѣ англійскія войска жаркаго пояса. Дамы за завтракомъ тоже не стѣсняются костюмами; но послѣдніе у нихъ болѣе однообразны: недлинная юбка, обыкновенно свѣтлая, а вмѣсто корсажа нѣчто въ родѣ рубашечки, затянутой широкимъ кожанымъ поясомъ; шляпа соломенная, съ большими полями.

Послѣ завтрака, въ самое жаркое время дня, большинство толпится на террасѣ, о которой говорилъ я выше; нѣкоторые сидятъ въ читальной; иные пишутъ. Часа въ три подаютъ „лёнчъ“ — обыкновенно чай съ печеньемъ; затѣмъ ѣдутъ на новые осмотры. Возвращаются часамъ къ семи, переодѣваются, а въ $7^1/_2$ — обѣдъ. Къ обѣду англичане и тянущіеся за ними мужчины другихъ націй являются во фракахъ и бѣлыхъ галстухахъ. Дамы одѣты очень парадно, въ шолковыхъ и бархатныхъ платьяхъ, съ жемчугами и брилліантами (тѣ, конечно, у кого таковые есть); но декольтэ видѣть за обѣдомъ на Востокѣ мнѣ не пришлось ни разу. Подаютъ восемь или девять блюдъ,—изъ нихъ три, четыре мясныхъ; за обѣдомъ надо подкрѣпить ослабѣвшія силы, а такъ какъ ночью попрохладнѣе, то и нѣтъ опасности плотно покушать. Тянется обѣдъ безконечно: часа полтора и болѣе. Послѣ обѣда на террасѣ особенное оживленіе: туда высыпаетъ вся гостинница, — очень немногіе имѣютъ знакомыхъ въ городѣ. Здѣсь послѣ обѣда идетъ обмѣнъ впечатлѣній; здѣсь же условливаются на завтра другъ съ другомъ и съ драгоманами, куда, когда и какъ направиться. Часовъ въ десять начинаютъ расходиться, а въ одиннадцать въ отелѣ гробовая тишина. Такое распредѣленіе дня очень разумно. Отъ полудня до трехъ часовъ солнечные лучи падаютъ почти вертикально, воздухъ раскаленъ. Находиться въ это время не подъ кровомъ человѣку, мало привычному къ жарѣ, очень тяжело; въ это-то время и бываетъ завтракъ, отдыхъ и „лёнчъ“. Къ семи часамъ совсѣмъ темно— обѣдъ и подаютъ въ $7^1/_2$. Такимъ образомъ, въ распоряженіи путешественниковъ весь день—съ потерей только полуденныхъ, самыхъ жаркихъ часовъ.

II.

Второй день пребыванія нашего въ Каирѣ мы тоже посвятили городу.

Начали съ осмотра сада Эзбекіэ, въ двухъ шагахъ отъ нашей гостинницы. Садъ этотъ въ самомъ центрѣ города. Прежде здѣсь было болото, окруженное песчаной площадью; при особенно высокихъ разливахъ Нила, его воды заходили и туда. Измаилъ-

паша приказалъ выкопать середину площади—образовался большой водоемъ, который со всѣми его развѣтвленіями обдѣланъ теперь камнемъ; остальное пространство площади было повышено насыпкой земли, обнесено оградой, съ каменнымъ фундаментомъ и массивной рѣшеткой, и затѣмъ устроенъ садъ. Форма сада: правильный восьмигранникъ, занимающій 4 1/2 десятины. На окружающія садъ улицы выходятъ всѣ главныя артеріи города, и это безспорно центръ Каира. Садъ планированъ французскими садовниками. Куртины громадныя, покрытыя мягкой сочной зеленью; дорожки широкія, усыпанныя не пескомъ, а крупнымъ гравіемъ, такъ что въ саду нѣтъ и признака пыли; поливка чрезвычайно обильная. Такого разнообразія растительности, какъ въ этомъ саду, я не видѣлъ нигдѣ, да, думаю, и не увижу никогда. На каждомъ шагу что-нибудь новое, необыкновенное; есть множество видовъ, которыхъ въ Александріи у Антоніадиса мы не видѣли. Причудливость многихъ формъ тоже исключительная. Въ саду небольшой искусственный водопадъ, гроты, кіоски, бесѣдки, рестораны, молочныя и прочее. Много можно сдѣлать пути, лишь бы посмотрѣть этотъ садъ.

Поколесивъ по немъ порядкомъ, мы поѣхали по городу. Каиръ —городъ большой; въ немъ до 400.000 жителей. Есть и европейская, есть и африканская, или, вѣрнѣе сказать, азіатская часть.

Европейскій городъ превосходенъ. Улицы широкія, шоссированныя или макадамизированныя. Поливка допотопная, безъ трубъ, машинъ и бочекъ; феллахъ прямо тащитъ забинутый на спину огромный бурдюкъ или мѣхъ съ водой; отверстіе бурдюка онъ нѣсколько прикрываетъ рукой, такъ что струя воды вытекаетъ половинная и ее онъ очень искусно расплескиваетъ по улицѣ. Хотя способъ поливки неусовершенствованный, но тѣмъ не менѣе политы улицы всегда превосходно.

По обѣимъ сторонамъ улицъ широкіе тротуары, которые металлическими рѣшетками, покрытыми вьющимися растеніями, отдѣляются отъ палисадниковъ, засаженныхъ деревьями, кустами и цвѣтами; за палисадниками идутъ дома. Во многихъ улицахъ разсажены по тротуарамъ пальмы. Эти пальмы и неизбѣжные палисадники даютъ всѣмъ улицамъ европейской части города видъ широкихъ аллей, разсѣкающихъ паркъ. Дома въ два, три этажа, но съ очень высокими комнатами. Въ общественныхъ зданіяхъ, въ родѣ рядовъ и тому подобнаго, да нерѣдко и въ частныхъ домахъ, нижній этажъ образуетъ снаружи галерею съ аркадами; такимъ образомъ получается очень удобное мѣсто прогулки.

На всѣхъ перекресткахъ круглыя площади; посреди нихъ бас-

сейнъ, обсаженный деревьями и кустами; все это обнесено рѣшеткой и обведено тротуаромъ.

Что грѣха таить! когда я осмотрѣлъ европейскую часть Каира, я долженъ былъ сказать, что на Руси нѣтъ ни одного города, который по чистотѣ, по красотѣ отдѣлки и по нарядности могъ бы сравниться съ этой частью египетской столицы. Прототипомъ ей послужили, говорятъ, западные новѣйшіе кварталы Парижа. Но въ Каирѣ нѣтъ сундуковъ-домовъ Парижа, такъ однообразящихъ лучшія его улицы, а есть въ Каирѣ то, чего нѣтъ въ Парижѣ—жгучее солнце; оно при помощи поливки вытягиваетъ изъ земли чудныя растенія, замѣчательно красящія его улицы.

Объѣзжаешь городъ и не можешь надивиться. На материкѣ Африки, едва ли въ десяти верстахъ отъ безбрежныхъ сыпучихъ песковъ Сахары, подъ самымъ Мокотамскимъ кряжемъ, пустыннымъ, скалистымъ и дикимъ, среди черномазыхъ негровъ, хищныхъ арабовъ и забитыхъ, тысячелѣтіями задавленныхъ феллаховъ—въ этой обстановкѣ раскинулся городъ, могущій соперничать по опрятности, красотѣ и изяществу съ лучшими частями величайшихъ центровъ европейской цивилизаціи. Не странно ли это? Правда, достигнуто это путемъ не только разоренія, но даже закабаленія Египта. А все же достигнуто и удивляетъ это во всякомъ случаѣ.

Азіатская часть Каира куда меньше европейской и той, что уже становится европейской. Она, азіатская часть, сильно напоминаетъ турецкіе кварталы Стамбула, но съ однимъ крупнымъ отличіемъ—въ ней куда чище, нежели въ Константинополѣ. Очевидно, сосѣдство европейскаго Каира, блистающаго опрятностью, не осталось безъ вліянія на нравы и привычки населенія азіатскихъ кварталовъ, а также и на требованія власть имущихъ. Улицы тоже относительно шире константинопольскихъ, хотя и кажутся темнѣе; это потому, что дома—въ нѣсколько этажей, и каждый послѣдующій этажъ выдвигается надъ предшествующимъ и затѣняетъ улицу. Нерѣдко верхніе этажи такъ сближаются между собой, что отъ стѣны до стѣны не остается и половины ширины улицы. Въ жаркое время изъ оконъ верхнихъ этажей домовъ одной стороны улицы перебрасываются въ противоположныя окна широкія холщевыя полосы, такъ что надъ улицей образуется нѣчто въ видѣ крыши, отлично защищающей отъ жгучихъ солнечныхъ лучей.

Толкотня и гамъ въ азіатскихъ улицахъ Каира такіе же, какъ и въ Константинополѣ; здѣсь, въ Каирѣ, они даже рѣзче бросаются въ глаза; въ Константинополѣ европейскіе кварталы—тор-

говые и шумные; поэтому, переходя изъ нихъ въ азіатскіе, не ощущаешь большой разницы; въ Каирѣ, напротивъ, въ европейскихъ кварталахъ магазины, движеніе и шумъ только вблизи сада Эзбекіэ, а далѣе очень тихо, такъ какъ большинство домовъ—особняки, жилища богатыхъ людей; попадешь отсюда въ азіатскую толчею—и она невольно рѣжетъ глазъ и ухо.

Одну изъ характернѣйшихъ особенностей каирскихъ улицъ составляютъ ослы. Ихъ тамъ невѣроятное число; они—главное вьючное животное; на нихъ развозятъ припасы въ огромныхъ двухколескахъ, и они же, подъ сѣдломъ, замѣняютъ наши плохенькіе извозчичьи экипажи. Какъ вьючное животное, оселъ употребляется на перевозку всевозможныхъ тяжестей, кромѣ развѣ лѣса и крупныхъ камней; нагружаютъ его нерѣдко такъ, что изъ-подъ ноши еле-еле видна голова спереди да хвостъ сзади; чуть не на каждомъ шагу, особенно утромъ, встрѣчается движущаяся копна сѣна или свѣжей зеленой травы, или цѣлая гора угля въ продолговатыхъ корзинахъ, напоминающихъ формой своей кубари, употребляемые у насъ для ловли рыбы; движется эта масса тихо, ровно, и въ ней едва разыщешь голову животнаго; ясно видны только, и то если смотрѣть прямо внизъ, маленькія копытца, постукивающія о камни улицы. Двухколески служатъ главнымъ образомъ для развозки съѣстныхъ припасовъ; высотой онѣ сажени полторы, а то и до пяти аршинъ; осликъ, въ нее запряженный, производитъ чрезвычайно смѣшное впечатлѣніе; онъ комически малъ сравнительно съ экипажемъ, обыкновенно ниже половины колеса, т.-е. подходитъ подъ втулку, и несмотря на это, онъ свободно тянетъ эту гору—такъ сильны и выносливы восточные ослы. Но наибольшее количество ихъ, конечно, въ Каирѣ подъ сѣдлами. Извозчики, двухконные фаэтоны дороги и доступны поэтому лишь иностранцамъ, да болѣе состоятельнымъ мѣстнымъ жителямъ; извозчиковъ же одноконныхъ съ дрожками, въ родѣ нашихъ, въ Каирѣ нѣтъ,—ихъ-то и замѣняютъ ослики; при каждомъ погонщикъ, обыкновенно мальчикъ отъ 12 до 18 лѣтъ; наниматель осла садится на него верхомъ, а погонщикъ бѣжитъ сзади и направляетъ животное; сѣдокъ держитъ поводья узды, пытается править, но оселъ не слушаетъ его; сѣдокъ подгоняетъ осла, но тотъ не обращаетъ никакого вниманія; разъ усѣвшись на осла, отдаешься въ руки его погонщика; по его крику поворачиваетъ оселъ направо или налѣво, только отъ удара его палки ускоряетъ онъ бѣгъ свой и останавливается тоже только по его командѣ. Ѣдущихъ на ослахъ бездна, мужчинъ и женщинъ; послѣднія садятся своеобразно; помѣстившись на задней части сѣд а,

онѣ или подкладываютъ ноги подъ себя, или ставятъ ихъ у передней луки, такъ что колѣни приходятся подъ самый подбородокъ; никто изъ насъ, европейцевъ, не усидѣлъ бы и десяти шаговъ въ такой позѣ, а онѣ приспособились и ни одна не шелохнется. Какъ ни быстро ѣхать, погонщикъ никогда не отстанетъ. Удивительныя легкія у этихъ потомковъ древнихъ египтянъ и побѣдителей ихъ, арабовъ! Сначала удивляешься, какъ это бѣжитъ мальчишка за осломъ четыре, пять верстъ, но присмотрѣвшись, видишь, что это сущіе пустяки передъ тѣмъ, что дѣлаютъ саисы.

„Саисы“—остатокъ прежняго времени; такъ называютъ въ Египтѣ бѣгуновъ, всегда предшествующихъ экипажамъ богатыхъ или вліятельныхъ людей; одѣты они въ свѣтлыя, всего чаще бѣлыя куртки и шаравары, богато расшитыя серебромъ и золотомъ; ноги до колѣнъ голыя и всегда босыя; на головахъ фески; въ рукахъ длинныя бамбуковыя палки. Бѣгутъ они саженяхъ въ десяти впереди экипажа и крикомъ, а чаще ударами палки, сгоняютъ съ дороги зазѣвавшихся пѣшеходовъ, навьюченныхъословъ и верблюдовъ; у людей особенно знатныхъ передъ экипажемъ двое саисовъ, у остальныхъ одинъ; пользуются ими не одни мусульмане-сановники; очень нерѣдко встрѣчаются англичане, греки, армяне, катящіе въ кабріолетѣ въ одиночку, а впереди летитъ саисъ. Что за неутомимость! лошади идутъ полнымъ ходомъ, а саисъ все несется впередъ! Встрѣчаешь катающихся, особенно дамъ, лошади въ пѣнѣ, въ мылѣ, измучены, а саисы ничего, бѣгутъ все тою же легкой походкой. Посмотрѣть на нихъ пріятно: туловище и голова совершенно неподвижны, работаютъ только ноги, да ровно, словно маятникъ, качаются длинныя кисточки фесокъ.

Послѣ перваго обзора города мы поѣхали въ ближайшую его окрестность, къ такъ-называемымъ гробницамъ халифовъ. Въ верстѣ къ востоку отъ города, нѣсколько выше его, раскинулись среди моря песку и обломковъ остатки древнихъ мечетей. Въ каждой изъ нихъ покоится прахъ одного или нѣсколькихъ халифовъ мамелюкскихъ династій, ихъ женъ и дѣтей. Почти всѣ мечети эти разрушаются. Никто не смотритъ за ними, никто не поправляетъ ихъ, никто даже, кажется, не молится въ нихъ. Камень падаетъ за камнемъ, колонна за колонной, куполъ за куполомъ, стѣна за стѣной. А вѣтеръ гонитъ пески и засыпаетъ остатки, бренные остатки прежняго величія. Охраняется и чистится только одна мечеть Каитъ-бея. Въ ней, въ усыпальницѣ ея основателя, лежатъ камни, принесенные имъ изъ Мекки: одинъ сѣрый—на немъ слѣды обѣихъ ногъ Магомета; другой розоватый—на немъ

выдавалась одна изъ ступней пророка; не мало благочестивыхъ мусульманъ приходитъ облобызать священные слѣды эти.

Для насъ, христіанскихъ путешественниковъ, интересъ мечети былъ, конечно, не въ слѣдахъ стопъ Магомета. Сама мечеть—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ арабскаго зодчества. Только въ Испаніи, говорятъ, можно видѣть такую чистоту и красоту линій арабскаго искусства. Минаретъ мечети считается самымъ изящнымъ изъ сохранившихся въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Мечеть, къ сожалѣнію, почти со всѣхъ сторонъ облѣплена домиками, очень мѣшающими насладиться общей красотой зданія. Въ мечети этой сохранилось одно изъ чудесъ арабскаго искусства—окна усыпальницы Каитъ-бея. Продѣланы они въ верхней части стѣнъ и въ основаніи купола; всѣ они очень узки, высоки и забраны стеклянной мозаикой; эта мозаика—чудо искусства. Рисунка въ смыслѣ фигуръ, растеній, животныхъ или людей нѣтъ. Куски стекла не велики, это остроугольные четвероугольники въ вершокъ длины. Вся красота—въ комбинаціи цвѣтовъ, а комбинаціи эти самыя необыкновенныя и поразительныя. Красныя, синія, желтыя, зеленыя, бѣлыя, фіолетовыя, розовыя, черныя и всякихъ другихъ цвѣтовъ стеклышки подобраны другъ къ другу удивительно. Смотришь на любой изъ нихъ и поражаешься: одинъ горитъ яркимъ яхонтомъ, другой свѣтится чуднымъ изумрудомъ, третій переливаетъ всѣми цвѣтами чистаго алмаза; посмотришь на окно—въ цѣломъ совсѣмъ не видишь составляющія его стеклышки, почти не замѣчаешь рисунка, зато въ глаза льетъ мягкій, нѣжный, успокаивающій свѣтъ. Въ одномъ окнѣ свѣтъ желтоватый; присматриваешься къ составляющимъ окно стекламъ, и желтыхъ почти не находишь; въ другомъ свѣтъ голубоватый—ищу и не нахожу ни одного голубого стекла. Красота этихъ мозаичныхъ оконъ не поддается описанію. Я видѣлъ прежде мозаичныя стекла въ мечетяхъ Константинополя, а потомъ въ мечети Омара въ Іерусалимѣ и въ соборѣ св. Стефана въ Вѣнѣ. Они превосходны. Но мозаичныя стекла св. Стефана настолько хуже и грубѣе мозаичныхъ стеколъ мечети Омара, насколько эти послѣднія грубѣе и хуже тѣхъ, которыми любовались мы въ усыпальницѣ Каитъ-бея. Разсказываютъ, что работалъ ихъ какой-то художникъ-стекольщикъ, человѣкъ исключительнаго таланта; онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ добрый мусульманинъ и послѣ смерти вѣрно гуріи рая приняли бы его въ объятія свои, еслибы только не одинъ грѣхъ: стекольщикъ пилъ мертвую,—сбили его съ толку заѣзжіе венеціанскіе купцы. Запьетъ, бывало, и недѣлю удержу нѣтъ. Станетъ протрезвляться, протрезвляется дня два; затѣмъ берется за

работу. Поработаетъ три, четыре дня—и опять закутилъ. А въ эти три, четыре дня выработаетъ кусокъ окна величиной въ кисть человѣческой руки. Пробовали поручать работу другимъ; никто ничего похожаго на то, что онъ дѣлалъ, сдѣлать не могъ. Ужъ самъ халифъ и увѣщевалъ, и строго корилъ его—ничто не помогало. Многіе годы работалъ онъ. Пилъ и работалъ. А когда кончилъ работу, то такъ закутилъ, что и мѣсяца не прошло, какъ онъ умеръ.

Путь къ могиламъ халифовъ и другой—отъ нихъ—оба по пескамъ. Дулъ легкій, но жгучій вѣтеръ. Солнце пекло неумолимо. Мы чувствовали необходимость отдохнуть, и направились въ гостинницу. Оказалось 47° Цельзія. Прислуга въ отелѣ спрашивала насъ: „Хамсинъ не пугаетъ васъ, господа?“—Хамсинъ? такъ это вѣтеръ хамсинъ? мы думали, онъ страшнѣе.—„Это самый легонькій, видите, отъ него никто и не прячется. А настоящій—бѣда. Вотъ поживете въ Египтѣ и увидите. Вамъ, впрочемъ, бояться нечего: на вновь пріѣзжихъ онъ дѣйствуетъ слабо“.

„Хамсинъ“ значитъ по-арабски—пятьдесятъ. Знойный вѣтеръ этого имени называется такъ потому, что дуетъ исключительно въ теченіе пятидесяти дней, ближайшихъ ко времени весенняго равноденствія. Дуетъ онъ не все время, но, разъ поднявшись, продолжается три дня; въ первый день онъ едва замѣтенъ; во второй сильнѣе, а въ третій невыносимъ.

При сильномъ „хамсинѣ“ въ воздухѣ носится тонкая, едва замѣтная глазу, но ѣдкая пыль, проникающая во всѣ отверстія и даже въ поры тѣла; дыханіе затрудняется; кажется, что дышешь воздухомъ раскаленной печи; слизистыя оболочки обсыхаютъ, кожа нерѣдко трескается, наступаетъ крайнее нервное возбужденіе, потомъ головная боль, а у слабыхъ личностей—сильнѣйшее головокруженіе; наконецъ, человѣкомъ овладѣваетъ тяжелая истома.

На европейцевъ хамсинъ дѣйствуетъ слабѣе, чѣмъ на египетскихъ уроженцевъ; на вновь пріѣзжихъ менѣе, чѣмъ на тѣхъ, кто освоился уже съ климатомъ страны.

Но „хамсинъ“ еще не самый страшный воздушный врагъ Египта. Есть „семумъ“ и „семусинъ“.

„Семумъ“ значитъ—ядъ. Вѣтеръ этотъ бываетъ не часто и проходитъ надъ страной въ видѣ бѣшенаго вихря, иногда теплаго, чаще холоднаго. Главная его особенность — масса песку и пыли, которые несетъ онъ съ собой. Дыханіе становится почти невозможнымъ; въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не видно; тучи песку и пыли или несутся съ страшной быстротой, или, чѣмъ-нибудь задержанныя хотя бы на минуту, осѣдаютъ цѣлыми го-

рами на соотвѣтственномъ пространствѣ, засыпая все живое. Въ городахъ и селахъ при приближеніи семума все прячется и запирается. Но горе путникамъ, застигнутымъ въ пустынѣ: караванъ останавливается; верблюды, никѣмъ не понуждаемые, ложатся на землю и стараются зарыть ноздри и даже всю голову въ песокъ и безъ движенія выжидаютъ, пока занесетъ ихъ или пока промчится ураганъ. По счастію для жителей сѣверо-западной части Африки, „семумъ“ никогда не бываетъ продолжителенъ,—минутъ пятнадцать, двадцать, не болѣе; но и этого всегда достаточно, чтобы погубить многихъ. Изрѣдка случается, что семумъ въ приморскихъ частяхъ Египта сопровождается ливнемъ; тогда дышать легче, на землю же падаютъ не пыль и песокъ, а массы жидкой грязи, и если это явленіе застанетъ небольшія лодки въ морѣ—всѣ онѣ идутъ ко дну отъ тяжести наполняющей ихъ мокрой глины и песку.

Есть наконецъ вѣтеръ, научно совсѣмъ еще не изслѣдованный, потому что дуетъ онъ въ десять, двѣнадцать лѣтъ разъ. Арабы называютъ его „семусинъ“. Это безспорно одно изъ ужаснѣйшихъ явленій природы, какъ бы соединеніе хамсина съ семумомъ, т.-е. вѣтеръ, несущій такія же массы песку и пыли, какъ „семумъ“, и въ то же время такой же жгучій, какъ „хамсинъ“. Исторія человѣчества представляетъ примѣръ того, что можетъ сдѣлать „семусинъ“. Персидскій завоеватель Египта Камбизъ двинулъ болѣе 200.000 человѣкъ въ Нубію; для сокращенія пути армія у главной излучины Нила пошла не по берегу рѣки, а наискосокъ, пустыней; большая часть дороги была пройдена и передовые отряды были уже въ виду Нила, когда вдругъ налетѣлъ „семусинъ“ и въ нѣсколько минутъ пожралъ войско Камбиза; въ живыхъ осталась едва двадцатая часть.

Есть признаки, по которымъ опытные мѣстные жители узнаютъ приближеніе хамсина или семума. Воздухъ становится неподвижнымъ, на горизонтѣ появляются сѣро-желтыя облачка, которыя потомъ принимаютъ багровый цвѣтъ; животныя обнаруживаютъ чувство большого безпокойства; людей давитъ какая-то тяжесть.

Что за состояніе должно быть при сильномъ хамсинѣ или семумѣ, не говоря уже о семусинѣ! Мы, какъ я сказалъ, попали въ легкій хамсинчикъ, въ такой легкій, что въ городѣ нисколько не уменьшилось движеніе, да и сами мы не думали даже, что задулъ хамсинъ, и все же минутами вовсе нечѣмъ было дышать.

Вечеромъ у насъ были гости. Одинъ изъ представителей русской колоніи и дипломатіи въ Каирѣ и арабъ-публицистъ, горячій патріотъ, человѣкъ, воспитанный въ западной Европѣ, но с

страстью юга преданный Египту и его доброму, разумному, красивому, но подавленному вѣчнымъ гнетомъ племени...

Гости звали насъ къ себѣ: соотечественникъ—на слѣдующій день завтракать, арабъ-публицистъ—черезъ день—обѣдать. Приглашенія мы приняли, но гостей не задерживали, такъ какъ утромъ предстояла намъ очень ранняя поѣздка на пирамиды.

III.

Было совсѣмъ еще темно, когда разбудилъ насъ стукъ въ дверь—это новый драгоманъ m-r Дмитри. Первый каирскій драгоманъ нашъ былъ несвѣдущъ и безтолковъ. Въ два дня онъ опротивѣлъ намъ. Мы искали другого, и намъ рекомендовали monsieur Dmitry. Дмитри этотъ красотою не блисталъ; лицо мѣдно-красное, полное, съ слегка надутой миной; брюшко, весьма и весьма примѣтное, замедляетъ движенія; костюмъ только-что приличный. Сразу видно, что нарядныя дамы такого урода брать съ собою не охотницы. А между тѣмъ онъ изъ числа дорогихъ и наиболѣе цѣнимыхъ драгомановъ, особенно для далекихъ путешествій. „Плутъ онъ“, говорили намъ, „смотрите въ оба, а то насчитаетъ нѣвѣсть что; зато уменъ и знаетъ свое дѣло“. Это-то намъ и было нужно. К. Н. тотчасъ послѣ обѣда условился съ нимъ, а часовъ въ 10 вечера онъ явился объяснить, что къ завтрашней поѣздкѣ на пирамиды все приготовлено, и затѣмъ, какъ бы между прочимъ, показалъ написанное по-русски удостовѣреніе, подъ которымъ стояли имена профессора Прахова, графа Г. А. Толстого и еще двухъ спутниковъ ихъ; съ ними въ 1887 году m-r Дмитри ѣздилъ въ верхній Египетъ и Нубію.

— Дѣйствительно, по всему видно, тонкій плутъ этотъ Дмитри,—говорилъ А.:—когда условливался, объ аттестаціяхъ не упомянулъ ни слова, а теперь сразу покорить сердца хочетъ.

Этотъ-то Дмитри и разбудилъ насъ, когда еще не было четырехъ часовъ ночи. Быстро одѣлись мы и пошли внизъ. Отель спалъ. Мы сѣли въ экипажъ. На освѣщенныхъ фонарями улицахъ ни души. Мы выѣхали къ Нилу. Съ него потянуло вѣтеркомъ — стало очень прохладно. Переѣхали великолѣпный желѣзный мостъ съ разводною частью для пропуска судовъ, украшенный громадными бронзовыми львами, и повернули на юго-западъ по шоссе, идущему сначала берегомъ Нила, а потомъ наискось къ горѣ

высокой дамбой, обсаженной съ обѣихъ сторонъ большими деревьями.

Неспѣшно бѣгутъ лошади въ темнотѣ, изрѣдка прерываемой свѣтомъ фонарей, стоящихъ то на правой, то на лѣвой сторонѣ дороги, на половину притомъ прикрытыхъ деревьями. Ни звука въ воздухѣ, ни одного встрѣчнаго существа. Сдѣлали уже болѣе трехъ верстъ, какъ вдругъ всѣ мы сразу невольно подались съ своихъ мѣстъ въ сторону: что-то неопредѣленное, но громадное словно прыгнуло въ коляску и заполонило все ея пространство. Черезъ секунду намъ стало смѣшно. Мы встрѣтились съ верблюжьимъ караваномъ. Сначала голова, а потомъ горой нагруженный корпусъ передового животнаго заслонили одинъ изъ фонарей и громадная, внезапно покрывшая насъ тѣнь почти испугала насъ. Вотъ второй и третій верблюдъ... Длинной вереницей идутъ они, беззвучно ступая по пыльной дорогѣ своими широкими, мозолистыми подошвами; рѣзко и совсѣмъ неожиданно выступаютъ противъ фонарей изъ полной темноты ихъ чудовищныя тѣни; каждый изъ нихъ медленно повернетъ къ коляскѣ свою высоко въ воздухѣ поднятую морду и словно съ удивленіемъ осмотритъ встрѣчныхъ въ столь необычное время.

Уже шесть верстъ проѣхали мы. Темень все та же. Но вотъ передъ нами, прямо передъ нами спустилось на землю что-то сѣрое, даже желтовато-сѣрое; затѣмъ опять и опять; вотъ оно стало расползаться и охватывать насъ.

— Туманъ?!—съ удивленіемъ и вопросомъ въ голосѣ сказалъ кто-то.

— Какой же тутъ туманъ можетъ быть!—отозвались другіе да и самъ сказавшій.

Сѣрое, ползшее вокругъ насъ, свѣтлѣло, но не само собой. И на насъ, и передъ нами спускались не то тучи, не то какіе-то свѣтлые слои, то съ желтоватымъ, то съ розоватымъ оттѣнкомъ. Такъ иногда на театральной сценѣ появляются вдругъ облака сверху, съ боковъ и снизу, и застилаютъ декораціи, а затѣмъ снова расползаются и изъ-за нихъ выступаютъ совсѣмъ уже другія картины. И странно—эти свѣтлыя массы спускались сверху до насъ и отъ насъ ползли ниже въ глубину по краямъ дамбы, а вслѣдъ затѣмъ поднимались изъ глубины, открывали все, что было тамъ внизу, сталкивались на одномъ съ нами уровнѣ съ новыми, спускавшимися сверху, еще болѣе свѣтлыми массами, сливались съ ними и расползались во всѣ стороны.

Вверху свѣтлѣло все больше и больше.

— Что же это, m-r Дмитри?—невольно вырвался вопросъ.

А Дмитри, сидѣвшій на козлахъ, повернулся къ намъ бокомъ и съ какой-то торжественностью въ голосѣ отвѣчалъ:

— Это... это день, господа; день взошелъ надъ нами; глазами видно, какъ теперь спускается онъ къ намъ. Взгляните только прямо вверхъ!

Вверху надъ нами было уже совсѣмъ свѣтло, чуть-чуть только алѣло. Свѣтъ широкими не то слоями, не то волнами, не то облаками спускался къ намъ и разливался ярче и ярче. Мы уже видѣли окрестные предметы. Горизонтъ расширялся съ каждымъ мгновеніемъ. Передъ глазами нашими будто раздвигались огромныя декораціи, выступали все новыя и новыя картины, выяснялась, а потомъ и ушла куда-то безконечная даль.

Торжествующе посматривалъ m-r Дмитри. Видно, не разъ наблюдалъ онъ впечатлѣніе, производимое на насъ, дѣтей сѣвера, этимъ чуднымъ, плавнымъ паденіемъ съ неба яркаго южнаго дня.

Только много позднѣе, уже въ Петербургѣ, выяснили мнѣ видѣнное нами явленіе. Оно—послѣдствіе близости пустыни, откуда вѣтеръ приноситъ массу мельчайшихъ, невидимыхъ глазу частицъ; онѣ такъ легки, что свободно держатся въ воздухѣ; при восходѣ солнца начинается нагрѣваніе и быстрое перемѣщеніе воздушныхъ слоевъ, а частицы, принесенныя изъ пустыни и освѣщаемыя подъ очень острымъ угломъ, принимаютъ различную окраску, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, какихъ лучей больше поглощаютъ вещества, составляющія пылинки той или другой части воздуха. Явленіе становится такимъ образомъ понятно, но все же наблюдателя поражаетъ и оно само по себѣ, и быстрота перехода отъ ночи къ дню, отъ совершенной тьмы къ сіяющему свѣту.

Но вотъ поворотъ дороги. На гребнѣ горы разомъ вырисовались широкія, покрытыя лиловатой дымкой грани Хеопсовой пирамиды.

Большія пирамиды, такъ-называемыя пирамиды *Гизе* или Гизехъ, по имени расположенной у подножія ихъ арабской деревушки, находятся на самомъ гребнѣ горы, на границѣ роскошной долины Нила и молчаливой, грозной пустыни. Можетъ, конечно, возникнуть вопросъ: какъ же одновременно и на границѣ долины, и на гребнѣ горы? Вотъ въ чемъ дѣло. Вдоль Краснаго моря идутъ высокія горы; онѣ поднимаются прямо и круто; высшія ихъ точки очень недалеки отъ берега; на западъ онѣ представляютъ наклонъ, который спускается, образуя Ливійскую пустыню до середины Сахары. Эта-то наклонная плоскость и пробита, съ

юга на сѣверъ, долиной Нила. Такимъ образомъ на правомъ восточномъ берегу Нила самыя низкія части горъ находятся у берега долины, и чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ мѣстность становится выше и выше; наоборотъ, на лѣвомъ западномъ берегу Нила, высшія съ этой стороны точки горъ находятся на самой границѣ долины и чѣмъ далѣе на западъ по Ливійской пустынѣ къ Сахарѣ, тѣмъ ниже и ниже становится мѣстность. Вотъ это-то часть горъ, господствующая на западъ надъ Ливійской пустыней, а на востокъ надъ долиной Нила, и выбрана была для постановки могильныхъ памятниковъ; на утесѣ расчищали широкія площадки и на нихъ воздвигали пирамиды.

Мы были въ верстѣ отъ величайшей изъ пирамидъ — Хеопсовой. Налѣво, т.-е. на югъ, виднѣлось что-то въ родѣ ряда навозныхъ кучъ. Это деревня Гизе или Гизехъ. Отъ нея по направленію къ намъ и къ пирамидамъ бѣжало десятка полтора-два людей въ черныхъ или полосатыхъ, бѣлыхъ съ чернымъ, бурнусахъ. М-г Дмитри пояснилъ намъ, что это арабы, сторожа пирамидъ, единственные на нихъ проводники, живущіе исключительно заработкомъ отъ путешественниковъ. Они замѣтили насъ и спѣшили на добычу. Шейху, по нашему — сельскому старостѣ, платится за каждаго путешественника что-то по пяти франковъ, но сверхъ того необходимо вознаградить и каждаго проводника въ отдѣльности, а въ какой мѣрѣ — зависитъ отъ состоянія кармана, отъ характера и настроенія духа путешественника.

Саженяхъ въ полутораста отъ пирамидъ подъемъ въ гору становится крутъ. Мы вышли изъ экипажа. Толпа арабовъ окружила насъ. Все худощавые, сухіе люди. Черты лица правильныя, глаза огненные. На плечахъ плащи, на головахъ тюрбаны. Всѣ безъ исключенія босые и ноги покрыты такой загрубѣвшей кожей, что, становясь на острые камни, они и не замѣчаютъ этого. Каждый вновь приходящій или подбѣгающій ласково киваетъ намъ головой. Нѣкоторые протягиваютъ руку. Очень многіе вступаютъ въ разговоръ — кто по-французски, кто по-англійски, кто по-итальянски. Но знаніе каждаго изъ этихъ языковъ ограничивается очень немногими словами, цѣлыхъ же фразъ почти не слышно. Всѣ они веселы, оживленны. Идемъ толпою, пересмѣиваемся, — мы другъ съ другомъ, они между собой.

Но вотъ и пирамиды. Чувство какого-то разочарованія овладѣваетъ у ихъ подножія. Воображеніе привыкло рисовать ихъ какъ нѣчто невѣроятно величественное и громадное. А тутъ смотришь — и ничего, кажется, удивительнаго нѣтъ, гора какъ гора;

но немного проходитъ времени—и начинаешь сознавать первоначальный обманъ чувствъ. Мы подходили къ серединѣ сѣверной грани Хеопсовой пирамиды; но гдѣ оканчивалась грань эта на западѣ и на востокѣ—намъ было не ясно; верхушка тоже не видна, хотя наклонъ видимо очень крутъ. Но вотъ мы около самой пирамиды и идемъ вдоль нижняго ряда составляющихъ ее ступенекъ. Странно, ступеньки эти мнѣ по поясъ. „Неужели и всѣ такъ? нѣтъ, видно только нижній ярусъ", думаю я. Долгонько однако идемъ мы вдоль пирамиды. Наконецъ подходимъ къ ребру, составленному сѣверной и восточной гранями; отсюда рѣшительно не видно, гдѣ заканчиваются грани, у начала которыхъ мы стоимъ. М-г Дмитри объясняетъ намъ, что это мѣсто подъема. Стараемся внушить арабамъ, что мы никуда не спѣшимъ, и просимъ, чтобъ вели насъ потише. Черномазые скалятъ зубы, хохочутъ, дружески треплютъ насъ по плечу. Вокругъ каждаго изъ насъ по пяти человѣкъ. Любопытствую узнать, зачѣмъ столько. Одинъ будетъ держать за правую, другой за лѣвую руку, третій подталкивать сзади, четвертый про запасъ и онъ же несетъ воду, пятый—докторъ. „Докторъ, зачѣмъ докторъ, какой докторъ?"—съ удивленіемъ спрашиваю я.—„Докторъ",—увѣреннымъ и убѣжденнымъ тономъ отвѣчаютъ мнѣ, безъ всякихъ однако дальнѣйшихъ объясненій.

Вотъ мы и готовы. Впереди А. И., потомъ К. Н., я послѣдній. Начинаемъ всходить. Поднимаемся по самому ребру, образуемому сѣверной и восточной гранями. Идемъ зигзагами. Поднявшись на одну ступеньку сѣверной грани, дѣлаемъ по ней нѣсколько шаговъ, огибаемъ уголъ, ребро пирамиды, проходимъ три, четыре шага по восточной грани и затѣмъ поднимаемся на слѣдующую ступеньку; по ней назадъ, опять огибаемъ ребро, опять три, четыре шага по сѣверной грани, новый подъемъ на ступеньку и опять все тоже. Въ первыя минуты казалось непонятнымъ, къ чему всѣ эти зигзаги, но потомъ видимъ, что иначе не можетъ правильно размѣститься вся кучка людей, составляемая путешественникомъ и ведущими его арабами. Когда идешь по ступенькѣ пирамиды, одинъ изъ арабовъ, держащій руку, обращенную къ пирамидѣ, идетъ ступенькой выше и держитъ руку путешественника вверхъ; другой, держащій руку, обращенную наружу, идетъ ступенькой ниже; за нимъ запасной арабъ, а сзади путешественника—тотъ, который подталкиваетъ, когда поднимаешься на ступеньку. Чтобъ взобраться на нее, приходится обернуться лицомъ къ пирамидѣ; арабъ, держащій наружную руку, быстро вскакиваетъ на ступеньку рядомъ съ путешественникомъ и потомъ на слѣдующую

выше, такъ что обѣ руки взбирающагося протянуты вверхъ; тутъ заносишь колѣно и въ эту минуту оба араба, держащіе руки, тянутъ вверхъ, стоящій сзади приподымаетъ и подталкиваетъ тоже вверхъ, а запасной готовъ подхватить, еслибы скользнула нога или покачнулось тѣло. Поднимаешься на каждую ступеньку цѣлымъ рядомъ движеній, заносишь на нее колѣно, упираешься въ него, заносишь другую ногу, приподнимаешься на ней и потомъ уже только становишься на обѣ ноги. Началъ было я заносить все время колѣно правой ноги, но скоро увидѣлъ, что нужно перемѣнять ноги, а то не выдержишь, и неудивительно—ступеньки огромныя. Двѣ трети ихъ около аршина и двухъ вершковъ (узналъ я это потомъ, смѣривъ высоту, на которую приходилось заносить колѣно), а треть еще выше, едва ли менѣе полутора аршина; подниматься на эти-то послѣднія ступеньки особенно утомительно.

Начавъ съ свѣжими силами, я взошелъ сразу болѣе чѣмъ на треть высоты пирамиды. Но болѣзнь, бывшая у меня лѣтъ семь тому назадъ, дала тутъ себя знать—въ боку сильно закололо, я долженъ былъ остановиться. Арабы моментально усадили меня. Запасной, четвертый, подалъ кувшинъ съ водой и объяснилъ, что я долженъ хлебнуть и хорошенько пополоскать ротъ, но ни въ какомъ случаѣ не проглатывать воду; я такъ и сдѣлалъ; затѣмъ передо мной очутился „докторъ“ и сталъ сначала легко, а потомъ все сильнѣе и сильнѣе массировать то ту, то другую ногу, онъ растиралъ и вытягивалъ ихъ, и какъ это хорошо дѣйствуетъ! мускулы, сильно болѣвшіе передъ тѣмъ, совершенно освѣжѣли, въ ногахъ не осталось и слѣда усталости, одно только дыханіе было еще тяжело и неровно.

Я взглянулъ внизъ. Теперь только, зная, что мы прошли треть высоты пирамиды, зная высоту ступенекъ и видя, какъ представляются мнѣ внизу и нашъ экипажъ, и нашъ драгоманъ Дмитри, и окружающіе его египетскіе блюстители порядка, теперь только сталъ я ясно понимать чудовищную величину громады, на которую лѣзъ.

Вотъ я отдохнулъ, и шествіе опять двинулось. Камни, образующіе соприкосновеніемъ своимъ ребро, уголъ пирамиды, крошатся да отчасти и стираются—видно, не мало народа влѣзаетъ по нимъ. Послѣ перваго привала послѣдовалъ второй, за вторымъ третій, каждый все скорѣе и скорѣе. Когда я остановился для третьяго привала, въ боку у меня была такая боль, какъ никогда, голова кружилась, дыханіе порывисто и тяжело, сильная тошнота,—ощущеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ предше-

ствующаго рвотѣ при морской болѣзни. Я даже думалъ одну минуту, не вернуться ли,—но узнавъ, что до вершины уже недалеко, напрягъ силы и пошелъ. Вотъ и верхушка. Мои спутники были уже тамъ. Боже мой, съ какимъ удовольствіемъ опустился я на груду камней, наваленныхъ по серединѣ верхней площадки!

Первыя минуты я мало что видѣлъ и понималъ; то же было и съ моими спутниками. „Доктора“ опять растираютъ ноги, опять даютъ пополоскать ротъ и позволяютъ даже напиться. Проходитъ минутъ десять; головокруженіе кончилось, мы совсѣмъ оправились и осматриваемся. Надъ нами шестъ: онъ обозначаетъ первоначальную высоту пирамиды, такъ какъ нѣсколько рядовъ камней, такой же величины, какъ и предъидущія ступеньки, сняты были отсюда и пошли на разныя постройки. Площадка, на которой мы находимся, довольно велика; она представляетъ равносторонній прямоугольникъ, каждая сторона котораго болѣе $12^1/_2$ аршинъ. Наши „доктора“, оказавшіеся самыми сильными и ловкими изъ арабовъ, говорятъ, что они, за три франка каждый, спустятся съ Хеопсовой пирамиды, на которой мы сидимъ, и взберутся на ближайшую къ ней вторую по величинѣ пирамиду Хефрена, сдѣлавъ это притомъ не болѣе какъ въ $^1/_4$ часа. Мы соглашаемся. На Хефренову пирамиду путешественники не взбираются, потому что вверху на ней осталась часть облицовки, которою прежде сплошь покрыты были пирамиды. Облицовка эта закрывала ступеньки, такъ что грани пирамиды представляли не лѣстницу, какъ теперь, а наклонную плоскость, изъ отполированнаго гранита, такую скользкую и крутую, что на ней едва ли удержалась бы кошка, не только человѣкъ. Эта облицовка обѣихъ пирамидъ разобрана была халифами, и большинство каирскихъ древнихъ мечетей и дворцовъ выстроено изъ доставленнаго ею матеріала. Вотъ часть этой-то облицовки и сохранилась наверху Хефреновой пирамиды, не сплошь, конечно, а широкими пятнами. Въ этомъ трудность подъема на пирамиду. Получивъ наше согласіе, „доктора“ стали быстро спускаться, затѣмъ скоро пробѣжали раздѣлявшее обѣ пирамиды пространство и полѣзли на вторую. Мы съ биноклями въ рукахъ слѣдили за ними. Часто исчезали они, такъ какъ поднимались тоже у ребра и не были намъ видны, когда переходили на восточную грань. Вотъ первый изъ нихъ у узкой полосы облицовки. Онъ ложится на животъ, весь распластался, широко раскинувъ руки и ноги, и чуть-чуть движется, цѣпляясь за всякую неровность и медленно подвигаясь къ слѣдующему уступу; вотъ и другой. За $^1/_2$ ми-

нуты до истеченія четверти-часового срока первый изъ арабовъ-докторовъ былъ на верхушкѣ и торжественно махалъ снятымъ съ плечъ плащемъ; второй опоздалъ минутъ на пять; третьему взобраться совсѣмъ не удалось.

Мы стали осматривать окрестность. На востокѣ и на юго-востокѣ тянулась долина, въ которой широкой лентой искрился Нилъ; на сѣверо-востокѣ Каиръ съ его мечетями, минаретами и садами; на западѣ, въ видѣ гигантскаго спуска, идущаго отъ насъ вдаль, лежитъ Ливійская пустыня; рѣдко гдѣ приподымаются надъ нею небольшіе песчаные бугры; ни дерева, ни кустика, ни травки—сѣро-желтый песокъ и такіе-же сѣро-желтые камни; и эта пустыня идетъ не только отъ насъ, отъ пирамидъ,—она охватываетъ и ихъ; и выровненная площадь, на которой стоятъ пирамиды, и ближайшая ея окрестность, и спускъ къ долинѣ, все занесено пескомъ; сами пирамиды аршинъ на десять въ высоту уже засыпаны этимъ грознымъ врагомъ.

Настроеніе наше было не изъ розовыхъ; послѣ труднаго подъема предстоялъ спускъ, а каковъ-то онъ будетъ—неизвѣстно; день тоже былъ непривлекательный: горизонтъ съ востока покрытъ желтыми тучами, не дождевыми, а пыльными, и солнце не видно изъ-за нихъ.

Несмотря на такія неблагопріятныя обстоятельства, здѣсь на высотѣ, воздвигнутой руками человѣческими шестьдесятъ вѣковъ тому назадъ, невольно охватывало какое-то высокое чувство и совершенно особенное настроеніе.

Мы попирали камни этого могучаго стража пустыни. На востокъ отъ него плодоносный Нилъ, вѣчно живящій и оплодотворяющій чудную долину, орошаемую имъ—тамъ жизнь, движеніе, тамъ колыбель цивилизаціи, наукъ, искусствъ, ремеслъ, тамъ образовывались, тамъ жили и умирали царства и народы. А тутъ, налѣво, на западъ—мертвая пустыня, родина жгучаго хамсина и удушающаго семума, врагъ всего живого. Вокругъ этой пирамиды уже тысячелѣтіе идетъ страшная борьба между Ниломъ и пустыней, между Озирисомъ и Тифономъ, между жизнью и смертью. Теперь, кажется, явно одолѣваетъ пустыня.

Нужно однако было сходить внизъ. Одинъ изъ арабовъ снялъ съ себя чалму; она выткана въ видѣ длинной полосы, въ родѣ полотенца. Онъ обвязалъ меня ею у пояса, сдѣлавъ узелъ сзади, и свободный конецъ, аршина два въ длину, не выпускалъ изъ рукъ. Двое арабовъ взяли меня за руки. Со ступеньки на ступеньку спрыгиваютъ, стараясь согнуть при прыжкѣ колѣни для того, чтобъ упасть на носки возможно эластичнѣе; въ то самое

мгновеніе, когда ноги касаются ступеньки, на которую прыгаешь, арабъ, держащій въ рукахъ конецъ обернутой вокругъ пояса чалмы, приподнимаетъ васъ вверхъ, отчего прыжокъ дѣлается еще легче. Я не люблю большія высоты—у меня голова кружится; я думалъ поэтому, что сходить будетъ хуже, нежели взбираться; но пирамиды въ ширину гораздо больше, чѣмъ въ высоту, и потому, спускаясь, не видишь передъ собою бездну, а только ближайшіе ряды ступенекъ; вотъ почему головокруженія у меня не было; притомъ я какъ-то очень приноровился комбинировать прыжки свои съ движеніями арабовъ, какъ державшаго конецъ чалмы, такъ и двухъ другихъ, спускавшихся вмѣстѣ со мною, крѣпко сжимая пальцы моихъ рукъ. Спускъ мнѣ показался очень легокъ, сравнительно съ подъемомъ; сотоварищи же мои нашли его непріятнѣе подъема. Разница произошла, быть можетъ, оттого, что больной бокъ мой сильнѣе страдалъ, когда приходилось лѣзть вверхъ.

Подымались мы, какъ я уже сказалъ, зигзагомъ у ребра, образуемаго сѣверной и восточной гранями пирамиды; спускались тоже зигзагами, но съ противоположной стороны, у ребра южной и западной граней.

Чувство искренняго удовольствія овладѣло всѣми нами, когда не камни пирамидъ, а простой песокъ почувствовали мы подъ ногами. Кончилась полная зависимость отъ чумазой толпы, окружавшей насъ, движенія стали свободны—мы можемъ пойти куда хотимъ и какъ хотимъ. Арабы обступили насъ, и мы не поскупились на „бакшишъ“—всю мѣдь, все серебро и все золото, что были на насъ троихъ, все отдали мы и отдали безъ сожалѣнія... Самое, быть можетъ, тяжелое и непріятное, что только есть въ подъемѣ на пирамиды—это сознаніе безусловной зависимости отъ окружающихъ дикарей, сознаніе, что если вы живы, то только по ихъ милости, что стоитъ толкнуть васъ, и не останется костей вашихъ; мало того, бросятъ они васъ, и вы сами не доберетесь до земли. Прежде, говорятъ, случалось, что арабы взведутъ европейца на макушку пирамиды, оберутъ, да и бросятъ тамъ; бывало даже, что и сталкивали внизъ. Теперь это—„преданья старины глубокой“. Правительство установило порядокъ очень простой, но цѣлесообразный. Арабамъ деревни Гизехъ поручено „блюсти“ пирамиды и взводить на нихъ путешественниковъ; внизу два полицейскихъ, перемѣняемыхъ еженедѣльно. Въ случаѣ несчастья съ кѣмъ-нибудь изъ путешественниковъ, шейху деревни —висѣлица; одинъ и былъ повѣшенъ безъ всякихъ разговоровъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Такимъ образомъ передъ шейхомъ ди-

лемма—или всю жизнь собирать обильную дань съ путешественниковъ, или петля на шею; естественно, онъ смотритъ въ оба и въ проводники выбираетъ людей и надежныхъ, и сильныхъ.

Мы все это знали, а все же чувствовали себя на пескѣ пустыни куда лучше, чѣмъ на ступенькахъ пирамиды.

Мы обошли ее съ двухъ сторонъ; но прежде чѣмъ осматривать внутренность, рѣшили напиться кофе въ сосѣдней гостинницѣ, чтобъ собраться съ мыслями и вполнѣ отдохнуть.

Устроена гостинница, конечно, для англичанъ. Нумеровъ двѣнадцать, пятнадцать и всѣ заняты. Молодежь забавляется охотою въ пустынѣ за шакалами. Кофе показался намъ превосходнымъ, тѣнь комнаты упоительной. Посудивъ да порядивъ, рѣшили отправиться къ большому сфинксу, а въ середину пирамиды не лазить, такъ какъ тамъ кромѣ узкихъ корридоровъ, пыли и удушающаго воздуха—ничего нѣтъ.

Я не стану разсказывать исторію постройки пирамидъ, описывать подробно ихъ устройство. Интересующіеся этимъ предметомъ найдутъ соотвѣтственныя данныя или въ путеводителяхъ, или въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Я напомню только существенные факты и цифры.

„Сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ“,—говорилъ войскамъ своимъ Наполеонъ передъ сраженіемъ, въ которомъ потомъ на-голову разбилъ тогдашнихъ владыкъ Египта, мамелюковъ. Наполеонъ ошибался, говоря такъ: не сорокъ, а по крайней мѣрѣ шестьдесятъ вѣковъ смотрѣли на него и на его воинство съ высоты Хеопсовой пирамиды. Новѣйшія раскопки и открытія дали возможность съ большей долей точности установить хронологію династій, царствовавшихъ въ Египтѣ въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ, предшествовавшихъ Рождеству Христову. Только событія болѣе отдаленныхъ эпохъ не освѣщены еще научными изслѣдованіями. Три пирамиды Гизе, двѣ большихъ—Хеопсова и Хефренова—и одна маленькая воздвигнуты царями мемфисской династіи. Пирамиды были могильными памятниками. Древніе египтяне, вѣря въ день воскресенія, гораздо болѣе заботились объ устройствѣ домовъ мертвымъ, чѣмъ живымъ. Жизнь человѣческая сама по себѣ такъ коротка! стоитъ ли много хлопотать о ней? Но черезъ многія тысячелѣтія придетъ минута, когда душа станетъ отыскивать покинутое когда-то ею тѣло. Какъ радостно будетъ ей найти его цѣлымъ и невредимымъ! Отсюда лишеніе погребенія было величайшимъ изъ наказаній египтянина. Отсюда же возведеніе могильнаго памятника, предназначеннаго вмѣстить тѣло владыки страны, было дѣломъ высок-

угоднымъ божеству, своего рода подвигомъ. Только такимъ воззрѣніемъ древнихъ египтянъ объясняются чудовищныя работы, потребовавшіяся, чтобъ воздвигнуть такія громады, какъ пирамиды Хеопса и Хефрена. Хеопсова пирамида имѣетъ теперь, по снятіи облицовки, 107 саженъ въ длину и въ ширину, 64 1/2 сажени въ высоту. Въ пространство, соотвѣтствующее ея гранямъ, свободно помѣстился бы соборъ Петра и Павла въ Римѣ. Для того, чтобъ пирамиды производили впечатлѣніе красоты и стройности, онѣ должны были бы по теперешней длинѣ и ширинѣ ихъ быть на половину выше того, что онѣ есть. Приданная имъ форма лишила ихъ красоты и граціи, но зато дала такую устойчивость и прочность, что въ то время, какъ другіе великіе храмы Египта были на половину разрушены землетрясеніемъ, въ 27 году нашего лѣтосчисленія, однѣ пирамиды остались не только цѣлы, но и невредимы. Грани пирамидъ расположены математически правильно по отношенію къ сторонамъ свѣта: на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ; онѣ представляютъ наклонъ въ 52 градуса, а длина ихъ по ребру отъ земли до верхней площадки—82 сажени. Сложены пирамиды изъ твердаго песчаника; камень этотъ выработывался въ горахъ противоположнаго берега рѣки и на верхнемъ Нилѣ; доставлялся онъ сначала водой, а потомъ по особенно для того устроенной дорогѣ, остатки которой погребены подъ песками пустыни и подъ наносами Нила. Сколько положено труда на Хеопсову пирамиду, можно судить по тому, что, по словамъ Геродота, на ней работало въ теченіе 30 лѣтъ слишкомъ по 100.000 человѣкъ, смѣнявшихся каждые три мѣсяца. На покупку чесноку, луку и рѣдьки, составлявшихъ приправку къ пищѣ строившихъ ее рабочихъ, пошло 600 талантовъ, т.-е. 2,190.000 рублей на наши деньги, что по тогдашнимъ цѣнамъ представляетъ непомѣрную сумму.

Такихъ громадныхъ пирамидъ только двѣ—Хеопсова и Хефренова. Остальныя куда меньше, а есть такія, которыя едва выдвигаются изъ песковъ пустыни. Вотъ чѣмъ объясняется эта разница. Какъ только новый царь вступалъ на престолъ предковъ, онъ выбиралъ мѣсто для своей усыпальницы—всегда, впрочемъ, на горномъ кряжѣ западнаго берега Нильской долины; мѣсто это расчищали, и работа начиналась; закладывалась первоначально небольшая пирамида; когда она со всѣми внутренними ходами и усыпальницей была готова, а царь, для котораго она предназначалась, продолжалъ еще царствовать, къ ней снаружи прикладывали со всѣхъ сторонъ все новые и новые слои камней вплоть до самой смерти начавшаго ее царя. По кончинѣ его

докладывали до верхушки только тотъ рядъ камней, котораго основаніе положено было при его жизни; въ оставленныхъ внутри пирамиды пустотахъ помѣщали мумію царя, его жены и по большей части муміи умершихъ при жизни его дѣтей, а затѣмъ задѣлывали проходы и всю пирамиду покрывали облицовкой. Окончательная отдѣлка пирамиды производилась иногда и много послѣ смерти воздвигшаго ее фараона. Такимъ образомъ, величина пирамиды была въ непосредственной зависимости отъ числа лѣтъ царствованія фараона. Чѣмъ дольше онъ былъ на престолѣ, тѣмъ больше была она. Оттого-то наиболѣе велики пирамиды Хеопса и Хефрена, такъ какъ первый царилъ 66 лѣтъ, а второй 63 года. Можетъ показаться, что разсказъ Геродота о томъ, будто по 100.000 человѣкъ тридцать слишкомъ лѣтъ строили Хеопсову пирамиду, какъ бы противорѣчитъ только-что изложенному; но это только повидимому. Пирамиды надъ фараонами, пробывшими на царствѣ годъ или два, все же не были крохотными зданіями—это было бы непристойно по воззрѣніямъ египтянъ. Minimum размѣра постройки былъ вѣроятно опредѣленъ не очень малый. Величина пирамиды, соотвѣтствующая 25—30-лѣтнему царствованію, никого не могла удивить по ея обыденности. Иначе становилось дѣло, когда постройка переваливала за первыя 30 лѣтъ. Каждый новый слой камней, обхватывавшихъ предъидущіе, требовалъ все больше матеріала и усилій; работа все усложнялась, количество же людей, ею занятыхъ, не могло увеличиваться постоянно; оно ограничивалось пространствомъ, на которомъ должны были они работать. Такимъ образомъ разсказъ Геродота очевидно относится лишь ко второй половинѣ царствованія Хеопса.

Долго не находили входъ въ пирамиды Хеопса и Хефрена; при Мехмедѣ-Али пробивали даже галерею въ самой толщѣ первой пирамиды и много лѣтъ работали, углубляясь все дальше и дальше, пока наконецъ не наткнулись на корридоръ, одинъ конецъ котораго велъ внутрь зданія, въ усыпальницу царя, а другой—къ наружному выходу. Надъ царской усыпальницей—другая, повидимому царицына, а надъ нею еще пять комнатъ одна надъ другою; всѣ онѣ узкими проходами соединены съ основнымъ, выходящимъ наружу. Подъ усыпальницей глубокій колодезь, пробитый въ скалѣ и, вѣроятно, соединявшійся прежде съ Ниломъ.

Возвращаюсь однако къ дальнѣйшимъ осмотрамъ нашимъ. Отдохнувъ въ гостинницѣ, мы двинулись къ большому сфинксу. Это недалеко оттуда—съ версту. Мы отправились не пѣшкомъ, а на верблюдахъ, чтобъ испытать ѣзду на нихъ. Египетскіе верблюды одногорбые. Сѣдло укрѣплено на верхушкѣ горба; что и

на него взобраться, верблюда заставляютъ лечь; онъ обыкновенно при этомъ недоволенъ и реветъ. Садятся верхомъ, какъ въ обыкновенное сѣдло; ноги вкладываютъ въ стремена. Погонщики совѣтуютъ однако крѣпко держаться за обѣ высокія луки сѣдла въ то время когда верблюдъ будетъ подыматься. И это совершенно необходимо. Поднимаясь на заднія ноги, верблюдъ при этомъ даетъ такой толчокъ, что, не держась за заднюю луку, непремѣнно перелетишь черезъ голову; а когда онъ поднимается на переднія ноги, то толчокъ спереди назадъ тоже такой, что нѣтъ ничего легче, какъ вылетѣть изъ сѣдла. Идутъ верблюды медленно, и качка ровная, но очень широкая. Глядя сбоку, можно сначала подумать, что сидящій на верблюдѣ дѣлаетъ нарочно большіе размахи. Когда же верблюдъ бѣжитъ, качка меньше, но она становится очень непріятной и неровной, такъ что у непривычныхъ къ этой ѣздѣ дѣлается тошнота и даже рвота.

Нашъ проводникъ Дмитри усѣлся на осла. Что за фигура! На головѣ кефіэ—большой пестрый плотный шолковый платокъ, которымъ голова обернута нѣсколько разъ, а длинные концы, откинутые назадъ, прикрываютъ шею и плечи отъ дѣйствія жгучихъ солнечныхъ лучей; массивная фигура, съ далеко впередъ выдавшеюся округлостью брюшка, почти прикрываетъ ослика, семенящаго подъ нимъ ножками; голова какъ-то гордо откинута въ сторону; онъ поглядываетъ кругомъ совсѣмъ побѣдоносно; толпа арабовъ такъ и льнетъ къ нему, а онъ угощаетъ то того, то другого добрыми ударами длиннаго ременного повода.

Проѣхали мимо пирамидъ. Спустились подъ гору. Вотъ и сфинксъ. Онъ теперь откопанъ отъ песку, которымъ былъ занесенъ. Туловище львиное, голова человѣчья—соединеніе двухъ символовъ: силы и мудрости. Лицо попорчено, отбита часть носа и правой щеки—это мамелюки передъ битвой съ Наполеономъ пристрѣливали по сфинксу свою артиллерію. Фигура лежачая почти цѣликомъ высѣчена изъ скалы, только часть крупа и лапъ докончены каменной кладкой. Между лапами небольшой храмъ. Длина фигуры отъ лапъ до корня хвоста 27 саженъ. Древность этого памятника трудно опредѣлить. Теперь вполнѣ выяснено, что при подготовительныхъ работахъ по постройкѣ Хеопсовой пирамиды рабочіе наткнулись на этотъ сфинксъ и на развалины храма, у преддверія котораго онъ стоялъ. И сфинксъ, и храмъ, занесены были пескомъ пустыни. Хеопсъ приказалъ откопать ихъ. Ни память жившихъ въ то время людей, ни іероглифическія письмена не сохранили преданій ни о томъ, когда былъ высѣченъ сфинксъ, ни о томъ, когда засыпалъ его песокъ. Рас-

копка его Хеопсомъ выяснена надписями на пирамидахъ. Пирамидѣ Хеопса 6.000 лѣтъ—сколько же тогда лѣтъ сфинксу?! Мы взбирались на хребетъ чудовища, лазили на его лапы. Повернутъ онъ лицомъ прямо на востокъ, навстрѣчу восходящему солнцу, и олицетворяетъ собой бога Ра или Гаруса, по нашему—богъ Солнца.

Хотя лицо и испорчено мамелюкскими ядрами, но все же великолѣпно. Сколько въ немъ величаваго спокойствія, подернутаго глубокой, грустной задумчивостью. Смотришь, смотришь на него и еще смотрѣть хочется. Сколько вѣковъ прошло надъ его головой, сколько событій пронеслось у ногъ его, сколько поколѣній приносили ему жертвы! И если бы когда-нибудь хоть слово могъ проронить онъ, нѣтъ, кажется, сомнѣнія не произнесъ бы онъ ничего иного, кромѣ словъ царя-мудреца Соломона: „суета суетъ и всяческая суета".

Сфинксъ произвелъ на насъ сильное и меланхолическое впечатлѣніе. Мы хотѣли имѣть большую его фотографію. Ее не случилось. Тогда мы предложили живущему у пирамидъ фотографу снять группой всѣхъ насъ, съ m-r Дмитри, арабами и верблюдами, и все это на такомъ разстояніи отъ сфинкса, чтобъ видна была вся могучая голова его, устремленный впередъ взоръ и грустно улыбающіяся губы.

Становилось жарко. Мы зашли посмотрѣть развалины храма, у входа въ который стоялъ сфинксъ; остатковъ немного, но каждый камень этой кладки вѣситъ тысячи пудовъ. Затѣмъ мы заглянули къ фотографу, посмотрѣть группы, снятыя съ нашихъ великихъ князей, невадолго передъ тѣмъ посѣтившихъ пирамиды, съ ихъ свиты и проводниковъ; потомъ еще разъ уже при содѣйствіи Дмитри одарили арабовъ и пустились обратно въ Каиръ.

Пріѣхали въ гостинницу, переодѣлись и въ часъ дня бодро отправились завтракать къ пригласившему насъ наканунѣ соотечественнику. Оттуда должны мы были ѣхать смотрѣть Булакскій музей, собраніе памятниковъ египетской старины, единственный по богатству и художественной цѣнности помѣщенныхъ въ немъ предметовъ. Но не тутъ-то было. За завтракомъ спрашиваетъ меня хозяинъ, играю ли я въ винтъ. Отвѣчаю и отвѣчаю сущую правду, что почти не играю, такъ какъ не люблю и не умѣю. Дернуло тутъ К. Н. сочинить: „ну, нѣтъ, мы съ женой его уже порядкомъ подъучили"; хозяинъ обрадовался. —„Вы не можете, не имѣете права, господа, отказать мнѣ въ удовольствіи повинтить съ русскими".—Пришлось сѣсть. Провинтили сотню франковъ и отдѣлались только въ половинѣ пятаго.

До музея двѣ версты, а закрывается онъ въ пять часовъ. Дѣлать нечего, опоздали. Какъ бранился К. Н.!

„Винтить въ Каирѣ-то?! За этимъ что-ли изъ Москвы ѣхали? Добыть намъ разрѣшеніе осмотрѣть дворцы—этого нельзя, повернуться, вѣрно, трудно—а засадить за винтъ можно!“

— А помните: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами. Сами накликали. Вотъ вамъ и Булакскій музей! Дѣлать нечего, поѣдемъ посмотрѣть за городъ катанье здѣшней знати.

Такъ и сдѣлали.

На этотъ разъ катающихся было немного, и ничего особенно интереснаго мы не видѣли; попадаются только нерѣдко кареты, на козлахъ которыхъ сидитъ евнухъ; иногда же евнухъ ѣдетъ верхомъ сзади; въ дверцахъ такихъ каретъ за стеклами вставлены желѣзныя рѣшетки; за рѣшетками сидятъ гаремныя дамы; веселое катанье!

М-г Дмитри провезъ насъ къ мѣсту, на которомъ молодые англичане, офицеры и статскіе, играютъ въ „поло“. Мы долго любовались ими. Играющіе раздѣляются на двѣ партіи, по четыре человѣка въ каждой; отличаются партіи цвѣтомъ перевязи черезъ плечо. Посреди арены лежитъ шаръ, четырехъ или пяти вершковъ въ діаметрѣ. У каждаго играющаго въ рукахъ молотокъ въ родѣ того, что употребляется въ крокетѣ, но только гораздо больше, а ручка аршина полтора длины. По данному сигналу всѣ восемь всадниковъ несутся къ шару. Задача каждой партіи—загнать шаръ къ себѣ въ „домъ“, у одной партіи на одной, у другой на другой сторонѣ арены; если въ теченіе 15 минутъ это не удалось, игра считается ни въ чью. Повидимому, болѣе 15 минутъ лошадямъ, безъ вреда для нихъ, трудно выдержать ту страшную работу, которую тутъ задаютъ имъ.

Что за удовольствіе смотрѣть на эту игру! Вотъ загудѣлъ шаръ подъ первымъ ударомъ и помчался по данному ему направленію; двое игроковъ той же партіи несутся за нимъ, чтобы новымъ толчкомъ докатить его до „дому“; но одинъ изъ противниковъ круто поворачиваетъ лошадь, какъ метеоръ проносится передъ нагоняющими шаръ и на бѣшеномъ карьерѣ сильнымъ ударомъ, наотмашь спереди назадъ, поворачиваетъ шаръ къ серединѣ арены; его друзья видятъ поворотъ, настигаютъ шаръ и новыми ударами гонятъ его далѣе къ себѣ. Но и противники не дремлютъ.

Ни одинъ изъ играющихъ не остановился ни на одну минуту. Быстрой рысью ѣдутъ всѣ они, и едва кто-нибудь замѣтитъ, что шаръ находится въ такомъ положеніи, что именно онъ, этотъ

играющій, можетъ скорѣе другихъ долетѣть до него, даетъ шпоры коню, несется какъ стрѣла и ловкимъ ударомъ направляетъ шаръ или къ себѣ „домой“, или такъ, чтобы тотъ очутился подъ ударами лицъ той же партіи. Черезъ семь или десять минутъ, послѣ начала игры лошади уже всѣ въ пѣнѣ. Бѣшеный карьеръ, въ который приходится имъ переходить нѣсколько разъ въ минуту, быстрыя перемѣны одного аллюра на другой, чрезвычайно крутые повороты—все это утомляетъ и горячитъ лошадей. Съ какимъ мастерствомъ управляютъ ими сѣдоки; какая свобода движеній; какая нужна вѣрность руки и глаза, чтобы на всемъ скаку нагнать и ударомъ молотка повернуть быстро катящійся шаръ! Но и сами лошади принимаютъ участіе въ игрѣ; кровныя, нервныя, умныя животныя отлично понимаютъ, что отъ нихъ требуется, и нерѣдко видишь, какъ онѣ, безъ малѣйшаго движенія игрока, вдругъ рванутся и какъ вихрь мчатся къ шару. И что же, просмотрѣли мы четыре партіи и не увидѣли ни одного столкновенія. Одни и тѣ же игроки играли по два раза подъ-рядъ; между играми четверть часа отдыху; но два раза на однѣхъ и тѣхъ же лошадей не садятся.

Зрителей игры больше чѣмъ участниковъ. Здѣсь и сѣдой дипломатъ, и врачъ изъ-подъ тропиковъ, и коммерсантъ, и много военныхъ, а еще больше молоденькихъ миссъ и даже кудрявыхъ дѣтишекъ. Здѣсь не видно англійской флегмы; всѣ одобряютъ, всѣ хлопаютъ или громкими возгласами провожаютъ удачный ударъ.

— Вотъ это кавалеристы! — невольно вырывается у насъ.

Обѣдали мы въ этотъ день съ тремя публицистами-арабами. Разговоръ былъ очень оживленный. Наслушались мы много интереснаго и о странѣ, и о коптахъ, ея аборигенахъ, и объ англичанахъ, и о нашей мѣстной дипломатіи.

— Сами увидите, тогда повѣрите,—говорили собесѣдники наши.

И точно, потомъ увидѣли.

IV.

16-го марта мы поднялись очень рано. Нужно было ѣхать на самую отдаленную отъ центра города станцію желѣзной дороги, версты четыре отъ нашего отеля. Мы поспѣшили и попали къ первому утреннему поѣзду.

Полотно дороги проложено верстахъ въ двухъ, трехъ отъ

Нила, иногда же въ виду его. Въ одномъ мѣстѣ оно проходитъ лѣсомъ пальмъ, насаженныхъ еще при Мехмедѣ-Али.

Мы уже видѣли не мало пальмъ и въ одиночку, и группами, и цѣлыми плантаціями, но лѣса пальмъ до сихъ поръ еще не встрѣчали.

Престранно иногда складываются людскія понятія.

„Лѣсъ пальмъ! какую красоту рисуетъ намъ воображеніе при выраженіи этомъ! сколько поэзіи привыкли мы соединять съ нимъ! То ли въ дѣйствительности?

Мы считаемъ пальму чуть ли не идеаломъ стройности, граціи и красоты.

Стройна она, правда, удивительно. Стволъ у корня той же толщины, что и подъ шапкой, т.-е. футовъ на шестьдесятъ выше. Но граціи и красоты куда меньше, чѣмъ стройности. Она прежде всего недостаточно пропорціональна: при чрезвычайной высотѣ ствола, онъ относительно тонокъ, а крона или шапка ея вѣтвей недостаточно велика. Стволы молодыхъ пальмъ почти такъ же толсты, а кроны такъ же велики, какъ и у старыхъ; молодыя только гораздо ниже старыхъ, поэтому молодыя пропорціональнѣе и красивѣе старыхъ. Конечно, въ извѣстной обстановкѣ бываютъ великолѣпны и старые 150—200-лѣтніе исполины, напримѣръ, когда они высятся надъ другими деревьями, когда смотришь на нихъ, прикрытыхъ стѣной или домомъ, когда видишь ихъ издали или ночью; во всѣхъ случаяхъ этихъ безконечный стволъ менѣе замѣтенъ или даже вовсе пропадаетъ изъ глазъ и, напротивъ, очень красиво вырисовывается роскошная шапка мягко выгнутыхъ вай. Не дурны также пальмы, когда онѣ группой въ нѣсколько штукъ стоятъ на открытой мѣстности и на нихъ смотришь издали; тогда ихъ зеленыя шапки ярко выступаютъ на сѣромъ фонѣ земли и еще лучше на горизонтѣ передъ восходомъ солнца или на его закатѣ. Но много пальмъ на небольшомъ пространствѣ, а тѣмъ болѣе „лѣсъ пальмъ“—куда какъ мало привлекателенъ; скажу болѣе: онъ наводитъ уныніе, вызываетъ какое-то чувство беззащитности. Да оно и быть не должно иначе. Лѣсъ пальмъ представляетъ обыкновенно песчаную площадь, изъ которой на значительномъ другъ отъ друга разстояніи подымаются въ воздухъ тонкіе, высокіе, совершенно голые стволы; верхушки ихъ длинными вайями своими сходятся между собой высоко надъ головой; но вайи не густы, листья же ихъ узки и со многими просвѣтами; поэтому тѣни онѣ почти не даютъ. И ходишь по лѣсу пальмъ среди голыхъ стволовъ, едва видя макушки и безъ всякой защиты отъ жгучаго солнца. Развѣ это то, что мы при-

выкли называть лѣсомъ? развѣ есть здѣсь то, что мы цѣнимъ въ лѣсѣ?

Для араба, жителя знойной и голой пустыни и такой лѣсъ кажется защитой, его и онъ можетъ плѣнять своею листвой. Намъ нужно другое. Никакой, даже самый плохой нашъ лѣсъ не промѣняю я на лѣсъ пальмъ.

Мы вышли на станціи въ 30 верстахъ отъ Каира. Здѣсь ждали насъ высланные наканунѣ изъ города ослы. М-г Дмитри увѣряетъ, что мѣстные плохо выѣзжаны и слабы. Первый разъ я садился на осла. Отлично; ѣдешь—словно въ креслѣ сидишь. Но вотъ что непріятно: оселъ, во-первыхъ, слушаетъ только своего вожака; во-вторыхъ, этотъ послѣдній нерѣдко награждаетъ его ударами; каждый разъ при этомъ оселъ сильно рванется впередъ, и такъ какъ вожакъ бѣжитъ сзади и вы не видите, когда ударяетъ онъ животное, то толчокъ, данный рванувшимся впередъ осломъ, каждый разъ неожиданъ и потому вынуждаетъ держаться въ сѣдлѣ крѣпче, чѣмъ это вообще было бы нужно.

Тотчасъ за станціей начинаютъ перемежаться обработанныя поля, поселки и развалины стариннаго Мемфиса, основаннаго Менесомъ, древнѣйшимъ изъ всѣхъ царей Египта, имена которыхъ дошли до насъ. Менесъ не только основалъ городъ, онъ его оградилъ отъ разливовъ Нила, воздвигнувъ выше его громадныя плотины.

Мемфисъ въ теченіе двухъ или двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ былъ однимъ изъ громаднѣйшихъ городовъ древняго міра. Тянулся онъ отъ Нила до края долины и горы, на которой стоятъ Саккарскія пирамиды и начинается Ливійская пустыня. Мемфисъ далъ свое имя пяти изъ царившихъ въ Египтѣ династій (къ одной изъ нихъ принадлежали Хеопсъ и Хефренъ, строители величайшихъ пирамидъ) и сохранилъ исключительное значеніе даже во времена процвѣтанія стовратныхъ Ѳивъ.

Сильно пострадалъ онъ при нашествіи персовъ; очень подорвало его значеніе основаніе Александріи; но окончательно убили его арабы; они не только разорили его, но выстроили нѣсколько ниже по Нилу Каиръ, причемъ сдѣлали послѣдній своей столицею и перестали поддерживать плотины, защищавшія городъ отъ наводненій.

Строго говоря, развалинъ Мемфиса теперь и нѣтъ. Вся громадная площадь, которую нѣкогда занималъ городъ, представляетъ рядъ холмовъ, низкихъ и часто прерывающихся; холмы эти обозначаютъ мѣста зданій, сначала завалившихся, затѣмъ засыпанныхъ горами мусора и поверхъ всего занесенныхъ наносами Нила и

песками пустыни. Рѣдко гдѣ торчитъ какой-нибудь обломокъ каменной громады. Холмы эти покрыты пальмами. На болѣе ровныхъ и низкихъ мѣстахъ, куда не только доходятъ, но и дольше держатся воды Нила, идутъ поля феллаховъ, а на самыхъ значительныхъ возвышеніяхъ ютятся жалкія деревушки ихъ.

Болѣе часа ѣхали мы этими развалинами и останавливались только одинъ разъ, чтобъ посмотрѣть недавно откопанную статую Рамзеса Великаго. Большая часть статуи сохранилась, отбиты только ноги нѣсколько выше колѣнъ. Лежитъ она на подставкѣ и осматриваютъ ее, подымаясь выше ея по особенно для того устроенной лѣстницѣ. Сдѣлана она изъ краснаго полированнаго гранита. Мы въ первый разъ видѣли крупное произведеніе древней египетской скульптуры, и потому неудивительно, что оно поразило насъ. Это, очевидно, портретъ самой тщательной и тонкой работы. Величина фигуры въ четыре, пять разъ больше человѣческой. Сложеніе фараона прекрасное; члены сильные, но вовсе не носятъ на себѣ того атлетическаго характера, какъ во многихъ статуяхъ древней Греціи и Рима. Голова и лицо красивы и симпатичны, носъ и лобъ правильны и прекрасно обрисованы, нѣсколько чувственныя губы сложены въ мягкую добрую улыбку. Смотря на это лицо, ясно видишь, что оно представляетъ человѣка высокаго ума и великой души. Есть еще въ статуѣ этой нѣчто, о чемъ не думалъ художникъ. На нее въ общихъ чертахъ похожи многіе изъ тѣхъ феллаховъ, коренныхъ жителей страны, которыхъ каждый день видѣли мы. И характеръ стана, и окладъ лица, и разрѣзъ глазъ—все тоже. Совершенно ясно, что усопшій фараонъ, статуей котораго любуемся мы, и жалкіе феллахи, возлѣ которыхъ столько разъ эти дни проѣзжали и проходили мы, произошли отъ одного корня, ничего не имѣющаго общаго съ арабами и другими новѣйшими пришлыми жителями Египта.

Наконецъ добрались мы до конца долины и взобрались на горный кряжъ. Ослики наши тонутъ въ пескѣ; проводники же легко бѣгутъ, почти не оставляя на немъ слѣда.

Вотъ и большая Саккарская пирамида, рѣзко отличающаяся отъ всѣхъ другихъ. Она древнѣйшая изъ пирамидъ и сложена не изъ камня, а изъ кирпичей нильскаго ила, такихъ же самыхъ, что и тѣ, изъ которыхъ возводятся теперешнія деревенскія жилища туземцевъ; кромѣ того она возвышается не небольшими ступеньками, какъ прочія пирамиды, а представляетъ шесть огромныхъ уступовъ. Она на нѣсколько саженъ занесена песками, такъ что въ нее теперь нельзя уже и проникнуть; нѣкоторые изъ

ходовъ ея обвалились, другіе же представляютъ родъ лабиринта, въ которомъ легко запутаться; въ скалѣ, на которой стоитъ пирамида, сдѣлано было подъ нею нѣсколько колодцевъ, куда, повидимому, опускали муміи священныхъ ибисовъ и быковъ-аписовъ, пока для послѣднихъ не было устроено отдѣльное погребальное зданіе.

Остальныя Саккарскія пирамиды гораздо меньше; многія полуразвалились, и большинство ихъ сильно занесено пескомъ.

Мы ѣхали къ дому Марріэта, знаменитаго французскаго египтолога, основателя Булакскаго музея. Онъ устроилъ себѣ жилье въ пустынной балкѣ, въ какихъ-нибудь 200 шагахъ отъ открытаго здѣсь Серапеума, и въ домикѣ этомъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Здѣсь оставили мы ословъ и ихъ вожаковъ, а сами, съ Дмитри и арабами хранителями Серапеума, направились къ этому памятнику.

Серапеумомъ называется усыпальница священныхъ быковъ-аписовъ. Аписы были обожаемы какъ воплощеніе божества Озириса. Не всегда бывалъ священный аписъ. Когда рождался теленокъ, который по примѣтамъ своимъ подходилъ къ тому, что представлять долженъ былъ аписъ, владѣлецъ такого теленка обязанъ былъ немедленно дать знать объ этомъ въ храмъ Сераписа. Жрецы храма отправлялись освидѣтельствовать новорожденнаго. Было 28 примѣтъ аписа, и только тотъ теленокъ признавался воплощеніемъ Озириса, который совмѣщалъ въ себѣ всю совокупность примѣтъ этихъ: цвѣтъ шерсти, извѣстное распредѣленіе пятенъ по тѣлу и прочее; масть аписа была черная, на лбу—бѣлое трехугольное пятно, на спинѣ — изображеніе, напоминающее орла или коршуна съ распущенными крыльями, у корня языка наростъ въ родѣ священнаго жука... Если осмотръ удостовѣрялъ наличность всѣхъ примѣтъ, теленка брали въ храмъ, и по всей странѣ начинался рядъ празднествъ и торжествъ; кормили, поили его и ухаживали за нимъ какъ только можно было лучше. Послѣ двухъ лѣтъ давали ему въ сообщество стадо чистыхъ телицъ, признаки которыхъ были тоже строго опредѣлены. При жизни Апису воздавали тѣ почести, которыя по обычаю подобали самому Озирису. По смерти плачъ и трауръ были по всей странѣ, а усопшій погребался съ величайшими почестями въ Серапеумѣ. Если Аписъ достигалъ 28-ми-лѣтняго возраста, то въ 28-ую годовщину рожденія своего онъ умерщвлялся въ особенно торжественной обстановкѣ.

Серапеумъ—рядъ подземныхъ громадныхъ галерей. Направо и налѣво отъ нихъ вырыты подобія комнатъ, одного размѣра въ

длину и въ высоту и нѣсколько меньше въ ширину; въ серединѣ каждой—гранитный фундаментъ, на которомъ стоитъ гранитный же полированный саркофагъ съ выдолбленною внутренностью. Саркофаги эти высотой въ полтора и въ два человѣческихъ роста и вѣсятъ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ пудовъ каждый. Въ нихъ-то помѣщалась мумія аписа и затѣмъ накладывалась крышка соотвѣтственной величины и тяжести.

Всѣ саркофаги эти и камеры, въ которыхъ помѣщены они, почти одного размѣра и формы. Одинъ изъ нихъ освѣтилъ намъ м-г Дмитри бенгальскимъ огнемъ особенно ярко; оказалось, это тотъ, въ глубинѣ котораго бывшимъ хедивомъ Измаиломъ-пашой предложенъ былъ завтракъ гостьѣ его, императрицѣ Евгеніи; конечно, помѣститься въ гробѣ аписа могли только самъ хедивъ, императрица, столъ съ ихъ приборами и двое слугъ; свита же стояла въ камерѣ или въ галереѣ.

Изслѣдованныхъ понынѣ усыпальницъ аписовъ въ Серапеумѣ 24; всѣхъ же до сихъ поръ открытыхъ гробницъ аписовъ всего 64. Число это не велико, если принять во вниманіе, что культъ аписовъ продолжался нѣсколько тысячъ лѣтъ. Есть вѣроятно и неоткрытыя еще могилы ихъ. Но съ другой стороны нелегко, конечно, было найти и теленка, который совмѣстилъ бы въ себѣ всѣ 28 примѣтъ аписа.

Камбизъ, послѣ погибели войска его подъ жгучимъ дыханіемъ „семусина“, распорядился выкинуть муміи аписовъ изъ гробовъ ихъ и разрушить храмъ. Съ тѣхъ поръ Серапеумъ сталъ приходить въ упадокъ; пески пустыни занесли ходы въ него, а часть галерей обвалилась.

Въ 1850 году Маріэтъ случайно наткнулся на небольшого сфинкса. Онъ вспомнилъ, что, по словамъ Страбона, вблизи отъ Саккарской пирамиды находился Серапеумъ. Маріэтъ принялся за раскопки. Первоначально онѣ обнаружили аллею сфинксовъ; первыя изъ нихъ были въ пескѣ аршина на три, на четыре въ глубину; но чѣмъ далѣе шли раскопки, тѣмъ бо́льшій и бо́льшій слой песку приходилось снимать. Наконецъ разрытъ былъ 141 сфинксъ на глубинѣ 14 аршинъ и за нимъ былъ обнаруженъ входъ въ Серапеумъ. Другія раскопки Маріэта въ той мѣстности повели къ открытію памятника жреца Тунари, на которомъ выгравированы были имена пятидесяти фараоновъ, начиная съ Менеса, воцарившагося въ 5004 году до Р. Х. Найдено было также множество маленькихъ каменныхъ табличекъ съ начертанными на нихъ именами фараоновъ, династій, къ которымъ они принадлежали, числа лѣтъ царствованія и времени, когда таблички эти

были высѣчены; надо думать, что какія-нибудь торжественныя жертвоприношенія сопровождали изготовленіе этихъ табличекъ и ихъ, вѣроятно, сбирали жрецы Серапеума. Открытіе памятника жреца Тунари и маленькихъ каменныхъ табличекъ дало возможность возстановить съ большею точностью хронологію династій, царствовавшихъ въ Египтѣ въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ до нашей эры и доказало совершенную правильность лѣтосчисленія жреца Манеѳона, жившаго въ III вѣкѣ до Рождества Христова, и хронологія котораго сильно оспаривалась до тѣхъ поръ.

Осмотрѣвъ Серапеумъ, мы вернулись къ дому Маріэта и въ тѣни его террасы отлично позавтракали. Я забылъ сказать, что въ гостинницѣ нашей всѣхъ уѣзжающихъ на цѣлый день снабжаютъ холоднымъ завтракомъ, фруктами, виномъ, бутылкой крѣпкаго кофе и приборами. Пока мы осматривали Серапеумъ, старшій изъ ослятниковъ по указаніямъ м-г Дмитри приготовилъ столъ и согрѣлъ кофе.

Поѣли мы отлично; затѣмъ часокъ проболтали съ арабами, теперешними жильцами дома Маріэта и стражами Серапеума, а затѣмъ отправились на осмотръ гробницы Ти.

Многіе вѣка она была занесена песками; теперь ее раскопали; кровля и фронтонъ входа сажени на три ниже уровня окружающей ее мѣстности.

Гробница эта—одинъ изъ интереснѣйшихъ и наилучше сохранившихся памятниковъ египетской старины. Но чтобы ясно представить себѣ смыслъ и значеніе украшеній ея и другихъ ей подобныхъ, надо сказать нѣсколько словъ о вѣрованіяхъ, которыми вызывалось сооруженіе памятниковъ этого именно рода.

По мнѣнію древнихъ египтянъ, выясненному изслѣдованіями Масперо, человѣкъ состоитъ изъ четырехъ основныхъ частей. Первая—тѣло. Вторая—двойникъ, нѣчто легкое, неуловимое, нерѣдко перемѣняющее свой цвѣтъ и какъ тѣнь или полутѣнь окружающее тѣло, воспроизводящее всѣ малѣйшія его очертанія и дающее лицу то или другое выраженіе, игру физіономіи. Третья часть—душа, начало движущее и безсмертное. Наконецъ, четвертая — свѣтовое проявленіе, частица божества, связанная и съ тѣломъ, и съ двойникомъ, и съ душой. Пока всѣ эти составныя части соединены между собой, человѣкъ живъ. Смерть—разъединеніе этихъ частей. Но смерть не одинаково дѣйствуетъ на нихъ. Тѣло остается и только позднѣе можетъ разложиться. Душа безсмертна; послѣ суда Озириса она вращается въ мірѣ, иногда переходитъ въ животныхъ, но въ концѣ концовъ, черезъ многія тысячелѣтія, соскучится по оставленному ею тѣлу и станетъ

искать его, чтобъ вновь соединиться съ нимъ. Двойникъ, какъ тѣнь, какъ отраженіе тѣла, перестаетъ существовать. Свѣтовое проявленіе, какъ частица божества, соединяется съ божествомъ, отъ котораго исходитъ. Когда душа начнетъ разыскивать тѣло, она можетъ и не найти его, если оно не было погребено и сохранено въ видѣ муміи; тогда душа вѣчно останется въ тоскливомъ состояніи, вѣчно будетъ искать тѣло. Сохранивъ тѣло въ видѣ муміи, нельзя однако быть увѣреннымъ, что душа непремѣнно признаетъ его; она привыкла видѣть тѣло, окруженное двойникомъ, съ извѣстнымъ выраженіемъ мысли и чувства; двойникъ же исчезъ. Какъ помочь дѣлу? И вотъ въ гробницѣ, гдѣ похоронено тѣло, помѣщаютъ изображенія покойника, и скульптурныя, и рисованныя; душа, найдя гробницу и не узнавая сразу тѣло, присматривается къ изображеніямъ и останавливается на мысли, что они относятся къ тому именно тѣлу, мумію котораго окружаютъ. Для окончательнаго убѣжденія души не ограничиваются помѣщеніемъ въ гробницѣ изображеній усопшаго: стѣны расписываются картинами, относящимися до главнѣйшихъ случаевъ жизни покойнаго, до предметовъ, которыми онъ всего болѣе занимался, помѣщаютъ на нихъ также портреты лицъ его наиболѣе близкихъ. Душа помнитъ событія жизни человѣка, часть котораго она прежде составляла; не забываетъ она и окружавшую его обстановку. Воспроизведеніе того и другого на стѣнахъ гробницы разсѣеваетъ послѣднія ея сомнѣнія; она окончательно признаетъ покинутое ею нѣкогда тѣло и входитъ въ него.

Такіе взгляды древнихъ египтянъ, выработывавшіеся конечно только постепенно, даютъ смыслъ всему тому, что̀ видимъ мы въ гробницахъ Ти, ѳивскихъ царей и во всѣхъ имъ подобныхъ.

Ти, какъ видно изъ сохранившейся въ гробницѣ его надписи, былъ „приближенный царя, охранитель дворцовыхъ входовъ, глава писменъ царскихъ, вождь прорицателей“. Человѣкъ онъ былъ вѣроятно хорошій; по крайней мѣрѣ ни на одной изъ стѣнъ трехъярусной гробницы его нѣтъ сцены, въ которой онъ наказывалъ бы кого-нибудь или имѣлъ раздраженный видъ; напротивъ, очень часто попадаются изображенія его съ женой, которую онъ нѣжно обнимаетъ или треплетъ по щекѣ или пальцами руки играетъ въ волосахъ ея, причемъ дѣти его рѣзвятся и шалятъ возлѣ.

Входъ въ гробницу—узкимъ корридоромъ, заканчивающимся большой, кубической формы комнатой; отсюда крутой спускъ ведетъ во вторую, еще глубже выкопанную комнату такой же формы, затѣмъ еще болѣе крутой спускъ въ третью комнату. Здѣсь и была гробница. Стѣны всѣхъ комнатъ покрыты рисунками,

выбитыми въ камнѣ и затѣмъ закрашенными. Первыя комнаты были, конечно, не только вырыты, но и расписаны еще при жизни самого Ти. Смерть застала его, когда отдѣлывалась третья комната на самой глубинѣ.

Рисунки, вырѣзанные на стѣнахъ, изображаютъ всю жизненную обстановку Ти.

Своеобразное чувство овладѣвало нами по мѣрѣ того, какъ мы все ниже и ниже спускались въ гробницу. Разсматривая эти безконечно разнообразныя сцены обыденной жизни древняго египтянина, переносишься мало-по-малу въ этотъ міръ, такъ отдаленный отъ насъ, казавшійся намъ еще не задолго передъ тѣмъ такимъ чуждымъ и непонятнымъ. Въ верхней комнатѣ гробницы на насъ словно пахнуло этой прежней жизнью, мы впервые почувствовали себя не только въ Египтѣ, но въ Египтѣ фараоновъ, въ Египтѣ четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Во второй комнатѣ мы были уже поглощены міромъ этимъ, мы жили въ немъ, мы радовались его радости, убитому дикому звѣрю, пойманной газели; мы сокрушались его неудачѣ или несчастію.

Незатѣйлива живопись гробницы, но какъ она жива, какъ она говоритъ уму и сердцу! И вся тогдашняя обстановка, вся обыденная жизнь, всѣ даже мелочи ея обступаютъ и охватываютъ васъ. И чего только, какихъ картинъ нѣтъ тамъ! Вотъ Ти въ семьѣ. Объ этомъ я впрочемъ уже говорилъ. Вотъ Ти на охотѣ. Здѣсь въ лодкѣ съ массой гребцовъ и вооруженныхъ людей нападаетъ онъ на гиппопотама; тамъ со сворой собакъ гонится за легкой антилопой, а здѣсь сѣтями тянетъ рыбу. Вотъ тотъ же Ти въ своемъ хозяйствѣ—то среди стадъ, то на гумнѣ, то въ пекарнѣ, то въ плотничьей мастерской. Но жизнь, его окружающая, идетъ и безъ его присутствія; и сколько на стѣнахъ гробницы его картинъ этой жизни! Молотьба хлѣба копытами животныхъ, уборка винограда, квашня тѣста и многое, многое другое. Даже видишь, какъ тогда убивали быка на мясо—это одна изъ самыхъ яркихъ художественно-исполненныхъ картинъ. Есть и подробности, поражающія удивленіемъ — корова телится и двое скотниковъ облегчаютъ ей процессъ этотъ. Есть, конечно, и рисунки съ нашей точки зрѣнія не совсѣмъ приличнаго свойства.

Я сказалъ, что рисунки выбиты въ камнѣ. Рѣзецъ видимо былъ въ рукѣ ловкой и увѣренной. Затѣмъ рисунки покрыты красками; онѣ сохранились словно вчера наложенныя. Но красокъ этихъ немного—двѣнадцать, пятнадцать и всѣ онѣ яркія, опредѣленныя. Въ рисункѣ не безъ условности. Вода всегда свѣтло-голубая, птицы зеленыя. Перспективы нѣтъ.

Въ комнатѣ, гдѣ помѣщалась мумія, есть на стѣнѣ сцена похоронъ; но она исполнена не такъ ярко и отчетливо, какъ другія.

Мы пробыли въ гробницѣ Ти часа полтора, два. Едва ли даже лучшія изъ царскихъ гробницъ стоватныхъ Ѳивъ могутъ сравниться съ нею по ясности, красотѣ и художественности рисунковъ.

Осмотрѣли мы еще гробницу Унаса, открытую всего два года тому назадъ; такъ какъ въ послѣдніе дни вѣтеръ былъ изъ пустыни, то входъ въ нее, вообще очень узкій, такъ занесло, что мы едва пробрались. Ведетъ въ нее наклонный тунель саженъ въ восемь или девять длины, въ сажень ширины и немного болѣе $1^1/_2$ аршинъ высоты. Верхушка тунеля изъ одной гранитной глыбы. Потолокъ самой усыпальницы выложенъ огромными гранитными глыбами, поддерживаемыми колоннами изъ такихъ же гранитныхъ массъ.

Обратный путь къ станціи мы дѣлали другой дорогою, причемъ версты четыре ѣхали по одной изъ тѣхъ громадныхъ дамбъ, которыя подъ прямымъ или подъ острымъ угломъ пересѣкаютъ большую часть Нильской долины и во время разлива служатъ задержкѣ водъ и осадкѣ ила.

Къ четыремъ часамъ добрались мы до станціи желѣзной дороги. Пассажирскій поѣздъ шелъ только въ шесть часовъ, а мы спѣшили въ Каиръ, такъ какъ вечеромъ были приглашены знакомыми мѣстными публицистами посмотрѣть арабскую оперу. Поэтому мы воспользовались проходившимъ въ половинѣ пятаго товарнымъ поѣздомъ и въ товарномъ вагонѣ вернулись въ Каиръ.

Въ девять часовъ мы были въ театрѣ. Снаружи онъ ничего любопытнаго не представляетъ; но внутренность очень недурна, можно даже сказать—нарядна. Театръ четырехъ-ярусный, меньше петербургскаго Маріинскаго, но гораздо больше московскаго Малаго. Ковры темно-малиновые бархатные устилаютъ не только фойэ, но и лѣстницы, всѣ корридоры вокругъ ложъ, самыя ложи и партеръ; сдѣлано это, чтобъ уничтожить возникновеніе всякаго звука, который могъ бы тревожить публику и отвлонять вниманіе ея отъ сцены. Наша ложа въ бенуарѣ, рядомъ съ литерной, помѣстительная, удобная, хорошо отдѣланная и съ аванъ-ложей, какъ въ московскомъ Большомъ театрѣ. Мы стали осматривать залъ. Въ партерѣ, въ противоположность нашему, мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, и женщины—француженки, итальянки, англичанки, гречанки, армянки, мѣстныхъ же вовсе не видно. Въ бельэтажѣ болѣе половины ложъ, а въ первомъ ярусѣ добрый десятокъ ихъ закрыты бѣлыми занавѣсями изъ тончайшей проволоки. Однѣ

изъ нихъ рѣдкія, съ узорами въ родѣ филейныхъ вышивокъ; другія погуще, какъ частыя узорчатыя гардины; сквозь первыя легко различать сидящихъ; сквозь вторыя можно что-нибудь увидѣть, только внимательно и долго всматриваясь въ одну точку, да и то тогда только, когда сидящіе въ ложѣ придвинутся къ самой занавѣскѣ. Завѣшенныя ложи—абонированныя богачами-мусульманами для ихъ гаремовъ. Любезные хозяева наши объяснили намъ, что за болѣе густыми занавѣсями— обыкновенно черкешенки, которыми очень дорожатъ и которыхъ держатъ строже другихъ. Конечно, гаремныя ложи интересовали насъ болѣе, нежели открытыя европейскія. Мы внимательно всматривались въ нихъ. Многія гаремныя дамы пріѣхали повидимому цѣлыми семьями; мы замѣтили и дряхлыхъ старухъ, и дѣтишекъ лѣтъ шести, семи. Самое представленіе, повидимому, интересовало гаремныхъ дамъ меньше, чѣмъ публика; многія изъ нихъ сидѣли, почти прижавшись къ занавѣсямъ, иногда упорно въ бинокль вглядывались въ одно мѣсто, а также осматривали ложи и партеръ, не смущаясь повидимому многочисленными евнухами, ихъ стражами, сидѣвшими въ партерѣ и наблюдавшими за ними.

Въ первый же антрактъ я вышелъ изъ ложи и поднялся въ бельэтажъ; корридоръ правой стороны его перегороженъ ширмами, выше человѣческаго роста съ надписью: „réservés aux harèmes“; я подумалъ: „ну, не удастся увидѣть ни одну изъ барынь этихъ“. Но тутъ же идетъ лѣстница въ слѣдующій этажъ, и съ половины ея видна черезъ ширмы вся часть корридора бельэтажа, куда выходятъ гаремныя ложи. Нѣсколько женщинъ прохаживались тамъ; я остановился и сталъ разсматривать ихъ; онѣ смотрѣли на меня; затѣмъ двѣ, три изъ нихъ разошлись по ложамъ и черезъ минуту оттуда высыпала цѣлая толпа. Всѣ дамы, мало-мальски не совсѣмъ старыя, одѣты по европейской модѣ; большинство крупныя, довольно полныя, съ густыми бровями и большими глазами—это преимущественно турчанки; красивыхъ изъ нихъ что-то не видно; выраженія лицъ мало осмысленныя, животныя. Лучше черкешенки; тѣ меньше ростомъ, профиль рѣзко очерченный, овалъ лица пріятный, разрѣзъ глазъ прекрасный. Меня интересовала эта толпа; онѣ повидимому поняли, что я иностранецъ, и тоже разсматривали меня, а нѣкоторыя энергично жестикулировали. Возвратясь послѣ звонка въ ложу, я разсказалъ о своихъ наблюденіяхъ. Сотоварищи выразили опасеніе, какъ бы не досталось мнѣ отъ евнуховъ; но хозяева наши увѣрили, что въ этомъ отношеніи опасаться нечего, такъ какъ евнухи очень хорошо умѣютъ разобрать, кто иностранецъ, кто мѣстный

и придираться къ иностранцу станутъ только тогда, когда онъ продолжительное время живетъ въ Каирѣ, позволяетъ себѣ шалости, да и притомъ человѣкъ безъ состоянія и связей. „Если же карманъ вашъ туго набитъ и есть охота и время заняться волокитствомъ, ручаюсь вамъ, и двухъ, трехъ недѣль достаточно, чтобъ проникнуть къ любой изъ этихъ дамъ". Мы, конечно, усомнились въ правильности такой аттестаціи, но наши хозяева-чичероне настаивали на своемъ. Вотъ какъ они объясняли дѣло. Старинныя преданія очень ослабѣли. Живая европейская жизнь проникаетъ уже и за порогъ гаремовъ. Поэтому требованія обитательницъ ихъ гораздо бо́льшія, чѣмъ прежде, а тѣ удовольствія, которыя когда-то вполнѣ удовлетворяли предшественницъ ихъ, наводятъ тоску и вызываютъ раздраженіе. Между тѣмъ, вслѣдствіе многоженства, нѣкоторыя физіологическія потребности остаются нерѣдко очень мало удовлетворенными. Прежде, при существованіи признаннаго закономъ невольничества, всякія попытки дамъ развлечься встрѣчали рѣшительный отпоръ въ евнухахъ, такъ какъ послѣдніе знали, что провѣдай хозяинъ гарема о ихъ недостаточной бдительности—и дѣло кончено; въ лучшемъ случаѣ — страшнѣйшее истязаніе и вѣчное заключеніе, а всего вѣрнѣе—петля на шею. Теперь не то. Невольничество существуетъ какъ фактъ, но не признается закономъ. Почти всѣ евнухи невольники; содержатъ ихъ господа скупо, а жить хочется. Вотъ они и дозволяютъ подкупить себя. Такимъ образомъ, женщины гаремовъ спятъ и бредятъ приключеніями, евнухи же ждутъ хорошей подачки. Стоитъ обнаружить большое желаніе и не скупиться, и двери гаремовъ откроются передъ вами. Дама не выдастъ евнуха, потому что ей всего хуже придется; евнухъ не выдастъ ее. Ну, а попадутся, тогда барынѣ плохо; евнухъ же прибѣгаетъ немедленно къ консулу какой-нибудь европейской державы, ставитъ себя подъ покровительство закона о невольничествѣ и отдѣлывается потерей мѣста. Въ результатѣ весь вопросъ объ успѣхѣ у гаремной затворницы сводится къ извѣстной долѣ смѣлости и къ возможности щедро заплатить евнуху.

Заговоривъ про гаремныхъ дамъ, мы чуть не забыли спектакля. Трудно опредѣлить, къ какому роду искусства относится представленіе, на которое попали мы. Главныя дѣйствующія лица пѣли свои роли, остальныя ихъ говорили, хора не было.

Содержаніе пьесы странное, постановка наивная.

Сынъ халифа влюбленъ въ бѣдную дѣвушку, дочь его кормилицы; она же не отвѣчаетъ ему и заинтересована какимъ-то бѣднымъ юношей. Въ первомъ дѣйствіи министръ халифа, пере-

одѣтый дряхлымъ старикомъ, приходитъ въ домъ Асмы, молодой дѣвушки (ее играетъ еврейка Лёля, лучшая современная арабская пѣвица, женщина высокая, стройная и очень красивая, заработывающая огромныя деньги и какъ пѣвица, и какъ красавица, доступная очень немногимъ и очень не легко). Цѣль переодѣванія министра—убѣдиться, дѣйствительно ли Асма и ея мать—женщины хорошія, стоитъ ли Асма любви халифова сына. Потомъ является бѣдный юноша, предметъ любви Асмы; одѣтъ онъ въ пестрый колетъ средневѣкового француза или южнаго нѣмца (это въ восточной-то столицѣ!). Затѣмъ приходитъ переодѣтый сынъ халифа; рубище изображается длинной бѣлой рубашкой, стянутой у пояса и на которой нашиты пестрые лоскутки—они должны представлять лохмотья. Партію его поетъ шейхъ Саламе, лучшій арабскій теноръ, очень видный мужчина.

Во второмъ актѣ—любовное объясненіе халифова сына. Асма его отвергла. Влюбленный ревнуетъ, бѣсится и Асму вмѣстѣ съ ея другимъ ухаживателемъ отправляетъ въ тюрьму.

Въ третьемъ актѣ—выясняется, что кормилица, начиная кормить ребенка, подмѣнила его; своего сына выкормила какъ сына халифа, а халифову дочь отправила къ себѣ въ деревню. Такимъ образомъ Асма оказывается наслѣдницей престола, выходитъ замужъ за влюбленнаго въ нее юношу, а халифовъ сынъ дѣлается простымъ смертнымъ.

Арабское пѣніе сначала раздираетъ европейскія уши. Судя по тѣмъ мѣстамъ, которыя пользовались особымъ одобреніемъ публики, верхомъ искусства считается у арабовъ, чтобъ пѣвецъ вокализировалъ носовыми и горловыми сдавленными звуками какъ можно долѣе, пока у него остается хоть капля воздуха въ груди. Шейхъ Саламе (играющій сына халифа) пѣлъ, гнуся неистово, хрипѣлъ—и тѣмъ не менѣе публика апплодировала ему, какъ бѣшеная. Въ первомъ актѣ мы не въ состояніи были понять, есть ли въ арабскомъ пѣніи какая-нибудь гармонія и ритмъ; оно звучало намъ странно, дико, непріятно. Во второмъ мы уже освоились съ нимъ. Въ третьемъ, особенно въ пѣніи Асмы-Лёли, мы находили уже и мягкость, и пріятность, а К. Н., у котораго тонкій музыкальный слухъ, схватилъ нѣсколько мелодій, и потомъ, во время дальнѣйшаго путешествія нашего, нерѣдко напѣвалъ ихъ.

Если во всякомъ случаѣ арабское пѣніе не плѣнило насъ, то какъ понравился намъ языкъ; сколько въ немъ звучности; множество открытыхъ гласныхъ и полное отсутствіе шипящихъ.

Наши хозяева разсказывали потомъ, что арабы очень легк

усваиваютъ европейскіе языки и говорятъ безъ акцента; всего труднѣе дается имъ русскій и почти недоступенъ польскій, по обилію въ немъ шипящихъ звуковъ.

Арабская опера въ Каирѣ не постоянная. Тѣ же Лёля и шейхъ Саламе поютъ и въ Алжирѣ, и въ Константинополѣ, и въ Александріи. Попасть на нее пріѣзжему—дѣло случая, и какъ мы были благодарны нашимъ милымъ новымъ знакомымъ, что они дали намъ возможность услышать оперу эту при самой притомъ благопріятной обстановкѣ.

V.

Встали мы поздно; сначала укладывались, такъ какъ вечеромъ должны были ѣхать въ верхній Египетъ, и писали письма. Потомъ купили себѣ пробковые тропическіе шлемы съ козырьками спереди и сзади; въ шлемахъ этихъ между головой и пробкой вложена выгнутая тонкая пружинка, такъ что воздухъ постоянно проходитъ подъ шлемъ и выходитъ въ отверстіе, сдѣланное на верхушкѣ его; шлемы покрыты бѣлой матеріей и къ нимъ прикрѣпляются длинныя легкія шолковыя полосы, формой въ родѣ полотенца, которыя прикрываютъ затылокъ и плечи. Такіе шлемы носятъ всѣ англійскія войска тропическихъ странъ. Они предохраняютъ отъ солнечныхъ ударовъ и замѣняютъ тяжелое кефіэ, для ношенія котораго требуется большая привычка.

Послѣ завтрака А. И. пошелъ въ фотографію сниматься, а мы съ К. Н. поѣхали послушать дервишей-ревуновъ.

Мечеть, гдѣ живутъ и молятся дервиши эти—за городомъ. Когда мы пріѣхали, тамъ было уже съ десятокъ экипажей; пришлось обождать, такъ какъ впускаютъ въ мечеть передъ самымъ началомъ.

М-г Дмитри объяснилъ намъ, что мечеть эта—частная собственность шейха, начальника каирскихъ дервишей-ревуновъ, что шейхство передается отъ отца къ сыну, что всѣхъ дервишей, принятыхъ въ это сообщество или „согласіе“ (если употребить чисто русское выраженіе), около двадцати, но большинство ихъ въ отлучкѣ, за сборомъ милостыни или по другимъ дѣламъ, и остается теперь minimum того числа, при которомъ допускается молитва, т.-е. самъ шейхъ и восемь дервишей; участвовать въ службѣ будутъ и міряне, приготовляющіеся къ поступленію въ дервиши; „согласіе“ этихъ дервишей пользуется большимъ уваженіемъ среди мусульманъ Каира.

Минутъ черезъ десять насъ пригласили войти въ мечеть. Она не изъ большихъ. Полъ покрытъ циновками, стѣны и куполъ выкрашены бѣлой краской, украшеній нѣтъ. Вообще мечеть имѣетъ запущенный видъ.

Возлѣ миргаба, гдѣ помѣщается коранъ, лежитъ довольно большой мѣховой коверъ, а передъ нимъ, кучей, бубны, литавры и барабанъ. На ближайшей къ „миргабу“ части мѣхового ковра постланъ другой небольшой ярко красный суконный коврикъ. Въ довольно большомъ отъ миргаба и краснаго коврика разстояніи раскинуты правильнымъ полукругомъ небольшіе мѣховые коврики—мы насчитали ихъ восемь. Вдоль стѣнъ, кромѣ той, къ которой примкнутъ миргабъ, разставлены простые соломенные стулья—это мѣста для публики; не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ они были заняты.

Ждали мы не долго. Безъ особой церемоніи или торжественности стали являться участники моленья и занимать свои мѣста; всего было человѣкъ двадцать-пять или тридцать. Шейхъ, высокій мужчина въ черномъ длинномъ халатѣ, съ головой повязанной бѣлымъ платкомъ, пришелъ послѣднимъ и помѣстился на красномъ коврикѣ; возлѣ него на мѣховомъ коврѣ усѣлся мулла, а на циновкахъ нѣсколько человѣкъ, по большей части очень невзрачныхъ—это, какъ оказалось потомъ, были музыканты; участники моленья размѣстились большимъ полукругомъ противъ шейха, причемъ нѣкоторые усѣлись на маленькіе мѣховые коврики, о которыхъ я говорилъ выше; остальные—между ними. Сидѣвшіе на коврикахъ, какъ намъ объяснили, были дервиши; остальные, міряне, или подготовлявшіеся къ вступленію въ дервиши, или просто подвизавшіеся въ богоугодномъ дѣлѣ; отличить, однако, по наружному виду дервишей отъ мірянъ нельзя. Разнообразіе народностей, возрастовъ и одежды—вотъ что прежде всего бросалось въ глаза въ этомъ собраніи. Прямо противъ шейха сидѣлъ негръ до того черный, что, казалось, онъ весь отполированъ самымъ тщательнымъ образомъ; черезъ три человѣка отъ него—блондинъ съ совершенно бѣлымъ цвѣтомъ лица; видны были и арабы, и феллахи, и турки. Въ собраніи были люди всѣхъ возрастовъ, отъ старика лѣтъ 80 и до мальчика лѣтъ 11 или 12. Одежда также разнообразна: одинъ въ широкихъ турецкихъ шараварахъ и въ длинномъ европейскомъ пальто; другой въ безчисленныхъ халатахъ бухарскаго покроя.

Всѣ сидѣли молча, поджавъ подъ себя ноги, опустивъ головы. Шейхъ сказалъ что-то, и всѣ стали раздѣваться, снимать все лишнее—и чалмы, и широкое платье. Все снятое каждый сложилъ

сзади себя. И опять усѣлись молча съ опущенными головами и потупленными глазами.

Шейхъ нараспѣвъ произнесъ какія-то слова. Сидѣвшіе подняли головы и нараспѣвъ же стали отвѣчать ему, постоянно повторяя одно и тоже слово, при этомъ слегка раскачиваясь то сзади напередъ и спереди назадъ, то съ боку на бокъ. Первоначальный отвѣтъ былъ тихій и протяжный; послѣдующіе—все громче и громче, все скорѣе и скорѣе и вдругъ сразу оборвались.

Прошла минута. Шейхъ поднялся на ноги и вышелъ къ центру полукруга, образуемаго участниками церемоніи; поднялись и всѣ они. Шейхъ снова нараспѣвъ сказалъ что-то; мулла запѣлъ совершенно такъ же, какъ наканунѣ шейхъ Саламе въ театрѣ, а одинъ изъ музыкантовъ на дудкѣ, сдѣланной изъ тростника и звукомъ своимъ представлявшей что-то среднее между флейтой и кларнетомъ, сталъ подыгрывать ему. Еще не совсѣмъ окончилъ мулла, какъ ему сталъ отвѣчать хоръ дервишей и другихъ соучастниковъ моленья. Они и отвѣчали ему, и раскачивались въ то же время. Сначала, казалось, качанье въ бокъ направо и налѣво, преобладало надъ раскачиваніемъ впередъ и назадъ; но чѣмъ дольше качались они, тѣмъ рѣже и меньше становились размахи въ бокъ, направо и налѣво, и тѣмъ чаще и сильнѣе впередъ и назадъ. Отвѣтъ звуками—совершенно однотонный—постоянно усиливался, становился и громче, и глуше, и въ то же время все гуще и гуще, все отрывочнѣе и отрывочнѣе. И вотъ онъ снова сразу оборвался.

Прошла минута, полторы. Опять затянулъ что-то шейхъ, опять подхватилъ мулла и флейта, а тамъ и всѣ остальные. Начали съ тѣхъ же тихихъ, сдавленныхъ, медленно выходившихъ изъ устъ и будто лѣниво разливавшихся въ мечети звуковъ; таковы же были качанья. Мало-по-малу оживлялось и то и другое; звуки росли, какъ въ предъидущій разъ; качанье тоже усиливалось и усиливалось; теперь въ бокъ уже не качались—размахи шли теперь только впередъ и назадъ.

Когда дервиши дошли до той силы звука и быстроты размаховъ тѣла, на которыхъ закончили предъидущій нумеръ, шейхъ знакомъ поманилъ одного изъ качавшихся; тотъ выдвинулся изъ ряда и продолжалъ качаться и ревѣть, но уже стоя на мѣстѣ шейха; самъ же шейхъ усѣлся на своемъ коврикѣ. Звуки все усиливались и усиливались. Они ушли много дальше, чѣмъ въ первые разы, а оборвались такъ же неожиданно и такъ же рѣзко, такъ рѣзко, что мы невольно вздрогнули.

Новая пауза и опять все началось, какъ и въ предшество-

вавшіе разы. Но опять вышла новинка. Когда дошли до той быстроты качанія тѣла и силы звука, на которой закончили второй нумеръ, музыканты схватили бубны, барабаны и литавры и стали аккомпанировать, въ свою очередь усиливая силу и рѣзкость звука.

Новый перерывъ и передышка. Затѣмъ четвертый нумеръ въ томъ же порядкѣ, какъ и предъидущіе.

Признаюсь, становилось не по себѣ. И неловко, и жутко. Брала оторопь.

Къ концу нумера качанья приняли невѣроятный видъ и быстроту. Каждый изъ дервишей оказался съ громадными, длиннѣйшими волосами; при быстромъ качаньѣ волоса́ летѣли то впередъ, то назадъ, смотря потому, куда нагибалось тѣло; они закрывали лицо и падали на полъ впереди молящагося, когда онъ нагибался впередъ, и сзади его на полъ же, когда онъ откидывался назадъ; движеніе было до того быстро, что, казалось, волоса дыбомъ стояли на головѣ, составляя какъ бы продолженіе человѣка вверхъ. И какой свирѣпый, ужасающій видъ имѣли эти фанатики! А звуки, ими издаваемые, все росли и росли и въ глубину, и въ ширину. Это уже не были человѣческіе голоса, это были сначала подавленные мучительные стоны. Мало-по-малу они переходили въ какое-то пыхтѣніе, потомъ въ ревъ, и заканчивались глухимъ ужаснымъ рычаніемъ. Это дѣлали голоса, но литавры, бубны и барабаны невѣроятно усиливали звукъ. Внезапно иногда среди глухого стона вдругъ вырывался пронзительный свистъ дудки, до того рѣзкій, что, казалось, кто-то ножемъ полоснулъ по кожѣ.

Сила впечатлѣнія усиливается, конечно, въ огромной степени тѣмъ, что и всѣ тридцать человѣкъ и всѣ инструменты издаютъ каждый звукъ вмѣстѣ, какъ одинъ человѣкъ. Это придаетъ звукамъ густоту и силу невѣроятныя. Своеобразность и дикость ихъ поразительны.

Въ пятомъ нумерѣ съ однимъ изъ исполнителей, съ негромъ, случилось что-то особенное. Онъ словно выкатился на середину и, не переставая качаться и ревѣть, сдѣлалъ нѣсколько круговъ, а потомъ вернулся на свое мѣсто. Это было къ нашему счастію: нерѣдко, говорятъ, бываютъ припадки съ исполнителями въ концѣ молитвы или представленія—называйте какъ хотите то, что̀ видѣли мы—тогда они падаютъ на землю, бьются объ нее съ пѣной у рта и кончаютъ обморокомъ.

Съ насъ было довольно и безъ этого. Я взглянулъ вокругъ себя—не мало блѣдныхъ, до крайности взволнованныхъ лицъ. Со

мною то же; я едва высидѣлъ пятый нумеръ; на лицѣ К. Н. написано отвращеніе.

Начался шестой нумеръ. Онъ превзошелъ всѣ предъидущіе. И гулъ, и свистъ, и ревъ, и громъ, и нечеловѣческое рычаніе шли другъ за другомъ и какъ бы налегали другъ на друга. Эти невѣроятные звуки, эти неистово свирѣпыя лица, эти изступленно горящіе глаза и наконецъ этотъ раздирающій свистъ дудки, разрывающій глухую массу остальныхъ звуковъ, какъ молнія въ кромѣшной ночной тьмѣ разрываетъ и воздухъ, и тучи,— все это бросало то въ ознобъ, то въ жаръ. Я хотѣлъ уйти, но ноги дрожали, и мнѣ казалось—онѣ не поддержатъ меня. Я сдѣлалъ усиліе и поднялся. Но въ это самое мгновеніе весь адскій этотъ гулъ и ревъ оборвался вдругъ съ такой неожиданностью, силой и рѣзкостью, что я невольно присѣлъ.

Что же это!? Оказалось, все кончено. Мы можемъ идти. Зрители хмуры, многіе блѣдны. Только одинъ фотографъ хлопочетъ и суетится возлѣ своего аппарата. Дервиши сидятъ безъ движенія, гдѣ кто попало. Міряне, изъ качавшихся и ревѣвшихъ менѣе усердно, увязываютъ головы и надѣваютъ халаты. Шейхъ вышелъ, двинулась публика, пошли и мы.

Расплатились у входа. Какъ хорошо теперь на свѣжемъ воздухѣ подъ пальмами и яркими лучами солнца, въ ничѣмъ ненарушаемой тишинѣ! дышется свободно и легко, и только когда вспомнишь недавній ревъ, какое-то щемящее неловкое чувство пробѣгаетъ по жиламъ. Нѣтъ, слушать дервишей-ревуновъ во второй разъ соберусь я не скоро.

Домой мы ѣхали безъ разговоровъ. Только подъ конецъ пути m-r Дмитри сталъ повѣствовать намъ, откуда среди дервишей явились вертящіеся и ревуны. По словамъ его, существуетъ легенда (продаю, за что купилъ), будто какой-то халифъ, въ расцвѣтѣ арабской цивилизаціи, безъ ума влюбился въ красавицу-вдову, неутѣшно оплакивавшую мужа, павшаго на полѣ брани. Всѣ ухаживанья халифа оставались втунѣ. А кровь кипѣла; вотъ и сталъ онъ смирять ее самыми трудными физическими упражненіями. Придворные указывали на это красавицѣ и говорили: смотри, жестокая, какъ любитъ тебя халифъ; онъ сходитъ потебѣ съ ума. Но вдовица-красавица оставалась холодна и недоступна по прежнему. Упражненія халифа стали объяснять какъ угодное Богу дѣло подвижничества. Многіе повѣрили этому, нашлись подражатели. Такъ и возникла секта.

Вернувшись въ гостинницу, мы отправились послѣ побродить въ сосѣднихъ улицахъ. Мы уже возвращались, когда услышали

сзади себя звучный женскій голосъ: „Позвольте немножко по-русски поговорить съ вами, господа“. Быстро оборачиваемся и видимъ—стоитъ передъ нами арабка, съ головы до ногъ окутанная въ черное. „Я—русская, съ базару иду. Вотъ, знаете ли, и одѣлась по здѣшнему, а то ничего не купишь, да еще и засмѣютъ. Услышала, идутъ господа, говорятъ по-русски, и самой захотѣлось поговорить страсть какъ. Извините пожалуйста“.

Какія ужъ тутъ извиненія! Разговорились. Идемъ вмѣстѣ. Разсказываетъ, что лѣтъ шесть тому назадъ пріѣхала сюда приказчицей, пожила, пожила, выучилась говорить по-англійски и по-арабски, ну, и свое заведеніе открыла. Мы издали намекнули, что, видно, изъ евреекъ, и любопытствовали, какое такое заведеніе. Обидѣлась. „Какая же я еврейка, развѣ по говору не слышите? А заведеніе здѣсь возлѣ сада Езбекіэ; какъ слѣдуетъ быть заведеніе. И ракй, и вино, и лимонадъ, и пиво, и кофе, и все прочее. Зайдите, поглядите“. Любопытно взглянуть. Оказалось, въ родѣ нашихъ пивныхъ. Большая комната на улицу со столиками, стульями, прилавками и шкафами для многочисленныхъ и разнообразныхъ бутылокъ. За этой комнатой другая для пріема не посѣтителей заведенія, а гостей хозяйки; часть этой комнаты отгорожена для спальни и кухни. Новая знакомка наша переодѣлась въ одну минуту за своей загородкой и явилась передъ нами сорокалѣтней, полной, пышущей здоровьемъ бабой. Спросили мы лимонаду, чтобъ поддержать коммерцію. — „Есть у меня сидѣлецъ арабъ, живетъ на квартирѣ, приходитъ въ заведеніе только вечеромъ часовъ въ пять, а то и въ шесть; сидитъ часовъ до десяти, а по торговлѣ глядя и дольше. Потому утромъ я и сама управляюсь, а днемъ, видите, никого нѣту, потому пекло. Главное дѣло—вечеръ. Тутъ кто откуда, всѣ соберутся, сидятъ, курятъ и пьютъ. А только противъ нашего лучше будетъ. Пьянства тамъ или дебошу это на рѣдкость, развѣ англицкіе матросики изъ Александріи пріѣдутъ“.

Просидѣли мы у нея съ полчаса и пошли домой. Въ шесть часовъ вечера того же дня мы были на станціи и двинулись въ Ассіутъ или Сіутъ, стоящій на границѣ Верхняго и Нижняго Египта. До него отъ Каира 300 верстъ и тамъ оканчивается желѣзнодорожная линія...

Евг. Картавцевъ.

ПОЛУНОЩНИКИ

Пейзажъ и жанръ.

Окончаніе.

VII *).

— Начались мои муки здѣсь,—заговорила снова Марья Мартыновна,—съ перваго же шага. Какъ я только высѣла и пошла,—сейчасъ мнѣ попался очень хорошій человѣкъ извозчикъ—такой смирный, но рѣчистый — очень хорошо говорилъ. И вотъ онъ видитъ, что мнѣ здѣсь мѣсто незнакомое, кланяется и говоритъ:

— Пожелавъ вамъ всего хорошаго, осмѣлюсь спросить: вѣрно вамъ нужно къ пѣвцу или въ Ажидацію?

Я даже не поняла и говорю:

— Что такое за пѣвецъ, зачѣмъ мнѣ къ нему?

— Онъ, говоритъ, все аккордомъ дѣлаетъ.

И это мнѣ извозчикъ говорилъ очень полезное, и хорошо, но я не поняла, что̀ значитъ: „аккордъ“, и отвѣчала:

— Мнѣ нужно, просто,—гдѣ собирается ажидація.

Извозчикъ тихо говоритъ:

— Просто ничего не выйдетъ, а пѣвецъ лучше вамъ устроитъ аккордъ, такъ какъ онъ его сопровождающій и всегда у него при локтѣ.

— Ну, я говорю, вѣрно это какой-нибудь аферистъ, а я съ такими не желаю, и тебя слушать не намѣрена.

— Ну, садитесь, говоритъ, я васъ за двугривенный свезу въ Ажидацію.

---

*) См. выше: ноябрь, стр. 92.

И привезъ меня сюда честно, но мнѣ и здѣсь какъ-то дико показалось. Внизу я тогда никого не застала, кромѣ мальчика, который съ конвертовъ марки наклеиваетъ. Спросила его:

— Здѣсь ли ожидаютъ?

Онъ шопотомъ говоритъ: — Здѣсь.

— А гдѣ же старшіе?

Не знаетъ. И все, о чемъ его ни спрошу, все онъ не знаетъ: видать—школеный, ни въ чемъ не проговорится.

— А зачѣмъ, говорю, столько марокъ собираешь? Это знаешь ли?

Это знаетъ.

— За это, отвѣчаетъ, въ Ерусалимѣ бутыль масла и цибикъ чаю даютъ.

Умный мальчишка, думаю, но все-таки, чѣмъ его дѣтскія рѣчи здѣсь слушать, пойду-ка я лучше въ храмъ, посмотрю, не тамъ ли сбиваютъ ажидацію, а кстати и боготворной иконѣ поклонюсь.

Около храма — вижу — кучка людей, должно быть, тоже съ ажидаціей, а какіе-то еще люди все подходятъ къ нимъ и отходятъ, и шушукаются,—ни дать, ни взять, какъ аргенты на церемоніяхъ. Я сразу понять этихъ людей не могла и подумала, что тоже, можетъ быть, съ прохожихъ монументальныя фотографіи снимаютъ, а послѣ узнала, что это они-то и есть здѣшней породы „басомпьеры". И между ними одинъ ходитъ этакой атлетическаго сложенія, и у него страшно выдающійся бугровый носъ. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ фономъ спрашиваетъ:

— По чьей рекомендаціи и гдѣ пристали?

Я говорю:—Это что за спросъ! Тебѣ что за дѣло?

А онъ отвѣчаетъ:—Конечно, это наше дѣло; мы всѣ при немъ.

— При комъ?

— При Моисеѣ Картонычѣ.

— Брысь! Это еще кто такой Моисей Картонычъ и что онъ значитъ?

— Ага!—говоритъ:—а вамъ еще неизвѣстно—что онъ значитъ! Такъ узнайте: онъ въ болотѣ на цаплиныхъ яйцахъ сидитъ —живыхъ журавлей выводитъ.

Я ему сказала, что мнѣ это неинтересно, и спросила: не знаетъ ли онъ, гдѣ риндательша?

Онъ качнулъ головой на церковь.

— А скоро ли, спрашиваю, кончатъ вечерню?

— У насъ ноньче не вечерня, а всенощная.

— Не можетъ быть, говорю: завтра нѣтъ никакого выдающагося праздника.

— Да, это у васъ нѣтъ, а у насъ есть.

— Какой же у васъ праздникъ?

— А право, говоритъ, въ точности не знаю: или семь спящихъ дѣвъ, или теченіе головы Потоковы.

— Ну, говорю, я вижу, что хотя вы и возлѣ святыни чего-то ожидаете, а сами мерзавцы.

— Да, да, отвѣчаетъ, а вамъ пожелавъ всего хорошаго, отходи, пока не выколочена.

Я больше и говорить не стала, вошла въ храмъ и отстояла службу, но и тутъ все замѣчаю: будто шепчутъ аргенты, и напало на меня безпокойство, что непремѣнно какъ сунутся къ боготворной иконѣ, такъ у меня вытащатъ деньги. Вышла я и возвратилась сюда и помѣстилась вотъ точно такъ же здѣсь, только въ маленькой-премаленькой комнаткѣ, за два рубля, и увидала тутъ въ корридорѣ самыхъ разныхъ людей и стала слушать. Одинъ офицеръ изъ Ташкента пріѣхалъ и оттуда жену привезъ; такъ съ нею вѣдь какое несчастіе сдѣлалось: они по страшной жарѣ въ тарантасѣ на верблюдѣ ѣхали, а верблюдъ идетъ неплавно, все дергаетъ, а она грудного ребенка кормила, и у нея отъ колтыханья въ грудяхъ изъ молока кумысъ свертѣлся!.. Ребенокъ отъ этого умеръ, а она не хотѣла его въ песокъ закопать, и взяла, и получила отъ этого родъ помѣшательства. И они вотъ эти-то хлопотали, чтобы имъ завтра получить самое первое благословеніе и денегъ. То-есть не она сама, не сумасшедшая это добивалась, а ея мужъ. Этакой, правду сказать, съ виду непріятный и юла, и съ красными глазами, такъ около всѣхъ здѣшнихъ и юлитъ, чтобы ему устроили полученіе, и шепчетъ: „что Богъ дастъ—все пополамъ“. А его и слушать не хотятъ. Ну, а я какъ ничего себѣ просить не намѣрена, то по самолюбію своему думала, что мнѣ никто и не нуженъ: приглашу—и только всего вѣдь, договоровъ нѣтъ! Такъ все и надѣялась своимъ бабскимъ умомъ сама обхватить и достигнуть выдающейся цѣли своей ажидаціи: но въ комъ сила содержится и что есть самое выдающееся, того и не поняла.

— А что же здѣсь самое выдающееся?—полюбопытствовала Аичка.

— Вотъ отгадай.

— Я не люблю отгадывать: впрочемъ, вѣрно—благословеніе?

— То-то и есть: благословеніе, но какое? Всякій говоритъ: „благословеніе“, а что именно такое заключаетъ въ себѣ благословеніе, это не всякій понимаетъ. Ты вѣдь священную исторію, небось, учила или нѣтъ?

— Учила, да только я ужъ все позабыла.

— Какъ это можно! долбицу умноженія дѣйствительно позабыть можно, но чтобы все позабыть это немыслимо.

— Ну вотъ, а я забыла.

— Есть исторія про Исава и Якова. Ихъ Богъ еще въ утробѣ раздѣлилъ: одного возлюбилъ, а другого возненавидѣлъ.

Аичка засмѣялась.

— Чего ты, милушка?

— Да что вы какіе пустяки врете!

— Нѣтъ, это не пустяки.

— Да какъ же, развѣ я не понимаю... въ утробѣ ребенокъ ничего не пьетъ и не ѣстъ, а только гнѣздится—за что же ихъ можно одного возлюбить, а одного нѣтъ? Это только мать, которая если стыдится бремя носить, такъ та ненавидитъ.

— Ну, ужъ объ этомъ ты не у меня спроси, а у духовныхъ; а благословеніе всегда бываетъ самое выдающееся—первое. Яковъ, младшій братъ, какъ переодѣлся братомъ и надѣлъ на руки паглинки, такъ первое выдающееся благословеніе себѣ и сцапалъ, а Исаву, хоть старшему, а осталось второе. Второе благословеніе—это уже не то, что первое. Такъ и въ здѣшнемъ случаѣ замѣчено, что самое выдающееся—это то, гдѣ онъ раньше будетъ. Тамъ и очень скорое исполненіе моленья будетъ; а что позже пойдетъ, то все будетъ слабѣе и слабѣе. „Сила, говорятъ, исходяще и возвращающе".

— Вотъ это я помню гдѣ-то учила,—вставила Аичка.

— Нѣтъ, а я хотя объ этомъ и не училась, а тоже такъ поняла, и взяла да свою записку сверху другихъ и положила, но риндательша меня оттолкнула и говоритъ: „Пожалуйста здѣсь не распоряжайтесь". Однако онъ и мое письмо прочиталъ и говоритъ:

— Вы сами, или нѣтъ, Степенева?

— Никакъ нѣтъ, говорю, я простая женщина.

Онъ перебилъ:

— Всѣ простые, но вѣдь есть еще Ступины—или Стукины.

— Нѣтъ, отвѣчаю, я не отъ тѣхъ,—я отъ Степеневыхъ. Домъ выдающійся.

— Такъ о чемъ же вы просите?

Отвѣчаю:—Я по ихъ порученію: просятъ васъ къ себѣ и желаютъ на добрыя дѣла пожертвовать.

— Хорошо, говоритъ, я послѣ завтра буду и ожидайте.

Я благословилась и съ первымъ отходомъ ѣду назадъ съ ажидаціей. И на душѣ у меня такая побѣдная радость, что никому я не кланялась и ничего не дала ни пѣвцу, ни сѣвцу, ни риндательшѣ, а все такъ хорошо и легко обдѣлала. Всѣмъ, кто вмѣстѣ

со мною возвращается, я какъ сорока болтаю: вотъ послѣ-завтра онъ у насъ первыхъ будетъ, мнѣ велѣлъ себя ждать съ каретою. Разспрашиваютъ: какъ моя счастливая фамилія? А я по своей простотѣ ничего дурного не подозрѣваю и всѣмъ, какъ дура, откровенно говорю, что моя фамилія ничтожная, а счастливая фамилія—это „выдающіеся купцы Степеневы“. Тутъ еще споръ вышелъ изъ-за того, что это фамилія выдающаяся, или не выдающаяся. Только одинъ поваръ вступился:

— Я, говоритъ, знаю фруктовщиковъ Степеневыхъ, такъ тѣ выдающіеся: я черезъ нихъ у генерала мѣста лишился за то, что повѣрилъ имъ, а они мнѣ фальшивый сыръ завернули.

А другіе пассажиры совсѣмъ будто никакихъ Степеневыхъ не знаютъ, а я имъ сдуру и пошла все расписывать,—совсѣмъ и въ понятіи не имѣю, что̀ изъ этого при человѣческой подлости можетъ выйти.

— А что же выйдетъ?—протянула Аичка.

— Да ты слушай еще, какой фортъ бегейль и фортъ ангейль вышелъ! Вдругъ на меня напалъ ташкентскій офицеръ и началъ говорить: „Замолчите, мнѣ васъ скверно слушать, вы меня раздражаете. И я этому человѣку и въ его святость совсѣмъ не вѣрю: я къ нему со своею больною двѣнадцать рублей проѣздилъ, а онъ мнѣ всего десять рублей подалъ! Такой онъ и этакой! Получаетъ тысячи, а даетъ десятки. Это только у насъ у однихъ возможно такое легковѣріе!“

Всѣ отъ него даже уши заткнули. Пріѣзжаю въ городъ и прямо къ Маргаритѣ Михайловнѣ, говорю: „креститесь и радуйтесь, Богъ милость послалъ. Послѣ-завтра на нашей улицѣ праздникъ будетъ и васъ счастье осѣнитъ: я согласіе получила и утромъ мнѣ надо ѣхать встрѣчать его на ажидаціи.

Всѣ тутъ обрадовались и Маргарита Михайловна, и Ефросинья Михайловна, и начали меня разспрашивать: „узнала ли я, чѣмъ его принимать и просить“. Я говорю: я все узнала, но не надо ничего особенно выдающагося, кромѣ чаю съ простой булкой; а если откушать согласится, то надо супъ съ потрохами.

— А можетъ быть, какого-нибудь вина превосходнаго?

— Вина, говорю, можно подать только превосходной мадеры, но самое главное, вы сейчасъ разрѣшите, кто поѣдетъ его встрѣчать на ажидацію: вы ли сами, или я, или Николай Иванычъ, если онъ въ своей памяти. По моему, всѣхъ лучше Николай Иванычъ, такъ какъ онъ мужчина и членъ въ домѣ выдающійся. Только если онъ теперь опять не съ буланцемъ.

Рѣшили, что Николай Иванычъ и я вдвоемъ поѣдемъ. Какъ-

нибудь ужъ его на этотъ часъ уберечь можно. Оттуда Николай Иванычъ пусть съ нимъ вмѣстѣ въ карету усядется, а я назадъ на пролеткахъ пріѣду.

На счастіе наше, Николай Иванычъ ввечеру явился въ раскаяніи и въ забытьи: идетъ и самъ впереди себя руками водитъ и бармутитъ:

— Дорогу, дорогу... идетъ гласъ вопіющій... уготовьте путь ему въ пустынѣ... Господи!

Да и застрялъ въ углу, искать началъ чего-то у себя по карманамъ.

Я подошла и говорю:—Чего, опять вчерашняго дня небось ищете? Удаляйтесь скорѣй на покой.

А онъ отвѣчаетъ:

— Подожди еще... тутъ у меня въ карманѣ одинъ сужетъ былъ, и теперь нѣтъ его.

— Какой сужетъ?

— Твердамасковъ мнѣ съ Крутильды пробный портретъ сдѣлалъ, безбилье: я его хотѣлъ сберечь, чтобъ никому не показать, да вотъ и потерялъ. Я поѣду его разыскивать.

— Ну ужъ, говорю, это нѣтъ. Попалъ домой—теперь тихунъ, больше не уѣдешь,—и мы его на всѣ два дня заперли, чтобъ опомнился.

И спала я послѣ этого у себя ночь какъ въ раю, и все вокругъ меня летали безплотные ангелы,—ликовъ не видно, а этакъ все машутъ, все машутъ!

— Какіе же они сами?—полюбопытствовала Аичка.

— А вотъ похожи какъ пѣвчіе въ формѣ и въ такихъ же халатикахъ. А какъ сонъ прошелъ и начался другой день, то начались опять и новыя мученія. Съ самаго ранняго утра стали мы хлопотать, чтобы все къ завтрему приготовить. И все уже они безъ меня боятся, а все со мною: мы съ Ефросиньюшкой вдвоемъ и въ курятной потроха выбирать, чтобы самые выдающіеся, и Николая Иваныча наблюдать, а на послѣ-завтра, когда встрѣчѣ быть, я сама до свѣта встала и побѣжала къ Мирону-кучеру, чтобы онъ закладывалъ карету какъ можно лучше.

А онъ у нихъ престрашный грубіянъ и искусный отвѣтчикъ, и ни за что не любитъ женщинъ слушаться. Что ему ни скажи, на все у него колкій отвѣтъ готовъ:

— Я самъ все формально знаю.

Я ему говорю:

— Теперь же, нынче ты не груби, а хорошенько закладывай, нынче случай выдающійся.

А онъ отвѣчаетъ:

— Ничего не выдающее. Мнѣ все равно: заложу какъ слѣдно по формѣ, и кончено.

Но еще больше я безпокоилась, чтобы безъ меня Клавдинька изъ дома не ушла, потому что всѣ мы знали, что она безвѣрная. Твержу Маргаритѣ Михайловнѣ:

— Смотри, мать, чтобы она не выкинула чего-нибудь выдающагося.

Маргарита Михайловна сказала ей:

— Ты же, Клавдюша, пожалуйста нынче куда-нибудь не уйди.

Она отвѣчаетъ:—Полноте, мама, зачѣмъ же я буду уходить, если это вамъ непріятно.

— Да вѣдь ты ни во что не вѣришь?

— Кто это вамъ, мамочка, такія нелѣпости наговорилъ и зачѣмъ вы имъ вѣрите!

А та обрадовалась.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты во что-нибудь вѣруешь?

— Конечно, мама, вѣрую.

— Во что же ты вѣруешь?

— Что есть Богъ и что на землѣ жилъ Іисусъ Христосъ, и что должно жить такъ, какъ учитъ Его Евангеліе.

— Ты это истинно вѣришь — не лжешь?

— Я никогда не лгу, мама.

— А побожись!

— Я, мама, не божусь. Евангеліе вѣдь не позволяетъ божиться.

Я вмѣшалась и говорю:

— Отчего же не побожиться для спокойствія матери?

Она мнѣ ни слова; а та ее уже цѣлуетъ съ радости и твердитъ:

— Она никогда не лжетъ, я ей и такъ вѣрю, а это вотъ вы всѣ хотите, чтобы я ей не вѣрила.

— Что вы, что вы! говорю: я во что вы хотите, я во все вѣрю!

А сама думаю: вотъ при немъ вся ея вѣра на повѣркѣ окажется. А теперь съ ней разводовъ разводить нечего, и я бросилась опять къ Мирону посмотрѣть, какъ онъ запрягаетъ, а онъ уже запрегъ и подаетъ, но самъ въ простомъ армякѣ.

Я зашумѣла:

— Что же ты не надѣлъ армякъ съ выпухолью?

А онъ отвѣчаетъ:

— Садись, садись, не твое дѣло: выпухоль только зимой полагается.

Вижу его, что онъ злой-презлой.

Николай Иванычъ сѣлъ смирно со мною въ карету, а двѣ дамы дома остались, чтобы насъ встрѣтить, а между тѣмъ съ нами начались такія выдающіяся приключенія, что превзошли все, что было у Исава съ Іаковомъ.

— Что же это случилось? — воскликнула Аичка.

— Отхватили у насъ самое выдающееся первое благословеніе.

— Какимъ же это манеромъ?

— А вотъ это и есть Моисей Картонычъ!

VIII.

Пріѣхали мы съ Николаемъ Иванычемъ въ каретѣ,—онъ со всѣми своими принадлежностями, съ ктиторской медалью на шеѣ и съ иностраннымъ орденомъ за шахово подношеніе, а я одѣта по обыкновенію, какъ слѣдуетъ, скромно, ничего выдающагося, но чисто и пристойно. А народу совокупилось непроходимая куча, и стоитъ нѣсколько каретъ съ ажидаціей, и на простыхъ лошадяхъ, и на стриженыхъ, — на козлахъ брумы съ хлопальными арапниками и полицейскіе со всѣми въ рубкопашную бросаются — хотятъ всѣхъ по ранжиру ставить, но не могутъ.

Помощникъ пристава тутъ же, какъ встрепаный воробей, подпрыгиваетъ и уговариваетъ публику:

— Господа! не безобразьте!.. всѣ увидите. Для чего невоспитанность!

Я думаю, вотъ этотъ образованный! и подхожу къ нему и прошу, чтобы велѣлъ нашу карету впереди другихъ поставить, потому что намъ назначена первая ажидація: но онъ хоть бы что!.. на всѣ мои убѣдительныя слова и вниманія не обратилъ, а только все топорщится воробьемъ и твердитъ: „что за свинская невоспитанность!“ А я вдругъ замѣчаю, что здѣсь же въ толпучкѣ собрались всѣ мои третьёводнишніе знакомые, съ которыми я назадъ ѣхала, и особенно та старушка благочестивая, которой я все разсказывала.

— Вотъ и вы, говоритъ, здѣсь?

— Какъ же, отвѣчаю я, здѣсь,—къ намъ вѣдь къ первымъ обѣщано.

— Вы вѣдь отъ Степеневыхъ, кажется?

— Да, отвѣчаю, я отъ Степеневыхъ,—въ ихъ каретѣ,—Миронъ кучеръ.

А тутъ вдругъ весь народъ вздрогнулъ и стали молиться, и

плакать, и ужъ никто другъ друга не жалѣетъ, но всѣ толпучкою одинъ другого задавить хотятъ... Раздался такой стонъ и пискъ, что просто сказать, будто бы всѣ люди другъ друга задушить хотятъ!

Помощникъ ужъ не можетъ и кричать больше, а городовые пустились было въ рубкопашную, но вдругъ протиснулись откуда-то эти тамошнія бургонскія рожи, — эти басомпьеры,—тѣ, которые про спящихъ дѣвъ говорили,—и вразъ всѣхъ ожидателей такъ и смяли. Обхватили его и прутъ прямо къ какимъ знаютъ каретамъ, и кричатъ: „сюда, сюда", и даже, я слышу, Степеневыхъ называютъ, а межъ тѣмъ въ чью-то, не въ нашу карету его усадили и повезли.

Я стала кричать:

— Позвольте! вѣдь это немыслимо, — это... не отъ Степеневыхъ карета... у насъ Миронъ кучеръ называется!

А межъ тѣмъ его обманомъ усадили въ другую карету, съ той самой старушкой, съ моей-то съ благочестивой попутчицей, и увезли!

Я къ помощнику, говорю:

— Помилуйте, господинъ полковникъ, что же это за безпорядокъ!

А онъ еще на меня:

— Вамъ, говоритъ, еще что̀ такое сдѣлали? на любимую мозоль, что-ли, кто наступилъ? Вотъ аптека, купите себѣ пластырю.

— Не въ аптекѣ, говорю, дѣло, а въ томъ, что мнѣ была назначена первая ажидація, а ея нѣтъ.

— Чего же вы зѣвали?

— Я не зѣвала, а отъ полиціи порядка не было — вы видѣли, что мнѣ и подойдти было немыслимо, у меня выхватили...

— Что̀ у васъ выхватили?

— Отсунули меня...

— А у васъ ничего не украдено?

— Нѣтъ, не украдено, а сдѣланъ обманъ ажидаціи.

А онъ на это рукою махнулъ.—Экая важность! говоритъ:—это и часто бываетъ.

И больше никакого вниманія.

— Ну, васъ, говоритъ, совсѣмъ, отстаньте.

Я къ Николаю Иванычу, который въ каретѣ усѣлся, и говорю ему:—Что же здѣсь будемъ стоять, надо за ними рѣзво гнаться.

Онъ отвѣчаетъ, что ему „все равно", а Мирошка сейчасъ же споритъ:

— Гнаться, говоритъ, нельзя.

— Да вѣдь вотъ еще ихъ видно на мосту. Поѣзжай за ними и ты ихъ сейчасъ догонишь.

— Мнѣ нельзя гнаться.

— Отчего это нельзя? Ты вѣдь всегдашній грубецъ и искусный отвѣтчикъ.

— То-то и есть, говоритъ, что я отвѣтчикъ: я и буду въ отвѣтѣ; ты будешь въ каретѣ сидѣть; а меня за это формально съ козелъ снимутъ да въ полиціи за клинъ посадятъ. Во всю мочь гнать не позволено.

— Отчего же за ними вонъ въ чьей-то каретѣ какъ рѣзво ѣдутъ?

— Оттого, что тамъ лошади не такія.

— Ну, а наши какія? Чѣмъ хуже?

— Не хуже, а тѣ—аглицкіе тарабахи, а наши—тамбовскіе өетюки: это разница!

— Да ужъ ты извѣстный отвѣтчикъ, на все отвѣтишь, а просто ихъ кучеръ лучше умѣетъ править.

— Отчего же ему не умѣть править, когда ему ихъ экономка при всѣхъ здѣсь цѣлый флаконъ вишневой пунцовки дала выпить, а мнѣ дома даже поклеванникъ съ чаемъ не дали допить.

— Ступай и ты такъ поспѣшно, какъ онъ, тогда и я тебѣ дома цѣльную бутылку пунцовки дамъ.

— Ну, говоритъ, въ такомъ разѣ формально садись скорѣй.

Сѣла я опять въ карету и погнали. Миронъ поспѣваетъ: куда они на тарабахахъ, туда и мы на своихъ өетюкахъ не отстаемъ, но чуть я въ окно выгляну—все мнѣ кажется, будто всѣ кареты, которыя ѣдутъ—это все съ ажидаціей. Семь каретъ я насчитала, а въ восьмой увидала — двѣ дамы сидятъ, и закричала имъ:

— Отстаньте, пожалуйста, — это моя ажидація!

А Николай Ивановичъ вдругъ рванулъ меня сзади изо всей силы, чтобы я сѣла, и давленнымъ злымъ голосомъ шипитъ:

— Не смѣйте такъ орать! мнѣ стыдно!

Я говорю:—Помилуйте! какой съ безстыжей толпучкой стыдъ!

А онъ отвѣчаетъ:

— Это не толпучка, а моя знакомая блондинка; она мнѣ можетъ черезъ одно лицо самый непріятный постановъ вопроса сдѣлать.

И опять такъ меня рванулъ, что платье затрещало, и я его съ-сердцовъ по рукѣ, а по дверцамъ локтемъ, да и вышибла стекло такъ, что оно зазвонило въ дребезги.

Къ намъ сейчасъ подскочилъ городовой и говоритъ:

— Позвольте узнать, что за насиліе? О чемъ эта дама шумятъ?

Николай Иванычъ, спасибо, ловко нашелся:

— Оставь, говоритъ, насъ,—эта дама не въ своемъ умѣ, я ее везу въ сумасшедшій домъ на свидѣтельство.

Городовой говоритъ:—Въ такомъ разѣ прослѣдуйте!

Опять погнались, но тутъ какъ разъ впоперекъ погребальный процессъ: какъ на зло какого-то полкового мертвеца съ парадомъ хоронили,—духовенство выступаетъ; гробъ везутъ; солдаты протяжно тащутся и двѣ пушки всѣмъ вслѣдъ волокутъ, а потомъ ужъ каретъ и конца нѣтъ. Ну, пока все это передъ своими глазами пропустили, онъ, конечно, уѣхалъ и тарабахи скрылись.

Поѣхали опять, но не знаемъ, куда ѣхать; но тутъ, спасибо, откуда-то взялся человѣкъ и говоритъ:

— Позвольте мнѣ съ кучеромъ на козлы сѣсть — я знаю, гдѣ первая ажидація.

Дали ему рубль, онъ сѣлъ и поѣхалъ, но куда ѣдемъ?— опять не понимаю. Степеневыхъ домъ въ ямской слободѣ, а мы пріѣхали на хлѣбную пристань, и тутъ дѣйствительно оказалась толпучка народу, собралась и стоитъ на ажидаціи... Смотрѣть даже ужасти, сколько людей! А самого-то его уже и не видать, какъ высѣлъ, — и говорятъ, что насилу въ домъ проводили отъ ожидальцевъ. Теперь за нимъ и двери заключили, и два городовыхъ не пущаютъ, а которые грубятъ, тѣхъ отводятъ.

Но однако, впрочемъ, всѣ ожидатели ведутъ себя хорошо, ждутъ и о чудесахъ разговариваютъ, а у меня мой сударь Николай Иванычъ вдругъ взбѣленился.

— Что мнѣ, говоритъ, тутъ съ вами, ханжами, стоять! Еще опять за банкрута сочтутъ!.. Я не хочу больше ждать. Оставайся здѣсь и жди съ каретою, а я лучше хоть на простой конкѣ на волю уѣду.

Я уговариваю: у Бога, говорю, всѣ равны. Вѣдь эта ажидація для Бога. Если хотите что-либо выдающееся сподобиться, то надо терпѣливо ждать.

Кое-какъ онъ насилу согласился одинъ часъ подождать и на часы отмѣтилъ.

Часъ этотъ, который мы тутъ проманежились, я весь языкъ свой отбила, чтобы Николая Иваныча уговаривать, и за этими разговорами не замѣтила, что уже сдѣлался выходъ изъ подъѣзда, и его опять въ ту же самую секунду въ другую карету подхватили и помчали на другую ажидацію. Боже мой! второе

такое коварство! Какъ это снесть! Мы опять за ними слѣдомъ, и опять намъ въ третій разъ та же самая удача, потому что Николай Иванычъ съ орденами и со всѣми своими принадлежностями нейдетъ на видъ, а прячется, а меня въ моемъ простомъ видѣ всѣ прочь оттираютъ.

А въ концѣ концовъ Николай Иванычъ говоритъ:

— Ну, ужъ теперь типунъ! я не намѣренъ больше позади всѣхъ въ свитѣ слѣдовать. Ты сиди здѣсь и ѣзди, а я не хочу.

И съ этимъ всѣ свои принадлежности снимаетъ и въ карманъ прячетъ.

Я говорю:—Помилуйте, какъ же я одна останусь?.. это немыслимо...

А онъ вдругъ дерзкій сталъ и отвѣчаетъ:—А вотъ ты и размышляй о томъ, что̀ мыслимо, а что̀ немыслимо, а я въ трактирѣ хоть водки выпью и закушу миногой.

— Такъ вотъ, говорю, и подождите же, Богу помолитесь на тощакъ, а тогда кушайте; тамъ все уже приготовлено, не только миноги, а и всякая рыба, и потроха выдающіеся, и прочія принадлежности.

Онъ меня даже къ чорту послалъ.

— Очень мнѣ нужно! говоритъ.—Не видалъ я, поди, твои потроха выдающіеся!—и вмѣсто того, чтобы забѣжать въ трактиръ, сѣлъ на извозчика да и совсѣмъ уѣхалъ.

Тутъ я даже заплакала. Много я въ моей жизни низостей отъ людей видѣла, но этакой выдающейся подлости, чтобы такъ и силомъ оттирать, и обманно чужимъ именемъ къ себѣ завлекать и увозить—этого я еще и не воображала.

Въ отчаяніи я разсказала это другимъ, какъ это сдѣлано, а другіе и не удивляются, говорятъ: „не убивайтесь, это такъ часто дѣлаютъ“.

А какъ только онъ вышелъ, такъ смотрю—эти же самые, которые такъ говорили, сами же въ моихъ глазахъ сунулись и въ четвертый разъ подхватили его въ карету.

Я просто залилась слезами и кричу Мирошкѣ:

— Миронъ, батюшка, да имѣй же хоть ты Бога въ сердцѣ своемъ, бей своихъ ѳетюковъ, чтобы мнѣ хоть на пятую аждацію шибче всѣхъ подскочить, и не давай другимъ ходу! Я тебѣ двѣ пунцовки дамъ.

Миронъ отвѣчаетъ: „хорошо! формально дамъ ходу!“ И такъ нахлесталъ ѳетюковъ во всю силу, что они понеслись шибче тарабаховъ, и въ одномъ мѣстѣ старушонку съ ногъ сшибли, да скорѣй въ сторону, да боковымъ переулкомъ—опять догнали, и

какъ передняя карета стала подворачивать, Миронъ ей на-перерѣзъ и что-то вразъ имъ и обломалъ... Такъ зацѣпилъ, что чужая карета на бокъ, а наша только завизжала.

Кучера стали ругаться.

Городовые нашихъ лошадей сгребли подъ уздицы и Мироновъ адресъ стали записывать.

А онъ ужъ опять выходитъ, но тутъ я скорѣй дверцы настежъ и прямо къ нему:

— Такъ и такъ, говорю, что же вы изволили намъ обѣщать къ купцамъ Степеневымъ... Они люди выдающіеся и съ самаго утра у нихъ всеобщая ажидація.

А онъ на меня смотритъ, какъ голубокъ въ усталости или въ большомъ изумленіи, и говоритъ:

— Ну, такъ что-жъ такое? Вѣдь я уже сегодня у Степеневыхъ былъ.

— Когда же? говорю.—Помилуйте! Нѣтъ вы еще не были.

Онъ вынулъ книжку, поглядѣлъ и удостовѣряется:

— Степеневы?

— Да-съ.

— Купцы?

— Выдающіеся купцы.

— Да, вотъ они... выдающіеся... Они у меня и зачеркнуты... Въ книжечкѣ ихъ имя зачеркнуто. Значитъ, я у Степеневыхъ былъ.

— Нѣтъ, говорю, помилуйте. Это немыслимо. Я отъ васъ ни на минуту не отстаю съ самаго утра.

— Да я у самыхъ первыхъ у Степеневыхъ былъ. И семейство помню: старушка такая въ темномъ платочкѣ меня къ нимъ возила.

Я догадалась, кто эта старушка! Это та, передъ которой я о выдающейся фамиліи Степеневыхъ говорила.

— Это, говорю, обманъ подведенъ; она не отъ Степеневыхъ, Степеневы совсѣмъ не тамъ и живутъ, гдѣ вы были.

Онъ только плечомъ воздвигнулъ и говоритъ:

— Ну, что-жъ теперь дѣлать! Теперь еще подождите, я здѣсь справлюсь и съ вами поѣду.

Я опять осталась ждать на шестую ажитацію, и тутъ я только поняла, какіе бываютъ на свѣтѣ народы, какъ эти басомпьеры! Ихъ совокупившись цѣлая артель и со старостой, который надо мною про семь спящихъ дѣвъ-то ухмылялся—это онъ и есть, атлетическаго сложенія съ выдающимся носомъ. Бродяжки они, гольтепа, работать не охотники, и нашли такое занятіе, что подсматриваютъ... и вдругъ скучатся толпучкой и никому сквозь ихъ

не пролѣзть... Если имъ дашь—они къ той каретѣ такъ и насунутъ, а не дашь,—станутъ отодвигать... и...

— Типунъ!—пошутила Аичка.

— Типунъ. Мнѣ уже послѣ старушка одна разсказала: „Полно тебѣ, говоритъ, во слѣдъ ѣздить. Подзови мужчину въ зеленой чуйкѣ да дай ему за труды—они его къ тебѣ вразъ направятъ. Они тоже съ этого только кормятся".

Я подманила этого промыслителя и дала ему гривенникъ, но онъ малый смирный—недоволенъ моей гривной, а проситъ рубль. Дала рубль—онъ къ нашей каретѣ ходъ и открылъ.

Получила и везу.

IX.

Я было-хотѣла отдѣльно отъ него ѣхать, какъ недостойная, но онъ, препростой такой, самъ пригласилъ:

— Садитесь, говоритъ, вмѣстѣ, ничего.

Простой-препростой, а лицо выдающееся.

Слушательница Марьи Мартыновны перебила ее и спросила:

— Чѣмъ же его лицо выдающееся?

И мнѣ, признаться, очень любопытно было это услышать, но разсказчица уклонилась отъ отвѣта и сказала:

— Вотъ завтра сама увидишь,—и затѣмъ продолжала:

— Я сѣла на переднемъ сидѣньѣ и смотрю на него. Вижу, усталъ совершенно. Зѣваетъ голубчикъ и все изъ кармана письма достаетъ. Много, премного у него въ карманѣ писемъ, и онъ ихъ все вынимаетъ и раскладываетъ себѣ на колѣни, а деньги въ карманъ спущаетъ и не считаетъ, потому что онъ вѣдь изъ нихъ ничего себѣ не беретъ.

— Почемъ вы это знаете?—протянула Аичка.

— Ахъ, мой другъ, да въ этомъ даже и сомнѣваться грѣшно, за это Богъ накажетъ.

— Я и не сомнѣваюсь, а только любопытствую: кто это знаетъ?

— Да вѣдь это видно. Распечатаетъ, прочитаетъ, а деньги въ карманъ опуститъ и крандашемъ отмѣтитъ, и опять новое письмо распечатаетъ, а между тѣмъ и шутитъ препросто.

— О чемъ же, напримѣръ, шутитъ?

— Да вотъ, напримѣръ, спрашиваетъ меня: „что же это значитъ? я у Степеневыхъ, значитъ, еще не былъ"?

— Навѣрно, говорю, не были.

Онъ головой покачалъ, улыбнулся и смѣется.

— А можетъ быть, вы меня туда во второй разъ везете?

— Помилуйте, говорю: это немыслимо.

— Съ вами, отвѣчаетъ, все мыслимо.

Потомъ опять читалъ, читалъ и опять говоритъ:

— А у кого же это однако я былъ вмѣсто Степеневыхъ? Вотъ я теперь черезъ это замѣшательство не знаю, кого мнѣ теперь въ своей книжкѣ и вычеркнуть.

Я понимаю, что ему досадно, но не знаю, что̀ и сказать.

Онъ полагалъ такъ, что Степеневы—это тѣ первые, у которыхъ онъ былъ по обману, и они его о сынѣ просили, что сынъ у нихъ ужасный грубіянъ—познакомился съ легкомысленною женщиной и жениться хочетъ, а о другихъ невѣстахъ хорошаго рода и слышать не хочетъ.

— Отчего же такъ?—спросила Аичка.

— Долгъ, видишь, обязанность чувствуетъ воздержать ее въ степенной жизни.

— Просто, небось, въ красоту влюбился.

— Разумѣется... Что-нибудь выдающееся... Но я опять къ своему обороту: говорю, что у настоящихъ Степеневыхъ сына выдающагося нѣтъ...

— А невыдающійся что же такое дѣлаетъ?

Я отвѣчаю, что у нихъ и невыдающагося тоже нѣтъ.

— Значитъ, совсѣмъ нѣтъ сына?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же вы путаете: „выдающагося“, „невыдающагося“?

— Это, извините, у меня такая поговорка. А у Степеневыхъ не сынъ, а дочь, а съ ней горе.

Онъ головой уставши покачалъ и спросилъ:

— А какое горе?

— А такое горе, что она всему капиталу наслѣдница и молодая, и очень красивая, но ни за что какъ слѣдуетъ жить не хочетъ.

Онъ вдругъ вслушался и что-то вспомнилъ:

— Степеневы, говоритъ... Позвольте, вѣдь это именно ихъ братъ Ступинъ?

Я не поняла, и онъ затруднился.

— Вѣдь мы это теперь къ Ступинымъ?

— Нѣтъ, къ Степеневымъ. Ступины—это особливые, а Степеневы—особливые: вотъ ихъ и домъ и на воротахъ сигналъ: „купцовъ Степеневыхъ“.

Онъ остро посмотрѣлъ, какъ будто отъ забытья прокинулся, и спрашиваетъ:

— Для чего сигналъ?

— Надпись, чей домъ обозначено.

— Ахъ да, вижу, надпись.

И вдругъ всѣ остальные нераспечатанные конверты собралъ и въ нутреной карманъ сунулъ и сталъ выходить у подъѣзда.

А народу на ажидацію у нашего подъѣзда собралось видимо и невидимо. Всю улицу запрудили толпучкой и еще за нами слѣдомъ четыре кареты подъѣхали съ ажидаціей.

Мы за нимъ двери въ подъѣздѣ сильно захлопнули, и тутъ случилась большая досада: одной офицершѣ, которая въ домъ насильно пролѣзть хотѣла, молодецъ два пальца на рукѣ такъ прищемилъ, что съ ней даже сдѣлалось въ родѣ обморока.

А только-что это уладили, полицейскій звонится, чтобы Мирона за полдомъ чужого экипажа въ участокъ брать протоколъ писать. Мы скорѣй спрятали Мирона въ буфетную комнату и я ему свое обѣщанье—пунцовку—дала, а внутри въ домѣ ожидало еще больше выдающееся.

X.

Онъ вошелъ, разумѣется, чудесно, какъ честь честью, и сказалъ: „миръ всѣмъ“ и всѣхъ благословилъ, и хозяйку Маргариту Михайловну, и сестру ея Ефросинью Михайловну, и слугъ старшихъ, а какъ коснулось до Николая Иваныча, то оказывается, что его, милостивѣйшаго государя, и дома нѣтъ. Тогда маменька съ тетенькой бросились къ Клавдичкѣ, а Клавдичка хоть и дома, но, изволите видѣть, къ службѣ выходить не намѣрена.

Онъ спрашиваетъ:—Дочка ваша гдѣ?

А бѣдная Маргарита Михайловна вся въ стыдѣ отвѣчаетъ:

— Она дома, она сейчасъ!

А чего „сейчасъ“, когда та и не думаетъ выходить!

Раньше этого была съ матерью ласкова и обнимала ее и ни слова не сказала, что не выйдетъ, а тутъ, когда мы уже пріѣхали и мать къ ней внѣ себя вскочила и стала говорить:

— Ѣдетъ, ѣдетъ!

Клавдичка ей преспокойно отвѣчаетъ:

— Ну, вотъ, мама, и прекрасно; я за васъ теперь рада, что вамъ удовольствіе.

— Такъ выйди же его встрѣчать и подойди къ нему!

Но она тихую улыбку сдѣлала, а этого исполнить не захотѣла.

Мать говоритъ:—Значитъ ты хочешь сдѣлать мнѣ непріятность?

— Вовсе нѣтъ, мама, я очень рада за васъ, что вы хотѣли его видѣть, и это ваше удовольствіе исполняется.

— А тебѣ, стало быть, это не удовольствіе?

— Мнѣ, мамочка, все равно.

— А какъ же ты говорила, что и ты въ Бога вѣришь?

— Конечно, мама, вѣрю, и мнѣ кромѣ Его никого и не надобно.

— А исполнять по вѣрѣ, стало быть, тебѣ ничего и не надобно?

— Я, мамочка, исполняю.

— Что же ты исполняешь?

— Всѣмъ повелѣнное: „ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица“ и никому зла не дѣлать.

— Ахъ, вотъ въ чемъ теперь твоя вѣра? Такъ знай же, что ты мнѣ большое зло дѣлаешь.

— Какое?.. Что вы, мама!.. Ну, простите меня.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня срамишь на весь нашъ родъ и на весь городъ. Въ малярихи или въ прачки ты, что-ли, себя готовишь? Что ты это на себя напустила?

А та стоитъ да глинку мнетъ.

— Брось сейчасъ твое лѣпленье!

— Да зачѣмъ это вамъ, мама?

— Брось! сейчасъ брось! и сними свой фартукъ и выйди со мною, а то я съ тебя насильно фартукъ сорву и всю твою эту глиномятную антиллерію на полъ сброшу и ногами растопчу!

— Мамочка, отвѣчаетъ, все, что вамъ угодно, но выходить я не могу.

— Отчего?

— Оттого, что я почитаю, что все это не слѣдуетъ.

Тутъ мать уже не выдержала и—чего у нихъ никогда не было—браннымъ словомъ ее назвала:

— Сволочь!.. гадина!

А дочь ей съ ласковымъ укоромъ отвѣчаетъ:

— Мамочка! мама!.. вы послѣ жалѣть будете.

— Выходи сейчасъ!

— Не могу.

— Не можешь?

— Не могу, мама.

А та хлопъ ея фигуру на полъ и начала ее каблуками топтать. А какъ дочь ее захотѣла-было обнять и успокоить, то

Маргарита-то Михайловна до того вспылила, что прямо ее въ лицо и ударила.

— Эту статую?—спросила Аичка.

— Нѣтъ, другъ мой, саму Клавдиньку. „Не превозносись“! Клавдинька-то такъ и ахнула и обѣими руками за свое лицо схватилась и зашаталась.

— За руки бы ее!—замѣтила Аичка.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлала, а стала просить только:

— Мамочка! пожалѣйте себя! Это ужасно, вѣдь вы женщина! Вы никогда еще такой не были.

А Маргарита Михайловна задыхается и говоритъ:

— Да, я никогда такой не была, а теперь вышла. Ну, это ты меня довела... до этого. И съ этой поры... ты мнѣ не дочь: я тебя проклинаю и въ коммиссію прошеніе пошлю, чтобы тебя въ неисправимое заведеніе отдать.

И вотъ въ этакомъ-то положеніи, въ такомъ-то разстройствѣ сейчасъ послѣ такого представленія къ нему на встрѣчу!.. и можешь ли ты себѣ это вообразить, какое выдающееся стенаніе!

Онъ, кажется, ничего не замѣтилъ, что къ нему не всѣ вышли, и сталъ предъ образами молебенъ читать,—онъ вѣдь не поетъ, а все отъ себя прочитываетъ,—но мы никто и не молимся, а только переглядываемся. Мать взглянетъ на сестру и видъ даетъ, чтобы та еще пошла и Клавдиньку вывела, а Ефросинья сходитъ да обратный видъ подаетъ, что „не идетъ“.

И во второй разъ Ефросинья Михайловна пошла, а мать опять все за ней на дверь смотритъ. И во второй разъ дверь отворится, и опять Ефросинья Михайловна входитъ одна и опять подаетъ мину, что „не идетъ“.

А мать мину дѣлаетъ: отчего?

Маргарита Михайловна мнѣ мину даетъ: иди дескать ты уговори.

Я—мину, что это немысли́мо!

А она глазами: „пожалуйста“, и на свое платье показываетъ: „дескать, платье подарю“.

Я пошла.

Вхожу, а Клавдинька собираетъ глиняные оскребки своего статуя, котораго мать сшибла.

Я говорю:—Клавдія Родіоновна, утѣшьте мамашу, выйдите пожалуйста.

А она мнѣ это же мое послѣднее слово и отвѣчаетъ:

— Выйдите пожалуйста!

Я говорю:—Жестокое въ васъ сердце какое! Чужихъ вамъ

жаль, а мать ничего не стоитъ утѣшить, и вы не можете. Вѣдь это же можно сдѣлать и безъ всякой безъ вѣры.

— Разумѣется,—поддержала Аичка.

— Ну, конечно! Господи, вѣдь не во все же вѣришь, о чемъ говорятъ, но не препятствуешь, соглашаешься.

Но только-что я ей эту назидацію провела, она мнѣ повелѣваетъ: „Выйдите!“—А за что?—„За то, говоритъ, что вы воплощенная ложь и учите меня лгать и притворяться. Я не могу васъ выносить: вы мнѣ гадкое говорите“.

Я вернулась и какъ только начала объяснять миною все, что было, то и не замѣтила, что онъ уже читать пересталъ и подошелъ къ цвѣтнику, сломалъ съ одного цвѣтка вѣточку и этой вѣточкой сталъ водой брызгать. Самъ всѣхъ благодаритъ и ничего не поетъ. Все у него какъ-то особенно выдающееся.

— Благодарю васъ,—говоритъ, что вы со мной помолились. Но гдѣ же ваши прочіе семейные?

Вотъ и опять лгать надо: о Николаѣ Иванычѣ и солгали, сказали, что его къ графу въ коммиссію потребовали.

— А дочь ваша, гдѣ она?

Ну, тутъ уже Маргарита Михайловна не выдержала и молча заплакала.

Онъ понялъ и ее какъ ангелъ обласкалъ, и говоритъ:

— Не огорчайтесь, не огорчайтесь! въ молодости много случается, но потомъ проходитъ. Если она не хочетъ къ намъ выйти, то не могу ли я къ ней взойти?

Маргарита Михайловна отъ благодарности ему въ ноги упала, а онъ ее поднимаетъ и говоритъ:

— Что вы, что вы!.. Поклоняться одному Богу прилично, а я человѣкъ.

А я и Ефросинья Михайловна тою минутою бросились обѣ въ Клавдинькину комнату и говоримъ:

— Скорѣе, скорѣе!.. ты не хотѣла къ нему выйти, такъ онъ теперь самъ къ тебѣ желаетъ придти.

— Ну, такъ что же такое?—отвѣчаетъ спокойно.

— Онъ тебя спрашиваетъ, согласна ли ты его принять?

Клавдинька отвѣчаетъ:

— Это домъ мамашинъ; въ ея домѣ всякій можетъ идти куда ей угодно.

Я бѣгу и говорю:—Пожалуйте.

А онъ мнѣ ласково на отвѣтъ улыбнулся, а Маргаритѣ Михайловнѣ говоритъ:

— Я вамъ говорю, не сокрушайтесь; я чудесъ не творю,

но если чудо нужно, то чудеса всегда были, и есть, и будутъ. Проводите меня къ ней и на минуту насъ оставьте, мы съ ней должны говорить въ одномъ вездѣприсутствіи Божіемъ.

— Конечно, Боже мой! развѣ мы этого не понимаемъ! Только помоги, Господи!

— Ну, я бы не вытерпѣла,—сказала Аичка,—я бы подслушала.

— А ты погоди, не забѣгай.

XI.

Мы его въ Клавдинькину дверь впустили, а сами скорѣе обѣжали вокругъ черезъ столовую, откуда къ ней въ комнату окно есть надъ дверью, и вдвоемъ съ Ефросиньей Михайловной на столъ взлѣзли, а Маргарита Михайловна, какъ грузная, на столъ лѣзть побоялась, а только къ дверному створу ухо присунула слушать.

Онъ, какъ вошелъ, сейчасъ же положилъ ей свою руку на темя и сказалъ по духовному:

— Здравствуй, дочь моя!

А она его руку своею рукою взяла да тихонько съ головы и свела и просто пожала, и отвѣчаетъ ему:

— Здравствуйте.

Онъ не обидѣлся и началъ съ ней дальше на „вы“ говорить.

— Могу ли я у васъ сѣсть и побесѣдовать?

Она отвѣчаетъ:

— Если вамъ это угодно, садитесь, только не запачкайтесь: на васъ одежда шолковая, а здѣсь есть глина.

Онъ посмотрѣлъ на стулъ и сѣлъ и безъ всякаго множественнаго разговора, прямо ее спросилъ:

— Вы лѣпленіемъ занимаетесь?

Она отвѣчаетъ:—Да, я лѣплю.

— Конечно, не по нуждѣ, а по желанію?

— Да, и по желанію, и по нуждѣ.

Онъ на нее посмотрѣлъ выразительно.

— По какой же нуждѣ?

— Всякій человѣкъ имѣетъ нужду трудиться, это его назначеніе и въ этомъ для него польза.

— Да, если это не для моды, то хорошо.

А она отвѣчаетъ:

— Если кто и для моды сталъ заниматься трудомъ вмѣсто того, что прежде ничего не дѣлалъ, то и это тоже не плохо.

Понимаешь, вдругъ сдѣлала такой оборотъ, какъ будто не онъ, а она ему будетъ давать назидацію. Но онъ ее сталъ строже спрашивать:

— Мнѣ, кажется, вы слабы и нездоровы?

— Нѣтъ, говоритъ она:—я совершенно здорова.

— Вы, говорятъ, мяса не ѣдите?

— Да, не ѣмъ.

— А отчего?

— Мнѣ не нравится.

— Вамъ вкусъ не нравится?

— И вкусъ, и просто я не люблю видѣть передъ собою трупы.

Онъ и удивился.

— Какіе, спрашиваетъ, трупы?

Она отвѣчаетъ: трупы птицъ и животныхъ. Кушанья, которыя ставятъ на столъ, вѣдь это все изъ ихъ труповъ.

— Какъ! это жаркое или соусъ—это трупы! Какое пустомысліе! И вы дали обѣтъ соблюдать это во всю жизнь?

— Я не даю никакихъ обѣтовъ.

— Животныхъ,—говоритъ,—показано употреблять въ пищу.

А она отвѣчаетъ:—Это до меня не касается.

Онъ говоритъ:

— Стало быть, вы и больному не дадите мяса?

— Отчего же, если ему это нужно, я ему дамъ.

— Такъ что же?

— Ничего.

— А кто васъ этому научилъ?

— Никто.

— Однако, какъ же вамъ это пришло въ голову?

— Васъ это развѣ интересуетъ?

— Очень! потому что эта глупость тоже распространяется.

— Въ такомъ разѣ я вамъ скажу, какъ мнѣ пришла въ голову эта глупость.

— Пожалуйста!

— Мы жили въ деревнѣ съ няней и некому было зарѣзать цыплятъ, и мы ихъ не зарѣзали, и я увидала, что можно жить, никого не рѣзавши, и мнѣ это понравилось.

— А еслибъ былъ больной человѣкъ?

— Я думаю, что для больного человѣка я бы цыпленка зарѣзала.

Онъ воздвигъ плечами и говоритъ:

— Какая же у васъ непослѣдовательность!

А она отвѣчаетъ, что для спасенія человѣка можно сдѣлать и непослѣдовательность.

— Просто мракобѣсіе! Вы, можетъ быть, и собственности не хотите имѣть?

— При какихъ обстоятельствахъ?

— Это все равно.

— Нѣтъ, не равно; если у меня два платья, а у другой ни одного, то я тогда не хочу имѣть два платья въ моей собственности.

— Вотъ какъ!

— Да вѣдь это такъ же и слѣдуетъ, это такъ и указано!

— Съ вами напрасно объ этомъ говорить.

— Отчего же?

— Оттого, что вы только къ тому клоните, чтобы доказать, что прямое криво.

— А мнѣ кажется, какъ будто вы только хотите доказать, что кривое прямо!

— Это, говоритъ, все это мракобѣсіе въ васъ оттого, что вы не несете въ семействѣ своихъ обязанностей. Отчего вы до сихъ поръ еще дѣвушка?

— Оттого, что я не замужемъ.

— А почему?

Она на него воззрилась.

— Какъ это почему? Потому что у меня нѣтъ мужа.

— Но вы, быть можетъ, и бракъ отвергаете?

— Нѣтъ, не отвергаю.

— Вы признаете, что самое главное призваніе женщины жить для своей семьи?

Она отвѣчаетъ:—Нѣтъ, я иного мнѣнія.

— Какое же ваше мнѣніе?

— Я думаю, что выйти замужъ за достойнаго—хорошо, а остаться дѣвушкою и жить для блага другихъ—еще лучше, чѣмъ выйти замужъ.

— Вѣдь это фраза.

— Совсѣмъ нѣтъ; это очень трудно, но это возможно.

— Заботиться объ общемъ благѣ можно и въ бракѣ.

— Да, но это еще труднѣе, чѣмъ не вступать въ бракъ.

— У васъ нѣтъ ничего жизнерадостнаго.

— Нѣтъ, есть.

— Что же такое?

— Пріучаться не жить для себя.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ всего лучше идти въ монастырь.

— Для чего же это?

— Тамъ ужъ это все приноровлено къ тому, чтобы жить не для себя.

— Я совсѣмъ не нахожу, чтобы тамъ это было приноровлено.

— А вы развѣ знаете, какъ живутъ въ монастыряхъ?

— Знаю.

— Гдѣ же вы наблюдали монастырскую жизнь?

А она уже его перебиваетъ и говоритъ:

— Извините, я не имѣю обыкновенія ни про кого разсказывать,—и сама берется при немъ мять свою глину, какъ бы его тутъ и не было.

Онъ же вдругъ смѣнился и ласково ей говоритъ:

— Послушайте, дитя мое! вашу мать такъ сокрушаетъ, что вы не устроены, а долгъ дѣтей свою мать жалѣть. Изберите себѣ достойнаго жениха.

— Я его уже избрала.

— Но этотъ выборъ не одобряетъ ваша мать.

— Мама его не хочетъ узнать.

— Да что-жъ и узнавать, онъ иновѣрецъ.

— Онъ христіанинъ!

— Полноте! отчего вамъ не уступить матери и не выбрать себѣ мужа изъ своихъ людей, обстоятельныхъ и извѣстныхъ ей и вашему дядѣ.

— Чѣмъ же не обстоятеленъ тотъ, кого я выбрала?

— Иновѣрецъ.

— Онъ христіанинъ, онъ любитъ всѣхъ людей и не различаетъ ихъ породы и вѣры.

— Такъ пусть приметъ нашу вѣру.

— Для чего же это?

— Чтобы еще тѣснѣе соединиться съ вами.

— Мы и такъ соединены тѣсно.

— Но отчего же не сдѣлать еще тѣснѣе?

— Оттого, что тѣснѣе того, чѣмъ мы соединены, насъ ничто больше соединить не можетъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно и говоритъ:

— А если вы ошибаетесь?

А она вдругъ порывисто отвѣчаетъ:

— Извините, я уже не дитя, я себя чувствую и понимаю, что я была до извѣстной поры и чѣмъ я стала теперь, когда во мнѣ зародилась новая жизнь, и я не промѣняю моего теперешняго состоянія ни на что другое. Я люблю и почитаю мою мать, но... вы вѣрно знаете, что „тотъ, кто *въ насъ*, тотъ больше всѣхъ“, и я принадлежу ему, и не отдамъ этого никому, ни даже матери.

Сказала это и даже задохнулась и покраснѣла.

— Извините, добавила,—я вамъ, кажется, отвѣтила рѣзко, но зато я больше уже ничего не могу прибавить, — и двинула стулъ, чтобъ встать.

И онъ тоже двинулся и отвѣтилъ:

— Нѣтъ, отчего же, если вы ужъ такъ соединены... и чувствуете новую жизнь...

А она встала и строго на него посмотрѣла и говоритъ:

— Да, мы соединены и разъединять насъ поздно, и я чувствую новую жизнь! Кажется, больше говорить не о чемъ!

Онъ отъ нея даже откачнулся и тихо сказалъ:

— Мнѣ кажется, вы на себя... наговариваете!

А она ему преспокойно:

— Нѣтъ! все, что я говорю, все то и есть!

А Маргарита Михайловна въ это же самое мгновеніе—„ахъ", да и съ ногъ долой въ обморокъ, а я, какъ самая глупая овца, забыла, что стою на концѣ гладильной доски, и спрыгнула, чтобъ помочь Маргаритѣ, а гладильная доска перетянулась, да Ефросинью Михайловну сронила и меня другимъ концомъ пониже поясницы, и всѣ трое ниспроверглись и лежимъ. Грохотъ этакой на весь домъ сдѣлался. И онъ это услыхалъ и всталъ и весь въ волненіи сказалъ Клавдинькѣ:

— Какія ужасныя волненія!.. И все это черезъ васъ!..

А она ему ни словечка.

Тогда онъ вздохнулъ и говоритъ:

— Ну, я не могу терять больше времени, и что бы это ни было, я ухожу.

А Клавдинька ему въ отвѣтъ:

— Пренебрегите нами, у насъ все есть; спѣшите скорѣе къ людямъ бѣдственнымъ.

Даже изъ себя его вывела, потому что онъ, какъ задыхаясь, ей отвѣтилъ:

— Благодарю васъ-съ, благодарю,—и попросилъ, чтобы она и провожать его не смѣла.

XII.

А когда онъ изъ дому на видъ показался, Клавдинька вернулась и прямо пришла въ темную, гдѣ мы лежали повержены, двери распахнула и кинулась къ матери, а что мы съ Ефросиньей никакъ подняться не можемъ... это ей хоть бы что! Ефросиньѣ Михайловнѣ девятое ребро за ребро заскочило, а мнѣ какъ будто

самый сидѣльный хвостикъ переломился, а кромѣ того и досадно, и смѣхъ разрываетъ.

„Хороша, думаю, дѣвушка! объяснилась... и ужъ сама не скрываетъ...“

Такъ въ этакомъ-то неслыханномъ постыдномъ безпорядкѣ все и кончилось. Мы и не видали, какъ онъ сѣлъ и вся ажидація разсѣялась, и опять обманъ былъ, опять онъ въ чужую карету сѣлъ и не замѣтилъ—сталъ письма доставать. Такъ его и увезли, а наши служащіе въ домѣ всѣ ужасно были обижены, потому что все это вышло не такъ, какъ ждали, и потомъ всѣ, оказалось, слышали, какъ Клавдія сама, хозяйская дочь и наслѣдница, при всѣхъ просила: „пренебрегите нами“... Чего еще надо! Онъ и въ правду, я думаю, этого никогда еще ни отъ кого не слыхивалъ. Всѣ его только просятъ и молятъ со слезами, чтобы онъ осчастливилъ, чтобы пожаловалъ, а она какъ будто гонитъ: „нами пренебрегите и ступайте къ бѣдственнымъ“. Молва поднялась самая всенародная. Кучеръ Миронъ, какъ всегдашній грубіянъ, да еще двѣ пунцовки выпивши, вывелъ на дворъ своихъ ѳетюковъ, чтобы ихъ пѣтой водой попрыскать, а ѳетюки его сытые—кидаются, грызутся, а Миронъ старается ихъ словами унять, а въ конюшню назадъ ни за что вести не хочетъ.

— Я, говоритъ, слава те, Господи! Я формально знаю, какъ и что велитъ законъ и религія: всегда перво-на́-перво хозяевъ прыскаютъ, а потомъ на тотъ же манеръ и скотовъ.

Насилу у него лошадей отняли и спать его уложили, какъ вдругъ Николай Иванычъ пріѣзжаетъ и въ самомъ выдающемся градусѣ.

— Скверный мужчина!—отозвалась Аичка.

— Преподлецъ!—поддержала Марья Мартыновна и продолжала:—съ этимъ опять до тѣхъ поръ безпокоились, что безъ всѣхъ силъ сдѣлались, и какъ пали въ сумерки, гдѣ кто достигъ по диванамъ, такъ тамъ и уснули. Но мнѣ и во снѣ все это снилося, какъ Клавдинька отличилась съ своимъ безстыдствомъ... Николай Иванычъ на весь домъ храпитъ и Ефросинья тоже ничкомъ дышетъ, а мнѣ даже не спится, будто какъ что меня поднимаетъ,—и не даромъ. Прислушиваюсь и слышу, что Маргарита Михайловна тоже не спитъ... ходитъ...

И такъ это она меня моя Маргарита заинтересовала, что я лежу и присапливаю, будто сплю, а о снѣ и не думаю, а все на нее однимъ глазкомъ гляжу и слушаю, куда она пойдетъ.

А она неслышной стопою тихонечко по всѣмъ комнатамъ, у жердиньерки остановилась, съ цвѣтковъ будто сухіе листики

обираетъ въ руку, потомъ канарейкѣ сахарокъ въ клѣткѣ поправила, лоскуточекъ какой-то маленькій съ полу подняла, а сама, вижу, все слушаетъ, всѣ ли мы спимъ крѣпко, и потомъ ворозски, потихонечку—топъ-топъ и вышла.

Я сейчасъ же вскочила на диванъ и уши навострила... Слышу, она кружнымъ путемъ черезъ залъ къ Клавдинькиной комнатѣ пошлепала.

Такъ во мнѣ сердце и заколотилось... Что у нихъ будетъ?

Горошкомъ я съ дивана спрыгнула, туфли сбросила да подъ мышку ихъ, и въ однихъ чулкахъ черезъ другой кругъ обѣжала и въ гардеробную,—оттуда тоже въ Клавдинькину комнату надъ дверью „воловье око“ есть. Опять тамъ тихонечко все взмостила, поставила на столъ стулъ и стала на него и гляжу.

Въ комнатѣ пол-темно. Лампа горитъ, но колпакъ такъ сноровленъ, что только въ одно мѣсто свѣтъ отбиваетъ, гдѣ она руками лѣпитъ... Все это она сама себѣ и все и зажигаетъ, и гаситъ, и на канфоркѣ воду грѣетъ—все безъ прислуги.

И теперь такъ—весь домъ въ покоѣ отдыхаетъ, а она, завистная работница, какъ ни въ чемъ не бывало, опять уже всѣ свои принадлежности расправила.

Мнетъ да приставляетъ, да чортъ знаетъ что выдѣпливаетъ.

Мать вошла, а она не видитъ, а у меня сердце такъ-токъ-токъ!—такъ и толчется... Что будетъ?—прибьетъ ее старуха что-ли, и какъ та—съ покорностію ли это выдержитъ, или, помилуй Богъ, забудется, да и сама на мать руку подниметъ. Тогда я тутъ и нужна окажусь, потому что по крайней мѣрѣ я вскочу да схвачу ее за руки и подержу—пусть мать ее хорошенько поучитъ.

XIII.

Все дыханіе я въ себѣ затаила.

Маргарита Михайловна постояла въ полутемнотѣ и ближе къ ней подходитъ...

Тогда госпожа Клавдинька вздрогнула и глину свою уронила.

— Мамочка!—говоритъ—вы не спите! какъ вы меня испугали!

Маргарита удерживаетъ себя и отвѣчаетъ:

— Отчего же это тебѣ мать страшна сдѣлалась?

— Зачѣмъ вы, мама, такъ говорите: вы мнѣ вовсе не страшны! Я вамъ рада, но я занялась и ничего не слыхала... Садитесь у меня, милая мама!

А та вдругъ обѣими руками, ладонями ея голову обхватила и всклипнула:

— Ахъ, Клавдичка моя! дитя ты мое, дочка моя, сокровище!

— Что вы, что вы, мама!.. Успокойтесь.

А старуха ея голову крѣпко зацѣловала, зацѣловала и вдругъ сама ей въ ноги сползла на колѣни и завопила:

— Прости меня, ангелъ мой, прости, моя кроткая! я тебя обидѣла!

Вотъ, думаю, такъ оборотъ! Она же къ ней пришла и не строгостью ее пристрастить, а еще сама же у нея прощенія просить.

Клавдинька ее сейчасъ подняла, въ кресло посадила, а сама передъ нею на колѣни стала и руки цѣлуетъ.

— Я, говоритъ, милая мама, ничего и не помню, что вы мнѣ осердясь сказали. Вы меня всегда любили, я весь вѣкъ мой была у васъ счастливая, вы мнѣ учиться позволили...

— Да, да, другъ мой, дура я была, я тебѣ учиться позволила, и вотъ что изъ этого ученья вышло-то!

— Ничего, мамочка, дурного не вышло.

— Какъ же „ничего“... что теперь о насъ люди скажутъ?

— Что, мама?.. Впрочемъ, пусть что хотятъ говорятъ... Люди, мама, вѣдь рѣдко умное говорятъ, а гораздо чаще глупое.

— То-то „все глупое“. Нѣтъ, ужъ если это случилось, то я согласна, чтобы скорѣе твой грѣхъ скрыть: выходи за него замужъ, я согласна.

Клавдія изумилась.

— Мама! милая! вы ли это говорите?..

— Разумѣется, я говорю; мнѣ твое счастье дорого, только не уходи отъ меня изъ дома,—тоска мнѣ безъ тебя будетъ.

— Да никогда мы не уйдемъ отъ васъ...

— Не уйдешь? Онъ тебя отъ меня не уведетъ?

— Да ни за что, мама!

Старуха такъ и заклохотала:

— Вотъ, вотъ, вотъ, говоритъ... опять ты всегда такая добрая.. А онъ добрый ли?

— Онъ гораздо меня добрѣе, мама!

— Ну и пусть... ужъ такъ... пусть. А только все-таки... зачѣмъ... ты такъ себя допустила?

— До чего, мама?

— Да ужъ не будемъ лучше говорить. Пусть только будетъ ваша свадьба скорѣй—я тогда опять успокоюсь... Я вѣдь тебѣ все простить готова... Это меня съ тобою только... люди разстраиваютъ, сестра... да эта мать-переносица Мартыниха.

— Богъ съ ней, мама: не сердитесь на нее,—она несчастная.

— Нѣтъ, она мерзкая выдумщица... по всѣмъ домамъ бѣгаетъ и новости затѣваетъ... я ее выгоню...

— Что вы, что вы, мама! Какъ можно кого-нибудь выгонять! Она безпріютная. Вы лучше дайте ей дѣло какое-нибудь, чтобы она занятіе имѣла, и не слушайте, что она о комъ-нибудь пересуживаетъ. Она вѣдь не понимаетъ, какое она зло дѣлаетъ.

— Нѣтъ, понимаетъ; онѣ приступили ко мнѣ съ сестрой, что ты странная, и такъ мнѣ надоѣли, что и мнѣ ты стала казаться странною. Что же дѣлать, если я такая слабая... Я повѣрила и послала ее приглашать, и отъ этой общей ажидаціи сама еще хуже разстроилась.

— Все пройдетъ, мама.

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ... ужъ это, что съ тобою сдѣлалось, такъ это... не пройдетъ.

Клавдинька на нее недоумѣнно смотритъ:

— Я васъ, говоритъ, не понимаю.

— Ну, все равно... только я не люблю, кто о тебѣ дурно говоритъ. И за то вотъ я деверя Николая Иваныча, какой онъ ни есть, и кутила, и бабеляръ, а я его уважаю, потому что онъ самъ съ тобою въ глаза спорится, а за глаза о тебѣ никому ничего позволить не хочетъ. „Сейчасъ, говоритъ, прибью за нее".

— Дядя добрякъ, мнѣ жаль его,—онъ во тьмѣ.

— И для чего это все необыкновенное затѣяли! У насъ все было весь вѣкъ по обыкновенному: свой, бывало, придетъ и попоетъ, и закуситъ, и въ карты поиграетъ, и на все скажетъ: „Господь проститъ".

— Простое, мама, во всѣхъ случаяхъ всегда самое лучшее.

— Да, онъ тебя и крестилъ, онъ пусть и перевѣнчаетъ. А Мартыниха пусть къ намъ и не приходитъ, чтобы никакихъ выдающихся затѣй отъ нея не было.

Вотъ что вышло мнѣ за мои хлопоты, но дѣло рѣшилось иначе, и совсѣмъ неожиданно.

— Кто же его рѣшилъ?—спросила Аичка.

— Кошка, да я немножко,—продолжала Марья Мартыновна. —Но Клавдинька, въ чести ея приписать, и въ концѣ опять за меня заступилась, стала просить, чтобы меня какою-нибудь выдающеюся прислугою въ домѣ оставили.

Старуха ей отвѣчаетъ:

— Изволь, я для тебя ее оставлю.

Но во мнѣ ужъ сердце закипѣло.

„Нѣтъ ужъ, думаю я, голубушки, и безъ васъ проживу-

я птичка невеличка, но горда, какъ самый горделивый звѣрь, и у меня кромѣ васъ по городу много знакомства есть,—я въ услуженіе лакейкой никуда не пойду"... И честное тебѣ слово даю, что я въ ту же минуту хотѣла потихоньку отъ нихъ, не прощаясь, со двора сойти, потому что я, ей Богу, какъ звѣрь горда; но вообрази же ты себѣ, что это не вышло. Ко всему этому случаю подпалъ еще другой, который и задержалъ. Пока я стояла на стулѣ и, на столѣ взгромоздившись, слушала ихъ совѣты, жирный котъ разыгрался, подхватилъ мои войлочныя туфли, которыя я на полу оставила, и началъ, мерзавецъ, швырять ихъ лапой по всему полу.

Отъ этакаго пустяка—а меня просто ужасъ обхватилъ: задѣнетъ, думаю, мерзавецъ, туфлею за какое-нибудь легкое стуло или табуретку и загремитъ, и они тогда сейчасъ сюда взойдутъ, и какова я имъ покажусь на своей каланчѣ? куда мнѣ тогда и глаза дѣвать и что̀ выдумать и сказать: зачѣмъ я это въ здѣшнемъ мѣстѣ, вскочивши на столъ, случилась?

Снялась я съ великимъ страхомъ, чтобъ не упасть, и стала кругомъ на полу ползать—туфли свои искать. Ползла, ползла, весь полъ выползла, а туфлей не нашла. А между тѣмъ страхъ боюсь, что теперь мать съ дочерью совсѣмъ поладили и сейчасъ выйдутъ и увидятъ, что меня нѣтъ на томъ диванѣ, гдѣ я спала. И какъ тогда мнѣ при нихъ да черезъ Николая Иваныча комнаты идти? Что подумать могутъ? Бросилась я безъ туфлей бѣжать и вернулась на свое мѣсто благополучно. Николай Иванычъ безъ воротничковъ спитъ и не храпитъ, и не ворочается; а я въ однихъ чулкахъ легла на диванъ и только-что притворилась, что будто сплю, какъ Маргарита съ дочерью и взаправду входятъ.

XIV.

Маргарита Михайловна спокойнымъ голосомъ съ прохладою велитъ, чтобы всѣ лампы зажечь и чай подавать, и стала всѣхъ будить къ чаю, а ко мнѣ какъ подошла, я говорю:—„я сейчасъ сама встану", и начинаю туфли искать.

А она какъ на грѣхъ спрашиваетъ:—что ты ищешь?

— Туфли ищу.

— Гдѣ же ты ихъ приставила?

— На мнѣ онѣ были на ногахъ.

— Куда же онѣ съ ногъ могли дѣться?

— И сама не знаю.

— Женихъ, что-ли, приходилъ тебя разувать,—такъ вѣдь это только на святкахъ бываетъ.

— Нѣтъ, я говорю, женихи ко мнѣ не ходятъ, а это, быть можетъ, надсмѣшка.

— Ну, вотъ еще! Кто будетъ надсмѣхаться? Ищите пожалуйста всѣ Мартыновнины туфли!

И что это ей за неотступная забота припала искать—ужъ и не понимаю. А въ это самое время, какъ на грѣхъ, вдругъ Николай Иванычъ выбѣгаетъ въ трехъ волненіяхъ изъ своихъ комнатъ и, должно быть, еще не проспавшись или въ испугѣ кричитъ:

— У-е-ля хамъ? У-е-ля хамъ?

Золовки ему отвѣчаютъ:

— Что ты, батюшка! что ты!.. Какой Хамъ?

А онъ даже трясется отъ злости и отвѣчаетъ:

— Хамъ значитъ женщина!

Маргарита Михайловна его перекрестила и говоритъ:

— Какая женщина?

— Которая мнѣ гадость сдѣлала.

— Что сдѣлала? какую гадость? Небось сказать нельзя?

А онъ, какъ козелъ, голово замоталъ и въ самомъ повелительномъ наклоненіи:

— Я, говоритъ, всѣмъ такой постановъ вопроса даю: какая это фибза меня разбудила и на постели у меня вотъ эту свою туфлю оставила?

И показываетъ въ рукѣ мою туфель...

Ну, разумѣется, всѣмъ смѣшно стало.

А я отвѣчаю:

— Это туфля моя, но надо знать, какъ она туда попала.

А онъ и не слушаетъ.

— Это всякому, говоритъ, извѣстно, какъ попадаетъ.

А тутъ мальчишка Егорка, истопникъ, весь блѣдный бѣжитъ и кричитъ:

— У насъ въ ванной кто-то чѣмъ-то съ печки швыряется.

Пошли туда, а тамъ въ ванной въ водѣ другая моя туфля плаваетъ, а на печкѣ на краю проклятый вотъ сидитъ.

— Господи!—воскликнула я:—что же это! если всѣ меня выживаютъ, то мнѣ лучше самой уйти.

А Николай Иванычъ поспѣшаетъ:

— И сдѣлай свою милость, уйди! У насъ безъ тебя согласнѣе будетъ,—и съ тѣмъ повернулъ меня лицомъ къ зеркалу и говоритъ:

— Вѣдь ты только посмотрись на себя и сдѣлай постановъ вопроса: пристойно ли тебѣ своими туфлями заигрывать!

То-есть, чортъ его и знаетъ, что онъ такое въ своей пьяной безпамятности понималъ, а тѣ дуры такое ко мнѣ приложеніе приложили, что будто я и у него въ комнатѣ, и въ ванной вездѣ его преслѣдую.

— А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ?—протянула Аичка.

— Полно пожалуйста! Будто же я этакъ могла сдѣлать, что вдругъ одна моя нога въ комнатѣ, а другая въ ванной!.. Вѣдь это же и немыслимо такъ растерзать себя! Но представь себѣ, что вѣдь старая дура обидѣлась и начала шептать:

— Я, говоритъ, никого не осуждаю, но для чего же это... непремѣнно въ моемъ домѣ... и послѣ посѣщенія...

Я и не вытерпѣла, и съ своей стороны фехтовальное жало ей въ грудь вонзила:

— Полно, говорю, пожалуйста: что такое вашъ домъ, да еще послѣ посѣщенія!.. Не я дѣлаю что-то стыдное въ вашемъ домѣ... а поищите стыднаго при себѣ ближе...

А Николай Иванычъ, какъ всегда, любитъ срывать свое зло на комъ попало, и вдругъ кинулся на меня, какъ ястребъ на цыпленка, и началъ душить меня...

— Ахъ, Боже мой!—пожалѣла Аичка.

— Да, да, да,—продолжала Марья Мартыновна.—Золовки у него меня даже отнять не могли. Задушилъ бы,—но Клавдія вошла и сказала: „дядя, прочь!“ Совершенно какъ на пуделя крикнула. Онъ и оставилъ. Тогда Маргарита выноситъ изъ спальни пятьсотъ рублей и говоритъ мнѣ:

— Вотъ тутъ, Марья Мартыновна, пятьсотъ рублей отъ меня вамъ награжденія, и какъ вамъ угодно—хоть эти деньги за свою обиду примите, хоть на Николая Иваныча жалуйтесь, но я, Богъ съ вами, на васъ не сержусь, и если хотите проститься съ нами по хорошему, я вамъ и еще дамъ, но уходите.

— Я, говорю, жаловаться не пойду.

Она мнѣ и подала еще триста рублей.

— Такъ-то вы и простились—по хорошему?

— Да, уложила свои вещи, а вечеромъ все забрала на извозчика, сказала имъ, ошибкою, вмѣсто „покойной ночи“—„упокой васъ Господи“, да и уѣхала.

— И не жалѣете о нихъ?

— И не жалѣю, да и жалѣть-то грѣхъ: они сами себя на все осудили. Каковъ отъ нихъ былъ пріемъ ажидаціи—таково же и имъ отъ Бога наклоненіе. Былъ домъ выдающійся, а теперь

одна катастрофія за другою, и спускается до самаго обыкновеннаго положенія. И все черезъ Клавдіи Родіоновны рояльное воспитаніе; и никто этого не останавливаетъ—такъ всѣхъ она въ свои фантазіи привлекаетъ.

— Неужли всѣ стали лѣпить принадлежности? — спросила Аичка.

— Нѣтъ, это она одна лѣпитъ, и ей теперь даже заказы бюстровъ заказываютъ, а своихъ она привела гораздо въ худшія послѣдствія.

— Что же такое, напримѣръ, съ ними сдѣлалось?

— А, напримѣръ, вотъ что сдѣлалось: начать съ того, что Николай Иванычъ, возвратившись разъ изъ своего маскатерства, забылъ, про что онъ позабылъ.

— Ну!

— А это оказалось впослѣдствіи, что онъ позабылъ у себя въ карманѣ депешъ о томъ, что къ нему завтрашній день сынъ его Петруша изъ кругосвѣта возвращается. Онъ и возвратился, и пріѣхалъ утромъ на извозчикѣ, когда его никто не ждалъ, и отецъ тогда только вспомнилъ про депешъ и принялъ сына какъ нельзя хуже, и даже совсѣмъ не желалъ-было его видѣть.

— Мнѣ, говоритъ, никакой заатлантическій дуракъ не нуженъ.

Но Клавдія этого Петрушу обласкала, а дядѣ только лѣвою рукою однимъ пальцемъ погрозила, а потомъ и начала Петинькой руководствовать и привела его къ тому, что онъ вдругъ, самъ безпріютный, да сталъ еще просить у отца позволенія жениться на той самой Крутильдиной племянницѣ, за которую его отецъ выслалъ. Отецъ объ этомъ, разумѣется, и слышать не хотѣлъ, да и немыслимо было это допустить, потому что у той въ это время еще одинъ проступокъ былъ,—и вотъ чего мы всѣ объ этомъ не знали, а Клавдія Родіоновна знала, потому что она, какъ оказалось, за этою особой слѣдила и отыскала ее въ напасти и содерживала у той старушки, куда я ее прослѣдовала, и тамъ ее отъ всѣхъ бѣдъ укрыла и навѣщала и навела-таки своего двоюроднаго брата на то, что „вотъ ты предъ ней виноватъ, потому что черезъ то, что ты ее покинулъ, она еще разъ пала, и ты долженъ это загладить, и ее взять и никогда ни въ чемъ ее не укорять, потому что ты самъ всѣмъ ея бѣдамъ виновникъ". И все опять ему изъ евангелія, и что онъ будто ни на комъ другой, кромѣ этой, жениться не смѣетъ, и тѣмъ кончила, что сбила его на свое—Петька согласился. И тогда она явилась просить за нихъ дядю и стала ему доказывать, что та очень хорошаго сердца, а проступокъ ея былъ именно чрезъ то, что она была брошена.

Старикъ говоритъ:

— Стало быть, постановъ вопроса такой, что это по твоему хорошо?

— Не хорошо,—отвѣчаетъ Клавдія,—но это такое, что вы должны простить, потому что все это произошло черезъ васъ: оттого, что кто безпомощную бросаетъ—тотъ и виноватъ за нее.

— Гдѣ же это писано?

А она сейчасъ было за евангеліе, но онъ ее за руку.

— Оставь,—говоритъ.

— Нѣтъ, не оставлю, и если вы будете жестоки и потребуете, чтобы еще разъ также ее оставить, то съ нею можетъ быть худшее.

— Что же, спрашиваетъ, худшее?

Она говоритъ:

— Вы это лучше знаете, что̀ ожидаетъ тѣхъ, кого вы сбиваете съ честнаго пути, а потомъ бросаете. Но вы знайте, что вашъ сынъ теперь не въ вашихъ рукахъ.

— А въ чьихъ же?

— Въ тѣхъ рукахъ, съ кѣмъ вы не смѣете спорить: Петя послушаетъ не васъ, а того, кто не дозволилъ пускать соблазнъ въ міръ.

— Такъ ты его бунтуешь?

— Я не бунтую, — говоритъ Клавдія,—а я васъ прошу: не ссорьтесь съ Богомъ! подумайте, что̀ вы дѣлаете? вы человѣка губите. Послѣ этого Петрушѣ нельзя будетъ жить съ чистой совѣстью, и—да! я его убѣдила и еще буду убѣждать, чтобы онъ почиталъ волю Небеснаго Отца выше воли отца земного. А вы если не хотите слушать, что̀ я вамъ говорю о вѣчной жизни, то вы умрете вѣчной смертью.

И заговорила, заговорила, и такъ его пристрастила и умаяла, что онъ, какъ рыба на удочкѣ, ротъ раскрылъ и отвѣчать не умѣетъ.

А тутъ и Петруша сталъ за ней то же самое повторять, что его совѣсть три года во всѣхъ мѣстахъ мучила и теперь покою не даетъ, и что онъ эту преступную любитъ и вину ея на своей совѣсти почитаетъ и желаетъ жениться.

Николай Иванычъ сталъ губы кусать и вдругъ говоритъ:

— Это точно—можно умереть, и мы дѣйствительно всѣ грѣшные: зришь на молодую мамзель и сейчасъ ожидаешь, какъ бы ее такъ обратить, чтобы она завтра была уже не мамзель, а гутъморгенъ. Это подлость всей нашей увертюры; я Клавдя прямо идетъ!—и благословилъ сыну подзакониться, и вдругъ даже мальчика

ихъ, своего внучка, очень любить сталъ и безъ стѣсненія всѣмъ рекомендовать началъ: „вотъ это сынъ мой—европей, а это мой внукъ подъевропникъ“. Но Крутильда свою гордость выдержала и этого не перенесла, взяла и за своего Альконса замужъ вышла, а на Николая Иваныча векселя подала, чтобы его въ тюремное содержаніе.

— Типунъ сдѣлала,—отозвалась, засмѣясь, Аичка.

— Да. Но его Клавдинька въ тюрьму не допустила,—у матери уйму денегъ выпросила: „это, сказала, будетъ мнѣ за приданое“, и та за него заплатила, и домъ продали, а сами стали жить круглый годъ на фабрикѣ. Такъ и теперь всѣ круглый годъ живутъ въ этой щели, и Клавдинькѣ это очень нравится.

— И красота ея, стало быть, тамъ вянетъ?—спросила Аичка.

— Разумѣется, вянетъ, но еще до сихъ поръ очень хороша, злодѣйка.

— А какъ же ея Ферштетъ?

— Ахъ, съ нимъ оборотъ такъ еще всего чище!

— Вышла она за него или не вышла?

— Ничего не вышла!..

— Спятился?..

— Нѣтъ, онъ не спятился, а они себя превзошли, и потомъ она его на тотъ свѣтъ проводила.

— Какимъ же это манеромъ?

— Да никакимъ!

— Что же это?

— Да ничего, и ничего, и больше ничего. „Мы, говоритъ, нашли, что намъ не нужно обязательствъ и имѣть семью“. Рѣшили остаться друзьями по своей вѣрѣ.

— Что за уроды!

— Не говори!

— А какъ же она его уморила?

— Ничего никто не зналъ. Вдругъ она приходитъ домой блѣдная и ничего не разсказываетъ, а потомъ оказалось, что онъ умеръ.

— Вотъ и разъ!

— Да. Дитя какое-то бѣдное такую заразность въ горлѣ получило, что никто его въ домѣ лечить не хотѣлъ, а онъ по примѣру брата пошелъ и для другихъ все о болѣзни списалъ, а самъ заразился и умеръ.

— Она убивалась?

— Не знаю, какъ сказать,—точно каменная. Мать говорила: „что же, всѣ твой грѣхъ знаютъ: если ты Бога не стыдилась,

такъ ужъ людей и стыдиться не стоитъ,—иди, простись съ нимъ, поцѣлуй его во гробъ. Тебѣ легче будетъ". А она тутъ только зарыдала и на плечи матери вскипулась и говоритъ: „Мамочка! я съ нимъ уже простилась..."

— Призналась?

— Да;— „когда, говоритъ, онъ уходилъ туда—я его живого поцѣловала; прости мнѣ это".

— Ну, а это-то... про что она раньше-то еще сознавалась?

— Что такое?

— Ну вотъ, что вы разсказывали...

— Ахъ, это про родительный въ неопредѣленномъ наклоненіи?

— Да.

— А это такъ и осталось въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Какъ же это такъ?

— Такъ, ничего не вышло.

— Значитъ, вы тогда на нее все наврали?

— И вовсе не то значитъ, а значитъ только то, что я ожидала правильно, чего слѣдуетъ по сложенію всѣхъ вѣроятностей, а у нихъ все верченое, и „новую жизнь" она въ себѣ оказывается нашла по божеству, какъ будто Христосъ ихъ соединяетъ въ однѣхъ вѣчныхъ мысляхъ. Подумай только, какъ смѣть себѣ этакое выдумать и такую святость себѣ приписывать!

Аичка не скоро процѣдила:

— Нѣтъ,—это пустяки, а откудова только у нихъ берется терпѣніе, чтобы этакъ жить!

— Ужасть! ужасть!.. Ничѣмъ, ничѣмъ ихъ изъ себя не выведешь... Какое хочешь огорченіе и обиду снесутъ, какъ будто до нихъ и не касающее!..

— Донимать ихъ, я думаю, не умѣютъ.

— Можетъ быть.

— Нѣтъ навѣрно!

— А ты что бы имъ хотѣла?

Аичка ничѣмъ не отозвалась. Или она засыпала, или, можетъ быть, стала думать о чемъ-то „въ сторону".

XV.

Марья Мартыновна встала, куда-то прошлась и опять сѣла на мѣсто.

Въ это время Аичка вздохнула и повидимому какъ будто ни къ тому, ни къ сему промолвила:

— Словесницы безплодныя!

Марья Мартыновна поняла, къ чему это, и подхватила:

— Да, ужъ именно! Другая какая-нибудь... этакая простой души, живетъ и втихомолочку чего только она ни надѣлаетъ и потихоньку во всемъ на духу покается, и никто ничего не знаетъ, а эти—что ступятъ, то стукнутъ, а потомъ вдругъ лишатся всякаго счастья, и впослѣдствіи все не для себя и сами остаются въ неопредѣленномъ наклоненіи... Нѣтъ, ты мнѣ этотъ постановъ вопроса рѣши: что съ ними дѣлать, чтобы ихъ вывести?

Но Аичка снова молчала, и Марья Мартыновна опять сама заговорила:

— Ну, пускай такъ, какъ ты говоришь, что не знаютъ, что съ ними дѣлать, я съ этимъ съ тобою согласна; но отчего же они такіе особенные, что ни слезъ у нихъ нѣтъ, ни моленья и жалобы, а принимаютъ все, что надъ ними учинится, какъ будто это такъ и надобно?

— Притворяются.

— И я тоже думаю! Гдѣ же, скажи на милость, только-что вышла такая катастрофа, женихъ умеръ, а она, въ тотъ же день какъ его схоронили, сѣла работать и завела еще школу, чтобы даромъ бѣдныхъ дѣтей учить. Но только одно хорошо, что хоть ты и говоришь, что съ ними не знаютъ, что дѣлать, а и имъ тоже повадки заводить что хотятъ не даютъ: ей школу скоро прикончили. И замѣть, она и тутъ тоже опять ничего не томилась и не жаловалась.

— Они закоренѣлые.

— То-то и есть! Что же съ ними подѣлаешь, когда они такіе безпечальные? Ей школу прикрыли, а она теперь всѣмъ людямъ чѣмъ только можетъ услуживаетъ и книжки дѣтямъ раздаетъ, и сама съ ними садится гдѣ попало читать.

— И этого не надо позволять.

— И было непозволеніе, становой и изъ-за книжекъ пріѣзжалъ, чтобы всѣмъ ея книжкамъ повальный обыскъ сдѣлать, но посмотрѣлъ книжечки и всѣ ей оставилъ, да еще началъ и извиняться.

— Я, говоритъ, приказаніе исполнилъ, а мнѣ самому совѣстно.

— Вонъ тебѣ какъ!

— Да! Еще что!—какъ она ему отвѣтила, что не обижается, и руку свою подала, такъ онъ у нея и руку поцѣловалъ, и говоритъ:

— Простите меня, вы праведница.

— А замужъ она, стало быть, такъ ужъ и не пойдетъ?

— Мать ее спрашивала: не дала ли она обѣтъ, чтобы послѣ смерти перваго жениха ни за какого другого не выходить? Она отвѣчала, что „обѣта не давала". По ихнему вѣдь тоже и обѣтъ давать будто не слѣдуетъ. Старуха добивалась, что, можетъ быть, она въ разговорахъ покойнику обѣщалась ни за кого не выходить? И этого, говоритъ, нѣтъ.

— Ну, такъ, можетъ быть, еще обрадуешь меня, выйдешь замужъ?

И на это тотъ же отвѣтъ:—Не знаю, мама, но только не думаю.

— Отчего же?

— Со мной, мама, жить очень трудно.

Сама такъ и созналась, что съ нею жить—адъ. А потомъ въ день именинъ матери такой даръ поднесла, что говоритъ:

— Мамочка! я ваша! я сегодня въ вашъ день рѣшилась и подарила себя служить вамъ и бѣднымъ людямъ. Я замужъ не пойду.

Такъ и остается и такъ и живетъ теперь вѣковушею. Вмѣсто того, чтобы народить своихъ дѣтей да ихъ въ ласкѣ нѣжить и имъ свой остатокъ капитала передать, она собрала опять безпортошную дѣтвору да одѣваетъ ихъ, да поетъ имъ про лягушку на дорожкѣ.

XVI.

Собесѣдницы умолкли,—Марья Мартыновна, вѣроятно, подъ вліяніемъ удовольствія, что довела до конца сказаніе, въ которомъ ея главный врагъ Клавдинька была опозорена; а Аичка не отзывалась—можетъ быть, опять куда-то перенеслась и о чемъ-то думала.

Это такъ и оказалось.

Послѣ довольно продолжительной паузы она вздохнула и сказала:

— Какъ мнѣ это все-таки, однако, удивительно!

— Что такое?

— Представьте, что я у себя точно такого же дурака знаю.

— Мужчину?

— Да, и очень интересный, а вся въ немъ сидитъ точно такая-же глупость.

— Что же, какъ онъ въ своемъ полѣ уродуетъ?

— То же самое, какъ и эта: ничего ему не нужно—ни вкусно ѣсть, ни носить красивое платье и ничто на свѣтѣ.

— И любовь женская не нужна?

— Представьте—тоже не нужна!

— Этого никогда быть не можетъ! Это при какомъ хочешь положеніи изъ моды не выходитъ.

— Нѣтъ, то-то и есть, что выходитъ!

— Ни за что не повѣрю!

— Да какъ же вы не вѣрите, когда я васъ увѣряю!

— А я не вѣрю. Мужчину всегда соблазнить можно.

— А я вамъ говорю, что и не соблазните.

— Разумѣется, мое время прошло.

— Хоть бы ваше и время не прошло, и хоть бы въ васъ иголки не было, а ничего не убѣдите.

— Отчего же это?

— Оттого, что у нихъ все нечеловѣческое — красоту не обожаютъ, а ищутъ все по мысли, и потому, если изъ нихъ кого полюбить, то съ ними выйдетъ только одно неудовольствіе.

— А онъ тебѣ очень нравится?

— Почему вы знаете?

— Неужли же не видно!—Ты тѣмъ все и портишь, что свои чувства ему оказала.

— Ничего я не порчу, а я ему просто противна.

— Какъ нищему гривна?

— Нѣтъ, совсѣмъ противна.

— Какъ же этакая молодая, богатая—и противна? Что же это за дуракъ выдающійся!

— Не дуракъ, а вотъ въ этомъ же самомъ родѣ, какъ ваша Клавдинька: все тоже смотритъ въ евангеліе, и все чтобъ ему жить просто, да чтобъ работать и о гольтепѣ думать,—и въ этомъ все удовольствіе.

— И будто ужъ нельзя его всѣмъ твоимъ капиталомъ привлечь?

— Ахъ, да на что ему капиталъ, когда ему больше того, что есть, ничего и ненадобно! Ему вкусный кусокъ положите, а онъ отвѣчаетъ: „не надо, я уже насытился“; за здоровье попросите выпить, а онъ отвѣчаетъ: „я не жажду“.

— Ну, что это за уродство!

— Я такъ жить не хочу.

— Ты чего же хочешь?

— Чтобы онъ былъ мой мужъ и жилъ какъ я хочу, и больше ничего.

— Такъ ты бы ему лучше прямо такъ и изъяснила, что: „люблю и женись!..“

— И вотъ представьте же себѣ, что я уже до этой низости дошла и изъяснилась.

— И что же онъ—возвеличался?

— Ни мало, а только пожалъ мнѣ руку и говоритъ: „Раиса Игнатьевна, вы на этотъ счетъ ошибаетесь! Меня даже въ истерику и въ слезы бросило, и я говорю: „Нѣтъ, я васъ люблю, и весь капиталъ вамъ отдамъ". А онъ...

Аичка вдругъ всхлипнула и заплакала.

— Полно, полно, мой другъ, убиваться!—попросила ее Марья Мартыновна.

— Не гладьте меня, я не люблю!—скапризничала Аичка.

— Ну, хорошо, хорошо, я не буду. Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Не вѣритъ.

Показались опять слезы.

— Ну, значитъ, онъ или безчувственный, или безпонятный,—рѣшила Марья Мартыновна.

— Нѣтъ, онъ не безчувственный и даже очень понятный; а онъ говоритъ: „вы въ вашихъ чувствахъ ошибаетесь—это вы мою презрѣнную плоть любите, а самого меня вы не любите и не можете меня полюбить, потому что мы съ вами несогласныхъ мыслей и на разныхъ хозяевъ работаемъ".

— Что же это такое?.. И къ чему это?.. На какихъ разныхъ хозяевъ работать?—протянула недоумѣнно Марья Мартыновна.

— А вотъ въ томъ и дѣло, что если не понимаете, то и не спорьте!—дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ откликнулась Аичка и черезъ минуту еще сердитѣе добавила:—А я своего характера не переломлю! Я ему сказала, что я ожесточусь, и лучше кому захочу, тому все и отдамъ, но только я по своему отдамъ, а не по ихнему.

— Вотъ я теперь тебя и поняла... зачѣмъ ты сюда пріѣхала!

— Ничего вы еще не поняли и не поймете!

— Нѣтъ, ты теперь проговорилась.

— Нимало не проговорилась. Я, разумѣется, буду пробовать: можетъ быть, здѣсь можно умолить, чтобъ въ немъ все стало какъ я хочу.

Но Марья Мартыновна на этомъ Аичку перебила.

— Ангелъ мой!—воскликнула она живо:—Богъ вѣдь на зло молящему не помогаетъ!

Аичка совсѣмъ разсердилась.

— Что вы за глупости говорите!—вскричала она:—какое же здѣсь „на зло молящее", когда я хочу его отъ уродства на хо-

рошій путь вернуть и на вѣкъ счастливымъ сдѣлать, чтобы онъ любилъ все, что люди любятъ.

— То-есть, не одно душеполезное, но и тѣлополезное?

— Вотъ и только!

— Да, это, конечно, законъ. Въ такомъ разѣ дѣйствительно помогай тебѣ Богъ!

— Да,—а вы пожалуйста ужъ замолчите, потому что ужъ скоро разсвѣтъ будетъ, и я очень разстроилась.

Шехерезада умолкла. Сосѣдки больше ничего не говорили и, можетъ быть, уснули; послѣдовавъ ихъ благоразумному примѣру, заснулъ передъ утромъ немножко и я, но потомъ вскорѣ снова проснулся, оставилъ на столѣ деньги за свою „ажидацію“ и уѣхалъ изъ Рима, не видавъ самого папы...

А поѣздка эта все-таки принесла мнѣ пользу: мнѣ стало веселѣе. Я какъ будто побогатѣлъ впечатлѣніями,—и теперь, когда мнѣ случается возвращаться ночью по купеческимъ улицамъ и видѣть теплящіяся въ ихъ домахъ разноцвѣтныя лампады, я уже не воображаю себѣ тамъ однѣхъ безстыжихъ притворщицъ или робкихъ и безнадежныхъ плаксъ „темнаго царства“, а мнѣ сдается, будто тамъ уже дышетъ бодрый духъ Клавдиньки, дающій рессурсъ къ жизни во всякомъ положеніи, въ которомъ Высшей волѣ угодно усовершать въ борьбѣ со тьмою все рожденное отъ свѣта.

Николай Лѣсковъ.

ВЪ ЗАЛѢ СУДА

и

ВЪ СОВѢЩАТЕЛЬНОЙ КОМНАТѢ

Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя.

Мнѣ часто приходилось быть присяжнымъ засѣдателемъ и исполнять обязанности старшины. Матеріалъ, накопившійся отъ этой судебной практики въ моихъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ, довольно разнообразенъ и, какъ мнѣ кажется, не безполезенъ для интересующихся мотивами приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. Въ составъ нашего суда входили весьма разнородные элементы: были люди серьезные и легкомысленные, обвинитель по принципу и сторонникъ безусловнаго оправданія, формалисты и живые люди, съ нравственными принципами и завѣдомо дурные. Но приговоры наши, являвшіеся равнодѣйствующими этихъ различныхъ силъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправдывали девизъ суда присяжныхъ: „правда и милость“. Правильное пониманіе сущности дѣла и требованія совѣсти, при столкновеніи съ невѣденіемъ и формализмомъ, почти всегда брали верхъ. Были, конечно, и ошибки, безъ которыхъ не можетъ обойтись никакое дѣло, но причины этихъ ошибокъ, какъ читатель увидитъ дальше, заключались не въ принципѣ суда присяжныхъ, а въ недостаточномъ пониманіи своихъ обязанностей нѣкоторыми присяжными-новичками или въ незнакомствѣ съ юридической терминологіей въ вопросныхъ пунктахъ, вслѣдствіе чего присяжные обвиняли иногда не въ томъ преступленіи, въ какомъ хотѣли обвинять, и

потомъ горько раскаявались въ своей ошибкѣ. Нѣкоторые изъ нашихъ приговоровъ возбуждали въ публикѣ недоумѣніе; но при незнаніи мотивовъ приговора невозможно судить объ его правильности. Воспоминанія присяжныхъ засѣдателей могутъ дать ключъ къ уразумѣнію этихъ повидимому странныхъ приговоровъ и являются иллюстраціями, наглядно показывающими, какую громадную услугу оказываетъ судъ присяжныхъ правосудію и прогрессу законодательства.

I.

Присяжные собрались почти всѣ, когда я въ первый день сессіи, продолжавшейся тогда цѣлый мѣсяцъ съ однимъ составомъ присяжныхъ, зашелъ въ совѣщательную комнату.

За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, расположились представители „культурнаго“ общества. Тутъ были мѣстные домовладѣльцы различныхъ типовъ, отъ добродушнаго старичка, хозяина тысячерублеваго домишка на краю города, до важнаго владѣльца громаднаго дома на набережной; два учителя; отставной военный съ огромными усами; извѣстный всѣмъ мѣстный публицистъ; нѣсколько чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. По комнатѣ расхаживалъ, заложивъ руки за спину, приказчикъ изъ магазина. Отдѣльно, въ сторонкѣ расположились двѣ группы: три колониста въ одной и восемь крестьянъ въ другой. Эти группы рѣзко отличались между собой: зажиточность первыхъ сказывалась и въ ихъ лицахъ, имѣвшихъ солидное, самоувѣренное выраженіе, и въ костюмахъ; на лицахъ крестьянъ выражалась нужда [1]) и какая-то приниженность; они чувствовали себя очень неловко. При входѣ судебнаго пристава они встали, принимая его за начальника, пока имъ не объяснили, что они не обязаны этого дѣлать. Они сидѣли понуривъ головы и внимательно прислушивались къ разговорамъ.

Говорилъ одинъ изъ чиновниковъ, съ весьма ординарнымъ видомъ; изъ глубокихъ впадинъ глядѣли грустные, вдумчивые глаза. Онъ возражалъ одному изъ домовладѣльцевъ, замѣтившему, что судить надо строго, а то—люди очень ужъ распустились.

— Позвольте вамъ возразить, — говорилъ чиновникъ:—мы, присяжные, прежде всего должны помнить, что нашъ судъ „щадящій и милостивый“. Да и не по-христіански...

---

[1]) На другой день сессіи крестьяне-присяжные заявили предсѣдателю суда, что имъ „ѣсть нечего“, и получили пособіе.

— Если вы такъ смотрите, то вамъ не слѣдуетъ быть судьей. Попросите, можетъ быть, судъ освободитъ васъ.

— Этого я не сдѣлаю.

— Но какъ же вы будете судить, когда, по вашему, пожалуй, нѣтъ виноватыхъ?

— Буду говорить: „не виновенъ".

— Всегда?

— Всегда.

— Не имѣете права.

— Ошибаетесь. По закону имѣю право. Прочитайте, что объ этомъ сказано въ судебныхъ уставахъ. Присяжные должны судить *по совѣсти*. Если моя совѣсть говоритъ, что несправедливо наказать подсудимаго, я, по закону, обязанъ сказать: не виновенъ; если ваша совѣсть говоритъ противное, вы должны сказать: виновенъ. И оба мы исполнимъ законъ.

По поводу этихъ словъ завязалось нѣсколько споровъ по группамъ. Публицистъ, пожимая плечами, замѣтилъ, что высказывать такое мнѣніе—значитъ „потрясать основы"; одинъ изъ чиновниковъ пошелъ еще дальше и сказалъ, что онъ, какъ всякій благомыслящій человѣкъ, считаетъ долгомъ, какъ только преступленіе доказано, обвинять по принципу.

— Если это говоритъ ваша совѣсть, то, конечно, вы должны обвинять,—сказалъ сторонникъ оправданія:—вотъ и все.

Все стихло послѣ словъ судебнаго пристава, пригласившаго насъ въ залу суда.

Предсѣдатель произвелъ тиражъ присяжныхъ, и священникъ, надѣвъ эпитрахиль, обратился къ намъ съ краткой рѣчью, представлявшей варіацію на текстъ присяги.

Когда мы ее приняли, предсѣдатель предложилъ намъ избрать старшину.

— Прошу васъ быть старшиной, обратился я къ чиновнику, котораго мы прозвали Милостивцемъ.

Никто не возразилъ противъ этого выбора.

Замѣчу здѣсь, что выборы старшины присяжныхъ, имѣющіе важное значеніе для подсудимаго, всегда производились такимъ же порядкомъ: кто-нибудь предлагалъ одного изъ товарищей—и всѣ соглашались, такъ что избранія всегда бывали единогласныя и совершались обыкновенно въ залѣ суда.

Только одинъ разъ не состоялось единогласнаго избранія старшины.

Одинъ изъ присяжныхъ обратился къ публицисту съ пред-

ложеніемъ быть старшиной. Вдругъ совершенно неожиданно раздалось возраженіе:

— Позвольте, господа!.. Я полагаю, что, въ виду извѣстной публицистической дѣятельности предлагаемаго лица, намъ было бы неудобно имѣть его руководителемъ нашихъ совѣщаній.

— Вовсе нѣтъ! Просимъ!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Протестовавшій противъ избранія настоялъ на томъ, чтобы была сдѣлана баллотировка. Десять голосовъ было въ пользу публициста; но, какъ тотчасъ же оказалось, этотъ результатъ не выражалъ свободнаго мнѣнія присяжныхъ. Одинъ изъ нихъ отвелъ протестовавшаго противъ выборовъ въ сторону и сказалъ:

— Вы не думайте, что я за него, потому что подалъ голосъ за избраніе. Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, но ссориться съ такимъ человѣкомъ не хочу,—напакостить можетъ.

Я замѣтилъ выше, что выборы старшины оказываютъ важное вліяніе на исходъ дѣла,—и дѣйствительно, крестьяне и вообще присяжные изъ непривилегированныхъ сословій видятъ въ старшинѣ въ нѣкоторомъ родѣ начальство, особенно если онъ говоритъ громко и авторитетно. И хотя de jure старшина имѣетъ такой же голосъ, какъ и остальные присяжные, но въ дѣйствительности люди темные придаютъ его мнѣнію бо́льшее значеніе, чѣмъ словамъ другихъ товарищей. Разъясненія старшины очень важны для дѣла. Бывали случаи, что присяжные входили въ совѣщательную комнату съ готовымъ приговоромъ въ своихъ мысляхъ, а послѣ разъясненій старшины оказывалось, что они не подумали хорошенько, не взвѣсили всѣхъ обстоятельствъ дѣла, кое-что не поняли и проч. Конечно, и всякій присяжный засѣдатель можетъ и долженъ дѣлать необходимыя разъясненія, но, въ силу упомянутаго взгляда нѣкоторыхъ присяжныхъ на старшину, его разъясненія, при равныхъ другихъ условіяхъ, болѣе авторитетны.

Въ старшины избирались или люди образованные, или старшіе по лѣтамъ или положенію въ обществѣ, и обыкновенно разъ избранные выбирались и на слѣдующія дѣла. Образованіе старшины, его умѣнье говорить, душевныя качества и степень энергіи, все это оказываетъ вліяніе на другихъ присяжныхъ. Наконецъ, отъ старшины зависитъ моментъ, когда начать собирать голоса, а иногда отсрочка этого момента совершенно измѣняетъ приговоръ.

Первое дѣло, которое намъ пришлось разбирать, было изъ разряда такъ-называемыхъ „неинтересныхъ“ — о кражѣ со взломомъ. На скамьяхъ для публики сидѣло только трое. Подсудимый, восемнадцатилѣтній блондинъ, съ лица котораго еще не стерлось

наивное дѣтское выраженіе, обвинялся въ томъ, что похитилъ изъ сундука хозяина семьдесятъ копѣекъ, причемъ выдернулъ пробой вмѣстѣ съ замкомъ. Онъ призналъ себя виновнымъ, и предсѣдатель спросилъ товарища прокурора, не находитъ ли онъ возможнымъ, въ виду полнаго сознанія подсудимаго, не производить судебнаго слѣдствія. Товарищъ прокурора призналъ судебное слѣдствіе ненужнымъ; защитникъ былъ того же мнѣнія. Предсѣдатель повторилъ свой вопросъ присяжнымъ засѣдателямъ. Старшина заявилъ, что онъ считаетъ судебное слѣдствіе необходимымъ. Судьи переглянулись.

— Но вѣдь подсудимый вполнѣ сознался,—какая же цѣль судебнаго слѣдствія?—замѣтилъ предсѣдатель.

— Для нашего приговора необходимо знать мотивы поступка подсудимаго и его поведеніе.

Судъ постановилъ допросить свидѣтелей. Всѣ были недовольны затяжкой дѣла, въ томъ числѣ и большинство присяжныхъ, которымъ она казалась совершенно излишней.

Ввели потерпѣвшаго. Толстякъ, хозяинъ какой-то ремесленной мастерской, поглядѣвъ на подсудимаго съ соболѣзнованіемъ, громко вздохнулъ и покачалъ головой. Товарищъ прокурора и защитникъ вопросовъ не предлагали. Старшина присяжныхъ пожелалъ узнать мнѣніе потерпѣвшаго о нравственности подсудимаго и о томъ, какъ онъ объясняетъ его поступокъ. Свидѣтель дѣлалъ самую лучшую аттестацію подсудимаго и сказалъ, что онъ и опять взялъ бы его въ свою мастерскую.

Товарищъ прокурора встрепенулся, почва подъ обвиненіемъ поколебалась.

— Вы говорите, что подсудимый честный мальчикъ, но вѣдь онъ укралъ.

— Точно... Да вѣдь съ кѣмъ, господинъ, грѣха не бываетъ. А что мальчикъ хорошій, это вѣрно. Это плёвое дѣло безъ меня затѣяли, безъ меня протоколъ составили, а я бы и не подумалъ, чтобы изъ-за семи гривенъ человѣка въ тюрьму сажать. Сохрани Богъ!

— Онъ взломалъ замокъ?—спросилъ товарищъ прокурора.

— Пробой выдернулъ... это точно. Замокъ у сундука больше для вида висѣлъ. Чуть за пробой его потянуть, онъ и вылетаетъ вмѣстѣ съ пробоемъ.

Потомъ была допрошена мать подсудимаго. Она показала, что онъ такой хорошій сынъ, какого дай Богъ всякой матери, и заплакала.

Старшина заявилъ, что въ допросѣ остальныхъ свидѣтелей онъ не видитъ надобности.

Товарищъ прокурора началъ рѣчь съ ироническаго обращенія къ присяжнымъ засѣдателямъ.— Одинъ изъ васъ пожелалъ узнать мотивы преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый, но неужели онъ ихъ не знаетъ [1])? Люди похищаютъ чужую собственность отъ лѣни, отъ желанія наживы безъ труда, отъ своей злой воли, съ которой они не хотятъ бороться. Потомъ товарищъ прокурора поиронизировалъ насчетъ потерпѣвшаго. Этотъ добрякъ очень наивенъ, онъ говоритъ, что семьдесятъ копѣекъ „плёвое дѣло", и сожалѣетъ, что протоколъ составили въ его отсутствіи, не понимая, что съ точки зрѣнія закона 70 копѣекъ или 70 рублей—все равно; былъ замокъ крѣпкій или пробой выдергивался легко,—это тоже все равно. Фактъ кражи со взломомъ не подлежитъ сомнѣнію, и подсудимый долженъ быть наказанъ, хотя и можетъ быть дано ему снисхожденіе.

Защитникъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что въ виду показаній, данныхъ на судебномъ слѣдствіи, онъ не сомнѣвается въ томъ, что подсудимый будетъ оправданъ. Предсѣдательскаго резюмé, довольно длиннаго, присяжные вовсе не слушали: дѣло было ими безповоротно рѣшено послѣ судебнаго слѣдствія.

Какъ только мы вошли въ совѣщательную комнату, кто-то весело сказалъ:

— Господинъ старшина, пишите: невиновенъ!

— Кто противъ оправданія?—спросилъ старшина.

— Я,—сказалъ обвинитель по принципу.

Больше никто не отозвался, и старшина подписалъ оправдательный вердиктъ.

— Дайте, господа, покурить.

— Скорѣй курите... Нельзя томить подсудимаго. У него вѣдь теперь сердце не на мѣстѣ.

Старичокъ-домовладѣлецъ подошелъ къ старшинѣ и протянулъ ему руку.

— Позвольте васъ поблагодарить,—сказалъ онъ.

— За что?

— Если бы не вы, я бы его осудилъ, безъ слѣдствія-то. Спасибо, что настояли, а то былъ бы у меня грѣхъ на душѣ.

---

[1]) Необходимо оговориться. Приводя въ этой статьѣ слова присяжныхъ засѣдателей, предсѣдателя суда, товарища прокурора, защитника и свидѣтелей, я не цитирую подлинныхъ выраженій, а только излагаю сущность сказаннаго; въ тѣхъ же случаяхъ, когда приведены подлинныя выраженія изъ газетныхъ отчетовъ, они обозначены кавычками.

Здѣсь умѣстно отмѣтить значеніе участія присяжныхъ въ производствѣ судебнаго слѣдствія.

Въ дѣлахъ серьезныхъ и въ такихъ, въ которыхъ защита платная, защитникъ обстоятельнымъ допросомъ свидѣтелей извлекаетъ все, что необходимо для уясненія подробностей дѣла съ точки зрѣнія защиты, и даетъ противовѣсъ обвинительнымъ даннымъ, получаемымъ отъ допроса свидѣтелей прокурорскимъ надзоромъ. Такимъ образомъ, въ такихъ дѣлахъ обвиненіе и защита являются равносильными, одинаково заинтересованными въ дѣлѣ, и присяжнымъ рѣдко приходится дополнять судебное слѣдствіе своими вопросами. Совершенно не то въ дѣлахъ съ защитниками по назначенію отъ суда. На-ряду съ примѣрами, доказывающими вполнѣ добросовѣстное отношеніе къ своей задачѣ защитниковъ, назначенныхъ судомъ, весьма нерѣдки факты полнаго равнодушія такихъ защитниковъ къ участи подсудимыхъ и формальное исполненіе своей обязанности. Иногда ясно бывало видно, что защитникъ думаетъ только о томъ, какъ бы скорѣе отдѣлаться, допросъ свидѣтелей производится небрежно, для одной формы, а иногда защитникъ и вовсе отказывается предлагать свидѣтелямъ вопросы. Между тѣмъ представители прокурорскаго надзора и въ такихъ дѣлахъ старательно и подробно допрашиваютъ свидѣтелей для поддержанія обвиненія, а при такихъ условіяхъ обвиненіе и защита дѣлаются неравносильными, и присяжнымъ приходится устанавливать нарушенное небрежностью защиты равновѣсіе, задавая свидѣтелямъ рядъ такихъ вопросовъ, которые долженъ былъ сдѣлать защитникъ.

Участіе присяжныхъ въ производствѣ судебнаго слѣдствія было бы гораздо значительнѣе, если бы многіе не удерживались отъ вопросовъ по различнымъ причинамъ: по конфузливости, отъ непривычки говорить въ публичномъ мѣстѣ собранія; отъ неяснаго пониманія своихъ правъ и обязанностей въ судѣ; изъ опасеній темныхъ людей, какъ бы не проштрафиться, происходящихъ частію отъ незнанія закона, частію отъ выработанной складомъ нашей жизни привычки думать, что всякій законный поступокъ можетъ быть признанъ незаконнымъ вслѣдствіе чьего-нибудь усмотрѣнія. Крестьяне-присяжные не только не смѣютъ пикнуть въ залѣ суда, но даже боятся подавать свое мнѣніе въ совѣщательной комнатѣ.

II.

Однажды, будучи старшиной присяжныхъ, я обратился къ крестьянамъ, садившимся всегда рядкомъ на заднемъ концѣ стола, съ предложеніемъ высказать свое мнѣніе по дѣлу.

Они отвѣтили не сразу; видно было, что ихъ что-то безпокоило; хотѣли они что-то сказать и не рѣшались. Наконецъ одинъ изъ нихъ, постарше, произнесъ:

— Видишь ли, господинъ старшина, какое дѣло: когда по совѣсти судить, надо его оправдать, а только-что боязно намъ правду сказать.

— Почему это? Вы должны судить по совѣсти, никого не боясь.

— А ты развѣ не слыхалъ, какъ прокуроръ строго приказывалъ, чтобы безпремѣнно обвинить. Вамъ-то, господамъ, и ничего не будетъ, коли противъ прокурора скажете, а намъ-то можетъ и нагорѣть.

Я вспомнилъ, что товарищъ прокурора, вѣроятно въ виду значительнаго числа крестьянъ въ составѣ суда, прибѣгнулъ къ внушительному способу рѣчи и громогласно закончилъ ее слѣдующей фразой: „вы не имѣете права по этому дѣлу произносить оправдательный приговоръ".

Послѣ моего объясненія, что присяжные обязаны произносить приговоръ самостоятельно, всѣ крестьяне сказали: „невиновенъ".

На другой день я пришелъ въ судъ пораньше, чтобы обстоятельно разъяснить присяжнымъ-крестьянамъ ихъ права и обязанности. Разговорившись съ ними, я убѣдился, что эти судьи чувствовали себя не лучше подсудимыхъ. Имъ всего было, какъ они выражались, „боязно". Они боялись судебнаго пристава, предсѣдателя суда, товарища прокурора; защитника не боялись, потому что у него нѣтъ золотого воротника. Боялись они и своихъ сотоварищей, „которые изъ господъ". Они не сознавали себя такими же самостоятельными судьями, какъ и мы; имъ казалось, что въ судѣ они только для видимости и чуть только въ чемъ не потрафятъ господамъ—могутъ попасть прямо въ острогъ. Устрашительную фигуру прокурорскаго краснорѣчія они поняли въ буквальномъ смыслѣ и были въ страшномъ затрудненіи: по совѣсти оправдать надо, а прокуроръ строго наказываетъ, чтобы обвинить. Они постоянно были на-сторожѣ, какъ будто бы со всѣхъ сторонъ имъ грозила бѣда. Молчаливой группой они ютились въ сторонѣ отъ другихъ присяжныхъ, стараясь не быть на виду, и

внимательно прислушивались къ нашимъ разговорамъ. Они забирались въ судъ очень рано, боясь какъ бы не опоздать, и, сидя безъ дѣла, страшно скучали. Разговору со мной они очень обрадовались.

— Вѣрно ли ты сказалъ, чтобы намъ никого не бояться?— спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Вѣрно. Если не вѣрите, я принесу завтра законъ и прочитаю.

— Нѣтъ, мы вѣримъ и покорнѣйше благодаримъ за наставленіе. Ну, вотъ видите, братцы,—весело обратился онъ къ товарищамъ:—отсудимъ и въ деревню попадемъ безпремѣнно, а то ужъ мы опасались, какъ бы невзначай въ острогъ не угодить... прокуроръ-то вчера большого страха нагналъ.

На обязанности интеллигентнаго присяжнаго засѣдателя лежитъ разъясненіе крестьянамъ и вообще людямъ темнымъ—ихъ правъ и обязанностей въ судѣ. Но не однимъ крестьянамъ приходилось иногда дѣлать такія разъясненія. И между quasi-образованными людьми попадались легкомысленные субъекты, которые совершенно не понимали серьезности своей роли; такъ, напримѣръ, одинъ изъ присяжныхъ, на мой вопросъ о виновности подсудимаго, отвѣтилъ буквально такъ: „вчера я сказалъ: виновенъ, сегодня пусть будетъ невиновенъ“. Иногда встрѣчалась неохота продолжать совѣщаніе, потому что „пора въ клубъ“.

Вредъ для правосудія, который могъ бы произойти отъ такихъ легкомысленныхъ судей, устранялся воздѣйствіемъ товарищей, серьезно смотрящихъ на дѣло. Въ совѣщательной комнатѣ интеллигентному человѣку обязательно говорить и говорить со всею энергіей. Бываютъ случаи, когда только энергія старшины устраняетъ возможность ошибочнаго приговора.

Было одно дѣло, о которомъ многіе присяжные не хотѣли разсуждать, находя, что въ виновности подсудимаго и сомнѣваться нечего; настойчивыя убѣжденія старшины заставили ихъ, наконецъ, принять участіе въ преніяхъ, и въ результатѣ получалось сознаніе, что дѣйствительно они ошибались. Послѣ этого приговора одинъ изъ присяжныхъ разсказалъ слѣдующій случай:

— Былъ я тоже присяжнымъ. Дѣло затянулось до вечера. Пришли мы сюда. Скорѣе, говорятъ, рѣшайте, толковать нечего. Кто въ клубъ торопится, кто въ театръ. А дѣло было такое, въ родѣ сегодняшняго, только посложнѣе. Выходило такъ, что коли все разобрать какъ слѣдуетъ, такъ пожалуй что бабушка на-двое сказала: виновенъ или не виновенъ. А они кричатъ: „собирайте голоса! ясно, что виновенъ“. А старшина былъ чело-

вѣкъ серьезный, умница, за участь человѣка умѣлъ постоять. Попробовалъ ихъ урезонивать—ничего не выходитъ: не хотятъ разговаривать, да и баста. Вижу, старшина всталъ съ своего кресла, подошелъ къ этому самому диванчику и снимаетъ сюртукъ.

— Что вы дѣлаете?!

— Спать, говоритъ, лягу. Нельзя рѣшить судьбу человѣка безъ разсужденій. Вы не хотите разсуждать, потому что устали; выспемся, а завтра съ свѣжими силами и порѣшимъ:

Всѣ такъ и взмолились:

— Помилуйте! Да Богъ съ вами! Отпустите душу на покаяніе! Коли вамъ такъ хочется, пускай будетъ невиновенъ.

Поговорили съ четверть часа и восемью голосами оправдали. А попадись старшина безъ характера—закатали бы въ Сибирь, а потомъ сами бы себя бранили за то, что не разобрали дѣла какъ слѣдуетъ.

Во время совѣщаній неоднократно являлась необходимость въ справкахъ съ судебными уставами и съ уложеніемъ о наказаніяхъ. Эти двѣ книги непремѣнно должны быть на столѣ совѣщательной комнаты. Судебные уставы необходимы для разъясненія нерѣдко возникающихъ, въ особенности въ началѣ сессіи, споровъ по вопросу о правахъ и обязанностяхъ присяжныхъ засѣдателей и для прочтенія соотвѣтствующихъ статей крестьянамъ, которые, какъ мы видѣли, иногда совершенно не сознаютъ своихъ правъ и боятся, какъ бы не попасть изъ судей въ подсудимые.

Мнѣ могутъ указать на 671 статью устава уголовнаго судопроизводства, по которой предсѣдатель объясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ ихъ права, обязанности и отвѣтственность; но, какъ я убѣдился изъ практики, этихъ объясненій оказывается недостаточно и необходимость въ справкахъ по упомянутому предмету ими не устраняется.

Что касается до уложенія о наказаніяхъ, то оно необходимо присяжнымъ для разъясненія тѣхъ недоразумѣній, которыя создаются юридическимъ языкомъ вопросныхъ пунктовъ, невѣдомымъ не только крестьянамъ, но и большинству присяжныхъ, не имѣющихъ юридическаго образованія. Такъ, напримѣръ, ниже мы увидимъ, какая судебная ошибка была сдѣлана присяжными вслѣдствіе того, что, не имѣя подъ руками уложенія о наказаніяхъ, они не могли убѣдиться въ томъ, что слова: „явно похитилъ“—означаютъ не простую кражу, а грабежъ. Наконецъ, присяжные не могутъ не интересоваться мѣрой наказанія, опредѣляемаго по ихъ обвинительнымъ приговорамъ. Присяжные постоянно задаютъ старшинѣ вопросъ: „къ какому наказанію приговорятъ подсудимаго“.

Нѣкоторые присяжные замѣчали, что такіе вопросы незаконны, но это сейчасъ опровергалось тѣмъ соображеніемъ, что знаніе закона не только не можетъ быть незаконно, а напротивъ, обязательно для всякаго, такъ какъ никто не можетъ отговариваться невѣденіемъ закона. Замѣчаніе же формалистовъ, что присяжные не должны принимать въ соображеніе мѣру наказанія, тоже не имѣетъ основаній въ судебныхъ уставахъ и указываетъ лишь на неясное пониманіе функцій суда присяжныхъ. Коль скоро присяжный засѣдатель долженъ судить судомъ правымъ и милостивымъ, постановляя свой приговоръ по совѣсти, по внутреннему убѣжденію, онъ не можетъ не интересоваться вопросомъ о наказаніи по своему приговору. Вердиктъ присяжныхъ долженъ быть проникнутъ сознательностью,—въ немъ не имѣетъ мѣста принципъ pereat mundus, fiat justicia. Признавая, напримѣръ, что подсудимый можетъ исправиться и зная, что наказаніе можетъ отнять у него возможность исправленія, присяжные оправдываютъ такого подсудимаго, и только юристъ-буквоѣдъ можетъ найти такой приговоръ неправильнымъ.

Укажу двѣ ошибки присяжныхъ засѣдателей, сдѣланныя ими по незнанію закона.

Обвинялся босякъ въ томъ, что на улицѣ сорвалъ съ бабы платокъ и убѣжалъ. Изъ дѣла выяснилось, что оба были пьяны, и не будь подсудимый рецидивистомъ, его оправдали бы; при этомъ же условіи большинство признало, что подсудимаго слѣдуетъ обвинить въ кражѣ, но въ виду того, что она была совершена во время безработицы, дать снисхожденіе.

— Укралъ, дѣло видимое; виновенъ, и не въ первый ужъ разъ,—толковали присяжные.

— Если мы отвѣтимъ: виновенъ, его закатаютъ въ Сибирь,—замѣтилъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Какъ это можно въ Сибирь? За что?

— За грабежъ.

— Что вы выдумываете! Читайте вопросъ,—тамъ о грабежѣ не говорится.

Стали читать: „виновенъ ли въ томъ, что такого-то числа явно похитилъ“ и проч.

— Гдѣ же тутъ грабежъ? Похитилъ—значитъ укралъ.

— Явно похитилъ—значитъ ограбилъ.

— Вотъ чудакъ! Явно, потому что люди видѣли. Если бы никто не видалъ, такъ онъ бы и не попался. А если бы былъ грабежъ, такъ въ листѣ такъ бы и написали: виновенъ ли въ томъ, что ограбилъ. Развѣ судъ можетъ намъ голову морочить?

— Поймите вы, господа, что судьи—юристы, у нихъ свой языкъ; по нашему ограбилъ, а по ихъ—явно похитилъ.

Такъ ему и не повѣрили, замѣтивъ, что если бы это было такъ, какъ онъ говоритъ, то предсѣдатель объяснилъ бы, что „явно похитилъ“ значитъ ограбилъ, а онъ этого не сдѣлалъ. Напрасно знающій юридическую терминологію предложилъ отвѣтить такъ: „похитилъ, но не явно“, —надъ нимъ только посмѣялись: „какъ же не явно, когда люди видѣли“. Такъ и обвинили подсудимаго въ грабежѣ, воображая, что обвиняютъ въ простой кражѣ.

Надо было видѣть впечатлѣніе резолюціи суда о ссылкѣ въ Сибирь. Присяжные переглядывались съ недоумѣніемъ и тоской.

— Господи, что же это такое?—прошепталъ одинъ изъ нихъ.

И всѣ подавшіе обвинительные голоса окружили присяжнаго, которому не повѣрили, и спрашивали: „нельзя ли поправить дѣло?“ А потомъ говорили съ защитникомъ, прося его снять съ нихъ невольный грѣхъ подачей кассаціонной жалобы.

Другая ошибка присяжныхъ произошла тоже отъ незнанія закона, отъ своеобразнаго толкованія словъ: „заслуживаетъ снисхожденія“.

Разбиралось дѣло о кражѣ со взломомъ „исподнихъ, оцѣненныхъ въ 60 копѣекъ“. Подсудимый просидѣлъ въ тюрьмѣ до суда 7 мѣсяцевъ. Когда мы вошли въ совѣщательную комнату, одинъ старичокъ воскликнулъ:

— Господи Боже мой! За шесть гривенъ семь мѣсяцевъ въ тюрьмѣ! Да его бы три дня выдержать въ кутузкѣ—и того довольно. Отъ нужды укралъ, дѣло видимое.

Кажется, можно было бы ожидать послѣ этихъ словъ, что старикъ подастъ свой голосъ за оправданіе. Ничуть не бывало. Онъ закончилъ свои соболѣзнованія о подсудимомъ такими словами:

— А все-таки укралъ, значитъ надо сказать: виновенъ.

— Какъ же это такъ,—замѣтилъ одинъ изъ присяжныхъ:— вы говорите, что онъ слишкомъ долго сидѣлъ въ тюрьмѣ, а хотите, чтобы онъ еще посидѣлъ въ арестантскихъ ротахъ?

— Сохрани Богъ! Мы скажемъ, что онъ виновенъ, но дадимъ снисхожденіе и скажемъ, что онъ отъ нужды укралъ.

— Это все равно. Его приговорятъ въ арестантскія роты, только на меньшій срокъ.

— Невозможно. Судъ его освободитъ.

— Какъ же можетъ судъ освободить, когда присяжные сказали: „виновенъ“?

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, это не такъ. Коли мы скажемъ: отъ нужды укралъ и со снисхожденіемъ, то судъ не можетъ не

уважить. Сдѣлаетъ ему замѣчаніе: не воруй, молъ, больше, и отпуститъ. Какъ это можно арестантскія роты! Его и то семь мѣсяцевъ проморили въ тюрьмѣ. Какъ это можно, чтобы еще наказывать!

— Въ такомъ случаѣ надо сказать: невиновенъ.

— Этого нельзя Онъ укралъ. Какъ же мы можемъ сказать: не укралъ? Присягу принимали, чтобы говорить правду.

— А если виновенъ, то пойдетъ въ арестантскія роты.

— Сохрани Богъ!

Долго бились со старикомъ, но онъ остался при своемъ, что сказать: „невиновенъ“ — нельзя, потому что это будетъ неправда, не по совѣсти, а что если написать: „отъ нужды“ и дать снисхожденіе, то судъ долженъ освободить подсудимаго.

Въ составѣ суда были всѣ три колониста, строго относившіеся ко всякой кражѣ, обвинитель по принципу и два строгихъ къ кражамъ домовладѣльца; такъ что шести оправдательныхъ голосовъ не набралось и вердиктъ вышелъ обвинительный со снисхожденіемъ и съ указаніемъ, что кража совершена отъ нужды.

Когда былъ прочитанъ приговоръ въ арестантскія роты, старичокъ чуть не заплакалъ. На другой день, придя въ совѣщательную комнату, онъ сказалъ своему вчерашнему оппоненту:

— Ну, молодой человѣкъ, вижу, что старикамъ надо учиться у молодыхъ. Грѣхъ на душу взялъ. Послушай я васъ—было бы шесть голосовъ, оправдали бы его. Теперь буду знать, что значитъ: „заслуживаетъ снисхожденія“.

Съ тѣхъ поръ въ дѣлахъ о мелкихъ кражахъ отъ нужды старикъ отъ вопроса, виновенъ ли подсудимый, отмахивался, какъ будто бы на него налетала какая-нибудь хищная птица, и говорилъ:

— Нѣтъ!.. Разъ сдурилъ, довольно намучился. Невиновенъ, и баста.

А обѣ описанныя ошибки могли бы быть устранены, если бы подъ рукой присяжнаго засѣдателя были судебные уставы и уложеніе о наказаніяхъ. Невѣрившіе объясненіямъ своихъ товарищей не могли бы не вѣрить имъ по прочтеніи самого закона.

III.

Въ дѣлахъ несложныхъ пренія сторонъ, обыкновенно весьма краткія, не давали присяжнымъ ничего новаго въ дополненіе и разъясненіе результатовъ судебнаго слѣдствія. Старанія товарищей прокурора обвинять во что бы то ни стало и неумѣлыя защити-

тельныя рѣчи только раздражали присяжныхъ, затягивая совершенно непроизводительно время засѣданія.

Обвинительныя рѣчи, которыя мы выслушали, можно раздѣлить на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ представляли перечисленіе и группировку уликъ съ заключеніемъ, что онѣ доказываютъ виновность подсудимаго; въ другихъ—товарищи прокурора раздували обвиненіе и, стараясь уничтожить все, что говоритъ въ пользу подсудимаго, прибѣгали иногда къ довольно страннымъ выходкамъ, внушеніямъ и застращиваніямъ. Такъ, напримѣръ, одинъ товарищъ прокурора, обвиняя бывшаго бухгалтера банка въ похищеніи 900 рублей, сказалъ присяжнымъ: „если вы оправдаете подсудимаго вслѣдствіе того, что онъ внесъ деньги, то вы выйдете изъ своей области и вступите въ сдѣлку съ обществомъ взаимнаго кредита“. Тотъ же товарищъ прокурора закончилъ одну изъ своихъ рѣчей заявленіемъ, что присяжные „не имѣютъ права“ оправдать подсудимаго.

Впечатлѣніе подобныхъ рѣчей на крестьянъ-присяжныхъ мы уже знаемъ. Интеллигентныхъ присяжныхъ засѣдателей онѣ возмущали, какъ покушеніе на ихъ право самостоятельныхъ судей, предоставленное закономъ; они выражали удивленіе по поводу того, что ни одна подобная выходка со стороны обвиненія не вызвала замѣчанія предсѣдателя, въ то время, какъ защитники подвергались нерѣдко замѣчаніямъ. Грустное впечатлѣніе производили эти старанія обвинять во что бы то ни стало отрицаніе реальныхъ причинъ преступленій и упражненія въ краснорѣчіи на тему о „злой волѣ“. Становилось какъ-то досадно, что питомцы университетовъ, вступивъ на поле общественной дѣятельности, позабыли научныя истины и сдѣлались прямолинейными формалистами. Иногда просто жаль становилось товарища прокурора, когда онъ, путаясь въ софистической діалектикѣ, говорилъ безсмыслицу. Такъ, напримѣръ, одинъ товарищъ прокурора, впослѣдствіи и самъ попавшій на скамью подсудимыхъ за подлогъ, желая обвинить, во что бы то ни стало, подсудимаго въ томъ, что онъ, не имѣя возможности обвѣнчаться вслѣдствіе просрочки паспорта, обвѣнчался по виду своего пріятеля, закончилъ свою рѣчь такими словами: „хотя вреда для частныхъ лицъ отъ преступленія не произошло, но я прошу васъ имѣть въ виду, что отъ него страдаютъ интересы общества и государства“.

Рѣчи защитниковъ были большею частію кратки; а одна изъ нихъ по дѣлу объ обвиненіи семнадцатилѣтняго рабочаго, обвинявшагося въ кражѣ, состояла только изъ семи слѣдующихъ словъ: „въ виду сознанія подсудимаго, прошу о снисхожденіи“.

а между тѣмъ это дѣло представляло много данныхъ для оправданія, которое и послѣдовало. Формальное отношеніе къ дѣлу многихъ защитниковъ по назначенію отъ суда, сказывавшееся въ веденіи судебнаго слѣдствія, выражалось и въ защитительныхъ рѣчахъ.

Съ большимъ вниманіемъ выслушивали присяжные „послѣднее слово“ подсудимаго. Иногда это „послѣднее слово“ рѣшало его судьбу. Если въ немъ звучала искренность, она разбивала доказательность косвенныхъ уликъ; если въ немъ обнаруживались нравственныя черты человѣка, его неиспорченность, многіе присяжные не рѣшались обвинить, чтобы не быть причиной нравственной гибели человѣка въ острожной сферѣ. Если подсудимый указывалъ на послѣдствія обвиненія, грозящія гибелью его семьѣ, присяжные не могли не принимать во вниманіе этого обстоятельства.

Предсѣдательское резюме, въ особенности если оно растягивалось, присяжные выслушивали довольно нетерпѣливо. Такія резюме́, въ которыхъ была бы вполнѣ соблюдена объективность, требуемая 802 статьей устава уголовнаго судопроизводства, были очень рѣдки; большею частію тяготѣніе мысли предсѣдателя въ сторону обвиненія было очень замѣтно, и отъ крестьянъ-присяжныхъ приходилось слышать, что предсѣдатель „приказывалъ обвинить“.

Когда мы входили въ совѣщательную комнату для произнесенія приговора, мы чувствовали себя различно, смотря по тому, предвидѣлся ли обвинительный или оправдательный вердиктъ.

Обвинять, когда за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе, всегда тяжело и какъ-то неловко, въ особенности если наказаніе тяжкое. Быть можетъ, въ такую минуту люди, не признающіе теоріи виновности самого общества въ преступленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, смутно чувствуютъ справедливость этой теоріи. Какъ только произнесено слово: „виновенъ“, въ чувствахъ присяжныхъ засѣдателей происходитъ реакція: правосудіе удовлетворено, негодованіе къ преступнику умолкаетъ и изъ тайниковъ сердца поднимается сожалѣніе — преступникъ дѣлается несчастнымъ. И хотя судья сознаетъ, что его приговоръ вполнѣ справедливъ, онъ все-таки испытываетъ какую-то неловкость.

Передъ обвиненіемъ мы усаживались за столъ молча, и иногда довольно долго никто не заговаривалъ; всякій думалъ про себя и какъ бы старался отдалить тягостную минуту. Старшина со вздохомъ подписывалъ обвинительный приговоръ, и опять наступало молчаніе. Никто не торопился звонить, и рука нерѣшительно дергала звонокъ. По звону изъ совѣщательной комнаты можно почти

безошибочно опредѣлить приговоръ. Выходя въ залу суда съ обвинительнымъ вердиктомъ, присяжные избѣгали глядѣть на подсудимаго или, взглянувъ мелькомъ, опускали глаза, и на ихъ серьезныхъ лицахъ подсудимый могъ прочитать обвиненіе. Старшина читалъ приговоръ не громко, въ голосѣ его слышалось смущеніе, и тихо, какъ бы совѣстясь, онъ произносилъ слово: „виновенъ".

Совершенно не то бывало, когда приходилось оправдывать подсудимаго. Присяжные весело входили въ совѣщательную комнату, потому что имъ предстояло объявить человѣку радость. Съ удовольствіемъ перечисляли показанія свидѣтелей, подорвавшія обвиненіе, съ живостью слѣдили за подачей голосовъ, испытывая тревогу отъ каждаго „виновенъ", произносимаго формалистами, и когда старшина, сосчитавъ голоса, объявлялъ оправдательный вердитъ, лица у всѣхъ прояснялись и раздавались восклицанія: „ну, слава Богу!" Кто-нибудь вскакивалъ съ мѣста, бѣжалъ къ двери и рѣшительно нѣсколько разъ дергалъ звонокъ.

Если кто-нибудь замѣчалъ: „зачѣмъ торопитесь, покурить надо", то нѣсколько голосовъ возражали: „накуримся послѣ, надо поскорѣе освободить подсудимаго". И когда присяжные входили въ залу суда, они смѣло и весело глядѣли на подсудимаго и ихъ лица, глаза и походка ясно говорили: „невиновенъ"; предчувствіе радости сообщалось публикѣ, защитнику, судебному приставу; только на лицѣ товарища прокурора не было радости. Старшина торопился читать вопросный пунктъ и громко произносилъ: „нѣтъ, невиновенъ".

Конечно, не всегда было такъ; бывали и между присяжными, какъ и вообще между людьми, такіе, которые равнодушны и къ горю, и къ радости ближняго; но въ общемъ чувства присяжныхъ были именно таковы, какъ я разсказываю.

Закончу эту главу воспоминаніемъ о томъ, какъ мы неожиданно лишились весьма полезнаго товарища, о которомъ я уже упоминалъ: чиновника, прозваннаго Милостивцемъ.

Хотя мы часто не соглашались съ нимъ, но его разговоры приносили намъ большую пользу. Его широкій взглядъ на вещи не разъ открывалъ глаза присяжнымъ и устанавливалъ правильную точку зрѣнія для оцѣнки обстоятельствъ дѣла. Каждый разъ, горячо отстаивая подсудимаго, какъ лучшій защитникъ, онъ давалъ такія объясненія, которыя нерѣдко открывали передъ присяжными что-нибудь весьма важное, но почему-нибудь незамѣченное или оставленное безъ вниманія. Послѣ его объясненій мы лучше понимали подсудимаго и разсуждали объ его участи серьезнѣе и гуманнѣе.

Во многихъ случаяхъ онъ достигалъ своей цѣли.

Я всегда наблюдалъ его лицо, когда онъ начиналъ собирать голоса. Онъ приступалъ къ этому только тогда, когда признавалъ, что все, что можно было сказать въ оправданіе подсудимаго, уже высказано. По лицу его пробѣгала тревога, когда онъ отмѣчалъ минусами обвинительные голоса. Каждое „виновенъ“ болью отдавалось въ его сердцѣ. Когда онъ ставилъ пятый плюсъ, лицо его мгновенно прояснялось, онъ торопливо собиралъ остальные голоса, объявлялъ свой—и тотчасъ же подписывалъ приговоръ; потомъ свободно вздыхалъ, какъ человѣкъ, избавившійся отъ какой-нибудь опасности, откидывался на спинку кресла и съ удовольствіемъ закуривалъ папиросу.

Не раздѣляя его взгляда на преступленія, большинство было очень довольно такимъ товарищемъ и выбирало его старшиной; но его съ перваго же дня не взлюбилъ другой чиновникъ, всегда обвинявшій, какъ онъ говорилъ, „по принципу“ и никогда не дававшій снисхожденія, потому что „снисхожденіе къ преступнику плодитъ преступленія“. Онъ не разъ задорно, какъ бы вызывая на ссору, говорилъ Милостивцу, что онъ нарушаетъ законъ, оправдывая всякаго подсудимаго.

— Вы ошибаетесь,—кротко отвѣчалъ ему Милостивецъ:—я сужу по совѣсти, слѣдовательно исполняю законъ. Вотъ вы всегда обвиняете безъ снисхожденія, и если такъ велитъ поступать ваша совѣсть, то вы, также какъ и я, дѣйствуете по закону.

— Позвольте!.. Я обвиняю... Это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ нѣтъ зла для государства. А вы зло причиняете своими оправданіями.

— Какое зло?

— Помилуйте! Это всякому извѣстно! Сегодня я оправдаю вора—завтра въ городѣ появится десять новыхъ воровъ, потому что всякій скажетъ: воровъ оправдываютъ—значитъ надо воровать.

— Слабо судимъ,—замѣтилъ военный: —арестантскія роты для нихъ все равно, что наплевать. Вотъ если бы за всякое воровство въ Сибирь ссылали, тогда бы воровъ поменьше было, а то просто бѣда! каждый день въ газетѣ читаю: то того, то другого обокрали.

Милостивецъ терпѣливо объяснялъ наивность такихъ взглядовъ; онъ излагалъ результаты научныхъ изслѣдованій, приводилъ статистическія данныя, совѣтовалъ прочитать то или другое. Нѣкоторыхъ онъ заинтересовывалъ новыми для нихъ мыслями и фактами; они записывали заглавіе сочиненій, которыя онъ рекомендовалъ прочитать. Но обвинитель по принципу только раздражался, обижаясь тѣмъ, что ему, считающему себя образованнымъ

человѣкомъ, доказываютъ, что онъ ничего не читалъ о предметѣ спора. Онъ горячился и кричалъ:

— Вы разрушаете семью оправдательными приговорами. Вчера дѣтоубійцу оправдали. Развѣ это не поощреніе незаконныхъ связей? Вы подрываете бракъ!.. Вотъ что-съ!

— Вы опять ошибаетесь,—покойно возразилъ Милостивецъ и началъ доказывать, что между мотивами вступленія въ бракъ и наказаніями за дѣтоубійство нѣтъ связи, но чиновникъ не сталъ его слушать.

— Говорите что хотите,—сказалъ онъ:—а я знаю, что долженъ сдѣлать.

На другой день онъ торжественно объявилъ:

— Оправдатель больше не будетъ здѣсь ораторствовать. Я сказалъ товарищу прокурора, что онъ всѣхъ оправдываетъ, и его будутъ вычеркивать.

— Какъ же вы могли это сдѣлать? Вы нарушили законъ о тайнѣ совѣщаній!

— Мало ли что... Нельзя же ему позволить людей сбивать съ толку.

Большинство было возмущено этимъ поступкомъ. Хотѣли-было заявить суду, но рѣшили, что этимъ дѣла не поправишь.

Когда въ первомъ же дѣлѣ товарищъ прокурора заявилъ о желаніи воспользоваться правомъ отвода и вычеркнулъ одного только Милостивца, одинъ изъ присяжныхъ, чтобы уравновѣсить защиту съ обвиненіемъ, сообщилъ защитникамъ фамилію обвинителя по принципу.

Милостивецъ не попалъ больше ни въ одно дѣло: его вычеркивали всѣ товарищи прокурора. Защита тоже пользовалась сдѣланнымъ ею сообщеніемъ, но далеко не такъ послѣдовательно.

IV.

Противники суда присяжныхъ, отождествляя правосудіе съ обвиненіемъ и строгимъ наказаніемъ, обвиняютъ присяжныхъ за оправдательные приговоры, безъ предварительнаго изслѣдованія мотивовъ такихъ вердиктовъ. А между тѣмъ безъ знанія этихъ мотивовъ невозможно разрѣшить вопросъ о томъ, согласны ли осуждаемые вердикты съ цѣлями правосудія или нѣтъ.

Безпристрастный человѣкъ, ознакомившись съ причинами оправдательныхъ приговоровъ, будетъ имѣть случай наглядно убѣдиться въ широкомъ благотворномъ значеніи суда присяжныхъ для обще-

ственной жизни. Сопоставленіе оправдательныхъ приговоровъ съ ихъ мотивами показываетъ, что они только являются актами правосудія для каждаго даннаго случая, и кромѣ того приносятъ и другую пользу: они служатъ выраженіемъ тѣхъ понятій о правѣ и правдѣ, которыя, будучи созданы жизнью, уже получили право гражданства въ общественномъ сознаніи, а эти показанія существенно важны для законодательства—они выводятъ его изъ застоя, указывая на то, что обходъ закона или игнорированіе его есть неизбѣжное явленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ, далеко отставшій отъ жизни, не исключенъ изъ дѣйствующаго кодекса.

Оправдательные приговоры, произнесенные нами, имѣли очень разнообразные мотивы и были постановлены по различнымъ дѣламъ—отъ кражи со взломомъ до отцеубійства. Я сгруппирую мои воспоминанія по мотивамъ оправданія.

Несовершенство предварительнаго слѣдствія и неосновательность преданія суду нерѣдко были причиной оправданія подсудимыхъ. Иногда, выслушавъ обвинительный актъ, присяжные переглядывались съ недоумѣніемъ, какъ бы спрашивая: гдѣ же доказательства виновности подсудимаго,—до такой степени была слаба связь фактическихъ данныхъ обвинительнаго акта съ его заключеніемъ о томъ, что такой-то предается суду. А затѣмъ судебное слѣдствіе обнаруживало полную несостоятельность обвиненія, и, разумѣется, мы оправдывали подсудимаго.

Но бывали и такіе случаи. Обвинительный актъ даетъ цѣльную, обстоятельную картину преступленія; показанія свидѣтелей доказываютъ его несомнѣнность; личность подсудимаго обрисована несимпатичными чертами, такъ что обвинительный вердиктъ кажется неизбѣжнымъ. Начинается судебное слѣдствіе, и впечатлѣніе обвинительнаго акта совершенно разрушается. Оказывается существенное противорѣчіе между показаніями свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ; прочитываются первыя, и свидѣтели говорятъ, что они или вовсе не показывали того, что имъ прочитано, или показывали то, да не то. Объясняется это тѣмъ, что нѣкоторые судебные слѣдователи, разъ у нихъ явилась мысль о виновности даннаго лица, ведутъ слѣдствіе односторонне, толкуя всякое показаніе въ смыслѣ доказательства своей мысли, и, формулируя показанія неграмотныхъ свидѣтелей, записываютъ ихъ неточно. Такимъ образомъ иногда оказывалось, что судебное слѣдствіе совершенно опровергало предварительное, и противъ подсудимаго не оказывалось ни одной серьезной улики, а между тѣмъ человѣкъ просидѣлъ уже напрасно въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Оправдательные приговоры этой категоріи ясно говорятъ о необходимости представителя интересовъ подсудимаго на предварительномъ слѣдствіи. Опытъ доказываетъ, что наблюденія за слѣдствіемъ со стороны прокурорскаго надзора недостаточны для предупрежденія односторонняго направленія слѣдственнаго производства, и что только присутствіе защитника при допросахъ уничтожило бы возможность такихъ неправильныхъ слѣдствій. Затѣмъ такіе оправдательные приговоры показываютъ, что и въ актѣ преданія суду необходимо участіе защиты: еслибы обвинительные акты, составляющіеся иногда формально, при отсутствіи солидныхъ данныхъ для обвиненія, подвергались, прежде утвержденія ихъ, юридической критикѣ защитника, то присяжнымъ не приходилось бы разбирать такихъ дѣлъ, въ которыхъ виновнымъ можно признать не подсудимаго, а составителя акта о неосновательномъ преданіи суду.

Строгость наказанія за нѣкоторыя преступленія, въ особенности при условіи, что содержаніе въ тюрьмѣ до суда не считается наказаніемъ, иногда служила причиною оправдательныхъ приговоровъ.

Присяжные, серьезно относящіеся къ дѣлу, прежде чѣмъ признать подсудимаго виновнымъ, интересовались вопросомъ о томъ, какое послѣдуетъ наказаніе по ихъ приговору. Формалисты возражали на это, что присяжнымъ нѣтъ никакого дѣла до наказанія: они должны только сказать: „виновенъ“, если преступленіе доказано, а опредѣленіе соотвѣтствующаго по закону наказанія есть функція короннаго суда. Большинство, однако, съ этимъ не соглашалось и основывало свое мнѣніе на законѣ, требующемъ, чтобы судъ присяжныхъ былъ „скорый, правый и милостивый“. Право присяжныхъ давать по обстоятельствамъ дѣла снисхожденіе и обязанность судить по совѣсти, обусловливающая возможность оправданія и въ случаѣ доказанности факта преступленія, прямо указываютъ на то, что законъ, установивъ требованіе суда „милостиваго“, далъ и средства для проявленія этой милости въ тѣхъ случаяхъ, когда она необходима.

Были случаи, что присяжные, подавшіе обвинительный голосъ, говорили, что ихъ мучитъ совѣсть за то, что подсудимаго „строго наказали“, и если бы они знали, какое наказаніе будетъ опредѣлено по ихъ приговору, то они предпочли бы оправдать подсудимаго, если нельзя на вопросъ о виновности отвѣтить такъ: „онъ виновенъ, но уже понесъ достаточное наказаніе въ видѣ тюремнаго заключенія до суда“.

Юристъ, разсуждая въ своемъ кабинетѣ, совершенно покой

говоритъ, что предварительное заключеніе въ тюрьмѣ не есть наказаніе, а только мѣра пресѣченія средствъ обвиняемому уклоняться отъ суда и слѣдствія. Для присяжнаго засѣдателя, предъ глазами котораго нѣтъ заслоняющей жизнь теоріи, ошибочность и жестокость упомянутаго взгляда юриста очевидна. Онъ знаетъ, что предварительное заключеніе имѣетъ всѣ свойства тяжелаго наказанія; оно нерѣдко является страшнымъ, непоправимымъ зломъ для подсудимаго: оно разстроиваетъ его хозяйственныя и семейныя дѣла, разрушаетъ его здоровье и толкаетъ на путь преступленій. И какъ бы юристъ ни доказывалъ, что это необходимое зло, а не наказаніе, присяжный засѣдатель всегда скажетъ, что если по терминологіи юристовъ оно не наказаніе, то это не мѣшаетъ ему быть дѣйствительнымъ наказаніемъ, иногда превышающимъ вину подсудимаго по опредѣленію закона. Такъ напримѣръ, присяжные признали подсудимаго, обвиняемаго въ кражѣ со взломомъ, виновнымъ въ простой кражѣ и дали снисхожденіе. По закону онъ долженъ подвергнуться тюремному заключенію на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, а онъ уже просидѣлъ въ тюрьмѣ иногда вдвое больше этого срока. Въ такихъ случаяхъ присяжные, не имѣя возможности признать фактъ преступленія иначе, какъ подвергнувъ подсудимаго новому, по суду совѣсти, незаслуженному наказанію, говорятъ: „нѣтъ, невиновенъ“.

Судъ присяжныхъ есть судъ по сущей справедливости, а не механическое подведеніе преступнаго дѣянія подъ ту или другую статью закона. Формальный судъ, во имя абстрактной справедливости и буквы закона, произносилъ иногда приговоры, возмущавшіе и общественную совѣсть, и совѣсть самихъ судей; судъ присяжныхъ не можетъ произнести приговора противъ совѣсти и подчинить духъ закона его буквѣ. Такимъ образомъ и оправдательные приговоры этой категоріи не могутъ возбуждать противъ себя ни обывателя, ни просвѣщеннаго юриста; послѣдній не можетъ не признать, что они исходятъ изъ принципа правосудія и упразднятся сами собой, какъ только послѣдуютъ въ законѣ соотвѣтствующія измѣненія, требуемыя справедливостью.

Общественная совѣсть не признаетъ преступленіями нѣкоторыхъ поступковъ, которые по отжившему свое время закону считаются преступленіями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественная и юридическая правда не сливаются, и вотъ передъ присяжными, какъ представителями общественной совѣсти, является новый поводъ для оправдательныхъ приговоровъ. Такъ напримѣръ, присяжные почти всегда оправдываютъ подсудимыхъ по обвине-

нію въ нарушеніи паспортнаго устава, если оно сдѣлано не съ цѣлью совершенія преступленія, а въ незаконномъ сожитіи. Кромѣ того, нѣкоторыя преступленія, по своимъ мотивамъ, представляютъ такія данныя, которыя упраздняютъ въ глазахъ присяжныхъ наказуемость.

Разскажу одинъ примѣръ.

Разбирали мы дѣло о пособничествѣ къ побѣгу арестанта. Вели арестанта для допроса у слѣдователя мимо дома, въ которомъ жила его любовница. Арестантъ быстро вбѣжалъ въ калитку, женщина заперла ее засовомъ. Пока конвойные разбивали калитку, арестантъ сбросилъ халатъ, переодѣлся въ приготовленное для него платье и скрылся черезъ заборъ на сосѣднюю улицу. На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что подсудимая, желая выиграть побольше времени для того, чтобы ея возлюбленный могъ скрыться, вступила въ энергичную борьбу съ конвойными. Она откровенно разсказала, какъ было дѣло, и повидимому удивлялась, за что ее судятъ.

Когда мы усѣлись за столомъ въ совѣщательной комнатѣ, съ четверть часа шелъ разговоръ на тему: „молодецъ-баба!“ Она возбудила въ присяжныхъ симпатію, какъ любящая, энергичная женщина, готовая на самопожертвованіе—солдаты ее порядкомъ побили. И когда рѣчь зашла о томъ, признать ли ее виновной, то нѣкоторымъ этотъ вопросъ показался даже страннымъ.

— Помилуйте!.. Да за что же ее наказывать?! Развѣ она могла поступить иначе?

Двое, однако, возразили, что хотя они вполнѣ сочувствуютъ подсудимой и понимаютъ ее, но тѣмъ не менѣе она способствовала побѣгу арестанта и, слѣдовательно, совершила преступленіе. Но на это замѣчаніе посыпались горячія возраженія.

— Нѣтъ, вы скажите, нравственно или безнравственно она поступила. Она его любитъ и не могла не желать ему свободы. Дѣло начальства смотрѣть, чтобы не было побѣговъ. Противоестественно требовать, чтобы она не помогла ему скрыться. Вы представьте себя на ея мѣстѣ. Ваша жена или любовница бѣжала изъ тюрьмы. Развѣ каждый не сдѣлаетъ того же, что эта баба. Помилуйте!.. За что же ее наказывать?

Оправдательный приговоръ былъ произнесенъ восемью голосами.

Изъ числа нѣсколькихъ дѣлъ по нарушенію правилъ паспортной системы упомяну объ обвиненіи въ томъ, что подсудимый обвѣнчался по виду, взятому у пріятеля, такъ какъ его собственный видъ былъ просроченъ. Хотя товарищъ прокурора и ув-

..., что отъ упомянутаго преступленія „страдаютъ интересы ...ества и государства“, но присяжные произнесли единогласное ...даніе, въ виду того, что отъ поступка подсудимаго не про...ло ни малѣйшаго зла, и только немного поострили насчетъ ...арища прокурора.

И эти оправдательные приговоры не заслуживаютъ упрека; ... являлись только новымъ напоминаніемъ о несостоятельности ...шей паспортной системы, которая, не достигая своей цѣли, ...тавляетъ только стѣсненіе для обывателей. Столь же непрак...но и существованіе закона о преступности незаконныхъ бра..., которые узаконены жизнью; этотъ законъ потерялъ свой ...n d'être—онъ не исполняется, а виновные въ его нарушеніи, ... иногда и привлекаются къ суду, то ихъ всегда оправды...тъ, и эти вердикты только указываютъ на необходимость ...зднять на бумагѣ то, что̀ уже упразднено жизнью.

Упомяну еще объ одной квалификаціи преступленія, которую ...сяжные въ бо̀льшей части случаевъ отвергали; это взломы при ...жахъ. Какъ ни доказывали товарищи прокурора, что взломъ— ..., какъ выразился одинъ изъ нихъ, „преодолѣніе препятствія ... лицѣ замка“—есть доказательство значительно развитой „злой ...ли“, но присяжные не придавали этому осложненію кражи ...ерьезнаго значенія, и зная, что оно въ значительной степени уве...ичиваетъ наказаніе, отвергали его и обвиняли въ простой кражѣ. ...еорія взломовъ, предполагающая значительную нравственную ис...порченность, не выдерживала критики въ залѣ суда, такъ какъ ...ъ числѣ подсудимыхъ, обвинявшихся въ кражѣ со взломомъ, мы нерѣдко видѣли людей, далеко не пропащихъ въ нравственномъ смыслѣ, а совершившихъ кражу отъ крайней нужды или подъ давленіемъ исключительныхъ обстоятельствъ.

Опасеніе, какъ бы не погубить окончательно еще неиспорченнаго человѣка, толкнувъ его обвинительнымъ приговоромъ въ общество обитателей арестантскихъ ротъ, тоже служило иногда поводомъ къ оправданію [1]). Это обыкновенно бывало въ дѣлахъ о кражахъ несовершеннолѣтними, если по судебному слѣдствію они оказывались нравственно неиспорченными. Присяжные, взвѣшивая практическое значеніе обвинительнаго приговора, не могли не разсуждать о томъ, что наказаніе въ той формѣ, въ какой оно послѣдуетъ (арестантскія роты) можетъ привести къ тому, что совершившій кражу по нуждѣ или по легкомыслію, къ отбы-

[1]) Раціональность этого мотива признана европейскимъ законодательствомъ, установившимъ такъ-называемые „условные“ обвинительные приговоры.

тію срока наказанія сдѣлается профессіональнымъ воромъ. Присяжные, какъ судьи по совѣсти, никогда не забываютъ, что они имѣютъ дѣло съ живыми людьми, которые въ представленіи прямолинейныхъ теоретиковъ-юристовъ обращаются въ абстрактныхъ выразителей злой воли. Поэтому, обсуждая послѣдствія того или другого приговора и убѣждаясь, что обвиненіе принесетъ гибель подсудимому или его семьѣ, если притомъ преступленіе есть результатъ нужды, присяжные предпочитали оправдать подсудимаго, чтобы, какъ выражались они, „не взять грѣха на душу".

Нѣкоторые изъ нашихъ приговоровъ производили въ публикѣ недоумѣніе и казались невытекающими изъ существа дѣла, странными. Но все, что̀ не понятно, всегда кажется страннымъ, а публика не имѣетъ всѣхъ данныхъ для того, чтобы вполнѣ понять приговоръ присяжныхъ. Отчетъ о судебномъ слѣдствіи, хотя бы онъ былъ вполнѣ безпристрастный, вовсе не то, что само судебное слѣдствіе. Въ показаніяхъ свидѣтелей, въ тонѣ ихъ, въ мелочахъ иногда бываютъ такія черточки, пропадающія въ судебномъ отчетѣ, которыя рѣшаютъ участь подсудимаго. Иногда простое слово подсудимаго—бездоказательное, но идущее отъ души, опровергаетъ цѣлый рядъ, повидимому, вѣскихъ уликъ. Но иногда и для присутствовавшаго на судѣ приговоръ кажется непонятнымъ, потому что онъ не знаетъ „тайны совѣщаній" присяжныхъ засѣдателей. Судъ по совѣсти тѣмъ и дорогъ для общества, что онъ разрѣшаетъ свои вопросы не по формальнымъ признакамъ, а по совокупности всей обстановки преступленія въ широкомъ смыслѣ слова и послѣдствій приговора.

Я приведу четыре приговора, которые казались странными тѣмъ, кто не могъ угадать ихъ мотивовъ.

Судился мелкій банковскій чиновникъ за кражу въ банкѣ 900 рублей, которые онъ до суда возвратилъ. Съ помощью бухгалтерскихъ ухищреній онъ утаивалъ ихъ понемногу въ теченіе 10 лѣтъ, пока случайность не обнаружила этого. Онъ призналъ себя виновнымъ и ничѣмъ не оправдывался, а когда ему было предоставлено послѣднее слово, всталъ, хотѣлъ что-то сказать, но вмѣсто того махнулъ рукой и сѣлъ. Защитникъ очень старался, но построилъ свою рѣчь неудачно: онъ хотѣлъ разжалобить присяжныхъ участью жены и дѣтей подсудимаго и ради нихъ просилъ объ оправданіи. Бывали случаи, что такая постановка вопроса вліяла на присяжныхъ, но въ данномъ дѣлѣ она не произвела впечатлѣнія. Такъ что, когда мы шли въ совѣщательную комнату за Милостивцемъ, который былъ старшиной, то я былъ

увѣренъ, что ему неизбѣжно предстоитъ неудовольствіе подписать обвинительный вердиктъ.

И, какъ обыкновенно бываетъ, когда приходится обвинять, мы сѣли за столъ молча, закурили папиросы и не торопились высказывать мнѣнія. Старшина тоже молчалъ; обдумывалъ ли онъ, съ какой стороны подойти къ присяжнымъ, чтобы отстоять подсудимаго, или совершенно не надѣялся на возможность оправданія, но онъ, молча, всматривался въ вопросные пункты и, казалось, выжидалъ перваго выстрѣла.

— Ну, что-жъ, господа, оправдать никакъ нельзя,—сказалъ наконецъ одинъ изъ присяжныхъ.

— Еще бы!.. Укралъ—и нужды не было... Правда, жалованье при семьѣ грошевое,—ну да вѣдь живутъ же люди на маленькое жалованье и не воруютъ.

— А по моему, господа, надо оправдать.

Всѣ встрепенулись: это сказалъ не старшина, чему никто не удивился бы, а богатый домовладѣлецъ.

— Позвольте вамъ доложить такую исторію,—заговорилъ онъ: —въ этомъ самомъ банкѣ каждый день идетъ воровство. Объ этомъ всѣ знаютъ, да и не знать нельзя. Члены правленія получаютъ 3.000, а живутъ такъ, что и 12.000 мало. Ну-съ, и этотъ самый чиновникъ попалъ въ воровскую компанію и бралъ примѣръ съ начальства: они хапали много, а онъ въ 10 лѣтъ ухитрился только 900 рублей стащить. Укралъ онъ. Совершенно вѣрно. Если мы его сошлемъ на житье въ Сибирь,—будетъ все это по справедливости. Но хорошо ли во имя правосудія больно прибить воришку, возвратившаго притомъ украденное, когда настоящіе-то воры, которые и его соблазнили на грѣхъ, благоденствуютъ какъ ни въ чемъ не бывало?

Эти слова произвели вотъ какое дѣйствіе: поступокъ подсудимаго, который до тѣхъ поръ мы разсматривали изолированнымъ отъ операцій банка, теперь явился передъ нами въ тѣсной съ ними связи, какъ проявленіе дѣятельности всего учрежденія. Многіе изъ насъ отлично знали, что сказанное домовладѣльцемъ о дѣлахъ банка совершенно вѣрно.

Послѣ краткаго раздумья загорѣлся споръ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ. Одни доказывали, что оправданіе было бы нелѣпостью и поощреніемъ къ подобнымъ кражамъ; другіе раздѣляли взглядъ домовладѣльца и говорили, что въ данномъ случаѣ воръ у вора укралъ, и члены банка поступили очень неблагородно противъ своего товарища по профессіи, предавъ его суду.

— Поймите вы меня, господа,—горячился домовладѣлецъ:— я не говорю, что воровство надо оправдывать... Сохрани Богъ! Но вѣдь передъ нами „козелъ отпущенія“... Какъ хотите, а я не могу его обвинить.

Подсудимаго оправдали семью голосами.

Другой аналогичный случай былъ по дѣлу мелкаго полицейскаго чиновника, обвинявшагося въ мздоимствѣ. Долго говорили присяжные объ извѣстныхъ отношеніяхъ къ обывателямъ полиціи вообще и пришли къ заключенію, что карать мздоимство и взяточничество въ лицѣ случайно попавшейся мелкой сошки несправедливо и нецѣлесообразно.

Обвинялась дѣвушка семнадцати лѣтъ въ томъ, что, родивъ тайно, на чердакѣ, незаконнаго ребенка, она отъ страха и стыда тотчасъ послѣ рожденія задушила его. Старшиной по этому дѣлу былъ избранъ, какъ выше разсказано, редакторъ мѣстной газеты. Подсудимая, производившая угнетающее впечатлѣніе своимъ жалкимъ видомъ, заявила, что она ничего не помнитъ, какъ все это случилось. Присяжные были склонны видѣть въ этихъ словахъ неискренность, но одинъ изъ нихъ попросилъ врача-эксперта объяснить, въ какой степени сохраняется сознаніе у женщины во время родовъ. Экспертъ, уклонившись отъ категорическаго отвѣта, сказалъ, что иногда роженицы чувствуютъ ненависть къ своему ребенку, какъ къ непосредственной причинѣ болей, и что при обстановкѣ даннаго случая вліяніе родовыхъ болей, страха и стыда могло быть настолько интенсивно, чтобы парализовать сознаніе и волю роженицы; весьма возможно, что она дѣйствительно не помнитъ случившагося.

Старшина и нѣкоторые другіе присяжные полагали, что къ такому жестокому преступленію, каково дѣтоубійство, невозможно относиться снисходительно; но большинство согласилось съ другимъ мнѣніемъ, что въ данномъ случаѣ слѣдуетъ принять за основаніе приговора показаніе врача-эксперта. Разъ у подсудимой была парализована воля и сознаніе, ее невозможно наказывать за поступокъ, совершонный въ такомъ состояніи. Для того, чтобы сказать: „виновна“, надо было признать подсудимую великой злодѣйкой, а изъ судебнаго слѣдствія мы узнали, что это была обыкновенная дѣвушка-работница, не злая и не жестокая. Безсознательность дѣтоубійства, послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія, сдѣлалась для большинства очевидной—и подсудимую оправдали.

Изъ приведенныхъ разнообразныхъ мотивовъ оправдательныхъ

вердиктовъ читатель можетъ судить, насколько основательны упреки суду присяжныхъ за эти приговоры общественной совѣсти.

Указавъ выше на ту важную услугу, какую оказываетъ судъ присяжныхъ законодательству, я скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о вліяніи на насъ самихъ дѣятельности въ роли присяжнаго засѣдателя.

Такая судейская практика имѣетъ важное воспитательное значеніе. Совѣщательная комната—это школа для развитія сознанія своихъ обязанностей предъ обществомъ. Въ совѣщательной комнатѣ люди, привыкшіе съёживаться и поступать несамостоятельно, а по разнымъ указкамъ, находятся въ положеніи полновластныхъ, ничѣмъ, кромѣ обязанности судить по совѣсти, нестѣсняемыхъ судей. Даже крестьяне, ни въ какомъ общественномъ учрежденіи не являющіеся de facto вполнѣ самостоятельными общественными дѣятелями, въ совѣщательной комнатѣ пріучаются сознавать себя таковыми. Серьезная роль присяжнаго засѣдателя возвышаетъ чувство собственнаго достоинства и развиваетъ сознаніе общественнаго долга.

И. Ивановичъ.

ЛЕРМОНТОВЪ

въ

КНИГѢ Н. КОТЛЯРЕВСКАГО

— М. Ю. Лермонтовъ, Личность поэта и его произведенія. Опытъ историческо-литературной оцѣнки. Спб. 1891.

I.

Посвященный памяти Лермонтова трудъ г. Котляревскаго занимаетъ первое мѣсто въ средѣ тѣхъ изданій, жизнеописаній и всякаго рода статей, которыя появились въ памятный годъ исполнившагося пятидесятилѣтія съ момента кончины поэта. Этюдъ г. Котляревскаго, почти на трехстахъ страницахъ, занятъ возстановленіемъ одного только нравственнаго облика поэта. Сочиненіе хорошо написано; оно поражаетъ послѣдовательностью и цѣльностью,—какъ будто бы оно было написано въ одинъ присѣстъ; конецъ его вполнѣ соотвѣтствуетъ началу; характерныя черты подлинника слагаются въ одну могучую индивидуальность. Лицо превосходно согласовано съ фономъ, съ средою и моментомъ, съ умственною европейскою и русскою атмосферою тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія. Книга содержитъ только литературный портретъ лица въ его житейской обстановкѣ — и больше ничего. Жизнеописанія вовсе нѣтъ,—изъ него заимствовано лишь дѣленіе творчества на періоды по главнымъ, рѣшавшимъ судьбу поэта, событіямъ. Техника художника намѣренно обойдена. Если критик

останавливается порою на томъ или другомъ произведеніи Лермонтова, то только затѣмъ, чтобы показать, какъ этотъ субъективнѣйшій изъ писателей самъ себя понималъ, какъ ставилъ онъ въ различныя эпохи жизни единственную психологическую задачу, съ которою онъ провозился всю жизнь—и такъ и умеръ, не разрѣшивъ ея. Отсутствіе художественнаго анализа техники поражаетъ, какъ нѣчто странное въ „*опытѣ историко-литературной оцѣнки*“, и является большимъ пробѣломъ въ книгѣ г. Котляревскаго, потому что поэтъ дѣйствуетъ прежде всего на чувственность своего вѣка звуками, красками, образами,—ими-то главнымъ образомъ онъ и обворожаетъ своихъ современниковъ и потомство. Если отложить въ сторону технику, то останутся отъ произведенія только идеи и чувства, которыя критикъ оцѣниваетъ, конечно, и взвѣшиваетъ, соображая, насколько въ нихъ просвѣчиваетъ большее или меньшее сознаніе поэтомъ „*общественности* и *чувства* этой *общественности*“. Только по этой мѣркѣ критикъ оцѣниваетъ Лермонтова, но онъ приложилъ бы этотъ самый аршинъ ко всякому иному поэту, такъ какъ отъ каждаго изъ нихъ „общество можетъ потребовать на законномъ основаніи отчета въ его дѣятельности“. Г. Котляревскій ставитъ вопросъ рѣшительно и храбро на той же почвѣ, на которой вопросъ стоялъ полвѣка тому назадъ при Бѣлинскомъ. Онъ признаетъ, что вопросъ этотъ осложнился, запутался, принялъ политическій оттѣнокъ, породилъ задорные и праздные споры о чистомъ искусствѣ и о тенденціи въ искусствѣ. Еще недавно въ этомъ же смыслѣ высказывался другой литературный критикъ, г. Скабичевскій, объясняя, какъ ему противно свирѣпствующее нынѣ отчужденіе отъ общественности, которое заставляетъ людей либо сводить все къ личному самоусовершенствованію, либо замыкаться въ раковины исключительно однихъ ученыхъ или художественныхъ интересовъ. Эту ненависть писателя шестидесятыхъ годовъ ко всякимъ „Fleurs du Mal“ въ родѣ произведеній Боделэра, ко всякому эпикурейскому смакованію поэзіи ради раздраженія нервовъ, выражаетъ съ такою же, если не съ большею силою, г. Котляревскій, человѣкъ семидесятыхъ годовъ. Онъ тоже убѣжденъ, что эстетическое проявленіе человѣческаго духа находится въ тѣснѣйшей связи съ другими его проявленіями: эстетика съ этикой, красота съ добромъ. Эту мысль высказывалъ еще Платонъ; ее проводилъ Шиллеръ въ письмахъ объ эстетическомъ воспитаніи человѣчества; за нее стоялъ въ недавнее время Гюйо. У г. Котляревскаго эта мысль только первая ступень, а затѣмъ есть и болѣе опредѣленная —вторая. Онъ ставитъ задачу философски-литературной критики

такимъ образомъ: „осмыслить область художественнаго творчества съ точки зрѣнія ея гуманитарнаго и прогрессивнаго движенія". Такая постановка задачи видоизмѣняетъ ее существенно; она ее, съ одной стороны, съуживаетъ, а съ другой—безмѣрно обобщаетъ.

Прогрессъ всегда дополняется своимъ противоположнымъ—ретроградствомъ; оба образуютъ въ жизни одну неразлучную пару. Судить поэзію по тому—ускоряла ли она, или задерживала движеніе—значитъ выталкивать ее на площадь, путать ее во всѣ дрязги житейскія, дѣлать слугою страстей, возлагать на нее отвѣтственность за то, что враждующія партіи одна другую побѣждали, причемъ не всегда побѣда доставалась правой сторонѣ. Въ дѣйствительности бываетъ точно то же, что и въ художественной драмѣ: обѣ стороны оказываются въ концѣ концовъ неправыми; приходится сожалѣть объ ослѣпленіи обѣихъ и скорбѣть о жертвахъ, постигая post factum роковую неизбѣжность ихъ упадка. Самъ критикъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что писатель, воспріявъ сложившіеся въ его эпоху вкусы и стремленія, переработываетъ по-своему данный ему запасъ чувствъ и мыслей, послѣ чего онъ ихъ передаетъ своимъ современникамъ и потомству такъ, что общество продолжаетъ двигаться въ силу этого рода толчковъ. Вліяніе этихъ толчковъ должно быть прослѣжено; оно длится одинъ моментъ или нѣсколько десятилѣтій, или цѣлые вѣка и тысячелѣтія; само въ себѣ это вліяніе видоизмѣняется и становится элементомъ либо ускоряющимъ, либо тормазящимъ дальнѣйшее движеніе. Самъ г. Котляревскій признаетъ, что и нынѣ продолжающееся вліяніе поэзіи Лермонтова ослабѣваетъ—какъ только устанавливается у насъ какой-нибудь опредѣленный идеалъ и люди съ ревностью проводятъ его въ жизнь, и оно опять возрождается, когда является несоотвѣтствіе идеаловъ новымъ потребностямъ общества, вслѣдствіе чего умы принимаются за пересмотръ старыхъ вопросовъ съ новыхъ точекъ зрѣнія. Историко-литературная критика должна прежде всего разобрать, изъ какихъ стихій выработалъ поэтъ свою поэзію своеобразно, какого рода толчокъ сообщенъ имъ умамъ, какимъ отмѣченъ онъ чеканомъ на этихъ умахъ. Задача историко-литературной критики, какъ науки, исчерпывается этого рода работою, имѣющею качества точнаго опредѣленія и описанія. Всѣ затѣмъ другіе вопросы о томъ: къ добру ли, ко злу ли, или къ обоимъ клонилось это вліяніе? слѣдуетъ ли за это вліяніе хвалить поэта или осуждать?—либо входятъ въ область исторіи вообще (die Weltgeschichte ist das Weltgericht), или составляютъ прикладную часть литературной критики, весьма измѣнчивую и крайне относитель-

ную. Судите сколько угодно поэта какъ прогрессивнаго человѣка или ретрограда,—это сужденіе будетъ всегда партійное, тенденціозное; его будутъ всегда заглушать протесты сторонниковъ чистаго искусства, которые никогда не переведутся. Нѣтъ поэта безъ тенденціи; если таковая въ немъ совсѣмъ отсутствуетъ, то онъ не настоящій поэтъ, несмотря на свою прекраснѣйшую технику. Не судите его по тенденціямъ, а по его поэзіи, насколько въ ней сказалась его душа,—объ остальномъ предоставьте всякому свое сужденіе имѣть. Тенденціи перемѣнчивы: прогрессивное сегодня можетъ оказаться ретроградньмъ завтра—и наоборотъ. Всякая органическая жизнь продолжается только на счетъ того, что она для своего поддержанія безповоротно уничтожаетъ и съѣдаетъ. Излюбленными для поэзіи предметами бывали всегда эти жертвы, съѣдаемыя цивилизаціею; съ всемірно-исторической точки зрѣнія онѣ бывали существами ретроградиѣйшаго направленія. Таковы основанія, по которымъ я полагалъ бы возможнымъ признать г. Котляревскаго, какъ соціолога, превысившимъ свою власть или по крайней мѣрѣ вышедшимъ, въ качествѣ литературнаго критика, каковымъ онъ себя признаетъ, за предѣлы своей компетенціи.

II.

Я уже замѣтилъ, что, оцѣнивая поэзію Лермонтова соціологически, критикъ, съ одной стороны, съузилъ, съ другой—непомѣрно расширилъ свою задачу. Повидимому, въ теоріи г. Котляревскаго происходитъ нѣкоторымъ образомъ игра понятіемъ *общественности*. Прежде всего общественность есть конкретное понятіе, обозначающее отношеніе недѣлимаго лица, какъ живой клѣточки, къ цѣльному объединенному составу изъ такихъ клѣточекъ: національности, государству, религіозному вѣроученію, философской школѣ, по какой бы идеѣ ни возникло это цѣлое. Чувство единства клѣточки и организма, ради котораго она живетъ и которымъ она поглощена, есть могучій стимулъ и родникъ поэзіи, неистощимый ея источникъ. Есть всякіе народные поэты, которые, хотя и не имѣли высшаго образованія, чрезвычайно любимы, но только одними своими земляками, и почти непереводимы на другіе языки (Бёрнсъ, Шевченко, отчасти Кондратовичъ). У нѣкоторыхъ поэтовъ политическая окраска весьма сильна, потому что ихъ національный или государственный патріотизмъ составляетъ преобладающій мотивъ ихъ вдохновенія (въ Венгріи Петёфи, въ Италіи Альфіери, нынѣ Кардуччи). Этого рода поэзія

хотя и не отрицается совсѣмъ г. Котляревскимъ, но она, такъ сказать, поэзія низшаго сорта и разряда, свойственная людямъ, еще не отрѣшившимся отъ предразсудковъ соціальныхъ, національныхъ, религіозныхъ и эстетическихъ „во имя великой идеи равноправности всѣхъ людей въ пользованіи благами цивилизаціи". Общественность, какъ ее понимаетъ критикъ, есть не идейная связь клѣточки съ своимъ конкретнымъ цѣлымъ, а чувство любви, расширенное поверхъ всѣхъ конкретныхъ коллективизмовъ на весь родъ человѣческій и—что̀ самое главное—распространенное „безкорыстно во имя врожденной всѣмъ людямъ симпатіи къ ближнему, а не ради требованій какой-нибудь философской, національной или иной догматической программы". Мы узнаемъ притомъ, что это чувство человѣчности, которое мы считали заслугою, завѣтомъ и мозгомъ костей христіанства, водворилось сравнительно недавно, что общественный вопросъ есть „вѣковая заслуга" только XIX вѣка. Зачатки этого вопроса, правда, восходятъ ко временамъ реформаціи и гуманизма, но свою формулировку онъ получилъ только въ XVIII столѣтіи, въ трудахъ просвѣтительной литературы Франціи, Германіи и Англіи. Весь XIX вѣкъ, „кромѣ послѣднихъ десятилѣтій", представляетъ якобы рядъ побѣдъ, одержанныхъ чувствомъ общественности надъ людскими умами и поведеніемъ. Во имя общей гуманной любви поэзія низведена была на землю, люди стали интересоваться современнымъ и сдѣлали искусство художественнымъ отраженіемъ дѣйствительности. Всѣ вопросы: національный, религіозный, философскій, нравственный—сошлись будто бы въ XIX вѣкѣ въ одномъ единственномъ вопросѣ—*общественномъ*.

Хотѣлось бы вѣрить въ то высокое значеніе, которое приписывается XIX вѣку, но не вѣрится. Выкинемъ изъ него послѣдній, недожитый еще нами, десятокъ лѣтъ, занятый грозными вооруженіями на случай всеобщей войны. Два предъидущіе десятка лѣтъ посвящены были политикѣ „крови и желѣза"; полтора десятка въ началѣ вѣка прошли въ убійственныхъ наполеоновскихъ войнахъ, а слѣдующіе затѣмъ полтора употреблены на давящую духъ реакцію съ попытками вернуться въ средневѣковую старину. На красивую идиллію г. Котляревскаго выпадутъ три или четыре десятка лѣтъ послѣ 1830 г., то-есть періодъ такъ-называемаго либеральнаго режима съ революціоннымъ антрактомъ 1848 г. Ни одинъ вѣкъ не проливалъ столь много человѣческой крови въ самыхъ безпощаднѣйшихъ войнахъ, расовыхъ и національныхъ, и не имѣлъ такого багроваго и зловѣщаго заката. Подъ конецъ его передовые умы проповѣдовали не гуманизмъ—они были сторо-

никами права сильнѣйшаго, послѣдователями въ политикѣ Дарвиновской теоріи борьбы за существованіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе XIX вѣка особенно развилась и имѣла успѣхъ новая весьма полезная наука *соціологія*, выработавшая свой методъ и объясняющая законы роста и умиранія государствъ и народовъ, ихъ гигіену и патологію и неизбѣжную взаимную зависимость лица и общества,—ихъ, такъ сказать, полярность, вслѣдствіе которой я, какъ единица, и я, какъ гражданинъ, являемся полюсами одной и той же оси, вокругъ которой вращаются міровыя событія. Эта соціологія обязана своими успѣхами практическимъ вопросамъ XIX вѣка: рабочему, аграрному, тому крупному движенію, которое пугало людей, какъ нѣчто ненормальное и незаконное подъ именемъ *соціализма*, пока не потеряло свой острый характеръ, когда само вошло въ задачи политики и сдѣлалось государственнымъ соціализмомъ, подлежащимъ удовлетворенію законодательнымъ порядкомъ. Въ глубочайшей основѣ соціалистическаго движенія, на днѣ его, кроется, несомнѣнно, чувство почти тождественное и съ гуманизмомъ, и съ чистѣйшими основами христіанства—съ его если не догмою, то практикою. Чѣмъ болѣе крови и насилій отъ злоупотребленій государственностью и національнымъ, тѣмъ больше становятся стремленія къ иному, еще небывалому единенію людей безъ тѣсныхъ предѣловъ отечественныхъ,—единенію всенаціональному, всегосударственному, съ охраною для слабыхъ, съ равноправностью для всѣхъ, а главное, безъ войны, безъ ея ужасовъ и жертвъ. Эти смутныя надежды относятся нами въ будущіе вѣка; онѣ и станутъ источниками вдохновенія, но не теперь, а въ свое время, когда искусство, всегда запаздывающее въ дѣйствительности и апотеозирующее совершившіяся событія заднимъ числомъ, приступитъ къ изображенію движенія послѣ его пробѣга. Нельзя писать исторію литературы за прошедшее время по этимъ этическимъ аспираціямъ къ отдаленному будущему. Въ исторіи литературы гуманизмъ имѣлъ свое весьма опредѣленное значеніе; онъ не былъ изобрѣтенъ XIX вѣкомъ. Если искать, кому изъ геніевъ поэзіи подобаетъ въ наивысшей степени званіе гуманиста, то таковымъ окажется несомнѣнно Шекспиръ, „величайшій создатель человѣческихъ душъ“, какъ его назвалъ французскій критикъ Тэнъ, а затѣмъ по росту къ Шекспиру въ XIX вѣкѣ подходитъ только одинъ человѣкъ — Гёте— „великій язычникъ“. Геніальный поэтъ не можетъ не быть гуманистомъ; онъ долженъ имѣть образованный умъ, привыкшій витать на однѣхъ вершинахъ человѣчества, пребывая на которыхъ уже не усматриваешь мелкихъ различій національныхъ, сектант-

скихъ и школьныхъ, а созерцаешь только человѣка вообще въ чистѣйшемъ его существѣ. Поэтическій геній долженъ имѣть также и сочувствующее всему происходящему въ мірѣ сердце, долженъ имѣть избытокъ жизни, бьющей ключемъ, переливающейся чрезъ край на родъ человѣческій и даже больше—на всю природу, на всѣ даже безсловесныя существа, способныя страдать, а слѣдовательно, имѣющія и душу. Называйте какъ хотите это качество симпатизированія, присущее поэтическому генію,—*анимизмомъ*, *виталисмомъ* или иначе, но оно-то одно и вноситъ поэзію въ дѣйствительную жизнь, въ настоящее, въ прошедшее и въ природу. Итакъ, опредѣленіе г. Котляревскимъ общественности, какъ мѣрила достоинства поэтическихъ произведеній, подлежитъ весьма многимъ ограниченіямъ и оговоркамъ.

III.

Кромѣ того, сужденія г. Котляревскаго въ его книгѣ страдаютъ еще тѣмъ, что его теорія прилагается имъ къ писателю, наименѣе подходящему къ типу гуманиста. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ былъ всю свою жизнь нелюдимъ,—это человѣкъ гордый, неуживчивый, вызывающій, колкій, задорный, который, повидимому, и не привязывался ни къ кому особенно крѣпко, даже къ женщинамъ. Нѣтъ счета тѣмъ, въ которыхъ онъ влюблялся „всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ“, но ни одной не прикрѣпилъ онъ къ себѣ на продолжительное время, такъ что его собственная особа въ жизнеописаніи его окружена большимъ сонмомъ однѣхъ только блѣдныхъ и безличныхъ тѣней. Г. Котляревскій соглашается съ тѣмъ, что можно удивляться Лермонтову, но любить его невозможно. Такое впечатлѣніе произвелъ онъ сразу и на Боденштедта при первомъ свиданіи („въ этотъ вечеръ у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ, весь разговоръ звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто бы кто-нибудь скребъ по стеклу“); такое же произвелъ онъ и на И. С. Тургенева („въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной, недоброй силой, задумчивой презрительностью вѣяло отъ его смуглаго лица. Вся его фигура возбуждала ощущеніе непріятное, но присущую мощь тотчасъ же сознавалъ всякій“).

Этотъ гордецъ, назойливый насмѣшникъ и глубокій эгоистъ былъ въ то же время великій и геніальный художникъ. Г. Котляревскій не довольствуется простымъ признаніемъ этого величія и этой геніальности, потому что самъ онъ отвергъ эстетическій

масштабъ, и орудуетъ только этическимъ, и потому что берется онъ исправлять функцію не описательную, а судейскую. Ему нужно во что бы ни стало ввести своего Фауста въ рай, уготованный для однихъ добрыхъ и любящихъ. На нашихъ глазахъ происходитъ превращеніе мизантропа въ гуманиста и совершается оно слѣдующимъ образомъ и порядкомъ.

Никогда дѣйствительность не удовлетворитъ всѣхъ пожеланій человѣка единичнаго или коллективнаго. Недовольство жизнью можетъ сопровождаться либо яснымъ сознаніемъ лучшаго, которое недовольный старается тотчасъ же воплотить и осуществить, или глухимъ озлобленіемъ противъ существующаго, безъ какихъ бы то ни было опредѣленныхъ идеаловъ,—иными словами, *пессимизмомъ*, свирѣпствующимъ всегда въ переходныя эпохи, когда прежніе идеалы расшатаны, а новые не высказались, и господствуетъ мучительная общественная *вялость*. Есть порывы неизвѣстно къ какому дѣлу, сопровождаемые чувствомъ безсилія что-нибудь сдѣлать—за невозможностью разрѣшить въ умѣ неотвязные вопросы жизни и бытія. Лермонтову пришлось на долю переживать одну изъ такихъ переходныхъ эпохъ. Онъ тѣмъ разнится отъ другихъ поэтовъ, что ихъ безпокойные, мятежные порывы кончались тѣмъ, что такъ или иначе они пріютились въ какихъ-нибудь отысканныхъ ими спокойныхъ пристаняхъ; между тѣмъ какъ Лермонтовъ вѣчно ходилъ вокругъ и около этихъ вопросовъ, не находилъ ключа для выхода изъ своей желѣзной клѣтки, тысячу разъ ломалъ, но безуспѣшно, ея стѣнки, томимый неутолимою жаждою истины, но не обрѣтая никакихъ рѣшающихъ убѣжденій. Онъ такъ и умеръ въ тревогѣ, потугахъ и мукахъ. Самъ критикъ замѣчаетъ, что единственный выходъ изъ душевнаго разлада возможенъ лишь, когда страдающему придетъ въ помощь то „сознаніе общественности, которое одно можетъ умиротворить душу и скучающаго имъ озлобленнаго мечтателя обратить въ живого члена одной семьи“—всечеловѣчества; а такъ какъ Лермонтовъ умеръ въ разладѣ, разочарованіи и душевныхъ мукахъ, то, повидимому, подлежало бы придти къ заключенію, что у Лермонтова отсутствовали сознаніе и чувство общественности; что хотя онъ мучился, но едва ли кого-либо, кромѣ себя, любилъ, какъ то и продокументировалъ онъ въ „Маскарадѣ“, „Героѣ нашего времени“ и множествѣ другихъ произведеній,—однимъ словомъ, Лермонтовъ не былъ собственно ни гуманнымъ человѣкомъ, ни гуманистомъ. Но у г. Котляревскаго дѣлается выводъ совсѣмъ обратный, напоминающій собою классическую шутливую этимологію: lucus —a non lucendo. Лермонтовъ, по мнѣнію г. Котляревскаго,

страдалъ отъ *безпринципности* своего пессимизма. „Да, это правда, —разсуждаетъ авторъ,—но Лермонтовъ не могъ однако остановиться на этомъ скептицизмѣ; его постоянное возвращеніе къ тѣмъ же вопросамъ жизни доказываетъ, что онъ вѣрилъ по крайней мѣрѣ въ необходимость найти исходъ изъ этихъ противорѣчій". Эту муку отъ невозможности разрѣшить сфинксовую загадку авторъ отождествляетъ съ совѣстливостью души, съ грознымъ голосомъ недремлющей совѣсти, осуждающей его за бездѣйствіе; эта же совѣсть, въ концѣ концовъ, оказывается у г. Котляревскаго ничѣмъ другимъ, какъ любовью къ людямъ и чувствомъ справедливости. Лермонтовъ потому мучился, что былъ безпощадно строгъ къ себѣ, вслѣдствіе того, что никакъ не могъ найти подходящаго положенія, въ какое онъ могъ бы стать къ людямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что у Лермонтова была несомнѣнно любовь къ людямъ, но инстинктивная и, такъ сказать, скрытная, не успѣвшая выказаться наружу по невозможности оформить ее и философски обосновать. Будучи образцомъ совѣстливаго и строгаго надзора человѣка надъ самимъ собою, Лермонтовъ только по любви къ людямъ такъ безпощадно казнилъ свое собственное сердце. На страницѣ 260-й книги г. Котляревскаго мы встрѣчаемся съ такими синонимами: чувство гуманной любви къ ближнему, альтруизмъ, проснувшійся и требовательный голосъ совѣсти, чувство справедливости, жертвующее счастіемъ своей жизни для блага другихъ, и т. д.

Намъ кажется, что въ совокупности этихъ выдержекъ, которыхъ мы могли бы привести гораздо бо̀льшее число, пестрѣютъ противорѣчія и видимо перепутываются и смѣшиваются понятія. Умственное страданіе отъ неразрѣшенія загадки, отъ которой зависѣли выработка идеала, опредѣленіе по этому идеалу своихъ отношеній къ людямъ и направленіе въ надлежащую сторону своей воли—отождествляется съ совѣстью, то-есть съ неодобреніемъ своихъ дѣйствій за несоотвѣтствіе ихъ носимому уже въ душѣ идеалу. По выраженію г. Котляревскаго, вражда съ жизнью, а слѣдовательно и недовольство—были у Лермонтова, безпринципныя, слѣдовательно, не дающія матеріала для суда и осужденія. Онъ былъ необычайно тонкій и острый самонаблюдатель описывающій и разбирающій психологическія явленія вѣрно и точно; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ образцомъ строгаго самонадзора, самонаблюдателемъ и самосудьею. Здѣсь опять смѣшаны двѣ мѣрки: умозрительная и этическая. Скрытная любовь къ людямъ, не проявляющаяся до разрѣшенія умственной, жизненной загадки, никогда не наступившаго, есть бездоказательное пред-

положеніе, какъ совершенно произвольно и другое—что еслибы Лермонтовъ дольше пожилъ, то онъ бы разрѣшилъ загадку, доработался бы до ясныхъ идеаловъ, преисполнился бы любви къ людямъ, его поэзія не осталась бы недосказанною рѣчью, недопѣтою пѣснью, неразрѣшеннымъ душевнымъ диссонансомъ.

IV.

Чтобы совсѣмъ покончить съ теоріею, по которой г. Котляревскій судитъ и оцѣниваетъ Лермонтова, я долженъ сдѣлать еще одну оговорку, относящуюся не къ содержанію, а къ способу формулировки авторомъ великой задачи:—какъ жить? Жизнь, по словамъ автора, требуетъ отъ человѣка примиренія съ ея обманами и несовершенствами. Самый прочный и обыкновенный способъ примиренія есть пассивное состояніе духа, ни о чемъ не думающаго, ничѣмъ не тревожащагося,—жизнь, какою живутъ животныя, жизнь безъ развитого чувства общественности, совсѣмъ безплодная для прогресса человѣчества. Такое примиреніе недостойно идеальнаго человѣка, какимъ онъ долженъ быть. Есть другого рода примиреніе, болѣе плодотворное, которое подраздѣляется на два вида, смотря по темпераментамъ человѣка—умозрительному или практическому, свойственнымъ либо спокойному мудрецу, либо ретивому бойцу. На первомъ видѣ я долго останавливался въ первомъ моемъ этюдѣ о Лермонтовѣ [1]) и теперь позволю себѣ заимствовать изъ него слѣдующія слова: созерцаніе міровой громады въ ея красѣ и порядкѣ доставляетъ такое великое наслажденіе мыслителю, что онъ отучается искать смысла жизни съ личной точки зрѣнія, и прежде всего и больше всего его интересуетъ сама вселенная. Сама по себѣ эта философія, если она только ограничивается тѣмъ, что тревожившійся мудрецъ успокоится и опочіетъ, можетъ быть столь же безплодна для прогресса человѣчества, какъ и пассивное примиреніе съ жизнью. Она можетъ быть равносильна въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріему морфія, успокаивающему всѣ боли, отнимающему всю волю жить и заставляющему человѣка мысленно смаковать съ наслажденіемъ нирвану. Вспомнимъ, въ какой художественной чашѣ подносится подобный напитокъ Леконтъ-де-Лилемъ.—Г. Котляревскій подмѣтилъ эту опасность философіи; онъ выражается осторожно, говоря, что въ большей части случаевъ философія вселяетъ бодрость, такъ

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1888, мартъ, 50 стр., апр., 500 стр.

какъ обыкновенно въ окончательномъ выводѣ она бываетъ оптимистична, но иногда она можетъ вести и къ квіетизму, то-есть къ оправдыванію дѣйствительности и наименѣе желательныхъ ея сторонъ. Итакъ, изъ двухъ способовъ достойнаго рѣшенія задачи: какъ жить,—я полагаю, что г. Котляревскій—настоящій и безусловный сторонникъ только второго, то-есть способа активной борьбы съ міромъ; первый способъ онъ одобряетъ только при условіи, что въ него войдетъ и порядочная доза перваго, а именно, что мудрецъ не сдѣлался при всей своей философіи отшельникомъ, сладострастно и эгоистически погружающимся мысленно въ прелести небытія. Но и второй способъ немыслимъ, въ сущности, безъ сильной примѣси перваго. Г. Котляревскій говоритъ, опредѣляя этотъ второй способъ, что человѣкъ, не довольствуясь примиреніемъ въ идеалѣ, хочетъ видѣть хотя бы намеки на него въ настоящемъ и ставитъ себѣ въ обязанность активно содѣйствовать его осуществленію. Онъ подвергаетъ себя ежедневно мелкимъ ударамъ; его жизнь—борьба; она пріучаетъ его не ставить современности слишкомъ большихъ требованій, не допускаетъ его однако и до крайняго унынія и озлобленія, но заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться и отъ весьма многихъ иллюзій. Какъ чистому мудрецу грозитъ опасность квіетизма, такъ борцу грозитъ противоположная опасность пессимизма, съ тою подчеркиваемою авторомъ разницею между обоими, что кто погрузился въ квіетизмъ, тотъ, можно сказать, конченный человѣкъ, между тѣмъ какъ идеализму борца предстоитъ реакція, которая только „на время можетъ его сдѣлать даже пессимистомъ“. И съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Есть цѣльныя пессимистическія міросозерцанія (Шопенгауэръ, Эдуардъ Гартманъ), которыя окончательно ведутъ къ тому же результату, къ которому приводитъ и квіетизмъ—къ безволію, такъ что вполнѣ оправдывается французская пословица: les extrêmes se touchent (можно бы еще прибавить: ils se valent). Въ г. Котляревскомъ есть особаго рода глубокое и нѣжное предрасположеніе къ пессимизму. Лермонтова онъ цѣнитъ за его „безпокойную, безсмертную душу—главный рычагъ человѣческой дѣятельности, первое побужденіе къ движенію впередъ“, причемъ онъ увѣренъ, что въ умномъ человѣкѣ неопредѣленное и мучительное настроеніе духа „предшествуетъ *всегда* примиренію съ жизнью“. Это *всегда* несогласно съ истиною, потому что человѣкъ можетъ застыть неподвижно въ озлобленіи противъ своего бытія и его условій. Независимо отъ того, само примиреніе можетъ имѣть весьма двусмысленное значеніе. Если оно пассивное, то по выводу самого автора оно не-

какой пользы не приноситъ. Слѣдовательно, не въ примиреніи дѣло, а еще въ чемъ-то другомъ сверхъ примиренія, что̀ его возноситъ, освящаетъ и ставитъ ореолъ надъ головами людей, извѣстнымъ, надлежащимъ образомъ примирившихся съ жизнью. Постараемся указать, въ чемъ заключается суть этого надлежащаго, хорошаго и достойнаго примиренія съ жизнью.

V.

Говоря простымъ языкомъ, человѣкъ по природѣ своей ищетъ не примиренія съ жизнью, а того, что̀ условлено называть счастіемъ, иными словами—возможнаго удовлетворенія своихъ пожеланій. Всякому извѣстно, что эти желанія бываютъ безграничны, и что страсти человѣка часто необузданны. Бываютъ люди—и ихъ особенно много въ некультурныхъ обществахъ,—которые, не ссорясь съ жизнью, слѣдуютъ только своему нраву и дѣйствуютъ какъ рабы своихъ пожеланій и страстей. Культура, подвергая людей продолжительной дрессировкѣ, пріучаетъ ихъ обуздывать себя и сдерживать, подчиняться многому непріятному, злословя и проклиная эти тяжелыя условія жизни. Вмѣсто порывовъ похоти, въ культурномъ обществѣ главнымъ руководителемъ является разсудочный разсчетъ. Большинство тяжелыхъ условій жизни, между которыми мечется разбивающаяся о нихъ человѣческая личность, имѣетъ свойство непреложныхъ, неодолимыхъ и роковыхъ законовъ природы, и только мéньшая ихъ часть, зависящая отъ общественнаго склада и устройства и отъ морали, можетъ быть облегчена и видоизмѣнена къ лучшему неимовѣрными общими усиліями членовъ даннаго общества. Между наиболѣе удручающими видами горя первое мѣсто занимаетъ страшная и неотвязчивая мысль о старости и смерти.

Исповѣдь графа Льва Толстого передаетъ извѣстное сказаніе объ индійскомъ царевичѣ, который сдѣлался потомъ Буддою, и о томъ, какъ онъ, увидавъ дряхлаго человѣка, а потомъ больного, наконецъ мертваго, рѣшилъ, что жизнь есть величайшее зло, и что отъ нея надобно освобождать себя и другихъ такъ, чтобы и по смерти она не возобновлялась. Гр. Льва Толстого едва не довела до самоубійства мысль о томъ: „есть ли смыслъ въ моей жизни, который бы не былъ уничтоженъ неизбѣжной предстоящей мнѣ смертью?“ Лермонтовъ, еще будучи 18-лѣтнимъ юношей, писалъ къ кузинѣ въ 1832 г.: Dieu sait si après la vie le moi existera. C'est terrible quand on pense qu'il peut arriver un jour où je ne

pourrai pas dire: moi! A cette idée l'univers n'est qu'un monceau de boue [1]). Всѣхъ людей рефлектирующихъ, то-есть живущихъ не въ одной только внѣшности, смущалъ этотъ вопросъ, отравляя имъ существованіе; но для громаднаго большинства онъ былъ мучителенъ только въ извѣстномъ возрастѣ, въ извѣстную эпоху, послѣ чего человѣкъ свыкался съ неизбѣжнымъ и *покорялся* ему; найдя какую-нибудь уютную пристань либо въ меланхолическомъ сентиментализмѣ, либо въ религіи съ ея представленіями о бытіи загробномъ, либо въ поглощающей всѣ другія помышленія погонѣ за такою славою, которая бы весь міръ повергла къ стопамъ честолюбца (Лермонтовъ въ томъ же письмѣ: „cette drôle de passion de laisser toujours des traces de mon passage"). Всѣ эти виды —не примиренія, а покорности, какъ чисто личные отвѣты на таковые же личные вопросы, безплодны для человѣчества, по словамъ г. Котляревскаго, и съ его точки зрѣнія должны быть снесены со счетовъ. Отвѣтъ,—которому, какъ общечеловѣчески полезному, придаетъ критикъ значеніе,—обусловливается мысленнымъ переходомъ на безличную точку зрѣнія, чувствомъ общественности, любовью къ людямъ, конкретными или отвлеченными, къ человѣческимъ коллективизмамъ, какъ бы они ни назывались—любовью къ своему народу, любовью ко всечеловѣчеству. Слово *примиреніе* для обозначенія этого перехода чрезъ Рубиконъ своего личнаго единичнаго существованія—неподходящее, недостаточное; оно обозначаетъ одну только логическую сторону событія; но есть еще и другая сторона—эмоціональная. Недостаточно того, что называется resignatio, то-есть отказа отъ личнаго счастія, сопровождаемаго мысленнымъ смиреніемъ передъ неизбѣжнымъ рокомъ; необходимо еще воспріять эту жизнь радостно и охотно, возлюбить ее со всѣми ея страданіями и даже, ради этихъ страданій, окончательно побѣдить тѣмъ страданія и смерть, идя съ наслажденіемъ на подвигъ, на эти муки, на эту смерть. Есть нѣсколько великолѣпныхъ страницъ у *Поля Буржэ* (Sensations d'Italie, 1891, p. 142) по поводу жизнерадостнѣйшаго изъ такихъ добровольныхъ страдальцевъ, человѣколюбца и природолюбца, причисленнаго римскимъ католицизмомъ къ лику святыхъ, Франциска Ассизскаго. „Независимо отъ всѣхъ чудесъ своего житія,—говоритъ Буржэ,—ассизскій святой ознаменовался тѣмъ, что онъ проявилъ въ наивысшей степени два начала, составляющія душу всякаго религіознаго чувства: акцептованіе жизни и отреченіе отъ

[1]) Богъ вѣсть, будетъ ли *я* существовать послѣ жизни? Ужасно подумать, что можетъ наступить день, когда нельзя будетъ сказать: *я*! При этой мысли вселенная превращается въ комъ грязи.

ея благъ. Акцептовать значитъ возлюбить неизбѣжное, питать чувство, а не одно простое понятіе того, что этотъ мрачный міръ имѣетъ таинственное и благотворное значеніе. Ухищряйтесь сколько вамъ угодно въ доказываніи, что настоящее назначеніе человѣка есть хладнокровная его покорность слѣпой и глухой природѣ (какъ то дѣлалъ Тургеневъ въ своихъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ"), осмѣивайте сколько вамъ угодно съ грубымъ или тонкимъ юморомъ притязанія нашей бѣдной особы по отношенію къ необъятному космосу—такое настроеніе одно лишь позированіе. Откровенно говоря, душа протестуетъ въ насъ противъ этого высокомѣрнаго и искусственнаго напряженія нашей воли. Въ глубинахъ нашего чувства существуетъ неискоренимая потребность того, чтобы міръ удовлетворилъ наше сердце, такъ какъ само это сердце отъ сего же міра. Люди безусловно невиновные и чистые, подобные омбрійскому бѣдняжкѣ (Poverello), вѣрившіе въ эту благотворность міра столь естественно, какъ жили и дышали они, то-есть всѣмъ нутромъ своего нутра, являются намъ въ качествѣ непреодолимаго протеста противъ давящаго насъ нигилизма. Насъ не занимаютъ ни вѣроученія этихъ вѣрныхъ, ни ихъ предразсудки. Насъ интересуетъ только ихъ *я*, подобное нашему въ своихъ задушевнѣйшихъ стремленіяхъ, обладавшее тѣмъ, чего мы наиболѣе желаемъ. Это ихъ *я*, героическое и горячее, согрѣваетъ насъ, дѣйствуя на насъ изъ той непроходимой бездны, въ которую оно ушло". Люди съ такимъ преизбыткомъ дѣятельной любви, проникающіеся этою любовью и увлекающіе другихъ, для которыхъ они служатъ неистощимымъ источникомъ блаженства, весьма исключительны и рѣдки. Не всѣ великіе поэты способны быть такими апостолами и героями добра, чѣмъ однако нисколько не умаляется ихъ художественная геніальность. Недостатокъ чувства не можетъ даже быть поставленъ имъ въ вину, такъ какъ онъ не зависитъ иногда отъ ихъ воли; за этотъ недостатокъ они не могутъ быть даже и судимы, какъ художники. Родился человѣкъ эгоистомъ—онъ такъ и созданъ, что чувствомъ и любовью онъ не переступаетъ никогда за рамки своего собственнаго *я*. Своимъ проницательнымъ умомъ онъ постигъ, что любить людей слѣдуетъ; онъ и будетъ исполнять этотъ признанный имъ долгъ совѣстливо, будетъ дѣйствовать, какъ бы дѣйствовалъ любящій, а все-таки это будетъ любовь не настоящая, не сердечная, а разсудочная, головная, сопровождаемая мучительнымъ сознаніемъ, что во всѣхъ этихъ по внѣшности добрыхъ дѣлахъ и даже въ самыхъ мукахъ на крестѣ настоящій дѣятель —только личное самолюбіе, усовершенствованное и утонченное.

Самолюбецъ будетъ всегда томиться омерзеніемъ къ этому самолюбію и другимъ чувствамъ вѣчнаго одиночества [1]). Положимъ, что поэтъ выразилъ ярко и мощно эту муку одиночества въ своемъ произведеніи; оно стало любопытнымъ документомъ извѣстнаго мгновенія въ исторіи, закрѣпленнымъ впервые чувствомъ извѣстнаго настроенія больной души, страдающей болѣзнью, свирѣпствовавшею въ этомъ вѣкѣ, а можетъ быть и въ другихъ ближайшихъ поколѣніяхъ. Еслибы это чувство было преходящее, еслибы оно не коренилось въ самой организаціи души поэта, то оно не было бы ни столь острое, ни столь глубокое. Въ моемъ опредѣленіи этого чувства я настаиваю въ особенности на признакѣ, впервые сказавшемся, впервые закрѣпленномъ. Г. Котляревскій налегаетъ особенно на то, что родникомъ поэзіи можетъ быть одна только современность, и что генія поэта очень рѣдко хватаетъ на два поколѣнія сряду—современное ему и грядущее. Характеристикою всякаго геніальнаго произведенія служитъ въ самомъ дѣлѣ то, что оно самобытно, то-есть что оно не съ чужого голоса высказываетъ то, что смутно чувствовали современники, и даже забѣгаетъ впередъ и изображаетъ мысли и чувства, которыя проявятся у отдаленныхъ потомковъ. Когда нынѣ разбираются съ точки зрѣнія современности или, какъ французы говорятъ, со стороны ихъ modernité, произведенія Петрарки, Шэлли или Стендаля-Бэйля, то подъ этимъ словомъ понимается не то, что они отрицали свой вѣкъ, но что они предвосхитили идеи и чувства наши, идеи и чувства отдаленнаго своего потомства.

Этимъ мы заканчиваемъ наши возраженія противъ теоретической части книги г. Котляревскаго, ставя которыя, мы должны были сражаться съ нѣсколько рискованными, а иногда и односторонними его взглядами. Намъ предстоитъ теперь работа гораздо болѣе благодарная—фактическое опредѣленіе по его книгѣ личности, достоинства и развитія творчества у Лермонтова. Изъ всѣхъ этюдовъ о Лермонтовѣ его работа—трудъ самый глубокій и солидный. Результаты изысканій и соображеній г. Котляревскаго сводятся въ главныхъ чертахъ къ нижеслѣдующему.

---

[1]) Никогда нельзя слиться съ чужою душою, ибо крѣпче, чѣмъ узникъ къ своей тачкѣ, каждый изъ насъ прикованъ къ своему самолюбію и чужое бытіе остается для насъ далекимъ и неяснымъ, какъ тотъ клочокъ земли, какъ тотъ клочокъ неба, которые узникъ видитъ сквозь тусклое стекло своего каземата (Минскій, „При свѣтѣ совѣсти.“ 1891, стр. 26).

VI.

Скороспѣлка, парниковое растеніе, не имѣвшій молодости художникъ, уже вполнѣ созрѣвшій, когда ему было 15 лѣтъ, и мало измѣнившійся затѣмъ до своей кончины, постигшей его, когда ему было 27 лѣтъ,—Лермонтовъ не былъ никогда ни гонимъ, ни преслѣдуемъ, ни оскорбляемъ, и отъ пеленокъ всѣ его баловали. Главная причина его скорбнаго и мрачнаго настроенія—сама природа: онъ уже отродясь былъ меланхоликъ и фантазёръ. Онъ всегда предпочиталъ грустные мотивы веселымъ. Во время своего замкнутаго отрочества онъ воспринималъ изъ книгъ все печальное и кровавое и только такими книгами зачитывался, такъ что, вступая въ дѣйствительную жизнь, онъ отнесся къ ней не съ довѣрчивостью, а уже съ извѣстнымъ скептицизмомъ, предвосхищавшимъ безотрадныя стороны жизни,

Притомъ у него была фантазія необузданная и кипучая. Его энергическая натура, ощущая въ жизни тѣсноту, вознаграждала себя мечтаніями. Эти мечтанія находили себѣ обильную пищу въ книгахъ у поэтовъ, родственныхъ съ нимъ по духу, чувства которыхъ онъ жадно ассимилировалъ. Самую обильную для себя пищу онъ нашелъ у Байрона. Къ этимъ двумъ кореннымъ чертамъ темперамента: расположенію къ печальному и кипучему фантазированію, т. е. сочетанію изъ испытаннаго или вычитаннаго образовъ во сто разъ ярче и краше дѣйствительности,—присоединился еще третій даръ природы, самый характерный и по отношенію къ Лермонтову можно сказать *роковой*, заключавшійся въ безпримѣрно остромъ аналитическомъ умѣ, какъ бы анатомическимъ ножемъ разсѣкающемъ всѣ мечты воображенія одновременно съ тѣмъ, какъ они возникали и появлялись. Представимъ себѣ существо впечатлительное и нервное, въ которомъ внѣшнія впечатлѣнія претворяются тотчасъ въ красивые образы. Оно цѣнитъ только эти образы, а не дѣйствительность; между тѣмъ оно отлично знаетъ, что эти образы только мечта и обманъ. Для этого существа главная его способность, составляющая и его геніальность, становится вмѣстѣ съ тѣмъ его отравою. Такова была психологія этого страннаго ребенка, которую онъ самъ изобразилъ въ полуисповѣди, полу-автобіографіи, въ стихотвореніи, озаглавленномъ: „31-го іюля 1831“, изъ котораго мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ для подтвержденія нашей характеристики.

„Моя душа *чудеснаго* искала... Я любилъ всѣ *обольщенія* свѣта, но *не свѣтъ*, въ которомъ я минутами лишь жилъ. И тѣ

минуты были мукъ полны. И населялъ таинственные сны я этими мгновеньями... Всѣ образы не походили на существъ земныхъ, все было адъ иль небо въ нихъ"... Сопоставимъ съ этими отрывками извѣстную „Чашу жизни", кончающуюся стихомъ: „И что она *не наша*", допускающимъ двойное толкованіе, смотря по тому, отнесемъ ли мы мѣстоименіе *наша* къ существительному *мечта* въ предпослѣднемъ стихѣ („Что въ ней напитокъ былъ мечта") или къ существительному *чаша* въ двухъ предъидущихъ стихахъ („Тогда мы видимъ, что пуста была златая чаша"). Если мы отнесемъ слово *не наша* къ мечтѣ, то цѣлое получитъ смыслъ вполнѣ пантеистическій, отрицающій личность и ея бытіе. Но Лермонтовъ никогда не былъ пантеистомъ, онъ—субъективнѣйшій изъ поэтовъ; значитъ, слово „не наша" относится къ чашѣ, и все стихотвореніе имѣетъ слѣдующій смыслъ: мы пьемъ изъ чаши бытія, смачивая края ея слезами; передъ смертью убѣждаемся, что чаша была пуста и не наша, и что самъ напитокъ въ ней была только наша же мечта. Это сознаніе пустоты желаемаго, но несбыточнаго, обрѣзываетъ сразу крылья у души, для которой „жизнь скучна, когда боренья нѣтъ", которой нужно дѣйствовать, которая не знаетъ, что значитъ отдыхать, потому что „всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь въ моемъ умѣ", и „жажда быть сильнѣй страданій роковыхъ".—Душа чувствуетъ „пылъ страстей возвышенныхъ". Я въ этотъ мигъ „готовъ пожертвовать собой, чтобъ хоть тѣнь ихъ перелить въ чужую грудь". „Хочу любить, и небо я молю о новыхъ мукахъ... и отъучить меня не могъ обманъ—Пустое сердце ныло безъ страстей". — Но и въ эти минуты поэту неотступно присуща мысль, что любимое имъ—мечта, что реаленъ только онъ самъ—мечтающій, что онъ любитъ только себя и только ради себя. Г. Котляревскій прекрасно объяснилъ то чувство одиночества и отчужденности, которое преслѣдовало Лермонтова всю жизнь по самой природѣ его, безъ всякихъ иныхъ достаточныхъ причинъ, но которое слагалось изъ бездоказательной увѣренности въ своемъ великомъ призваніи къ неизвѣстнымъ какимъ-то геройскимъ подвигамъ, и изъ таковой же увѣренности въ своемъ безсиліи совладать съ задачею, рѣшить которую онъ призванъ. Вслѣдствіе полнаго отсутствія опредѣленной цѣли въ жизни она проходитъ въ „бореньи думъ" безъ дѣйствія, слѣдствіемъ чего поэтъ одержимъ извѣстною степенью маніи величія и, ничего еще не сдѣлавъ, становится въ позу Прометея. „И самъ себѣ я въ тягость и другимъ,—Я холоденъ и гордъ и даже злымъ—Толпѣ кажусь"... правда, что и я „презираю жизнь другихъ". На порогѣ жизни, еще сильныхъ страстей не испытавъ, Лермонтовъ

изображаетъ свои чувства въ видѣ березки, выростающей изъ трещины развалинъ, потому что „лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть имѣть неограниченную власть“. Тогда же онъ себя изображаетъ въ видѣ тучи, таящей въ себѣ потенціальный громъ: „Темна проходитъ туча въ небесахъ—И въ ней таится пламень роковой“. — Изъ этого все-таки небезплоднаго „боренья думъ“ въ душѣ необыкновенной, въ которой много героическаго, но мало гуманнаго и общественнаго, получается слѣдующій твердый осадокъ: „Подъ ношей бытія—Не устаетъ и не хладѣетъ гордая душа... мщеніемъ дыша противъ непобѣдимой (судьбы), много зла она свершить готова, хоть могла составить счастье тысячи людей: съ такой душой ты—Богъ или злодѣй!“

Органическіе недостатки души Лермонтова были: безвѣріе въ реальность мечтаній, отсутствіе иллюзій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеаловъ, пустота сердца; все это отразилось и въ той страсти, которая заняла почти исключительно всю его жизнь, и которую онъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ: „въ женскомъ сердцѣ я хотѣлъ сыскать отраду бытія“ и „видѣлъ тѣнь блаженства“ (1831). Справедливо замѣчаетъ Котляревскій, что Лермонтовъ былъ съ малолѣтства просто влюбчивъ, но какъ Донъ Жуанъ онъ любилъ самую любовь больше женщинъ; въ особенности же его прельщало зарождающееся чувство любви, неопредѣленное и пріятное, не ослабленное привычкой и дающее полный просторъ фантазіи. Съ нимъ произошло то, что обыкновенно случается съ мечтателями: онъ перенесъ свои земныя чувства на невидимый и неземной предметъ, на образъ, въ которомъ напрасно искалъ сходства съ живымъ лицомъ. Изъ всѣхъ скоропреходящихъ любовныхъ привязанностей выработался символъ, который и былъ потомъ воплощенъ въ Тамару. Такимъ образомъ, всѣ зародыши поэтической дѣятельности Лермонтова сведены у Котляревскаго къ слѣдующимъ элементамъ: героическій паѳосъ, меланхолическая любовь, пессимистическое сомнѣніе во всемъ, чувство нравственнаго и умственнаго одиночества и преждевременной старости.

Что дали среда общественная и чтеніе поэту, снабженному такими качествами и предрасположеніями? Чѣмъ и какимъ образомъ онъ воспользовался воспринимаемымъ?

VII.

Тридцатые годы нашего вѣка давали мало пищи уму и сердцу энергическихъ людей. То было время полной общественной вялости. Старшіе по возрасту люди Пушкинскаго кружка сживались

съ этою вялостью, уединяясь въ поэзію и сочиняя спокойные, звучные, оптимистическіе, сентиментальные стихи. По отношенію къ нимъ Лермонтовъ былъ вполнѣ новый человѣкъ (moderne), поэтъ не по стихамъ, а по жизни, которую онъ устроивалъ поэтически по своимъ мечтаніямъ, типъ небывалый въ Россіи, родственный Байрону,—вотъ почему не по подражательности, а по свойству натуръ онъ былъ байронистъ, и таковымъ себя признавалъ. Онъ притомъ сдѣлался хотя нѣсколько запоздалымъ, но самымъ полнымъ и цѣльнымъ въ Россіи воплощеніемъ западноевропейскаго романтизма, съ его тревожнымъ безпокойствомъ, эксцентричностью, стремленіемъ къ чему-то неизвѣданному и необычайному и героическимъ подъемомъ духа. Справедливо замѣчаетъ критикъ, что необходимо было нарушить спокойствіе поэзіи Пушкинской школы, воскресить въ ней лихорадочную, нервную дѣятельность, пересадить ее изъ кабинета на площадь и избавить ее отъ надзора слишкомъ требовательной художественности. Къ вопросу о вліяніи Байрона на Лермонтова прибавлено въ книгѣ г. Котляревскаго мало новаго. Оба въ поэзіи изображали только себя, но Лермонтовъ не позаимствовалъ у Байрона его гуманности, его любви къ слабому, его ненависти къ угнетающему; онъ набросился только на отрицательную сторону поэзіи Байрона, которая принесла ему ту пользу, что избавила его отъ измельчанія, сообщила ему вѣру въ силу своей личности и презрѣніе къ разнузданности, которой онъ самъ порою предавался. Относительно другихъ поэтовъ, критикъ того мнѣнія, что Лермонтовъ чуждался Гёте, потому что старикъ Гёте былъ человѣкъ уже съ жизнью примирившійся и прямо противный людямъ романтическаго направленія. О Пушкинѣ приговоръ критика весьма рѣзокъ. Какъ и въ Гёте, въ Пушкинѣ было для Лермонтова нѣчто „непонятное и отталкивающее“,—выводъ, основанный только на заявленіи Лермонтова, что въ русской литературѣ ему было нечѣмъ позаимствоваться. Шиллеръ пришелся больше по сердцу Лермонтову, но отъ него отталкивала Лермонтова классическая гармонія идей и формы. Критикъ не рѣшаетъ вопроса о близкомъ знакомствѣ Лермонтова съ Гейне и обходитъ полнымъ молчаніемъ Мицкевича, котораго переводилъ однако Лермонтовъ, и на заимствованія изъ котораго я указывалъ подробно въ моемъ прежнемъ этюдѣ о Лермонтовѣ. Вопросъ, однако, довольно крупный и, какъ мнѣ кажется, заслуживающій разбора. Онъ касается главнымъ образомъ „Измаилъ-Бея“—этого черкесскаго Валленрода. Фабула въ обѣихъ поэмахъ въ сущности одна и та же: герой дикарь-волченокъ, пойманный, такъ сказать, въ лѣсу, у Мицкевича — Альпъ

древне-литовецъ, язычникъ, у Лермонтова—черкесъ-исламитъ. Оба взяты въ плѣнъ дѣтьми, оба воспитаны въ христіанской вѣрѣ: Альфъ—въ столицѣ тевтонскаго ордена Маріенбургѣ, Измаилъ—въ кадетскомъ корпусѣ въ С.-Петербургѣ; оба волчонка, выросши, норовятъ опять бѣжать въ лѣсъ, оба ноютъ отъ тоски по родинѣ, оба бѣгутъ—по крови дикарями, по идеямъ и религіознымъ чувствамъ уже убѣжденными христіанами. Бѣгутъ они на родину съ тѣмъ, чтобы защищать ее отъ прибоя грозящей потопить ее и подходящей громадною морскою волною цивилизаціи. Разница между героями та, что Валленродъ совершитъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ свой романтическій подвигъ, проникнетъ среди нѣмцевъ, достигнетъ верховной власти и подточитъ измѣннически силы ордена въ самомъ ихъ корню. Измаилъ ни о чемъ подобномъ и думать не можетъ; онъ предлагаетъ только себя землякамъ своимъ, какъ опытнаго и знакомаго со всѣми пріемами европейскаго военнаго искусства бойца. И Альфъ, и Измаилъ, гибнутъ трагически, но первый—совершивъ свой подвигъ въ половину, а другой—совсѣмъ безплодно, причемъ Лермонтовъ, вооруженный острымъ ножемъ безпощаднаго анализа, обличаетъ неизбѣжные недостатки всякаго партизанскаго дѣйствія безъ организаціи и въ-разсыпную, будь оно польское или черкесское: мелкія честолюбія и зависти, интриги, копаніе ямъ другъ подъ другомъ. Мнѣ совсѣмъ непонятенъ выводъ г. Котляревскаго, по моему крайне неосновательный: „Измаилъ-Бей—жрецъ умирающей религіи, вполнѣ сознающій умомъ, помимо сердечныхъ симпатій къ свободѣ, необходимость *законнаго* порядка". Въ томъ-то и бѣда, что ни Альфъ, ни Измаилъ, вовсе не жрецы умирающей религіи. Притомъ же Измаилъ въ поэмѣ Лермонтова не сознаетъ необходимости смерти своей родины и водворенія новаго—съ его точки зрѣнія вполнѣ беззаконнаго—порядка, а эту необходимость выказываетъ только самъ поэтъ, по натурѣ своей отрицатель и скептикъ. Влѣдствіе неоригинальности типа въ Измаилъ-Беѣ, какъ героѣ поэмы, я не могу, какъ то дѣлаетъ критикъ, ставить Лермонтову въ заслугу, что онъ задумалъ этотъ типъ вслѣдствіе желанія подойти къ великому вопросу о борьбѣ первобытной свободы съ цивилизаціею, что онъ употребилъ въ поэзіи патріотизмъ, какъ движущую силу, и совладалъ съ однимъ изъ самыхъ важныхъ соціальныхъ явленій. Критикъ, повидимому, перемѣнилъ Измаилъ-Бея, причемъ сдѣлалъ двѣ ошибки: одну частную, заключающуюся въ томъ, что онъ не справился съ источниками „Измаилъ-Бея", съ Мицкевичемъ и „Валленродомъ", вторую болѣе общую: оставаясь вѣренъ своей задачѣ изобразить Лермонтова не какъ художника,

а какъ прямого дѣятеля въ общемъ прогрессивномъ движеніи русской жизни, онъ прежде всего ловилъ тенденцію поэта, даже тамъ, гдѣ ея не было, и поймавъ ее хотя бы въ самомъ несмѣломъ и грубомъ дѣтскомъ опытѣ, тотчасъ накалывалъ ее на булавку и выдвигалъ само произведеніе, какъ самостоятельный шагъ впередъ въ творчествѣ. Такая несообразность допущена г. Котляревскимъ, при разборѣ неоконченной „Исторической повѣсти“ (1831 и 1832 г. университетскіе годы Л.), съ героемъ Вадимомъ Горбачемъ на почвѣ пугачевщины и крѣпостного права. Лермонтовъ тѣмъ особенно и замѣчателенъ, что тенденціями и соціальными мотивами (ненависть къ крѣпостничеству и тому подобное) пестрѣютъ только дѣтскіе его опыты, но по мѣрѣ того, какъ онъ зрѣетъ, онъ отъ нихъ отрѣшается, уходя въ одну только нѣжную страсть, безъ всякихъ уже тенденцій въ основѣ произведеній.

Критикъ избѣгъ съ замѣчательнымъ тактомъ грубой ошибки біографа Лермонтова, профессора Висковатаго, который живьемъ переносилъ въ жизнеописаніе Лермонтова цѣлыя страницы и сцены изъ юношескихъ драмъ Лермонтова со всею ихъ фактическою обстановкою. „Безспорно,—говоритъ г. Котляревскій,—и семейные раздоры бабушки съ отцомъ, и легкія неудачи дѣтскихъ привязанностей, и крѣпостничество, имѣли вліяніе на завязку драматическихъ опытовъ Лермонтова; но мы глубоко ошибемся, если пожелаемъ видѣть бабушку или отца въ противныхъ лицахъ, которыя выводятся на сцену. Частичка житейской правды въ этихъ опытахъ есть, но письма и стихи Лермонтова указываютъ, что эта частичка весьма незначительна, и онъ не переставалъ любить и быть привязаннымъ къ лицамъ, съ которыхъ онъ якобы писалъ портреты. Однимъ словомъ, относясь къ пережитому какъ къ живой натурѣ, Лермонтовъ видоизмѣнялъ ее свободно и до неузнаваемости, не заботясь о томъ, чтобы въ изображаемомъ была какая-нибудь настоящая правда.

Прежде чѣмъ перейти къ произведеніямъ Лермонтова, нужнымъ считаю для обозначенія моментовъ или этаповъ развитія его творчества, указать еще по книгѣ г. Котляревскаго на внѣшнія вліянія и свойства той среды, въ которой пришлось поэту вращаться.

Дѣтство и отрочество поэта до 13 лѣтъ прошли въ одиночествѣ, вдали отъ отца, безъ матери. Дичившимся, нелюдимымъ прошелъ онъ чрезъ московскій университетъ и ничѣмъ повидимому не позаимствовался ни отъ университета, ни отъ студенческаго товарищества. Этотъ періодъ, бѣдный впечатлѣніями, восполненъ

былъ усиленнымъ анализомъ своего собственнаго сердца. Тогда-то написаны или начаты всѣ капитальныя произведенія поэта. Въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ Лермонтовъ попалъ почти случайно, изъ-за простого желанія кончить скорѣе воспитаніе въ два года, а не въ четыре, какъ предлагали ему въ университетѣ, заставляя его поступить на 1-й курсъ, а не на 3-й. Въ умственномъ отношеніи школа подпрапорщиковъ была для Лермонтова, конечно, безплодна; съ одной стороны, она продержала юношу два года въ тискахъ столь безпощадной военной дисциплины, что объ этихъ двухъ годахъ онъ вспоминалъ потомъ съ ужасомъ, но, съ другой, она пріучила его къ такимъ кутежамъ и излишествамъ тайкомъ и въ компаніи, въ которой каждый старался быть побойчѣе, о какихъ онъ и понятія не имѣлъ дома и въ университетѣ, подъ наблюденіемъ своихъ гувернеровъ. Сама муза его пошла по порнографическому направленію. До извѣстной степени это новое житье-бытье пошло въ прокъ Лермонтову, такъ какъ оно возстановило нѣкоторымъ образомъ равновѣсіе въ этой весьма чувственной натурѣ, работавшей до того времени только однимъ мозгомъ. Въ этой грязи Лермонтовъ не погрязъ; онъ вышелъ изъ нея цѣлъ и невредимъ, какъ выходятъ люди въ самомъ дѣлѣ даровитые. Гораздо вреднѣе юнкерства оказались на первыхъ порахъ офицерство и то великосвѣтское общество, въ которое Лермонтовъ вступилъ по своимъ аристократическимъ связямъ и по богатству бабушки, не жалѣвшей для него денегъ. Общество было весьма пустое, притомъ фальшивое и лицемѣрное. Пребывая въ немъ, Лермонтовъ былъ, такъ сказать, въ умственномъ плѣну, мысль его не выходила за предѣлы этой мертвящей среды, онъ былъ изолированъ отъ всего живого, движущагося впередъ, демократическаго и либеральнаго.

VIII.

Приступимъ теперь къ обрисовкѣ по книгѣ г. Котляревскаго главныхъ моментовъ творчества Лермонтова.

Первое по времени крупное созданіе—поэма „*Демонъ*“, надъ которою Лермонтовъ работалъ съ 15 до 26 лѣтъ, то-есть почти до смерти. Детали мѣнялись безпрестанно, но основной типъ остался неподвижнымъ. Критикъ относится сурово къ поэмѣ. „Демонъ“ восхищалъ людей обоего пола въ тридцатыхъ годахъ, потомъ онъ прискучилъ, зачисленъ въ разрядъ дѣтскихъ книгъ и сталъ героемъ отроческихъ и въ особенности дѣвическихъ мечта-

ній. Сюжетъ былъ вполнѣ романтическій и даже порядочно избитый въ новѣйшей западно-европейской литературѣ. Съ Испаніи, въ которой поэтъ помѣстилъ его сначала, онъ перенесъ его на Кавказъ, одушевилъ его пламенною риторикою выраженія страсти и удивилъ до излишества доведеннымъ богатствомъ образовъ. Въ сущности жертва съ ангельскою душою, Тамара—существо довольно блѣдное и слабое; могучъ только искуситель, въ которомъ поэтъ изобразилъ самого себя въ эпоху отрочества и юности, символическій и туманный образъ, увлекающій не столько своимъ очертаніемъ, сколько своимъ настроеніемъ, которое можно было, не понимая его, прочувствовать. Демонъ—не сатана, онъ существо подначальное, не иронизирующее, не насмѣхающееся надъ всѣмъ; собственно, онъ—нашъ братъ, человѣкъ, служащій сатанѣ, но не отвыкшій отъ старыхъ человѣческихъ привычекъ. Онъ дѣлалъ зло безъ наслажденія, наконецъ и это зло ему наскучило, люди ему опротивѣли, опротивѣла и сама природа, пока онъ вдругъ не переродился, полюбивъ Тамару. Тогда онъ внезапно и сразу постигъ святыню любви, добра и красоты; тогда онъ нашелъ и цѣль жизни. По необходимости онъ долженъ былъ столкнуться въ кельѣ Тамары съ ангеломъ; онъ раздраженъ сопротивленіемъ ангела и одержалъ надъ нимъ побѣду, но потерялъ спокойствіе и найденную цѣль жизни. Конецъ шаблонно легендарный разъигрывается въ небесахъ—для Тамары, въ безднѣ паденія—для вновь окончательно озлобившагося Демона. Таковъ былъ первый шагъ Лермонтова на поэтическомъ поприщѣ.

Второй затѣмъ—составляютъ *юношескія драмы*. У Лермонтова не было настоящаго драматизма, потому что онъ не умѣлъ изображать развитіе характеровъ. Какимъ является впервые на сценѣ его герой совсѣмъ готовый, такимъ онъ и погибаетъ; у него нѣтъ, по выраженію г. Котляревскаго, пьедестала. Этотъ герой есть прежде всего честный, довѣрчивый и любящій, безъ вины страдающій и пропадающій,—опять крупная погрѣшность противъ коренныхъ условій драмы. Фактическимъ матеріаломъ для драмъ служили отчасти положенія, въ которыхъ побывалъ Лермонтовъ въ года дѣтства и отрочества. Онъ болѣе не символизировалъ этихъ состояній, а пытался ихъ осмыслить. Всѣ три драмы („Menschen und Leidenschaften“, 1830, „Странный человѣкъ“, 1831, и „Два брата“) [1]) представляютъ постепенное угасаніе идеалистическихъ порывовъ въ сердцѣ юности,

[1]) П. А. Ефремовъ относитъ „Двухъ Братьевъ“ къ 1831 г.; г. Висковатовъ помѣщаетъ ихъ подъ 1836, въ промежуткѣ между двумя редакціями „Маскарада“.

послѣ чего поэтъ превращается въ систематически послѣдовательнаго пессимиста.

Окончательнымъ результатомъ этихъ послѣднихъ опытовъ, которые и не предназначались Лермонтовымъ къ выходу въ свѣтъ, явилась написанная для сцены въ 1835 году драма „Маскарадъ", но не пропущенная цензурою по причинѣ изображенныхъ въ ней слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ, а также и потому, что добродѣтель въ ней недостаточно вознаграждена. Авторъ передѣлалъ драму въ 1836 г., но не достигнулъ однако одобренія ея для сцены. По мнѣнію критика, обѣ редакціи одинаково хороши, обѣ—продуктъ разсудочнаго творчества.

Что такое Арбенинъ, герой драмы? Это—ярый и озлобленный пессимистъ, тотъ же „демонъ", но перелицованный, облеченный во фракъ и перенесенный съ заоблачныхъ высей въ игорный домъ и на балъ. У него нѣтъ никакихъ гуманныхъ чувствъ, никакого доброжелательства. Этотъ человѣкъ съ бурными страстями, ищущими исхода, скучаетъ; развлеченіе, освобождающее его отъ этой скуки, онъ находитъ только въ игрѣ, въ рискѣ, раздражающемъ его нервы. Подъ старость испыталъ онъ еще и любовь. Онъ полюбилъ свою жену со всею страстью дикаря, но дикаря цивилизованнаго, способнаго на всѣ гадости, прикрытыя свѣтскими формами. Эта эгоистическая любовь—счастіе Арбенина, который чрезъ нее „воскресъ для жизни и добра". По своей привычкѣ отнимать постепенно у своихъ героевъ всѣ добрыя чувства, за которыя цѣпляется душа въ своей борьбѣ съ жизнью, Лермонтовъ лишилъ Арбенина и этой любви. Въ результатѣ герой выходитъ не живымъ человѣкомъ, а какимъ-то звѣремъ, опять какимъ-то полу-символическимъ, неподвижно кристаллизующимся выраженіемъ олицетвореннаго нагого эгоизма.

Послѣ кризиса въ драмѣ, Лермонтовъ не знаетъ даже, куда дѣвать Арбенина; въ первой редакціи онъ сводитъ Арбенина съ ума, а въ передѣлкѣ заставляетъ его бросить свою жену, не отравленную, а только напуганную, и неизвѣстно куда удалиться.

IX.

Прежде чѣмъ произведенъ былъ Лермонтовымъ опытъ послѣдняго изображенія себя, болѣе правдиваго и реальнаго, нежели въ истуканахъ-символахъ: Демонѣ и Арбенинѣ,—случилось вторженіе въ жизнь его внѣшнихъ событій. Смерть Пушкина вызвала извѣстные стихи Лермонтова, имѣвшіе послѣдствіемъ ссылку его

на Кавказъ. Смертью Пушкина навѣяны были также на Лермонтова новыя своеобразныя думы о цѣли и назначеніи поэта, которыя, по мнѣнію г. Котляревскаго, должны были содѣйствовать обращенію его на путь гуманизма, любви къ людямъ и сознанія необходимости сожитія съ ними и содѣйствія. Г. Котляревскій полагаетъ, что хотя Лермонтовъ не особенно любилъ Пушкина, но когда Пушкинъ былъ убитъ на дуэли, то сила, съ которою Лермонтовъ откликнулся на это событіе, изумила самыхъ близкихъ къ нему людей: отъ нервнаго раздраженія онъ заболѣлъ и слегъ въ постель. Несомнѣнно, что въ Лермонтовѣ заговорилъ національный патріотизмъ: русскій поэтъ погибъ отъ руки иностранца; были также и иныя, менѣе высокія чувства, которыя зашевелились въ душѣ его, но не сразу. Послѣдніе 16 стиховъ въ стихотвореніи на смерть Пушкина („А вы, надменные потомки— Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ“) были вызваны сходствомъ соціальнаго положенія обоихъ поэтовъ, сословною жилкою въ обоихъ и ходившими слухами, превратившимися потомъ въ легенду, что аристократическое общество вырыло могилу Пушкину своими коварными сплетнями. Пора бы отрѣшиться отъ этой легенды, которой однако вѣритъ г. Котляревскій [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что съ того времени начинается рядъ думъ Лермонтова о его отношеніи къ обществу какъ поэта, и что эти думы—въ связи съ думами о томъ же предметѣ самого Пушкина. Извѣстно, какъ разрѣшалъ трудную задачу Пушкинъ въ послѣдніе годы своей жизни; съ лѣтами онъ дѣлался въ области художества жрецомъ чистаго искусства, созданнымъ для звуковъ сладкихъ и молитвъ, презирающимъ толпу и твердящимъ, что не дѣло жрецовъ сметать соръ съ улицъ. Чѣмъ больше онъ удалялся отъ жизни въ область эстетики, тѣмъ больше охладѣвала къ нему публика; но и самъ Пушкинъ чаще и чаще слагалъ съ себя ризы жреца, разоблачался, бралъ какъ бы метлу въ руки и занимался тѣмъ, что въ собственныхъ глазахъ его было метеніемъ сора, превращался въ публициста, въ журналиста, полемизировалъ и нисходилъ въ своихъ писаніяхъ послѣдней эпохи. Лермонтовъ былъ цѣльнѣе; никогда въ литературѣ не считалъ онъ себя просто работникомъ по ремеслу. Онъ съ жаромъ взялся за ту же задачу, которая занимала Пушкина, и первымъ плодомъ его размышленій была знаменитая и печальная „Дума“ 1838 года („Печально я гляжу на наше поколѣнье... Въ бездѣйствіи состарится

[1]) „Поэтъ умеръ жертвой великосвѣтскихъ интригъ и обиженнаго самолюбія то-есть того свѣта, который такъ привлекалъ и сердилъ Лермонтова“.

ово... Толпой угрюмою и скоро позабытой—Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,—Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,—Ни геніемъ начатаго труда"). Съ одной стороны, толпа осуждается поэтомъ повально, безъ разбора, безъ объясненія причинъ и голословно, съ другой—безсильный поэтъ, ничего для этой толпы сдѣлать не могущій, разражается противъ нея обвинительнымъ актомъ. Но во всякомъ процессѣ, а слѣдовательно и въ процессѣ поэта съ обществомъ, можетъ случиться перемѣна въ роляхъ и предъявленіе обвиняемымъ встрѣчнаго обвиненія противъ обвинителя. Лермонтовъ—въ стихотвореніи 1839: „Не вѣрь себѣ"—становится на точку зрѣнія толпы, небезосновательно претендующей на поэта за то, что его вдохновеніе есть, можетъ быть, „плѣнной мысли раздраженье". Идетъ толпа спокойная, на видъ самодовольная, а между тѣмъ едва ли есть въ ней хотя одинъ человѣкъ, который бы не былъ тяжелой пыткой не измятъ. Для нихъ смѣшонъ, о, поэтъ, твой плачъ и твой укоръ,—ты брось свои затѣи и запрягись въ обыденныя заботы. Твое вдохновеніе—то кровь кипитъ, то силъ избытокъ—Скорѣе жизнь въ заботахъ истощи—Разлей отравленный напитокъ!..

Мало того: въ разговорѣ 1840 г. между журналистомъ, читателемъ и писателемъ ставится ребромъ у Лермонтова новый вопросъ: насколько обществу полезенъ или вреденъ поэтъ, разоблачающій раны, язвы и недостатки общества. Къ чему писать: „Чтобъ тайный ядъ страницы знойной—Смутилъ ребенка сонъ спокойный—И сердце слабое завлекъ—Въ свой необузданный потокъ... Такой тяжелою цѣною я вашей славы не куплю". А все-таки поэтъ и толпа другъ другу не чужіе; между ними постоянно пробѣгаетъ электрическій токъ; и былъ поэтъ полезенъ, двигалъ людей и управлялъ ими, если не въ послѣднее время, то по крайней мѣрѣ въ давнопрошедшемъ. Такова мысль стихотворенія 1839 г., въ которомъ „Поэтъ" обвиняется въ томъ, что онъ на злато промѣнялъ ту власть, которой свѣтъ внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи... „Проснешься ли опять, осмѣянный пророкъ,—Иль никогда на голосъ мщенья (?)—Изъ золотыхъ ноженъ не вынешь свой клинокъ,—Покрытый ржавчиной презрѣнья?".. Не разрѣшивъ вопроса, какъ сдѣлать, чтобы возвратить поэзіи ея прежнее обаяніе и вліяніе на общество, Лермонтовъ возвращается назадъ, на давно оставленную исходную точку своихъ размышленій, попираетъ пятою презрѣнную толпу и превращается въ злобнаго, ненавидимаго „Пророка" (1841 г.), которому во слѣдъ кричитъ толпа: „Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами... Смотрите, какъ

онъ худъ и блѣденъ,—Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,—Какъ презираютъ всѣ его!"

Наконецъ, пророкъ-поэтъ становится самозванцемъ-мученикомъ, неизвѣстно кѣмъ и за что распинаемымъ; стихотвореніе 1841 г.: „Не смѣйся надъ моей пророческой тоской", кончается словами: „Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ, вѣнецъ пѣвца—вѣнецъ *терновый* (?),—Пускай, *я имъ не дорожилъ!*" Послѣднія слова запечатлѣны неискренностью и декламаторствомъ: именно этимъ-то вѣнцомъ и дорожилъ Лермонтовъ всю свою жизнь и ставилъ его выше всего въ мірѣ.

X.

Знаменитый романъ: „Герой нашего времени", представляетъ новую, послѣднюю и наилучшую попытку изобразить самого себя не символически, а наипростѣйшимъ образомъ, со всѣми противорѣчіями своей сложной натуры. Въ этомъ психологическомъ этюдѣ поэтъ пытается осмыслить свою душу. Пессимистъ состарѣлся, свыкся съ обманами жизни, сдѣлался резонеромъ-эгоистомъ, уже не враждебно относящимся къ людямъ, какъ Арбенинъ, а совершенно индифферентно, не дѣйствуя и не думая о будущемъ, хотя такая бездѣятельность — плодъ жизни и опыта—не соотвѣтствуетъ, повидимому, его темпераменту, порывистому и страстному. Лѣта оказываютъ свое дѣйствіе на всякаго субъекта; съ теченіемъ ихъ художественность поэта возросла, но пылъ умѣрился; эпическая сторона таланта усилилась, картины природы выходятъ менѣе яркія, но съ болѣе нѣжными красками; поэтъ, бывшій мрачнымъ, становится только грустнымъ. Изъ этихъ вѣрно подмѣченныхъ перемѣнъ г. Котляревскій выводитъ неожиданное и слишкомъ поспѣшное заключеніе, будто въ концѣ жизни поэтъ уже направлялся къ примиренію съ жизнью; вслѣдствіе усталости онъ былъ мирнѣе и задумчивѣе настроенъ и болѣе религіозенъ; титаническіе его порывы, которые выразились несомнѣнно между прочимъ въ поэмѣ „Мцыри", чередовались въ немъ чаще и чаще съ христіанскимъ смиреніемъ, которое начинало брать верхъ надъ ними, такъ что собственно почти уже осуществлялось столь желаемое критикомъ превращеніе Лермонтова въ гуманнаго человѣка и прогрессиста.

Противъ такой попытки критика считаемъ необходимымъ заявить самый рѣшительный протестъ; подборъ доказательствъ, на которыхъ г. Котляревскій основываетъ свой выводъ, неправиленъ,—

въ немъ есть своего рода подстановка данныхъ; многія данныя должны быть исключены изъ списка. Козырною картою въ этомъ спискѣ критика является „Пѣсня про царя, опричника и купца Калашникова", которую Лермонтовъ сочинилъ въ 1836 году, начитавшись Кирши Данилова. Въ 1835 году, занятый ею, онъ устроивалъ у себя въ Тарханахъ кулачные бои между крестьянами. По времени эта пѣсня какъ разъ совпадаетъ съ „Маскарадомъ", что само по себѣ исключаетъ возможность предположенія о смиренномъ настроеніи души. Притомъ возникаетъ вопросъ, гдѣ въ этой пѣснѣ сказывается усматриваемое критикомъ „смиреніе передъ судомъ Божіимъ и царевымъ"? Настоящій герой пѣсни не опричникъ и не купецъ, а самъ Іоаннъ Грозный. Лермонтову прирожденъ былъ глубокій національный культъ матеріальной силы, который ему внушилъ и „Послѣднее новоселье", и извѣстный стихъ въ „Измаилъ-Бей": „пускай я рабъ—но рабъ царя вселенной". Весь смыслъ поэмы, весь центръ тяжести ея замысла заключается въ словахъ царя: „Я топоръ велю наточить-навострить, палача велю одѣть-нарядить, въ большей колоколъ прикажу звонить, чтобы знали всѣ люди московскіе, что и ты не оставленъ моей милостью!" Спрашивается: въ какихъ же другихъ стихахъ послѣдняго времени, приводимыхъ г. Котляревскимъ, сказывался человѣкъ, примиряющійся съ людьми и Богомъ? Молитва ли: „Съ души какъ бремя скатится... и такъ легко, легко"?.. но она—1837 года. Прекрасенъ стихъ: „Когда волнуется желтѣющая нива... И въ небесахъ я вижу Бога"... но и это также написано въ 1837 г. Напротивъ того, сколько же накопилось въ эти два послѣдніе года порывовъ титанически-мятежныхъ и стиховъ не медово-сахарныхъ, а ѣдкихъ и злобныхъ: „И скучно, и грустно, и некому руку подать"—1840 г.; или „Благодарность", обращенная къ Богу—1840 г.: „Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ недолго я еще благодарилъ"... Титанъ такъ и остался до конца титаномъ, не мирящимся съ жизнью ни въ грустно-смиренномъ или такъ-называемомъ у г. Котляревскаго слегка религіозномъ, ни въ вызывающе-боевомъ настроеніи, а эти направленія у него всю жизнь чередовались. Одно изъ коренныхъ положеній г. Котляревскаго, которое вполнѣ справедливо, есть то, что Лермонтовъ никогда не былъ религіознымъ человѣкомъ, но не былъ онъ также и отрицателемъ; религія была для него только поэтическимъ настроеніемъ, но не убѣжденіемъ съ вѣрой. Эта черта сближаетъ Лермонтова съ нашимъ временемъ. То настроеніе, которое у критика названо слегка религіознымъ, я бы назвалъ агностицизмомъ, метафизическимъ мышле-

ніемъ. Скептицизмъ отвергаетъ всякую опредѣленную форму божества, всякое реальное его бытіе, но метафизичность не допускаетъ, съ другой стороны, ни на минуту отрѣшиться отъ идеи о существованіи чего-то невѣдомаго и непознаваемаго, въ которомъ только одномъ и есть и счастіе, и покой, но которое недосягаемо; неудовлетворенное стремленіе къ нему мучило Лермонтова во всю жизнь.

XI.

Въ одной изъ главъ своей книги,—можетъ быть самой интересной,—г. Котляревскій сопоставилъ Лермонтова со всѣми его современниками. Существовали въ тридцатыхъ годахъ четыре главныя литературныя направленія или школы: 1) старая школа съ корифеями Жуковскимъ и Пушкинымъ; 2) романтическая съ Н. Полевымъ и Марлинскимъ; 3) Гоголь и его послѣдователи натуралисты, и 4) философы, отъ которыхъ отдѣляются славянофилы.

Люди старой школы бѣжали отъ дѣйствительности въ свои покойныя гнѣзда, гдѣ ихъ не тревожило ничто. У Жуковскаго такимъ гнѣздомъ былъ религіозный квіетизмъ, и онъ открещивался отъ оргіи самолюбія и духовнаго опьяненія, но зато его мало и читали. Пушкинъ—старый парнасскій богъ—чувствовалъ также свое одиночество; ему казалось, что молодежь повторяетъ зады и по-пустому байронизируетъ, то-есть обрѣтается на точкѣ зрѣнія давно имъ пережитой. Въ поэзіи онъ сторонится отъ современности, но на дѣлѣ пытается руководить ею, какъ журналистъ и публицистъ, и руководитъ иногда невпопадъ, пятясь назадъ къ мсковской старинѣ. Очевидно, что поэзія Лермонтова была ключомъ живой воды вмѣсто мертвой, которую предлагала старая школа. „Пусть эта поэзія была,—говоритъ критикъ,—повтореніемъ многаго уже сказаннаго Пушкинымъ во время увлеченія его Байрономъ, менѣе пластична, менѣе спокойно объективна, менѣе нравственна, нежели поэзія Жуковскаго, менѣе глубока по мыслямъ, чѣмъ поэзія Баратынскаго, менѣе жизнерадостна, чѣмъ муза Языкова, пусть она была туманна, безпринципна, безъ причины задорна... но она была живая сила, а не книжное наставленіе“.

Лермонтовъ былъ несомнѣнно одного поля ягода съ романтиками, Марлинскимъ и Полевымъ, съ тою однако разницею, что они были ремесленники, а онъ геніаленъ; они были вычурны

и портили вкусъ публики, а онъ этого не дѣлалъ и тѣмъ неизмѣримо превосходилъ ихъ.

Будучи до мозга костей романтикомъ, Лермонтовъ не имѣлъ ничего общаго съ Гоголемъ и его послѣдователями. Онъ могъ относиться къ нимъ только отрицательно. Гоголь былъ гораздо самобытнѣе Лермонтова; потому-то его и не скоро поняли. Онъ былъ и плодотворнѣе. Чутьемъ художника онъ почти безсознательно нашелъ поэзію въ будничной жизни и представилъ русскаго человѣка во всей его наготѣ. Потомъ онъ пытался осмыслить самому себѣ свою дѣятельность, какъ старался осмыслить ее и Лермонтовъ; но умъ Гоголя былъ мало развитъ и критицизма у него не было никакого, почему онъ и свихнулся, сдѣлался мистикомъ и отрицателемъ активнаго вмѣшательства въ вопросы жизни и такимъ же отрицателемъ прежней своей литературной дѣятельности, какими были Жуковскій и Пушкинъ на исходѣ дней своихъ; такимъ является и гр. Левъ Толстой въ наше время. Не подлежитъ сомнѣнію, что душевная смута Лермонтова была несравненно лучше плохой философіи застоя въ послѣдніе дни жизни Гоголя.

Что касается до философско-умозрительнаго направленія того времени, то оно особенно сильно было въ кружкахъ московской молодежи; въ этихъ кружкахъ выдѣлялись тогда, какъ умственные руководители, Станкевичъ, Герценъ и въ особенности Бѣлинскій, по его живой, чуткой и прогрессивной натурѣ. Эти кружки искали выхода изъ пошлостей настоящаго въ самомъ широкомъ міровомъ гуманизмѣ, выходящемъ за предѣлы государственнаго и національнаго, и усвоивали себѣ произведенія трансцендентальнаго идеализма Гегеля или соціалистическія утопіи французскія. Сопоставляя Бѣлинскаго съ Лермонтовымъ, г. Котляревскій признаетъ за первымъ изъ нихъ громадное преимущество въ его измѣнчивой, иногда мѣняющейся, но всегда искренней убѣжденности, которую если бы онъ привилъ къ Лермонтову, то обратилъ бы его на путь гуманизма, общественности и активнаго добра. У нихъ бывали моменты личнаго соприкосновенія въ жизни, въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ“, и даже они вели разъ продолжительный четырехчасовой разговоръ въ ордонансгаузѣ, гдѣ содержался Лермонтовъ въ 1830 г. за свою дуэль съ Барантомъ; къ несчастію, въ этотъ разъ оба собесѣдника занялись главнымъ образомъ только Вальтеръ-Скоттомъ и Купером и почти не коснулись другихъ предметовъ.

Мы уже высказались относительно неосновательной увѣренности критика въ неминуемое, для поэта, если бы онъ дольше по-

жилъ, обращеніе закоренѣлаго пессимиста въ прогрессиста и дѣятельнаго бойца. Лермонтовъ не нуждается въ подобномъ способѣ оправданія. Пессимизмъ можетъ быть самъ по себѣ полезенъ, пригоденъ, какъ одинъ изъ факторовъ въ развитіи человѣчества. Неопредѣленно и неясно шевелятся въ душахъ людей смутныя желанія перемѣнъ, смутные порывы къ лучшему. Эти стремленія, накопившись, прорываются потомъ бурнымъ потокомъ отрицанія. Бываютъ люди, которые недовольны только въ молодости, пока не улягутся страсти; бываютъ и другіе, у которыхъ отрицаніе длится всю жизнь и составляетъ ихъ вторую природу. Съ нихъ и этого отрицанія довольно; воды ихъ бурнаго потока утилизированы будутъ другими, болѣе мелкими людьми, какъ утилизируются, въ видѣ дарового двигателя для машинъ на заводахъ, быстрыя теченія рѣкъ и водопады. Пользованіе такими пессимистами возростаетъ въ эпохи застоя и упадка духа—и понижается въ эпохи усиленнаго дѣйствія. Значеніе Лермонтова и вліяніе его поэзіи еще не дошли до своего апогея; они усиливаются, ростутъ, и на нашихъ глазахъ этотъ могучій и непокорный титанъ сталъ заслонять собою Пушкина, котораго онъ, быть можетъ, выше по росту, хотя къ нему-то именно и не идетъ то, что Пушкинъ ставитъ себѣ въ заслугу въ „Памятникѣ“,—что онъ „чувства добрыя“ въ народѣ пробуждалъ. По даннымъ жизни и по поэзіи Лермонтова, воображеніе наше не можетъ его представить себѣ инымъ, какъ только непреклонно гордымъ, вѣчно мятежнымъ, презирающимъ людей и злословящимъ судьбу.

В. Спасовичъ.

1-го ноября, 1891 г.

ОПЕКУНЪ

Романъ соч. Бретъ Гарта.

Съ англійскаго.

Окончаніе.

IV *).

Два мѣсяца спустя послѣ описанныхъ въ предъидущихъ главахъ событій, м-ръ Тони Шеръ изъ Мерисвиля, возведенный недавно въ званіе довѣреннаго клерка достопочтеннаго м-ра Гетвея, вошелъ въ квартиру своего патрона въ Сакраменто и подалъ ему письмо.

— Я только-что вернулся изъ Санъ-Франциско, а м-ръ Слэтъ поручилъ мнѣ немедленно по пріѣздѣ передать вамъ это; если это то, что вамъ требовалось, и вы довольны, то онъ проситъ васъ отослать ему назадъ.

Поль взялъ конвертъ и вскрылъ его. Въ немъ заключался корректурный листъ, который онъ торопливо пробѣжалъ. Тамъ стояло:

„Тѣ изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ прежней исторіей Санъ-Франциско, съ интересомъ узнаютъ, что эксцентрическое и необыкновенное опекунство, возложенное восемь лѣтъ тому назадъ на мэра Санъ-Франциско и двоихъ изъ нашихъ старѣйшихъ гражданъ, вчера окончилось вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ красавицы и благовоспитанной молодой лэди, воспитан-

*) См. выше: ноябрь, стр. 185.

ницы монастыря св. Клары. Весьма немногимъ, за исключеніемъ первоначальныхъ опекуновъ, былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что опекунская должность была присвоена всѣмъ мэрамъ Санъ-Франциско, чередовавшимся за этотъ періодъ времени. И тайна была разглашена только недавно. Она является трогательнымъ и романическимъ примѣромъ обновленія старинныхъ патріархальныхъ обязанностей первыхъ Alcaldes и простоты піонерской эпохи. Оказывается, что въ смутное время мексиканскаго землевладѣнія, наступившаго вслѣдъ за американской оккупаціей, чахоточная вдова отпрыска одной изъ старѣйшихъ калифорнійскихъ фамилій довѣрила свое состояніе и опеку надъ малолѣтней дочерью городу Санъ-Франциско въ лицѣ его представителей—мэровъ. Черезъ годъ болѣзненная мать умерла. Съ какой добросовѣстностью, мудростью и осторожностью эти джентльмены выполнили свои обязательства—явствуетъ изъ того факта, что имущество, довѣренное имъ, не только сохранилось въ цѣлости, но и удвоилось, такъ что молодая лэди, достигшая вчера совершеннолѣтія—богатѣйшая наслѣдница и образованнѣйшая изъ особъ своего пола. Теперь уже не секретъ, что это счастливое дитя Хризополиса—донья Марія Консепціонъ де-Аргвелло де-ла Эрба Буэна, титулъ, полученный ею отъ наслѣдственнаго имѣнія на островѣ, нынѣ принадлежащемъ федеральному правительству. Какъ трогательную и поэтическую дань ея пріемнымъ родителямъ можно считать ея желаніе называться старинным, типическимъ именемъ, вслѣдствіе чего она была извѣстна своимъ друзьямъ просто лишь какъ „миссъ Эрба Буэна“. Не менѣе интересное и занимательное обстоятельство мы усматриваемъ въ томъ фактѣ, что нашъ „младшій сенаторъ“, достопочтенный Поль Гетвей, бывшій частный секретарь мэра Гаммерсли, одинъ изъ первоначальныхъ опекуновъ, а рыцарство старыхъ временъ воплощается въ лицѣ полковника Гарри Пендльтона, другого опекуна“.

Кончивъ чтеніе, Поль взялъ карандашъ и зачеркнулъ послѣднія шесть строкъ; но вмѣсто того, чтобы отложить корректуру или обратиться къ дожидавшемуся секретарю, онъ остался съ корректурой въ рукѣ и повернулся лицомъ къ окну.

Оттого ли, что секретарь, по слабости человѣческой, усталъ ждать, или потому, что этотъ преданный партизанъ увидѣлъ въ лицѣ своего молодого начальника нѣчто смутившее его, но только онъ повернулся къ Полю съ тѣмъ преувеличеннымъ почтеніемъ, которымъ обязанности секретаря пріучили его уснащать привязанность къ старому товарищу, и сказалъ:

— Я надѣюсь, что ничего худого не случилось, сэръ? Нѣтъ

новыхъ несправедливыхъ нападокъ на васъ за проведеніе билля, съ которымъ вы пришли на выручку полковнику Пендльтону? Это было рискованнымъ шагомъ для васъ, сэръ.

Поль встрепенулся и, выходя изъ задумчивости, съ улыбкой отвѣтилъ:

— Нѣтъ... ничего. Совсѣмъ наоборотъ. Напишите м-ру Слэту и поблагодарите его, и скажите, что такъ будетъ хорошо... за исключеніемъ тѣхъ строкъ, которыя я вычеркнулъ. Принесите мнѣ письмо, когда его напишите, и я присоединю эту корректуру. Вы заходили къ полковнику Пендльтону?

— Да, сэръ. Онъ былъ въ Санта-Кларѣ и еще не возвращался. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ сказалъ его дэнди-негръ. Ахъ, сэръ! ломанье и гримасы этой твари, съ тѣхъ поръ, какъ дѣла полковника поправились, совсѣмъ нестерпимы для бѣлаго человѣка! Помилуйте, сэръ,—чортъ его побери!—онъ готовъ, кажется, вамъ покровительствовать и соизволилъ объяснить мнѣ, что „полковникъ очень хорошаго о васъ мнѣнія и считаетъ васъ способнымъ молодымъ человѣкомъ". Фактъ тотъ, сэръ, что наша партія впадаетъ въ крупную ошибку, пытаясь дать право голоса этому стаду... Все сведется къ тому, что у противной партіи будетъ по два голоса на человѣка, потому что рабы или свободные, а они въ рукахъ у своихъ господъ.

— Полковникъ Пендльтонъ не принадлежитъ ни къ какой партіи,— коротко отвѣтилъ Поль:—но если его бывшіе избиратели вздумаютъ вновь провести его къ власти, то утратятъ своего единственнаго независимаго мученика.

Онъ опять задумался, но Шеръ вынулъ изъ кармановъ пальто цѣлую кучу документовъ оффиціальнаго вида.

— Я принесъ отчеты, сэръ.

— Что?—разсѣянно переспросилъ Поль.

Секретарь удивился.

— Отчеты начальника полиціи въ Санъ-Франциско, которые вы просили меня достать.

Его патронъ былъ сегодня удивительно какъ позабывчивъ.

— Ахъ, да! благодарю васъ. Положите ихъ на мою конторку. Я просмотрю ихъ въ комитетѣ. А теперь можете идти, и если кто будетъ меня спрашивать, скажите, что я занятъ.

Секретарь ушелъ въ сосѣднюю комнату, а Поль откинулся на спинку кресла и задумался.

Онъ дѣйствительно исполнилъ то, что рѣшилъ, разставшись съ своей питомицей два мѣсяца тому назадъ. Статья, которую онъ только-что прочиталъ, и которая должна была появиться

послѣ завтра какъ передовая въ газетѣ Санъ-Франциско, являлась результатомъ упорнаго труда, развѣдокъ и выводовъ, и все это будетъ отнынѣ признано за достовѣрную исторію, которой если и не всѣ повѣрятъ, то по крайней мѣрѣ никто не можетъ опровергнуть.

Немедленно по возвращеніи въ Санъ-Франциско, онъ поспѣшилъ явиться къ полковнику Пендльтону и изложить ему факты и свой планъ. Къ его удивленію и огорченію, полковникъ энергически возражалъ противъ такого „навязыванія неизвѣстно чьего ребенка джентльмену, который не могъ обороняться", и даже завѣренія Поля, что этого мнимаго отца вовсе и не существовало и что онъ не что иное, какъ миѳъ, съ трудомъ успокоило его. И онъ уступилъ только тогда, когда Поль разсказалъ про сцену, при которой присутствовалъ, и про неудобную память судьи Бекера, и выразилъ свое убѣжденіе въ томъ, что если дѣвушка не отступится отъ своей теоріи—а онъ былъ увѣренъ въ этомъ —хотя бы ей пришлось при этомъ пожертвовать своимъ состояніемъ, то они вынуждены будутъ или поддержать ее, или обнародовать ея позоръ.

Съ другой стороны, гораздо меньше шансовъ, что *положительная* выдумка будетъ открыта, чѣмъ *неопредѣленная* и *не-положительная* правда. Главная опасность заключалась въ неопредѣленности и тайнѣ, такъ какъ это подстрекало любопытство и наводило на догадки. Поль заявлялъ, что готовъ принять на себя всю отвѣтственность, и наконецъ добился отъ полковника обѣщанія въ пассивномъ согласіи. Единственное обличеніе, котораго онъ боялся, это со стороны матери, но Пендльтонъ былъ твердо увѣренъ, что она не только вполнѣ предоставила дочь попеченіямъ ея опекуновъ, но и никогда не перемѣнитъ своего намѣренія отречься отъ всякаго родства съ нею; съ этою цѣлью мать осудила себя въ нѣкоторомъ родѣ на изгнаніе, и еслибы она перемѣнила мнѣніе, то онъ первый узналъ бы объ этомъ.

На этомъ они разстались.

Тѣмъ временемъ Поль не забылъ о другомъ рѣшеніи, принятомъ имъ во время перваго визита къ полковнику, и ему удалось добиться законодательнымъ путемъ удовлетворенія кредитора банка „Златыхъ-Воротъ", и такимъ образомъ онъ могъ даже вернуть полковнику часть его личнаго имущества, находившагося подъ секвестромъ.

Своей питомицы онъ не навѣщалъ съ тѣхъ поръ, и, по достиженіи ею совершеннолѣтія, уступилъ полковнику Пендль-

ону свои полномочія и предоставилъ ему сопровождать мэра въ Санта-Клару для окончательной и формальной церемоніи. Но онъ часто думалъ объ Эрбѣ, хотя рѣшилъ, что ей незачѣмъ знать, какъ много она обязана ему въ исполненіи такихъ желаній.

Со вздохомъ стряхнулъ онъ наконецъ всѣ эти мысли, отвлекавшія его отъ дѣла и, придвинувъ къ себѣ груды отчетовъ, доставленныхъ ему Шеромъ, сталъ ихъ просматривать. Это тоже было въ связи съ его безмолвными, незамѣтными ни для кого развѣдками. Въ качествѣ предсѣдателя комитета, онъ воспользовался модным тогда вопросомъ объ искорененіи проституціи, для чего собирались всякія статистическія данныя и свидѣтельскія показанія, и такимъ косвеннымъ, хотя и копотливымъ путемъ убѣдился, что женщина, извѣстная подъ именемъ „Кэтъ Говардъ“, alias „Беверли“, alias „Дурфри“, давно уже вышла изъ-подъ надзора мѣстной полиціи, а въ отчетахъ о ней не упоминалось о ея ребенкѣ. Онъ довольно долго уже перебиралъ документы, какъ вдругъ остановился и почувствовалъ, что пульсъ у него бьется усиленнымъ образомъ. Въ одномъ докладѣ о скандалѣ, произошедшемъ въ игорномъ домѣ, упоминалось о „Кэтъ Говардъ“, которую выручилъ изъ рукъ полиціи *ея покровитель Хуанъ де-Аргвелло.*

Число, когда произошло это событіе, совпадало съ временемъ, когда была составлена довѣренность; впрочемъ, это ничего не значило.

Но имя?.. имѣло оно какое-нибудь значеніе, или же это было роковое совпаденіе обстоятельствъ?

Онъ вновь прочиталъ весь докладъ—и ничего не могъ изъ него извлечь. Даже менѣе зоркій и наблюдательный взоръ совсѣмъ бы не замѣтилъ этого пустого обстоятельства.

Онъ отложилъ отчетъ въ сторону и снова взялъ корректуру. Былъ ли еще хоть одинъ живой человѣкъ въ мірѣ, кромѣ него и Пендльтона, кто бы объединилъ эти два показанія? Что отношенія Кэтъ Говардъ къ этому Аргвелло были кратковременны и мало извѣстны—это явствовало изъ того, что Пендльтонъ ничего не зналъ объ этомъ фактѣ.

Но онъ долженъ съ нимъ снова увидѣться и не теряя времени. Быть можетъ, онъ узналъ что-нибудь отъ Эрбы; молодая дѣвушка могла оказать пожилому человѣку то довѣріе, котораго не заслужилъ молодой: онъ припомнилъ даже съ краской въ лицѣ, что въ этой надеждѣ онъ убѣдилъ полковника отправиться въ Санта-Клару.

Онъ положилъ корректуру въ карманъ и подошелъ къ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату.

— Не пишите письма Слэту, Тони. Я самъ увижусь съ нимъ. Я ѣду въ Санъ-Франциско сегодня вечеромъ.

— А не прикажете ли, сэръ, сдѣлать какія-нибудь выписки изъ отчетовъ?

Поль поспѣшно собралъ документы и заперъ ихъ въ ящикъ стола.

— Не теперь, благодарю васъ. Я еще не всѣ ихъ просмотрѣлъ.

На слѣдующее утро Поль былъ въ Санъ-Франциско и снова вступилъ подъ портикъ гостинницы „Златыя-Врата". Ему уже сообщили, что участь этого величественнаго зданія рѣшена тѣмъ, что заложенъ фундаментъ новаго зданія въ ближайшемъ скверѣ, долженствующаго совсѣмъ затмить его; ему показалось даже, что позолота, щедрою рукой разсыпанная въ гостинницѣ, уже потускнѣла. Но когда, заказавъ себѣ завтракъ, онъ прошелъ въ гостиную, то къ счастію нашелъ ее безлюдною въ этотъ ранній часъ. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ ее. Здѣсь она стояла, вонъ около того зеркала, когда ихъ глаза впервые встрѣтились съ безмолвной инстинктивной симпатіей. Она сама напомнила и созналась въ этомъ...

Часъ спустя, онъ направился въ квартиру полковника Пендльтона, почти ожидая, что найдетъ превращеніе въ духѣ усовершенствованія и прогресса въ гостинницѣ Санъ-Чарльза. Но все тамъ находилось по прежнему въ варварскомъ и первобытномъ состояніи. Общественное мнѣніе очевидно признало, что кромѣ безусловнаго разрушенія ничего съ ней не подѣлаешь, и ждало, чтобы ея истрескавшіяся стѣны рухнули сами собой, какъ карточный домикъ, на который она походила.

Поль на минуту принялъ-было это за зловѣщій признакъ безнадежной неспособности ея обитателя примириться съ примѣнившимися условіями его жизни, и съ чувствомъ сомнѣнія поднялся по скрипучей лѣстницѣ.

Но сомнѣніе это немедленно разсѣялось на порогѣ гостиной полковника появленіемъ Джорджа и тѣмъ пріемомъ, какой онъ оказалъ гостю своего хозяина.

Сѣдой негръ былъ облеченъ въ новый какъ съ иголочки сьютъ изъ синяго сукна съ великолѣпнымъ бѣлымъ жилетомъ и громаднымъ бѣлымъ галстухомъ, отъ котораго получалось такое впечатлѣніе, что у обладателя этого галстуха распухли гланды. Манеры его, какъ показалось Полю, были еще церемоннѣе его костюма. Стряхнувъ пыль со стула и пододвинувъ его посѣти-

телю, онъ остановился передъ нимъ въ граціозной позѣ, положивъ руку на спинку другого стула.

— Вы все еще застаете насъ здѣсь, м-ръ Гетвей,—началъ онъ, картавя и играя громаднѣйшей серебряной цѣпочкой отъ часовъ:—полковникъ до сихъ поръ не могъ себѣ найти подходящей квартиры по близости, но онъ особенно объ этомъ и не безпокоится, такъ какъ не увѣренъ, что не отправится путешествовать. Кварталъ низменный, сэръ, да и люди, которые въ немъ живутъ, то же, и послѣ того, какъ мы сюда переѣхали, набралось очень много бѣлой шушеры подъ крышей здѣшней гостинницы. Но мы здѣсь временно, сэръ, и такъ сказать, на походѣ.

Поль подумалъ, что сосѣдство извѣстной цирульной и опасныя воспоминанія, связанныя съ нею, играютъ нѣкоторую роль въ презрѣніи Джоржа къ кварталу, и не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Значитъ, вамъ больше не нужно содержать цирульню, Джоржъ? Я очень этому радъ.

Ударъ пришелся не въ бровь, а прямо въ глазъ. Злополучный Джоржъ, послѣ неудачныхъ попытокъ перемѣнить позу, сдался и съ видомъ оскорбленнаго достоинства, но съ тою же церемонной вѣжливостью сказалъ:

— Вамъ извѣстно мое больное мѣсто, сэръ! Общія всѣмъ слабости человѣческой природы, сэръ, слишкомъ обыкновенная вещь, сэръ, и джентльменъ, какъ вы, сэръ, законодатель и могущественный ораторъ—послѣдній человѣкъ, чтобы упрекать за нихъ. Я сознаюсь, сэръ, обстоятельства были затруднительныя, заработокъ хорошій, а рискъ невеликъ. Джентльменъ, владѣлецъ лавочки, самъ былъ артистъ и былъ негромъ полковника Гендерсона въ Теннесси, а джентльмена, котораго я смѣнилъ, звали м-ръ Джонсонъ. Но полковникъ иначе посмотритъ на это дѣло, сэръ, и если вамъ все равно, сэръ...

— Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія говорить объ этомъ съ полковникомъ или съ кѣмъ другимъ, Джоржъ,—сказалъ Поль, улыбаясь;—и я радъ, что по вашимъ собственнымъ словамъ вы могли оставить всѣ занятія, кромѣ тѣхъ, какія вы имѣете здѣсь.

— Благодарю васъ, сэръ. Если позволите принести вамъ что-нибудь освѣжиться, то теперь, сэръ, вы найдете, что у насъ все въ порядкѣ по этой части. Шампанское въ буфетѣ. Полковникъ скоро вернется и будетъ очень недоволенъ, сэръ, если вы ничего не попробуете до его прихода.

Онъ раскрылъ, говоря это, обильно снабженный бутылками

буфетъ. То былъ первый признакъ поправившихся дѣлъ полковника, замѣченный Полемъ.

Онъ охотно удовольствовался бы однимъ видомъ, но желаніе успокоить обиженнаго старика заставило его принять рюмочку ликера. Джоржъ сразу просіялъ и сталъ сообщителенъ.

— Полковникъ отправился въ Санта-Клару повидаться съ молодой лэди, окончившей тамъ свое образованіе и единственной питомицей полковника, сэръ. Она—наслѣдница милліоннаго состоянія, сэръ, и, какъ я слышалъ, очень знатнаго рода, въ родствѣ съ прежнимъ мексиканскимъ правительствомъ. Вы не знаете, сэръ,—есть у молодой лэди титулъ? Мнѣ казалось, хотя я и не удостовѣряю это, что мэръ, или самъ полковникъ, говорили иногда про „донью".

— Очень вѣроятно,—отвѣчалъ Поль, отворачиваясь съ слабой улыбкой.

Итакъ, это уже носилось въ воздухѣ! Независимо свойственнаго негру преувеличенія, уже шли переговоры между полковникомъ и мэромъ, о которыхъ Джоржъ смутно слышалъ. Онъ, чего добраго, опоздалъ, дѣло уже ускользнуло изъ его рукъ.

Но его смущеніе еще усилилось при видѣ вернувшагося Пендльтона.

Онъ былъ одѣтъ въ наглухо-застегнутый синій фракъ, который особенно рельефно выставлялъ его высокую, худую, военную фигуру, хотя верхній отворотъ былъ закинутъ слишкомъ назадъ, чтобы обнаружить тонкую батистовую рубашку и бѣлый галстухъ. Въ петлицѣ красовался бѣлый розовый бутонъ. Мышинаго цвѣта панталоны со штрипками на узкихъ патентованныхъ кожаныхъ сапогахъ и высокая бѣлая шляпа съ широкимъ крепомъ, неизмѣннымъ трауромъ, который онъ носилъ по матери, умершей, когда онъ былъ мальчикомъ, довершали праздничную метаморфозу. Высокій ростъ, орлиный носъ и длинные сѣдые усы придавали изящную грацію этому отжившему костюму и парализировали непочтительныя насмѣшки. Даже легкая хромота придавала особый характеръ его трости съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ и подчеркивала церемонное изящество всей фигуры.

Передавъ Джоржу трость и военную шинель, онъ горячо поздоровался съ Полемъ, однако съ оттѣнкомъ прежней повелительности въ манерахъ.

— Очень радъ васъ видѣть, Гетвей, и радъ также тому, что Джоржъ лучше съумѣлъ васъ принять, чѣмъ въ прошлый разъ. Еслибы я зналъ, что вы будете, я бы постарался вернуться во-время, чтобы позавтракать съ вами. Но ваши знакомые въ

Розаріо—такъ, кажется, зовутъ эту виллу; въ мое время она принадлежала полковнику Бріонесъ, и *онъ* называлъ ее „Чортовымъ логовищемъ“—задержали меня своими анаѳемскими комплиментами. Постойте, какъ его звать?.. Вудсъ—такъ, кажется. Онъ продавалъ ромъ матросамъ-дезертирамъ на Долгой Набережной когда-то и принималъ товары въ обмѣнъ? Или это Бекеръ?.. судья Бекеръ? забылъ, который изъ нихъ. Ну-съ, сэръ, они пожелали представиться мнѣ.

Полю показалось, можетъ быть, не совсѣмъ основательно, что равнодушіе и обиняки полковника были немного дѣланные, и онъ коротко спросилъ:

— И вы выполнили свою миссію?

— Я формально передалъ вмѣстѣ съ мэромъ имущество миссъ Аргвелло.

— Миссъ Аргвелло?

— Точнѣе говоря, донъѣ Маріи Консепціонъ де-Аргвелло де-ла Эрба Буэна,—медленно проговорилъ полковникъ.—Джоржъ, снеси шляпу къ шляпному торговцу—какъ его дурацкое имя?—я только вчера прочиталъ его въ спискѣ здѣшнихъ именитыхъ гражданъ — и скажи ему, что мнѣ нуженъ *джентльменскій* траурный крепъ вокругъ шляпы, а не шнурокъ отъ дѣтскаго башмака. Можетъ быть, *это* выражаетъ *его* понятіе о томъ, чего стоютъ его собственные родители—если только они у него были—но я не просилъ его оцѣнять *моихъ*. Ступай!

Когда дверь затворилась за Джоржемъ, Поль обратился къ полковнику:

— Значитъ, вы приняли ея исторію?

Полковникъ всталъ, взялъ графинъ, налилъ въ рюмку виски и, держа ее въ рукѣ, сказалъ:

— Мой дорогой Гетвей, поймемъ хорошенько другъ друга. Какъ джентльменъ, я поставилъ себѣ за правило никогда не спрашивать возраста, имени или фамиліи знакомой мнѣ дамы. Миссъ Эрба Буэна достигла вчера совершеннолѣтія, и такъ какъ она вышла изъ-подъ моей опеки, то имѣетъ несомнѣнное право на примѣненіе къ ней моего вышеупомянутаго правила. Поэтому, если ей угодно присоединить къ своему имени всю испанскую директорію, то я не вижу причины, почему бы я сталъ этому противиться.

Какъ ни характеренъ былъ этотъ спичъ, но Полю показалось, что онъ является лишь подражаніемъ былой откровенной независимости полковника, и онъ почувствовалъ, что Пендльтонъ ему,

такъ сказать, измѣнилъ. Онъ устремилъ блестящіе глаза на своего хозяина, который съ аффектаціей тянулъ вѣски.

— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, что вы ничего больше не слышали отъ миссъ Эрбы за или противъ ея исторіи? что вы все еще не знаете, обманывается ли она сама, или обманываетъ насъ?

— Послѣ того, что̀ я только-что вамъ сказалъ, м-ръ Гетвей, я бы всякому другому отвѣтилъ по-свойски на такого рода вопросъ.

Эта напыщенная нелѣпость — въ связи съ прежними сомнѣніями Пендльтона—вызвала принужденный смѣхъ у Поля, несмотря на его досаду.

Лицо полковника вспыхнуло. Какъ и всѣ односторонніе люди, онъ совсѣмъ былъ нечувствителенъ къ юмору и только смутно чувствовалъ, что уличенъ въ слабости. Онъ поставилъ рюмку.

— М-ръ Гетвей,—началъ онъ съ легкой дрожью въ своемъ обычно повелительномъ голосѣ:—вы въ послѣднее время оказали мнѣ услугу, которую я согласился принять отъ васъ, хотя вы и значительно моложе меня; но я счелъ ее результатомъ не столько вашего великодушія, сколько справедливости. Я принялъ ее, сэръ, еще и потому, что не просилъ о ней, и думалъ, что она исходитъ изъ вашего сердца. Если я позволилъ себѣ слишкомъ откровенно выразиться въ вопросѣ, который кажется вамъ только смѣшнымъ, то могу только извиниться передъ вами, сэръ. Если я принялъ милость, отъ которой не могу отказаться и за которую не могу отплатить, то долженъ нести и послѣдствія, и попросить васъ, сэръ, тоже считаться съ ними.

Хотя Полю было и совѣстно, но ему бросилось въ глаза сходство между укоризненной позой Джоржа и настоящимъ видомъ его барина, и стало смѣшно, хотя и жалко полковника.

Но онъ подавилъ улыбку и горячо сказалъ:

— Мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами, дорогой полковникъ. Я смѣялся не надъ вашими заключеніями, но надъ страннымъ совпаденіемъ вашихъ словъ съ однимъ сдѣланнымъ мною открытіемъ.

— Какимъ, сэръ?

— Я нашелъ въ докладахъ начальника полиціи за 1850 г., что Кэтъ Говардъ пользовалась покровительствомъ человѣка, по имени Аргвелло.

Напыщенность и аффектація немедленно исчезли изъ обращенія полковника. Онъ уставился на Поля.

— И вы находите это смѣшнымъ, сэръ?—строго, но болѣе естественно спросилъ онъ.

— Можетъ быть и нѣтъ, но я боюсь, если позволите мнѣ это сказать, что вы не отнеслись къ этому дѣлу достаточно серьезно, дорогой полковникъ. Я оставилъ васъ два мѣсяца тому назадъ вполнѣ несогласнымъ со взглядами, которые вы теперь считаете пустяками. И однако вы желаете, чтобы я думалъ, что ничто не перемѣнилось и что вы не получали никакихъ новыхъ свѣденій; что это такъ, и что вы дѣйствительно не познакомились ближе съ фактами, я вѣрю уже потому, что вамъ неизвѣстенъ былъ фактъ, о которомъ я вамъ сейчасъ сообщилъ. Но чтобы на ваше сужденіе не было оказано давленія, этому я не могу повѣрить.

Онъ подошелъ ближе къ Пендльтону и положилъ свою руку на его руку.

— Я прошу васъ быть со мной откровеннымъ ради особы, интересы которой, я вижу, вы близко принимаете къ сердцу. Въ какой мѣрѣ отразится на нихъ сдѣланное мною открытіе? Вы не настолько предубѣждены, чтобы не видѣть того факта, что это совпаденіе можетъ быть опасно.

Пендльтонъ прокашлялся, всталъ, взялъ трость и заковылялъ по комнатѣ, наконецъ опустился въ кресло у окна съ тростью между колѣнъ, нервно покручивая сѣдые, длинные усы.

— М-ръ Гетвей, я *буду* откровененъ съ вами. Я ничего не понимаю въ этомъ темномъ дѣлѣ—ничего ровно! Но что я вамъ сказалъ! Ваше открытіе можетъ быть простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ, и только. Но на меня повліяло, сэръ,—повліяло одно изъ совершеннѣйшихъ, божественнѣйшихъ... да, сэръ, невиннѣйшихъ созданій, какія когда-либо Господь посылалъ на землю. Дѣвушка, которую я съ гордостью призналъ бы своей дочерью; дѣвушка, которая будетъ выше всякаго мужчины, пожелающаго стать ея мужемъ! Молодая лэди, такая же безукоризненная по красотѣ, какъ и по своимъ достоинствамъ, и равной которой нѣтъ на землѣ! Я знаю, сэръ, *вы* со мной несогласны; я знаю, м-ръ Гетвей,—ваши пуританскіе предразсудки, ваши церковныя предвзятыя идеи, ваши свѣтскія теоріи о приличіи, а пуще всего, сэръ, ваше лицемѣріе, фарисейскія доктрины вашей партіи,—я говорю это не въ обиду вамъ, сэръ,—ослѣпляютъ васъ насчетъ этой дѣвушки. Она, бѣдное дитя, сама увидѣла это и поняла; но въ своей безупречной чистотѣ и невинности не подозрѣваетъ о причинѣ. „Въ нашихъ натурахъ,—говорила она мнѣ вчера вечеромъ,—есть что-то странно антипатичное и взаимно отталкивающее, какая-то неопредѣленная и непонятная преграда между нашими умами, мѣшающая намъ понимать другъ друга“.

Вы понимаете, м-ръ Гетвей, что она отдаетъ полную справедливость вашимъ намѣреніямъ и безспорнымъ талантамъ. „Я не слѣпа къ дарованіямъ м-ра Гетвея,—говоритъ она,—и очень возможно, что я одна во всемъ виновата". Ея подлинныя слова, сэръ.

— Итакъ, вы вѣрите, что она безусловно не знаетъ, кто ея мать?—спросилъ Поль твердымъ голосомъ, но съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Какъ новорожденный младенецъ,—отвѣчалъ полковникъ напыщенно.—Снѣгъ на Сіеррахъ не болѣе безпорочно чистъ отъ всякой грязи, чѣмъ она отъ материнской заразы. Ей знать это! да тѣнь подозрѣнія была бы для нея профанаціей, сэръ! Взгляните въ ея глаза, открытые какъ небо и такіе же ясные; взгляните на ея лицо и всю наружность, такую же прямую и безукоризненную, сэръ, какъ у степного чистокровнаго коня! Взгляните на то, какъ она себя держитъ—въ простомъ ли то будетъ школьномъ платьицѣ, или въ томъ черномъ нарядѣ, въ которомъ она похожа на принцессу! И чортъ меня побери, если она не настоящая принцесса! Въ ней нѣтъ низкой примѣси, нѣтъ смѣшанной крови, сэръ. Чортъ меня побери, сэръ, но если ужъ на то пошло, то Аргвелло—а есть ли изъ нихъ хоть одна собака въ живыхъ?—должны на колѣняхъ молить ее принять ихъ фамилію! Клянусь Всевышнимъ, сэръ, если кто-либо изъ нихъ осмѣлится стать на ея пути и не упадетъ передъ нею ницъ,—да, сэръ, *ницъ*! —я сотру его съ лица земли и отправлю къ праотцамъ прежде, нежели онъ спохватится,—или меня зовутъ не Гарри Пендльтонъ!

Какъ ни было все это безразсудно и непослѣдовательно, но интересно было глядѣть на полковника съ его смуглымъ, суровымъ лицомъ, озареннымъ восторгомъ фанатика, съ глазами, метавшими молніи, съ закрученными сѣдыми усами, съ закинутой назадъ головой, разставленными врозь ногами и съ тростью съ золотымъ набалдашникомъ подъ мышкой, точно копье.

Поль глядѣлъ и зналъ, что превращеніе его въ Донъ-Кихота —*ея* тріумфъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ горько сознавалъ, что прелесть *этой* Дульцинеи врядъ ли преувеличена. Онъ отвернулся и спокойно проговорилъ:

— Такъ вы полагаете, что это совпаденіе не вызоветъ никакихъ подозрѣній насчетъ ея настоящаго имени?

— Нимало, сэръ, нимало,—отвѣчалъ полковникъ болѣе рѣшительнымъ, нежели убѣжденнымъ тономъ.—Никто кромѣ васъ не замѣтитъ этой полицейской отмѣтки, и связь этой женщины съ нимъ не была никому извѣстна, или же бы я зналъ о ней.

— И вы думаете,—продолжалъ Поль безнадежно,—что выборъ этой фамиліи миссъ Эрбой былъ чисто случайный?

— Чисто... Дѣвическая фантазія! Фантазія, говорю вамъ! Нѣтъ, сэръ! клянусь Юпитеромъ—не фантазія, а скорѣе вдохновеніе!

— И вы не думаете,—настаивалъ Поль, но болѣе машинально, —чтобы это могло быть коварнымъ внушеніемъ со стороны врага, знавшаго о мимолетной связи, о которой никто другой не подозрѣвалъ?

Къ его окончательному удивленію, лобъ Пендльтона разгладился.

— Врага? Чортъ возьми! вы, можетъ быть, правы! Я займусь этимъ; и если это такъ, на что я не смѣю надѣяться, то вы можете спокойно предоставить это дѣло *мнѣ*, м-ръ Гетвей.

Онъ до такой степени, казалось, былъ увѣренъ въ своемъ героизмѣ, что Полю нечего было больше сказать. Онъ всталъ и съ слабой улыбкой на блѣдномъ лицѣ протянулъ руку:

— Мнѣ кажется, я все сказалъ, что̀ слѣдовало. Когда увидите миссъ Эрбу снова,—а вы безъ сомнѣнія увидите ее,—то скажите ей, что я не чувствую, чтобы съ моей стороны было какое-нибудь недоразумѣніе; развѣ быть можетъ въ томъ способѣ, какимъ я думалъ наилучшимъ образомъ ей услужить,—но еслибы не ея слова вамъ, то я бы, конечно, и не помыслилъ, что между нами есть какое-нибудь недоразумѣніе.

— Разумѣется, я исполню ваше порученіе,—сказалъ полковникъ съ безпечной философіей и съ удовольствіемъ:—вы понимаете эти вещи, м-ръ Гетвей; объясненія этого рода инстинктовъ невозможны, — намъ приходится принимать ихъ какъ они есть. Но я вѣрю, что ваши сообщенія, сэръ, были строго согласны съ тѣмъ, что̀ вы считали своимъ долгомъ. Вы не хотите ли выпить чего-нибудь передъ уходомъ?.. Ну, значитъ, прощайте.

Двѣ недѣли спустя, Поль нашелъ между утренней корреспонденціей конвертъ, надписанный неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ полковника Пендльтона. Онъ вскрылъ его съ торопливостью, какую ни искусственное самообладаніе, ни строгое выполненіе обязанностей еще не помогли ему подавить, и поспѣшно ознакомился съ его содержаніемъ:

„Любезный сэръ, такъ какъ я готовлюсь отплыть въ Европу завтра, сопровождая миссъ Аргвелло и миссъ Вудсъ въ ихъ путешествіи въ Англію и по континенту, то хочу увѣдомить васъ, что до сихъ поръ не нашелъ еще никакихъ подтвержденій намеку, высказанному вами во время нашего послѣдняго свиданія.

„Испанскія знакомства миссъ Аргвелло самыя отборныя и

ограничиваются немногими школьными подругами и домомъ Цезаремъ и доньей Анной Бріонесъ, испытанными друзьями, вмѣстѣ съ нами отплывающими въ Европу. Миссъ Аргвелло высказала мнѣніе, что политическая размолвка между вами и домомъ Цезаремъ, происшедшая во время вашего визита въ Розаріо три мѣсяца тому назадъ, могла, быть можетъ, подать поводъ къ вашему предположенію. Она присоединяетъ свои наилучшія пожеланія къ моимъ относительно вашей общественной карьеры, за которою будетъ слѣдить съ величайшимъ интересомъ даже среди развлеченій путешествія по чужимъ краямъ и обязанностей ея положенія. Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ—Гарри Пендльтонъ".

V.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1863 г. Поль Гетвей поручилъ себя и свой багажъ на попеченіе расшитаго по всѣмъ швамъ золотомъ, пышнаго курьера гостинницы Струдль-Бадъ-Гофъ, не будучи вполнѣ увѣренъ, попавъ въ страну мундировъ, куда его собственно доставятъ: въ казармы, въ полицію или въ консерваторію. Его сомнѣнія разсѣялись, когда омнибусъ въѣхалъ во дворъ гостинницы, и швейцаръ съ золотой цѣпью, среди двухъ зеленыхъ кадокъ съ олеандрами, встрѣтилъ его съ важностью, разсчитанною на истребленіе всякой предвзятой идеи о томъ, что путешествіе —пустое дѣло, или что пріѣздъ въ Бадъ-Гофъ не серьезный моментъ въ жизни. Письма на его имя еще не приходили, такъ какъ въ порывѣ скуки онъ сократилъ свой маршрутъ, поэтому онъ прошелъ въ читальную.

Двое или трое посѣтителей-англичанъ очевидно были заняты самымъ почтеннымъ чтеніемъ и письмомъ; двое сидѣло у окна, ведя вполголоса душеспасительную бесѣду, а двое американцевъ изъ Бостона подражали имъ на другомъ концѣ комнаты.

Всюду царствовала приличная натянутость, какъ у людей, которые ни на одну минуту не могутъ питать дикой идеи, что на водахъ можетъ быть весело.

Прусскій офицеръ въ очкахъ, въ полной парадной формѣ, проходя по двору, на секунду остановился у дверей гостинницы съ такимъ видомъ, точно созерцалъ вторженіе непріятеля, но одумался и пронесъ свой мундиръ дальше на залитую солнцемъ площадь, гдѣ соединился съ другими мундирами. Поль стоялъ среди полярной тишины до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ читателей не всталъ и съ книгой въ рукахъ—путеводитель Муррея—

не перешелъ черезъ всю комнату къ знакомому, безмолвно указавъ ему на какое-то мѣсто въ книгѣ, и безмолвно дожидаясь, пока тотъ безмолвно прочиталъ, вернулся затѣмъ назадъ на свое мѣсто; весь инцидентъ прошелъ такимъ образомъ въ молчаніи. Послѣ чего Поль, убѣдившись въ томъ, что онъ здѣсь лишній, тихонько вышелъ изъ комнаты и пошелъ бродить. Къ удовольствію своему, онъ натолкнулся на знакомаго ему офицера, путешествовавшаго по Америкѣ и любившаго разсуждать о ней, причемъ всегда высказывалъ такое тонкое пониманіе, какое Поль не часто встрѣчалъ у соотечественниковъ. Онъ съ радостью возобновилъ знакомство, и они вмѣстѣ направились въ сумерки въ гостинницу.

Они находились уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, когда вниманіе Поля было привлечено любопытствомъ и восторгомъ двухъ или трехъ ребятишекъ, слѣдовавшихъ впереди его за странной фигурой, которая, очевидно, была имъ не незнакома. То былъ, повидимому, слуга въ яркой ливреѣ зеленаго цвѣта съ желтыми галунами и серебряными пуговицами. Но всего замѣчательнѣе въ немъ была невыразимая смѣсь развязности и важности, съ какою онъ носилъ свое пестрое одѣяніе. Въ его походкѣ и размахиваньѣ тростью было нѣчто какъ будто знакомое Полю и вмѣстѣ съ тѣмъ такое забавное, что Поль не только понялъ любопытство ребятишекъ, но и самъ заинтересовался не менѣе ихъ. Онъ ускорилъ шаги, но не могъ различить лица незнакомца. Спутникъ Поля, забавляясь тѣмъ, что̀ ему казалось національнымъ американскимъ любопытствомъ, уже раньше видалъ эту фигуру.

— Это—лакей изъ свиты какой-то восточной Altesse посѣтившаго воды. Вы увидите диковинныя вещи въ Струдль-Бадѣ, мой другъ. Par exemple, вашихъ соотечественниковъ: иной изъ нихъ обогатился, торгуя свинымъ мясомъ, или мыломъ, или свѣчами, и разъѣзжаетъ въ каретѣ съ гербомъ, купленнымъ имъ въ Италіи, съ своими долларами и красавицей-дочкой, которая ищетъ еще новыхъ титуловъ съ матримоніальными поползновеніями.

Послѣ ранняго обѣда Поль отправился въ небольшой театръ. Онъ уже раньше замѣтилъ раскрашенную афишу, наклеенную неподалеку отъ дебаркадера, возвѣщавшую, что знаменитая нѣмецкая труппа даетъ представленіе „Хижины дяди Тома“, и нѣкоторыя особенности въ испещренномъ картинами объявленіи обѣщали много забавнаго.

Онъ нашелъ театръ почти полнымъ; тутъ былъ обычный контингентъ офицеровъ, англичанъ и нѣмцевъ, туристовъ, но ни-

кого, повидимому, изъ его соотечественниковъ. Ему некогда было осмотрѣть публику подробнѣе, потому что представленіе началось съ необыкновенной и дотолѣ невѣдомой ему пунктуальностью ровно въ назначенный часъ.

Перенесенный сразу въ роскошную тропическую мѣстность—рабовладѣльческіе штаты Америки—богатую плодами и пальмами съ острова Маврикія и населенную исключительно Павлами и Виргиніями въ полосатыхъ бумажныхъ тканяхъ, Гетвей ухитрился сохранить серьезное лицо до прибытія добраго южнаго плантатора Сентъ-Клера, загримированнаго какъ одинъ изъ портретовъ Гёте первой молодости, въ сапогахъ съ отворотами, легкихъ казинетовыхъ брюкахъ, въ реденготѣ и съ отложнымъ à la Байронъ воротничкомъ. Тутъ онъ вынужденъ былъ забиться въ уголъ ложи и закрыть лицо носовымъ платкомъ. Къ счастію, это движеніе могло быть объяснено свиданіемъ крайне патетическаго характера между круглолицей, бѣлокурой „Kleine Eva“—и „Дядей Томомъ“.

Поль не сталъ дожидаться конца этого балаганнаго представленія и, сопровождаемый негодующимъ шипѣніемъ зрителей, вышелъ изъ ложи, прошелъ по корридору и спустился съ лѣстницы. Онъ проходилъ мимо открытыхъ дверей съ надписью: „директоръ“, когда вниманіе его было привлечено небольшимъ сборищемъ людей и звуками негодующаго голоса. То былъ голосъ соотечественника,—болѣе того, то былъ знакомый голосъ, голосъ, котораго онъ не слышалъ уже три года, голосъ полковника Гарри Пендльтона.

— Скажите ему,—говорилъ Пендльтонъ громовымъ голосомъ своему невидимому собѣсѣднику:—скажите ему, сэръ, что это самая подлая каррикатура изъ самыхъ негодныхъ каррикатуръ на свободный народъ, какія мнѣ когда-либо случалось видѣть, сэръ! Скажите ему, что *я* сэръ, да! *я*, Гарри Пендльтонъ изъ Кентукки, южанинъ, сэръ, бывшій рабовладѣлецъ, сэръ, заявляю, что это—сборище клеветъ и лжи, недостойной довѣрія честныхъ христіанъ и цивилизованныхъ людей, недостойныхъ вниманія порядочныхъ лэди и джентльменовъ, собравшихся здѣсь сегодня вечеромъ! Скажите ему, сэръ, что его обманули. Скажите, что я отвѣчаю,—передайте ему мою карточку и адресъ,—лично отвѣчаю за свои слова. Если онъ желаетъ доказательствъ, чортъ побери!—скажите ему, что вы сами были невольникомъ, *могли* невольникомъ, сэръ! Снимите шляпу, сэръ! Попросите его поглядѣть на васъ, спросите его, похожи ли вы на этого вислоухаго, бѣлобородаго ханжу, распѣвающаго псалмы на сценѣ! Спросите

его, сэръ, похожъ ли этотъ шутъ гороховый, котораго они называютъ Сентъ-Клеромъ, похожъ ли онъ на *меня*!

При этихъ удивительныхъ восклицаніяхъ Поль поспѣшно прошелъ впередъ и вошелъ въ контору. То былъ несомнѣнно полковникъ Пендльтонъ въ безукоризненномъ фракѣ, высокій, громящій, негодующій! Передъ нимъ стоялъ не кто иной, какъ Джоржъ въ изумительной ливреѣ, какую могъ носить только Джоржъ.

Но онъ еще больше удивился, когда старый негръ на такомъ же коверканномъ, шепелявомъ нѣмецкомъ языкѣ, какъ и тотъ англійскій, на которомъ онъ говорилъ, но такъ же бѣгло и убѣдительно, какъ онъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, принялся за нелѣпый, но полный чувства собственнаго достоинства и дипломатическій переводъ протестовъ своего господина. Когда и гдѣ, и въ силу какого инстинкта онъ усвоилъ себѣ напыщенную сантиментальность и комическіе обороты тевтонской фразеологіи—Поль не могъ догадаться, но съ глубокимъ удивленіемъ убѣдился, что рѣчь и манеры старика были такъ убѣдительны и краснорѣчивы, что не только на директора театра, но и на зрителей вся эта нелѣпая сцена производила глубокое впечатлѣніе, что̀ и выражалось глубокомысленными и прочувствованными: „So!“—вырывавшимися время отъ времени у присутствующихъ.

Поглощенные своимъ предметомъ, ни полковникъ, ни Джоржъ, не замѣтили прихода Поля, но въ то время, какъ старый слуга съ величественной галантностью поворачивался къ присутствующимъ, глаза его остановились на Полѣ. Удивленіе, торжество и радость сверкнули въ нихъ. Поль сейчасъ же увидѣлъ, что негръ не только узналъ его, но что онъ уже слышалъ про него и вполнѣ оцѣнилъ высокій постъ, какой недавно порученъ былъ Полю. Съ усиленной напыщенностью манеръ и рѣчи негръ воззвалъ къ именитѣйшему и такъ кстати пожаловавшему старинному другу его господина лорду-намѣстнику губернатора Золотой Калифорніи, прося подтвердить его слова. Полковникъ Пендльтонъ встрепенулся и горячо пожалъ руку Полю.

Поль обратился къ директору, уже на половину смягчившемуся, съ дипломатическимъ заявленіемъ, что живая и реальная игра его превосходной труппы, въ связи съ неизбѣжнымъ преувеличеніемъ въ драматическомъ произведеніи, не въ мѣру взволновали его стараго друга, и инцидентъ окончился обоюдными извиненіями и выраженіемъ международныхъ добрыхъ чувствъ.

Однако, когда они вмѣстѣ вышли изъ театра, Поль не могъ

не замѣтить, что хотя полковникъ поздоровался съ нимъ горячо, но вслѣдъ затѣмъ сталъ сдержанъ и сухъ. Поль не пытался пробить ледъ, ограничился общими замѣчаніями и пригласилъ полковника отъужинать съ нимъ въ гостинницѣ. Пендльтонъ колебался.

— Во всякое другое время, м-ръ Гетвей, я бы настоялъ, чтобы вы, въ качествѣ пріѣзжаго, отъужинали бы у меня, но въ отсутствіе остальныхъ членовъ моей компаніи я сдалъ свои аппартаменты въ Бадъ-Гофѣ и занялъ небольшую квартирку для себя и малаго въ „Черномъ Орлѣ“. Миссъ Вудсъ и миссъ Аргвелло припяли приглашеніе провести нѣсколько дней на виллѣ барона и баронессы фонъ-Шильпрехтъ, за часъ или два ѣзды отсюда.

Онъ сдѣлалъ удареніе на титулѣ и вопросительно взглянулъ на Поля. Но Гетвей не выразилъ ни удивленія, ни волненія при имени Эрбы, а равно и при упоминовеніи титула людей, къ кому она отправилась въ гости, и Пендльтонъ продолжалъ:

— Миссъ Аргвелло пользуется, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, славой первой красавицы и ею очень восхищаются.

— Охотно вѣрю,—отвѣчалъ Поль.

— И она заняла положеніе—положеніе, сэръ, какое ей подобаетъ.

Какъ будто не замѣчая слегка вызывающаго тона полковника, Поль отвѣчалъ:

— Радъ это слышать. Тѣмъ болѣе, что нѣмцы, какъ мнѣ кажется, очень дорожатъ положеніемъ и родовитостью.

— Вы правы, сэръ, вы вполнѣ правы, они очень этимъ дорожатъ,—проговорилъ полковникъ гордо:—хотя,—прибавилъ онъ съ намѣреніемъ растягивая слова,—я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что король можетъ въ иныхъ случаяхъ, если захочетъ, надѣлить,—да, сэръ... *надѣлить* лицо, которое онъ пожелаетъ осчастливить, предками... да, сэръ, *предками*!

Поль бросилъ быстрый взглядъ на собесѣдника.

— Да, сэръ, это такъ бываетъ въ случаѣ, скажемъ, если лэди ниже по происхожденію своего жениха, то король можетъ, въ случаѣ ея помолвки съ дворяниномъ, облагородить ея отца, мать и ихъ отцовъ и матерей, хотя бы они даже были покойники.

— Боюсь, что это уже нѣкоторое преувеличеніе рѣдкаго обычая жаловать „благородныя земли“ или помѣстья, съ которыми связаны наслѣдственные титулы,—сказалъ Поль немного торжественнѣе, чѣмъ того требовали обстоятельства.

— Фактъ, сэръ! Джоржъ все это знаетъ,—продолжалъ

Пендльтонъ.—Онъ узналъ это отъ другихъ слугъ. Я не говорю по здѣшнему, сэръ, но *онъ* говоритъ. Научился въ одинъ годъ.

— Да, я долженъ поздравить его съ тѣмъ, какъ онъ бѣгло говоритъ по-нѣмецки,—замѣтилъ Поль, глядя на Джоржа.

Старый слуга улыбнулся, но не безъ снисходительности.

— Да, сэръ, я не скажу такому образованному человѣку, какъ вы, сэръ, что выражаюсь съ грамматической правильностью, но что касается, сэръ, *идіотизмовъ* языка, то я, по общему приговору, довольно хорошо справляюсь съ ними. Что же касается того, что говоритъ мистеръ Гарри про облагораживаніе предковъ, то я слышалъ объ этомъ, сэръ, отъ лучшихъ авторитетовъ, отъ первѣйшихъ, можно сказать, prima facie людей, отъ приближенныхъ его свѣтлѣйшаго высочества, сэръ, во время нашей обычной бесѣды.

— Ну, довольно, Джоржъ,—сказалъ Пендльтонъ съ отеческой безцеремонностью:—бѣгите впередъ и скажите буфетчику, что м-ръ Гетвей мой пріятель... а потому, чтобы ужинъ былъ соотвѣтственный.

Когда негръ ушелъ, онъ замѣтилъ Полю:

— А вѣдь онъ говоритъ правду: онъ — самый популярный человѣкъ во всемъ Струдль-Бадѣ—чертовски популярнѣе своего барина—и всюду бываетъ, куда *я* не попаду. Принцы и принцессы останавливаются и заговариваютъ съ нимъ на улицѣ. Эрцгерцогъ просилъ позволенія посадить его къ себѣ на козлы во время скачекъ, и клянусь Всевышнимъ, сэръ, онъ задаетъ тонъ здѣсь.

— И какъ я вижу, одѣвается въ этомъ духѣ,—замѣтилъ Поль.

— Это его собственная идея. И клянусь Юпитеромъ! онъ оказывается правъ. Вы здѣсь ничего не сдѣлаете безъ мундира. И мнѣ говорятъ, что его ливрея строго правильна—до гербовъ на пуговицахъ.

Они молча шли въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; изъ походки и манеръ Пендльтона Поль замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ покоенъ и чѣмъ-то разстроенъ. Гетвей не имѣлъ намѣренія усиливать довѣріе своего собесѣдника. Быть можетъ, опытъ подсказывалъ ему, что оно скоро будетъ ему оказано. Поэтому онъ безпечно говорилъ о самомъ себѣ, какъ онъ почувствовалъ необходимость отдыха и рѣшился путешествовать, и какъ нѣмецкій докторъ, съ которымъ онъ совѣтовался, убѣдилъ его провести нѣсколько недѣль въ Струдль-Бадѣ прежде, нежели пуститься обратно домой. Но онъ отлично замѣчалъ, что полковникъ отъ времени до времени украдкой взглядывалъ ему въ лицо.

— А вы,—сказалъ онъ въ заключеніе,—когда вы думаете вернуться въ Калифорнію?

Полковникъ немного замялся.

— Я останусь въ Европѣ до тѣхъ поръ, пока миссъ Аргвелло будетъ пристроена... я хочу сказать,—поспѣшно прибавилъ онъ:—пока она не освоится вполнѣ съ иностранными обычаями и порядками. Вы видите, Гетвей, я въ нѣкоторомъ родѣ до сихъ поръ служу ей опекуномъ. Я старый человѣкъ, у меня нѣтъ никого родственниковъ... для теперешнихъ молодцовъ,—онъ неопредѣленно кивнулъ въ направленіи къ западу,—я слишкомъ старомоденъ. Но здѣсь, въ землѣ старыхъ традицій и пріемовъ, это незамѣтно. Вотъ я и опекаю ее, сторожу ее, хотя конечно у нея есть другіе друзья и знакомые,—понимаете, болѣе ей по возрасту и по вкусу.

— И я не сомнѣваюсь, что она вполнѣ счастлива,—произнесъ Поль съ убѣжденіемъ.

— Полагаю такъ, сэръ, — протянулъ полковникъ: — хотя иногда мнѣ кажется, м-ръ Гетвей, что для нея полезнѣе было бы женское покровительство какой-нибудь пожилой свѣтской лэди. Здѣсь это въ духѣ; это называется, знаете, chaperon. Ну, а миссъ Вудсъ, видите, однихъ съ нею лѣтъ, а донья Анна конечно старше, но—чортъ бы ее побралъ!—она такая же кокетка, какъ и всѣ другія... то-есть, я хочу сказать, сэръ, что ей недостаетъ равновѣсія и—если можно такъ выразиться—самопожертвованія.

— Значитъ, донья Анна все еще въ вашей компаніи?

— Да, сэръ, а также и ея братъ, донъ Цезарь. Я считалъ полезнымъ для Эрбы какъ можно больше поддерживать ея предполагаемыя испанскія связи, хотя, благодаря нелѣпому незнанію географіи и политическихъ условій, здѣсь всѣ воображаютъ, что она изъ Южной Америки. Фактъ, сэръ! Меня самого принимали за директора одной изъ этихъ чертовскихъ республикъ и на меня указывали какъ на повелителя двухъ или трехъ милліоновъ негровъ такихъ же, какъ мой Джоржъ!

Лицо полковника не выражало и тѣни юмора, хотя онъ и засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

За ужиномъ Пендльтонъ немного оттаялъ, однако не проронилъ ни слова о тайнѣ родственныхъ отношеній Эрбы или о какихъ бы то ни было признаніяхъ съ ея стороны. По всей видимости, положеніе дѣлъ было то же, что и три года тому назадъ. Онъ говорилъ о ея популярности, какъ красивой женщины и богатой наслѣдницы, и о поклоненіи, которымъ ее окружали.

Онъ не сомнѣвался, что она отказалась отъ нѣсколькихъ весьма блестящихъ партій, но объ этомъ она ни съ кѣмъ не говорила. Она имѣла полное право такъ поступать. Она не была тщеславная дѣвушка, которую можно подкупить лестью или обмануть; напротивъ того, онъ не зналъ болѣе хладнокровной и разсудительной женщины. Она знала себѣ цѣну. Когда она встрѣтитъ человѣка себѣ по плечу, тогда и выйдетъ замужъ, но не прежде. Онъ не зналъ, въ чемъ заключается ея идеалъ, но онъ былъ, конечно, очень высокъ. Онъ можетъ только сказать по собственному опыту, что въ прошломъ году, когда они были на итальянскихъ озерахъ, тамъ былъ одинъ принцъ—м-ръ Гетвей пойметъ, что онъ не можетъ называть имени—и онъ былъ не только внимателенъ къ ней, но даже внимателенъ и *къ нему*; да, сэръ, клянусь Юпитеромъ! и дѣлалъ весьма знаменательные вопросы. Это былъ единственный разъ, когда онъ, полковникъ, заговорилъ съ ней объ этомъ предметѣ, и зная, что она неравнодушна къ этому человѣку, который былъ въ своемъ родѣ недурной человѣкъ, спросилъ ее, почему она не поощритъ его.

Она отвѣчала со смѣхомъ, что онъ не можетъ жениться на ней, не отказавшись отъ своихъ правъ на нѣкій престолъ, а *безъ этого* она не пойдетъ за него. То были ея собственныя слова, сэръ, и онъ можетъ прибавить только, что принцъ уѣхалъ черезъ нѣсколько дней, и они его больше не видѣли. Что касается разныхъ князьковъ, графчиковъ и бароновъ, то она знала до мельчайшихъ подробностей ихъ права на дворянскій патентъ и давность этихъ правъ, а также и то, какія привилегіи съ ними связаны; она могла сообщить цѣнность ихъ помѣстій до послѣдняго гроша, количество ихъ долговъ и, клянусь Юпитеромъ! сэръ, размѣръ тѣхъ суммъ, какія ей пришлось бы заплатить, чтобы выкупить ихъ имѣнія, прежде чѣмъ выйти замужъ. Она знаетъ какъ великъ доходъ, какой она должна принести офицеру прусской арміи, отъ генерала до прапорщика включительно. Она понимаетъ себѣ цѣну и свои права. Одинъ юный англійскій лордъ познакомился съ ними на Рейнѣ, и его простыя, непритязательныя манеры понравились ей. Они были большими пріятелями, но лордъ хотѣлъ, чтобы онъ, полковникъ, убѣдилъ ее принять приглашеніе пріѣхать съ нимъ, полковникомъ, въ Англію, къ его матери, чтобы его родственники познакомились съ нею. Но она отказалась, сэръ! она отказалась представляться его матери. Она сказала, что *ему* слѣдовало бы представиться *ея* матери!

— Какъ? она сказала это?—перебилъ Поль, устремивъ глаза на полковника.

— Еслибы у нея была мать, сэръ, еслибы она у нея была,— поправился поспѣшно полковникъ.—Само собой разумѣется, это было только предположеніе. Всѣмъ извѣстно, сэръ, что она сирота.

Мертвое молчаніе послѣдовало за этимъ. Полковникъ откинулся на спинку кресла и крутилъ усы. Поль отвернулся и казался погруженнымъ въ размышленіе. Наконецъ, полковникъ прокашлялся, поставилъ рюмку на столъ и, опершись на него, сказалъ:

— У меня къ вамъ просьба, м-ръ Гетвей.

— Къ вашимъ услугамъ, дорогой полковникъ.

— Вы, конечно, встрѣтитесь съ миссъ Аргвелло во время своего пребыванія здѣсь; было бы странно, еслибы вы не встрѣтились. Дайте мнѣ честное слово, что не будете дѣлать ей никакихъ намековъ на прошлое и не станете съ ней заговаривать объ этомъ предметѣ.

Поль пристально поглядѣлъ на полковника.

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія заговаривать объ этомъ, хотя думалъ, что все улажено безъ всякихъ разговоровъ. Но долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, что она сама нѣсколько безпокоится объ этомъ? Изъ того, что вы мнѣ говорили объ ея честолюбивыхъ планахъ, я не могу себѣ представить, чтобы она питала какія-нибудь подозрѣнія насчетъ истиннаго положенія вещей.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ поспѣшно полковникъ.—Но вы мнѣ обѣщаете?..

— Обѣщаю, что не буду съ ней заговаривать объ этомъ вопросѣ, а если она сама заговоритъ—что врядъ ли возможно,— то ничего не открою ей безъ вашего согласія.

— Благодарю васъ, — отвѣчалъ Пендльтонъ не особенно, впрочемъ, обрадованнымъ голосомъ.—Она завтра вернется сюда.

— Вы говорили, что она уѣхала на нѣсколько дней.

— Да; но она вернется, чтобы повидаться съ доньей Анной, которая заѣдетъ сюда съ братомъ по дорогѣ въ Парижъ.

Поль подумалъ, что въ послѣдній разъ онъ ее видѣлъ тоже въ обществѣ Бріонесъ. Это было не очень пріятное совпаденіе. Однако онъ спохватился объ этомъ только тогда, какъ замѣтилъ, что полковникъ наблюдаетъ за нимъ.

— Вамъ, кажется, братъ ея не по нутру,—сказалъ Пендльтонъ.

На секунду у Поля мелькнуло желаніе сообщить о своихъ смутныхъ подозрѣніяхъ насчетъ дона Цезаря, но крайняя безполезность такого заявленія и воспоминаніе о теоріи Эрбы насчетъ ея антипатіи къ нему, сообщенной когда-то въ письмѣ Пендльтона, во-время остановили его. Онъ только сказалъ:

— Я не помню, чтобы у меня были причины не любить дона Цезаря; при свиданіи съ нимъ провѣрю это.

И перемѣнилъ разговоръ.

Нѣсколько минутъ спустя, полковникъ позвалъ Джоржа и всталъ, чтобы проститься.

— Миссъ Аргвелло съ горничной и курьеромъ займетъ прежніе аппартаменты свои здѣсь,—замѣтилъ онъ съ обычной повелительностью.—Джоржъ уже распорядился. Я останусь на моей нынѣшней квартирѣ, но, конечно, мы будемъ видѣться ежедневно. Покойной ночи.

VI.

На слѣдующее утро Поль не могъ не замѣтить усиленнаго и даже преувеличеннаго почтенія, съ какимъ относились къ нему слуги въ гостинницѣ. Его спросили, угодно ли будетъ *его превосходительству* завтракать въ отдѣльной комнатѣ, и то обстоятельство, что онъ соблаговолилъ идти въ общую столовую, поразило услужливаго буфетчика, но не помѣшало ему проводить его въ столовую и прикомандировать спеціальнаго кельнера къ особѣ „милорда“.

Поль догадался, что полковникъ и Джоржъ не чужды этой торжественности, но отложилъ разспросы до встрѣчи съ ними. И хотя онъ не смѣлъ въ томъ сознаться самому себѣ, однако неожиданная возможность снова увидѣть Эрбу занимала его мысли. Онъ, правда, предполагалъ, что можетъ случайно гдѣ-нибудь столкнуться съ нею въ Европѣ: онъ думалъ объ этомъ, уѣзжая изъ Калифорніи. Но онъ не ожидалъ, что это будетъ такъ скоро и просто.

Онъ вернулся съ утренней прогулки у источника и праздно сидѣлъ въ своей комнатѣ, какъ вдругъ раздался стукъ въ дверь. Дверь растворилась, и вошелъ слуга съ подносомъ и визитной карточкой. Поль съ легкой дрожью поднесъ къ глазамъ налитографированныя имя и фамилію: „Марія Консепціонъ де-Аргвелло де-ла Эрба Буэна“, и на подписанныя подъ ними карандашомъ и знакомымъ дѣвическимъ почеркомъ слова: „проситъ аудіенціи у его превосходительства лорда-намѣстника губернатора Калифорніи“.

Поль вопросительно взглянулъ на слугу.

— Gnädiges Fräulein въ своемъ салонѣ. Не угодно ли *его превосходительству* пожаловать туда, это совсѣмъ близко—рядомъ.

Поль съ удивленіемъ послѣдовалъ за слугой въ корридоръ. Дверь комнаты рядомъ была раскрыта и въ нее видно было красиво убранную гостиную. Высокая, граціозная фигура быстро приподнялась изъ-за письменнаго стола и съ протянутыми руками и откровеннымъ, хотя и лукавымъ смѣхомъ пошла ему на встрѣчу. То была Эрба.

— Сознайтесь,—сказала она,—что съ моей стороны это смѣлый поступокъ. Вы могли бы быть совсѣмъ не тѣмъ лицомъ, какимъ-нибудь настоящимъ превосходительствомъ... кто тамъ еще знаетъ кѣмъ! Или же, и того хуже, могли совсѣмъ позабыть старѣйшую и смиреннѣйшую, но вѣриую подданную.

Она отступила назадъ и насмѣшливо присѣла, но тѣмъ не менѣе съ такимъ выраженіемъ, чтобы показать, что она не совсѣмъ шутитъ.

— Но что это все значитъ?—спросилъ онъ, улыбаясь и чувствуя, что не только его сомнѣнія и неловкость, но-даже и годы разлуки растаяли въ ея присутствіи. — Я знаю, что легъ вчера спать простымъ смертнымъ, а сегодня поутру проснулся важной персоной. Не можете ли вы разрѣшить мои недоумѣнія?

— Неужели вы хотите сказать, что еще не читали „Anzeiger?“ —спросила она, беря небольшой нѣмецкій печатный листокъ со столика и указывая на одинъ параграфъ.

Поль взялъ листокъ. Тамъ въ числѣ пріѣзжихъ стояло имя: „Его превосходительства Поля Гетвея, лорда намѣстника губернатора Калифорніи“.

— Это дѣло рукъ Джоржа. Онъ съ полковникомъ Пендльтономъ былъ у меня вчера здѣсь вечеромъ.

— Значитъ, вы уже видѣли полковника? — сказала она съ чуть замѣтной перемѣной въ лицѣ, но которая однако не ускользнула отъ Поля.

— Да. Я встрѣтилъ его въ театрѣ вчера вечеромъ.

Онъ готовился-было оживленно описать сцену негодованія полковника, но удержался, самъ не зная почему, и въ слѣдующую минуту былъ радъ, что удержался.

— Это все объясняетъ,—сказала она, пожимая плечами съ усталымъ видомъ.—Я должна была три мѣсяца тому назадъ запретить Джоржу разсказывать про меня свои сказки... О, его нелѣпыя басни вовсе нестерпимы! А полковникъ, который совсѣмъ въ его рукахъ, вѣритъ ему во всемъ, даже въ знаніи нѣмецкаго языка.

— Но онъ нелѣпъ лишь въ похвалахъ своихъ друзей, а вы, конечно, оправдываете все, что онъ ни скажетъ.

Она съ минуту вдумчиво глядѣла на него.

— А развѣ полковникъ много говорилъ обо мнѣ?

— Много. Въ сущности, мы только о васъ и говорили. Онъ разсказывалъ мнѣ про ваши побѣды и ихъ жертвы; про различныя ваши кампаніи и про побѣжденныхъ вами. Но я увѣренъ, что онъ не все еще мнѣ разсказалъ, и умираю отъ желанія узнать остальное.

Она вдругъ проговорила:

— Я бы желала, чтобы вы мнѣ помогли въ этомъ.

— Приказывайте—въ чемъ.

— Прежде всего, оставьте этотъ тонъ! Постарайтесь относиться ко мнѣ такъ, какъ еслибы я только-что пріѣхала изъ Калифорніи, или и того лучше... какъ еслибы вы вовсе меня не знали и мы встрѣчаемся въ первый разъ. Я увѣрена, что вы можете быть очень милы въ обращеніи съ молодой особой, которой вы захотите понравиться. Почему бы въ такомъ случаѣ не быть вамъ милымъ со мной? Я полагаю, что вы совсѣмъ обо мнѣ не думали послѣ того, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Нѣтъ... дайте договорить... Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы хотите говорить о томъ, что̀ васъ тогда не интересовало? Обѣщайте мнѣ не поощрять сплетенъ обо мнѣ, а я даю вамъ слово, что не только не буду сама надоѣдать вамъ съ ними, но постараюсь другихъ удерживать отъ того, чтобы они вамъ не надоѣдали. Будьте любезны и говорите со мной о себѣ и о своихъ планахъ... о чемъ хотите, только не обо мнѣ... и я отброшу отъ себя всѣхъ этихъ графовъ и барономъ, которыми бредитъ полковникъ, и посвящу себя вамъ на все то время, какое вы пробудете здѣсь. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Отлично,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ долго вы здѣсь пробудете?

— Около трехъ недѣль, то-есть, я хочу сказать, что это срокъ, назначенный для моего леченія.

— Вы дѣйствительно нездоровы, или только воображаете себя больнымъ?

— Не все ли равно! Но мое леченіе можетъ и сократиться,— прибавилъ онъ, устремляя на нее блестящіе глаза.

Она отвѣчала вдумчивымъ взглядомъ, и они нѣсколько минутъ молча глядѣли другъ на друга.

— Значитъ, вы здоровѣе, нежели думаете; это часто бываетъ,—спокойно произнесла она наконецъ. — Итакъ, рѣшено. Вы будете приходить ко мнѣ, когда вздумается, и считать эту гостиную своей собственной. Постойте, что̀ бы намъ придумать

на сегодня? Что вы скажете о прогулкѣ верхомъ? Милли еще не пріѣхала, но приличія позволяютъ вамъ сопровождать меня верхомъ, хотя, конечно, мы не въ правѣ пройти десяти шаговъ по аллеѣ, если мы не verlobt.

— Но вы ждете гостей сегодня, мнѣ говорили. Донъ Цезарь... я хочу сказать—миссъ, Бріонесъ и ея братъ должны сегодня пріѣхать.

Она съ любопытствомъ, но безъ волненія поглядѣла на него.

— Полковникъ Пендльтонъ забылъ прибавить, что они переночуютъ здѣсь въ качествѣ моихъ гостей. И разумѣется, мы вернемся къ обѣду. Но это до васъ не касается. Будьте готовы. Я распоряжусь, чтобы подали лошадей. Я часто здѣсь катаюсь верхомъ, и всѣ знаютъ мои вкусы и привычки. Мы проѣдемся и вдоволь наговоримся. И я покажу вамъ развалины и видъ на виллу, гдѣ я гостила.

Она протянула ему руку съ откровеннымъ дѣвическимъ смѣхомъ и съ искренней радостью въ темныхъ глазахъ. Онъ сжалъ ея тонкіе пальчики и вышелъ изъ комнаты.

Вернувшись къ себѣ, онъ почувствовалъ, что ему очень не хотѣлось бы встрѣтиться съ полковникомъ до прогулки съ Эрбой. И, удалившись изъ отеля, онъ ухитрился избѣжать этой встрѣчи. Онъ съ удовольствіемъ засталъ Эрбу въ простѣйшемъ и разсудительномъ платьѣ, точно она угадала его вкусы и желала, чтобы ея костюмъ не привлекалъ всеобщаго вниманія. Тѣмъ не менѣе, ея высокая, граціозная фигура очень выигрывала отъ этого костюма, и хотя Поль, какъ и большинство поклонниковъ прекраснаго пола, не находилъ, чтобы женщина на конѣ представляла особенно гармоническое зрѣлище, однако вынужденъ былъ восхищаться ею. Оба ѣздили хорошо и естественно; лошади чувствовали это и инстинктивно повиновались имъ; скоро между всадникомъ и всадницей завязался оживленный разговоръ. Поль, исполняя ея желаніе, говорилъ о самомъ себѣ и своей карьерѣ, —о чемъ, повидимому, она имѣла полное понятіе. Здоровье заставило его въ послѣднее время отказаться отъ политики и общественной службы; ему удались нѣкоторыя финансовыя предпріятія, и онъ сталъ младшимъ партнеромъ одного банка съ иностранной корреспонденціей.

Она слушала его съ интересомъ и вниманіемъ, но подъ конецъ лицо ея стало разсѣянно и задумчиво.

— Желала бы я быть мужчиной!—вдругъ проговорила она.

Поль быстро взглянулъ на нее. Впервые ему послышалась

въ звукѣ ея голоса та страсть, которую, ему казалось, онъ читалъ въ ея лицѣ.

— За исключеніемъ того, что вамъ ловче было бы управлять лошадью, я не вижу причины, почему бы вамъ этого желать. Да, по правдѣ сказать, не совсѣмъ вамъ и вѣрю.

— Почему?

— Потому что ни одна женщина не пожелаетъ быть мужчиной, если только не найдетъ, что ея карьера, какъ женщины, испорчена.

— А почему вы знаете, что я этого не нахожу?—спросила она, задерживая лошадь и заглядывая ему въ лицо.

Какъ молнія блеснуло у него въ умѣ, что у нея готово вырваться какое-то признаніе, но къ несчастію это выразилось у него и на лицѣ. Она отвѣтила короткимъ смѣхомъ на его жадный взглядъ.

— Не говорите и не глядите такъ! Мое замѣчаніе стоило обычныхъ дѣвическихъ безхитростныхъ вызововъ на комплименты, не правда ли? Вернемся къ вамъ. Почему, при вашемъ политическомъ вліяніи, вы не добьетесь какого-нибудь дипломатическаго поста здѣсь?

— Въ нашей службѣ такихъ нѣтъ. Вы не хотите, чтобы я унизился до какой-нибудь нелѣпой должности, называемой этимъ именемъ, для того только, чтобы служить мишенью зависти и ненависти немногихъ богатыхъ республиканцевъ, которые, подобно вашимъ друзьямъ, пресмыкаются передъ иноземными дворами?

— Вотъ нелюбезныя рѣчи... но, полагаю, я опять *сама* вызвала ихъ. Не извиняйтесь. Я все-таки предпочитаю ваши раздражительныя вспышки комплиментамъ. Однако, я продолжаю считать васъ дипломатомъ.

— Вы сдѣлали мнѣ уже честь принять меня за дипломата, когда я былъ просто-на-просто чуть не оселъ,—отвѣчалъ Поль съ горечью.

Она промолчала, приглаживая гриву лошади.

— Развѣ это было?—мягко спросила она.

Онъ придвинулся къ ней ближе.

— Какъ отличается здѣшняя растительность отъ нашей! — нервно замѣтила она, указывая ему на траву и не поднимая на него глазъ. Я не говорю про ту, что воздѣлывается—я полагаю, что нужно цѣлыя столѣтія времени, чтобы вырастить такіе газоны, какъ въ Англіи — но здѣсь даже трава ростетъ гораздо гуще, точно и ей такъ же тѣсно, какъ и населенію. А вотъ тамъ, глядите,—сказала она вдругъ, указывая хлыстикомъ на голубую

линію холмовъ на горизонтѣ: — видите вы эту бѣлую оболочку на холмахъ вдали, точно снѣгъ?

— Или фамильное бѣлье, растянутое на изгороди.

— Какъ вамъ угодно; ну, такъ это и есть та вилла.

— И вы были счастливы тамъ?—спросилъ Поль, наблюдая ея оживленное лицо.

— Да; и такъ какъ вы не задаете вопросовъ, то я вамъ скажу—почему. Я познакомилась тамъ съ самой милой старушкой, какую когда-либо встрѣчала въ жизни. И она была очень добра со мной. Обращалась со мной какъ съ дочерью, и я тутъ поняла, какая важная вещь для дѣвушки имѣть такую мать, которая бы могла быть ей опорой и защитой отъ всего міра. Толкуютъ о силѣ денегъ: она все можетъ вамъ дать, кромѣ возможности безъ нея обойтись. Ну, вотъ вамъ и признаніе. И если полковникъ снова заговоритъ съ вами о моихъ побѣдахъ, то вы будете теперь знать, что всѣ мои симпатіи сосредоточиваются на матери барона. Я допускаю, что это важный, капитальный пунктъ въ его пользу—да и *всякаго* впрочемъ,—когда онъ можетъ похвалиться безукоризненными предками съ материнской стороны. Какая жалость, что вы сирота, какъ и я, м-ръ Гетвей! Потому что я увѣрена, что ваша мать была совершенство. Вы отъ нея наслѣдовали свой тактъ и чувство приличія. Жаль только, что такія качества не въ родѣ карманныхъ денегъ, которыми вы бы могли подѣлиться со мной, а составляютъ неотъемлемую собственность человѣка.

Невозможно было сказать, не скрывалось ли что-нибудь серьезное подъ этими шутливыми словами, потому что когда Поль снова приблизился къ ней, она пустила лошадь въ галопъ. Когда онъ нагналъ ее, она сказала:

— Намъ еще нужно посмотрѣть развалины прежде, чѣмъ вернуться домой. Онѣ тутъ направо. Но, если вы хотите осмотрѣть ихъ, то надо сойти съ лошадей у подножія холма и идти пѣшкомъ. Я не знаю, связана ли съ ними какая-нибудь легенда; я заглянула въ путеводитель, но тамъ ничего не сказано. Поэтому вамъ предоставляется самому изобрѣсти, что вамъ вздумается.

Они сошли съ лошадей и взобрались на холмъ, держась за руки, какъ дѣти. Нѣсколько полуобрушенныхъ ступенекъ винтовой лѣстницы, часть обрушившейся арки, нѣсколько футъ сводчатаго корридора, пропасть рядомъ, а за ней необозримое небо—вотъ и все.

— Это не время постаралось, а порохъ, — сказалъ Поль,

облокачиваясь на парапетъ стѣны и глядя въ пропасть съ легкой гримасой.

— Да, это не особенно романтично,—сказала Эрба;—я видѣла развалины съ дороги. Мнѣ очень жаль,—прибавила она съ насмѣшливой улыбкой.—Но должно быть тутъ *что-нибудь* случилось.

— Надо надѣяться, что на ту пору никого не было въ домѣ,—серьезно отвѣчалъ Поль.—Можетъ быть, фамилія отправилась на воды.

Они стояли рядомъ, опершись локтями объ стѣну и почти касаясь другъ друга. За пропастью и зеленымъ лѣсомъ имъ виднѣлись болѣе свѣтлыя и правильныя линіи деревьевъ въ Струдль-Бадѣ, сверкающая верхушка колокольни и круглая глава церкви. Изъ пропасти поднимался запахъ гніющихъ листьевъ и какихъ-то невидимыхъ цвѣтовъ, а вокругъ виноградной лозы, окутывавшей горячую стѣну, безполезно жужжали разочарованныя пчелы. На лѣсной дорогѣ никого не было видно, никто не работалъ въ прилегающемъ къ холму полѣ и ничто не напоминало о настоящемъ. Они могли думать, что три или четыре столѣтія отдѣляютъ ихъ отъ Струдль-Бада.

— Легенда этого мѣста,—началъ Поль, глядя на длинныя, темныя рѣсницы и овальную щечку, которая была такъ близка отъ него,—проста, но трогательна. Жестокая, бездушная, но обольстительная колдунья была нѣкогда любима простымъ пастухомъ. Онъ не смѣлъ выразить ей свою любовь ни словомъ. Онъ послѣдовалъ за ней въ далекія страны, смиренно обожая ее и строя воздушные замки о счастіи, но она заманила его разъ въ лѣсъ и пригласила войти въ этотъ замокъ, обѣщая показать осуществленіе его мечты. Но, увы! едва вступилъ онъ въ величественный корридоръ—онъ провалился подъ нимъ и открылъ зіяющую пропасть, и весь замокъ обрушился, какъ достойная эмблема его погибшихъ и разбитыхъ надеждъ.

Она немножко отодвинулась отъ него, но все еще, держась рукой въ перчаткѣ за край полуобрушенной стѣны, съ улыбкой глядѣла на него изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ. Онъ живо накрылъ ея руку своею, но она этого какъ будто не замѣтила.

— Но это не такъ было. Настоящую исторію можно было бы назвать: „Легенда о дѣвушкѣ, пасшей гусей въ Струдль-Бадѣ, и о предпріимчивомъ гусенкѣ“. Жила-была дѣвушка, пасшая гусей. Она добросовѣстно гнала разъ свое стадо на рынокъ, но одинъ эксцентричный и своенравный гусенокъ... М-ръ Гетвей! перестаньте... пожалуйста... пустите меня!

Онъ схватилъ ее въ свои объятія, одной рукой обнимая за талію, а другою продолжая держать ея руку. Она вырывалась полушутя, на минуту стихла-было, когда его губы коснулись ея щеки, и наконецъ оттолкнула его.

— Будетъ!—сказала она:—къ моей исторіи иллюстрацій не полагается.

— Но выслушайте меня, Эрба, ради Бога... я люблю васъ!

Она отступила еще дальше, отряхивая пыль съ платья. И проговорила, понизивъ голосъ и поблѣднѣвъ:

— Пора домой.

— Но не прежде чѣмъ вы выслушаете меня, Эрба.

— Хорошо... я вамъ вѣрю—довольны?—отвѣчала она, глядя на него.

— Вы вѣрите мнѣ!—повторилъ онъ снова, пытаясь взять ее за руку.

Она еще дальше отошла отъ него.

— Да,—сказала она,—вѣрю, или я не была бы здѣсь. Ну, вотъ пока и довольно. И если вы хотите, чтобы я продолжала вамъ вѣрить, то не говорите мнѣ больше теперь объ этомъ. Пойдемте къ лошадямъ.

Онъ молча послѣдовалъ за нею. Она приняла его руку безъ смущенія и безъ волненія, чтобы сойти съ холма. Можно было бы подумать, что сцена, только-что происшедшая между ними, схоронена въ той пропасти и подъ развалинами, которыя они только-что оставили. Когда она поставила ногу на его руку и оперлась на мгновеніе на его плечо, садясь въ сѣдло, ея темные глаза открыто и безъ смущенія встрѣтились съ его глазами.

Но этого было мало. Въ то время, какъ Поль ѣхалъ рядомъ съ нею съ неудовлетворенной жаждой любви въ сердцѣ, она лукаво подсмѣивалась надъ нимъ.

Совсѣмъ нелюбезно съ его стороны быть такимъ кислымъ въ первый день ихъ встрѣчи. Это мало обѣщаетъ удовольствія для ихъ дальнѣйшихъ экскурсій. Неужели онъ намѣренъ вернуться въ гостинницу съ такимъ похоронным лицомъ и подать поводъ ко всякимъ комментаріямъ? Во всякомъ случаѣ она надѣется, что онъ не выдастъ себя передъ Милли, которая можетъ припомнить, что они видятся всего лишь *второй* разъ въ жизни.

Въ словахъ этихъ было столько благоразумія и вмѣстѣ съ тѣмъ они подавали столько надежды на будущее, не говоря уже о нѣжной, укоризненной улыбкѣ, сопровождавшей ихъ, что Поль сдѣлалъ усиліе надъ собой и вернулъ прежнее веселое расположеніе духа. Когда они прискакали во дворъ гостинницы, съ разгорѣв-

шимися отъ быстрой ѣзды щеками, Поль почувствовалъ, что составляетъ предметъ зависти для гуляющихъ и новыхъ сплетенъ для Струдль-Бада.

Съ менѣе пріятнымъ чувствомъ замѣтилъ онъ два смуглыхъ лица, выглядывавшихъ въ корридорѣ и скрывшихся при его приближеніи, а нѣсколькими минутами позже появившихся въ гостиной Эрбы во образѣ дона Цезаря и донны Анны, но уже съ инымъ и болѣе любезнымъ выраженіемъ.

Въ особенности донна Анна встрѣтила его съ такой напускной развязностью женщины, увѣренной въ своемъ поклонникѣ и великодушно прощающей ему минутную измѣну, что ему даже стало неловко въ присутствіи Эрбы. Онъ придумывалъ, какъ бы ему отдѣлаться отъ нея, когда замѣтилъ великолѣпную корзину цвѣтовъ на столѣ и маленькую визитную карточку съ баронской короной. Эрба отложила ее въ сторону, съ дѣланнымъ, какъ ему показалось въ эту минуту, равнодушіемъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ восторгами донны Анны и ея горячими мольбами, обращенными къ Полю и къ брату полюбоваться цвѣтами и вкусомъ, какой они изобличали въ томъ, кто ихъ поднесъ.

Все это шло до такой степени въ разрѣзъ съ чувствами Поля, а главное—съ воспоминаніемъ о только-что бывшей между нимъ и Эрбой сценѣ, что онъ отказался отъ обѣда въ этой компаніи, ссылаясь на данное раньше слово бывшему спутнику, германскому офицеру. Эрба не настаивала, и ему показалось даже, что она довольна. Полковникъ Пендльтонъ долженъ былъ пріѣхать; Поль былъ радъ уклониться отъ его общества какъ разъ въ эту минуту. Убѣжденіе, что совѣты полковника не особенно полезны для Эрбы, а его интересы въ извѣстной степени расходятся съ его интересами, зародилось въ немъ. Онъ чувствовалъ, что Пендльтонъ съ нимъ неоткровененъ послѣ того, какъ онъ побывалъ въ Розаріо. Былъ ли онъ откровененъ съ *нею*?—вотъ вопросъ. Порою онъ сомнѣвался въ его искренности.

Ему посчастливилось встрѣтиться съ знакомымъ генераломъ, который былъ свободенъ, и они вмѣстѣ отобѣдали въ ресторанѣ, а вечеръ провели въ курзалѣ.

Сидя за стаканомъ пива, генералъ вдругъ съ улыбкой обратился къ своему товарищу.

— Итакъ, я слышу, что вы тоже изъ поклонниковъ этой красавицы южной американки?

Поль на мгновеніе вообразилъ, что этотъ эпитетъ относится къ доннѣ Аннѣ, и казался удивленнымъ.

— Слушайте, другъ мой,—продолжалъ генералъ, глядя на

него такъ, какъ еслибы находилъ все это очень забавнымъ:—я старше васъ, но врядъ ли могъ бы проѣхаться верхомъ съ такой богиней, не ставъ ея рабомъ.

Поль почувствовалъ, что невольно покраснѣлъ.

— Ахъ! вы говорите про миссъ Аргвелло,—сказалъ онъ поспѣшно, покраснѣвъ еще пуще, когда произносилъ это имя, которое онъ обманнымъ образомъ навязывалъ своему честному собесѣднику. —Она моя старинная знакомая... она изъ моего собственнаго штата... изъ Калифорніи.

— Ахъ, такъ!—отвѣтилъ генералъ, приподнимая брови и какъ бы извиняясь.—Прошу прощенья.

— Право же,—началъ Поль съ отчаяннымъ усиліемъ вернуть свое шутливое настроеніе:—*вамъ* бы слѣдовало лучше знать нашу географію.

— Такъ, я ошибся. Но однако ея фамилія... Аргвелло... безъ сомнѣнія, это не американская фамилія? Притомъ она говоритъ безъ акцента и непохожа на мексиканку.

Поль вновь и съ какимъ-то суевѣрнымъ чувствомъ подумалъ, какъ неудачно выбрала себѣ Эрба иностранное имя, такъ какъ оно только возбуждаетъ толки и критику, которые для нея вовсе нежелательны. Онъ не могъ отвѣчать на разспросы генерала, не усиливая своего обмана, съ которымъ онъ постоянно надѣялся какъ-нибудь покончить. Онъ былъ недоволенъ, что поправилъ генерала, и взбѣшенъ на то, что сконфузился.

Къ счастью, его собесѣдникъ иначе понялъ его неудовольствіе и съ порывистымъ нѣмецкимъ дружелюбіемъ вошелъ, какъ ему казалось, въ чувства Поля.

— Donnerwetter! ваша красавица-соотечественница составляетъ предметъ любопытства именно потому, что этотъ дуракъ баронъ преслѣдуетъ ее своимъ вниманіемъ. Этого совершенно достаточно, мой другъ, для того, чтобы сплетничать здѣшнимъ дуракамъ, которые не понимаютъ свободы обращенія американскихъ дѣвушекъ или того, что богатая невѣста можетъ лучше распорядиться своими деньгами, чѣмъ выкупать заложенныя и перезаложенныя баронскія имѣнія.—Но онъ остановился, и его простое, честное лицо приняло глубокомысленно-хитрое выраженіе:—я радъ поговорить съ вами объ этомъ, такъ какъ вамъ, конечно, отлично извѣстны всѣ обстоятельства дѣла. Я же буду теперь знать, что говорить. Мое слово, мой другъ, имѣетъ здѣсь нѣкоторый вѣсъ, и я этимъ воспользуюсь. А теперь скажите мнѣ, *кто* такая наша прелестная знакомая, и *кто* такіе ея родители и родственники на вашей родинѣ? Здѣсь, какъ вамъ извѣстно, ее окружаютъ этотъ

невозможный полковникъ и его необычайный слуга, да еще какой-то юго-американскій плантаторъ и дочка торговца свининой, какъ мнѣ кажется. Но *они* меня не интересуютъ. Разскажите мнѣ про *ея* близкихъ.

Полю пришлось волей-неволей разсказать о предполагаемомъ родствѣ Эрбы съ фамиліей Аргвелло, т.-е. ту исторію, которую они сочинили съ полковникомъ Пендльтономъ. Онъ напиралъ на романическій характеръ опеки, въ надеждѣ отвлечь вниманіе генерала отъ вопроса о родствѣ, но, къ своей досадѣ, увидѣлъ, что честный воинъ принимаетъ эту опеку за нѣчто въ родѣ попечительства надъ бѣдными и тактично избѣгаетъ углубляться въ этотъ вопросъ.

— Безъ сомнѣнія, мексиканскому посланнику въ Берлинѣ извѣстна вся подноготная о фамиліи Аргвелло: потому объ этомъ не можетъ быть и вопроса.

Поль былъ радъ, когда разстался съ пріятелемъ, но, выйдя на свѣжій воздухъ, охваченный ароматомъ тихой ночи, забылъ о своемъ неудовольствіи. Онъ думалъ только объ Эрбѣ. Ну, вотъ, онъ сказалъ ей, что ее любитъ; она знаетъ это теперь, и хотя запретила ему говорить о своей любви, но не отвергла ее. Онъ радъ былъ, что сама она свободна, что сердце ея все еще не занято. Онъ даже мечталъ, что всегда былъ ей по-сердцу. Онъ долженъ теперь устранить всѣ препятствія, убѣдить ее оставить Европу и вернуться съ нимъ въ Америку его женой; онъ будетъ охранителемъ ея тайны и добраго имени...

Было уже поздно, когда онъ вернулся въ гостинницу, хотя въ гостиной Эрбы еще виднѣлся огонь. По временамъ до него долетали звуки голосовъ. Но было уже поздно присоединиться къ ея гостямъ, еслибы даже онъ и былъ расположенъ это сдѣлать. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы лечь спать, и, не зажигая свѣчи, отворилъ дверь на балконъ, придвинулъ стулъ и сталъ глядѣть во мракъ ночи. Было очень тихо; мѣсяцъ высоко поднялся въ небѣ и скверъ затихъ. Лишь по временамъ слышался стукъ кавалерійской сабли или раздавались шаги по Кенигштрассе; затѣмъ вдругъ—желѣзнодорожный свистокъ.

Среди всего этого безмолвія послышался шумъ растворяемой двери гостиной, и голоса въ корридорѣ возвѣстили Полю, что гости Эрбы уходятъ. Онъ слышалъ пѣвучіе переливы голоса донны Анны, однообразный баритонъ полковника Пендльтона, высокій, торопливый сопрано Милли, и сладкій фальцетъ дона Цезаря, и *ея* голосъ, какъ будто утомленный, затѣмъ удаляющіеся шаги—и все стихло...

Но что̀ это?

Ключъ повернулся въ замкѣ. Балконная дверь гостиной отворилась и кто-то вышелъ на балконъ. Его сердце замерло. Съ своего мѣста онъ не могъ видѣть ничего. Но онъ не шевелился; онъ чувствовалъ, какъ настоящій влюбленный, ароматъ и счастіе *ея* присутствія, *ея* платья, *ея* особы. Да! то была она. Какъ и онъ, быть можетъ, она хотѣла насладиться тишиной ночи, какъ и онъ, быть можетъ, думала...

— Такъ вы вотъ какъ! задумали избавиться отъ меня? вышвырнуть вонъ, какъ собаку, которая слѣдовала за вами по пятамъ, а теперь больше не требуется... вышвырнуть молча, безъ единаго слова благодарности, безъ всякой надежды! Ага! мы отслужили вамъ съ сестрой; мы теперь выжатый лимонъ, насъ можно вышвырнуть! Прекрасно! но я опять пришелъ! вы видите! Я буду говорить, и вы меня выслушаете!

Голосъ дона Цезаря; онъ наединѣ съ нею. Поль ухватился за стулъ и выпрямился.

— Стойте! оставайтесь въ комнатѣ! какъ смѣли вы вернуться сюда?

То былъ голосъ Эрбы на балконѣ, тихій, но явственный.

— Закройте окно! Я скажу вамъ то, чего бы вы не желали, чтобы слышали другіе.

— Я предпочитаю оставаться здѣсь, послѣ того какъ вы пробрались въ эту комнату, какъ воръ.

— Воръ! прекрасно!

Онъ заговорилъ по-испански и, не боясь болѣе, что его услышатъ, придвинулся ближе къ окошку.

— Воръ! Га! muy bueno... но не *я* воръ, не *я*, Цезарь Бріонесъ! понимаете! Нѣтъ! но хвастливый espadachin, фанфаронъ, полковникъ Пендльтонъ, да образецъ чиновниковъ, м-ръ Гетвей, да красавица, богатая наслѣдница Калифорніи, миссъ *Аргвелло*—вотъ кто воры! Да, они украли *имя* миссъ Аргвелло, *имя*! *имя Аргвелло*!

Поль приподнялся на ноги.

— Ага! вы вздрогнули, вы поблѣднѣли, вы сверкаете глазами, сеньора, но вы думаете, что вы меня обманывали всѣ эти годы. Да, вы думаете, что я не разглядѣлъ вашей игры въ Розаріо; да и тогда еще, когда эта глупая muchacha Кастро впервые заронила вамъ эту мысль въ голову. Кто добылъ вамъ факты, которыхъ вамъ было нужно? Я, св. Дѣва! *и какіе факты*! Я вѣдь я знаю родословную Аргвелло какъ свои пять пальцевъ, знаю, что такъ же невозможно вамъ быть ихъ дочерью, какъ

какъ, скажемъ что̀ еще? дайте подумать... какъ женой этого барона, котораго вы обманываете, какъ и всѣхъ другихъ. Ахъ, да! вы высоко летаете, миссъ... миссъ... Dona Fulana, но гдѣ-то сядете...

Почему она ничего не говоритъ? Что̀ она дѣлаетъ? Еслибы она вымолвила хоть одно слово протеста или гнѣва, Поль полетѣлъ бы къ ней на помощь.

Не можетъ быть, чтобы она молчала отъ испуга: балконъ былъ великъ, она легко могла пройти на его конецъ и даже увидѣть его открытое окно.

— А почему я это сдѣлалъ? потому что я васъ любилъ, сеньора, и вы это знали! Ахъ! можете теперь отворачиваться отъ меня; можете притворяться, что меня не понимаете, какъ сейчасъ это сдѣлали; можете прикидываться, что я простой знакомый и ничего больше... Но вѣдь это не всегда такъ было! Нѣтъ, *вы*, вы сами привели меня сюда; ваши глаза заманивали меня и убѣждали согласиться на просьбу полковника сопровождать васъ съ сестрой. Боже! я былъ слабъ тогда! Вы улыбаетесь, сеньора, вы думаете, что вамъ удалось... вамъ и вашему напыщенному полковнику, и вашему ловкому губернатору! Вы думаете, что вы скомпрометтировали меня и обошли меня—вы ошибаетесь! Вы думаете, что я не посмѣю заговорить съ этой куклой, бароном̀ъ, и что у меня нѣтъ доказательствъ. Вы ошибаетесь!

— Да еслибы у васъ и были какія-то доказательства, то мнѣ-то какое дѣло?—неожиданно выговорила Эрба голосомъ до того чуждымъ волненія или страсти, что Поль замѣтилъ въ немъ одну только усталость.—Предположимъ, что вы докажете, что я не Аргвелло? Что жъ дальше? Вамъ придется еще доказывать, что родство съ вашей расой можетъ принести кому-нибудь что-либо, кромѣ позора.

— Ага! вы вызываете меня, милая! Caramba! Ну, такъ слушайте! вы не знаете всего! Когда вы думали, что я помогалъ вамъ только сфабриковать ваши притязанія на имя де-Аргвелло, я открылъ, *кто вы такая на самомъ дѣлѣ*! Ага! это было не такъ трудно открыть, какъ вы надѣялись, сеньора. Не всѣ мы были дураками и невѣждами въ ранніе дни заселенія Калифорніи, хотя и сторонились отъ вашихъ вульгарныхъ соотечественниковъ. Вашъ наемный бульдогъ, вашъ уважаемый опекунъ, эта каналья espadachin первый навелъ на слѣдъ тайны своими дуэлями и скандалами! Одна изъ моихъ рабынь была служанкой въ монастырѣ, когда вы были ребенкомъ и узнали женщину, которая помѣстила васъ туда и навѣщала васъ какъ знакомая. Она слышала, что мать-игуменья говорила, что это ваша мать, и видѣла

ожерелье, подаренное вамъ. Ахъ! вы начинаете вѣрить! Когда я связалъ эти концы, я нашелъ, что Пепита не могла узнать въ васъ того ребенка, котораго она видѣла. Но вы, сеньора, *вы сами* доставили доказательство, котораго недоставало. Да! вы доставили его тѣмъ ожерельемъ, которое было на васъ надѣто въ тотъ вечеръ въ Розаріо, когда вы захотѣли почтить этого молодого Гетвея — опекуна, всегда отвертывавшагося отъ васъ! Ага! вы теперь, быть можетъ, начинаете подозрѣвать, почему онъ это дѣлалъ? На васъ было надѣто ожерелье вашей матери, и вы сами это сказали! Въ ту ночь я послалъ Пепиту убѣдиться, то ли это самое ожерелье; она подглядывала изъ окна, которое выходитъ въ садъ, а позднѣе пробралась въ вашу комнату, когда вы уже переодѣлись, и видѣла ожерелье... и готова присягнуть,— слышите ли, *присягнуть*,—что это то самое, какое было подарено вамъ, когда вы были ребенкомъ, въ монастырѣ, женщиной, которая была вамъ матерью! А кто эта женщина... кто мать Аргвелло де-ла Эрба Буэна? кто эта благородная дама?..

— Извините меня, но, кажется, вы не замѣчаете, что позволяете себѣ кричать въ гостиной лэди, и что хотя вы говорите на языкѣ, котораго здѣсь никто не понимаетъ, но вы производите шумъ въ гостинницѣ.

И Поль, спокойный и блѣдный, появился, озаренный луннымъ свѣтомъ, на балконѣ у окна. Въ то время, какъ Эрба, вздрогнувъ, поспѣшно вернулась въ комнату, Цезарь подошелъ къ окну съ сердитымъ и подозрительнымъ лицомъ. Онъ протянулъ руку, собираясь закрыть окно и задвинуть задвижку подъ носомъ у незваннаго гостя, но въ одинъ мигъ былъ схваченъ Полемъ и вытащенъ на балконъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ крикнуть, Гетвей одной рукой крѣпко сжалъ ему горло и, напрягая всѣ усилія, потащилъ его вдоль стѣны и вмѣстѣ съ нимъ перекинулся въ окно своей комнаты. При этомъ, къ величайшему своему успокоенію, онъ услышалъ, какъ окно гостиной захлопнулось и щелкнула его задвижка. Спокойный. сдержанный и торжествующій онъ поднялся на ноги.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ онъ хладнокровно, отряхивая пыль съ платья,—что я вынужденъ былъ грубо прекратить сцену вашихъ препирательствъ, но вы сами согласитесь, что намъ гораздо свободнѣе здѣсь, и что споръ нашъ у меня въ комнатѣ возбудитъ гораздо меньше толковъ.

— Убійца! — проговорилъ донъ Цезарь прерывистымъ голосомъ, приподнимаясь съ полу.

— Благодарю васъ. Облегчайте свои чувства сколько вамъ

угодно здѣсь; конечно, если будете говорить не такъ громко, то обяжете меня. Жильцы начинаютъ просыпаться, — съ улыбкой продолжалъ Поль, намекая на шумъ шаговъ и хлопающія двери въ корридорѣ:—и имъ теперь не трудно будетъ локализировать сцену раздора.

Бріонесъ понялъ очевидно, что онъ хотѣлъ сказать, и успѣхъ его военной хитрости.

— Вы думаете, что спасли *ее* отъ позора,—сказалъ онъ съ мертвенной улыбкой, понижая голосъ и тщетно стараясь подражать хладнокровію Поля.—На этотъ разъ... да... можетъ быть, въ этой гостинницѣ и сегодня вечеромъ. Но вы не замажете ротъ... завтра .. мнѣ... и цѣлому свѣту, м-ръ Гетвей.

— Не знаю; конечно, существуетъ такой же шансъ мнѣ быть убитымъ, какъ и вамъ... но это рѣшится завтра.

Мексиканецъ бросилъ быстрый взглядъ на дверь и окно. Поль небрежно переложилъ ключъ отъ первой изъ одного кармана въ другой и сталъ у окна, загородивъ его собою.

— Значитъ, это заговоръ, чтобы убить меня. Берегитесь! вы не въ своей разбойничьей Калифорніи!

— Если вы такъ думаете, то зовите на помощь. Сюда сбѣгутся люди и застанутъ насъ ссорящимися, и это только ускоритъ дѣло, такъ какъ вы при нихъ получите то оскорбленіе, которое заставитъ васъ драться...

— Я готовъ, сэръ, когда и гдѣ вамъ угодно, — отвѣчалъ Бріонесъ съ самохвальствомъ, но трусливымъ, нетвердымъ голосомъ.—Открой-те... дверь!

— Извините меня. Мы оставимъ эту комнату *вмѣстѣ* черезъ часъ и поѣдемъ на станцію. Мы возьмемъ ночной курьерскій поѣздъ, и онъ черезъ три часа доставитъ насъ за границу, гдѣ мы можемъ найти секундантовъ.

— Но мои дѣла здѣсь... моя сестра... я долженъ ее видѣть.

— Вы напишете ей записку за этимъ столомъ и сообщите, что важное дѣло, — ну, тамъ депеша, что-ли,—отзываетъ васъ, и мы оставимъ записку швейцару съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее *завтра утромъ*.

— Значитъ, вы удерживаете меня какъ плѣнника, сэръ?

— Нѣтъ, какъ гостя, донъ Цезарь,—какъ гостя, разговоръ котораго такъ интересенъ, что я вынужденъ задержать его, чтобы дослушать. Вы можете пріятно провести время, докончивъ исторію, которую я былъ вынужденъ перервать минуту тому назадъ. Вы знаете мать миссъ Эрбы, про которую говорили?

— Это... мое дѣло.

— Это значитъ, что вы ее не знаете. Еслибы вы знали, то назвали бы безъ приглашенія. А такъ какъ она единственное лицо, которое можетъ засвидѣтельствовать, что миссъ Эрба не миссъ Аргвелло, то вы были очень необдуманны.

— Ахъ, ба! Я не изъ вашихъ... законовѣдовъ.

— Нѣтъ; еслибы вы были законовѣдомъ, то знали бы, что съ такимъ отсутствіемъ доказательствъ васъ можно преслѣдовать за диффамацію.

— Ахъ! такъ почему же миссъ Эрба не преслѣдуетъ меня?

— Потому что вѣроятно ждетъ, чтобы кто-нибудь васъ застрѣлилъ.

— Вы, напримѣръ.

— Можетъ быть.

— А если вы меня не застрѣлите, то зажмете ротъ себѣ, а не мнѣ. А если застрѣлите, то поможете ей выйти замужъ за барона, вашего соперника. Вы неумны, пріятель Гетвей.

— Позвольте напомнить вамъ, что вы еще не написали своей сестрѣ, а вѣроятно вамъ пріятнѣе будетъ написать ей не въ-торопяхъ и обдуманно?

Донъ Цезарь злобно взглянулъ на Поля и подвинулъ стулъ къ столу, а Поль положилъ передъ нимъ бумагу, перо и пододвинулъ чернильницу.

— Не спѣшите,—сказалъ онъ, складывая руки на груди и направляясь къ окну.—Говорите, что вамъ угодно и не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ.

Мексиканецъ принялся яростно и судорожно писать, потомъ тише и медленнѣе задвигалъ перомъ по бумагѣ.

— Предупреждаю васъ, что все разскажу, — вдругъ произнесъ онъ.

— Какъ вамъ угодно.

— И скажу, что если не возвращусь, то вы—мой убійца, понимаете—*мой убійца*!

— Не стѣсняйтесь въ эпитетахъ и продолжайте.

Донъ Цезарь вновь принялся писать съ ядовитой усмѣшкой. Вдругъ послышался стукъ въ дверь.

Донъ Цезарь вскочилъ на ноги, схватилъ свои бумаги и бросился къ двери, но Поль опередилъ его.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ.

— Пендльтонъ.

При звукѣ голоса полковника донъ Цезарь отступилъ отъ двери. Поль отперъ дверь, впустилъ высокую фигуру полковника и готовился снова запереть. Но Пендльтонъ остановилъ его.

— Не трудитесь, м-ръ Гетвей. Я все знаю и желаю переговорить съ Бріонесомъ наединѣ и въ другомъ мѣстѣ.

— Извините меня, полковникъ Пендльтонъ, — сказалъ Поль твердо,—но у меня больше на это правъ. Мы съ этимъ господиномъ сейчасъ обмѣнялись такими словами, что мы отправляемся теперь на станцію, а затѣмъ за границу, улаживать наши дѣла. Если вамъ угодно ѣхать съ нами, то я готовъ доставить вамъ полную возможность разговаривать съ нимъ наединѣ и устроивать свои дѣла, лишь бы вы не мѣшали уладить мое собственное.

— Мое дѣло,—отвѣчалъ Пендльтонъ,—личнаго характера, и хотя не помѣшаетъ вашимъ отношеніямъ съ м-ромъ Бріонесомъ, но такого приватнаго свойства, что должно быть покончено между нами немедленно.

Лицо его было блѣдно, а голосъ, хотя твердый и сдержанный, страннымъ образомъ вдругъ прозвучалъ какъ-то старчески, и Поль впервые замѣтилъ это. Замѣтилъ ли это также и Цезарь, или у него были другія причины ободриться, но только онъ, повидимому, снова захорохорился, говоря:

— Я выслушаю сначала то, что мнѣ хочетъ сказать полковникъ Пендльтонъ, а затѣмъ буду готовъ встрѣтиться съ вами, сэръ, гдѣ угодно!

Поль глядѣлъ то на того, то на другого, не говоря ни слова. Донъ Цезарь смѣло и нагло отвѣтилъ на его взглядъ, а полковникъ, крутя худыми бѣлыми пальцами усы, отвернулся.

Тогда Поль отперъ дверь и медленно проговорилъ:

— Черезъ пять минутъ я отправлюсь на станцію. Я буду ждать тамъ до прихода поѣзда. Если этотъ господинъ не явится, я буду знать, что это значитъ, и приму соотвѣтствующія мѣры.

— А я говорю вамъ, м-ръ Гетвей, нѣтъ, — сказалъ донъ Цезарь, становясь въ позу въ дверяхъ:—я поступлю такъ, какъ мнѣ вздумается, caramba! и прошу...

— Молчите, сэръ, или клянусь...—разразился Пендльтонъ, внезапно хватая худою рукой мексиканца за плечо.

Но вдругъ онъ затихъ.

— Джентльмены, это ребячество! Ступайте, сэръ!—обратился онъ къ дону Цезарю, указывая длиннымъ худымъ пальцемъ на корридоръ.—Я пойду за вами. М-ръ Гетвей, я, какъ старикъ и человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ многихъ ссоръ на своемъ вѣку, я сожалѣю, сэръ, глубоко сожалѣю, что вижу такія воинственныя наклонности въ законодателѣ и общественномъ дѣятелѣ; и я осуждаю, сэръ, осуждаю ваше требованіе отъ этого джентльмена того,

что̀ въ безуміи юности вамъ угодно называть личнымъ удовлетвореніемъ.

И онъ съ достоинствомъ вышелъ изъ комнаты. Поль пристально глядѣлъ ему вслѣдъ. Что это, сонъ? неужели же это говоритъ полковникъ Пендльтонъ, дуэлистъ? Ужъ не съ ума ли сошелъ старикъ? или же онъ играетъ роль, чтобы провести какой-нибудь безумный планъ? Его внезапное появленіе доказывало, что Эрба посылала за нимъ и сообщила ему объ угрозахъ дона Цезаря. Неужели онъ будетъ настолько полоуменъ, чтобы попытаться задушить этого человѣка въ какомъ-нибудь отдаленномъ покоѣ или въ темномъ углу корридора?

Онъ тихо вышелъ въ корридоръ; до него доносились шаги двоихъ людей: они достигли лѣстницы... они *сходятъ*. Онъ услышалъ сонный голосъ ночного сторожа и скрипъ растворяющейся двери... они вышли на улицу!

Куда бы они ни отправлялись и съ какою бы то ни было цѣлью, *онъ* долженъ быть на станціи, какъ ихъ предупреждалъ. Онъ торопливо сунулъ нѣсколько вещей въ чемоданъ и приготовился послѣдовать за ними. Сойдя съ лѣстницы, онъ сказалъ сторожу, что по непредвидѣнному и неотложному дѣлу долженъ ѣхать съ курьерскимъ поѣздомъ, но что комнату въ гостинницѣ оставляетъ за собой, а также поручаетъ на сбереженіе и свой багажъ до тѣхъ поръ, пока не дастъ о себѣ знать. Тутъ онъ припомнилъ про письмо дона Цезаря. Не оставилъ ли кто изъ двухъ джентльменовъ, его пріятелей, письма или какого-нибудь порученія?—Нѣтъ,—отвѣчалъ сторожъ,—джентльмены бесѣдовали другъ съ другомъ весьма озабоченно на южно-американскомъ, языкѣ, но со мною не заговаривали.

Поль прибѣжалъ на станцію за десять минутъ до прихода поѣзда. Двое или трое полусонныхъ пассажировъ уже находились на платформѣ; но ни дона Цезаря. ни полковника Пендльтона между ними не было. Онъ обѣжалъ залы и даже сунулся въ полуосвѣщенный буфетъ, но и тамъ ихъ не было. Прошло пять минутъ; пассажировъ не прибывало; еще пять минутъ... послышался свистокъ, показался въ темнотѣ глазъ циклопа—и длинной змѣей подползъ поѣздъ къ станціи; Поль поспѣшно оглядѣлся... кого онъ ждалъ, тѣхъ не было. Еще свистокъ, нѣсколько облаковъ выпущеннаго пара—и поѣздъ ушелъ безъ нихъ.

Онъ рѣшилъ подождать ихъ еще съ четверть часа на станціи и принялся опять мѣрить шагами платформу въ то время, какъ станція погружалась опять въ безмолвіе. Но черезъ пять минутъ послышался новый свистокъ. Поль обратился къ контролеру. Ахъ!

такъ есть еще поѣздъ? Нѣтъ,—это курьерскій въ Базель; онъ останавливается на слѣдующей станціи, въ полумилѣ отсюда, а здѣсь не останавливается и пройдетъ мимо; сейчасъ онъ пронесется на всѣхъ парахъ.

Вотъ поѣздъ вынырнулъ изъ мрака съ протяжнымъ, отчаяннымъ воплемъ; мелькнулъ огонь, раздался ревъ и трескъ около него, и съ тѣмъ же отчаяннымъ воплемъ поѣздъ снова потонулъ во мракѣ; что-то бѣлое замелькало у окна одного изъ вагоновъ, точно оторвавшаяся занавѣска, закружилась въ воздухѣ и шлепнулась на земь.

Контролеръ видѣлъ это, подбѣжалъ и поднялъ. Послѣ того онъ вернулся къ Полю со взглядомъ участія. То былъ дамскій носовой платокъ; очевидно, это сигналъ, данный благородному господину, единственному пассажиру на платформѣ. Можетъ быть, его друзья по ошибкѣ — это бываетъ — попали не на ту станцію и не на тотъ поѣздъ?

Поль, немного блѣдный, но спокойный, отвѣчалъ, что это возможно. Впрочемъ, онъ не будетъ телеграфировать на ближайшую станцію; онъ сначала справится въ гостинницѣ.

Поспѣшно вернувшись туда, Поль засталъ всѣ признаки оживленія на дворѣ и только-что возвратившуюся пустую карету. Сторожъ разсыпался передъ нимъ въ извиненіяхъ. Ахъ! еслибы онъ лучше понялъ вопросъ его превосходительства, то избавилъ бы его отъ лишнихъ хлопотъ. Очевидно, его превосходительство изъ компаніи Аргвелло, а они заказали карету часъ тому назадъ и уѣхали нѣсколько минутъ спустя послѣ того, какъ его превосходительство ушелъ изъ гостинницы и, какъ кажется, попалъ не на ту станцію.

Поль поспѣшно прошелъ въ свою комнату. Оба окна были открыты, и при слабомъ лунномъ свѣтѣ онъ увидѣлъ что-то бѣлое, приколотое къ подушкѣ. Нервными пальцами зажегъ онъ свѣчу и взялъ записку отъ Эрбы. Когда онъ ее раскрылъ, то изъ нея выпала вѣточка дикой лозы, обвивавшей стѣну развалинъ, которыя онъ осматривалъ вмѣстѣ съ Эрбой. Онъ поднялъ ее и поднесъ къ губамъ и отуманенными глазами прочелъ слѣдующее:

„Вы знаете теперь, почему я такъ говорила съ вами сегодня, и почему другая половина вѣточки составитъ единственное цѣнное воспоминаніе, какое я увожу съ собой послѣ того, какъ всѣ мои надежды рушились. Вы были правы, Поль: то, что я васъ привела въ развалины, *было худымъ предзнаменованіемъ*... но не для васъ; вы всегда будете и останетесь гордымъ, правдивымъ и любимымъ... но для *меня* все это — позоръ и горе. Благодарю васъ за все, что вы сдѣлали и хотѣли для меня сдѣлать, мой

другъ; не считайте меня неблагодарной, только потому, что я этого недостойна. Постарайтесь простить меня, но не забывайте, хотя бы даже меня ненавидѣли. Быть можетъ, еслибы вы знали все,—вы бы все еще могли любить бѣдную дѣвушку, которой вы уже дали единственное имя, какое она могла принять отъ васъ — *Эрбы Буэна!*"

VII.

Наступила осень, и въ городѣ Нью-Іоркѣ ранній воскресный утренній морской вѣтерокъ гналъ листья, упавшіе съ правильно посаженныхъ деревъ передъ рядомъ монотонныхъ фронтоновъ однообразныхъ пятиэтажныхъ домовъ одной изъ главныхъ улицъ.

Пасторъ третьей пресвитеріанской церкви, высившейся на углу, остановился передъ однимъ изъ этихъ зданій, взбѣжалъ на десятокъ широкихъ ступеней и позвонилъ въ колокольчикъ. Его впустили въ темнуюкъ богатую залу, а потомъ въ гостиную съ мебелью изъ темнаго рѣзного дерева съ высокими спинками, точно соборныя скамьи, гдѣ онъ со шляпой въ рукѣ немного нетерпѣливо ожидалъ появленія хозяйки и его прихожанки. Дверь отворилась и пропустила высокую, сѣдую женщину въ черномъ шолковомъ, безъ блеска, платьѣ. У нея были правильныя и энергическія черты лица и красивая, статная фигура; хотя она была уже очень зрѣлыхъ лѣтъ, но еще признаковъ старчества въ ней не было замѣтно.

— Мнѣ очень жаль, что я помѣшалъ вашимъ воскреснымъ благочестивымъ размышленіямъ, сестра Аргальсъ, и я бы этого не сдѣлалъ, если бы мнѣ не повелѣвалъ христіанскій долгъ; но сестра Роббинсъ не можетъ сегодня взять на себя обычнаго воскреснаго посѣщенія госпиталя, и я подумалъ, что если освободить васъ отъ класса иностранныхъ миссіонеровъ и чтенія библіи въ три часа, то вы можете взять на себя ея обязанности. Я знаю, какъ вамъ непріятны общеніе съ грубыми, нечестивыми людьми и ихъ зачастую вульгарныя, пошлыя рѣчи. Я сознаюсь, что порою сожалѣю о томъ, что вашъ мужъ не познакомилъ васъ съ тѣмъ, какъ идутъ дѣла на свѣтѣ. Но что же дѣлать! У каждаго изъ насъ есть свои слабости. И зависть, и осужденіе, находятъ иногда доступъ въ христіанскомъ сердцѣ, и я бы желалъ, чтобы вы взяли на себя эту обязанность для примѣра. Есть люди, дорогая сестра Аргальсъ, которые считаютъ, что богатая вдова, щедро разсыпающая вокругъ себя дары, которыми наградило ее

Провидѣніе, тѣмъ самымъ желаетъ откупиться отъ работы въ христіанскомъ вертоградѣ. Покажемъ имъ, какъ они несправедливы.

— Я готова,—отвѣчала лэди съ сухимъ, рѣшительнымъ видомъ.—Но полагаю, однако, что всѣ эти пацієнты—не по профессіи безпутные люди?

— Нисколько. Немногіе, можетъ быть, но большинство просто несчастные, и приняты въ госпиталь на счетъ общественной благотворительности или же за небольшую плату, которую вносятъ за нихъ друзья.

— Очень хорошо.

— И вы понимаете, что хотя они вольны отвергнуть ваши христіанскія наставленія, дорогая сестра Аргальсъ, но вы сами можете судить о томъ, когда вамъ слѣдуетъ быть терпѣливой или настойчивой съ ними.

— Понимаю.

Въ три часа пополудни м-съ Аргальсъ съ ридикюлемъ и нѣсколькими душеспасительными книжками стояла у дверей госпиталя Сентъ-Джонъ. Когда она показала свое свидѣтельство и объявила, что пришла занять мѣсто м-съ Роббинсъ, служащіе встрѣтили ее почтительно и дали нѣкоторыя инструкціи больничнымъ сидѣлкамъ, что, впрочемъ, не остановило нѣкоторыя не совсѣмъ лестныя ихъ замѣчанія, встрѣтившія приходъ благотворительницы.

— Слушай, Джонъ, право же, по моему, напрасно пускаютъ эту угрюмую старую дѣву мучить бѣдныхъ выздоравливающихъ!

— Не знаю, какъ сказать: говорятъ, что она очень богата и раздаетъ много денегъ; но если она сунется къ старику изъ Кентукки въ палатѣ № 3, то онъ ее хорошо угоститъ.

Между тѣмъ критика была врядъ ли основательна, такъ какъ м-съ Аргальсъ хотя и обходила кровати пацієнтовъ, время отъ времени изрекая нѣкоторыя обязательныя фразы, но большею частію дѣлая такія замѣчанія, которыя показывали въ ней безусловное пониманіе нуждъ и потребностей больныхъ людей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она вовсе не проявляла такого болѣзненнаго отвращенія къ грубости, какого боялся добрый пасторъ, хотя и живо унимала грубыя выходки. Больные люди слушали ее не то съ аггрессивнымъ, не то съ веселымъ интересомъ и съ такимъ чувствомъ, точно они принимаютъ горькое, но полезное лекарство. Только дойдя до крайней кровати, она натолкнулась на нѣчто неожиданное.

Кровать эта была занята тощимъ человѣкомъ съ длинными бѣлыми усами и лицомъ, изможденнымъ болѣзнью и внутренней

борьбой. Какъ только раздались ея шаги, онъ повернулся къ ней, приподнялся на локтѣ и пристально поглядѣлъ ей въ лицо.

— Кэтъ Говардъ... клянусь Богомъ! — проговорилъ онъ шопотомъ.

Несмотря на свое каменное самообладаніе, женщина вздрогнула, торопливо оглядѣлась и наклонилась къ больному.

— Пендльтонъ!—сказала она такимъ же шопотомъ:—ради самого неба! Что вы тутъ дѣлаете?

— Умираю, — мрачно отвѣчалъ онъ:—что же тутъ другого дѣлать!

— Но какъ вы сюда попали?

— По *вашей милости* и по милости вашей дочери,—отвѣчалъ полковникъ, въ изнеможеніи опускаясь на подушки.

— Я не понимаю васъ. Вы отлично знаете, что у меня *нѣтъ* дочери. Вы отлично знаете, что я сдержала слово, которое дала вамъ десять лѣтъ тому назадъ, и что я такъ же умерла для нея, какъ и она для меня.

— Я знаю, — отвѣчалъ полковникъ,—что въ послѣдніе три мѣсяца я уплатилъ свои послѣдніе гроши, чтобы замазать ротъ подлому негодяю, который *знаетъ*, что вы ея мать, и грозится изобличить ее передъ всѣми. Я знаю, что я умираю здѣсь отъ старой раны, которую получилъ, когда заткнулъ ротъ другой собакѣ, собиравшейся лаять на нее два года спустя послѣ того, какъ вы исчезли. Я знаю, что черезъ васъ и черезъ нее я допустилъ своего стараго негра умереть съ горя отъ того, что я не могъ дозволить ему терпѣть нужду вмѣстѣ со мной, и я знаю, что я теперь лежу здѣсь нищимъ на иждивеніи государства. Я знаю это, Кэтъ; но, говоря это, я не сожалѣю о томъ. Я сдержалъ свое слово *вамъ* и клянусь Богомъ, ваша дочь того достойна! Если когда-либо было чудное и безупречное созданіе, такъ это — ваше дитя!

— И она — богатая женщина, если только не промотала состоянія, которое я ей оставила — допускаетъ васъ лежать тутъ? —спросила женщина мрачно.

— Она этого не знаетъ.

— Она *должна бы* знать! Вы поссорились?

Она зорко глядѣла на него.

— Она мнѣ не довѣряетъ потому, что подозрѣваетъ о тайнѣ, а у меня не хватало духу разсказать ей все.

— Все? Что же ей извѣстно? что извѣстно этому человѣку? что ей сказано?—торопливо спрашивала она.

— Она знаетъ только, что имя, которое она носитъ, ей не принадлежитъ по праву.

— По праву? да вѣдь она такъ и записана въ довѣренности Эрбой Буэна.

— Нѣтъ, не то. Она думала, что это ошибка. И приняла фамилію Аргвелло.

— Что такое?—сказала м-съ Аргальсъ, внезапно хватая руку больного обѣими руками.—Какую фамилію?

Глаза ея утратили обычное холодное выраженіе, а губы побѣлѣли.

— Аргвелло! это была фантазія одной изъ ея школьныхъ подругъ, а эта собака укоренила ее въ ней... Но... что съ вами, Кэтъ?

— Гарри, зачѣмъ вы дурачите меня?

— Я не понимаю васъ,—сказалъ Пендльтонъ съ удивленіемъ.

— Такъ развѣ вы не знаете этого и не сами ей о томъ сказали?

— Чего не знаю? что сказалъ? — съ нетерпѣніемъ повторилъ онъ.

— Что Аргвелло—фамилія ея отца.

— Ея отца? Хозе Аргвелло? Великій Боже! увѣрены ли вы въ томъ?

Она прошептала: — Да.

Пендльтонъ молча глядѣлъ на нее нѣкоторое время.

— Да,—пробормоталъ онъ: — это инстинктъ подсказалъ ребенку, а можетъ быть чертовскій нюхъ Бріонеса. Но,—горько прибавилъ онъ,—такъ или нѣтъ, а она не вправѣ носить его фамилію.

— А если я скажу, что вправѣ.

Она встала, сложивъ руки на груди съ такимъ пуританскимъ самообладаніемъ, что дальніе зрители могли думать, что она поучаетъ больного.

— Я вторично встрѣтилась съ Хозе Аргвелло въ Новомъ-Орлеанѣ восемь лѣтъ тому назадъ,—медленно проговорила она.— Онъ былъ все еще богатъ, но погубилъ здоровье безпутной жизнью. Я тоже устала отъ своего образа жизни. Онъ предложилъ жениться на мнѣ и узаконить ребенка съ тѣмъ, чтобы я ходила за нимъ. Я должна была разсказать ему, какъ я съ ней распорядилась и что довѣренность не можетъ быть отмѣнена, пока она не достигнетъ совершеннолѣтія и не станетъ сама себѣ госпожа. Онъ согласился. Мы вступили въ бракъ, и черезъ годъ онъ умеръ. Онъ умеръ, оставивъ мнѣ документъ съ признаніемъ ея своимъ ребенкомъ и съ правомъ мнѣ потребовать ее, если я пожелаю.

— Ну?—перебилъ полковникъ съ сверкающими глазами.

— *Я этого не желаю.*

— Выслушайте меня! — продолжала она твердо. Я считала дѣвушку обезпеченной и не видѣла необходимости возстановлять прошлое. Я рѣшила вести новый образъ жизни, какъ вдова. Я переѣхала на сѣверъ. Въ маленькомъ городкѣ Новой-Англіи, гдѣ я сначала поселилась, провинціалы передѣлали мою фамилію въ м-съ Аргальсъ. Я не мѣшала. Я переѣхала въ Нью-Іоркъ и поступила въ услуженіе къ Богу и въ лоно церкви подъ именемъ м-съ Аргальсъ—и такъ съ тѣхъ поръ и зовусь.

— Но вы бы ничего не имѣли противъ того, чтобы Эрба знала, что вы имѣли право носить фамилію ея отца?—спросилъ Пендльтонъ съ оживленіемъ.

Женщина поглядѣла на него съ стиснутыми губами.

— Нѣтъ, имѣю. Я похоронила свое прошлое и всѣ его послѣдствія. И не хочу оживлять его.

— Но еслибы вы знали, что она такъ же горда, какъ и вы сами, и что неувѣренность въ своемъ званіи и своемъ родствѣ, хотя бы она и никогда не узнала всей истины, мѣшаетъ ей принять имя и стать женой человѣка, котораго она любитъ?

— Кого она любитъ?

— Одного изъ своихъ опекуновъ—Гетвея,—которому вы довѣрили ее, когда она была ребенкомъ.

— Поль Гетвей?—но онъ все знаетъ.

— Да. Но ей неизвѣстно, что онъ все знаетъ. Онъ вѣрно сохранилъ тайну, когда она отказала ему.

Женщина молчала нѣкоторое время, наконецъ сказала:

— Хорошо. Я согласна.

— И вы напишете ей?

— Нѣтъ. Но вы можете написать, и если нужно, я доставлю вамъ доказательства.

— Благодарю васъ.

Онъ протянулъ ей руку съ счастливымъ, почти дѣтски-благодарнымъ выраженіемъ на исхудаломъ лицѣ.

— Прощайте.

— Я скоро васъ увижу,—сказала она.

— Я отсюда не двинусь,—угрюмо проговорилъ онъ.

— Не думаю,—отвѣчала она. И впервые каменное лицо ея какъ бы смягчилось.

Проходя по палатѣ, она пожелала видѣть ординатора и попросила его, какъ только можно будетъ, перевезти больного къ ней въ домъ и протянула карточку съ крайне респектабельнымъ

именемъ и адресомъ. Она пришлетъ свою карету и своего домового доктора, чтобы наблюдать за перевозкой больного. А пока проситъ, чтобы ему ни въ чемъ не было отказа.

Ординаторъ обѣщалъ, говоря, что больной вообще доставлялъ имъ мало хлопотъ и онъ очень нетребователенъ. Въ настоящую минуту онъ потребовалъ только бумаги, перо и чернилъ.

VIII.

Когда карета м-съ Аргальсъ катилась по Пятому проспекту, она встрѣтила другую, заваленную багажемъ и направлявшуюся въ гостинницу. Разсѣянный путешественникъ, сидѣвшій въ ней, былъ не кто иной, какъ Поль Гетвей, сегодня утромъ вернувшійся изъ Европы.

Поль вошелъ въ гостинницу и, машинально подойдя къ списку жильцовъ, перелистывалъ его съ той же безнадежной терпѣливостью, какую онъ пріобрѣлъ въ послѣднія шесть недѣль, останавливаясь въ главныхъ европейскихъ отеляхъ. Онъ потерялъ всякій слѣдъ Эрбы, Пендльтона, Милли и Бріонеса со дня ихъ отъѣзда. По-видимому, компанія разсталась въ Базелѣ и въ тѣ двадцать-четыре часа, которые она имѣла передъ нимъ, разбрелась на всѣ четыре конца свѣта. Поль пробылъ нѣсколько дней по дѣламъ въ Лондонѣ и хотѣлъ провести нѣсколько дней въ Нью-Іоркѣ, прежде чѣмъ отправиться въ Санъ-Франциско.

Въ газетахъ уже стояло его имя въ спискѣ пассажировъ, прибывшихъ съ пароходомъ сегодня утромъ. Оно могло попасться ей на глаза, хотя во все время переѣзда его мучила мысль, что она, пожалуй, все еще находится въ Европѣ и скрывается въ какомъ-нибудь глухомъ городишкѣ съ полоумнымъ Пендльтономъ, или же поступила въ монастырь, если съ отчаянія не приняла имя и титулъ какого-нибудь разорившагося нобльмена.

Прошло два дня, и Поль все еще безцѣльно проживалъ въ Нью-Іоркѣ. Онъ осматривалъ списки прибывшихъ съ различными европейскими пароходами, но поиски его казались тѣмъ безнадежнѣе, что послѣ сообщенія Бріонеса она отказалась отъ имени Аргвелло и приняла другое. Она могла даже быть теперь въ Нью-Іоркѣ подъ этимъ именемъ.

Утромъ на третій день въ числѣ полученныхъ писемъ онъ увидѣлъ одно съ почтовой маркой одного извѣстнаго загороднаго мѣстечка, съ богатыми виллами, на Гудзоновой рѣкѣ. Оно было отъ Милли Вудсъ и сообщало, что отецъ ея прочиталъ въ га-

зетахъ объ его пріѣздѣ и проситъ его отобѣдать у нихъ и переночевать на ихъ виллѣ „Подъ утесами“, если онъ „все еще интересуется судьбою своихъ старинныхъ знакомыхъ“. „Конечно,—прибавляла задорная Милли,—если вамъ это покажется скучнымъ, то мы васъ ждать не будемъ“.

Блѣдное лицо Поля вспыхнуло. Онъ телеграфировалъ, что будетъ, и въ этотъ же день на закатѣ сошелъ съ поѣзда на небольшой частной платформѣ, столь живописно ютившейся въ лѣсу и окутанной пунцовымъ виргинскимъ плющемъ, что дѣлало ее похожей на театральную декорацію.

Карета м-ра Вудса дожидалась его на станціи, но Поль, разспросивъ про дорогу и узнавъ, что вилла недалеко, отдалъ свой сакъ-вояжъ кучеру, говоря, что пѣшкомъ дойдетъ до дому.

Тропинка пересѣкала въ одномъ мѣстѣ проѣзжую дорогу и сокращала путь къ дому; онъ колебался, свернуть ли на нее, или продолжать идти по дорогѣ, когда вдругъ услышалъ, какъ зашуршали сухіе листья подъ чьими-то торопливыми шагами; онъ остановился; зеленая стѣна раздвинулась и пропустила высокую, граціозную фигуру. То была Эрба!

Она подбѣжала къ нему съ полуоткрытыми губами и сверкающими глазами.

— Когда я увидѣла, что васъ нѣтъ въ каретѣ и узнала, что вы идете пѣшкомъ, я ускользнула изъ дому вамъ на встрѣчу, потому что мнѣ нужно вамъ сказать кое-что прежде, нежели вы увидите другихъ. Я думала, что вамъ это будетъ интересно узнать.

Она умолкла, вдругъ сконфузилась и опустила рѣсницы; гордая головка поникла, а также и тоненькая ручка, которая было-протянулась къ нему съ такимъ откровеннымъ порывомъ.

А онъ... Поль... что съ нимъ сталось? Куда дѣлись страстные порывы, наполнявшіе его душу день и ночь? Куда скрылись вопросы, тѣснившіеся у него на губахъ? Куда пропала храбрость, съ какой онъ хотѣлъ стереть цѣлый міръ, если міръ станетъ между нею и имъ? Куда, въ самомъ дѣлѣ? Онъ стоялъ передъ нею въ нѣсколькихъ шагахъ, холодный, безмолвный, трепещущій.

Она отступила на шагъ назадъ и, выпрямившись и овладѣвъ своимъ смущеніемъ, опустила руку въ карманъ кофточки.

— Я хотѣла только, чтобы вы прочитали письмо, которое я получила вчера.

Очарованіе было нарушено. Поль поспѣшно схватилъ ручку, державшую письмо, и хотѣлъ притянуть ее къ себѣ.

Но Эрба высвободила ее и мягко, но рѣшительно сказала:

— Прочитайте письмо.

— Скажите мнѣ сначала сами, зачѣмъ вы убѣжали отъ меня и зачѣмъ я неожиданно нахожу васъ теперь здѣсь? Скажите мнѣ, кто съ вами? и свободны ли вы? Говорите, не будьте жестоки. Скажите мнѣ, прежняя ли вы Эрба?

— Прочитайте письмо.

— Не надо мнѣ никакихъ другихъ писемъ, кромѣ того, что вы мнѣ оставили! Я читалъ, перечитывалъ его и всюду возилъ его за собой. Поглядите,—оно со мной.

Онъ хотѣлъ вынуть письмо изъ кармана, но она опять остановила его:

— Пожалуйста, Поль, прочитайте сначала это письмо!

Этотъ умоляющій тонъ былъ тоже совсѣмъ новъ и неожиданъ въ ней. Поль взялъ письмо и развернулъ его. Оно было отъ полковника Пендльтона.

Ясно, коротко и формально, не объясняя, отъ кого онъ получилъ эти свѣденія и не упоминая о свиданіи съ м-съ Аргальсъ, онъ увѣдомлялъ Эрбу, что имѣетъ въ рукахъ несомнѣнное доказательство, что она—дочь покойнаго Хозе де-Аргвелло и имѣетъ законное право носить его имя. Копія съ инструкцій, данныхъ имъ своей женѣ, признающая Эрбу Буэну, питомицу города Санъ-Франциско, законной дочерью и предоставляющая женѣ право заявить объ этомъ другимъ или нѣтъ, была приложена къ письму.

Поль обратился къ Эрбѣ, зорко и смущенно наблюдавшей за нимъ.

— И вы думаете, что это для меня важно!—горько проговорилъ онъ.—Вы думаете только объ этомъ, а я говорю вамъ о томъ драгоцѣнномъ письмѣ, въ которомъ вы подали мнѣ надежду и заставили искать васъ.

— Поль,—сказала дѣвушка съ удивленіемъ въ глазахъ и нерѣшительно:—неужели вы хотите сказать, что это... это васъ нисколько не интересуетъ?

— Да, но простите меня!—вдругъ спохватился онъ, беря ее за руку.—Я эгоистъ, я забываю, что для васъ это можетъ имѣть значеніе.

— Поль,—продолжала дѣвушка дрожащимъ отъ радости голосомъ:—неужели вы хотите сказать, что вы, лично вы не придаете этому никакого значенія?

— Никакого!—отвѣчалъ онъ, глядя на ея преображенное лицо съ удивленнымъ восторгомъ.

— И... и—прибавила она еще застѣнчивѣе и слегка зардѣв-

шись,—вамъ все равно, что я... что я... что *у меня есть теперь имя*, которое я могу перемѣнить на ваше?

Онъ встрепенулся.

— Эрба, вы не шутите? Вы будете моей женой?

Она улыбнулась и прошла въ чащу, изъ которой только-что вышла передъ тѣмъ. Онъ послѣдовалъ за нею. Еще два шага—и онъ нагналъ ее и на минуту заключилъ въ свои объятія. Замѣшкавшаяся пѣвчая птица, вообразивъ, что она, можетъ быть, ошиблась во времени года, и что теперь не осень, а весна, съ легкимъ крикомъ полетѣла-было на югъ сообщить радостную вѣсть.

Но Поль и Эрба вышли изъ чащи съ такимъ степеннымъ и дѣтски-невиннымъ видомъ и пошли рядомъ, что птица одумалась.

IX.

Подумалъ ли Поль, что вѣдь они всего лишь въ третій разъ видятся въ жизни? Видитъ ли онъ теперь, почему она не поняла его въ Розаріо? Понимаетъ ли онъ теперь, какимъ разсчетливымъ эгоистомъ онъ долженъ былъ показаться ей въ ту ночь? Пусть онъ посмотритъ ей въ лицо теперь... Нѣтъ, нѣтъ, надо идти смирно,—они такъ близко отъ дома и ихъ могутъ увидѣть!.. Не могъ онъ развѣ догадаться, что въ ея дѣтскихъ воспоминаніяхъ осталось это имя, хотя она и не могла бы сказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ она его слышала? Что необыкновеннаго въ томъ, что въ ней проснулся дочерній инстинктъ? Развѣ съ его стороны хорошо было, зная все это, ничего ей не сказать? Если ея мать и отецъ поссорились, и мать убѣжала съ какимъ-то другимъ и бросила ее на попеченіе чужимъ людямъ, то зачѣмъ было скрывать это отъ нея и оставлять ее безъ имени?

Это и еще многое другое, нѣжное, укоризненное, смѣшно и мило нелогичное, но невыразимо привлекательное для Поля говорила она въ то время, какъ они шли рядомъ.

Она разсказала ему, что, насколько ей извѣстно, Бріонесъ не зналъ ея матери и никогда до того вечера въ Струдль-Бадѣ о ней не заговаривалъ. Послѣ того вечера онъ исчезъ, имѣвъ свиданіе съ полковникомъ, и она думаетъ, что полковникъ подкупилъ его, но не *ея* деньгами. Ей иногда казалось, что полковникъ и онъ за-одно, и вотъ почему въ послѣднее время она не довѣряла Пендльтону. Но она отказалась отъ имени Аргвелло послѣ того вечера, по совѣту Милли назвалась миссъ Гудъ и

подъ этимъ именемъ занесена была въ списокъ пассажировъ на томъ пароходѣ, который везъ ихъ въ Америку, и они отправились не въ Нью-Іоркъ, а въ Бостонъ.

Очень возможно, что полковникъ вынудилъ у Бріонеса тѣ свѣденія, какія сообщилъ ей. Они разстались съ Пендльтономъ въ Лондонѣ, потому что онъ сталъ очень сердить и сварливъ и, по мнѣнію Милли, ужасно скупъ; вѣчно дѣлалъ исторію изъ-за счетовъ въ гостинницахъ. Но онъ взялъ нью-іоркскій адресъ м-съ Вудсъ и зналъ, что она находится на виллѣ „Подъ утесами".

За обѣдомъ м-ръ Вудсъ вдался въ воспоминанія о Калифорніи и сталъ распространяться о перемѣнахъ, какія онъ тамъ замѣтилъ. Нѣкоторые изъ старыхъ піонеровъ нажили довольно порядочное состояніе и обезпечили свою старость.

— Я знаю,—прибавилъ онъ,—что вашъ пріятель полковникъ Пендльтонъ расшвырялъ порядкомъ денегъ по Европѣ. Кто-то говорилъ мнѣ, что онъ вынужденъ былъ взять мѣсто въ трюмѣ для переѣзда на родину. Должно быть, проигрался—это старинный калифорнійскій игрокъ.

И такъ какъ Поль, внезапно нахмурившійся, ничего не говорилъ, м-съ Вудсъ напомнила ему, что всегда не довѣряла нравственнымъ принципамъ полковника. Съ своей стороны она рада, что онъ не вернулся изъ Европы вмѣстѣ съ дѣвицами, хотя, конечно, присутствіе дона Цезаря и его сестры во время ихъ пребыванія въ Европѣ было большимъ счастіемъ въ смыслѣ свѣтскихъ приличій.

Такъ какъ лицо Поля еще сильнѣе омрачилось послѣ этихъ словъ, то Эрба, наблюдавшая за нимъ, воспользовалась той минутой, какъ они вставали изъ-за стола, и спросила:

— Вы не думаете, Поль, что полковникъ въ самомъ дѣлѣ нуждается?

— Богъ знаетъ!—отвѣчалъ Поль:—я боюсь подумать о томъ, какъ его могъ ограбить этотъ негодяй!

— И все ради меня! Поль, милый, вы сказали въ лѣсу, что ни за что не возьмете моихъ денегъ... Отдадимъ ихъ ему!

Какой отвѣтъ далъ на это Поль, не было слышно, такъ какъ онъ далъ его безмолвно.

Но на другое утро, въ то время, какъ онъ удалился въ библіотеку съ м-ромъ Вудсъ, Эрба вбѣжала къ нимъ съ разстроеннымъ лицомъ и телеграммой въ рукѣ.

— О! Поль... м-ръ Гетвей!.. *это правда*!

Поль схватилъ телеграмму; подписи не было, и только одна

строчка: „Полковникъ Пендльтонъ опасно боленъ въ госпиталѣ Сентъ-Джонъ".

— О! Поль, позвольте мнѣ ѣхать съ вами! Я никогда не прощу себѣ — да и телеграмма адресована мнѣ — еслибы не поѣхала... Что онъ подумаетъ!

Поль колебался.

— М-съ Вудсъ позволяетъ Милли ѣхать съ нами, и она можетъ посидѣть въ гостинницѣ. Скажите: да!—умоляла она.

Онъ согласился, и черезъ полчаса всѣ трое уже ѣхали на поѣздѣ въ Нью-Іоркъ.

Оставивъ Милли въ гостинницѣ, какъ бы во вниманіе къ предубѣжденіямъ м-ра и м-съ Вудсъ, но въ дѣйствительности чтобы избавиться отъ присутствія третьяго лица при свиданіи съ полковникомъ, Поль отправился съ Эрбой въ госпиталь. Ординаторъ палаты, гдѣ лежалъ полковникъ, встрѣтилъ ихъ почтительно, но съ сомнѣніемъ. Паціенту было немного лучше сегодня утромъ, но онъ очень ослабъ. Теперь при немъ одна лэди — членъ одного религіознаго и благотворительнаго общества,—которая принимаетъ въ немъ величайшее участіе; она даже хотѣла перевезти его къ себѣ въ домъ, но онъ сначала отказался, а теперь слишкомъ слабъ, чтобы его можно было перевезти.

— Но я получила телеграмму: она вѣроятно послана по его желанію,—возразила Эрба.

Ординаторъ глядѣлъ на ея прелестное личико. Онъ былъ слабый человѣкъ, какъ и всѣ, и объявилъ, что пойдетъ поглядѣть, можетъ ли паціентъ вынести еще посѣтителей: можетъ быть, благотворительная дама удалится.

Когда онъ ушелъ, его помощникъ сообщилъ, что старый джентльменъ бываетъ иногда въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ—замѣчательный человѣкъ; много видалъ на своемъ вѣку; очень интересно разсказываетъ про ранніе дни Калифорніи. Вѣроятно теперь докторъ позволитъ его видѣть, если онъ чувствуетъ себя хорошо, потому что лэди-патронесса уже уходитъ; вонъ она идетъ по палатѣ!

Она медленно приближалась къ нимъ—высокая, сѣдая, мрачная — все еще красивая. Поль вздрогнулъ. Къ его ужасу, Эрба подбѣжала къ ней и живо спросила:

— Лучше ему? можно его видѣть?

Женщина остановилась на минуту, тѣснѣе прижала къ груди ридикюль и молитвенникъ, которые несла въ рукахъ, но вообще въ ней не было замѣтно никакой перемѣны. Обращаясь скорѣе къ Полю, чѣмъ къ молодой дѣвушкѣ, она строго сказала:

— Пацiентъ можетъ принять м-ра Гетвей и миссъ Эрбу Буэна.

И тихо прошла мимо. Дойдя до дверей, она опустила черный траурный вуаль на лицо такимъ же точно жестомъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ припомнилъ Поль.

— Она напугала меня!—сказала Эрба, обращая разстроенное лицо къ Полю. — О! Поль! я надѣюсь, что это не дурное предзнаменованiе,—она похожа на выходца изъ могилы!

— Тсъ! — произнесъ Поль, такой же блѣдный, какъ сама Эрба. — Докторъ идетъ.

Ординаторъ подошелъ съ еще болѣе серьезнымъ лицомъ, чѣмъ прежде. Они могутъ видѣть больного, но онъ долженъ предупредить ихъ, что пацiентъ безпрестанно впадаетъ въ бредъ, и если имъ нужно поговорить о семейныхъ дѣлахъ, то они должны ловить минуты, когда онъ приходитъ въ себя.

Они нашли его въ концѣ палаты, отгороженнаго со всѣхъ сторонъ ширмами, такъ что образовалась какъ бы отдѣльная комната. Онъ очень перемѣнился; они бы не узнали его, еслибы не правильно и тонко очерченный орлиный носъ и длинные бѣлые усы, которые теперь казались до того эѳирными, точно крыло духа опустилось на его подушку.

Къ ихъ удивленiю, онъ открылъ глаза съ улыбкой полнаго сознанiя и худыми пальцами, лежавшими на одѣялѣ, поманилъ ихъ. И однако, въ его обращенiи съ Полемъ все еще оставалась тѣнь прежняго недовѣрiя; хотя одна рука его была охвачена Эрбой, которая порывисто бросилась къ нему и упала на колѣни передъ кроватью, а другую онъ положилъ ей на голову, но глаза его были прикованы къ лицу молодого человѣка съ церемонностью, какую мы выказываемъ относительно посторонняго лица.

— Я радъ васъ видѣть, сэръ, — началъ онъ медленнымъ, прерывистымъ, но вполнѣ явственнымъ голосомъ:—теперь вы убѣдились... въ правѣ... этой молодой лэди... носить фамилiю Аргвелло... и ея родство, сэръ... съ старѣйшей...

— Но, дорогой другъ мой,—перебилъ Поль,—я *никогда* объ этомъ не заботился, прошу васъ вѣрить...

— Я думаю противное,—сказалъ полковникъ съ мрачной и неумолимой рѣшимостью.—У меня сохранилось живое воспоминанiе... сэръ... о свиданiи, которое я имѣлъ съ вами... въ Санъ-Чарльзѣ... когда вы говорили...

Онъ съ минуту помолчалъ, и затѣмъ совсѣмъ другимъ голосомъ слабо позвалъ въ бреду:

— Джоржъ!

Поль и Эрба быстро переглянулись.

— Джоржъ, подайте чего-нибудь освѣжительнаго почтенному Полю Гетвею! Самаго лучшаго, сэръ, понимаете... Добрый негръ, сэръ, добрый малый; онъ никогда со мной не разлучится; но только, честное слово, сэръ! онъ способенъ уморить себя и свою семью съ голоду, чтобы быть со мной. Я привезъ его съ собой въ Калифорнію въ сорокъ-девятомъ году. То было давно, сэръ, то было давно...

Голова его упала на подушки, и глаза подернулись какъ бы дымкой.

— То были старинныя времена, сэръ... времена людей, когда одного *слова* мужчины было достаточно, а его шпага разрѣшала всѣ недоразумѣнія... Когда довѣренность, принятая имъ отъ мужчины, женщины или ребенка, никогда не нарушалась... Когда приливъ, сэръ, проходящій сквозь Золотыя Врата, доходилъ до улицы Монгомерри...

Онъ умолкъ. И стоявшіе около него поняли, что приливъ снова вступилъ въ улицу Монгомерри и—унесъ съ собой полковника Пендльтопа.

А. Э.

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ

ОЧЕРКЪ.

Самоуправленіе и гражданское равенство не достигли нигдѣ такого развитія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки—это общеизвѣстный фактъ. И въ глазахъ самихъ американцевъ, и въ нашихъ глазахъ, государственныя учрежденія штатовъ представляютъ тѣмъ болѣе общій интересъ, что они дѣйствуютъ на громадномъ пространствѣ и осуществляются населеніемъ въ шестьдесятъ милліоновъ. Американцы правы въ своемъ горделивомъ сознаніи, что они дѣлаютъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ самый замѣчательный экспериментъ новой системы управленія, какой еще никогда никто не испытывалъ; что они выработали болѣе высокій типъ свободы, равенства и цивилизаціи, чѣмъ какой когда-либо былъ достигнутъ другими государствами, и увѣрены, что ихъ дѣло служитъ и будетъ служить на пользу всего человѣчества. Такъ же смотрятъ на американскія учрежденія и западные ученые. Они видятъ въ нихъ образецъ тѣхъ демократическихъ порядковъ, къ введенію которыхъ, какъ бы по велѣнію рока, стремятся всѣ западные народы, хотя и не всегда одинаково, быстрыми шагами, но никогда не останавливаясь въ этомъ прогрессивномъ движеніи. Придерживаясь знаменитаго сравненія, сдѣланнаго у Данте, можно сказать, что и Америка несетъ свѣтильникъ, который освѣщаетъ ея путь только позади ея, и полезенъ не столько для нея самой, сколько для тѣхъ, кто идетъ вслѣдъ за нею. Вотъ почему на западѣ не только одни ученые, но и государственные люди, публицисты, старательно изучаютъ общественный строй американской демократіи.

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ явилось классическое сочи-

неніе Токвилля: „Демократія въ Америкѣ“. Вліяніе этой книги, представляющей собою глубокій анализъ демократическихъ учрежденій, было громадное. Но со времени выхода книги Токвилля американцы сдѣлали большой прогрессъ въ сферахъ матеріальной, умственной, политической, и въ самыхъ нравахъ. Чувствовалась потребность въ новой работѣ, которая, прослѣдя и выяснивъ совершившіяся измѣненія, стала бы, по своимъ достоинствамъ, на ряду съ твореніемъ знаменитаго французскаго публициста. Такая работа явилась въ 1888 году. Исполнилъ ее бывшій профессоръ оксфордскаго университета Джемсъ Брайсъ [1]). Извѣстный спеціалистъ по исторіи Соединенныхъ Штатовъ, Гольстъ, отзывается объ этой книгѣ, какъ *„о важнѣйшемъ политическомъ сочиненіи, какое произвелъ XIX вѣкъ“* [2]). Книга состоитъ изъ трехъ томовъ. Первые два тома заняты изслѣдованіемъ федеральной конституціи, конституцій отдѣльныхъ штатовъ и организаціей политическихъ партій. Въ третьемъ томѣ разсматриваются: сила общественнаго мнѣнія, задачи экономической политики, положеніе женщины, сословіе юристовъ, вліяніе желѣзныхъ дорогъ, университеты, религія и церковь, и наконецъ дѣлается общая оцѣнка демократіи и ея вѣроятное будущее въ Америкѣ.

Мы не имѣемъ намѣренія дать болѣе или менѣе полное представленіе о богатомъ и высоко поучительномъ содержаніи этого объемистаго сочиненія. Исполненію этого въ журнальной статьѣ препятствуетъ большое количество затронутыхъ вопросовъ и обиліе цѣннаго фактическаго матеріала. Задача наша иная. Мы воспользуемся явленіями американской жизни къ освѣщенію вопроса, имѣющаго важное значеніе для правильнаго пониманія общественныхъ явленій вообще, а именно—къ освѣщенію вопроса *о вліяніи учрежденій на нравы*. Въ данномъ случаѣ мы разсмотримъ вліяніе на нравы американцевъ гражданскаго равенства, просвѣщенія, свободы и самоуправленія.

I.

Соединенные Штаты повсюду считаются отчизной равенства преимущественно предъ всѣми другими странами. Соціологамъ прежде всего бросается въ глаза эта отличительная особенность американскаго строя общественной жизни. Равенство служило

[1]) The American Commonwealth, by J. Brice. 3 volumes. London, 1888. Американская республика, Джемса Брайса. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Москва, 1889—90 г. 3 тома.

[2]) Historische Zeitschrift, herausg. von H. von Sybel, XXVIII, 1.

одной изъ главныхъ тэмъ для описаній Токвилля и точкой исхода для его философскихъ разсужденій; оно постоянно было и продолжаетъ быть предметомъ гордости для самихъ американцевъ.

Въ чемъ же выражается равенство гражданъ американской демократіи?

Въ новѣйшее время, одно государство за другимъ, въ западной Европѣ, принимали въ основаніе своихъ общественныхъ учрежденій принципъ *равенства гражданъ предъ закономъ*. На томъ же самомъ принципѣ покоятся и учрежденія американской демократіи. И несмотря на тождество основныхъ принциповъ общественнаго строя, существуетъ огромное различіе въ степени соціальнаго равенства въ западной Европѣ, съ одной стороны, и въ Соединенныхъ Штатахъ—съ другой. Объясняется это неодинаковостью матеріальнаго благосостоянія и образованія народной массы. По принципу равенства передъ закономъ за всѣми гражданами признается право достигать любого соціальнаго положенія, пользоваться всѣми благами культуры; но бѣдность и невѣжество массы населенія въ западной Европѣ создаетъ положеніе вещей, во многомъ напоминающее прежнія времена. Въ общемъ правилѣ случайность рожденія обусловливаетъ соціальное положеніе, и дѣти низшихъ классовъ населенія остаются въ тѣхъ же общественныхъ группахъ. Совершенно другую картину представляетъ намъ общественная жизнь въ Соединенныхъ Штатахъ. Тамъ не только *равенство передъ закономъ*, но и *равенство въ дѣйствительности*. И важнѣйшія причины этого заключаются, какъ мы уже замѣтили, въ общемъ матеріальномъ благосостояніи и въ высшемъ, сравнительно съ Европой, уровнѣ образованія американскаго народа.

Кто не слышалъ о матеріальномъ довольствѣ массы населенія въ Соединенныхъ Штатахъ? Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ не лишнимъ привести свидѣтельство по этому предмету изъ такого авторитетнаго источника, какъ книга Брайса.

Американская демократія,—свидѣтельствуетъ Брайсъ,—пользуется общимъ благосостояніемъ. Здѣсь *рабочіе кормятся, одѣваются и живутъ такъ же хорошо, какъ средній классъ европейскаго населенія;* жены ихъ одѣваются съ такимъ вкусомъ, что если встрѣтитесь съ ними въ воскресный день или въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, вы примите ихъ за женщинъ, живущихъ въ полномъ достаткѣ. Другой наиболѣе значительный классъ американскаго населенія составляютъ *фермеры*. Они обработываютъ большей частью собственную землю и пользуются значительнымъ комфортомъ. Путешествуя по Америкѣ, говоритъ Брайсъ, вы на

каждомъ шагу чувствуете, что перенеслись въ новый міръ. Путешественникъ становится веселымъ и добрымъ при видѣ общаго довольства и невольно заражается увѣренностью американцевъ въ ихъ блестящей будущности. Подобно тому, какъ впавшій въ уныніе человѣкъ ободряется при встрѣчѣ съ другомъ, способнымъ разогнать его мрачныя думы, и европеецъ, ближе познакомившись съ полными энергіи американцами, начинаетъ думать, что и въ этомъ мірѣ жизнь можетъ быть болѣе свѣтлой и болѣе радостной, чѣмъ среди смутъ и матеріальныхъ лишеній Стараго Свѣта.

„Но я не думаю,—замѣчаетъ Брайсъ,—чтобы кто-либо изъ европейцевъ могъ вполнѣ раздѣлять мое мнѣніе, пока самъ не побываетъ въ Америкѣ, пока самъ не убѣдится, что *во всѣхъ классахъ* населенія и *во всѣхъ частяхъ* страны видно изобиліе внѣшнихъ условій для человѣческаго счастія; изобиліе средствъ для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ; отсутствіе всякихъ затрудненій для полученія образованія и для чтенія книгъ; общественныя удовольствія и достаточно свободнаго времени для пользованія ими; сравнительно мало соблазновъ, вовлекающихъ людей въ невоздержность и пороки“.

А пауперизмъ,—спроситъ читатель,—развѣ его не знаютъ американцы? Пауперизмъ существуетъ въ Америкѣ только въ пяти или шести большихъ городахъ, гдѣ осѣдаютъ пришлые изъ Европы эмигранты, еще не успѣвшіе пріискать себѣ работы. Причемъ съ этимъ недугомъ здѣсь энергично борются благотворительныя общества, состоящія большей частью изъ особъ женскаго пола.

Американцевъ часто обвиняютъ въ преклоненіи передъ богатствомъ. На самомъ же дѣлѣ американскому Крезу труднѣе достигнуть высокаго общественнаго положенія, чѣмъ милліонеру въ Европѣ. Если онъ дурного характера, дурно воспитанъ, безнравственъ или нечестенъ, то ему будетъ закрытъ доступъ въ общество. Европейскій богачъ легче проникнетъ въ высшее общество, оказывая услуги тѣмъ лицамъ, которыя могутъ ввести его туда. Даже если онъ не пользуется довѣріемъ въ коммерческомъ мірѣ, если онъ неблаговоспитанный человѣкъ и не имѣетъ никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ богатства и готовности тратить его на доставленіе развлеченій высшему обществу, онъ можетъ сдѣлаться баронетомъ, даже пэромъ и передать свой титулъ своимъ потомкамъ. Американцы же относятся къ богачамъ скорѣй съ любопытствомъ, чѣмъ съ почтеніемъ. Эти богачи возбуждаютъ къ себѣ такой же интересъ, какъ знаменитые скороходы или жокеи, но не вызываютъ льстивыхъ похвалъ или общественныхъ отличій.

Къ нимъ относятся иначе только въ тѣхъ случаяхъ, когда они нажили большія богатства своими выдающимися дарованіями; тогда ихъ уважаютъ за дарованіе, дѣлающее честь всей націи.

Въ связи съ общимъ матеріальнымъ благосостояніемъ стоитъ высокій, сравнительно съ Европой, уровень народнаго образованія. Это достигается многочисленностью высшихъ и элементарныхъ школъ, а также широко развитой привычкою къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ. Вслѣдствіе этого въ массѣ населенія очень распространены свѣденія по исторіи, географіи и литературѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самые необразованные изъ американскихъ уроженцевъ отличаются отъ низшихъ классовъ европейскаго населенія тѣмъ, что участвуютъ непосредственно въ управленіи страной, а потому имѣютъ ясное понятіе объ общественныхъ дѣлахъ, прозорливы въ своихъ сужденіяхъ и относятся съ живымъ интересомъ ко всему, что касается благосостоянія всей націи. Все это порождаетъ *большее равенство образованія*, чѣмъ гдѣ бы то ни было; *въ Америкѣ нѣтъ того разномыслія среди общественныхъ группъ*, которое кладетъ такія рѣзкія различія и обособленность между высшими и низшими классами въ Европѣ.

Какъ значительно развита въ настоящее время образованность въ массѣ населенія, можно судить уже потому, что ей удивлялся Токвилль, изучая общественный строй Соединенныхъ Штатовъ еще шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Кто хочетъ судить о состояніи просвѣщенія у американцевъ, говоритъ Токвилль, тотъ долженъ смотрѣть на этотъ предметъ съ двухъ точекъ зрѣнія. Обращая вниманіе на ученыхъ, онъ найдетъ, что число ихъ невелико; если же онъ захочетъ узнать число невѣждъ, то американцы ему покажутся самымъ просвѣщеннымъ народомъ въ мірѣ. Вмѣстѣ съ движеніемъ населенія отъ Атлантическаго океана къ западу распространялось и просвѣщеніе. Эмигрирующіе на западъ ежегодно переносили въ пустыню уже пріобрѣтенныя свѣденія и уваженіе къ знанію. Въ крайнихъ штатахъ союза, на границѣ общественности и пустыни, селились отважные авантюристы. Едва пришедши къ мѣсту, которое переселенецъ опредѣлилъ себѣ для жительства, онъ наскоро рубилъ нѣсколько деревьевъ и воздвигалъ хижину. Путешественникъ, приближаясь къ такому жилью, думалъ, что это бѣдное жилище служитъ убѣжищемъ грубости и невѣжеству и очень ошибался въ своемъ предположеніи. Все дико вокругъ переселенца, но самъ онъ, можно сказать, есть результатъ трудовъ и опыта восемнадцати столѣтій. Онъ носитъ городскую одежду, говоритъ языкомъ образованнаго человѣка, знаетъ прошедшее, любопытенъ къ будущему и внимателенъ къ настоящему;

и этотъ цивилизованный человѣкъ проникалъ въ пустыни Новаго Свѣта съ библіей, сѣкирой и журналами. Трудно представить себѣ, съ какой невѣроятною быстротою обращается мысль среди этихъ пустынь. „Я не думаю,—заключаетъ Токвилль,—чтобы могло совершаться такое умственное движеніе въ самыхъ просвѣщенныхъ и наиболѣе просвѣщенныхъ провинціяхъ Франціи".

Такъ говорилъ Токвилль о просвѣщенности народной массы! Съ тѣхъ поръ американцы не переставали давать щедрою рукою средства на дальнѣйшее поднятіе уровня народнаго образованія. Въ настоящее время, кромѣ повсемѣстно существующихъ образцово-обставленныхъ элементарныхъ школъ, имѣется 345 высшихъ школъ, раздающихъ ученыя степени съ 4.670 профессорами и 67.623 учащимися. Ни въ какой другой странѣ высшее образованіе не получается за болѣе дешевую цѣну и нигдѣ оно не болѣе доступно для всякаго, чѣмъ въ Америкѣ. Высшія школы не сконцентрированы всѣ въ городахъ, а разбросаны также по сельскимъ округамъ; благодаря этому, въ составѣ учениковъ этихъ школъ находится часть дѣтей рабочаго населенія, которымъ, можетъ быть, было бы затруднительно отправляться на обученіе въ какое-нибудь отдаленное заведеніе.

Высокій уровень образованности народной массы въ Америкѣ обусловливается не единственно хорошей организаціей школы; онъ является также результатомъ политическаго устройства штатовъ. Здѣсь каждый гражданинъ принимаетъ участіе въ управленіи республикой. Участвуя въ выборахъ, слѣдя за ходомъ общественныхъ дѣлъ, прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, заурядный американецъ набирается знаній, привыкаетъ читать, разсуждать, и тѣмъ развиваетъ свой умъ. Такимъ путемъ народное управленіе пріобрѣтаетъ то воспитательное вліяніе, на которое указываютъ, какъ на важнѣйшее изъ его достоинствъ.

Дальнѣйшее условіе соціальнаго равенства въ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ въ томъ, что тамъ нѣтъ никакихъ различій по рангамъ. Нѣтъ ни аристократіи, ни титуловъ, ни бюрократіи, и вообще никакимъ *внѣшнихъ* отличій, которыя доставляли бы извѣстному разряду людей какой-либо особый почетъ въ обществѣ. Американцамъ недоступно понятіе объ установленныхъ правахъ первенства; ихъ удивляетъ, что такія права признаются въ Англіи, что тамъ, напримѣръ, молоденькая дочь баронета идетъ впереди всѣхъ къ обѣденному столу подъ руку съ хозяиномъ дома, а позади нея идутъ замужнія женщины, болѣе почтенныя и по лѣтамъ, и по личнымъ достоинствамъ. Американцы изумляются, слушая разсказы о томъ, что въ Англіи ви-

чѣмъ не прославившійся графъ идетъ впереди перваго министра, не принадлежащаго къ аристократіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ также ни бюрократіи, ни постояннаго класса должностныхъ лицъ. Здѣсь сами граждане назначаютъ агентовъ законодательной, исполнительной и судебной власти и выбираютъ ихъ на тотъ или другой срокъ, чтобы черезъ это лучше контролировать ихъ дѣятельность. А потому въ Америкѣ не существуетъ служебной карьеры, какъ ее понимаютъ въ Европѣ. Люди занимаютъ общественныя должности временно, до слѣдующихъ выборовъ, и не кичатся этой властью, а считаютъ себя равными съ другими гражданами. „Я не могу себѣ представить,—говорилъ еще Токвилль,—чтобы кто былъ болѣе простъ въ своихъ дѣйствіяхъ, болѣе доступенъ для всѣхъ, болѣе внимателенъ къ просьбамъ и вѣжливъ въ отвѣтахъ, какъ общественное должностное лицо въ Соединенныхъ Штатахъ".

Самоуправленіе американской демократіи осуществляется не только въ томъ, что граждане сами выбираютъ своихъ законодателей, судей и всѣхъ должностныхъ лицъ и зорко слѣдятъ за ихъ дѣятельностью; оно выражается еще въ *силѣ общественнаго мнѣнія*. Благодаря этой силѣ граждане участвуютъ въ управленіи республикой не единственно во время выборовъ агентовъ власти,—они участвуютъ въ управленіи *постоянно*, производя своими мнѣніями по государственнымъ вопросамъ давленіе на президента, губернаторовъ штатовъ, конгрессы и на всѣхъ прочихъ должностныхъ лицъ.

Третій томъ изслѣдованій Брайса начинается словами, что „нѣтъ другой страны, гдѣ общественное мнѣніе было бы такъ же могущественно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ". Изъ него исходитъ всякая власть;, оно является громадной силой въ глазахъ агентовъ власти, начиная отъ президента и до мелкаго должностного лица, которые чутко прислушиваются къ нему, боясь иначе вызвать въ населеніи неудовольствіе и потерпѣть неудачу на слѣдующихъ выборахъ. Здѣсь каждый знаетъ, что ему принадлежитъ равная съ другими доля участія въ дѣлахъ управленія, что не только его личные интересы, но и долгъ гражданина требуютъ, чтобы онъ посвящалъ этимъ дѣламъ часть своего свободнаго времени и своей умственной дѣятельности. Каждый сознаетъ за собою нѣкоторую долю отвѣтственности за дѣло управленія; каждый считаетъ себя членомъ той или другой политической партіи и относится не безучастно къ текущимъ событіямъ. Это живое, участливое, порою крайне нервное отношеніе къ современной дѣйствительности составляетъ характерную черту страны съ абсо-

лютнымъ господствомъ общественнаго мнѣнія. Американское общественное мнѣніе зарождается не въ какомъ-либо особомъ классѣ населенія, а въ средѣ цѣлой націи. Все это объясняетъ намъ, почему въ Америкѣ не только признано закономъ, но и *дѣйствительно осуществлено равное участіе всѣхъ гражданъ въ управленіи государствомъ.*

Указанныя нами важнѣйшія характерныя основы общественнаго строя Америки, а именно: общій матеріальный достатокъ, распространенность образованія въ массахъ, отсутствіе аристократіи и другихъ соціальныхъ ранговъ, политическая равноправность, имѣли тотъ важный результатъ, что развили въ американскомъ народѣ *чувство равенства.*

Уваженіе ко всякому мужчинѣ и ко всякой женщинѣ, не зависящее отъ ихъ общественнаго положенія, прочно вошло въ нравы американцевъ. Здѣсь всякій обходится со всѣми какъ съ равными, съ такою непринужденною простотою, которая невозможна въ тѣхъ странахъ, гдѣ всякій смотритъ на другихъ или свысока, или съ подобострастіемъ. Люди, занимающіе самое скромное положеніе въ жизни, не обнаруживаютъ ни раболѣпія, ни наглости; если же иногда и проявляется нѣкоторая грубость въ обхожденіи или какъ будто намѣреніе заявить, что, дескать, „я нисколько не хуже васъ“, то эта замашка свойственна почти исключительно только новымъ переселенцамъ, еще не успѣвшимъ освоиться съ мыслью о равенствѣ. Со стороны людей высокопоставленныхъ не замѣтно того снисходительнаго тона и той вѣжливой холодности въ обращеніи, которые можно бы было принять за желаніе не унижать своего достоинства. Люди этого разряда не имѣютъ причины оберегать свое личное достоинство, пока сами не унизятъ его. Хотя вашъ сапожникъ или вашъ работникъ и относится къ вамъ какъ къ равному, но это нисколько не мѣшаетъ ему оказывать вамъ то уваженіе, какого вы заслуживаете вашими личными достоинствами, образованіемъ или вашей общественной дѣятельностью.

Эта непринужденность въ обхожденіи очень увеличиваетъ тамъ пріятность общественной жизни. Она расширяетъ сферу дружескихъ привязанностей, устраняя ту церемонность, съ которой въ Европѣ люди различныхъ классовъ обмѣниваются своими мыслями. Она усиливаетъ во всей націи сознаніе солидарности, уничтожая поводы для взаимной зависти и непріязни.

II.

Чувство равенства, проникающее собою весь складъ жизни въ Соединенныхъ Штатахъ, сказывается въ полной силѣ и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ положеніе женщины. Этотъ предметъ слишкомъ поучителенъ, чтобы на немъ не остановиться подробнѣе.

Справедливо говоритъ Брайсъ, что положеніе, занимаемое въ государствѣ женщинами, служитъ если не самымъ совершеннымъ мѣриломъ цивилизаціи страны, то однимъ изъ лучшихъ. Сразнивая кочующіе народы съ осѣдлыми, язычниковъ съ христіанами, древній міръ съ новымъ, восточныя страны съ западными, мы приходимъ къ убѣжденію, что упроченіе общественнаго порядка, увеличеніе матеріальныхъ удобствъ жизни и развитіе въ народной массѣ привычки къ благопристойности всегда сопровождались усиленіемъ уваженія къ женщинамъ, предоставленіемъ имъ болѣе широкой свободы и допущеніемъ ихъ къ участію во всякой полезной для человѣчества дѣятельности. Американцы часто указываютъ на положеніе, которое занимаютъ ихъ женщины, какъ на доказательство высокаго уровня своей цивилизаціи.

Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что американскія народныя массы стоятъ на одномъ уровнѣ съ средними классами европейскаго населенія; это мнѣніе еще болѣе вѣрно по отношенію къ американскимъ женщинамъ.

Существуютъ двѣ причины, по которымъ соціальное положеніе американокъ несравненно лучше положенія европейскихъ женщинъ. Одна изъ нихъ заключается въ демократическихъ чувствахъ американскаго народа; другая—въ образованіи женщинъ.

Всѣ порядки и всѣ поступки американцевъ вытекаютъ изъ убѣжденія, что всѣ они свободны и равны, что всѣ они имѣютъ нѣкоторыя неотъемлемыя права, что на всѣхъ нихъ лежатъ соотвѣтствующія этимъ правамъ обязанности. Американцы вѣрятъ въ равенство съ гордостью людей, открывшихъ новую истину, и съ рвеніемъ первыхъ ея проповѣдниковъ. Привыкнувъ примѣнять этотъ принципъ безразлично ко всѣмъ мужчинамъ, они, натурально, стали примѣнять его и къ женщинамъ. Отсюда вытекло предоставленіе женщинамъ одинаковаго съ мужчинами образованія. Одинаковость образованія двухъ половъ облегчила, въ свою очередь, осуществленіе принципа равенства.

Общественныя заведенія для образованія дѣвочекъ такъ же многочисленны и такъ же хорошо устроены, какъ заведенія для образованія мальчиковъ. Элементарныя школы существуютъ въ

достаточномъ числѣ для дѣтей обоего пола совмѣстно; классическія гимназіи и высшія школы организованы такъ, что въ нихъ дѣвочки помѣщаются или подъ одной кровлей съ мальчиками и посѣщаютъ совмѣстно одни и тѣ же классы, или помѣщаются въ особыхъ зданіяхъ, но составъ преподавателей и необходимыя для успѣшнаго преподаванія приспособленія одинаковы какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Достоинъ вниманія тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ запада дѣвочки не рѣже, а чаще мальчиковъ продолжаютъ свое образованіе въ высшихъ школахъ, со включеніемъ тѣхъ, въ которыхъ изучаютъ древнихъ классиковъ и естественныя науки; это объясняется тѣмъ, что мальчиковъ отвлекаютъ отъ ученья требованія практической жизни, между тѣмъ какъ дѣвочкамъ ничто не мѣшаетъ удовлетворять ихъ влеченіе къ умственному труду.

Университетское образованіе женщины получаютъ или въ колегіяхъ, спеціально для нихъ основанныхъ, или совмѣстно съ мужскимъ поломъ. Американцы утверждаютъ, что совмѣстное образованіе лицъ обоего пола оказываетъ превосходное вліяніе на нравы студентовъ и вообще на ихъ манеру себя держать. Иногда зарождаются между учащимися сердечныя привязанности, которыя приводятъ къ заключенію браковъ по окончаніи курса. Эти браки основаны на такомъ взаимномъ изученіи характеровъ, какое невозможно въ большомъ свѣтѣ, и, какъ разсказываютъ, почти всегда бываютъ счастливы.

Изъ сказаннаго видно, что женское образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ поставлено неизмѣримо выше, чѣмъ въ какомъ-либо изъ европейскихъ государствъ. Высокому уровню женскаго образованія слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, приписать значительную долю того вліянія, которымъ пользуются въ Америкѣ женщины. Тамъ онѣ чувствуютъ себя болѣе независимыми и яснѣе сознаютъ свое право вмѣшательства и въ сферу мышленія, и въ сферу практической дѣятельности. Оно ставитъ женщинъ на одинъ уровень умственнаго развитія съ мужчинами и создаетъ не мало общихъ умственныхъ интересовъ между тѣми и другими.

Европейцу достаточно провести одинъ вечеръ въ американской гостиной, чтобы убѣдиться, что въ Америкѣ обхожденіе мужчинъ съ женщинами не то, къ какому онъ привыкъ въ своемъ обществѣ. Самъ онъ привыкъ выражаться тономъ любезной снисходительности, разговаривая съ женщиной о какомъ-нибудь серьезномъ предметѣ. Даже если женщина выше его и по уму, и по характеру, онъ считаетъ себя выше ея только потому, что онъ мужчина, и сознательно или безсознательно говоритъ съ нею сви-

сока; а женщина такъ привыкла къ этому высокомѣрному тону, что не обижается имъ, если онъ не дѣлается слишкомъ рѣзкимъ. Къ такой высокомѣрной самоувѣренности неспособенъ американецъ. Онъ разговариваетъ съ женщиной точно такъ же, какъ сталъ бы разговаривать съ мужчиной, но только болѣе вѣжливымъ тономъ, а къ мнѣнію женщины онъ относится съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ она относится къ его мнѣнію. И американская женщина не ожидаетъ, чтобы мужчина далъ направленіе разговору: она сама выбираетъ тэму разговора, сама руководитъ имъ и нерѣдко ведетъ его съ такой живостью, что заставляетъ мужчинъ стыдиться своей умственной вялости.

Хорошей иллюстраціей высокаго общественнаго положенія американскихъ женщинъ служитъ ихъ сужденіе о взаимныхъ отношеніяхъ между мужьями и женами въ Европѣ. Не говоря уже о нѣмецкой Hausfrau, которая слишкомъ часто довольствуется ролью экономки, — по мнѣнію американки даже положеніе замужней англичанки немногимъ лучше положенія рабыни, потому что имъ представляется, что и въ Англіи жена всегда подчиняется волѣ мужа, а мужъ постоянно даетъ чувствовать женѣ, что его желанія должны стоять на первомъ планѣ. Онѣ допускаютъ, что европейская женщина иногда беретъ перевѣсъ надъ мужчиной, но это ей удается лишь при помощи хитрыхъ уловокъ, лести или умѣнья пользоваться слабостями мужа, между тѣмъ какъ въ Америкѣ мужъ считаетъ своимъ долгомъ исполнять желанія жены и относиться къ ней какъ къ равному. Пожилыя американки нерѣдко отзываются съ сожалѣніемъ о тѣхъ изъ своихъ прежнихъ подругъ, которыя вышли замужъ въ Европѣ, а молодыя дѣвушки въ одинъ голосъ заявляютъ, что онѣ ни за что не послѣдуютъ этому примѣру.

Обычаи предоставляютъ женщинамъ такую широкую свободу заниматься, чѣмъ онѣ пожелаютъ, и идти куда вздумаютъ, какой онѣ не имѣютъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Если женщина возьмется за какое-либо занятіе, которое прежде предоставлялось исключительно мужчинамъ, то она не вызоветъ тѣхъ порицаній, какимъ подверглась бы въ Европѣ. Когда молодой человѣкъ и молодая дѣвушка нравятся другъ другу, имъ ничто не мѣшаетъ вдвоемъ гулять, уѣзжать на прогулки; никто не будетъ истолковывать такую фамильярность въ дурномъ смыслѣ. Насколько полезно соблюденіе европейскихъ приличій между полами, видно изъ общаго убѣжденія американцевъ, что счастливые браки въ среднихъ и въ высшихъ слояхъ общества болѣе часты въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ, и это объясняется тѣмъ, что

молодые люди и молодыя дѣвушки имѣютъ болѣе удобныхъ случаевъ для взаимнаго изученія своихъ характеровъ, прежде чѣмъ окончательно связывать себя брачными узами. „Мнѣ никогда не случалось,—говоритъ Брайсъ,—встрѣтить разсудительную американку, которая не раздѣляла бы того мнѣнія, что обычаи Новаго Свѣта лучше обычаевъ Стараго Свѣта обезпечиваютъ и пріятность жизни до вступленія въ бракъ, и взаимную привязанность, и согласіе послѣ вступленія въ бракъ".

Указанное нами уваженіе къ женскому полу имѣетъ облагораживающее вліяніе на нравы. Ничто не возмущаетъ такъ сильно американцевъ, какъ грубость передъ женщиной. Въ средѣ самыхъ нецивилизованныхъ классовъ американскаго населенія гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ въ Европѣ, случаи оскорбленія женщины. Полевыя работы, работы въ рудникахъ и всякія другія работы, требующія значительнаго физическаго напряженія, почти никогда не исполняются въ Америкѣ женщинами; и путешествующій по Европѣ американецъ возмущается при видѣ женщинъ, исполняющихъ тяжелыя ручныя работы.

Относительно всѣхъ гражданскихъ правъ, *женщины поставлены наравнѣ съ мужчинами*. И замужнія, и незамужнія женщины, пользуются правомъ распоряжаться своею собственностью. Имъ *открытъ доступъ во всѣ профессіи* и во всѣ заведенія, которыя готовятъ къ различнымъ профессіямъ. И женщины воспользовались уже значительно этимъ правомъ. Во многихъ городахъ онѣ занимаются медицинской практикой. Въ послѣднее время ростетъ число женщинъ, посвятившихъ себя юридической дѣятельности. Уже нѣсколько женщинъ вступили въ составъ христіанскаго духовенства. Онѣ занимаютъ должности секретарей въ департаментахъ государственнаго управленія, въ телеграфныхъ и разныхъ другихъ компаніяхъ, въ различныхъ конторахъ и другихъ заведеніяхъ, гдѣ отъ служащихъ не требуется физической силы. Онѣ занимаютъ бо́льшую часть преподавательскихъ должностей въ публичныхъ школахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и, по общему мнѣнію, превосходятъ мужчинъ въ умѣньѣ обучать дѣтей,—по меньшей мѣрѣ дѣтей младшаго возраста [1]). Вообще можно сказать, что въ Америкѣ легче, чѣмъ въ Европѣ, женщина находитъ для себя прибыльныя занятія или въ сферѣ умственной дѣятельности, или въ торговлѣ, или въ ремеслахъ. Общественное мнѣніе рѣшительно высказывается за предоставленіе

[1]) Изъ отчетовъ комитета, завѣдующаго народнымъ просвѣщеніемъ, видно, что въ 1887 году всѣхъ преподавателей было 104.249, а всѣхъ преподавательницъ—191.439.

женщинамъ всякихъ облегченій для пріисканія занятій. Далѣе, ни въ какой другой странѣ женщины не принимали такого же, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, блестящаго участія въ предпріятіяхъ, задуманныхъ съ какою-нибудь нравственною или филантропическою цѣлью. Онѣ принадлежали къ числу раннихъ, самыхъ ревностныхъ и самыхъ полезныхъ участниковъ въ томъ движеніи, которое имѣло цѣлью уничтоженіе рабства. Ихъ заслуги въ заботахъ о бѣдныхъ, въ учрежденіи благотворительныхъ и исправительныхъ заведеній неоцѣнимы. Въ большихъ городахъ общества, завѣдующія организаціей благотворительности, находятся большей частью подъ женскимъ управленіемъ; а благодаря тому, что американскія женщины пользуются въ этихъ случаяхъ большой свободой и обладаютъ такимъ знаніемъ дѣла, какое рѣдко встрѣчается среди европейскихъ женщинъ, онѣ приносятъ громадную пользу дѣлу благотворительности.

Вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ сталъ горячо обсуждаться въ американскомъ обществѣ со времени агитаціи за уничтоженіе рабства. Борьба противъ рабской зависимости негровъ повела за собою возникновеніе слѣдующаго вопроса. Если равенство есть абсолютная и непреложная истина и признается за основной принципъ, то что же слѣдуетъ подъ нимъ разумѣть? Даетъ ли оно только гражданскія права — право на пользованіе свободой и на охрану личности и собственности, или же оно также даетъ право активнаго участія въ управленіи республикой? Защитницы женской полноправности говорили: „Мы требуемъ свободы для негровъ; — но требуемъ ли мы для нихъ и участія въ управленіи? Если требуемъ, то развѣ женщины не имѣютъ по меньшей мѣрѣ равнаго съ ними права на такое участіе? Если же не требуемъ, то поступаемъ такъ потому, что негры настолько невѣжественны и мало развиты, что неспособны пользоваться политическими правами. Но развѣ можно то же сказать о женщинахъ? Соображенія, которыя примѣнимы къ освобожденнымъ неграмъ, непримѣнимы къ женщинамъ, потому что женщины и образованы, и способны. На какомъ же основаніи лишаютъ ихъ политическихъ правъ?“

Этотъ отвлеченный способъ разрѣшенія спорнаго вопроса получилъ еще большее значеніе вслѣдствіе того факта, что въ средѣ самыхъ ревностныхъ и самыхъ полезныхъ участниковъ въ агитаціи за уничтоженіе рабства было не мало женщинъ. Онѣ поступали членами въ общества, организованныя съ цѣлью добиться освобожденія негровъ, и массами являлись на митинги про-

паганды. Онѣ были скоро допущены къ участію въ подачѣ голосовъ и къ занятію должностей въ тѣхъ обществахъ.

Съ окончаніемъ междоусобной войны и предоставленіемъ неграмъ политическихъ правъ, вопросъ о допущеніи женщинъ къ такимъ же правамъ выдвинулся еще болѣе впередъ и постоянно требуетъ разрѣшенія. Въ настоящее время и въ сѣверныхъ, и въ западныхъ штатахъ существуютъ общества, организованныя съ цѣлью отстаивать эти права для женщинъ. Національный конвентъ изъ делегатовъ отъ этихъ обществъ собирается ежегодно для поощренія мѣстныхъ агентовъ и для составленія плана дѣйствій. Въ каждый конгрессъ вносится проектъ поправки къ федеральной конституціи, которою были бы признаны за женщинами политическія права. Но до сихъ поръ ни одна изъ двухъ палатъ конгресса не изъявляла согласія на такое измѣненіе конституціи.

Общественное теченіе въ пользу предоставленія женщинамъ политическихъ правъ встрѣчается съ противнымъ теченіемъ. Не мало есть американцевъ и американокъ, которые полагаютъ, что участіе женщинъ въ политической дѣятельности, въ государственной службѣ нанесетъ ущербъ женской деликатности, мягкости, умалитъ лучшія стороны женскаго характера. Мужчина и женщина должны быть равными, но не подобными другъ другу, говорятъ они. Должна существовать разница въ трудахъ, удовольствіяхъ и занятіяхъ обоихъ половъ; изъ различныхъ способностей слѣдуетъ дѣлать и различное употребленіе.

Агитація за политическія права женщинъ достигла уже нѣкоторыхъ результатовъ. Въ двухъ территоріяхъ—въ Віомингѣ и Вашингтонѣ—женщины получили право участія въ выборѣ членовъ законодательныхъ собраній. Въ четырнадцати штатахъ женщинамъ дозволено участвовать въ выборѣ школьныхъ должностныхъ лицъ и подавать голоса по нѣкоторымъ вопросамъ, находящимся въ связи съ устройствомъ школъ. Въ двухъ штатахъ—въ Арканзасѣ и Мисиссипи—женщины имѣютъ право подавать голоса по вопросу о выдачѣ патентовъ на торговлю опьяняющими напитками. Въ одномъ штатѣ — въ Канзасѣ — женщины недавно получили право участія во всѣхъ муниципальныхъ выборахъ въ тѣхъ сельскихъ округахъ, гдѣ болѣе 500 жителей. Онѣ въ первый разъ пользовались этимъ правомъ въ апрѣлѣ 1887 года, и за результатомъ этого эксперимента всѣ слѣдятъ съ большимъ интересомъ [1]).

[1]) Въ Канзасѣ есть одинъ городъ, въ которомъ городской мэръ и всѣ члены городской думы—женщины.

Пользуясь широкими просторами, — говоритъ Брайсъ, — въ образѣ жизни и имѣя доступъ къ разнообразнымъ профессіямъ, американская женщина не утратила черезъ это самыхъ привлекательныхъ особенностей женскаго характера и въ то же время пріобрѣла самостоятельность и способность къ самопомощи. Если это принесло пользу самимъ женщинамъ, то, конечно, принесло пользу и всей націи. Въ качествѣ матерей, женщины формируютъ характеръ своихъ дѣтей; отъ нихъ же въ значительной мѣрѣ зависятъ нравы и тонъ, господствующіе въ обществѣ. Мужчины выигрываютъ отъ того, что обходятся съ женщиной какъ съ равной себѣ, а не смотрятъ на нее какъ на пріятную игрушку или какъ на полезную работницу. Дѣятельность женщинъ въ сферѣ благотворительности и рвеніе, съ которымъ онѣ поддерживали проекты соціальныхъ реформъ, принесли американской націи такую пользу, какой нельзя ожидать отъ европейскихъ женщинъ при господствующихъ на европейскомъ континентѣ нравахъ. Въ послѣднее время европейцы стали отзываться съ вполнѣ заслуженными похвалами о проницательности и живости ума американскихъ женщинъ, а тотъ, кто знаетъ, что̀ сдѣлано и что̀ дѣлается этими женщинами для достиженія многихъ благородныхъ цѣлей, тотъ еще болѣе будетъ хвалить ихъ энергію, мужество и самопожертвованіе. Повидимому, никакая другая страна не обязана такъ много женщинамъ, какъ Америка, никакая другая страна не обязана имъ такъ же много тѣмъ, что есть лучшаго, какъ въ ея общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и въ тѣхъ благородныхъ вѣрованіяхъ, которыя служатъ руководствомъ въ жизни ея населенія.

„Если меня спросятъ,—говоритъ Токвилль,—чему я въ особенности приписываю высокое благосостояніе и возростающую силу американскаго народа, я отвѣчу, что все это приписываю превосходству его женщинъ".

III.

Въ Соединенныхъ Штатахъ не менѣе оригинальны взаимныя отношенія трехъ обширныхъ общественныхъ группъ, а именно: класса рабочихъ, класса фермеровъ и класса капиталистовъ.

Въ Америкѣ классы населенія имѣютъ далеко не такое же значеніе, какъ въ большихъ европейскихъ государствахъ. Ихъ нельзя раздѣлять на высшіе и низшіе или на богатые и бѣдные, а скорѣе можно различать по занятіямъ и по житейской

обстановкѣ. А потому и рабочіе составляютъ въ Америкѣ менѣе рѣзко выдѣляющійся классъ населенія, чѣмъ въ Европѣ [1]). За исключеніемъ новыхъ переселенцевъ, они довольно хорошо образованы, читаютъ газеты и даже какой-нибудь еженедѣльный религіозный журналъ и одно изъ ежемѣсячныхъ обозрѣній. Между ними и другими классами населенія нѣтъ существеннаго различія въ способности обсуждать политическіе вопросы, не говоря уже о вопросахъ, спеціально касающихся условій труда.

Въ небольшихъ городахъ Новой-Англіи и на западѣ, и даже въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Филадельфіи и въ Чикаго, многіе изъ рабочихъ пріобрѣтаютъ въ городскихъ предмѣстьяхъ въ собственность небольшіе деревянные домики съ верандой и съ садиками. Ихъ жены одѣваются съ такимъ вкусомъ, какъ одѣваются въ Европѣ женщины, живущія въ достаткѣ. Благодаря значительному досугу, онѣ читаютъ больше, чѣмъ мужья. Переходъ изъ класса рабочихъ въ другіе общественные классы весьма легокъ. Это обстоятельство, въ связи съ недурнымъ матеріальнымъ положеніемъ рабочихъ, объясняетъ, почему въ Америкѣ незамѣтно общаго чувства вражды между рабочими и работодателями. Соціалистическія идеи распространены преимущественно между нѣмецкими и англійскими переселенцами изъ Европы.

Интересы, присущіе классу рабочихъ, какъ представителей труда, повели къ образованію *рабочей партіи*. Рабочая партія заключаетъ въ своемъ составѣ людей съ очень разнообразными убѣжденіями. Сюда входятъ и соціалисты, и тѣ, кому желательно ограничить вліяніе желѣзнодорожныхъ, телеграфныхъ компаній и другихъ „монополистовъ“, далѣе—тѣ, кто, желая предоставить рабочимъ болѣе широкую долю въ наслажденіи благами жизни, стоитъ за тѣ или другія реформы. Такъ, напримѣръ, требуютъ „національзаціи земли“, введенія прогрессіи въ подоходные налоги, поступленія желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ въ вѣденіе національнаго правительства, отобранія (тамъ, гдѣ это легально возможно) земель, безвозмездно предоставленныхъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, ограниченія китайской и европейской эмигра-

[1]) Невѣжественныя массы эмигрантовъ въ такихъ большихъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, Бруклайнъ, Филадельфія, Чикаго, Санъ-Франциско, не могутъ быть причислены къ рабочему классу, а скорѣе соотвѣтствуютъ тому, что называется въ Англіи „the residuum“ (осадкомъ). Онѣ состоятъ большею частью изъ ирландцевъ и нѣмцевъ, а также изъ поляковъ, французовъ, итальянцевъ и тѣхъ американскихъ уроженцевъ, которые разорились отъ пьянства и впали въ нищету.

ціи, изданія постановленій, ограничивающихъ число рабочихъ часовъ.

Рабочая партія еще никогда не выставляла своего собственнаго кандидата на должность президента республики, за исключеніемъ генерала Бутлера, выбраннаго въ кандидаты на эту должность въ 1884 году. Но на выборахъ въ штатахъ и въ городахъ она выставляетъ своихъ кандидатовъ всякій разъ, какъ имѣетъ какіе-нибудь шансы успѣха. Большое впечатлѣніе произвелъ успѣхъ кандидатуры Генри Джорджа, бывшаго рабочаго, теперь извѣстнаго экономиста, пропагандирующаго „націонализацію земли". Онъ былъ выставленъ кандидатомъ на должность городского мэра въ самомъ капиталистическомъ городѣ Америки, а именно въ Нью-Іоркѣ, и достигъ неожиданнаго успѣха; за Джорджа было подано 67.000 голосовъ противъ 90.000, полученныхъ демократическими кандидатами, и 60.000—поданныхъ за республиканскаго кандидата.

По многочисленности и по вліянію на общественныя дѣла, за классомъ рабочихъ слѣдуютъ фермеры. Фермеры большей частью собственники той земли, на которой стоятъ ихъ фермы. Послѣднія обыкновенно не велики,—отъ сорока или пятидесяти до трехъ сотъ акровъ. Большія помѣстья находятся только на дальнемъ западѣ, преимущественно въ Калифорніи; кромѣ того въ штатахъ верхняго Миссисипи есть компаніи и частные спекулянты, которые владѣютъ обширными землями и распродаютъ ихъ переселенцамъ небольшими участками.

Число наемныхъ земледѣльцевъ въ сравненіи съ числомъ фермеровъ гораздо менѣе, чѣмъ въ Англіи, частью потому, что фермы большей частью небольшихъ размѣровъ и значительная часть работъ можетъ быть исполняема самимъ фермеромъ и его семействомъ, частью потому, что въ Америкѣ въ большомъ употребленіи сельско-хозяйственныя машины. Земледѣлы или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, hiredmen (наемные люди) изъ туземныхъ уроженцевъ, не составляютъ совершенно отдѣльнаго отъ фермеровъ слоя населенія; первые такъ мало отличаются отъ вторыхъ своимъ образованіемъ и своимъ общественнымъ положеніемъ, что между хозяевами и работниками существуютъ отношенія полнаго равенства. На фермахъ съ однимъ или двумя рабочими, хозяева и работники живутъ, обыкновенно, подъ одной кровлей и имѣютъ общій столъ.

Фермеры ведутъ однообразный и простой образъ жизни и гордятся этимъ, считая свой классъ за главную опору государства. Такъ какъ они не столько скупы, сколько бережливы въ

расходахъ и прокармливаются бо́льшей частью тѣмъ, что собираютъ съ своихъ полей, то небольшія денежныя суммы кажутся имъ очень крупными, а такъ какъ имъ непонятно, почему и всякій другой не можетъ благоденствовать, издерживая 1.500 долларовъ въ годъ, то они полагаютъ, что этой суммы достаточно для жалованья должностному лицу графства или округа; сообразно съ этимъ они составляютъ себѣ понятіе и о размѣрѣ жалованья, которое слѣдуетъ уплачивать и всѣмъ другимъ должностнымъ лицамъ. Фермеры составляютъ самый почтенный классъ американскаго населенія. Они честны, добродушны, гостепріимны, религіозны и горячо любятъ свое отечество. Ихъ тяжелому труду обязана своимъ настоящимъ благосостояніемъ западная часть Соединенныхъ Штатовъ.

Классъ капиталистовъ состоитъ изъ крупныхъ торговцевъ, фабрикантовъ, банкировъ, желѣзнодорожныхъ дѣятелей, директоровъ торговыхъ и промышленныхъ компаній. Всякому извѣстно, говоритъ Брайсъ, сколько дарованій и энергіи, сколько богатства и вліянія сосредоточено въ этомъ немногочисленномъ классѣ. Оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи самыхъ даровитыхъ администраторовъ и употребляетъ на веденіе своихъ дѣлъ гораздо болѣе искусства, чѣмъ сколько тратится на дѣла государственнаго управленія. Хотя эти люди и не держатся въ сторонѣ отъ политики, даже иногда принадлежатъ къ числу самыхъ ревностныхъ приверженцевъ какой-нибудь политической партіи, но они смотрятъ на политику преимущественно какъ на средство оберегать свои собственные интересы и отражать нападенія, которыми имъ угрожаютъ народныя массы, возстающія противъ монополистовъ и крупныхъ корпорацій. Ихъ практическія способности рѣдко соединяются съ возвышенностью нравственныхъ стремленій, и нельзя сказать, чтобы они были склонны къ серьезной заботливости о государственныхъ нуждахъ или чтобы они находили для этого достаточно времени.

Америка не знаетъ той вражды между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ, какая существуетъ въ Европѣ. Непріязненныя чувства проявляются въ народѣ не противъ богатыхъ людей, какъ класса, а противъ промышленныхъ компаній,—потому что богатства стали причинять вредъ черезъ посредство этихъ компаній,—и противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, когда они злоупотребляютъ своей имущественной властью. Если иногда на митингахъ и произносятся такія же рѣзкія слова, какія часто употребляются во Франціи и Германіи, то они исходятъ изъ устъ не американскихъ уроженцевъ, а тѣхъ пришельцевъ, кото-

рые приносятъ съ собою въ Америку страсти, волнующія Старый Свѣтъ. Въ виду того, что большія капиталистическія корпораціи, какъ, напримѣръ, желѣзнодорожныя или телеграфныя компаніи, могутъ причинять большой вредъ публикѣ, что они нерѣдко съ циничесой смѣлостью пользуются своими богатствами для подкупа должностныхъ лицъ и законодателей,—въ средѣ американскаго населенія все съ бо́льшей настоятельностью высказывается требованіе регулированія дѣятельности капиталистическихъ корпорацій и съуженія сферы ихъ вліянія. То же требованіе начинаетъ предъявляться и по отношенію къ тѣмъ капиталистамъ, которые хотя не входятъ въ составъ какой-либо утвержденной законодательнымъ актомъ корпораціи, но дѣйствуютъ за-одно, —къ такъ-называемымъ Trusts, то-есть къ частнымъ промышленнымъ ассоціаціямъ или синдикатамъ. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ или даже въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій американцамъ, вѣроятно, придется потратить не мало силъ на урегулированіе этой новой промышленной системы, получившей въ Соединенныхъ Штатахъ такое широкое развитіе, какому еще не было примѣра.

Въ агитаціи противъ промышленныхъ корпорацій и синдикатовъ, равно какъ и въ образованіи „рабочей партіи“, нельзя не видѣть начала борьбы между трудомъ и капиталомъ. Борьба эта, быть можетъ, окончится не скоро; но можно сказать съ увѣренностью, что, благодаря сознанію равенства въ американскомъ населеніи и отсутствію оскорбительныхъ привилегій, она не будетъ имѣть такой же ожесточенности, какъ въ Европѣ, гдѣ она осложняется еще воспоминаніями о старыхъ угнетеніяхъ, высокомѣріемъ, съ одной стороны, и чувствомъ обдѣленности, —съ другой.

Въ дополненіе къ характеристикѣ вліятельнѣйшихъ классовъ американскаго общества слѣдуетъ замѣтить, что ни одному изъ этихъ классовъ никогда не удавалось направлять законодательство и государственную политику исключительно въ своихъ интересахъ. Законодательство какъ въ отдѣльныхъ штатахъ, такъ и въ цѣлой федераціи, взятое въ его цѣломъ, всегда преслѣдовало интересы цѣлой націи и *руководилось опредѣлившимся болѣе или менѣе ясно мнѣніемъ большинства населенія.*

IV.

Изъ всѣхъ факторовъ, способствующихъ смягченію нравовъ, уравниваніе общественныхъ положеній является самою могущественною причиною. Такая зависимость между соціальнымъ ра-

венствомъ и нравами выведена изъ изученія исторіи человѣчества и объяснена психической природой человѣка. Исторія учитъ насъ, что, по мѣрѣ того, какъ уравниваются общественныя положенія, смягчаются нравы. Индуктивная психологія устанавливаетъ фактъ, что мы проявляемъ тѣмъ болѣе участія къ людямъ, чѣмъ они подобнѣе намъ по своимъ мыслямъ, чувствамъ, нравамъ.

Люди относятся другъ къ другу съ большимъ участіемъ, чѣмъ къ животнымъ.

Римляне относились къ другимъ народамъ какъ къ варварамъ; и вотъ, въ эпоху своего высшаго просвѣщенія, римляне влекли за своими тріумфальными колесницами непріятельскихъ предводителей и послѣ рѣзали ихъ; другихъ же плѣнниковъ отдавали на жертву дикимъ звѣрямъ для забавы толпы. Цицеронъ, такъ глубоко пораженный крестною казнью гражданъ, не находитъ ничего предосудительнаго въ этомъ жестокомъ злоупотребленіи правомъ побѣдителей. Очевидно, что въ его глазахъ чужеземцы не составляютъ того же рода людей, къ которому принадлежатъ римляне. По мѣрѣ того, какъ народы становятся болѣе сходными между собою, въ нихъ болѣе замѣтно сочувствіе къ бѣдствіямъ ближнихъ, вслѣдствіе чего смягчаются международныя отношенія. Лѣтописцы среднихъ вѣковъ, всѣ, по рожденію или привычкамъ, принадлежавшіе къ аристократіи, съ сильною горестью разсказываютъ о трагическомъ концѣ какого-нибудь рыцаря и, между тѣмъ, хладнокровно описываютъ убійство и пытки людей, принадлежащихъ къ низшему сословію. Въ іерархическомъ обществѣ члены каждаго сословія или класса живѣе ощущаютъ горести и радости своего класса, нежели другихъ общественныхъ группъ. Весьма поучительный въ этомъ отношеніи примѣръ приводитъ Токвилль. Сказавъ о добродушіи и снисходительности американцевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, онъ замѣчаетъ: „доказательствомъ того, что эти свойства американцевъ вытекаютъ изъ ихъ общественнаго быта, служитъ ихъ обращеніе съ рабами. Въ Соединенныхъ Штатахъ рабы испытываютъ страшныя бѣдствія и безпрестанно подвергаются жестокимъ наказаніямъ. Человѣкъ, полный любви къ себѣ подобнымъ, когда они вмѣстѣ съ тѣмъ и равны ему, какъ только нарушится это равенство, становится менѣе чувствительнымъ къ ихъ бѣдствіямъ. Человѣколюбіе этого человѣка скорѣе нужно приписать равенству, нежели цивилизаціи и просвѣщенію“.

Такимъ образомъ, равенство, расширяя сферу проявленія чувства доброты, учащая практику его, тѣмъ самымъ увеличиваетъ и силу этого чувства.

Послѣ этихъ объясненій станетъ понятно, въ чемъ коренятся тѣ привлекательныя особенности американскаго характера, которыя, по словамъ Брайса, не легко поддаются описанію, но которыя иностранецъ подмѣчаетъ, лишь только высадится на американскій берегъ.

Американцы—добродушный народъ. Они чистосердечны и всегда готовы оказывать другъ другу небольшія услуги. Общительность составляетъ у нихъ общее правило. Это свойство объясняется не живостью характера и не болтливостью,—западные жители большей частью молчаливы, — это объясняется скорѣе убѣжденіемъ, что сидящій или стоящій около васъ человѣкъ не желаетъ уклоняться отъ знакомства съ вами и вообще ничѣмъ не обнаруживаетъ низкаго мнѣнія о другихъ людяхъ. Каждый, повидимому, расположенъ хорошо думать о всѣхъ людяхъ, желаетъ быть со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ и готовъ всякому оказывать тѣ мелкія услуги, которыя стоютъ такъ мало труда тому, кто ихъ оказываетъ, а доставляютъ такъ много удовольствія тому, кто ими пользуется. Въ Америкѣ больше, чѣмъ въ Европѣ, сознается обязанность помогать ближнему. Нигдѣ деньги не даются такъ охотно на общественныя цѣли; нигдѣ частная благотворительность не приходитъ такъ часто на помощь къ тѣмъ, кто въ ней нуждается. Добродушіе и обходительность составляютъ въ Соединенныхъ Штатахъ едва ли не главныя общественныя добродѣтели. Американецъ не только признаетъ принципъ равенства, но также любитъ равенство и старается нравиться всѣмъ себѣ равнымъ. Поэтому привычка къ любезной обходительности усвоивается даже людьми не мягкаго характера, и люди дѣлаются добрыми, совершая добрыя дѣла.

Еще крайне важное отличіе американскихъ нравовъ отъ европейскихъ заключается въ томъ, что у американцевъ трудъ не презирается, но уважается; „предразсудки“, говоря словами Токвилля, „не противъ, но за него“. Равенство не только развиваетъ уваженіе къ труду,—оно возвышаетъ еще идею труда. Въ Соединенныхъ Штатахъ трудъ можетъ быть болѣе или менѣе тяжелымъ, болѣе или менѣе прибыльнымъ, но онъ никогда не бываетъ ни высокимъ, ни низкимъ. Всѣ роды занятій почетны. Здѣсь богатый человѣкъ считаетъ себя обязанымъ заниматься какимъ-нибудь дѣломъ. Для того, чтобы избавиться отъ обязанности трудиться, богатые американцы переселяются въ Европу. Тамъ они находятъ обширный классъ людей, въ которомъ бездѣйствіе и жизнь въ однихъ удовольствіяхъ и свѣтскихъ развлеченіяхъ не подвергаются еще презрѣнію.

Весьма наглядным доказательством благотворнаго вліянія американскаго общественнаго строя на нравы служитъ то воспитательное вліяніе, какое оказываетъ онъ на новыхъ пришельцевъ. Для всякаго ясно, какъ трудно демократическимъ учрежденіямъ выдерживать ежегодный приливъ полумилліона необразованныхъ европейцевъ. Эти пришельцы немедленно получаютъ почти во всѣхъ штатахъ всѣ гражданскія права, еще не успѣвъ отвыкнуть отъ европейскихъ воззрѣній и привычекъ; они принимаютъ участіе въ политической дѣятельности американцевъ, еще не зная ни учрежденій, ни настроенія общественнаго мнѣнія. Они представляютъ нѣчто въ родѣ баласта, которымъ пользуются въ городахъ вожаки политическихъ партій. Они слѣпо повинуются начальникамъ изъ своихъ земляковъ и ни о чемъ не имѣютъ самостоятельныхъ мнѣній. Это продолжается нѣсколько лѣтъ, а для тѣхъ, кто переселился въ Америку въ преклонныхъ годахъ, продолжается до конца жизни. Но молодые переселенцы научаются англійскому языку и, работая вмѣстѣ съ американцами, такъ освоиваются съ господствующими въ странѣ идеями, что ихъ не легко отличить отъ мѣстныхъ уроженцевъ. Американскія учрежденія, нравы и идеи обладаютъ способностью быстро ассимилировать постороннія тѣла, попадающія въ составъ республики. Дѣти англичанъ, ирландцевъ, нѣмцевъ, французовъ, скандинавовъ и другихъ народностей имѣютъ такое близкое сходство съ американскими уроженцами, какого трудно ожидать въ виду различія ихъ наслѣдственныхъ свойствъ. Такова сила учрежденій! Уже въ дѣтяхъ-пришельцахъ они переработываютъ присущія расамъ свойства.

V.

Чувство равенства, воспитанное демократическими учрежденіями, имѣетъ слѣдствіемъ еще одну особенность американскаго характера,—особенность, имѣющую огромное значеніе для мирнаго и правильнаго хода общественныхъ дѣлъ. Особенность эта заключается въ томъ, что американцы не только подчиняются рѣшеніямъ большинства, но и *уважаютъ* голосъ большинства.

И это понятно. Въ такой странѣ, гдѣ полное политическое равенство соединяется съ равенствомъ соціальнымъ, гдѣ народъ призывается къ разрѣшенію всякаго вопроса—тамъ на волѣ большинства зиждется вся система народнаго правленія, потому что иначе не было бы никакой возможности примѣнять такую систему на практикѣ. Поэтому подчиненіе большинству есть въ одно и

то же время и необходимость, и долгъ. При этомъ воля большинства образуется здѣсь такими свободными путями и пользуется своимъ господствомъ настолько умѣренно и въ общихъ интересахъ, что сами собою устраняются препятствія для добровольнаго подчиненія ей.

Существуетъ большая разница между формированіемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ и Америкѣ. Въ Европѣ всегда существовалъ господствующій классъ населенія, стоявшій выше другихъ классовъ по своему происхожденію, по своему богатству или образованію; ему было предоставлено образовывать общественное мнѣніе; онъ завѣдывалъ администраціей и занималъ всѣ мѣста въ законодательномъ собраніи. Общественное мнѣніе въ Англіи и Франціи, въ Германіи и Италіи въ сущности было мнѣніемъ того класса, который носитъ фраки и живетъ въ удобныхъ домахъ. Лишь въ послѣднее время оно стало подчиняться въ большей или меньшей степени вліянію мнѣній низшихъ классовъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ общественное мнѣніе вырабатывается цѣлой націей. Поэтому верховная власть здѣсь сосредоточена въ рукахъ всей массы гражданъ. Эти граждане установили форму правленія въ ясно изложенныхъ постановленіяхъ конституціи. Они одни имѣютъ право измѣнять эту конституцію установленнымъ для того способомъ. Они удѣлили часть своей власти выбираемымъ на сроки административнымъ и законодательнымъ агентамъ. Эти агенты на каждомъ шагу чувствуютъ, что какъ по закону, такъ и на практикѣ они находятся подъ контролемъ верховной власти гражданъ или, другими словами, общественнаго мнѣнія. Господствующее общественное мнѣніе руководитъ всѣми дѣлами; а такъ какъ это мнѣніе формируется всей націей, то къ нему относятся съ уваженіемъ. Лишь только принципъ преклоненія передъ волей большинства впитался въ умы и привычки населенія, нація пріобрѣтаетъ не только устойчивость, но и громадную силу. Тогда можно считать найденнымъ тотъ ключъ, которымъ отпирается всякая дверь. Такой націи нѣтъ причины опасаться раздоровъ и внутреннихъ волненій, существующихъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ завѣщанные прежними поколѣніями законы или учрежденія не соотвѣтствуютъ убѣжденіямъ и желаніямъ общества.

Другое благопріятное условіе для развитія склонности подчиняться волѣ большинства заключается въ неограниченной свободѣ преній. Каждое воззрѣніе, каждая политическая теорія имѣетъ возможность дойти до свѣденія народа. Никто не можетъ

пожаловаться на то, что ему не дозволяли открыть ротъ; никто не имѣетъ основанія утѣшать себя надеждой, что еслибы ему не помѣшали высказаться, его мнѣніе взяло бы перевѣсъ. Чувство раздраженія, нерѣдко являющееся среди угнетеннаго меньшинства, не можетъ возникать въ такой странѣ, гдѣ обезпечены закономъ и свобода печати, и право собирать митинги, и право организовать ассоціаціи. Американцы питаютъ безпредѣльное довѣріе къ свободѣ изслѣдованій и къ свободѣ полемики. Они допускаютъ возможность временныхъ заблужденій и иллюзій. Но они не допускаютъ, чтобы огромная и просвѣщенная нація могла составить себѣ ошибочное понятіе о своихъ собственныхъ интересахъ послѣ того, какъ она выслушала всѣ разнообразныя мнѣнія, собрала всѣ нужныя свѣденія и сдѣлала всѣ предварительные эксперименты.

Эта вѣра въ разумность вырабатываемаго націей общественнаго мнѣнія, въ здравомысліе народной массы ведетъ за собой глубокую увѣренность американцевъ въ доброкачественность ихъ государственныхъ учрежденій и въ блестящую будущность своего отечества. Американцы—народъ, довольный настоящимъ и полный надеждъ на великую роль въ исторіи человѣчества. А такой свѣтлый взглядъ на окружающую жизнь и на будущность благотворно отражается на ихъ характерѣ, дѣлая его бодрымъ, энергичнымъ и добродушнымъ.

Наконецъ, есть еще одно важное обстоятельство, способствующее развитію въ американскомъ обществѣ чувства уваженія къ волѣ большинства. Заключается оно въ томъ, что господствующее большинство не злоупотребляетъ своей властью, не проявляетъ такъ-называемой „тиранiи большинства“.

Большинство поступаетъ, какъ тиранъ, когда оно постановляетъ рѣшенія, не выслушавши возраженій меньшинства; когда оно не допускаетъ пристойной и умѣренной критики своихъ дѣйствій; когда оно стѣсняетъ индивидуальную свободу въ томъ, въ чемъ общественные интересы не требуютъ стѣсненій; когда оно налагаетъ кару на тѣхъ, кто не сходится съ нимъ въ убѣжденіяхъ по такимъ предметамъ, которые не имѣютъ существенной важности для общаго благосостоянія.

Мы можемъ отыскивать признаки тиранiи въ трехъ сферахъ, во-первыхъ, въ федеральной конституціи и законодательной дѣятельности конгресса; во-вторыхъ, въ конституціяхъ и законодательной дѣятельности штатовъ; въ-третьихъ, въ давленіи и угрозахъ общественнаго мнѣнія.

Первыя двѣ сферы, по словамъ Брайса, стоятъ въ этомъ

отношеніи внѣ всякаго упрека. Касательно же давленія общественнаго мнѣнія—вотъ что̀ читаемъ въ его книгѣ.

„Если въ настоящее время соціальныя притѣсненія и существуютъ въ Америкѣ, то только въ немногихъ темныхъ уголкахъ. Можно долго путешествовать по сѣвернымъ и восточнымъ штатамъ, вступать въ разговоры съ людьми всѣхъ слоевъ общества и читать разныя газеты, и ничего не знать о существованіи злоупотребленій этого рода. Что касается религіи, то всякій можетъ думать и говорить что̀ хочетъ, можетъ ходить или не ходить въ церковь, лишь бы только явно не оскорблялъ вѣрованій своего сосѣда. Правда, и мужчины, и женщины считаются болѣе достойными уваженія, если принадлежатъ къ какой-нибудь церкви. То же самое слѣдуетъ сказать о вопросахъ соціальныхъ и, само собою разумѣется, о вопросахъ политическихъ. Американцы пришли бы въ негодованіе, если бы кто нибудь вздумалъ преслѣдовать человѣка за его политическія убѣжденія; напримѣръ, отвлекать покупателей отъ его лавки,—способъ, который иногда употребляется въ англійскихъ и ирландскихъ селеніяхъ. Попытки нѣкоторыхъ рабочихъ ассоціацій бойкотировать промышленниковъ, не допускавшихъ стачекъ, вызвали среди американцевъ сильное неудовольствіе. Если въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ кто-нибудь сводилъ дружбу съ неграми и устроивалъ для нихъ клубы, или если въ нѣкоторыхъ изъ западныхъ штатовъ кто-нибудь вступался за индѣйцевъ, то его жизнь могла сдѣлаться очень непріятной; но въ настоящее время не слышно ничего подобнаго. Вообще можно сказать относительно всей страны, что трудно себѣ представить болѣе полную свободу, чѣмъ та, съ которой американцы могутъ высказывать и распространять свои личныя мнѣнія и легально дѣйствовать“.

Не то было лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ. Въ то время конгрессъ былъ, также какъ и теперь, лишенъ возможности издавать притѣснительные законы. Но въ нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ штатовъ законодательныя собранія позволяли себѣ принимать строгія мѣры противъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ господствующихъ мнѣній. Самымъ достопамятнымъ примѣромъ нетерпимости служатъ гоненія, которымъ подверглась (основавшая школу для дѣтей негровъ) квакерша Miss Prudence Grandall и со стороны законодательнаго собранія Коннектикута, и со стороны мѣстныхъ жителей. На югѣ чрезвычайно строгіе законы подвергали наказанію всякаго, кто словомъ или дѣломъ выражалъ неодобреніе существованію рабовладѣнія. Склонность къ тираніи обнаруживалась въ настроеніи народныхъ массъ еще ярче, чѣмъ

въ законодательствѣ. Въ Бостонѣ толпы хорошо одѣтыхъ людей, принадлежащихъ бо́льшею частью къ богатымъ классамъ населенія, гонялись по городскимъ улицамъ за Гаррисономъ съ угрозами убить его за то, что онъ издавалъ журналъ, требовавшій уничтоженія рабства. На югѣ человѣкъ, заподозрѣнный въ несочувствіи къ рабовладѣнію, не могъ считать свою личность въ безопасности. Такая крайняя раздражительность обнаруживалась только по поводу немногихъ жгучихъ вопросовъ; но привычка наказывать за вредныя мнѣнія законнымъ или незаконнымъ способомъ могла легко установиться и по отношенію къ другимъ вопросамъ,—и дѣйствительно она укоренилась на югѣ.

Такіе и имъ подобные факты дали Токвиллю поводъ высказать, что въ Америкѣ нѣтъ настоящей свободы мысли, что тиранія большинства составляетъ главный недостатокъ американской системы управленія и американскаго народа.

„Тому, кто знакомъ съ Соединенными Штатами,—говоритъ Брайсъ, трудно теперь повѣрить, чтобы этотъ отзывъ былъ вѣренъ пятьдесятъ четыре года тому назадъ. Если же допустить, что онъ былъ вѣренъ, то чѣмъ же объяснить безусловную свободу и терпимость нашего времени, когда всякій можетъ говорить и дѣлать (лишь бы только онъ не пьянствовалъ) все, что̀ хочетъ, никого не опасаясь?“

Основное объясненіе этого явленія Брайсъ видитъ въ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлало просвѣщеніе среди народныхъ массъ со времени окончанія междоусобной войны. Большое вліяніе оказала также отмѣна рабства. Съ уничтоженіемъ невольничества и установленіемъ дружественныхъ отношеній между сѣверными и южными штатами, общественное мнѣніе дѣлается болѣе и болѣе сдержаннымъ, мягкимъ и склоннымъ къ терпимости. Оно проникнуто такимъ уваженіемъ къ самому себѣ, что никогда не пожелаетъ заставить кого-либо замолчать.

VI.

Организація церкви и отношеніе государства и общества къ религіознымъ исповѣданіямъ осуществляютъ принципъ равенства настолько же полно, какъ и другія учрежденія американской демократіи.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ господствующей церкви. Всѣ религіозныя корпораціи безусловно равны передъ закономъ. Воспрещается даже отпускать изъ казначейства и изъ капита-

ловъ муниципальныхъ учрежденій деньги на поддержаніе какой-либо церкви и вообще какого-либо религіознаго исповѣданія; подобная поддержка была бы нарушеніемъ принциповъ равенства и свободы вѣроисповѣданій. Церковь содержится добровольными приношеніями гражданъ. При этомъ, каждая религіозная община можетъ ввести у себя такую организацію, какую пожелаетъ; можетъ установлять по своему усмотрѣнію правила вѣры и церковнаго благочинія; можетъ собирать и расходовать добровольныя пожертвованія по своему усмотрѣнію. Американцы смотрятъ на церковь какъ на собраніе людей, соединяемыхъ вѣрою въ Высшее Существо. Какое бы то ни было принужденіе или предпочтеніе одного исповѣданія другому было бы несогласно съ характеромъ такого учрежденія, которое живетъ не предписаніемъ закона, а любовью и чувствомъ благочестія. На этотъ счетъ въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ двухъ противоположныхъ мнѣній. Отдѣленіе церкви отъ государства осуществлено здѣсь въ полной мѣрѣ.

Такіе принципы проникли въ религіозную область подъ *вліяніемъ свѣтскихъ демократическихъ учрежденій*; они проникли въ эту сферу мало-по-малу, по мѣрѣ распространенія и укрѣпленія демократическаго настроенія умовъ, по мѣрѣ развитія сознанія, что равенство и свобода несовмѣстимы съ существованіемъ какихъ-либо привилегій въ религіозной сферѣ.

Законодательства первыхъ общинъ пуританъ, переселившихся изъ Англіи въ Америку, запечатлѣны были духомъ секты со всѣми ея религіозными страстями. Между важнѣйшими законодательными памятниками той эпохи, самымъ характеристичнымъ представляется сводъ законовъ штата Коннектикутъ, 1650 года. „Кто будетъ поклоняться другому Богу, а не истинному, говорится въ самомъ началѣ свода, тотъ будетъ преданъ смерти“. Законодательство это болѣе всего заботится о поддержаніи чистоты нравовъ; оно постоянно вторгается въ область совѣсти: не было ни одного грѣха, который не подлежалъ бы суду свѣтской власти. Точно также и законодательства другихъ колоній назначали жестокія наказанія и даже смертную казнь христіанамъ, которые исповѣдаютъ Бога не въ одинаковыхъ съ ними формахъ.

Еще въ концѣ прошлаго вѣка штаты далеко не были безпристрастны въ своихъ отношеніяхъ къ различнымъ религіямъ. Такъ, напримѣръ, штаты Новой-Англіи, за исключеніемъ Родъ-Исланда, не допускали до пользованія гражданскими правами тѣхъ, кто не принадлежалъ къ пуританскому исповѣданію. Лишь съ двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія начинаютъ постепенно,

въ одномъ штатѣ за другимъ, уничтожаться религіозныя различія и церковныя привилегіи, какъ неизбѣжный результатъ политическаго развитія народа въ демократическомъ направленіи. Теперь всѣми американцами признано за аксіому, что гражданская власть не только должна быть нейтральной и безпристрастной въ своихъ отношеніяхъ къ различнымъ формамъ религіозныхъ вѣрованій, но и должна вовсе не касаться этого предмета; должна относиться къ нему точно такъ же, какъ относится къ артистической или къ литературной дѣятельности гражданъ.

Взвѣсить вліяніе и авторитетъ религіи въ штатахъ, говоритъ Брайсъ, вовсе не легко. „Однако,—продолжаетъ онъ,—мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о вліяніи религіи на населеніе Соединенныхъ Штатовъ, если обратимъ наше вниманіе на то, какъ часто народъ посѣщаетъ церкви и покупаетъ книги религіознаго содержанія; съ какимъ уваженіемъ относятся болѣе образованные классы „населенія къ христіанскому ученію; какъ часто учреждаются благотворительныя заведенія по религіознымъ побужденіямъ“.

Церкви есть повсюду и въ достаточномъ числѣ—въ городахъ и въ селеніяхъ, на сѣверѣ и на югѣ, въ тихихъ уголкахъ Новой-Англіи и въ поселеніяхъ, которыя такъ быстро возникали вдоль желѣзныхъ дорогъ на западѣ. Во многихъ городахъ небольшого размѣра приходится по одной церкви на каждую тысячу жителей. Число людей, посѣщающихъ церкви, вообще значительно. Въ городахъ средней величины, въ небольшихъ городахъ и въ селеніяхъ, американскіе уроженцы ходятъ въ церковь по меньшей мѣрѣ по воскресеньямъ. Въ большихъ городахъ число лицъ, посѣщающихъ церкви, сравнительно менѣе велико.

Соціальное и экономическое положеніе духовенства выше, чѣмъ положеніе духовенства въ католическихъ странахъ и въ Англіи. Въ большихъ городахъ нѣкоторыя лица духовнаго званія получаютъ до 10.000 долларовъ въ годъ; въ небольшихъ городахъ средняя цифра доходовъ духовенства близка къ 3.000 долларовъ; а въ сельскихъ округахъ рѣдко бываетъ ниже 1000 долларовъ. По своему образованію, по своимъ нравамъ, по своей способности распространять въ народѣ просвѣщеніе, американское духовенство стоитъ выше французскаго, итальянскаго и наравнѣ съ протестантскими пасторами нѣмецкими и шотландскими. Духовенство американское вращается въ лучшемъ мѣстномъ обществѣ; положеніе проповѣдника Евангелія всегда возвышаетъ личное достоинство человѣка.

Дѣлаетъ ли скептицизмъ значительные успѣхи, пріобрѣтая болѣе многочисленныхъ приверженцевъ,—это такой вопросъ, го-

ворить Брайсъ, на который въ наше время чрезвычайно трудно отвѣтить даже относительно своего собственнаго отечества. Явно религіозное невѣріе проповѣдовалось въ послѣднее время въ публичныхъ лекціяхъ и въ памфлетахъ съ такой свободой, какая была незнакома американцамъ лѣтъ тридцать назадъ; но сдѣлало ли невѣріе успѣхи въ населеніи,—высказываются совершенно противоположныя мнѣнія.

Соціальная сторона церковной жизни болѣе развита въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Европѣ. Конгрегаціи—въ особенности у методистовъ, у баптистовъ и у конгрегаціоналистовъ—служатъ центрами для группы обществъ литературныхъ и увеселительныхъ, религіозныхъ и филантропическихъ, которыя не только поощряютъ на дѣла благотворительности, но и сближаютъ различныя общественныя группы. Разъ въ мѣсяцъ устроиваются вечера, на которыхъ сходятся безъ всякихъ церемоній люди всѣхъ возрастовъ и всѣхъ слоевъ населенія.

Въ Америкѣ уже давно укоренилось обыкновеніе произносить проповѣди и устроивать публичныя собранія подъ открытымъ небомъ для выраженія религіозныхъ чувствъ. Вообще, американцы болѣе европейцевъ любятъ возбуждать религіозныя эмоціи и ничѣмъ не стѣсняться въ выраженіи религіозныхъ чувствъ. „Однажды, —разсказываетъ Брайсъ,—я былъ въ числѣ пассажировъ одного изъ тѣхъ великолѣпныхъ пароходовъ, которые ходятъ вдоль пролива между Нью-Іорномъ и Ороллъ-Риверомъ. Въ Нью-Іоркѣ былъ созванъ конгрессъ, унитаріевъ и туда отправилась компанія людей этого исповѣданія. Слѣдуетъ замѣтить, что унитаріи менѣе всѣхъ другихъ сектъ склонны къ открытому выраженію своихъ религіозныхъ убѣжденій. Однако эта компанія усѣлась въ большомъ салонѣ парохода вокругъ фортепіано и въ теченіе почти двухъ часовъ распѣвала гимны; многіе изъ прочихъ пассажировъ присоединились къ хору и вообще всѣ относились сочувственно къ поющимъ. Мои спутники, англичане, сначала полагали, что пѣвцы принадлежали къ какому-нибудь обществу методистовъ, но они оказались унитаріями".

Въ дѣлахъ благотворительности ни одна страна не можетъ равняться съ Соединенными Штатами. Конечно, нѣтъ возможности рѣшить, какъ велики были бы усилія на достиженіе благотворительныхъ цѣлей, еслибы не существовало религіозныхъ мотивовъ. Но, несомнѣнно, значительная часть ихъ совершается по религіознымъ побужденіямъ.

Разсматривая литературныя произведенія, которыя обыкновенно читаются фермерами или рабочими, приходишь къ убѣж-

денію, что въ Соединенныхъ Штатахъ библія и нравственныя правила христіанства служатъ болѣе солидной, чѣмъ въ Европѣ, основой для воззрѣній народа на его долгъ и честное поведеніе.

Изъ всего сказаннаго можно сдѣлать выводъ, что вліяніе религіи, не только по числу, но и по интеллигенціи людей, подчиняющихся ея вліянію, болѣе сильно и болѣе широко распространено въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ какой-либо части западнаго европейскаго континента и даже чѣмъ въ Англіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Европѣ авторитетъ религіи надъ народными массами великъ. Но ея вліяніе на самые образованные классы населенія и вообще на всѣ слои общества, повидимому, менѣе сильно во Франціи и въ Италіи, чѣмъ въ Великобританіи, и гораздо менѣе сильно, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Здѣсь религія не только ничего не теряетъ оттого, что не получаетъ никакой поддержки отъ свѣтской власти, но даже кажется болѣе непоколебимой, такъ какъ для всякаго ясно, что она держится только своими собственными силами. Американцы убѣждены, что одна изъ причинъ процвѣтанія у нихъ церкви и религіи заключается въ отдѣленіи церкви отъ государства; въ томъ, что церковь, въ качествѣ собранія вѣрующихъ, воодушевляемыхъ одинаковыми духовными влеченіями, предоставлена самой себѣ. Нельзя встрѣтить американца, который не раздѣлялъ бы такого убѣжденія.

„Успѣшное основаніе и поддержаніе религіозныхъ учрежденій —церквей, семинарій и богаделенъ—принадлежитъ, по словамъ одного изъ выдающихся американскихъ проповѣдниковъ, Чарльза Эліота, къ числу такихъ заслугъ американской демократіи, которымъ еще не было примѣра въ прошломъ. При жизни только трехъ поколѣній американское демократическее общество достигло полнаго отдѣленія церкви отъ государства, между тѣмъ какъ никакой другой народъ даже никогда не пытался приступить къ такой реформѣ. Однако, число религіозныхъ учрежденій не уменьшается въ Соединенныхъ Штатахъ; напротивъ того, они размножаются и процвѣтаютъ. Кто же взялъ на себя ту задачу, отъ которой отказалось государство? Кто-нибудь взялся же за нее, такъ какъ она исполнена. Кто доставляетъ денежныя средства для постройки церквей, для уплаты жалованья, для отправки миссіонеровъ, для образованія духовенства? Чей мозгъ работаетъ при организаціи этой разнообразной дѣятельности? Все это дѣлаютъ не должностныя лица, а милліоны интеллигентныхъ и усердныхъ мужчинъ и женщинъ, разсѣянныхъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ обширной страны. На добровольное служеніе религіи была потрачена зна-

чительная часть той нравственной энергіи, которая оставалась у трехъ поколѣній въ запасѣ послѣ затратъ на добываніе насущнаго хлѣба; но цѣль была достойна такой жертвы, а то, что уже сдѣлано, будетъ занесено въ исторію въ качествѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій американскаго патріотизма и американскаго довѣрія къ свободѣ".

VII.

Намъ не разъ приходилось уже указывать, что американцы питаютъ безграничную преданность демократической системѣ управленія, что они довольны тѣми условіями, при которыхъ сложилась ихъ жизнь, что они полны надеждъ на великую будущность. Путешествуя по Соединеннымъ Штатамъ, говоритъ Брайсъ, выносишь оттуда такія глубокія и очаровательныя впечатлѣнія, которыя нельзя описать словами, нельзя передать другимъ во всей ихъ силѣ и свѣжести.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что успѣшной дѣятельности демократическихъ учрежденій много содѣйствовали экономическія условія новой и богатой страны, съ ея огромными пространствами незаселенныхъ земель и минеральными сокровищами. Благодаря этому, въ Соединенныхъ Штатахъ громадное число мелкихъ землевладѣльцевъ пользуются матеріальнымъ достаткомъ; страна избавлена отъ пауперизма и отъ экономическихъ бѣдствій, потому что работа находится повсюду въ избыткѣ и для всякаго открытъ доступъ къ нѣсколькимъ карьерамъ; нѣтъ рѣзкихъ различій классовъ, и потому нѣтъ взаимной ненависти между различными классами населенія.

Но настанетъ время, когда западныя страны Сѣверной Америки будутъ заселены и всѣ ея лучшія земли будутъ заняты. Естественно возникаетъ вопросъ: не умалится ли тогда соціальное равенство американцевъ? не потерпятъ ли ущерба ихъ демократическія учрежденія? Такъ какъ западъ перестанетъ служить отводомъ для излишка населенія большихъ городовъ, то эти города могутъ сдѣлаться перенаселенными; пауперизмъ, который въ настоящее время не выходитъ за предѣлы шести или семи самыхъ большихъ городовъ, можетъ распространиться на болѣе широкомъ пространствѣ; заработная плата можетъ уменьшиться, а добываніе работы сдѣлаться болѣе труднымъ. Тогда и на дѣвственной почвѣ Соединенныхъ Штатовъ возникнутъ тѣ хроническія общественныя

проблемы, которыми озабочены старыя и густо-заселенныя европейскія страны.

Авторитетные политико-экономы утверждаютъ, что если не будетъ ограничена европейская эмиграція въ Соединенные Штаты, такое положеніе дѣлъ настанетъ не позже, какъ лѣтъ черезъ тридцать.

Въ виду этого эмиграціонный вопросъ выступаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе и болѣе на первый планъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ американцы были очень рады увеличенію числа эмигрантовъ, а теперь это возростаніе начинаетъ внушать имъ безпокойство. Прежде и численность эмигрантовъ была меньше, и составъ ихъ былъ иной. Значительную часть эмигрантовъ составляли земледѣльцы, находившіе немедленно, по прибытіи въ Америку, трудъ на фермахъ. По мѣрѣ уменьшенія въ Европѣ процента земледѣльческаго населенія, въ составѣ эмиграціи стало возростать фабричное населеніе, наполняющее большіе города Америки, гдѣ сконцентрировалась обработывающая промышленность. Прежде эмигранты разсѣивались по странѣ, находили предложеніе труда въ избыткѣ, вскорѣ достигали одинаковаго съ американскими уроженцами благосостоянія и становились похожими на нихъ по своимъ воззрѣніямъ, нравамъ и чувству человѣческаго достоинства. Теперь переселенческое движеніе приняло нѣсколько иной характеръ. Наводняющая въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Америку эмиграція осаживается въ большихъ городахъ, сбиваетъ цѣну на трудъ и мѣшаетъ американскимъ рабочимъ классамъ достигать того болѣе высокаго уровня цивилизаціи, къ которому они повсюду обнаруживаютъ стремленіе. Сверхъ того, вліяніе европейскихъ эмигрантовъ сказывается въ настоящее время и въ томъ, что они своими грубыми нравами извращаютъ характеръ общественной жизни въ городахъ и вносятъ нравственную испорченность во всеобщую подачу голосовъ. Недостойные люди проходятъ въ законодательное собраніе, въ судьи, получаютъ административныя должности, благодаря огромному числу голосовъ переселенцевъ въ большихъ городахъ.

Всѣ эти темныя стороны эмиграціоннаго движенія обратили на себя вниманіе американскаго общества. Уже изданы законы, закрывающіе доступъ въ Соединенные Штаты не только рабочимъ, нанятымъ коммиссіонерами по контракту, но и всѣмъ тѣмъ, присутствіе которыхъ могло бы сдѣлаться обременительнымъ для республики. Но это только начало законодательства, долженствующаго ограничить эмиграцію.

По мысли американцевъ, сокращеніе эмиграціи имѣетъ цѣлью

не столько отдаленіе того момента, когда будутъ заняты всѣ земли запада, сколько поддержаніе народныхъ нравовъ на ихъ высокомъ уровнѣ. При сохраненіи существующихъ добрыхъ нравовъ, американцы нимало не опасаются грядущаго заселенія всей ихъ территоріи. Они не думаютъ, чтобы заселеніе страны повело за собою какія-либо серьезныя соціальныя затрудненія; если же такія затрудненія и возникаютъ, американцы вѣрятъ, что имъ достанетъ силы и способности справиться съ ними. Американцы помнятъ, что имъ удалось преодолѣть, во время борьбы за рабство, затрудненія, грозившія страшными бѣдствіями, и удалось во многомъ достигнуть такихъ результатовъ, къ которымъ пока тщетно стремились жители Стараго Свѣта. Американцы пользуются полной свободой, значительно осуществили уже идеалы равенства и добрыхъ нравовъ, и говорятъ, что будутъ по прежнему стремиться къ этой цѣли,—и говорятъ это съ такимъ убѣжденіемъ, съ такимъ энтузіазмомъ, что и европейцы начинаютъ убѣждаться въ основательности ихъ свѣтлыхъ надеждъ. И дѣйствительно, такая нація, которая руководствуется въ своей дѣятельности не интересами нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, но благосостояніемъ всей народной массы, можетъ разсчитывать найти въ своей средѣ достаточно и законодательнаго искусства, и политико-экономической мудрости, чтобы безъ потрясеній развивать свои государственныя учрежденія и умножать благоденствіе народа.

И. Иванюковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

РОЗА ИНФАНТЫ.

Изъ В. Гюго.

1.

Она окружена заботливымъ надзоромъ
Дуэньи,—по годамъ она совсѣмъ дитя.
Держа въ рукѣ цвѣтокъ, она наивнымъ взоромъ
Глядитъ передъ собой. Межъ зеленью блестя,
Виднѣется бассейнъ съ прозрачными водами,
Гдѣ бѣлоснѣжными могучими крылами
На солнцѣ искрятся десятки лебедей.
Вода чуть зыблется, и легкій шумъ вѣтвей
Сливается съ ея однообразнымъ плескомъ,
А тамъ—цвѣтущій садъ, залитый яркимъ блескомъ
Полуденныхъ лучей, и въ глубинѣ—дворецъ.

Вѣнчаетъ юное чело ея вѣнецъ
Двойной: въ ней красоты слилося обаянье
Съ невинностью святой, въ ней все—очарованье.
Вокругъ нея трава алмазами горитъ,
Тамъ блещутъ яхонты чистѣйшіе, рубины,—
И извергаютъ дождь сафировый дельфины.
Инфанта, розою занявшися, стоитъ.
Баскина у нея изъ кружева; расшитъ
Узоромъ золотымъ передъ атласной юбки,

И роза кажется громадною такой
Въ сравненьи съ крошечною дѣтскою рукой.
Когда она къ цвѣтку протягиваетъ губки
Пурпурныя свои, то розы лепестки
Скрываютъ личико ея на половину,
И трудно отличить отъ розы—край щеки.
На фонѣ зелени прелестную картину
Являетъ дѣвочка; лазурь ея очей
Темнѣй подъ темною дугой ея бровей
И глубже кажется. Пока—довольно смутно—
Но все-жъ проглядываетъ въ ней ежеминутно
Сознанье своего величія. Она
Взираетъ съ важностью безстрастною царицы
На синеву небесъ, на яркій блескъ денницы;
Ее не радуетъ цвѣтущая весна.
Предъ нею человѣкъ являлся лишь согбенный.
Со временемъ она Сардиніи короной
Чело украситъ. Пять исполнилося лѣтъ
Инфантѣ, но она ужъ презираетъ свѣтъ.
Вотъ участь царственныхъ дѣтей! Невольно тѣнью
Рѣнца омрачено ихъ ясное чело,
Гдѣ словно облако предчувствіе легло.
Ихъ первые шаги равняются вступленью
На тронъ. Она цвѣтка вдыхаетъ ароматъ,
Пока, взамѣнъ его, ей не предложатъ царства.
Ея властительный, ужъ въ эти годы, взглядъ
Какъ будто говоритъ: мое! И здѣсь наврядъ
Нашелся-бъ кто-нибудь въ предѣлахъ государства,
Кто смѣлъ бы до нея коснуться, для того,
Чтобъ жизнь ея спасти. За нарушенье это
Царящаго въ странѣ всесильно этикета—
Немедленная смерть постигла бы его...

Межъ зеленью вѣтвей алѣетъ блескъ заката,
Которымъ небо все, какъ заревомъ объято;
Блѣднѣетъ день, изъ гнѣздъ несется птичій гамъ,
Румянецъ разлился по мраморнымъ чертамъ
Богинь, ихъ бѣлизна какъ будто оживаетъ
Предъ наступающей вечерней темнотой.
Таинственная ночь отъ взора укрываетъ:
И солнце—въ лонѣ водъ, и птицу—подъ листвой.

2.

Межъ тѣмъ какъ дѣвочка, съ улыбкой на лицѣ
Играетъ розою цвѣтущей во дворцѣ,
Гдѣ въ окнахъ стрѣльчатыхъ сіяетъ лучъ заката,
По комнатамъ его, украшеннымъ богато—
Безшумно движется и бродитъ, словно тѣнь,
Суровый властелинъ. Порою цѣлый день
Простаиваетъ онъ, безмолвный и угрюмый,
Подъ впечатлѣніемъ какой-то мрачной думы,
И видно издали въ оконное стекло
Его суровое и блѣдное чело;
Шаги его звучатъ какъ мѣрный звукъ набата,
И если онъ—не смерть, то онъ—Филиппъ Второй.

Да, это онъ, предъ нимъ трепещетъ все, объято
Смертельнымъ ужасомъ, и еслибъ взоръ людской
Способенъ былъ прочесть, хоть на одно мгновенье,
Во взорѣ короля,—не сада отраженье
Онъ тамъ увидѣлъ бы, не молодой листвы,
Не ряби озера, не яркой синевы
Сіяющихъ небесъ, не красоты ребенка,
Не птицъ, въ тѣни вѣтвей чирикающихъ звонко,—
Во взорѣ сумрачномъ, какъ бурный океанъ,
Онъ увидалъ бы: ночь, гонимые волнами
И вѣтромъ корабли подъ всѣми парусами,
И островъ, что вдали чернѣетъ сквозь туманъ
И чувствуетъ грозы могучей приближенье...

Вотъ возстающее въ глазахъ его видѣнье!
Армада, что несетъ съ собою громъ побѣдъ,
Армада, тотъ рычагъ, которымъ цѣлый свѣтъ
Онъ думаетъ поднять! Побѣды предвкушенье
Живетъ въ душѣ его, и мысленно за ней
Онъ всюду слѣдуетъ. Лишь въ этомъ облегченье
Находитъ онъ тоскѣ мучительной своей.

Король Филиппъ Второй въ своемъ Эскуріалѣ
Былъ грознымъ призракомъ, въ рукѣ держащимъ мечъ.
Самъ Каинъ библіи мрачнѣе былъ едва ли,
Съ клевретами его народъ боялся встрѣчъ;

Глядѣть въ лицо ему открыто не дерзали —
Такимъ сіяніемъ внушаемый имъ страхъ
Филиппа окружалъ. Онъ сходенъ былъ въ глазахъ
Народа съ блескомъ звѣздъ, съ зіяющею бездной.
Держа съ Америкою Индію, желѣзною
Рукой на Африку онъ также оперся.
Европа власть его давно признала вся,
И только Англіи его смущала сила;
Молчанье на устахъ властителя царило
И тайны тѣнь—въ душѣ. Его блестящій тронъ
Былъ созданъ хитростью и ложью. Облеченъ
Въ одежду черную, носилъ онъ трауръ, словно
О томъ, что самъ на свѣтъ, къ несчастію, рожденъ.
Онъ, силой надо всѣмъ являяся верховной,
Безмолвенъ былъ, какъ сфинксъ. Улыбка на устахъ
Филиппа болѣе казалася бы странной,
Чѣмъ алый свѣтъ зари у ада на вратахъ.
Порой апатію онъ стряхивалъ нежданно
Затѣмъ, чтобъ въ должности явиться палача:
Тогда вездѣ костры пылали, какъ свѣча,
И мрачный отблескъ ихъ свѣтился въ этомъ взглядѣ.
Бѣда еретикамъ и слава Германдадѣ!
Онъ смертію грозилъ и гибелью всему:
Прогрессу, истинѣ, и жизни, и уму.
Эскуріалъ, Бургосъ, Аранжуэцъ—палаты
Любимыя его—безмолвіемъ объяты
Казались; въ нихъ замолкъ веселый шумъ пировъ,
Ни пышнаго двора, ни пѣсенъ, ни шутовъ,—
Лишь ауто-да-фѣ на мѣсто развлеченій!
За участь собственныхъ, наслѣдственныхъ владѣній
Предъ алчностью его дрожали короли.
Онъ жаждалъ побѣдить, стереть съ лица земли
Все, все живущее. Слова его молитвы
Звучали словно громъ кровопролитной битвы,
И замысламъ его пророча торжество,
Сверкали молніи изъ черныхъ думъ его!

3.

Угрюмый, въ траурномъ своемъ полукафтаньѣ
И съ золотымъ Руномъ на шеѣ, роковымъ
Онъ кажется судьбы суровой часовымъ.
Онъ словно отдаетъ во мракѣ приказанье...

Но что же это? Тѣнь улыбки на устахъ
Мелькнула у него на мигъ... Непостижимо!
Опять видѣніе его непобѣдимой
Армады передъ нимъ является въ мечтахъ.
Да, волею его направлена упорной,
Армада все плыветъ, и океанъ покорно
Смиряется предъ ней. Такъ нѣкогда ковчегъ,
Носяся по волнамъ, ихъ ярости избѣгъ.
Все дальше по морямъ, лазурнымъ и спокойнымъ,
Большіе корабли плывутъ въ порядкѣ стройномъ.
Что за обилье мачтъ, и палубъ, и снастей!
И ходу быстрому священныхъ кораблей
Благопріятствуетъ теченье. Брызги пѣны
Блестятъ на ихъ пути, какъ жемчугъ драгоцѣнный,
И рифы гаванью являются для нихъ.
На палубахъ галеръ онъ видитъ рулевыхъ.
Вотъ коннетабли, вотъ начальники команды,
Матросы, родина которыхъ—Лиссабонъ.
И вотъ изъ Кадикса пришедшій галіонъ,
Суда, которыя прислали Нидерланды,
И изъ Неаполя красивый бригантинъ.
Какихъ онъ видитъ львовъ среди своихъ дружинъ!
До разстоянія Филиппу что за дѣло:
Не только видитъ онъ, но слышитъ. Вдоль снастей
Матросы ловкіе карабкаются смѣло;
Онъ слышитъ голоса, тяжелый шагъ людей,
Возню на палубѣ, скрипъ рей, восклицанья
И въ рупоръ отданныя громко приказанья...
Со свитою своей выходитъ адмиралъ.
Вотъ боцмановъ свистки, вотъ подаютъ сигналъ...
Къ сраженью колоколъ сзываетъ монотонно,
И полонъ звукъ его тоскою похоронной.
Темнѣетъ небосклонъ, и вѣтеръ поднялся;
Какъ крылья задрожавъ, взвилися паруса,
Побѣдоносный флотъ впередъ понесся шумно,—
И думаетъ Филиппъ съ улыбкою безумной,
Что тамъ, на палубахъ четырехъ-сотъ судовъ—
Сто тысячъ вѣрныхъ шпагъ испытанныхъ бойцовъ!
Туманный Альбіонъ ничто спасти не можетъ.
Кто защититъ его, и кто въ бѣдѣ поможетъ?
Въ рукѣ у короля—съ перунами колчанъ.
Не всемогущъ ли онъ—властитель стольихъ странъ,

Наслѣдникъ Цезаря? Не одного ли знака
Достаточно его, чтобъ на враговъ изъ мрака
Немедля выдвинуть побѣдоносный флотъ,
Несомый бережно пучиной темныхъ водъ?

4.

Межъ тѣмъ какъ дѣвочка на берегу бассейна
Играетъ розою, порою поднося
Ее къ устамъ своимъ,—среди благоговѣйно
Царящей тишины внезапно поднялся
Прохладный вѣтерокъ, одно изъ тѣхъ нежданныхъ
Дыханій вечера, что̀ изъ долинъ туманныхъ
Доносятся порой во мглѣ. Его порывъ,
Серебряную гладь бассейна зарябивъ,
Пронесся, прошумѣвъ среди золотоока
И низко, до земли сгибая тростники...
Коснувшися цвѣтка, онъ, розы лепестки
Развѣявъ съ силою, въ одно мгновенье ока
Усыпалъ ими прудъ. Поражена глубоко,
Инфанта видитъ лишь колючій стебелекъ
Одинъ передъ собой. Погибъ ея цвѣтокъ!
Ей страшно, и она глядитъ въ недоумѣньѣ
На небо, словно тамъ пытаясь уловить
Тотъ вѣтеръ, что ее рѣшился прогнѣвить.
Но даже и бассейнъ, спокойный за мгновенье,
Внезапно потемнѣлъ: въ немъ буря поднялась.
И сотни лепестковъ развѣянныхъ, кружась
По направленьямъ всѣмъ, подхвачены волною,
Несутся, тонутъ въ немъ,—какъ поглощенъ морскою
Пучиною порой бываетъ цѣлый флотъ...

—Сеньора,—дѣвочкѣ промолвила дуэнья:
—Здѣсь все принадлежитъ царямъ, безъ исключенья,
Лишь вѣтеръ власти ихъ одинъ не признаетъ!

II.

* * *

There are two kind of sorrows...
Keats.

Если ты межъ друзей
Отъ кручины своей
На мгновеніе можешь забыться,
Если горемъ своимъ
Съ существомъ дорогимъ
Въ состояніи ты подѣлиться;

Если слезы свои
О погибшей любви,
Пережитое горе и муки,
Память дней дорогихъ—
Если можешь ты ихъ
Перелить въ задушевные звуки;

Если радостно ты
Видишь въ полѣ цвѣты
И весны молодой возрожденье,
И чаруетъ твой взоръ
Свѣжій лѣса уборъ—
Ты въ грядущемъ найдешь исцѣленье.

Но когда все кругомъ
Тяжкимъ кажется сномъ,
Безконечнымъ, зловѣщимъ кошмаромъ,
Если все, чѣмъ ты жилъ,
Все, что въ жизни любилъ,
Безпощаднымъ разбито ударомъ;

Если вѣра мертва,
Если пѣсни слова
На устахъ замираютъ безъ силы,
То забвенья нигдѣ,
Ни въ борьбѣ, ни въ трудѣ,
Не найдешь ты до самой могилы.

О. Михайлова.

1891 г.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ИДЕАЛЫ
и
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Окончаніе.

II *).

Наши самобытные экономисты, мечтающіе о превращеніи десятковъ милліоновъ земледѣльческаго населенія въ фабричный и заводскій рабочій классъ, выдаютъ за нѣчто новое и оригинальное какіе-то обрывки старыхъ идей, господствовавшихъ въ Европѣ въ XVII вѣкѣ и достигшихъ наибольшаго практическаго развитія во Франціи при Кольберѣ. А между тѣмъ г. Менделѣевъ, повидимому, серьезно убѣжденъ, что его мнѣнія о промышленномъ протекціонизмѣ открываютъ новый путь въ области пониманія экономическихъ явленій. „Пусть на меня обрушатся,—говоритъ онъ,—наши отсталые литературные „классики“ недозрѣлой политической экономіи... Начала Аристотеля вѣдь также горячо защищались въ свое время. И хотя не все то оправдалось, что̀ послѣдователи Галилея утверждали противу Аристотеля, и хотя у Аристотеля, какъ и у китайскихъ мудрецовъ, есть много передового—для своего времени, и вѣрнаго—вѣчно, но все же пути, намѣченные Галилеемъ, дали выходъ изъ того лабиринта логическихъ построеній, въ которомъ въ конецъ запутались классики, со своими Платонами и Аристотелями во главѣ. Въ дѣлѣ науч-

*) См. выше: ноябрь, стр. 330 и слѣд.

наго построенія политической экономіи должно ждать своего Галилея, но классическимъ Адаму Смиту и Рикардо, воздавая должную честь, какъ Платону и Аристотелю, пора перестать во всемъ вѣрить на-слово" (стр. VIII—IX). Въ то же время авторъ признаетъ, что новая экономическая система уже выдумана, что „протекціонизмъ уже понятъ" и что его „начинаютъ держаться" въ другихъ странахъ (стр. 183 и 44); слѣдовательно, не было и повода для г. Менделѣева принимать тонъ новатора и говорить о какихъ-то отсталыхъ литературныхъ экономистахъ, которые будто бы обрушатся на его смѣлыя теоріи.

Въ дѣйствительности ученіе объ искусственномъ развитіи промышленности посредствомъ „дождя мѣропріятій" выработано было эмпирически и широко примѣнялось на практикѣ еще въ то время, когда политической экономіи, какъ науки, вовсе не существовало. Возростающее значеніе среднихъ промышленныхъ классовъ и постоянная потребность правительствъ въ обширныхъ денежныхъ средствахъ повсюду вызываютъ усиленныя государственныя мѣры въ пользу интересовъ мануфактуръ и торговли; а такъ какъ богатство отождествлялось съ деньгами, то экономическая политика имѣла своей главною цѣлью привлеченіе въ страну возможно большаго количества драгоцѣнныхъ металловъ изъ другихъ государствъ, для чего поощрялась внѣшняя торговля въ ущербъ внутренней, обработывающая промышленность — въ ущербъ добывающей, мануфактурная производительность для вывоза продуктовъ — въ ущербъ производству сырья и предметовъ внутренняго потребленія. Считалось, что страна должна вывозить за границу какъ можно больше и ввозить какъ можно меньше; что вывозиться должны продукты дорогіе, а ввозиться—дешевые, въ родѣ земледѣльческихъ, для того чтобы получались приплаты золотомъ и серебромъ отъ иностранцевъ. Для затрудненія ввоза назначались высокія таможенныя пошлины; вывозъ поощрялся субсидіями, преміями и разными льготами. „Ввозныя пошлины, бывшія при ихъ возникновеніи средствомъ полученія дохода, — какъ замѣчаетъ Ингрэмъ въ своей „Исторіи политической экономіи", — обратились теперь въ орудіе поощренія національной промышленности. Торговые трактаты сдѣлались главнымъ предметомъ заботъ дипломатіи, которая стремилась такимъ путемъ устранить на иностранныхъ рынкахъ соперничество другихъ націй; много усилій употреблялось и на то, чтобы на внутренніе рынки по возможности не проникало никакихъ другихъ товаровъ, кромѣ сырья". Но и самъ Кольберъ „смотрѣлъ на свои мѣропріятія какъ на нѣчто временное: по его собственному выраженію,

покровительственные тарифы—это не болѣе какъ костыли, при посредствѣ которыхъ націи должны научиться ходить самостоятельно; когда нація почувствуетъ подъ своими ногами твердую почву, несомнѣнно—костыли надо отбросить прочь" [1]).

Покровительственная система Кольбера имѣла видимый успѣхъ: она способствовала развитію и процвѣтанію мануфактурной промышленности, усилила значеніе городскихъ центровъ, подорвала земледѣліе, обезлюдила деревни и привлекла сельскихъ жителей въ города, положивъ основаніе тому городскому рабочему пролетаріату, который составляетъ великое соціальное зло богатой Франціи. Промышленность и торговля значительно развились, ибо условія для нихъ были и безъ того въ высшей степени благопріятны: удобство и близость морскихъ сообщеній, сильная и предпріимчивая буржуазія, ея сравнительно высокій культурный уровень, существованіе многочисленныхъ городовъ съ энергическимъ населеніемъ, привыкшимъ къ самоуправленію и къ дѣятельной охранѣ своихъ интересовъ. Если при этихъ спеціальныхъ условіяхъ протекціонизмъ могъ привести къ извѣстнымъ результатамъ, то дѣлать отсюда заключеніе о пользѣ протекціонизма во всякой другой странѣ и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ было бы очевидно несогласно съ элементарными предписаніями логики. Мѣры Кольбера были бы совершенно безплодны тамъ, гдѣ нѣтъ близкаго доступа къ морю, гдѣ водные пути замерзаютъ на зимніе мѣсяцы, гдѣ торговыя сообщенія затрудняются громадностью разстояній, и гдѣ нѣтъ значительнаго предпріимчиваго средняго класса. И во Франціи промышленность получила одностороннее направленіе и не могла развиваться съ полною свободою, благодаря постоянной опекѣ и покровительству; ослабѣли побудительные мотивы къ совершенствованію производства, поддерживалась рутина и не было простора для личной иниціативы и изобрѣтательности капиталистовъ, обезпеченныхъ отъ иностранной конкурренціи.

Многія распоряженія Кольбера были благотворны для промышленности; но почему же однако, — спрашиваетъ одинъ изъ историковъ французскаго крестьянства,—Франція при Кольберѣ такъ много голодала, и народныя голодовки стали съ тѣхъ поръ хроническимъ бѣдствіемъ для сельскаго населенія? Земледѣліе было подавлено и запущено, поля оставались необработанными, люди бѣжали изъ селъ, отъ непомѣрнаго бремени податей и по-

[1]) Джонъ Ингрэмъ, Исторія политической экономіи, перев. подъ ред. И. И. Янжула. М., 1891, стр. 50—4.

винностей, и ужасающія картины народнаго голода повторяются все чаще въ долголѣтнее царствованіе Людовика XIV. Въ неурожайные годы крестьяне съѣдали свой рабочій скотъ, питались травою и разными фиктивными суррогатами хлѣба; многіе умирали, и дороги покрыты были трупами. Безотрадное положеніе деревень, съ періодическими голодовками, тянулось почти вплоть до конца стараго режима. Клермонскій епископъ Массильонъ писалъ министру, кардиналу Флери, въ 1740 году: „Большинство крестьянъ, въ теченіе полугода, нуждается въ овсяномъ и ячменномъ хлѣбѣ, составляющемъ ихъ единственную пищу, и они вынуждены отдавать этотъ хлѣбъ для уплаты податей. Негры нашихъ колоній несравненно счастливѣе нашего сельскаго народа, ибо, работая, они сыты и одѣты, вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми, тогда какъ наши крестьяне, трудолюбивѣйшіе люди въ странѣ, не могутъ всѣмъ своимъ упорнымъ трудомъ добыть достаточно хлѣба для себя и своихъ семействъ". Герцогъ Орлеанскій принесъ однажды въ засѣданіе королевскаго совѣта черный хлѣбъ, составленный изъ какой-то невозможной смѣси, и положилъ его на столъ предъ королемъ, со словами: „вотъ чѣмъ питаются ваши подданные" [1]). Частыя запрещенія вывоза хлѣба мало помогали бѣдѣ, такъ какъ пріобрѣтеніе продуктовъ за деньги было недоступно голодавшему народу. Эти народныя бѣдствія вызывались отчасти общимъ неустройствомъ тогдашней Франціи и непосильнымъ гнетомъ платежей, лежавшихъ на крестьянствѣ; но они имѣли также несомнѣнную причинную связь съ односторонней меркантильною политикою, стремившеюся къ созданію и развитію мануфактурной промышленности и внѣшней торговли на счетъ земледѣлія. Мысль объ искусственной замѣнѣ сельско-хозяйственной производительности болѣе выгодными въ денежномъ отношеніи промыслами — мысль, проповѣдуемая теперь г. Менделѣевымъ, — чрезвычайно дорого обошлась французскому земледѣльческому населенію и до сихъ поръ оставила замѣтные слѣды въ общемъ состояніи сельскаго хозяйства во Франціи.

Прошло цѣлое столѣтіе прежде, чѣмъ эта ошибочная система подверглась рѣшительной критикѣ и ломкѣ со стороны Тюрго. Стараясь поднять земледѣліе и облегчить положеніе разореннаго крестьянства, Тюрго имѣлъ въ виду по возможности поправить основную ошибку теоріи, которую съ такой настойчивостью примѣнялъ Кольберъ. Тюрго находилъ, что желаніе продавать всякіе продукты иностранцамъ и ничего не покупать у нихъ взамѣнъ

[1]) Histoire des paysans, par Eug. Bonnemère, т. II (Paris, 1856), стр. 82—166.

—нелѣпо и неосуществимо, такъ какъ торговыя сношенія могутъ быть только взаимныя; онъ доказывалъ, что поддерживать мануфактуры въ ущербъ земледѣлію, устроивать промышленныя предпріятія на счетъ государства, обезпечивать ихъ привилегіями, субсидіями и льготами для увеличенія выгодъ производства—значитъ совершенно не понимать истинныхъ свойствъ экономической жизни. Что касается промышленной независимости отъ иностранцевъ, то, по мнѣнію Тюрго, *одинъ неурожай* можетъ сразу ниспровергнуть это красивое, но фантастическое зданіе независимости [1]).

Не странно ли видѣть, что заблужденія, противъ которыхъ возставали передовые умы во Франціи еще въ половинѣ прошлаго вѣка, принимаются у насъ теперь за какую-то новую доктрину, могущую вызывать протесты лишь со стороны „отсталыхъ“ представителей „недозрѣлой политической экономіи“?!

Опровергая Кольбера и его послѣдователей, Тюрго впалъ въ противоположную крайность: онъ считалъ производительнымъ только земледѣліе, какъ единственный источникъ народнаго богатства, и отрицалъ самостоятельное производительное значеніе мануфактурной и торговой дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ возвратился къ точкѣ зрѣнія Сюлли, знаменитаго министра и совѣтника Генриха IV (1596—1610). Односторонность Сюлли и Тюрго могла быть только полезна для большинства населенія, охраняя народное земледѣліе и поощряя косвенно городскіе промыслы, питаемые возростающимъ спросомъ со стороны сельскихъ жителей; а протекціонизмъ Кольбера былъ во всякомъ случаѣ вреденъ для крестьянства, при сомнительной пользѣ для городского промышленнаго класса вообще [2]). Если для насъ поучительны чужіе историческіе уроки и опыты, то всего менѣе можемъ мы слѣдовать Кольберу, ибо экономическія воззрѣнія его приноровлены были къ особымъ естественнымъ условіямъ Франціи и къ интересамъ ея буржуазіи, а у насъ нѣтъ ни этихъ естественныхъ условій, ни этой вліятельной и предпріимчивой буржуазіи.

Наши проповѣдники промышленнаго протекціонизма смѣло

[1]) Съ наибольшею ясностью эти взгляды выражены въ „Eloge de Gournay“ (1759). Ср. Turgot, par L. Robineau, Paris, 1889 („Petite bibliothèque économique“, éd. Guillaumin).

[2]) То обстоятельство, что Кольберъ принималъ нѣкоторыя частныя мѣры въ пользу земледѣльцевъ, нисколько не измѣняетъ общаго характера его системы, хотя позднѣйшіе приверженцы готовы приписывать ему многое изъ того, что сдѣлано было еще при Сюлли; этимъ явно грѣшитъ, напр., Листъ въ „Національной системѣ политической экономіи“, переведенной теперь на русскій языкъ (Спб., 1891, стр. 121—2); ср. Sully, par Joseph Chailley (Paris, 1889), стр. XXXI—XXXIV.

сравниваютъ Россію не только съ Франціею, но и съ такою спеціально-морскою державою, какъ Англія. Г. Менделѣевъ полагаетъ, что англійскія экономическія отношенія не отличаются отъ русскихъ и всякихъ иныхъ. Мѣрка одной Англіи—говоритъ онъ — подходитъ къ русской. „Хотя въ самой Великобританіи земли меньше, чѣмъ въ одной пермской губерніи, но во всѣхъ частяхъ свѣта англійскія владѣнія занимаютъ пространство по величинѣ даже немногимъ больше, чѣмъ пространство Россіи. А принципіально все равно—какую страну ни разсматривать въ ея международныхъ отношеніяхъ, лишь бы она не была изъ очень отсталыхъ. Это потому, что развитіе государствъ и народовъ въ крупныхъ чертахъ идетъ,—какъ развитіе организмовъ или постройка зданій,—по общему типу“ (стр. 17).

Съ такимъ же правомъ можно было бы сказать, что нѣтъ разницы между моремъ и сушей, между берегами океана и внутренностью материка, между оживленною жизнью острова и однообразнымъ видомъ ровной, безконечной степи. Англійскія владѣнія разбросаны въ разныхъ частяхъ свѣта и омываются морскими волнами; поэтому и англійскій народъ выработался совершенно по другому типу, чѣмъ населеніе какой-нибудь пермской или иной губерніи, откуда „хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь“. Неужели нужно еще доказывать, что островное положеніе Англіи ставитъ ее въ особыя экономическія условія, не допускающія никакой параллели съ Россіею? Въ Великобританіи почти не существуетъ крестьянъ-собственниковъ; едва десятая часть ея рабочаго класса занята земледѣліемъ; доходы съ земли составляютъ лишь седьмую часть всего дохода страны; въ сельскомъ хозяйствѣ заинтересовано непосредственно около 800 тысячъ человѣкъ, владѣльцевъ и фермеровъ [1]), а все колоссальное богатство Англіи создается ея мореплаваніемъ, міровою торговлею и крупною промышленностью. Гдѣ же сходство этой торгово-промышленной страны, владычицы морей, съ нашимъ неподвижнымъ, безпредѣльнымъ „мужицкимъ царствомъ“? У насъ крестьянство составляетъ огромную, преобладающую часть населенія; оно владѣетъ пространствомъ земли въ размѣрѣ около 136 милліоновъ десятинъ, и все экономическое положеніе народа держится на земледѣліи. Мы имѣемъ здѣсь два различные и даже противоположные типа экономической жизни: съ одной стороны—нація мореплавателей, промышленниковъ и поземельныхъ лор-

[1]) См. Джемса Кэрда, „The landed interest and the supply of food“, by James Caird (L., 1878), стр. 45—6, 52—8.

довъ, а съ другой — народъ землепашцевъ, разселенный по необозримымъ пространствамъ материка. Г. Менделѣевъ не можетъ не видѣть этой противоположности, но онъ почему-то заранѣе отрицаетъ ея значеніе и даже провозглашаетъ небывалый принципъ однородности и тождества экономическихъ условій различныхъ странъ. Онъ хочетъ увѣрить насъ, что Россія можетъ уподобиться Англіи и сдѣлаться изъ земледѣльческой страны торгово-промышленною, посредствомъ протекціонизма; а для этого ему понадобилось доказать, что и Англія достигла своего нынѣшняго первенства во всемірной торговлѣ, благодаря лишь покровительственной системѣ.

Англичане развивали свою промышленность и торговлю не только при дѣйствіи свободнаго соперничества съ другими націями, но и въ періодъ протекціонныхъ мѣропріятій; слѣдовательно—заключаетъ нашъ авторъ,—именно эти мѣропріятія были главнѣйшею причиною промышленнаго роста и процвѣтанія Англіи. Англійское мореплаваніе слѣлало большіе успѣхи съ XVII вѣка, вслѣдствіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ; энергія, предпріимчивость и изобрѣтательность англичанъ доставили имъ господство на всемірномъ рынкѣ;—но существовалъ также охранительный навигаціонный актъ 1651 года, который, быть можетъ, отчасти даже мѣшалъ широкому развитію торговыхъ сношеній,—и этому акту приписывается уже все достигнутое англичанами въ области мореходства, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. „Результатъ навигаціоннаго акта—говоритъ г. Менделѣевъ—предъ глазами всего міра: Англія изъ державы третьестепенной въ торгово-политическомъ смыслѣ стала первоклассною, и изъ страны средняго достатка—богатѣйшей, преимущественно благодаря развитію колоніальной и вообще морской торговли, а между націями, строящими корабли, Англіи принадлежитъ безспорно первое мѣсто, не только по достоинству или качеству постройки, но и по ея дешевизнѣ и по ея количеству“. Едва ли самъ авторъ вѣритъ, что все это было лишь результатомъ навигаціоннаго акта. Въ Англіи существовали охранительныя пошлины, которыя, можетъ быть, задерживали естественный ростъ промышленности и богатства страны, а изъ факта существованія этихъ пошлинъ авторъ непосредственно извлекаетъ тотъ выводъ, что безъ нихъ промышленность вовсе не развилась бы. „Безъ своевременно примѣненнаго протекціонизма,—заявляетъ онъ категорически,—Англія навѣрное бы пропала (!) давнымъ давно, на подобіе Венеціи или Ганзы; нашли бы тамъ норманскую, или саксонскую, или какую другую кровь, и аннексировали бы“ (стр. 25). Какимъ логиче-

скимъ путемъ получаются эти заключенія, не имѣющія никакой связи съ посылками,—понять трудно. Самъ авторъ опровергаетъ себя на одной изъ предшествующихъ страницъ: „Если Англія—говоритъ онъ—можно было достичь многаго, то могли бы и другія страны достичь того же, еслибы у нихъ была сумма англійскихъ благопріятныхъ условій. Испанія и Португалія, а потомъ Голландія первенствовали на моряхъ, но потеряли это первенство, растеряли и колоніи, но конечно не потому, что не выдумали своихъ навигаціонныхъ актовъ, а потому, что естественныхъ условій для сильнаго роста морскихъ оборотовъ у нихъ было меньше и свойства самого народа были менѣе подходящи" (стр. 23—4). Другими словами, англичане достигли бы первенства надъ соперниками помимо всякаго протекціонизма, въ силу своихъ естественныхъ и національныхъ преимуществъ; а нѣсколькими строчками ниже высказывается опять противоположная мысль о несомнѣнной побѣдѣ болѣе слабыхъ голландцевъ надъ англичанами при дѣйствіи принципа свободнаго международнаго соперничества. „Еслибы Англія держалась все время началъ свободной торговли, она бы не стала первоклассною мореходною страною; Голландія, къ ней столь близкая, не дала бы возможности укрѣпиться ни кораблестроенію, ни мореходству Англіи, всегда бы соперничала и, временно жертвуя, губила бы всѣ зачатки англійскихъ начинаній" (стр. 24).

Такимъ образомъ, тутъ же рядомъ, на одной страницѣ, помѣщаются два противорѣчащія одно другому мнѣнія о соперничествѣ Голландіи съ Англіею: то голландцы были не въ силахъ успѣшно конкуррировать съ англичанами и потеряли свое первенство по естественнымъ причинамъ, вслѣдствіе своей относительной слабости; то наоборотъ, они одолѣли бы англичанъ и помѣшали бы имъ достигнуть какихъ-либо промышленныхъ успѣховъ, при дѣйствіи началъ свободной конкурренціи. Англія „навѣрное пропала бы" безъ протекціонизма, и въ то же время она имѣла всѣ шансы превосходства передъ соперниками, безъ всякаго протекціонизма. Какъ совмѣстить эти несогласимыя утвержденія—неизвѣстно. Вѣдь искусственныя мѣры противниковъ могли бы только временно маскировать, а никакъ не измѣнить дѣйствительное положеніе вещей, болѣе благопріятное для Англіи, чѣмъ для другихъ морскихъ державъ; никакое иностранное соперничество не ослабило бы ни природной энергіи и предпріимчивости англичанъ, ни счастливыхъ естественныхъ свойствъ ихъ страны. Никогда не замѣчалось въ Англіи такого быстраго и сильнаго подъема промышленности и богатства, какъ послѣ отмѣны покро-

вительственной системы: въ короткій періодъ времени, съ 1841 г. по 1880 годъ, вывозъ товаровъ изъ Великобританіи увеличился больше чѣмъ въ *пять* разъ, а ввозъ—почти въ *семь* разъ. Народное благосостояніе настолько возросло, что „съ небольшого, въ десять разъ мѣньшаго числа налоговъ, получается болѣе дохода на 18 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ противъ 1840 года", а таможенные доходы, несмотря на уничтоженіе многихъ пошлинъ и на пониженіе остальныхъ, даютъ все-таки около 20 милліоновъ фунтовъ ст. въ годъ, вслѣдствіе усилившагося потребленія продуктовъ [1]). По здравому смыслу можно было бы предположить, что и въ предшествующую эпоху промышленность и торговля развились бы живѣе и быстрѣе, еслибы не было протекціонизма, и что послѣдній игралъ лишь роль тормаза, ошибочно принимаемаго за причину всякихъ успѣховъ.

Но резонеры-протекціонисты имѣютъ на все готовые отвѣты: позднѣйшій быстрый ростъ англійской промышленности есть будто бы результатъ прежнихъ отмѣненныхъ мѣропріятій; это плоды протекціонизма, проявляющіеся съ особенною силою послѣ его отмѣны. Выходитъ такъ, что покровительственныя мѣры дѣйствуютъ наилучше послѣ того, какъ ихъ отмѣнили! Если же устраненіе ихъ сопровождалось бы упадкомъ промышленности, то никто не усомнился бы приписать этотъ упадокъ вредному дѣйствію иностранной конкурренціи и допустившаго ее фритредерства. По этой логикѣ, все достигаемое во время примѣненія протекціонныхъ средствъ приписывается этимъ именно средствамъ, безъ дальнѣйшаго анализа, а всѣ хорошіе результаты, замѣчаемые при дѣйствіи свободнаго соперничества, приписываются не этой свободѣ, а чему-то другому или даже тому же протекціонизму, дѣйствовавшему раньше! Гдѣ промышленность плохо развивается и народъ бѣдствуетъ при протекціонизмѣ, тамъ говорятъ, что система не доведена еще до надлежащей строгости и полноты; что надо еще болѣе усилить мѣры, оказавшіяся безплодными, и что во всемъ виноваты фритредеры, мѣшающіе настойчивому и энергическому примѣненію охранительныхъ принциповъ; а когда чувствуются промышленныя затрудненія при свободѣ торговли, то тотчасъ осуждается самая система и несостоятельность ея признается уже вполнѣ доказанною. Благодаря подобнымъ логическимъ пріемамъ, протекціонисты всегда оказываются правыми, каковы бы ни были факты, съ которыми при-

[1]) И. И. Янжулъ, Англійская свободная торговля. Вып. II (Москва, 1882), стр. 397—402 и сл.

ходится имѣть дѣло. Нельзя отрицать,—по мнѣнію г. Менделѣева,—что „промышленное развитіе достигнуто Англіею въ эпоху протекціонизма, а не въ періодъ послѣднихъ 50 лѣтъ“; но „въ эпоху протекціонизма“—не значитъ еще „вслѣдствіе протекціонизма“, и возражающіе противъ такого смѣшенія понятій не могутъ принимать на свой счетъ тѣ препебрежительныя выходки, которыми авторъ отдѣлывается отъ ихъ доводовъ [1]).

III.

Переходя къ Россіи, г. Менделѣевъ, съ одной стороны, изображаетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто настоящій, истинный протекціонизмъ начинается у насъ только теперь, съ изданія новаго тарифа 1891 года, составленнаго при близкомъ его участіи.

„Исторію не забываетъ никакой народъ,—говоритъ онъ въ нѣсколько напыщенномъ тонѣ,—преданіе хорошо хранится. Велятъ бить въ барабанъ, и это выполнитъ русскій народъ. А те-

[1]) Г. Менделѣевъ слѣдующимъ образомъ отзывается о лицахъ, отрицающихъ значеніе протекціонизма въ Англіи и въ другихъ странахъ: „Не то чтобы я не хотѣлъ называть лицъ, но не называю ихъ просто по той причинѣ, что мнѣ стыдно за нихъ (sic), а особенно за ложную ссылку на науки, которыя они эксплуатируютъ, ради только одного краснаго словца. Но чтобы не остаться голословнымъ, я цитирую для примѣра одну статью, подписанную полною русскою фамиліею въ журналѣ, который мнѣ, однако, совѣстно назвать полнымъ именемъ (!), равно какъ и подпись автора. Скажу загадкой. Въ названіи журнала 14 буквъ, въ фамиліи автора 10 буквъ, годъ 1876, статья трактуетъ о свободной торговлѣ и протекціонизмѣ“ (стр. 25—6, примѣч.). Это предполагаемое остроуміе понадобилось почтенному автору для того, чтобы избѣгнуть прямого указанія на статью А. А. Головачева въ майской книгѣ „Вѣстника Европы“ за 1876 г. (стр. 335—387). Что же высказываетъ г. Головачевъ объ англійскомъ протекціонизмѣ? „Мы убѣждены,—говоритъ онъ,—что привилегіями и монополіями создать коммерческаго флота нельзя, и Англія обязана развитіемъ его отнюдь не навигаціонному акту Кромвелля, а своему островному положенію, громадному развитію береговой линіи, предпріимчивому духу своего населенія и, наконецъ, накопленію свободныхъ капиталовъ, которымъ уже нѣтъ мѣста для производительнаго употребленія внутри страны и которые постоянно ищутъ помѣщенія на всѣхъ заграничныхъ рынкахъ“ (стр. 385). Въ сущности то же самое выражено и г. Менделѣевымъ, безъ всякаго „стыда“ за себя, въ одномъ изъ двухъ противоположныхъ его мнѣній объ этомъ предметѣ (стр. 24), а именно, что другія морскія державы отстали отъ Англіи „конечно не потому, что не выдумали своихъ навигаціонныхъ актовъ, а потому что естественныхъ условій для сильнаго роста морскихъ оборотовъ у нихъ было меньше и свойства самаго народа были менѣе подходящи“). Что касается того, что автору будто бы „стыдно“ за людей, выражающихъ такіе взгляды, и что ему даже „совѣстно назвать“ журналъ, гдѣ эти взгляды проводятся, то мы предоставляемъ каждому судить о достоинствѣ и серьезности подобныхъ полемическихъ пріемовъ.

перь Царь повелѣлъ пересмотрѣть тарифъ и позаботиться объ огражденіи и оживленіи промышленности своей страны. И она, огражденная новымъ тарифомъ, оживится подъ вліяніемъ прямыхъ его указаній и того дождя (!) другихъ, ему соотвѣтствующихъ мѣропріятій, который дастъ ростъ пробившимся корнямъ и засохшимъ листьямъ, и жизнь—зарытымъ въ русской почвѣ сѣменамъ промышленной дѣятельности. И если этотъ весенній дождь падетъ на русскую землю, ея теперь пока заглохшая промышленная степь дастъ жатву, свѣжей почвѣ свойственную и менѣе, чѣмъ полевая жатва, зависящую отъ засухъ, червей и разной напасти. Въ тарифѣ слышенъ уже громъ (!), видна ужъ и зарница,—дождаться бы до благодатнаго дождя, тогда бы и зелень и цвѣты не долго бы заставили себя ждать,—вѣдь сѣмянъ и корней такъ много въ нашей мелко вспаханной почвѣ" (стр. V).

Можно было бы подумать, что раньше у насъ не было покровительственныхъ мѣръ или онѣ были слишкомъ слабы, и что заботы объ „огражденіи и оживленіи промышленности" составляютъ плодъ новѣйшаго, внезапнаго рѣшенія, подобнаго приказу „бить въ барабанъ". А между тѣмъ покровительственная система дѣйствуетъ у насъ больше полутораста лѣтъ, съ незначительными перерывами, и уже съ 1877 года нашъ таможенный тарифъ, по высотѣ пошлинъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди тарифовъ другихъ странъ. Еслибы „дождь мѣропріятій" имѣлъ въ самомъ дѣлѣ значеніе весенняго дождя, оживляющаго и оплодотворяющаго почву, то мы давно достигли бы промышленнаго процвѣтанія, и наше общее экономическое положеніе не было бы столь печально, какъ нынѣ. Съ другой стороны, самъ авторъ, излагая вкратцѣ исторію нашихъ тарифовъ (по книгѣ г. Лодыженскаго), сознается, что положительный протекціонизмъ „усиливался скачками съ Петра Великаго до современной эпохи" (стр. 62) и что, слѣдовательно, приведенное выше сравненіе новаго тарифа съ оживляющимъ весеннимъ дождемъ есть только реторическая фигура, не имѣющая разумнаго смысла. Протекціонный дождь уже очень долго льется на русскую почву, не давая желанныхъ плодовъ, и картинными фразами нельзя уже устранить невольное подозрѣніе, что это дождь фиктивный, воображаемый, поддѣльный.

Въ своемъ историческомъ обзорѣ русскихъ тарифовъ, г. Менделѣевъ—конечно, не намѣренно,—пропускаетъ факты, неудобные для его теоріи, и даетъ невѣрное или слишкомъ односторонее освѣщеніе излагаемымъ свѣденіямъ. Такъ, упомянувъ о благотворныхъ мѣрахъ Петра Великаго для созданія и охраны само-

стоятельной русской промышленности, онъ осуждаетъ позднѣйшія тарифныя перемѣны, испортившія будто бы начатое дѣло, и ничего не говоритъ о важныхъ фактическихъ мотивахъ этихъ перемѣнъ. Петръ В. „наложилъ не мало охранительныхъ пошлинъ на товары, производившіеся въ Россіи, напр. шелковыя ткани, иглы и краску-баканъ“; позднѣе для бакана „положено запрещеніе, потому что Петръ Великій прямо въ указѣ 1722 г. писалъ, что одинъ (!) крестьянинъ дѣлалъ баканъ, который „я пробовать живописцамъ велѣлъ, которые сказали, что только одного венецейскаго плоше, а съ нѣмецкимъ равенъ, а иного лучше, и онаго надѣлано много, да никто не покупаетъ за множествомъ вывознаго“ (т.-е. заграничнаго). Г. Менделѣевъ находитъ, что все это прекрасно, и еслибы протекціонный тарифъ Петра В. не колебался множество разъ послѣ него, то „мы бы уже навѣрное были близки къ эпохѣ промышленной зрѣлости“ (стр. 66 и 64—5). Однако въ той же книгѣ г. Лодыженскаго, откуда авторъ заимствуетъ эти историческія данныя, объяснено весьма подробно, почему именно пришлось впослѣдствіи отступить отъ протекціонизма Петра Великаго. Вотъ что высказала, между прочимъ, комиссія о коммерціи въ 1726 году, при обсужденіи послѣдняго Петровскаго тарифа: „Баканъ веницейскій, который здѣсь дѣлаютъ, ни къ чему не годенъ, и на то дана привилегія и вывозъ заморскаго запрещенъ; а здѣшній никогда и трехъ дней краски своей не содержитъ и отъ вишневаго цвѣта въ три дня оборотится въ желтый цвѣтъ и только служитъ для великаго обманства: понеже, что копѣйки не стоитъ, за рубль обманствомъ продаютъ... Игольная фабрика — самая вредительная государству, понеже на оной фабрикѣ ни единой доброй иглы не дѣлаютъ, отъ чего государство, паче крестьянство, терпитъ великую нужду: 1) въ негодности тѣхъ иголъ, 2) что иностранныя иглы продавались временемъ по 10 алтынъ тысяча, а иглы негодныя, здѣшнія продаются по 20 алтынъ и выше“ [1]). Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ признано было въ 1726 году, что нѣкоторыя мѣропріятія разрушительно повліяли на производство холста и полотенъ: „въ прежнее время у города (Архангельска) холстами большой торгъ былъ, много тысячъ крестьянъ кормились, и не малая пошлина въ казну собиралась“, а вслѣдствіе неудачныхъ покровительственныхъ распоряженій „разорились крестьяне сѣверные, у которыхъ хлѣба мало родится“ [2]). Внѣшняя торговля Архан-

[1]) Исторія русскаго таможеннаго тарифа, Константина Лодыженскаго, Спб. 1886, стр. 71.

[2]) Тамъ же, стр. 69—70.

гельска, прежде довольно значительная, была подорвана не только таможенными льготами въ пользу Петербурга, но и спеціальнымъ „возвышеніемъ пошлинъ и запрещеніемъ нѣкоторыхъ товаровъ". Петръ I подтвердилъ ограниченіе торговли иностранцевъ внутри Россіи: „Къ Москвѣ пропущать иноземцевъ съ товары заморскими тѣхъ, у которыхъ есть великаго государя жалованныя грамоты, въ которыхъ жалованныхъ грамотахъ написано, чтобы имъ по указу великаго государя ѣздить въ московское государство и въ иные города съ товары заморскими, а у которыхъ такихъ государевыхъ жалованныхъ грамотъ нѣтъ, тѣхъ отъ города Архангельскаго къ Москвѣ и въ городы съ товары заморскими не пропущать". Впослѣдствіи „эта мѣра мало-по-малу теряетъ свою силу; иностранцы торгуютъ во внутреннихъ городахъ Россіи, но съ платежомъ извѣстныхъ пошлинъ". Между прочимъ, въ 1724 г. была учреждена правительствомъ частная компанія для торговли съ Испаніею и отдана въ управленіе комерцъ-коллегіи: „Понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради комерцъ-коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство придетъ"... „Надлежитъ умножать свои коммерціи,—говорится въ другомъ указѣ Петра,—а именно во Франціи для винъ, такожъ въ Гишпанію и Португалію, которая коммерція великую прибыль принести можетъ". „Персидскій торгъ умножить, и армянъ какъ возможно приласкать и облегчить въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда". Въ основѣ этихъ заботъ о внѣшней торговлѣ лежало стремленіе привлечь драгоцѣнные металлы изъ-за границы, согласно господствовавшей тогда меркантильной теоріи: „тщиться по всякой возможности, дабы болѣе наши товары на деньги продаваны были, нежели на товары мѣнены" [1]).

Обстоятельства и взгляды мѣнялись, и своеобразная, отчасти примитивная система Петра Великаго не могла сохранить свою полную силу при его преемникахъ, какъ того желалъ бы теперь г. Менделѣевъ. Таможенныя мѣры Петра В.,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Лодыженскій, — „не могли найти сочувствія и въ самомъ народѣ, которому свобода промысловъ и торговли, установленная въ царствованіе Алексѣя Михайловича, нравилась несравненно болѣе, чѣмъ регламентированіе промышленности и стѣ-

[1]) Гр. Дмитрій Толстой, Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи. Спб., 1848 стр. 106—7, 110—113.

сненіе торговли, введенныя Петромъ I"; притомъ эти реформы „представляли темныя стороны", являлись непослѣдовательными и недоконченными, и потому „часто не вызывали тѣхъ послѣдствій, которыя имѣлись въ виду преобразователемъ". Уже Остерманъ видѣлъ ошибочность меркантильныхъ принциповъ, руководившихъ экономическою политикою Петра, и сознавалъ многія практическія ея неудобства. При составленіи новаго тарифа 1731 года принято было во вниманіе, что высокія пошлины установлены въ интересахъ фабрикъ, которыя, какъ предполагалось, могли удовлетворить народной потребности въ ихъ издѣліяхъ; но „такъ какъ эти ожиданія не сбылись, ибо русскія фабрики, хотя и производили нѣкоторые товары, не могли достигнуть доброты иностранныхъ издѣлій, а иныхъ товаровъ и совсѣмъ дѣлать не могли", то рѣшено было наложить пошлины въ уменьшенномъ противъ прежняго размѣрѣ, а именно: „съ такихъ товаровъ, которые въ Россіи работаются, по 20%, а съ тѣхъ, которые хотя и дѣлаются, но не много, или и вовсе не дѣлаются, но государству не нужны,—10%". По мнѣнію тогдашней тарифной коммиссіи, „и такой пошлины будетъ достаточно, чтобы оказать покровительство русской промышленности", такъ какъ при ввозѣ иностранныхъ издѣлій къ этой пошлинѣ прилагались издержки на провозъ, страхованіе, коммиссію и прочіе накладные расходы; русскимъ же фабрикамъ были предоставлены разныя преимущества — безпошлинный отпускъ большей части издѣлій и безпошлинная покупка матеріаловъ, а также дозволеніе покупки деревень къ фабрикамъ и заводамъ. Этотъ либеральный тарифъ не подвергался общему пересмотру до послѣднихъ лѣтъ царствованія Елизаветы Петровны, хотя при ней возстановлены были вообще порядки Петра Великаго и въ томъ числѣ такіе указы его, которые „оказались непримѣнимыми на практикѣ и поэтому отмѣнены при его преемникахъ" [1]).

Наиболѣе обдуманно и систематично мотивированы были руководящія идеи экономической политики при Екатеринѣ II. Императрица-писательница „не сочувствовала развитію крупныхъ фабрикъ и предпочитала имъ мелкія ремесленныя заведенія, мѣщанскіе промыслы въ городахъ, и рукодѣлія, коими занимаются земледѣльцы въ свободное отъ хлѣбопашества время, т.-е. то, что мы называемъ мѣщанскими и кустарными промыслами". Въ рукописныхъ замѣткахъ Екатерины II, относящихся къ 80-мъ годамъ

[1]) Лодыженскій, стр. 69, 77—82 и слѣд.

прошлаго столѣтія, изложены соображенія, имѣющія практическій смыслъ и для нашего времени. Императрица „исходитъ изъ того положенія, что земледѣльцы суть первѣйшіе и полезнѣйшіе мануфактурщики въ государствѣ, и полагаетъ, что эта отрасль народнаго труда потому вызвала мало заботъ со стороны правительства и даже приносилась имъ въ жертву ради другихъ промысловъ, что это прежняя и самая старая промышленность, а всѣ увлекаются новизнами и позднѣйшими вымыслами". Отличая мануфактуры соединенныя или крупныя отъ разсѣянныхъ или раздробленныхъ, называемыхъ обыкновенно кустарными, Екатерина II отдаетъ рѣшительное преимущество послѣднимъ. На большой фабрикѣ работники болѣе стѣснены, съ ними обращаются грубо и жестоко; напротивъ, мелкій предприниматель относится къ своимъ подмастерьямъ и помощникамъ какъ къ товарищамъ. Крупный фабрикантъ нанимаетъ, по необходимости, всякій народъ—лѣнивыхъ и праздношатающихся, словомъ—всѣхъ, которые не могутъ найти себѣ мѣста у мелкихъ фабрикантовъ; мелкій заводчикъ, имѣя надобность въ менѣе значительномъ числѣ рабочихъ, нанимаетъ ихъ съ большимъ выборомъ. „Разъ затративши значительный капиталъ на первоначальное устройство, нанявши большое число мастеровыхъ, крупный фабрикантъ очевидно долженъ постоянно имѣть значительное производство; если спросъ на его издѣлія уменьшается, ему приходится либо сбывать свои продукты въ кредитъ, либо продавать ихъ по дешевымъ цѣнамъ, что нерѣдко доводитъ его до разоренія. Для мелкаго промышленника уменьшеніе требованій менѣе чувствительно: онъ можетъ нѣсколько пріостановить производство, продавать не всѣ издѣлія и, сокративъ на нѣкоторое время свои расходы, переждать кризисъ". Эти выгоды, продолжаетъ императрица, относятся болѣе къ личной пользѣ заводчика или мелкаго фабриканта, нежели къ общей пользѣ государства; но если принять во вниманіе общественную пользу, то нельзя почти и сравнивать эти два рода мануфактуръ. „Первѣйшая и главнѣйшая выгода состоитъ въ томъ, чтобы сколько можно болѣе занимать руки и время подданныхъ; чѣмъ болѣе въ какой странѣ трудолюбія и промышленности, тѣмъ дешевле плата за работу, а чѣмъ дешевле эта плата, тѣмъ выгоднѣе продажа товара, потому что она доставляетъ пропитаніе большему числу людей. Очевидно, что раздробленныя мануфактуры имѣютъ именно эти преимущества предъ большими заводами. Земледѣлецъ, сельскій работникъ и тому подобные люди имѣютъ въ году много дней и часовъ, въ кото-

рые они не могутъ заниматься хлѣбопашествомъ или обыкновенными своими работами; если такой человѣкъ имѣетъ у себя дома станокъ для дѣланія сукна или холста, или другое какое-нибудь мелкое ремесло, то онъ остается занятъ и не теряетъ время въ праздности, безполезно для себя и для государства. А такъ какъ эта работа не составляетъ главнаго занятія, то онъ удовлетворится небольшою платою за нее. Между тѣмъ на крупный заводъ онъ пойдетъ только въ томъ случаѣ, если тамъ плата будетъ гораздо выше, чѣмъ то, что онъ получаетъ отъ земледѣлія; но если впослѣдствіи цѣна на земледѣльческіе продукты поднимается, то онъ уже отвыкнетъ отъ земледѣлія и ему трудно будетъ возвратиться къ прежнему состоянію“ [1]).

Первостепенное значеніе кустарной промышленности при нашихъ условіяхъ, такъ хорошо понятое Екатериною II, до сихъ поръ еще игнорируется у насъ протекціонистами; впрочемъ, и сама императрица слишкомъ часто забывала на практикѣ свои экономическія теоріи. Тогда, какъ витіевато выражается г. Менделѣевъ, странѣ было еще не до промышленности: „орлы, а не товары Россіи, облетали Европу, себя показывали, людей глядѣли“. Крестьянство „было нетронутою силою, земель нетронутыхъ тоже конца не видно было (а теперь развѣ мало нетронутыхъ земель?), — на нихъ и возложили всю промышленность, а сами воевали, чтобы завоевать равноправность среди остальныхъ народовъ Европы, да чуть хозяйничали, толковали, мечтали и, обсуждая, осуждали“ (?). Охранительный тарифъ 1767 года имѣлъ крупные недостатки, „не былъ выработанъ въ подробностяхъ; мудрая царица видѣла это и повелѣла принимать въ разсчетъ все, что окажется на дѣлѣ, и каждыя пять лѣтъ пересматривать тарифъ“. „Такое правило,—прибавляетъ авторъ,—сильно повредило прочности развитія начавшейся у насъ промышленности“ (стр. 69). На дѣлѣ правило о пересмотрѣ тарифа черезъ каждыя пять лѣтъ установлено было для того, чтобы сообразно измѣненіямъ въ ходѣ внѣшней торговли и въ развитіи внутренняго производства измѣнялись таможенныя пошлины и извѣстные продукты переносились бы изъ одной категоріи въ другую,—какъ это прямо выражено было въ докладѣ тарифной коммиссіи и въ послѣдовавшемъ затѣмъ указѣ императрицы [2]). Такая измѣняемость тарифовъ, вопреки предположенію г. Менделѣева, есть одинъ изъ основныхъ принциповъ таможенной политики,—„принципъ, не создаваемый за-

[1]) Тамъ же, стр. 107—8, прим. (изъ „Русскаго Архива“, 1868, стр. 503).
[2]) Лодыженскій, стр. 112—3.

конами, а вытекающій изъ природы вещей", какъ говоритъ Лоренцъ Штейнъ въ спеціальномъ курсѣ финансоваго права [1]).

Послѣ ряда колебаній и скачковъ, находившихся въ тѣсной связи съ политическими и военными обстоятельствами, прочно водворилась у насъ система строго-охранительная и отчасти запретительная. Починъ былъ сдѣланъ въ 1810 году, съ нарушеніемъ условій тильзитскаго мира, что послужило непосредственнымъ поводомъ къ разрыву и войнѣ съ Наполеономъ. Отечественная война, по догадкѣ г. Менделѣева, вызвана была въ сущности желаніемъ французовъ навязать намъ свои кружева и подорвать самостоятельное развитіе русской промышленности. Заводы и фабрики стали быстро расти у насъ въ числѣ и разнообразіи; „не это ли—спрашиваетъ глубокомысленно нашъ авторъ,—собрались „двунадесять языкъ" сломить въ Россіи"? Г. Менделѣевъ совсѣмъ забылъ, что тогдашняя Россія задолго до 1812 года предпринимала наступательныя войны противъ Франціи, воевала съ Наполеономъ при Аустерлицѣ и Фридландѣ и вызвала противъ себя нашествіе заключеніемъ невозможнаго тильзитскаго мира, условія котораго должны были быть нарушены рано или поздно. Французы не искали русскихъ войскъ, а постоянно наталкивались на нихъ въ Европѣ, прежде чѣмъ рѣшились сами вторгнуться въ предѣлы Россіи; причемъ же тутъ забота Наполеона о сбытѣ французскихъ товаровъ? „Вотъ гдѣ сказывается яснѣе, чѣмъ въ абстрактѣ,—заключаетъ однако г. Менделѣевъ,—что послѣ размежеванія земель промышленные интересы руководятъ судьбой народовъ" (стр. 72).

Съ такою же основательностью и быстротою авторъ рѣшаетъ многіе другіе вопросы, затрогиваемые въ его книгѣ. Онъ хвалитъ протекціонныя мѣры графа Канкрина, результатомъ которыхъ было, по свидѣтельству Фридриха Листа, „благосостояніе націи" (!) [2]). Онъ вообще одобряетъ промышленную политику, дѣйствовавшую „съ 1822 г. вплоть до 1850 г. и особенно до 1867 года" (т.-е. цѣлыхъ 55 лѣтъ); за все это время „общій планъ оставался тотъ же: протекціонизмъ явный, но не крайній, изрѣдка вызывающій"; „защита всего, что началось производиться, соблюдается неуклонная, и хотя пошлины, иногда неумѣренно высокія, понижаются, но зато недостаточныя возвышаются". Въ эту эпоху „постояннаго протекціонизма, ведущаго свое начало, по существу, отъ мѣръ, принятыхъ передъ отечественной войною", развились

[1]) Lehrbuch der Finanzwissenschaft, von Lorenz Stein (Leipzig, 1860), стр. 392 и 400.

[2]) Національная система политической экономіи, р. пер., стр. 38.

многіе виды нашей заводско-фабричной промышленности и т. д. (стр. 74—5). Каково же удивленіе читателя, когда на слѣдующей же страницѣ авторъ высказываетъ нѣчто прямо противоположное! „Отъ запретительнаго и напряженно-возбуждающаго тарифа 1811 года,—говоритъ онъ,—перешли въ тарифѣ 1822 г. къ явному, иногда даже возбудительному протекціонизму, а потомъ стали постепенно переходить, а въ тарифѣ 1868 года и подошли къ охранительному протекціонизму,—а *охранять-то было почти нечего* (!!), потому что все шло впередъ, а мы стояли“ (стр. 76—7).

Куда же дѣвались фабрики и заводы, которые „быстро росли въ числѣ и разнообразіи“ послѣ 1822 года? Что сталось съ блестящими плодами упорнаго и послѣдовательнаго протекціонизма, господствовавшаго непрерывно больше полувѣка? Какъ это случилось, что нечего было охранять въ области русской промышленности, послѣ долговременнаго управленія русскими финансами графа Канкрина, создавшаго своими строгими тарифами „благосостояніе націи?“ Авторъ не разрѣшаетъ этого противорѣчія; но оно разрѣшается само собою простымъ признаніемъ того печальнаго факта, что благодѣтельныя послѣдствія протекціонизма оказались на дѣлѣ—миѳомъ, фантазіей, самообманомъ.

Когда вышелъ въ отставку графъ Канкринъ (въ 1843 году), правительство вынуждено было серьезно заняться вопросомъ объ упадкѣ внѣшней торговли и способахъ ея возстановленія. Крупный комерсантъ Поповъ представилъ записку, въ которой доказывалъ многими цифрами и фактами постепенное сокращеніе нашего отпуска на ряду съ усиленіемъ конкурренціи заатлантическихъ странъ въ дѣлѣ снабженія Европы земледѣльческими продуктами. „Запретительность привознаго тарифа, по убѣжденію негоціантовъ,—заявлялъ Поповъ,—нарушая соразмѣрность привоза и отпуска, отвлекаетъ иностранцевъ отъ запроса нашихъ товаровъ, а съ другой стороны, заставляя суда идти за нашими продуктами съ балластомъ, усиливаетъ расходы ихъ на фрахтъ и симъ возвышаетъ цѣнность русскихъ отпускныхъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивая цѣнность нѣкоторыхъ жизненныхъ потребностей, доставляетъ только премію контрабандистамъ въ подрывъ торговлѣ добросовѣстной“. Для разсмотрѣнія указаній Попова образованъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Орлова. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, желая провѣрить заявленія Попова, обращался съ запросомъ къ представителямъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ фирмъ, и они вполнѣ подтвердили то, что высказано было въ упомянутой запискѣ. Новый министръ финансовъ, Вронченко, соглашался, что нѣкоторыя изъ

ввозныхъ пошлинъ надлежало бы умѣрить, а также удалить изъ тарифа многія запрещенія, но полагалъ, что было бы крайне рискованно отказаться совершенно отъ строго-охранительной системы графа Канкрина; при этомъ онъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ приложилъ обширную выписку изъ сочиненія нѣмецкаго экономиста, Фридриха Листа, на которое еще теперь усердно ссылаются наши протекціонисты, за отсутствіемъ болѣе убѣдительныхъ данныхъ изъ русской промышленной жизни. Доктринерство и резонерство были въ этомъ случаѣ несомнѣнно на сторонѣ приверженцевъ прежняго протекціонизма, такъ какъ и самъ Канкринъ былъ ученый доктринеръ и развивалъ свои теоріи въ нѣсколькихъ спеціальныхъ трактатахъ, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Комерсантъ Поповъ и представители разныхъ торговыхъ фирмъ не проповѣдовали, конечно, никакой предвзятой доктрины, подобно протекціонистамъ, а указывали просто на практическія послѣдствія мнимо-охранительныхъ мѣръ, сокращавшихъ внѣшніе торговые обороты и уменьшавшихъ запросъ иностранцевъ на русскіе продукты и товары. По внимательномъ обсужденіи возбужденныхъ вопросовъ, комитетъ пришелъ къ заключенію, что нѣкоторое пониженіе пошлинъ, будучи необходимо въ интересахъ нашего вывоза, можетъ оказаться полезнымъ и для внутренней производительности, и привозный тарифъ будетъ тогда болѣе удовлетворять своей цѣли—покровительству отечественнымъ мануфактурамъ. „Тарифъ сей (1841 г.)—пояснялъ комитетъ,—облагаетъ высокими пошлинами не только товары, привозимые для непосредственнаго потребленія, но и нѣкоторые матеріалы, необходимые для нашихъ фабрикъ, отчего, несмотря на покровительство привознаго тарифа, облагающаго мануфактурныя произведенія иностранцевъ отъ 30 до 250% съ цѣнности товаровъ и даже болѣе, наши собственныя издѣлія дороги и встрѣчаютъ затрудненіе въ сбытѣ ихъ во внутреннее потребленіе. Между тѣмъ столь высокія пошлины составляютъ сильное возбужденіе къ тайному водворенію товаровъ, которое подрываетъ и таможенные доходы, и добросовѣстную торговлю“ [1]).

Умалчивая объ этихъ реальныхъ фактахъ, побудившихъ правительство понизить нѣкоторыя пошлины съ 1846 года, г. Менделѣевъ приписываетъ эти пониженія вліянію „англійскихъ (!) фритредеровъ“ и особымъ тенденціямъ Тенгоборскаго, руководившаго нашею тарифною политикою въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Тенгоборскому были чужды тѣ начала русскаго націона-

[1]) Лодыженскій, стр. 229—232.

лизма, которыми былъ проникнутъ графъ Канкринъ; онъ будто бы не хотѣлъ, чтобы Россія вышла изъ своего земледѣльческаго состоянія, и потому рекомендовалъ покровительствовать торговлѣ англичанъ въ русскихъ предѣлахъ. „Хотя осторожно и постепенно, но такой взглядъ примѣняли въ дѣлу"; кому-то желательно было „замѣнить единичныя выгоды русскихъ производителей двойными выгодами англійскихъ торговцевъ, не считая выгодъ англійскихъ производителей" (стр. 79—80). Можно ли серьезно говорить о томъ, что какіе-то русскіе дѣятели хлопотали о выгодахъ Англіи въ ущербъ русскимъ интересамъ? Зачѣмъ прикрывать и затемнять фактическую сущность дѣла неподходящими намеками и подозрѣніями, ненужнымъ употребленіемъ двусмысленныхъ терминовъ, въ родѣ фритредерства, національнализма и т. п.?

Обозвать кого-нибудь фритредеромъ и противникомъ промышленнаго развитія—не значитъ еще опровергнуть его указанія и логическіе доводы по вопросамъ народнаго и государственнаго хозяйства. Воззрѣнія Тенгоборскаго были вообще далеки и отъ принципіальнаго фритредерства, и отъ отвлеченнаго резонерства, а основывались на добросовѣстномъ и старательномъ изученіи экономической жизни Россіи, сравнительно съ ходомъ промышленнаго развитія западно-европейскихъ государствъ. Тенгоборскій утверждалъ, что необходимость существованія разныхъ промысловъ въ народѣ зависитъ у насъ отъ естественныхъ условій—суровости нашего климата и продолжительности зимы, оставляющихъ крестьянину много времени, свободнаго отъ полевыхъ работъ; эти природныя условія, въ связи съ врожденною смышленостью и предпріимчивостью русскаго населенія, „дали первый толчокъ нашей промышленности и наложили на нее отпечатокъ особенный и въ нѣкоторомъ родѣ національный: они развили въ ней промышленность сельскую, которая въ Россіи, въ противоположность другимъ странамъ, предшествовала городской и быстро развилась сама собою, безъ помощи таможенныхъ или какихъ-либо другихъ покровительственныхъ мѣръ. Эта промышленность, дозволяющая производителю заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, не отрываясь отъ сельскаго хозяйства, должна быть признана наиболѣе полезною для народа; она всего болѣе заслуживаетъ поддержки и поощренія. Съ теченіемъ времени, когда совмѣстничество иностранныхъ государствъ по всѣмъ отраслямъ народнаго труда заставляетъ ихъ стѣснять привозъ сырыхъ продуктовъ земледѣлія, которые отпускала Россія, послѣдняя была поставлена въ необходимость поощрять и развивать собственную

фабричную дѣятельность. Такимъ образомъ, система покровительства внутреннему производству, по мнѣнію Тенгоборскаго, сложилась у насъ историческимъ путемъ и имѣетъ разумный смыслъ и право на существованіе. Но, сознавая все это, Тенгоборскій въ то же время предостерегаетъ русскихъ людей отъ увлеченія протекціонизмомъ и отъ доведенія его до крайности. Тѣ же природныя условія—рѣдкость населенія, недостатокъ капиталовъ,—дѣлаютъ невозможнымъ развитіе въ Россіи мануфактурной дѣятельности въ такомъ обширномъ и всестороннемъ видѣ, какъ бы хотѣлось нашимъ „патріотамъ“. Охраняя свою промышленность, мы не должны стараться производить все сами, отвергая все, что производятъ другіе. Подобнаго притязанія не можетъ имѣть, безъ вреда самому себѣ, никакой народъ въ мірѣ. Даже въ странахъ, гдѣ изобилуютъ капиталы и гдѣ кредитъ стоитъ удовлетворительно, было бы неосторожно возбудить вдругъ, искусственными мѣрами, всѣ отрасли промышленности; это неудобство было бы еще ощутительнѣе въ странѣ, гдѣ капиталы рѣдки, а средства частнаго кредита ограничены; именно въ такомъ положеніи находится Россія [1]).

Очевидно, Тенгоборскій стоялъ за разумный протекціонизмъ, соотвѣтствующій экономическимъ и естественнымъ условіямъ страны; это выразилось и въ тарифѣ 1857 года, въ которомъ, какъ признаетъ и г. Менделѣевъ, сохранены прежніе значительные оклады по отношенію ко многимъ установившимся производствамъ, особенно мануфактурамъ и готовымъ издѣліямъ (стр. 80—1). Протекціонный и отчасти запретительный характеръ имѣли также многія статьи тарифа 1868 г., при всей его общей умѣренности. „У насъ многіе, — замѣчаетъ нашъ авторъ, — называли тарифъ 1868 года фритредерскимъ; мнѣ самому въ то время приходилось слышать это, а на ушко даже шептали, что тарифъ этотъ вынужденъ тайными статьями мирнаго договора, заключеннаго послѣ крымской войны, потому что тильзитскій (парижскій?) миръ содержитъ свои тайныя статьи. Все это неправильно и несправедливо, основано на такомъ же невнимательномъ отношеніи къ изученію предмета, какъ и толки противоположные, по которымъ тарифъ 1868 года считался все еще ультра-протекціоннымъ“. Тарифомъ „были недовольны какъ крайніе фритредеры, такъ и заявленные протекціонисты; значитъ, что въ немъ не было крайностей, что онъ былъ компромиссомъ разнообразныхъ и несложныхъ промышленныхъ требованій того времени. Покро-

[1]) См. краткое изложеніе взглядовъ Тенгоборскаго у г. Лодыженскаго, стр. 240—244.

вительственныя начала, однако, въ тарифѣ 1868 года оставались, но не развивались, превратившись въ охрану того, что было ранѣе достигнуто" (стр. 77—8). Другими словами, это былъ тарифъ раціональный, оказывавшій достаточную охрану и покровительство внутреннему производству, безъ особеннаго ущерба для земледѣльческаго населенія и для массы потребителей. Какъ же должны еще развиваться покровительственныя начала, если они достаточны для обезпеченія существующей промышленности отъ иностранной конкурренціи? По обыкновенному ходу вещей, высокія таможенныя пошлины, назначаемыя для поощренія вновь возникающихъ промысловъ, понижаются по мѣрѣ упроченія и развитія этихъ промысловъ, такъ какъ укрѣпившаяся фабрично-заводская производительность меньше нуждается въ искусственномъ устраненіи заграничнаго соперничества. Мѣры, охранявшія слабую промышленность, становятся излишними или слишкомъ сильными для промышленности уже окрѣпшей; а по мнѣнію г. Менделѣева выходитъ наоборотъ, что протекціонная опека должна усиливаться по мѣрѣ того, какъ надобность въ ней уменьшается.

Разсуждая отвлеченно, теоретически, авторъ какъ будто сходится во взглядахъ съ умѣренными протекціонистами, въ родѣ Тенгоборскаго. Каждой странѣ, говоритъ онъ, отвѣчаютъ свои виды промышленности. „Нельзя согласиться на протекціонизмъ принципіальный, но нельзя согласиться и на принципіальную справедливость началъ свободной торговли... Когда разъ укрѣпилось дѣло, тогда можно соперничать открыто, на свободномъ полѣ международнаго соревнованія. Покровительство свой истинный и важный смыслъ получаетъ въ отношеніи къ тѣмъ производствамъ данной страны, которыя въ ней могутъ развиваться на счетъ развитія ихъ въ другихъ странахъ, но еще не успѣли достичь развитія подъ вліяніемъ иностраннаго соперничества. Другими словами, принципіально то заслуживаетъ обдуманныхъ, строго и настойчиво проводимыхъ протекціонныхъ мѣръ, что можетъ достичь большаго значенія для страны и, достигнувъ, пріумножитъ общій міровой достатокъ, общія народныя и всенародныя промышленныя средства. Покровительство безполезно, даже вредно, если въ указанномъ смыслѣ не предстоитъ никакихъ видовъ въ будущемъ" (стр. 24). Протекціонизмъ, прямо облагающій чужеземные товары ради того, что ихъ можно производить въ странѣ, часто создаетъ внутреннія монополіи, невыгодныя для населенія; „правильный, разумный протекціонизмъ долженъ быть далекъ отъ подобныхъ обложеній, дающихъ одну дороговизну"

(стр. 41). „Если таможенная пошлина охраняетъ интересы фабрикантовъ, никакъ не совпадающіе съ интересами государства, страны или жителей, то такой протекціонизмъ, по мнѣнію моему, въ большинствѣ случаевъ вреденъ или по крайней мѣрѣ безполезенъ“ (стр. 77, примѣч.). И въ то же время рѣзко осуждается умѣренно-протекціонный тарифъ 1868 года, и всякія существовавшія пошлины кажутся автору слишкомъ малыми, несмотря на всѣ позднѣйшія повышенія ихъ. Съ конца семидесятыхъ годовъ наша протекціонная система приняла почти запретительный характеръ, а г. Менделѣевъ все еще находилъ ее недостаточною. Онъ отрицаетъ тотъ несомнѣнный и общеизвѣстный фактъ, что наши высокія пошлины на заграничные фабрично-заводскіе продукты вызвали репрессаліи со стороны иностранныхъ державъ, въ видѣ наложенія ввозныхъ пошлинъ на русскій хлѣбъ; фактъ невѣренъ будто бы потому, что „хлѣбныя пошлины введены (въ Германіи) съ 1879 года, а наши пошлины должнымъ образомъ возвышены только въ серединѣ 80-хъ годовъ“ (стр. 142, прим.). Иностранцы, однако, могли не раздѣлять мнѣнія г. Менделѣева о томъ, что считать должнымъ повышеніемъ; для нихъ была слишкомъ чувствительна уже та крупная надбавка, которая сдѣлана была въ нашемъ тарифѣ въ 1877 году. Авторъ думаетъ даже, что иностранцы могутъ, по глупости, принять за образецъ для подражанія не протекціонный нашъ тарифъ, направленный противъ иноземныхъ фабричныхъ произведеній, а существующую у насъ свободу для несуществующаго привоза иностраннаго хлѣба; поэтому мы не должны вводить хлѣбныхъ таможенныхъ пошлинъ, ибо „для Россіи, какъ страны земледѣльческой, полезно показывать примѣръ того, что ей было бы нынѣ небезвыгодно видѣть и въ другихъ странахъ“ (стр. 134). Жаль только, что западноевропейскія націи и правительства не обнаруживаютъ столь первобытной наивности, предполагаемой въ нихъ г. Менделѣевымъ, и умѣютъ не хуже насъ отличать свои собственные интересы и ущербы отъ чужихъ. Какъ бы то ни было, по заявленію самого автора, наши таможенныя пошлины были уже „должнымъ образомъ“ возвышены въ серединѣ 80-хъ годовъ, а между тѣмъ онъ ждетъ еще „огражденія и оживленія“ нашей промышленности отъ новаго тарифа 1891 года, въ которомъ видитъ истинный, настоящій протекціонизмъ (стр. V, 100, 116 и сл.). Что же вѣрнѣе и выше „должнаго“? По нынѣшней логикѣ, и „должное“ еще недостаточно, когда дѣло идетъ о выгодахъ фабрикантовъ и промышленниковъ; нужно уже явно избыточное, чрезмѣрное, чтобы удовлетворить нашихъ протекціонистовъ. А этого из-

быточнаго, чрезмѣрнаго набралось и безъ того довольно много въ нашемъ тарифѣ, еще ранѣе его пересмотра,—такъ что почти некуда уже было идти дальше въ дѣлѣ повышеній. Новый тарифъ былъ лишь подтвержденіемъ и усиленіемъ стараго, а не установленіемъ чего-либо новаго, и слѣдовательно нѣтъ основанія разсчитывать, что будутъ достигнуты иные результаты, чѣмъ до сихъ поръ.

IV.

Многія разсужденія и домогательства нашихъ протекціонистовъ были подробно разобраны въ поучительной книгѣ, напечатанной Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1890 году, по поводу предстоявшаго пересмотра нашего таможеннаго тарифа [1]). Объ этой книгѣ, заключающей въ себѣ массу любопытныхъ фактическихъ свѣденій, г. Менделѣевъ упоминаетъ мимоходомъ только въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія и притомъ въ крайне пренебрежительномъ тонѣ [2]). Имп. Вольное Экономическое Общество въ своемъ „ходатайствѣ“ ссылалось исключительно на факты русской промышленной жизни, на настоятельныя потребности народнаго хозяйства, не касаясь вообще какихъ бы то ни было общихъ теорій; оно отстаивало систему разумнаго и умѣреннаго протекціонизма, возражая противъ его вредныхъ излишествъ, и заявляло при этомъ категори-

[1]) Ходатайства Имп. В. Э. Общества о измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Спб., 1890. Ср. нашу замѣтку объ этой книгѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1890 г., декабрь, стр. 803—821 („Излишества и увлеченія протекціонизма“).

[2]) На стр. 101 говорится глухо объ „*одномъ изъ многихъ* напечатанныхъ въ 1890 г. „ходатайствъ“, касающихся желаемыхъ измѣненій въ русскомъ таможенномъ тарифѣ, и гдѣ огульно осуждаются многія сдѣланныя ранѣе предложенія, относящіяся къ этому предмету“. Назвать книгу Имп. В. Э. Общества (въ 269 стр.) „однимъ изъ многихъ“ ходатайствъ — ошибочно вдвойнѣ, такъ какъ другого подобнаго изслѣдованія-ходатайства не появлялось въ печати, и само Имп. В. Э. Общество, какъ единственное у насъ оффиціально-общественное учрежденіе, занимающееся экономическими и народно-хозяйственными вопросами, не можетъ быть приравнено къ тѣмъ „многимъ“ частнымъ обществамъ и лицамъ, которыя ходатайствовали объ измѣненіяхъ въ тарифѣ ради своихъ денежныхъ выгодъ и интересовъ. Невѣрно также, что въ упомянутой книгѣ „огульно осуждаются многія сдѣланныя ранѣе предложенія“; тамъ обстоятельно и убѣдительно опровергнуты только неудачныя тарифныя предположенія нѣкоторыхъ профессоровъ технологическаго института и самого г. Менделѣева (стр. 235—268). Во всякомъ случаѣ ученые технологи и химики, каковы бы ни были ихъ спеціально-научныя заслуги, не имѣютъ основанія считать себя болѣе компетентными въ вопросахъ народнаго хозяйства, чѣмъ Имп. Вольное Экономическое Общество.

чески, что „съ нескрываемою враждебностью оно относится не къ принципу таможеннаго покровительства, а только къ неудачному и несогласованному съ насущными нуждами и интересами Россіи примѣненію его“; оно старалось выяснить тѣ типическіе недостатки нашей таможенной политики, „устраненіе которыхъ представляется столько же практически-возможнымъ, сколько настоятельно-необходимымъ, въ общихъ интересахъ и казны, и народа, и всѣхъ безъ изъятія отраслей промышленности“ (стр. 234—5 и др.). Заявленія и выводы Имп. В. Э. Общества основаны на оффиціальныхъ и тщательно провѣренныхъ данныхъ, которыхъ не пытался оспаривать ни одинъ изъ нашихъ крайнихъ протекціонистовъ; послѣдніе предпочли болѣе легкій и цѣлесообразный способъ умолчанія и игнорированія.

Въ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи на 1883 годъ было высказано, что „періодъ времени съ 1867 по 1876 годъ (когда дѣйствовалъ умѣренный тарифъ 1868 года) былъ ознаменованъ быстрымъ развитіемъ промышленной предпріимчивости“; возникло большое число фабричныхъ и торговыхъ предпріятій, внутренняя и внѣшняя торговля замѣтно возросли; „послѣднее пятилѣтіе этого періода передъ восточной войною можетъ быть названо блестящимъ въ финансовомъ отношеніи“. Точно также въ отчетѣ о внѣшней торговлѣ за 1885 годъ указано на быстрый ростъ нашей обработывающей промышленности подъ вліяніемъ тарифа 1868 года; „въ первое же пятилѣтіе, пошлинъ съ привезенныхъ сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ поступило почти втрое болѣе противъ предъидущаго пятилѣтія“, и вообще „таможенный доходъ въ это пятилѣтіе увеличился больше чѣмъ на 50% противъ предъидущаго“. Позднѣйшія же непомѣрно возвышенныя таможенныя ставки уже въ 1885 году уменьшили этотъ доходъ противъ двухъ предъидущихъ лѣтъ на 2 милл. р., именно потому, что „мертвящая дороговизна систематически уменьшала оффиціальный привозъ наиболѣе выгодныхъ для таможни предметовъ потребленія“ (въ указанной книгѣ, стр. 250—1). Въ отчетѣ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за 1886 годъ признано, что „ни неоднократное въ послѣдніе годы увеличеніе таможеннаго обложенія, ни другія мѣры, принимавшіяся для возвышенія таможеннаго дохода, не могли оказать чувствительнаго вліянія на цифру сего дохода, ибо одновременно съ сими мѣрами непрерывно сокращались обороты нашей торговли въ Европѣ“. Обновленный съ 1877 года запретительный тарифъ „сократилъ въ это злополучное пятилѣтіе привозъ иностранныхъ товаровъ

въ Россію только на 39%, тогда какъ вывозъ собственныхъ уменьшилъ на 216½ милл. р. или на 48%, и въ концѣ концовъ присудилъ русскую „душу“ къ двойной потерѣ, ибо въ качествѣ производительницы она только и теряла на искусственномъ обезцѣненіи продуктовъ своего труда (и на уменьшеніи заграничнаго на нихъ спроса), а въ качествѣ потребительницы — на искусственномъ вздорожаніи всѣхъ обложенныхъ чрезмѣрной пошлиной предметовъ, составляющихъ въ сложности всю жизненную обстановку“ (стр. 147). Въ девятилѣтіе съ 1879 года, „въ самый разгаръ повышенія пошлинъ на всякіе привозные товары число фабрикъ и заводовъ въ имперіи не только не увеличилось, но напротивъ замѣтно сократилось“ (стр. 239), а послѣ отказа отъ запретительной системы графа Канкрина, „въ промежутокъ пятнадцати лѣтъ (до 1871 года) число фабрикъ и заводовъ возросло на 76%, а производство ихъ на 122%, причемъ и средняя производительность каждой отдѣльной мануфактуры увеличилась болѣе чѣмъ на 26 процентовъ“ (стр. 145). Притомъ, сложныя и наиболѣе покровительствуемыя тарифомъ производства, располагая *втрое* большею рабочею силою, не вырабатали даже вдвое большей цѣнности противъ простѣйшихъ, наименѣе поощряемыхъ; это служитъ наглядным доказательствомъ, что при настоящемъ уровнѣ нашего экономическаго быта простѣйшія производства несравненно сроднѣе русскому населенію, чѣмъ сложныя. Въ этомъ убѣждаетъ и развитіе нашихъ кустарныхъ промысловъ, производство которыхъ значительно превышаетъ фабрично-заводское, такъ какъ доводится свѣдущими изслѣдователями до трехъ милліардовъ рублей и даетъ излюбленную домашнюю работу 7 милліонамъ человѣкъ. Рабочее населеніе, „съ наступленіемъ весны, массами покидаетъ фабрики, чтобы отдать всю свою страду землѣ, которую считаетъ болѣе доброй кормилицей, нежели фабричная лавка, съ ея торгашескими плутнями“. Такого явленія, поясняетъ Имп. Вольное Экономическое Общество, „нельзя не признать вполнѣ естественнымъ, если только нарочно не закрывать глазъ на тотъ фактъ, что, въ рѣзкое отличіе отъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Россія представляетъ собою страну по преимуществу деревенскую и земледѣльческую, въ которой такъ-называемыя среднія сословія не составляютъ и трехъ процентовъ населенія, въ которой изъ общаго числа городовъ девять-десятыхъ суть тѣ же села, тогда какъ изъ многихъ тысячъ селъ не наберется и полусотни съ городскими элементами, и въ которой потребности 95 процентовъ населенія столько

же ограниченны, сколько неприхотливы" (стр. 145, 160—1, 173 и др.).

Что можно было возразить противъ этихъ вполнѣ безспорныхъ фактовъ, цифръ и доводовъ, подкрѣпляемыхъ множествомъ подробностей относительно различныхъ отраслей нашей промышленности? Протекціонисты и не возражаютъ, а довольствуются повтореніемъ старыхъ софизмовъ, вдаются въ какіе-то фантастическіе разсчеты, толкуютъ о фритредерствѣ, о пользѣ и важности фабрично-заводскаго дѣла, о здравомъ націонализмѣ графа Канкрина и объ экономическихъ идеяхъ нѣмецкаго писателя сороковыхъ годовъ, Фридриха Листа. Невольно является предположеніе, что отысканіе истины и житейской правды остается при этомъ на послѣднемъ планѣ; что споръ ведется исключительно во имя спеціальныхъ промышленныхъ интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительными нуждами и потребностями народа.

Въ томъ же духѣ, какъ Имп. Вольное Экономическое Общество, высказываются у насъ всѣ, интересующіеся судьбами нашего народнаго хозяйства и реальнымъ экономическимъ положеніемъ страны. Профессоръ И. И. Янжулъ,—котораго никто не заподозритъ въ фритредерствѣ и сочиненіе котораго объ англійской свободной торговлѣ часто цитируется протекціонистами (въ томъ числѣ и г. Менделѣевымъ, стр. 11—12, 27 и слѣд.),—рѣшительно осуждаетъ новѣйшія излишества и увлеченія нашей покровительственной системы. Указавъ на высокопошлинный характеръ нашего тарифа (еще до послѣдняго его пересмотра), почтенный экономистъ ставитъ себѣ вопросъ: „къ чему привела эта усиленно-покровительственная политика, которая съ 1877 года такъ упорно держится въ Россіи?" Это направленіе,—отвѣчаетъ онъ,—привело прежде всего къ застою таможенный доходъ, который за восемь лѣтъ (съ 1879 по 1886 г.) не далъ почти никакого увеличенія, несмотря на то, что съ 1880 года постоянно увеличивались многія изъ прежнихъ пошлинъ и установлялись новыя. „А между тѣмъ, по приблизительнымъ разсчетамъ, при нормальномъ ходѣ торговли, отъ этихъ измѣненій могло бы къ 1885 году послѣдовать (или, по крайней мѣрѣ, предполагалось, что послѣдуетъ) увеличеніе таможеннаго дохода на сумму свыше 30 мил. рублей!" Второе послѣдствіе перехода отъ умѣренно-охранительной къ усиленно-покровительственной политикѣ выразилось, по словамъ И. И. Янжула, *въ остановкѣ развитія нашей внутренней промышленности.* „При дѣйствіи охранительнаго тарифа 1868 года, наша промышленность, въ главнѣйшихъ фабричныхъ и заводскихъ производ-

ствахъ, сдѣлала весьма крупные успѣхи; количество матеріаловъ, потребныхъ для фабрикъ и ремеслъ и привозимыхъ изъ-за границы, въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ возросло почти въ три раза. Впослѣдствіи, при увеличеніи пошлинъ, распространившемся также и на сырые и полуобработанные матеріалы, приращеніе ихъ ввоза стало ослабѣвать. Затѣмъ, изъ различныхъ оффиціальныхъ свѣденій о нашемъ фабричномъ и заводскомъ производствѣ точно также оказывается, что во время дѣйствія тарифа 1868 г. почти всѣ отрасли обработывающей промышленности значительно усилились, и что съ 1879 по 1884 годъ только въ весьма немногихъ изъ нихъ замѣчается увеличеніе производства". Но если высокопошлинная система не повела за собою того развитія промышленности внутри Россіи, какого ожидали протекціонисты, то она „оказалась могучимъ поводомъ для созданія промышленности на западной окраинѣ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ", причемъ иностранное соперничество переносится лишь на русскую почву. Покровительственныя цѣли тарифа совершенно не достигаются, благодаря перенесенію иностранцами своихъ фабрикъ черезъ нашу таможенную линію. „Иностранный продуктъ избѣгаетъ, значительной частью, таможеннаго налога; иностранный производитель выигрываетъ въ свою пользу всю разницу между возвышенной цѣной продукта и тою, которую бы онъ могъ взять на свободномъ рынкѣ; въ свою очередь, у себя дома, въ предѣлахъ имперіи, русскій производитель встрѣчаетъ ту же конкурренцію, отъ которой надѣялся временно защититься, а русскіе потребители отъ этого вторженія иностранной промышленности точно также ничего не выигрываютъ, или выигрываютъ слишкомъ мало, сравнительно съ приносимыми ими жертвами". Съ другой стороны, —продолжаетъ проф. И. И. Янжулъ,—высокопошлинный тарифъ способствовалъ ухудшенію условій заграничнаго сбыта для нашихъ продуктовъ. „Дѣло въ томъ, что, проводя послѣдовательный рядъ мѣропріятій въ пользу крупной фабричной и заводской промышленности, правительство въ значительной степени игнорировало интересы нашего земледѣлія, забывая, что чрезмѣрное покровительство однѣмъ отраслямъ производительной дѣятельности не можетъ не отразиться вреднымъ образомъ на другихъ. Вздорожаніе предметовъ потребленія, вызываемое высокими пошлинами, должно было повести къ увеличенію издержекъ производства во всѣхъ отрасляхъ промышленности и оказаться особенно тяжелымъ для земледѣлія". Въ то же время, „увеличеніе таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, прекратившее доступъ на русскій рынокъ многимъ заграничнымъ товарамъ, вызвало нѣкоторыя страны къ при-

нятію репрессивныхъ мѣръ, выразившихся въ поднятіи пошлинъ на хлѣбъ и другіе продукты, привозимые изъ Россіи. Наконецъ, нѣкоторыя новыя пошлины прямо вели къ затрудненію нашей земледѣльческой промышленности и сбыта ея продуктовъ за границу. Такъ, установленіе, а потомъ повышеніе пошлины на земледѣльческія машины и аппараты, въ то время какъ, вслѣдствіе конкурренціи новыхъ поставщиковъ хлѣба на заграничные рынки, особенно чувствовалась и чувствуется необходимость усовершенствованій въ нашемъ сельско-хозяйственномъ промыслѣ,—несомнѣнно должно было тормазить его развитіе и увеличивать накладныя издержки производства". Несомнѣнно также, что „чрезмѣрно высокія покровительственныя пошлины даютъ капиталамъ искусственное направленіе, вовлекаютъ въ предпріятія, не снабженныя достаточными средствами и знаніемъ дѣла и основанныя лишь на разсчетѣ легкой наживы; затѣмъ возникаетъ перепроизводство (т.-е., вѣрнѣе, недостатокъ спроса и сбыта продуктовъ вслѣдствіе высокихъ цѣнъ и отсутствія средствъ у возможныхъ потребителей, составляющихъ большинство населенія)—перепроизводство, сопряженное съ тяжкимъ потрясеніемъ промышленности, увлеченной къ чрезмѣрному расширенію своихъ оборотовъ, и разражается кризисъ, подвергающій разстройству даже прочныя предпріятія". Въ виду подобныхъ результатовъ русской таможенной политики послѣдняго времени, „само собою напрашивается заключеніе, что такого чрезмѣрнаго огульнаго покровительства, какое у насъ нынѣ примѣняется, безусловно нельзя одобрить. Для самаго просвѣщеннаго, дальновиднаго и умудреннаго опытомъ правительства, при самомъ широкомъ содѣйствіи заинтересованныхъ сторонъ, является недостижимой, невозможной задачей нормировать извѣстнымъ образомъ всѣ отрасли обработывающей промышленности и направлять всю экономическую дѣятельность населенія къ извѣстной цѣли. Чѣмъ больше видовъ промысловъ захватывается покровительственной политикой и чѣмъ она интензивнѣе, тѣмъ болѣе встрѣчается противорѣчій въ результатахъ этой политики и тѣмъ болѣе страдаютъ интересы однихъ классовъ населенія ради незаслуженной пользы и выгоды другихъ. Земледѣліе приносится въ жертву промышленности, рабочіе классы—интересамъ предпринимателей; торговля—производству; потребители—производителямъ".

Отсюда вытекаетъ весьма естественный выводъ, что для Россіи необходимо обратиться къ болѣе раціональной и умѣренной таможенной политикѣ. Этотъ поворотъ, по мнѣнію проф. Янжула, принесъ бы весьма важныя выгоды для всей страны и

ея промышленности: во-первыхъ, доходъ казны отъ таможенныхъ пошлинъ, вслѣдствіе облегченія потребленія иностранныхъ продуктовъ и сокращенія контрабаднаго водворенія ихъ въ страну, значительно увеличился бы; во-вторыхъ, цѣна жизненныхъ припасовъ и другихъ важнѣйшихъ предметовъ потребленія понизилась бы и повела бы къ удешевленію жизни цѣлаго народа; въ-третьихъ, промышленность получила бы новый стимулъ для своего развитія; промышленники наши вынуждены были бы выйти изъ той апатіи, въ которую ихъ повергаетъ теперь увѣренность, при высотѣ покровительственныхъ пошлинъ, относительно своихъ барышей,—улучшить техническіе пріемы производства и тщательнѣе отыскивать рынки для сбыта своихъ продуктовъ. Наконецъ, тѣ отрасли производства, которыя косвенно терпятъ ущербъ отъ чрезмѣрнаго покровительства другимъ отраслямъ, были бы поставлены въ болѣе нормальныя условія; самое сельское хозяйство освободилось бы отъ посторонннихъ вліяній и значительно развилось бы, чѣмъ опять создались бы и усилились новые шансы для процвѣтанія обрабатывающей промышленности". Разумѣется, поворотъ не можетъ и не долженъ быть внезапнымъ: „наша мануфактурная промышленность есть тепличное растеніе, выращенное въ искусственной душной атмосферѣ высокаго таможеннаго покровительства; свѣжее вѣяніе вольнаго простора несомнѣнно должно убить его, если его не пріучить къ большей выносливости постепеннымъ измѣненіемъ окружающихъ условій". Въ экономической политикѣ, прибавляетъ И. И. Янжулъ, не должно быть скачковъ; реформы должны производиться постепенно и медленно, но въ то же время твердо и неуклонно, имѣя въ виду одну наиважнѣйшую и руководящую цѣль—общее благо народа, и пренебрегая для нея притязаніями, коренящимися въ корыстныхъ чувствахъ и интересахъ отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ классовъ населенія [1]).

Казалось бы, что ничего нельзя сказать противъ этихъ положеній и выводовъ; протекціонисты и не оспариваютъ, и даже не касаются ихъ, а говорятъ другое: „правда, съ протекціонизмомъ жить дороже, платить приходится за чужеземные товары больше; но подождите, дайте срокъ, дешево будетъ, да и сами беритесь за выгодное и удешевляйте, а затѣмъ, развивъ промышленность въ должной степени, мы черезъ протекціонизмъ дойдемъ до возможности примѣненія началъ свободной торговли". По словамъ г. Менделѣева, нельзя разсуждать такъ: свое, если ему покрови-

[1]) И. И. Янжулъ, Основныя начала финансовой науки. Спб., 1890, стр. 422—430.

тельствовать, будетъ дорого и плохо, слѣдовательно—это худо, а потому не надо его, возьмемъ, что надо, чужое, -оно дешевле. Нужно помнить, что „дорогое—да свое, начатое съ корня, можетъ стать дешевымъ, а чужое—хоть изъ-за паденія курса—можетъ изъ дешеваго стать дорогимъ, а неначатое — не началось и родиться въ готовомъ видѣ не можетъ". Пренебрегая насажденіемъ нужныхъ по времени фабрикъ и заводовъ, можно достигнуть того, что за привозные продукты „придется отдавать весь хлѣбъ и всю торговлю, да еще должать и должать, а народу отставать и отставать" (стр. 84). „Сонмъ литературы — отъ беллетристовъ до экономистовъ—и тотъ не понималъ, что значитъ, на какой застой обрекается страна, требующая товары новаго времени, а ихъ не производящая,—куда придетъ народъ, отпускающій хлѣбъ, вырубающій лѣсъ и взамѣнъ того заводящій цвѣты просвѣщенія" (стр. 85 и др.). Высокія протекціонныя пошлины возбуждаютъ „внутреннюю конкурренцію, понижающую цѣны, возвышающую качество товаровъ и усиливающую добычу ихъ даже до возможности вывозить избытки перепроизводства въ иныя страны" (стр. 49). Вообще, „протекціонизмъ, отвѣчающій естественнымъ условіямъ страны, вызываетъ ея промышленность, ея обогащеніе, ея просвѣщеніе и вообще ея приближеніе къ условіямъ примѣнимости началъ свободной торговли" (стр. 48).

Насколько фантастичны и произвольны эти гипотезы, можно видѣть лучше всего изъ сопоставленія ихъ съ фактами нашей дѣйствительности. Никакая покровительственная система не заставитъ капиталистовъ дѣлать крупныя затраты на устройство полезныхъ производительныхъ предпріятій, если есть возможность наживать барыши болѣе легкими и вѣрными способами. Нигдѣ торговый капиталъ не приноситъ такого высокаго процента, какъ у насъ; нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ разнообразныхъ и соблазнительныхъ средствъ наживы для денежныхъ людей, какъ въ нашей „великой и обильной" странѣ; нигдѣ нѣтъ такого простора для всяческихъ хищеній и обирательствъ, для безпощадной порчи и истребленія природныхъ богатствъ, для эксплуатаціи народной нужды, невѣжества и безпомощности рабочаго люда. Зачѣмъ станутъ наши капиталисты заводить „нужные по времени" фабрики и заводы, въ ожиданіи будущихъ выгодъ,—если они могутъ тотчасъ пустить деньги въ оборотъ и нажить рубль на рубль безъ особеннаго труда, безъ риска и хлопотъ, посредствомъ скупки продаваемыхъ имѣній съ публичнаго торга, вырубки въ нихъ лѣсовъ, закабаленія обездоленнаго крестьянства, пріобрѣтенія обширныхъ запасовъ хлѣба въ виду неурожая, содержанія кабаковъ,

и т. п. Недостатокъ полезной предпріимчивости не восполнится высокими покровительственными пошлинами, ибо онъ коренится въ избыткѣ и просторѣ болѣе быстрыхъ и доступныхъ путей къ обогащенію, чѣмъ фабрично-заводское дѣло. Свобода и легкость хищнической предпріимчивости, при чрезвычайной ея выгодности, совершенно парализуютъ ту возбудительную силу, которая приписывается у насъ протекціонизму. Это важное обстоятельство забывается нашими проповѣдниками покровительственной политики; они думаютъ, что послѣдняя можетъ дѣйствовать у насъ такъ же, какъ въ культурныхъ странахъ запада,—какъ будто наши Разуваевы и Деруновы имѣютъ что-либо общее съ западно-европейскими капиталистами и предпринимателями. Протекціонизмъ проявляетъ у насъ только свои вредныя стороны и ведетъ къ печальнымъ, разорительнымъ послѣдствіямъ, не давая ничего взамѣнъ; — въ этомъ отношеніи примѣры западныхъ государствъ останутся еще долго непримѣнимыми къ нашимъ условіямъ.

Параллели, которыя любятъ проводить наши протекціонисты между русскою промышленностью и англійскою или французскою, слишкомъ поверхностны и даже наивны, чтобы давать матеріалъ для какихъ-нибудь заключеній. Г. Менделѣевъ, напримѣръ, выражаетъ мысль вполнѣ вѣрную въ теоріи—о тѣсной связи между промышленностью и наукою. „Единственныхъ, прочныхъ союзниковъ истиннаго, живого, а не мертваго — т.-е. классическаго и только резонерствующаго—просвѣщенія, то-есть готоваго на трудъ борьбы съ природою и ея косностью,—должно искать въ средѣ промышленниковъ, потому что они, ведя такую борьбу и пользуясь наукою, какъ концентрированнымъ консервомъ опыта и всякихъ свѣденій, непремѣнно внушатъ и дѣтямъ, и всѣмъ окружающимъ любовное отношеніе къ изученію природы живой и мертвой, людской и божеской. Они одни будутъ за просвѣщеніе не для вида, не для красныхъ словъ, не для простого усиленія самообожанія, а для живого дѣла, для достиженія настоящей правды и возможной пользы“ (стр. 51). Достаточно простой фактической справки, чтобы показать несостоятельность этой идеи въ примѣненіи къ русской промышленности: по оффиціально-собраннымъ въ 1887 году даннымъ, изъ общаго числа 21.810 лицъ, завѣдывавшихъ въ Россіи фабрично-заводскимъ производствомъ, менѣе 7 процентовъ получило техническое образованіе, да и въ этомъ ничтожномъ числѣ болѣе трети приходилось на долю иностранцевъ; остальные затѣмъ 93,2 процента не имѣли за собою не только технической, но даже элементарной научной подго-

товки [1]). Таковы „единственные прочные союзники истиннаго, живого знанія", по опредѣленію г. Менделѣева! Трудно даже винить большинство нашихъ предпринимателей за ихъ невѣжество и пренебреженіе къ научному знанію; „не для чего имъ гоняться за знаніями, когда и безъ всякихъ знаній имѣется возможность получать такую громадную прибыль на затраченный капиталъ, о которой ни въ какой другой странѣ самый всевѣдущій человѣкъ и помышлять не смѣетъ". Наши крупныя фабричныя производства, наиболѣе покровительствуемыя таможеннымъ тарифомъ, доставляютъ владѣльцамъ до 30, 40 и даже 50% чистой прибыли на капиталъ; а такъ какъ самое усовершенствованное сельское хозяйство не можетъ дать и третьей доли этого дохода, то нѣтъ у насъ разсчета затрачивать капиталы на интензивную земледѣльческую культуру, и сельско-хозяйственная промышленность по необходимости остается въ загонѣ, должна перебиваться на трехполье и довольствоваться сырьемъ, во славу немногихъ искусственно-насажденныхъ производствъ, которыя пользуются спеціальною заботливостью протекціонистовъ и для которыхъ естественно-благопріятныя условія еще въ Россіи не наступили [2]). Знаніе и уваженіе къ знанію не насаждаются никакими тарифами, а невѣжество и рутина никогда не дойдутъ „черезъ протекціонизмъ" до возможности соперничества съ иностранною техникою и вѣчно будутъ прикрываться таможеннымъ „огражденіемъ" отъ всякой необходимости совершенствованій и улучшеній. Догонять Европу можно, но „только мѣрами иного порядка, а отнюдь не запретительнымъ тарифомъ, который на каждомъ шагу ставитъ преграды самой догонкѣ: мыслимо ли русскому земледѣльцу догнать кого бы то ни было, когда искусственная дороговизна самыхъ орудій догонки вынуждаетъ его, все еще въ большинствѣ, пахать землю допотопной сохою, боронить суковатымъ деревомъ, собирать зерно руками, очищать вѣтрами, перемалывать если не въ домашней ступѣ или кадушкѣ, то на вѣтрякѣ, въ которомъ нѣтъ ни одного желѣзнаго гвоздя, а наконецъ, даже тщательно объѣзжать шоссированную дорогу, по которой на некованой лошади и въ розвальняхъ безъ подрѣзовъ нельзя ему и ѣздить зимою, не рискуя и собою, и лошаденкою и пр. и пр. и пр." (тамъ же, стр. 175). Для нашихъ промышленныхъ дѣятелей нѣтъ даже никакой надобности догонять Европу: техническія усовершен-

[1]) См. въ упомянутой выше книгѣ Имп. В. Э. Общества, стр. 149 и слѣд. (цитата изъ сочиненія г. Морева о „хозяйственной статистикѣ Россіи").

[2]) Тамъ же, стр. 150—2.

ствованія слишкомъ дорого стоютъ, предполагаютъ обиліе искусныхъ работниковъ и мастеровъ, какихъ у насъ слишкомъ мало, а высокіе дивиденды и барыши и безъ того гарантированы высокимъ таможеннымъ тарифомъ, устраняющимъ заграничную конкурренцію. Г. Менделѣевъ утѣшаетъ насъ тѣмъ, что умѣлость у насъ найдется; умѣлость, наконецъ, можно „*пригласить, призвать, выписать, нанять*“ (стр. 82). И съ этою наемною, выписною, заграничною „умѣлостью“ намъ предлагаютъ соперничать съ иностранною фабрично-заводскою производительностью, въ такихъ ея отрасляхъ, для которыхъ у насъ нѣтъ еще народнохозяйственной почвы!

Нѣкоторыя утвержденія г. Менделѣева до того парадоксальны, что похожи скорѣе на шутку, чѣмъ на серьезную мысль. Такъ, напр., онъ считаетъ громадною, пагубною ошибкою допущеніе ввоза заграничнаго чугуна и желѣза, съ незначительною пошлиною, по тарифу 1868 года, въ періодъ постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Онъ опредѣляетъ общую стоимость этого ввоза за 12 лѣтъ, съ 1869 по 1880 годъ, въ 1.100 милл. рублей. За тѣ же 12 лѣтъ заключено государственныхъ займовъ на 1.600 мил. руб. „*Очевидно*, — заключаетъ ученый авторъ совершенно неожиданно,—что большая часть займовъ, въ концѣ концовъ, и пошла въ уплату за иностранный металлическій товаръ, а въ томъ числѣ и за иностранное золото (?), которымъ надо было платить за иностранное желѣзо, потому что на это занятое золото, а слѣдовательно и на это ввезенное на его мѣсто желѣзо—надо было платить проценты, золотомъ же“ (стр. 86). Такимъ образомъ, каждый годъ, ввозъ среднимъ числомъ составлялъ около 30 милл. пудовъ и стоилъ около 100 милл. рублей. „И понынѣ Россія платитъ проценты съ этого милліарда рублей, взятыхъ за границей, а средняя плата, каждый годъ повторяемая, равняется, на эти займы, по крайней мѣрѣ, 50 милл. руб. Если бы ежегодно въ дѣло развитія русской каменноугольной и желѣзной промышленности клали тогда не по 50 милл. р. кред., а только хоть по 5 милліоновъ—все бы давнымъ давно свое было. *И пусть бы пропали эти деньги даромъ, безвозвратно, все бы много лучше было*, да и дешевле для страны, потому что по 5 милл. рублей въ годъ въ 12 лѣтъ ушло бы только 60 милліоновъ, а на проценты по займамъ ушло по крайней мѣрѣ 500 милліоновъ рублей. Слѣдовательно, *было бы лучше своимъ заводчикамъ-начинателямъ бросить ежегодно по 5 милл. рублей*, чѣмъ покупать иностранное желѣзо, потому, во-первыхъ, что не платили бы про-

центовъ съ золотыхъ за границею капиталовъ, и курсъ не падалъ бы", и т. д. (стр. 83).

Что же это такое? Неужели почтенный авторъ серьезно упустилъ изъ виду, что капиталъ въ 1.100 мил. рублей вовсе не ушелъ къ иностранцамъ, а превратился въ желѣзныя и чугунныя издѣлія, рельсы и прочіе матеріалы, необходимые для желѣзныхъ дорогъ, для всякихъ мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, а слѣдовательно получилъ лишь производительное назначеніе, окупился давно съ процентами въ видѣ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ предпріятій? Развѣ покупать нужные матеріалы для созданія желѣзнодорожныхъ путей, фабричныхъ и заводскихъ принадлежностей, машинъ и орудій,—это все равно что бросать милліоны безвозвратно въ карманы отдѣльныхъ лицъ, въ поощреніе ихъ полезнымъ начинаніямъ? Мыслимо ли сопоставлять рядомъ и взвѣшивать сравнительную выгодность такихъ употребленій капитала, какъ раздача милліоновъ своимъ отечественнымъ заводчикамъ, чтобы „деньги пропали даромъ", или пріобрѣтеніе реальныхъ и производительныхъ цѣнностей, съ избыткомъ окупающихъ свою стоимость и приносящихъ прибыль не только многимъ отдѣльнымъ лицамъ, но и всему народному хозяйству? Конечно, мы могли не дѣлать затратъ на скорѣйшее устройство желѣзныхъ дорогъ, разныхъ фабрикъ и заводовъ, при недостаткѣ нужныхъ для этого матеріаловъ внутри страны; но, сдѣлавъ эти затраты, мы получили эквивалентъ, дающій намъ доходъ, увеличивающій общую сумму нашихъ богатствъ и оборотовъ, покрывающій сполна уплату процентовъ и погашенія за занятые у иностранцевъ капиталы, и слѣдовательно смѣшно говорить о томъ, что деньги ушли за границу, что „было бы много лучше, да и дешевле для страны" раздавать милліоны своимъ хорошимъ людямъ, которые будто бы оживили бы нашу промышленность, поддержали бы курсъ и водворили бы въ Россіи тотъ „промышленный порядокъ, какого теперь намъ, прожившимъ то время, уже не дождаться" (тамъ же).

Подобной фантасмагоріи мы давно уже не встрѣчали въ нашей литературѣ. Что деньги, уплаченныя иностранцамъ за чугунъ и желѣзо, составляютъ будто бы цифру нашихъ государственныхъ займовъ, заключенныхъ въ соотвѣтственный періодъ времени,—это опровергается уже a priori тѣмъ соображеніемъ, что нужные матеріалы для частныхъ предпріятій покупались не государствомъ, а частными лицами и компаніями, и производившіяся уплаты не имѣли никакого отношенія къ цифрѣ сдѣланныхъ за это время

государственныхъ долговъ. За тѣ двѣнадцать лѣтъ, о которыхъ говоритъ г. Менделѣевъ, дѣйствительно заключено займовъ на сумму свыше 1.100 милл. р., и не трудно провѣрить, въ самомъ ли дѣлѣ эти деньги ушли на уплату за чугунъ и желѣзо. Займы были слѣдующіе: въ 1869 году выпускъ пятипроцентныхъ банковыхъ билетовъ на 15 милл. р. для изъятія изъ обращенія части кредитныхъ билетовъ; въ 1876 году—новый выпускъ банковыхъ билетовъ на чрезвычайные расходы, въ суммѣ 100 милл. руб.; въ 1877 году—первый восточный заемъ на *военныя* надобности, на 200 милл. р.; въ томъ же году—внѣшній заемъ для усиленія средствъ государственнаго казначейства, на 15 милл. фунтовъ стерлинговъ (около 120 милл. р.); въ 1878 году—второй восточный заемъ на *военныя* надобности, на 300 милл. р.; въ 1879 году—третій восточный заемъ на покрытіе *военныхъ* расходовъ, на 300 милл. р., а всего за указанные годы—около 1.085 милл. р. „Съ 1876 по 1880 годъ, на покрытіе чрезвычайныхъ *военныхъ* расходовъ было занято 900 милл. р. и 15 милл. фунтовъ ст. Всего вообще, за означенное время, чрезвычайные расходы, вызванные политическими событіями, восточною войною, экспедиціею въ закаспійскомъ краѣ и мѣрами предосторожности въ переговорахъ съ Китаемъ, — составили около 1.075.396.653 р. На возмѣщеніе этихъ расходовъ въ распоряженіе правительства поступило 904.390.387 р.“. Сверхъ того, позаимствованія изъ государственнаго банка—до 419.595.509 р., къ 1-му января 1881 года“ [1]). А проф. Менделѣевъ полагаетъ, что всѣ эти долги и упадокъ курса вызваны пріобрѣтеніемъ у иностранцевъ желѣза и чугуна, и что вся бѣда—въ безпошлинномъ привозѣ этихъ матеріаловъ изъ-за границы, по тарифу 1868 года“...

Дальше, кажется, некуда идти въ области промышленнаго фантазированія. Послѣ такого блестящаго образчика самобытной экономической логики мы можемъ уже оставить въ сторонѣ тѣ очевидныя противорѣчія и несообразности, которыми наполнены соображенія и выводы автора относительно отдѣльныхъ отраслей производства—о каменномъ углѣ, сахарѣ, чаѣ и спиртныхъ напиткахъ“ и т. п.

---

[1]) Н. Бржескій, Государственные долги [Россіи. Спб., 1884, стр. 253—257, и таблицы на стр. 280—281.

Если такими свойствами отличается защита протекціонизма въ разсужденіяхъ выдающагося, повидимому, естествоиспытателя, обладающаго недюжиннымъ умомъ, то что же представляетъ весь нашъ промышленный протекціонизмъ, въ лицѣ его болѣе мелкихъ представителей и проповѣдниковъ!? Нѣкоторые уже теперь имѣютъ смѣлость заявлять, что нынѣшній народный голодъ долженъ доставить еще болѣе „рѣшительную побѣду“ принципамъ покровительственной системы, увеличивающей барыши крупныхъ промышленниковъ на счетъ всей массы населенія. Но сами говорящіе это не могутъ больше вѣрить тому, что они же говорятъ. Нынѣшній голодъ ярко освѣтилъ бѣдственное положеніе громаднаго большинства народа, запущеннаго и разореннаго податными и всякими иными неустройствами, многими годами ложнаго „націонализма“ и „протекціонизма“. Не можемъ не привести здѣсь краснорѣчивую характеристику этого печальнаго положенія, сдѣланную видным административнымъ дѣятелемъ, начальникомъ одной изъ пострадавшихъ губерній: „Говорятъ о кризисѣ;—никакого кризиса у насъ нѣтъ. Кризисъ вѣчный въ насъ самихъ, въ ужасной постановкѣ народнаго труда. Посмотрите: для чего мы работаемъ? Чтобы въ урожайный годъ сбыть хлѣбъ задаромъ и заплатить подати, а въ неурожай—покупать въ три-дорога и ставить то же государство въ критическое положеніе. Въ маѣ 1889 года намъ грозила засуха. Рожь стояла 23 коп. за пудъ“. Еслибы тогда же на наличный продовольственный капиталъ закуплены были запасы хлѣба, продовольствіе обошлось бы намъ въ восемь разъ дешевле. „Вотъ образецъ нашего хозяйства! А въ государствѣ нѣтъ вдобавокъ никакого органа, у котораго бы интересы земледѣлія лежали на сердцѣ“. „Мужикъ ходитъ пѣшкомъ вдоль линіи желѣзной дороги, не имѣя возможности ѣхать. А между тѣмъ этотъ самый мужикъ платитъ ежегодно въ счетъ земскаго сбора гарантіи этой дороги, въ которую (гарантію) когда-то земство себя закабалило. Задача какъ нельзя болѣе ясная: возстановите эту высшую справедливость, пусть русскій народъ вздохнетъ какъ слѣдуетъ, и въ пять лѣтъ вы его не узнаете. Помните, что это сильный, умный, полный жизни народъ. Обратите вниманіе на его воспитаніе,—вѣдь мы настоящіе спартанцы. Изъ скольких родившихся *выростаетъ мужикъ?*“ [1]).

[1]) „Новое Время“, 1891, отъ 15-го октября, слова ген. А. И. Косича въ корреспонденціи г. Шарапова.

Протекціонизмъ долженъ получить наконецъ свое истинное государственно-народное значеніе; предметомъ покровительства долженъ сдѣлаться самъ народъ съ его жизненными интересами и нуждами, экономическими и нравственными. Заботы о промышленникахъ, заводчикахъ и фабрикантахъ должны наконецъ уступить мѣсто болѣе настоятельнымъ и важнымъ народно-хозяйственнымъ задачамъ, выдвинутымъ на первый планъ нашею тяжелою дѣйствительностью,—и никакія усилія самыхъ геніальныхъ „химиковъ“ не должны задерживать этого необходимаго, спасительнаго поворота.

Л. Слонимскій.

* * *

И въ жизни будничной и сѣрой,
И средь наскучившихъ заботъ,
Порою на душу пахнётъ
Вдругъ освѣжающею вѣрой.

Какой бы геній ни принесъ—
Ее прими, благословляя:
Заключена въ ней мощь святая
И благодать цѣлебныхъ слезъ.

Такъ въ лѣтній день, въ день знойной муки,—
Прохлады нѣжащей полна,
Вдругъ вѣтра налетитъ волна
И опахнётъ лицо и руки...

К. Медвѣдскій.

УПРОЩЕННЫЙ ПОРЯДОКЪ
СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Законъ 3-го іюня 1891 года *).

Съ 1-го октября настоящаго года вступилъ въ дѣйствіе законъ 3-го іюня объ „упрощенномъ порядкѣ судопроизводства“ по векселямъ, долговымъ обязательствамъ и наемнымъ договорамъ. Установить особый, болѣе простой порядокъ судопроизводства для взысканій по актамъ подобнаго рода—мысль сама по себѣ, конечно, прекрасная и для насъ, какъ извѣстно, не новая. Дѣйствовавшіе до судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (2-я часть X тома) отличали производство по дѣламъ безспорнымъ,—къ числу которыхъ относились и взысканія по договорамъ и обязательствамъ законно-совершоннымъ,—отъ производства по дѣламъ спорнымъ. Съ введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, различіе въ судопроизводствѣ по дѣламъ спорнымъ и безспорнымъ стушевалось. Уставами введенъ одинъ общій, такъ-называемый сокращенный порядокъ для всѣхъ взысканій по договорамъ и обязательствамъ, и только для нѣкоторыхъ изъ нихъ, именно для

*) Въ октябрьскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи нашъ журналъ коснулся закона 3-го іюня 1891 г. наканунѣ самаго его вступленія въ силу, причемъ были указаны тѣ выгоды, какихъ можно ожидать отъ новаго закона, что̀ не отрицало возможности недостатковъ или пробѣловъ въ немъ: „нужно только, чтобы за обнаруженіемъ ихъ возможно скорѣе слѣдовало исправленіе“. Въ настоящей статьѣ авторъ ея, близко знакомый съ практикою судебнаго дѣла, обращаетъ вниманіе на другую сторону вопроса, а именно на тѣ невыгоды, которыхъ можно опасаться въ ближайшемъ будущемъ отъ того же самаго закона 3-го іюня текущаго года.—*Ред.*

взысканій по договорамъ и обязательствамъ, совершоннымъ или засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, сдѣлано нѣкоторое исключеніе, въ смыслѣ скорѣйшаго ихъ разрѣшенія, а именно: тяжущіеся по такимъ дѣламъ могли бы быть вызываемы на явку въ судъ *къ первому присутственному дню*. Судебные уставы стремились къ одной цѣли—установить для всѣхъ дѣлъ безъ изъятія судъ по возможности скорый, но къ сожалѣнію, какъ это доказалъ опытъ, они этой цѣли вполнѣ достигнуть не успѣли, и вотъ—въ видахъ *необходимости ускорить и облегчить порядокъ взысканія* для нѣкоторыхъ дѣлъ —устанавливается особый порядокъ *упрощеннаго производства*. Посмотримъ же теперь, въ чемъ именно заключается это *упрощеніе* судопроизводства. При этомъ мы считаемъ необходимымъ оговориться, что мы вовсе не предполагаемъ входить во всестороннее теоретическое изслѣдованіе закона 3-го іюня, а имѣемъ въ виду разсмотрѣть установленныя этимъ закономъ правила только со стороны практической, съ цѣлью опредѣлить, дѣйствительно ли этотъ новый порядокъ таковъ, что отъ него можно ожидать облегченія въ производствѣ какъ для тяжущихся, такъ и для судовъ, обремененныхъ въ настоящее время разрѣшеніемъ дѣлъ по безспорнымъ документамъ, конечно, не въ качественномъ, а въ количественномъ отношеніи.

Статья 365/24 новыхъ правилъ говоритъ: „Къ случаямъ, для которыхъ въ упрощенномъ порядкѣ не установлено особыхъ изъятій, примѣняются общія правила". Слѣдовательно упрощенный порядокъ судопроизводства отличается отъ обыкновеннаго только этими изъятіями, этими особыми новыми правилами, замѣнившими старыя, а потому для бо̀льшаго удобства разсмотримъ эти новыя правила по сравненію со старыми, такъ сказать, параллельно.

Первое правило, а именно статья 365/3 говоритъ такъ: „искъ можетъ быть предъявленъ только по мѣсту постояннаго жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика. Переводъ дѣла въ другой судъ (ст. 207) не допускается". Сравнивая этотъ законъ съ общими правилами подсудности, мы находимъ, что и въ уставѣ гражданскаго судопроизводства точно также во главѣ всѣхъ правилъ о подсудности стоитъ такое же правило, изображенное въ 203 ст., гласящее, что „иски предъявляются суду, въ округѣ коего отвѣтчикъ имѣетъ постоянное мѣстожительство", но затѣмъ закономъ установленъ цѣлый рядъ исключеній изъ этого правила; такъ, между прочимъ, статьею 214 устанавливается, что иски, основанные на закладныхъ на недвижимое имущество, предъявляются тому суду, въ вѣдомствѣ коего находится заложенное имущество. Спрашивается теперь: слѣдуетъ ли считать, что для исковъ, предъявляемыхъ въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства, всѣ общія правила подсудности совершенно отмѣ-

нены и замѣнены однимъ, изложеннымъ въ 365/3 ст., или же наоборотъ,—правило это ни въ чемъ не измѣняетъ общихъ правилъ подсудности, а служитъ лишь дополненіемъ къ нимъ, опредѣляя болѣе точно, какія именно дѣла могутъ подлежать разсмотрѣнію въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства. Другими словами, слѣдуетъ ли признать, относительно исковъ по закладнымъ на недвижимое имущество, что эти иски могутъ быть предъявляемы по мѣстожительству отвѣтчика независимо отъ того, гдѣ находится заложенное имущество, или же что такой искъ можетъ быть предъявленъ въ упрощенномъ порядкѣ только въ томъ случаѣ, когда заложенное имѣніе находится въ округѣ этого суда, да притомъ еще и отвѣтчикъ имѣетъ тамъ постоянное или временное мѣстожительство. Вопросъ, который возбуждается этою статьею, конечно, спорный, и какъ разрѣшитъ его судебная практика—покажетъ намъ будущее. Мы не будемъ входить въ подробное теоретическое изслѣдованіе его, такъ какъ это вывело бы насъ за указанные нами предѣлы, но тѣмъ не менѣе не можемъ обойти его совершенно молчаніемъ и считаемъ необходимымъ сказать, что, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ скорѣе согласиться со вторымъ положеніемъ. Мы думаемъ, что законодатель и не предполагалъ вовсе измѣнять общихъ основныхъ началъ законовъ о подсудности даже дѣлъ, производящихся въ упрощенномъ порядкѣ, такъ какъ еслибы дѣйствительно мысль законодателя была такова, то она и была бы точно и прямо выражена, какъ высказана она опредѣленно и положительно въ той же самой статьѣ относительно того, что переводъ дѣлъ въ другой судъ не допускается. Намъ могутъ указать на то, что эта мысль и высказана категорически въ самой статьѣ, такъ какъ въ ней точно опредѣлено, что иски могутъ быть предъявляемы *только* по мѣсту постояннаго жительства или временнаго пребыванія отвѣтчика, но съ такимъ взглядомъ едва ли можно согласиться, и мы полагаемъ, что слово *только* употреблено совсѣмъ въ иномъ значеніи. Цѣль установленія правилъ упрощеннаго судопроизводства заключается въ доставленіи по возможности скораго суда по извѣстнаго рода дѣламъ. Въ виду этого законодатель не нашелъ возможнымъ признать подлежащими производству въ этомъ порядкѣ взысканія даже и по безспорнымъ актамъ, въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ живетъ за границею или мѣстожительство его неизвѣстно, такъ какъ, по мнѣнію составителей этого закона, *примѣненіе новаго порядка судопроизводства дѣлается неудобнымъ и даже безцѣльнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не можетъ быть въ скоромъ времени извѣщенъ о вызовѣ его къ суду.* То же самое можно сказать и относительно взысканій по закладнымъ въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ проживаетъ не въ мѣстѣ нахожденія заложеннаго

имущества; и здѣсь точно также вызовъ отвѣтчика къ суду можетъ замедлиться, а слѣдовательно и примѣненіе новыхъ правилъ являлось бы безцѣльнымъ, тогда какъ, наоборотъ, правила эти становятся вполнѣ примѣнимыми и для взысканій по закладнымъ въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ имѣетъ жительство тамъ же, гдѣ находится и заложенное имущество. Въ виду этого мы полагаемъ, что слово „только", относительно взысканій по закладнымъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что взысканія эти могутъ быть производимы въ упрощенномъ порядкѣ только въ томъ случаѣ, когда мѣстонахожденіе заложеннаго имущества совпадаетъ съ мѣстомъ жительства отвѣтчика. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ на время иное толкованіе, т.-е. что взысканіе по закладнымъ можетъ быть предъявлено по мѣсту жительства отвѣтчика, независимо отъ мѣста нахожденія недвижимаго имущества; въ такомъ случаѣ, если истецъ останется недоволенъ рѣшеніемъ, постановленнымъ членомъ суда и на основаніи 365/10 будетъ просить объ обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ, то окажется, что окружному суду придется разсматривать такое дѣло, которое на основаніи общихъ законовъ о подсудности ему неподсудно. Между тѣмъ такого измѣненія порядка подсудности по отношенію къ окружнымъ судамъ закономъ 3-го іюня 1891 года нигдѣ не установлено, и мы думаемъ, что еслибы законодатель дѣйствительно имѣлъ въ виду подсудность исковъ по закладнымъ, относительно мѣста предъявленія ихъ въ томъ или другомъ судѣ, поставить въ зависимость отъ воли взыскателя, то въ такомъ случаѣ измѣнилъ бы основную статью, опредѣляющую эту подсудность (214), сказавъ, что иски по закладнымъ на недвижимое имущество предъявляются или по мѣсту нахожденія заложеннаго имущества, или по мѣсту жительства отвѣтчика; а до тѣхъ поръ, пока это закономъ положительно не установлено, мы полагаемъ, что суды не имѣютъ права давать правиламъ, опредѣляющимъ подсудность, распространительнаго толкованія.

Такимъ образомъ, если согласиться съ высказаннымъ нами взглядомъ, то окажется, что законъ 3-го іюня относительно подсудности вводитъ лишь одно новое правило, а именно: переводъ дѣлъ въ другой судъ не допускается. Такъ какъ въ самомъ текстѣ этой статьи сдѣлана ссылка на 207 ст. устава гражд. судопр., то очевидно, что законодатель имѣлъ въ виду именно тотъ переводъ дѣла, который предусмотрѣнъ этою статьею, т.-е. когда искъ предъявленъ по мѣсту временнаго пребыванія отвѣтчика. Опредѣленіе того, что̀ должно разумѣть подъ временнымъ пребываніемъ—въ новыхъ правилахъ нѣтъ, а потому слѣдуетъ заключить, что опредѣленіе это осталось прежнее, т.-е. то, которое изложено въ 206 ст. устава гражд. судопр., и такъ

какъ въ этой статьѣ указано на различіе между временнымъ пребываніемъ и кратковременною остановкою по случаю проѣзда, то мы полагаемъ, что надо признать, что различіе это осталось въ силѣ и для дѣлъ, производящихся въ упрощенномъ порядкѣ, т.-е что и по новымъ правиламъ точно также допускается предъявленіе исковъ къ отвѣтчику или по мѣсту постояннаго жительства, или же по мѣсту хотя временнаго, но болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія, а не кратковременной остановки по случаю проѣзда.

Правило, воспрещающее переводъ дѣла въ другой судъ, несомнѣнно представляетъ существенныя удобства для взыскателей. Составители новыхъ правилъ стремились къ устраненію всевозможныхъ проволочекъ въ ходѣ процесса; въ виду этого они поступили вполнѣ послѣдовательно, установивъ такой воспретъ, такъ какъ, конечно, отвѣтчики злоупотребляютъ предоставленнымъ имъ правомъ перевода и нерѣдко прибѣгаютъ къ нему съ цѣлью затянуть дѣло. Но, во-первыхъ, удовлетвореніе такого требованія о переводѣ дѣла для суда необязательно, и отъ суда зависитъ—удовлетворить его или нѣтъ, одно же только заявленіе требованія не можетъ замедлить ходъ процесса; а во-вторыхъ, нельзя имѣть въ виду только однихъ недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ—и истецъ точно также можетъ быть лицо недобросовѣстное,—и вотъ ихъ-то тоже имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ, допуская, какъ исключеніе, переводъ по просьбѣ отвѣтчика дѣла въ тотъ судъ, въ округѣ котораго отвѣтчикъ имѣетъ постоянное жительство. Установленіе такого правила, какъ исключенія, по мнѣнію составителя судебныхъ уставовъ, *вызывалось практическою необходимостью*, такъ какъ правило это *ограничиваетъ произволъ такого истца, который имѣетъ въ виду воспользоваться случаемъ для того, чтобы лишить отвѣтчика возможности явиться къ суду со всѣми доказательствами, необходимыми для его оправданія* [1]). Съ такими соображеніями, какъ намъ кажется, нельзя не согласиться; во всякомъ случаѣ они представляются настолько практически вѣрными, что съ ними нельзя не считаться и нельзя оставить ихъ совершенно безъ вниманія. Дѣйствительно нельзя требовать отъ отвѣтчика, чтобы онъ всегда имѣлъ при себѣ всѣ документы, могущіе опровергнуть предъявленный къ нему искъ. Захваченный недобросовѣстнымъ истцомъ въ мѣстѣ временнаго, нерѣдко весьма недолгосрочнаго пребыванія, какъ напр. лицо, служащее во время отпуска внѣ мѣста его служенія, отвѣтчикъ можетъ быть поставленъ въ безвыходное положеніе. Просить объ отсрочкѣ засѣданія для представленія документовъ, опровергающихъ искъ и находящихся въ мѣстѣ постояннаго

[1]) См. „Объясн. Записку“ 1868 г., ч. I, ст. 345.

жительства, отвѣтчикъ не можетъ, такъ какъ долженъ представить всѣ доказательства ко дню засѣданія; не можетъ просить и о переводѣ дѣла въ мѣсто постояннаго своего жительства, хотя бы онъ и могъ доказать, что пребываніе его въ мѣстѣ нахожденія суда весьма непродолжительно. А потому, въ виду возможности подобныхъ случаевъ, мы полагаемъ, что было бы болѣе осторожно и согласно со строгою справедливостью не отмѣнять такого исключенія о переводѣ дѣла даже для исковъ, предъявляемыхъ къ производству въ упрощенномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что истцы въ этомъ отношеніи самимъ закономъ достаточно ограждены отъ замедленія дѣла вслѣдствіе неосновательныхъ требованій отвѣтчика, такъ какъ удовлетвореніе такихъ ходатайствъ для суда необязательно. Если же, несмотря на такую гарантію, для истцовъ установленную закономъ, такой переводъ дѣлъ на практикѣ имѣетъ частые случаи примѣненія, и отвѣтчики, злоупотребляя своимъ правомъ, имѣютъ возможность замедлять ходъ процесса,—то въ этомъ надо винить не законъ, а суды, допускающіе удовлетвореніе даже недобросовѣстныхъ ходатайствъ отвѣтчиковъ о переводѣ дѣлъ.

Статья 365/7 гласитъ: „Членъ окружного суда, признавъ дѣло подлежащимъ производству въ упрощенномъ порядкѣ (ст. 365/1, 365/11), вызываетъ отвѣтчика къ разбору дѣла на самый короткій срокъ, съ такимъ однако разсчетомъ времени, чтобы между врученіемъ повѣстки и днемъ разбора прошло *не менѣе сутокъ* сверхъ поверстнаго срока Въ случаяхъ, когда отвѣтчикъ находится на мѣстѣ, гдѣ предъявленъ искъ, и есть опасеніе, что онъ скроется или скроетъ свое имущество, срокъ для явки можетъ быть назначенъ ему къ опредѣленному часу для врученія повѣстки". Статья эта представляетъ нѣкоторое видоизмѣненіе ст. 352 уст. гражд. суд., дѣйствіе которой не отмѣняется и закономъ 3-го іюня 1891 г., ибо хотя эта статья и отмѣнена, но содержаніе ея вошло въ новую редакцію ст. 351. Главное различіе вышеприведенной статьи съ ст. 352 заключается въ томъ, что прежній порядокъ относился только до взысканій по договорамъ и обязательствамъ, совершеннымъ и засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ, а нынѣшній порядокъ упрощеннаго судопроизводства относится до дѣлъ, предусмотрѣнныхъ въ первой статьѣ этихъ правилъ (ст. 365/1 закона 3-го іюня 1891). По этимъ правиламъ членъ суда можетъ потребовать явки отвѣтчика на другой день по полученіи имъ повѣстки, а въ крайнемъ случаѣ даже въ тотъ самый день, какъ сказано въ этой статьѣ, къ опредѣленному часу, но, конечно, къ тому дню и часу, которые будутъ опредѣлены наказомъ для засѣданій члена суда по этимъ дѣламъ. Точно также и по правиламъ, изложеннымъ въ 352 ст. (по новой редакціи ст.

351) предсѣдатель суда можетъ вызвать отвѣтчика къ первому присутственному дню, а этотъ день можетъ быть точно также и днемъ врученія отвѣтчику повѣстки, такъ что новыми правилами, собственно говоря, срокъ разбирательства дѣла нисколько не ускоряется, и если, несмотря на существованіе такого правила, предсѣдатели судовъ не пользуются имъ, то это вовсе не потому, чтобы этотъ законъ представлялъ какія-либо неудобства, или чтобы предсѣдатели не хотѣли дѣлать этого, а потому, что суды, при крайне ограниченномъ составѣ ихъ, непосильно обременены дѣлами, и каждое дѣло, для назначенія его къ слушанію, должно ожидать своей очереди. Между тѣмъ мы очень хорошо помнимъ, и это, конечно, подтвердятъ многіе изъ старыхъ судебныхъ дѣятелей, что подобная быстрота въ разсмотрѣніи дѣлъ являлась въ прежнее время, въ началѣ дѣятельности окружныхъ судовъ, далеко не рѣдкимъ исключеніемъ. И вотъ въ устраненіе этого обремененія судовъ и излишней волокиты для тяжущихся появляются новыя правила: дѣла извѣстнаго рода изъемлются изъ вѣденія коллегіальныхъ судовъ и передаются въ вѣденіе единоличное члена суда. Насколько выиграютъ отъ этого суды, это мы укажемъ впослѣдствіи, что же касается до скорости въ разсмотрѣніи дѣла, то несомнѣнно, что по новымъ правиламъ дѣла могутъ разрѣшаться скорѣе, если только разсматривающіе эти дѣла члены не будутъ обременены ими или другими занятіями по суду.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ измѣненій, которыя установлены для производства дѣлъ въ упрощенномъ порядкѣ съ цѣлью ускоренія этого производства.

Въ статьяхъ 365/4 365/10 и 365/11 установленъ порядокъ подачи прошеній, предъявленія отводовъ и возраженій и вообще всего производства до слушанія дѣла. Въ статьѣ 365/4 между прочимъ говорится, что истецъ при подачѣ искового прошенія долженъ представить „въ подпискѣ обязательство или договоръ, на которомъ основанъ искъ, а также необходимые въ подтвержденіе иска документы". Затѣмъ, ст. 365/10 говоритъ: „Всѣ споры, отводы и возраженія должны быть заявлены отвѣтчикомъ словесно или письменно, не позже засѣданія, назначеннаго для разбора дѣла (ст. 365/7). Не позже того же засѣданія отвѣтчикъ долженъ представить и всѣ документы въ подтвержденіе своихъ объясненій"; а статья 365/11: „Дѣло должно быть разрѣшено въ томъ же засѣданіи, которое назначено для разбирательства. Но если отвѣтчикъ въ опроверженіе иска представитъ документы, то, по требованію истца, разбирательство отлагается, и сторонамъ предоставляется представить новые документы къ сроку, вновь назначенному для разбирательства. Дальнѣйшая отсрочка допускается не иначе, какъ по взаимному согласію сторонъ". Изъ срав-

ненія этихъ статей съ соотвѣтствующими статьями уст. гражд. суд. (353, 356, 357, 573, 575 ст. уст. уг. суд.) нельзя не придти къ заключенію, что въ новыхъ правилахъ, преподанныхъ для руководства при производствѣ дѣлъ въ упрощенномъ порядкѣ, представляется весьма мало существенныхъ измѣненій, которыя могли бы особенно повліять на ускореніе производства дѣла въ судѣ и на устраненіе нынѣ встрѣчаемыхъ замедленій. Какъ прежде, такъ и теперь, требуется одно и то же: чтобы истецъ при исковомъ прошеніи представилъ всѣ документы, на которыхъ основанъ его искъ, а отвѣтчикъ, въ свою очередь, представилъ бы всѣ документы, на которыхъ основано его возраженіе, ко дню, назначенному на явку въ судъ, или, какъ это установилось на практикѣ и какъ это нынѣ узаконено правилами 3-го іюня, ко дню засѣданія (ст. 353 по старой и новой редакціямъ). Точно также и относительныя представленія отводовъ и возраженій, правило, преподанное въ вышеприведенной 365/10 ст., не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, ибо на основаніи 575 ст., и понынѣ существующей, точно также отводы должны быть предъявлены не позже, какъ въ первой отвѣтной бумагѣ, если она была подана, или въ первомъ засѣданіи суда. Затѣмъ, какъ по 357 ст. (какъ по старой, такъ и новой редакціямъ), истецъ имѣетъ право просить объ отсрочкѣ на представленіе документовъ въ такомъ только случаѣ, когда отвѣтчикъ представитъ въ свое оправданіе такія доказательства, которыя истецъ не иначе можетъ опровергнуть, какъ представленіемъ новыхъ документовъ,—такъ и по правиламъ упрощеннаго производства, если отвѣтчикъ, въ опроверженіе иска, представитъ документы, то по требованію истца разбирательство отлагается и сторонамъ предоставляется представить новые документы къ сроку, вновь назначенному для разбирательства. Такъ что по новымъ правиламъ (если это только не недосмотръ въ редакціи этой статьи) въ этомъ случаѣ отвѣтчику предоставляется даже больше льготъ, а слѣдовательно и возможности затянуть дѣло, такъ какъ при обыкновенномъ порядкѣ производства право представить документы предоставляется только истцу, тогда какъ по правиламъ упрощеннаго судопроизводства такое право можетъ быть предоставлено *сторонамъ*, т.-е. какъ истцу, такъ и отвѣтчику, который, слѣдовательно, можетъ представить документы и вторично. Но просить объ отсрочкѣ засѣданія (ст. 356 уст. гр. суд.), для представленія документовъ, въ виду невозможности получить ихъ по причинѣ краткости времени, назначеннаго на явку въ судъ, отвѣтчикъ въ упрощенномъ порядкѣ производства не можетъ. Вотъ въ этомъ-то, главнымъ образомъ, и заключается отличіе порядка упрощеннаго производства отъ обыкновеннаго, такъ какъ то новое правило, что *дальнѣйшая затѣмъ от-*

срочка допускается не иначе, какъ по взаимному согласію сторонъ, правило вполнѣ основательное, введено и въ статьѣ 356-ой по новой редакціи, а слѣдовательно относится и къ дѣламъ, производящимся обыкновеннымъ порядкомъ. Что же касается до того тоже новаго правила, что истецъ долженъ представить документы непремѣнно въ подлинникѣ, то это установлено не въ видахъ ускоренія процесса, а по другимъ соображеніямъ, такъ какъ по отношенію къ отвѣтчику,—который, конечно, только и можетъ желать затянуть дѣло,—этого не установлено.

Болѣе существеннымъ правиломъ, отличающимъ порядокъ упрощеннаго производства отъ обыкновеннаго, является правило, изображенное въ статьѣ 365/18, гласящей: „Предъявленіе встрѣчнаго иска, привлеченіе къ дѣлу и вступленіе въ оное третьяго лица и отсрочки производства судомъ (ст. 368) не допускаются". Воспрещеніе предъявлять встрѣчный искъ, конечно, упрощаетъ производство дѣла по главному иску, и нельзя не признать того, что предъявленіе встрѣчныхъ исковъ, нерѣдко совершенно неосновательныхъ, дѣлается именно съ цѣлью затянуть разрѣшеніе по главному иску; но мы не можемъ не замѣтить, что дѣлать это правило общимъ, безъ исключеній, едва ли необходимо. Устанавливая особый упрощенный порядокъ, производимый съ цѣлью скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ, опредѣливъ извѣстный родъ дѣлъ, который можетъ производиться этимъ порядкомъ, естественно желать, чтобы по этимъ дѣламъ отвѣтчикъ не могъ предъявлять встрѣчнаго иска по такому взысканію, которое можетъ производиться только обыкновеннымъ порядкомъ, дабы тѣмъ не доставить возможности отвѣтчику, единственно по своему желанію, измѣнять порядокъ производства дѣла по главному иску. Но какое же основаніе не допускать отвѣтчика къ предъявленію встрѣчнаго иска по совершенно такому же или однородному документу, какой предъявленъ по главному иску? То же самое слѣдуетъ сказать и относительно воспрещенія привлеченія къ дѣлу третьяго лица. Такое воспрещеніе, какъ общее правило, можетъ иногда весьма невыгодно отозваться не только на интересахъ отвѣтчиковъ, но и самихъ истцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что отвѣтчикъ докажетъ, что отвѣтчикомъ долженъ быть не онъ, а третье лицо, и судья на основаніи этого откажетъ истцу въ искѣ; когда же истецъ предъявитъ самостоятельный искъ къ этому третьему лицу, то можетъ оказаться совершенно противное, и судья вынужденъ будетъ вновь отказать въ искѣ, а этого не могло бы быть, еслибы могло имѣть мѣсто совмѣстное привлеченіе какъ отвѣтчика, такъ и третьяго лица. Такимъ образомъ, хотя эти оба послѣднія правила и могутъ, конечно, имѣть вліяніе на ускореніе хода производства, но нельзя не признать и

того, что такое ускореніе можетъ быть иногда въ ущербъ правосудію.

Наконецъ, самою существенною въ новыхъ правилахъ является ст. 365/12, гласящая, что „стороны вправѣ ссылаться только на письменныя доказательства, представленныя къ дѣлу (ст. 365/4, 365/10 и 365/11) и на признаніе, учиненное при производствѣ онаго". Правила, изложенныя въ этой статьѣ, по мнѣнію самихъ составителей проекта этого закона, являлись *главнѣйшею гарантіею быстроты и успѣшности взысканій по безспорнымъ актамъ*, такъ какъ *правила эти ограничиваютъ право сторонъ на представленіе доказательствъ и лишаютъ ихъ тѣмъ самымъ возможности замедлить разрѣшеніе дѣла*. Такимъ образомъ, по мнѣнію составителей проекта этого закона, самая главная причина медленности нашего гражданскаго процесса по безспорнымъ актамъ заключается въ свободѣ сторонъ на представленіе доказательствъ, и разъ эта свобода будетъ ограничена, то самое производство сдѣлается быстрѣе и успѣшнѣе. Съ такимъ положеніемъ, конечно, нельзя не согласиться. Ясно до очевидности, что быстрота процесса обратно пропорціональна свободѣ сторонъ въ представленіи доказательствъ. Можно идти еще далѣе и утверждать, что всякая медленность въ процессѣ исчезнетъ, разъ только установлено будетъ такое правило, что отъ отвѣтчика никакихъ доказательствъ противъ предъявленнаго на него ко взысканію безспорнаго акта не пріемлется, да и самъ отвѣтчикъ къ суду не вызывается. И это положеніе точно также совершенно правильно; на немъ-то и основанъ былъ тотъ понудительный порядокъ производства, который отчасти вошелъ въ правила о производствѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ нач. и гор. суд. (зак. 12-го іюля 1889 г.), но который по отношенію къ окружнымъ судамъ замѣненъ настоящимъ порядкомъ; только для правильности этого положенія необходимо одно условіе: это чтобы *предъявленный ко взысканію актъ былъ безспорнымъ*. Безспорнымъ же въ этомъ случаѣ можетъ быть признанъ только нотаріальный актъ, т.-е. такой, въ которомъ безспорнымъ является какъ то, что актъ заключенъ именно между тѣми лицами, которыя въ актѣ значатся, такъ и то, что онъ совершонъ ими сознательно, по доброй ихъ волѣ и на условіяхъ, въ актѣ означенныхъ. Только такому акту можетъ быть придано столь важное значеніе и только такой актъ можетъ быть названъ безспорнымъ. Всякій же другой актъ, домашнимъ порядкомъ совершонный, является безспорнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока противъ него не заявлено спора въ томъ или другомъ отношеніи, а между тѣмъ упрощенному порядку судопроизводства,—слѣдовательно и съ ограниченіемъ въ представленіи доказательствъ, подлежатъ не только споры по нотаріальнымъ актамъ, но и по актамъ,

совершоннымъ домашнимъ порядкомъ, какъ-то: векселямъ и вообще письменнымъ обязательствамъ. Установить какъ общее правило, что всякое письменное обязательство можетъ быть опровергаемо только письменными доказательствами, было бы и слишкомъ строго, и несогласно съ ученіемъ о доказательствахъ, выработаннымъ 25-лѣтней практикой прав. сената. Какимъ образомъ согласовать такое правило съ тѣмъ ученіемъ, которое приводилъ сенатъ въ отношеніи домашнихъ росписокъ, установивъ какъ незыблемое правило, что нельзя доказывать свидѣтельскими показаніями безденежность только векселей и долговыхъ документовъ, засвидѣтельствованныхъ установленнымъ порядкомъ (рѣш. гражд. касс. департ. сената 1873 г., № 754, и 1689; 1874 г., № 89 и 432; 1875 г., № 84, 227, 566, 910; 1876 г., № 36, 24, 532; 1878 г., № 24; 1879 г., № 9 и 143; 1883 г., № 27 и многіе другіе), но не домашнимъ порядкомъ совершонныхъ актовъ и обязательствъ, въ отношеніи которыхъ, для доказательства безденежности ихъ, равно какъ и того, отъ чего они произошли, по толкованію сената всегда допускались свидѣтельскія показанія. Составители проекта новаго закона, конечно, не могли не сознавать этого и дѣйствительно сознавали, что установленіе такого правила объ ограниченіи въ представленіи доказательствъ можетъ весьма невыгодно отозваться на интересахъ добросовѣстныхъ отвѣтчиковъ, въ выгоду недобросовѣстнымъ истцамъ,—и вотъ чтобы дать выходъ изъ этого положенія, для такихъ—конечно, добросовѣстныхъ—отвѣтчиковъ устанавливается ст. 365/15, которая говоритъ, что „истецъ имѣетъ право во всякомъ положеніи дѣла, до рѣшенія его въ упрощенномъ порядкѣ, обратить его къ производству въ общемъ судебномъ порядкѣ. Отвѣтчикъ можетъ просить о томъ же: 1) когда требованіе истца основано на домашнемъ обязательствѣ, за исключеніемъ векселя и т. д.“. Буквальный смыслъ этой статьи таковъ, что если взысканіе предъявлено не по нотаріальному акту и не по векселю, а по акту, совершонному домашнимъ порядкомъ, то отвѣтчикъ можетъ просить объ обращеніи его къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ, т.-е., другими словами, дальнѣйшее производство дѣла о взысканіи по домашнему акту въ упрощенномъ порядкѣ поставлено въ зависимость отъ согласія на то отвѣтчика. А такъ какъ такого согласія со стороны недобросовѣстнаго отвѣтчика ужъ, конечно, никогда не воспослѣдуетъ, то и выходитъ, что, установивъ такое исключеніе для отвѣтчиковъ добросовѣстныхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ лазейку, главнымъ образомъ, недобросовѣстнымъ отвѣтчикамъ, такъ какъ интересъ ихъ именно и заключается въ томъ, чтобы какъ можно долѣе затянуть дѣло, и тѣмъ отсрочить возможность взысканія. Намъ на это могутъ замѣтить, что законъ не безусловно каждому отвѣтчику предоста-

вилъ и въ указанномъ выше случаѣ просить о переносѣ дѣла, а напротивъ того, такое ходатайство ограничилъ извѣстными условіями, а именно, указаніемъ на такія доказательства, которыя не допускаются въ упрощенномъ порядкѣ, и что удовлетвореніе этого ходатайства предоставлено усмотрѣнію члена суда, разрѣшающаго дѣло, постановленіе котораго въ этомъ отношеніи не подлежитъ обжалованію, но такія гарантіи, очевидно, только воображаемыя. Въ самомъ дѣлѣ, какой членъ суда позволитъ себѣ отказать въ переносѣ дѣла, если отвѣтчикъ заявитъ, что предъявленный на него ко взысканію домашній актъ безденежный, и въ подтвержденіе этого сошлется на цѣлый рядъ свидѣтелей, которыхъ пожалуй и перименуетъ. И вотъ вслѣдствіе такого заявленія отвѣтчика дѣло будетъ направлено къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ, а тамъ въ засѣданіе суда отвѣтчикъ пожалуй вовсе не явится, будетъ постановлено заочное рѣшеніе, будетъ поданъ отзывъ на это рѣшеніе—и пойдутъ своимъ чередомъ вся та же прежняя процедура и волокита для истца.

Такимъ образомъ, какъ мы полагаемъ, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что правило о доказательствахъ, изображенное въ ст. 365/12, къ искамъ, основаннымъ на домашнихъ актахъ, совершенно непримѣнимо. Что же касается до взысканій по актамъ крѣпостнымъ, совершоннымъ или засвидѣтельствованнымъ у нотаріуса, и по векселямъ, то это правило о доказательствахъ не представляется новымъ. Въ упрощенномъ порядкѣ производства можетъ быть предъявленъ только искъ о платежѣ опредѣленной суммы, а уплата по такого рода актамъ и при производствѣ дѣла обыкновеннымъ порядкомъ могла быть доказываема только письменными документами. Впрочемъ мы не будемъ долѣе останавливаться на этомъ, такъ какъ къ вопросу о пригодности упрощеннаго порядка производства, по взысканіямъ по актамъ нотаріальнымъ, мы обратимся еще впослѣдствіи, а теперь перейдемъ къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя касаются постановленія рѣшеній и приведенія ихъ въ исполненіе.

Всѣ эти правила, изображенныя въ статьяхъ 365/9, 365/16, 365/25, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) заочное рѣшеніе отмѣняется; 2) неявка сторонъ въ засѣданіе не останавливаетъ производство и рѣшеніе дѣла, и 3) рѣшеніе считается окончательнымъ, нѣтъ ни апелляціи, ни кассаціи, а только предоставляется сторонамъ, въ опредѣленные сроки, просить объ обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ, или же начать дѣло вновь обыкновеннымъ порядкомъ, при чемъ въ видѣ обезпеченія допускается пріостановленіе первоначальнаго рѣшенія.

Обращаясь къ первому положенію, мы съ своей стороны можемъ только выразить наше сочувствіе этому нововведенію. Правила о

заочномъ рѣшеніи—въ томъ видѣ какъ они существуютъ въ настоящее время, развились на практикѣ и разъяснены рѣшеніями правительствующаго сената—совершенно не соотвѣтствуютъ той благой мысли законодателя, которая руководила имъ при установленіи этихъ правилъ. Вмѣсто ожидаемой пользы, они, напротивъ того, причиняютъ только вредъ, открывая возможность цѣлому ряду злоупотребленій. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ правилъ, а потому мы позволимъ себѣ коснуться лишь наиболѣе существеннаго. Что правила эти замедляютъ успѣшный ходъ гражданскаго процесса—извѣстно каждому. Достаточно указать только на то, что въ настоящее время рѣдкое дѣло заканчивается въ судѣ однимъ рѣшеніемъ, что скорѣе можно признать за общее правило то положеніе, что каждое дѣло должно слушаться два раза, и если существуютъ исключенія, то только по такимъ дѣламъ, по которымъ отвѣтчикъ не желаетъ спорить, или же, напротивъ того, по которымъ искъ представляется настолько неосновательнымъ, что въ интересахъ отвѣтчика спѣшить скорѣйшимъ разрѣшеніемъ дѣла.

Устанавливая правила о заочныхъ рѣшеніяхъ, законодатель желалъ, во-первыхъ, ускорить ходъ гражданскаго процесса, а во-вторыхъ, устранить *возможность допущенія различныхъ злоупотребленій при постановленіи рѣшенія противъ лица, не имѣющаго никакихъ свѣдѣній о возбужденномъ противъ него искѣ.* „Заочныя рѣшенія (говорится въ соображеніяхъ, приведенныхъ по 718 статьѣ уставовъ гражд. судопр. изданія государственн. канцеляр.) составляютъ необходимое дополненіе закона о вызовахъ"... „Если бы возможно было требовать, чтобы повѣстка всегда выдавалась самому отвѣтчику, тогда въ виду суда было бы положительное удостовѣреніе, что вызовъ суда сдѣлается извѣстнымъ отвѣтчику; но какъ подобное правило давало бы отвѣтчику возможность отдалять разрѣшеніе дѣла, уклоняясь отъ принятія повѣстки, то и признано необходимымъ отдавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ повѣстку другимъ лицамъ, для передачи отвѣтчику. Правило это, вызванное необходимостью, порождаетъ однако же неувѣренность суда въ дѣйствительности доставленія повѣстки отвѣтчику"... а потому, во избѣжаніе возможности постановленія судомъ рѣшенія, безъ вѣдома о томъ отвѣтчика, и вступленія такого рѣшенія въ законную силу, законодатель и установилъ правила о заочномъ рѣшеніи, включивъ въ нихъ, между прочимъ, какъ главное коренное правило, то, что *заочное рѣшеніе объявляется отвѣтчику доставленіемъ ему копіи съ рѣшенія.* Итакъ, мысль законодателя представляется вполнѣ ясною и основательною. Она заключается въ томъ, что такъ какъ отвѣтчикъ можетъ по какимъ-нибудь причинамъ не получить повѣстки и не явиться въ судъ, то чтобы состоявшееся противъ него

рѣшеніе не осталось ему неизвѣстнымъ, — оно должно быть ему объявлено врученіемъ копіи съ этого рѣшенія. Что же оказалось на практикѣ при примѣненіи этого закона? Недобросовѣстные отвѣтчики, не являясь въ судъ, стали, какъ то́ отчасти предвидѣлъ законодатель, уклоняться отъ полученія копій съ рѣшеній, такъ что вручить имъ такую лично иногда непредставлялось возможности. Такое положеніе являлось, конечно, ненормальнымъ, и вотъ въ 1878 году появляется новая редакція 725 статьи, которая излагается уже въ такомъ видѣ: „заочное рѣшеніе объявляется отвѣтчику доставленіемъ ему выписки изъ рѣшенія по избранному имъ мѣсту пребыванія (ст. 309), а если о немъ не было заявлено въ канцеляріи суда, то по указанному суду мѣсту жительства отвѣтчика (ст. 204—206)“,—а затѣмъ въ 1884 появляется и рѣшеніе общаго собранія 1-го и кассац. департаментовъ правит. сенат., разъясняющее порядокъ врученія копій съ заочныхъ рѣшеній, въ которомъ весьма категорически объясняется, что правила, установленныя въ 283 и послѣд. статьяхъ уст. гр. суд., относительно выдачи повѣстки отвѣтчику на вызовъ его къ суду, должны быть примѣняемы и при выдачѣ копій съ заочныхъ рѣшеній отвѣтчикамъ (рѣш. общ. собр. 1884 г., № 16). Такимъ образомъ оказывается, что та благая цѣль, съ которою были первоначально установлены правила о заочныхъ рѣшеніяхъ, въ настоящее время утратила уже свое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если при врученіи повѣстки отвѣтчику о вызовѣ его въ судъ, въ порядкѣ 283 и послѣд. ст. гр. суд., какъ то предполагалъ законодатель, могли имѣть мѣсто злоупотребленія, то точно также они могутъ имѣть мѣсто и при врученіи отвѣтчику копіи съ заочнаго рѣшенія въ порядкѣ той же 283 ст. и послѣд.; и если о первомъ вызовѣ къ суду отвѣтчикъ можетъ ничего не знать, то́ точно также онъ можетъ не получить и копіи съ заочнаго рѣшенія, а изъ этого слѣдуетъ, что постановленное судомъ рѣшеніе можетъ вступить въ законную силу и безъ вѣдома отвѣтчика даже о томъ, что къ нему былъ предъявленъ искъ. Спрашивается: для чего же, послѣ этого, нужны еще такія правила о заочныхъ рѣшеніяхъ? Неужели же только для того, чтобы доставлять возможность недобросовѣстнымъ отвѣтчикамъ замедлять производство дѣла на судѣ? Мы думаемъ, что если практика доказала, что законъ о заочномъ рѣшеніи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ судебными уставами 20-го ноября 1864 года, не можетъ существовать, то ужъ, конечно, тѣ редакціонныя измѣненія, которыя были сдѣланы впослѣдствіи въ этой статьѣ, совершенно уничтожаютъ ея первоначальное значеніе, не могутъ принести пользы, и всѣ эти правила, какъ непригодныя, подлежатъ коренному преобразованію.

Нельзя того же сказать относительно второго положенія, а именно,

что неявка сторонъ въ засѣданіе не останавливаетъ производство и рѣшеніе дѣла. Судъ гражданскій—не уголовный: спѣшить къ разрѣшенію дѣлъ помимо желанія сторонъ суду нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Законъ 12-го іюня 1890 г. установилъ прекрасное правило, дающее возможность истцу появляться въ засѣданіе и просить о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіе. Спрашивается: зачѣмъ же, послѣ этого, явилась необходимость устанавливать правило о разрѣшеніи дѣла даже тогда, когда истецъ этого не пожелаетъ? Нерѣдко бываютъ случаи, что отсрочить засѣданіе по дѣлу—въ интересахъ самого истца; по новымъ же правиламъ онъ даже просить объ этомъ не можетъ, и разъ дѣло назначено къ слушанію, то хочетъ ли истецъ, или не хочетъ, а ужъ оно будетъ разрѣшено. Такая совершенно излишняя строгость, какъ мы думаемъ, удержитъ многихъ истцовъ отъ предъявленія иска въ порядкѣ упрощеннаго производства.

Точно также мы не можемъ отнестись сочувственно къ третьему, помѣченному нами, положенію, а именно, что рѣшеніе считается окончательнымъ, приводится немедленно въ исполненіе и—взамѣнъ обжалованія—предоставляется сторонамъ въ опредѣленный срокъ просить объ обращеніи дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ, ходатайствуя при этомъ о пріостановленіи рѣшенія въ видѣ обезпеченія иска. Такая рѣшительная, можно сказать, мѣра, какъ установленіе только одной инстанціи для рѣшенія дѣла, несомнѣнно будетъ весьма серьезно вліять на ускореніе хода взысканія. Рѣшилъ судья дѣло—и сейчасъ же рѣшеніе это приводится въ исполненіе—быстрота изумительная. Но вѣдь цѣль установленія высшихъ инстанцій, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы по возможности гарантировать правильность разрѣшенія дѣла. Ошибку, неправильный взглядъ на обстоятельство дѣла или законъ низшей инстанціи—можетъ, въ случаѣ жалобы, исправить высшая. А если дѣло разрѣшается только одною инстанціею, да когда притомъ инстанцію эту представляетъ не коллегія, а единоличный судъ, когда этотъ судья разрѣшаетъ дѣла по искамъ безъ ограниченія ихъ опредѣленною суммою,—какая можетъ быть тутъ гарантія въ правильности рѣшенія дѣла? Мы понимаемъ, что если бы у насъ былъ установленъ порядокъ понудительнаго исполненія по актамъ, совершеннымъ при участіи общественной власти, тогда установленіе высшей инстанціи дѣйствительно могло бы представляться излишнимъ, такъ какъ вся обязанность судьи въ этомъ случаѣ сводится только къ провѣркѣ по акту правильности заявленныхъ истцомъ требованій, безъ выслушанія объясненій отвѣтчика,—другими словами, судья въ этомъ случаѣ представляетъ собою власть исполнительную. Но когда судья вызываетъ отвѣтчика, какъ это установлено въ порядкѣ исполнительнаго про-

водства, выслушиваетъ его объясненія, разсматриваетъ и опредѣляетъ силу и значеніе представленныхъ имъ въ опроверженіе иска документовъ и постановляетъ по обсужденію всѣхъ доказательствъ и доводовъ сторонъ рѣшеніе, тогда ужъ онъ дѣйствуетъ какъ судья, и требовать отъ него, кто бы онъ ни былъ, непогрѣшимости въ его рѣшеніяхъ, конечно, нельзя. А если это такъ, то кто же вознаградитъ отвѣтчика въ случаѣ, если судьею постановлено будетъ неправильное или даже ошибочное рѣшеніе и если по этому рѣшенію взыскателемъ будетъ получена хотя часть присужденной ему суммы? Намъ могутъ указать на то, что это правилами предусмотрѣно, что въ предупрежденіе этого отвѣтчикъ можетъ просить объ обращеніи дѣла къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ и ходатайствовать въ видѣ обезпеченія о немедленномъ пріостановленіи исполненія рѣшенія. Конечно, отвѣтчикъ непремѣнно прибѣгнетъ къ этому, но вѣдь одно заявленіе о переносѣ дѣла не останавливаетъ еще исполненіе рѣшенія—надо чтобы судъ постановилъ объ этомъ опредѣленіе. Когда искъ предъявленъ въ томъ же городѣ, гдѣ находится окружной судъ, то допустимъ, что отвѣтчикъ успѣетъ въ этомъ, хотя и это не всегда возможно; ну, а если искъ предъявленъ члену окружного суда въ уѣздномъ городѣ, отстоящемъ на сотни верстъ отъ окружного суда, то въ такомъ случаѣ, пока дѣло дойдетъ до суда, да судъ постановитъ опредѣленіе о пріостановленіи рѣшенія, истецъ можетъ успѣть взыскать съ отвѣтчика и всю присужденную сумму, а отвѣтчику въ утѣшеніе останется право обратнаго требованія, въ иныхъ случаяхъ вовсе неосуществимое.

Заканчивая этимъ первую часть нашей задачи, постараемся сдѣлать простой выводъ изъ всего нами сказаннаго. Упрощенный порядокъ судопроизводства распространяется на взысканія по актамъ, которые могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: акты домашніе, акты совершонные при участіи общественной власти, т.-е. крѣпостные, нотаріальные и засвидѣтельствованные установленнымъ порядкомъ, и векселя.

Что касается до взысканій по актамъ домашнимъ, то при разсмотрѣніи правилъ о доказательствахъ мы очень подробно останавливались на вопросѣ о примѣнимости вообще новыхъ правилъ ко взысканію по актамъ этого рода. Изъ всего сказаннаго по этому поводу, какъ мы думаемъ, слѣдуетъ придти къ тому выводу, что упрощенный порядокъ производства мало пригоденъ для этихъ взысканій, такъ какъ самый исходъ процесса, окончаніе его, ставитъ въ зависимость отъ воли отвѣтчика, отъ его добросовѣстности. Захочетъ отвѣтчикъ подчиниться—дѣло будетъ разрѣшено въ упрощенномъ порядкѣ; не захочетъ—всегда найдетъ законныя причины къ пере-

носу дѣла въ судъ. Такъ что, въ концѣ концовъ, выходитъ, что если отвѣтчикъ лицо добросовѣстное, не желающее затягивать дѣло, не стремящееся скрыть свое имущество, то истцу нѣтъ надобности прибѣгать къ упрощенному порядку: дѣло и при разбирательствѣ его обыкновеннымъ порядкомъ разрѣшится скоро. Если же отвѣтчикъ —лицо недобросовѣстное, готовое на всякіе пріемы, чтобы затянуть дѣло, то истецъ ничего не выиграетъ, если поведетъ дѣло упрощеннымъ порядкомъ,—напротивъ того, потеряетъ время, которое онъ долженъ будетъ употребить на веденіе этого дѣла упрощеннымъ порядкомъ.

Точно также и относительно пригодности новыхъ правилъ для взысканій по актамъ, совершоннымъ при участіи общественной власти, мы отчасти высказали наше мнѣніе. Нами было указано на то, что только собственно этого рода акты могутъ быть признаны безспорными, и что примѣненіе по отношенію къ этого рода актамъ порядка понудительнаго исполненія представлялось бы совершенно справедливымъ и цѣлесообразнымъ,—справедливымъ потому, что, по нашему мнѣнію, сумма акта въ этомъ случаѣ не можетъ имѣть никакого значенія: совершонъ ли актъ въ триста рублей, или на нѣсколько тысячъ—разъ только такіе акты совершены при участіи общественной власти, въ глазахъ закона они должны быть совершенно равносильными; а между тѣмъ изъ сравненія правилъ порядка упрощеннаго судопроизводства съ правилами о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе объ участіи земскихъ начальниковъ, оказывается нѣчто иное. Для взысканій по такого рода актамъ на сумму не свыше 300 рублей существуетъ особый понудительный порядокъ производства (ст. 141 и послѣд. правилъ о пр. суд. дѣлъ под. земск. начал. и город. суд.), а для взысканій по такимъ же актамъ на высшую сумму—только упрощенный. Такимъ образомъ выходитъ какъ будто, что законъ придаетъ бо́льшее значеніе, актамъ на сумму менѣе 300 руб., считаетъ ихъ, такъ сказать, болѣе безспорными, нежели акты на бо́льшую сумму. Въ виду этого намъ казалось бы, что разъ законодатель призналъ возможнымъ допустить для взысканій по нотаріальнымъ актамъ на сумму до 300 руб. порядокъ понудительнаго производства, то было бы послѣдовательно и справедливо допустить примѣненіе этого порядка и ко всѣмъ этого рода актамъ, безъ ограниченія ихъ суммою. Примѣненіе этого порядка представлялось бы, какъ мы сказали, и цѣлесообразнымъ. Главная цѣль установленія всѣхъ этихъ особенныхъ порядковъ судопроизводства заключается, конечно, въ ускореніи хода гражданскаго процесса, въ устраненіи всѣхъ излишнихъ проволочекъ и волокитъ; а каждому практику очень хорошо извѣстно, что одною изъ самыхъ

главныхъ причинъ такой проволочки, *особенно въ столицахъ и большихъ городахъ*, является *вызовъ отвѣтчика къ суду*. Недобросовѣстный, но ловкій отвѣтчикъ, зная о возможности предъявленія къ нему иска, заранѣе принимаетъ съ своей стороны всевозможныя мѣры, чтобы уклониться отъ полученія повѣстки, какъ это еще предвидѣли составители судебныхъ уставовъ. На мѣстѣ постояннаго жительства, указанномъ въ таковомъ прошеніи, его оффиціально не оказывается, онъ значится выбывшимъ, хотя фактически и продолжаетъ себѣ проживать тамъ же. Вызываетъ истецъ отвѣтчика по новому адресу—тамъ, конечно, его не находятъ. Вотъ и пошло дѣло откладываться по 290 ст. и откладывается такъ недѣли, мѣсяцы, до тѣхъ поръ, пока какъ-нибудь удастся вручить повѣстку отвѣтчику, хотя бы по 283 ст.; а нерѣдко истомленный такою волокитою истецъ рѣшается прибѣгнуть къ крайнему средству—вызову чрезъ публикацію. Такимъ образомъ на одинъ только вызовъ отвѣтчика при существующихъ порядкахъ приходится иногда употребить цѣлые мѣсяцы. А такъ какъ при новомъ упрощенномъ порядкѣ производства отвѣтчикъ точно также долженъ быть вызываемъ повѣсткою, которая должна быть ему вручена, то и выходитъ, что вся та же волокита для истца, которая имѣетъ мѣсто при вручніи повѣстки отвѣтчику по взысканіямъ, производящимся обыкновеннымъ порядкомъ, совершенно возможна и при производствѣ дѣлъ упрощеннымъ порядкомъ. Такъ что и теперь истецъ, указавъ нѣсколько разъ адресъ отвѣтчика и не найдя его ни разу по этому адресу, вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ тому же простому средству—вызову чрезъ публикацію, а потому долженъ будетъ изъять дѣло изъ упрощеннаго порядка производства и перенести его въ судъ для разсмотрѣнія обыкновеннымъ порядкомъ, такъ какъ на основаніи 365/2 ст. „дѣло не подлежитъ производству въ упрощенномъ порядкѣ, если мѣстожительство отвѣтчика неизвѣстно". Итакъ, и для взысканій по актамъ крѣпостнымъ, нотаріальнымъ и засвидѣтельствованнымъ установленнымъ порядкомъ упрощенный порядокъ судопроизводства представляетъ мало удобства, такъ какъ является *слишкомъ медлительнымъ*, и намъ казалось бы, что было бы вполнѣ послѣдовательно и цѣлесообразно по этого рода актамъ допустить понудительное исполненіе.

Наконецъ, что касается до взысканій по векселямъ, то несомнѣнно, что для *взыскателей* правила упрощеннаго судопроизводства представляютъ весьма серьезныя облегченія и удобства. Одно изъ наиболѣе существенныхъ удобствъ, предоставленныхъ этими правилами, заключается въ правѣ предъявленія исковъ у уѣздныхъ членовъ суда, что весьма важно для тѣхъ изъ взыскателей, которые проживаютъ вмѣстѣ съ отвѣтчиками въ городѣ, въ которомъ нѣтъ окружного

суда. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать и того, что предоставленное этими правилами право уѣзднымъ членамъ суда постановлять безапелляціонныя рѣшенія и притомъ по всѣмъ взысканіямъ, предусмотрѣннымъ новыми правилами, безъ ограниченія цѣнъ ихъ опредѣленною суммою, имѣетъ и свою дурную сторону, на которую нами и было уже указано.

Обратимся теперь ко второй части нашей задачи и посмотримъ, можно ли дѣйствительно ожидать, что съ введеніемъ въ дѣйствіе правилъ объ упрощенномъ судопроизводствѣ значительная часть исковъ будетъ направлена именно этимъ порядкомъ, и что окружные суды вслѣдствіе этого будутъ облегчены въ ихъ дѣятельности. Вопросъ этотъ представляется далеко не праздднымъ, такъ какъ, въ виду обремененія дѣлами большинства окружныхъ судовъ, такое облегченіе безусловно желательно въ интересахъ дѣла и самихъ тяжущихся, да повидимому и сами составители настоящихъ правилъ имѣли это также въ виду, стремясь по возможности расширить область примѣненія новыхъ правилъ.

Статья 365 этихъ правилъ говоритъ: „въ упрощенномъ порядкѣ производятся по просьбѣ истца дѣла по искамъ: 1) о платежѣ опредѣленной денежной суммы по векселямъ, закладнымъ, заемнымъ письмамъ и вообще письменнымъ обязательствамъ, а также о платежѣ наемныхъ денегъ по договорамъ найма недвижимаго имущества,— если исполненіе обязательства не поставлено въ самомъ актѣ въ зависимость отъ такихъ условій, поступленіе коихъ должно быть предварительно доказано истцомъ, и 2) о сдачѣ, за истеченіемъ договорнаго срока, состоявшаго въ наймѣ имущества". Изъ этой статьи видно, что вообще кругъ дѣятельности новыхъ правилъ довольно ограниченъ. Въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства могутъ быть предъявлены иски далеко не по всѣмъ договорамъ, а только по такимъ, которые опредѣлены въ этихъ правилахъ, да притомъ и не по всѣмъ требованіямъ, вытекающимъ для сторонъ изъ такихъ договоровъ, а только по требованію о платежѣ опредѣленной денежной суммы. Этотъ кругъ дѣятельности новыхъ правилъ окажется еще болѣе ограниченнымъ, если принять въ соображеніе еще одно условіе, необходимое для того, чтобы искъ могъ быть предъявленъ въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства, а именно, чтобы срокъ платежа по договору былъ точно въ немъ опредѣленъ, а *не поставлено въ зависимость отъ такихъ условій, поступленіе коихъ должно быть предварительно доказано истцомъ.* Въ виду такого условія всѣ требованія о платежѣ неустойки должны быть признаны неподлежащими разсмотрѣнію въ упрощенномъ порядкѣ, а между тѣмъ неустойка

является самымъ распространеннымъ видомъ обезпеченія, и весьма многіе договоры обезпечиваются именно неустойкою: такъ, напримѣръ, рѣдкій договоръ найма недвижимаго имущества не заключаетъ въ себѣ условія о неустойкѣ. При такихъ условіяхъ, установленныхъ самимъ закономъ, область примѣненія настоящихъ правилъ, на нашъ взглядъ, представляется настолько ограниченною, что если даже и допустить, что всѣ безъ исключенія иски, могущіе подлежать разсмотрѣнію въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства будутъ направлены именно въ этомъ порядкѣ, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно будетъ ожидать, что число такихъ исковъ составитъ значительный процентъ общаго числа дѣлъ, разсматриваемыхъ окружными судами. А такъ какъ такое направленіе дѣла къ производству въ упрощенномъ порядкѣ для истца вовсе не обязательно, а предоставлено его усмотрѣнію, то само собою разумѣется, что процентное отношеніе въ такомъ случаѣ еще болѣе уменьшится, такъ что изъятіе такихъ дѣлъ изъ вѣденія окружныхъ судовъ, какъ это мы сейчасъ постараемся доказать, не доставитъ имъ почти никакого облегченія.

Для бо́льшаго удобства разсмотримъ нашъ вопросъ отдѣльно по отношенію къ каждому ряду обязательствъ, подлежащихъ разрѣшенію въ упрощенномъ порядкѣ судопроизводства.

Начнемъ съ исковъ, основанныхъ на актахъ, совершаемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ—такими являются иски по закладнымъ на недвижимое имущество. Закладная на недвижимое имущество сама по себѣ является актомъ настолько солиднымъ, съ точно опредѣленнымъ закономъ правомъ по отношенію ко взысканію, что залогодержателю едва ли можетъ представиться серьезная необходимость особенно спѣшить скорѣйшимъ разрѣшеніемъ иска по такому акту. Имущество, на которое можетъ быть обращено взысканіе, точно опредѣлено въ самой закладной; обратить взысканіе на другое имущество нельзя, хотя бы заложенное имущество и было недостаточно для покрытія долга; опасаться того, что должникъ скроетъ свое имущество, тоже нечего, такъ какъ на заложенномъ имуществѣ лежитъ запрещеніе, а на другое имущество закладная не распространяется; такъ что достаточно ли окажется заложеннаго имущества на покрытіе закладной, или же недостаточно—поспѣшностью во взысканіи залогодержатель ровно ничего не выиграетъ,—напротивъ того, иногда ему даже можетъ быть болѣе выгоднымъ помедлить предъявленіемъ взысканія и выждать лучшаго времени. Кромѣ того, если заложенное имущество дѣйствительно покрываетъ долгъ и отвѣтчикъ вообще лицо состоятельное, то взыскателю даже не разсчетъ предъявлять закладную ко взысканію въ упрощенномъ порядкѣ. Иски по закладнымъ и при производствѣ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ разрѣ-

шаются довольно скоро; рѣшеніе, постановленное судомъ въ силу закона (ст. 737 п. I) по просьбѣ истца можетъ быть подвергнуто предварительному исполненію, такъ что обращеніемъ такого иска къ производству въ упрощенномъ порядкѣ взыскатель выиграетъ весьма немного времени, а между тѣмъ значительно потеряетъ на вознагражденіи за веденіе дѣла. При производствѣ дѣла упрощеннымъ порядкомъ (на основ. прилож. къ ст. 396 примѣч. учрежд. судебн. установл. по редакціи 1891 г.) за веденіе дѣла полагается одна пятая часть опредѣленнаго статьею первою вознагражденія, а за веденіе того же дѣла обыкновеннымъ порядкомъ—$^2/_3$; слѣдовательно, для того, чтобы получить исполнительный листъ нѣсколькими днями ранѣе, взыскатель долженъ будетъ отказаться отъ $^7/_{15}$ вознагражденія, опредѣленнаго по таксѣ, и получить, такимъ образомъ, вознагражденіе въ $3^1/_3$ раза менѣе того, какъ ему было бы опредѣлено при веденіи дѣла обыкновеннымъ порядкомъ. Весьма понятно, что такая значительная разница въ вознагражденіи за веденіе дѣла должна будетъ удержать весьма многихъ взыскателей отъ предъявленія иска въ упрощенномъ порядкѣ, и не только-что при взысканіи по закладной, но и по другого рода документамъ, если только отвѣтчикъ лицо состоятельное и не грозитъ опасность, что онъ скроетъ свое имущество. Еще менѣе можно ожидать, въ виду вышеизложеннаго обращенія къ новому порядку, въ томъ случаѣ, когда дѣло ведется не самимъ кредиторомъ, а его повѣреннымъ. Разницы въ трудѣ для повѣреннаго—будетъ ли взысканіе по закладной производиться упрощеннымъ или сокращеннымъ порядкомъ—нѣтъ ровно никакой; разница въ скорости разрѣшенія дѣла тѣмъ или другимъ порядкомъ, какъ мы сейчасъ видѣли, тоже весьма незначительная, а разница въ вознагражденіи весьма существенная. Такъ, напримѣръ, за веденіе дѣла по иску цѣною въ десять тысячъ рублей при производствѣ дѣла обыкновеннымъ порядкомъ полагается 426 р. $66^2/_3$ коп. вознагражденія, а за веденіе того же дѣла упрощеннымъ порядкомъ—только 128 рублей. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы полагаемъ, что взысканія по закладнымъ на недвижимое имущество будутъ по-прежнему производиться въ судахъ обыкновеннымъ порядкомъ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда залогодатель и залогопринимательживутъ вмѣстѣ въ одномъ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, въ которомъ находится заложенное имущество, но въ которомъ нѣтъ окружного суда, такъ какъ для взыскателя въ этомъ случаѣ, въ виду расходовъ на поѣздку въ городъ, гдѣ находится окружной судъ, иногда можетъ быть выгоднѣе отказаться отъ излишняго вознагражденія; но такихъ исковъ, сравнительно, такое незначительное количество,

что изъятіе ихъ изъ вѣденія окружныхъ судовъ едва ли будетъ для нихъ замѣтно.

Перейдемъ теперь ко второму роду взысканій, къ которому отнесены всѣ взысканія по актамъ, совершоннымъ и явленнымъ у нотаріусовъ, какъ-то: по закладнымъ на недвижимое имущество, по заемнымъ письмамъ и другимъ обязательствамъ, кромѣ договоровъ найма недвижимыхъ имуществъ, которые разсмотримъ отдѣльно. При взысканіи по такимъ документамъ, истцамъ въ иныхъ случаяхъ дѣйствительно можетъ встрѣтиться существенная необходимость спѣшить скорѣйшимъ разсмотрѣніемъ и окончаніемъ ихъ исковъ, а потому естественно ожидать, что въ такихъ случаяхъ они скорѣе станутъ обращаться къ упрощенному судопроизводству. Но, къ сожалѣнію, подобныя обязательства вообще такъ мало распространены въ нашемъ обществѣ, что самыя взысканія по нимъ составляютъ довольно рѣдкое явленіе. Если же при этомъ принять въ соображеніе, что изъ числа этихъ взысканій далеко не всѣ будутъ направлены къ производству въ упрощенномъ порядкѣ, что и здѣсь точно также на такое направленіе можетъ имѣть серьезное вліяніе соображеніе о вознагражденіи за веденіе дѣла, то и окажется, что изъятіе такихъ взысканій весьма мало уменьшитъ количество дѣлъ, разсматриваемыхъ окружными судами.

Къ третьему роду взысканій отнесемъ иски по договорамъ найма недвижимыхъ имуществъ. Эти договоры, какъ извѣстно, могутъ быть какъ письменные, такъ и словесные (ст. 1702, X т., I ч.). Въ вышеприведенной нами 365/1 ст. закона 3-го іюня, опредѣляющей, какіе именно иски могутъ быть направлены къ производству упрощеннымъ порядкомъ, въ числѣ другихъ указаны и иски о *платежѣ наемныхъ денегъ по договорамъ найма недвижимыхъ имуществъ*. Хотя изъ буквальнаго смысла этой статьи и слѣдовало бы заключить, что разсмотрѣнію въ упрощенномъ порядкѣ подлежатъ всѣ вообще договоры найма, какъ письменные, такъ и словесные, но мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ нельзя придерживаться буквальнаго толкованія закона, такъ какъ такое толкованіе будетъ несогласно съ общимъ духомъ всего законоположенія объ упрощенномъ судопроизводствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать, что въ упрощенномъ порядкѣ могутъ быть предъявляемы взысканія и по словеснымъ договорамъ найма, то какъ согласовать съ такимъ положеніемъ статью 365/12, допускающую ссылку сторонъ, а слѣдовательно, и истца, *только на письменныя доказательства*, или ст. 365/4, требующую отъ истца предъявленія при исковомъ прошеніи *въ подлинникѣ обязательствъ или договора*, на которомъ основанъ его искъ. Мы не будемъ приводить другихъ соображеній, такъ какъ полагаемъ, что и сдѣланныхъ нами

указаній слишкомъ достаточно, чтобы признать, что законодатели имѣли въ виду въ этомъ случаѣ иски, основанные только на письменныхъ договорахъ найма недвижимыхъ имуществъ, а потому мы и будемъ говорить только о такихъ договорахъ. Письменные договоры найма недвижимыхъ имуществъ совершаются какъ нотаріальнымъ, такъ и домашнимъ порядкомъ; какая форма является преобладающею—это для насъ безразлично, и мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что облеченіе такихъ договоровъ въ ту или другую письменную форму, особенно въ столицахъ и большихъ городахъ, представляется дѣломъ обыденнымъ и весьма распространено. Вслѣдствіе этого, конечно, и число предъявленныхъ по такимъ договорамъ исковъ должно быть болѣе или менѣе значительно, а слѣдовательно, и изъятіе изъ вѣденія окружныхъ судовъ должно доставить имъ дѣйствительное облегченіе. Но разсчитывать на это, къ сожалѣнію, мы, кажется, не можемъ. На основаніи 365/1 ст. по договорамъ найма недвижимыхъ имуществъ могутъ быть предъявляемы только иски о платежѣ наемныхъ денегъ или о сдачѣ имущества по окончаніи срока аренды. Что касается до послѣдняго рода взысканій, то они, какъ отдѣльные самостоятельные иски, на практикѣ составляютъ весьма рѣдкое явленіе, а обыкновенно входятъ въ искъ, предъявляемый къ нанимателю, какъ одно изъ исковыхъ требованій, а потому на нихъ мы и не будемъ останавливаться. Точно также довольно рѣдкимъ явленіемъ будетъ и самостоятельное требованіе о взысканіи *только срочнаго платежа* за наемъ недвижимаго имущества. Въ самомъ дѣлѣ, не только каждому юристу-практику, но каждому владѣльцу недвижимаго имущества, отдающему его въ наемъ, каждому нанимателю такого имущества хорошо извѣстно, что въ настоящее время такихъ наивныхъ договоровъ, въ которыхъ неплатежъ денегъ въ срокъ не былъ бы ничѣмъ обусловленъ, почти что не заключается. Каждый владѣлецъ очень хорошо знаетъ, что если арендаторъ его имущества не будетъ платить въ срокъ наемныхъ денегъ, то такого арендатора держать не слѣдуетъ, его надо устранить отъ аренды, а потому обыкновенно во всѣхъ арендныхъ договорахъ—будь это хоть квартирная книжка—помѣщается такое условіе: „*если же я, арендаторъ, денегъ въ срокъ не заплачу, то воленъ онъ, хозяинъ, мнѣ отъ аренды отказать*“, и еще къ этому нерѣдко прибавляется: „*и взыскать въ видѣ неустойки всѣ деньги по срокъ договора*“. Такимъ образомъ, неплатежъ арендныхъ денегъ въ срокъ обусловливается обыкновенно въ самомъ договорѣ прекращеніемъ его, а нерѣдко еще и неустойкою. А такъ какъ ни одно изъ этихъ требованій нельзя предъявить въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства, выдѣлять же требованіе о срочномъ платежѣ въ осо-

бый искъ для того, чтобы предъявить его въ упрощенномъ порядкѣ, для взыскателя не составитъ никакого разсчета, то и выходитъ, что взысканія по арендным договорамъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, будутъ предъявляться по-прежнему въ судъ для производства ихъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ перейти къ искамъ по актамъ, совершаемымъ домашнимъ порядкомъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежитъ, конечно, векселямъ. Мы уже говорили, что, по нашему мнѣнію, правила упрощеннаго судопроизводства представляются наиболѣе примѣнимыми именно ко взысканіямъ по векселямъ, а потому мы въ правѣ ожидать, что *значительное* число такихъ исковъ будетъ направлено къ производству этимъ порядкомъ. Мы говоримъ однако такъ—осторожно, не позволяя себѣ высказать большихъ надеждъ и разсчитывать даже на то, что такихъ исковъ будетъ большинство, по нижеслѣдующимъ соображеніямъ. Капиталъ, какъ извѣстно каждому, сосредоточивается въ большихъ городахъ. Тамъ находятся банки и банкирскія конторы, принимающія векселя къ учету; въ большихъ же городахъ живутъ крупные оптовые торговцы, отпускающіе товаръ въ кредитъ подъ векселя; тамъ же гнѣздятся и ростовщики, готовые на выгодныхъ условіяхъ дать въ займы денегъ подъ векселя, такъ что смѣло можно сказать, что большинство векселепринимателей имѣютъ постоянное свое мѣстопребываніе именно въ большихъ городахъ, гдѣ по преимуществу находятся и окружные суды. Весьма понятно, что для такихъ взысканій, за рѣдкимъ исключеніемъ, не будетъ разсчета для предъявленія взысканія обращаться къ уѣздному члену суда, по мѣсту жительства отвѣтчика, а потому надо предполагать, что всѣ иски по векселямъ противъ отвѣтчиковъ, живущихъ въ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, въ которомъ нѣтъ окружного суда, и не въ одномъ мѣстѣ съ взыскателями, будутъ направляться по-прежнему въ окружные суды для производства обыкновеннымъ порядкомъ. Независимо отъ сего, на направленіе взысканій по векселямъ въ томъ или другомъ порядкѣ, особенно по векселямъ, выданнымъ за занятыя деньги, несомнѣнно будетъ имѣть серьезное вліяніе и уменьшенный размѣръ вознагражденія, опредѣленный за веденіе дѣла въ упрощенномъ порядкѣ.

Высказывая наши соображенія о томъ, что значительное число взысканій по векселямъ будетъ направлено къ производству въ упрощенномъ порядкѣ, мы, конечно, не имѣли въ виду тѣхъ окружныхъ судовъ, которые дѣйствуютъ совмѣстно съ коммерческими судами, а потому находятся въ исключительномъ положеніи. Въ такихъ судахъ новыя правила—число предъявляемыхъ исковъ по векселямъ почти вовсе не измѣнятъ. Въ самомъ дѣлѣ, взысканія по векселямъ подлежатъ

производству въ такихъ судахъ только въ двухъ случаяхъ: или когда мѣстожительство отвѣтчика неизвѣстно и онъ вызывается чрезъ публикацію; или когда отвѣтчикъ проживаетъ въ округѣ суда, но не въ томъ городѣ, гдѣ находится окружной судъ. Въ первомъ случаѣ подсудность остается прежняя, такъ какъ, на основ. 1 п. 365/2 ст., „*дѣло не подлежитъ производству въ упрощенномъ порядкѣ, когда отвѣтчикъ находится за границею или мѣстожительство его неизвѣстно*". Что же касается до второго случая, то мы только-что сейчасъ высказали наши предположенія, что взысканія по такимъ дѣламъ бо̀льшею частью будутъ по-прежнему направляться къ производству обыкновеннымъ порядкомъ.

Наконецъ, намъ оставалось бы сказать еще нѣсколько словъ относительно взысканій по всѣмъ прочимъ актамъ, совершаемымъ домашнимъ порядкомъ: роспискамъ, отчетамъ и т. п., но мы такъ долго останавливались на вопросѣ о примѣнимости правилъ упрощеннаго судопроизводства ко взысканіямъ по домашнимъ актамъ, такъ подробно и тщательно разсматривали этотъ вопросъ, что не имѣемъ болѣе ничего прибавить къ тому, что̀ было уже нами высказано по этому предмету. Напомнимъ только то, что, по нашему мнѣнію, новыя правила непримѣнимы ко взысканіямъ по домашнимъ актамъ, и если, несмотря на это, нѣкоторыя дѣла по такимъ искамъ все-таки будутъ не только предъявлены, но и совершенно окончены по правиламъ упрощеннаго судопроизводства, то этимъ нисколько не облегчится дѣятельность окружныхъ судовъ, такъ какъ это будутъ такія дѣла, по которымъ отвѣтчиками являются лица добросовѣстныя, не желающія затягивать дѣло, и которыя, слѣдовательно, и при производствѣ ихъ обыкновеннымъ порядкомъ, точно также были бы разрѣшены въ первомъ засѣданіи; всѣ же прочія дѣла,—дѣла, по которымъ назначается по нѣскольку засѣданій, вызываются и допрашиваются свидѣтели, въ большинствѣ случаевъ необходимые только для того, чтобы отсрочить разрѣшеніе дѣла по существу,—дѣла, которыя и составляютъ собственно обремененіе для судовъ,—тѣ дѣла останутся за окружными судами и разрѣшенія въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства не получатъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что ближайшая практика подтвердитъ многія высказанныя нами предположенія.

Н. И.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 декабря 1891 г.

Наблюденія въ засѣданіи уѣзднаго съѣзда.—Причины, затрудняющія обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ.—Необходимость пересмотра „временныхъ" для нихъ правилъ.—Способы возстановленія совмѣстнаго жительства супруговъ. —Еще нѣчто о законѣ и беззаконіи.—Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній.

Когда, двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, были введены въ дѣйствіе судебные уставы, ежедневная пресса играла у насъ гораздо меньшую роль, чѣмъ теперь. Газетъ, столичныхъ и провинціальныхъ, было не такъ много, объемъ ихъ былъ не такъ великъ, число подписчиковъ и читателей—гораздо менѣе значительно. Это не помѣшало имъ, однако, отвести большое мѣсто судебнымъ отчетамъ—и, въ томъ числѣ, отчетамъ о разборѣ дѣлъ у мировыхъ судей и на мировыхъ съѣздахъ. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется намъ недостаточное вниманіе современныхъ газетъ къ дѣятельности учрежденій, созданныхъ положеніями 12-го іюля 1889 г. О земскихъ начальникахъ мы еще узнаёмъ кое-что, хотя и въ общихъ чертахъ, большею частью—безъ точнаго обозначенія мѣстности, безъ поименованія лицъ и безъ подробнаго изложенія обстоятельствъ дѣла; но объ уѣздныхъ съѣздахъ не слышно почти ничего, какъ будто бы они не существовали или дѣйствовали въ глубокой тайнѣ. Если камеры земскихъ начальниковъ отдалены, въ большинствѣ случаевъ [1]), отъ городовъ и мало доступны для обычнаго контингента газетныхъ сотрудниковъ, то объ уѣздныхъ съѣздахъ этого сказать никакъ нельзя: они собираются въ городахъ и имѣются на-лицо даже въ столицахъ. А между тѣмъ засѣданія уѣздныхъ съѣздовъ представляютъ въ настоящее время очень много интереснаго. Они не только даютъ матеріалъ для характеристики

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что камеры земскихъ начальниковъ размѣщены не только въ деревняхъ, но и въ нѣсколькихъ десяткахъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ не учреждено городскихъ судей.

общаго духа, общаго направленія дѣятельности земскихъ начальниковъ: они бросаютъ свѣтъ на область, до сихъ поръ трудно поддававшуюся изслѣдованіямъ—на область волостного, крестьянскаго суда. Все это такъ важно, что заслуживало бы самаго усерднаго и всесторонняго изученія. Если нелегко найти на мѣстѣ людей, способныхъ воспроизвести, въ вѣрной картинѣ, все выдающееся въ дѣятельности уѣздныхъ съѣздовъ, то исполненіе этой задачи, въ нѣсколькихъ удачно выбранныхъ пунктахъ, стоило бы возложить на спеціальныхъ, ad hoc посланныхъ корреспондентовъ столичныхъ газетъ. Пока такая работа не предпринята, желательно, по крайней мѣрѣ, оглашеніе отдѣльныхъ наблюденій, относящихся къ этому предмету.

Намъ случилось недавно присутствовать въ судебномъ засѣданіи уѣзднаго съѣзда, въ мѣстности довольно близкой отъ Петербурга и принадлежащей къ одной изъ губерній третьей очереди, т.-е. тѣхъ, гдѣ новые порядки введены въ дѣйствіе только лѣтомъ нынѣшняго года. Съ внѣшней, формальной точки зрѣнія оно напоминало вполнѣ засѣданія прежняго мирового съѣзда: то же внимательное, спокойное отношеніе къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, то же неторопливое разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла [1]). Предсѣдательствовалъ на съѣздѣ, за отсутствіемъ предводителя, уѣздный членъ окружного суда, а въ составъ присутствія входили, кромѣ городского судьи и трехъ почетныхъ мировыхъ судей, трое бывшихъ участковыхъ судей, поступившихъ въ земскіе начальники. Въ обращеніи къ крестьянамъ —тяжущимся, обвиняемымъ и свидѣтелямъ — господствовало мѣстоименіе: *вы*, потому что вопросы предлагались преимущественно пред-

[1]) Есть уѣздные съѣзды, дѣйствующіе, повидимому, совершенно иначе. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ корреспонденціи „Недѣли“ (№ 44) изъ Лебедяни (тамбовской губерніи): „Разладъ между судебными представителями и земскими начальниками, обнаружившійся уже во вторую сессію съѣзда, принялъ теперь (въ продолженіе третьей сессіи) болѣе широкіе размѣры, и весь съѣздъ какъ бы подѣлился на двѣ партіи: первая стоитъ на почвѣ закона, вторая свои рѣшенія основываетъ на „убѣжденіяхъ“. Вторая партія больше числомъ, хотя нѣкоторые изъ нея перешли на сторону закона, послѣ того какъ убѣдились, что отъ рѣшеній, основанныхъ на „убѣжденіяхъ“, одинъ шагъ до произвола. А произволъ, соединенный съ незнаніемъ дѣла и превышеніемъ власти, конечно способенъ подрывать нравственное значеніе новаго учрежденія, неповиннаго, въ цѣломъ, за грѣхи его отдѣльныхъ представителей. Нельзя также не упомянуть, что публика, привыкшая видѣть сдержанныхъ, вѣжливыхъ коронныхъ и мировыхъ судей, была поражена поведеніемъ нѣкоторыхъ господъ, которые, состоя во главѣ учрежденія, позволяютъ себѣ смѣяться при допросахъ свидѣтелей, кричать на обвиняемыхъ и дѣлать прямо оскорбительныя замѣчанія постороннимъ лицамъ, не имѣя на то никакого права, если, конечно, понимать право съ законной точки зрѣнія“. Замѣтимъ, по этому поводу, что „Недѣля“ принадлежитъ къ числу тѣхъ изданій, которыя даютъ, сравнительно, всего больше матеріала для сужденія о дѣятельности новыхъ учрежденій.

сѣдательствующимъ. Жалобъ на земскихъ начальниковъ было сравнительно мало. Преобладали жалобы на рѣшенія волостныхъ судовъ, да и онѣ относились преимущественно къ волостнымъ судамъ одного изъ участковъ, на которые раздѣленъ уѣздъ. По нѣкоторымъ участкамъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ не было вовсе. Это побудило насъ собрать свѣденія о порядкахъ, установившихся, de facto, въ преобразованныхъ волостныхъ судахъ. Мы узнали, что многіе изъ числа земскихъ начальниковъ присутствуютъ при разборѣ дѣлъ волостнымъ судомъ, находясь не въ той комнатѣ, гдѣ происходитъ разбирательство, а въ той, куда судьи удаляются для совѣщанія. Во время совѣщанія земскій начальникъ руководитъ преніями судей, толкуетъ законъ, подлежащій примѣненію, а въ случаѣ недостаточнаго разъясненія обстоятельствъ дѣла—возвращаетъ судей въ присутственную комнату, для дополнительнаго разспроса сторонъ или свидѣтелей. Понятно, что рѣшеніе, постановленное при такихъ условіяхъ, является если не продиктованнымъ, то внушеннымъ или одобреннымъ властью земскаго начальника. Такимъ оно, во всякомъ случаѣ, представляется участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ—а это не можетъ не затруднять для нихъ обжалованіе рѣшенія, тѣмъ болѣе, что всякая жалоба на волостной судъ обязательно проходитъ черезъ руки земскаго начальника (временныя правила о волостномъ судѣ, ст. 30), отъ котораго иногда зависитъ оставленіе ея безъ дальнѣйшихъ послѣдствій (ст. 31).

Есть, можетъ быть, еще одно обстоятельство, влекущее за собою уменьшеніе числа жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. По ст. 205 правилъ 29-го декабря 1889 г., опредѣляющихъ порядокъ производства судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, земскій начальникъ, объявляя приговоръ и объясняя порядокъ его обжалованія, присовокупляетъ, что если участвующія въ дѣлѣ лица не желаютъ воспользоваться правомъ принесенія жалобы, то *могутъ заявить о томъ немедленно,* послѣ чего приговоръ тотчасъ же вступаетъ въ законную силу и обращается къ исполненію. Правила о волостномъ судѣ не установляютъ ничего подобнаго; напротивъ того, изъ буквальнаго смысла ст. 29 слѣдуетъ заключить, что рѣшеніе волостного суда вступаетъ въ силу *только* при необжалованіи его въ опредѣленный закономъ срокъ, т.-е. *не раньше,* какъ по окончаніи этого срока. Мы слышали, однако, что въ нѣкоторыхъ участкахъ волостные суды—конечно, съ согласія или по распоряженію земскихъ начальниковъ,—руководствуются, при объявленіи приговоровъ, вышеприведенною статьею правилъ 29-го декабря 1889 г. Представимъ себѣ, теперь, положеніе осужденнаго, знающаго, что обвинительный приговоръ состоялся съ вѣдома и согласія земскаго

начальника, и приглашаемаго объявить, séance tenante, не желаетъ ли онъ подчиниться приговору. Не ясно ли, что для отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ—предлагаемый, вдобавокъ, въ присутствіи земскаго начальника,—далеко не у всякаго хватитъ смѣлости и храбрости? Еслибы осужденному дано было время на размышленіе, онъ могъ бы собраться съ духомъ, посовѣтоваться съ близкими или сѣдущими людьми и, воспользовавшись апелляціоннымъ срокомъ, принести на приговоръ болѣе или менѣе удачно мотивированную жалобу; захваченный врасплохъ, онъ легко можетъ поступиться своимъ правомъ — и ошибка, однажды сдѣланная, является непоправимой... Широкій просторъ для обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ открывается только тамъ, гдѣ участвующія въ дѣлѣ лица не стѣснены ни формой объявленія приговора, ни обстановкой, при которой онъ постановленъ. Отсюда, по всей вѣроятности, и происходитъ поразительная неравномѣрность въ распредѣленіи жалобъ между различными участками. Приписать ее степени правосудія рѣшеній едва ли возможно: судебная практика вездѣ и всегда свидѣтельствуетъ о томъ, что справедливость приговора, даже самая безспорная—отнюдь не гарантія противъ его обжалованія. Больше всего жалуются не тамъ, гдѣ хуже составъ волостныхъ судей, а тамъ, гдѣ рѣшенія волостного суда не находятъ поддержки въ присутствіи земскаго начальника—или эта поддержка оказывается недостаточно авторитетной. Если волостной судъ — какъ это, *въ исключительныхъ случаяхъ*, несомнѣнно бываетъ—не обращаетъ большого вниманія на мнѣнія земскаго начальника, то тяжущіеся и обвиняемые, для которыхъ такое отношеніе не остается тайной, въ свою очередь не считаютъ нужнымъ преклоняться передъ рѣшеніями волостного суда.

Чѣмъ вызывается, однако, самый фактъ участія большинства земскихъ начальниковъ въ совѣщаніяхъ волостного суда—фактъ, повторяющійся, конечно, не въ одномъ только уѣздѣ? Несправедливо было бы видѣть въ немъ *только* желаніе усилить свою власть, сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ дѣла, возникающія въ участкѣ. Судебно-административная реформа 1889 г. возложила на волостныхъ судей трудную, непосильно-трудную задачу. Въ дѣлахъ уголовныхъ волостному суду приходится руководствоваться не только правилами, спеціально для него составленными, но и цѣлой массой статей изъ устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями—устава, написаннаго если и не для записныхъ юристовъ, то, во всякомъ случаѣ, для людей развитыхъ и до извѣстной степени образованныхъ. Едва грамотные, а можетъ быть и вовсе неграмотные волостные судьи должны установлять вмѣняемость проступка, различать дѣла, допускающія примиреніе, отъ дѣлъ, его не допускающихъ, разграничивать намѣренность

отъ неосторожности, покушеніе, остановленное по собственной волѣ, отъ покушенія, остановленнаго случайными обстоятельствами. Они должны опредѣлять юридическое свойство дѣянія, выбирать изъ нѣсколькихъ смежныхъ, пограничныхъ понятій наиболѣе подходящее къ данному случаю, замѣнять одно наказаніе другимъ—однимъ словомъ, совершать цѣлый рядъ техническихъ операцій, не всегда удающихся и профессіональному оператору. Въ дѣлахъ гражданскихъ они должны разбирать всякаго рода иски на сумму до 300 рублей, безъ различія отношеній, послужившихъ поводомъ къ спору — отношеній, сплошь и рядомъ имѣющихъ весьма мало общаго съ обычными условіями крестьянскаго быта. Въ большинствѣ случаевъ—каждый разъ, когда возможно по закону перенесеніе дѣла въ высшую инстанцію,—рѣшеніе волостного суда должно быть изложено „съ тѣми подробностями, которыя необходимы для разъясненія сущности обвиненія или спора и рѣшенія". Прибавимъ къ этому полнѣйшее отсутствіе подготовки, незамѣнимой даже самыми обстоятельными печатными „руководствами",—и мы поймемъ, что волостные судьи, предоставленные самимъ себѣ (содѣйствіе волостного писаря—величина проблематичная или даже отрицательная), должны чувствовать себя на каждомъ шагу совершенно безпомощными или, что̀ еще хуже, черезъ-чуръ властными. Въ упомянутомъ нами засѣданіи съѣзда особенное вниманіе обращала на себя группа рѣшеній, принадлежавшихъ одному и тому же волостному суду. Подчиняясь, какъ мы потомъ узнали, вліянію своего предсѣдателя—мѣстнаго кулака, человѣка жесткаго, властолюбиваго и крутого,—волостной судъ расточалъ направо и налѣво суровыя наказанія, вовсе не соотвѣтствовавшія мѣрѣ вины, а иногда и совершенно несогласныя съ закономъ. Въ крестьянскомъ быту бранныя, ругательныя слова употребляются безпрестанно, часто даже безъ намѣренія оскорбить. Разсматривать ихъ какъ проступокъ можно далеко не всегда; строгой кары они заслуживаютъ развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. Иначе смотритъ на дѣло только-что упомянутый волостной судъ. Крестьянинъ и крестьянка обмѣниваются нѣсколькими рѣзкими выраженіями; волостной судъ признаетъ, что обида была обоюдная, и все-таки присуждаетъ крестьянина къ восьми, крестьянку—къ *пятнадцати* днямъ ареста! Въ другомъ случаѣ ссорятся между собою два крестьянина; одинъ изъ нихъ называетъ другого именемъ оскорбительнымъ, но не принадлежащимъ къ числу такъ-называемыхъ „непечатныхъ". Волостной судъ присуждаетъ обидчика къ *пятнадцати* днямъ ареста. При разборѣ дѣла на съѣздѣ обнаруживается, что брань была взаимная, и со стороны обвинителя даже гораздо болѣе злостная и неприличная, чѣмъ со стороны обвиняемаго. Причина явно-пристрастнаго и несправедливаго

приговора заключается, какъ намъ говорили, въ томъ, что обвинитель—кандидатъ къ волостнымъ судьямъ, которые, поэтому, сочли нужнымъ строго покарать одну обиду, закрывъ глаза на другую. Въ третьемъ случаѣ волостной судъ подвелъ словесную обиду подъ дѣйствіе ст. 38 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, не установивъ, что́ было на-лицо—буйство или нарушеніе общественной тишины—и опять-таки назначилъ обидчику излюбленные *пятнадцать* дней ареста. Понятно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ рѣшенія волостного суда были отмѣнены уѣзднымъ съѣздомъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что желаніе предупредить подобныя ошибки—одинъ изъ мотивовъ, вызывающихъ вмѣшательство земскихъ начальниковъ въ совѣщанія волостныхъ судей; но отсюда еще не слѣдуетъ, что такое вмѣшательство нормально и благотворно. Прежде всего оно явно противорѣчитъ закону. „Обязанности земскаго начальника по дѣламъ, производящимся въ волостномъ судѣ,—сказано въ ст. 51 положенія о земскихъ начальникахъ,—опредѣляются временными правилами о семъ судѣ"; а по ст. 13 этихъ правилъ „ближайшій и непосредственный надзоръ за всѣми волостными судами земскаго участка возлагается на мѣстнаго земскаго начальника, который обязанъ производить не менѣе двухъ разъ въ годъ ревизію каждаго изъ состоящихъ въ его участкѣ волостныхъ судовъ". *Надзоръ и ревизія*, очевидно, несовмѣстимы съ активнымъ вмѣшательствомъ въ дѣло; наблюдать можно только за тѣмъ, въ чемъ самъ не принимаешь прямого участія. Еслибы земскимъ начальникамъ имѣлось въ виду предоставить дѣятельную роль въ волостномъ судопроизводствѣ, законъ опредѣлилъ бы, безъ сомнѣнія, характеръ этой роли и создалъ бы подходящія для нея формы. Ничто не мѣшало бы, напримѣръ, установить, что земскій начальникъ можетъ, когда признаетъ нужнымъ, принять на себя предсѣдательство въ волостномъ судѣ или преподать ему наставленія въ родѣ тѣхъ, какія выслушиваютъ присяжные отъ предсѣдательствующаго на ассизахъ. Молчаніе закона по этому предмету равносильно запрещенію; оно показываетъ, что *до постановленія рѣшенія* земскій начальникъ не долженъ вступаться въ дѣйствія волостного суда. Есть, правда, одно исключеніе: ст. 20 уполномочиваетъ земскаго начальника „возстановлять подсудность по дѣламъ, неправильно принятымъ волостнымъ судомъ къ своему производству и еще имъ не разрѣшеннымъ"—но исключеніемъ сила правила не ослабляется, а подтверждается (l'exception confirme la règle). Будучи незаконнымъ, вмѣшательство земскаго начальника въ совѣщанія волостного суда представляется, дальше, опаснымъ и вреднымъ. Сдѣлаемъ самое благопріятное предположеніе: допустимъ, что земскій начальникъ ограни-

чивается совѣтами и разъясненіями, предупреждая судей, что они не должны ими стѣсняться, не должны считать ихъ для себя обязательными. Такъ поступаетъ предсѣдательствующій на ассизахъ по отношенію къ присяжнымъ — но его заключительное слово произносится публично, подъ контролемъ обвинителя и защитника; присяжные совѣщаются и постановляютъ рѣшеніе наединѣ, внѣ всякаго надзора со стороны предсѣдательствующаго. Совсѣмъ иное дѣло — волостной судъ, выслушивающій разъясненія земскаго начальника въ четырехъ стѣнахъ закрытой для публики совѣщательной комнаты и вслѣдъ затѣмъ приступающій, *въ его присутствіи*, къ обсужденію и разрѣшенію дѣла. Присяжные ни въ чемъ не зависятъ отъ предсѣдательствующаго, котораго видятъ, быть можетъ, въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни; волостные судьи зависятъ отъ земскаго начальника и какъ крестьяне, живущіе въ его участкѣ, и какъ должностныя лица, которыхъ онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, безапелляціонно подвергать аресту и денежному штрафу. Понятно, что для нихъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, разъясненіе и совѣтъ земскаго начальника равносильны приказанію. Между тѣмъ, менѣе всего желательнымъ представляется такой порядокъ, при которомъ судебный приговоръ принадлежитъ по имени—однимъ, на самомъ дѣлѣ—другому. Судьи, пишущіе приговоръ подъ чужую диктовку, не чувствуютъ себя нравственно-отвѣтственными за него, не могутъ выработать въ себѣ сознаніе долга. При отсутствіи самостоятельности судей немыслимо уваженіе къ судейскому призванію — немыслимо какъ со стороны самихъ судей, такъ и со стороны подвѣдомственнаго имъ населенія. Уничтожается или значительно уменьшается, наконецъ, та польза, которую могъ бы принести контроль земскаго начальника надъ волостнымъ судомъ, дѣйствующимъ по собственному своему разумѣнію; уменьшаются шансы принятія во вниманіе мѣстныхъ обычаевъ, а слѣдовательно, и справедливаго разрѣшенія гражданскихъ дѣлъ. Земскій начальникъ, участвовавшій, de facto, въ постановленіи рѣшенія волостного суда, является, въ случаѣ его обжалованія, естественнымъ защитникомъ его въ уѣздномъ съѣздѣ, вопреки общему началу, въ силу котораго судья, рѣшившій дѣло въ первой инстанціи, не долженъ имѣть никакого вліянія на пересмотръ его въ апелляціонномъ порядкѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу о томъ, какъ устранить указанныя нами аномаліи, остановимся еще на нѣкоторыхъ дѣлахъ, разсматривавшихся при насъ въ засѣданіи уѣзднаго съѣзда. Многія изъ обжалованныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ касались крестьянскихъ поземельныхъ отношеній, возникающихъ на почвѣ Положеній 19-го февраля. Уѣздному съѣзду приходилось разрѣшать, между

прочимъ, такіе вопросы: могутъ ли дѣти, отецъ которыхъ во время ихъ малолѣтства продалъ свою (невыкупленную) усадебную осѣдлость, отыскивать ее обратно отъ покупщика? Если у крестьянина было два сына, изъ которыхъ одинъ выдѣлился еще при жизни отца, а другой продолжалъ жить при отцѣ до самой его смерти, то можетъ ли издворокъ быть оставленъ всецѣло за вторымъ сыномъ, или долженъ быть раздѣленъ поровну между обоими? Кто наслѣдуетъ усадебную осѣдлость послѣ умершаго бездѣтно крестьянина — его родныя сестры, вышедшія замужъ въ другую деревню, или его дядя? Имѣетъ ли крестьянинъ, часть надѣла котораго перешла, вслѣдствіе приговора общества, во владѣніе другого лица, право требовать отъ общества возврата той доли выкупныхъ платежей, которая, за время владѣнія истца, поступила въ погашеніе капитальной суммы? Можетъ ли волостной судъ присудить сельское общество къ уплатѣ ежегодно опредѣленной суммы на содержаніе вдовы умершаго члена общества или ея малолѣтнихъ дѣтей?—Въ большинствѣ случаевъ рѣшенія волостныхъ судовъ по вопросамъ этого рода оказывались вовсе немотивированными или мотивированными очень слабо. Чувствовалось, весьма часто, что въ основаніи рѣшенія лежитъ обычай, и обычай справедливый—но прямой ссылки на него не было, и это, повидимому, становилось причиной отмѣны рѣшенія уѣзднымъ съѣздомъ. Такъ напримѣръ, въ спорѣ между братьями издворокъ былъ присужденъ волостнымъ судомъ тому изъ нихъ, который до самаго конца жилъ при отцѣ и покоилъ его во время старости (отцомъ было составлено и завѣщаніе въ пользу этого сына, но безъ соблюденія законныхъ формъ)—а уѣздный съѣздъ призналъ издворокъ собственностью обоихъ братьевъ. Въ спорѣ между дядей и племянницами волостной судъ принялъ сторону послѣднихъ, а уѣздный съѣздъ рѣшилъ дѣло въ пользу перваго.

Тѣлесное наказаніе было назначено только однимъ изъ 15—20 рѣшеній волостныхъ судовъ, разсмотрѣнныхъ при насъ уѣзднымъ съѣздомъ—и это рѣшеніе дошло до съѣзда не по жалобѣ осужденнаго, а по протесту земскаго начальника на другую часть рѣшенія, такъ что вопроса о тѣлесномъ наказаніи съѣзду вовсе не пришлось коснуться. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что волостные суды даннаго уѣзда рѣдко присуждаютъ къ розгамъ, или земскіе начальники, пользуясь правомъ, предоставленнымъ имъ ст. 29 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, почти всегда замѣняютъ розги другимъ наказаніемъ? Нѣтъ; судя по собраннымъ нами свѣденіямъ, приговоровъ къ тѣлесному наказанію и постановляется, и исполняется не мало. Между различными земскими участками они распредѣляются неравномѣрно. Мы слышали, что въ одномъ участкѣ не было еще, со времени вве-

денія въ дѣйствіе новыхъ порядковъ (т.-е. въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ), ни одного случая сѣченія по приговору волостного суда, а въ другомъ участкѣ такіе случаи считаются уже десятками [1]). Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что причину необжалованія приговоровъ, присуждающихъ къ тѣлесному наказанію, слѣдуетъ искать, по крайней мѣрѣ отчасти, въ тѣхъ обстоятельствахъ, о которыхъ мы говорили выше, объясняя вообще неравномѣрное распредѣленіе жалобъ между земскими участками.

Если только обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ не будетъ встрѣчать искусственныхъ преградъ, число жалобъ непремѣнно должно достигнуть весьма значительныхъ размѣровъ и до крайности обременить уѣздный съѣздъ. Есть волостные суды, въ которыхъ разрѣшается до двадцати дѣлъ и болѣе въ одномъ засѣданіи — а засѣданія бываютъ, обыкновенно, два раза въ мѣсяцъ. Всѣхъ волостныхъ судовъ въ уѣздѣ, намъ знакомомъ, *двадцать пять*. Число ежемѣсячно разрѣшаемыхъ дѣлъ можетъ, такимъ образомъ, дойти до *тысячи* или даже превзойти эту цифру. Конечно, далеко не на всѣ рѣшенія приносятся жалобы и не всѣмъ жалобамъ дается дальнѣйшій ходъ; но, при нормальныхъ условіяхъ, весьма легко можетъ случиться, что уѣздный съѣздъ, собравшись въ очередную сессію, увидитъ передъ собою отъ ста до двухсотъ жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Прибавимъ къ этому нѣсколько десятковъ жалобъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городского судьи—и мы поймемъ, какъ затруднительно будетъ положеніе уѣзднаго съѣзда. Въ одинъ день, дѣйствуя внимательно и осторожно, едва ли можно разсмотрѣть болѣе 40—50 дѣлъ [2]); судебное засѣданіе съѣзда можетъ, слѣдовательно, затянуться на четыре дня и больше—а между тѣмъ за нимъ должно слѣдовать еще засѣданіе административное. Земскимъ начальникамъ придется отлучаться изъ своихъ участковъ (считая проѣздъ въ уѣздный городъ и обратно) на цѣлую недѣлю, къ большому неудобству для нихъ самихъ и для подвѣдомственнаго имъ населенія. Еще менѣе желательна, безъ сомнѣнія, торопливость въ рѣшеніи дѣлъ, всегда

[1]) Это, по всей вѣроятности, не единственный пунктъ, по которому существуетъ рѣзкая разница въ образѣ дѣйствій различныхъ земскихъ начальниковъ. Мы слышали, напримѣръ, что одинъ изъ нихъ ни разу не воспользовался правомъ, предоставленнымъ ему ст. 61 Положенія 12-го іюля 1889 г.—правомъ арестовать и штрафовать безъ суда, т.-е. безъ разслѣдованія и безъ выслушанія объясненій. Едва ли можно сказать то же самое о большинствѣ его товарищей.

[2]) Чтобы рѣшить тридцать съ небольшимъ дѣлъ, уѣздному съѣзду, засѣданіе котораго происходило въ нашемъ присутствіи, пришлось проработать безъ большихъ перерывовъ съ 10 ч. утра до поздней ночи, несмотря на незначительное число явившихся свидѣтелей (допросъ свидѣтелей всегда требуетъ очень много времени).

возможная и почти неизбѣжная, когда судьи надолго отрываются отъ своего дома и своихъ обычныхъ занятій.

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ сами собою вытекаютъ средства къ улучшенію порядка, созданнаго *временными* правилами о волостномъ судѣ (мы подчеркиваемъ слово: *временными*, потому что оно позволяетъ ожидать скораго пересмотра этихъ правилъ). Эти средства станутъ еще яснѣе, если бросить взглядъ на устройство волостного суда въ прибалтійскомъ краѣ. Сравнивая, въ свое время [1]), законы 9-го іюля и 12-го іюля 1889 г., мы имѣли уже случай констатировать несомнѣнное превосходство перваго надъ послѣднимъ (какъ по занимающему насъ теперь вопросу, такъ и по многимъ другимъ). Указанія практики убѣждаютъ насъ въ этомъ все больше и больше—и мы не видимъ причины, по которой порядокъ, принятый по одну сторону Чудскаго озера, не могъ бы быть распространенъ, съ нѣкоторыми только измѣненіями, и на другую. Въ остзейскихъ губерніяхъ волостные судьи сами избираютъ изъ своей среды предсѣдателя; у насъ предсѣдатель волостного суда назначается уѣзднымъ съѣздомъ (т.-е., de facto, земскимъ начальникомъ), который *можетъ* выбрать его изъ числа волостныхъ судей, но можетъ и возложить исполненіе обязанностей предсѣдателя на волостного старшину. Въ остзейскихъ губерніяхъ волостные судьи подлежатъ дисциплинарной отвѣтственности не иначе, какъ по постановленіямъ мирового съѣзда, выслушивающаго предварительно объясненія обвиняемаго; въ случаѣ присужденія къ аресту волостной судья можетъ принести на съѣздъ жалобу въ судебную палату. У насъ волостные судьи штрафуются и арестуются единолично земскимъ начальникомъ. „безъ формальнаго производства", т.-е. безъ обязательнаго выслушанія объясненія обвиняемаго; жалобы на взысканія, такимъ образомъ наложенныя, вовсе не допускаются. Въ остзейскихъ губерніяхъ волостные судьи могутъ быть удаляемы отъ должности только по приговору уголовнаго суда; у насъ удаленіе ихъ отъ должности предоставлено усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда. Въ остзейскихъ губерніяхъ волостному суду подсудны, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства, иски на сумму не свыше ста рублей, если они, притомъ, не касаются вещнаго права на недвижимое имущество; у насъ предѣлъ подсудности волостного суда—*триста* или даже *пятьсотъ* рублей, причемъ изъ вѣденія суда не безусловно изъяты и дѣла о недвижимомъ имуществѣ. Въ остзейскихъ губерніяхъ волостнымъ судамъ даны въ руководство точныя и подробныя процессуальныя правила; нашъ волостной судъ такихъ правилъ до сихъ поръ не имѣетъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ высшей

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1889 г.

инстанціей надъ волостными судами служитъ верхній крестьянскій судъ, предсѣдатель котораго не имѣетъ, лично, никакой начальственной власти надъ волостными судьями, а членами являются, по очереди, предсѣдатели волостныхъ судовъ; ничѣмъ другимъ, кромѣ разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, верхній крестьянскій судъ не занимается. У насъ жалобы на волостной судъ приносятся уѣздному съѣзду, составленному, въ большинствѣ, изъ лицъ начальствующихъ надъ волостными судами, не имѣющему въ своей средѣ ни одного крестьянина и обремененному массою другихъ дѣлъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ кассаціонныя жалобы по дѣламъ, подсуднымъ волостному суду, приносятся мировому съѣзду, состоящему изъ юристовъ и окруженному полнѣйшею гласностью; у насъ онѣ приносятся губернскому присутствію, которое засѣдаетъ при закрытыхъ дверяхъ и въ которомъ юристы представлены весьма слабо. Отсюда ясно, въ какомъ направленіи должны быть пересмотрѣны и измѣнены наши *временныя* правила о волостномъ судѣ. Необходимо, прежде всего, значительное ограниченіе круга дѣйствій волостного суда. Нужно поставить его такъ, чтобы онъ могъ обходиться безъ посторонняго руководства, чтобы онъ былъ *судомъ* не только по имени, но и на самомъ дѣлѣ — а это возможно лишь при возвращеніи его въ естественныя, такъ сказать, его границы, при установленіи полной соразмѣрности между его призваніемъ и запасомъ силъ, которымъ онъ располагаетъ. Нужно, далѣе, обезпечить самостоятельность волостныхъ судей, предоставивъ имъ самимъ избирать своего предсѣдателя, воспретивъ земскому начальнику присутствовать при совѣщаніи суда, освободивъ судей изъ-подъ дискреціонной административно-карательной власти земскаго начальника и отмѣнивъ удаленіе ихъ отъ должности по усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда. Нужно разъяснить, что обвиненный волостнымъ судомъ сохраняетъ право на обжалованіе рѣшенія впредь до истеченія установленнаго срока, хотя бы онъ и заявилъ въ засѣданіи суда, что подчиняется рѣшенію. Для разсмотрѣнія жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія волостныхъ судовъ, нужно создать особую инстанцію, которая имѣла бы возможность отнестись къ этому дѣлу съ бо́льшимъ вниманіемъ и съ бо́льшимъ знаніемъ крестьянскаго быта. На этомъ послѣднемъ пунктѣ мы должны остановиться нѣсколько подольше. Перенесеніе къ намъ всецѣло того устройства апелляціонной инстанціи, которое существуетъ въ остзейскомъ краѣ, было бы сопряжено съ учрежденіемъ нѣсколькихъ сотенъ новыхъ должностей (предсѣдателей верхнихъ судовъ)—а это, въ свою очередь, повлекло бы за собою значительное увеличеніе земскихъ или казенныхъ сборовъ. Важно не то, чтобы во главѣ апелляціонной инстанціи надъ волостными судами стояло лицо, особо для

того назначенное; важно то, чтобы въ составъ инстанціи входили судьи-крестьяне, а руководилъ ими человѣкъ достаточно компетентный, достаточно свободный и достаточно безпристрастный. Этимъ условіямъ удовлетворяетъ уѣздный членъ окружного суда. Кругъ дѣлъ, разрѣшаемыхъ имъ единолично, весьма невеликъ; продолжая участвовать въ судебныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда, онъ могъ бы сдѣлаться предсѣдателемъ присутствія, на которое было бы возложено разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. Въ составъ присутствія могли бы входить съ одной стороны предсѣдатели волостныхъ судовъ, по очереди, съ другой—почетные мировые судьи, также по очереди. Тамъ, гдѣ почетныхъ судей нѣтъ или слишкомъ мало, мѣсто ихъ могъ бы заступать предсѣдатель или членъ уѣздной земской управы. Въ составѣ присутствія были бы соединены, такимъ образомъ, всѣ условія, благопріятствующія правильному ходу дѣла: юридическое образованіе, житейская опытность, непосредственное знакомство съ крестьянскими обычаями. Для предсѣдателей волостныхъ судовъ, участіе въ такомъ присутствіи было бы лучшей практической школой; свѣденія, навыки и взгляды, выносимые оттуда, они могли бы передавать и другимъ волостнымъ судьямъ. Прямое давленіе земскихъ начальниковъ на волостные суды уступило бы мѣсто правильному надзору. За земскимъ начальникомъ могло бы быть сохранено какъ право ревизіи волостныхъ судовъ (но безъ наложенія на судей взысканій собственною властью), такъ и право опротестованія ихъ рѣшеній. Порядокъ веденія дѣлъ въ волостномъ судѣ могъ бы быть опредѣленъ подробнѣе и точнѣе, безъ всякой, однако, излишней регламентаціи. Само собою разумѣется, что совершенно нормальнымъ положеніе волостного суда и отношеніе его къ другимъ, выше стоящимъ учрежденіямъ сдѣлается только тогда, когда изъ числа налагаемыхъ имъ каръ исчезнетъ безслѣдно тѣлесное наказаніе.

Подвѣдомственны ли волостному суду дѣла объ истребованіи мужьями женъ для совмѣстнаго жительства? Этотъ вопросъ предстояло разрѣшить, между прочимъ, въ томъ засѣданіи уѣзднаго съѣзда, которое послужило исходной точкой нашего обозрѣнія. Крестьянинъ, отъ котораго восемь лѣтъ тому назадъ ушла жена, обратился къ ея отцу, у котораго она поселилась, съ требованіемъ или не держать у себя дочь и возвратить ее мужу, или вознаградить истца за убытки, которые онъ несетъ вслѣдствіе необходимости нанимать работницу. Волостной судъ уважилъ исковое требованіе. На рѣшеніе волостного суда принесена была жалоба уѣздному съѣзду. Въ устарѣломъ, отжившемъ сельскомъ уставѣ есть статья, предоста-

ляющая волостному суду разсматривать, *въ хозяйственномъ отношеніи*, дѣла о водвореніи жены къ мужу. Нужно было опредѣлить, сохранила ли эта статья свою силу при дѣйствіи новыхъ правилъ о волостномъ судѣ. Судя по тому, что уѣздный съѣздъ отмѣнилъ опредѣленіе волостного суда, нужно полагать, что спорный вопросъ разрѣшенъ съѣздомъ отрицательно. Такое рѣшеніе кажется намъ совершенно правильнымъ. Сельскій уставъ могъ имѣть, въ области дѣйствій волостного суда, силу вспомогательнаго источника права, пока предѣлы вѣдомства волостного суда были опредѣлены лишь въ общихъ чертахъ, пока въ самомъ законѣ (Общ. Полож. о Крест., прим. къ ст. 102) была сдѣлана, въ этомъ смыслѣ, ссылка на сельскій уставъ; но теперь, когда подсудность волостного суда точно установлена правилами 12-го іюля 1889 г., все непредусмотрѣнное ими должно считаться неподвѣдомственнымъ волостному суду. Неподвѣдомственны ему, слѣдовательно, и дѣла о водвореніи жены къ мужу, ни прямо, ни косвенно не подходящія ни подъ одинъ изъ пунктовъ статьи 15 правилъ 12-го іюля. Второй пунктъ этой статьи—единственный, въ которомъ могло бы искать точку опоры противоположное мнѣніе—изложенъ такъ: „вѣдомству волостного суда подлежатъ всякаго рода споры и тяжбы между лицами, подвѣдомственными волостному суду, *цѣною до трехсотъ рублей*“. Искъ о водвореніи жены къ мужу не допускаетъ оцѣнки; значитъ—онъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣлъ, разборъ которыхъ предоставленъ волостному суду. И это вполнѣ понятно: *личныя* права, связанныя съ супружескими отношеніями, такъ важны, что ихъ охрана не можетъ быть ввѣрена низшимъ органамъ судебной власти.

Еще меньше, думается намъ, можетъ быть рѣчь объ осуществленіи супружескихъ правъ путемъ административнаго вмѣшательства, подкрѣпляемаго административно-карательными мѣрами. На практикѣ, однако, такое вмѣшательство кое-гдѣ существуетъ. „*Вразумленіе* (!) молодицъ,—говоритъ, въ „Гражданинѣ“, одинъ изъ земскихъ начальниковъ,— можетъ имѣть мѣсто и безъ суда. Одинъ сельскій староста послалъ подъ арестъ молодицу, ушедшую отъ мужа, и та вернулась къ своему супругу, не желая сѣсть въ кутузку. Ея мужъ, молодой человѣкъ, не принялъ жены. Тогда сельскій староста рѣшилъ посадить въ кутузку вмѣстѣ и мужа, и жену, ослушавшихся его приказаній. Это распоряженіе старосты не было приведено въ исполненіе, потому что молодые при немъ поцѣловались, поклонились другъ другу въ ноги, и вотъ уже десять мѣсяцевъ какъ они живутъ вмѣстѣ, тихо и мирно. У насъ большая часть ссоръ между мужьями и женами кончаются въ волостномъ судѣ мировыми, почти никогда не нарушаемыми. Вообще новые волостные суды за-

ставили женъ жить вмѣстѣ съ мужьями, согласно нравственному долгу, наложенному на нихъ законами Божескими и человѣческими. По нашимъ воззрѣніямъ, жена, исполняющая свой долгъ—прекрасная Татьяна Пушкина, а уклоняющаяся отъ тяжестей семейной жизни и воспитанія—нигилистка, разрушающая семью и государство. Почти такъ же думаютъ и волостные судьи. Я не говорю о тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мужъ истязуетъ свою жену, и его за это, по закону же, слѣдуетъ сажать въ тюрьму; дѣла о такихъ мужьяхъ земскій начальникъ долженъ передавать судебному слѣдователю. Повторяю, что у насъ въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ почти прекратились дѣла объ уходѣ женъ отъ мужей; потому теперь радуются и мужья, и жены. Земскій начальникъ и самъ можетъ, по 61 ст. пол., налагать административныя взысканія на мужей и женъ, ослушивающихся его законнаго требованія совмѣстнаго жительства. Разумѣется, земскій начальникъ, при наложеніи такихъ взысканій, долженъ поступать осмотрительно и знать, кто виновенъ—мужъ или жена". Итакъ, вотъ сколько оказывается властей, могущихъ принудить жену—жить съ мужемъ, мужа—не уклоняться отъ сожительства съ женою: сельскіе старосты, волостные суды, земскіе начальники! О волостныхъ судахъ мы уже говорили; что касается до сельскихъ старостъ и земскихъ начальниковъ, то гдѣ же *законное* основаніе для ихъ вмѣшательства въ супружескія отношенія — законное основаніе, безъ котораго немыслимо примѣненіе административно-карательной власти? Сельскому старостѣ предоставлено право налагать собственною властью небольшія взысканія, въ томъ числѣ и арестъ на срокъ не свыше двухъ дней: но на кого? На *виновныхъ въ маловажныхъ проступкахъ* (Общ. Полож. о крест. ст. 64); а развѣ нежеланіе жены жить съ мужемъ—или несогласіе мужа принять жену—есть *проступокъ*?.. Ст. 61 Положенія 12-го іюля 1889 г. имѣетъ въ виду случаи неисполненія *законныхъ* распоряженій или требованій земскаго начальника; а какой законъ уполномочиваетъ земскаго начальника принимать на себя регламентацію супружескихъ отношеній? Представимъ себѣ, что мужъ обратится къ земскому начальнику съ *искомъ* о водвореніи къ нему жены. Земскій начальникъ, безъ сомнѣнія, не приметъ такого иска къ своему разсмотрѣнію, потому что онъ не подходитъ ни подъ одинъ изъ пунктовъ ст. 48 Положенія 12-го іюля и ст. 20 правилъ 29-го декабря 1889 г. Можно ли допустить, затѣмъ, чтобы дѣло, неподсудное земскому начальнику въ порядкѣ судебномъ, было подвѣдомственно ему въ порядкѣ дисциплинарномъ? Сфера дѣйствій дисциплинарной власти, по самому ея свойству, ограничивается случаями простыми, ясными, не требующими, какъ сказано въ законѣ, никакого *формальнаго производства*;

между тѣмъ даже сотрудникъ „Гражданина“ не считаетъ возможнымъ тащить жену къ мужу по первому требованію послѣдняго, а рекомендуетъ „осмотрительность“ и приведеніе въ извѣстность, „кто виновенъ—мужъ или жена“. Гдѣ необходимо осмотрительное изслѣдованіе, тамъ немыслимо пользованіе административно-карательною властью; это—понятія, взаимно другъ друга исключающія. Нужно ли прибавлять, что къ числу причинъ, дѣлающихъ фактически невозможнымъ или нестерпимымъ совмѣстное жительство супруговъ, принадлежитъ не одно только уголовно-наказуемое *истязаніе*? Даже въ среднемъ и высшемъ классахъ жена, оставляющая мужа, далеко не всегда оказывается „нигилисткой“; еще меньше поводовъ заподозрѣвать въ „нигилизмѣ“ крестьянокъ, бѣгущихъ отъ пьянаго самодура-мужа, злой свекрови или развратнаго свекра. Учащающіеся случаи такого бѣгства свидѣтельствуютъ не о распущенности, которую нужно прекратить путемъ „кутузки“, а о необходимости закона, которымъ регулировалось бы разлученіе супруговъ. Теперь оно достижимо только путемъ обращенія къ канцеляріи прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя; но въ большинствѣ случаевъ это—путь слишкомъ далекій и трудный, для крестьянокъ, фактически, едва доступный.

Признаніе за земскимъ начальникомъ и за сельскимъ старостой дисциплинарной власти по отношенію къ супругамъ, уклоняющимся отъ совмѣстнаго жительства—только одна изъ формъ, въ которыя облекается модная проповѣдь безправія и беззаконія. Выработался, въ послѣднее время, даже особый типъ совѣтника или учителя, наставляющаго земскихъ начальниковъ въ искусствѣ не стѣсняться закономъ. Одинъ изъ такихъ совѣтниковъ—г. „Старый предводитель“, уже знакомый нашимъ читателямъ. Стоитъ только проявиться гдѣ-нибудь чему-либо похожему на „бездѣйствіе власти“ (не въ общемъ, настоящемъ смыслѣ слова, а въ спеціальномъ, вновь изобрѣтенномъ)—и на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ тотчасъ же предлагается подробный рецептъ противъ этого недуга. По сообщенію „Орловскаго Вѣстника“, въ какой-то деревнѣ, при объявленіи о введеніи въ дѣйствіе новаго порядка, земскій начальникъ предупредилъ крестьянъ, собравшихся на волостной или сельскій сходъ, что не дозволитъ употребленія водки на сходахъ, сборищахъ и при общественныхъ работахъ. Крестьяне выслушали рѣчь земскаго начальника почтительно, и на вопросъ:—поняли?—отвѣтили:—поняли, какъ не понять. Но когда начальникъ садился въ экипажъ, чтобъ уѣзжать, къ нему подошелъ крестьянинъ и, почесывая затылокъ, попросилъ для схода на ведерочку. „Въ сообщеніи не сказано,—замѣчаетъ по этому поводу г. „Старый предводитель“,—какъ поступилъ земскій начальникъ. Неужели ничего не сдѣлалъ? Неужели обратилъ это въ

шутку и спокойно сѣлъ и уѣхалъ? Но вѣдь это была насмѣшка, проба, со стороны крестьянъ, своего начальника!.. Насъ спросятъ, что бы мы, знающіе народъ, сдѣлали въ данномъ случаѣ? А вотъ что! Мы спросили бы у схода, просилъ ли этотъ мужикъ *отъ себя* на водку, или отъ схода. Еслибы сходъ сказалъ, что отъ себя—надо было бы арестовать этого одного мужика; а еслибы сходъ выразилъ солидарность съ просившимъ, то приказать старшинѣ переписать имена всѣхъ участвовавшихъ на сходѣ и приказать по-очереди пересажать въ арестантскую третьяго, четвертаго, какъ хотите, по списку. Можетъ быть, это заняло бы недѣлю времени. Что-жъ такое! Вотъ тогда бы, при такихъ энергичныхъ дѣйствіяхъ, всѣ мужики почесали бы себѣ затылки и про себя сказали бы: Э, малый, видно и взаправду закона нѣтъ пить на сходѣ водку"... Намъ кажется, что господинъ совѣтникъ, создавшій для себя титулъ „знающаго народъ" и безпрестанно, кстати и некстати, украшающій себя этимъ титуломъ, доказалъ здѣсь прежде всего совершенное незнаніе народа. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ полученіе денегъ „на ведерочку", цѣлымъ сходомъ, отъ мирового судьи, непремѣннаго члена крестьянскаго присутствія или вообще отъ лица власть имѣющаго, было у насъ до сихъ поръ чѣмъ-то общепринятымъ, обычнымъ? Ничего подобнаго не утверждали даже злѣйшіе враги упраздняемыхъ учрежденій. Какимъ же образомъ крестьяне могли обратиться съ просьбой о „ведерочкѣ" къ новому начальству, назначеніе котораго—это и въ деревняхъ очень хорошо извѣстно—заключается не въ поблажкѣ, а въ подтягиваньѣ? Одно изъ двухъ: или въ основаніи разсказа, приведеннаго „Орловскимъ Вѣстникомъ", лежитъ выдумка, шутка—или крестьяне не поняли рѣчь земскаго начальника, говорившаго слишкомъ „по книжному", и усмотрѣли въ ней нѣчто въ родѣ вызова на заявленную ими просьбу. Недоразумѣнію можно противопоставить только разъясненіе, а отнюдь не немедленную кару. Для административныхъ взысканій не было, въ данномъ случаѣ, мѣста и потому, что они налагаются за неисполненіе законныхъ требованій или распоряженій земскаго начальника—а распоряженіе еще не было сдѣлано и ужъ конечно не было нарушено: нельзя же считать *просьбу* о „ведерочкѣ" равносильной питью водки на сходѣ. Всего характеристичнѣе, впрочемъ, *способъ* взысканія, рекомендуемый г. „Старымъ предводителемъ": *наказаніе третьяго или четвертаго*, т.-е. возвращеніе къ варварскому обычаю, давно уже осужденному во имя простѣйшихъ началъ элементарной справедливости. Мнимо-патентованному „знатоку народа" и непрошенному преподавателю административнаго искусства не приходитъ даже въ голову спросить себя, законна ли предлагаемая имъ мѣра. Nous avons changé tout cela,—думаетъ онъ,

очевидно, вмѣстѣ съ Мольеровскимъ докторомъ-самозванцемъ:—что такое законъ, сравнительно съ престижемъ власти? Пустое слово, которому мѣсто въ книгѣ, а не въ жизни.

Къ чему приводитъ одобряемая и поощряемая г. „Старымъ предводителемъ“ и К° охрана начальническаго престижа—объ этомъ можно судить лучше всего по эпизоду, мѣстомъ дѣйствія котораго былъ недавно пятый земскій участокъ цивильскаго уѣзда (казанской губерніи). Одинъ изъ богатыхъ петербургскихъ хлѣботорговцевъ, купецъ Каретниковъ—такъ повѣствуетъ г. Михневичъ, объѣзжающій, по порученію „Новостей“, губерніи, пострадавшія отъ неурожая—пожелалъ пожертвовать въ пользу голодающихъ, безъ посредства какихъ бы то ни было оффиціальныхъ лицъ или учрежденій, весьма значительную сумму (20 тысячъ рублей). Узнавъ предварительно, путемъ переписки съ казанскимъ городскимъ головою, что больше всего нуждается въ помощи деревня Новое Шутнерево, въ цивильскомъ уѣздѣ, онъ послалъ туда довѣренное лицо, съ порученіемъ купить хлѣбъ и раздать нуждающимся. Когда началась раздача, о ней узналъ земскій начальникъ вышеупомянутаго участка, г. Есиповъ, и прислалъ повѣренному г. Каретникова слѣдующее „предписаніе“, буквально перепечатываемое нами изъ „Новостей“: „До меня дошли слухи, что во ввѣренномъ мнѣ участкѣ явился неизвѣстный человѣкъ и позволилъ раздавать билеты для продовольствія. Меня крайне удивляетъ, что въ моемъ участкѣ распоряжаются совершенно неизвѣстные люди и позволяютъ себѣ раздавать ярлыки, не зная кому, между тѣмъ какъ въ моемъ участкѣ есть люди по этому дѣлу болѣе компетентные, какъ, напримѣръ, я, земскій начальникъ 5-го участка цивильскаго уѣзда. Въ такомъ случаѣ я предлагаю принять пожертвованіе моему помощнику, писарю яниково-шоркизскаго волостного правленія Миронову и помощнику старшины Куприну въ пользу голодающихъ въ утвержденное мое попечительство 5-го участка; въ противномъ случаѣ, крестьянамъ моего участка запрещаю брать жертвованную муку, ибо она, по слухамъ, раздается неправильно, или прямо отберу ее отъ вышесказанныхъ крестьянъ, такъ что лучше было бы, еслибы довѣренный передалъ помощнику для представленія ко мнѣ, такъ какъ я не терплю, когда кто-то распоряжается въ моемъ участкѣ“. Одинаково замѣчательны въ этой бумагѣ и содержаніе, и форма. Она вызвана, очевидно, не безпорядками въ средѣ населенія, двинувшагося къ мѣсту раздачи хлѣба, и не неправильностью самой раздачи; о первыхъ земскій начальникъ не упоминаетъ вовсе, о второй говоритъ лишь мимоходомъ, на основаніи слуховъ. Все дѣло, очевидно, въ томъ, что раздача производилась безъ разрѣшенія земскаго начальника и не черезъ посредство *его* попечительства. Но гдѣ же законъ, обусловли-

вающій право помогать ближнему предварительнымъ дозволеніемъ власти и ея посредничествомъ между благотворителемъ и благотворимыми? Безспорно, каждый „неизвѣстный человѣкъ", появляющійся въ уѣздѣ, долженъ предъявить удостовѣреніе о своей личности—но предъявить его полиціи, а не земскому начальнику, въ аттрибуціи котораго вовсе не входитъ надзоръ за пріѣзжими. Еще меньше можетъ быть рѣчь о врученіи пожертвованія не кому иному, какъ только лицамъ, имѣющимъ уполномочіе отъ земскаго начальника. Жертвователь, въ данномъ случаѣ, вѣрилъ своему посланному, а отнюдь не писарю Миронову и не помощнику старшины Куприну. Исполнивъ требованіе земскаго начальника, довѣренный г. Каретникова явно нарушилъ бы волю своего довѣрителя. Утѣшительно было узнать, что губернаторъ отмѣнилъ распоряженіе земскаго начальника и приказалъ выдать повѣренному г. Каретникова открытый листъ на безпрепятственную, кому онъ признаетъ нужнымъ, раздачу хлѣба; но самый фактъ вмѣшательства земскаго начальника въ частное благотворительное дѣло остается, тѣмъ не менѣе, весьма характеристичнымъ. Запрещеніе голоднымъ принимать хлѣбъ, жертвуемый съ нарушеніемъ формы (нарушеніемъ, въ добавокъ, мнимымъ), угроза отобрать (!) неформально полученный хлѣбъ—все это представляетъ собою новѣйшее видоизмѣненіе извѣстной формулы: „Périssent les colonies plutôt qu'un principe!" Разница только въ степени важности оберегаемаго принципа: прежде имѣлись въ виду права государства, теперь идетъ рѣчь о престижѣ земскаго начальника.

Своеобразныя представленія о законѣ и законности существуютъ, повидимому, не только между черезъ-чуръ ревностными приверженцами новыхъ судебно-административныхъ учрежденій: они проявляются, по временамъ, и въ другихъ сферахъ. Какъ понять, напримѣръ, слѣдующее распоряженіе черниговскаго губернатора, напечатанное огромными буквами въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 82, 17-го октября нынѣшняго года): „Строго воспрещаю всѣмъ хлѣбнымъ торговцамъ покупку хлѣба не на базарныхъ площадяхъ. Крестьянъ, везущихъ свой хлѣбъ на рынокъ, не смѣть задерживать на дорогахъ, улицахъ, переправахъ и другихъ мѣстахъ. Воспрещаю торговцамъ производить скупку хлѣба ранѣе 12-ти часовъ. Уѣзднымъ исправникамъ, полиціймейстерамъ и всѣмъ чинамъ полиціи мною строго предписано слѣдить за скупщиками и за исполненіемъ въ точности этого моего распоряженія. Если же кто изъ скупщиковъ, несмотря на это распоряженіе, осмѣлится его нарушить и будетъ скупать хлѣбъ на дорогахъ, переправахъ и ранѣе полудня на базарахъ, то такихъ ослушниковъ я предписалъ полиціи представлять немедленно ко мнѣ въ Черниговъ для личнаго моего имъ

внушенія". Не касаясь вопроса о томъ, соотвѣтствуетъ ли это распоряженіе, поскольку оно опредѣляетъ самый порядокъ покупки хлѣба, правиламъ объ изданіи губернскою властью обязательныхъ для жителей губерніи постановленій, остановимся только на послѣднихъ словахъ, относящихся къ „ослушникамъ" распоряженія. Доставка „ослушника" въ губернскій городъ является такимъ усложненіемъ административнаго взысканія, которое не предусмотрѣно никакимъ закономъ и не оправдывается никакою необходимостью. Если виновный въ такихъ проступкахъ, какъ кража, мошенничество, растрата, судится—за исключеніемъ особенно важныхъ случаевъ—недалеко отъ мѣста совершенія проступка (волостнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ, городскимъ судьею, уѣзднымъ членомъ окружного суда), то на какомъ же основаніи лицо, ослушавшееся губернаторскаго распоряженія, должно быть отправляемо въ губернскій городъ, за нѣсколько сотъ, быть можетъ, верстъ, подвергаясь всѣмъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ пересылкой по этапу, или всѣмъ расходамъ, сопряженнымъ съ переѣздомъ на собственныя средства? Не значитъ ли это установлять слишкомъ явное неравенство между „ослушниками" черниговскаго уѣзда и дальнихъ окраинъ губерніи, и прибавлять къ аресту или штрафу еще другое наказаніе, фактически болѣе тяжкое? И почему же *внушеніе* „ослушнику" непремѣнно должно быть сдѣлано лично губернаторомъ?.. Въ прежнее время естественно было бы предположить, что подъ именемъ „внушенія" разумѣется нѣчто совершенно иное, лишь для благозвучія или приличія означаемое столь мягкимъ именемъ; но теперь о такихъ предположеніяхъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи.

Формы разбора, не предусмотрѣнныя закономъ, обращаются иногда въ нѣчто постоянное и quasi-правильное. Такова, напримѣръ, „камера судебно-полицейскихъ разбирательствъ", описанная нижегородскимъ корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей" (№ 272). Это цѣлое учрежденіе, функціонирующее, во время нижегородской ярмарки, уже нѣсколько лѣтъ сряду и состоящее изъ двухъ помощниковъ полиціймейстера и одного члена ярмарочнаго комитета. Создалось оно не въ силу закона, а въ силу распоряженія губернатора—создалось вслѣдствіе наплыва специфически-ярмарочныхъ дѣлъ, требующихъ быстраго рѣшенія. При нормальномъ отношеніи къ закону этотъ наплывъ могъ бы повлечь за собою только одно: усиленіе судебнаго персонала и упрощеніе процессуальныхъ формъ, замедляющихъ движеніе дѣла. Въ настоящее время предпочтеніе дано другому средству — внѣ-легальному расширенію полицейскихъ функцій, осуществляемому съ помощью страха передъ административными взысканіями. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ теченіе всего ярмарочнаго періода,

дѣйствуетъ положеніе объ усиленной охранѣ, облекающее губернатора весьма обширною властью — и вотъ, порожденіемъ этой власти является, между прочимъ, „камера судебно-полицейскихъ разбирательствъ“. Допустимъ, что опасность, представляемая подобнымъ учрежденіемъ, уменьшается, въ данномъ случаѣ, личными свойствами, которыми, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей“ обладаетъ нижегородскій губернаторъ и которыя онъ съумѣлъ, если вѣрить московской газетѣ, передать своей полиціи. Но вѣдь примѣру одной мѣстности легко могутъ послѣдовать и другія—а вотъ что мы читаемъ о полиціи вообще въ той же самой газетной статьѣ, гдѣ восхваляется генералъ Барановъ („Московскія Вѣдомости“, № 232). „Извѣстное дѣло, —такъ передаетъ авторъ статьи слова какого-то купца, внушающія ему, очевидно, полное довѣріе, — вся суть всякихъ непорядковъ и въ городѣ, и въ уѣздѣ происходитъ повсюду отъ взятокъ. Вѣдь полиція, надо прямо говорить, деретъ съ живого и съ мертваго; никакого дѣла нельзя дѣлать, такъ кругомъ и ходитъ. Я ужъ не говорю про разныхъ трактирщиковъ, содержателей гостинницъ и номеровъ,— всякій, начиная съ простого извозчика, котораго жметъ городовой, и кончая нами, домовладѣльцами, *у нихъ* все равно, что въ крѣпости. Попробуй-ка, забудь послать „праздничное“ на Рождество или на Пасху въ участокъ—такъ узнаешь, что̀ значитъ полиція. Да и праздничное-то посылай умѣючи—не забудь приставу, помощникамъ, письмоводителю, паспортисту, околоточному, городовымъ, сторожамъ. Можно смѣло сказать, что нѣтъ домовладѣльца, у котораго эти „праздничныя“ не стояли бы крупною цифрой постояннаго расхода. Спросите домовладѣльца, купца или другого промышленника: сколько вы получаете дохода и какой вашъ расходъ? Непремѣнно, при перечисленіи послѣдняго, скажутъ: на полицію столько-то. И говорятъ это хладнокровно, точно такъ и быть должно. Затѣмъ всякое дѣло, какое ни начни, требуетъ расходовъ: строишься—давай, магазинъ открываешь—давай, справку берешь—давай; давай за то, что къ тебѣ въ лавку „не ходятъ“, давай за то, что къ тебѣ „не подводятъ“, словомъ, давай за все. Да это еще я говорю про обыкновеннаго обывателя, про обывателя, который живетъ по законамъ, ничего дурного не дѣлаетъ — просто работаетъ и хлѣбъ заработываетъ честнымъ трудомъ. А посмотрите, что̀ дѣлается съ тѣми, кто занимается маломальски рискованнымъ дѣломъ“... Если справедлива хотя небольшая часть здѣсь сказаннаго—а сомнѣваться въ этомъ едва ли возможно, —то нетрудно понять, въ какой степени нежелательно расширеніе „судебно-полицейской“ власти. Вѣдь до-реформенныя времена еще не за горами; многіе еще помнятъ, къ чему приводило смѣшеніе поли-

цейскихъ обязанностей съ судебными. Кажущаяся новизна есть, въ сущности, возвращеніе къ старинѣ, похороненной, четверть вѣка тому назадъ, при всеобщемъ ликованіи русскаго народа.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что многія изъ земскихъ собраній, выбранныхъ при дѣйствіи новаго земскаго положенія, оказываются столь же рѣшительными приверженцами земской школы, какъ и собранія прежняго состава. Число такихъ утѣшительныхъ фактовъ постоянно увеличивается, по мѣрѣ накопленія извѣстій о послѣднихъ очередныхъ сессіяхъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Такъ напримѣръ, весьегонское земство, утвердивъ смѣту на народное образованіе въ прежнемъ, довольно значительномъ, размѣрѣ (22 тыс. рублей), разрѣшило устройство передвижныхъ школьныхъ библіотекъ и открытіе маленькихъ земскихъ школъ, съ пособіемъ отъ земства учителю отъ 60 до 100 рублей и на учебныя пособія 20 рублей. Въ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи докладъ училищнаго совѣта—составленный (инспекторомъ народныхъ училищъ), по словамъ „Саратовскаго Дневника“, горячо, „въ хорошемъ тонѣ добраго стараго времени“— возбудилъ большое вниманіе и сочувствіе; ни одинъ изъ гласныхъ не рѣшился возражать противъ мѣръ, направленныхъ къ развитію начальнаго образованія [1]). Такъ же сочувственно отнеслись оба собранія—весьегонское и саратовское—и къ дальнѣйшему развитію земской медицины. Весьегонское земство постановило открыть новую больницу

---

[1]) Кстати о школахъ саратовскаго уѣзда. Читатели, вѣроятно, еще не забыли исторію школъ кувыкской и николаевской (1890 г., № 12 и 1891 г. № 5). Вскорѣ послѣ появленія послѣдней изъ этихъ хроникъ, мы получили отъ одного изъ мѣстныхъ дѣятелей саратовской губерніи письмо, написанное въ защиту законоучителя названныхъ школъ, протоіерея Розанова. Это письмо не могло измѣнить нашего взгляда, потому что онъ былъ основанъ на достовѣрныхъ данныхъ. Теперь эти данныя нашли новое подтвержденіе въ отчетѣ училищнаго совѣта, представленномъ саратовскому уѣздному земскому собранію (изъ кувыкской школы—сказано, между прочимъ, въ отчетѣ—почти всѣ ученики были *насильно уведены* въ школу грамотности). Мѣсто отчета, касающееся училищъ кувыкскаго и николаевскаго, послужило поводомъ къ слѣдующему любопытному эпизоду. Училищный совѣтъ просилъ собраніе о напечатаніи его отчета. Собраніе постановило уважить эту просьбу; но одинъ изъ гласныхъ, А. А. Шахматовъ, возразилъ противъ постановленія собранія, не какъ гласный, а какъ земскій начальникъ. „Я нахожу неудобнымъ,—замѣтилъ онъ,—чтобы прихожане о. Розанова читали въ земскомъ училищномъ отчетѣ осужденіе его дѣятельности“. Слова г. Шахматова были встрѣчены со стороны однихъ гласныхъ одобреніемъ, со стороны другихъ — недоумѣніемъ. Инспекторъ народныхъ училищъ, мнѣніе котораго пожелалъ узнать предсѣдатель собранія, высказался въ пользу урѣзки отчета—и она была, въ концѣ концовъ, принята собраніемъ.

ИСПОЛНЕНІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ ЗА 1890 ГОДЪ.

Исполненіе государственной росписи за 1890 годъ оказалось приблизительно столь же удовлетворительнымъ, какъ и исполненіе росписей двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, при чемъ *по обыкновенному бюджету* доходы значительно превзошли исчисленіе росписи, расходовъ же, напротивъ, произведено слишкомъ на 16 мил. рублей менѣе. Согласно вышедшему недавно отчету государственнаго контроля исполненіе этой росписи представляется по обыкновенному бюджету въ слѣдующемъ видѣ, сравнительно съ первоначальными предположеніями:

	Было исчислено по росписи:	Оказалось по ея исполненіи:
	рублей	
Доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ). . . .	891.491.308	943.685.770
Расходовъ (прямыхъ и оборотныхъ). . . .	894.085.000	877.779.550

Такимъ образомъ превышеніе доходовъ надъ расходами по этому бюджету составило 66.906.220 р.; съ присоединеніемъ же къ нимъ 7.133.470 р. остатка отъ окончательно заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, по принятому порядку причисляемаго къ доходамъ того года, когда кредиты по этимъ смѣтамъ закрываются,—избытокъ доходовъ доходитъ до 73 мил. рублей.

По чрезвычайному бюджету—	исчислено по росписи:	оказалось:
	рублей	
Поступленій	15.869.465 [1])	103.686.990
Расходовъ	57.818.700	178.732.127

Слѣдовательно, недоборъ составлялъ 75.046.127 р.; по вычетѣ изъ нихъ 1.947.700 р. остатковъ отъ заключенныхъ чрезвычайныхъ смѣтъ прежняго времени, недоборъ въ доходахъ по чрезвычайному бюджету уменьшится до 73.099.437 рублей и такимъ образомъ превзойдетъ избытокъ доходовъ по бюджету обыкновенному на 57.746 рублей, которые поэтому и составятъ дефицитъ по исполненію всей росписи 1890 года.

Считать однако эту роспись сведенною съ дефицитомъ было бы неправильно, такъ какъ въ чрезвычайныхъ доходахъ значится 71.427.311 р., полученныхъ займомъ, а въ расходѣ 119.260.955 р.

[1]) По росписи было показано въ добавленіе къ этой суммѣ еще 40.508,000 р. изъ свободной наличности государственнаго казначейства.

уплаченнаго долга или суммъ, данныхъ взаймы. Та и другая сумма не можетъ быть отнесена на бюджетъ 1890 года. По исключеніи ихъ, чрезвычайныя поступленія этого года составятъ 32.259.679 р., а расходы—59.462.172 р., такъ что недоборъ поступленій по чрезвычайному бюджету сводится къ 27 мил. рублей, а изъ нихъ нужно еще вычесть остатокъ отъ заключенныхъ чрезвычайныхъ смѣтъ 1.947.700 р. Такимъ образомъ, по исполненію всей росписи получается не дефицитъ, а избытокъ доходовъ около 48 мил. р.,—меньше двухъ предшествующихъ лѣтъ, но все-таки болѣе нежели удовлетворительный, особенно въ виду того, что это избытокъ, получившійся за покрытіемъ крупнаго недобора по чрезвычайному бюджету.

Преимущественнаго вниманія заслуживаютъ, разумѣется, результаты исполненія росписи *по обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ*, такъ какъ нѣкоторые расходы чрезвычайные, представляющіе крупныя производительныя затраты, какъ напр. постройка или пріобрѣтеніе казною желѣзныхъ дорогъ, было бы неправильно возлагать на бюджетъ одного года. Въ прежнее время, какъ мы не разъ упоминали, сужденіе объ успѣшности или неуспѣшности исполненія государственной росписи исключительно основывалось на результатѣ обыкновеннаго бюджета, а о чрезвычайномъ вовсе не упоминалось [1]). Отчасти это объяснялось тѣмъ, что и въ обыкновенныхъ оказывались постоянные дефициты. Въ восемь лѣтъ, съ 1880 по 1887 включительно, сплошные дефициты въ общемъ составили около 214 м. р., т.-е., среднимъ числомъ, слишкомъ 26 м. р. въ годъ, причемъ дефицитъ 1887 года не превышалъ $3^1/_2$ м. р., но зато дефицитъ предшествовавшаго, 1886 года доходилъ до 50 мил. рублей.

Въ 1888 году, какъ извѣстно, дефициты по обыкновенному бюджету смѣнились разомъ весьма крупнымъ излишкомъ въ доходахъ, составившимъ болѣе 60 м. р. Въ слѣдующемъ году этотъ излишекъ достигъ $86^1/_2$ мил. р. Нѣкоторое пониженіе его въ 1890 году, до 73 мил. рублей, объясняется почти въ полной суммѣ тѣмъ, что, вслѣдствіе измѣненія въ порядкѣ отпуска кредитовъ по системѣ государственнаго кредита, къ доходамъ 1889 года были присоединены весьма крупные остатки заключенныхъ смѣтъ прежняго времени, $17^1/_2$ м. р.,—на 19 мил. р. болѣе остатковъ, присоединенныхъ въ 1890 году. Если за оба года исключить изъ доходовъ эти остатки, то оказывается:

---

[1]) Недавно вышло изданіе бухгалтеріи государственнаго контроля: „Общій сводъ государственныхъ росписей *по обыкновеннымъ* доходамъ и расходамъ за двадцатипятилѣтіе 1866—1890 гг.“. Можно думать, что бухгалтерія ограничилась обыкновеннымъ бюджетомъ именно потому, что затруднилась, на основаніи отчетовъ государственнаго контроля, подвести точный итогъ поступленій и расходовъ *чрезвычайныхъ*.

въ 1889 году обыкновенныхъ доходовъ 927 м. р. и расходовъ 858 м. р., а
„ 1890 „ „ „ 944 „ „ „ „ 878 „ „

Такимъ образомъ, при увеличеніи расходовъ на 20 м. р., доходы увеличились почти на равную сумму, на 17 м. р.; но именно при подробномъ разсмотрѣніи поступленій по отдѣльнымъ статьямъ, особенно пользуясь комментаріями объяснительной записки государственнаго контроля, въ нихъ нельзя не усмотрѣть неблагопріятныхъ признаковъ, какъ бы предваренія печальнаго положенія настоящаго года.

Изъ 40 статей доходной смѣты, по 26—послѣдовало увеличеніе поступленій, еще по нѣсколькимъ—цифра за оба года почти тождественна; но немногія статьи съ пониженной цифрой дохода относятся къ такимъ, по которымъ успѣшное поступленіе признается мѣриломъ народнаго благосостоянія,—прежде всего по окладнымъ сборамъ. Правда, въ поступленіи *податей и поземельнаго налога* оказалось даже нѣкоторое, совершенно ничтожное, увеличеніе противъ предшествовавшаго года, но *въ выкупныхъ платежахъ* бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ казенныхъ крестьянъ послѣдовало уменьшеніе слишкомъ на $3^1/_2$ мил. рублей; сравнительно же съ росписью недоборъ этотъ достигъ $7^1/_2$ мил. рублей слишкомъ, вслѣдствіе, какъ указывается государственнымъ контролемъ, неудовлетворительнаго урожая 1889 и 1890 гг. преимущественно въ губерніяхъ восточной полосы имперіи, приволжскихъ и двухъ приуральскихъ. Особенно плохими оказывались платежи въ губерніяхъ самарской и казанской.

Неудовлетворительное, чтобы не сказать бѣдственное, экономическое положеніе сельскаго населенія казанской губерніи давно уже обратило на себя вниманіе правительства и общества, и вызвало даже, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, законодательный актъ, облегчавшій населенію взносъ накопившихся на немъ недоимокъ. Но почти сплошные неурожаи, за исключеніемъ двухъ-трехъ сносныхъ лѣтъ, не дали ему возможности оправиться: лежащая на населеніи этомъ недоимка уже къ 1889 году простиралась до 6 мил. рублей, а къ 1891 году достигла 8 мил. рублей, слишкомъ вдвое превосходя годовую цифру окладного налога.

Не менѣе, если не болѣе печально положеніе самарской губерніи, постигнутой неурожаемъ четыре года кряду, не считая бѣдственнаго неурожая 1891 года. Уже къ 1889 году недоимокъ по окладнымъ сборамъ накопилось на населеніи этой губерніи до 8 мил. рублей. Въ газетахъ сообщалось о цѣломъ рядѣ бѣдствій, обрушившихся въ указанномъ году на эту губернію, о неурожаѣ хлѣбовъ и травъ, поврежденіи посѣвовъ насѣкомыми и сусликами и въ довершеніе—чумная эпизоотія. Безкормица была такова, что, несмотря на гибель животныхъ отъ болѣзней, сельское населеніе должно было распродавать

за безцѣнокъ послѣдній скотъ и лошадей. Недоимка къ 1890 году составляла 9 м. р. слишкомъ, а къ 1891 году увеличилась до $11^1/_2$ м. р., въ три раза превышая годовой окладъ (3.700.000 р.). Значительно возросла также недоимка по окладнымъ сборамъ въ губерніяхъ самарской, пензенской, нижегородской, оренбургской, пермской, саратовской, уфимской, тамбовской, московской и нѣкоторыхъ другихъ. Вполнѣ удовлетворительнымъ, по удостовѣренію государственнаго контроля, оказалось поступленіе окладныхъ сборовъ въ 1890 году въ губерніяхъ крайняго сѣвера, въ царствѣ польскомъ и прибалтійскомъ краѣ.

Неурожай 1889 и 1890 гг. во многихъ мѣстностяхъ имперіи невыгодно отразился и на *питейномъ доходѣ*, котораго въ 1890 году поступило $268^1/_2$ м. р., менѣе предшествовавшаго года на $6^1/_2$ мил. р., причемъ уменьшеніе послѣдовало почти на 8 мил. рублей по акцизу со спирта и вина, при увеличеніи на $1^1/_2$ м. р. патентнаго сбора, акциза съ дрожжей и другихъ мелкихъ питейныхъ сборовъ.

Питейный доходъ, какъ показываетъ самая цифра его поступленія, составляетъ преобладающій источникъ средствъ казны. Въ прежнее время онъ превышалъ треть всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ; теперь—недалекъ отъ этой трети, такъ что даже незначительныя относительно колебанія въ немъ замѣтно отражаются на результатѣ государственнаго бюджета. Мало того, питейный доходъ игралъ въ регулированіи нашего бюджета такую же роль, какую имѣетъ подоходный налогъ, гдѣ онъ введенъ: оказывалась потребность увеличить доходный бюджетъ, — стоило только увеличить акцизъ со спирта и *вина* (подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, разумѣется у насъ разбавленный хлѣбный спиртъ, въ просторѣчіи называемый водкой, какъ мы и будемъ его называть), и требуемый избытокъ дохода получался, но и акцизъ увеличивался: съ первоначально установленныхъ въ 1862 г., по замѣнѣ откупной системы акцизною, 4 рублей съ ведра безводнаго спирта онъ въ теченіе двадцати лѣтъ былъ повышенъ до 8 руб. съ ведра. Соотвѣтственно съ этимъ росъ и питейный доходъ: съ 133 мил. р., поступившихъ въ 1868 г., напримѣръ, онъ въ 1882 и 1883 гг., при 8-рублевомъ акцизѣ, увеличился до 253 мил. р. Это была однако, повидимому, кульминаціонная точка или, по крайней мѣрѣ, точка близкая къ ней, такъ какъ въ слѣдующіе годы питейный доходъ понизился почти до того размѣра, въ какомъ онъ былъ при семирублевомъ акцизѣ. Новое повышеніе акциза сперва до 9 р., потомъ до $9^1/_4$ р., при цѣломъ рядѣ урожайныхъ годовъ, опять его повысило, и онъ достигъ въ 1889 году 275 м. р., но въ 1890 году понизился, какъ указано, до 268 м. р. Въ нынѣшнемъ году несомнѣнно послѣдуетъ новое его пониженіе. Если онъ понизится всего

на 8 м. р., то будетъ весьма недалекъ отъ цифры дохода 1883 года (около 254 м. р.). Между тѣмъ увеличенный съ того времени на $1^1/_4$ коп., при 25 м. ведеръ потребляемаго приблизительно народомъ спирта—падаетъ, почти безъ всякой выгоды для казны, тяжелымъ бременемъ на населеніе и при томъ преимущественно на наиболѣе нуждающіеся классы, сельскіе и городскіе. Невольно рождается вопросъ: насколько справедливъ налогъ, падающій главнымъ образомъ на эти классы и установленный въ размѣрѣ, въ 6 и 7 разъ превосходящемъ стоимость обложеннаго продукта? Спиртъ стоитъ отъ $1^1/_{10}$ до $1^1/_2$ коп. за градусъ, а взимается съ него акциза $9^1/_4$ коп. съ градуса, не говоря о торговой надбавкѣ въ продажѣ особенно дробной, такъ что населеніе платитъ за спиртъ въ 9 и 10 разъ дороже его первоначальной цѣны. Между тѣмъ, несомнѣнно, бо́льшая часть питейнаго налога уплачивается низшими слоями населенія. Не отсюда ли его бѣдственная безпомощность въ годы, подобные нынѣшнему? Если бы продукты, потребляемые преимущественно зажиточными классами, были обложены акцизомъ въ размѣрѣ питейнаго, то фунтъ сахара стоилъ бы 50—60 коп., бутылка самаго дешеваго виноградная вина—2—3 р. и выше, фунтъ табака—10—15 рублей.

Наши народолюбцы готовы впрочемъ утверждать, и утверждали, что высокій акцизъ съ водки служитъ въ пользу самого же народа: пьянство въ народѣ такъ развито, что дорога или дешева будетъ водка—онъ непремѣнно пропьетъ все, что́ можетъ; чѣмъ выше акцизъ и чѣмъ, слѣдовательно, водка дороже, тѣмъ меньше будетъ ея выпито съ выгодой для народнаго здоровья и народнаго труда, да и казна больше получитъ.

Предположимъ, что все это правда, но въ такомъ случаѣ, признаемся, какъ-то странно, съ одной стороны, сокрушаться о народномъ пьянствѣ, а съ другой—стремиться извлечь изъ этого порока побольше барыша. Если же это не такъ, если потребленіе народомъ водки вызывается условіями его быта, полезно при этихъ условіяхъ и не можетъ перейти извѣстнаго предѣла,—то акцизъ съ водки долженъ быть значительно пониженъ (не разомъ, а исподволь), приблизительно до размѣра, въ какомъ онъ былъ первоначально установленъ. Если же это такъ, или почти такъ, и пьянство есть глубоко вкоренившійся народный порокъ, то противъ него должны быть приняты не паліативы, а нѣчто болѣе коренное; не забота, чтобы народу было не на что напиться, а стремленіе *совершенно изъять водку изъ народнаго потребленія*, какія бы отъ этого ни были послѣдствія для государственнаго бюджета. Средствомъ для этого должно служить: 1) полное запрещеніе внѣ городовъ продажи водки и ея суррогатовъ („мадеры“, „хересовъ“, вообще разныхъ смѣсей съ большимъ про-

центнымъ содержаніемъ спирта); 2) предоставленіе свободнаго пивои медоваренія; 3) уничтоженіе всякой распивочной на мѣстѣ продажи водки и ея суррогатовъ въ городахъ, въ распивочныхъ и въ трактирахъ, съ разрѣшеніемъ лишь продажи пива, меду и виноградnаго вина, не превышающаго, по содержанію спирта, опредѣленной нормы.

Предположеніе наше вовсе не такъ уже несбыточно, какъ можетъ казаться на первый разъ. Какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сплошь и рядомъ составлялись приговоры сельскихъ обществъ о недопущеніи продажи спиртныхъ напитковъ въ чертѣ ихъ селъ. Съ преобразованіемъ питейнаго устава право утвержденія такихъ приговоровъ было передано питейнымъ присутствіямъ, и слухи о прекращеніи гдѣ-либо продажи водки стали рѣдки. Теперь, подъ вліяніемъ бѣдствія, подобные приговоры возобновились. Въ началѣ ноября въ печати появилось извѣстіе, что въ малмадышскомъ уѣздѣ казанской губерніи составлено крестьянами 62 приговора о запрещеніи по селамъ и деревнямъ раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ. Приговоры эти утверждены мѣстнымъ присутствіемъ по питейнымъ дѣламъ на трехлѣтіе 1892—1894 гг., такъ что—какъ бы торжествуя, заключаетъ корреспондентъ,—въ 72 деревняхъ и поселкахъ названнаго уѣзда въ теченіе трехъ лѣтъ не будетъ ни одного кабака.

Вслѣдъ за тѣмъ телеграфъ передалъ извѣстіе, что одесская городская управа вошла въ думу съ докладомъ о запрещеніи открывать съ 1892 года заведенія съ раздробительною продажею крѣпкихъ напитковъ во всѣхъ селеніяхъ одесскаго градоначальства, такъ какъ подобныя заведенія только разоряютъ и деморализуютъ народъ. Въ то же время управа предложила ограничить число винныхъ лавокъ, допуская одну винную лавку на 50 дворовъ. Вторая телеграмма сообщаетъ, что предложеніе это утверждено постановленіемъ думы.

Такимъ образомъ прекратившееся-было движеніе ограничить потребленіе водки въ сельскихъ населеніяхъ снова возникло и, какъ можно думать, не остановится на двухъ приведенныхъ постановленіяхъ. Но, по нашему мнѣнію, частныхъ рѣшеній по этому предмету недостаточно; должна быть намѣчена точная и опредѣленная цѣль: полное, безусловное искорененіе потребленія въ Россіи водки, какъ ядовитаго вещества, которое даже въ количествѣ, не доходящемъ до излишества, вредно дѣйствуетъ на организмъ, а въ излишнемъ—и губитъ здоровье, и разоряетъ.

На вопросъ, что же станется съ государственнымъ бюджетомъ, если, вслѣдствіе изгнанія водки, питейный доходъ сократится приблизительно на $^2/_3$, т.-е. вмѣсто 270 мил. р. около 100 м. р. (спиртъ

все-таки будетъ приготовляться для техническихъ и промышленныхъ цѣлей),—можно отвѣтить, что это вопросъ если и не второстепенный, то и не главный. Изъ народнаго порока пьянства государство не можетъ и не должно извлекать выгодъ, какъ не извлекаетъ ихъ изъ игорныхъ домовъ или притоновъ разврата, по отношенію къ которымъ поэтому и развязаны руки относительно административныхъ мѣръ.

Впрочемъ и относительно пути, на которомъ слѣдуетъ искать возможности пополнить недостатокъ въ государственныхъ доходахъ, не нами одними указывалось уже не разъ на введеніе подоходнаго налога, и притомъ въ отмѣну не одного питейнаго акциза, но и нѣкоторыхъ другихъ, наиболѣе стѣсняющихъ народную производительность, косвенныхъ налоговъ.

Обязательныхъ платежей обществъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ поступило въ 1890 году 38½ мил. рублей, менѣе предшествующаго года почти на 11 м. рублей. Такое уменьшеніе произошло, по всей вѣроятности, во-первыхъ (милліоновъ на 6), отъ перехода въ казну въ 1890 году дорогъ закавказской, моршано-сызранской и рязково-вяземской; во-вторыхъ, отъ пониженія вообще въ 1889 [1]) и 1890 году доходности нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ параллель съ уменьшеніемъ платежей частныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе присоединенія трехъ изъ нихъ къ казенной сѣти, должна была увеличиться доходность послѣдней. Дѣйствительно, отъ казенныхъ дорогъ поступило въ 1890 году 49 мил. рублей, болѣе предшествующаго года на 16 мил. р. Но бо́льшая часть этой суммы (около 13 мил. р.) поглощена расходами по эксплуатаціи, такъ что казна, какъ и слѣдовало ожидать, отъ присоединенія къ ея сѣти частныхъ дорогъ оказалась, по крайней мѣрѣ на первый разъ, не въ выгодѣ.

Изъ увеличившихся противъ предшествующаго года доходовъ преимущественнаго вниманія по своему размѣру заслуживаетъ *таможенный доходъ*. Онъ доставилъ въ 1890 году 142 м. р., почти на 4 м. р. болѣе предшествующаго года, если переложить въ кредитную валюту—по курсу 1 р. 70 к. кред., принятому одинаково для росписей какъ 1890, такъ и 1889 г.—золотую валюту, въ которой поступаютъ таможенныя пошлины. Точнѣе—поступило: въ 1889 году 80.240.000 р. мет. и 1.650.000 рублей кредитныхъ; въ 1890 году—82.691.000 руб. мет. и 1.370.000 рублей кредитныхъ, т.-е. увеличеніе составило

[1]) Окончательные разсчеты по суммамъ, которыя желѣзныя дороги обязаны внести въ казну, находятся въ зависимости отъ результата годичной эксплуатаціи той или другой желѣзной дороги, и потому поступаютъ въ казну не въ отчетномъ, а въ слѣдующемъ году, т.-е. въ 1890 поступали главнымъ образомъ платежи за 1889 годъ.

2.450.000 руб. мет. при уменьшеніи на 280.000 поступленія рублей кредитныхъ.

Въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ нашъ таможенный тарифъ, какъ извѣстно, подвергался постояннымъ измѣненіямъ. Въ 1876 году состоялось Высочайшее повелѣніе о взиманіи таможенной пошлины золотыми рублями въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ она взималась рублями кредитными. Это разомъ подняло размѣръ тарифа на разницу въ стоимости золотого и кредитнаго рубля. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ „пересмотровъ" тарифа, то общихъ, то по отдѣльнымъ видамъ товаровъ, приводившихъ неизмѣнно къ возвышенію размѣра пошлинъ. Каждое измѣненіе тарифа, какъ готовящееся, такъ и свершившееся, неизмѣнно вліяло на размѣръ ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ, а слѣдовательно и на размѣръ таможеннаго дохода. Съ 16-го августа 1890 года установлена на бо́льшую часть предметовъ заграничнаго ввоза надбавочная пошлина въ 20%. Тѣмъ не менѣе, ввозъ къ намъ товаровъ со времени этой надбавки не только не уменьшился, но даже увеличился; слабый, какъ это видно изъ объяснительной записки къ отчету государственнаго контроля, въ первые семь мѣсяцевъ 1890 года, ввозъ товаровъ усилился въ послѣднюю треть года, что́ и повело, при надбавкѣ въ 20%, къ увеличенію таможеннаго дохода 1890 г., сравнительно съ 1889 г. Причина столь необъяснимаго на первый взглядъ явленія заключалась въ томъ, что въ министерствѣ финансовъ былъ уже изготовленъ и вносился въ государственный совѣтъ проектъ новаго таможеннаго тарифа. Судя по направленію таможенной политики какъ Россіи, такъ и другихъ европейскихъ государствъ, импортеры ожидали отъ новаго тарифа дальнѣйшаго возвышенія пошлинъ и спѣшили ввозомъ и очисткою товаровъ. Опасенія ихъ, какъ извѣстно, не оправдались: благодаря государственному совѣту, новый тарифъ не отличается такой исключительностію, какой отъ него ожидали, но въ результатѣ опасеній все-таки явилось увеличеніе таможеннаго дохода въ 1890 году. По логикѣ вещей оно должно отразиться пониженіемъ этого дохода въ текущемъ году, и дѣйствительно, по свѣденіямъ министерства финансовъ, ввозъ иностранныхъ товаровъ за первое полугодіе этого года ниже предшествовавшаго, что́ впрочемъ вызывается также сокращеніемъ вывоза нашего хлѣба.

Относительно крупное увеличеніе, на 5 м. р., оказалось въ *прибыляхъ отъ казенныхъ капиталовъ и банковыхъ операцій:* въ 1889 г. ихъ поступило 11 м. р., а въ 1890 году—16 м. р. Это увеличеніе приписывается въ объяснительной запискѣ увеличенію прибылей государственнаго банка и увеличенію поступленій отъ заграничныхъ банкировъ, вслѣдствіе накопленія обращавшихся у нихъ въ отчетномъ

году суммъ и возвышенію размѣра платимыхъ банкирами на эти суммы процентовъ.

Нельзя не усмотрѣть, что это объясненіе не вполнѣ ясно: почему прибыли государственнаго банка увеличились; для чего у заграничныхъ банкировъ накопились суммы, принадлежащія нашему государственному казначейству; почему эти суммы могли доставлять прибыль только находясь у заграничныхъ банкировъ, а не дома; почему, наконецъ, эти банкиры по находившимся у нихъ суммамъ платили возвышенные проценты какъ разъ въ то время, когда нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ производился рядъ конверсій съ цѣлью пониженія уплачиваемыхъ казной за займы процентовъ? Такая неясность, повидимому, происходитъ отъ того, что операціи государственнаго банка да и вообще наши государственныя кредитныя операціи до сихъ поръ остаются изъяты отъ ревизіи государственныхъ контрольныхъ учрежденій, хотя по общему убѣжденію, господствующему не только въ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, давно бы пора съ бо́льшимъ разумѣніемъ сущности дѣла заглянуть въ эту terram incognitam одной изъ главнѣйшихъ отраслей финансоваго вѣдомства.

Переходимъ къ расходамъ.

Обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, какъ показано выше, произведено въ 1890 году—877.779.550 р., болѣе предшествующаго года на 20 мил. рублей. Если же изъ расходовъ за тотъ и другой годъ исключить расходы въ счетъ будущихъ лѣтъ (8 м. р. въ 1889 г. и 3½ м. р. въ 1890 г.), то превышеніе расходовъ 1890 года, сравнительно съ предъидущимъ, составитъ 24½ м. р. Четыре-пятыхъ этого излишка, 19 мил. р., относятся къ смѣтамъ вѣдомства путей сообщенія, расходъ котораго достигъ въ 1890 году 56 мил. рублей. Увеличеніе расходовъ этого вѣдомства послѣдовало главнымъ образомъ: на эксплуатацію закавказской, моршано-сызранской и ряжско-вязем-ской желѣзныхъ дорогъ (около 13 м. р.); на усиленіе работъ по постройкѣ стратегическихъ шоссе въ западномъ краѣ и шоссейныя работы на Кавказѣ (2 м. р.); на работы по улучшенію Маріинской водной системы (около 2 м. р.); на эксплуатацію полѣсскихъ и уральской желѣзныхъ дорогъ (1 м. р.) и нѣкоторыхъ другихъ.

По всѣмъ другимъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ министерства государственныхъ имуществъ, также оказалось увеличеніе расходовъ; самое крупное, на 7½ м. р., по военному вѣдомству отъ увеличенія размѣра нормальнаго ассигнованія этому министерству, отъ возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ и отъ увеличенія расходовъ по эксплуатаціи закаспійской желѣзной дороги, все еще находящейся въ завѣдываніи военнаго министерства.

Уменьшеніе расходовъ, на 8 мил. рублей, послѣдовало *по системѣ государственнаго кредита.* Расходы по смѣтѣ этого кредита, какъ извѣстно, росли постоянно и достигли въ 1887 году 281 мил. рублей. Съ 1888 г. они стали понижаться. Расходъ 1890 года составилъ 262½ м. р., менѣе 1887 года на 18½ м. р. и менѣе года предшествующаго на 8 м. р. Уменьшеніе, сравнительно съ расходомъ 1889 г., государственный контроль объясняетъ конверсіями прежнихъ займовъ, погашеніемъ въ 1889 году билетовъ государственнаго казначейства на 18 мил. рублей и, наконецъ, лучшимъ курсомъ кредитнаго рубля.

По чрезвычайному бюджету слѣдуетъ упомянуть о суммѣ поступленія военнаго вознагражденія: отъ хивинскаго хана (150.000 р.); отъ Турціи, которая сверхъ годичной уплаты, около 3½ м. р., уплатила еще милліонъ рублей прежней недоимки; затѣмъ отъ Болгаріи поступило 2.623.585 рублей золотомъ, въ возвратъ суммъ, израсходованныхъ на оккупацію въ 1877 и 1878 годахъ. Изъ чрезвычайныхъ расходовъ наиболѣе крупная сумма употреблена на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ—около 40 мил. р., слишкомъ на 10 мил. рублей болѣе предшествовавшаго года; около 7 м. р. израсходовано на устройство и улучшеніе портовъ, въ томъ числѣ 2 м. р. на устройство военнаго либавскаго порта и на устройство дока во Владивостокѣ. Безъ малаго 11 мил. р. израсходовано на перевооруженіе и 2 м. р.—на изготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія.

Мы не разъ высказывали мнѣніе, и остаемся при немъ, что такіе расходы, какъ сооруженіе или пріобрѣтеніе въ казну желѣзныхъ дорогъ, составляющіе затраты производительныя (выгодныя или невыгодныя—другой вопросъ) совершенно правильно вносятся въ чрезвычайный бюджетъ. Но такіе расходы, какъ устройство или улучшеніе портовъ, ежегодно повторяющіеся почти въ одной и той же суммѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ, несомнѣнно должны входить въ составъ обыкновеннаго бюджета. То же слѣдуетъ сказать и о расходахъ на перевооруженіе. Если эти расходы не были ежегодными, то весьма часто повторялись; скоро же—и это время, быть можетъ, уже и наступило—они будутъ постоянными, благодаря режиму вооруженнаго мира, въ которомъ находится теперь Европа, и изобрѣтательности, напряженно направленной на изысканіе наиболѣе дѣйствительныхъ орудій смерти и разрушенія. Безпрерывно изобрѣтаемый новый порохъ, требующій новыхъ ружей, новыя взрывчатыя вещества, все болѣе и болѣе чудовищныя пушки и броненосцы, воздухоплаваніе, которое весьма скоро будетъ не только косвеннымъ средствомъ военной борьбы, но станетъ ея непосредственнымъ орудіемъ,—все это потребуетъ ежегодныхъ значительныхъ тратъ, которыя необходимо придется удовлетворять не изъ случайныхъ, чрезвычайныхъ средствъ, а изъ постоянныхъ, обыкновенныхъ доходовъ. Для этого придется вѣроятно

до нельзя обрѣзать школьный, больничный, судебный и другіе бюджеты.

Въ прежнее время неудовлетворительное исполненіе нашихъ бюджетовъ приписывалось обыкновенно значительнымъ сверхсмѣтнымъ кредитамъ, вслѣдствіе которыхъ благополучно сведенная роспись при ея исполненіи оказывалась съ болѣе или менѣе крупнымъ дефицитомъ. Собственно говоря, въ сверхсмѣтныхъ кредитахъ мы никогда не видѣли вреда въ той степени, въ какой онъ имъ приписывался. Дѣло очевидно не въ томъ, по смѣтному или сверхсмѣтному кредиту произведены тѣ или другіе расходы, а въ томъ, насколько, во-первыхъ, они необходимы и полезны; во-вторыхъ, насколько они соотвѣтствуютъ средствамъ, имѣющимся въ распоряженіи государственнаго казначейства. Тѣмъ не менѣе, значительное сокращеніе сверхсмѣтныхъ расходовъ въ послѣднее время мы не можемъ не считать хорошимъ признакомъ: оно свидѣтельствуетъ о большей предусмотрительности при составленіи смѣтъ и большей рѣшимости не отклоняться отъ принятаго финансоваго плана. Въ былое время сверхсмѣтные кредиты доходили въ иные годы, правда рѣдкіе, до 50 и болѣе мил. рублей. Въ первый годъ этого десятилѣтія, въ 1881 году, они составляли $45^1/_2$ м. р.; вслѣдъ затѣмъ, нѣсколько понизившись, они еще въ 1886 году доходили до $31^1/_2$ м. рублей.

Въ 1888 году они составили лишь 8 м. р. съ небольшимъ и въ этой же суммѣ, около $8^1/_2$ м. р., оказались и въ 1890 году, причемъ три четверти ихъ покрыты изъ суммы именно и отпущенной по росписи, въ размѣрѣ 6 мил. рублей, на *расходы, не предусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности.* Прежде на это назначалось всего 3 м. р. Нельзя не замѣтить, что это внесеніе въ роспись суммы на *сверхсмѣтные* (чтб тоже сверхъ росписи) расходы—не болѣе какъ бюджетный педантизмъ, неудобный въ томъ отношеніи, что путаетъ счеты. Добро бы эта сумма была чѣмъ-нибудь непреложнымъ, за предѣлы которой ни въ какомъ случаѣ не должны переходить сверхсмѣтные отпуски, но, какъ показываетъ примѣръ даже 1890 года, этого нѣтъ. Между тѣмъ, по разсчету, принимаемому и государственнымъ контролемъ, дѣйствительные расходы (около 878 м. р.) понизились будто бы противъ росписи (890 м. р.) на 12 м. р. слишкомъ. Если же принять во вниманіе, что эти 6 мил. р., не имѣющіе опредѣленнаго назначенія по росписи и потому въ ея составъ не входящіе, а равно и 3 м. р. на предусматривавшееся, но неосуществившееся возвышеніе цѣнъ на провіантъ и фуражъ, какъ спеціализованный сверхсмѣтный кредитъ, должны быть исключены изъ суммы росписи,—то сбереженіе въ расходахъ не превыситъ $3^1/_2$ м. р. Намъ кажется, что такіе кредиты на будущее время должны бы быть устранены изъ росписи, какъ балластъ, затрудняющій сведеніе счетовъ

по ней. Достаточно, если эти суммы будутъ въ кассахъ министерства финансовъ.

Кончая этимъ обзоръ той части отчета государственнаго контроля, которая касается исполненія собственно росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1890 г. и отлагая обзоръ другихъ частей до слѣдующей книги, мы постараемся резюмировать впечатлѣніе, производимое указаннымъ исполненіемъ. Конечно, результаты его, какъ они выражаются въ цифровыхъ данныхъ, должны быть признаны болѣе нежели удовлетворительными, также какъ и самое исполненіе росписей двухъ предшествовавшихъ лѣтъ, благодаря которымъ положеніе нашихъ государственныхъ финансовъ настолько улучшилось, что, какъ это было объявлено недавно въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", на основаніи отчета государственнаго контроля, свободная наличность государственнаго казначейства возросла къ 1891 году до 220 мил. рублей. Но мы не можемъ не напомнить того, на что указывали по поводу исполненія государственныхъ росписей двухъ предшествовавшихъ лѣтъ. Мы говорили, что благопріятное состояніе нашего бюджета и вообще нашихъ государственныхъ финансовъ достигнуто значительными пожертвованіями всѣхъ классовъ народонаселенія, къ облегченію экономическаго состоянія которыхъ должны быть приняты серьезныя и дѣйствительныя мѣры. Мы говорили это въ то время, когда безпримѣрный до того урожай нѣсколькихъ лѣтъ кряду и избытки въ государственныхъ бюджетахъ сулили, казалось, нескончаемую эру благоденствія. Но вотъ нагрянули невзгоды—и положеніе быстро измѣнилось: благоденствіе, какъ это не трудно было видѣть и прежде, оказалось основаннымъ не на довольно прочномъ фундаментѣ—на финансовыхъ мѣропріятіяхъ и на удачѣ кредитныхъ биржевыхъ операцій, а не на заботѣ о развитіи народнаго экономическаго благосостоянія и народнаго труда, съ возможно бережливымъ отношеніемъ къ силамъ народа. Въ результатѣ мы видимъ теперь одну безпомощность сельскаго населенія чуть не половины имперіи, съ необходимостью принять его на иждивеніе казны при помощи болѣе состоятельныхъ и все-таки весьма нуждающихся въ настоящее время классовъ; безработицу, съ начинающеюся несостоятельностью торговыхъ и торгово-промышленныхъ фирмъ; упадокъ курса кредитныхъ рублей и цѣнностей до размѣра, въ какомъ онъ не былъ даже въ особенно дефицитные годы, въ 1885 и. 1886; и наконецъ, попытку колебать за границей даже кредитоспособность нашего государственнаго казначейства,—попытку, вызвавшую если не замѣшательство, то нѣкоторое неудобство въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ.

Словомъ, мы получили указаній весьма достаточно, чтобы серьезно подумать о нѣкоторомъ измѣненіи въ нашей финансовой политикѣ...

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1891.

Политическія послѣдствія нашего неурожая. — Отношенія къ намъ заграничной печати.—Причины недовѣрія и опасеній.—„Славянскія Извѣстія", босняки и угрорусы. —Симптомы прочнаго мира.—Сочувствіе иностранцевъ по поводу голода и наши газетныя безтактности.—Событія въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ.

Не время теперь заниматься „высшей" политикою и толковать о международныхъ задачахъ Россіи: это чувствуютъ у насъ даже самые крайніе проповѣдники наружнаго патріотизма,—за исключеніемъ развѣ „Славянскихъ Извѣстій". Всѣ восторженныя разсужденія о союзѣ съ Франціею, о неудачахъ или колебаніяхъ средне-европейской лиги мира, о новыхъ политическихъ комбинаціяхъ при руководящемъ участіи русской дипломатіи—сразу замолкли и должны были замолкнуть, въ виду печальныхъ обстоятельствъ, обратившихъ все наше вниманіе на запущенное положеніе внутреннихъ, домашнихъ дѣлъ, на бѣдственное состояніе громаднаго большинства нашего собственнаго народа. Нѣкоторые газетные патріоты считаютъ обиднымъ для нашего національнаго самолюбія сознаться прямо, что намъ теперь не до внѣшнихъ политическихъ вопросовъ, что даже франко-русская дружба должна отступить на задній планъ передъ болѣе близкими и жгучими интересами внутренней политики. Эти патріоты забываютъ, что дѣйствительная, истинная сила не нуждается въ лицемѣрныхъ умолчаніяхъ и изворотахъ: она сказывается именно въ откровенности и прямодушіи, съ какими признается существованіе недуга и необходимость его исцѣленія. Россія не принадлежитъ къ числу тѣхъ державъ, которыя должны прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ для поддержанія своего авторитета; она представляетъ собою стихійное могущество уже по одному пространству, которое она занимаетъ въ мірѣ, и по количеству своего населенія. Что нѣкоторыя иностранныя газеты обнаруживаютъ злорадство по поводу нашей народной бѣды и связаннаго съ нею упадка курса и кредита, —это совершенно въ порядкѣ вещей, и безъ сомнѣнія, наши патріотическія газеты отнеслись бы не лучше къ подобнымъ невзгодамъ, еслибы онѣ случились въ Германіи или Австро-Венгріи. Но временныя соображенія національнаго самолюбія не должны играть никакой роли въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о важнѣйшихъ и безотлагательныхъ вопросахъ внутренней жизни великаго народа. И наши нынѣшніе

друзья-французы не скрываютъ отъ себя, что положеніе значительно измѣнилось со времени кронштадтскихъ торжествъ; они видятъ, что разсчеты на активную политику Россіи должны быть отложены на неопредѣленное время, и что состоявшееся сближеніе не можетъ дать тѣхъ скорыхъ плодовъ, какихъ ожидали. Всякому понятно, что самая возможность такого факта, какъ повальный голодъ многихъ милліоновъ народа, указываетъ на внутренніе недочеты, которые должны надолго и всецѣло сосредоточить на себѣ дѣятельную заботливость правительства. Подобно тому какъ знаменитый картофельный голодъ въ Ирландіи въ 1846 году раскрылъ передъ всѣми ненормальное положеніе сельскаго населенія въ этой несчастной странѣ, такъ и у насъ нынѣшній голодъ обнаружилъ передъ всѣмъ міромъ то, чего мы, быть можетъ, не сознавали сами,—что милліоны нашего крестьянства живутъ изо дня въ день, проѣдаютъ послѣдніе продукты своего труда, не имѣя никакихъ запасовъ на случай нужды, и что они находятся на такой ступени экономическаго быта, съ которой некуда уже спуститься ниже, а потому вслѣдъ за неурожаемъ настаетъ прямо голодъ. Такое положеніе дѣлъ существовало и въ Индіи, гдѣ періодическія голодовки побудили мѣстное англійское правительство принять рядъ законодательныхъ мѣръ для облегченія бѣдствій туземныхъ поселянъ. Точно также и въ Ирландіи предприняты были поземельныя и сельско-хозяйственныя реформы для обезпеченія сельскаго класса отъ разоренія и голода. Неурожаи бываютъ и въ Германіи, и во Франціи; но тамъ народный голодъ немыслимъ, и въ этомъ именно заключается печальная особенность нашего настоящаго положенія въ глазахъ западно-европейскихъ наблюдателей и критиковъ. Для иностранцевъ очевидно, что русское общество не можетъ отнестись къ народной бѣдѣ такъ, какъ отнеслись англичане къ бѣдствіямъ подвластныхъ, но чуждыхъ имъ населеній—ирландцевъ и индусовъ,—съ точки зрѣнія благотворительности. И если Англія была озабочена осуществленіемъ необходимыхъ реформъ въ Ирландіи и Индіи, то тѣмъ болѣе необходимы и настоятельны серьезныя реформаторскія мѣры у насъ для того, чтобы предупредить опасность повторенія голода въ будущемъ. Предстоящая намъ сложная внутренняя работа устраняетъ мысль о внѣшней политической предпріимчивости, и изъ этого дѣлается за границей тотъ естественный выводъ, что и въ ближайшіе годы Россія не отступитъ отъ соблюдаемой ею сдержанности въ международныхъ дѣлахъ, такъ какъ эта сдержанность вызывается не только несомнѣннымъ миролюбіемъ правительства, но и внутренними обстоятельствами и задачами экономическаго свойства.

Такъ разсуждаютъ разумные люди на Западѣ; но повсюду есть элементы, для которыхъ не писаны законы здраваго смысла, и часто

самыя нелогичныя предположенія распространяются и находятъ полную вѣру въ публикѣ вопреки очевидности. Въ биржевыхъ кружкахъ Вѣны, какъ извѣстно уже изъ газетъ, произошла недавно серьезная паника подъ вліяніемъ слуховъ о возможномъ нарушеніи мира со стороны Россіи, именно въ виду голода. Вѣнскіе дѣльцы и вѣнская публика, столь образованная и культурная вообще, повѣрили въ правдоподобность такого факта, какъ возбужденіе воинственной предпріимчивости подъ вліяніемъ народной нужды. Другими словами, тяжелое матеріальное положеніе, создавшее громадный недоборъ въ финансовомъ хозяйствѣ и требующее немедленной затраты многихъ и многихъ милліоновъ въ пользу голодающихъ губерній, считается возможнымъ мотивомъ для посторонняго и крайне рискованнаго предпріятія, предполагающаго также немедленную затрату многихъ и многихъ милліоновъ золотомъ. Вѣнская публика забыла вдругъ ту элементарную истину, что нынѣшнія войны не имѣютъ и не могутъ уже имѣть характера народныхъ нашествій для пріобрѣтенія матеріальной добычи и что, напротивъ, требуются громадные запасы финансовыхъ средствъ для мобилизаціи и сосредоточенія войскъ и для первыхъ же шаговъ кампаніи, даже при самыхъ благопріятныхъ политическихъ обстоятельствахъ. Если и безъ того финансы разстраиваются неожиданными и громадными расходами на неотложныя внутреннія нужды, то можетъ ли государство выбрать этотъ моментъ для бросанія сотенъ милліоновъ золота на ненужныя внѣшнія дѣла? Воинственная предпріимчивость въ международной политикѣ есть роскошь, которую можетъ позволить себѣ только страна, очень богатая или располагающая свободнымъ кредитомъ для пріобрѣтенія массы капиталовъ въ каждую данную минуту; нужно и настроеніе свободное, отчасти беззаботное, могущее принять фантастическій характеръ. Народный голодъ могъ бы возбудить такое настроеніе только въ одномъ случаѣ — еслибы возможно было приписать нашу бѣду иностранцамъ и инородцамъ, еслибы былъ малѣйшій матеріалъ для обвиненія сосѣднихъ племенъ и государствъ въ коварныхъ, разорительныхъ дѣйствіяхъ противъ нашего крестьянства; но даже самые ярые патріоты наши должны были остановить свои нападки на все иноземное въ виду чисто-русскихъ причинъ нашихъ невзгодъ: и эксплуататоры народнаго бѣдствія, хлѣбные спекулянты и скупщики, какъ и злѣйшіе ростовщики и взыскатели оказываются все коренными русскими людьми, съ самыми россійскими фамиліями; и непорядки обнаружились чисто русскіе, — крайняя неразсчетливость, отсутствіе единства и обдуманности въ распоряженіяхъ, привычка дѣйствовать на авось, спустя рукава, и наконецъ недостаточное сознаніе долга и отвѣтственности среди исполнителей. Это печальное поло-

женіе, столь ярко освѣщенное фактами, не оставляетъ мѣста для обычной племенной и вѣроисповѣдной травли; намъ теперь рѣшительно не до чужихъ грѣховъ, — своихъ накопилось ужъ слишкомъ много. Намъ не до внѣшней политики теперь; слишкомъ много безотлагательныхъ дѣлъ и хлопотъ у себя дома. Достаточно было только вспомнить эту реальную обстановку нашихъ нынѣшнихъ бѣдъ въ связи съ условіями современныхъ войнъ, чтобы ясно видѣть всю нелѣпость воинственныхъ слуховъ, распространившихся въ Вѣнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вѣнская публика повѣрила, что австрійскій императоръ могъ въ разговорѣ съ польскимъ депутатомъ Яворскимъ намекнуть на опасность нарушенія общаго мира Россіею, подъ вліяніемъ голода, и потребовались категорическія оффиціальныя опроверженія, чтобы положить конецъ паникѣ, овладѣвшей биржею, и успокоить общественное мнѣніе. То, что̀ должно было служить безусловною гарантіею нашего миролюбія, принято было многими за поводъ къ опасеніямъ; но ошибка держалась не долго, благодаря своевременнымъ указаніямъ и разъясненіямъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кальноки. Рѣчь графа Кальноки въ венгерской делегаціи, въ засѣданіи 14-го (2) ноября, разсѣяла послѣднюю тѣнь тревоги и окончательно утвердила въ обществѣ увѣренность, что миръ обезпеченъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо.

Поучительнымъ урокомъ кажется намъ уже то обстоятельство, что понадобились оффиціальныя разъясненія для опроверженія слуховъ, нелѣпость которыхъ очевидна каждому при первой же попыткѣ размышленія. Это показываетъ, какъ шатки еще основы взаимнаго пониманія и довѣрія въ области международныхъ отношеній, какъ легко увлекается даже просвѣщенная западно-европейская публика въ вопросахъ внѣшней политики, и какія странныя понятія господствуютъ еще повсюду относительно сосѣднихъ странъ и народовъ. Французская толпа легко приметъ на вѣру предположеніе, что ненавистные пруссаки, въ качествѣ варваровъ, замышляютъ напасть на богатую Францію и ограбить ее; итальянская толпа увѣровала въ опасность внезапнаго нападенія со стороны французовъ и на этомъ основаніи съ восторгомъ привѣтствовала присоединеніе своего правительства къ оборонительной средне-европейской лигѣ мира; даже практически-трезвые англичане не могутъ до сихъ поръ согласиться на устройство подводнаго туннеля между Англіею и Франціею изъ боязни того, что французы воспользуются этою подводною дорогою для внезапнаго нападенія на Англію. Самые невѣроятные и фантастическіе страхи возникаютъ, распространяются и упорно держатся въ публикѣ, когда дѣло идетъ о чужихъ народахъ и государствахъ, —какъ будто сосѣднія страны все еще населены разбойничьими пле-

менами, которымъ выгодно совершать разбойничьи набѣги для захвата добычи. Такое представленіе о сосѣдяхъ поддерживается отчасти искусственно такъ-называемою патріотическою печатью, ищущею успѣха и популярности посредствомъ возбужденія извѣстныхъ страстей и инстинктовъ въ обществѣ. Французскіе шовинистскіе листки постоянно изображаютъ пруссаковъ въ такомъ видѣ, что легковѣрные читатели могутъ уже повѣрить чему угодно относительно намѣреній и замысловъ Берлина; такимъ образомъ усердно подготовляется почва для всякихъ политическихъ недоразумѣній и увлеченій. Многія нѣмецкія и особенно австрійскія газеты постоянно представляютъ Россію и русскихъ въ видѣ какой-то варварской орды, занятой лишь мыслью о захватахъ, насиліяхъ и завоеваніяхъ; эти русскія стремленія сдерживаются будто бы только оборонительными союзами другихъ державъ. Если же мы въ самомъ дѣлѣ варвары, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что голодъ побудитъ насъ накинуться на сосѣднія зажиточныя страны, и отсюда является возможность безсмысленной паники въ родѣ той, которая разыгралась на вѣнской биржѣ. Такъ же точно и нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ систематически пріучаютъ публику къ такому взгляду на иностранцевъ, что дружескія взаимныя отношенія становятся крайне затруднительными, и враждебное недовѣріе заставляетъ повсюду отыскивать коварныя интриги и даетъ матеріалъ для рѣзкихъ выходокъ, вызывающихъ соотвѣтственное раздраженіе и съ другой стороны.

Наши патріоты обыкновенно удивляются и протестуютъ, когда иностранцы говорятъ о нашемъ мнимомъ панславизмѣ, о нашей мнимой готовности поглотить родственныя населенія Австріи и Балканскаго полуострова; но откуда берутся эти заграничныя гипотезы, какъ не изъ нашей же мнимо-патріотической печати? Намъ кажется какъ будто вполнѣ естественнымъ появленіе у насъ цѣлыхъ трактатовъ о томъ, какъ мы должны поступить съ Австро-Венгріею и съ Германіею, подѣлить ихъ территорію и устроить по новому подвластныя имъ народности; различные авторы серьезно доказывали у насъ необходимость вступиться за угнетенныхъ австрійскихъ славянъ, за чеховъ и хорватовъ, и еще въ послѣднемъ (ноябрьскомъ) обозрѣніи мы имѣли случай указать на книгу такого рода, написанную г. М. Филипповымъ, бывшимъ одно время редакторомъ „Славянскихъ Извѣстій“. Иностранцы дѣлаютъ свои логическіе выводы изъ этихъ разсужденій и проектовъ, а наши патріоты дѣлаютъ видъ, что не понимаютъ причины и источника этихъ фантазій, и что на насъ взводятъ напраслину безъ малѣйшихъ къ тому основаній. Притомъ заграничная пресса не имѣетъ точныхъ свѣденій о предѣлахъ свободы сужденій въ нашей печати; иностранцы склонны думать, что у насъ

печатается только то, что̀ одобряется правительствомъ, — и трудно винить ихъ за это недоразумѣніе, потому что сами русскіе публицисты не всегда могутъ точно опредѣлить, въ какой мѣрѣ они пользуются свободою печатнаго слова. И вотъ, встрѣчая въ нашей журналистикѣ настойчивую проповѣдь вмѣшательства въ пользу австрійскихъ славянъ, иностранныя газеты убѣждаются въ справедливости своихъ воззрѣній, проникаются къ намъ чувствомъ вражды и недовѣрія, толкуютъ о нашихъ опасныхъ воинственныхъ планахъ и совѣтуютъ заранѣе принять надлежащія предохранительныя мѣры въ видѣ вооруженій и союзовъ. Это вполнѣ естественно и понятно. На такой почвѣ легко находятъ вѣру всякія вздорныя выдумки, разростаясь въ нѣчто грозное и создавая атмосферу тягостной, напряженной неизвѣстности.

Даже теперь у насъ существуютъ изданія, занимающіяся спеціально возбужденіемъ непріязни противъ иностранныхъ державъ и дающія обильную пищу для заграничной подозрительности. Въ одной еженедѣльной газетѣ, часто цитируемой за границею, мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „Кровь стынетъ въ жилахъ при одномъ чтеніи о подвигахъ австро-венгерскаго правительства въ злосчастной Босніи и Герцеговинѣ. Коренное сербское населеніе насильно выселяютъ изъ земли его предковъ, а то, которое еще остается, преслѣдуютъ и латинизируютъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Съ нѣкотораго времени положительно не проходитъ дня, чтобы сербскія газеты не приносили извѣстія о новыхъ звѣрскихъ (sic) насиліяхъ, совершаемыхъ надъ безпомощнымъ славянскимъ населеніемъ въ оккупированныхъ провинціяхъ. Обманъ и насиліе, — вотъ два главныя орудія, служащія рычагами для австро-венгерскаго правительства въ его восточной политикѣ. Гдѣ не дѣйствуетъ первое, тамъ примѣняется второе,—о пощадѣ не можетъ быть и рѣчи“. Въ видѣ примѣра австрійской жестокости приводится, между прочимъ, „хорошо извѣстная жителямъ города Баньялуки исторія съ крестьяниномъ Маркомъ Вуйичемъ“. Исторія эта дѣйствительно весьма назидательна, но только совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ предполагаетъ газета. „Зажиточный православный сербъ, Марко Вуйичъ, отличался искреннею преданностью своей церкви и особеннымъ рвеніемъ къ чтенію сербскихъ книгъ. Благодаря этому, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и служилъ примѣромъ для своихъ односельчанъ“. Но за этимъ добродѣтельнымъ и образцовымъ крестьяниномъ числилась небольшая недоимка въ 27 гульденовъ. „Онъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ подалъ прошеніе объ отсрочкѣ числящихся за нимъ недочетовъ“, но отвѣта не получилъ и потому (!) былъ увѣренъ, что просьба его удовлетворена. Но вдругъ онъ узналъ, что все его имущество

назначено въ продажу съ публичнаго торга; не помогли никакія просьбы, и черезъ три дня изба Марка съ клочкомъ земли и всѣмъ хозяйствомъ были проданы за безцѣнокъ какому-то нѣмецкому колонисту. Разоренная семья отправилась искать лучшей доли у турокъ. „Такихъ примѣровъ,—продолжаетъ газета,—можно бы привести тысячи, и они ясно свидѣтельствуютъ о томъ безчеловѣчьи и умышленныхъ гоненіяхъ, на которыя осуждено славянское населеніе въ оккупированныхъ Австро-Венгріей провинціяхъ“ („Славянскія Извѣстія“, № 44, отъ 3-го ноября, корреспонденція изъ Сараева). Но вѣдь исторія, случившаяся съ крестьяниномъ Маркомъ и „хорошо извѣстная жителямъ города Баньялуки“ (значитъ, не совсѣмъ обыкновенная въ той странѣ), повторялась недавно съ милліонами нашихъ русскихъ крестьянъ, даже при худшихъ еще условіяхъ, съ присоединеніемъ еще другого рода экзекуцій, которымъ очевидно не подвергался упомянутый сербско-боснійскій недоимщикъ. Если продажа крестьянскаго имущества за недоимки есть „безчеловѣчное“ насиліе, объясняемое лишь политическимъ и религіознымъ гоненіемъ, то куда же отнести подобные факты, совершавшіеся у насъ повсемѣстно, при отсутствіи какой бы то ни было національной розни между властями, взыскивающими подати, и крестьянствомъ? Видано ли было у насъ, чтобы одной подачи просьбы объ отсрочкѣ взысканія достаточно было для предупрежденія продажи имущества недоимщика съ публичнаго торга? Австрійскія власти поступили съ православнымъ крестьяниномъ Маркомъ точно такъ же, какъ поступали самые православные взыскатели податей съ нашими русскими крестьянами-недоимщиками, хотя бы послѣдніе отличались еще большею преданностью своей церкви, чѣмъ Марко, и обнаруживали столь же сильное рвеніе къ чтенію церковныхъ книгъ. Неужели „Славянскія Извѣстія“, издаваемыя въ Петербургѣ, ничего подобнаго не знаютъ и не слыхали? Почему же у нихъ „кровь стынетъ въ жилахъ“ при разсказѣ о судьбѣ какого-то боснійскаго недоимщика, когда многія тысячи подобныхъ исторій наблюдались повсюду въ нашихъ деревняхъ и не вызывали у нашихъ мнимыхъ славянофиловъ никакой патріотической скорби? Нельзя же утверждать, что боснійскіе недоимщики больше заслуживаютъ нашего вниманія и сочувствія, чѣмъ милліоны нашихъ собственныхъ крестьянъ, участь которыхъ въ этомъ отношеніи нисколько не лучше. Направляя заботливость читателя въ сторону австрійскихъ или боснійскихъ земледѣльцевъ, преслѣдуемыхъ будто бы мѣстными властями, „Славянскія Извѣстія“ даютъ только матеріалъ австрійцамъ для рѣзкихъ упрековъ и обвиненій, направленныхъ противъ Россіи и ея печати. Логика будетъ въ этомъ случаѣ не на сторонѣ нашихъ

патріотовъ. Но такъ именно и поддерживается взаимное раздраженіе, безъ разумной цѣли и смысла.

„Съ невыразимой скорбію, — говорится въ другой статьѣ тѣхъ же „Славянскихъ Извѣстій“,—приходится быть очевидцемъ, какъ этотъ обездоленный народецъ (угроруссовъ) ведутъ на закланіе (sic!), какъ онъ самъ помогаетъ мадьярамъ въ своемъ истребленіи (!) и въ добродушномъ ослѣпленіи подставляетъ головы подъ топоръ (?) своихъ палачей. И всѣ эти 600.000 (?) человѣкъ—кость отъ кости и плоть отъ плоти настоящаго русскаго народа! Позорно видѣть, какъ поругано и осквернено въ этомъ народцѣ великое русское племя грубыми азіатскими выходцами; какъ презрительно и брезгливо относятся ко всему русскому азіатскіе варвары и жидовское нахальство, сплотившіеся воедино для уничтоженія несчастныхъ угроруссовъ“. Въ чемъ же заключаются эти ужасы, вызывающіе такое негодованіе нашей „славянской“ газеты? Авторъ статьи сообщаетъ факты, „громко вопіющіе—по его словамъ—къ справедливости и человѣчности“, а именно: угроруссніе мальчики обучаются въ школахъ мадьярскому языку и умѣютъ иногда здороваться по-мадьярски, „не понимая даже тѣхъ фразъ, которыя они произносятъ“. Виновата въ этомъ ужасномъ фактѣ мѣстная учительская семинарія. „Бѣдный угроруссній народъ воздвигъ это зданіе для своего народнаго развитія и грамотности, а оно обратилось въ самый ярый мадьяризаторскій институтъ; стало быть, угроруссній народъ самъ построилъ себѣ плаху (!), на которой совершается его истребленіе,—самъ навострилъ топоръ и отдалъ его въ руки своимъ врагамъ“. Вообще „положеніе австро-венгерскихъ славянъ достойно сожалѣнія; славянамъ дѣлаются преграды въ ихъ естественномъ развитіи, славянскій языкъ считается какимъ-то полуварварскимъ и вытѣсняется отовсюду“ и т. д. (тамъ же, № 44). Такимъ образомъ, вопіющее „истребленіе“ угроруссовъ, кладущихъ свои головы „на плаху“, сводится къ тому, что они вынуждены знакомиться, между прочимъ, съ языкомъ господствующей народности, т.-е. съ языкомъ государственнымъ; это бѣдствіе тѣмъ ужаснѣе, что „изъ школы долженъ выйти въ Венгріи каждый гражданинъ“, и что „всѣ дѣти включительно отъ 6 до 15 лѣтъ обязаны посѣщать школу“.

По поводу чего же собственно негодуютъ „Славянскія Извѣстія“? Пока угроруссы входятъ въ составъ венгерскаго государства, они должны сами считать для себя полезнымъ знакомство съ мадьярскимъ языкомъ, чтобы имѣть возможность лучше охранять свои права и интересы. Знать лишній языкъ—не такая еще бѣда, чтобы говорить по этому поводу о „закланіяхъ“, „топорахъ“, „плахахъ“ и „палачахъ“, да и школа даетъ вѣдь еще и другія полезныя и необходимыя знанія, кромѣ этого изученія оффиціальнаго языка. Или, по мнѣнію автора

статьи, лучше вовсе не имѣть школъ и обходиться безъ обязательнаго народнаго образованія, чѣмъ обучаться, между прочимъ, чужому языку? Вѣдь угроруссамъ не запрещено при этомъ употреблять свой родной языкъ въ домашнемъ быту и въ частныхъ своихъ сношеніяхъ. Польскій языкъ—несравненно болѣе культурный, чѣмъ угорусскій, и однако „Славянскія Извѣстія“ не возразили бы противъ того, еслибы поляки были стѣснены въ употребленіи своего родного языка въ нашихъ привислянскихъ губерніяхъ. Недавно еще въ газетахъ упоминалось о запрещеніи служащимъ на желѣзныхъ дорогахъ въ царствѣ польскомъ говорить по-польски съ пассажирами, и никто не находилъ чего-либо вопіющаго въ этомъ обыкновенномъ фактѣ. Какой же смыслъ имѣетъ обвиненіе венгерцевъ въ нарушеніи справедливости и человѣчности, когда они въ сущности только подражаютъ другимъ и дѣлаютъ у себя то же самое, что́ и мы сами относительно подвластныхъ народностей? Такъ же точно въ Пруссіи поляки должны изучать нѣмецкій языкъ и изучаютъ его въ народной школѣ, и если тамъ, какъ и въ Венгріи, введена система общеобязательнаго школьнаго обученія, которой у насъ, къ сожалѣнію, еще не существуетъ, то это, безъ сомнѣнія, преимущество названныхъ странъ, а не недостатокъ. Въ однихъ государствахъ стѣсненіе въ пользованіи мѣстнымъ родным языкомъ не идетъ далѣе оффиціальныхъ сферъ—учебной, административной и судебной, какъ это и должно быть по справедливости; въ другихъ странахъ стѣсненіе распространяется дальше и глубже, вызывая глухое недовольство въ массѣ заинтересованнаго населенія, но ограниченія инородныхъ элементовъ относительно языка, въ той или другой формѣ, практикуются не въ одной Австро-Венгріи или Пруссіи, и потому негодованіе нашихъ „Славянскихъ Извѣстій“ по поводу угроруссовъ оказывается опять-таки безцѣльнымъ и неосновательнымъ, — а главное, поддѣльнымъ и неискреннимъ. Такія безтактныя указанія на чужія провинности естественно раздражаютъ иностранную журналистику безъ малѣйшей къ тому надобности. Пора было бы нашимъ „патріотамъ“ оглянуться на самихъ себя, на свои собственные принципы и политическіе пріемы, съ точки зрѣнія „справедливости и человѣчности“, прежде чѣмъ столь рѣзко осуждать политику иноземныхъ государствъ и тратить свое краснорѣчіе въ защиту подданныхъ чужихъ правительствъ. Такъ какъ иностранцы приписываютъ нашимъ патріотическимъ газетамъ нѣкоторый здравый смыслъ и пониманіе элементарныхъ вещей, то они находятъ какія-то предвзятыя опредѣленныя цѣли въ этой односторонней, лицемѣрно-негодующей полемикѣ противъ австрійскихъ порядковъ. Статьи „Славянскихъ Извѣстій“ и другихъ изданій того же лагеря принимаются за доказательство неудержимаго и безпокой-

наго шовинизма, направленнаго противъ сосѣднихъ державъ, и легенда о воинственномъ честолюбіи Россіи все болѣе пускаетъ корни на Западѣ, къ явной нашей невыгодѣ. Удобно ли создавать и поддерживать такое мнѣніе о насъ въ западной Европѣ? Это распространенное и отчасти установившееся настроеніе, возбуждаемое нелѣпыми выходками нашихъ мнимыхъ патріотовъ, увеличиваетъ число нашихъ враговъ, возстановляетъ противъ насъ общество и печать въ Германіи, и въ Австро-Венгріи, и въ Англіи; повсюду на насъ смотрятъ какъ на возможныхъ нарушителей мира, для которыхъ забота объ угнетенномъ славянствѣ есть только благовидный предлогъ, скрывающій тайные разсчеты на австрійскую территорію. Успокоительныя оффиціальныя увѣренія не могутъ искоренить этого взгляда, выработаннаго многими годами усилій нашихъ славянофильскихъ и мнимо-патріотическихъ кружковъ, а между тѣмъ самъ русскій народъ, отъ имени котораго говорятъ эти предпріимчивые публицисты, проникнутъ безусловнымъ миролюбіемъ и не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ приписываемыми ему притязаніями и вожделѣніями.

Въ послѣднее время оффиціальныя манифестаціи въ пользу сохраненія мира были особенно часты въ Европѣ: германскій канцлеръ, генералъ Каприви, произнесъ въ имперскомъ сеймѣ, 27-го (15-го) ноября, весьма сочувственную рѣчь о Россіи и объ отношеніяхъ къ ней Германіи; самъ императоръ Вильгельмъ II заявилъ публично, что войску придется, вѣроятно, выказывать свою храбрость и мужество только въ мирное время. Благопріятнымъ симптомомъ слѣдуетъ считать и недавнее пребываніе нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Въ виду этихъ фактовъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе и международный парламентскій конгрессъ друзей мира, засѣдавшій въ Римѣ въ началѣ ноября (н. ст.). На этомъ конгрессѣ обнаружились, по обыкновенію, значительныя разногласія между представителями разныхъ государствъ. Нѣкоторые итальянскіе делегаты заговорили о правахъ Италіи на итальянскія земли, находящіяся еще подъ властью австрійской монархіи; французскіе ораторы, между которыми было наибольше буланжистовъ, намекали на обратное присоединеніе Эльзасъ-Лотарингіи во имя справедливости и національнаго принципа. Нѣмецкіе участники были недовольны, и еще болѣе была недовольна за нихъ берлинская патріотическая печать. „National-Zeitung“, между прочимъ, не одобряла депутата Баумбаха за то, что онъ пожалъ руку французу Дувилль-Мэльфе послѣ его рѣчи, въ которой упоминалось о гордости и силѣ Франціи, даже изувѣченной. Еще раньше многіе нѣмецкіе публицисты рѣзко нападали на извѣстнаго итальянскаго дѣятеля Бонги за его вольнодумныя мысли о

возможномъ мирномъ пересмотрѣ франкфуртскаго договора между Франціею и Германіею. Но послѣднія засѣданія конгресса отчасти загладили впечатлѣніе этихъ странныхъ прекеканій, и идея третейскаго разбирательства международныхъ споровъ нашла краснорѣчивыхъ и убѣжденныхъ защитниковъ. А пока миръ сохраняется уже довольно долго и едва ли нарушится въ близкомъ будущемъ, хотя и нѣтъ международнаго третейскаго суда. Реальные интересы народовъ сильнѣе дѣйствуютъ въ этомъ направленіи, чѣмъ всякія гуманныя теоріи.

Въ частности отношенія иностранныхъ державъ и заграничной печати къ Россіи замѣтно смягчились подъ вліяніемъ нашей внутренней бѣды. Чувство человѣчности беретъ верхъ надъ соображеніями политики, когда дѣло касается такихъ элементарныхъ несчастій, какъ голодъ. Въ Берлинѣ напечатано было воззваніе къ пожертвованіямъ въ пользу бѣдствующихъ, за подписью нѣсколькихъ извѣстныхъ профессоровъ и одного пастора, служившихъ прежде въ Россіи. Одна изъ нашихъ газетъ приняла по этому поводу странный тонъ оскорбленнаго національнаго самолюбія и заранѣе отвергла нѣмецкія приношенія, какъ будто сборъ предназначался для самихъ нашихъ патріотовъ, достаточно сытыхъ, а не для голодающихъ крестьянъ. По всей вѣроятности, нѣмцы собрали бы немного, такъ какъ русскій народъ не пользуется ихъ особеннымъ сочувствіемъ; но еслибы даже собранныя деньги удовлетворили только десятокъ бѣдствующихъ семействъ, то и тогда это было бы благо, отъ котораго не отказались бы сами нуждающіеся и которое не имѣли права отклонять за нихъ наши мнимо-патріотическіе публицисты. На какомъ-же основаніи указанная газета припутала свой патріотизмъ къ дѣлу человѣколюбія и высокомѣрно отклонила пожертвованія, которыя облегчили бы положеніе хоть нѣкотораго количества людей въ голодающихъ губерніяхъ? Замѣнила ли газета чѣмъ-нибудь отъ себя эти непріятные ей взносы иностранцевъ и увѣрена ли она, что всѣ нуждающіеся и безъ того вполнѣ обезпечены хлѣбомъ до будущей весны, что никто не погибнетъ отъ недостаточной или несвоевременной помощи и что принятіе лишнихъ, хотя бы ничтожныхъ подношеній не помогло бы ни одной голодной семьѣ? Выходка газеты была крайне неумѣстна сама по себѣ, такъ какъ она не имѣла ни малѣйшаго нравственнаго права высказываться отъ имени голодающихъ противъ какихъ бы то ни было пожертвованій, хотя бы послѣднія были почему-либо непріятны для ея мнимо-національнаго самолюбія; но эта безтактная выходка обнаруживаетъ еще другую непріятную и вредную особенность нашихъ узкихъ націоналистовъ. Къ намъ относятся непріязненно многія нѣмецкія газеты и значительная часть нѣмецкаго общества, а отсюда

дѣлается выводъ, что всѣ вообще нѣмцы, даже совершенно чуждые какой-либо вражды къ русскимъ или вполнѣ расположенные къ намъ по особымъ личнымъ условіямъ и связямъ, должны быть разсматриваемы заранѣе какъ враги и недоброжелатели Россіи и всего русскаго. Конечно, мы имѣемъ мало друзей въ Германіи; но тѣ немногіе друзья, какіе есть, во всякомъ случаѣ не заслужили того рѣзкаго отпора, который оказанъ имъ нашими патріотами по поводу добраго начинанія нѣсколькихъ берлинскихъ дѣятелей. Каковы бы ни были отношенія къ намъ большинства нѣмецкой публики, они не даютъ намъ основанія и повода отталкивать отдѣльныхъ нѣмцевъ, проявляющихъ доброжелательныя къ намъ чувства, тѣмъ болѣе, когда эти лица занимаютъ положеніе, исключающее идею о какихъ-либо заднихъ мысляхъ или скрытыхъ цѣляхъ: подобныхъ мыслей и цѣлей никто не заподозритъ у берлинскихъ профессоровъ, служившихъ прежде въ Дерптѣ и подписавшихъ упомянутое заявленіе.

Болѣе разумно отнеслась наша печать къ выраженіямъ сочувствія къ русской народной бѣдѣ со стороны нашихъ всегдашнихъ противниковъ въ Венгріи. Въ венгерской делегаціи графъ Аппоньи говорилъ о Россіи и ея политикѣ въ обычномъ непріязненномъ и недовѣрчивомъ тонѣ, послѣ успокоительныхъ объясненій графа Кальноки, и тотъ же Аппоньи высказался съ замѣчательною теплотою и горячностью о бѣдствіяхъ нашихъ голодающихъ населеній, въ чемъ вполнѣ сошелся съ нимъ и Тисса. Въ этомъ простомъ и естественномъ порывѣ человѣческаго чувства не усмотрѣли ничего обиднаго для насъ даже усердные блюстители нашего поверхностнаго патріотизма; тутъ замѣчается уже нѣкоторый прогрессъ въ пользу здраваго смысла со стороны нашей національно-подозрительной печати. Въ Лондонѣ, какъ и въ Берлинѣ, проявлялась также готовность нѣкоторыхъ филантропическихъ кружковъ оказать посильную помощь нашимъ крестьянамъ; но лондонскій „Times“ какъ будто предвидѣлъ, что приношенія иностранцевъ могутъ встрѣтить у насъ неблагопріятный пріемъ при господствующемъ направленіи нашихъ газетъ. „Times“ находилъ нецѣлесообразнымъ и неудобнымъ собирать пожертвованія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, задача удовлетворенія голодающихъ сводится къ вопросу о деньгахъ, а денегъ оказывается вполнѣ достаточно въ распоряженіи русскаго казначейства, какъ видно изъ отчета министра финансовъ объ имѣющихся запасахъ золота, причемъ слѣдуетъ еще прибавить результаты послѣдняго займа; заботиться же о сохраненіи нѣкоторой части этихъ суммъ въ рукахъ правительства посредствомъ посторонннихъ взносовъ—не дѣло иностранцевъ и тѣмъ болѣе англичанъ, такъ какъ свободныя суммы могутъ быть употреблены на вооруженія противъ иностранныхъ дер-

жавъ. Во-вторыхъ, собранныя пожертвованія пришлось бы передать оффиціальнымъ лицамъ, безъ всякаго участія и контроля жертвователей или ихъ агентовъ въ непосредственномъ распредѣленіи и употребленіи этихъ денегъ, а англійскіе филантропы привыкли сами устроивать дѣло по своему, чтобы расходуемыя средства скорѣе и лучше достигали цѣли. Эти мотивы, подробно изложенные въ статьѣ „Times"'а, были, вѣроятно, убѣдительны для англичанъ, потому что мысль объ англійскихъ пожертвованіяхъ въ пользу нашихъ голодающихъ губерній была затѣмъ оставлена.

Предпріимчивые европейцы часто смотрятъ на некультурныя населенія другихъ частей свѣта какъ на пассивныя, безправныя массы, которыхъ не слѣдуетъ принимать въ разсчетъ при размежеваніи и занятіи ихъ земель. Нѣмцы, подѣлившіе съ англичанами восточныя области африканскаго материка, убѣждаются теперь на опытѣ, что и дикіе люди не отдаютъ своей территоріи безъ упорной борьбы, что и въ Африкѣ нельзя безнаказанно распоряжаться цѣлыми племенами безъ ихъ вѣдома и спроса. То же самое обнаруживается теперь въ обширной странѣ, имѣющей свою древнюю самобытную культуру и тѣмъ не менѣе разсматриваемой часто европейцами какъ безхозяйная имперія, подлежащая законному принудительному воздѣйствію нашей религіозно-политической культуры. Въ Китаѣ давно уже замѣчается сильное раздраженіе противъ многочисленныхъ христіанскихъ миссіонеровъ, посылаемыхъ западно-европейскими правительствами или частными обществами въ нѣкоторыя области имперіи; католическія миссіи водворились прочно въ извѣстныхъ мѣстахъ, по теченію Янгъ-тзе-Кіанга, вызывая противъ себя періодическія вспышки въ населеніи невѣжественномъ и глубоко-преданномъ своей родной странѣ. Миссіонеры не уступаютъ, а требуютъ насильственной поддержки со стороны великихъ державъ; между тузенными жителями твердо держатся самыя нелѣпыя басни относительно дѣятельности христіанскихъ пасторовъ и монаховъ: среди темнаго китайскаго люда господствуетъ убѣжденіе, что эти миссіонеры похищаютъ дѣтей и звѣрски убиваютъ ихъ для своихъ религіозныхъ обрядовъ, и никакія увѣренія властей не въ силахъ опровергнуть эти страшные слухи. Понятно, что при такихъ условіяхъ можетъ произойти рѣзня, жертвами которой падутъ и европейцы, живущіе въ Китаѣ для своихъ торговыхъ дѣлъ; военное вмѣшательство явится слишкомъ поздно и не потушитъ злобы, порожденной усердіемъ нѣкоторыхъ слишкомъ энергическихъ и неумѣлыхъ распространителей христіанства. Вмѣсто того, чтобы грозить Китаю войною, западно-

европейскіе кабинеты поступили бы гораздо справедливѣе. еслибы распорядились удалить главную причину раздраженія и конфликта—религіозныя миссіи, дѣйствующія столь неудачно на китайской почвѣ. Китайцы не хотятъ иностранныхъ миссіонеровъ и не довѣряютъ ихъ намѣреніямъ, и нѣтъ, конечно, основанія употреблять военное насиліе для того, чтобы побудить китайскій народъ подчиниться европейскимъ понятіямъ и взглядамъ относительно религіи.

Въ Южной Америкѣ совершился новый и притомъ двойной государственный переворотъ: въ Бразиліи президентъ республики, Деодоро ди Фонсека, сначала провозгласилъ себя диктаторомъ, а потомъ, встрѣтивъ энергическое сопротивленіе въ народѣ, добровольно отказался отъ власти и уступилъ мѣсто болѣе спокойному и скромному дѣятелю. Можно думать, что недавняя трагическая судьба Бальмаседы не осталась безъ вліянія на воинственнаго президента Бразиліи. Междоусобія, свирѣпствовавшія въ Чили въ теченіе болѣе полугода, представляли поучительный примѣръ того, къ чему приводитъ болѣзненная жажда власти при отсутствіи сдерживающихъ нравственныхъ мотивовъ. Бальмаседа, бывшій адвокатъ по профессіи, достигъ высшаго положенія, возможнаго въ республикѣ; онъ не довольствовался, однако, своими законными полномочіями, а пожелалъ присвоить себѣ роль диктатора, свободнаго отъ всякаго общественнаго и парламентскаго контроля. Онъ избралъ себѣ министровъ изъ числа лицъ, согласившихся быть его сообщниками, и сталъ дѣйствовать открыто противъ конгресса народныхъ представителей, причемъ старался заранѣе привлечь на свою сторону армію; онъ объявлялъ своихъ противниковъ мятежниками и поступалъ съ ними съ соотвѣтственною строгостью, такъ что не только чилійскія войска, но и иностранные кабинеты отчасти повѣрили его авторитетному тону, его самоувѣреннымъ заявленіямъ и обѣщаніямъ. Сдѣлавшись явнымъ нарушителемъ законовъ своей страны и предпринявъ братоубійственную войну противъ партіи конгресса, онъ съумѣлъ придать дѣлу такой видъ, какъ будто защитники законнаго порядка суть дѣйствительно бунтовщики, а онъ — единственный легальный обладатель власти; долго считалось спорнымъ, можетъ ли партія конгресса пользоваться правами воюющей стороны, и въ отчетахъ иностранныхъ газетъ партія Бальмаседы называлась не иначе, какъ правительственною, а сторонники конгресса—мятежниками. Вся эта кровавая фантасмагорія, столь дорого обошедшаяся злосчастной странѣ, окончилась, какъ извѣстно, полнымъ пораженіемъ войскъ диктатора, а самъ Бальмаседа искалъ убѣжища въ аргентинскомъ посольствѣ и не на-

шелъ для себя другого исхода, кромѣ самоубійства. Будь у него меньше самолюбія и больше чувства нравственнаго долга, онъ до сихъ поръ былъ бы президентомъ чилійской республики и оставилъ бы по себѣ добрую память среди своихъ соотечественниковъ, а страна была бы избавлена отъ жестокаго разоренія и кровопролитія. Бразильскій дѣятель, Деодоро ди Фонсека, едва не пошелъ по слѣдамъ Бальмаседы, поддавшись тѣмъ же пагубнымъ соблазнамъ власти,— но воздержался вò-время, къ счастью для страны и народа. Дѣло обошлось на этотъ разъ безъ кровопролитій, которыя при упорствѣ президента были бы неизбѣжны и подвергли бы Бразилію всѣмъ ужасамъ кровавой анархіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го декабря 1891.

— *Пропозиціи Ѳедора Салтыкова.* Рукопись изъ собранія П. Н. Тиханова. Спб. (1891). Изъ „Отчетовъ“ о засѣданіяхъ Импер. Общества любителей древней письменности.

Въ собраніи П. Н. Тиханова, у котораго имѣется вообще не мало любопытныхъ рукописей и книжныхъ рѣдкостей, нашлась, между прочимъ, и рукопись, доставившая поводъ и матеріалъ къ настоящему изданію. Это — новый памятникъ о Петровскихъ временахъ, относящійся именно къ тому интересному разряду фактовъ, гдѣ передъ нами раскрывается не внѣшняя оффиціальная и дѣловая жизнь, а то внутреннее броженіе умовъ, которое должно было совершаться въ эпоху преобразованій. О Ѳедорѣ Салтыковѣ извѣстно немногое. Въ 1703—1704 годахъ онъ строилъ на олонецкой верфи 28-пушечный фрегатъ, потомъ также строилъ военныя суда въ Новой Ладогѣ; затѣмъ, въ 1711, посланъ былъ за границу „инкогнито, подъ видомъ россійскаго дворянина“, для собиранія свѣденій о продающихся во Франціи, Голландіи и Англіи корабляхъ и о томъ, какъ ихъ можно было бы купить. Въ послѣдующіе годы, до августа 1715, мы видимъ его за границей: онъ осматриваетъ главнѣйшіе приморскіе города западныхъ морскихъ государствъ, заказываетъ и покупаетъ корабли, нанимаетъ въ русскую службу морскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и отправляетъ въ Россію. Изъ немногихъ сохранившихся документовъ видно, что Салтыковъ пользовался довѣріемъ Петра, который былъ доволенъ исполненіемъ порученій. Отъ 16-го августа 1715 Петръ давалъ ему еще новое порученіе, а между тѣмъ въ этотъ же день Петръ послалъ въ Англію къ капитанъ-поручику Синявину указъ, гдѣ значилось: „Понеже Ѳедоръ Салтыковъ, россійской породы, посланъ былъ отъ насъ для покупки кораблей въ Англію, и оной учинилъ противо указу, и многія деньги

бралъ себѣ подъ лицомъ той покупки, для того его арестовать и привесть въ Петербургъ, яко нашего подданнаго". Исполнить указа не пришлось; до полученія его Салтыковъ умеръ въ Англіи.

Издатель рукописи, недоумѣвая, какъ объяснить этотъ указъ, приводитъ другія свѣденія, изъ которыхъ оказывается, что деньгами завѣдывало собственно другое лицо, что Салтыковъ самъ крайне нуждался, былъ оставляемъ безъ средствъ, когда нужно было оплачивать исполненные заказы и т. п., наконецъ годами самъ не получалъ „зажилого жалованья" и т. д. Г. Тихановъ предполагаетъ, что всего скорѣе Салтыковъ сдѣлался жертвой интриги и былъ передъ Петромъ оклеветанъ: въ изданныхъ теперь „пропозиціяхъ" онъ собираетъ цѣлый рядъ предложеній, цѣль которыхъ—чтобы была казнѣ наибольшая прибыль.

Предложенія Салтыкова чрезвычайно курьезны. Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ административныхъ совѣтовъ, гдѣ онъ заботится, чтобы государство не было обкрадываемо разными сборщиками и управителями (онъ указываетъ примѣры, видѣнные имъ, между прочимъ, въ Тобольскомъ краѣ), любопытны особенно его заботы о распространеніи просвѣщенія и объ умноженіи казенныхъ доходовъ посредствомъ особаго устройства крупнаго землевладѣнія. Одинъ изъ способовъ, на которыхъ онъ особливо настаиваетъ, заключался въ своеобразныхъ гербовыхъ сборахъ: каждая дворянская фамилія,—а также и высшее черное духовенство, не имѣющее семействъ,—должны сочинить и представить въ особое вѣдомство (образцомъ Салтыковъ указываетъ англійскій „риторъ-гоусъ") свои гербы (изъ серебра), платить съ нихъ крупныя пошлины, также какъ со всякой записи новыхъ членовъ фамиліи въ гербовую книгу. По мнѣнію Салтыкова, слѣдовало учредить въ Россіи, по образцу западныхъ государствъ, цѣлую градацію аристократическихъ титуловъ (которые всѣ оплачивались бы деньгами, въ чемъ и заключалась главная цѣль). „Довлѣетъ росписать во всѣхъ губерніяхъ и городѣхъ волости, слободы, села и деревни, и росписавъ тѣ обращати по великости препорціи въ ландграѳство, въ маркизанство, въ граѳство, въ баронство, въ господство и стяжательство (имѣніе). Дать на вышеписанные достоинства привилегіи и гербы и велѣть стяжателемъ отъ иныхъ стяжателствъ тѣми титулами писаться и гербами печататься, какъ и въ протчихъ европѣскихъ государствахъ, а не одного своего родного прозвища, а чтобъ всякой стяжатель платилъ на годъ отъ своихъ достоинствъ по уставу. И того въ прибыляхъ будетъ доходъ со всего государства немалой". Эта идея очень занимала Салтыкова; онъ разсчитывалъ уже, какіе взносы будутъ приносить эти „дучества", „ландъ-граѳства", „ѳвцъ-граѳства" и т. д. Онъ, конечно, разумѣлъ всѣ эти названія какъ одни громкіе

титулы; но, по его мнѣнію, такими же титулярными „дуществами“ (герцогствами) были въ Англіи „Букингэмъ“, „Сомерсетъ“, „Малбургъ“ и др.; онъ забывалъ только, что эти англійскія „дуцества“ представляли кромѣ титуловъ и настоящую политическую силу, унаслѣдованную съ тѣхъ временъ, когда „дуцества“ не были одними титулами, или что въ Германіи, въ ту пору, титулы соединялись и съ настоящими владѣтельными правами.

Изъ его изложенія не видно, чтобы онъ предполагалъ связать съ этими титулами и ихъ дорогой оплатой какія-нибудь особыя политическія права; онъ упоминаетъ о „привилегіяхъ“ повидимому только въ смыслѣ обычныхъ преимуществъ землевладѣнія, какія уже были. Главной цѣлью было, какъ мы видѣли, увеличеніе государственнаго дохода, но рядомъ было повидимому и другое побужденіе: на него, кажется, производилъ впечатлѣніе внѣшній декорумъ европейской жизни, и ему казалось, что и это, съ выгодой для казны, можно перенести въ Россію однимъ царскимъ указомъ. Прибавимъ, впрочемъ, что была одна привилегія крупнаго землевладѣнія, на которой онъ настаивалъ—учрежденіе всеобщаго дворянскаго майората: образецъ для этого былъ, конечно, иностранный, и аргументами въ пользу майората было, во-первыхъ, то, что владѣнія, не раздробляясь и, напротивъ, возрастая, будутъ давать большій доходъ государству въ податяхъ, и во-вторыхъ, что отсутствіе земельнаго наслѣдства будетъ, какъ въ другихъ странахъ, побуждать младшихъ сыновей къ пріобрѣтенію знаній, которыя могли бы доставить имъ обезпеченіе на службѣ.

Салтыковъ заботится и о купеческомъ сословіи. Оно должно составлять торговыя компаніи, посылать своихъ дѣтей за границу научаться иностраннымъ торговымъ порядкамъ, должно заботиться, чтобы выгоды вывозной торговли не попадали цѣликомъ въ руки иностранцевъ (какъ это и до сихъ поръ остается).

Крайне оригинальны предложенія Салтыкова о средствахъ усилить образованіе. Это надо было сдѣлать на средства монастырей, которые, замѣтимъ, въ то время были дѣйствительно богаты, владѣя землями и крестьянами. Салтыковъ повидимому въ этомъ случаѣ держался чисто практическихъ соображеній, не стѣсняясь преданіями. „О школахъ и о монастыряхъ“ онъ дѣлаетъ слѣдующія предположенія:

„Велѣть во всѣхъ губерніяхъ (тогда губерній было семь) учинить по одной академіи или по двѣ, а на тѣ академіи отдать несколко монастырей и изъ тѣхъ монастырей вывесть чеицовъ (т.-е. чернецовъ, монаховъ), толко оставить при церквахъ для служебъ священниковъ и причетниковъ церковныхъ.

„И въ тѣ академіи собрать мастеровъ (т.-е. учителей) изъ иныхъ

государствъ, а велѣть тѣхъ мастеровъ призывать и ихъ содержать тѣми монастырскими доходами.

„Въ тѣ же монастыри велѣть набрать учениковъ дворянскихъ и купецкихъ дѣтей и всякихъ иныхъ розныхъ чиновъ и учинить штраѳтъ на отцовъ, чтобъ они приводили дѣтей своихъ отъ шести лѣтъ, и быть бы имъ тамо до двадцати трехъ лѣтъ, и велѣть ихъ тамъ записывать, съ котораго году хто начнетъ учиться.

„А по прошествіи тѣхъ урочныхъ лѣтъ употреблять ихъ въ службы воинскіе и градскіе, и болше тѣхъ лѣтъ отнюдь не держать подъ штраѳомъ на мастерахъ, чтобъ они ихъ не укрывали отъ службъ. Ежели кто въ тѣ семнадцать лѣтъ не выучится, то уже онъ не будетъ ключимъ больше.

„Содержать тѣхъ учениковъ, давать имъ платье и питаніе и жилище въ монастырехъ изъ монастырскихъ доходовъ, чтобъ вашей (т.-е. царской) казнѣ въ томъ изтраты не было".

Салтыковъ полагалъ, что это будетъ для государственной пользы гораздо лучше, чѣмъ какъ „нынѣ дворянскія дѣти воспитаніе имѣютъ въ деревняхъ, подобно тому, какъ лѣсъ нечищаной ростетъ". При этихъ академіяхъ должны быть заведены друкарни для печатанія необходимыхъ книгъ, а также сдѣланы библіотеки, какъ въ Англіи, „въ Аксѳорте и Кембриче". Предположенный курсъ наукъ былъ очень широкій. Между прочимъ „для обхожденія и разговоровъ съ разными народы" считалось нужнымъ пять иностранныхъ языковъ: латинскій, греческій, нѣмецкій, англійскій и французскій; затѣмъ кромѣ наукъ, какъ исторія и географія, цѣлый рядъ наукъ военныхъ, далѣе художества и наконецъ „для обороны собственной и для изящества" требовалось учиться — на лошадяхъ ѣздить, на шпагахъ биться и танцовать. По учрежденіи всего этого Салтыковъ надѣялся, что „ни по сему образу сравняемся во всѣхъ свободныхъ наукахъ со всѣми лучшими европскими государствами, а безъ свободныхъ наукъ и добрыхъ рукодѣлей не можетъ государство стяжать себѣ умнаго имѣнія и такожде будетъ всегда требовать во всѣхъ дѣлехъ изъ другихъ ученыхъ государствъ людей на послуги свои и вспоможеніе".

Итакъ, распространенія наукъ требовали и государственная польза, и національное достоинство. Для этого послѣдняго Салтыковъ считалъ нужнымъ еще одно: „Надобно сдѣлать исторію россійскаго государства и о всѣхъ въ немъ заключающихъся градахъ, и велѣть ея перевесть на нѣмецкой и на ѳранцузской языкъ, и велѣть ея напечатать и отослать въ нѣмецкіе государства и въ протчіе европскіе для извѣстія (т.-е. для свѣденія), чтобъ онѣ знали объ ономъ подробну, и на оборону, что старые и иностранные сосѣдственные историки писали оное съ поносомъ о немъ".

Подобнымъ образомъ Салтыковъ заботился и о женскомъ образованіи. Для женскихъ школъ надо было употребить женскіе монастыри, изъ которыхъ вывести старицъ,—а еслибы въ какой губерніи не оказалось богатыхъ женскихъ монастырей, то очистить мужскіе монастыри для содержанія ученицъ, „мастеровъ“ и надзирательницъ (при чемъ ученицы свободно могли отправляться на время для свиданія въ свойственникамъ). „Женскія науки“ были, по Салтыкову, не велики: „для домоводства“—читать, писать и цыфирь, „для изящества въ языкахъ“—французскій и нѣмецкій, „для забавы“—„пиктуры и мніатуры и преспектиеъ“, наконецъ „для забавы же своей и въ компаніяхъ веселаго обхожденія“—учиться музыкѣ инструментальной и вокальной, „сирѣчь на всякихъ инструмѣнтахъ и вспѣвать“, и танцы; все это для того, „чтобъ и женской нашъ народъ уровнялся съ европскими государствами равно“.

Рядъ предложеній сдѣланъ былъ Салтыковымъ о дѣлахъ торговыхъ, поземельныхъ, межеваніи, почтѣ и т. д.; особая глава посвящена сибирскимъ дѣламъ; особая—инородцамъ. Въ послѣдней онъ между прочимъ предлагаетъ изъ тѣхъ инородцевъ, которые „не очень дики и обрусѣли“, составлять особые полки: тогда имъ будетъ служить свободнѣе и „еще будутъ ревновать лутче какъ и прочіе, наприкладъ у шведовъ вины“; только не слѣдуетъ оставлять ихъ въ тѣхъ странахъ, куда они принадлежатъ,—„для револтовъ“, т.-е. чтобы они не сдѣлали возстанія.

Таково содержаніе изданія г. Тиханова. Историкъ Петровской эпохи найдетъ здѣсь любопытную черту броженія преобразовательныхъ стремленій въ средѣ самого общества, которое хотѣло вести дальше начатую реформу; то неумѣлое и странное, съ чѣмъ мы здѣсь встрѣчаемся, было естественной чертой при новости только-что начатаго дѣла; но заслуживаютъ вниманія ревностныя заботы объ увеличеніи средствъ просвѣщенія.

— В. С. *Карцовъ* и М. Н. *Мазаевъ*. Опытъ Словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб., 1891.

Составители книжки говорятъ въ предисловіи, что въ нашей библіографической литературѣ совсѣмъ нѣтъ справочныхъ указателей псевдонимовъ, а есть лишь нѣсколько небольшихъ статей, разсѣянныхъ въ журналахъ; потому составители предприняли свое изданіе, гдѣ собрано до 4.000 псевдонимовъ, изъ которыхъ многіе раскрыты въ первый разъ.

Польза подобныхъ трудовъ не подлежитъ сомнѣнію, говоря вообще.

Главная состоитъ въ томъ, что раскрытіе псевдонимовъ *стараго времени* можетъ доставить важныя разъясненія исторіи литературы: многія произведенія литературы, даже небольшія статьи и замѣтки пріобрѣтаютъ исключительное значеніе, когда открывается ихъ неизвѣстный прежде авторъ. Но вообще для раскрытія псевдонимовъ долженъ быть извѣстный срокъ или извѣстныя условія: многіе псевдонимы такъ прозрачны, или самъ писатель такъ мало скрываетъ свое имя, что псевдонимъ раскрывается самъ собой тотчасъ же, какъ напр. Салтыковъ-„Щедринъ". Въ литературныхъ кругахъ псевдонимъ нѣсколько замѣтнаго лица почти не можетъ скрыться, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ можетъ быть тотчасъ занесенъ въ „словарь псевдонимовъ" для всеобщаго свѣденія. У насъ въ послѣднее время распространилась, въ числѣ другихъ литературныхъ безцеремонностей, манера не стѣсняться раскрываніемъ псевдонимовъ, но это—грубое непониманіе элементарнаго литературнаго приличія: если авторъ не выставляетъ своего имени, онъ долженъ былъ имѣть для этого какія-нибудь основанія, и „нарушать волю" его можетъ быть иногда столь же прилично, какъ залѣзать въ его душу или въ карманъ. Нѣтъ надобности приводить примѣры, когда подобное раскрытіе псевдонима писателя изъ враждебнаго лагеря имѣло цѣлью только легкій или крупный доносъ или шантажъ.

Составители настоящаго словаря между прочимъ раскрываютъ не мало псевдонимовъ нынѣ дѣйствующихъ писателей. У нихъ, конечно, не было при этомъ никакой неодобрительной цѣли, а только литературная любознательность, но думаемъ, что нѣкоторая осмотрительность была бы при этомъ нелишнею. Иные псевдонимы слишкомъ извѣстны и были раскрыты самими писателями, какъ Максимъ Бѣлинскій-Ясинскій, Минскій-Виленкинъ и др.; но въ другихъ случаяхъ подобныя раскрытія сдѣланы въ „Опытѣ" въ первый разъ,—имѣлось ли на это согласіе самихъ писателей?

Авторы книжки предполагаютъ возможность ошибокъ въ своихъ объясненіяхъ и просятъ о сообщеніи поправокъ. Ошибки или неточности дѣйствительно есть; укажемъ нѣсколько примѣровъ. Объясняя псевдонимъ „Минскій", авторы называютъ его книгу „При свѣтѣ совѣсти", ссылаются на „Дѣло", „Р. Мысль", и забываютъ только главное, чѣмъ составлена извѣстность этого псевдонима—его стихотворенія. Въ объясненіи псевдонима „Таль, Н. А." есть ошибка. Псевдонимъ „Скиѳъ" объясненъ совсѣмъ невѣрно; сомнителенъ и „Еѳіопъ". „Радюкинъ"—если не ошибаемся, вовсе не Шелгуновъ, а Д. И. Писаревъ. „Семилужскій"—читай: Семилужинскій. „Толивѣрова"—въ объясненіи ошибка или опечатка, и т. д. „Библіографъ—не критикъ (замѣчаютъ составители въ предисловіи), и потому здѣсь помѣщены

псевдонимы писателей, быть можетъ, слишкомъ мелкихъ; разъ есть возможность сохранить ихъ настоящую фамилію, почему бы этого не сдѣлать?" Положимъ; но есть одна бѣда: эти псевдонимы могутъ быть очень мало интересны—во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящей книжкѣ, въ числѣ 4.000 псевдонимовъ, читатель встрѣтитъ множество именъ до такой степени малоизвѣстныхъ, что ему будутъ весьма безразличны псевдонимы, подъ которыми скрывались такіе писатели.

— *М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1891.

Обширная работа г. Грушевскаго (большой томъ, болѣе 500 стр.) входитъ въ рядъ нѣсколькихъ монографій по мѣстной исторіи, написанныхъ за послѣднее время самими профессорами и питомцами кіевскаго университета. Таковы были труды В. Б. Антоновича, Н. П. Дашкевича и затѣмъ г. Молчановскаго (о подольской землѣ до 1834 г.), г. Голубовскаго (о землѣ сѣверской до половины XIV столѣтія, и о торкахъ, берендеяхъ и половцахъ до нашествія татаръ или объ исторіи южно-русскихъ степей въ IX—XIII вѣкахъ), г. Багалѣя (объ исторіи той же сѣверской земли), г. Андріяшева (объ исторіи волынской земли до конца XIV вѣка), г. Довнара Запольскаго (о кривичской и дреговичской землѣ до конца XII вѣка). Эти послѣдніе труды, очевидно, вызванные одной научной иниціативой, появлялись въ кіевскихъ университетскихъ „Извѣстіяхъ" и затѣмъ отдѣльными книгами и составляютъ весьма разумное примѣненіе работы начинающихъ ученыхъ, которые, какъ видно по нѣкоторымъ примѣрамъ, и впослѣдствіи направляли свои изысканія на изученіе областныхъ историческихъ отношеній, въ чемъ для нашей исторіографіи несомнѣнно настояла надобность.

Изслѣдованіе г. Грушевскаго состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Первый посвященъ опредѣленію историко-географическихъ и частію этнографическихъ данныхъ, второй—въ трехъ главахъ—обзору внѣшней исторіи кіевской земли до монгольскаго нашествія, третій—общественному устройству и быту въ до-монгольскій періодъ, и наконецъ четвертый—состоянію кіевской земли послѣ нашествія и подъ властью литовскихъ князей до конца XIV столѣтія. Въ своемъ изложеніи авторъ старался вообще, сколько возможно, выдѣлить областную исторію отъ цѣлой исторіи древней Руси, гдѣ Кіевъ игралъ въ первые вѣка первенствующую роль. Авторъ хорошо изучилъ литературу, относящуюся къ его предмету, но, какъ говоритъ, старался быть отъ нея независимымъ, ссылаясь на нее не какъ на автори-

тетъ, а скорѣе какъ на подтвержденіе выводовъ, пріобрѣтенныхъ изъ самыхъ источниковъ.

Однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ этой исторіи является судьба Кіева и кіевской земли во время и послѣ монгольскаго нашествія. Объ этомъ велись, особливо въ послѣдніе годы, самые оживленные споры, причемъ высказывались два противоположные взгляда, съ которыми соединялись и два противоположныя рѣшенія относительно давности здѣсь малорусскаго народа и языка. Самое распространенное и давнее мнѣніе, опиравшееся особенно на показанія одной изъ сѣверныхъ лѣтописей, было то, что Кіевъ былъ разрушенъ монголами и опустѣлъ, какъ и весь край; жители были истреблены или разбѣжались по другимъ странамъ. Новые историки прибавляли (какъ Погодинъ), что позднѣйшее населеніе кіевскаго края явилось изъ западныхъ земель, Галиціи и съ Карпатъ, и только съ этого времени (съ XIV—XV в.) въ странѣ является малорусское населеніе, тогда какъ прежде, до монголовъ, въ Кіевѣ и кіевской землѣ жили великоруссы. Къ заключеніямъ историческимъ присоединились филологическіе: въ памятникахъ кіевскаго періода не находили характерныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія. Другое мнѣніе утверждало, напротивъ, что мнѣніе о совершенномъ разрушеніи Кіева и запустѣніи кіевской земли не выдерживаетъ критики и не вяжется съ другими историческими свидѣтельствами; что въ дѣйствительности извѣстія о разореніи кіевскаго края были крайне преувеличены и населеніе его, хотя и сильно пострадавшее отъ нашествія монголовъ, сохранило свою непрерывность, какъ и малорусскій языкъ. Этотъ споръ, веденный нѣкогда Погодинымъ и Максимовичемъ, возобновился въ послѣднее время и съ исторической, и съ филологической стороны; до сихъ поръ впрочемъ онъ остается неяснымъ по той простой причинѣ, что для рѣшенія вопроса имѣется на-лицо слишкомъ мало положительныхъ данныхъ. Г. Грушевскій, пересмотрѣвъ существующія свидѣтельства о той эпохѣ, склоняется ко второму изъ указанныхъ взглядовъ, именно къ выводу о непрерывности народной жизни въ кіевской землѣ. Несмотря на всѣ разоренія и истребленія,—говоритъ онъ,—„необходимо предположить въ Кіевщинѣ, въ частности въ землѣ полянъ, существованіе значительнаго туземнаго ядра, пережившаго и нашествіе Батыя, и послѣдующія передряги, отодвигавшагося въ сѣверную полосу, въ лѣса, въ тяжелыя годины и возвращавшагося на югъ по минованіи ихъ, ядра, въ которое постепенно подмѣшивались пришлые элементы, но которое никогда не мѣняло радикально своего состава, не замѣщалось пришлою стихіею“ (стр. 441). Авторъ не признаетъ за монгольскимъ нашествіемъ рѣшительнаго, фатальнаго значенія для состоянія страны,

по придаетъ значеніе въ другомъ отношеніи—въ перестройкѣ политико-общественныхъ отношеній.

Отсутствіе свѣденій о кіевской землѣ за вторую половину XIII вѣка и почти за весь XIV кажется автору тою, больше психологическою причиною, какая повела къ предположенію о запустѣніи кіевской земли: „нѣтъ извѣстій, значитъ, и не было ничего, страна была совершенно разорена, запустѣла и т. д.". Но, говоритъ авторъ, „это обстоятельство обусловлено совсѣмъ иными причинами: во-первыхъ, для кіевской земли за это время мы не имѣемъ мѣстной лѣтописи" и т. д., т.-е. отсутствіе извѣстій „обусловлено" отсутствіемъ извѣстій? Правда, Кіевъ и послѣ монгольскаго нашествія (какъ и раньше) пережилъ столько разореній, что необходимо, кажется, предположить великое истребленіе памятниковъ литературныхъ; но отсутствіе извѣстій могло по праву стать „психологической причиной", потому что жизнь дѣятельная должна была проявиться такъ или иначе, оставить слѣдъ если не въ своихъ, то въ чужихъ извѣстіяхъ. Главный фактъ остается все-таки въ томъ, что указываетъ и самъ историкъ: „*Захуданіе* Кіева, продолжающееся и впредь crescendo, само по себѣ служило бы достаточнымъ объясненіемъ молчанія о Кіевѣ лѣтописей юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, тѣмъ болѣе, что монгольское нашествіе разорвало и ту небольшую связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ, какая существовала до него"... (стр. 442). Затѣмъ прекратилась династическая связь Кіева съ Галичемъ и Владиміромъ, потомъ произошло переселеніе изъ Кіева митрополитовъ, которые „привыкли къ союзу и общенію съ носителями центральной государственной власти" и потому тяготѣли къ Владиміру, Москвѣ, Вильнѣ, а кіевскій край, „хотя бы и благоденствовалъ", сначала лишенъ былъ вовсе этой власти, а потомъ, хотя и былъ объединенъ и получилъ эту власть, оставался все-таки второстепеннымъ княжествомъ.

Такимъ образомъ дѣло сводится если не къ запустѣнію, то къ захуданію кіевской земли, и остается все-таки просторъ для разнорѣчивыхъ толкованій о томъ, что̀ могло совершаться въ этой странѣ съ упавшимъ пульсомъ племенной жизни, и новыя изысканія все еще необходимы.

Смоленскій этнографическій сборникъ. Составилъ В. Н. Добровольскій. Часть I. (Записки И. Р. Географич. Общества по отдѣленію этнографіи, т. XX.) Спб. 1891.

До какой степени могутъ быть богаты пріобрѣтенія этнографическаго знанія, когда собирателемъ матеріала является человѣкъ, у котораго изученіе народной жизни бываетъ дѣломъ задушевнаго

стремленія, примѣромъ можетъ послужить обширный сборникъ В. Н. Добровольскаго. Въ настоящее время мы имѣемъ только одну первую часть, составляющую огромный томъ въ 700 страницъ; между тѣмъ, по извѣщенію редакціи, весь трудъ г. Добровольскаго, до сихъ поръ доставленный въ географическое общество, представляетъ пять большихъ фоліантовъ, изъ которыхъ одинъ первый заключаетъ вышедшій теперь томъ. „Въ остальныхъ фоліантахъ содержатся кстинныя (крестинныя) пѣсни, свадебныя пѣсни, свадебный обычай, погребальные обычаи, причитанія, очерки семейныхъ нравовъ, игрища, колядныя пѣсни, масляница, веснянки и т. д., припѣвки, пѣсни голосовыя, круговыя и т. д., духовскія пѣсни и др., пословицы". Въ полномъ своемъ составѣ трудъ г. Добровольскаго будетъ вторымъ въ нашей литературѣ богатымъ сборникомъ матеріала, составленнаго только въ одной опредѣленной, не весьма обширной, мѣстности. Нѣкогда наши ученые этнографы поражены были необычайнымъ обиліемъ народно-поэтическаго матеріала, собраннаго въ Олонецкой губерніи Рыбниковымъ и Гильфердингомъ и еще дополненнаго г. Барсовымъ; теперь предвидится другой сборникъ, почти не уступающій олонецкимъ по изобилію.

Въ предисловіи г. Добровольскій опредѣляетъ свой трудъ какъ чисто этнографическій. „По мнѣнію собирателя, такой трудъ съ внутренней стороны своей долженъ быть отображеніемъ (отраженіемъ?) народнаго міросозерцанія, а съ внѣшней представлять точную передачу народнаго говора со всѣми оттѣнками и оборотами народной рѣчи". „Собиратель былъ совершенно чуждъ стремленія дѣлать научные выводы и обобщенія, хотя нѣкоторыя научныя соображенія руководили имъ, по необходимости, при группировкѣ довольно значительнаго матеріала; главная же забота собирателя заключалась въ томъ, чтобъ собрать возможно большее число разнообразныхъ этнографическихъ фактовъ. Указатель къ этимъ фактамъ и указатель къ лексическимъ даннымъ наглядно знакомятъ съ содержаніемъ сборника и даютъ возможность легко найти что нужно".

Это все, что говоритъ собиратель,—можетъ быть, на первый разъ,—о своемъ трудѣ. Можно пожалѣть, что онъ такъ стѣснилъ свое отношеніе къ дѣлу; многолѣтнее собираніе, безъ сомнѣнія, обогатило г. Добровольскаго множествомъ свѣденій о населеніи края, которыхъ нельзя было бы не считать также этнографическими и которыя могли бы послужить съ великой пользой для пониманія собраннаго имъ матеріала. Составитель сборника какъ будто хотѣлъ совершенно устранить свои объясненія, какъ личное вмѣшательство,—и если такъ, то напрасно. Въ своемъ данномъ видѣ сборникъ, не говоря объ обыкновенномъ читателѣ, требовалъ бы нѣкоторыхъ объяс-

ненній даже для людей, особливо заинтересованныхъ этнографическими предметами. Нельзя требовать, чтобы каждый читатель, обращающійся къ подобному труду, былъ спеціалистомъ или имѣлъ подъ руками всю литературу о данномъ краѣ. Въ книгѣ г. Добровольскаго является первый обширный опытъ этнографическаго изученія смоленскаго края: естественно было бы дать понятіе о составѣ населенія этого края, а этотъ составъ именно особенный и неоднородный, переходный отъ великорусскаго къ бѣлорусскому. Г. Добровольскій въ своихъ этнографическихъ поискахъ, вѣроятно, имѣлъ возможность провѣрить существующія въ литературѣ указанія о географическомъ распредѣленіи различныхъ оттѣнковъ русской народности, какіе имѣются въ этомъ краѣ: такая задача была бы также чисто этнографическая, и подѣлившись своими свѣденіями по этому предмету, собиратель помогъ бы читателю сборника выяснить себѣ значеніе тѣхъ мѣстностей, которымъ принадлежатъ тѣ или другія черты въ содержаніи сборника. Данныя этого рода были бы необходимы и въ частности, когда г. Добровольскій излагаетъ „особенности смоленскаго нарѣчія“: есть ли это нарѣчіе однородное по всему краю, съ частными варіантами по отдѣльнымъ мѣстностямъ, или, напротивъ, оно не однородное (какъ обыкновенно полагалось)? и въ послѣднемъ случаѣ требовалось бы предварительное объясненіе, какъ распредѣлены говоры по мѣстностямъ и какъ слѣдуетъ пріурочивать замѣчанія автора объ особенностяхъ говоровъ.

Собиратель какъ будто уклонился и отъ распредѣленія произведеній народнаго творчества. Вслѣдъ за замѣчаніями о смоленскомъ нарѣчіи и „матеріалами для словаря и теоріи ударенія“, идутъ прямо народные разсказы весьма разнороднаго содержанія, ничѣмъ не раздѣленные ни въ текстѣ, ни въ оглавленіи. Только со стр. 397 означены спеціально „сказки“, затѣмъ „чортъ“ (сказки о чортѣ), „сказки о животныхъ“, „бытовыя“, „быль“; до 397 стр. мы не встрѣчаемъ никакихъ обозначеній,—между тѣмъ здѣсь находятся сказанія, очевидно не подходящія подъ какую-либо одну рубрику, а именно народные разсказы автобіографическіе, сказанія о лѣшихъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, знахаряхъ, колдунахъ, оборотняхъ, т.-е. предметахъ общенароднаго суевѣрія, затѣмъ заговоры, легенды или сказанія религіозно-миѳологическаго характера, разсказы нравоучительно-бытового содержанія. Что собиратель дѣлалъ здѣсь какія-то различенія, можно думать потому только, что нѣсколько разъ начинается новая нумерація пьесъ (напр., на стр. 224, 292, 337), но эта новая нумерація ничѣмъ не оговорена; точно также можетъ привести въ недоумѣніе нумерація заговоровъ (стр. 166 и далѣе): № 1, № 1—8, № 1—8, № 1—2, № 1, № 1, № 1, № 1—9, № 1—3, № 1—6, и т. д. Различіе

заговоровъ по предметамъ могло бы быть указано безъ этой запутанной нумераціи.

Что касается автобіографическихъ разсказовъ, каковъ первый, съ котораго начинается книга, этотъ пріемъ можетъ съ пользой служить для этнографической характеристики народнаго быта и языка, но употреблять его слѣдуетъ съ осторожностью. Въ народѣ, какъ и въ образованномъ обществѣ, бываютъ люди умные и неумные, и въ разной степени владѣющіе искусствомъ рѣчи и чутьемъ языка, и если этнографъ желаетъ приводить подобный матеріалъ, то нужно было бы искать людей именно съ такимъ искусствомъ рѣчи, у которыхъ могло бы сказаться и обиліе, и художественное достоинство народнаго языка. Разсказъ, приведенный г. Добровольскимъ, показался намъ довольно безсвязнымъ. Отъ разсказовъ чисто личныхъ не выдѣлены другіе (напр., о знахаряхъ), которые могутъ быть общеизвѣстными.

Въ „матеріалахъ для словаря" желательно было бы имѣть и объясненіе тѣхъ словъ, какія встрѣчаются въ самомъ текстѣ; многихъ малоизвѣстныхъ или совсѣмъ особенныхъ словъ изъ текста мы не нашли въ матеріалахъ,—они оставлены безъ объясненія и въ текстѣ. Въ словарѣ хотя слова собраны по начальнымъ буквамъ, но затѣмъ остаются неприведенными въ обычный словарный порядокъ, такъ что для отысканія слова нужно перебирать всю букву. Удобнѣе было бы избѣжать этого.

Въ замѣчаніяхъ о мѣстномъ нарѣчіи въ „указателѣ" (стр. XXVII) указана въ § 140 рубрика д), которой въ самомъ текстѣ (стр. 28) не находится. Въ тѣхъ же замѣчаніяхъ авторъ указываетъ мнимую особенность мѣстнаго нарѣчія, состоящую въ прибавкѣ „*д* въ началѣ слова" (стр. 11), примѣры чего приведены изъ пѣсенъ:

Прощай, прасти, *дъ* мая Марьина,
Роща-й зелиная...

И въ другой пѣснѣ:

Надъ Кистринымъ слаунымъ горыдымъ,
Надъ кистринсками варотами,
Тамъ стыяла *дъ* нова свѣтилка...

причемъ авторъ дѣлаетъ филологическія сравненія относительно появленія этой буквы *д*. Очевидно, однако, что это — просто частица *да*, самая обыкновенная въ пѣсенномъ языкѣ. Напримѣръ, въ былинахъ: „всѣ люди идутъ *да* похваляются", „не твое сегодня ѣмъ *да* кушаю", „они каются *да* причащаются", „онъ вырвалъ дубъ *да* съ кореньями", „ты коей земли, ты коей орды, коево отца *да* коей ма-

тери", „какъ пріѣхалъ онъ *да* ко Пачей рѣкѣ" и т. д. (Рыбн. III, 12, 15, 17, 18, 19 и пр.).

Оглавленіе было бы гораздо удобнѣе сдѣлать не на мѣстномъ нарѣчіи, а на обыкновенномъ языкѣ, который мѣстами и появляется здѣсь.

Сборникъ В. Н. Добровольскаго есть предпріятіе, заслуживающее всякаго уваженія, и мы думаемъ, что стòило бы труда облегчить пользованіе имъ для обыкновеннаго читателя. Мы не знаемъ, какъ поставлено дѣло въ дальнѣйшихъ частяхъ труда, но полагаемъ, что были бы весьма неизлишни тѣ свѣденія, на отсутствіе которыхъ мы указывали, и составитель удобно могъ бы пополнить эти пробѣлы въ послѣдующихъ выпускахъ. Намъ вообще кажется, что онъ напрасно замыкается въ исключительную роль собирателя; тѣ объясненія, какія онъ могъ бы дать, относились бы къ тому же этнографическому дѣлу, а что въ многолѣтнемъ общеніи съ смоленскимъ народомъ у собирателя долженъ былъ накопиться значительный этнографическій опытъ, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Желательно было бы также больше ясности во внѣшнемъ распредѣленіи матеріала.

— *Потемкинъ*. Сочиненіе А. Г. Брикнера. Съ 2 портретами. Спб. 1891.

Трудъ г. Брикнера является теперь „юбилейнымъ"—въ нынѣшнемъ году совершилась столѣтняя годовщина смерти Потемкина,— но въ первый разъ сочиненіе это вышло еще въ 1887, когда оно печаталось въ журналѣ „Новь". Въ отдѣльномъ изданіи авторъ сдѣлалъ дополненія на основаніи матеріаловъ, какіе тѣмъ временемъ появились въ исторической литературѣ. Авторъ оговаривается впрочемъ, что имѣлъ въ виду только очеркъ дѣятельности Потемкина, не имѣя въ виду полной разработки его исторіи, для которой нужны были бы еще обширныя изслѣдованія, особливо архивныя.

Авторъ начинаетъ во введеніи обзоромъ существующей литературы о Потемкинѣ. Она была въ сущности невелика и запасъ свѣденій о Потемкинѣ начинаетъ расширяться только въ послѣднее время, съ массою новыхъ изданій архивныхъ матеріаловъ, которыхъ такое множество явилось, напр., въ „Архивѣ кн. Воронцова" и особливо въ „Сборникѣ" Имп. Историческаго Общества. Крайне неразвитое состояніе старой нашей исторіографіи относительно новѣйшихъ временъ между прочимъ обнаруживается на біографіи Потемкина. Первыя сочиненія о немъ были иностранныя, со всѣми тѣми недостатками, какими отличались обыкновенно старыя иностранныя сочиненія о

Россіи—незнаніемъ внутреннихъ отношеній, довѣрчивостью къ слухамъ и сплетнямъ; первое русское сочиненіе, написанное племянникомъ Потемкина, гр. Самойловымъ, было панегирикомъ. Въ первый разъ историческій вопросъ о значеніи Потемкина былъ поставленъ въ статьѣ Надеждина, 1839. За новѣйшее время единственнымъ важнымъ трудомъ о Потемкинѣ были статьи г. Семевскаго, въ семидесятыхъ годахъ. При этомъ положеніи литературы біографъ Потемкина до сихъ поръ лишенъ точныхъ данныхъ о многихъ важныхъ фактахъ его исторіи: мало извѣстны обстоятельства его жизни въ семьѣ, годовъ ученья, первой военной службы, даже во многихъ случаяхъ его отношеній къ Екатеринѣ. Излагая эти подробности по русскимъ источникамъ и иностраннымъ книгамъ, даже донесеніямъ иностранныхъ дипломатовъ, жившихъ въ Петербургѣ, г. Брикнеръ долженъ былъ безпрестанно оговариваться о недостаточной или совершенно сомнительной достовѣрности имѣющихся свѣденій.

Свой очеркъ г. Брикнеръ заканчиваетъ главой, посвященной „оцѣнкѣ личности Потемкина", гдѣ въ особенности собраны разнообразные, даже совершенно противорѣчивые отзывы о немъ современниковъ. Извѣстно, что импер. Екатерина была сильно потрясена его смертью. Она подѣлилась своимъ горемъ съ обычнымъ корреспондентомъ, Гриммомъ, которому между прочимъ писала: это былъ — „мой ученикъ, мой другъ, можно сказать, мой идолъ... Это былъ человѣкъ высокаго ума, рѣдкаго разума и превосходнаго сердца; цѣли его были всегда направлены къ великому. Онъ былъ человѣколюбивъ, очень свѣдущъ и крайне любезенъ. Въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли... Имъ никто не управлялъ, но самъ онъ удивительно умѣлъ управлять другими". У него были недостатки, которые проходили съ лѣтами; „но въ немъ были качества, встрѣчающіяся крайне рѣдко и отличавшія его между всѣми другими: у него былъ смѣлый умъ, смѣлая душа, смѣлое сердце. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что̀ былъ въ состояніи сдѣлать". Совсѣмъ противоположны были другіе отзывы. Князь Щербатовъ видѣлъ въ Потемкинѣ только пороки крайняго себялюбія; Болотовъ, вѣроятно, передавалъ не одинъ личный взглядъ, когда писалъ о событіяхъ 1788 года: „Потемкинъ ворочалъ всѣмъ государствомъ; онъ *родился во вредъ оному, ненавидѣлъ свое отечество* и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностью своею къ богатству; отъ него ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы. Все государство обрадовалось по случаю разнесшейся молвы, что пришелъ онъ въ немилость императ-

рицы". Болотовъ едва ли былъ въ состояніи въ то время судить о дѣлѣ съ достаточнымъ запасомъ свѣденій, — тогда вообще знали о государственныхъ дѣлахъ только по слухамъ—но одна черта должна была бросаться въ глаза и справедливо не внушать сочувствія и довѣрія—крайній личный произволъ, родъ самодурства, соединеннаго притомъ съ дѣйствительно безцеремоннымъ отношеніемъ къ государственной казнѣ. Правда и то, что Потемкинъ, въ принципѣ, не составлялъ исключенія, и когда его смѣнили другіе временщики, объ немъ сожалѣли и люди, передъ тѣмъ его осуждавшіе. Изъ случаевъ послѣдняго рода важенъ и любопытенъ отзывъ Безбородка: Потемкинъ „по крайней мѣрѣ *не былъ честнымъ людямъ тяжелъ*". У многихъ другихъ временщиковъ этого качества не бывало.

Г. Брикнеръ заключаетъ характеристику Потемкина слѣдующими словами: это былъ „баловень счастья, болѣе авантюристъ, чѣмъ патріотъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ государственный человѣкъ, болѣе азартный игрокъ, чѣмъ герой. Его пороки объясняются въ значительной долѣ недостатками тогдашняго государственнаго и общественнаго строя", и пр. Дѣйствительно, его характеръ какъ политическаго дѣятеля и его дѣянія какъ временщика объясняются только въ связи съ цѣлымъ характеромъ времени: онъ не стѣснялся матеріальными средствами и достигалъ блестящихъ эффектовъ, цѣль которыхъ совпадала съ политическими стремленіями государства и достиженіе которыхъ во всякомъ случаѣ требовало не малаго таланта; роль его какъ временщика была возможна только при полномъ безсиліи общества и общественнаго мнѣнія. — А. В.

М. Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Съ предисловіемъ Альфреда Фулье. Переводъ по 2-му французскому изданію, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб., 1891.

Книга Гюйо объ искусствѣ, появившаяся теперь въ русскомъ переводѣ, есть одна изъ самыхъ интересныхъ книгъ, какія появлялись въ литературѣ за послѣдніе годы. Это въ одно и то же время и научный трактатъ по психологіи художественнаго творчества, и живой критическій разборъ современныхъ теченій въ области поэзіи и беллетристики, и собраніе талантливыхъ, тонко написанныхъ этюдовъ о выдающихся французскихъ писателяхъ нашего вѣка. Съ наибольшимъ интересомъ читается отдѣлъ, посвященный оцѣнкѣ общественнаго и философскаго содержанія произведеній цѣлаго ряда поэтовъ—Ламартина, де-Виньи, Мюссѣ, Виктора Гюго, Сюлли Прюдома, Леконта де-Лиля, Коппе, г-жи Акерманъ, Ришпена и наконецъ новѣйшихъ декадентовъ (стр. 140—271). Самъ Гюйо былъ одновре-

менно и ученый мыслитель-психологъ, и поэтъ-мечтатель; онъ стоялъ на высотѣ современнаго научнаго знанія и въ то же время предавался поэтическимъ мечтамъ, которыя выразились въ изданномъ имъ сборникѣ изящныхъ стихотвореній. Это рѣдкое соединеніе философской научности съ поэтическимъ взглядомъ на міръ и людей придаетъ особый художественный оттѣнокъ всѣмъ сочиненіямъ и разсужденіямъ Гюйо: въ нихъ серьезность содержанія соединяется съ привлекательностью и легкостью формы. Обиліе поучительныхъ фактовъ и свѣденій, примѣровъ и выдержекъ изъ разныхъ авторовъ оживляетъ аргументацію автора даже по самымъ отвлеченнымъ вопросамъ.

Въ свое время мы упоминали о книгѣ Гюйо объ искусствѣ, когда она была издана во Франціи его другомъ, Альфредомъ Фулье [1]. Главная мысль этой книги заключается въ указаніи на соціальную, общественную, нравственную основу искусства. Всякое искусство — говоритъ онъ—„есть средство соціальнаго согласія и, можетъ быть, даже болѣе глубокое, чѣмъ другія; одинаковымъ образомъ думать, безъ сомнѣнія, есть уже много,—но этого еще недостаточно для того, чтобы заставить насъ одинако желать: великая тайна—заставить всѣхъ насъ одинаковымъ образомъ чувствовать, и это-то чудо совершается искусствомъ“ (стр. VIII). Искусство, какъ говоритъ авторъ въ концѣ своей книги, „всегда или двигаетъ впередъ, или двигаетъ назадъ реальное общество, гдѣ совершается его дѣйствіе, смотря по тому, будетъ ли искусство побуждать общество сочувствовать, въ воображеніи, лучшему или худшему обществу, идеально представленному“; „все, что симпатично, бываетъ въ извѣстной мѣрѣ заразительно, потому что самое сочувствіе есть только утонченная форма заразительности“ (стр. 352—3). Идея человѣчности и общественной солидарности, проникающая всѣ разсужденія Гюйо, дѣйствуетъ также заразительно на читателя, и въ этомъ смыслѣ книга его съ полнымъ правомъ можетъ быть названа симпатичною.—Л. С.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Балталонъ, Ц. — Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. М. 91. Стр. 68. Ц. 40 к.

Берже, Альфр.—Цвѣтная фотографія по способу проф. Липпмана. Перев. съ франц., съ 12 рис. въ текстѣ. М. 91. Стр. 53. Ц. 40 к.

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1889, ноябрь, „Новости Иностр. Литературы“.

Бильдерлингъ, П.—Удобреніе въ теоріи и на практикѣ. Пособіе для сельскихъ хозяевъ. Спб 91. Стр. 307. Ц. 2 р.

Борохович. Я. Л.—Причины регресса льноводства и льняной промышленности въ Россіи. Витебскъ, 92. Стр. 50. Ц. 60 к.

Брикнеръ, А. Г. — Потемкинъ. Съ 2 портретами. Спб. 91. Стр. 276. Ц. 2 р. 50 к.

Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ.—Единобрачіе и многобрачіе, призывъ къ сѣверной молодежи. Перев. съ дат. П. Ганзенъ. Съ прилож. біографіи автора и его портрета. Одобрено Учен. Комитетомъ мин. нар. просв. для фунд. библіотекъ муж. средн. учебн. заведеній. Спб. 91. Стр. 56. Ц. 40 к.

Герра, Конст.—Лирика любви. Ч. I. М. 92. Стр. 226.

Гольденвейзеръ, А С.—Соціальныя теченія и реформы XIX ст. въ Англіи. Кіевъ, 91. Стр. 186. Ц. 1 р.

Горизонтовъ, В. К.—Ученіе о положительныхъ и отрицательныхъ числахъ въ алгебраическомъ анализѣ. Въ помощь учащимся. Спб. 91. Стр. 33. Ц. 40 к., съ пер.

Гоу, Джемсъ, и *Рейнахъ*.—Минерва, введеніе къ изученію классиковъ (греческихъ и латинскихъ). Перев. П. Первовъ. Рига, 91. Стр. 290.

Грушевскій, М.—Волынскій вопросъ (1097 — 1102 г.). Кіевъ, 91. Стр. 37.

——— Южно-русскіе господарскіе замки, въ половинѣ XVI в. Кіевъ, 90. Стр. 33.

——— Очеркъ исторіи Кіевской земли, отъ смерти Ярослава до конца XIV стол. Кіевъ, 91. Стр. 520. Ц. 2 р. 75 к.

Де-Эръ. Поэтическіе наброски. Кіевъ, 91. Стр. 61.

Дютшке.—Олимпъ. Миѳологія древнихъ грековъ и римлянъ. Перев. съ нѣм. М. Коршъ. Съ 6-ю грав. и 47 рис. въ текстѣ. Спб. 92. Стр. 268. Ц. 1 р. 50 к.

Игнатовичъ, Л. Л. — Учебникъ географіи: Австралія, Африка, Америка и Азія, въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Курсъ гимназическій. Спб. 92. Стр. 116. Ц. 50 к.

Казанскій, А. — Ученіе Аристотеля о значеніи опыта при познаніи. Од. 91. Стр. 420. Ц. 2 р. 50 к.

Кауфманъ, А. А.—Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Ишимскаго округа Тобольской губерніи. Ч. I и II. Спб. 89. Стр. 498 и 472. (Матеріалы для изученія экон. быта госуд. кр. и инородц. Зап. Сибири).

——— Туринскій округъ Тобольской губерніи. Ч. I, отд. 1 и 2, и ч. II. Спб. 90 и 91. Стр. 414, 462 и 355 (Матеріалы и т. д.)

Козловъ, Ив. Ив.—Стихотворенія, съ біографіей поэта (Семейная Библіотека, № 23). Спб. 91. Стр. 70. Ц. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю.—Избранныя сочиненія. Съ краткой біографіей, примѣчаніями, портретомъ и тремя рисунками. М. 91. Стр. 139. Ц. 15 к.

Раевскій, Н. — Географія, какъ наука и учебный предметъ. Изд. 2-е. М. 90. Стр. 103.

Рачинскій, С.—1001 задача для умственнаго счета. Пособіе для учителей сельскихъ школъ. М. 92. Стр. 78. Ц. 30 к.

Родзевичъ, А. И.—Первая русская желѣзная дорога въ средней Азіи и ея значеніе для русско-среднеаз. промышленности и торговли. Съ картою Закаспійской области и Закаспійской военной желѣзной дороги. Спб. 91, Стр. 75. Ц. 1 р.

Салтыковъ, М. Е. — Полное собраніе сочиненій, т. V: I. Мелочи жизни. II. Сборникъ. Спб. 91. Стр. 593. Ц. 2 р.

Сливицкій, А. — Полное житіе пр. отца нашего Ѳеодосія, игумена печерскаго. Изд. 2-е. М. 91. Стр. 90. Ц. 10 к.

Табашниковъ, Н.—Прошлое векселя. Историко-юрид. изслѣдованіе. Од. 91. Стр. 446. Ц. 3 р.

Тепловъ, В.—Русскіе представители въ Царьградѣ. 1496 — 1891. Историч. очеркъ. Спб. 91. Стр. 73.

Тереховъ, М.—Подоходная подать и результаты примѣненія ея. Варшава. 92. Стр. 129. Ц. 1 р. 50 к.

Тернеръ, Г. И.—Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ до прибытія врача. Изд. 2-е. Спб. 91. Стр. 95. Ц. 75 к.

Чермный, А. Н. — Море и моряки (Морскіе очерки). Спб. 91. Стр. 244. Ц. 1 р.

Шопенгауэръ, Арт.—Афоризмы и максимы.—Мысли о безполезности самоубійствъ, психологическія замѣтки и т. д. Перев. Ф. В. Черниговца. Т. II. Спб. 92. Стр. 387. Ц. 1 р. 75 к.

— Дешевая Библіотека.—М. Ю. Лермонтовъ: Кавказскія поэмы (ц. 15 к.); Поэмы „Боярин Орша“ и „Казначейша“, и др. (ц. 10 к.). — Ф. Фарраръ, Св. Іоаннъ Златоустъ, перев. съ англ. (ц. 15 к.).

— Дневникъ Антропологическаго отдѣла Импер. Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. Вып. 6 и 7. М. 91.

— Изданіе Московскаго Комитета грамотности. Избранныя сочиненія М. Ю. Лермонтова. М. 91. Стр. 139. Ц. 15 к.

— Изданіе Спб. Комитета Грамотности: Аленькой цвѣточекъ, С. Т. Аксакова. Спб. 91. Стр. 43. Ц. 5 к.

— Календарь, Современный—на 1892 г. А. Д. Ступина, съ приложеніемъ Стѣннаго Календаря и Карты Россіи и Сибирской желѣзной дороги. Стр. 72. Ц. 15 коп.

— Настольный Энциклопедическій Словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изд. А. Гарбель и К°. Вып. 30—35 (Гуммельсгаймъ-Ертовъ). М. 91. Стр. 1389—1686). Ц. вып. 40 коп.

— Отчетъ по лѣсному управленію мин. госуд. имущ. за 1891 г. Спб. 91.

— Свѣденія о состояніи саратовскихъ городскихъ начальныхъ училищъ за 1889—90 учебный годъ. Составлено В. Д. Вакуровымъ. Сарат. 91. Стр. 163.

— Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества. Т. II. (Сентябрь 1890—Февраль 1891 г.). Спб. 91. Стр. 366.

— Энциклопедическій Словарь, подъ ред. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. IV, А (Босъ—Бунчукъ). Издатели: Брокгаузъ, Ефронъ. Спб. 91. Стр. 473—949.

— Этнографическое Обозрѣніе, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1891, № 3. Ц. 1 р. 50 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Les sciences naturelles et l'éducation, par *Th. Huxley*. Edition française, publiée avec le concours de l'auteur et accompagnée d'une préface nouvelle. Paris, 1891. Стр. 360. Ц. 3 фр. 50.

„Сорокъ лѣтъ тому назадъ, — пишетъ Гёксли въ предисловіи къ французскому изданію своихъ этюдовъ,—я едва могъ достигнуть того, чтобы выслушали меня и другихъ лицъ, полагавшихъ, что физическія и естественныя науки должны по праву занять видное мѣсто въ ряду предметовъ обученія, начиная съ элементарной школы и кончая университетомъ. Я не думаю, чтобы самый смѣлый оптимистъ могъ тогда представить себѣ, что онъ доживетъ до всеобщаго почти признанія справедливости нашихъ требованій и до такихъ попытокъ практическаго удовлетворенія ихъ, какія дѣлаются теперь въ Англіи, и на материкѣ, и въ Соединенныхъ Штатахъ. И однако это случилось, и я могу только радоваться, видя торжество своего дѣла, такъ какъ я принималъ активное участіе въ борьбѣ за права науки". Эта борьба за раціональную систему образованія составляетъ главное содержаніе тринадцати этюдовъ, вошедшихъ въ настоящую книгу и написанныхъ въ разное время, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ.

Только двѣ статьи—о Декартѣ и Огюстѣ Контѣ—не имѣютъ непосредственной связи съ вопросами учебной реформы. Гёксли относится отрицательно къ Огюсту Конту, не признаетъ его философскихъ заслугъ, находитъ въ его воззрѣніяхъ много ошибокъ, противорѣчій и неясностей. Въ области точныхъ наукъ „свѣденія Конта были большею частью весьма поверхностны и изъ вторыхъ рукъ"; онъ „не уловилъ общихъ направленій науки, и его идеи о важности нѣкоторыхъ доктринъ для будущаго вызываютъ теперь улыбку". Автора постоянно раздражало стремленіе многихъ писателей выставить Конта, какъ представителя современной научной мысли, и навязать кличку „контистовъ" или позитивистовъ другимъ ученымъ, имѣвшимъ свою собственную философію или заимствовавшимъ ее у Юма. Противъ этой клички горячо протестовали и Милль, и Спенсеръ, и самъ Гёксли. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ незнакомства Конта съ истинною наукою и рѣзко опровергаетъ его „законъ" трехъ стадій развитія, равно какъ и его классификацію наукъ. Нельзя не замѣтить

нѣкоторой односторонности въ сужденіяхъ Гёкели по этому предмету: онъ слишкомъ много вниманія обратилъ на отдѣльные недостатки и промахи французскаго философа и почти не коснулся основныхъ его взглядовъ на положительное знаніе и его предѣлы, а между тѣмъ именно эти основные взгляды опредѣляютъ сущность того міросозерцанія, которое принято называть позитивизмомъ.

Воспитаніе, по мнѣнію Гёкели, должно подготовить человѣка къ разумному пользованію законами и дарами природы; человѣкъ долженъ быть такъ воспитанъ, чтобы тѣло его было всегда готово исполнять его волю и легко совершало работу, къ которой оно способно, какъ орудіе,—чтобы умъ мыслилъ ясно и трезво, чтобы всѣ стороны его были въ порядкѣ и одинаковой силы, подобно паровой машинѣ, приспособленной ко всякому роду труда. Такой человѣкъ не будетъ ослабленъ аскетизмомъ; онъ полонъ силы и жизни, но страсти его будутъ подчиняться твердой волѣ, руководимой совѣстью; онъ научится любить всѣ красоты, какъ въ природѣ, такъ и въ искусствѣ, презирать все низкое и уважать другихъ, какъ самого себя. Для достиженія этой цѣли необходимо, чтобы научное образованіе соединялось съ эстетическимъ, литературнымъ. Даже элементарныя положительныя свѣденія, необходимыя для жизни, крайне слабо распространены въ интеллигентномъ, образованномъ обществѣ, при существующихъ условіяхъ школьнаго обученія, не только низшаго и средняго, но и высшаго, университетскаго. Послѣдствія даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. „Многіе ли изъ публики могли бы объяснить въ точности, для чего служитъ и что́ означаетъ дѣйствіе, совершаемое всякимъ изъ насъ двадцать разъ въ минуту и остановка котораго немедленно вызвала бы смерть,—дѣйствіе дыханія? Мы видимъ матерей, которыя упорно подвергаютъ холоду значительную часть тѣла ихъ дѣтей, чтобы слѣдовать нелѣпой модѣ, и затѣмъ удивляются, что жестокая судьба караетъ эти невинныя существа, заставляя ихъ умирать отъ бронхита или разстройства желудка".

Особенно пагубна,—говоритъ авторъ,—привычка обременять молодыхъ людей чрезмѣрнымъ количествомъ однообразнаго умственнаго труда, посредствомъ частыхъ экзаменовъ. „Сила и свѣжесть, которыми они должны были бы запастись для предстоящей имъ борьбы за существованіе въ практической жизни, парализованы у нихъ излишествами недозрѣлой умственной работы,—книжнымъ буквоѣдствомъ и массою уроковъ. Ихъ способности подорваны напряженіемъ, въ какомъ находятся постоянно ихъ юные мозги, и они портятся дѣтскими удачами прежде, чѣмъ начинается трудъ жизни. Юность больше нуждается въ умственномъ отдыхѣ, чѣмъ старость; и веселость, бодрость, упорство въ преслѣдованіи цѣли и способность къ

сильной работѣ должны быть приписаны часто той свободѣ отдыха, которою пользовался человѣкъ въ юности". Великая цѣль жизни заключается не въ знаніи самомъ по себѣ, а въ дѣятельности, направляемой разумно и сознательно. Нѣкоторые люди родятся съ задатками выдающихся дарованій; одинъ изъ тысячи имѣетъ шансы выдвинуться своимъ умомъ, и на милліонъ человѣкъ приходится, по словамъ Гальтона, только одинъ, обладающій долею той творческой силы, которая называется геніальностью. „Важнѣйшая задача всякой системы воспитанія—уловить этихъ исключительныхъ людей и воспользоваться ими для блага общества. Никто не можетъ сказать, гдѣ они появятся: подобно своимъ противоположностямъ, глупцамъ и преступникамъ, они иногда рождаются среди знатныхъ, а иногда въ хижинѣ. Нужно стремиться къ тому, чтобы цѣнные продукты этой игры природы не были испорчены роскошью и не погибли отъ бѣдности, чтобы они были поставлены въ такое положеніе, при которомъ они могли бы исполнить задачу, къ которой они наиболѣе способны. Для мальчика геніальнаго, единственнаго изъ милліона людей, надо сдѣлать доступнымъ самое высшее и полное образованіе, какое страна можетъ доставить. Сколько бы ни израсходовали на это, повѣрьте, что дѣло будетъ чрезвычайно выгодно. Еслибы нація могла за деньги пріобрѣсть Уатта, Дэви или Фарадэя, то сто тысячъ фунтовъ были бы ничтожной цѣною, ибо трудами и открытіями этихъ трехъ человѣкъ созданы неисчислимые милліоны богатствъ, въ узкомъ экономическомъ смыслѣ этого слова". Механизмъ школьнаго обученія долженъ способствовать выдѣленію этихъ талантовъ и облегчать имъ путь къ надлежащему развитію и простору; „нужно воздвигнуть лѣстницу, которая отъ уличныхъ стоковъ вела бы къ университету и по которой всякій ребенокъ Трехъ Королевствъ могъ бы добираться до доступной ему высоты", безъ всякихъ стѣсненій и задержекъ.

Нѣкоторые изъ этюдовъ Гёксли имѣютъ характеръ легкихъ бесѣдъ или рѣчей, произнесенныхъ по какимъ-нибудь спеціальнымъ поводамъ; изложеніе ведется въ разговорномъ тонѣ, причемъ много мѣста занимаютъ личныя воспоминанія и впечатлѣнія автора. Обращаясь, напримѣръ, къ студентамъ медицины, успѣшно выдержавшимъ окончательное испытаніе, онъ утѣшаетъ „побѣжденныхъ", т.-е. срѣзавшихся, и совѣтуетъ имъ не падать духомъ, такъ какъ въ свое время самъ онъ, Гёксли, провалился на экзаменѣ по анатоміи и физіологіи въ лондонскомъ университетѣ, и однако это не помѣшало ему выдвинуться и сдѣлаться ученымъ спеціалистомъ. Онъ „поставилъ себѣ за правило не обращать вниманія на неудачи и тотчасъ приниматься за что-нибудь другое". „Толчки, которые вы получаете въ жизни, ничего не значатъ, лишь бы только вы не пачкались при

паденіи; только люди, чувствующіе потребность въ остановкахъ, чтобы очиститься, неизбѣжно теряютъ шансы выигрыша. И я могу увѣрить васъ по личному опыту,—замѣчаетъ далѣе Гёксли,—что нѣтъ ничего полезнѣе въ практическомъ смыслѣ, чѣмъ полученіе нѣсколькихъ такихъ ударовъ въ раннемъ періодѣ жизни. Человѣкъ узнаетъ тогда нѣчто, имѣющее первостепенное значеніе, а именно, что въ свѣтѣ есть много людей, которые вполнѣ ему равносильны. Онъ научается также разсчетливо и бережливо пользоваться своими нравственными и умственными способностями, и въ немъ крѣпнетъ сознаніе, что терпѣніе и настойчивость стоютъ вдвое больше, чѣмъ ловкость и искусство" (стр. 183—4). Худшія затрудненія человѣка начинаются тогда, когда онъ можетъ дѣлать все, что́ хочетъ. „Пока онъ борется съ препятствіями, люди извиняютъ его неудачи и несовершенства; но, когда всѣ преграды устранены и ему предоставленъ просторъ въ достиженіи желанныхъ цѣлей, онъ теряется, и для него настаетъ время колебаній и сомнѣній, ибо благо—одно, а возможности за безчисленны".

Авторъ возстаетъ противъ принципа невмѣшательства въ дѣло народнаго образованія; онъ стоитъ, конечно, за свободу частной инициативы, давшей столько блестящихъ плодовъ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, но осуждаетъ старое правило „laissez faire", какъ несогласное съ реальными и положительными задачами государства. По этому поводу Гёксли входитъ въ разборъ различныхъ взглядовъ на роль и значеніе правительственной власти, цитируя Локка, Канта, Спенсера, и приходитъ къ заключенію о несостоятельности и неосуществимости того, что́ онъ называетъ „административнымъ нигилизмомъ". Онъ при этомъ имѣетъ въ виду правительственную власть, какъ понимаютъ ее англичане,—власть общественную, опирающуюся на народное мнѣніе и на лучшія силы страны. Пассивная роль такой власти въ дѣлѣ народнаго образованія была бы совершенно нежелательна, по справедливому мнѣнію Гёксли.

II.

Deutschland im Jahre 2000, von *G. Erman*. Herausg. von Eugen Wolff. Kiel und Leipzig, 1891. Стр. 40. Ц. 1 м.

Новая попытка заглянуть въ „будущій вѣкъ"—сама по себѣ довольно слабая, но весьма характерная для обычныхъ читателей воинственно-патріотическихъ газетъ всѣхъ странъ и народовъ. Авторъ принадлежитъ, очевидно, къ той части общества, которая всѣ свои полити-

ческія и культурныя свѣденія получаетъ отъ журналистики извѣстнаго сорта. Въ качествѣ вѣрнаго нѣмца, проникнутаго патріотизмомъ, Эрманъ предвидитъ въ будущемъ небывалое военное могущество Германіи, разгромъ соединенныхъ силъ Франціи и Россіи, отнятіе у насъ остзейскихъ провинцій по „священному (?) варшавско-парижскому миру", дальнѣйшее ожиданіе страшныхъ войнъ и устройство воздушной почты, съ разными другими усовершенствованіями.

Авторъ имѣлъ видѣніе: ему показалось, что онъ очутился передъ роскошнымъ замкомъ, около котораго волновались и боролись какіе-то чуждые народы, — народы будущихъ тысячелѣтій; люди непрерывно роютъ яму одинъ другому; какая-то группа наткнулась на обломки стараго зданія, и тамъ нашелся кладъ,—вмѣстѣ съ золотомъ выпалъ оттуда газетный листъ съ знакомою нѣмецкою печатью. На газетѣ значится: „Февраль, 2000 года". Авторъ сообщаетъ текстъ, распредѣленный по шаблоннымъ рубрикамъ и отличающійся крайнею безцвѣтностью и банальностью. Въ передовой статьѣ разсказывается исторія „послѣдняго воина", Финдера, умершаго въ Ригѣ. Онъ былъ родомъ изъ Россіи, но потомъ служилъ въ Германіи, перешелъ опять въ остзейскій край и возбудилъ сильное движеніе въ нѣмецкомъ народѣ своею брошюрою о ненасытномъ русскомъ честолюбіи; а когда онъ за это былъ „тайно и незаконно сосланъ въ Сибирь, съ нарушеніемъ международнаго права, ибо онъ сдѣлался нѣмецкимъ подданнымъ", то Германія не выдержала больше: возгорѣлась великая война между Россіею и соединенными силами нѣмцевъ и австрійцевъ (изъ-за русскаго уроженца, сосланнаго въ Сибирь!). По трактату, заключенному въ Петербургѣ, русская Польша образовала нейтральную область подъ покровительствомъ Германіи. Франція еще раньше была сдѣлана безвредною и даже привязалась къ побѣдителямъ, благодаря ихъ великодушію. Съ тѣхъ поръ господствовалъ миръ; но въ 2000 году замѣчается вновь броженіе со стороны Россіи: „изъ русской столицы, Москвы", сообщаютъ газетѣ, что втайнѣ готовятся тамъ серьезныя мѣры, а именно русское правительство думаетъ отклонить приглашеніе Германіи на люксенбургскій конгрессъ для пересмотра международнаго мирнаго договора. Этимъ отказомъ „сразу разрушились бы всѣ надежды друзей человѣчества на прочность европейскаго мира". Газета не можетъ повѣрить такому извѣстію, ибо для всѣхъ очевидно, что несогласіе какой-либо державы съ Германіею „возвращаетъ насъ къ эпохѣ прошлыхъ вѣковъ, когда грубая сила рѣшала судьбу народовъ". Но Германія сильна, и ея армія не имѣетъ себѣ равной въ мірѣ, а потому она побѣдитъ. Это представленіе объ условіяхъ мирнаго благополучія кажется ужъ черезъ-чуръ наивнымъ, но оно въ сущности вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ превратъ-

нымъ идеямъ, которыя повсюду проповѣдуются узкими патріотами въ той или другой формѣ. Вездѣ есть газеты, пріучающія публику считать нормальнымъ и законнымъ всякое приниженіе чужихъ народностей для славы родной страны; поэтому и нѣмецъ Эрманъ думаетъ, что всѣ государства должны добровольно подчиниться Германіи, для избѣжанія опасныхъ войнъ, и что непослушныя державы явятся нарушительницами общаго мира, такъ какъ своею непокорностью онѣ навлекутъ на себя возмездіе. Сколько разъ повторяется этотъ своеобразный способъ разсужденій въ патріотическихъ статьяхъ и возгласахъ ежедневной печати, въ различныхъ государствахъ! Поставить чужому народу грозный „ультиматумъ“,—это любимый пріемъ журналистовъ, спасающихъ отечество отъ несуществующихъ опасностей и сѣющихъ повсюду раздоръ и смуту своимъ показнымъ усердіемъ. Надо думать, что до 2000 года люди все-таки поумнѣютъ, и грубые рецепты нынѣшнихъ патріотовъ не найдутъ уже довѣрчивыхъ слушателей.—Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 декабря 1891.

Настоящее положеніе вопроса о средствахъ къ борьбѣ съ голодомъ. — Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать.—Подозрительность ея, доведенная до крайнихъ предѣловъ.—Проектъ возвращенія къ временамъ Дракона.—Предложенія г. Д. Самарина.—Вопросъ объ экспропріаціи хлѣба.—К. Н. Леонтьевъ †.

Среди разнообразныхъ и во многомъ противорѣчивыхъ свѣденій о распространенности и интенсивности бѣдствія, постигшаго Россію, среди массы предложеній, направленныхъ къ уменьшенію зла, все больше и больше выясняется и подтверждается одинъ несомнѣнный фактъ: недостаточность помощи, оказанной и оказываемой нуждающемуся населенію. Недостаточны мѣры, принятыя до сихъ поръ администраціею; незначительны жертвы, принесенныя и приносимыя обществомъ. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, стоитъ только вспомнить цифры пожертвованій, собранныхъ учрежденіями Краснаго Креста и попечительствами, состоящими въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Если эти цифры, вмѣстѣ взятыя, составляютъ лишь немногимъ болѣе $^3/_4$ милліона рублей, то можно сказать съ увѣренностью, что общій итогъ суммъ, поступившихъ отъ частныхъ лицъ, не доходитъ даже до минимальной цифры, предположенной нами мѣсяцъ тому назадъ—до двухъ милліоновъ рублей. Менѣе очевидно первое изъ выставленныхъ нами положеній; но и оно пріобрѣтаетъ характеръ достовѣрности, если обратить вниманіе не на цифры ассигновокъ, а на суммы, дѣйствительно поступившія въ распоряженіе земствъ и обращенныя на покупку хлѣба. Мы имѣли уже случай указать, что между тѣми и другими существуетъ весьма чувствительная разница; мы говорили также о ненормальности основаній, установленныхъ, повидимому [1]), для выдачи пособій (ограниченіе ихъ однимъ нерабочимъ населеніемъ, и притомъ въ размѣрѣ не болѣе 30 фунт. на ѣдока въ мѣсяцъ). Всего яснѣе несоразмѣрность между болѣзнью и леченьемъ раскрыта г. Д. Самаринымъ въ одной изъ статей, напечатанныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ: „Есть ли въ Россіи голодъ или нѣтъ?“ („Московскія Вѣдомости“, № 318). Общій его выводъ таковъ: „хотя на продовольствіе и *ассигновано* до сихъ поръ

[1]) Оговорка: *повидимому*—необходима потому, что правила о выдачѣ пособій не были распубликованы.

либо шестьдесятъ, либо сорокъ восемь милліоновъ (послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ въ 60 милліонахъ — упомянутыхъ недавно „Правительственнымъ Вѣстникомъ“ — заключаются, повидимому, и 12 милліоновъ, отпущенныхъ по 1 сентября на сѣмена), *но земскія учрежденія губерній, пострадавшихъ отъ неурожая, могли до сихъ поръ (т.-е. до половины ноября) производить операцію по закупкѣ хлѣба на продовольствіе только на двадцать милліоновъ*“. Саратовскою губерніею, напримѣръ, было *получено* на продовольствіе, до начала ноября, только 1 милл. рублей; самарскою—только 3 милліона (вмѣсто девяти, о которыхъ ходатайствовало губернское земство). „Понятно, —говоритъ г. Самаринъ,—что еслибы до 1 сентября было *отпущено* на покупку хлѣба не по одному съ небольшимъ милліону на губернію (здѣсь берется, очевидно, средняя цифра), то можно было бы воспользоваться и водяными путями, чтобы двинуть массы хлѣба по Волгѣ и заготовить значительные запасы хлѣба въ приволжскихъ губерніяхъ. Тогда бы, конечно, и желѣзныя дороги не были обременены перевозкой предъявленныхъ имъ теперь такихъ значительныхъ массъ хлѣба, что онѣ не въ силахъ исполнить эту задачу. Наконецъ, еслибы въ свое время размѣръ бѣдствія былъ опредѣленъ правильно, то успѣли бы даже приспособить и желѣзныя дороги для перевозки такихъ массъ хлѣба“. Приведемъ еще одно замѣчаніе г. Самарина. Представитель министерства финансовъ заявилъ самарскому экстренному губернскому земскому собранію, что размѣръ ссуды на продовольствіе и на обсѣмененіе для самарской губерніи *не можетъ* простираться далѣе шести милліоновъ (другими словами, собственно на *продовольствіе* не можетъ быть отпущено болѣе $4^3/_4$ милл.). „Почему же *не можетъ*?“—спрашиваетъ г. Самаринъ. „Потому ли, что финансовыя средства государства не дозволяютъ увеличить ссуду свыше этой суммы, или потому, что ходатайство самарскаго земства о ссудѣ въ 10 милліоновъ неосновательно? Такъ какъ это заявленіе сдѣлано земскому собранію представителемъ министерства финансовъ и такъ какъ въ извѣстіи о немъ нѣтъ даже намека на неправильность исчисленія требуемой земствомъ ссуды, — мы думаемъ, что въ основаніе заявленія легли соображенія исключительно финансоваго свойства. Такое отношеніе къ дѣлу, по нашему мнѣнію, неправильно. Если исчисленія самарскаго земства не преувеличены, если для спасенія отъ голода бѣдствующихъ уѣздовъ этой губерніи необходима ссуда въ 10 милліоновъ,—то мы полагаемъ, что ходатайство земства должно быть удовлетворено: у государства должны найтись средства для достиженія означенной цѣли, такъ какъ достиженію ея во что бы то ни стало должны быть подчинены всѣ финансовыя соображенія“.

Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ недостаточность и несвоевременность помощи, объ этомъ можно уже теперь составить себѣ нѣкоторое понятіе. Приводя, въ предъидущей хроникѣ, цифру *тридцать два золотника* на душу, мы думали, что ниже этого не можетъ опускаться предѣльная норма помощи. Мы ошибались; изъ статьи г. Самарина видно, что въ селѣ Абашевѣ (самарскаго уѣзда) отпущено на октябрь мѣсяцъ 62 пуда ржи на 699 ѣдоковъ, *не считая работниковъ*. Это составляетъ по $3^1/_2$ фунта на ѣдока въ мѣсяцъ, или *по $14^1/_2$ золотника въ день*. А сколько придется на душу, если прибавить къ нерабочему населенію еще и рабочее, едва ли, въ нынѣшнее время года, достаточно обезпеченное заработками?.. Не менѣе тяжелое впечатлѣніе производятъ вѣсти изъ казанской губерніи. „Никто не знаетъ,— говоритъ авторъ статьи: „Тревожныя цифры", напечатанной въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Недѣли",— *„сколько въ губерніи хлѣба*, хотя всѣ знаютъ, что его мало, что его не хватитъ". Въ казанскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ прямо заявилъ, что, по количеству наличныхъ запасовъ, на каждаго ѣдока, считая только не-рабочее населеніе, приходится не болѣе $4^1/_2$ фунтовъ хлѣба въ мѣсяцъ; „а гдѣ возьмутъ хлѣба способные къ работѣ—объ этомъ совсѣмъ не говорятъ и не думаютъ". Въ чистопольскомъ уѣздѣ ржи для продовольствія нужно больше 300 тысячъ четвертей, а имѣется на-лицо и предположено къ покупкѣ, „въ виду незначительнаго ассигнованія и поздняго разрѣшенія", только 50 тысячъ четвертей. Купить партіонной ржи во всемъ уѣздѣ не у кого. Хлѣбныхъ запасовъ, находящихся въ Казани, не хватитъ, по разсчету автора, на прокормленіе однихъ городскихъ и подгородныхъ жителей. Придется подвозить хлѣбъ издалека—а зимній подвозъ, да еще въ мѣстности, лишенной желѣзныхъ дорогъ, сопряженъ съ величайшими затрудненіями. На милліонъ пудовъ, по разсчету автора „Тревожныхъ цифръ", нужно 34 тысячи подводъ; а милліономъ пудовъ не всегда исчерпывается даже потребность одного уѣзда. Достаточно и этихъ немногихъ данныхъ, чтобы понять всю важность вопроса о количествѣ хлѣба, имѣющагося на-лицо въ Россіи—и не только о его количествѣ, но и о его *распредѣленіи* между различными мѣстностями. Недостаточно установить, путемъ приблизительнаго и болѣе или менѣе гадательнаго разсчета, сколько хлѣбовъ всякаго рода дала послѣдняя жатва; необходимо привести въ извѣстность, *гдѣ* и *у кого* находится хлѣбъ. Попытки, направленныя къ этой цѣли, дѣлаются въ разныхъ мѣстахъ; но установлена ли между ними тѣсная связь, принятъ ли для нихъ какой-либо общій планъ дѣйствій, въ какой степени можно довѣрять ихъ результатамъ? Черниговскій губернаторъ — сомнѣваясь, и съ полнымъ основаніемъ,—въ достовѣрности

полицейскихъ и волостныхъ статистическихъ цифръ, возложилъ собраніе свѣденій о хлѣбныхъ запасахъ на земскихъ начальниковъ; но многимъ ли надежнѣе будутъ данныя, полученныя изъ этого источника? Не слишкомъ ли, съ этой новой точки зрѣнія, мало земскихъ начальниковъ, не слишкомъ ли они далеки отъ населенія, не слишкомъ ли обременены другими дѣлами? Не возможны ли и здѣсь ошибки въ родѣ той, о которой говорится въ цитированной нами статьѣ „Недѣли“: по свѣденіямъ казанскаго полиціймейстера, въ Казани, послѣ закрытія навигаціи, имѣлось 492 тысячи пудовъ ржи и пшеницы (въ зернѣ и мукѣ)—а свѣденія, вслѣдъ затѣмъ собранныя казанскимъ биржевымъ купечествомъ, обнаружили наличность 1.640 тысячъ пудовъ. Разница—слишкомъ *милліонъ* пудовъ! Удивительно ли, послѣ того, что мысль о необходимости болѣе точнаго изслѣдованія занимаетъ умы, ведетъ къ самымъ разнообразнымъ предложеніямъ?

Всего больше вниманія, всего больше толковъ эта мысль возбудила тогда, когда была выражена гр. Л. Н. Толстымъ въ статьѣ: „Страшный вопросъ“, напечатанной въ № 306 „Русскихъ Вѣдомостей“. Ярко освѣтивъ опасность, которою грозитъ недостатокъ достовѣрныхъ свѣденій, Л. Н. Толстой приходитъ къ слѣдующему заключенію: „свѣденія эти можетъ получить правительство, можетъ получить земство, тамъ гдѣ оно есть, и вѣрнѣе всего можетъ получить частное общество, сложившееся для этой цѣли. Нѣтъ того уѣзда, въ которомъ не нашлось бы не только одного, но нѣсколькихъ людей, которые не были бы въ состояніи и не взялись бы охотно послужить этому дѣлу. Дѣло это представляется мнѣ нетруднымъ. Въ недѣлю времени, безъ большого труда, дѣятельный человѣкъ можетъ объѣздить $^1/_4$ или $^1/_3$ часть уѣзда, особенно если онъ живетъ въ ней, и съ возможностью ошибки въ 10, 15% опредѣлить количество необходимаго хлѣба для пропитанія и количество находящагося въ продажѣ сверхъ нужнаго для себя хлѣба. Я, по крайней мѣрѣ, берусь лично доставить такія свѣденія въ недѣлю сроку о четвертой части уѣзда, въ которомъ живу. То же говорятъ, что могутъ сдѣлать, большинство лицъ, живущихъ по деревнямъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ. Организовать центральное мѣсто, въ которомъ бы собирались и группировались свѣденія и которое разсылало бы своихъ членовъ для этой цѣли въ мѣста, гдѣ не нашлось бы добровольцевъ, я полагаю, что возможно и нетрудно“. Почти одновременно съ этой статьей появилось въ газетахъ письмо супруги Л. Н., графини С. А. Толстой, сообщавшее объ отъѣздѣ самого Л. Н. двухъ дочерей и трехъ сыновей его въ мѣстности, особенно постра-

давшія отъ неурожая. Здѣсь — исходная точка одного изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ нашего печальнаго времени.

Что могло быть, повидимому, проще и естественнѣе письма графини С. А. Толстой, что могло быть безобиднѣе предложенія, сдѣланнаго въ „Страшномъ вопросѣ"? Не такъ, однако, отнеслись къ тому и другому люди, привыкшіе заподозрѣвать все сколько-нибудь независимое—и всѣхъ отказывающихся плыть съ теченіемъ и поклоняться модными идоламъ. Началась травля, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", съ глумленіемъ надъ письмомъ графини Толстой, возвѣщающимъ необычайно важное событіе — „отъѣздъ всего высокаго семейства его сіятельства, для оказанія помощи голодающимъ". Въ настоящее время, —продолжаетъ газета,—„тысячи (?) большихъ и маленькихъ людей въ Россіи посвящаютъ свои силы святому дѣлу, но не кричатъ о себѣ, и если просятъ о помощи, то скромно, на имя какого-либо комитета, въ которомъ ихъ личность стушевывается". Допустимъ, что это такъ, хотя въ существованіи *тысячъ*, посвящающихъ *свои силы* заботѣ о голодающихъ, мы очень сомнѣваемся. Молчаливая дѣятельность на пользу ближняго, тихая, безшумная, никому о себѣ не заявляющая, имѣетъ, конечно, и свою прелесть, и свое достоинство, если только имя дѣятеля неизвѣстно, если оно не можетъ, само по себѣ, побудить къ подражанію, воодушевить однихъ, нарушить апатію другихъ, увеличить, однимъ словомъ, шансы успѣшной борьбы съ общественнымъ бѣдствіемъ. Совершенно понятно, что старушка-помѣщица, о трогательномъ усердіи которой говорилъ недавно г. Атава въ „Новомъ Времени" [1]), не называетъ себя и не хочетъ, чтобы ее называли другіе: фамилія ея ничего не прибавила бы къ впечатлѣнію, производимому разсказомъ о ея дѣйствіяхъ. Иное дѣло— гр. Левъ Толстой; въ самомъ имени его заключается нѣчто чарующее, влекущее за собою. Скрывать или замалчивать его походъ противъ нужды—значило бы уменьшать запасъ боевыхъ силъ, безъ того уже не слишкомъ обильный. Мы знаемъ изъ газетъ, что вслѣдъ за напечатаніемъ письма гр. Толстой къ ней такъ и посыпались отовсюду пожертвованія, мелкія и крупныя; но мы вполнѣ убѣждены, что этимъ не ограничилось вліяніе письма, что оно заставило или заставитъ многихъ отдать голодающимъ не только часть своихъ средствъ, но и часть своего времени. Графинѣ Толстой ставятъ въ вину, что она просила о пожертвованіяхъ прямо отъ имени своего и своей семьи, а не отъ имени какого-либо комитета; но не было такого коми-

[1]) Владѣя небольшимъ имѣніемъ, эта старушка обращаетъ на прокормленіе сосѣдей-крестьянъ весь доходъ свой за два года и сама, вмѣстѣ съ двумя внучками, проводитъ цѣлые дни въ хлопотахъ по приготовленію и раздачѣ нуждающимся горячей пищи.

тета, обаяніе котораго могло бы сравниться съ обаяніемъ имени Льва Толстого. Широкому развитію общественной помощи мѣшаетъ, отчасти, именно неувѣренность въ томъ, что данное будетъ употреблено съ наибольшей возможной пользой. Для такой неувѣренности не остается мѣста, когда призывъ къ пожертвованіямъ идетъ отъ Льва Толстого—и вотъ почему графинѣ Толстой не только не было надобности, но и не слѣдовало скрываться за какимъ-нибудь учрежденіемъ, оффиціальнымъ или неоффиціальнымъ.

Выходка противъ „высокаго семейства его сіятельства" была только прелюдіей къ бурѣ, поднятой въ московской печати противъ самого гр. Толстого. Въ то самое время, когда фельетонистъ одной изъ петербургскихъ газетъ завѣрялъ „честнымъ словомъ", что Л. Н. Толстой не сказалъ, въ „Страшномъ вопросѣ", *ровно ничего*, „Московскія Вѣдомости" усматривали въ этой статьѣ одно изъ звеньевъ обширнаго заговора [1]). Дѣло въ томъ, что хотя самая мысль Л. Н. Толстого о приведеніи въ извѣстность наличныхъ хлѣбныхъ запасовъ и не отличалась новизною, но новъ былъ предложенный имъ способъ ея осуществленія. Собираніе свѣденій *частными лицами*, соединенными, быть можетъ, въ *частное общество*—вотъ что испугало и возмутило московскую газету. „Помощь бѣдствующему народу.—поспѣшили провозгласить „Московскія Вѣдомости", — дѣйствительно честными людьми можетъ быть теперь принесена только вмѣстѣ съ правительствомъ, въ дружномъ ему содѣйствіи и въ указанномъ имъ направленіи, потому что только оно одно имѣетъ и право, и возможность руководить общественнымъ дѣломъ". Но развѣ дѣло, намѣченное въ „Страшномъ вопросѣ", идетъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительственной власти? Весь вопросъ въ томъ, кто можетъ исполнить его быстрѣе и лучше—правительственные агенты или частныя лица. „Для всякаго очевидно,—утверждаетъ московская газета,—что никакой *дѣятельный членъ* частнаго общества никакихъ точныхъ свѣденій (о хлѣбныхъ запасахъ) не получитъ, если отъ него захотятъ скрыть запасы". Въ томъ-то и дѣло, что это вовсе не очевидно. Мѣстный житель, хорошо знающій населеніе и пользующійся его довѣріемъ, ни на кого не наводящій страха, свободный отъ другихъ

[1]) Другими заговорщиками, по розыску московской газеты, оказывались Вл. С. Соловьевъ, еще какой-то неизвѣстный авторъ статьи, напечатанной въ „Allgemeine Zeitung", неизвѣстные распространители невѣрныхъ свѣденій, сообщенныхъ, по телеграфу, въ англійскія и нѣмецкія газеты, и даже, кажется, Н. Я. Гротъ. Доказательства заговора слѣдующія: статья Л. Толстого помѣчена 1-мъ ноября—въ тотъ же день напечатана предосудительная статья въ „Allgemeine Zeitung" и посланы лживыя телеграммы — въ тотъ же день должна была выйти (еще невышедшая) книжка „Вопросовъ философіи и психологіи", съ статьями В. Соловьева, Л. Толстого и Н. Грота!.. Не правъ ли „Кіевлянинъ", усматривающій въ подобныхъ сопоставленіяхъ признаки „безумія"?

занятій, посвящающій себя дѣлу собиранія свѣденій добровольно и всецѣло, можетъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, достигнуть гораздо бо́льшаго, чѣмъ представитель администраціи, облеченный правомъ требовать и грозить за неисполненіе требованій. Пускай редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ заглянетъ въ статью своего сотрудника, г. Д. Самарина: она увидитъ, что онъ не признаетъ даже за земскимъ начальникомъ возможности узнать что-либо достовѣрное объ имущественномъ положеніи каждаго крестьянина („М. В.“, № 320). Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ *допросъ* можетъ, пожалуй, оказаться дѣйствительнѣе *разспроса*; но вѣдь частное изслѣдованіе могло бы быть ведено параллельно съ оффиціальнымъ, такъ чтобы результаты одного повѣрялись результатами другого. Допустимъ, наконецъ, что мысль Л. Н. Толстого лишена всякаго практическаго значенія; изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она принадлежала къ категоріи такъ-называемыхъ idées subversives, чтобы изъ-за нея можно было заводить рѣчь о „систематическомъ дискредитированіи правительства“ и даже о „комитетѣ общественнаго спасенія“ (!). Откуда это удивительное смѣшеніе понятій, эта болѣе чѣмъ смѣлая попытка извратить истинный характеръ вопроса? Ключъ къ загадкѣ мы находимъ въ одной изъ передовыхъ статей московской газеты (№ 313), напоминающей о 1880 годѣ, какъ объ эпохѣ „безумнаго культа общества“. Обращеніе къ „общественному содѣйствію“ исходило тогда отъ „диктатуры сердца“—той диктатуры, о которой наши газетные реакціонеры до сихъ поръ не могутъ подумать безъ потери самообладанія, безъ ярости и злобы. Призракъ „общественной самодѣятельности“, гдѣ бы онъ ни показался, дѣйствуетъ на нихъ столь же неотразимо, какъ красный цвѣтъ—на разъяреннаго быка.

Для тѣхъ, кто еще способенъ видѣть предметы въ ихъ настоящей окраскѣ, статья Л. Н. Толстого дорога именно какъ будильникъ, какъ призывъ къ живымъ силамъ, таящимся среди русскаго общества. Еслибы даже перепись хлѣбныхъ запасовъ, предпринятая по частной иниціативѣ, не привела къ своей ближайшей цѣли, она поставила бы массу бодрыхъ, энергичныхъ людей лицомъ къ лицу съ народнымъ горемъ и увеличила бы этимъ самымъ сумму средствъ и силъ, которыми располагаетъ общественная помощь. Желаніе что-нибудь сдѣлать для народа—сдѣлать *самому*, а не путемъ посылки денегъ въ то или другое благотворительное учрежденіе,—распространено въ нашемъ современномъ обществѣ, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Чѣмъ разнообразнѣе, многочисленнѣе и доступнѣе формы непосредственной, личной дѣятельности на пользу голодающаго населенія, тѣмъ больше будетъ число дѣятелей—а *смыслъ* большимъ, въ виду громадныхъ размѣровъ бѣды, оно ни въ

какомъ случаѣ быть не можетъ. Плохую службу народу служатъ, поэтому, тѣ, которые сѣютъ недовѣріе и подозрѣніе, вездѣ, даже въ словахъ никогда ничего не скрывающаго Л. Н. Толстого, усматривая заднія мысли и опасные планы. Нашему обществу безъ того уже слишкомъ свойственна привычка ожидать событій, дѣйствовать только по приказанію—привычка, болѣе чѣмъ когда-либо вредная въ годину тяжелаго народнаго бѣдствія.

Будить дремлющія силы—нельзя, но апеллировать къ кровожаднымъ инстинктамъ—можно. Это явствуетъ изъ гостепріимнаго пріема, оказываемаго „Московскими Вѣдомостями“ проектамъ въ родѣ того, съ которымъ недавно выступилъ г. Шатохинъ. Уже раньше, въ чьемъ-то письмѣ этой же газеты безъ подписи (№ 295), проскользнула такая фраза: „*въ военное время расправа съ негодяемъ* (волостнымъ старшиной, прикарманившимъ деньги, предназначенныя для голодающихъ) *была бы недолга и другимъ было бы неповадно*“. Та же самая мысль, но гораздо опредѣленнѣе и яснѣе, выражена г. Шатохинымъ. „Слухъ и даже свѣденія,—говоритъ онъ,—о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ (по раздачѣ пожертвованій) уже проникли въ печать, и отъ этихъ слуховъ рука жертвователей способна оскудѣть. Чтобы положить этому конецъ и вполнѣ обнадежить жертвователей, мнѣ кажется, было бы вполнѣ умѣстно введеніе совершенно исключительныхъ, *драконовскихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) законовъ для наказанія всѣхъ, кто будетъ уличенъ въ *маломъ* (idem) злоупотребленіи въ связи съ народнымъ продовольствіемъ. Уже одни такіе законы оказали бы благодѣтельное дѣйствіе, а при случаѣ нѣсколько примѣрныхъ наказаній положили бы конецъ всякой повадкѣ. Не тюрьма и не розги, а нѣчто несравненно болѣе строгое въ этомъ дѣлѣ вполнѣ умѣстно“. Подъ этимъ „нѣчто“ разумѣется, очевидно, не что иное, какъ смертная казнь, по приговору военнаго или другого, столь же экстраординарнаго и быстро-дѣйствующаго суда [1]). Авторъ проекта забылъ о возможности ошибокъ, почти неизбѣжныхъ, когда послѣднею цѣлью преслѣдованія является не столько возмездіе, сколько устрашеніе. Онъ забылъ, что явная несоразмѣрность между наказаніемъ и виною—лучшее средство возбудить сожалѣніе о виновномъ. Онъ забылъ, что смертная казнь непоправима и невознаградима, и что если военный судъ не всегда правильно назначаетъ ее при условіяхъ обыкновенныхъ, нормальныхъ [2]), то тѣмъ легче такая неправильность можетъ вкрасться въ

[1]) Противъ „драконовскихъ“ мѣръ возсталъ, на страницахъ той же московской газеты, другой корреспондентъ ея, г. Духовецкій—но, въ видѣ жертвоприношенія genio loci, и онъ заключилъ свое письмо указаніемъ на военный судъ, какъ на достаточную гарантію строгой и скорой расправы.

[2]) См. выше, Внутреннее Обозрѣніе.

приговоръ, постановляемый и исполняемый въ двадцать-четыре часа, какъ въ военное время. Вмѣсто того, чтобы рекомендовать „драконовскія“ взысканія, не лучше ли было бы позаботиться о томъ, чтобы ни одно злоупотребленіе по продовольственному дѣлу не проходило нераскрытымъ? Чрезвычайно характеристичны, съ этой точки зрѣнія, разсужденія корреспондента, въ первый разъ пустившаго въ ходъ мысль объ экстраординарныхъ карахъ. Что,—спрашиваетъ онъ,—ожидаетъ теперь старшину или другое должностное лицо, поживившееся на счетъ голодающихъ? „Отрѣшеніе отъ должности? Да онъ уже набилъ себѣ карманы. Судъ? Да до него судъ и не доберется; вѣдь для этого придется допустить огласку непріятныхъ (кому?) фактовъ, придется сознаться, можетъ быть, что нѣкоторыя назначенія были неудачны и т. п. Главная бѣда та, что о такихъ фактахъ почти нѣтъ возможности довести до свѣденія высшей администраціи: *нѣтъ пути* (курсивъ въ подлинникѣ). Газеты? Не всякая рѣшится писать, да не всякой газетѣ и повѣрятъ“. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что прежде, чѣмъ карать, нужно установить, хотя бы приблизительно, событіе преступленія и личность преступника—а это, по причинамъ, слегка затронутымъ въ приведенной нами цитатѣ, сопряжено съ немалыми затрудненіями. Наши уголовные законы не грѣшатъ снисходительностью, наши обыкновенные суды не расположены потакать мерзавцамъ, способнымъ обсчитывать голодающихъ. Побольше гласности, побольше свѣту, поменьше препятствій къ обнаруженію „непріятныхъ фактовъ“ — и легальныя средства борьбы съ злоупотребленіями окажутся совершенно достаточными.

Отъ наклонности къ чрезвычайнымъ мѣрамъ взысканія не свободенъ, къ сожалѣнію, и г. Д. Самаринъ. „Надобно издать,— говоритъ онъ, — строгіе спеціальные уголовные законы, карающіе всякіе проступки и преступленія въ связи съ продовольственнымъ дѣломъ. Очевидно, что вся мѣстная жизнь, вслѣдствіе голода, вышла изъ обычной колеи. Земскія учрежденія, вѣдающія въ обыкновенное время сравнительно скромные бюджеты, вдругъ оказались поставленными въ такое положеніе, что имъ приходится теперь ворочать милліонами. При такихъ условіяхъ естественно развивается въ людяхъ поползновеніе къ наживѣ. Съ другой стороны, желаніе получить хлѣбъ даромъ или въ ссуду на выгодныхъ условіяхъ развиваетъ наклонность къ утайкѣ, къ обману и къ отлыниванію отъ работы. Въ военное время признается необходимымъ дѣйствовать на населеніе угрозой строгихъ наказаній за всякое дѣйствіе, могущее принести вредъ военному дѣлу. По нашимъ уголовнымъ законамъ, наказанія за грабежъ и кражу, во время пожара, наводненія или при иномъ какомъ-либо несчастномъ случаѣ, усиливаются въ значительной степени.

Казалось бы, что и во время голода необходимо противодѣйствовать развитію и проявленію дурныхъ инстинктовъ угрозой строгихъ наказаній за хищеніе, обманъ и всякіе проступки, связанные съ продовольственнымъ дѣломъ". Въ этихъ словахъ слышится, прежде всего, нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Судя по вступленію и заключенію, г. Самаринъ говоритъ только о „преступленіяхъ и проступкахъ", т.-е. о дѣяніяхъ, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ подъ страхомъ наказанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упоминаетъ и о такихъ дѣйствіяхъ, которыя, очевидно, не составляютъ ни преступленія, ни проступка. Таково „отлыниванье отъ работы", такова и „утайка", если подъ этимъ послѣднимъ именемъ разумѣется сокрытіе (самимъ просителемъ) обстоятельствъ, препятствующихъ удовлетворенію просьбъ о пособіи. Желательно ли такое расширеніе области уголовной наказуемости? Мы думаемъ, что нѣтъ. „Отлыниванье отъ работы"—понятіе весьма неопредѣленное и относительное. Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ нижегородскаго губернатора о крестьянахъ, не хотѣвшихъ заняться рубкой казеннаго лѣса—и объясненіе, данное этому факту корреспондентомъ „Новостей" (см. предъидущую Общественную Хронику); припомнимъ также жалобу г. Фета на крестьянъ, не желавшихъ работать на курско-воронежской желѣзной дорогѣ—и оффиціальное опроверженіе этой жалобы. Справедливо ли было бы карать отказъ отъ работы, вызванный болѣзнью, слабосиліемъ, наличностью другого, болѣе выгоднаго заработка? А такая кара, въ особенности при „упрощенномъ" судопроизводствѣ, была бы явленіемъ весьма возможнымъ. Эластично, далѣе, и понятіе объ „утайкѣ". Въ „утайкѣ", пожалуй, повиненъ и тотъ, кто, при повѣркѣ его правъ на пособіе, „скрылъ" курицу, поросенка или нѣсколько фунтовъ хлѣба; но справедливо ли было бы возводить такое сокрытіе на степень уголовнаго проступка? И здѣсь гораздо вѣрнѣе наказаній могутъ привести къ цѣли другія средства—хорошая организація общественныхъ работъ, тщательная повѣрка правъ на пособіе и т. п. Что касается до *настоящихъ* преступленій, связанныхъ съ продовольственнымъ дѣломъ, то важнѣйшія изъ нихъ (растрата или присвоеніе на сумму болѣе 300 рублей и подлогъ по службѣ, т.-е. всякая умышленная невѣрность въ оффиціальной бумагѣ) и теперь могутъ повлечь за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе въ Сибирь. Не споримъ,—случаямъ особенно такимъ больше соотвѣтствовала бы срочная каторжная работа; но много ли такихъ случаевъ, есть ли даже хоть одинъ такой случай? Кого не страшитъ перспектива ссылки на поселеніе, тотъ едва ли остановится и передъ угрозой нѣсколькими годами каторги. Правда, совершеніе грабежа или кражи во время пожара или иного бѣдствія

признается, по нашимъ законамъ, обстоятельствомъ, увеличивающимъ мѣру вины и наказанія; но въ дѣлахъ о растратѣ или служебномъ подлогѣ максимальная норма наказанія такъ далека отъ минимальной, что обстоятельство, увеличивающее вину (какимъ, безъ сомнѣнія, представляется нарушеніе интересовъ нуждающагося населенія), всегда можетъ вызвать со стороны суда соотвѣтствующее возвышеніе уголовной кары.

Другая, не менѣе спорная мысль г. Самарина касается способовъ провѣрки списковъ нуждающихся. Признавая, и совершенно справедливо, что такая провѣрка не подъ силу для однѣхъ земскихъ управъ, даже при содѣйствіи земскихъ начальниковъ, г. Самаринъ предлагаетъ возложить ее на мѣстныхъ жителей, но возложить „какъ службу, какъ государственную повинность, отъ которой нельзя было бы отказаться, подъ страхомъ взысканія по закону". „Земскій начальникъ,—такова сущность проекта г. Самарина,—долженъ въ каждомъ сельскомъ обществѣ открыть коммиссію, въ которой должны принять участіе: мѣстный приходскій священникъ, мѣстный землевладѣлецъ или управляющій и три крестьянина по выбору земскаго начальника, изъ числа непросящихъ ссуды. Всѣ эти лица, за исключеніемъ, конечно, священника, должны быть приведены къ присягѣ, изложенной кратко и понятно для крестьянъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: клянусь показать всю правду, не кривя душой. Земскій начальникъ читаетъ затѣмъ статьи закона, опредѣляющія отвѣтственность за ложное показаніе, и предоставляетъ коммиссіи, въ своемъ присутствіи, произвести повѣрку, съ правомъ въ сомнительныхъ случаяхъ осматривать амбары и вообще всѣ мѣста, въ которыхъ крестьяне хранятъ свое имущество. Это право должно быть предоставлено и земскому начальнику для повѣрки дѣйствій коммиссіи, когда онъ признаетъ это нужнымъ; но вообще земскій начальникъ не участвуетъ въ повѣркѣ, а только присутствуетъ при дѣйствіяхъ коммиссіи, какъ представитель правительства и какъ блюститель строгаго исполненія коммиссіею возложенной на нее обязанности. По окончаніи повѣрки составляется протоколъ, который подписывается членами коммиссіи и свидѣтельствуется земскимъ начальникомъ. Провѣренные такимъ образомъ списки и протоколы препровождаются земскими начальниками въ уѣздную управу и оттуда въ губернскую управу. Провѣрка представленныхъ списковъ по уѣздамъ и по губерніи должна быть тоже возложена на особыя коммиссіи: въ уѣздахъ—подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ предводителей дворянства, а по всей губерніи—подъ предсѣдательствомъ губернатора. Разумѣется, что при провѣркѣ списковъ по уѣздамъ и по губерніи, коммиссіи должны удостовѣряться только въ томъ, что установлен-

ный закономъ порядокъ повѣрки на мѣстахъ былъ въ точности соблюденъ".

Отвинемъ въ сторону всю вторую часть этой процедуры, какъ имѣющую чисто-формальный характеръ, и остановимся исключительно на первой. Не совсѣмъ понятно для насъ, прежде всего, почему г. Самаринъ, разбирая существующіе способы провѣрки, не сказалъ ни слова о самомъ лучшемъ и самомъ распространенномъ— о провѣркѣ черезъ посредство земскихъ гласныхъ или иныхъ мѣстныхъ жителей, уполномоченныхъ на то земскимъ собраніемъ. Этотъ способъ имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что провѣрка производится лицомъ, взявшимся за нее не по принужденію, а по чувству долга. Намъ говорятъ о значеніи отвѣтственности, которой не несутъ земскіе уполномоченные и будутъ нести члены коммиссіи, проектируемой г. Самаринымъ; но не парализуется ли эта отвѣтственность тѣмъ, что она раздѣляется между нѣсколькими лицами, изъ которыхъ иныя (мѣстный священникъ, мѣстный землевладѣлецъ) не легко могутъ сдѣлаться объектами преслѣдованія? Не уменьшается ли она самымъ присутствіемъ земскаго начальника, отъ котораго, если не de jure, то de facto, будетъ зависѣть вся дѣятельность коммиссіи? Какимъ закономъ будетъ регулироваться отвѣтственность членовъ коммиссіи? Ложное показаніе наказуемо, въ настоящее время, только тогда, когда оно дано на судѣ или при слѣдствіи; придется, слѣдовательно, издавать новый законъ или распространять статьи дѣйствующаго уложенія на такіе случаи, для которыхъ онѣ вовсе не предназначались. Какъ доказать, далѣе, *ложность*, т.-е. сознательную, намѣренную невѣрность заключенія коммиссіи? Ей придется сплошь и рядомъ основываться на догадкахъ, предположеніяхъ, приблизительныхъ разсчетахъ, которые могутъ быть неточными, ошибочными, легкомысленными, но только въ самыхъ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ могутъ быть *ложными*... Что считать, наконецъ, „мѣстами, въ которыхъ крестьяне хранятъ свое имущество"? Подходятъ ли подъ это понятіе карманъ, пазуха, сапоги, онучи? Должны ли полномочія коммиссіи обнимать собою право личнаго обыска крестьянъ и крестьянокъ?.. Осуществленіе плана г. Самарина повлекло бы за собою длинный рядъ придирокъ и приписокъ, испортило бы множество сосѣдскихъ отношеній, накопило бы массу враждебныхъ чувствъ и тяжелыхъ воспоминаній—и все-таки не привело бы къ желанной цѣли.

Изъ двухъ другихъ основныхъ положеній г. Самарина [1]) одно

[1]) Въ тотъ моментъ, когда мы заканчиваемъ хронику, мы еще не имѣемъ въ рукахъ окончанія статей г. Самарина.

намъ уже знакомо: оно состоитъ въ томъ, что размѣры государственной помощи должны быть опредѣлены не финансовыми соображеніями, а исключительно размѣрами самого бѣдствія. Слухамъ о предстоящемъ выпускѣ лотерейныхъ билетовъ, по 5 руб. каждый, на сумму шести милліоновъ рублей, г. Самаринъ не вѣритъ именно въ виду незначительности этой суммы. Соглашаясь съ нимъ вполнѣ, мы не можемъ не замѣтить, что выпускъ крупнаго выигрышнаго займа въ 1889 г., съ цѣлью воспособленія заемщикамъ дворянскаго банка, не позволяетъ прибѣгнуть къ такой же мѣрѣ въ настоящее время, хотя именно теперь для нея было бы гораздо больше основаній. Намъ невольно приходятъ на память слова „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", къ которымъ мы въ свое время присоединились [1]): „въ распоряженіи государства (еслибы не были выпущены закладные съ выигрышами листы дворянскаго банка), на случай войны или какого-нибудь чрезвычайнаго бѣдствія, всегда имѣлся бы лишній рессурсъ, способный доставить громадныя средства".

По мѣрѣ выясненія размѣровъ бѣдствія, постигшаго Россію, все больше и больше выдвигается въ печати вопросъ о переходѣ частныхъ хлѣбныхъ запасовъ въ собственность государства, съ цѣлью правильнаго распредѣленія ихъ между различными мѣстностями имперіи, такъ какъ къ числу губерній, нуждающихся въ хлѣбѣ, начнутъ позже присоединяться, одна за другою, и многія изъ тѣхъ, въ которыхъ не было неурожая. Сюда относятся, напримѣръ, всѣ губерніи сѣверныя и такъ-называемыя промышленныя (петербургская, новгородская, псковская, вологодская, тверская, ярославская, костромская, владимірская, московская, калужская, смоленская и др.), которымъ никогда не хватаетъ своего хлѣба и которыя до сихъ поръ пополняли его покупкой изъ губерній черноземныхъ... Но первымъ шагомъ къ экспропріаціи хлѣбныхъ запасовъ должно служить самое точное приведеніе ихъ въ извѣстность. Притомъ, это дѣло такъ важно и такъ трудно, что для успѣшнаго и быстраго его исполненія нужны соединенныя силы правительства и общества.

Среди массы голосовъ, вопіющихъ о помощи бѣдствующему народу, все еще раздаются, отъ времени до времени, единичные призывы къ попеченію о тѣхъ, которыхъ можно пожалуй, съ извѣстной натяжкой, назвать нуждающимися, но ужъ конечно не голодающими. Къ этой категоріи нуждающихся относятся заемщики дворянскаго банка, находящіеся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. О ней заботится въ особенности г. Бланкъ, и, благодаря ему, мы узнали о слѣдующемъ интересномъ фактѣ. Московское дворян-

[1]) См. Внутрен. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣсти. Европы" за 1889 г.

ство, въ экстренномъ собраніи 23-го октября, постановило пожертвовать 25 тысячъ рублей „на нужды пострадавшаго отъ неурожая населенія". Г. Бланкъ возбудилъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", вопросъ о томъ, кто подразумѣвается здѣсь подъ словомъ „населеніе" —всѣ ли вообще жители имперіи, безъ различія сословій, или одни крестьяне? На этотъ вопросъ отвѣчалъ, въ той же газетѣ, одинъ изъ московскихъ дворянъ, г. Семенковичъ. Оказывается, что г. Семенковичъ предлагалъ употреблять жертвуемыя деньги, между прочимъ, и на пособія нуждающимся дворянскимъ семьямъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, но предложеніе его, никѣмъ не поддержанное, было *единогласно отвергнуто* и даже не упомянуто въ протоколѣ собранія. „Грустно все это!" восклицаетъ г. Семенковичъ. „Руки опускаются, когда видишь, что не только люди сами не хотятъ дѣлать ничего для себя и въ защиту отъ нападающихъ со всѣхъ сторонъ враговъ (?!), но даже не хотятъ воспользоваться тѣмъ, что имъ предоставляется закономъ". Намъ кажется, наоборотъ, что московское дворянство поступило совершенно правильно. Оно, очевидно, не хотѣло смѣшивать голодающихъ съ нуждающимися и предназначило свое пожертвованіе для однихъ только первыхъ. *Въ видѣ исключенія*, голодающіе, въ буквальномъ смыслѣ слова, могутъ встрѣтиться и между дворянами; но для поддержки немногихъ отдѣльныхъ личностей дворянства, въ каждой губерніи имѣется достаточно собственныхъ средствъ, и направлять на этотъ предметъ общественную помощь не предстоитъ рѣшительно никакой надобности.

12-го ноября скончался въ Сергіевомъ посадѣ К. Н. Леонтьевъ, довольно извѣстный авторъ разсказовъ изъ бытовой жизни современныхъ грековъ, а также публицистическихъ статей, изданныхъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „Востокъ, Россія и Славянство". Объ общемъ характерѣ его дѣятельности можно судить по „Запискамъ отшельника", которыя онъ еще недавно печаталъ въ „Гражданинѣ", и отрывки изъ которыхъ были приведены въ нашихъ хроникахъ (№№ 4 и 7). Понятны, въ виду этого, попытки нѣкоторыхъ газетъ окружить покойнаго ореоломъ славы, которою онъ не пользовался при жизни. Мы еще возвратимся къ этимъ попыткамъ, когда о сочиненіяхъ Леонтьева можно будетъ говорить, не стѣсняясь близостью едва закрывшейся могилы.

PS. Наша хроника находилась уже въ печати, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", 23-го ноября, № 255, былъ публико-

ванъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, данный на имя Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича:

„Ваше Императорское Высочество.

„Неурожай хлѣбныхъ произведеній поставилъ въ нынѣшнемъ году населеніе нѣсколькихъ губерній Имперіи въ затруднительное положеніе относительно продовольственныхъ средствъ. Бѣдствіе коснулось не только той части земледѣльческаго состоянія, которая, на основаніи дѣйствующихъ законоположеній, обезпечена продовольственною помощью, но и значительнаго числа лицъ, не принадлежащихъ къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ.

„Предоставленіе этимъ лицамъ достаточныхъ способовъ пропитанія, равно какъ и охраненіе вообще нуждающихся вслѣдствіе неурожая отъ тягостныхъ лишеній, не можетъ не быть для правительства предметомъ попеченія первостепенной важности. Съ сердечнымъ участіемъ слѣдя за многообразными проявленіями общественной помощи оскудѣвшимъ, Я признаю благовременнымъ обезпечить великодушнымъ усиліямъ частной благотворительности, ставшей на святое дѣло христіанскаго милосердія, соотвѣтственное важности дѣла направленіе и необходимое единство дѣйствій. Въ сихъ видахъ, учреждая Особый Комитетъ для помощи нуждающимся въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, Я назначилъ Ваше Императорское Высочество Предсѣдателемъ сего Комитета.

„Призывая благословеніе Божіе на предстоящій Вамъ подвигъ общественнаго служенія, Я уповаю, что въ одушевляющихъ Васъ чувствахъ горячей любви къ ближнимъ и родинѣ Вы почерпнете силы для его исполненія".

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„*Сердечно любящій Васъ*

„*АЛЕКСАНДРЪ*".

Гатчина,
17-го ноября 1891 г.

Членами Особаго Комитета, по Высочайшему повелѣнію, назначены: генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, д. т. с. Побѣдоносцевъ, статсъ-секретарь Островскій, статсъ-секретарь Дурново, генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, гофмейстеръ графъ Строгановъ и т. с. фонъ-Плеве, съ возложеніемъ на послѣдняго завѣдыванія дѣлопроизводствомъ Комитета. Въ совѣщанія Комитета, а также для исполненія порученій, Августѣйшимъ Предсѣдателемъ приглашаются лица, кои своими познаніями и опытностью могутъ принести пользу дѣлу помощи нуждающимся.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Уѣзднаго Временнаго Благотворительнаго Комитета г. Шадринска, пермской губерніи.

Шадринскій Уѣздный Временный Благотворительный Комитетъ, призванный г. губернаторомъ, 3-го октября 1891 г., къ дѣятельности почти поголовнымъ бѣдствіемъ 300.000 населенія шадринскаго уѣзда, вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣбовъ въ теченіе *двухъ* лѣтъ—1890 и 1891 годовъ—въ засѣданіи своемъ 14-го сего октября постановилъ: съ цѣлію увеличенія средствъ Комитета обратиться къ содѣйствію печати, прося редакціи наиболѣе распространенныхъ газетъ и журналовъ возбудить въ обществѣ сочувствіе къ бѣдственному положенію нашего края. Грозная туча уже собралась надъ уѣздомъ и готова разразиться голодомъ повсемѣстнымъ и почти поголовнымъ. Уже и теперь (въ октябрѣ 1891 г.) 77.000 жителей питаются хлѣбомъ изъ сорныхъ травъ съ незначительной примѣсью ржи. Домашній скотъ, избалованный добрымъ сѣномъ, отворачивается отъ этого хлѣба, а люди ѣдятъ и благодарятъ Бога, у кого есть запасъ сорной травы на завтрашній день. Но и урожай сорныхъ травъ не былъ значительнымъ. Недалеко то время, когда не останется ничего. Даже и теперь обычное явленіе, что люди по два и по три дня остаются безъ всякой пищи, а что будетъ дальше—страшно подумать. Мы, мѣстные жители, съ замираніемъ сердца ждемъ этого страшнаго бѣдствія. Чтобы ослабить его, нужна помощь немедленная. Но бѣдный гододный уѣздъ, изстрадавшійся въ борьбѣ за каждый день существованія, не можетъ найти помощи въ самомъ себѣ. До сихъ поръ (14-го октября) мы не получали помощи ни откуда ни копѣйки, кромѣ мѣстныхъ пожертвованій, давшихъ 1.500 руб. Между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Найдется масса лицъ, которыя не въ состояніи отвернуться отъ чужого несчастія и для которыхъ горе ближняго равносильно собственному. Но дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ. Помогите же намъ, и словомъ, и дѣломъ! Призовите общество къ благотворительности, принимайте пожертвованія и посылайте въ Шадринскій Временный Благотворительный Комитетъ.

II. — Отъ Попечительства вольскаго уѣзда, саратовской губерніи.

Во многихъ мѣстностяхъ вольскаго уѣзда, саратовской губ., не уродилось ни хлѣба, ни кормовъ; заработковъ нѣтъ; денежные и хлѣбные запасы истощились; нищенство день ото дня развивается все болѣе и болѣе, и предстоящая зима сулитъ нѣкоторымъ мѣстностямъ уѣзда голодовку, какой населеніе не испытывало и въ тяжеломъ 1880 году. Пожертвуйте, что можете, нуждающимся!

О каждомъ пожертвованіи будетъ опубликовано въ газетахъ.

Пожертвованія принимаются въ г. Вольскѣ, въ уѣздной земской управѣ.

III. — Отъ Саратовскаго Попечительства Общества Краснаго Креста.

Вышедшая въ Саратовѣ брошюра: „Циркуляры, указанія и рѣчи“ (1887 — 1891 г.), начальника саратовской губерніи, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанта А. И. Косича—продается *въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая* саратовской губерніи, по 1 руб. за экземпляръ.

За полученіемъ брошюры слѣдуетъ обращаться въ г. Саратовъ, въ Управленіе Краснаго Креста.

IV.—Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за апрѣль—сентябрь 1891 г.

I. Съ 13-го апрѣля по 1-е октября Комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, въ которыхъ состоялось 231 постановленіе по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, за отъѣздомъ изъ Петербурга должностныхъ лицъ Общества, обязанности предсѣдателя исполнялъ Ѳ. Ѳ. Воропоновъ, а обязанности казначея и секретаря—А. К. Шеллеръ (обязанности секретаря въ одномъ засѣданіи исполнялъ В. В. Лесевичъ). Дѣйствія Комитета заключались въ слѣдующемъ: a) Назначены продолжительныя пособія 3 лицамъ: годовыя—вдовѣ писателя въ 300 р.; писателю въ 180 р.; полугодовое—вдовѣ писателя въ 60 р.; и одному писателю 300 р., съ выдачею въ два срока. b) Уплачено за воспитаніе и обученіе 12 сыновей и дочерей писателей и назначено 4 стипендіи 4 студентамъ 1 курса петербургскаго университета. c) Единовременныя пособія выданы 64 лицамъ: въ 200 р. одно; въ 150 р.—два; по 100 р.—шести лицамъ; 90 р.—одному лицу; по 75 р. двумъ; 50 р.—двѣнадцати лицамъ; 40 р.—тремъ; 30 р.—пяти; 25 р. — семи; 20 р. — одному; 15 р. — четыремъ лицамъ; всего на сумму 2.880 р. d) Срочныхъ ссудъ было: одна въ 250 р.; двѣ 10 и 5 р.; безсрочныхъ—12: въ 700 р.—одна, 200 р.—тремъ, въ 150 р., 100,

75, 60 и четыремъ лицамъ въ 50 р. e) На погребеніе писателя выдано было — 300 р.; отказано въ разныхъ просьбахъ 66 лицамъ и одному лицу въ помѣщеніи дочери на вакансію, за неимѣніемъ послѣдней. f) Неденежныя пособія заключались въ заботахъ по пріисканію мѣста одному писателю и по помѣщенію другого престарѣлаго писателя въ богадѣльню. Въ отчетное время разошлась третья книжка разсказовъ В. М. Гаршина и приступлено къ печатанію 2 изданія этой книжки.

II. Капиталовъ у Общества къ 1 апрѣля 1891 года состояло на лицо 175.833 р. 7 к., въ томъ числѣ: неприкосновеннаго и именныхъ 172.048 р. 62 к., расходнаго 2.389 р. 60 к. и переходящихъ суммъ 1.394 р. 85 к. За время съ 1-го апрѣля по 1-е октября 1891 года поступило капиталовъ: неприкосновеннаго и именныхъ 36.877 р. 74 к., расходнаго 9.108 р. 69 к. и переходящихъ суммъ 624 р. 42 к., всего 46.610 р. 85 к. За то же время израсходовано: изъ именныхъ капиталовъ (по изданіямъ сочиненій Надсона и Гаршина) 5.099 р. 44 к., изъ расходнаго капитала 13.241 р. 87 к. и изъ переходящихъ суммъ 260 р. Изъ расходнаго капитала выдано: пенсій 3.280 р., пособій единовременныхъ 4.428 р., пособій продолжительныхъ 1.609 р., безсрочныхъ ссудъ 1.785 р., стипендій 705 р. и на воспитаніе дѣтей литераторовъ и ученыхъ 1.127 р. 50 к. Кромѣ того, общіе расходы по Комитету (за пересылку денежной корреспонденціи, плата за храненіе и страхованіе процентныхъ бумагъ, гербовый сборъ и доплата по обмѣну бумагъ, вышедшихъ въ тиражъ)—307 р. 37 к. Затѣмъ къ 1-му октября 1891 года капиталовъ у Общества числится 205.586 р. 19 к., въ томъ числѣ неприкосновеннаго и именныхъ 203.826 р. 92 к. и переходящихъ суммъ 1.759 р. 27 к. За вычетомъ же временно-позаимствованныхъ (передержанныхъ по расходному капиталу) 1.743 р. 58 к., на лицо состоитъ 203.842 р. 61 к., которые находятся: въ процентныхъ бумагахъ, по нарицательной ихъ стоимости, 199.025 р., на текущемъ счету Общества въ учетномъ и ссудномъ банкѣ 3.500 р., въ кассѣ Общества наличными деньгами 403 р. 91 к. и въ долгахъ за разными лицами по срочнымъ ссудамъ 913 р. 70 к.

ПОПРАВКА.

Въ сентябрьской книгѣ, с. г., на 99 стр., 14 и 15 строч. сн., напечатано: „Спиноза и *Кантъ* жили: первый до 45, второй же до *54* лѣтъ—вмѣсто того слѣдуетъ: Спиноза и *Контъ* жили: первый до 45, второй же до *59* лѣтъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1891 году.

—

Въ 1891-мъ году экземпляры «Вѣстника Европы» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

	экз.		экз.		экз.
1. Херсонск. .	262	23. Примор. об.	62	45. Вакинская .	41
2. Кіевская. .	201	24. Смоленская.	60	46. Вятская .	41
3. Харьковск..	170	25. Тверская. .	60	47. Томская . .	41
4. Екатериносл.	160	26. Нижегород.	59	48. Уфимская .	40
5. Таврическ..	145	27. Московская.	60	49. Симбирская.	40
6. Тифлисская.	140	28. Рязанская .	58	50. Закасп. об.	38
7. Полтавская.	120	29. Гродненская	52	51. Могилевск..	36
8. Пермская. .	101	30. Тульская. .	52	52. Ковенская .	35
9. Саратовск. .	100	31. Иркутская .	52	53. Сыръ-Д. об.	34
10. Варшавск. .	96	32. Забайк. об.	52	54. Оренбургск.	34
11. Подольская.	88	33. Самарская .	51	55. Астраханск.	34
12. Воронежск..	85	34. Новгородск.	50	56. Енисейская.	32
13. Казанская .	85	35. Пензенская.	45	57. Люблинская	28
14. Черниговск.	79	36. Ярославская	45	58. Тобольская.	28
15. Курская . .	79	37. Обл. В. Дон.	45	59. Акмол. об.	27
16. Тамбовская.	79	38. Виленская .	45	60. Курляндск.	25
17. Владимірск.	78	39. Кубанск. об.	44	61. Кутаисская.	25
18. Бессарабск.	78	40. Минская. .	42	62. Калужская .	25
19. Орловская .	75	41. Костромская	42	63. Елисаветпол.	22
20. С.-Петерб. .	73	42. Псковская .	42	64. Семирѣч. об.	22
21. Волынская .	70	43. Витебская .	42	65. Вологодская	20
22. Лифляндск.	69	44. Терская об.	42	66. Амурск. об.	20

67. Ломжинская.	20	77. Ферганская.	13	87. Уральск. об.	8
68. Эстляндская	19	78. Дагест. обл.	13	88. Черном. окр.	5
69. Эриванская.	19	79. Калишская.	12	89. Выборгская.	5
70. Ставропол..	16	80. Самарк. об.	12	90. Тургайск. об.	2
71. Олонецкая .	16	81. Карсская об.	12	91. Улеаборгск.	2
72. Архангельск.	16	82. Плоцкая . .	11	92. Тавастгусск.	2
73. Петроковск.	16	83. Семипал. об.	11	93. Закат. окр.	2
74. Нюландская	16	84. Якутск. об.	10	94. С.-Михельск.	2
75. Сѣдлецкая .	15	85. Радомская .	10		
76. Сувалкская.	15	86. Кѣлецкая..	9		4532

II. Въ С.-Петербургѣ.	1403
III. Въ Москвѣ	552
IV. За границей	185
Всего: экз.	6672

А. Хомиховскій
Управл. конторою журнала.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1891 ГОДУ.

Арсеньевъ, К. К.—Новый историкъ современной Франціи. H. Taine, Les origines de la France contemporaine, t. I (янв., 313; фев., 784). — Генрихъ Гейне, его критики и историки (мар., 336).—Новый романъ Зола „L'Argent" (апр. 770). — Новая книга Ренана: „Histoire du peuple d'Israël, t. III (май, 301). — Новые сборники судебныхъ рѣчей (іюнь, 777).

Брикнеръ, А. Г.—Архивъ кн. Куракина (сент., 310).

Буслаевъ, Ѳ. И.—Мои воспоминанія (апр. 469; май, 183; іюнь, 563; іюль, 177; окт., 612; нояб. 138).

В.—Теорія крупнаго концессіонерства (май, 379).

В., А.—Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ. Сборникъ въ память покойнаго (янв., 335).

Величко, В. — Силуэтъ, стих. (фев., 838). — Изъ Омара Кайяма, съ персид. (май, 319).

Веселовскій, Александръ, Н. — Учители Боккаччіо, очеркъ (нояб., 167).

Веселовскій, Алексѣй, Н.—„Мертвыя души". Глава изъ этюда о Гоголѣ (мар., 61).

В—нъ, А. — Народники и народъ. Собраніе сочиненій Н. Златовратскаго (фев., 655). — Новыя сочиненія Г. И. Успенскаго, т. III (мар., 290).—Люди сороковыхъ годовъ. „Мои воспоминанія", А. Фета (апр., 658).—Писатель 60-хъ годовъ. „Сочиненія Н. Шелгунова" (май, 218).—Новѣйшая русская литература, по поводу книги А. Скабичевскаго (іюль, 298). — Лермонтовская литература въ 1891 г. (сент., 341).

Воронцовъ, Ѳ. Ѳ.—Среди молдаванъ (апр. 792).

Герье, В. И. — Средневѣковое міровоззрѣніе, его возникновеніе и идеалъ (янв., 172; фев., 752; мар., 5; апр., 495).

Гиппіусъ, З.—Одинокій, этюдъ (май, 170).

Друцкой-Сокольницкій, кн., Д. В.—Современное положеніе отечественной и сельско-хозяйственной промышленности (янв., 345).—Наше сельское хозяйство и его будущность (окт., 698).

Елисеевъ, Г. З. — Изъ далекаго прошлаго двухъ академій. По поводу смерти проф. казан. дух. академіи И. Я. Порфирьева (янв., 282).

Ефименко, Александра. — Малорусское дворянство и его судьба (авг., 515).

Жемчужниковъ, А. М. — Загробная тоска, стих. (янв., 161).—I. Зимою въ деревнѣ. II. Обыкновенный случай, стих. (февр., 782).—I. Весною. II. *** (іюнь, 805). — Прелюдія къ прощальнымъ пѣснямъ, стих. (окт., 735).— Ранняя весна, стих. (нояб., 163).— Осенью въ деревнѣ, стих. (дек. 433).

Ивановичъ, И.—Въ залѣ суда и въ совѣщательной комнатѣ (дек., 577).

Иванюковъ, И.—Американская демократія (дек., 689).

Исаевъ, А. А.—Отъ Урала до Томска (сент., 55).

И., И.—Упрощенный порядокъ судопроизводства (дек., 768).

Каренинъ, Влад.—Послѣдній романъ Сенкевича: „Безъ догмата" (іюль, 112).

Картавцевъ, Е. Э.—Поѣздка въ стовратныя Ѳивы (май, 112; іюнь, 596).— Въ Каирѣ (дек., 485).

Крестовская, Мар.—Артистка, ром. въ 4 ч. (апр., 615; май, 38; іюнь, 631; іюль, 5; авг., 445; сент., 5; окт., 508; ноябрь, 5; дек., 434).

Ладыженскій, В. Н.—Стихотворенія: I. Сонетъ.—II. На родинѣ (янв., 123). Когда пробившись изъ-за тучъ (мар., 377).—I. Нянѣ. —II. Блаженъ, кто съ вѣрою святою (окт., 778).

Лѣсковъ, Н. С.—Полунощники. Пейзажъ и жанръ (нояб., 92; дек. 537).

Макъ-Гаханъ, В. — Пауперизмъ въ Соединенныхъ-Штатахъ (іюль, 274; авг., 570). — Пріюты для найденышей въ Сѣв.-Ам. Штатахъ (сент., 126).

М., В.—Мимочка на водахъ. Очеркъ (фев., 526; мар., 30).

Медвѣдскій, К.—Стих.: Какъ бы теряясь въ блескѣ дня (сент., 286). — И въ жизни будничной (дек., 767).

Мережковскій, Д. С. — Скованный Прометей, траг. Эсхила (янв., 5).

Мечниковъ, И. И.—Законъ жизни. По поводу нѣкоторыхъ произведеній гр. Л. Н. Толстого (сент., 228).

Минскій, Н.—Стих.: I. Южный полдень.—II. Съ высотъ альпійскихъ (мар., 334).

Михайлова, О. — Стихотворенія, по мотивъ Стекетти: I. Передъ грозой.— II. Я не вѣрю (янв., 280). — Изъ венгерскихъ поэтовъ: I. Звѣздная ночь, Петёфи. — II. На родинѣ, А. Сабо (апр., 493).—Фантазія, мотивъ С. Прюдома (май, 216). —Бѣдные люди, изъ В. Гюго (іюль, 298). — I. Изъ Лонгфелло.—II. Свѣтъ и тѣнь (авг., 740).— I. Роза инфанты, изъ В. Гюго. — II. Если ты межъ друзей (дек., 722).

М., М.—Вопросъ о воспитательномъ обученіи въ Германіи (янв., 459).— Гр. П. А. Каннистъ и П. Д. Шестаковъ, попечитель казан. учеб. округа —о классицизмѣ (мар., 417).

М., С. — По поводу финляндскаго сейма въ 1891 г. (фев., 839). — Труды финляндскаго сейма въ 1891 г. (апр., 814; май, 448).

О. — Обороты и операціи казны въ 1889 г., по отчету государственнаго контроля (янв., 394). — Государственная роспись на 1891 г. (февр., 871).— По исполненію государственной росписи на 1890 г. (май, 349). — Наша внѣшняя торговля въ 1889 г. (іюль, 351). — Исполненіе государственной росписи за 1890 г. (дек., 816).

Окольскій, Антонъ, проф.—Реформа классическихъ гимназій во Франціи (янв., 44; фев., 489; мар., 161).

Петерсенъ, В. К.—Казна и желѣзнодорожное дѣло (нояб., 236).

Потапенко, И. Н. — Добрые люди. Разсказъ (іюнь, 465; іюль, 144).

Пр. — Всемірный географич. съѣздъ въ Бернѣ (окт., 828).

Пругавинъ, В.—Кустарная промышленность, его судьба и значеніе (май, 324).

Пыпинъ, А. Н. — Народная грамотность (янв., 245). — По поводу статьи г. Соболевскаго объ „Исторіи русской этнографіи" (апр., 878).—Новые мате-

ріалы по исторіи литературы: „Сборникъ общества любит. рос. словесн. (іюнь, 691). — Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе (авг., 742). —Эпизоды изъ исторіи XVIII-го вѣка (сент., 261). — Казиміръ Бродзинскій (окт., 736). — Новая книга о Болгаріи (нояб., 287).—

С., М.—Иванъ Александровичъ Гончаровъ (окт., 859).

С—жевъ, В. И. — Исторіографія и компиляція. По поводу т. III „Исторіи Россіи, соч. Д. Иловайскаго (февр., 914).

Слонимскій, Л. З. — Франко-русская политика въ началѣ столѣтія. Поццо-ди-Борго и его дѣятельность во Франціи (фев., 816).—Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I (мар., 378; апр. 703).—Схоластика подъ фирмой науки (авг., 715). — „Ученія истины" и практическая мораль гр. Толстого (сент., 287).—Промышленные идеалы и дѣйствительность (нояб., 330; дек., 729).

Соловьевъ, Влад., С.—Стихотвореніе: Уходишь ты... (фев., 815). — Идолы и идеалы (мар., 357; іюнь, 807).—Запоздалая вылазка изъ одного литературнаго лагеря (іюль, 416).—Стих.: Пусть тучи темныя... (сент., 340). — Народная бѣда и общественная помощь (окт., 708).—Неопалимая купина, стих. (нояб., 351).

Спасовичъ, В. Д. — Новыя направленія въ наукѣ уголовнаго права (окт., 441).—Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго (дек., 604).

Станюковичъ, К. М.—Первые шаги, повѣсть (янв., 86; фев., 588; мар., 103; апр., 553).

Столѣтовъ, А. Г.—Германъ ф.-Гельмгольтцъ (іюнь, 453).

Т., Н.—Ничтожныя причины, разсказъ (окт., 591).

Тархановъ, И. Р.—Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей (май, 136; іюнь, 538; іюль, 77; авг., 486; сент., 88; окт., 568; нояб., 60).

Трифоновъ, П. А. — Н. А. Римскій-Корсаковъ (май, 5; іюнь, 502).

Фаусекъ, В. — На далекомъ сѣверѣ (авг., 665).

Чихачевъ, Платонъ. — Тихо-океанская желѣзная дорога въ Канадѣ (фев., 569).

Ш., М.—Замѣтка, по поводу новаго изданія, въ нѣмецкомъ переводѣ, полнаго собранія сочиненій гр. Л. Н. Толстого, въ XIII томахъ (сент., 421).

Ядринцевъ, Н. М.—Десятилѣтіе переселенческаго дѣла (авг., 790).

Янжулъ, Ив. Ив. — Изъ психологіи народовъ (мар., 204).

Э., А. — Дэмосъ, ром. въ 2 ч., соч. Гиссинга, перев. съ англ. (янв., 197; фев. 696; мар., 238; апр., 724; май, 255). — Неудачникъ, ром., съ франц. (іюнь, 731, іюль, 220; авг., 606).—Красавица, пов. Филипса, съ англ. (сент., 183; окт., 649) —Опекунъ, ром. Бретъ-Гарта (нояб., 185; дек., 635).

Ѳ.—Рабочая Голландія, письмо изъ-за границы (янв., 418).

Ѳ. Ѳ.—Перемѣщеніе цѣнъ (май, 418). —По поводу голода (сент., 390).

Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе.—Земскія учрежденія на рубежѣ старыхъ и новыхъ порядковъ. — Вопросъ объ избираемости въ городскіе гласные.—Нужно ли уменьшить численность городскихъ думъ и ограничить самостоятельность городского общественнаго самоуправленія?—Циркуляръ черниговскаго губернатора.—Вѣсти изъ провинціи *(Январь, 369)*. — Кончина Е. И. В. Николая Максиміліановича, герцога Лейхтенбергскаго.—Газетныя сообщенія о проектѣ городской реформы. — Городскіе выборы въ Саратовѣ.—Совѣтъ по земскимъ дѣламъ, проектируемый г. Коркуновымъ. — Рѣшеніе московскаго уѣзднаго съѣзда по дѣлу крестьянъ деревни Матушкиной.—Чрезвычайное дворянское собраніе въ Черниговѣ *(Февраль, 848)*.—Органы самоуправленія и „активная администрація".— Новый проектъ городской избирательной реформы. —Участіе священниковъ въ земскихъ собраніяхъ.—Нѣсколько распоряженій по церковно-приходскимъ школамъ. — Проектъ мѣропріятій противъ штунды. — Предстоящее осуществленіе земской реформы *(Мартъ, 395)*.— Высочайшій рескриптъ 28-го февраля. — Толкованія, вызванныя имъ въ печати.—По вопросамъ о преобразованіи городского управленія.—Соотношеніе между реформами земскою и городскою.—Земскіе начальники, судебное вѣдомство и земство *(Апрѣль, 824)*.— Кончина Е. И. В. Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны и Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. — Воспріятіе православія Е. И. В. Великою Княгинею Елисаветою Ѳеодоровною. — Законъ 12-го марта объ узаконеніи и усыновленіи.—Исторія разрѣшеннаго ими вопроса.— Условія усыновленія.—Необходимость общаго закона о незаконнорожденныхъ.—Регламентація отхожихъ промысловъ.—Новый финляндскій фабричный законъ *(Май, 359)*. — Высочайшій указъ 17-го апрѣля. — Двадцатипятилѣтіе „новаго" суда.—Два періода въ его исторіи. —Оффиціальный отзывъ о мировомъ судѣ. —Нѣчто о „мѣстоименіяхъ".—Изъ судебныхъ дѣлъ.—Закрытіе финляндскаго сейма *(Іюнь, 821)*.—Правила 4-го мая 1891 г. о школахъ грамоты.—Отзывы о нихъ въ печати; полемика между „Гражданиномъ" и „Церковными Вѣдомостями".—Опредѣленіе св. синода о мѣрахъ взысканія въ церковно-приходскихъ школахъ. — Церковно-приходскія школы въ тверской губерніи.—Новые законы. — Пятидесятилѣтіе службы В. А. Арцимовича и Н. И. Стояновскаго *(Іюль, 360)*. – Десятилѣтіе переселенческаго дѣла. Н. М. Ядринцева *(Августъ, 790)*. — Возвращеніе Наслѣдника Цесаревича. — Личный составъ новыхъ учрежденій въ губерніяхъ третьей очереди, только-что подведенныхъ подъ дѣйствіе положеній 12-го іюля 1889 года. —Циркуляры министерства внутреннихъ дѣлъ и съѣзды земскихъ начальниковъ. —Вопросы о мѣстоименіяхъ и о синяніи шапокъ.—Сообщенія изъ московскаго уѣзда. — Новыя законодательныя мѣры *(Сентябрь, 366)*.—Кончина Е. И. В. Великой Княгини Александры Георгіевны. —Заявленіе саратовскаго губернатора о помощи голодающимъ.—Поворотъ въ дѣятельности крестьянскаго банка. — Неуспѣшность мѣръ взысканія, принимаемыхъ банкомъ.—Послѣдній отчетъ дворянскаго земельнаго банка. — Продовольственный вопросъ и земство.—Законъ объ упрощенномъ судопроизводствѣ.—Серьезный юридическій вопросъ *(Октябрь, 794)*.—Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Настоящее положеніе вопроса о помощи голодающимъ. —Новый способъ защиты тѣлесныхъ наказаній.—Нѣчто объ обязательной силѣ закона.—Камера земскаго начальника.— Исправникъ и крестьянскія власти.—Отвѣтъ г. „Старому предводителю" и г. Н. Александрову *(Ноябрь, 353)*.—Наблюденія въ засѣданіи уѣзднаго съѣзда.—Причины уменьшенія числа жалобъ на рѣшенія волостныхъ судовъ. — Необходимость пересмотра для нихъ „временныхъ правилъ". — Способы возстановленія совмѣстнаго жительства супруговъ. — Еще нѣчто о законѣ и беззаконіи. — Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній (*Декабрь, 793*).

II. Иностранное Обозрѣніе.—Важнѣйшія политическія событія истекшаго года.—Удаленіе князя Бисмарка и поворотъ въ германской политикѣ.— Личная дѣятельность Вильгельма II.—Его послѣднія рѣчи по школьному вопросу.—Положеніе дѣлъ въ Австро-Венгріи.—Англій-

скія дѣла.—Парнелль и Гладстонъ.—Злоупотребленія нѣкоторыхъ англичанъ, и упреки г-жи Ольги Новиковой (*Янв., 403).* —Недоумѣнія по вопросу о разоруженіи. —Сомнительные доводы нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ. — Разговоръ одного журналиста съ княземъ Бисмаркомъ. — Внутреннія дѣла Германіи. — Отношеніе печати къ бывшему канцлеру и вопросъ о свободѣ печатнаго слова.—Остатки культуркампфа и проектъ Госслера *(Февраль, 883).* — Политическія перемѣны въ Германіи. - Экономическія и податныя реформы.—Особенности нѣмецкаго національнализма.—Оппозиція князя Бисмарка въ печати.—Странныя недоумѣнія по этому поводу. — Впечатлительность въ международной политикѣ.—Неудача франко-германскаго сближенія и ея причины *(Мартъ, 422).* — Толки о князѣ Бисмаркѣ въ нѣмецкой печати. — Кандидатура его въ члены имперскаго сейма.—Политическая дѣятельность частныхъ лицъ въ Германіи.—Карьера Виндгорста. — Положеніе дѣлъ въ Италіи и задачи новаго министерства.—Смерть принца Наполеона. —Парламентскіе выборы и ихъ результаты въ Австріи.—Сербскія и болгарскія дѣла *(Апрѣль, 846).* — Соперничество между кн. Бисмаркомъ и сигарнымъ рабочимъ Шмальфельдтомъ.—Иллюстрація современнаго положенія народныхъ массъ въ Германіи.—Смерть графа Мольтке.— Внутреннія дѣла въ Австріи. —Дѣйствія кабинета Рудини. — Конфликтъ между Италіею и Соединенными Штатами.—Вопросъ объ европейской эмиграціи для американцевъ. — Международный конгрессъ каменноугольныхъ рабочихъ въ Парижѣ (*Май, 385).*—Новѣйшія особенности политической дѣятельности въ Европѣ. — Рабочее движеніе.—Первое мая во Франціи. — Вопросъ о протекціонизмѣ и свободѣ торговли во французской палатѣ депутатовъ.—Положеніе дѣлъ въ Бельгіи и Англіи.— События въ Сербіи *(Іюнь, 842).* — Консервативныя партіи въ западной Европѣ.—Внутреннія реформы въ Пруссіи. — Новое положеніе консерваторовъ. —Консервативныя реформы въ Англіи.— Англійская политическая жизнь. — Процессъ сэра Гордона-Кемминга.—Принцъ уэльскій и общественное мнѣніе *(Іюль, 379).* — Оживленіе международной политики въ Европѣ.—Пребываніе французской эскадры въ Россіи. — Вопросъ о франко-русскомъ союзѣ. — Газетныя толкованія и предположенія по этому предмету. — Споры о внѣшней политикѣ въ Италіи и во Франціи *(Августъ, 827).*— Военныя и политическія манифестаціи новѣйшаго времени. - Возможные суррогаты войны.—Франко-русскія фантазіи.—Французскіе патріоты и Англія.—Внутреннія дѣла Франціи. — Англійская политика.— Славянскія дѣла *(Сентябрь, 395).*—Элементъ чувства и настроенія въ международной политикѣ.—Заявленія и дѣйствія Вильгельма II.- Патріотическія увлеченія французовъ.—Отмѣна паспортныхъ стѣсненій въ Эльзасѣ.—Практическое значеніе этой мѣры.—Политика нѣмецкой печати относительно Россіи.—Смерть Гревн и Буланже *(Октябрь, 818).* — Иностранная печать о Россіи и русскихъ.—Новые хвалители идей князя Бисмарка.—Положеніе дѣлъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ.—Защита австрійскихъ славянъ въ сочиненіи русскаго автора.—Оригинальный „греческій проектъ".— Интересы грековъ и болгаръ въ Македоніи. — Трудъ г. Бендерева. — Посланіе болгарскихъ эмигрантовъ къ г. Стамбулову.— Смерть Парнелля *(Ноябрь, 379).* — Политическія послѣдствія нашего неурожая. — Отношенія къ намъ заграничной печати.—Причины недовѣрія и опасеній.— „Славянскія Извѣстія", босняки и угроруссы.—Симптомы прочнаго мира. - Сочувствіе иностранцевъ по поводу голода и наши газетныя безтактности.—События въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ (*Декабрь., 828*)

III. Литературное Обозрѣніе. — Н. В. Станкевичъ. Стихотворенія, трагедіи, проза.—Расколъ и его путеводители, К. Попова.—Крылатыя слова, С. Максимова.—Сарты, Н. Остроумова.—А. П. — Меліораціонный кредитъ, И. Бліоха, — —Л. С.—В. Величко, Восточные мотивы. —Ибервегъ-Гейнцъ, Исторія новой философіи.—В. С.—Новыя книги и брошюры *(Янв., 431).*—Сборникъ свѣденій для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II. — Историческое Обозрѣніе. т. I. — Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при новороссійскомъ университетѣ, т. I.—И. Я. Порфирьевъ, біограф. очеркъ. — Русскіе писатели, В. Острогорскаго,—А. П.—Введеніе въ философію, Г. Струве.—В. С.—Новыя книги и брошюры *(Февраль, 893).* — Государственное счетоводство, Н. Х. Бунге. — И. Я.—Матеріалы и замѣтка по литературной исторіи „Физіолога", А. Карнѣева. — Культурныя переживанія, Н. Ѳ. Сумцова.—А. П. — Соціальное законодательство германской имперіи, А. Гольденвейзера.—Л. С. — Новыя книги и брошюры (*Мартъ, 433*) —Организація полевого хозяйства, А. С. Ермолова.—Акцизно-бандерольная система табачнаго налога въ Россіи и Соед. Штатахъ, Л. Першке.— И. Я.—Поэмы Оссіана, Дж. Макферсона. — Жанъ де-Лабрюйеръ, перев. П. Пер-

вова. — Неплюевъ и Оренбургскій край, В. Витевскаго. — Алтай, П. Голубева.— Городъ Томскъ, А. Адріанова.—А. П.— Новыя книги и брошюры *(Апрѣль, 861)*. —Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета, Н. Булича, ч. II.—Сибирскіе инородцы, Н. М. Ядринцева. — Сибирская библіографія, состав. В. Межовъ, т. I.— Терскій Календарь на 1891 г.—Терскій Сборникъ.—А. П.—Новыя книги и брошюры *(Май, 400)*. — Историческое обозрѣніе, т. II, подъ ред. Н. И. Карѣева.— Итальянское искусство въ эпоху „Возрожденія", А. ф.-Фрикена, ч. I. — Соловушко, сборникъ русск. худож. и народн. пѣсенъ, состав. М. Ледерле. — А. П. — Земля и земледѣлецъ, Л. В. Ходскаго.— Л. С. — Новыя книги и брошюры *(Іюнь, 858)*.—Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ, Н. Бубнова. — Н. И. Карѣева.—Церковный расколъ въ Петербургѣ въ связи съ обще-россійскимъ расколомъ, Н. Н. Животова. — Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры, Н. М. Благовѣщенскаго. — Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709), И. А. Шляпкина. — А. П. *(Іюль, 395)*. — Джьованни Боккаччіо, Декамеронъ; переводъ Александра Веселовскаго, томъ I.—Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ, Ал. Фаминцына. — О студенческой жизни въ Дерптѣ. — А. П.— Сборникъ отвѣтовъ на вопросы церковной жизни, прот. А. А. Автономова. — М. Э. *(Августъ, 839)*.—Шаховъ, Гёте и его время. — Всеобщая исторія литературы, В. Корша и А. Кирпичникова. — Сельская школа. Сборникъ статей С. А. Рачинскаго, съ предисловіемъ Н. Горбова. —А. П.—Новыя книги и брошюры *(Сентябрь, 406)*.—Бабья сторона, Д. Жбанкова. — Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области, М. Врудевича.—Врачебный бытъ до-Петровской Руси, Ф. Германа.—Иркутскъ, В. С. Сукачева.—А. В. *(Октябрь, 835)*. — С. Т. Аксаковъ, В. Острогорскаго.—Сибирская Библіографія, т. II, В. И. Межова. — Киргизы Букеевской орды, А. Харузина. — Отчетъ Имп. Спб. Публ. Библіотеки.—Сочиненія В. П. Боткина, т. I: Путешествія; т. II: Статьи по литературѣ.—Очерки жизни населенія В. Сибири, Н. Астырева.—А. В.—Новыя книги и брошюры *(Ноябрь, 395)*.—Пропозиціи Ѳ. Салтыкова. — В. Карцовъ, Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей —М Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.—Смоленскій этнографическій сборникъ, В. Добровольскаго. —Потемкинъ, соч. А. Брикнера.—А. В. — М. Гюйо, Искусство съ точки зрѣнія соціологіи.—Л. С.—Новыя книги и брошюры *(Декабрь, 843)*.

IV.—Новости иностранной литературы. — I. Essai sur les origines de l'idée du progrès, par. L. Maury. — II. Kleine Schriften von Dr. C. Rodbertus-Jagetzow.—III. Die Bekämpfung der Socialdemocratie ohne Ausnahmegesetz, von A.-Fr. Schäffle.—Л. С. *(Январь 452)*.— I. Liberty and a Living, by G. Hubert. —И. Я.— II. Naquet. Socialisme collectiviste et socialisme libéral.—III. Bulgarien, von Prinz v. Battenberg. — Л. С. *(Февраль, 930)*. — I. The Economic Review, vol. I.—И. Я.—II. L'évolution juridique dans les diverses races humaines, par Ch. Letourneau.—Л. З. *(Мартъ, 446)*. —I. A. short history of political economy in England, by L. Price. - И. Я. — II. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, par Fustel de Coulanges. — III. Home-Rule und Föderation. Von einem Doktor der Medicin, Verfasser der „Grundzüge der Gesellschaftswissenschaft". — Л. С. *(Апрѣль, 887)* — I Fabian Essays in socialism, by G. Bernard Shaw etc.- Subjects of the Day, by J. Samuelson. — Socialism new and old, by W. Graham.—И. И.—II. Kaiser und Arbeiter, von F. Bauer. — Л. С. *(Май, 422)*. — I. Ed. Drumont, Le testament d'un antisémite. — II. H. v. Samson-Himmelstjerna, Revanche ou Ligue douanière. —Л. С. *(Іюнь, 878)*.—I Emile Faguet. Politiques et moralistes du dix-neuvième siècle.—II. Leopold von Kunowski, Wird die Socialdemokratie siegen? Ein Blick in die Zukunft dieser Bewegung.—Л. С. *(Іюль, 421)*.—I. Ein Rückblick aus dem Jahre 2037 auf das Jahr 2000. Aus den Erinnerungen des Herrn Julian West. Herausgegeben von Dr. Ernst Müller.— II. „Die Weltgeschichte ein Zufall?" Ein Wort an die Gebildeten des deutschen Volkes, von Prof. Dr. B. Kneisel.—Л. С. *(Августъ, 858)*. — I. La philosophie du siècle. Criticisme—Positivisme—Evolutionisme. Par. E. de-Roberty.—II. Les idées morales du temps présent, par Edouard Rod. - Л. С. *(Сентябрь, 417)*.—I. Notions fondamentales d'économie politique et programme économique, par M. G. Molinari. —II. Des Herrn Friedrich Ost Erlebnisse in der Welt Bellamy's Mittheilungen aus den Jahren 2001 und 2002. Herausg. von Conrad Wilbrandt. - Л. С. *(Октябрь, 855)*. —I. Die Staatsromane, von Dr. Fr. Kleinwächter —II. Bulgarische Politik, von ***. —Л. С. *(Ноябрь, 411)*.- I. Les sciences naturelles et l'éducation, par Th. Huxley. — II. Deutschland im Jahre 2000, von G. Erman.—Л. С. *(Декабрь, 861)*.

V. Изъ Общественной Хроники.— Надгробное слово „либерализму", варьируемое на всѣ лады реакціонной печатью. Гдѣ слѣдуетъ искать движеніе и жизнь? — Саратовское дворянское собраніе. — Московское земство и Н. А. Алексѣевъ. —Перепись населенія въ Петербургѣ. — Нѣчто о „подтягиваньѣ".—Неудачная параллель.—Г. П. Данилевскій † *(Январь, 466).*—„Отжившія учрежденія" Финляндіи и г. Коркуновъ; „низшая финляндская культура" и „Недѣля".—Открытіе сейма въ Гельсингфорсѣ —Сессія московскаго и петербургскаго губернскихъ земскихъ собраній. — Нижегородское дворянское собраніе.—Похоронный вопросъ въ сенатѣ. —Юбилей А. Д. Шумахера.—Г. З. Елисеевъ и С. Я. Капустинъ † *(Февраль, 940).*—Финляндское уголовное уложеніе, въ связи съ общимъ финляндскимъ вопросомъ.—Наука или публицистика?— Культура и „культурные люди". — Два „истыхъ", но мало другъ на друга похожихъ финна.—Нѣчто о „реакціонной печати". —С. В. Ковалевская † *(Мартъ, 452).*— Размноженіе „добровольцевъ", разсматриваемое какъ признакъ времени. — Образцы „добровольческаго" усердія по отношенію къ сектантамъ, къ „сепаратистамъ", къ прибалтійской и финляндской прессѣ, къ польскому театру, ко всему русскому народу. — Реабилитація Скалозуба и до-реформенной полиціи. — П. Г. Рѣдкинъ † (*Апрѣль, 895*).—Продолженіе „школьнаго казуса" въ саратовскомъ уѣздѣ. — Нормальное отношеніе между земскими и церковно-приходскими школами.—Городскіе выборы въ Дерптѣ. — Московскій комитетъ грамотности. — Еще о штундѣ.—Н. В. Шелгуновъ и П. А. Козловъ † *(Май, 433).*—Новыя варіаціи на старую тему о „гніеніи Запада". — „Вѣра въ учрежденія", „упраздненіе государства", господство буржуазіи, культъ „желательнаго" и „смѣшеніе всего въ одну кучу", какъ отличительныя черты западно-европейской жизни.—Еще о „добровольцахъ".—Двадцатипятилѣтіе адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича.— Э. К. Ватсонъ †.—И. Е. Андреевскій † *(Іюнь, 882).* — Практическіе выводы, къ которымъ приходитъ новѣйшее анти-западничество или псевдо-славянофильство. — Г. Астафьевъ и Иванъ Грозный, г. Ярошъ и „званіе человѣка", г. К. Леонтьевъ и „вовсе иной путь".—Нѣчто объ „унаслѣдованныхъ навыкахъ".—Законъ и „непосредственное чувство"; „право и справедливость", „оставляемыя въ силѣ", но теряющія руководящее значеніе *(Іюль, 429).*—Недостатокъ въ народномъ продовольствіи.—Распространеніе законоположеній 12-го іюля 1889 г. на новыя 12 губерній, съ нѣкоторыми измѣненіями въ нихъ и дополненіями. — Начало новаго учебнаго года въ столичныхъ начальныхъ училищахъ.— Училищное дѣло въ Одессѣ за послѣднія 15 лѣтъ и одесская городская публичная библіотека. — По поводу министерскаго каталога книгъ для общественныхъ библіотекъ, и его неудовлетворительность. — Новые толки въ западной печати о русской культурѣ *(Августъ, 866).* —Новыя мѣры къ обезпеченію народнаго продовольствія. — Сравненія между прошедшимъ и настоящимъ. — Удары, мимоходомъ наносимые земству. — Границы правительственной помощи. — Необходимость расширенія общественной помощи голодающимъ. — Земскія новости. — Два курьезныхъ „прожекта" *(Сентябрь, 426).* —Рѣчь министра народнаго просвѣщенія въ Москвѣ.—Статья Н. П. Вагнера и новый видъ университетскихъ курсовъ. — Начальныя школы по даннымъ оффиціальнымъ и не-оффиціальнымъ. — Запоздалая откровенность.—Столѣтіе со дня рожденія С. Т. Аксакова—и похороны И. А. Гончарова *(Октябрь, 866).* — Извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей. — Обстоятельства, затрудняющія правильную организацію помощи.—Нѣчто о „лѣности грубаго простонародья".—Новые слухи о мѣрахъ противъ штунды.—Перемѣна въ настроеніи приверженцевъ церковно-приходской школы. — Откровенность „Гражданина" и обвинительное усердіе „Московскихъ Вѣдомостей". — В. Г. Тригоровъ † *(Ноябрь, 417).*—Настоящее положеніе вопроса о средствахъ къ борьбѣ съ голодомъ.—Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать. — Подозрительность ея, доведенная до крайнихъ предѣловъ.— Проектъ возвращенія къ временамъ Дракона. — Предложенія г. Д. Самарина. — Вопросъ объ экспропріаціи хлѣба.—К. Н. Леонтьевъ † (*Декабрь, 867*).

VI. Библіографическій Листокъ.— Изъ лекцій П. Г. Рѣдкина, т. VI. - Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ, т. VI. — Очеркъ 25-лѣтней дѣятельности И. В. Экон. Общества, А. Н. Бекетова. —Путешествіе по Св. Землѣ, Евг. Маркова. Иллюстрированная исторія искусствъ, Любке (*Январь*).—Сборникъ писемъ Герберта, какъ историческій источникъ, П. Бубнова, ч II.—Мысли о воспитаніи, Дж. Локка.—Учебникъ русской исторіи, К. Елпатьевскаго. — Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова.— Словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 28 (*Февраль*). — Полное собраніе постановл. и распоряж. по вѣдомству правосл. исповѣданія Росс. Имперіи, т. VII.—Суздаль, гр. С. Шере-

метева.—Военная географія и статистика Македоніи, кап. Бендерева. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. V.— Типическія черты мѣстнаго самоуправленія, М. И. Свѣшникова.—Энциклопедическій словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго, т. II, А.—Настольный энциклопедическій словарь, изд. А. Гарбель и К° (*Мартъ*). —Сборникъ Русск. Истор. Общества, т. 75.—Физическая геологія. И. В. Мушкетова, ч. I. — Русскій лѣсъ, Ѳ. К. Арнольда, т. II. — Теорія и практика желѣзнодорожнаго права, И. М. Рабиновича. — Письма къ матерямъ объ уходѣ за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ, д-ра М. И. Галанина. — Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, А. Гартвига.—Словарь С. А. Венгерова, вып. 29 (*Апрѣль*). — Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, кн. 1 и 2, Ив. Барсукова.—Будда, его жизнь, ученіе и община, соч. Г. Ольденберга, перев. П. Николаева.—Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ, А. А. Исаева (*Май*). — Изъ лекцій проф. П. Г. Рѣдкина, т. VII. — Всеобщая исторія Г. Вебера, т. XIII. — Капитанская дочка, А. С. Пушкина, изд. В. Готье.—Стихотворенія И. С. Тургенева, изд. 2-е, С. Н. Кривенко. — Очерки городского благоустройства за границей. Путевыя замѣтки А. Н. Никитина (*Іюнь*). — Энциклопедическій словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго, т. III, А.—Настольный энциклопедическій Словарь, изд. А. Гарбель и К°, вып. 16, 17 и 18.—Національный вопросъ въ Россіи, Влад. Соловьева, вып. 1.— Современные сельско-хозяйственные вопросы, А. С. Ермолова, вып. 1.—Государственный банкъ, изданіе Судейкина (*Іюль*). — Что такое научная философія? Этюдъ В. Лесевича.— И. Иванюкова, Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. — Джонъ Ингремъ, Исторія политической экономіи. Пер. съ англ. И. И. Янжула.—М. Горенбергъ, Теорія союзнаго государства въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи.—Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова (*Августъ*). —Быстрота желѣзнодорожныхъ сообщеній, В. С—овъ. — Владиміръ Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. — Листки изъ настоящаго и прошлаго Финляндіи. Нынѣшнее политическое положеніе великаго княжества Финляндскаго, Посторонняго наблюдателя (*Сентябрь*).—Ботаника для реальныхъ училищъ, Н. Раевскаго. — Очерки жизни населенія восточной Сибири, Н. Астырева.—Лекціи зоологіи, проф. Поля Бера. — Авторское право, Г. Шершеневича.—Отъ Берлина и Вѣны къ Петербургу и Москвѣ, состав. Антисарматикусъ. (*Октябрь*).—Г. П. Сазоновъ, Вопросы о хлѣбной промышленности и торговлѣ, разработанные земскими учрежденіями (1865-1890 гг.).—В. В. Святловскій, Вопросы общественнаго здоровья. — М. І. Песковскій, Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его мировая исторія и естественный путь къ разрѣшенію.—Опытъ географіи Кавказскаго края, П. П. Надеждина.—Національная система политической экономіи. Соч. д-ра Фр. Листа. Перев. съ нѣм. п. р. К. В. Трубникова. (*Ноябрь*). —А. Дайси, Основы государственнаго права Англіи. — Л. Сакетти. Очеркъ исторіи музыки. — Н. Бородинъ, Уральское казачье войско.—П. Бильдерлингъ, Удобреніе въ теоріи и на практикѣ. — О. Кирхнеръ, Болѣзни нашихъ с.-хоз. культурныхъ растеній. — А. Хвощинской, На жизненномъ перекресткѣ.— Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза, т. IV, А. (*Декабрь*).

VII. Извѣщенія. — Отъ учредителей Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ (*Январь, 483*).— Отъ Историко-филологическаго Общества при импер. новороссійскомъ университетѣ (*Февраль, 957*).—I. Отъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. — II. Отъ Историко-филологическаго Общества при император. новороссійскомъ университетѣ (*Мартъ, 467*).—Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ (*Апрѣль, 910*).—I. Отчетъ секретаря и казначея Общества для пособія нужд. литер. и учен. за первую четверть 1891 г., и отъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ.—II. Отъ Комитета Истор. Общества при спб. университетѣ.— III. Отъ Общества охраненія народнаго здравія объ изданіи „Журнала“ (*Іюнь, 898*).—Отъ Комитета Историческаго Общества при императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ (*Іюль, 444; авг. 882*).—I. Отъ Россійскаго Общества Краснаго Креста, — II. Объ изданіи трудовъ Спб. Международнаго Тюремнаго Конгресса (*Октябрь, 881*).—I. Отъ Уѣзднаго Временнаго Благотворительнаго Комитета г. Шадринска, пермской губерніи. — II. Отъ Попечительства вольскаго уѣзда, саратовской губерніи.—III. Отъ Саратовскаго Попечительства Общества Краснаго Креста. — III. Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за апрѣль—сентябрь 1891 г. (*Декабрь, 882*).

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ, 1891.

Книга одиннадцатая. — Ноябрь. стр.

Артистка.—Романъ въ 4-хъ частяхъ. — Часть четвертая. — IX-XXII. — МАР. КРЕСТОВСКОЙ 5

Долголѣтіе животныхъ, растеній и людей.—IX.—Окончаніе.—ИВ. Р. ТАРХАНОВА. 60

Полувощники.—Пейзажъ и жанръ.—I-VI.—Н. С. ЛѢСКОВА 92

Мои воспоминанія.—XIII-XV.—Ѳ. И. БУСЛАЕВА 138

Ранняя весна.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. 163

Учитель Боккаччіо.—Очеркъ.—АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО 167

Опекунъ.—Романъ Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—I-III.—А. Э 185

Казна и желѣзнодорожное дѣло.—I-XI.—В. К. ПЕТЕРСЕНА. 236

Новая книга о Болгаріи.—Das Fürstenthum Bulgarien, von Dr. C. Jireček. — А. Н. ПЫПИНА 287

Промышленные идеалы и дѣйствительность.—Толковый тарифъ, Д. Менделѣева. —I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 330

Неопалимая купина.—Стих. ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА 351

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Двадцатипятилѣтіе бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Настоящее положеніе вопроса о помощи голодающимъ.—Новый способъ защиты тѣлесныхъ наказаній. — Нѣчто объ обязательной силѣ закона.—Камера земскаго начальника. —Исправникъ и крестьянскія власти.—Отвѣтъ г. „Старому предводителю“ и г. Н. Александрову 353

Иностранное Обозрѣніе.—Иностранная печать о Россіи и русскихъ. — Новые хвалители идей князя Бисмарка.—Положеніе дѣлъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ.—Защита австрійскихъ славянъ въ сочиненіи русскаго автора.—Оригинальный „греческій проектъ“.—Интересы грековъ и болгаръ въ Македоніи.—Трудъ г. Бендерева.—Посланіе болгарскихъ эмигрантовъ къ г. Стамбулову.—Смерть Парнелля. 379

Литературное Обозрѣніе.—С. Т. Аксаковъ, В. Острогорскаго.—Сибирская Библіографія, т. II, В. И. Межова.—Киргизы Букеевской орды, А. Харузина.—Отчетъ имп. Спб. Публ. Библіотеки.—Сочиненія В. П. Боткина, т. I: Путешествія; т. II: Статьи по литературѣ. — Очерки жизни населенія В. Сибири, Н. Астырева.—А. В.—Новыя книги и брошюры. . . 395

Новости иностранной литературы.—I. Die Staatsromane, von Dr. Fr. Kleinwächter. — II. Bulgarische Politik, von ***.—Л. С. 411

Изъ Общественной Хроники. — Извѣстія изъ голодающихъ мѣстностей. — Обстоятельства, затрудняющія правильную организацію помощи.—Нѣчто о „лѣности грубаго простонародья“. — Новые слухи о мѣрахъ противъ штунды.—Перемѣна въ настроеніи приверженцевъ церковно-приходской школы.—Откровенность „Гражданина“ и обвинительное усердіе „Московскихъ Вѣдомостей“.—В. Г. Трироговъ † 417

Библіографическій Листокъ.—Г. П. Сазоновъ, Вопросы о хлѣбной промышленности и торговлѣ, разработанные земскими учрежденіями (1865-1890 гг.). —В. В. Святловскій, Вопросы общественнаго здоровья.—М. Л. Песковскій, Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его міровая исторія и естественный путь къ разрѣшенію.—Опытъ географіи Кавказскаго края, П. П. Надеждина. - Національная система политической экономіи. Соч. д-ра Фр. Листа. Перев. съ нѣм. п. р. К. В. Трубникова.

Декабрь. — Книга двѣнадцатая.

стр.

Осенью въ деревнѣ.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 433

Артистка. — Романъ въ четырехъ частяхъ. — Часть четвертая. — XXIII-XXX. —Окончаніе.—МАР. КРЕСТОВСКОЙ 434

Въ Кларѣ.—Изъ путешествія 1889 г.—Е. Э. КАРТАВЦЕВА 486

Полуношники.—Пейзажъ и жанръ.—VII-XVI.—Окончаніе.—Н. С. ЛѢСКОВА . 537

Въ залѣ суда и въ совѣщательной комнатѣ.—Изъ воспоминаній присяжнаго засѣдателя.—И. ИВАНОВИЧА 577

Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго.—В. Д. СПАСОВИЧА 604

Опекунъ.—Романъ, соч. Бретъ-Гарта.—Съ англійскаго.—IV-IX.—Окончаніе.—А. Э. 635

Американская демократія.—Очеркъ.—И. ИВАНЮКОВА 669

Стихотворенія.—I. Роза инфанты, изъ В. Гюго. — II. Если ты межъ друзей... —О. МИХАЙЛОВОЙ 728

Промышленные идеалы и дѣйствительность. — II-IV. — Окончаніе. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 729

Стихотворенія.—И въ жизни будничной и сѣрой...—К. МЕДВѢДСКАГО . . 767

Хроника.—Упрощенный порядокъ судопроизводства.—Законъ 3-го іюня 1891 года.—Н. И. 768

Внутренніе Овозрѣніе.—Наблюденія въ засѣданіи уѣзднаго съѣзда.—Причины, затрудняющія обжалованіе рѣшеній волостныхъ судовъ.—Необходимость пересмотра „временныхъ“ для нихъ правилъ. — Способы возстановленія совмѣстнаго жительства супруговъ.—Еще нѣчто о законѣ и беззаконіи. —Сессія уѣздныхъ земскихъ собраній 788

Исполненіе государственной росписи за 1890 г.—О. 805

Иностранное Овозрѣніе.—Политическія послѣдствія нашего неурожая.—Отношенія къ намъ заграничной печати. — Причины недовѣрія и опасеній.—„Славянскія Извѣстія“, босняки и угроруссы —Симптомы прочнаго мира. —Сочувствіе иностранцевъ по поводу голода и наши газетныя безтактности.—События въ Китаѣ и въ Южной Америкѣ 822

Литературное Овозрѣніе.—Пропозиціи Ѳ. Салтыкова. — В. Карцовъ, Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей.—М. Грушевскій, Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV ст.—Смоленскій этнографическій сборникъ, В. Добровольскаго. — Потемкинъ, соч. А. Брикнера.—А. В.—М. Гюйо, искусство съ точки зрѣнія соціологіи.—Л. С.—Новыя книги и брошюры 849

Новости иностранной литературы.—I. Les sciences naturelles et l'éducation, par Th. Huxley.—II. Deutschland im Jahre 2000, von G. Erman.—Л. С. . 861

Изъ Общественной Хроники. — Настоящее положеніе вопроса о средствахъ къ борьбѣ съ голодомъ. — Статья гр. Л. Н. Толстого и московская печать. Подозрительность ея, доведенная до крайнихъ предѣловъ.—Проектъ возвращенія къ временамъ Дракона. — Предложенія г. Д. Самарина. — Вопросъ объ экспропріаціи хлѣба.—К. Н. Леонтьевъ †. 867

Извѣщенія.—I. Отъ Уѣзднаго Временнаго Благотворительнаго Комитета г. Шадринска, пермской губерніи.—II. Отъ Попечительства вольскаго уѣзда, саратовской губерніи. — III. Отъ Саратовскаго Попечительства Общества Краснаго Креста. — IV. Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за апрѣль—сентябрь 1891 г. 883

Матеріалы журнальной статистики.—„Вѣстникъ Европы“ за 1891 г. 885

Алфавитный указатель авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1891 г. 887

Библіографическій Листокъ.—А. Дайси, Основы государственнаго права Ан —Л. Сакетти, Очеркъ исторіи музыки.—Н. Бородинъ, Уральское каз войско, т. I.—П. Бильдерлингъ, Удобреніе въ теоріи и на практи О. Кирхнеръ, Болѣзни нашихъ с.-хоз. культурныхъ растеній.—А. понинной, На жизненномъ перекресткѣ.—Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. IV, А.

ВЪ 1891 Г.

(Двадцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

ВЫХОДИТЪ ВЪ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . . границей, въ госуд. почтов. союза . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго октября открыта подписка на послѣднюю четверть 1891 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные и иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

лѣнности и торговлѣ, разработанные земскими учрежденіями (1865—1890 гг.). Спб. 91. Стр. VI и 534. Ц. 3 р.

Обширный трудъ, предпринятый г. Сазоновымъ по порученію министра финансовъ, заключаетъ въ себѣ систематическій сводъ данныхъ о дѣятельности земскихъ учрежденій по вопросамъ о хлѣбной промышленности и торговлѣ, за весь двадцатипяти-лѣтній періодъ существованія нашего земства. Многочисленные земскіе сборники становятся, уже по своему громадному количеству, недоступными для непосредственныхъ справокъ, тѣмъ болѣе, что „въ богатѣйшихъ петербургскихъ книгохранилищахъ нѣтъ полнаго экземпляра изданій не только уѣздныхъ земствъ, но даже губернскихъ". Составитель не ограничился обзоромъ докладовъ и постановленій, но „вникалъ въ отчеты, слѣдилъ за преніями, отмѣчая каждую дѣльную мысль"; онъ старался представить точное изложеніе всего хода дѣла въ каждомъ данномъ случаѣ, придерживаясь по возможности подлинника, устраняя всякую критику и не высказывая своихъ сужденій, относясь притомъ съ одинаковымъ вниманіемъ къ различнымъ и отчасти противоположнымъ взглядамъ на спорные вопросы. Матеріалъ распредѣленъ по предметамъ на одиннадцать главъ, въ которыхъ свѣдѣнія расположены по губерніямъ, въ алфавитно-хронологическомъ порядкѣ. Польза такой сводной работы очевидна сама собою, особенно въ настоящее время, въ виду чрезвычайной важности вопросовъ, касающихся нашего хлѣбнаго производства и продовольствія.

В. В. Святловскій. Вопросы общественнаго здоровья. Варшава. 91. Стр. II и 375. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки г. Святловскаго, напечатанные раньше въ журналахъ и появившіеся теперь отдѣльной книгой, затрогиваютъ многіе насущные вопросы нашей общественной гигіены. Съ наибольшимъ интересомъ читаются этюды о санитарномъ состояніи большихъ городовъ, о положеніи фабричныхъ рабочихъ въ царствѣ польскомъ и въ средней Россіи, о неправильномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній, объ условіяхъ правильнаго питанія, о самоотравителяхъ въ связи съ развитіемъ алкоголизма и др. Авторъ пишетъ легко и живо, хотя постоянно ссылается на спеціальную литературу предмета, и его очерки не только поучительны по излагаемымъ свѣдѣніямъ, но весьма занимательны по искусной группировкѣ ихъ и по самой формѣ изложенія.

М. Л. Песковскій. Роковое недоразумѣніе. Еврейскій вопросъ, его міровая исторія и естественный путь къ разрѣшенію. Въ двухъ частяхъ. Спб. 91. Стр. X и 392. Ц. 2 р.

Авторъ поставилъ себѣ задачей „собрать и пересмотрѣть все ранѣе написанное по еврейскому вопросу" и разработать этотъ матеріалъ для русской читающей публики, съ цѣлью помочь ей „оріентироваться въ отношеніи всей четырехтысячелѣтней исторіи евреевъ и судьбы ихъ въ разныхъ частяхъ свѣта". Ознакомленіе съ этимъ обширнымъ матеріаломъ должно, по мнѣнію г. Песковскаго, убѣдить читателя въ

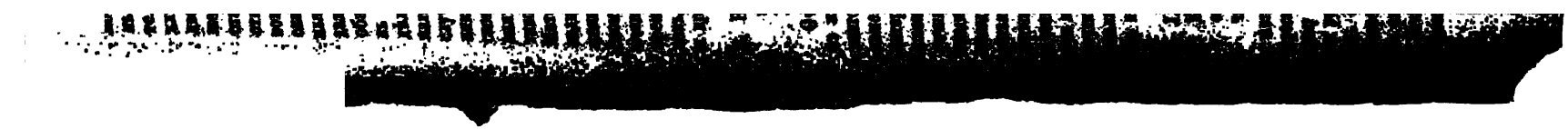
ныхъ преслѣдованій и огран... ...ныхъ противъ еврейства. Авторъ рѣши... возстаетъ противъ извѣстной части наш... чати, проповѣдующей племенную вражду и... подъ прикрытіемъ мнимаго націонализма. ... распадается на двѣ части: въ первой (204... говорится объ исторіи евреевъ и о прав... положеніи ихъ въ западной Европѣ, а в... представляетъ историческій обзоръ зако... тельства объ евреяхъ въ Россіи, вмѣстѣ съ ... кою современнаго положенія еврейскаго воп...

Опытъ географіи Кавказскаго края. П. П. ...деждина. Тула. 91. Стр. 282 и XII... 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Трудъ г. Надеждина содержитъ въ се... стематическое описаніе Кавказа по всѣмъ и... щимся свѣдѣніямъ, разбросаннымъ въ раз... спеціальныхъ изданіяхъ. Какъ указываетъ ... авторъ въ предисловіи, въ нашей литератур... было еще по этому предмету ни одного со... нія, которое удовлетворяло бы условіямъ ... ности и полноты; тѣмъ болѣе заслуживаетъ ... манія почтенный трудъ г. Надеждина, попол... щій столь важный пробѣлъ въ нашей литера...

Національная система политической эконо... Соч. д-ра Фр. Листа. Перев. съ нѣм. ... К. В. Трубникова. Спб. 91. Стр. 452. Ц...

Трудъ Фр. Листа, появившійся въ свѣтъ ... пятьдесятъ тому назадъ, переводится впервы... русскій языкъ, съ „вступленіемъ" г. Трубни... и краткимъ біографическимъ очеркомъ Л... скончавшагося въ половинѣ сороковыхъ го... Авторъ „вступленія" связалъ изданіе пере... съ переживаемою нами минутою и такимъ ... темъ старался выяснить важное, по его мн... значеніе для насъ того, конечно, случай... обстоятельства, что переводъ появляется въ с... въ нынѣшнемъ именно году. „Голодъ,—говор... въ „вступленіи",—самый сильный въ мірѣ ... мулъ, далъ въ Англіи, странѣ мануфакту... коммерческой, побѣду принципамъ свободы ... говли и привелъ къ уничтоженію протекціо... системы. Чудовищный голодъ, нынѣ нами пер... ваемый, дастъ въ Россіи, странѣ земледѣльч... но вкусившей (?) уже европейской куль... при помощи которой весь ея экономическій ... подвергся огромной перемѣнѣ, — рѣшител... побѣду принципамъ протекціонной систем... Вотъ къ какому заключенію придетъ рус... читатель,—заключаетъ г. Трубниковъ,—по... комившись съ „Національною системою пол... ческой экономіи" Фр. Листа. Для характ... стики же самаго ученія Листа г. Трубниковъ ... водитъ имена его защитниковъ, послѣдоват... и единомышленниковъ: „Гр. Канкринъ, Т... Штейнъ, кн. Бисмаркъ, И. А. Вышнеград... (слѣдуютъ имена американскихъ, германс... и русскихъ ученыхъ экономистовъ, какъ-то... Кауфманъ, М. Н. Катковъ и С. Ю. Витте)— эти или великіе умы, или извѣстные люди на... вмѣстѣ съ Листомъ, не были солидарны съ тр... эфемерными и фальшивыми доктринами эк... мистовъ-классиковъ, или выставляли на видъ... фальшь и эфемерность, а именно: космоп... тизмъ, индивидуализмъ и матеріализмъ".



This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE NOV 13 1915

MAY 26 '52 H

NOV 16 '60 H